

Светлана Гольшанская

СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ



Герде пришлось забыть о спокойной жизни, когда судьба привела на ее порог трех путников. Она бы ни за какое золото не согласилась вести их через зловещую Дикую пущу, если бы отцовский дом не грозились забрать за долги. Она бы никогда не пустилась с незнакомцами в бегство, если бы не смерть, произошедшая по ее вине. Дороги назад нет, а впереди ждет опасный Северный путь. Но что делать с непрошеными чувствами предводителя путников, если в сердце живет призрак из прошлого?

---

---

### ===== Пролог =====

«Когда мир был юн, суша только обретала форму, а боги еще свободно бродили по земле, на северном и южном полюсах образовались червоточины. Никому не ведомо, какова их суть. Известно лишь, что когда в небе появляется зловещий огненный венец, червоточины порождают новых демонов.

Когда демонов расплодилось столько, что безопасного места в Мидгарде уже не осталось, люди попросили у богов защиты. Бессмертные вняли мольбам и даровали своим жрецам власть над стихиями. Обретшие божественную силу избранные образовали орден Стражей и вытеснили демонов на задворки мироздания, принеся в Мидгард мир и благоденствие.

Так говорится в преданиях седой старины. Правду от вымысла отличить в них сейчас могли бы разве что сами Стражи, но их больше нет. Орден распался, Стражей казнили, а рожденных с божественным даром преследуют поборники новой веры — Защитники Паствы, принявшие голубой капюшон и карающий меч Единого бога.

Церкви высятся уже во всех городах и селах, но сорняки староверческой ереси продолжают прорастать, воспаляя страх и трепет перед героями древних легенд. Землю наводняют шарлатаны, именующиеся Охотниками на демонов, хитростью и обманом выманивающие у пугливых людей деньги. В поисках чудищ рыскают по лесам возжаждавшие подвигов тщеславные рыцари. Но страшнее всего обосновавшаяся в мятежной Норикии Компания «Норн», которая провозгласила себя наследницей Стражей и собирает всех отщепенцев и изгоев из единоверческих государств под свое крыло. Сомнительно, что она ратует за безопасность, а не готовится к очередной Войне за веру, которая вновь утопит Мидгард в крови».

Из еретических сочинений преподобного Руя Диаса,  
священника Кампеадорской церкви

1565 г. от заселения Мидгарда, Дрисвяты, Веломовия

На пороге маленького, но добротного деревянного дома сидела худенькая восьмилетняя девчонка и заплетала густые волосы цвета спелого льна в длинные косы, вполуха прислушиваясь, как за дверью ругаются родители.

— Зачем ей идти в этот жуткий лес? — возмущалась мать. — Я молчала, когда вы ходили туда вместе, но сейчас ты отсылаешь ее одну. Она же совсем ребенок. Вдруг

заблудится, или нападет кто? Я не переживу, если с моей кровиночкой что случится. Слышал, что бабка-повитуха сказала? Не будет у нас больше детей, только она одна.

— Зофьюшка, уймись, прошу тебя, — отец говорил мягко, но по обыкновению оставался непреклонен. — Поверь, в лесу она будет в гораздо большей безопасности, чем здесь. Пособирает ягоды вдоль Сокольничего тракта и к вечеру вернется. Да туда, считай, все Дрисвяты ходят.

— Ага, бабки старые, которым и терять-то нечего. Не пушу ее. Чует мое сердце, беда будет.

— Будет, если она здесь останется. Помнишь, что три дня назад случилось?

Мать испуганно всхлипнула.

— Вот то-то же. Лихо давно здесь гнездо свило: в городе, не в лесу. И кошки все передохли от этого. Я тебе так скажу, пусть девочка в лесу бурю переждет. Я хорошо ее обучил. Не пропадет.

— Лучше бы ты ее в школу при церкви отправил.

— Зачем? Она и так грамоту лучше тех учителей знает. Из книжной лавки ее за уши не вытянешь. Михасю бедному хуже горькой редьки надоела с просьбами книги одолжить.

Девочка за дверью вострепелась и проверила что-то у себя за пазухой.

— Тогда пусть ее молитвам правильным научат, а она нас. Станем Единого-милостивого просить, чтоб лихо нас стороной обошло.

— Какая ж ты глупая, Зофьюшка, — цыкнул отец. — Единый этот только данью облагать может, да детей воровать, а против лиха лишь на себя надеяться надо. Вот провожу девочку, а после в село соседнее отправлюсь. Может, хотя бы там кошки остались. Наловлю мешок и здесь выпущу. Прикормим их, и, если повезет, приживутся. Крыс-мышей ловить станут, нечистиков пакостных отгонять. Глядишь, и уляжется все потиху. А нет, так придется дом со скарбом бросать и всем вместе в лесу хорониться.

— Гед, ну что ты несешь? Совсем белены объелся, колдун старый!

— Да какой я тебе колдун? И вовсе я не старый!

— Колдун! Все Дрисвяты говорят, что ты ворожбой зверя на охоте приманиваешь и с нечистиками якшаешься не хуже Ялинки покойной. Вон и девочку нашу ни за что ни про что ведьмой величать стали.

— Какая ведьма?! — зарычал словно дворový пес отец. — Обычная она совершенно. Такая, как все.

— Думаешь, я не знаю? Я ее мать, как-никак. Да только народ наш не переспоришь.

— Да ну их к нечистикам поганым, — зло сплюнул отец и повернулся к двери. — Времени нет совсем. Герда, домой иди. Что ты там возишься?

Она послушно поднялась и с большим плетеным лукошком наперевес вошла в дом, полностью одетая и готовая отправиться в лес за брусникой. Зайскиваяще улыбнулась матери, обняла за талию и посмотрела лучистыми серыми глазами, прекрасно зная, что перед таким взглядом никто из взрослых устоять не мог:

— Все будет хорошо. В лесу совсем не страшно. Я там ягод соберу много-много, целое лукошко! Мы потом с ними пирогов напечем, варенье сварим, и еще на компот останется.

От ласковых слов мать почувствовала себя и прижала ее к себе.

— Ладно, так уж и быть. Только вернись засветло.

Герда радостно захлопала в ладоши.

— Конечно, вернется и целое лукошко наберет, — отец отобрал у нее корзинку,

отвернул лежавший на дне платок и достал оттуда потертую книгу: — Только вот без этого.

Герда насупилась, но как только ступила за порог вместе с отцом, тут же про обиду забыла.

— Помнишь, чему я тебя учил? Держись по солнцу и по тому, с какой стороны растет мох на деревьях. Да метки почаще оставляй. В дрыгву не лезь. За зверьем не гоняйся. И ни в коем случае не теряй стежку из вида, — наставлял отец, провожая Герду до самой опушки.

— Да, папа, — отвечала она. — Не переживай так, а то ты хуже мамы становишься.

— Не прекословь, а слушай меня. Или в лес больше не пойдешь.

Герда кивнула, и отец продолжил поучать:

— Людям на глаза не показывайся, особенно чужим. Помнишь, что с Марьёйкой Красной Хустиной случилось?

— Ее проглотил варг, — что-что, а сказки она никогда мимо ушей не пропускала.

— А почему он это сделал?

— Потому что она не послушала взрослых и заговорила с ним.

— Правильно. А ты будь умнее. И ни с кем, слышишь, ни с кем не разговаривай.

— Даже с охотником, который разрубил варга пополам и спас Марьёйку?

— Никаких охотников!

— Даже с рыцарем, который победил трехголового цмока?

— Никаких рыцарей!

— Даже со Стражем?

— Стражей не существует, — отец рявкнул так, что Герда вздрогнула от страха. — Ступай. И умоляю, не читай там своих книг. Будь внимательна.

— Да, папа, — отмахнулась она.

Отец безнадежно покачал головой и, вскочив на коня, которого до этого вел в поводу, помчался в сторону соседнего села. Как только он скрылся из виду, Герда, напевая под нос веселую песенку, вприпрыжку побежала по узкой лесной стежке.

Солнце припекало по-летнему жарко. Народу в лесу было видимо-невидимо. Больше, чем ягод. По крайней мере, вдоль широкого Сокольничего тракта, куда отваживались ходить селяне. Толкаться рядом с ними и ругаться из-за каждого куцега кустика совершенно не хотелось, поэтому Герда отправилась дальше по Оленьей тропе за бобровую плотину на узкой лесной речке Домне. Вскоре там отыскалась большая поляна, покрытая сплошным красно-зеленым ковром брусничника. Собрать пришлось долго, пока поясица не затекла от неудобной позы, а глаза не начали слезиться от ягодной ряби. Вспотев и выбившись из сил, Герда присела на пенек, поставила наполовину полную корзинку на землю и достала из-за пазухи еще одну книгу, которую все-таки удалось утаить от отца.

Вообще-то книги в их доме, да и во всех Дрисвятах были большой редкостью. На рыночной площади ютилась захудалая книжная лавчонка, сохранившаяся еще со времен Войн за веру, когда сюда свезли часть библиотеки из разрушенного замка колдунов, который находился неподалеку. Ими и торговал добродушный книжник Михась, хотя основной доход получал за составление каллиграфических прошений и грамот для земского главы и прочих представителей городской власти. Еще несколько десятков выписанных из Епископата книг хранилось в церкви. По ним обучались дети из Дрисвят и окрестных сел, слишком маленьких, чтобы открывать в них собственные школы.

Герда в школу не ходила, потому что отец не желал, чтобы «ее голову забивали единоверческой дурью». Когда ей исполнилось четыре, отец принес домой книгу со

сказками и восковую дощечку с железным стилем и сам принялся обучать ее грамоте и счету. Но Герда все равно немного завидовала другим детям: у них в распоряжении была вся церковная библиотека. И хотя отец говорил, что в единоверческих книгах нет ничего интересного, Герду продолжало снедать любопытство. Она часто сбегала, чтобы послушать единоверческих учителей. Благо с уроков они никого не прогоняли. Правда, отец, как всегда, оказался прав: ничего занимательного там действительно не рассказывали. Те же нудные речи о благочестии можно было услышать на еженедельных проповедях, ради которых даже ярмарочный шум приостанавливали на несколько часов.

Поэтому Герда переключила внимание на книжную лавку: бродила вокруг несколько дней, пока сам хозяин не пригласил войти и выбрать любую книгу в подарок. Дядька Михась давно пытался найти способ отплатить отцу Герды за то, что тот спас его от стаи голодных волков несколько зим назад, и поэтому был рад услужить ей. Она не смогла выбрать одну из нескольких приглянувшихся книг, и тогда добросердечный книжник предложил обменять ее на новую после того, как Герда ее прочтет. Так из простого лавочника он превратился в настоящего библиотекаря, ссужавшего свои книги страждущему читателю на время. Дядька Михась сам так увлекся этой игрой, что каждый раз с радостью встречал Герду на пороге своей лавки и даже иногда выписывал для нее новые книги из типографий, которые за последние десятилетия открылись во многих крупных городах Веломовии: Ивно, Капунце, Стогожине, Белеске. Каждую новую книгу Герда брала в руки с восторгом первооткрывателя. Правда, именно эту ни отец, ни даже дядя Михась давать ей не хотели. Говорили, для взрослых она. Но любопытство пересилило — Герда утянула ее без спроса. А теперь подвернулся удобный случай, чтобы почитать ее, не таясь.

Герда пролистала несколько страниц и нашла место, на котором остановилась в прошлый раз:

«Ужинный король — один из самых опасных, могучих и коварных обитателей заболоченных лесов приграничья. Коронованный повелитель ползучих гадов живет в огромных палатах под землей, доверху набитых золотом и самоцветами. Он хранитель подземных кладов, ни один из которых не пойдет людям в руки, пока не будет сделано подношение его детям — ужалкам.

В северных селениях о таинственном обитателе болот бытует множество легенд. В них встреча с Ужиным королем очень редко приносит людям удачу. Красивых девушек, купающихся нагими в лесных водоемах, он делает своими невестами и уносит под землю, где те чахнут без солнечного света. А если избранница Ужа восплачет к нему ответным чувством, счастье все равно не длится долго. Следом обязательно приходят ее братья, рубят похитителя на куски и выбрасывают в водоем, в котором безутешная вдовствующая королева потом топится от горя.

Мужчинам встреча с Ужом счастья приносит больше, но нужно быть очень осторожным, чтобы оно не обернулось горем. Жители приграничья рассказывают про то зловещую историю:

«Удачлив и ловок был охотник Сымон. Дичь сама бежала навстречу, а хищник всегда стороной обходил. Но была у Сымона одна тайна. Как-то раз в середине вересковика пошел он на охоту. Игра не шла. Звери и птицы, как назло, попрятались. Пригорюнился Сымон, что с пустыми руками возвращаться придется. Сел на пенек. Вдруг видит, старик, косматый и сгорбленный, из чащи выходит, на узловатую палку опираясь. Говорит: «Знаю о твоем горе, Сымон-охотник. Ступай на Лысую гору. Змеи там кишмя кишеть будут, да ты не бойся.

Пропустят они тебя на самую вершину. Как увидишь ужа неподвижного, поклонись ему в землю. Платок постели. На платок крынку с молоком поставь парным. Оживет уж, напьется молока и скинет свою корону на платок. А ты не зевай. Как слезет уж с платка, корону в него заворачивай, да за пазуху сунь. Как спустишься с горы, помощник к тебе явится. С ним дичь сама в руки пойдет».

Сымон послушал старика и сделал, как было велено. У подножья горы встретил его огромный черный пес. И следовал за Сымоном всюду, как только тот на охоту выходил. Дичь сама к нему из леса выбегала. Все шло хорошо, пока Сымон жениться не собрался. Пришел невесту сватать, а тут откуда ни возьмись змея выползла. Да как зашипит на невесту. Девушка от страха взмолилась: «Убей гадину, убей сейчас же!» Сымон ударил змею концом охотничьего лука, и та тут же издохла. Из леса донеслось глухое рычание. И послышался в том рычании возмущенный голос давешнего старика: «Зачем детеныша моего погубил?! Я же тебе столько помогал! Не прощу этого, не прощу!»

Не по себе Сымону стало. Вернулся он домой, развернул платок — а там только два сухих осиновых листочка остались. Отправился Сымон на охоту, вышел на опушку. Глянул, бежит к нему верный черный пес. Обрадовался Сымон, да не тут-то было. Зарычал на него пес, словно не признал вовсе. Глаза красным колдовским пламенем полыхнули. Кинулся на Сымона, когтями острыми да клыками длинными живот разодрал, потроха все выел, мертвое тело на дороге кинул, а сам к хозяину своему — Ужиному королю — вернулся».

Герда передернула плечами. Жуткая история. Поэтому взрослые и не разрешали читать эту книгу. Боялись, что Герда ночью плохо спать будет. На самом деле плохо спали они сами, когда она прочитанные сказки перед сном пересказывала. Герда спрятала книгу и осмотрелась. Тени от деревьев удлинились. День шел на убыль. Чтобы собрать полную корзинку и вернуться засветло, нужно было торопиться. Герда присела на корточки и потянулась к ягодам, как вдруг заметила в глубине леса яркий всполох. Болотные огоньки так далеко от Ужиных топей? Вряд ли. Да и не зажигаются они днем. А вдруг пожар? Надо бы его потушить, пока на деревья не перекинулся.

Герда подхватила корзинку и побежала к огоньку. Приблизившись, она увидела огненно-рыжего кота, сидевшего в потоке солнечных лучей, пробивавшихся сквозь небольшое отверстие в густых кронах деревьев. От этого казалось, что его шерсть горит ярким пламенем.

«Кот! Вот это удача! — обрадовалась про себя Герда. — Нужно его поймать и отнести домой. Папа обрадуется, что я ему помогла».

Забыв про ягодную поляну, она бросилась догонять рванувшего прочь кота. Бежал он очень быстро, но то и дело останавливался, словно проверяя, не отстала ли она. Гонка разжигала азарт. Теперь Герда ни за что не собиралась упускать плутишку. Неожиданно кот замер и повел ухом, к чему-то прислушиваясь. Она подкралась к нему вплотную и уже протянула руку, как кот вскочил и понесся в чащу, петляя, словно заяц.

«Не уйдешь!»

Герда хотела побежать следом, но зацепилась ногой за торчавший из земли корень старого дерева и упала, выронив корзинку. Ягоды высыпались и раскатились в разные стороны. Герда поднялась, потирая ушибленную ногу.

— Ну вот, сбежал!

Она с досадой всплеснула руками, посмотрела на корень, об который споткнулась. Рядом на земле неподвижно лежала змейка с желтыми ушками. Ужик! Герда подобрала

ветку и осторожно ткнула чешуйчатое тело. Змейка не двигалась. От испуга Герда прижала руку ко рту. Ужика растоптала! Детеныша Ужиного короля. Сейчас явится он сам и утащит ее под землю. Хорошо хоть братьев у нее нет, и никто не станет его на части рубить. А что, если он придет страшного пса?!

Герда бросилась собирать ягоды обратно в корзинку, желая убраться от мертвой змеи подальше. Повезло, что брусника не давилась под пальцами, как черника или земляника. Загребая горстку укатившихся к самым кустам ягод, прямо над собой Герда услышала раскатистое рычание. Она медленно подняла голову и встретилась взглядом с кроваво-красными глазами лохматого черного пса. Ростом он был едва ли ниже Герды. Пес щерил наполненную острыми зубами пасть, с которой на землю щедро капала слюна. Герда сдавленно сглотнула и попятилась к противоположной стороне поляны. Пес обогнал ее и с громким лаем отеснил к поваленному бревну, а потом затаился в кустах, дожидаясь непонятно чего. Герда устало опустилась на бревно и горько расплакалась, давая волю накопившемуся отчаянию.

Плакала она долго. Даже не заметила, как из низин поднялся густой туман и парной дымкой заволок все вокруг. Стало зябко. Герда пыталась успокоиться, но дрожь никак униматься не хотела.

— Кто здесь? — донесся из тумана высокий, но все же безошибочно мужской голос. — Ты человек или демон?

— Че-человек, — ответила она, стараясь сдержать всхлипывания. — Человек я!

— Теперь вижу, — сказал голос прямо за ее спиной. Герда испуганно обернулась. Позади стоял словно сошедший с книжных гравюр рыцарь на белом коне. Почему пес его не тронул?

«Неужели это взаправду? Рыцарь меня спасет. Обязательно. Он ведь уже победил трехглавого цмока. Нет, четырех-, нет, пятиглавого! Что ему какой-то пес после этого!»

Рыцарь спешил, и Герда смогла хорошенько его рассмотреть. Немного смутило, что конь оказался вовсе не белым, а всего лишь светло-серым с россыпью едва заметной черной гречки по шерсти. Вместо тяжелого доспеха всадник был одет в добротные, но совершенно обычные серые шерстяные штаны и рубаху, на плечи накинут выдавший виды дорожный плащ. Ростом рыцарь не вышел, да и силы большой в нем тоже не чувствовалось. Весь такой жилистый и тощий. Да это же мальчишка лет четырнадцати отроду, не больше!

— Чего ревешь? — не слишком почтительно спросил он.

Герда вдруг поняла, что сидит с открытым ртом и тут же его закрыла. Все мысли из головы вылетели, кроме одной — папа запретил разговаривать с рыцарями.

— Ты немая? — еще раз обратился к ней рыцарь. — А пять минут назад не хуже баньши голосила. Я-то думал, люди так не умеют.

Герда обиженно насупилась. Папа прав. Рыцари противные!

— Я, — сиплым от слез голосом начала Герда. Все равно другого шанса спастись у нее не будет.

— Что? — нахмурился рыцарь.

— Я случайно раздавила ужика, и теперь его пес хочет меня съесть, — собравшись с силами, рассказала она.

— Пес ужика? — недоверчиво переспросил рыцарь.

— Нет, пес Ужиного короля. А ужик — его детеныш, — Герда указала на мертвую змейку рядом с собой.

Рыцарь задумчиво посмотрел на змею, подобрал с земли палку и потыкал неподвижного ужа, как это делала до него Герда.

— Ты его живым хоть видела? — спросил он, убедившись, что змея действительно мертва. Герда покачала головой. — Так, может, он давно такой лежит. И ты тут совершенно ни при чем.

— Тогда почему тот страшный пес не выпускает меня с поляны? — она кивнула на кусты, за которыми в последний раз видела свирепого зверя и, поскуливая от страха, добавила: — Наверное, он хочет съест мои потроха.

Рыцарь удивленно вскинул бровь.

— Я в книжке прочитала, — пожалала плечами Герда. Рыцарь безнадежно махнул рукой и направился к кустам. Пес тут же залился звонким угрожающим лаем.

— Хорошая собачка. Да еще и с демонической аурой, — задумчиво изрек рыцарь.

Подойдя к своему коню, он достал из поклажи длинный сверток и принялся его разворачивать.

— Видно, придется сегодня живодером поработать.

Герда еще раз присмотрелась к лицу рыцаря. Красивое, бледное, с тонкими, но очень жесткими чертами. Смоляные кудри стянуты в жесткий жгут на затылке. Глубоко посаженные ярко синие глаза горят отчаянной решимостью. Тонкие губы крепко сжаты, словно он готовится к чему-то очень важному и вместе с тем опасному.

И тут Герду осенило. Никакой он не рыцарь. Он настоящий принц, принц в изгнании! Вон какая у него осанка горделивая. Такая только у принцев крови бывает. Говор у него чудной, совсем на местный не похож. А презрение... Ведь знатные особы всегда на простолюдинов с презрением смотрят. Так во всех книгах пишут.

К этому времени принц уже успел развернуть свой сверток, внутри которого оказался изящный тонкий меч, и направился с ним к кустам, где затаился грозный пес.

Герда заволновалась. Если он не рыцарь, то никакого пятиглавого цмока не побеждал. Значит, и с псом вряд ли справится. Тот разорвет его на части, а потом съест потроха или наоборот съест потроха, а потом разорвет на части. Не важно. В любом случае, если принц погибнет, то его королевство останется без наследника. Начнется война за престол и умрет много-много людей. И все из-за того, что она раздавила ужа. Нет, надо спасти принца во что бы то ни стало!

Герда со всех ног бросилась к нему и успела схватить за руку до того, как он замахнулся на пса мечом:

— Стой! Даже если ты его убьешь, а не он тебя, потом сюда явится сам Ужинный король и утащит нас к себе в палаты!

— Что? — бровь принца поползла кверху.

— Правда, он обычно красивых девушек похищает. Но мы с тобой не девушки, то есть не красивые. И уж точно не нагие. Ой, — от страха она по обыкновению начинала тараторить и нести какую-то нелепицу. С каждым ее словом красивые глаза принца выпучивались все больше, грозя вот-вот вылезти из орбит. — Я хочу сказать, что если у тебя нет братьев, которые смогут изрубить Ужиного короля на части, то мы зачехнем у него в подземелье без солнечного света.

Принц буравил Герду пристальным взглядом, словно желал разглядеть те самые потроха, которыми хотел полакомиться пес. Она поежилась. Глубоко вздохнув, принц дернул головой, будто освобождаясь от наваждения, и хитро прищурился:



— О, так это священное испытание! Теперь все ясно. Я должен помочь?

Словно отвечая, пес зашелся лаем, встал на задние лапы и клацнул зубами у самого лица принца. Тот мгновенно отскочил в сторону вместе с Гердой.

— Ладно, я его трогать не стану. Ты сама должна с ним справиться, иначе мы нарушим правила и будет худо. Есть идеи? — заговорил принц, когда они оба устроились на поваленном бревне в середине поляны.

— Нет. Теперь мы либо умрем здесь от голода, либо пес съест наши потроха, — Герда снова заплакала, осознав, что даже так никого не спасла.

— Да не реви ты, — прикрикнул на нее принц, окончательно потеряв самообладание. — Терпеть не могу маленьких хныкалок.

Герда испуганно всхлипнула и вжала голову в плечи. Принц поморщился от досады и, достав из кармана платок, принялся вытирать ее личико. Герда прикусила губу и затихла, совершенно не сопротивляясь.

— Давай подумаем вместе, — приговаривал принц назидательным тоном, вычищая ее левую щеку от грязи. — Если этот пес хотел нас убить, он давно бы это сделал. Значит, он просто не выпускает нас с поляны. И очень сомневаюсь, что он жаждет уморить нас голодом. Это долго. Да и ему самому нужно что-то есть, а не сторожить нас денно и ночью. Правильно?

Герда кивнула, хотя не понимала, куда он клонит. Принц сунул платок за пазуху.

— Что ему может быть от нас нужно? — спросил он, критически разглядывая результаты своей работы на ее лице. — Подумай. Ты, наверняка, знаешь ответ.

Герда повторила про себя недавно прочитанный отрывок. Рассеяно оббежала взглядом поляну, пока не увидела неподвижную змейку возле бревна.

— Змея на Лысой горе тоже была неподвижной! А когда Сымон ей поклонился, постелил платок и угостил парным молоком, она ожила и подарила ему свою корону. Правда, это было в середине вересковика, а сейчас еще даже женивенник не закончился.

— Молодец! Парного молока у нас нет, — принц развел руками. — Зато есть вот это.

Он достал из своих вещей деревянную кружку и налил молока из большой фляги, не парного, конечно, но все же лучше, чем ничего. Герда сняла с головы косынку, расстелила ее перед змейкой, и принц поставил на него кружку. Они отошли на шаг. Герда тревожно покосилась на принца. Тот заговорщически подмигнул. На душе стало гораздо спокойней.

Мертвая змея зашевелилась, заползла на косынку и высунула изо рта маленький раздвоенный язычок. Удостоив их всего одним коротким взглядом, уж с царственным видом испил молока, а потом начал извиваться всем телом, с огромным трудом стягивая с себя старую кожу. После долгих усилий он, наконец, освободился и скрылся в высокой траве.

Принц подтолкнул оробевшую Герду к змеиной коже:

— Теперь она твоя. Забирай.

— Зачем она мне? — заупрямилась Герда, вспомнив, чем для Сымона обернулся подарок ужа.

— Пса с помощью нее отвадишь. Держи, — принц завернул кожу в косынку, всучил Герде и потянул ее к кустам.

Пес все еще поджидал, но больше не рычал, а к чему-то принюхивался. Герда дрожащей рукой протянула ему косынку. Пес уткнулся в нее носом, чихнул и, поджав хвост, убежал в лесную чащу.

Герда облегченно выдохнула и ощутила, как от напряжения подкашиваются ноги.

Принц подхватил ее и отнес обратно к поваленному дереву.

— Молодец. Видишь, как все просто вышло? — потрепал он Герду по голове. — Мне даже драться не пришлось.

— Спа-спасибо, — с трудом выговорила она.

— Не за что. Ты же сама все сделала. Я совсем чуть-чуть помог, — он слегка улыбнулся, и Герда тут же расцвела. И совсем он не противный, а презрение... так он просто плакс не любит. Вот она и не станет больше слезы показывать. И все-таки это он спас ее от пса, а не наоборот.

— Меня, кстати, Николас зовут, Николас Комри.

— Герда... То есть Альгерда Мрия, — она покраснела, не зная почему, но все равно как можно крепче пожала протянутую руку.

— И что же маленькая девочка с таким красивым именем делает в лесу в столь поздний час? — поинтересовался Николас.

Герда ахнула, впервые осознавая, сколько времени просидела на этой поляне. Над лесом начали сгущаться сумерки. Теперь она вряд ли обернется дотемна, как обещала.

— Ягоды собирала, — Герда кивнула на полупустую корзинку.

Николас с любопытством заглянул внутрь и скептически хмыкнул. А потом заметил лежавшую рядом книжку и взял ее в руки.

— «Предания старого Севера»? У меня в детстве такая была. Сестры, помню, жутко этих сказок боялись, а ты?

Герда вымученно улыбнулась:

— Только родителям моим не рассказывай, что я ее читала, а то они расстроятся. То есть они и так расстроятся, что я припозднилась, а с книжкой и вовсе больше никуда не пустят.

— А далеко до родителей твоих? Ты ведь из Дрисвят, верно? Так у меня быстрый конь. Мигом нас домчит.

— Не успеет до темноты. Пешему отсюда часа полтора-два ходу по Оленьей тропе. Но там поперек дороги лежит широченная сосна. С конем не пройдешь. Надо идти в обход до Сокольничего тракта, а это еще часа три вдоль Ужиных топей. В такой туман туда лучше не соваться. Можно в дрыгву угодить.

— В трясину? — нахмурился Николас. Точно, чужеземец. Таких простых слов не знает.

Герда кивнула.

— Что ж, тогда вариант всего один — здесь заночевать, — мрачно вздохнул принц.

— Родители меня убьют, — Герда закрыла лицо руками, собираясь снова расплакаться, но тут же вспомнила, что обещала этого не делать.

— Пожурят немного и забудут. Мои всегда так делали. Я вот компаньона в тумане потерял — это действительно беда. А он еще в трех соснах заблудиться умудряется постоянно. Не будет его завтра в Дрисвятах — придется возвращаться и искать.

— Так тебе мой папа нужен. Он лесник, он здесь все-все знает. У нас как кто потерялся, сразу к нему бегут. Он в два счета всех находит.

На том и порешили. Николас расседлал коня, вынул из сумки топор и отправился за дровами. Герда в это время собирала хворост и выкладывала очаг камнями. Набрав воды из ручья и приладив над огнем котелок с походной кашей, Николас подкатил к костру бревно и пригласил Герду сесть поближе. Она протянула к огню заочневшие руки.

— Для чего ты в Дрисвяты едешь, да еще лесом? — задумчиво спросила она.

Николас замялся и спустя мгновение ответил:

— На ярмарку. Купец я.

— Но ведь это неправда, — насторожилась Герда. — Это от нас в Подгайск на ярмарку ездят, а не наоборот. А я знаю, кто ты на самом деле.

Николас заметно напрягся от ее слов. Нет, конечно, никакой он не принц. Принцы не забираются в лесную глушь без охраны, не теряют компаньонов в тумане, не вытирают слезы перепуганным девочкам. И уж точно никто и никогда не смеет их журить. Герда усмехнулась и выдала самую правдоподобную версию. И совершенно не сказочную.

— Ты охотник.

— Как догадалась? — Николас удивленно вытаращился на нее. Хорошо, что ни про рыцаря, ни про принца не проболталась. Иначе он бы точно ее засмеял и счел глупой хныколкой.

— Легко, — Герда указала на лежавший среди его вещей короткий охотничий лук. — И потом, так глубоко в Дикую пушу никто, кроме лесника и самых отчаянных охотников не заходит. Так на кого ты охотишься? На косуль, вепрей или, может быть, зубра?

Николас задумчиво почесал затылок и неожиданно выпалил:

— Вообще-то, на демонов.

Герда тут же нахмурилась:

— Демоны? Это как наши нечистики что ли? — от нахлынувшего восхищения в груди сперло дыхание. — Так ты Страж!

Охотник как-то грустно усмехнулся и легонько щелкнул ее по лбу:

— Стражей не существует.

— Ну да, — замялась Герда, вспомнив, что и отец говорил то же самое. Наверное, это какое-то неписаное правило, делать вид, что Стражей нет, хотя один из них прямо сейчас сидит перед ней. — И много демонов ты убил?

— Никогда не считал, — неопределенно ответил Николас, а потом достал из сумки потрепанный альбом. — Вот, посмотри, я зарисовываю их для моей сестренки. Ты на нее очень похожа.

Герда с интересом начала листать альбом, внимательно разглядывая чернильные изображения диковинных созданий со странно изогнутыми когтистыми лапами, чешуйчатыми хвостами, громадными перепончатыми крыльями и косматыми клыкастыми мордами. Упоминаний о большинстве этих тварей она даже в книгах не встречала.

— О, а вот этого я знаю, — Герда ткнула пальцем в один из рисунков. — Волколак это. И его ты тоже убил?

Охотник заметно смутился, но все же ответил:

— Нет.

— И правильно, — Герда улыбнулась. — Наш последний князь был волколаком. И папа говорит, что он был самым лучшим. А после того, как он умер, все плохо стало. Ой, только тут название другое написано.

Надпись под рисунком была сделана не витиеватой буквицей, которой учили детей в школах при единоверческих церквях, а строгой старинной рунницей.

— Вир, нет, — Герда беззвучно шевелила губами, вспоминая, как читались древние знаки. Вот сейчас она точно его удивит: — Вервольф, вот.

Брови Николаса сошлись над переносицей:

— Правильно, вервольф. Так они называются в местах, откуда я родом. А где ты

научилась читать руны?

Герда возликовала и принялась хвататься. Уж очень хотелось заслужить его расположение после всего, что он сделал. Она не хныкалка, нет. Она очень смышленная и рассудительная для своих лет. Так сам дядька Михась говорил.

— Папа научил. Я же говорю, он все-все знает. Правда, он просил меня никому не рассказывать, но ты ведь не выдашь? — заговорщически подмигнула Герда. — А я никому не скажу, что ты Охотник на демонов. Ведь это тайна?

— Тайна, — быстро согласился он.

— Так откуда ты? — сменила тему разговора Герда, отложив альбом в сторону.

— Из Авалора, это... — не слишком охотно отвечал Николас.

— Туманный остров в Северном океане. Я знаю, — продолжила Герда, все еще надеясь поразить Охотника сообразительностью. — Но ведь это так далеко. Ты, должно быть, пол Мидгарда прошел, чтобы сюда добраться. Мне бы тоже хотелось повидать другие места, а то я кроме подгайской ярмарки нигде и не была.

Николас снисходительно улыбнулся:

— Побываешь еще. Только подрасти вначале и перестань пугаться всяких глупостей. Знаешь, сколько еще диких псов на дороге может встретиться? И все они будут не прочь полакомиться такой болтливой маленькой девочкой.

Он страшно зарычал, растопырил руки, изображая хищную хватку, притянул ее к себе и принялся щекотать живот и бока. Герда громко смеялась, визжа и брыкаясь, пока они не соскользнули с бревна и, покрасневшиеся, растянулись на мягкой, сырой от росы подушке мха, шаловливо улыбаясь друг другу. Отдышавшись, забрались обратно и еще долго болтали о демонах, дальних странах и старинных легендах. Герда внимательно слушала рассказы Охотника, ловя каждое слово. Луна была уже высоко, когда они улеглись спать, укрывшись одним одеялом.

Герда проснулась еще до рассвета от того, что озябла. Она прижалась поближе к Николасу, чтобы согреться. Положив голову ему на плечо, поплотнее подоткнула одеяло и принялась внимательно вглядываться в безмятежное от сна лицо. Какой же он красивый! И хорошо, что не принц. Принцы не дружат с дочками лесников, а вот охотники вполне.

Герда почувствовала, как он зашевелился, пробуждаясь, и притворилась спящей. Николас достал затекшую руку из-под ее спины, ласково потрепал по волосам и мягко коснулся щеки. Герда открыла глаза и хитро ухмыльнулась:

— А я не сплю.

— А я знаю, — шутливо ответил он.

Герда потянулась, села на одеяле и, оглядевшись по сторонам, радостно заключила:

— Туман совсем ушел. Наверное, Ужинный король больше на нас не сердится!

Солнце взошло, загнав рассветные сумерки на дно оврагов. Над верхушками вековых сосен раскинулось бескрайнее ясное небо. Пора было выдвигаться в Дрисвяты. Позавтракав остатками вчерашнего ужина и напившись водой из ручья, они затушили костер. Николас отправился седлать коня, в то время как Герда собирала его вьюки. Приточив их к седлу, Охотник усадил ее на лошадь впереди себя и поехал шагом.

\*\*\*

Часа два они очень медленно двигались по едва заметной тропе, огибающей Ужинные топи по самому краю. Мошкара нещадно жалила открытые руки, хотя основной удар жужжащих кровопийц стойко принимал на себя серый конь. Герда стряхивала с его шеи

слепней, до которых могла дотянуться, отчего на руках оставались кровавые следы.

Несколько раз они чуть не завязли в трясине, но благодаря знаниям Герды, им все-таки удалось выбраться из коварного и прожорливого болота. Солнце было уже высоко, когда между деревьями появился просвет и показался широкий наезженный тракт. Почувствовав под ногами удобный грунт, конь воспрял духом и побежал легкой рысью. Николас набрал повод в одну руку, а другой придерживал Герду, чтобы она не упала от тряски.

Сокольничий тракт оказался самым людным местом во всей Дикой пуще. На разбитых телегах катили по нему дровосеки. Чаше попадались грибники и охотники, которые тоже осмеливались ходить лишь вдоль большой дороги. Один раз мимо промчалась запряженная тройкой поджарых вороных рысаков карета.

— Это мастер Заградский, — ответила Герда на вопросительный взгляд Николаса. — Глава Дрисвятского земства. Его жена на днях умерла. Наверное, отпевать ездил. Смотри, мы уже почти приехали.

Николас с интересом изучал городок. Он оказался совсем небольшим — всего сто дворов на холмах по обе стороны от узкой, вытекавшей из леса речки — и похожим на разросшуюся деревню. Ни городских стен, ни даже ратуши видно не было. На рыночной площади ютилось несколько захудалых лавчонок, харчевня и постоялый двор с выцветшей вывеской. И лишь большая Единоверческая церковь из белого камня помпезным видом корила город за серость и убогость. Обычная для дремучего захолустья картина. Но все же что-то в ней необъяснимо настораживало.

Подъехав к указанному Гердой дому, Николас спешил и помог ей слезть. Дверь тут же распахнулась и на улицу выбежала статная светловолосая женщина.

— Гердочка! Герда! — закричала она, прижимая к себе оробевшую вдруг девочку. — Гед! Гедымин, скорее сюда, Герда нашлась!

На порог вышел сухощавый мужчина с пепельно-серыми волосами и укоризненно сказал:

— Ну вот, Зофьюшка, а ты говорила, сгинула. Просто заблудилась немного.

— Я не заблудилась, — обиделась Герда и высвободилась из материнских объятий. — Меня пес Ужиного короля не пускал.

— Снова страшных сказок начиталась?! — ахнула Зофьюшка и грозно взглянула на мужа. — Это ты виноват. Последний раз ее в этот жуткий лес отпустила. Больше ноги ее там не будет!

— Милая, ведь ничего страшного не случилось. Я же лесник и дочка моя, моя наследница, должна знать, как по лесу ходить и не заблудиться, — сделал слабую попытку оправдаться Гед. — И не стоит оповещать соседей о наших делах.

Николас тактично закашлялся.

— Пес действительно был. И ваша дочка очень хорошо знает лес, — родители Герды удивленно покосились на него, словно впервые заметив. Чтобы не показаться невежливым, он поспешил представиться, придумав себе более подходящее ремесло, помня, что в прошлый раз ему даже восьмилетнюю девчонку провести не удалось. — Меня зовут Николас, я охотник.

Заинтересованно глядя, отец Герды спустился с порога.

— Конечно, знает. Я сам ее учил, — с гордостью сказал мужчина и горячо пожал протянутую руку. — Спасибо, что вернули ее. Она у нас совсем одна. Не знаю, что бы мы без нее делали. Теперь мы перед вами в неоплатном долгу. Меня зовут Гедымин, я глава

здешнего лесничества. А это моя жена Зофьюшка, — светловолосая женщина добродушно улыбнулась, а ее муж продолжил: — Так чем мы можем вам помочь?

— Я ищу одного человека...

— Мастер Николас, мастер Николас! — послышался за спиной радостный окрик.

Охотник облегченно выдохнул:

— Ах, уже не надо.

К ним со всех ног бежал пропавший в лесу компаньон — невысокий худосочный мужчина лет сорока в мешковатой одежде. Лицо, с едва заметными морщинами в уголках рта и вокруг глаз, гладко выбрито. В коротко стриженных темно-каштановых волосах уже проглядывала седина.

— Вы живы! Я так испугался, когда не нашел вас на постоялом дворе!

Николас натянуто улыбнулся. Ну сколько повторять, чтобы к нему обращались на ты! От радости компаньон расчувствовался и крепко прижал к себе Охотника.

— Эглаборг, потише, задушишь! — возмущенно зашипел Николас, не на шутку смутившись, что с ним, почтенным Охотником на демонов, обращаются почти, как с восьмилетней девочкой, и ловко выкрутился из медвежьей хватки.

Герда захихикала в кулак.

— Может, вы устали с дороги? Погостите у нас пару дней, — предложил Гед, чтобы хоть как-то отплатить Охотнику за спасение дочери, и опасно покосился на жену. Внимание последней было полностью поглощено дочкой.

— Остайся, Николас, ну хоть на пару денечков, — с надеждой попросила Герда.

— Да-да, у нас вечером как раз праздник будет. С танцами и угощением. Будете жалеть, если пропустите, — поддержала их Зофьюшка.

— И работа для вас тут тоже имеется, — шепнул на ухо Эглаборг.

— Хорошо, хорошо, уговорили, — сдался под общим натиском Охотник.

К вечеру рыночную площадь расчистили от мусора и лишних прилавков. Установили небольшой помост для сельских музыкантов: скрипачей, дударей, гуляров и барабанщиков. Веселые ноты лились из их инструментов, наполняя серое и унылое местечко чудесной мелодией. Люди в ярких одеждах танцевали залихватские народные танцы, из которых Николас знал лишь ойру — ее можно было увидеть и в соседних странах на сельских фестивалях. Праздник чудесным образом преобразил город, превратив его в пышный торт со свечами и кремовыми розочками. И лишь белая церковь с укоризной взирала на раскинувшееся веселье.

Охотник медленно потягивал сладкий медовый напиток из деревянной кружки, по привычке наблюдая за праздником лишь со стороны.

— Мастер Николас, это мастер Заградский, — Эглаборг подвел к нему богато одетого грузного мужчину с заметной лысиной на макушке.

— Очень приятно, — коротко кивнул Охотник.

— Мне сказали, что вы беретесь решать дела, которые требуют особой... хм, деликатности, — тщательно взвешивая каждое слово, говорил земский глава.

— Деликатности? — нахмурил брови Николас. Вот уж о деликатности его точно еще не просили.

— Видите ли, я занимаю определенное место в обществе, а дело мое имеет сугубо личный характер, поэтому мне бы не хотелось предавать его лишней огласке, — снова замялся Заградский. — Народ тут темный. Я в Дрисвятах с самых Войн за веру земским

главой состою, а до сих пор к местным нравам не привык. Суеверные они здесь все, у границы самой.

Николас пожал плечами, всем видом показывая, что не понимает, куда клонит собеседник. Когда заказчики вот так тянут время, обычно либо работа предстоит не из приятных, либо платить за нее собираются до неприличия скудно. Если на первое Охотник еще мог согласиться при определенных условиях, то на второе... впрочем, это самое второе случалось чаще всего.

— Жена моя скончалась пару дней назад, — Заградскому, видимо, надоело юлить и приступил к сути. — Хорошая женщина была, не смотрите, что из местных. Не любили ее здесь, завидовали очень. За глаза ведьмой называли, а теперь никто всеобщую отстоять не хочет...

Николас с негодованием глянул на своего друга: «Кого ты мне привел? Я такими делами не занимаюсь!» Справившись с порывом послать земского главу в дальние дали, Охотник язвительно поинтересовался:

— А почему вы сами постоять не хотите, раз так ее любили?

— Так мне это... — смутился Заградский и похлопал себя по необъятному пузу: — Возраст и здоровье не позволяют. Подсобите, а?

— Вам, наверное, не сказали, я очень дорого беру за свои услуги. Пусть даже за такие... деликатные, — продолжал искать причину отказаться Николас.

— Пятьсот монет. За одну ночь, — с готовностью предложил Заградский.

Охотник не нашелся, что ответить. На эти деньги они с Эглаборгом смогли бы прекрасно жить полгода, а может и дольше. За такую награду любой из бедняков, коими явно кишел город, должен был легко согласиться помочь. Но не согласился. Значит, что-то не так с этой всеобщей. Или с покойницей?

— Он согласен, — выпалил вдруг Эглаборг. Николас послал ему испепеляющий взгляд.

Заградский энергично пожал Охотнику руку и объявил, что будет ждать возле церкви после праздника.

— Это же легкая работа. Хотите, я сделаю ее вместо вас, — пытался оправдаться Эглаборг, когда Заградский отошел достаточно далеко.

— Не хочу, — упрямо ответил Николас. — Но это же... это же... так унижительно. Стоять всеобщую за чужую жену, словно я убогий какой. А ведь я даже не единоведец.

— Ну и что? Зато за это хорошо заплатят. Послушайте старого человека, поспите ночью на лавке в церкви, заберите денежки, и больше нам не придется лазить по оврагам и подворотням в поисках жутких тварей. Да от той виверны из Кундии у меня до сих пор все поджилки трясутся!

— Но она же никого не трогала, пока тот безголовый рыцарь не полез разорять ее кладку! — взъярился Николас, но потом усталым тоном добавил: — Я Охотник, мое дело — укрощать разъяренных виверн, а не стоять всеобщую за чужих жен.

— Смирите свою гордыню, — с тихим укором сказал Эглаборг. — Пока у нас нет денег, выбирать не приходится.

Николас тяжело вздохнул и подошел к прилавку с пирожками, где своей очереди дожидались еще два покупателя. Охотник встал за ними и рассеяно смотрел по сторонам. Под чадающим свечным фонарем на углу площади он заметил Герду, носом уткнувшуюся в книжку, хотя при таком свете читать было невозможно. Внимание покупателей тоже было приковано к светловолосой девочке. К ней подошел хорошо одетый мальчик, сказал пару

слов, но она, не отрывая глаз от книги, отмахнулась от него. Мальчик не уходил, тогда Герда шепнула что-то ему на ухо. Неудачливый ухажер испуганно вытаращился и убрался восвояси.

— Она снова это сделала! — засмеялся один из покупателей. — Гони монету, Михась. Я честно ее выиграл.

Второй покупатель с досадой сплюнул и полез в карман за деньгами.

— Да, Михась, зря ты на Заградского сына поставил. Она ведь немного того, эта Гедыминова дочка, — вмешалась в разговор мужчин розовощекая булочница. — А помните, как она Вележ-озеро переплыла? Говорила, там мавки на дне живут...

— Так она за твоим сыном полезла, Марыська. Кабы не она, так затянуло бы его под корягу и поминай, как звали. И без всяких мавок, — упрекнул выигравший спор покупатель.

— Твоя правда, Брыль. Только больно уж страшные вещи она порой рассказывает. Дети после ее баек по ночам спать боятся. Да и Гедымин, посмотри, как испугался, когда Голубые Капюшоны приходили. Сразу же в лес ее услад от греха подальше. Ведьма она, точно как Ялинка, — переходя на шепот, ответила булочница.

— Да полно вам уже. Блаженная она, книжки читает, по лесу слоняется, нет зла от нее никому. Ялинка — другое дело. Она душу продала... — Михась неожиданно осекся.

— Мастер Николас, так вот вы где! А мы с женой вас обыскались, — Охотник обернулся. К нему быстрым шагом приближался отец Герды.

— Я решил сам немного осмотреться.

Городские сплетники испуганно покосились на Николаса. Не удостоив их вниманием, он подошел к леснику и саркастично заметил:

— Добрые у вас тут люди, ничего не скажешь.

— Это они в последнее время такими стали. Раньше во всем Мидгарде было не сыскать народа более радушного и гостеприимного, чем наш. А потом сюда пришли единоверцы со своими законами... — Гедымин не закончил фразу и с досадой махнул рукой. — Теперь мы вынуждены платить им непомерную дань, да прославлять посредственность. А ведь когда-то у нас тоже были Стражи, и мы гордились их даром. А сейчас... сейчас я радуюсь, что у моей дочки его нет.

Николас с сочувствием покосился на поглощенную книгой Герду. Вот и его отец тоже не хотел, чтобы у него был этот проклятый дар. Жаль, что провидение не в людской власти. Если Герде было ниспослано священное испытание, значит, дар у нее есть. И не из слабых. Туго ей придется одной. Хорошо, что она девочка. Девочкам всегда проще поначалу. А потом... не его дело. Сейчас у него совсем другие задачи. Николас все же решил дать ее отцу маленький совет:

— На вашем месте я бы продолжал прятать ее в лесу от Голубых Капюшонов.

Гед грустно улыбнулся, слишком хорошо поняв намек. Николас вежливо распрощался и направился к Герде.

— Почему не танцуешь? — спросил он, устраиваясь рядом.

— Никто не приглашает, — пожал плечами девочка.

— А как же тот мальчик? Кажется, сын мастера Заградского.

— Кто, Вальдемар? — Герда потешно высунула язык: — Фу, он же гадкий.

— Что ты ему сказала? Он убежал, будто демона увидел.

— Правду. Что я подружилась с настоящим рыцарем на белом коне, у которого есть большой меч. И этот рыцарь его побьет, если он будет продолжать мне докучать, — смеясь, ответила она.



— Мне уже страшно.

— Почему? — удивилась Герда.

— А если твой друг побьет и меня, — нарочито серьезно ответил парень.

— Я вообще-то про тебя говорила, — немного смущенно пробормотала девочка.

— Ты мне льстишь. Меч у меня не такой уж большой, — лукаво улыбаясь, заметил Николас. — Так значит, меня не побьют, если я приглашу тебя потанцевать?

Девочка отрицательно замотала головой. Николас приобнял ее за талию. Им повезло — танец оказался медленным и несложным. Но из-за разницы в росте все равно выходило немного неловко.

— Ты говорил с мастером Заградским. Он просил тебя отстоять за его жену всенощную?

— Да, — недоуменно ответил Николас.

— Но ты ведь не согласился, правда? — Герда заглянула ему в глаза.

— Он хорошо платит, — пожал плечами Охотник.

— Неужели он платит достаточно, чтобы тебя убили? — Герда резко остановилась и опустила голову.

— Мне всего лишь надо всенощную отстоять. Из-за чего меня могут убить?

— Из-за нее, Ялилки-ведьмы. Она когда умирала, вся черная была. Тогда к нам в город и пришел этот ужасный тип в сером балахоне. Пеший, из-за капюшона лица совсем не видно. Перед тем, как в усадьбу к Заградским заявиться, он весь город обошел. Остановился у нашего дома и долго смотрел на меня. Я не видела его глаз, но все равно было так жутко. Верно, он не только за Ялинкой приходил. А потом сбежались кошки со всей округи. Домашние и бродячие. Все. Никогда не думала, что их у нас так много. Кошки шипели, рычали, пушили хвосты, вздыбливали шерсть и медленно шли на него. Он воздел руки, и все они разом рухнули замертво.

Николас еще раз огляделся по сторонам. Так вот, что его насторожило в этом городишке. По улочкам, даже в самых темных подворотнях, не сновало ни одной кошки. Плохой знак. Очень.

— После этого он оставил наш дом и пошел напрямик к Заградским, нам дворовые потом рассказывали, — продолжала сбивчивый рассказ Герда, отчаянно вздрагивая и озираясь от любого резкого шороха. — Сказал, Ялинка ему задолжала, дотронулся до нее, а потом добавил: «Сегодня я забираю ее дыхание, а через три дня вернусь за душой». И ушел. Мастер Заградский тут же помчался к нашему священнику, но тот лишь руками развел. Мол, найди смельчака, чтоб ночь у гроба отстоял. Тогда спасешь душу. Да стоять никто не станет ни за какие деньги. Мертвых кошек все видели, все убирать и закапывать у старого дуба помогали. А теперь боятся до смерти.

— Погоди, кого боятся? Кто приходил за вашей Ялинкой? — Николас положил руки ей на плечи, чтобы хоть как-то успокоить.

— Ловец желаний, — глаза девочки лихорадочно блестели. — Ялинка пообещала ему свою душу в обмен на богатого жениха, и к ней посватался сам Заградский.

— Ловец желаний. Исполняет желания и забирает душу взамен. Где же я об этом мог слышать? — задумался Николас.

— Во сне, — таинственным голосом подсказала Герда. — Я видела его во сне. Однажды мне приснилось, что он пришел со свитой нечистиков за моими родителями. Я никак не могла их спасти. Их убили. Убили всех в городе. А потом отправились за мной.

— Ты просто сильно испугалась его накануне, — Николас рассеяно сунул руку в карман

и больно укололся об забытую там брошь. Он стремительно вытащил руку обратно. Из кармана следом выпал скомканный лист. Неудачный рисунок. Герда подняла его и аккуратно расправила.

— Я видела его во сне еще до того, как он пришел в наш город. И, похоже, не я одна, — она показала лист недоумевающему Охотнику.

На рисунке изображалась высокая фигура в балахоне. Лицо неизвестного скрывал длинный капюшон. Николас и сам не знал, откуда пришел этот образ. Такое иногда случалось. И он ничем не мог это объяснить.

— Хорошо, пусть будет Ловец желаний. Мне все равно придется туда пойти, — тяжело вздохнул Охотник, бросая беглый взгляд на церковь.

— Но почему? — в отчаянии выкрикнула Герда.

— Если я не избавлю вас от этого Ловца сейчас, то кто остановит его завтра, когда он придет за тобой или за твоими родителями или за всеми горожанами?

Герда совсем сникла. Николас сделал несколько шагов в сторону от веселящейся толпы, но девочка нагнала его и обхватила сзади за талию.

— Но что будет, если ты погибнешь? — Герда до боли закусил губу, чтобы не плакать.

— Не бойся, я же Охотник на демонов, забыла? Как-нибудь выкручусь, — ответил Николас, не оборачиваясь, и зашагал прочь. Ночью ему предстоял тяжелый бой. Хорошо бы к нему подготовиться.

\*\*\*

— Может, все-таки не надо, а? — в сотый раз спрашивал Эглаборг со слабой надеждой отговорить Николаса от опасной затеи.

— Ты сам нашел эту работу. Негоже теперь отступать, — злорадно отвечал Охотник, доставая со дна седельной сумки мешок с солью. — Серебро, мел, соль... анк, еще нужен анк. Куда же я его мог засунуть?

— Я же не знал, что за женой этого Заградского должен прийти какой-то жуткий демон, — продолжал протестовать его компаньон.

Николас извлек из бокового кармана увесистый серебряный амулет в виде креста с кольцом наверху.

— А вот и анк. Гляди-ка, совсем потемнел. Надо бы протереть.

— Не лучше ли купить у кузнеца кольчугу? — сдался Эглаборг.

— Не лучше. Я не ношу кольчуг. В бою с демонами они бесполезны, да к тому же стесняют движения, — возразил Охотник, распахивая вываленные на землю мешочки по карманам.

— Как вы думаете, кто этот таинственный Ловец желаний? Жнец? — любопытствовал компаньон, видя, что к доводам рассудка Николас прислушиваться не собирается.

— Вряд ли. Жнецы не принадлежат этому миру. Их могут видеть лишь умирающие или медиумы. А этого лицезрел весь город. У него не было ни косы, ни костяных крыльев. И, пожалуй, самое главное, жнецы не властны над миром людей. Они лишь посланники и не могут исполнять желания, — покачал головой Охотник.

На город уже давно опустилась ночь. Люди потихоньку расходились по домам. Николас в сопровождении Эглаборга спешил на встречу с Заградским. Тот уже ждал их на пороге церкви, откуда веяло могильным холодом. Эглаборг поежился, а Николас выступил вперед, желая сказать земскому главе пару слов напоследок.

— Я уже испугался, что вы не придете! — радостно приветствовал их Заградский.

— Отчего же? Плата щедрая, дело плевое — всего-то всюнощную отстоять, — саркастично хмыкнул Охотник.

— Зачем вам меч? — смутился Заградский, заметив закинутое за спину оружие.

— Ах, это простая предосторожность. На случай, если ваш Ловец желаний не успеет мне сразу голову оторвать, — все в том же духе продолжал Охотник.

— Мастер Николас, ну хотите, я на колени стану! — Эглаборг взирал на него умоляюще.

— Не хочу, — коротко бросил Николас и повернулся к Заградскому: — И деньги отдадите Эглаборгу не зависимо от того, вернусь я оттуда живым или нет. А если обманете, я вас и с того берега достану, не сомневайтесь.

Заградский испуганно вздрогнул. Угрозы вкупе с внушительным оружием возымели нужный эффект. Охотник решительно шагнул через порог церкви и затворил за собой тяжелые дубовые двери.

Внутри здание оказалось еще более мрачным, чем снаружи. Стрельчатый потолок многократно усиливал любой звук и эхом отражал его от голых каменных стен. Воздух был пропитан приторно сладким запахом ладана. Тусклый свет исходил от множества тоненьких чадающих свечек. Причудливая игра огоньков и теней усиливала ощущение чего-то зловещего, затаившегося в глубине центрального нефа. В любое мгновение таинственное нечто могло накинуться на ничего не подозревающего прихожанина и разорвать его в клочья. Николас мотнул головой, усмиряя разыгравшееся воображение.

Обитый пурпурным бархатом гроб стоял у деревянного алтаря, на котором изображалась высокая безликая фигура со сложенными на груди в жесте смирения руками. Его окружали крылатые юноши с пламенеющими мечами. Плащи, укрывавшие крылья, были старательно выкрашены в небесно-голубой цвет. Единый-милостивый со своими божественными посланниками. Что за нелепость? Пока их бог учит людей смирению, его прислужники в голубых капюшонах режут и жгут всех инакомыслящих. Великая милость! Николас святотатственно сплюнул и откинул крышку гроба, чтобы получше разглядеть покойницу. На вид ей было не больше тридцати. Бледный высокий лоб, узкий прямой нос, тонкие синеватые губы, гладкая кожа без единой морщинки, а волосы совсем седые, как у столетней старухи.

Снова возникло странное чувство, будто он где-то это уже видел. Николас выглянул в единственное окно в западной стене здания. На улице ярко светила луна. Скоро полночь. Нельзя больше мешкать. Охотник достал из кармана кусок мела и начертил вокруг гроба запирающую пентаграмму, поставил по свече в каждый угол. Внешний круг насыпал солью. Анк надел на покойницу, достал из ножен меч и сел, облокотившись спиной о гроб. Оставалось только ждать.

Николас закрыл глаза, прислушиваясь к ударам собственного сердца. Тук-тук. Скрипят половицы. Тук-тук. Совсем рядом слышен шелест крыльев. Тук-тук. За спиной кто-то шевелится. Тук-тук. Прыжок в бок, и он вне досягаемости бледно-синих рук покойницы.

Николас открыл глаза. Со всех сторон его окружала разнообразная нечисть. Все замерли. Никто не смел шелохнуться. Лишь покойница тихо скулила, пойманная в ловушку внутри пентаграммы. Ее глаза — один зеленый, другой голубой — с ненавистью взирали на него.

Николас смотрел по сторонам в поисках таинственного Ловца желаний. Но ни по ощущениям, ни по виду присутствующие не отличались от обычной кладбищенской нежити.

Что ж, тем лучше. По крайней мере, он знает, как с ними бороться. Ближний вурдалак оскалил гнилые зубы и бросился вперед. Остро наточенное лезвие со свистом рассекло воздух. Обтянутый желтой кожей череп полетел на пол. Раздался жуткий визг. Твари кинулись к Николасу со всех сторон, надеясь победить числом. Но не тут-то было. Когтистые лапы и руки проскальзывали в нескольких пальцах от Охотника.

Меч проходил через полуистлевшие тела, как нож через масло, с легкостью разрывая мертвую плоть. Николас сплеча рубил наседавшую нежить, орошая все вокруг себя брызгами гнилой черной крови. Пол устилала полуразложившиеся останки. Но нежить продолжала наседать нескончаемыми рядами.

«Да сколько же их тут?» — лихорадочно думал Охотник. Он уже упокоил с полсотни, а меньше их не стало. По рукам и ногам медленно расплзалась предательская усталость. Каждый взмах давался с трудом. Дыхание сбилось. Сердце грозило выскочить из груди. Когда Охотник уже был готов поверженным упасть к ногам врагов, все стихло. Твари медленно расступились в стороны, освобождая проход от двери к алтарю.

Голову будто сдавило железными тисками. Пальцы онемели от холода. Из рта вырывались клубы белого пара. По спине пробежали мурашки. В зале воцарилась давящая тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Николаса. Дубовая дверь запахнулась, и на проходе появился Ловец желаний, именно такой, каким описывала его Герда: высокий, полностью укутанный в серый балахон, что даже лица не видно.

— Какой глупец посягнул на то, что принадлежит мне? — послышался леденящий душу потусторонний голос. — Вы только взгляните на него! Детеныш совсем, молоко на губах не обсохло. Эй, малыш, не тяжело такой большой меч за собой таскать?

— Не тяжело, — сквозь зубы прошипел Охотник и, собрав в кулак всю волю, добавил: — Голову тебе снести сил точно хватит.

— Так он еще дерзить умеет! — рассмеялся демон. — Ну что ж, сам напросился.

Из длинного рукава показалась обтянутая синей кожей костлявая рука. Не дожидаясь нападения, Николас бросился в атаку. Демон будто из воздуха выхватил мерцающий таинственным голубым пламенем меч и с легкостью парировал удар.

— А ты не так прост, как кажешься, — с издевкой крикнул демон. — Прячешь силу под слабой оболочкой? Это тебе не поможет.

Нечисть дружно зарычала, вторя своему предводителю. Раз противник все понял, таиться незачем. Николас глянул на двух ближайших упырей, и те как от сильного удара полетели в сторону ухмыляющегося Ловца.

— О, какая прелесть, этот малыш — Страж, настоящий Страж с божественным даром! — демон легко разрубил летевшие к нему тела. — Я-то думал, вы все уже давно сгорели на кострах единоверцев. Люди — неблагодарные создания, не так ли? Вы столько для них сделали, а они предали вас, стоило кому-то посулить им власть и богатство.

«Свечи. Огонь. Против гнилых мертвецов он бесполезен, но, может, против этого сойдет», — лихорадочно соображал Охотник. Медный канделябр с зажженными свечами оторвался от стены и упал на балахон Ловца. Пламя тут же погасло.

— Глупышка. Верно, это твоя первая Охота? Как жаль, что ей не суждено завершиться. Но знаешь, я могу исполнить твоё желание. Хочешь быть свободным? Я сделаю так, что тебе больше не придется скитаться, притворяться или подчиняться глупым правилам. Приведи ко мне девчонку, ту, что слышит духов. И я сделаю все, что пожелаешь.

— Сдохнешь? — зло оскалился Николас. Гнусное предложение Ловца окончательно

вывело его из себя.

— Жаль. Кажется, я забыл, насколько тупоголовы все дети ветра, — разочаровано вздохнул Ловец, защищаясь от ударов Охотника.

Все мысли, все восприятие сосредоточилось на схватке. У Николаса были хорошие учителя. Пришло время доказать, что он их достоин. Или хотя бы умереть, пытаясь.

Нечисть расступилась, очистив место возле окна. Мир слился в сплошную круговерть из холодной стали. Клинки, сталкиваясь в воздухе, высекали снопы искр. Звонкий лязг разносился по всему зданию. Движения Ловца стали невероятно быстрыми и отточенными. Вблизи от голубого лезвия кожу пощипывало, как на морозе. Ноги не выдерживали бешеного темпа. Руки предательски дрожали. Липкий пот градом катится по лбу, застилая глаза. Движения замедлялись. Голубой клинок надвигался с неумолимой силой.

Не уйти. Меч действительно слишком тяжел. Не хватает скорости. Силы. Опыта.

Стремительный выпад пропущен.

Голубой клинок вонзился глубоко в плечо, опаляя нестерпимой холодной болью. По жилам словно растекался сгущенный мороз, обращая кровь в колкий лед. Взор застлала мутная пелена. В ушах загудело. Ноги подкосились, и Николас распластался на полу, теряя последние крохи сил.

Ловец потянулся к торчавшему из плеча клинку и торжествующе воскликнул:

— Вот и конец. Прощай, глупый мальчишка.

\*\*\*

Герда никак не могла успокоиться. Все переживала за Николаса. Зофьюшка сидела с ней до глубокой ночи: расчесывала длинные густые волосы березовым гребнем, рассказывала про своих родителей, вспоминала детство, как встретила с Гедом, как согласилась за него выйти, хотя были женихи побогаче. Про то, что Герда тоже когда-нибудь встретит надежного человека, выйдет замуж и будет вот также сидеть со своей дочкой или сыном, вспоминая молодость. Герде такое видение будущего не понравилось. Она не могла сказать почему. Просто не хотелось, чтобы все было настолько предсказуемо и определено. Охотник заразил ее жаждой странствий.

Устав слушать разговоры матери и пожелав ей спокойной ночи, Герда улеглась в постель у печки и, отвернувшись к стене, сделала вид, что заснула. Родители еще некоторое время ходили по дому, завершая свои дела, а потом ушли к себе. Когда все стихло, Герда повернулась на спину и долго смотрела в потолок. Тревожное чувство все нарастало. Хотелось подскочить и побежать к Николасу. Просто проверить, все ли с ним в порядке. Но страх не пускал. Перед мысленным взором то и дело возникал Ловец и протягивал к ней костлявые руки. Один раз даже показалось, что он коснулся ее и начал душить. В горле запершило. Герда не выдержала и встала. Подошла к ведру с колодезной водой, зачерпнула кружку и увидела в ней бездыханное тело Охотника. Кружка упала на пол, залив ноги водой.

Герда подхватила с крючка у двери теплый платок и, накинув его на плечи, побежала к церкви. Ноги сами несли ее. Сердце бешеной птицей колотилось в груди. В висках стучало: «не успеешь». И этот новый страх вытеснил страх перед Ловцом. Герда замерла на пороге церкви, пытаясь отпереть дверь, но та не двинулась с места. Лихорадочно соображая, что делать дальше, Герда обежала вокруг и остановилась у большого круглого окна с противоположной стороны от входа.

Стекло, пусть даже мутное, в Дрисвятах было большой редкостью. Обычно окна закрывали бычьим пузырем или слюдой. Но для церквей всегда делали стеклянные окна. В

городах побогаче, вроде Подгайска, выкладывали целые картины-витражи из цветных стекол. Здесь же денег не хватало, поэтому обошлись обычным прозрачным стеклом. Зато через него можно было заглянуть внутрь. Герда так и поступила.

Открывшееся зрелище заставило обомлеть от ужаса. Николас сражался с Ловцом, за которым, скаля зубы, стояла целая орда жутких тварей. Они словно сошли со страниц страшных сказок, которые Герда так любила читать. Николас явно проигрывал, с трудом отбиваясь от противника и отступая к стене возле окна. Его же сейчас убьют! Герда от отчаяния ударила кулаками по стеклу. Оно не поддалось. Попробовала еще раз. Бесполезно. И тут увидела, как Николас оступился, пропустил удар и клинок Ловца пронзил его тело. Охотник пошатнулся и начал медленно оседать на пол.

— Не-е-ет! — от ужаса завопила Герда, бешено колотя руками по стеклу.

Стало жарко, словно ее обернули в горячее полотенце. Взор заволокло мутной пеленой. В спину ударил сильный порыв ветра. Стекло звонко дзенькнуло, побежало трещинами и разлетелось на осколки. Герда не удержалась и упала следом за ним.

По телу разливалась свинцовая тяжесть. Лицо, ладони и колени горели от ссадин. Мир ходил ходуном, то удаляясь, то снова приближаясь. Ноги отказались повиноваться, но Герда все же смогла подползти к лежащему рядом Охотнику, прошептала его имя и вложила в протянутую руку собственную ладонь. Сознание покинуло ее.

\*\*\*

Слова Ловца заглушил громкий гул и звон разбитого стекла. Николас удивленно повернул голову в сторону окна и увидел медленно оседающую на пол фигурку. Герда? Зачем? Теперь и она погибнет, а он так хотел ее защитить. Уже не выйдет. Жаль.

Николас протянул к девочке руку и почувствовал, как ее ладонь соприкоснулась с его. Кожа едва заметно кольнула. Сила огромными волнами нарастала в груди, растапливая лед и вот-вот грозя выплеснуться наружу, сметая все на своем пути. «Рано умирать собрался. Мы еще поборемся. Исаз, вспомни, кто твой истинный хозяин!» — прозвучал в голове незнакомый властный голос. Николас встрепенулся, словно приходя в себя от долгого сна, и обхватил руками впившееся в плечо лезвие. Оно легонько запульсировало, словно отвечая на зов, и само выскочило из тела Охотника. Клинок полыхнул нестерпимо ярким голубым пламенем и разлетелся на мелкие кусочки.

— Исаз, что за...? — испуганно вскричал Ловец и ошалело взглянул на Охотника: — Ты? Ты не можешь быть им. Он умер. Я сам видел.

Рука Охотника взметнулась вверх. Демон зашелся диким воплем, прижимая ладони к горлу. Осколки разбитого клинка поднялись воздух и закружились вокруг Ловца бешеным хороводом, опаяя его голубым пламенем. Оно все росло, росло, пока не взорвалось ослепительной вспышкой, разрывая демона на ошметки и испепеляя их. Николас обессилено опустил руку и сжал безвольную ладошку Герды. Он смог. Она будет жить.

Мир погрузился в непроглядную тьму. Снова стало холодно. Николасу никогда в жизни не было так нестерпимо холодно. Мороз прокрадывался внутрь и выстуживал душу. Но затуманивающей разум боли уже не было. Только тоска.

Николас открыл глаза и увидел звеняще яркие звезды. Сотни, тысячи звезд на чужом, незнакомом небе. Охотник с трудом поднялся на ноги и огляделся. Он находился в ледяной пещере прямо под громадным световым колодцем, сквозь который виднелось небо с россыпью незнакомых созвездий.

Николас оперся о высокий постамент, на котором покоился саркофаг из прозрачного

льда. С краю в него был вколочен меч с руной «исаз», точь-в-точь как тот, которым сражался Ловец. В могилах с оружием вместо надгробия хоронили только сильнейших из Стражей, чьи подвиги навеки вписали их имена в историю Мидгарда. Николас с любопытством пригляделся к ледяной глыбе. Внутри угадывался силуэт человека. Сбоку саркофага выведенное старинной рунницей сверкнула коротенькая эпитафия: «Не умер, а сплю в ожидании своего часа». Имя перечеркнуто, не прочесть. Рядом тонкими штрихами выцарапано схематичное изображение кота. Николас нагнулся ниже, чтобы разглядеть лицо таинственного воина, но увидел лишь собственное отражение во льду. Смутившись, он потянулся к рукояти меча, чтобы расколоть могилу и удовлетворить, наконец, свое любопытство, но снова оказался в центре пентаграммы в белой церкви Дрисвят.

Ловец и его свита исчезли. Герды нигде видно не было, да и окно оказалось целым. Николас удивленно моргнул. Раздалось громкое хлопанье обтянутых серой кожей костяных крыльев. У алтаря приземлился Жнец в дряхлом коричневом балахоне с ржавой косой наперевес.

— Бедняга Исаз, — с жалостью сказал он, проводя рукой по осколкам голубого лезвия Ловца. — Столько лет провести в рабстве у врага. Ну, хоть умер на руках хозяина.

— Вы за мной? — прервал скорбный монолог Николас, решив, что голова и так слишком болит, чтобы ломать ее над тем, что происходит вокруг.

— За вами? — переспросил Жнец. — Нет, я только людьми занимаюсь. Хотя... Погодите, коль уж вы здесь, будьте любезны, изгоните эту дрянь из моей души. Я слышал, вы можете.

— К-какую дрянь? — опешил Охотник.

— Вот эту, — Жнец вытащил из гроба бешено сопротивляющуюся покойницу.

— И как я должен ее изгонять? — продолжал недоумевать Николас.

— Вам лучше знать, — пожал плечами Жнец.

Николас задумчиво осмотрел Ялинку. На ее теле вздулись жуткие черные жилы. Разноцветные глаза бешено вращались, временами поворачиваясь белками наружу. Повинуясь таинственному голосу, который помог победить Ловца, Николас коснулся груди покойницы с левой стороны. Мертвая плоть превратилась в мягкую глину. Пальцы легко скользнули под ребра и коснулись чего-то мерзкого. Зажмурившись, Николас со всей силы вцепился в чужеродное создание и резким движением вырвал его. Из глаз покойницы ручьем хлынула черная жидкость, оставляя на щеках темные дорожки.

В руке Охотника трепыхался антрацитово-черный спрут. Он шипел, пытаясь дотянуться до груди, чтобы вселиться в новую жертву. Николас брезгливо поморщился и направил на тварь свой дар. Спрут тут же рассыпался в прах.

— С ней все будет в порядке? — спросил Николас, глядя на вновь обретшую ясность взгляда Ялинку.

— Не извольте беспокоиться, все будет в лучшем виде. Слово Жнеца, — сказал костлявый, беря покойницу за руку. — Удачной Охоты, Страж.

\*\*\*

Герда очнулась от того, что кто-то наотмашь бил ее по щекам и тряс за плечи. Она открыла глаза и увидела встревоженное лицо отца:

— Все в порядке? Ничего не сломала?

Герда покачала головой и попробовала пошевелить ногами. Те слушались ее, как раньше.

— Николас, его ранили. Надо помочь, — по-старушечьи скрипучим голосом попросила она.

Отец отвел взгляд. Герда повернула голову. Охотник неподвижно лежал с закрытыми глазами недалеко от нее. За ним весь пол устилала останки полуистлевшей нечисти. Герда поднялась, опираясь на твердую руку отца, и поковыляла к Николасу.

— Он спас наш город. Не знаю, что бы с нами стало, если бы не он, но... — осторожно заговорил отец. Она непонимающе уставилась на него. — Для человека их оказалось слишком много. Даже для такого, как он.

Отец замолчал, боясь встречаться с ней взглядом.

— Но он ведь не... — к глазам подступили слезы. Герда вспомнила, как Николас протянул ей руку, перед тем, как она потеряла сознание. Его тело осталось лежать в той же позе, словно он продолжал стремиться к ней даже после...

— Не-е-ет! — отчаянно закричав, Герда вырвалась от отца и опустилась на пол рядом с Охотником, положив голову ему на грудь. Его рубашка тут же промокла от ее слез. А он так не любил, когда она плакала. Герда закрыла глаза, пытаясь успокоиться.

— Доченька, пожалуйста, ему уже не помочь, — словно издалека донесся голос отца. Герда махнула рукой, прося помолчать.

Показалось, что в груди Охотника раздался приглушенный удар. После долгой паузы еще один. И еще. Сомнений быть не могло, его сердце билось, только медленно и тихо.

— Он жив! — радостно вскричала Герда.

— Доченька, не питай пустых надежд, — попытался воззвать к благоразумию отец, но его отвлек звук торопливых шагов.

От главного входа в церковь, осторожно переступая гниющие останки и брезгливо морщась, спешил Эглаборг.

— Как я ненавижу это его ремесло! Говорил же, не ходить, а он все заладил: «если не я, то кто?» Ну почему он всегда лезет на рожон, словно сам смерти ищет? — причитал компаньон Николаса. — Отойди, девочка. Дай, посмотрю. Я лекарь. Может, смогу чем помочь.

Герда нехотя отстранилась. Эглаборг присел рядом с Охотником и начал водить над ним руками. Она никогда не видела, чтобы их городской лекарь делал что-то подобное.

— Лекарь или целитель? — с подозрением переспросил отец.

Эглаборг не ответил. Расстегнул ворот рубашки Николаса, достал из-за пазухи тонкую деревянную трубку и широким концом приложил ее к груди Охотника.

— Действительно, бьется, — задумчиво хмыкнул Эглаборг, но остался таким же мрачным, словно это открытие его совсем не обрадовало. — Это летаргия. Он жив. Просто спит. Очень крепко. Дыхания почти не слышно, а сердце бьется очень медленно и тихо.

— Когда он проснется? — приободрившись, спросила Герда.

— Трудно сказать. Я не сталкивался с подобными случаями, только слышал про них, — не слишком обнадеживающе ответил лекарь. — Через пару часов, дней, год, а, может, и никогда.

Герда совсем понурилась.

— Будем надеяться на лучшее, — потрепал ее по голове отец. — Одно чудо уже свершилось — он победил, несмотря на неравные силы, и остался жив. Думаю, второе не заставит долго ждать.

Гед выглянул в разбитое окно. У кромки горизонта лиловой полосой разгорался рассвет.



— Нужно скорее унести его отсюда, а то люди решат, что это он нечисть вызвал, — посоветовал лесник, и вместе с Эглаборгом под руки потащил Охотника прочь из церкви. Герда, потерянная, плелась следом.

Три дня Николас пролежал в их доме, не просыпаясь. За это время отец успел еще раз съездить за кошками в соседнее село, потому что предыдущая орава сбежала, как только он выпустил животных из мешка. Но на этот раз кошки остались. Видно, лихо действительно покинуло многострадальный город.

Герда сидела с Охотником все это время. Родителям лишь изредка удавалось уговорить ее отлучиться поесть. В конце концов она так себя уморила, что заснула на стуле возле постели Охотника, положив голову ему на грудь.

\*\*\*

Солнечные зайчики, просачиваясь через щели в плотных занавесках, ласково касались лица. В комнате было очень тихо. Лишь медленное дыхание спящей на груди девочки нарушало царивший здесь покой. Николас высвободил руку из-под одеяла и ласково провел по мягким пушистым волосам, приятно щекотавшим кожу. Герда открыла глаза и сладко зевнула. Только сейчас он заметил несколько крупных ссадин на ее лице.

— Что случилось? — тихо спросил он, дотронувшись до небольшого рубца на ее подбородке.

— Я плохо помню, — замялась девочка. — Ночью я потихоньку выбралась из дому и побежала к церкви. А там... я увидела, как Ловец протыкает тебя мечом. Мне стало страшно, что ты умрешь. Я разбила окно, упала сквозь раму и попала внутрь. Ты потянулся ко мне, а я к тебе. А потом я помню только, как папа нашел меня на полу церкви, и они с Эглаборгом перенесли тебя к нам домой. Ты проспал три дня.

— Гр-р-р, теперь понятно, откуда взялась головная боль, — простонал Охотник, удобней устраиваясь на кровати. — Зачем ты вообще полезла в эту церковь?

— Ну, как же, ты ведь был там совсем один. Сражался за наш город. Кто-то должен был тебе помочь, — Герда замолчала и понурилась. — Жаль, что я оказалась такой бесполезной.

— Не говори так, — Николас обнял ее за плечи. — Ты очень помогла. Не знаю, как, но без тебя ничего бы не вышло.

— Правда? — недоверчиво спросила она.

— Правда. Эй, а где же мое боевое ранение? — Николас стянул с себя рубашку. На теле не осталось и следа от удара голубого клинка.

— Так он все-таки задел тебя? А папа сказал, что мне все примерещилось, — торжествующе сообщила Герда, смущенно отведя взгляд в сторону от обнаженного торса.

Николас хотел что-то ответить, но тут в комнату вошел Эглаборг.

— Мастер Николас, вы очнулись! — радостно воскликнул он. — Вы так крепко спали. Не слышно было даже, как вы дышите. Честно признаться, если бы не Герда, мы бы приняли вас за мертвого.

— Но ведь я жив, — отмахнулся Охотник. — Заградский отдал деньги?

— Конечно. А после того, как отсюда сбежал священник, увидев последствия вашей ночной Охоты, Заградский накинул нам еще пару сотен. Просто так. Чтоб язык за зубами держали. Если он в ближайший месяц не найдет нового священника, то его снимут с должности. А кто захочет ехать в город, где кишмя кишит нечисть?

— Хорошо, значит, завтра отбываем, — отдал распоряжение Николас.

— Так быстро? Но я думала, ты останешься еще хоть ненадолго, а потом возьмешь меня

с собой. И мы будем путешествовать вместе, — разочаровано пробормотала Герда.

Николас одарил ее тяжелым взглядом:

— Ты еще слишком мала и не выдержишь долгого пути. Да и подумай о родителях. Вряд ли они будут рады, если я заберу у них единственного ребенка.

— Ты прав. Я понимаю, — расстроено пробормотала девочка и быстро выскочила из комнаты, чтобы он не увидел, как она плачет.

— Зря вы так, — упрекнул его Эглаборг.

— Если я не уйду завтра, то не уйду совсем, — мрачно ответил Николас.

\*\*\*

Слабость и головная боль еще не до конца прошли, но дорога уже манила в путь. Эглаборг дожидался у коновязи, пока Николас прощался с родителями Герды. Самой девочки нигде видно не было. Охотник не знал, расстраиваться ему или радоваться. Прощания никогда не давались легко.

— Не обижайтесь на нее. Упрямая, сил нет. Порой с ней так тяжело бывает, — ответил на невысказанный вопрос Гедымин. — Спасибо за все. Если снова будете в наших краях, обязательно заходите в гости. Удачной Охоты.

Коротко кивнув, Николас подошел к Эглаборгу и отвязал уже поседланного коня.

— Николас, — послышался за спиной робкий оклик. — Я тут, гхм... у нас принято дарить цветы на прощание, поэтому вот...

Заливаясь пунцовой краской, Герда протянула ему букет синих полевых цветов.

— Это васильки. Они такого же цвета, как твои глаза, — смущаясь, пробормотала девочка.

— Спасибо. Я... — робость оказалось заразной. Николас никак не мог придумать, что сказать напоследок. Он рассеяно сунул руку в карман и снова укололся о брошь.

— Ты ведь еще вернешься? — спросила Герда, покусывая нижнюю губу от напряжения. — Вдруг, когда я вырасту, ты все-таки сможешь взять меня с собой? Хотя ненадолго. Обещаю, я не буду больше бояться и плакать.

— Не знаю, — только и смог выдавить из себя Николас.

— Но меня-то ты не забудешь? Обещай! — ее большие глаза нехорошо блестели. Николасу показалось, что она вот-вот расплачется, хотя только что клялась этого не делать.

— Не забуду, — тихо ответил он, доставая из кармана злополучную брошь. Вырезанная из слоновой кости веточка цветущего вереска. Красивый, но абсолютно бесполезный подарок ворожеи. «Отдай его той, кого не захочешь забыть», — сказала она. Что ж, так тому и быть. Николас вложил брошь в ладонь девочки.

— На добрую память. Прощай, — он легонько коснулся губами ее лба и тут же вскочил в седло. Конь понес его прочь медленной рысью.

Николас уговаривал себя не оборачиваться, но, не выдержав, бросил на Герду последний короткий взгляд. Она продолжала стоять, держа его подарок на раскрытых ладонях. Ни единой слезинки так и не скатилось по ее щекам.

## ===== Глава 1. Путники =====

1575 г. от заселения Мидгарда, Дрисвяты, Веломовия

Путники редко заходили в Дрисвяты. Возможно, поэтому завсегда и маленькой

харчевни с неприкрытым любопытством разглядывали троих чужаков, сидевших за столом в углу зала.

Первого из них, слегка полноватого, с круглым, гладко выбритым лицом, легко можно было принять за купеческого сына. Даже толстый слой пыли не скрывал дорогого покроя его одежды.

Второй была девушка: невысокая, стройная, с короткой прической до плеч, которую в последнее время носили многие знатные дамы из Стольного. Под легкий плащ надеты узкие штаны с заправленной в них кружевной рубашкой. На ногах — высокие сапоги из мягкой кожи.

Третий путник явно был предводителем. Много старше товарищей, долговязый, худощавый, с обветренным лицом и торчавшими в разные стороны светло-каштановыми волосами, настолько выгоревшими на солнце, что они казались ярко-рыжими. В потертой залатанной одежде и грубых мужицких сапогах, он как нельзя лучше вписывался в местное общество. Однако глаза необычного янтарно-желтого оттенка вкупе с заостренными чертами лица делали его странно похожим на хищную птицу.

Путники сидели молча. Купеческий сын сосредоточенно жевал плохо пропеченное мясо с овощами. Девушка, не мигая, смотрела куда-то вдаль, погруженная в свои мысли. Предводитель не спускал глаз с двери и беспокойно барабанил пальцами по столешнице.

— Финист, чего мы ждем? — нарушила тишину девушка. Голос у нее был высокий и очень мелодичный, как журчание весеннего ручейка.

— Проводника, Дугава, — полупшепотом ответил предводитель, как будто боялся, что могут подслушать. — Нам нужен проводник, чтобы пересечь Дикую пущу. Без него мы заблудимся и сгинем.

— Но мы торчим здесь уже два часа. Не пора ли что-нибудь предпринять? — вступила в разговор купеческий сын.

— Ждан, потерпи. Если мы будем вести себя неосмотрительно, то это привлечет лишнее внимание. А оно нам совсем ни к чему, — попытался настоять на своем Финист, но, заметив удрученный вид своих товарищей, сдался и направился к протиравшему кружки хозяину харчевни.

— Чего изволите? — неласково спросил он. Видно, чужаков здесь не жаловали.

— Где найти Гедымина Мрия? — сухо поинтересовался Финист.

Хозяин удивленно воззрился на него:

— На кладбище. Третья могила от северной тропы.

— Он что у... умер? — оторопело переспросил Финист, лихорадочно соображая, что же теперь делать.

— Уж две недели, — ответил мужчина не слишком опечаленно. — У вас к нему дело? Можете к его дочке обратиться, правда, у нее ветер в голове. Не уверен, что она вам поможет.

— А вы знаете, где ее найти?

— Конечно, знаю.

Финист тяжело вздохнул, достал из кармана монету и подкинул в воздух. Хозяин ловко поймал ее между пальцев и, повертев в руке, засунул в карман.

— В книжной лавке за углом.

Финист подал знак остальным. Троица покинула харчевню, сопровождаемая любопытными взглядами завсегдатаев.

\*\*\*

— Герда, деточка, выбирай скорее. Мне закрывать надо, — взмолился седовласый хозяин лавки, наблюдая, как невысокая худенькая девушка, стоя на колченогой табуретке, перебирает корешки книг на верхней полке.

— Дядька Михась, ну погодите еще минутку, — ответила она, откидывая толстые косы цвета спелого льна за спину.

— Не могу, — посетовал лавочник. — Для Заградского еще надо пересчитать, сколько душ мы потеряли из-за лихоманки. Эта дурацкая должность писаря не приносит никаких доходов, только время отнимает.

Герда вздрогнула и сделала глубокий вдох, прогоняя подступивший к горлу комок. Дремавший под табуреткой рыжий кот с белой мордой молнией взлетел наверх и сел у ног.

— Так, может, вы меня в помощь возьмете? — со слабой надеждой предложила Герда. — Я тут буду за всем приглядывать, пока вы по службе хлопочете.

Она провела пальцем по верхушке шкафа, прочерчивая дорожку посреди накопившейся пыли:

— И порядок здесь наведу. Покупателям нравится, чтобы было чисто.

— Какие покупатели, деточка? — вернул ее с небес на землю Михась. — За последний месяц сюда заходила только ты.

Герда понурилась. Со скрипом распахнулась входная дверь. В лавку вошли трое чужаков. В узком помещении и без того было слишком тесно. Один из посетителей неловко задел табуретку. Герда испуганно вскрикнула. Но до того, как она успела распластаться на полу, ее подхватили сильные теплые руки. Обдало горьковатым запахом разопрелых лесных трав. Сердце замерло в груди.

В чувство Герду привело возмущенное шипение. Кот, приземлившийся рядом с табуреткой, выгнул спину и зло сверкал глазами, грозя непонятно кому.

— Ты в порядке? — слышался густой с едва заметной хрипотцой голос.

Герда подняла взгляд. Спасителем оказался симпатичный долговязый мужчина лет на восемь-десять старше ее. Он широко улыбался, щуря едкие птичьи глаза янтарно-желтого оттенка. Немало смущаясь, Герда спрыгнула на пол и приложила руки к горевшим щекам.

— Все хорошо, — с трудом выдавила из себя она и отвернулась.

— Ты дочь Гедымина Мрия? — спросил птичьеглазый. Остальные двое молча стояли рядом.

— Да, — недоуменно ответила она. — Альгерда Мрия. Можно просто Герда.

— У нас к тебе дело, — широко улыбаясь, сообщил птичьеглазый.

Герда в поисках поддержки посмотрела на Михася, но тот лишь развел руками:

— Идите на улицу, мне закрывать надо.

— Подождите, я книгу еще не выбрала, — Герда сделала несколько шагов к табуретке, но заметив, что одна из ножек надломилась, раздосадовано поджала губы.

Птичьеглазый подошел к шкафу и встал на цыпочки.

— Эту? — услужливо спросил он, указывая на увесистый том в коричневой обложке.

— Левее, — подсказала Герда.

— Эту? — повторил птичьеглазый. Теперь в его голосе сквозило раздражение, которое сильно портило первое хорошее впечатление.

— Нет, еще левее, — Герда указала на книгу, стоявшую в самом углу.

— Эту? — с трудом сдерживаясь, поинтересовался он в последний раз.

— Да, — согласилась она, боясь разозлить его.

птичьеглазый поддел корешок пальцем и вытащил книгу с полки.

— Теперь все? — спросил он одновременно с лавочником.

Герда коротко кивнула, принимая книгу, и полезла в кошелек за деньгами, но птичьеглазый ее опередил. Не теряя времени на разговоры, он вручил Михасю целый серебряник и потянул Герду за собой до того, как она успела опомниться. Остальные последовали за ними.

Глаза заслезились от яркого солнечного света. Шел на убыль один из последних погожих дней лета. Узкая улочка пустовала. Герда встревожено обернулась на удаляющуюся спину книжника. Немного не по себе было оставаться наедине с незнакомцами.

— Так чего вы хотите? — обескуражено спросила она.

Очень не понравилось, что птичьеглазый заплатил за книгу без разрешения, да еще так много. Как она теперь деньги вернет? Откуда ей взять целый серебряник? Теперь она будет чувствовать себя обязанной. Да еще подозрительно, что птичьеглазый упомянул отца. Тот с чужаками никаких дел не имел. По крайней мере, Герда об этом не знала. Сам вид этих троих настораживал. Она толком не могла объяснить почему.

— Меня зовут Финист, — птичьеглазый протянул руку, большую, смуглую, с мозолями возле пальцев, как от поводов.

Рукопожатие вышло скованным и неловким. Снова раздалось кошачье шипение.

«Чего он так расвирепел?» — отрешенно гадала про себя Герда.

Спутники Финиста тоже поспешили представиться. Когда с официальной частью было покончено, предводитель маленького отряда сразу перешел к сути.

— Гедымин обещал проводить нас через Дикую пушу, но... — Финист осекся и отвел взгляд.

— Отец мне ничего об этом не рассказывал, — подозрительно сощурилась Герда. — А зачем вам в Дикую пушу? Люди без крайней нужды туда не заходят. Вы что, скрываетесь от кого-то?

— Нет, — в один голос произнесли все трое и тут же неловко потупились.

— Мы из Стольного на ярмарку в Подгайск едем, — быстро нашелся Финист и вынул из-за пазухи какие-то бумаги. — Это наши дорожные грамоты.

Герда неуверенно развернула листы и пробежалась глазами по строчкам. Выглядели бумаги солидно, но Герда не разбиралась в подобных вещах, поэтому вряд ли смогла бы отличить подделку.

— Твой отец сказал, что сможет провести нас короткой дорогой и... — нетерпеливо продолжил Финист.

— Стойте, — усмехнулась Герда, свернула бумаги и отдала их обратно. Настоящие у них грамоты или нет, но сейчас ее явно обманывают. — Мой отец не мог такого сказать. Ни при каких обстоятельствах. По тракту ехать безопаснее и быстрее, несмотря на крюк в десять верст. В Дикую пушу даже местные не ходят... Так только, по главной дороге до бобровой хаты на Домне. Это всего четверть пути. Дальше тропа петляет вдоль топей до самой чащи. Там у нечистиков логово самое. Если со стежки сойдешь, считай, что нет тебя больше. Вовек у них в услужении останешься.

— Бабьи сказки, — небрежно отмахнулся Финист. — Но ты дорогу, как я погляжу, не хуже Гедымина знаешь. Проведи нас — мы хорошо заплатим.

— Мне ваши деньги не нужны, — резко ответила Герда, отказываясь иметь дело с

людьми, которые не доверяют ее суждениям.

— Не нужны деньги? — нахмурился Финист. — Тогда, быть может, я могу предложить вам услугу взамен?.. Что угодно!

— Нет, — упрямо оборвала его Герда. — Идите сами, а лучше не идите вовсе. Выберетесь на тракт, там обязательно будет проезжать какой-нибудь обоз. Конец лета. Их сейчас много на ярмарку собирается. Вместе с ними и спокойней, и быстрее выйдет. Прощайте.

Герда зашагала прочь, не оборачиваясь.

\*\*\*

Спутники Финиста, до этого молча слушавшие разговор, вопросительно глянули на него.

— Ну и что теперь делать? — поинтересовался Ждан.

— Может, воспользуемся ее советом и поедем по тракту, — робко предложила Дугава.

— Чтобы облегчить Голубым Капюшонам работу? — веско возразил Финист. Ждан с Дугавой встревожено уставились на него. — Там их посты через каждые пару верст. Граница. Если бы я путешествовал один, мог бы попробовать, но с вами... Это слишком опасно.

— Опасней, чем лесные топи? — поежился Ждан.

— Ты хоть раз видел, как на кострах сжигают колдунов? — спутники Финиста испуганно сглотнули. — То-то же. Уж лучше топи.

\*\*\*

Герда нашла удобное место под тенистой ивой и принялась читать свою книгу. Она уже и так дважды ее перечитывала, одалживая на время у доброго дядьки Михася. Новые книги в лавку завозили редко, поэтому приходилось довольствоваться тем, что было.

Она настолько увлеклась, что не заметила, как вокруг собралась стайка шумной детворы.

— Герда, расскажи сказку! — дружно попросили они, отвлекая ее от чтения.

Она усмехнулась:

— И какую вы хотите на этот раз?

— Страшную! — закричали мальчишки.

— Про странствующего рыцаря, — добавили девчонки.

— Хорошо. Слушайте, — начала рассказ Герда. — Давным-давно жил на свете Охотник. Только охотился он не на обычного зверя, а на демонов, нечистиков, которые приносили большой вред людям. Куда бы он ни шел, тьма в страхе бежала от него. Повсюду он нес свет. Много добра людям сделал: одному жизнь спас, другому душу уберег. Был бесстрашен и славен наш Охотник.

Однажды в лесу он встретил девочку. Ужинный король не пускал ее домой к маме и папе. Девочка очень испугалась, но Охотник смог умилостивить повелителя змей, спас ее и вернул родителям. Но тут его ждала новая напасть.

В тех краях появился таинственный Ловец желаний. Он исполнял мечты людей, но за это забирал их души. Многих погубил злодей. Вот уже и к дому спасенной Охотником девочки подобрался.

Не мог наш доблестный рыцарь оставить людей в нужде. Вступил в смертельный бой с нечистиком. Бились они день. И ночь бились. Лишь на исходе второго дня победил Охотник демона, но и сам не смог избежать раны. Упал он обессиленный и погрузился в глубокий

беспробудный сон. Все были уверены, что он умер, и хотели уже похоронить, но спасенная им девочка упала в отчаянии к нему на грудь. Она услышала, как тихо-тихо бьется его сердце, и поняла, что Охотник еще жив. Через три дня он проснулся. Раны его исцелились сами собой, и он смог продолжить свои странствия.

Герда замолчала, переводя дыхание.

— А дальше? — спросил устроившийся рядом с ней мальчик.

— Все, это конец, — развела руками она.

— А что было с девочкой? Охотник за ней вернулся? — требовали слушатели.

— Нет, — растеряно ответила Герда.

— Почему? — не унимались дети.

— Не знаю, — тихо пробормотала она. — Наверное, просто не смог... В одной далекой стране он сражался с неведомым зверем и... погиб.

Герда отвернулась, ругая себя за то, что она вообще вспомнила эту историю. Ведь обещала больше не плакать. Она неосознанно коснулась пристегнутой к вороту платья вересковой броши.

— Это неправильная сказка, — возмутился кто-то из детей.

— Да, они должны были пожениться и жить долго и счастливо, — поддержали остальные.

Герда ничего не ответила. Дети постепенно начали расходиться. С нижней ветки спрыгнул давешний кот, тощий, с подранным правым ухом и шикарными длинными усами. Он нагло забрался к Герде на колени и заговорил человеческим голосом:

— Знаешь, а ведь она тоже могла бы пуститься в странствия.

Кот испытующе уставился на нее хитрющими изумрудными глазами.

— Она слишком слаба, чтобы путешествовать в одиночестве, — грустно вздохнула Герда.

— Она себя недооценивает, — возразил кот. — К тому же у нее был шанс заполучить несколько попутчиков.

Герда нахмурилась:

— Они ведь тебе не понравились.

— Мне не понравилось, как на тебя смотрел их предводитель, — зевнул кот, потягиваясь всем своим невероятно гибким телом. — А остальные двое вполне себе ничего.

— Как он на меня смотрел?

— Как кошка на мышку.

— Я не заметила.

— Ребенок ты еще совсем, вот и не замечаешь, — посетовал кот. — А поехала бы с ними, глядишь, уму-разуму поднабралась, жизнь узнала, повзрослела, в конце концов. Нельзя же все время только о сказках думать.

— Кто бы говорил, — съязвила Герда. — Ты ведь и сам сказка.

— Я? — возмутился кот. Он встал, внимательно наблюдая за парившим рядом мотыльком, изловчился и поймал его передними лапами. — Видала? Разве сказка так может?

Герда промолчала. Какой толк ругаться? Все равно его не переспоришь. Она уже пыталась. Она поднялась и пошла в сторону дома.

На пороге Герда заметила пристава, приколавывавшего записку к двери, и поспешно взбежала на крыльцо.

— Что это, дядька Цыргай? — тревожно спросила она, снимая листок с гвоздя. — Забрать землю и имущество за долги? Но ведь Заградский обещал подождать до следующего месяца!

— Заградский обещал, а его сын нет, — грустно ответил пристав.

— Вальдемар? — испуганно переспросила Герда. С сыном земского главы она не ладила с детства. — А при чем тут он? Долг же перед его отцом был.

— Так ведь преставился он пару дней назад, — пристав снял шапку и опустил голову, поминая усопшего. — Лихоманка совсем озлобилась.

— Мне ли не знать, — грустно обронила Герда.

— Согласилась бы ты на предложение мастера Вальдемара и не маялась, — сочувственно заметил пристав.

Герда поджала губы. Уж лучше побираться и спать на улице, чем стать приживалкой в доме Заградского!

— Как знаешь. Если к концу недели деньги не отдашь, дом и землю он у тебя отберет.

Цыргай махнул на прощание рукой и зашагал прочь.

— Вот тебе еще одна причина, чтобы принять предложение путников, — заметил кот, прошмыгивая в дом вперед хозяйки.

— Не бурчи, я уже все решила, — сказала Герда, доставая из печки горшок с остатками утренней каши.

Поужинав, она расстелила постель и легла спать. Кот по привычке прыгнул ей на грудь и устроился на левом боку в месте, где билось сердце. Герда не стала его сгонять — знала, что ночью все равно ляжет так, как ему удобно.

Сон пришел быстро, стоило только коснуться головой подушки, как в тот день, три недели назад, когда лихоманка едва вступила в Дрисвяты. Герда заболела первой. Вначале почувствовала себя разбитой, слабой, не могла даже с кровати встать. Отец оставил ее на соседскую бабку, а сам отправился в лес искать целебную траву.

Озноб сменился жаром. Бред длился целую вечность. В какой-то момент сознание покинуло ее, и Герда впала в забытьё.

Это был не обычный тусклый сон, кривым зеркалом отображающий явь. Что-то совершенно особенное, похожее на видения прорицателей, яркое, западающее в душу надолго. Перед ней раскинулось пустынное горное плато, покрытое белым искрящимся снегом. Вокруг не было ничего. Лишь темное пятно на горизонте. Оно быстро росло. Скоро можно было разглядеть очертания всадника, за спиной которого по ветру вился черный плащ. Высокий вороной конь легко скакал по глубокому снегу, словно плыл по воздуху. Они приближались.

Очень хотелось, чтобы всадник забрал ее, но отчего-то было страшно. Когда их разделяло всего несколько шагов, Герда проснулась. Жар спал. Лихоманка отступила без всяких трав.

Когда отец вернулся, стало понятно, что лечить надо не ее. Он еле дошел до кровати, лег и тут же впал в беспамятство. Полночи он бредил, то зовя покойную жену, то мать, бабку Герды, чьего имени она не знала, а под утро сгорел, как свеча. Умер, так и не очнувшись.

Герда до последнего верила, что все обойдется. Ведь она, маленькая и слабая, смогла вырваться от лихоманки, так почему же отец сдался так легко? Она плакала, злилась, потерянная стояла среди селян, когда его хоронили, и никак не могла осознать, что это конец.



Каждую ночь после похорон в доме раздавались шорохи, будто ходил кто. Старики, которые еще помнили обряды староверов, говорили, что это душа, привязанная мирскими заботами, не может освободиться от земных оков. Лишь на сороковой день она оставит свой старый дом и пустится в плавание по реке, ведущей в подземное царство богов, где будет ждать жребия, чтобы возродиться в другом теле.

Сердечная боль потихоньку притуплялась. Голова прояснилась. Надо было жить дальше, но навалившиеся заботы тянули обратно в омут непроглядной безысходности. Умом Герда понимала, что надо уходить, и неважно куда, просто начать все с чистого листа, найти свой путь, но... так страшно сделать первый самостоятельный шаг.

\*\*\*

Финист поднял спутников на рассвете. Надо было двигаться дальше, потому что вскоре здесь появятся ищейки, идущие по их следу от самого Стольного. Лишь бы до границы не перехватили, а там другая страна, другие порядки. Можно будет передохнуть от безостановочного бегства.

Он ласково провел рукой по шее своей лошади и поправил съехавший на бок потник. Золотинка, и без того сухая, мосластая кобыла светло-рыжей масти, сильно перепала от долгого пути. Шутка ли, проехать тысячу верст от Стольного до северо-западной границы Веломовии, останавливаясь только на ночь. Но гордое животное никогда не жаловалось, упорно следуя воле хозяина.

Финист осмотрел лошадей своих спутников. Они тоже порядком устали. Невысокий чалый мерин Толстун, принадлежавший Ждану, вяло щипал скудную траву, пробивавшуюся сквозь пыль наезженной дороги. Даже горячая буланая Пустельга Дугавы, предками которой были лучшие эламские скакуны, стала спокойной и покорной.

Финист еще раз проверил все их снаряжение. «Что ж, за два месяца они научились седлать лошадей. Это уже что-то», — думал он, не находя к чему придраться.

Все еще заспанные Дугава со Жданом смиренно ждали, пока он закончит. Послышался гулкий стук кованых копыт по твердой нахоженной земле. Финист настороженно обернулся.

К ним направлялась Герда верхом на высокой гнедой кобыле. Крупная, статная, с гибкой шеей и широкой грудью, лошадь горделиво выступала на длинных тонких ногах, до колена покрытых черной шерстью, лишь наверху переходящей в лоснящуюся красновато-рыжую под цвет корпуса. Откуда взялось такое чудо среди коренастых мохноногих селянских кашлаток — оставалось только догадываться. В черную гриву и репицу хвоста были вплетены белые ленты, такими же были перевязаны косы девушки. Финист ухмыльнулся. В Заречье бытовало поверье, что белая ткань, выполосканная в ромашковом отваре, служит оберегом против лесной нечисти.

Герда поравнялась с путниками. На ней были узкие серые штаны с потертыми кожаными вставками и грубые мужицкие сапоги с высокими голенищами. Поверх заправленной в штаны короткой рубахи надет серый, выдавший виды плащ. Бывала путешественница, ни дать, ни взять.

— Я доведу вас до Подгайска, если вы обещаете ни при каких обстоятельствах не сходить с тропы и беспрекословно меня слушать, — Герда выразительно глянула на Финиста.

Тот медленно кивнул, сочтя ее требования разумными.

— Вам это обойдется в пятьдесят монет, — с невозмутимым видом назвала Герда заоблачную цену.

— Это грабеж! — возмутился Ждан, но Финист остановил его.

— Мы согласны, — сказал он, ловко запрыгивая в седло. — Давайте не будем терять время даром. Солнце уже высоко, а нам бы хотелось добраться до Подгайска через три дня.

Они решительно выступили в сторону леса. Впереди ждала полная неведомых опасностей Дикая пуща.

## ===== Глава 2. Хозяйка леса =====

Несколько часов они ехали по нахоженному Сокольничему тракту — загруженной лесной дороге, вдоль которой селяне безбоязненно собирали хворост, рубили дрова, искали ягоды и грибы. Глубже заходить никто не отваживался.

Возле запруды, которую местные прозвали Бобровой хатой, тракт перешел в узкую едва заметную стежку, по которой пришлось двигаться гуськом. Густые кроны вековых сосен закрывали солнце, укутывая дорогу прохладной тенью. Кривые корни толстыми щупальцами торчали из земли, будто желая зацепить за ноги. Скрюченные ветви нависали так низко, что приходилось пригибаться к лошадиным шеем, чтобы проехать под ними. Мошकारа назойливо жужжала над ухом, норовя впиться в кожу и насладиться кровавым пиршеством.

Почва размякла и громко чавкала под копытами. Лес редел, переходя в поросшие вереском топи с пятнами покрытых ряской бочагов. Утомленные дорогой всадники растянулись по дороге, занятые поиском удобного положения в седле. Толстун сильно отстал, с трудом поспевая на коротких ногах за другими лошадьми. Неожиданно из-под его копыт вспорхнула бурая, едва отличимая от земли, выпь. Мерин испуганно подскочил и помчался догонять других лошадей. Животные разом заволновались.

— Спокойно, — скомандовала Герда. — Один шаг в сторону — и мы увязнем в трясине.

Она отломала сухую ветку с одиноко росшего возле тропы дерева и воткнула ее в островок светло-зеленого мха. Палка на глазах провалилась под землю.

Ждан, с трудом остановивший лошадь в хвост Пустельги, облегченно выдохнул. Финист обернулся и издал странный звук, похожий на угрожающее ржание жеребца перед схваткой с соперником. Толстун испуганно фыркнул, но стал вести себя смирно.

Миновав топи, они сделали привал на поляне у самой тропы, сводили коней на водопой к ручью, ослабили подпруги и навязали пастись, а сами устроились на широкой поваленной сосне.

— Сколько за сегодня пройти осталось? — нетерпеливо спросил Ждан, едва они успели достать обед из седельных сумок.

— Еще пару часов, думаю, — ответила Герда, наблюдая, как между кронами деревьев выглядывает яркое полуденное солнце.

— Мы могли бы добраться до Подгайска быстрее, если сократить время стоянок, — вмешался Финист, пододвигаясь ближе к Герде. Она взгляделась в его глаза. Обычно смотрит. Не без интереса, но это понятно, ведь они почти не знакомы. Что коту так не понравилось?

— Вечером здесь поднимается очень густой туман. В нем мы можем заблудиться или сойти с тропы.

Герда обняла руками колени.

— Но она же не будет все время идти через болота, — сидевшая рядом Дугава поморщилась. — Или будет?

— Болота — не самое страшное, что можно встретить в этом лесу. Поверьте, пока мы не

выйдем на тракт, с тропинки лучше не сходить.

Снова повисло мрачное молчание. Герда задумчиво разглядывала росшую рядом сосну. Внизу на стволе виднелся небольшой надрез. По весне они с отцом часто собирали здесь смолу и продавали ремесленникам из Дрисвят и Подгайска. Сердце стянуло тоской. Сидевшие рядом путники казались далекими и чужими в этом лесу. Герда не привыкла видеть здесь кого-либо, кроме отца. В глухих тенистых чащобах Дикой пуши он считал себя полноправным хозяином и передал это наследие своей дочери, хотя Герда до недавнего времени не осознавала свою связь с лесом.

Здесь всегда было так тихо и безмятежно, как будто за стенами непреступной крепости. Именно поэтому Герда не хотела уходить. Боялась выйти из-под защиты леса и встретиться с опасностями внешнего мира лицом к лицу.

Герда отрешенно посмотрела на путников. Они сидели молча, не глядя друг на друга. Она словно наяву осязала намертво сковавшую их цепь неведомой тайны. Что-то было в них подозрительное, заставлявшее трепетать в предвкушении, как птенец, который впервые раскрывает крылья, чтобы вылететь из гнезда.

— Поехали, — нарушила тишину Герда. — Мы должны быть на Лосиной поляне до того, как поднимется туман и скроет от нас тропу.

От короткой передышки путники разморились еще больше. Затаившаяся усталость только сейчас в полной мере обрушилась на их плечи. Упиравшиеся в стремяна ноги ощутимо затекали. Ждан до бесконечности крутился в седле, пытаясь сесть так, чтобы ничего не болело. Дугава клонилась все ниже к шее лошади, грозясь вот-вот выпасть вперед. Только Финист сидел неподвижной статуей на своей златогривой лошади, ступавшей так мягко и степенно, будто она плыла над землей раскрашенным солнечным светом облаком.

Гнедая кобыла Герды, наоборот, шагала широко и нарочито тряско, высоко задирая ноги, чтобы не спотыкаться об торчащие из земли корни деревьев. Иногда она нервно скидывала голову и тревожно прядала ушами по сторонам, прислушиваясь к шуму деревьев и пению птиц.

Герда не поняла, кто из них первый это почувствовал: она или кобыла. Лошадь напряглась, вздрогнула всем телом и захрапела. Герда внимательно взгляделась в поросший папоротником подлесок. Притаившись за густыми кустами маличника, за дорогой явно кто-то следил. Ехавший следом Финист тоже заметно насторожился.

— Тише, Яшка, все хорошо, — Герда ободряюще провела рукой по шее лошади, не выпуская поводьев. Та заметно расслабилась и пошла дальше.

Наблюдатель пока себя не выдавал. Финист велел остальным не растягиваться, а сам поехал, почти уткнувшись в хвост передней лошади.

— Яшка? Что за странная кличка для кобылы? — он явно пытался завязать беседу.

— На самом деле ее кличка Яхонтовая. Яшка просто сподручней, — ответила Герда, сосредоточенно глядя на тропу перед собой. Та неожиданно начала петлять вокруг деревьев, хотя Герда точно помнила, что до Лосиной поляны дорога прямая.

— А что за порода? — не унимался Финист. — Не знаю. Мы с отцом нашли ее жеребенком в лесу пять лет назад. Тогда через наши земли шел крупный купеческий обоз из Заречья. С собой они вели лошадей на продажу. Наверное, от них и отбилась. Ее никто не искал, поэтому мы оставили ее себе.

— Она не похожа на зареченскую, — задумчиво хмыкнул Финист, указывая на свою кобылу, действительно рожденную в бескрайних Зареченских степях.

Яшка хоть и была поджарой и высокой, но далеко не такой мосластой, как Золотинка.

— В ней больше от рыцарских коней из Кундии или Норикии. Да и масть... Зареченские лошади обычно рыжие. Встречаются бурые и караковые, но ярко выраженная гнедая масть, да еще и с заметной краснинкой... Для степняков это редкость.

— Вы из Заречья? — насторожилась Герда. — То-то мне показалось, что говор у вас не похож на столичный. Почему вы солгали?

Финист недовольно нахмурился. Видимо, понял, что сболтнул лишнего.

— Мы не лгали, — тщательно взвешивая каждое слово, отвечал он. — Ждан и Дугава всю жизнь прожили в Стольном, а я переселился туда совсем недавно.

— Почему? — теперь Герда бросила поводья и повернулась назад, чтобы видеть его глаза. — Что заставило тебя оставить свой дом?

— Так ведь не осталось больше дома, — Финист понурил голову и продолжил очень тихо: — В нашем краю повсюду нужда и голод. Засухи, неурожай... год за годом. Священники винят во всем староверов-бунтовщиков и тех, кто их укрывает. Говорят, они гnevят Единого нечестивыми помыслами и тот посылает на нас невзгоды. Чтобы умиловить его, у нас спалили много деревень, которым не повезло стоять рядом с древними капищами. Среди них была и моя.

Финист замолчал, переводя дух. Герда отвернулась, чувствуя себя неловко от того, что всколыхнула тягостные воспоминания. Ждан и Дугава подъехали поближе. Похоже, им тоже хотелось узнать о причине, заставившей Финиста покинуть родную землю. Удивительно, что он ничего им о себе не рассказывал до этого.

— А родные? — на этот раз вопрос задала Дугава. — Неужели, у тебя не осталось там родных?

Финист обернулся на голос и послал ей предостерегающий взгляд, но все же ответил:

— Меня вырастили старики, дед с бабкой. Они давно умерли.

Дугава виновато потупилась.

— Вот, кажется, и Лосиная поляна, — прервала неловкое молчание Герда, указывая на небольшую площадку возле тропы с обложенным камнями кострищем, окруженную толстыми бревнами и заботливо заготовленными дровами. — Мы с отцом раньше часто здесь останавливались.

— Но туман еще не поднялся. И солнце высоко. Мы могли бы пройти еще пару верст, — недовольно заметил Финист.

— Дальше тропа становится совсем узкой, а места — дикими. Двадцать верст надо будет пройти без остановок. Поэтому лучше переночевать здесь, — уверенно ответила Герда, спешиваясь.

Путники, скрепя сердце, последовали ее примеру.

— Я попробую изловить что-нибудь на ужин. А Ждан с Дугавой поищут воду, — распорядился Финист, когда они устроились на поляне.

— Родник здесь недалеко, за поворотом, всего в сотне шагов от тропинки, но лучше, если я сама схожу, — ответила Герда.

— Не беспокойся, — беспечно махнул рукой Финист. — Сами управимся, чай, не дети.

И трое путников скрылись за деревьями.

— Только всегда держите тропинку на виду, — крикнула им вслед Герда.

— Почему мне кажется, что они тебя не услышали? — съехидничал тершийся у ног кот.

Герда проигнорировала его и принялась собирать хворост, чтобы распалить костер.

— Зря ты их так отпустила. Помнишь ту тварь, что за нами из малинника наблюдала? У меня от нее вся шерсть дыбом встала, — не унимался кот. — Раньше они никогда так близко к тропе не подбирались. Чую, быть беде.

— Ты ведь сам хотел, чтобы я их провела, — вспыхнула Герда. — Так чего сейчас ноешь?

— Я не ною, а предупреждаю, — противным монотонным голосом, который всегда ее бесил, поправил кот.

— Так значит, не каркай. Ты не ворона, — грубо ответила Герда.

Она разложила поленья домиком, а внутрь напихала сухих веток и листьев и подожгла. Смолистые сосновые дрова громко зашипели в алых языках пламени. Герда села на бревно возле костра. Кот тут же запрыгнул на колени, свернулся клубком и замурлыкал, как делал всегда, когда она грустила.

\*\*\*

До поворота путники дошли втроем. Как только поляна скрылась из виду, они разом заговорили.

— И ничуть не страшно. Обычный лес с болотами, — храбрился Ждан. После того, как слез с лошади, он сразу воспрял духом и сделался очень смелым.

— Она странная, — встревожено заметила Дугава. — Герда эта. Похожа на староверку.

— Ничего странного, — невесело ответил Финист. — Здесь, на окраине, вера в Единого и власть епископата не так сильны, как в Стольном. Вполне вероятно, что предки этой девушки были жрецам старой религии или даже Стражами.

— Стражами? — криво усмехнулся Ждан. — Что-то слабо себе представляю, как в такой глуши могли жить Стражи.

— И напрасно, — горячо возразила Дугава. — В этом лесу сходятся силовые линии, что ведут от северной червоточины к южной. А это всегда привлекает демонов. Удивлюсь, если мы никого из них здесь не встретим.

В поисках поддержки она взглянула на Финиста. Тот согласно кивнул.

— Когда мы проезжали малинник сразу после топей, за нами кто-то следил, — мрачно сообщил предводитель.

— Защитники Паствы? — передернул плечами Ждан.

— Демоны? — испуганно выдохнула Дугава.

— Не уверен. В любом случае, нападать они не стали, а значит, не очень-то мы им нужны, — успокоил их Финист. — Идите к роднику. Можете там потренироваться немного. Только тихо, — он смерил Ждана суровым взглядом. — И на всякий случай, не теряйте тропу из виду.

Дугава со Жданом переглянулись и кивнули. Финист пошел дальше по тропе, а его спутники свернули в лес. Вскоре они обнаружили родник возле небольшого болотца. Дугава опустила на корточках и зачерпнула котелком ржавую воду. Тот неожиданно легко поднялся, выскользнул из рук и поплыл по воздуху, раскачиваясь, а потом перевернулся и окатил Дугаву водой с ног до головы.

— Ждан! — угрожающе крикнула она. Парень виновато улыбнулся. — Ну, все!

Из болотной грязи поднялся громадный голем и двинулся вперед, угрожающе расставив свисавшие чуть ли не до самой земли руки.

— Это всего лишь морок! — сказал Ждан, с опаской глядя на пошатывающегося при каждом шаге великана из глины.

— Ты в этом уверен? — с вызовом крикнула Дугава, усаживаясь на покрытую росой

траву — все равно уже промокла до нитки.

Голем застыл в десятке шагов от Ждана и запустил в него кусок глины, оторвав от собственной руки. Парень попытался увернуться, но неловко поскользнулся на вязкой болотистой почве и упал прямо в грязь. Глина тут же исчезла вместе с големом. Дугава злорадно захихикала.

— Гляди-ка, что там? — испуганно воскликнул Ждан, указывая ей за спину.

Дугава опасливо обернулась. В лицо стремительно полетел комок болотной ряски. Девушка закашлялась, вытирая глаза руками.

— Ну, ты и дурак! — обиделась она, но вдруг замолчала, вглядываясь куда-то вдаль. — Что это?

— Я на свои же хитрости не попадаюсь! — поддразнил Ждан.

— Я не об этом, болван, гляди!

Из чащи леса по воздуху летели бело-желтые огоньки. Только сейчас Дугава со Жданом с удивлением обнаружили, что начало темнеть. Светящиеся шарики мерно мерцали, подплывая к ним все ближе. Путники одновременно поднялись с земли и заворожено уставились на них. Огоньки превратились в маленьких человечков с крылышками-фонариками. Все звуки стихли. Во внезапно нависшей тишине послышались тоненькие голоса. Они пели. Да так чудно, что нельзя было оторваться. Дивные звуки обволакивали и звали за собой.

\*\*\*

Финист возвращался на Лосиную поляну с двумя подстреленными зайцами. Герда сидела у костра в полном одиночестве и говорила сама с собой. Финист удивленно моргнул. С девушкой явно что-то не так. Если бы хватило времени, он бы обязательно разгадал ее тайну, но сейчас его мысли занимали лишь наступающие на пятки преследователи. Да, жаль ее, но всем обездоленным не поможешь. В первую очередь надо позаботиться о своих.

— Герда? — позвал Финист. Девушка вздрогнула от неожиданности. — Мои ребята не возвращались?

— Нет, — испуганно выдохнула Герда, как будто только поняла, что над лесом сгустились сумерки. — Они, наверное, заблудились. Хоть бы от тропы далеко не ушли.

Девушка сорвалась с места и побежала в сторону родника.

— Стой! — Финист преградил ей дорогу. — Я сам схожу за ними, а ты пригляди за лошадьми.

— А вдруг и ты заблудишься? — встревожено спросила Герда. — Я знаю этот лес куда лучше тебя. Я найду их быстрее.

— Нет! — с угрозой в голосе прикрикнул он.

Герда испуганно сжалась. Не следовало при ней выходить из себя. Но и позволить ей узнать их тайну он не мог.

— Останься, — уже намного более мягким тоном произнес Финист.

Герда покорно опустила голову и вернулась к костру.

\*\*\*

Потом Ждан с Дугавой и сами не могли вспомнить, сколько брели за болотными огоньками, прыгая с кочки на кочку, перелезая через поваленные деревья, уходя все дальше в темную чащу векового леса. Опомнились, только когда вышли на большую поляну. Огоньки мигом исчезли. Пение перестало заглушать звуки леса. Где-то вдалеке завыл одинокий старый волк. На разлапистой ели ухнул филин.

Полная луна заливала землю ровным серебристым светом, в котором можно было различить стоявшую посреди поляны избу на двух высоких сваях из пней деревьев, корни которых торчали из земли, напоминая узловатые куриные лапы. Ждан с Дугавой испуганно оглядывались по сторонам, силясь понять, где они оказались.

— Я попробую постучать, — решил Ждан. — Может, там живет кто.

Дугава оббежала взглядом стоявшие вокруг дома идолица с конскими головами. Финист говорил, что так старожилы украшали вход на переправу в царство мертвых.

— Не надо, — тихо взмолилась она. — Лучше пойдем сами дорогу поищем. Ведь дошли как-то досюда.

— Не трусь, — устыдил ее Ждан и поднялся на крыльцо по шаткой приставной лестнице.

Дверь распахнулась еще до того, как он успел занести руку, чтобы постучать. На пороге показалась древняя старуха: седая, морщинистая, согнутая чуть ли не вдвое. Из-под кустистых бровей внимательно глядели удивительно яркие для старческого лица угольки глаз. Старуха задумчиво потянула воздух, принюхиваясь, кривым, горбатым, как будто его ломали, по меньшей мере, три раза, носом и очерила рот, полный гнилых зубов.

— Заблудились, деточки? — просипела она гнусавым голосом.

В поисках поддержки Ждан глянул на Дугаву, но та тряслась от страха, как осиновый лист на ветру.

— Мы в Подгайск идем из Дрисвят. Остановились на Лосиной поляне на ночь. Решили сходить к роднику воды набрать и... куда-то не туда свернули, — сбивчиво объяснял он.

— Разве деточки не знают, что с тропы сходить нельзя? — подбоченившись, поинтересовалась старуха. — Иначе попадете в плен к нечистикам и вечность у них в услужении проведете.

Она точь-в-точь повторила слова Герды, да еще так странно глянула, что Ждану захотелось бежать прочь со всех ног, не разбирая дороги.

— Не бойтесь, деточки, — старуха снова улыбнулась, выставляя напоказ мерзкие черные зубы. — Повезло, что вы нашли мою избушку. Проходите. Время уже позднее. Я вас ужином накормлю и спать уложу, а завтра на рассвете покажу обратную дорогу.

Дугава нерешительно поднялась на крыльцо и встала рядом со Жданом.

— Нас друзья ждут. Не могли бы вы показать дорогу сейчас, — она четко выделила последнее слово.

Старуха перевела на нее взгляд. По спине пробежали мурашки. Дугава испуганно выдохнула.

— Так ведь ночь на дворе. А ежели зверь какой нападет? Послушайте старуху, утро вечера мудренее. Да проходите, не стойте на крыльце, а то Всеблагоего разозлим.

Ждан с Дугавой потерянно переглянулись. По церковным канонам Единого нельзя называть другими именами. Значит, старуха не связана с их преследователями. Воодушевленный этой мыслью Ждан сделал шаг в избушку. Дугава последовала за ним. Пол вдруг разверзся под ногами, и они полетели в черную бездну.

\*\*\*

Финист присел на корточки возле родника и поднял брошенный на землю котелок. Две пары следов вели через болото в глухую чащу.

«Вот идиоты, — отрешенно подумал он. — Велено же было далеко от тропы не отходить. Так какого демона их туда понесло?! Ох, не по мне эта работенка. Ну, какой из

меня наставник? Я едва-то с собой управиться могу, не то, что с этими горе-учениками. Не надо было зариться на высокий чин. Переждал бы бурю в укромном местечке, нашел дело по душе. И никто бы меня разыскивать не стал. Ан нет, поддался на первый порыв, связался с бунтовщиками с запада. Вот теперь и приходится носиться по лесам и долам, как загнанному зверю».

Мысленный монолог прервало мелодичное пение. Финист настороженно поднял голову, вглядываясь в темную полосу горизонта, где роились странные огоньки, которые он поначалу принял за светлячков. Огоньки подлетели ближе и начали водить хороводы вокруг его головы. Финист раздраженно сбил один рукой. Стоило крохе коснуться земли, как он тут же погас. Финист нагнулся, чтобы получше его рассмотреть, но оставшиеся в воздухе огоньки роем кинулись на мужчину, мстя за собрата. Вмиг их стало так много, что невозможно было разглядеть ничего вокруг, кроме пылающего бело-желтого марева. Финист прикрыл глаза руками, боясь, что огоньки лишат его зрения. Тело содрогнулось в прошедшей от головы до пят судороге, стремительно уменьшаясь в размерах. Кожу начали покрывать сизые перья. Через мгновение с места, где до этого стоял человек, взлетел, широко распахнув крылья, крупный сокол.

Сбитые с толку огоньки застыли в нерешительности, а потом всем скопом погнали птицу в чашу.

\*\*\*

Герда снова видела всадника на вороном коне, летящего по заснеженной пустыне. На этот раз он подъехал так близко, что она могла достать до него рукой, но прежде, чем их пальцы соприкоснулись, проснулась.

Лес утопал в предрассветных сумерках. Первые лучи солнца окрашивали кроны деревьев в пестрые тона. Она спихнула с груди кота и приподнялась на локтях. Финиста с товарищами не было. Герду снедало беспокойство.

— Они давно уже должны были вернуться.

— Но не вернулись, — добавил кот.

— Наверное, что-то случилось, — старательно его игнорируя, размышляла Герда.

— Не пора ли уже отправиться на поиски, — не сдавался тот.

Она поднялась, направилась к лошадям и отвязала их. Толстун с Пустельгой тут же сбежали на противоположную сторону поляны в поисках свежей травы. Яшка непонимающе посмотрела на Герду. Та положила руку ей на нос.

— Прости, мне надо их найти. Если я... — Герда запнулась и громко всхлипнула, — не вернусь, то не жди меня.

Сзади к ней подошла Золотинка и ткнулась мордой в спину.

— Найдите себе других, лучших хозяев.

Обе кобылы проводили ее тяжелыми взглядами, словно понимали ее чувства. Герда перекинула через плечо белую тряпку, которую отец велел всегда брать с собой, чтобы оставлять метки.

Летом светало быстро. К тому времени, как она добралась до родника, на вязкой болотистой почве можно было уже с легкостью разглядеть следы. Две пары вели через трясину, а одна терялась на поляне возле походного котелка и одеждой Финиста. Тут явно случилось что-то нехорошее.

Герда глянула на видневшуюся в просвете между деревьев дорогу, а потом обратно на следы.



— Что же делать? Отец не велел сходить с тропы, — задумчиво пробормотала она не в силах принять решение.

— Прости, что напоминаю, но он умер. Не пора ли жить собственным умом, — тут же ответил ехидный голос.

Кот, ловко перепрыгивая с кочки на кочку, шел по следам, ведущим в чащу.

— Чего ты ждешь? — спросил он, обернувшись.

Герда глубоко вздохнула, нашла в кустах длинную палку и, проверяя с ее помощью кочки, двинулась следом. Дойдя до края болота, она остановилась.

— Здесь один бурелом, — сокрушенно сказала Герда.

— Не все ж тебе проторенными дорожками ходить, — пристыдил ее кот. — Вперед, а то эти олухи точно попадут кому-нибудь на обед.

Аккуратно обходя поваленные деревья, Герда побрела туда, куда вели следы. Она отрывала от тряпки маленькие лоскуты и повязывала их на сучья, чтобы не потерять обратной дороги. Через версту лес начал редеть. Больше не приходилось уворачиваться от хлеставших лицо веток молодых осин и берез. Между деревьями забрезжил свет. Герда вышла на большую солнечную поляну. Посреди нее стояли белокаменные хоромы с высоким теремом с гульбищем, окруженным резными перилами. Тонкоствольные березы склонялись над входом, образуя живую арку. Хоромы окаймляли постаменты с вырезанными в красном граните конскими головами.

Герда удивленно уставилась на лесное чудо. Такому богатому старинному жилищу позавидовал бы сам Заградский, да что там Заградский. С этими хоромами не мог сравниться даже дом уездного наместника в Подгайске.

— Не робей, — прикрикнул кот и ловко вспрыгнул на высокое крыльцо.

Двустворчатая дверь тихонько отворилась. На порог вышла статная женщина с яркими каштановыми волосами. Поверх белой льняной рубахи — старомодный зеленый сарафан с высокой талией. По краю юбку и рукава окаймлял тонкий рунный орнамент. Голову венчала корона из дубовых веток, украшенная гроздьями засушенной рябины и осиновыми листьями. В одной руке женщина держала золоченую клетку. Заметив на крыльце кота, опустила ее на пол и подняла его за шкуру.

Герда изумленно открыла рот. Никто кроме нее рыжего наглеца никогда не видел. Она была уверена, что кот — плод ее воображения.

— Что за невежа, — покачав головой, тихо сказала незнакомка. Кот молча уставился на нее, смешно выпучивая синие глаза. — Ну, ничего, сейчас ты присмиреешь.

Женщина посадила кота обратно на крыльцо и погладила его по голове. Он замер, как каменный истукан. Незнакомка ухмыльнулась, подняла клетку и подошла к Герде. От страха у той онемели ноги и приросли к земле.

— Заблудилась, деточка? — сладким голосом пропела женщина.

Герда медленно кивнула, вконец растерявшись.

— Пойдем, деточка, я тебя обедом накормлю, — ласково предложила незнакомка.

Герда отшатнулась.

— Кто вы? Я всю жизнь провела в этом лесу, но вас никогда не встречала, — ответила она, пятясь к лесу.

— Меня зовут Ягиня, — женщина не сдавалась, будто отчаянно хотела завоевать доверие. — Я хозяйка этого места. А твое имя мне известно. Ты дочка лесника Гедымина. Он часто оставлял мне подношения, когда шел в лес. Почему его так давно не было?

Неужели он забыл обо мне? — последние слова были сказаны с нарочитой обидой.

— Он умер, — резко оборвала ее Герда, неожиданно избавившись от остатков робости.

— Жаль, хороший был человек, — ничуть не смутившись, ответила Ягиня. — Пойдем, помогу тебе по доброй памяти.

— Чем?

— Ты ведь друзей ищешь, верно? — она снисходительно улыбнулась.

— А откуда вы знаете? — недоверчиво поинтересовалась Герда.

— Так я ведь хозяйка этого леса. Я все знаю: о чем мои березки и осинки шепчутся, почему так тоскливо воет старый волк на луну, сколько раз прокукует кукушка в сосновом боре, где гнездится болотная выпь, и как медведь по старому дубу за медом лезет.

Герда посмотрела на кота, неподвижно застывшего на крыльце. «Надо соглашаться, а то еще, чего доброго, и меня в истукана превратят. Кто тогда нас выручать будет?»

Герда подала Ягине руку. Та взяла ее под локоть и повела к терему. В вышине раздался пронзительный птичий крик. С небес на них ринулся сизокрылый сокол, но запутался в силке, привязанном к одной из березок у терема.

— Долетался, соколик? — ехидно спросила у птицы Ягиня, ловко доставая ее из петли.

Сокол даже не пробовал биться в ее руке. Она легко просунула его в дверцу золоченой клетки и запахнула ее. Только тогда птица поднялась и отрывисто заголосила, пристально глядя на Герду: «кьяк-кьяк-кьяк». На душе кошки заскребли. Как будто это не птица вовсе, а попавший в западню человек кричал.

Не дав ей опомниться, Хозяйка леса потянула Герду за собой в хоромы. Внутри все было уставлено дорогой мебелью, украшено самоцветами, обшито золотом и серебром. От сверкающего великолепия зарябило в глазах.

Радужная хозяйка натопила баньку. Герда вымылась, прополоскав голову душистым отваром ромашки с крапивой, и заглянула в стоявшее у двери зеркало. В нем отражалась сероглазая русалка со стройным станом и оформившейся высокой грудью, стыдливо прикрытой волосами. Герда не узнавала в ней себя. Не ощущала себя такой взрослой... Девушкой? Женщиной? Все ее одноклассники в Дрисвятах уже давно вышли замуж и растили детей. Только Герда даже думать о женихах не хотела. Отец всегда потакал ее желаниям, баловал, отгораживая от всех бед и позволяя жить беззаботной жизнью. Наверное, зря. Из-за этого Герда до сих пор чувствовала себя ребенком, слишком быстро осиротевшим, испуганным и потерянным, не имевшим представления, как спастись из ловушки, в которую она угодила. Без не в меру говорливого кота, неотступно следовавшего за ней последние восемь лет, стало совсем невыносимо, словно только его ехидные слова побуждали ее к жизни, тянули вперед, не давали закинуть в собственном горе и одиночестве.

В сказках злобных ведьм и нечистиков всегда побеждает странствующий рыцарь или просто добрый молодец, но где же все героини сейчас, когда так нужна их помощь?

Дверь бани тихонько отворилась. Внутрь вошла Хозяйка с серебряным подносом, на котором стоял пузатый самовар и блюдо с сахарными кренделями, медовыми пряниками и печеными яблоками. Она поставила поднос на стол и накинула на Герду чистую льняную рубаху до пола.

— Угощайся, — гостеприимно предложила она, разливая травяной отвар по блюдам.

Герда с опаской посмотрела на поднос. Угощение ведьмы есть нельзя, иначе в ее власти окажешься. Про это во всех книжках писали. Хозяйка достала из рукава золотой гребешок и принялась расчесывать волосы Герды.

— Не бойся меня, — приговаривала Ягиня, тщательно разбирая каждую прядку. — Я помогу тебе, найду твоих друзей.

Разум затуманился. Рука сама потянулась к прянику.

— Я научу тебя, как жить дальше, я передам тебе свои знания, я сделаю тебя новой Хозяйкой леса, — продолжала Ягиня, распутывая кончики волос. — Ты ведь так его любишь. Ты станешь его частью, его сердцем, его повелительницей.

Не помня себя, Герда надкусила пряник и отхлебнула отвара из блюдца. Глаза начали слипаться.

— Все, что тебе нужно, это съесть сердце сокола, который угодил в мой силочек, — Герда отчаянно затрясла головой, пытаясь вырваться из дремоты. — И тогда вся сила леса перейдет к тебе. Даже больше. Убей сокола — и перед тобой склонятся сами братья-ветры.

Ягиня вложила в безвольную руку кривой кинжал. Голова Герды сникла и упала на грудь.

\*\*\*

Ветер вихрями кружил в воздухе искристые снежинки. Они плясали вокруг мчащего по белому покрывалу всадника, создавая светящийся ореол. Герда бросилась ему навстречу, утопая в глубоких сугробах. Всадник протянул руку. Он оказался так нестерпимо близко, что Герда чувствовала на лице его дыхание. Легкое касание. Усы защекотали щеку. Герда открыла глаза. Над ней нависла белая кошачья морда, уткнувшаяся носом прямо в лицо.

— Фу, — поморщилась Герда, прогоняя наглеца. — Что ты творишь? Остатков разума лишился?

— Ничегошеньки я не творю, — угрюмо пробормотал кот. — Я просто пытался тебя разбудить. В хоромах Хозяйки леса спать нельзя. Тебе этих олухов спасать надо, между прочим. Забыла?

— Нет, — грубо ответила Герда, стирая с лица кошачий дух. В глубине души она радовалась его возвращению, но ему знать об этом было совершенно ни к чему. — Как тебе удалось расколдоваться?

— Ну, — сразу замялся кот. — Я обернулся три раза вокруг себя, а потом еще три раза вокруг оси червоточин...

Герда ошарашено моргнула. Кот тут же осекся:

— Ладно, не важно.

За дверью послышались шаги. Кот выпучил глаза и нырнул Герде под рубаху. В следующий миг на пороге комнаты появилась Хозяйка леса.

— Ты уже проснулась? — ничем не выдавая своего удивления, спросила она.

Герда медленно кивнула.

— Что ж, значит, мы можем приступить к ритуалу. Кинжал все еще у тебя? — Герда перевела взгляд на зажатое в собственной руке оружие. Почему она раньше его не замечала?

— Ну же, убей птицу! — властным жестом приказала Ягиня.

Голова стала тяжелой. Герда подняла кинжал и потянулась за стоявшей на подоконнике золотой клеткой. Птица испуганно закричала. Под рубахой острые клыки впились в голую лодыжку. Туман рассеялся. Герда без сил упала обратно на постель.

— Наверное, еще слишком рано, — задумчиво пробормотала ведьма. — Я скоро вернусь.

Как только захлопнулась дверь, кот выполз из-под рубашки и забрался Герде на грудь.

— У-у-у, — недовольно засопел он. — Кажется, все намного хуже, чем я думал. Ты

зачем ее пищу принимала?

— Я не помню, — бессильно всплеснула руками Герда. — Она сказала, что поможет мне найти Финиста и остальных.

Кот перевел взгляд на взъерошенную птицу в клетке и громко фыркнул.

— Врет она все, — начал объяснять он. — Она себе только помогает. Хочет силу тебе передать, и, судя по всему, не только свою.

— Зачем? — нахмурилась Герда.

— Не знаю. Не уверен. Возможно, хочет решить свои проблемы за твой счет. Знаешь, сейчас старым богам тоже несладко приходится. Всеми покинутые, преданные забвению, они копят злобу и обиду, мечтая только о мести. Но месть — это смерть... даже для бессмертного.

— Я-то тут причем? Я ведь ей ничего плохого не сделала, — продолжала недоумевать Герда.

— Она решила, что у тебя достанет сил совершить то, на что сама не способна, — терпеливо ответил кот. — Ладно, это тоже сложно. Лучше давай что-нибудь сделаем с этой птицей.

Он вскарабкался на подоконник и ударил лапой по дверце клетки.

— Кажется, придумал, — обернувшись, сказал он. — Я съем ее за тебя.

— Ты хочешь сам получить силу Хозяйки? — нахмурилась Герда. — Не дам. Мне птицу жалко.

— Это не птица, — коту явно надоело ее упрямство. — Ты мне доверяешь?

Герда в недоумении уставилась на него.

— Поторопись, а то ведьма вернется.

Герда взяла клетку в руки, подцепила замочную скважину острием кинжала, провернула его несколько раз и дверца распахнулась. Протянула руку, но испуганный сокол больно клюнул ее. На дно клетки упали две алые капли. Герда прикусила губу от боли. Птица бешено отбивалась, царапаясь когтями и клювом. Схватить ее и вытащить наружу удалось с большим трудом. Кот проворно запрыгнул на колени, распахнул пасть и мигом проглотил сокола. Герда поражено выдохнула. Как в его маленький рот смогла поместиться целая птица? По телу кота пробежала судорога. Он словно поперхнулся и выплюнул сокола обратно. Перья птицы облетали прямо на глазах, а тело стремительно росло. Через мгновение на месте сокола лежал абсолютно нагой мужчина, в котором Герда с ужасом узнала Финиста.

— Срам-то какой, — пробормотала она, закрывая глаза руками.

Бывший сокол болезненно застонал, разминая затекшие члены.

— Демоны, что произошло? — ошарашено спросил он, разглядывая светлицу, в которой оказался.

— Ты был соколом, — не открывая глаз, ответила Герда.

— Скажи мне лучше что-нибудь, чего я не знаю, — огрызнулся тот.

— Ты голый, — щеки горели от стыда. Она никогда не видела голых мужчин. И сейчас бы предпочла не видеть. Они ужасны!

— Так дай мне какую-нибудь одежду, — раздраженно крикнул Финист.

Герда нашла на табурете рубаху и, не оборачиваясь, кинула ему.

— Она же бабская! — недовольно поморщился тот.

— Да какая разница! — ответила Герда. — Одевайся, пока Хозяйка леса не вернулась!

— Кто?

— Ведьма, которая тебя в птицу превратила, — нетерпеливо махнула рукой Герда.

— Никто меня в птицу не превращал, — пробубнил себе под нос Финист, натягивая рубашу, которая оказалась ему сильно мала и доходила только до колен. Но возмущаться уже не было времени. Дверь распахнулась, и в комнату влетела привлеченная криками Ягиня.

— Что здесь происходит? — грозно спросила она.

Увидев Финиста в человеческом обличье, Хозяйка леса мигом подобралась и кинулась на него. Лицо исказила гримаса ненависти. Ногти почернели и вытянулись, превращаясь в когти. Она полоснула ими по рубашке Финиста, раздирая ее на лоскуты. Светло-серая ткань окрасилась багровыми пятнами.

— Не спи! — зашипел на застывшую в ужасе Герду кот.

Она мигом спохватилась и кинула Финисту ведьмин кинжал. Тот ловко перехватил его в воздухе и молниеносно всадил по рукоять в грудь Ягини. Ведьма захрипела и упала на пол. Финист, тяжело переводя дыхание, оперся о стену. Герда бросилась к нему на помощь.

— За что? — едва слышно просипела Ягиня. — Она ведь могла нас всех спасти. Час возрождения так близок...

— Еще не время, — ответил кот, вспрыгивая ей на грудь. Герда покосилась на них, не понимая, о чем речь.

Ягиня напряглась, из последних сил стараясь разглядеть что-то в очертаниях представшего перед ней огненного зверя.

— Кто ты? — бескровными губами спросила она.

— Это неважно, — тихо сказал кот, закрывая лапой остекленевшие глаза ведьмы.

Волшебство исчезло с последним вздохом Ягини. Ее кожу начали покрывать глубокие морщины, а спина согнулась в три погибели. Тело сморщилось в крохотный сухой комок и разлетелось по полу пожухлой листвой.

— Дом сейчас рухнет! — предупредил кот.

Герда успела лишь коротко вздрогнуть, когда все вокруг загрохотало и зашаталось. Терем быстро превращался в старую избушку на сваях. Как только пол перестал трястись, снизу донесся стук.

— Эй, откройте нас, эй, — кричали из погреба, что находился у самой двери.

Финист подскочил к нему и поднял крышку.

— Вы здесь? Вы в порядке? — облегченно спросил он.

— Да-да, помоги нам выбраться, — послышался низкий голос Ждана.

Он поднял Дугаву на плечи. Финист схватил ее за руки и вытащил наверх. Тут изба снова задрожала.

— Быстрее, дом рассыплется в любой момент! — подогнала их Герда.

Ждан вытянул руки и встал на носки, но до верха дотянуться никак не мог.

— Может, там есть лестница или хотя бы веревка? — со слабой надеждой спросил он.

— Нет времени искать, — крикнул Финист. — Левитируй.

— Я не могу левитировать сам себя, — сокрушенно ответил Ждан.

— Так учись! — Финист лег на пол и изо всех сил старался до него дотянуться. — Ну же!

Ждан с кряхтением подлетел в воздух на пару локтей. Финист едва успел схватить его, до того, как он рухнул обратно.

Герда распахнула дверь. Лестница уже обвалилась.

— Прыгайте! — скомандовал Финист.

Они один за другим вылетели из избы и попадали на землю. Избушка развалилась, превратилась в кучку трухлявых бревен, а потом и те истлели.

Путники перевернулись на спины, переводя дух.

— Кошмар какой-то, а не лес, — причитала Дугава. — Лучше б я у папеньки в Стольном осталась.

— Эй, Финист, что это ты на себя напялил? — засмеялся Ждан, глядя на непотребный вид предводителя. — Неужто бабой теперь обернуться решил?

Тот пошевелил волосатыми ногами, торчавшими из-под короткой рубахи. Дугава присоединилась к громкому хохоту Ждана. Герда поднялась с земли и подошла к месту, где раньше стояла избушка. Посреди кучи мусора лежала ее одежда и ведьмин кинжал. Она собрала все в охапку и повернулась к путникам.

— Ну что, господа Стражи, возвращаемся на тропу, — неестественно ровным голосом сказала она, изо всех сил стараясь не выказывать своих чувств.

Смех в мгновение стих. Все трое испуганно уставились на нее, наконец, осознав, что они себя выдали.

### ===== Глава 3. Долг и расплата =====

Финист открыл было рот, чтобы хоть как-то объясниться, но Герда, не желая слушать оправдания, спряталась за густыми можжевельновыми кустами. Она скинула с себя опостылевшую рубаху Ягини и натянула походную одежду. По щекам незнамо от чего текли крупные слезы.

Стражи! Говорили, что все они сгинули во время Войн за веру, а дар Стражей выродился из человеческой крови из-за того, что люди отвернулись от питавших его старых богов, но нет. Видно, еще остались люди с невероятными способностями: оборотничество, левитаторство... Так вот почему отец согласился провести их через Пуцу — счел своим долгом помочь тем, кто так долго служил всем мидгардцам, не требуя ничего взамен. Это такая честь! Только вот отцу-то они доверились, а ей нет. Конечно, он ведь был уважаемым человеком. Даже Заградский побаивался навязывать ему свою волю. А кто она такая? Всего лишь глупая девчонка, которая ничего кроме книг и леса в жизни не видела. На нее понадеялись, а она завела их в западню и чуть не погубила.

Герда подавлено всхлипнула, отерла ладонью лицо и принялась заплетать распущенные волосы в косы. Сидевший рядом кот мыл лапами заостренную мордочку, то и дело бросая на нее тяжелые взгляды. Совладав с эмоциями, Герда вернулась на поляну.

— Куда нам идти? — деликатно поинтересовалась Дугава, в то время как мужчины, потупив взгляды, переминались с ноги на ногу у нее за спиной.

— Туда, — неопределенно махнула Герда в сторону валежника на противоположном краю поляны, в котором только что исчез рыжий кошачий хвост.

Путь к роднику нашелся на удивление быстро. То ли лес поредел, то ли помогли метки на деревьях — через несколько часов они уже были на поляне возле болота, где остался злосчастный походный котелок и одежда Финиста.

Рядом пасся маленький табун из четырех лошадей. Похоже, Золотинка, учуяв запах хозяина, согнала сюда своих товарищей. Пустельга счастливо фыркнула, завидев людей. Толстун, не обращая на них никакого внимания, продолжил стричь пожухлую траву. Яшка

демонстративно отвернулась, всем видом выказывая негодование по поводу того, что хозяйка ее бросила. Но стоило подойти к ней поближе, как кобыла тут же оттаяла и подставила морду, чтоб ее почесали между ушей.

Дело шло к закату, поэтому решили двинуться в путь на следующее утро, чтобы не угодить в темноте в трясины. Когда доедали ужин у костра, над ними пролетел рой светящихся шариков.

— Что это? — встревожено спросил Ждан. — Это они нас в ловушку заманили!

— Прислужники Хозяйки леса, — пожал плечами Финист, хищным взором окидывая круживших над головами светляков. — Видно, она их специально создала, чтобы заманивать беспечных путников в свое логово.

— Нет, это болотные огоньки, — возразила Герда. — Они сами по себе. Если бы они существовали только по ее велению, то исчезли бы вместе с ее гибелью, как терем.

— Интересно, куда это они? — задумчиво пробормотала Дугава, когда огоньки вдруг сорвались с места и полетели прочь.

— Нового хозяина ищут. Да только вряд ли найдут. Скорее всего, осядут на каком-нибудь болоте побольше и на этом упокоятся, — ответил кот, но никто кроме Герды его не услышал.

Наутро они отправились в дорогу. Лес как будто посветлел и расступился. Ехать стало значительно легче. Деревья уже не взирали с мрачностью черных туч на путников, имевших несчастье заплутать под их кронами. То тут, то там раздавались нежные трели перелетных птиц, которые уже начали собираться на юг, в благостный вырий, где круглый год светит солнце и никогда не бывает холодно.

Возле русла пересохшей реки Герда ненадолго задержалась: спешила, подняла с земли сухую ветку и пошарила под корягами у оврага. Ждан с Дугавой уехали вперед, а Финист остался ждать у тропы.

— Что там? — настороженно спросил он. Герда видела, что напряженность между ними не давала ему покоя. Переживал, что она их выдаст? Ну, конечно, ведь она совершенно обычная человечка, чего еще от таких ждать?

— Нет ничего, — озадаченно ответила она.

— Тогда едем.

Герда кивнула и забралась обратно в седло.

— Раньше здесь под корягами был большой гадючник, а теперь от него и следа не осталось, — едва слышно произнесла она.

Кот ловко перелез с крупа лошади на переднюю луку седла:

— Чары ведьмы покидают Пущу вместе с демонами.

— Но... — сдавленно выдохнула Герда. — Я не хочу, чтобы что-то менялось. Здесь всегда было так хорошо и спокойно.

— Жутко, ты хочешь сказать, — поправил кот. — Если тебе так нравился этот лес, почему не согласилась на предложение ведьмы? Могла бы сама стать хозяйкой и вершить его судьбу.

— Она требовала, чтобы я убила сокола... Финиста, — Герда обернулась. Финист пристально смотрел на нее. У его виска вздулась небольшая жилка. На лбу блестел пот. Герда нахмурилась и снова перевела взгляд на кота. — Теперь лес погибнет из-за нас.

— Не погибнет, а переродится, станет обычным. Вот увидишь, скоро люди перестанут бояться. Начнут собирать грибы и ягоды, дрова рубить, на зверя охотиться... Может, дорогу

проложат. Будут тут большие обозы из сел и местечек на ярмарку ходить.

Герда грустно вздохнула и ссутулила плечи.

— Выше нос, — подбодрил ее кот. — Может, оно и к лучшему. Уходить всегда проще, когда за спиной ничего не остается.

— Я не собираюсь уходить, — упрямо сказала девушка.

— Посмотрим, — хмыкнул кот и перелез обратно на круп, где сидеть было удобней.

Через день к полудню путники покинули Дикую пущу и въехали в Подгайск. Приграничный городок мало чем отличался от соседних деревень: все те же покосившиеся дома из посеревшего от времени дерева, пара казенных построек и неизменно возвышавшаяся над селением белая колокольня единоверческой церкви. По улице с деловым видом сновали куры-пеструшки, чуть вдали на лугу паслись коровы, а на центральной площади выставляли товар купцы, обмениваясь последними новостями с гостями из приграничной Кундии.

У коновязи возле придорожной корчмы всадники спешили. Финист отсчитал пятьдесят монет в кожаный мешочек для Герды. Она молча засунула его себе за пазуху и, в нерешительности потоптавшись пару мгновений на месте, зашагала в сторону ратуши — массивного двухэтажного здания из красного кирпича. Больше она их не увидит.

Герда остановилась на пороге ратуши и, собрав волю в кулак, отворила дверь. За столом в передней сидел старик-писарь и что-то задумчиво выводил на листе дешевой желтой бумаги.

— Где можно найти Вальдемара Заградского? Долг ему хочу отдать, — писарь задумчиво поднял глаза.

— На охоту поехал, — после затянувшегося молчания ответил он и снова уставился в свой лист. — До сих пор не вернулся. Видать, в сторожке на краю Пущи заночевать собрался. Там и ищи.

— Спасибо, — кивнула Герда и вышла.

\*\*\*

Финист смотрел вслед Герде, досадливо покусывая нижнюю губу.

— Не боишься, что она нас выдаст? — настороженно спросил Ждан.

Финист медленно перевел на него взгляд, не зная, что ответить.

— Почему мы не можем переночевать на постоялом дворе? — возмущалась Дугава, наблюдая, как Финист раскладывает по седельным сумкам купленную на ярмарке еду.

— Да, я уже все бока отлежал на стылой земле, — поддержал ее Ждан.

— Хватит ныть, — резко оборвал их Финист. — Нам нельзя нигде надолго задерживаться. Да и денег осталось впритык.

— Не надо было тратиться непонятно на что, — проворчал Ждан.

— А ты предпочел бы просидеть до конца жизни в погребе той ведьмы? Девочка отработала все монеты, что я ей дал, до последней. Если бы не она, нас, возможно, и в живых сейчас не было.

Финиста терзало необъяснимое чувство вины. Он не должен был ее отпускать вот так. Одна она не выживет.

— Но кто теперь поручится, что она не донесет на нас Голубым Капюшонам? — продолжал раздражать его Ждан.

— Не донесет, я уверен.

— Почему? Ты прочитал ее мысли? Я видел, ты пытался.



— Нет, я не телепат и читать могу только мысли животных. Но аура у нее...

— Какая? — переспросили Ждан с Дугавой одновременно.

— Странная... такое ощущение, что с ней рядом есть кто-то еще, но мы его не видим.

— Призрак? — предположила Дугава.

— Не думаю. Призраки привязываются к месту, а не к человеку. Это что-то другое. Если бы у меня было больше времени, возможно, мне бы удалось заставить ее раскрыться.

— Почему ты не попросил ее поехать с нами? Думаю, она бы согласилась, ведь у нее никого здесь больше не осталось, — предположила Дугава.

— Стойте, вы ведь это не всерьез? — не на шутку встревожился Ждан. — Мы же ее толком не знаем. Один раз спасла, другой и погубить может. Слушай, Финист, я все больше убеждаюсь, что ты был прав. Надо поскорей убираться отсюда, а то чего доброго действительно на костер попадем.

— Вот и ступайте, — быстро согласился предводитель. — Отойдете от города на пару верст, найдете подходящую поляну и разобьете лагерь. Я вас позже догоню. Только границу без меня не переходите, ясно?

Дугава быстро кивнула и потащила упирающегося Ждана к лошадям. Финист решительно направился к ратуше. Одним человеком больше, одним меньше, какая к демонам разница? Он обязан ее забрать.

— Сюда девушка заходила. Невысокая такая, светловолосая, — поинтересовался Финист у писаря.

— Герда?

— Да. Где ее найти?

Писарь оценивающе глянул на чужака, раздумывая. Что-то в выражении глаз Финиста неизменно располагало к нему собеседников, особенно когда это было нужно позарез. Так вышло и сейчас.

— В сторожку на краю Пущи пошла. Только... я бы на твоём месте поспешил. Там ее Вальдемар, покойного Заградского сын, поджидает. У него к ней не самые добрые намеренья.

— В смысле? — смутился Финист. Он ведь не посмеет?.. Это против всех законов! Даже единоверческих.

Писарь пожал плечами и вернулся к работе, всем видом показывая, что и так сказал лишнего. Финист вихрем вылетел из ратуши, вскочил в седло и помчался по той дороге, по которой они ехали вместе с Гердой этим утром.

\*\*\*

Сторожка — крохотная избушка с соломенной крышей — находилась у самой опушки старого леса. Здесь часто оставались на ночь припозднившиеся охотники, чтобы не бродить по городу в потемках и не беспокоить сон своих домочадцев. Вальдемар любил охоту с детства. Обычно он собирал ватагу детей постарше и гонял по округе малышей, отбирая у них игрушки, лукошки с грибами и ягодами и вообще все, что только можно было отнять. Вальдемар называл это выкупом, а тех, кому не посчастливилось попасться с пустыми руками, ждала большая порция тумачков. Взрослые смотрели на это безобразие сквозь пальцы, не смея жаловаться земскому главе на недостойное поведение его единственного наследника.

Герда была излюбленной жертвой для игр Вальдемара, а все из-за того, что десять лет назад она напрочь отказалась стать его «дамой сердца» и в довесок окатила заносчивого

мальчишку студеной водой. С тех пор один вид ее льняных косичек не давал ему покоя, и он, кидая все свои дела, бросался за Гердой, впрочем, догнать ее удавалось далеко не часто.

С тех пор прошли годы. Дети выросли, и Вальдемар практически не навещался в Дрисвяты, а Герда старалась обходить усадьбу Заградских стороной, чтобы ненароком с ним не пересечься. Но несколько месяцев назад Вальдемар сам заглянул в их дом и долго о чем-то беседовал с отцом на повышенных тонах. В тот день Герда по обыкновению задержалась в книжной лавке, поэтому слышала лишь последнюю часть их разговора, притаившись за дверь. Вальдемар требовал, чтобы отец позволил забрать ее в усадьбу Заградских и сделать ее своей содержанкой. Лесник вначале опешил, а потом рассвирепел и чуть было не задал нахалу знатную трепку. Герда вовремя его остановила и метлой выпроводила Вальдемара за дверь.

После этого сладить с сыном Заградского уже не представлялось возможным: он специально поджидал Герду в темных, безлюдных местах, умолял, требовал, угрожал, чтобы она ответила на его ухаживания, но она оставалась непреклонно. И даже не из-за глупой детской мечты, не из-за приколотой к вороту вересковой броши, а из-за того, что сам вид Вальдемара вызывал чувство брезгливости, от его запаха живот сводила болезненная судорога, а от прикосновений хотелось отшатнуться и со всех ног бежать прочь, как от чумного.

Вот и сейчас было не по себе от предстоящей встречи. Но чтобы сохранить отцовский дом, нужно отдать Вальдемару долг, а попросить кого-нибудь сделать это за нее Герда не решалась.

— Может, все-таки передумаешь? — со слабой надеждой спросил кот. — Эти деньги оченьгодились бы в дороге.

— Я не собираюсь никуда уезжать.

— Сегодня — нет, а завтра?

— А завтра я вернусь домой.

Кот насупился и замолчал. Набравшись мужества, Герда постучала в дверь. На пороге показался высокий плечистый парень с кудрявыми волосами. Ворот рубахи был широко распахнут, выставляя напоказ смуглую мускулистую грудь. Герда тут же уловила резкий хмельной запах. Из головы выветрились все мысли, кроме одной — бежать.

— Заходи, — велел Вальдемар, в то время как Герда отчаянно пыталась вспомнить, зачем сюда пришла.

— Я... — начала заикаться она. — Я... деньги... Долг отдать. Вот.

Герда протянула Вальдемару кошель. Парень пристально глянул на нее и кивнул головой в сторону дома:

— Заходи.

— Зачем? Я лучше тут отдам и... пойду, — Герда вложила кошелек в его руку и попятилась, но Вальдемар ловко подхватил ее и втолкнул в дом.

— На улице деньги только торгаши передают, — сказал он, запирая дверь на засов. — А мы ведь друг другу не чужие, с детства знакомы. Да и горе общее нас роднит. Теперь мы оба сироты. Нет?

— Я слышала про вашего отца. Соболезную. Он был... хорошим человеком.

— Хорошего человека помянуть надо. Садись, я тебе сбитня налью. Пробовала? У него такой сладкий медовый вкус — тебе понравится.

— Нет, спа... спасибо, не стоит. Я... меня ждут, — неловко соврала Герда.

— Кто? Рыцарь на белом коне с большим мечом? — недобро рассмеялся парень. — Я верил в твои сказки, когда был ребенком. Если не заметила, я вырос. И ты тоже.

От страха сердце ухнуло куда-то вниз. Герда начала пятиться, пока не уперлась спиной в стену.

— Выпустите меня, — взмолилась она.

— Уходишь так быстро? Это неучтиво, — он тихо цыкнул и приподнял ее подбородок кончиком пальца. — Личико красивое, а вот манер не хватает. Хотя стоит ли удивляться, кто из местных может ими похвастаться? Мне следует поучить тебя вежливости? Послушанию? Смирению?

Вальдемар, будто играя с загнанной в угол дичью, наматывал кончик косы себе на палец. Герда сжалась в комок, желая провалиться сквозь землю, исчезнуть, раствориться в воздухе, лишь бы не видеть этого жуткого хищного взгляда.

— Будешь теперь меня слушать? — зашипел он, теряя терпение. — Чего молчишь?

— Буду, буду! — внутренне трепеща, выдавила из себя Герда. Она готова была сказать все, что угодно, лишь бы вырваться из его цепких рук.

— Хорошо. Сейчас и проверим, — он достал из-за пояса большой охотничий нож, натянул косу и провел по ней остро заточенным лезвием.

Коса шелковой лентой упала на пол, за ней последовала вторая. Герда застыла в ужасе. Что он наделал? Без кос же ее бесстыдной, гулящей девкой считать будут! Дрожащей рукой она потянулась к своим волосам. Такие красивые! Длинные, густые, слегка волнистые, они всегда были главным украшением ее заурядной внешности. Без них она даже на свое отражение смотреть не сможет. Пусть все окажется дурным сном! Герда зажмурилась.

— Не смей закрывать глаза, — Вальдемар со злостью дернул ее за плечи. Герда вдруг поняла, что это только начало. Дальше будет хуже. Зачем она только пошла к нему одна?!.. Противный липкий страх растекался по телу, отупляя.

— Хорошо, — мужчина оскалился и засунул руку ей под рубаху и больно сжал грудь, а второй обнял за шею и попытался поцеловать в губы.

От омерзения чуть не вытошнило. Он же сейчас обесчестит ее, сделает своей потаскушкой, а она так хотела сохранить себя для... мертвеца?! Нет! Охотник говорил, что она должна перестать бояться и плакать, должна быть сильной и бороться. Бороться хотя бы ради того, чтобы не стыдно было смотреть в глаза ему и отцу, когда они встретятся на том берегу. Собрав волю в кулак, Герда грызнула имевший неосторожность проникнуть в ее рот язык, зло разодрала клыками губу и со всей силы пнула насильника по ногам. От неожиданности Вальдемар отшатнулся. Герда бросилась к двери, отчаянно пытаясь отпереть засов. Но насильник оказался проворней.

— Ах ты маленькая паскуда! — заорал он, сплевывая кровь и, обхватив Герду за пояс, повалил ее на пол, придавливая собственным весом.

Она отчаянно брыкалась, визжала и царапалась, но все без толку. Вальдемар оказался намного сильнее ее.

— Дрянь, ты еще будешь целовать мне ноги, чтобы я только отодрал тебя как следует!

Он начал срывать с нее одежду. Ужас пополам со стыдом полностью захлестнули рассудок. Хотелось умереть, чтобы не видеть этого жуткого вожделения в глазах насильника, не чувствовать, как он грубо разводит ее колени в стороны и устраивается между ног, чтобы...

Герда зажмурилась. Сзади раздалось громкое шипение, переходящее в грозный рык. На

лицо капнуло что-то теплое. Сознание стремительно понеслось в непроглядную темень. “Охотник, я иду к тебе”, - было последней ее мыслью.

\*\*\*

Финист гнал лошадь во весь опор. До сторожки оставалось рукой подать, когда все вдруг замерло и разлетелось на мелкие осколки, острыми иглами впиваясь в кожу под рубашкой. Никогда прежде Финист не ощущал подобного взрыва силы. Там впереди должна была высвободиться колоссальная мощь. Даже деревья встряхнуло от прокатившейся волны. Опоздал!

Яшка, кобыла Герды, привязанная возле сторожки, тревожно рыла землю копытом и прижимала уши. Финист бросил возле нее свою лошадь, вскочил на крыльцо и, не теряя даром времени, вынес дверь плечом и зашел внутрь.

Герда в порванной в клочья одежде лежала на полу неподвижно с навалившимся на нее сверху мужчиной. Финист отпихнул его носком сапога и склонился к девушке. Лоскуты одежды и обнаженная кожа были щедро перемазаны в крови, но ран на теле не обнаружилось. Похоже, ублюдок все же не успел завершить задуманное злодейство. Герда дышала тихо и глубоко. Видно, лишилась чувств от ужаса или...

Финист обернулся на незнакомца и невольно содрогнулся.

Под широко распахнутыми веками вместо глаз красовалось жуткое месиво. Из уголков рта, ушей и носа сочилась кровь вперемешку с прозрачной жидкостью. Не оставалось сомнений, что подонок мертв.

«Поделом ему», — подумал Финист и мягко убрал со щеки девушки концы уродливо обкорнанных волос. Кожа Герды оказалась горячей, словно от лихорадки. Он не должен был ее отпускать. Больше такого не повторится.

Финист снял со стоявшей в углу кровати старое покрывало и завернул в него девушку. Потом подошел к камину, кочергой вытащил оттуда раскаленные головешки и раскидал их по полу. Огонь принялся жадно накинулся на сухие доски. Финист подхватил Герду на руки и выскочил в открытую дверь прежде, чем языки пламени с удушливым дымом заполнили собой весь дом.

#### ===== Глава 4. Озеро берегинь =====

— Думаешь, с Финистом все в порядке? — в десятый раз спрашивал Ждан, мужественно сражаясь с постоянно затухающим костром.

Дугава, занятая штопкой куртки Финиста, устало махнула на товарища рукой и подняла взгляд к небу.

— Какое зарево яркое, — поражено выдохнула она, указывая на юго-восток. — Должно быть, там пожар.

— Нам бы кто огоньку подбавил, — пожаловался Ждан, вытирая со лба пот.

— Сейчас подбавлю, — донесся из-за деревьев голос Финиста.

Через мгновение показался и он сам верхом на Золотинке, придерживая перед собой бесчувственную Герду. Следом на привязи шагала ее кобыла.

— Что случилось? — первой опомнилась Дугава.

— Некогда объяснять. Собирайте вещи, — велел предводитель. — Надо бежать.

— Но мы ведь только разложились! — запротестовал Ждан. — Я даже костер развел... ну почти.

— Так туши поскорей, пока нас на нем не поджарили! — прикрикнул Финист и направил лошадей в сторону границы. — Догоняйте.

\*\*\*

Темно. Ласковый теплый воздух напоен неведомыми ароматами, сладкими и горькими одновременно. Из-за горизонта лениво, будто нехотя, выкатывается странно большой диск солнца, словно искусный скульптор, вылепливая из непроглядно-черного камня удивительные очертания незнакомого города. Ввысь устремляются пики похожих на оплывшие свечи башен. По всей длине их опоясывают венки водяных лилий, сделанных, казалось, тоже из воска. Над городом царит тишина. Он мертв. Покой нарушает лишь мерный шелест крыльев, которые несут ее над неведомой землей восходящего солнца.

Эти крылья ей не принадлежат, но повинуются, словно она их истинная хозяйка. Нежные руки теплым пуховым одеялом окутывают ее, не позволяя упасть. Лица не видно, но знает, кто он. Не имя, а чувство, чувство не испытанного прежде покоя и единения, как будто все остальное уже не имеет значения: ни странная тройца путников, тайком пробирающаяся к границе, ни смрадное дыхание насильника, ни солоноватый запах крови, ни тоска по безвозвратно ушедшему времени радости и веселья, ни угрожающее шипение надоедливого кота, ни беспрестанно терзающее видение черного всадника на заснеженном плато... Нет, оно имеет значение, только оно и имеет.

Герда пошевелилась, пытаясь вытянуть затекшие руки. Дышать было тяжело от свернувшегося клубком на груди кота. Столкнув его привычным жестом, она потянулась.

— Наконец-то проснулась, а то я уже начал беспокоиться, — раздался совсем рядом бодрый голос Финиста.

Герда открыла глаза и тут же зажмурилась от яркого солнца. Снова припекало.

— Что произошло? — спросила Герда, силясь понять, где она находится и как сюда попала. Память возвращалась с жуткой головной болью.

— Ты потеряла сознание, — неопределенно ответил Финист.

Герда приподнялась на локтях и повернула голову в сторону говорившего. Он сидел на пеньке у кострища и общипывал перья с тучной куропатки. Чуть поодаль виднелось большое лесное озеро с сверкающей в солнечных бликах водой. Дугава со Жданом на берегу оттирали песком гарь с котелка.

— Вчера ночью мы перешли границу.

— Я догадалась. Мы с отцом часто останавливались у этого озера, но на этом берегу — никогда, — ответила Герда и, обнаружив, что на ней чужие штаны, рубаха и плащ, спросила: — А где моя одежда?

Финист неловко потупился:

— Дугава сказала, что ее уже не заштопать и одолжила тебе кое-что из своей.

Герда поежилась. Воспоминания нахлынули смрадной омерзительной волной. Зачем ее спасли? Она не сможет жить после...

— Не переживай, он не успел ничего сделать, — Финист подбадривающе улыбнулся и коснулся ее щеки.

Герда испуганно отпрянула. А вдруг и он тоже... Они все? Финист посмотрел на нее с жалостью. Страх немного притупился. Интересно, как им удалось забрать ее у Вальдемара. Финист его оглушил? Но Вальдемар все равно теперь не отстанет! И еще всем расскажет, как он над ней потешался. Мерзкая грязная потаскушка!

— Лучше бы я умерла! — выдохнула Герда и закрыла лицо руками.

— Перестань! — одернул ее Финист. — Забудь обо всем. Надеюсь, этот ублюдок вечность будет вымораживаться в ледяной преисподней. Больше он никогда не сможет и пальцем к тебе прикоснуться.

Открыла лицо и удивленно воззрилась на него.

— Вальдемар мертв? Ты его убил? — требовательно спросила она.

Финист ничего не сказал и отвел взгляд. В памяти всплыло последнее воспоминание — по ее лицу текла кровь, кровь Вальдемара. Ее же вкус во рту. Финист не убивал, это сделала она сама. Мало того, что потаскушка, так теперь еще и убийца! Она больше не достойна жить. Следует пойти и утопиться в озере прямо сейчас! Герда громко всхлипнула и посмотрела на весело искрящуюся воду, совсем не призывающую к расправе над собой.

— Не знаю, что там произошло. Я пришел слишком поздно, — наконец, выдавил из себя Финист, а потом с жаром добавил: — Я бы убил его сам, если бы он сделал то, что собирался. Это самый низкий, самый жестокий и кощунственный проступок из тех, что может совершить мужчина по отношению к женщине.

Финист попытался обнять ее, но Герда снова отпрянула. Не хотелось, чтобы до нее дотрагивались, хотелось, чтобы ее оставили в покое. Дали утопиться, в конце концов. Начало ощутимо знобить. Мысли превратились в вялый студень. Пришло чувство тупой отстраненности. словно все страшное случилось с героиней из книги, а вовсе не с ней.

Финист протянул ей свою флягу:

— Вот, выпей — поможет успокоиться.

Герда отрешенно поднесла флягу ко рту и, вдохнув резкий запах, поморщилась:

— Вишневая наливка. Гадость.

Только не хмель. Хмель теперь всегда будет напоминать о Вальдемаре.

— Не хочешь, как хочешь, — обиделся Финист и сам хорошенько приложился к фляге.

Ничего не сказав, Герда встала и побрела к краю поляны. Надо взять себя в руки и не поддаваться страху. Она не трусливая хныкалка. И не сдастся так легко. Охотник хотел, чтоб она жила. И отец тоже. Поэтому топиться она не станет, а мужественно примет кару за свое злодеяние, какой бы она не была.

Возле колючих кустов малины Герда заметила желтые цветы зверобоя, а чуть подальше земляничник. Сорвав стебельки обоих растений, Герда направилась обратно к Финисту. В это время к нему подошли Ждан с Дугавой.

— Как она? — шепотом спросила последняя, но Герда все равно услышала и притаилась.

— Плохо, но это не удивительно после того, что ей пришлось пережить, — ответил Финист. — Ничего, через пару дней придет в себя, а дальше нам предстоит долгий путь на север. Будет уже не до переживаний.

— Ты не можешь позволить ей идти с нами. Ты ведь знаешь, что она сделала, — в голос возмутился Ждан.

— Загвоздка не в том, что она сделала, а как она это сделала, — поправил его Финист.

— Да тихо вы оба. Вон она, — Дугава все-таки ее заметила. Пришлось выходить.

— Не переживайте, вам не придется долго меня терпеть. Я возвращаюсь домой, — не глядя в их сторону, сказала Герда. Она растерла руками листья собранных ею трав, высыпала в кружку и залила горячей водой, не успевшей остыть после завтрака. Сейчас в голове прояснится, и станет легче.

— Ты не можешь вернуться. Тебя сразу же обвинят в убийстве, поджоге, колдовстве и

еще демоны знают в чем, — попытался урезонить ее Финист.

— Значит, так тому и быть. Мы должны отвечать за свои преступления... — начала возражать Герда, но вдруг осеклась. — Поджог? Какой еще поджог?

— Чтобы замести следы, мне пришлось устроить пожар в сторожке. Иначе нам бы не удалось уйти из Подгайска, — пожал плечами Финист. — Послушай, мне пришлось стольким рисковать, чтобы спасти тебя. Пожалуйста, не дай всем усилиям пропасть втуне.

Герда молча ковыряла носком землю.

— В конце концов, это просто глупо! — Финист сорвался на крик. — Никому от того, что ты явишься с повинной, легче не станет.

— Мне станет, — упрямо ответила Герда и ушла на противоположную сторону поляны, желая остаться одной.

Зачем он так истово ее уговаривает? Зачем вообще она им понадобилась, ведь они — всесильные Стражи, а она — никто. Пойдет с ними и снова всех в ловушку заведет. И будет у нее на совести не одна смерть, а четыре.

Герда уселась на поваленной сосне на краю поляны, грея руки о стенки кружки.

— Скоро у отца сороковник, а я даже помянуть его не смогу, — пробормотала она себе под нос, ни к кому в особенности не обращаясь.

— А ведь я предупреждал, — назидательным тоном сказал кот, пытаюсь забраться на колени.

По лицу против воли потекли слезы.

— Не реви! — пристыдил ее кот, отчаявшись протиснуться на руки. — Если тебе от этого станет легче, ты никого не убивала. У тебя бы просто не хватило сил. Это сделал я.

Герда недоверчиво глянула на него. Он просто хочет ее подбодрить. Как бесплотная выдумка может кого-то убить.

— Он позарился на то, что ему не принадлежало. В землях, откуда я родом, за это карают долгой и мучительной смертью. Так что можешь считать, что ему крупно повезло — он даже понять ничего не успел, — буднично пояснил кот.

— А откуда ты родом? — Герду вдруг одолело любопытство. Раньше он никогда не упоминал о своем прошлом. Какое только у воображаемой зверушки могло быть прошлое?

— Из Буганских пустошей под плато Миянмы. Это слишком далеко, чтоб ты знала, и слишком давно, чтобы ты слышала.

— Это там, где стоит безмолвный Мертвый город с восковыми башнями, и солнце встает не на востоке, а на западе? — задумчиво спросила Герда.

Кот все-таки забрался на руки и вытянулся во весь рост так, чтобы его глаза были на уровне с ее глазами.

— А ты не так безнадежна, как кажешься. Согласись на их предложение. Путь к отступлению отрезан.

— Но ты же видел, как они ко мне относятся. Они — Стражи с невероятными способностями и высшей целью, а кто я? Дочка лесника, которая в жизни ничего кроме леса и книг не видела. Я всегда буду для них чужой, обузой, перед которой надо понижать голос и прятать глаза.

Герда поднесла чашку к лицу, вдыхая сладкий аромат разопревших трав, и сделала маленький глоток. Кот свернулся клубком у нее на коленях.

— Если тебе что-то не понравится, ты всегда сможешь уйти. А здесь только хуже станет — все будет напоминать о прошлом, — тихо заметил он, мелодично мурлыкая. На душе

сделалось заметно спокойнее. Герда зарылась пальцами в кошачью шерсть и медленно потягивала горячий отвар из чашки, глядя на противоположный берег озера, где остался ее дом.

Погрузившись в мрачные раздумья, Герда не заметила приближающихся шагов.

— У тебя волосы неаккуратно обстрижены, — послышался деликатный голос Дугавы. Герда подняла голову и увидела, что девушка стоит перед ней, сжимая в руках ножницы и расческу. — Я подумала, что хорошо бы их подровнять...

Герда повела плечами, ничего не ответив. Какое это сейчас имеет значение? Пусть делает, что хочет. Дугава села на колени и принялась расчесывать ее. Грубо обкорнанные пряди отличались друг от друга на целый палец.

— Мой отец был судьей в Стольном, важным человеком, — непонятно зачем начала рассказывать девушка, подстригая неровные кончики. — Он всегда был такой строгий, что я его немного побаивалась. Знаешь, как родители говорят: «Незамужней барышне одной по улицам гулять негоже. Встречаться с офицерами без наперсницы не смей. Тот тебе в женихи не годится, а об этом даже не думай». Вот так я и жила, тихо ненавидя затворничество, на которое отец меня обрекал. А потом я встретила его, самого красивого, дерзкого, смелого, самого невероятного мужчину. Он был таким нежным, обходительным. Просто очаровал меня своими ухаживаниями, широкими жестами, романтичными речами. Отцу он, конечно же, пришелся не по душе: слишком бедный, недостаточно знатный... босяк. Поняв, что благословение нам не получить, мы решили сбежать и обвенчаться тайно. Так и сделали. А на следующий день после свадьбы случилось это.

Герда повернулась к ней вполоборота. Из воздуха на раскрытой ладони Дугавы вырос крохотный замок с молочными стенами.

— Стоило мужу увидеть нечаянно сотворенную мной иллюзию, как он тут же бросил меня. Хорошо еще, что Защитников Паствы не позвал. Видно, я действительно что-то для него значила. Но тогда я этого не понимала. Я была разбита. Подавлена. Как ты сейчас, не знала, куда податься. Такой меня нашли служители Единого. Они часто ходят по трущобам, милостыню раздают, солдат набирают... Они хотели вернуть меня отцу, но тогда я не могла еще полностью контролировать свой дар и случайно выдала себя. Отцу чудом удалось уговорить их передать меня ему для разбирательства. Тогда он отвел меня на подпольную Голубиную станцию. Такие есть практически в каждом большом городе. Там-то я и встретила с Финистом и Жданом и вместе с ними пустилась в бег. Но отец... он остался в Стольном разбираться с тем безобразием, что я устроила. И боюсь, его убили из-за меня. А ведь тогда я даже не успела сказать ему спасибо. Какой же я была неблагодарной дурой!

Дугава замолчала. Ее душили рыдания. Герда обняла ее и тоже заплакала, переполненная жалостью к этой, как ей раньше казалось, счастливой и беззаботной девушке.

— Хватит уже! — усовестил их Ждан, незаметно появившийся из-за деревьев. — Финист вас на ужин зовет.

— Иди, мы сейчас догоним, — велела Дугава, вытирая слезы носовым платком с вычурной вышивкой.

— Только не задерживайтесь, а то придется есть холодное, — предупредил Ждан и вернулся к костру.

— Вот, посмотри, как хорошо получилось, — Дугава достала из кармана зеркальце и передала Герде, чтобы та оценила ее работу.

Ровно подстриженные волосы теперь едва доходили до середины шеи, а голова казалась



непривычно легкой. Без длинных кос лицо выглядело совсем другим, с подчеркнута высокими скулами и широко распахнутыми глазами. Как же на нее теперь будут смотреть знакомые!.. А никак. Домой она больше не вернется, а чужим всегда сможет сказать, что подстрижена по столичной моде, как Дугава. Никто не узнает, что произошло на самом деле. Подумав так, Герда решила больше никогда не вспоминать о Вальдемаре.

— Красиво, — соврала она и вымученно улыбнулась. Дугава понимающе кивнула, и вместе они направились к лагерю, откуда уже доносился аппетитный запах копченой дичи.

Вечерело. Из воды выползал стылый туман, окрашенный в ровный оранжевый цвет заходящим солнцем. На небосводе зажигались первые звезды. Ветер умолк, стихли птицы, и лишь глухой треск еловых дров в костре нарушал нависшее над берегом безмолвие... На небесный трон взошла серебряная владычица ночи — луна, а потом скрылась за облаками. На пригорке за озером послышался волчий вой. Туман белой патокой заволок весь берег. Путники зябко ежились, закутанные в шерстяные одеяла. Ждан обгладывал остатки мяса с птичьей ножки, Дугава палкой ворошила угли в костре, чтобы тот не погас, Финист напевал под нос тоскливую песню. Герда в задумчивости разглядывала их лица.

— Холодает... — мрачно заметил Ждан. — Скоро зима.

— Да, придется проситься на ночлег к местным жителям, — немного подумав, ответил Финист, а потом снова принялся петь уже громче.

Кто-то вторил ему со стороны озера.

— Ого, птичий болван, оказывается, еще кое-что помнит! — поднял голову кот, дремавший у ног Герды. — Интересно, удастся ли ему...

— О, нет, только не это снова! — простонала Дугава. — Сейчас как в Дикой пуще будет, да?

— Вели им заткнуться, иначе берегини утянут нас в озеро! — предупреждающе зашипел кот.

— Тсс, — шикнула Герда и кивнула в сторону Финиста.

Тот поднялся с бревна и плывущей походкой направился к озеру.

— Что происходит? — вслед за Дугавой встревожился Ждан. Герда приложила палец к губам, умоляя их помолчать.

— Финист вызвал берегинь, — объяснял кот. Видимо, на него требование молчать не распространялось. — Хочет попросить укрыть от чужих взоров это место, чтобы дать вам несколько дней передышки.

Финист остановился у самой кромки воды и закружился на месте. Его голос потонул в поднявшемся над озером хоре других более тонких и звонких. Сотканые из белесого тумана из воды друг за другом выходили юные девы в прозрачных, будто стекавших по тонким телам, рубашках. Длинные волосы распущены, головы украшены венками из кубышек и водяных лилий.

Берегини кругом обступили фигуру танцующего мужчины, чей силуэт в лунном свете напоминал гигантскую птицу с вьющимся по ветру плащом вместо крыльев, и запели еще громче. Волки и филины вторили им со стороны леса. Усилившийся южный ветер завывал и стонал в такт общей музыке. Берегини взяли за руки и пошли вокруг Финиста хороводом, то приближаясь, то удаляясь от танцующей фигуры в центре.

Дугаву и Ждана сморил сон, а таинство на берегу все продолжалось. Только когда ночную тьму пронзили первые лучи солнца, торжественное пение сменилось прощальными трелями соловьев. Берегини растаяли вместе с ночным туманом, а Финист остался в

одиночестве лежать на берегу, раскинув руки в стороны.

Утро выдалось прохладное и зыбкое, словно илистое дно лесного озера. Остатки тумана облизали росные травы, окропили сырую землю и уползли обратно в низины. Герда сняла сапоги и спустилась к берегу, чтобы набрать воды в котелок. Босые ноги стыли и покрывались гусиной кожей от холода.

— Спасибо, — донесся тихий, похожий на шепот ветра в едва-едва тронутой увяданием листве, голос Финиста.

— За что? — не поворачиваясь к приподнявшемуся на локтях мужчине, спросила Герда.

— За то, что не позволила им помешать мне. Как ты догадалась?

— Я не... — Герда обернулась к костру, потом закрыла глаза и, тяжело вздохнув, начала объяснять: — Отец часто рассказывал истории о мавках, русалках, леших, берегинях и прочих духах. До появления Единой веры они помогали людям, если те знали, как попросить. Но если ритуал нарушался опрометчивым поступком, то духи оборачивались против людей и забирали их в свое царство навеки вечные. Поэтому я подумала, что пока ты занят, нам лучше сидеть тихо.

Пряча глаза, Герда закатала штанины и отошла дальше от берега, чтобы набрать воды почище. Финист встал и стряхнул с себя песок, подозрительно поглядывая на Герду. Не доверял. Правильно, кто станет доверять убийце?

— Послушай, мой вопрос может показаться тебе странным, но... — Финист замолчал, словно не мог подобрать слова. — Не было ли у тебя в семье пусть даже у дальнего родственника необычных способностей?

— Ну, — многозначительно протянула Герда, перебирая в памяти своих родичей. — У деда Йозефа всегда болела спина перед дождем, а бабка Агафья клялась, что во сне видит мертвецов, но она тогда уже совсем старая была и маму за свою сестру покойную принимала... Но это ведь ты не об этом спрашиваешь, — Герда попыталась убрать за спину косы, но вдруг вспомнила, что их больше нет. — У меня в роду не было Стражей.

Финист пристально посмотрел на нее.

— Юзеф и Агафья — родители твоей матери? А как же родственники со стороны отца?

— Отец ничего о них не рассказывал. Должно быть, они погибли во время войны.

Финист кивнул. Герда поспешила сменить тему:

— Я решила идти с вами.

— Хорошо, — просиял Финист.

— Но я оставлю вас, как только найду подходящее место. Я не слишком вписываюсь в вашу компанию.

— Почему ты так решила?

— У вас есть общая цель, общий враг, дар Стражей. А я никто, обычная девушка из темного захолустья. За вами гонятся Защитники Паствы? Не отвечай, я и так поняла. Не хочу быть обузой, из-за которой вас поймают.

Финист молниеносным движением приблизился к ней вплотную, правой рукой обхватил за плечи, а левой накрыл лоб. Герда попыталась отпрянуть, но его хватка оказалась слишком крепкой. Голову будто сжали стальные клещи. В глазах помутнело. Стало почти также страшно, как с Вальдемаром.

— Эй, может, хватит обниматься у всех на глазах? Раздражает! — послышался недовольный голос Ждана. Финист тут же опомнился и отошел на два шага, с трудом переводя дыхание. Из носа тонкой струйкой стекала кровь.

— Прости, я просто подумал, я хотел проверить... — начал оправдываться он.

— Нет ли у меня дара? Я же сказала, что нет. Почему ты мне не веришь? — истерично закричала Герда и тут же себя отругала за то, что так легко поддалась панике. Обещала же себе не вспоминать о случае в сторожке. Она не трусливая хныкалка!

— Верю, просто... — Финист опустил глаза, чувствуя себя виноватым. — Прости.

Герда подхватила котелок и быстрым шагом направилась к костру, чтобы никто не увидел, что она снова плачет.

— Что, селяночка оказалась тебе не по зубам? — съехидничал Ждан.

— Иди, куда шел, и не лезь в чужие дела! — огрызнулся Финист и побрел в противоположную сторону.

После завтрака Финист со Жданом вернулись на берег озера поупражняться в левитации. Способность Ждана являлась своеобразной формой телекинеза, позволявшей передвигать предметы по воздуху, не касаясь их. С помощью постоянных тренировок Финисту удалось научить Ждана довольно сносно пользоваться даром, но левитировать себя пока не получалось.

Финист нашел достаточно высокий пригорок, с которого можно было прыгнуть в воду, не боясь разбиться. Он надеялся, что если у Ждана появится чувство полета, хотя бы и такое мимолетное, то будет легче воспроизвести его в форме левитации. Однако здесь возникло небольшое затруднение: Ждан до ужаса боялся высоты, даже в две сажени от верхушки пригорка до поверхности воды. Пришлось силой тащить его наверх и скидывать в воду. Правда, толку от этого было мало: во время падения Ждан смог лишь взмахнуть руками и неразборчиво прокричать какое-то нелестное слово в адрес Финиста. Тот разочарованно вздохнул и потянул промокшего и перепачканного в водорослях и тине Ждана обратно на пригорок. Все это повторялось еще несколько раз, пока Ждану не удалось замедлить падение у самой поверхности воды и через мгновение рухнуть в озеро, подняв тучу брызг. Дело начало спориться. К обеду Ждану удалось зависнуть в воздухе минут на пять и мягко опуститься на берег чуть дальше от пригорка.

Герда с Дугавой наблюдали за ними, сидя у костра и штопая прохудившуюся одежду. В обществе иллюзионистки Герда чувствовала себя вполне раскованно, но мужчины все еще вызвали смутное беспокойство.

— Не думала, что пользоваться даром так сложно, — заметила она, задумчиво поглядывая на занятого муштрой нерадивого ученика Финиста.

— Пользоваться не трудно, просто Ждан большой балбес и лентяй, — подмигнула Дугава, но заметив, что Герда не улыбается, тоже перешла на серьезный лад. — Сложно, когда у тебя нет учителя и некому объяснить, что происходит и почему. Кажется, что сходишь с ума, и все вокруг считают тебя угрозой.

Герда коротко кивнула, слушая ее лишь вполуха. Дугава бросила взгляд на неровные стежки на рубашке, которую штопала Герда, и покачала головой:

— Готовишь ты хорошо, а вот шьешь, как парень.

Герда зарделась от смущения.

— Да, рукоделие мне явно не дается. Мама говорила, что мне не хватает внимательности и усидчивости, но когда я подрасту, все получится. Как видишь, она ошибалась. Я выросла, а шить аккуратно так и не научилась.

— Мне кажется, ты попросту мало тренировалась.

Дугава задорно улыбнулась. Герда не удержалась и улыбнулась в ответ. Хандра

потихоньку отступала.

Вскоре Финист позволил Ждану спуститься с пригорка на пологий берег и заставил его подпрыгивать на месте, чтобы левитировать, поднимаясь от земли вверх, а не падая вниз. Оставив ученика заниматься самостоятельно, Финист позвал Дугаву. Урок начался с маленьких иллюзий — из ее рукавов вылетели крылатые человечки, напоминающие болотные огоньки. Иллюзии подлетели к Финисту, грациозно ему поклонились, змейкой закружились над поляной, невесомо приземлились на плечи Герды и тут же истаяли. Она не удержалась и хлопала в ладоши от восторга. Дугава задорно ей подмигнула.

Из озера вышли полупрозрачные, словно сотканые из воды, берегини. Финист удовлетворенно кивнул и попросил Дугаву заставить их петь, используя не воду, как она обычно делала, а ветер. Прошла целая вечность, прежде чем иллюзии начали издавать едва слышные звуки, похожие на завывания ветра в ветвях деревьев. Только тогда Финист решил, что на сегодня хватит, и все трое вернулись к лагерю, где Герда уже успела приготовить обед из пшеничной крупы и вяленого мяса. От усталости еда показалась вкуснее самых изысканных яств, что подавали в лучших харчевнях Стольного.

После того, как все поели, Герда начала собирать посуду.

— Оставь, ребята сами помогут, — позвал Финист. — Настало время твоего урока.

— Но у меня нет дара, — возразила Герда.

— Для этого не нужен дар, — Финист достал из своих вещей длинный прямой шест и вручил его Герде. — Чтобы жить одной и избегать опасных ситуаций, как с твоим «другом» Вальдемаром, ты должна уметь защищаться. Вот этому я и собираюсь тебя научить.

Герда в поисках поддержки посмотрела на Дугаву. Та только пожала плечами. Тяжело вздохнув, Герда поплелась за Финистом на ровную площадку, которую он выбрал для занятий.

— Становись сюда. Ноги расставь пошире и согни в коленях, — чувствуя себя очень неловко, Герда сделала, что было велено. — Да не так, зачем ты наклонилась, стань прямо и не сутулься. Подними подбородок. Смотри прямо перед собой. Никогда не упускай противника из виду, а для этого надо перестать рассматривать собственные коленки. Ты там ничего нового не увидишь. Распредели вес на каждую ногу одинаково, — Герда переминалась с ноги на ногу в поисках удобного положения. — Теперь вытяни палку и замахнись.

Палка со свистом рассекла воздух.

— Молодец! Хороший замах. Замахнись налево, нет, точно так же, как в первый раз.

«Хорошо бы еще понять, как я сделала это в первый раз», — проворчала про себя Герда, но все же попробовала замахнуться снова.

— От плеча, это надо делать от плеча.

На этот раз Герда замахнулась так, что плечо болезненно хрустнуло.

— Ага, теперь снова направо. Направо у тебя лучше получается. Налево, еще раз, теперь снова направо. Быстрее. Добавь ноги. Отступай и наступай. Один шаг вперед, потом назад. И не забывай замахиваться.

Двигаться и одновременно замахиваться оказалось не так-то просто.

— Не теряй равновесие. Оно должно быть в ногах, а не там, где оно у тебя сейчас. Стань ровно. Расправь плечи. Подбородок вверх. Все время держи себя так, когда замахиваешься. Давай сначала. Направо, потом налево, вперед-назад. А теперь снизу. Да не так. Выверни палку. Ты что, не можешь вывернуть палку? Сильнее. Еще!

Не выдержав, Финист так резко повернул ее руки, что мышцы свело от напряжения. Герда поморщилась и закусилась нижней губу, чтобы не заскулить от боли. Финист встал сзади и начал руководить ее движениями. От его близости по спине пробежались мурашки, щеки залило пунцовой краской, а уши горели, будто ошпаренные. Зато страх ушел почти полностью, ведь Финист не хотел ее обидеть, наоборот, пытался помочь. Научить сражаться, как бы глупо это ни звучало.

— Что с тобой? Не зажимайся, слышишь?! — вернул ее к реальности голос Финиста. — Перестань, расслабься! Выдохни, наконец!

Он крепко хлопнул ее по спине. Герда громко закашлялась. Даже прикосновения не вызывали больше желания сжаться и спрятаться. Как Финисту это удалось? Помог дар Стражей?

— Легче? — нетерпеливо спросил Финист. Герда промычала что-то невнятное.

— Громче! — крикнул он.

— Да! — из последних сил ответила она.

— Хорошо, тогда сначала, — Финист снова прижался к ней и начал показывать замахи снизу и сверху.

Нет, наверное, дело все же не в даре. Финист же настоящий Страж, благородный и честный. Ему нельзя не верить.

К концу тренировки с Герды градом катился пот, ноги подкашивались, руки отваливались, а дышать было так тяжело, что казалось, грудь вот-вот лопнет.

— Ага, вот в чем проблема. Ты достаточно ловкая и шустрая, но вот выносливости не хватает. Завтра утром отправишься со мной на пробежку.

Герда восприняла его приказ без должного энтузиазма и поспешила убраться подальше, пока Финист не придумал новой пытки.

— Я хочу умереть! — сказала Герда, падая на траву рядом с Дугавой.

— И не удивительно, — усмехнулась она. — Ждан выдержал ровно пять минут этого издевательства.

Они обернулись на старательно начищавшего свои сапоги и седло парня. Почувствовав их взгляды, он скорчил страшную гримасу. В отличие от Дугавы, Ждан продолжал смотреть на Герду с прохладой и недоверием. Это очень расстраивало.

— А мне Финист даже предлагать не решился, — тут же перевела на себя внимание Дугава. — Боюсь, теперь он от тебя не отстанет, пока не сделает настоящего воина.

— Я скорее умру от изнеможения, — посетовала Герда.

— Да брось ты. До Лапии путь не близкий. Надо же и тебе чем-то заниматься во время путешествия.

— Так вы едете в Лапию? — напряглась Герда.

— Да, в вольные города. Там нет единоверцев, нет гонений. Там мы будем в безопасности.

— Лапия ведь на самом севере, рядом с червоточиной Хельхейма. Там горы и много-много снега, — задумчиво заметила Герда.

— Наверное. Я не сильна в географии, — недоуменно ответила Дугава.

Герда ничего не ответила, глядя в пустоту, а потом поднялась и пошла к озеру. Сбросив сапоги, она уселась на высоком берегу и опустила нывшие от усталости ноги в холодную воду.

— Я же говорил, все устроится, — кот снова полез к ней на руки.

— То место, что я видела во сне, это Лапия? — спросила Герда.

— Может быть, — неопределенно ответил рыжий хитрец.

— Что за дурацкая привычка говорить загадками? — она попыталась согнать наглеца со колен.

— Если бы я все говорил прямо, было бы скучно, — махнул кот хвостом.

Герда смягчилась и взяла его на руки.

\*\*\*

На следующий день Финист разбудил Герду на рассвете. Она привыкла вставать рано и, рассудив, что сама согласилась, все-таки отправилась на пробежку.

— Не открывай рот, старайся дышать только носом, ровно, размеренно, — принялся наставлять Финист, когда заметил, что ее дыхание сбилось, и она начала отставать. — Видела когда-нибудь оленей?

— Конечно, я ведь дочь лесника, забыл? — с трудом переводя дух, ответила Герда. Сердце грозило вот-вот выскочить из груди, в ушах бешено стучала кровь.

— Хорошо. Тогда вспомни, как они выглядят, как быстро бегут по опавшей листве, как сгибаются в толчке тонкие ноги. Ощути их силу, их свободу. Беги вместе с оленями. Беги навстречу южному ветру, так быстро, как только можешь.

Как будто открылось второе дыхание. Бежать стало легче, почти приятно, опьяняюще. На мгновение снова показалась, что она летит. Летит рядом с Финистом. Это было прекрасно.

\*\*\*

Прошло три дня. Наутро четвертого Финист поднял всех на рассвете и заставил быстро собираться в путь.

— Здесь так спокойно и тихо. Зачем уходить? — недовольно спросил заспанный Ждан.

— Да, здесь настоящий вырий. Давай останемся еще на пару дней, — поддержала его Дугава.

— Берегини согласились укрыть это место на четыре дня. Не стоит испытывать их терпение. Да и холодает. Зима уже не за горами. Нужно успеть в Лапию к сроку, — возразил Финист.

— Я уже готова ехать, а вы чего ждете? — спросила Герда, закидывая на уже оседланную лошадь мешок с вещами.

— Что это с ней? — удивилась Дугава.

— Меня не спрашивайте. По мне так у нее вообще не все дома, — грубо ответил Ждан.

— Собирайте вещи, а то уедем без вас! — теряя терпение, прикрикнул Финист.

## ===== Глава 5. Руины =====

После полуденной остановки дорогу снова заволокло стылым туманом. Путники в полной мере осознали, почему в народе этот край называли «Белоземьем». А ведь осень еще даже не началась.

Пришлось вести лошадей в поводу: в непроглядной дымке животные могли оступиться и сильно покалечиться. Через несколько часов путники окончательно потеряли дорогу. Финист беспрестанно ругался себе под нос и упрямо вел их вперед. Герде казалось, что они ходят кругами, но она упорно отмалчивалась, все еще не до конца привыкнув к своей новой компании. Ждан зевал через каждые пару минут, лениво прикрывая рот ладонью. Дугава

вертела головой по сторонам, пытаясь хоть что-то разглядеть в белесом мареве.

— Смотрите, руины! — неожиданно приободрилась она и указала на одинокий зеленый островок посреди безбрежного молочного океана — холм, чью вершину зубьями венчали остатки каменной кладки.

— Должно быть, это Ильзар — сияющий замок главы Стражей Белоземья, — принялась воодушевленно рассказывать Герда. — Когда солнечный свет заливал холм, замок сиял словно жемчужина.

Повисло тягостное молчание. Герда потупилась и опустила голову. Наверное, путникам неприятно слушать о печальной судьбе своих предшественников. Да ведь они сами должны знать эту историю куда лучше нее.

Они подошли вплотную к холму и увидели край пересохшего рва.

— Похоже, единоверцам пришлось хорошенько попотеть, чтобы захватить его, — попыталась замять неловкость Дугава, видя, что мужчины разговаривать не настроены. — Холм отсюда выглядит таким неприступным.

— Они его не захватывали, — грустно покачала головой Герда. — К тому времени, когда единоверцы сюда добрались, он уже давно опустел и стоял заброшенный. Его последний хозяин — дряхлый и немного сумасшедший старик — жил тут несколько лет отшельником, а когда узнал, что его дети погибли, от горя повесился на въездных воротах.

Герда снова замолчала, но заметив, что все взгляды устремлены на нее, продолжила, хотя говорить мешал подступивший к горлу ком:

— Пятнадцать лет назад селяне решили, что злой дух рассеялся над замком достаточно, чтобы беспрепятственно его разрушить. И сделали это, — она указала на оставшиеся позади руины. — Моего отца тоже просили помочь, но он отказался. Мне тогда было три года. Первое, что я помню — как он вернулся отсюда сам не свой. Кажется, он плакал. Даже на маминых похоронах он не пролил ни слезинки, а тогда...

Голос предательски сорвался. Сил говорить совсем не осталось. Герда закрыла лицо руками. На плечо легла теплая ладонь Финиста:

— Видно, этот замок много для него значил. Как символ более справедливого и разумного мира, который мы потеряли, который был разрушен из-за глупых предрассудков и религиозных бредней фанатиков.

Она слабо улыбнулась. Финист безотрывно смотрел на нее со странной тоской во взгляде. Как будто даже жалел. Чуть-чуть.

— Неужели этот болван догадался? — заговорил дремавший в седле Яшки кот.

Герда нахмурилась, не понимая, к чему он клонит.

— Нет здесь никакого духа: ни злого, ни доброго, — уверенно заявил Финист, бросив последний взгляд на оставшиеся далеко позади руины. — Все давно бурьяном поросло.

— Ох, нет. Он просто непроходимо туп, — кот от досады спрятал мордочку в лапы.

Не услышав нелестного замечания в свой адрес, Финист повел их маленький отряд дальше. Через час впереди снова показались высившиеся на холме руины.

— Вот теперь мы точно ходим кругами, — мрачно заметил Ждан.

— Более того, мы вернулись к границе. Ильзар во время раздела ни одна страна не решилась взять — так и оставили его на меже ничейным, — поддержала разговор Герда, но тут же смокла, поймав пронизывающе прохладный взгляд Ждана.

— Все-таки на развилке у поваленной осины надо было повернуть направо, — задумчиво почесал затылок Финист, но, стараясь не выглядеть растерянным, тут же бодро

скомандовал: — Идемте еще раз счастья попытаем.

Через час они естественно вернулись на то же место.

— Куда ни пойдешь, везде демоновы руины! — выкрикнул Ждан, поддаваясь панике. — Мы заблудились. Где же твое хваленое чутье оборотня, а?

— Если такой умный, сам дорогу показывай! — вспыхнул Финист. — У левитаторов, между прочим, должно быть врожденное чувство направления.

Ждан недовольно скривился и отвернулся. Видно, «врожденное чувство» тоже оказалось бессильно.

— Нас определенно не пускают, — кот соизволил подняться и пригляделся к зубцам каменной кладки. Герда проследила за его взглядом. На мгновение показалось, что между руин взметнулась большая тень. Волной накатило тревожное предчувствие. Она вздрогнула.

— Придется прорываться с боем. Что ж, хотя бы кости разомну, — кот изловчился и спрыгнул на землю. — Вели разбить лагерь на холме.

Он деловито направился в сторону руин и скрылся в тумане. Герда еще несколько мгновений удивленно смотрела в пустоту, пытаясь понять, что имел в виду ее чудаковатый приятель, но осознав тщетность этой затеи, решила послушаться его совета.

— Скоро стемнеет. Давайте переночуем наверху, раз уж мы здесь, — осторожно предложила она.

— Не стоит. Лучше найти место потише, — покачал головой Финист.

— Но ты же сам сказал, что здесь нет ничего страшного, — запротестовала Дугава, которая уже порядком устала не только от бесцельных блужданий, но и от постоянных ссор.

Финист недовольно скрипнул зубами.

— Это не лучшее место для ночевки, — не вдаваясь в подробности, объяснил он. — Поищем другое.

Путники снова пошли вперед. Герда в нерешительности обернулась. Кот возвращаться не спешил, но он и раньше пропадал надолго, а потом умудрялся находить ее, где бы она ни была. Герда последовала за остальными — потерять их в густом тумане было куда вероятней... или потеряться самой.

На этот раз Финист свернул с едва заметной в тумане тропы и принялся петлять вдоль оврагов и невысоких холмов, даже попытался пятиться, но услышав дружные смешки, бросил глупую затею. Вскоре впереди показалась ажурная каменная арка в два человеческих роста. Рядом на земле валялись трухлявые остатки деревянных створок. Штукатурка почти полностью осыпалась, лепнина обвалилась, по камню бежали мелкие трещины.

— Должно быть, это и есть ворота Ильзара, — высказала свою догадку Герда, с любопытством разглядывая древнее сооружение.

— Столько усилий, чтобы оказаться там, куда мы идти не хотели, — саркастично заметил Ждан, с вызовом глядя на их предводителя.

Финист снова скрипнул зубами от досады.

— Смотрите, там что-то написано, — Герда указала на картуш над аркой, который словно перечеркивала тонкая темная полоса. Любопытство пересилило здравый смысл, и она полезла на лошадь, чтобы получше рассмотреть украшение.

В верхнем поле картуша располагался герб — раскинувший крылья голубь с миниатюрным мечом в когтях, а под ним выбит короткий девиз: «Наши помыслы легче пуха».

— Звучит вполне дружелюбно, — прокомментировала Дугава. — Скоро стемнеет.



Давайте остановимся здесь. Ничего лучше точно найти не успеем. Кто за, поднимите руки.

Когда к девушкам присоединился Ждан, Финисту пришлось согласиться, но от мрачного замечания он не удержался:

— Когда придется бежать отсюда со всех ног, не говорите, что я не предупреждал.

— Вы слишком мнительны, учитель, — беззаботно бросила Дугава и первая прошла по насыпной дороге через ров.

От некогда величественного замка остался лишь жалкий изъеденный ветрами и дождем остов. Почерневшая каменная кладка то вздымалась в человеческий рост, то сравнивалась почти с самой землей, прямоугольниками размечая границы комнат. В углах сохранились странные приспособления — длинные железные шпильки, между двумя из которых был натянут трос, а третий венчала похожая на крылья мельницы конструкция, которая беспрестанно вращалась, издавая едва слышный шелест, похожий на стрекот цикад. Ничего подобного Герда даже в книгах не встречала.

— Что это? — спросила она, подойдя к ближнему шпильку с вертушкой. В железном основании у самой земли виднелось несколько маленьких отверстий, а под ним на остатках мраморного пола еще не истерлись замысловатые рисунки и рунные надписи.

— Ветряная ловушка, — пояснил Финист и указал на трос: — А вон то — для молний. Судя по всему, хозяева замка обладали даром ветра и усиливали его с помощью разных ухищрений. Хотели быть непобедимыми в своей вотчине. Я хоть и не прочитал столько книг, как ты, но тоже кое-что знаю.

Герда смущенно покраснела. Она вовсе не считала себя умнее своих спутников. Ведь они потомки Стражей. Ей никогда не будет доступно то, что открыто им.

— Ждан, попробуй поднять в воздух то полено — здесь твоя левитация должна стать намного мощнее, — уже не обращая внимания на Герду, начал отдавать распоряжения Финист.

Едва Ждан сосредоточился, как большой чурбан подлетел на несколько саженей. Парень вздрогнул от удивления, и полено тут же упало на землю.

— Поосторожней! — прикрикнул на него Финист. — Не хватало, чтобы ты кого-нибудь зашиб. Разбирайте вещи, разводите костер и готовьте ужин, а я, пожалуй, осмотрюсь, пока хоть что-то видно.

Он скрылся за ближайшей стеной. Через пару мгновений оттуда выпорхнул сокол и взмыл высоко в небо.

Герда вызвалась собирать хворост для костра, чтобы внимательней осмотреть руины и заодно поискать запропадившегося невесть куда кота. Ей всегда нравилось бродить по ветхим развалинам и представлять, как раньше в них кипела жизнь, а уж руины таинственного замка Стражей вызвали в воображении целые картины. В одном месте на полу Герда обнаружила какой-то рисунок. Собрав хворост в некое подобие веника, она смела каменную крошку и принялась разглядывать. Там явно изображалась карта окрестных земель, но от нее сохранилась лишь малая часть: лес, озеро и холмы за ними. Удалось разобрать лишь несколько рун в названии «аль», «ве» и «ри». Герда перебрала в голове все варианты, что бы это могло значить, но ничего осмысленного не придумала и пошла обратно. Кота нигде видно не было.

Вместе с Дугавой они запалили костер, а Ждан с помощью дара раздул пламя, правда, чуть не обжег стоявших слишком близко девушек. За этот проступок от готовки его отстранили и заставили разбирать вещи. Когда и лагерь, и ужин были готовы, с вышины

донесся пронзительный соколий крик, предвещавший возвращение Финиста. Через мгновение с неба камнем рухнула приметная птица, и вскоре из-за ближайшей стены показался их предводитель уже в человеческом облике.

— Все в тумане. Ни демона не видно, — пожаловался он. — Но, похоже, мы дали большой крюк на восток. Ума не приложу, как такое могло случиться.

— Где-то не там свернули. С кем не бывает? — беззаботно отмахнулась Дугава, приглашая его к костру на ужин. — Завтра распогодится — выйдем на нужную дорогу. Ждан, подтверди!

Она воинственно махнула на доедавшего жидкую похлебку левитатора большой деревянной ложкой. Ждан подавился и громко закашлялся, но все же кивнул, опасаясь, что если начнет возражать, вместо добавки получит поварешкой по голове.

— Герда? — спросила Дугава.

Та повела плечами. Кот сказал, что они попали сюда не случайно, и велел ждать, пока он со всем разберется. Но вряд ли стоило рассказывать об этом ребятам. Они бы точно сочли ее сумасшедшей... Разговаривать с невидимым котом — даже для потомков Стражей слишком ненормально.

Не дождавшись определенного ответа, Дугава вручила Финисту миску. Он подсел к костру с самым мрачным видом. Герда решила немного развеселить его, а заодно и всех остальных.

— Я, кажется, поняла, что здесь было раньше, — начала она издалека.

— Здесь был замок, глупая, — засмеялся Ждан, но тут же замолчал, вспомнив, что все еще относится к ней с опаской. Стараясь не обращать на него внимания, Герда продолжила:

— Там была кухня — видны остатки печных труб, рядом кладовка — она уровнем ниже, чтобы прохладу сохранять, дальше столовая, с той стороны помещения для слуг. Чуть дальше конюшня, кузня и всякие ремесленные помещения. Оружейная вон там. Где та странная вертушка — маленькое домашнее святилище. На втором этаже спальни для хозяев и гостей, рабочие кабинеты, библиотека...

— Да ты словно все своими глазами видела! — восхитилась Дугава. Герда лукаво улыбнулась:

— О, если бы я была ясновидящей... или хотя бы медиумом, — и развела руками. — Это просто мои догадки. А здесь, видите какая большая площадка с отполированным полом? Здесь наверняка был бальный зал. Играл оркестр, рекой текло игристое вино и под звуки музыки кружили нарядные пары.

— Ох, и неспроста мы выбрали для ночевки именно бальный зал! — в глазах Дугавы зажегся шальной огонек. Герда перевела взгляд на мужчин. Те настороженно наблюдали за иллюзионисткой, догадываясь, что вот-вот начнется представление.

Дугава взмахнула руками. Из клочков тумана появились полупрозрачные человеческие фигуры: дамы в пышных платьях с открытыми плечами, мужчины в длинных камзолах и строгих узких бриджах. Разбившись по парам, они принялись танцевать размеренные модные в высшем обществе танцы.

— Чего ты ждешь? Выбирай себе кавалера, — усмехнулась Дугава, подталкивая Герду к танцующим. — Ждан, ты тоже присоединяйся.

— У меня обе ноги левые! — попытался возразить парень.

— Да какая разница? У моих иллюзий вообще ног нет! — весело рассмеялась она и потащила Ждана к пухленькой девушке с невообразимо высокой прической.

— Финист, устрой нам музыку!

Теперь настал черед оборотня угождать разошедшейся ни на шутку иллюзионистке.

— Вот еще, — заупрямился он.

— Учитель, не будьте буквой! — укорила его Дугава. — Герда, попроси его. Тебе он точно не откажет.

Герда не понимала, как Финист может «устроить музыку» без оркестра, но перечить не решилась.

— Пожалуйста, сделай, что просит Дугава... или просто потанцуй вместе с нами, — неуверенно сказала она.

Финист смерил девушек тяжелым взглядом, а потом отрицательно покачал головой:

— Мне уже слишком много лет, чтобы участвовать в дурацких играх. Особенно в таком месте. В конце концов, это не безопасно. Мы же в бегах.

— Вряд ли сюда кто-нибудь сунется. Люди боятся подходить близко к Ильзару поодиночке, тем более, ночью, — попробовала успокоить его Герда.

— Люди — да, а как насчет Голубых Капюшонов? — не унимался он.

Герда пожала плечами. Она сама никогда Защитников Паствы не встречала, хотя их отряды несколько раз проходили через Дрисвяты, наводя на селян еще больший ужас, чем Дикая пуща и Ильзар вместе взятые.

— Не хочешь, как хочешь, — обиделась Дугава. — Ведь только ты у нас герой без страха и упрека. А мы обычные люди. Нам нужно хоть иногда развлекаться, иначе скоро совсем рехнемся от всех этих ужасов.

Финист скривился, словно проглотил забродившую ягоду, но с места не сдвинулся.

Дугава попыталась создать иллюзию музыки из ветра, как прежде делала на Озере Берегинь. Вышло не слишком похоже на изысканную бальную мелодию, но все равно лучше, чем танцевать в тишине. Герда поклонилась своему кавалеру — высокому статному красавцу с длинными по-щегоольски закрученными усами и закружилась в танце, движения которого она не знала. Просто повторяла за остальными парами из иллюзии. Рядом точно так же веселились Ждан с Дугавой, представляя себя на приеме в королевском дворце: смеялись, подпрыгивали, сталкивались спинами, отвечивали в адрес друг друга до глупости галантные комплименты и делились шутливыми сплетнями про только что выдуманных знакомых из высшего света. На мгновение Герда представила, что это взаправду, но тут же поняла, что не смогла бы жить в таком притворном, насквозь лживом сахарном сиропе все время. Да и залихватские народные танцы нравились ей куда больше, чем эти тоскливые плавные кружения.

Герда повернулась к Финисту. Он с укоризненным видом взирал на веселящуюся компанию. Так смотрели на шумные городские праздники седобородые старики. Герда звонко рассмеялась, подошла к Дугаве и зашептала на ухо. Иллюзионистка охотно кивнула. Музыка тут же сменилась на более быструю, и призрачные пары в невероятной круговерти понеслись по всем руинам, увлекая за собой настоящих людей.

Улеглись уже после полуночи, уставшие, но страшно довольные. Все, кроме Финиста. Он так и остался сидеть у костра, по-видимому, собираясь сторожить лагерь всю ночь.

То ли от возбуждения, то ли от переизбытка впечатлений, а, может, место действительно было зачарованным, этой ночью Герде снились странные тревожные сны. В них она продолжала веселиться на балу в Ильзаре, только теперь все казалось куда реальней, чем зыбкая иллюзия Дугавы. По натертому до блеска полу стучали кованые каблучки. С

потолка, на котором изображались экзотические птицы с ярким оперением, свисала огромная хрустальная люстра с бесчисленным количеством свечей. У стен стояли изящные резные столики и обитые голубой парчой стулья. Меж степенно кружащихся пар деловито сновали слуги, поднося гостям напитки и закуски. В углу играл настоящий оркестр.

Устав восхищаться роскошью зала, Герда принялась разглядывать собравшихся здесь людей. Взгляд остановился на двух стоявших рядом мужчинах. У них не было пар, и они не танцевали. Первый — невысокий, худощавый, одетый в элегантный костюм небесно-голубого оттенка, был уже в годах. В светлых волосах проглядывали седые пряди, а на лбу и в уголках холодных серых глаз залегли крупные морщины. Вероятно, это и был хозяин замка. Он приветствовал всех гостей радушной улыбкой, деликатно спрашивая о здоровье знакомых и с достоинством кивал на реплики проходивших мимо людей.

Второй был полной противоположностью: высокий, плечистый, с крупными чертами лица, характерными для простолюдинов, а отнюдь не для знати. Одет в бело-зеленую военную форму с густыми эполетами, указывающими на высочайший ранг. Он гораздо более гармонично смотрелся бы на поле брани, ведя за собой в атаку многочисленное войско, чем посреди помпезной роскоши бального зала. Мужчина прекрасно это понимал и мучился от ощущения собственной неуместности, но уйти почему-то не мог. Он держал руки за спиной и хмуро взирал в глубину зала.

Герда проследила за его взглядом и увидела посреди танцующих молодую женщину в летящем светлом платье с непривычно высокой талией. Небольшой рост и хрупкий стан делали ее похожей на воздушную фею. Из-под коротких пепельных волос выглядывали аккуратные ушки. Рядом с ней в белой кружевной рубашке и чепчике неуклюже бегал совсем еще крохотный ребенок. Он доверчиво цеплялся за юбку матери и, когда она брала его на руки, щебетал что-то тоненьким, похожим на птичий, голоском. Женщина звонко смеялась, прижимала малыша к себе и целовала его розовые щечки. Она не замечала никого, кроме своего ребенка. Он был ее миром, ее счастьем. Остальные люди для нее просто не существовали.

Герда обернулась на мужчин. Оба замерли с одинаковым выражением неодобрения на лицах, словно их породнила ревность к этому ребенку. Герда нахмурилась, ощущая, как в ней просыпается негодование. Как они могут так смотреть? Разве они не знают, что материнство священно?! Никто не смеет посягать на любовь матери к собственному ребенку, тем более осуждать ее за это! Но прежде, чем Герда успела как следует осознать свои чувства, бальный зал заволокло стылым туманом с низин. Исчезли нарядные люди, шикарная люстра, даже сверкающий пол.

Через мгновение Герда обнаружила себя посреди двора мрачного серого замка, подавлявшего своей величиной. Рядом стоял черный экипаж без регалий, запряженный шестеркой крупных серых рысков. Мужчина, тот самый широкоплечий воин, за которым Герда наблюдала на балу, водружал на запятки большой деревянный кофр. На подножке в нерешительности застыла воздушная женщина, правда, вместо легкого платья на ней теперь были черные мужские брюки, заправленная в них белая рубашка и строгий дорожный плащ.

Сзади послышался звонкий детский окрик. Женщина мгновенно выскочила из кареты и подбежала к стоявшему на пороге мальчику лет шести. Обняла его и расплакалась. Устроив багаж, воин окликнул женщину. Мальчик вцепился в нее и не отпускал, рыдая на весь двор. Широкоплечий двинулся к ним стремительной хищной походкой и выкрикнул что-то, отчего ребенок тут же замолчал. Мать наклонилась, чтобы поцеловать его, но мальчик отпрянул,

как ужаленный, и вложил свою ладонь в мозолистую руку дворового мужика, который вышел из замка на крики. Женщина, постоянно оборачиваясь, поднялась в экипаж вместе с воином, и лошади медленно покатали их прочь от замка, чтобы никогда больше не вернуться.

От этого зрелища сердце стянуло жуткой тоской. Вспомнилась оставленная далеко в Дрисвятах отцовская могила. Герда ведь тоже не вернется. Теперь точно никогда. По лицу потекли слезы. Макушку словно ожег чей-то недобрый взгляд. Герда вскинула голову, ища таинственного соглядатая. В одном из окон показалось одряхлевшее и посеревшее лицо хозяина замка. Он смотрел на нее с безнадежной отрешенностью, словно готовился к последней битве.

Герда проснулась в холодном поту и вжалась спиной в стену. Громко завывал ветер, гоня по холму пыль с песком. Все остальные спали. Даже Финиста сморил сон у едва тлеющего костра. Захотелось их разбудить, хоть кого-нибудь, чтобы отвлекли от дурного предчувствия, но ноги не слушались, а язык словно прилип к небу.

Раздался треск. Яркое полыхнуло пламя в костре, и над ним принялись носиться тени. Герда задрожала. Ночную тишь разрезал громогласный голос:

— Оставь ее! Она моя по праву. Тебе прекрасно это известно.

Яростно стонал ветер. Голос продолжал говорить, словно отвечая на чьи-то слова, но слышен был он один:

— Не смей меня винить. Ты сам от них отказался.

Теперь ходила ходуном земля. В таинственном голосе слышалась неприкрытая угроза. Герда затаила дыхание от ужаса.

— Да ты бредишь! Может, в человеческом мире я слаб, но в мире грез моя власть безгранична.

Герда сглотнула. Она, наконец, узнала его. Но как, почему и что все-таки происходит?

Безмятежность старых развалин нарушили звуки неистовой битвы. Лязгала сталь, падали вниз камни, выл ветер, дрожала земля. Герда не знала, сколько просидела, колотясь от страха, пока все не завершилось полным отчаянья воплем. Над костром взметнулся темный силуэт высокого мужчины с мечом в правой руке. Поглотив его, пламя поднялось до небес, озаряя всю вершину холма, и тут же опало. Из костра вышел кот и, с трудом волоча лапы, направился к Герде. Страхнув оцепенение, она подалась вперед и подхватила рыжего плута на руки, потому что еще мгновение, и он бы точно рухнул без сил.

— Что это было? — дрожащим голосом спросила Герда, прижимая кота к себе.

— Родовой дух, — с трудом переводя дыхание, ответил тот. — Его линия прервалась, вот он и ошалел малость. Решил во что бы то ни стало вернуть свою семью, да только возвращать уже нечего. Поэтому он вцепился в вас и не хотел отпускать. Пришлось немного его проучить. Не знаю, правда, что было сложней: победить его или из воспоминаний вытащить — цепкая зараза! Больше он вас не потревожит.

Кот замолчал и закрыл глаза.

— А тень над костром? — принялась тормозить его Герда.

— Давай завтра. Я слишком устал.

Кот безвольной тушкой обвис у нее на руках. Герда положила его подле себя и стала разглядывать звездное небо, понимая, что уже вряд ли уснет.

От костра донесся сдавленный стон. Герда встала и подошла к Финисту. Он метался по земле и едва слышно подвывал, словно ему снился кошмар. Герда присела рядом и коснулась

его плеча. Финист тут же открыл глаза и, лихорадочно глотая ртом воздух, уставился на нее.

— Все в порядке? — участливо поинтересовалась Герда.

Финист громко зашипел, засунул руку за спину и выдернул оттуда узловатую палку, на которой лежал до этого.

— И как меня угораздило уснуть на этой дряни? — ответил он, потирая ушибленное место. — Хорошо еще, что шкуру не продырявил.

Он слабо улыбнулся, делая вид, что ничего страшного не случилось, но не смог скрыть нервной дрожи. Герда подняла с земли теплый дорожный плащ и накинула ему на плечи.

— Тебе приснился кошмар, — она не спрашивала, а утверждала. — Расскажи — станет легче.

— Да как обычно, — нехотя начал он. — Дом, родители... А потом я как будто с кем-то сражался. Знал, что противник сильнее меня, но все равно боролся из последних сил, пока победа не стала склоняться на мою сторону. И когда она была уже у меня в руках, я почувствовал это, — Финист поднял с земли палку и принялся остервенело ворошить угли в затухающем костре. — Словно кто-то ударил в спину, тот, от кого я никак не ожидал.

Краем глаза Герда заметила шевеление и повернула голову. Кот тоже перебрался к огню и внимательно смотрел на Финиста. Показалось, что на белой мордочке мелькнуло сочувствие, но кот тут же свернулся клубком и закрыл глаза, делая вид, что просто пригрелся.

— У меня бывает, не обращай внимания, — успокоительно сказал Финист.

— Мнительность? — улыбнулась Герда, вспомнив слова Дугавы.

— Есть немного, — рассмеялся он. — Похоже, я слишком привык быть настороже, опасаться собственной тени. Вам это кажется глупым, но в свое время я выжил только благодаря мнительности.

Финист раздул огонь посильней, подбросил дров, а потом снова сел и, прижав закованную Герду к себе, поделился своим плащом.

— Расскажи, — вкрадчиво попросила она.

— Хм?

— Про жизнь.

Герда посмотрела на него так, как обычно смотрела на мать, когда чего-то очень хотела. Финист, как и мама раньше, просто не смог ей отказать.

— Да нечего особо рассказывать. Я родился как раз накануне Зареченского восстания. Мои родители были среди зачинщиков. Мне и года не исполнилось, когда их осудили и увезли в Стольный. Мать я не помню совсем, а отца... только по рассказам стариков, которые меня вырастили. Они очень его любили. Мы жили бедно, совсем не так, как у вас в Дрисвятах. После восстания Голубые Капюшоны выжгли степь дотла. Несколько лет мы голодали. Потеряли почти весь наш табун — до восстания моя семья разводила лошадей для дружин.

Было трудно. Приходилось много работать, но мы выжили, хотя из бедности так и не выбрались. Да и в деревне меня откровенно ненавидели. Винили моего отца во всех бедах нашего края. Он де Единого-милостивого своим неповиновением разгневал. Я лез в драку каждый раз, когда слышал эти бредни. Хоть и был сильнее одногодок, но постоянно ходил с разбитым носом, а потом просто надоела эта гоньба.

Мне едва минуло четырнадцать, когда к нам в деревню приехал глашатай из Веломовской дружины. Искал добровольцев для охраны границы с Эламом. Я не подходил

по возрасту, но набавил себе пару лет — писарей-то у нас не сохранилось, у которых могли бы проверить. А так как я был необыкновенно рослым для своего возраста — мне легко поверили на слово.

Помню, как плакали старики, когда меня провожали. Чувствовали, что не увидят больше. Но я тогда о них не думал — хотел поскорей убраться из дома. Там даже земля пятки жгла. Забрал последнего нашего жеребенка, — Финист махнул рукой в сторону пасшихся за руинами лошадей, — и уехал, не оглядываясь.

В южных гарнизонах я провел десять лет. Отавить службу я мог в любой момент — стоило лишь ночью, пока все спали, обратиться соколом и лететь на все четыре стороны. Страна большая. От грабительских поборов и постоянных восстаний беглецов много. За всеми не угонишься. Вот и меня вряд ли долго да далеко искать стали. Мог бы домой вернуться раньше, а все чего-то ждал. На службе было легче, удобнее, чем там, где я для всех стал костью в горле. Поэтому и терпел.

А как о новой волне гонений услышал, сразу что-то в сердце защемило. Видно, почувал, что от отцовского дома только головешки остались. Сбежал. Вернулся. А у стариков даже могилки не сохранилось. Знакомые рассказали, что они умерли задолго до гонений — всего через пару лет, как я на службу отправился. А потом пришли Голубые Капюшоны и сравняли все селение с землей, даже кладбище не пощадили. Как будто в прошлый раз им мало показалось! И еще тьму таких же селений по всему Зареченскому краю, чтобы людям неповадно восставать больше было.

После этого я жил как перекати-поле, путешествовал по мелким городам, нигде надолго не останавливаясь, пока не наткнулся на лазутчиков компании Норн. Я их узнал, а не они меня. Слышал краем уха, что в Норикии собирают людей с даром. Показал им, что умею. Не все, конечно, а так... по мелочи, но они и этим впечатлились. Сами стали уговаривать примкнуть к компании. Все показывали, рассказывали, сулили большие деньги, чины, славу, да только я таких басен еще в дружине наслушался. Не поверил, а вот Дугаву с Жданом жалко стало, поэтому и согласился отвести их в Лапию. На свою голову.

— Жалеешь? — полушутя спросила Герда.

— Нет, пожалуй, — задумчиво ответил Финист, едва заметно касаясь ее волос. — Боюсь, что не справлюсь.

— Справишься, — лукаво улыбаясь, заверила его Герда. В голову, как невзначай выпросить Финиста про то, о чем не захотел говорить кот: — Ты ведь сильный, сильнее, чем тебя посчитали в компании. У тебя, наверное, и родовой дух есть.

— Родовой дух? Скажешь тоже. Чтобы появился родовой дух, нужно, чтобы у всех предков до десятого колена сильный дар был, а в моей семье оборачиваться только отец умел.

Герда поджала губы. Значит, хозяева замка были очень сильны, но все же не выстояли. Жаль их. И духа тоже немного жаль. А больше всего жаль тот дивный мир, полный тайн и загадок, который уже никогда не вернуть.

— Это больно? — после затянувшегося молчания, спросила Герда, чтобы отогнать тоску.

— Оборачиваться? В первый раз, говорят, нестерпимо больно. С тебя будто живьем сдирают кожу, перемалывают потроха, стирают в порошок кости, а потом отливают из них новое, совершенно чуждое тело. Оборотень еще долго сходит с ума от боли и нападает на всех, кому не посчастливилось оказаться у него на пути. Разум обретает власть над зверем

лишь со временем. Может быть очень много жертв, если не упрятать впервые обернувшегося подальше от людей.

— Так ты убивал? — испугалась Герда.

— В приступе ярости — никогда. В битве — случалось. Я истинный оборотень, умею оборачиваться, сколько себя помню. Для меня это не большее, чем переодеться. Но такой дар — большая редкость.

— Хотелось бы и мне обладать даром, хотя бы самым слабым, — печально вздохнула Герда.

— Но он у тебя есть! — усмехнулся Финист, убирая непослушную прядку с ее лица. Герда нахмурилась. О чем это он? — Ты умеешь вызывать людей на откровенность. Даже тех, кто к этому не расположен.

— Ты не понимаешь.

Она понурилась, не оценив шутки, и доверчиво склонила голову на плечо Финисту. Вскоре ее сморил сон.

Следующее утро было на удивление ясным. Путники быстро отыскивали нужную дорогу и, наконец, оставили руины Ильзара далеко позади.

## ===== Глава 6. Сокровище волотов =====

Весь день они ехали по старому заброшенному тракту, разбитому и неухоженному. Несколько десятков лет назад кундские рыцари проложили новую дорогу в Лапию, но она делала большой крюк возле Гульборга и уходила дальше на юг, в то время как путь Финиста и его учеников лежал на север. К тому же, вдоль старого пути, если верить слухам, все еще сохранялись тайные штабы Стражей, которые после Войны за веру достались в наследство компании Норн. Там Финист надеялся получить поддержку и помощь, так как денег у них почти не осталось, а путь предстоял неблизкий, да и зима была уже не за горами.

Солнце наполовину спряталось за горизонт, когда вдоль дороги выстроились невысокие, покрытые пожухлой травой холмы. Издалека они казались удивительно симметричными, почти не отличимыми друг от друга, продолговатыми по форме, с пологими склонами с восточной стороны и крутыми, почти отвесными обрывами, с другой.

— Чудные холмы. Как будто их так специально насыпали, — озадаченно пробормотал Ждан.

— Это не холмы, а волотовки, — возразила Герда.

— Волотовки? — переспросила Дугава.

— Волотовки, курганы-усыпальницы волотов, асилков... — Герда на мгновение задумалась, подбирая нужные слова. — Это такие демоны, похожие на людей, только намного выше и сильнее.

— Великаны, — подсказал Финист.

— Да. Они жили здесь до прихода людей. Самых храбрых воинов хоронили в таких курганах вместе со всем их скарбом, чтобы на том берегу они ни в чем не нуждались.

— Ты-то откуда знаешь? Ты ведь ни разу здесь не была, — спросил Ждан. Снова ее в чем-то подозревал? Его враждебность уже начала откровенно раздражать, ведь она абсолютно ничего ему не сделала.

— Возле Дрисвят тоже есть волотовки, — пожала плечами Герда, жалея, что вообще завела этот разговор. — А в одной старой книге написано, что в нашем краю их было около



двух десятков, но большая часть отделена непроходимыми болотами на юге, а еще часть обвалилась и исчезла.

Ждан перевел взгляд на Финиста, ожидая его реакции, но тот лишь безразлично пожал плечами.

— А что за скорбь? Золото? Ведь что может обеспечить жизнь, пусть даже и загробную, лучше, чем золото? — постаралась перевести тему Дугава, заметив нарастающее напряжение.

— В книге об этом ничего не говорилось, — Герда, прищурилась, вспоминая. — Думаю, они оставляли монеты мертвецам, ведь даже демонам надо платить Паромщику за переправу на тот берег.

— Так в чем же дело? Давайте поищем вход в эти курганы. Может, там внутри спрятаны несметные сокровища, — предложил Ждан.

— Я не думаю, что нам стоит здесь останавливаться, — строго ответил Финист.

— Но ты ведь еще утром сетовал, что денег почти не осталась, — продолжил уговаривать Ждан. — Ты что, трусишь?

— Просто не хочу больше время терять.

— Мы же недолго. Тем более, вечереет, пора на ночлег останавливаться, — увидев, что Финист остался непреклонен, Ждан последовал дурному примеру Дугавы: — Давайте проголосуем. Кто за то, чтобы сделать привал и осмотреть курганы?

— Я надеялся сегодня дойти до Ужграда, — мрачно ответил Финист.

— Не стоит осквернять могилы, — поддержала его Герда, вспомнив свой кошмар в Ильзаре. — Вдруг там ловушки или какой-нибудь жуткий охранник? В легендах часто говорится, что клады просто так в руки не даются.

— А мне кажется, стоит попробовать. Заодно и развеемся, — Дугава, которой тоже очень хотелось отдохнуть, охотно поддержала идею Ждана. — Никто же не заставляет нас лезть в самое пекло.

— Вот видишь, Финист, большинство за. Идемте. Чувствую, что сегодня мне повезет, — радостно подвел итог левитатор, спрыгнул с лошади и, небрежно привязав поводья к ближайшему дереву, приплясывающей походкой направился к курганам.

— Здорово он считает. Сразу видно — торгаш, — проворчал высунувшийся из плаща Герды кот.

Все остальные тоже спешили, расседлали лошадей и поспешили за Жданом, который уже успел облазять несколько курганов вдоль и поперек, но входа так и не нашел. Дугава удобно расположилась на вершшке самого высокого холма и разглядывала звездное небо, даже не делая вид, что ее интересуют поиски клада. Герда с Финистом с одинаковым отрешенным видом ковыряли носками сапог землю у подножия выбранных наугад курганов. В одном месте Финист наткнулся на странный камень. Достав из кармана огниво, оборотень поджег длинную сухую палку и в неровном свете пламени начал изучать свою находку. Камень оказался гладко сколот с обеих сторон и заточен на гранях, наподобие тех, что использовались в качестве ножей во времена, когда боги еще не открыли людям тайну обработки бронзы и железа. Возможно, под этими курганами действительно находилось древнее захоронение. Финист задумчиво почесал затылок и сунул камень в карман, потом прощупал землю, но, ничего не обнаружив, поднялся и попятился, что-то высматривая в темноте. Через пять шагов он столкнулся с Гердой, которая застыла возле того же холма, внимательно прислушиваясь к собственным ощущениям. Финист резко развернулся, и они

чуть было не ударились лбами, но Герда вовремя отпрянула, благодарная, что в темноте не видно, как у нее горят щеки. За прошедшие дни ей удалось полностью избавиться от страха, но все еще смущалась, когда Финист бросал на нее непонятные задумчивые взгляды. Может, это то, о чем говорил кот?

— Мда, — неопределенно пробормотал он.

— Хм, — так же ответила Герда.

— Что-то нашли? — поинтересовался Ждан, увидев, что товарищи собрались в одном месте. Дугава тоже спустилась со своего холма и подбежала к ним.

— Даже если здесь действительно был вход в гробницы великанов, он давно осыпался и исчез, ведь больше полутора десятков столетий минуло с тех пор, как они тут жили, — скептически заявил Финист.

— Вам не хватает веры, учитель, — передразнивая его назидательный тон, ответила Дугава.

— А вам лишь бы в игры играть. Повзрослейте, наконец. Нам предстоит трудный путь на север, а скоро холода. Мы не можем больше терять время даром. Если я потяну вон за тот корень, тайный ход в Блаженный край не откроется, так бывает только в сказках.

В подтверждение своих слов он наклонился к пологому склону кургана и со всей силы дернул за скрюченный, наподобие змеи, корень. Земля ушла из-под ног, и они кубарем полетели в кромешную тьму.

Герда больно ударилась об каменный пол. Сверху на нее навалилось что-то очень тяжелое.

— Все живы? — раздался над самым ухом зычный голос Финиста.

Кажется, она догадалась, что так давит. Герда глухо застонала.

— Кажется, я ударилась о камень, — подала голос Дугава. Она оказалась где-то сбоку.

— Это не камень, дура, — возмущенно ответил Ждан, умалчивая, обо что именно она ударилась.

— Спокойно, ребята, сейчас я высеку огонь, — скомандовал Финист.

— Слезь с меня вначале, а то я сейчас задохнусь, — наконец, обрела дар речи Герда. Финист тут же откатился в сторону и наткнулся на стену. Цепляясь за нее руками, поднялся и поджег огнем палку, которая каким-то чудом уцелела во время падения. Света от нее, правда, было маловато.

— Я боюсь, — чистосердечно призналась Дугава.

— Только не говори, что веришь, что в темноте под кроватью прячутся демоны, — засмеялся Ждан.

— А разве нет? — попыталась пошутить Герда, но вышло как всегда ужасно. — Кажется, там что-то есть.

Финист подошел поближе и обнаружил там факел.

— О, вот это будет как нельзя кстати, — обрадовался он.

В свете факела стало ясно, что они оказались в довольно просторном тоннеле. С одной стороны располагался тупик. Вверху прямо над ними находился колодец, а подняться по гладкой стене без выступов не представлялось возможным.

— Ну что ж, назад пути нет, — Финист решительно двинулся вперед. Боясь потеряться и остаться без света, спутники быстро встали на ноги и последовали за ним.

Тоннель вел прямо, никуда не сворачивая. Они не встретили ни единой развилки. Колодцев, как тот, через который они сюда попали, тоже видно не было.

— Не похоже это на лабиринт, — встревожено заметила Герда.

Стены поддерживали каменные балки, возле которых щедро росли бледные бесформенные грибы. Края их светились в темноте жутким зеленоватым светом. Затхлый воздух дурманил голову.

— Скажи спасибо, что дорога только одна, иначе бы мы заблудились и потеряли друг друга в этой темноте, — ответил Финист.

— Но это неправильно. В книгах совсем не то говорится, — слабо возразила Герда.

— Так то книги. В них все врут, — усмехнулся Ждан.

Все удивленно посмотрели на него.

— Что? — тут же возмутился парень. — Так мой отец всегда говорил.

— Оно и видно, — съязвила Дугава.

— Тихо, — скомандовал Финист, заметив впереди массивное сооружение.

Тоннель уперся в высокий постамент с каменным саркофагом.

— Что-то маловат для великана, — Ждан постучал костяшками по крышке. — Как бы его открыть?

Он вопросительно уставился на Финиста. Должно быть, надеялся, что тот снова найдет какой-нибудь скрытый рычаг, но оборотень не спешил подходить к саркофагу.

— Там что-то есть, — едва слышно пробормотал Финист.

— Конечно, есть, много золота и серебра, а еще кости этого, ну как его... не важно, — не дожидавшись помощи, Ждан сам начал обыскивать поверхность каменной плиты, а потом запустил руку между саркофагом и стеной. Там обнаружился подозрительный выступ.

— Подковырнуть или нажать? — спросил Ждан.

— Останови его! — вдруг зашипел выскочивший из плаща Герды кот, но было уже слишком поздно. Все вокруг загрохотало, закружилось в неистовом вихре, стены сомкнулись, и наступила гробовая тишина.

\*\*\*

Финист громко закашлялся, наглотавшись каменной крошки, и с трудом нашел в темноте потухший факел.

— Все в порядке. Сейчас будет свет, — он пытался подбодрить товарищей, но никто не отозвался. Финист высек искру и подпалил факел. Остальных рядом не оказалось.

— Эй, где вы? — позвал Финист.

— Где-вы-где-вы-где-вы, — повторило эхо, которого он раньше почему-то не замечал.

— Герда? Ждан? Дугава? Кто-нибудь? — продолжал кричать он.

— Нибудь-нибудь-нибудь, — отвечало эхо.

— Вы живы? — совсем слабо спросил он в последний раз.

— Мертвы-мертвы-мертвы, — Финист вздрогнул. Это вовсе не эхо!

На куче обвалившихся с потолка камней стояла темная фигура. Финист сделал несколько шагов вперед, но тут ощутил исходившую от незнакомца жуткую ауру.

— Твои друзья мертвы, — сказал незнакомец лишенным всякой интонации голосом и отошел в сторону. Позади него неподвижно лежали Ждан с Дугавой. Финист бросился к ним, начал трясти, шлепать по щекам, но все без толку — сердца их не бились, а тела медленно теряли животворящее тепло.

— Это ты виноват. Ты не смог их уберечь, — издевался незнакомец. — Точно, как тогда.

Финиста колотило от ярости. Он сжал кулаки и кинулся на мерзавца, но тот каким-то

чудом увернулся. Потеряв равновесие, Финист упал.

— Глупец, ты слишком слаб. Ты никогда и никого не мог уберечь. Ведь ты и сам это знаешь, — незнакомец поднял упавший факел и носком сапога заставил Финиста перекатиться на живот. — Сдавайся. Я поделюсь с тобой силой, и ты сможешь все исправить.

Финист прищурился. Эта сцена казалась до боли знакомой, как будто он видел ее раньше, только никак не мог вспомнить когда. Но зато точно знал, что в прошлый раз не согласился, потому что стоявшее перед ним существо было демоном, самым злейшим из тех, которые водились в Мидгарде, враждебным всему живому. Что бы оно ни предлагало, это могло привести лишь к разрушению. По крайней мере, так учили его старики, а кроме их наставлений, да звериного чутья у него больше ничего не было. Собрав всю ярость в кулак, Финист снова бросился на незнакомца, но тот увернулся.

— Не хочешь силы? — хмыкнул он. — Но у меня есть еще кое-что. Уж оно-то точно придется тебе по вкусу.

Финист обескуражено моргнул. Незнакомец взмахнул полами плаща, и перед ними предстала девушка. Юная, стройная, нежная, будто водяная лилия, в простом белом платье без узоров, в каких раньше выдавали замуж дочерей староверы. Распущенные серебристые волосы волнами струились по плечам и спускались до самого пояса. Голову венчала тиара, украшенная алмазами чистой воды и опалами.

— Нравится? — гадко ухмыляясь, спросил незнакомец. — Я помню, как тебе хотелось отобрать ее у брата.

Финист подался вперед и протянул к ней руку. Девушка подняла взгляд Финист обмер, замороженный большими, невероятно выразительными глазами цвета холодной стали. Он точно видел ее раньше... в своих грезах!

\*\*\*

Герде снова снился черный всадник. Только на этот раз она знала правду.

— Прекрати облизывать мое лицо. У тебя изо рта воняет! — возмутилась она, спихивая наглое рыжее создание с груди.

— Я просто хотел тебя разбудить, — огрызнулся кот. — Рук-то у меня нет, а лапами по лицу колотить неудобно. Так уж и быть, в следующий раз буду кусать тебя за ноги, но, поверь, удовольствия ни мне, ни тебе это не доставит.

— Да ну тебя, — Герда встала и огляделась. — Где это мы?

Тоннель, в котором они находились, совсем не походил на тот, через который пришли. Он был хорошо освещен факелами, потолок нависал почти над самой головой, а впереди виднелась развилка.

— Я бы на твоём месте больше волновался, куда подевались остальные, — важно заметил кот.

Герда снова огляделась. Нигде не было и следа ее спутников. Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться и собраться с мыслями.

— Ну и где же они?

— Откуда мне знать?

— Ты же все на свете знаешь. Вот и скажи, где мы, и где все остальные, и как мы здесь оказались, и что нам делать дальше.

— Слишком много вопросов для такой маленькой хныкалки.

— Не смей меня так называть! Мне восемнадцать.

— А умишки на восемь.

— Не хочешь помогать — не надо. Сама справлюсь.

В конце концов, она привыкла к одиночеству. Да и не страшно тут вовсе. В сторожке было хуже.

— Эй, стой! Я же пошутил! Не уходи без меня — пропадешь!

— По-моему, я уже пропала, — Герда остановилась возле развилки и заглянула в каждый проход. Храбрость покинула ее. — Это лабиринт, определенно. Видишь, как петляют дороги? А там еще развилка, и там тоже... Как отсюда выбраться?

— Раз путь назад отрезан, то надо идти к центру, — посоветовал кот.

— В центре лабиринта обычно живет какое-нибудь чудище.

— Будем надеяться, что ты его поцелуешь, и оно превратится в рыцаря в сияющих доспехах.

— Хватит издеваться!

— Я не издеваюсь. На нашу удачу, все именно так и будет. Идем, вариантов все равно никаких.

Герда вздохнула и пошла за котом. В конце концов, от Вальдемара он ее спас, значит, и здесь в беде не оставит. Она подняла с земли камень и нацарапала крест. Чтобы не заблудиться, нужно было все время поворачивать в одну сторону, пока они не вернутся на то же самое место. Потом пробовать следующий проход, который не был помечен крестом. Так они обошли весь правый и средний проходы, несколько раз упирались в тупики, но так ничего и не нашли. Левый давался куда сложнее. То ли он был в разы длиннее остальных и действительно вел к центру, то ли они настолько устали, что перестали замечать кресты на развилках, то ли кто-то специально их путал. Когда ноги начали гудеть от усталости, а желудок свело от голода, Герда склонилась именно к последней мысли и снова поддалась отчаянию.

— Мы будем вечно скитаться в этих тоннелях, пока не сойдем с ума или умрем. И я уже не знаю, что хуже, — застонала она, усаживаясь посреди очередной развилки.

— Вставай, может, там за поворотом выход, а ты умрешь, не дойдя до него всего несколько саженей, — попытался расшевелить ее кот.

— Тебе легко говорить. Ты бестелесный и усталости не чувствуешь. Вот ты и иди. Если что-нибудь найдешь, вернешься и заберешь меня.

Кот угрожающе зашипел, подбежал и цапнул за ногу в том месте, где заканчивались сапоги. На прокушенной штанине проступили два темных пятнышка, но Герда не сдвинулась с места, а лишь сильнее поджала под себя ноги. Кот бросил на нее последний безнадежный взгляд и угрюмо поплелся дальше. Вскоре Герда продрогла настолько, что сидеть больше не смогла и вяло пошла за ним.

Кота нигде видно не было. Герда встревожилась. Вредный и грубый, он все равно оставался ее лучшим другом, на которого она всегда могла положиться. Тем более, все остальные ее спутники пропали. Совсем не хотелось потерять последнего. Герда подобрала брошенный камень, начертила возле тоннеля крест и, с трудом сгибая затекшие ноги, пошла вперед.

Кот оказался прав. Совсем скоро забрезжил свет. Герда вышла в огромный зал, полный золота, ярко блестящего в свете сотен факелов. Было здесь и белое серебро, и красная медь, и желтая латунь, и искристые самоцветы размером с добрый кулак. Дыхание сперло от восхищения. Вот оно — то самое сокровище, которое искал Ждан. Что-то зашевелилось в

глубине зала. Герда сделала несколько шагов навстречу, но тут же остолбенела от ужаса, поняв, что это. Посреди груды золота вокруг сжавшегося в комок кота зелеными чешуйчатыми кольцами вился исполинский уж. Длиной его тело было с десяток сажений, не меньше, толщиной в человеческую руку от плеча до кончиков пальцев. Маленькую по сравнению с телом головку венчала золотая корона. Из приоткрытой пасти выглядывал тонкий раздвоенный язычок.

Уж гонял кота по грудам золота, окруженным чешуйчатыми кольцами, с явным намерением проглотить. Герда непроизвольно ахнула. Змея повернула голову, отпуская на время загнанную в угол жертву.

— Оставьте его, он ничего вам не сделал, — взмолилась Герда.

Уж подполз поближе, не выпуская, однако, кота из кольца. Голова опустилась на один уровень с Гердой, чтобы они смотрели глаза в глаза.

— Он нарушил границу моих владений, пришел похитить мои сокровища, — после продолжительной паузы ответил змей. — Я, Ужинный король, повелитель подземного царства, не позволю оскорблять себя подобными выходками.

— Простите его, он не хотел ничего воровать. Он из-за меня сюда попал, — отчаянно упрашивала Герда.

Ужинный король задумчиво хмыкнул, приблизившись вплотную, а потом повернулся к коту и снова хмыкнул, что-то тщательно взвешивая.

— Ладно, тебя я отпущу, — сказал он после долгого молчания. — Ты и подданных моих не обижала, и даже крынку с молоком для моих деток не жалела, но этот... — змей угрожающе зашипел. Кот ответил тем же. — Останется здесь.

— Прошу вас. Я что угодно сделаю. Хотите, служанкой вашей стану, только отпустите его!

— Служанкой? Ты — дитя ветра, нет тебе жизни под землей. Какой от этого толк, если ты умрешь через год? — снисходительно ответил змей. — Да и из-за кого ты себя губишь? Из-за того, кто перед владыкой земли в истинном облике предстать не может? Зачем он тебе?

— Он мой друг, — от отчаяния Герда уже была готова расплакаться. — Я... я... я его люблю.

— Глупая девочка, можно любить нежный бриз, приносящий прохладу в знойный полдень или даже муссон, дарящий проливные дожди иссушенной земле, но зачем же любить ураганный шквал, сметающий все на своем пути?

Герда потупилась, не в силах понять значения слов змея.

— Хорошо, если тебе без него никак, предлагаю обмен. Ты отдашь мне самое дорогое, что у тебя есть, а я верну твоего «друга», — смилостивился змей.

— Самое дорогое? — задумчиво переспросила Герда, а потом решительно отвернула с плеча плащ и начала пальцами ощупывать ворот рубахи.

— Нет, стой! — вдруг обрел дар речи кот. — Только не брошь.

— Почему? — возмутилась Герда. — Ты ведь сам сказал, что я должна вырасти и перестать жить в сказках. Может, если я отдам его подарок, это поможет мне освободиться?

— Я не это имел в виду, — горячо возразил кот.

— Но иначе змей убьет тебя.

— Оно этого не стоит. Я этого не стою. Ты ведь сама говорила, что я бестелесный, а, следовательно, неживой, поэтому меня нельзя убить. Уходи, спасайся, оставь меня!

— Но я не смогу одна...

— Ты не одна. Не забывай, у тебя теперь есть другие друзья. Они помогут лучше меня.

— Нет.

Герда решительно протянула брошь змею. Тот коснулся ее кончиком языка и снова повернулся к коту.

— Глупый-глупый шквал, даже любовь оценить не смог, — горько усмехнулся Ужинный король.

Кот снова сжался в комок, всем видом показывая, что желает провалиться сквозь землю, хотя проваливаться было уже некуда.

— Я это не возьму. Для тебя эта брошь слишком дорога, а для меня абсолютно бесполезна. Лучше отдай мне вот это, — язык змея коснулся кожного мешочка у Герды на шее.

Она вынула оттуда засохшую змеиную кожу. Уж подхватил ее языком, бросил в кучу своих сокровищ и уполз в отдаленную часть залы. Освобожденный кот прыгнул к Герде на руки и счастливо замурлыкал.

— Может, позаимствуем что-нибудь? — предложил он, лукаво поглядывая в сторону золотого кубка, искусно украшенного гранатами и крупными жемчужинами.

— Да ну тебя, — ответила Герда, крепче прижимая кота к себе, решив, что больше никуда его не отпустит.

\*\*\*

Дугава очнулась посреди кромешной тьмы. Нащупав рядом стенку, смогла подняться на ноги. Глаза постепенно привыкли, и сквозь темноту проступили зыбкие очертания предметов. К ближайшей стене были приставлены деревянные нары, а напротив красовались решетки. Возле ее камеры, а это оказалась именно камера, усевшись прямо на полу, посапывал человек, закутавшийся с головой в просторный плащ.

— Ч-что происходит? — испуганно спросила Дугава.

— Молчать, ведьма! — хриплым со сна голосом прикрикнул охранник. С явной неохотой он достал из плаща саблю и провел по решеткам, чтобы загнать Дугаву обратно в темный угол. — Недолго тебе нас мучить осталось. На рассвете на костер пойдешь. Слышишь? И очищающий огонь будет лизать твои пятки.

От жуткого хохота по спине пробежали мурашки.

— Позовите Финиста... моего отца... кого-нибудь, — взмолилась Дугава, но тюремщик продолжал смеяться.

— Дурочка, не надейся, что тебе кто-то поможет. У таких, как ты, только один путь — на эшафот.

От ужаса Дугава снова осела на пол и потеряла сознание.

\*\*\*

— Эй, где вы? Куда все подевались? — оторвавшись от саркофага, Ждан обнаружил, что остался совершенно один.

Он посмотрел по сторонам, а потом махнул рукой. Пропали, так и демоны с ними. Сами найдутся, не маленькие уже. Ждан еще раз коснулся выступа, и крышка саркофага отъехала в сторону. Внутри покоился обтянутый высохшей желтой кожей скелет огромного человека. Колени были подогнуты к груди, чтобы он мог втиснуться в сравнительно небольшой саркофаг. На шее висело золотое ожерелье в виде змей со смарагдовыми глазами. Стоило протянуть руку, как откуда ни возьмись выскочила большая коричневая жаба со страшными

выпученными глазами и бородавками на голове. Она деловито уселась на грудь покойника, заслоняя собой ожерелье, и пронзительно посмотрела на Ждана. Он повел плечами от омерзения и хотел было согнать уродливую тварь, но та оказалась проворней и ударила языком по занесенной руке. Ждан чуть не взвизгнул и отступил на шаг.

— Поцелуй меня! — противным хриплым голосом сказала жаба.

— Что? — оторопело переспросил он.

— Поцелуй меня и я стану твоей прекрасной невестой, — рот жабы растянулся в своеобразную улыбку. Ноги чуть не подкосились от «соблазнительного» зрелища.

— Никогда в жизни! — совладав с собой, ответил Ждан.

— Если ты меня поцелуешь, я стану прекрасной царевной и принесу тебе почет и славу, — продолжала соблазнять жаба.

— Ты просишь меня поцеловать твои бородавки за почет и славу? Дудки! Ищи другого дурака, — Ждан сделал вид, что собрался уходить.

— Стой, скажи, чего ты хочешь? — в отчаянии протягивая к нему перепончатые лапы, спросила жаба.

— Золота, — с готовностью ответил незадачливый жених.

Жаба на мгновение задумалась.

— Хорошо, сейчас я начну прыгать вокруг тебя, и каждый раз, когда мои лапы будут касаться пола, из-под них будут выскакивать золотые монеты. Когда золота станет достаточно, скажи «хватит».

— Глупая жаба, золота никогда не бывает достаточно, — алчно глядя на бородавчатую квакушку, ответил Ждан.

Жаба спрыгнула на землю. Из-под лап брызнули золотые монеты. Она вихрем понеслась вокруг Ждана, заполняя комнату блестящим металлом. Монет становилось все больше и больше, пока золотая гора не начала доставать до головы. А потом рухнула, погребя Ждана под своей тяжестью. Металл давил на грудь, не позволяя даже набрать в легкие воздуха, чтобы выкрикнуть спасительное «Хватит!». Запоздало раскаявшись в своей жадности, Ждан понял, что это конец. Он задыхался.

\*\*\*

Герда уже почти вышла на большую развилку, с которой начинала путешествие по лабиринту, но вдруг послышалась невнятная возня. Продолжая крепко прижимать кота к груди, словно драгоценное сокровище, Герда сделала несколько шагов назад и обнаружила в стене небольшую выемку, а за ней потайной проход. Странные звуки доносились оттуда. Пригнувшись, Герда ступила внутрь. На полу впереди она заметила чье-то тело. Это оказался Ждан. Он лежал на спине и самозабвенно целовал большую уродливую жабу.

Осмелев, кот спрыгнул с рук и прогнал мерзкую тварь. Ждан закашлялся, приходя в себя.

— Хватит! Хватит! Золото, оно меня душит! — закричал он, плохо соображая, где находится.

— Успокойся, нет здесь никакого золота, — заверила его Герда, помогая подняться. — Ты что, целовался с жабой?

— Я? — внезапно спохватился Ждан. В подтверждение слов Герды из темноты донеслось громкое кваканье. — Ну я... Она сказала, что даст мне золота и... Она могла быть заколдованной принцессой.

Герда в голос рассмеялась.



— Это лягушки в принцесс превращаются, а от жаб только бородавки бывают. Книжки читать надо. В них правду говорят.

Ждан сокрушенно закрыл лицо руками, вот-вот готовый расплакаться.

— Не переживай, я знаю одну травку. Бородавки за пять дней сводит, — все еще давясь от хохота, посочувствовала ему Герда.

— Обещай, что никому не расскажешь! — в отчаянии он схватил Герду за ворот рубахи.

— Хорошо. Если ты не заметил, рассказывать пока некому, — она отцепила его руки от своей одежды.

— Здесь был саркофаг, — Ждан указал на пустое место возле стены. — Внутри лежал мертвец и эта жаба. Куда все делось?

Герда повернулась к проходу, из которого пришла, но тот тоже бесследно исчез вместе с лабиринтом.

— Не время удивляться, надо искать остальных — Герда решительно сняла со стены факел и внимательно осмотрела зал.

Нашелся еще один лаз. Правда, он располагался в сажени от пола. Тяжело кряхтя, Ждан подсадил ее. Подтянувшись на руках, Герда смогла забраться внутрь. Лаз расширился, а впереди мерцал приглушенный свет.

— Левитируй, — скомандовала Герда.

— Вот достали! — прошипел Ждан, но все-таки соизволил послушаться.

С трудом поднявшись в воздух, он зацепился за край лаза, но подтянуться не смог. Руки скользили, норовя сорваться. Герда схватила его и, поднатужившись, затащила внутрь. Не справляясь с дыханием, она повалилась на пол вместе со Жданом.

— Слушай, тебе есть надо меньше, — недовольно заметила Герда.

— Без тебя знаю, — огрызнулся Ждан.

Перепалку прервал чей-то громкий возглас.

— Финист? — позвала Герда и, не теряя больше времени, поползла.

Заканчивался он так же, как и начинался в сажени от пола небольшого каменного зала. Пришлось прыгать. Спружинив на ноги, Герда отряхнула колени, но прежде, чем она успела осмотреться, кто-то крепко прижал ее к себе.

— Да! — с томным придыханием произнес Финист и, приподняв кончиком пальца ее подбородок, приблизил свое лицо к ее. Глаза его были плотно закрыты. Теплое дыхание щекотало щеки. Припухшие губы едва заметно трепетали.

Герда удивленно замерла. Что он делает?! Рядом зашипел кот, как будто ему только что наступили на хвост. Опомнившись, Герда пихнула Финиста в грудь. Его губы скользнули по щеке. Финист оступился и чуть не упал, увлекая за собой Герду. Только тогда он открыл глаза и испуганно уставился на нее.

— Что с вами такое творится? — возмутилась она.

Финист покраснел как вареный рак и, закрыв лицо руками, отвернулся.

— Прости-прости, я не хотел, я... Демоны! Ну, попадись мне этот Ждан, — сквозь плотно сжатые зубы прошипел он, не зная, что в точности подражает звукам, которые издавал в его адрес кот.

— Меня кто-то звал? — жизнерадостно спросил мягко слевитировавший из лаза парень.

Руки Финиста задрожали и потянулись к его горлу:

— Ну, я тебе сейчас устрою. Какого демона ты притащил нас в это треклятое место?!

— Я просто предложил. Тем более, ты сам открыл дверь, — суетливо оправдывался

Ждан, испуганно поглядывая на сжимающиеся, словно когти хищной птицы, пальцы Финиста.

— В следующий раз будь добр, держи свои предложения при себе!

— Чего он на меня взъелся? — обратился Ждан к Герде. — Что, тоже жабу поцеловал?

— Какую еще жабу?! — еще больше взъерепенился Финист.

— Хватит-хватит, — с трудом преодолевая икоту, попыталась разнять их Герда. — У меня сейчас бока лопнут от смеха.

Финист со Жданом виновато потупились, представляя, как должна выглядеть эта сцена со стороны.

— Идемте, надо еще Дугаву найти. Не думаю, что она полезет к кому-то целоваться, но все же не стоит оставлять ее одну.

Мужчины бросили друг на друга неприязненные взгляды и принялись осматриваться. Лаз, через который сюда попали Герда и Ждан закрылся точно так же, как тот, что вел из лабиринта. Других выходов видно не было. Прошло достаточно много времени, прежде чем Финисту удалось обнаружить очередной рычаг между полом и стеной. Ждан с Гердой подошли к нему, чтобы получше рассмотреть находку, но стоило коснуться рычага, как стена резко повернулась и, ударив их по спинам, протолкнула в новый коридор.

\*\*\*

Дугава очнулась от того, что на нее выплеснули ведро ледяной воды.

— Вставай, ведьма, пришел час расплаты! — злорадно сказал охранник, бесцеремонно хватая ее за руки и толкая в сторону открытой двери темницы.

В крохотное окно у потолка прокрадывались первые солнечные лучи. Светало. А значит... Дугава задрожала, изо всех сил стараясь не думать о том, что должно было случиться на рассвете. Стражник связал ей руки и повел по винтовой лестнице, грубо тыкая в спину тупой стороной сабли. Через несколько минут они вышли на широкую площадку, по краям которой на лавках сидели люди в одинаковых плащах с голубыми капюшонами. Один из них подошел к Дугаве и положил руки ей на голову. От боли подкосились ноги. Она упала на колени.

— Виновна! — сказал Защитник Паствы, брезгливо отстраняясь.

Стражник подхватил Дугаву подмышки и кинул в повозку с сеном. Она пребольно ударилась коленками и подбородком и тихонько застонала. По щекам потекли крупные слезы. Мохнатая низкорослая лошадка неспешно везла телегу вперед, цокая коваными копытами по брусчатке. Следом шли двое хмурых молчаливых Защитников, смотреть на которых Дугава не отваживалась. Показались городские ворота, вдоль которых стояли колья с насаженными головами бунтовщиков. Подъехав поближе, Дугава с ужасом узнала в них отца, Финиста и Ждана. Надежды рушились, как творимые ею иллюзии, слишком зыбкие, слишком слабые, чтобы бороться против жестокой реальности. Она свернулась клубком на сене, закрывая голову руками, чтобы никого не слышать и не видеть.

Телега въехала на главную площадь, где уже собралась толпа в предвкушении кошмарного зрелища. Они остановились у небольшого обложенного хворостом помоста. Стражник бесцеремонно пихнул Дугаву носком сапога, чтобы она встала. Пришлось подчиниться. Он привязал ее к столбу возле помоста. Защитники тем временем обходили толпу, рыская хищными взглядами по лицам собравшихся в поисках малейших признаков инакомыслия. Наконец один из них подал сигнал другому. Стражник передал им факелы, и Защитники подошли к помосту. Ближний снял капюшон и пристально посмотрел на Дугаву.

Светловолосый, с красивыми правильными чертами лица странно походил на изображения небесных посланников, которым так часто молилась ее мать в единоверческой церкви. Только глаза, такие неестественные, нечеловеческие, демонические глаза — один зеленый, другой голубой — смотрели радостно, явно предвкушая предстоявшие ей муки. По тонким губам заскользил острый кончик языка. Защитник поджег хворост. Пламя быстро расплзлось по помосту, шуршало, хрустело, смаковало... пожирало ее. Медленно, пядь за пядью. Жар превращался в боль, дым выедал глаза. Хотелось, чтобы все кончилось поскорей.

\*\*\*

— Она вся горит! — закричала Герда, обнаружившая Дугаву посреди очередного каменного зала.

Финист со всех ног ринулся к ним. Опустился на колени и положил руку на лоб девушки.

— Демоны, на ней яичницу можно жарить! — выругался он, вливая ей в рот воду из фляги, потом оторвал кусок ткани от рубахи и, смочив, положил Дугаве на лоб.

— Что с ней? — встревожено спросила Герда.

— Дар обратился против нее. Она создала иллюзию жара, и ее тело поверило, будто оно горит. Надо ее разбудить, заставить сбросить иллюзию. Но как? Она ни на что не реагирует, — от отчаянья Финист до крови закусил нижнюю губу и даже не заметил этого.

Герда коснулась руками щек Дугавы, пытаясь разбудить ее, но тут сама провалилась в темную бездну.

Горячий воздух обжигал кожу. Герда испуганно открыла глаза. Она стояла посреди огромной площади на пылающем помосте. Рядом, привязанная к длинному столбу висела Дугава. Герда ударила ее по щекам, приводя в сознание. Дугава мотнула головой и неясным затуманенным взором уставилась на нее, силясь вспомнить, кто она и чего хочет.

— Дугава, да очнись же! — закричала в отчаянии Герда и начала трясущимися руками отвязывать ее от столба.

— Ты — морок? Уйди, дай спокойно умереть.

— Я не морок, а вот все вокруг — твоя иллюзия. Ты должна снять ее, пока мы не сгорели заживо, слышишь?

— Не могу я, не могу! — Дугава пристально взглянула на Герду и, увидев что-то страшное за ее спиной, задрожала: — Да ты же одна из них, из Голубых Капюшонов! Хочешь поиздеваться напоследок?!

Герда повернула голову. За ее плечами развевался голубой плащ Защитников. Не раздумывая, она сорвала его с себя и швырнула в огонь.

— Послушай, если бы я была одной из них, то что бы я делала здесь рядом с тобой посреди костра? — возвала Герда к разуму иллюзионистки. — Ну же вспомни, ты не горишь на костре Защитников Паствы, а лежишь посреди каменного зала внутри кургана-волотовки. Развей иллюзию!

Веревка, наконец, поддалась, и Дугава оказалась свободна от пут. Пламя уже было повсюду вокруг них. Неожиданно Герда почувствовала на себе чей-то взгляд и подняла голову. На нее в упор смотрел белокурый парень в голубом плаще. Казалось, из всей толпы только он мог ее видеть. И Герде не нравился этот взгляд, хищный, демонический. Незнакомец, будто замороженный, сделал шаг вперед и протянул к ней руку.

— Я не могу, — всхлипнула Дугава. — Это не моя иллюзия.

— Так подчини ее себе и развей, — Герда отвернулась от испугавшего ее человека,

беспрестанно повторяя про себя, что это лишь иллюзия. В реальности это происходит не может. — Давай, ты не одна, я помогу тебе.

Они сомкнули руки, ладони к ладоням. Свет померк вместе с нестерпимым жаром пламени.

— Герда, Дугава, вы в порядке? — встревожено спросил Финист, взглядываясь в их бледные лица.

Герда резко поднялась и села, обхватывая гудевшую голову руками. Рядом болезненно застонала Дугава.

— Голубые Капюшоны, костер, они хотели меня спалить... Я видела ваши головы на кольях и отец... они убили отца!

Финист обнял девушку за плечи. Рубашка тут же промокла от слез. Он ласково провел рукой по ее волосам:

— Тише. Все закончилось. Это был лишь кошмарный сон, наваждение. Мы в безопасности.

— Осталось только придумать, как отсюда выбраться, — хмуро подал голос Ждан, который все это время безрезультатно искал выход из зала, потому что вход опять исчез. Финист метнул в его сторону испепеляющий взгляд: «Нашел время язвить!»

Герда поднялась, пошатываясь, подошла к стене и оперлась об нее рукой. Та начала таять у нее под пальцами.

— Смотрите, это наш саркофаг! — позвала она остальных.

— Осторожней, я уже видел его... ну тогда, — поспешил предупредить Ждан, но на этот раз Герда была уверена, что это не галлюцинация. Крышка гроба оказалась сдвинута. Подойдя поближе, Герда заглянула внутрь. Никакого золота или останков там не оказалось. Вместо них саркофаг сверху донизу заполняли свитки.

— Ну, конечно. Сокровища волотов — вовсе не золото, а знания, — зачарованно воскликнула Герда, потянувшись за одним из свитков. Ждан и Финист с Дугавой на руках поспешили к ней, боясь снова потеряться в бесконечных каменных залах.

Как только пальцы коснулись свитков, те тут же рассыпались в прах. Герда досадливо поджала губы — остался лишь один на самом дне. Она достала его и аккуратно развернула.

— Буквица? Как странно. Мне казалось, что в древности использовали другое письмо, — удивилась Герда. — Наверное, здесь какое-то заклинание.

Она протянула свиток Финисту, тот недоуменно уставился на нее.

— Лучше ты прочти. Думаю, это заклинание предназначено для Стражей, — Герда еще раз попыталась отдать ему свиток, но Финист лишь густо покраснел и опустил глаза.

— Я... — с трудом выдавил из себя он. — Я не Страж, а всего лишь оборотень второго ранга. И... я не умею читать.

Дугава пораженно выдохнула. Герда открыла рот и тут же закрыла, не найдя, что сказать. Вместо нее подал голос Ждан.

— Что здесь удивительного? На голубиных станциях мы всегда писали послания за него. Можно было догадаться.

Финист бросил на него укоризненный взгляд.

— Ну что ж, — попыталась сгладить неловкость Герда. — Тогда придется мне. Ведь должна же я хоть чем-нибудь быть полезной. Давайте возьмемся за руки.

Они стали кругом, и Герда начала нараспев читать написанные в свитке слова:

— Керминус тир форедемиус бэрг юхиам!

В лицо пахнул холодный осенний ветер. Где-то вдалеке медленно, будто нехотя разгорался восход. Они стояли посреди старого тракта у гряды курганов. Рядом паслись их лошади.

— Все хорошо, что хорошо заканчивается, — Ждан оказался больше всех рад выбраться. Должно быть, чувствовал себя виноватым в том, что им пришлось пережить столько ужасов этой ночью. — Сейчас бы поспать.

— Светает. Надо ехать. И так уже много времени потеряли, — возразил Финист.

Дугава еле держалась на ногах. Ее все еще заметно потряхивало от воспоминаний об иллюзии. Ждан не переставая зевал, а походка Финиста, прежде легкая и стремительная, как полет хищной птицы, сделалась грузной и измученной. Герда решила побыть сегодня гласом разума. Она положила руку на плечо Финиста и вкрадчиво сказала:

— Давайте отъедем отсюда на пару верст, найдем подходящее место и отдохнем. Какой толк спешить, если от изнеможения мы свалимся на полпути?

Финист тяжело вздохнул, но все же согласился. Он усадил Дугаву в седло и шепнул что-то на ухо ее лошади. В неярком свете восходящего солнца Герда разглядела, что надпись на свитке из кургана загадочным образом изменилась — теперь на нем красовались странные крючковатые символы, о значении которых оставалось лишь гадать. Герда скатала его, засунула в кожаный футляр и спрятала в сумку. Кто знает, может, он еще пригодится. Да к тому же в любой книжной лавке такую диковинку с руками оторвут.

Они ехали по двое друг за другом: впереди Дугава на ступавшей нарочито осторожно Пустельге, старавшейся лишней раз не трясти свою всадницу, и присматривающий за ней Финист, Герда со Жданом сзади. Молчали. Кто-то слишком устал, чтобы говорить, а кому-то было просто неловко. Герде же приходилось слушать язвительные замечания кота по поводу того, что Финист не умел читать. Невидимый зверь в конец озлобился после неудачной попытки оборотня ее поцеловать. От котиного брюзжания сильно разболелась голова. Герда уже начинала подумывать, а не сбросить ли невыносимое животное с крупа лошади, чтобы оно поумерило свой пыл. Расправу предотвратил Ждан.

— Послушай, я... — неловко начал он, ровнясь с лошадьё Герды. — Я плохо к тебе относился. Мне казалось, ты можешь накликать на нас беду, и нечаянно сделал это сам, а ты... ты спасла нас, в то время как я был абсолютно бесполезен. Прости меня. Давай будем друзьями.

Герда ласково улыбнулась и кинула.

— У тебя были причины подозревать меня. То, что я увидела в иллюзии Дугавы, ужасно. Я не представляла, что так бывает. Людей жгут на кострах живьем... В нашей глуши никто о таком зверстве даже помыслить не мог.

— Голубые Капюшоны — это болезнь, поразившая нашу страну, — согласился Ждан.

— Видел их вблизи? — осторожно поинтересовалась Герда. — Как они выглядят?

— Как обычные люди, — явно не понимая, куда она клонит, ответил Ждан. — Разве что взгляд у них такой, словно въедается тебе в голову, потрошит ее, вываливая все мысли, как кишки наружу.

Герда передернула плечами.

— Но с Финистом нам ничего не страшно. Хоть я и не согласен с некоторыми его решениями, но надо отдать ему должное, сражаться он умеет. И дар его сильнее, чем у всех, кого я видел в этой хваленой Компании. Ему должны были дать высший ранг, а дали только второй и то с условием, что он доставит нас в вольные города Лапии. Не представляю,

насколько все это должно быть для него унизительно.

— Но почему... — начало было Герда, но Ждан ее перебил.

— Он же из Заречья. Там такая нищета, что даже школ при церквях нет. Точнее, их не посещают. Не думаю, что у Финиста был хоть один шанс выучить грамоту в детстве и сомневаюсь, что оно вообще у него было.

Ждан с Гердой одновременно посмотрели на ссутулившуюся фигуру едущего впереди предводителя.

— Думаю, я могла бы ему помочь, — заметила Герда.

— Смотри, он очень упрямый, — предупредил Ждан.

Через пару часов, когда курганы остались далеко позади, а солнце выплыло из-за горизонта, путники спешили и разбили лагерь на небольшой поляне под пригорком. Финист развел костер, пока остальные доставали одеяла и укладывались спать. Он сам вызвался караулить, позволяя отдохнуть товарищам.

Пока они спали, Финист успел поймать и освежевать крупного зайца, нанизал тушку на палку и начал коптить ее на костре. Герда уже полчаса наблюдала за ним из-за полуопущенных век и решила встать, когда он уселся у костра и заморожено уставился на танцующие языки пламени.

— Тебя что-то гложет? — она решила зайти издалека и, усевшись рядом, тоже принялась пристально наблюдать за огнем.

— Мы опаздываем на встречу со зрителем голубиной станции в Утяне, — мрачно ответил он, не поднимая глаз. — Компании это явно придется не по вкусу... Да и деньги заканчиваются. Как четверо умудряются тратить вдесятеро больше одного?

Герда виновато улыбнулась:

— Прости, если бы не я, вы бы не потеряли столько времени и денег. Мне бы хотелось хоть как-то тебе помочь.

— Не стоит. Забудь, — попытался отмахнуться он, но Герда не сдавалась.

— Денег у меня нет, и я ничего особо не умею, но я могла бы научить тебя читать, — стараясь не выдать волнения, предложила Герда. Финист напрягся. Видно, идея пришлась ему не по вкусу. Герда решила не сдаваться: — Это не сложно, просто нужно немного практики, как с палками. И времени много отнимать не будет — всего полчаса в день. Ждан сказал, что в Компании тебе бы это очень пригодилось.

Лицо Финиста сохранило суровое выражение. Доводы разума его не трогали. Что ж, значит, снова придется давить на жалость. Герда взяла его за руку и заискивающе заглянула ему в глаза:

— Ну, пожалуйста. Может, если я научу тебя читать, то не буду чувствовать себя такой никчемной.

— Ладно-ладно, — проворчал Финист, смягчаясь. — Давай сюда свою книжку.

Герда придвинулась поближе, радуясь, что и на этот раз ее хитрость удалась.

## ===== Глава 7. Голубиная станция =====

Они уже неделю ехали по старому тракту, а расстояние сокращалось намного медленней, чем рассчитывал Финист. Начались дожди. Остановки приходилось делать более длинные. Порой дорогу преграждали поваленные деревья, и путники теряли драгоценное время на поиски обходного пути.

Чтение тоже давалось нелегко. Проклятые завитушки-буквы никак в слова складываться не хотели, а Финист больше отгадывал их по подсказкам Герды, чем действительно прочитывал. Она говорила, что делать все надо медленно, давая себе время вспомнить звук, соответствовавший каждой закорючке, произносить по слогам, но это казалось такой нелепостью.

— До-тель-гар-бер де-по-ни-чес-кий двойник человека, во-про-ша-ю-щий его низ-шие желания и ин-сти-кты, воз-ник-нув-ющий в о-пре-дель-ных условиях, как то близ-кая пи... ми...

— Гибель, Финист, гибель, это «г», — не выдержал Ждан и рассмеялся в голос.

— Все, с меня хватит! — взбеленился Финист, захлопывая книгу.

— погоди, мы ведь только начали. Попробуй еще раз, — умоляла Герда, исподтишка гневно поглядывая на Ждана.

— Мне не интересны все эти легенды и предания. Чтение мне абсолютно не нужно и не стоит даже время тратить, — он решительно встал. — К тому же пора выдвигаться. Сегодня к обеду мы должны быть в Утяне, так что поторопитесь.

— Там должна быть книжная лавка. Я раздобуду книгу, которая тебе понравится, — с надеждой заглянула ему в глаза девушка.

Финист лишь отмахнулся, пробормотал себе под нос «бесполезно» и отправился собирать вещи.

К обеду они, конечно, не успели и в Утяне оказались, только когда солнце уже благополучно минуло зенит. За проезд через городские ворота пришлось отдать половину оставшихся денег, зато городок оказался тихим и славным. Ремесла и торговля здесь процветали, дичи в окрестных лесах водилось вдоволь, только погода не жаловала. Но ведь старый тракт уходил далеко на север. Не удивительно, что с каждым днем становилось все холоднее.

Как только они вышли на рыночную площадь, Ждан оживился, как собака, принюхиваясь к запаху съестного.

— Смотрите, коновязь, а рядом должен быть постоялый двор и... харчевня!

Поспешно привязав поводья лошади к кольцу на протянутой между кольев веревке, он, забрав у Финиста остатки денег, рванулся к широким дубовым дверям с выщербленной вывеской, на которой был изображен импозантный гусь в соломенной шляпе.

Дугава тут же застряла у одного из прилавков.

— Ой, какие пояса красивые! — громко восхищалась она. — Такая вышивка богатая.

— Их у нас в Сулецке делают, а в Кундию на продажу возят, потому что у наших денег на такую роскошь не хватает, — ответила Герда.

— А какая нить. Чистый шелк! — Дугава протянула руку, чтобы потрогать, но бдительный лавочник тут же оттолкнул ее и смачно выругался.

— Только для мужчин, — смеясь, пояснила Герда. — Считается, что если пояса коснется женщина, то золотые и серебряные нити в пряже потускнеют.

— Мужчины, — недовольно поморщилась Дугава и перешла к следующему прилавку.

Герда вернулась к Финисту, который остался у коновязи, чтобы распустить ремни на сбруе и напоить животных.

— Помощь не нужна? — поинтересовалась она.

Финист оценивающе глянул на нее, тяжело вздохнул и отрицательно покачал головой.

— Тогда я в книжную лавку сбегаяю. Она тут на углу, недалеко. Я ее, когда мы мимо

проезжали, заметила. Скоро вернусь.

Финист печально смотрел на ее удаляющуюся спину. Разбежались и ладно. Может, оно и к лучшему. Хоть очередного его позора не увидят.

Разобравшись с лошадьми, Финист направился искать голубиную станцию. Небольшие домики с парой резных голубей на дверях находились на окраинах городов в тени леса, подальше от любопытных глаз. Найти их можно было, только если знать, где искать, но у Финиста были свои способы. Приложив ладонь ко лбу козырьком, он пристально глянул на небо. С крыши ближайшего дома к нему спустилась сизокрылая голубка и уселась на подставленную руку. Финист издал короткий курлыкающий звук. Голубка поднялась в воздух и полетела вдоль узких улочек на глухую окраину. Финист поспешил за ней, и вскоре птица вывела его к березовому перелеску. В глубине между белоствольными деревьями виднелась крохотная хижина. Голубка клювом постучала в дверь. Некоторое время было тихо. Казалось, что хижина давно заброшена, но первое впечатление было ошибочным. Вскоре до по-звериному обостренного слуха донесся неторопливый топот. Дверь распахнулась, и на пороге показался сутулый бородач в заплатанном тулупчике и драной шапке-ушанке.

— Не можете ли советом уставшему путнику, отче? — обратился к нему Финист.

— От чего ж не помочь добру молодцу. Да ты заходи, не стой на пороге, — поманил его старик.

Финист вошел и плотно прикрыл за собой дверь. Старик скинул тряпье, разогнул спину и резким движением оторвал от подбородка ненастоящую бороду.

— Финист Ясеньский? — деловито поинтересовался он. — Вы должны были прибыть сюда две недели назад.

— Непредвиденные обстоятельства, — пожал плечами Финист. — Возле Терешина едва не столкнулись с Голубыми Капюшонами. У них как раз новый сезон «собираения» начался. Пришлось сделать крюк.

— Опять детей воруют? — мрачно хмыкнул старик. — Что-то они в последнее время слишком деятельными стали, причем везде, не только в Веломовии. Уж не намечается ли очередная заваруха? Рано, слишком рано, нам еще хотя бы пару годиков продержаться, а там достаточно сил накопим: и отбиться сможем, и какие земли вернем.

Финист прекрасно понимал, что даже двух десятков лет Компании не хватит, чтобы собрать силы, способные хоть как-то противостоять единоверцам. Сейчас можно только по углам прятаться, в Лапии или Норикии, докуда Защитники пока не дотянули свои жадные ручищи, а о реванше даже и мечтать не стоит. Но он предпочел вслух свои соображения не высказывать.

— Так, вот тебе перо, бумага, садись и пиши, — велел офицер.

— Что? — испуганно переспросил Финист.

— Отчет пиши. Совсем процедуру забыл? — раздражаясь, повысил голос старик.

Финист сглотнул ставший в горле ком и принялся выводить на бумаге кривые загогулины, силясь вспомнить то, чему учила Герда. Офицер попытался через плечо заглянуть в написанное. Финист запнулся и поставил кляксу на пол-листа. Недовольно посмотрев на старика, он скомкал испорченный отчет и начал заново. На этот раз офицер поумерил любопытство и терпеливо дождался, пока Финист закончит. Как только он поставил последнюю точку, офицер вырвал у него письмо и попытался прочитать.

— Что это? — недоумевал он.



— У меня это... почерк плохой, — попытался оправдаться Финист.

— Это не почерк, это белиберда какая-то. Ты вообще грамоту-то знаешь?

Финист опустил глаза, словно стыдливая девица, заливаясь пунцовой краской.

— У, темнота! — проворчал офицер. — Неудивительно, что ты даже двух учеников не смог через Веломовию вовремя провести! Откуда только таких болванов набирают?

Финист скрипнул зубами, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не вспылить.

— Ладно, сам отчет напишу, — офицер выхватил у Финиста перо и принялся за дело.

Теперь Финист заглядывал ему через плечо, чтобы иметь хотя бы смутное представление, что будет в отчете. И судя по тому, что Финисту удалось разобрать, офицер охарактеризовал его работу не в самом радужном свете.

— Ты еще здесь? — недовольно спросил старик, когда закончил писать отчет и отложил бумагу.

Финист замялся и промычал что-то неразборчивое, а потом, набравшись решимости, все же озвучил просьбу:

— Мне бы денег и оружия какого-нибудь получше. Вы ведь знаете, на дороге много лихого народа обретается. Да и зима на носу. Не хотелось бы морозить драгоценных учеников в дремучих Лапских лесах.

— Помнится, вам при выходе из Стольного должны были выделить достаточно крупную сумму на путевые расходы. На что вы ее потратили, хотелось бы мне знать? — офицер уже не скрывал свою неприязнь.

— На еду и ночлег. Поверьте, мы сэкономили на всем, чем можно. Даже лошадей не меняли, но денег все равно не хватило. Прошу вас, иначе нам нечего будет есть, — Финист никогда не умел гнуть спину, а тем более унижаться перед старшим по званию, но сейчас положение сложилось настолько отчаянное, что он уже был готов на коленях ползать. Только без толку.

— Не дам тебе денег, и не проси. Может, если разыграешь подобное представление на следующей станции, чего и перепадет, но только не от меня. Проваливай, пока я не добавил пару строк в отчете о расточительстве и неподобающем поведении.

— Дайте хотя бы оружие... Меч? — в отчаянии умолял Финист.

— Ладно, так уж и быть, — офицер откинул крышку большого дорожного сундука и начал рыться в наваленном безобразной кучей тряпье. На дне что-то звякнуло. Старик просиял и со злорадной ухмылкой извлек самый паршивый меч из всех, что Финисту приходилось видеть. Лезвие щедро покрывали зазубрины и ржавчина, а баланс оказался такой никудышный, что даже держать клинок было неудобно, не то, что размахивать.

— Удовлетворен? — испытующе глядя на него, спросил офицер. — И не говори потом, что я отказался тебе помочь.

Финист болезненно скривился и засунул меч за пояс. Стараясь оставаться как можно более почтительным, он поклонился и к вящей радости офицера покинул голубиную станцию.

\*\*\*

Ждан успел плотно отобедать в харчевне постоялого двора и найти небольшую, но чистенькую комнату на ночь. На сытый желудок его вскоре сморил сон, и он позволил себе устроиться на одной из четырех кроватей, не дожидаясь товарищей. Но едва голова коснулась подушки, в комнату ворвалась взволнованная Дугава и принялась его распахивать.

— Что стряслось? — спросил он, плохо соображая спросонья.

— Финист! Кажется, он сильно перебрал в кабаке. Еле на ногах стоит. Да еще с кем-то спор затеял! Боюсь, будет драка, — сбивчиво говорила она.

— О, демоны! — простонал Ждан. — Где Герда?

— Еще не вернулась.

— Так найди ее.

— Где?

— В книжной лавке, где она еще может быть, по-твоему? Быстрее! Я постараюсь продержаться до вашего прихода, и будем надеяться, что втроем нам удастся его утихомирить.

Дугава понимающе кивнула и побежала на улицу. Ждан быстро оделся и направился в кабак. Там уже собралась толпа свирепого вида мужиков и что-то громко обсуждала. Ждану с трудом удалось протиснуться между ними, чтобы узнать, что их так взволновало. Возле прилавка кабатчика стояли двое особенно крупных и уже вконец окосевших выпивох. Они стакан за стаканом глушили крепкую настойку на меду и пряностях. На одинаковых малиновых лицах ярким пятном выделялись фиолетовые носы. Ждан с трудом признал в одном из пьянчуг своего предводителя.

\*\*\*

Книжная лавка в Утяне оказалась не в пример больше дрисвятской, хотя книги здесь были в основном новые: религиозные со сводами единоверческих кодексов и проповедей четырех епископов, либо популярные нынче романы о несчастной любви рыцарей к прекрасным и по большей части замужним дамам. Ни то, ни другое не впечатляло, хотя Герда всегда считала, что неинтересных книг не бывает. Она долго вчитывалась в названия, проводя пальцами по кожаным корешкам, пролистывала особенно понравившиеся книги, но, не находя ничего, что бы показалось полезным для Финиста, ставила обратно. Из глубины книжных полок показался сухой долговязый лавочник. Он долго следил за Гердой. Поняв, что она не может ничего выбрать, сам стал предлагать свой товар. Привередливая покупательница лишь морщила вздернутый носик на каждую показанную книгу. В конце концов они потеряли друг к другу всякий интерес. Герда позаимствовала у лавочника табурет и начала обследовать верхние полки. Через полчаса безрезультатных поисков она тяжело вздохнула:

— И ничегошеньки-то у вас нет. Даже в нашем захолустье выбор получше был.

— Я привожу самые популярные книги из лучших типографий Каунаваса и Стольного. Не понимаю, почему вам не нравится, — беспомощно развел руками лавочник.

— Самые популярные не значит хорошие, — усмехнулась Герда. — Но из уважения к вашему труду я все-таки возьму одну. Вот эту.

Она сняла с верхней полки старый потрепанный томик о видах оружия и искусстве дуэлей. Лавочник несказанно удивился, но цену озвучил немалую. Засунув руку в карман и обнаружив, что там пусто, Герда поджала губы и задумалась.

— Знаете, вы мне нравитесь. Такой внимательный к посетителям и цены скромные. Вместо денег я отдам вам одну о-очень редкую книгу в о-очень хорошем состоянии, — Герда протянула ему книгу, которую купил Финист в Дрисвятах, мысленно умоляя согласиться.

— «Предания старого Севера»? — сдвинув брови, прочитал лавочник. — А это не запрещено?

— Запрещено, но от этого она ведь только дороже, — она лукаво ему подмигнула.

«Давай же, соглашайся!»

— Идет, — медленно кивнул лавочник.

Она счастливо улыбнулась и сунула новое приобретение за пазуху. В этот момент громко ляпнула входная дверь.

— Герда! — позвала запыхавшаяся Дугава прямо с порога. — С Финистом беда!

Сердце ухнуло прямо в пятки. Не успев бросить и слова на прощание ничего не понимающему лавочнику, Герда помчалась вслед за подругой к кабаку.

\*\*\*

— Финист, хватит, прошу тебя! — умолял Ждан, наблюдая, как предводитель опорожняет очередной стакан с наливкой. Глаза предводителя были мутные, а язык заплетался так, что, казалось, его обладатель вот-вот свалится в беспамятстве:

— Не мешай. Еще один стакан, и я точно выиграю. Смотри, какой он косой, — пивший вместе с ним мужик опрокинул в себя такой же наполненный до краев стакан и, смачно рыгнув, утер косматую бороду.

— Пропустите, — донеслось из-за спин столпившихся возле прилавка зрителей. — Да пропустите же вы!

Похоже, кому-то пришлось здорово поработать локтями, чтобы пробраться в гущу событий.

— Что здесь происходит? — от толпы отделилась тоненькая фигура и подобралась вплотную к прилавку.

Финист лениво повернул голову в ее сторону и осоловело улыбнулся:

— Кудесница леса пришла!

Соскользнув со стула, он распластался на полу уродливой кучей и громко захрапел. Герда бросилась поднимать его вместе со Жданом и подоспевшей чуть позже Дугавой.

— Эй, куда это вы наострились? — остановил их собутыльник Финиста, когда они тащили своего предводителя к постоялому двору. — А деньги?

— Какие деньги? — испуганно спросила Герда.

— Он проспорил мне деньги, — мужик бесцеремонно пнул Финиста ногой.

Герда перевела взгляд на товарищей. Те вывернули абсолютно пустые карманы и развели руками.

— Слушайте, что за шутки? Я стражу позову. Либо вы отдаете мне деньги, либо кто-то из вас занимает его место, — возмущился мужик, поняв, что с голодранцев взять ничего не получится.

Герда возвела взгляд к потолку и застонала.

— Хорошо, — мрачно сказала она после недолгого раздумья. — Отнесите его в комнату. Я все улажу.

Мужик глупо улыбнулся, пожирая глазами выпуклые части ее фигуры.

— Ты уверена? — встревожено спросил Ждан.

— Он еле на ногах стоит, скоро свалится, как наш. Идите, — бросила через плечо Герда и последовала за пьяным мужиком.

— Может, все-таки пойдём ко мне? — скабрёзно ухмыляясь, спросил он, отодвигая перед ней стул у прилавка.

— Поверьте, вы этого не хотите, — мгновенно осадил его Герда. То ли учуяв краешком затуманенного выпивкой сознания исходившую от нее опасность, то ли просто не находя в себе силы настаивать, он уселся напротив и налил в стакан прозрачной жидкости.

— Дамы вперед, — все так же игриво сказал он.

Присутствующие затаили дыхание. Герда понюхала напиток, болезненно скривилась и, зажав нос, залпом выпила все содержимое стакана. Толпа одобряюще улюлюкала. Крепкий напиток обжигал внутренности. Голову тут же повело. Герда передернула плечами и, утерев губы, победоносно поставила стакан на стол.

— От демоница! — завистливо присвистнул мужик и опорожнил свой стакан.

К удивлению, в него влезло еще пять или шесть прежде, чем хмель сделал свое дело. Герде же пришлось незаметно выливать свои порции под стол, иначе она бы сама свалилась после второго стакана. В конце концов мужик все-таки рухнул на стойку. Толпа воодушевленно загудела и захопала, словно никто не заметил, что Герда сжульничала. А может, им было все равно? Развеселившиеся посетители кабака еще долго поздравляли ее с победой и запевали похабные частушки про хитрую бабу и ее глупого муженька. Улизнуть удалось только к полуночи, когда горожане — те из них, кто еще стоял на ногах — отправились по домам, а остальных оставили отсыпаться на холодном полу кабака.

В глазах двоилось, голова кружилась, а ноги были словно ватные. Герда едва зашла за угол, чтобы никто не видел, как ее согнуло пополам и вывернуло наизнанку. За спиной раздалось деликатное покашливание.

— Все в порядке, — сиплым от слабости голосом простонала Герда. — Ненавижу сливовицу. Гадостней пошла они придумать не могли?

Она хлопнула носом и опустилась на колени — ноги уже совсем не держали. Ждан бережно поднял ее на руки и понес на постоянный двор. В комнате Дугава бросилась было к ним с расспросами, но, заметив в неярком свете лампадки землистый цвет лица Герды, решила отложить разговоры до завтра.

Сон долго не шел, а потом... потом Герда пожалела, что вообще легла в кровать. Всю оставшуюся ночь снилось, что у кота появилось человеческое тело и он отчитывает ее за «чрезмерное употребление крепких напитков с отягчающим обстоятельством в виде непотребного сострадания к безголовым болванам». Когда под утро Герда проснулась в холодном поту, возлежавший на подушке кот одарил ее таким укоризненным взглядом, что она готова была поверить, что хотя бы часть сна имела нечто общее с явью.

— Нам пора ехать, — мрачно заметила Герда, наблюдая из окна, как медленно, но неумолимо городскую улицу затопляет свет восходящего солнца.

— Но ведь еще рано, — взмолился Ждан, садясь на кровати и сладко потягиваясь.

— Будет поздно, когда тот мужик проспится и снова придет требовать деньги.

Герда пихнула спавшего на соседней кровати пьяным сном Финиста. Он застонал и перевернулся на другой бок. Герда тихо выругалась и облила его водой из кувшина для умывания.

— Что за шутки? — сонно просипел он, не открывая глаз. — Не могу я никуда ехать. У меня все болит.

— Не надо было напиваться вчера вечером, — прикрикнул на него Ждан.

— Да что вы понимаете, — огрызнулся Финист, с трудом поднимаясь с кровати. — Живете себе, забот не знаете, а мне унижаться приходится. Кому какое дело, что я читать-писать не умею? Двадцать восемь лет без этого прожил и еще столько же собираюсь. В гробу я видал эту вшивую компанию с их первым рангом. Кучка зарвавшихся снобов, которые считают себя наследниками Стражей. Жалкие подражатели, вот они кто, а туда же, надеются у единоверцев землю отвоевать. Смешно, честное слово. Да они скорее на костер дружным строем пойдут, чем Защитников победят. А если не верят, то пусть... пусть хоть в

Заречье приедут. Я сам покажу им то, что осталось от их хваленного «сопротивления».

— Выговорился? — нетерпеливо спросила Герда, повышая голос. — Полегчало? А теперь собирай вещи, пока нас самих на костер не отправили!

Финист изумленно глянул на нее, словно видел впервые, но все же подчинился. Через полчаса они уже выезжали из городских ворот.

## ===== Глава 8. Странствующий рыцарь =====

Всю первую половину дня Финист хмурился и причитал о своей тяжелой доле. Кот беспрестанно шипел на него и клял такими словами, о значении которых оставалось лишь догадываться. Не удивительно, что вскоре к похмелью Герды добавилась головная боль. Дугава со Жданом тоже порядочно устали от бесконечных жалоб своего предводителя, но тот хотя бы после обеденной стоянки взял себя в руки и замолчал, а к вечеру даже взбодрился, вытянулся в седле и, наслаждаясь прохладным осенним ветром, выслал Золотинку в плавный галоп. С котом дела обстояли сложнее, но и он в конце концов выдохся, свернулся клубком на лошадином крупе и уснул. Каким образом он держался в таком положении, Герда не представляла, но была несказанно рада представившейся передышке.

Ехали они долго. Финист никак не мог выбрать подходящее место для ночлега: останавливался, подозрительно смотрел по сторонам, казалось, даже к воздуху по-звериному принюхивался и ехал дальше. Уже начало светать, когда его спутники не выдержали.

— Давайте остановимся! — взмолилась Дугава.

— Рано еще, — буркнул в ответ предводитель.

— Кому рано, а кому поздно, — проворчал Ждан.

— Если не остановимся, то скоро упадем от изнеможения. И мы, и лошади, — поддержала ребят Герда. — Какой в этом толк?

Финист молча направил кобылу по дороге, ведущей к лесу. Вскоре они добрались до развилки. На северо-запад, как раз в нужном направлении, уходила широкая протоптанная тропа. Финист обернулся, подзывая спутников на разговор.

— Поедете туда, — он махнул рукой в сторону заросшей тропы, которую они до этого даже не замечали. — Найдете поляну и на ней остановитесь. Я присоединюсь позже.

Герда, Дугава и Ждан бросили последний взгляд на своего предводителя и поехали в лесную чащу. Финист дождался, пока они скрылись за поворотом, и пустил Золотинку во весь опор по наезженной дороге, поднимая столб пыли.

Они ехали уже достаточно долго, но ни одной поляны не видели. Вдоль тропинки лес шел очень густой. Деревья подступали к ней все ближе, их ветки нависали так низко, что пришлось спешиться — верхом бы они не проехали. Да и кони порядочно устали. Нужно было дать отдых их натруженным спинам. Однако спустя некоторое время путь перегородила поваленная разлапистая ель. Обойти ее с лошадьми никак не получалось — кругом был такой бурелом, что они переломали бы себе ноги.

— Возвращаемся обратно? — мрачно спросил Ждан.

Девушки переглянулись и пожали плечами, отпуская подпруги лошадям, чтобы они смогли немного попасться.

— Может, попробуем сдвинуть? — предложила Герда.

— Как ты себе это представляешь? — скептически хмыкнул Ждан, разглядывая мощный

СТВОЛ.

— С помощью твоей силы, к примеру.

— Оно слишком тяжелое. Я не телекинетик высшего класса, мой дар ограничен, и сильно.

— Тогда давайте попробуем вместе, — не унималась Герда. — Мы с Дугавой будем толкать руками, а ты поможешь левитацией.

На этом и порешили. Девушки уперлись в дерево руками. Ждан сосредоточил на нем все мысленные силы. От натуги по лбу покатился пот, из правой ноздри засочилась тонкая алая струйка. Дерево не сдвинулось ни на пядь.

— Бесполезно, — заключил он и уселся на землю. Девушки, тяжело, вздыхая, последовали за ним.

За поворотом слышались спешные шаги. И люди, и лошади устали настолько, что даже головы не повернули.

— Чего расселись? — крикнул Финист. — Я думал, вы уже на другой стороне леса.

Все трое послали ему измученные взгляды.

— Что у нас тут? Бревно? Вставайте, сейчас уберем. Ждан, левитируй. Дугава, Герда дружно толкаем на счет три, — с непрошибаемым энтузиазмом начал командовать он.

Пришлось подняться и занять свои старые позиции у дерева.

— Три!

Под общее кряхтение бревно медленно, но верно откатилось в сторону.

— Путь свободен. Чего вы ждете?

Ждан, Дугава и Герда в голос застонали.

— Ну что? Дойдем да поляны и отдохнем. Здесь все равно даже лечь негде, — понукал их Финист.

Пришлось двигаться. Поляна нашлась только через час, когда лес наконец-то поредел. Не обращая внимания на утренний холод, путешественники мигом повалились спать. Через пять минут лес уже оглашало мирное посапывание. Бодрствовал один Финист. Он достал из сумки меч и стал сосредоточенно очищать его от ржавчины. С сосновой ветки на плечо вспорхнула неприметная серая птица, что-то чирикнула на ухо и улетела. Финист вытряхнул все содержимое сумки на землю, нашел точильный камень и начал остервенело убирать с клинка зазубрины. Вскоре засуетилась Золотинка: тревожно сопела и прядала ушами в сторону дороги. До слуха донесся топот копыт. Финист встал, похлопал бдительную кобылу по шее и, приладив на поясе потертые ножны, разбудил товарищей.

— Что опять стряслось? — заворчал невыспавшийся Ждан.

Финист прижал палец к губам и кивнул в сторону тропы. Все замерли, с трепетом ожидая появления неизвестного гостя.

Тот ехал на крупном вороном жеребце с роскошной струящейся гривой, обрамляющей кругую шею. Одет неизвестный был в штаны из жесткой кожи и короткую кольчугу, на голове красовался сверкающий шлем в виде птичьей головы. Завидев его, Финист брезгливо скривился:

— Рыцарь.

— Сэр Ингмар из Каплиса, — снисходительно ухмыляясь, представился гость. — А вы — преступники против веры.

— Мы не преступники. Мы купцы, едем на ярмарку в-в-в... — замялась Дугава. Видно от страха не могла припомнить ни одно из местных названий.

— Вот как раз в Каплис и едем, — помог Ждан.

Герда прикрыла раскрасневшееся лицо рукой. Кажется, на этот раз точно попались.

— В Каплисе не проводятся ярмарки. Это небольшой гарнизон в ста верстах к югу от Дегойского леса. Хотя, вряд ли вы знаете, что этот лес называется Дегойским. Где же ваш товар, купцы? Вы собираетесь продавать на ярмарке этот никчемный меч? Или своих загнанных кляч? Хотя вон от той кобылки даже я бы не отказался. У какого рыцаря вы ее украли?

Он вожделенно посмотрел в сторону Яшки. Та, будто поняв его слова, прижала уши, угрожающе посверкивая белками глаз.

— Ваши дорожные грамоты, — наконец, перешел к делу рыцарь.

— Вы не патрульный, — без тени интонации заметил Финист.

— Поговори мне еще! — рыцарь приставил клинок к его горлу.

Финист с самым невозмутимым видом перехватил лезвие пальцами и оттолкнул в сторону. Сэр Ингмар заметно напрягся, наблюдая, как Финист достал из-за пазухи бумаги, развернул и протянул их ему.

Рыцарь пробежал глазами по строкам. Над переносицей залегла тревожная морщина.

— Хорошая фальшивка, — цыкнул он. — Деревенщину какую, может, и обманет, но точно не рыцаря Кундского ордена.

Сэр Ингмар скомкал бумаги и швырнул в лицо Финисту, словно бросая вызов. Перчатка. Дуэль. Вот на что это было похоже.

Финист, как ни в чем не бывало, подобрал бумаги, бережно расправил их и спрятал обратно за пазуху.

— Что ж, вы нас вычислили, — неправдоподобно спокойным тоном признался он, сложив руки на груди. — Мы действительно бежавшие из Веломовии староверы. Вопрос в том, что вы будете с нами делать.

— Конкретно тебя вздерну на ближайшей осине, а остальных отведу в замок, где их будет судить наш сюзерен, — старательно удерживая снисходительную улыбку, объяснял сэр Ингмар.

— Надеюсь, вы понимаете, что нас это не устраивает, — в тон ему отвечал Финист.

Остальные уже не пытались встречать, наблюдая, затаив дыхание, чем закончится словесный поединок.

— И сей факт должен меня каким-то образом заботить? — первым дрогнул сэр Ингмар — в его голосе появились нотки раздражения.

Финист лишь вскинул брови и нарочито медленно кивнул:

— Вы ведь не думаете, что мы сдадимся без боя?

Улыбка рыцаря стала совсем уж натянутой.

— Что ж, я надеялся обойтись малой кровью, но видит Единый, вы меня вынуждаете. Кто ваш чемпион?

Финист посмотрел направо на своих спутников, потом налево в сторону пустой дороги. Потом пожал плечами и просто сказал:

— Наверное, я.

— Какой вид оружия выбираете?

— Раз уж вы рыцарь, то пусть будет конный бой на мечях.

— На загнанной кляче с никудышным клинком?

— Он заговоренный.

Финист достал из ножен чудо-оружие и продемонстрировал его рыцарю. Первым изучить меч решился притаившийся на соседнем дереве кот. Он дошел по ветке до самой головы Финиста и, понюхав ржавую сталь, задумчиво изрек:

— Удивительный человек!

Герде с трудом удалось сдержать смех.

— Не надейся, что это шарлатанство даст тебе преимущество. У меня есть амулет против всех чар, — сэр Ингмар достал из-за пазухи увесистый анк из потемневшего серебра. — Торговец диковинками дал личную гарантию, что с этой милой вещицей никакая нечисть мне не страшна, хоть я и не слишком верю во все это мракобесие. Но ты уже можешь начинать готовиться к встрече с Князем Тьмы или кто там у вас стережет врата Преисподней?

Герда аж поперхнулась от удивления. Амулет в виде креста с петлей на конце был действительно хорош... но только против неживого противника. Ни снять чары демонов, ни тем более заблокировать способности Стражей он не мог. Неужели, рыцари не знают даже таких простых вещей? Или этот конкретный рыцарь настолько глуп, что не может оценить доблесть и смекалку Финиста? С первого взгляда же видно, что оборотень не тот противник, которого можно недооценивать!

— Тогда, быть может, вы будете настолько любезны, что дадите нам время помолиться до полудня? — со смиренным видом попросил Финист.

Сэр Ингмар закусил губу в раздумии. Должно быть, кодекс чести предписывал относиться милосердно даже к врагам, тем более, когда победа почти у тебя в кармане.

— Так и быть, в полдень на этом же месте. Но если вы сбежите...

— Не сбежим. Как вы верно подметили, наши лошади выдохлись, да и мы тоже.

Рыцарь кивнул и направил застоявшегося коня обратно к полю.

— Напыщенный болван, — пробурчал Финист себе под нос, как только сэр Ингмар скрылся за пригорком, а потом повернулся к товарищам: — Что рты разинули? Солнце уже высоко. Ждан, забирайся на дерево, будешь тренировать левитацию. Дугава, сделай нам ветер, чтобы крылышки этого птенчика унесли его под самое небо. Герда, сбегай на разведку, туда, куда этот осел уехал, только осторожно. Вот тебе корзина на случай, если на пути встретишь что съедобное. А я пойду подстрелю чего-нибудь нам на обед в этом самом Дегойском лесу — или как он его назвал?

Финист волновался зря — поля оказались совершенно пустыми и невозделанными. Человеческого жилья нигде видно не было. Герда зашла в небольшой перелесок. Спустилась в ложбинку, на дне которой обнаружилось несколько кочек, густо покрытых налившейся клюквой. Кот сидел рядом, пока она собирала ягоды в корзину.

— Меч Финиста действительно заговоренный? — спросила она, отгоняя от лица назойливых комаров.

— Этот голодранец похож на того, кто может позволить себе могущественный артефакт?

Герда пожала плечами.

— Но с ним ведь все будет в порядке?

— Думаю, да. Хитрости ему не занимать, а вот умишка маловато. Но у того рыцаря, похоже, с этим еще хуже. Почему ты беспокоишься? Он тебе нравится?

Герда густо покраснела.

— Если Финист проиграет, нас будут судить.



— Их будут судить. Они — повстанцы из компании Норн, а ты — случайная попутчица.

— Я убила Вальдемара.

— Это была не ты.

Герда замолчала и отвернулась, вытирая рукавом некстати навернувшиеся на глаза слезы.

К тому времени, как Герда вернулась в лагерь, Финист уже сидел у костра и ошипывал жирного тетерева, наблюдая одним глазом за успехами своих учеников. Грузный Ждан с трудом забирался на дерево по тонким веткам, а потом долго и нерешительно смотрел с верхушки на землю. Дугава, посмеиваясь над ним, кружилась, изображая руками ветер. Тот, вторя ее движениям, колыхал разноцветную осеннюю листву и раскачивал ветки, вынуждая Ждана прыгать вниз. Он летел, закрыв глаза от страха, неловко, страшно, но все же замедлялся у самой земли и плавно становился на ноги.

Герда с тоской смотрела на их веселье. Каждый из них был особенным, непохожим на тех людей, которых она знала раньше. Они обладали даром, который позволял им делать такие невероятные вещи. Как же ей хотелось веселиться вместе с ними, учиться летать, создавать иллюзии, говорить с животными, слышать и видеть то, что недоступно простым смертным. Обладай она хоть крупицей, хоть самой ничтожной толикой дара, ей бы обязательно открылись сокровенные тайны и, быть может... быть может, хоть на мгновение она бы снова увидела Охотника. Но это невозможно. Дар не появляется из ниоткуда, а мертвые не возвращаются с противоположного берега подземной реки. Никогда.

Финист тронул Герду за локоть, привлекая внимание. Он словно догадался, о чем она только что думала, и смотрел протяжно, по-доброму, так, как никто раньше на нее не смотрел.

— Я тут подумал, — с трудом выщепивал из себя слова Финист. — Если твое предложение научить меня читать еще в силе...

Не дожидаясь продолжения, Герда помчалась к своей сумке и достала приобретенную в Утяне книгу.

— Это, я думаю, заинтересует тебя куда больше «Преданий Севера».

— Ви-ды о-ору-жия и и-и-ис-ку-ство дуэлей в се-се-верных странах Мидгарда, — преодолевая себя, прочитал Финист название с обложки. — В книгах пишут даже про драки?

— В книгах пишут про все, — подбадривающе подмигнула Герда. — А тебе самому не надо к драке готовиться? Может, отложим урок?

— А как ты к ней подготовишься? — усмехнулся он. — Золотинке вот действительно надо отдохнуть — ей сложнее всего придется, а мне... Мне просто надо чем-нибудь себя занять, чтобы не думать.

— О драке?

— Да нет. О жизни.

— Все еще расстраиваешься из-за Компании? Как же ее?

— Норн, компания Норн. Просто я не привык к такому обществу, к их манерам, поведению. В дружине все было куда проще. Как ты сражался, так к тебе и относились. И не надо было ни перед кем спину гнуть, лебезить и в глазки заглядывать, чтобы тебя потом унижали и попрекали коркой хлеба. А здесь я все время чувствую себя не в своей тарелке. Темным безграмотным деревенщиной, ничтожным, глупым... живущим на подачки богатых господ. Я жалок, да?

Герда покачала головой.

— Грамоту может выучить каждый, а вот отвага и доблесть дается далеко не всем.

— Ты мне льстишь. Давай читать.

\*\*\*

Сэр Ингмар и сам был рад предоставленной передышке. Он спешно вернулся к своему оруженосцу, который уже успел разбить лагерь на другом краю Дегойского леса. Мальчишка был исправный, старательный. Всею душой болел за славное дело Кундского ордена. Поначалу сэр Ингмар относился к навязанному кузиной нескладному подростку со слишком детским именем Герби как к обузе, но когда поближе узнал его, по достоинству оценил за расторопность и ответственность — весьма ценные в службе оруженосца качества. Впрочем, и будущего рыцаря эти добродетели тоже не посрамят. Но молодежь следует держать в ежовых рукавицах, а, разбаловав похвалой, легко уничтожить все зачатки рыцарской доблести на корню, поселив в неокрепшем разуме недопустимую гордыню.

Герби занимался конем, пока сэр Ингмар рассказывал ему о встрече со староверами. Рыцарь заметил их еще в Утяне, когда белобрысая девка так ловко заморочила голову хозяину книжной лавки, что тот сам отдал ей товар, забыв об оплате, а потом проделала то же самое с посетителями кабака, когда спасала их безголового предводителя от гнева местного выпивохи.

Сколько такая немочь могла выпить? Стакан. Самое большое — два. Но продержалась каким-то образом до десятого. После ее ухода сэр Ингмар пытался открыть людям глаза на эту странность, но все как один повторяли, что «баба выиграла честно, а если даже и схитрила, то все равно молодец, потому что с задиры Крёнаса спесь сбила». Повальное радушие к чужакам очень настораживало.

По дорогам сейчас много разного лихого люда обретается: бродяги и нищие, изгой да наемники, но хуже всех шарлатаны, обирающие доверчивых простолюдинов до нитки. Уж эти-то и без всякого колдовства могут кому угодно голову заморочить. Сэр Ингмар был уверен, что нарвался именно на такую шайку. Недаром же они ни свет ни заря на следующее утро в путь двинулись, хотя двое из них явно еще от похмелья не отошли. И выбрали не широкую наезженную купеческую дорогу, а старый заброшенный тракт, подтвердив худшие опасения рыцаря. Честные люди определенно так бы не поступили. Сэр Ингмар решил покарать разбойников до того, как они найдут новую жертву.

Но стоило ему приблизиться к четверке путников, как их рыжий предводитель, явно почувствовав слежку, начал петлять, как заяц, а потом и вовсе увел рыцаря в сторону от остальной компании и сам словно в воздухе растворился. Пришлось оставить Герби со столь необходимыми, но все же замедлявшими вещами и отправляться на поиски одному. Нагнать шайку удалось лишь на опушке, где те как-то уж слишком беспечно разбили лагерь. Или просто надоело играть в кошки-мышки? Судя по тому, как невозмутимо держался рыжий, все же второе.

Но насколько он должен быть недалновиден, если решился предложить поединок рыцарю, участвовавшему в трех десятках турнирах и победившему в большей части из них? Вот если бы это случилось вчера, то сэр Ингмар легко поверил бы, что враг его просто глупец, который полагается лишь на собственную удачу. Но сегодня рыжий совсем не походил на занятого лишь жалостью к себе неудачника, каким он показался рыцарю, когда напился вдрызг в городском кабаке. Оружие он держал как бывалый воин, повадками сильно напоминал наемников — такой же циничный и наглый. Только глаза. Было в них что-то такое... Тревожное? Нет, подобные суеверия простительны лишь для темных староверов, а

доблестный рыцарь должен мыслить здраво и рационально. Если рыжий — наемник, то, наверняка, пойдет на подлость, чтобы одержать победу. Поэтому и попросил о передышке. Но рыцаря из Кундского ордена на мякине не проведешь. Надо себя обезопасить.

Сэр Ингмар подозвал оруженосца и зашептал на ухо, опасаясь, что могут подслушать. Кто знает этих разбойников? Вдруг они следом соглядатая послали?

Время до полудня прошло слишком быстро. Едва Герби успел облачить сэра Ингмара в доспехи, пришла пора выступать. К лагерю разбойников подошли с тыла. Оставив оруженосца караулить в засаде, рыцарь сделал небольшую петлю по полям и вернулся на ту дорогу, по которой ехал в прошлый раз.

Погода стояла теплая. Даже слишком для осени. Солнце находилось в зените и ощутимо припекало. По спине струился пот. Толстый стегач под латами неприятно лип к телу. Оставалось только надеяться, что схватка закончится быстро.

Лагерь разбойников выглядел слишком спокойно, словно они никакой схватки не ждали: на ветвях деревьев развешаны сушиться одеяла, расседланные лошади мирно пасутся на не успевшей еще пожухнуть траве, у ручья чуть поодаль чистит котлы невысокий полноватый парень, девки штопают возле костра одежду и весело о чем-то переговариваются, предводитель сосредоточенно сбривает щетину, внимательно всматриваясь в кривой осколок зеркала. Пришлось немного пошуметь, чтобы разбойники обратили хоть какое-то внимание на стремительно приближающегося неприятеля.

Рыжий вскинул голову и удивленно присвистнул. Видимо, не ожидал увидеть рыцаря в полном облачении. Сам-то он даже переодеться не соизволил — был все в той же затертой серой рубахе, заплатанных штанах и сильно поношенных сапогах. Издевается? Хотя бы кольчугу надел для приличия. Или у них даже на такую малость денег нет? Что же они за разбойники, нищие совсем?

Рыжий вытер лицо, встал на ноги и свистом (вот уж точно — соловей-разбойник, про которого детям малым страшные сказки на ночь рассказывают) подозвал свою тощую кобылу. Быстро накинув седло с уздечкой, он на ходу запрыгнул на конскую спину и выехал навстречу рыцарю. Удалой наездник, придется признать. Рыжий остановился в нескольких шагах от сэра Ингмара и вдохнул полной грудью, словно это его последний глоток воздуха. Бойся?

— Успел помолиться своим демонам, старовер? — ехидно поинтересовался сэр Ингмар.

— Мы, в отличие от вас, демонам не молимся, — ответил рыжий, небрежно откидываясь на заднюю луку седла.

— Защищайся! — по турнирной привычке выкрикнул сэр Ингмар и помчался в атаку.

Огромный меч рыцаря взлетел в воздух — он вот-вот должен был разрубить противника вместе с его лошадью, но в последний момент кобыла отскочила в сторону. Удар поразил пустоту.

— Что? — обескуражено вскричал рыцарь, с трудом разворачивая коня лицом к противнику.

Кобыла неподвижно застыла, широко расставив ноги. Рыжий сидел на ней с совершенно невозмутимым, даже отстраненным видом. Рыцарь снова понесся на них, внимательно следя за каждым движением лошади. Но она опять каким-то невообразимым образом увернулась от атаки. Сэр Ингмар долго гонялся за постоянно ускользящим противником по полю. Теперь упрел уже не только рыцарь. Жеребец тоже покрылся пеной. Ноздри широко раздувались, а бока ходили ходуном под ногами.

— Перестань бегать и встречай атаки лицом к лицу, как настоящий рыцарь! — рассерженно взревел сэр Ингмар.

— Разве я похож на рыцаря? — съязвил разбойник. Уж он-то усталым совсем не казался, да и лошадь под ним дышала абсолютно ровно. Явно издеваясь, рыжий повернул кобылу задом, выставляя напоказ ее куцый хвост.

Разъяренный сэр Ингмар хлестнул коня, направляя его на обнажившего тылы противника. Разбойник лишь повернул голову в его сторону, глядя на опушку леса позади рыцаря, где частоколом выстроились высоченные разлапистые ели. Сэр Ингмар поравнялся с ним и уже занес клинок для удара, но вдруг жеребец встал, как вкопанный. Рыцаря качнуло вперед. От неожиданности он чуть не вывалился из седла. Выругавшись, сэр Ингмар со всей силы всадил шпоры в конские бока. Жеребец встал на дыбы, взбрыкивая всем телом. Рыцарь железной перчаткой взгрел строптивного скакуна по ушам. Ошалев от тяжелого удара, жеребец все же принял горизонтальное положение.

— Раз не рыцарь, значит, и честного боя не заслуживаешь! — крикнул воодушевленный победой над конем сэр Ингмар и, выхватив притороченный к поясу кистень, устремился к противнику.

— Ах так! — с наигранной обидой воскликнул рыжий. — Тогда и я, пожалуй, схитрю.

И смело направил кобылу на скачущего во весь опор рыцаря. Сэр Ингмар замахнулся первым. Разбойник нацелил меч на цепь, соединявшую деревянную рукоять со стальным билом. Металл заскрежетал об металл. Цепь намоталась на клинок. Рыцарь удивленно замер, столкнувшись с хищным взглядом желтых глаз противника. Так вот почему они не давали сэру Ингмару покоя! До этого круглый зрачок превратился в тонкую вертикальную полоску. Внутри ставшей невероятно яркой радужки плясали странные всполохи.

«Точно, колдун!» — терял последние остатки хладнокровия сэр Ингмар. Он-то всегда считал рассказы о ведьмах и демонах суеверными предрассудками, которые использовали Голубые Капюшоны, чтобы оправдывать бесчисленные казни неугодных людей.

В полном оцепенении сэр Ингмар наблюдал, как рыжий потянул на себя оружие и взревел, как готовящийся к драке жеребец.

— Стреляй! — иступлено закричал рыцарь своему оруженосцу, вырываясь из колдовского наваждения.

Жеребец испуганно шарахнулся. Сэр Ингмар не удержался и, громыхая железным доспехом, распластался на земле. Конь трусливо понесся прочь, подбадривая себя истошным ржанием. Рыцарь тряхнул головой и принялся искать взглядом противника, но тот словно в воздухе растворился. Вместо него с седла мосластой кобылы вспорхнул крупный сокол. Рядом с птицей тут же просвистела выпущенная оруженосцем стрела. За ней еще одна. Но демонов сокол оказалась слишком проворным: легко ускользнул и, издав настолько громкий боевой клич, что заложило уши, спикировал на землю.

Со стороны опушки ему начали вторить писклявые синицы. Их перекрыл истошный человеческий вопль. С ближайшей к поляне ели рухнул Герби, преследуемый огромной стаей мелких птиц.

— Сдаешься? — послышался над рыцарем издевательский голос. Забрало шлема небрежно откинули острием его же собственного меча. На сэра Ингмара снова уставились нечеловеческие глаза разбойника.

— Убей меня, — сдавленно прохрипел рыцарь. — Возьми коня, только не срами честь рыцаря!

— Вот еще, — брезгливо сплюнул рыжий. Только сейчас сэра Ингмар заметил, что противник возвышается над ним абсолютно голый. Да, вряд ли этому человеку ведомо, что такое срам. Круглолицый парень из его спутников спешно накидывал разбойнику на плечи залатанный дорожный плащ. Обе девки бежали к стонавшему у опушки оруженосцу. Добить что ли захотели?

— Не стану я руки об такую мразь марать, — продолжил говорить предводитель разбойников. — И конь мне твой ни к чему. Ищи его теперь по долам и весям.

Рыцарь огляделся. Жеребца и след простыл. Недостойное трусливое животное!

— А вот это, — разбойник снял с шеи рыцаря амулет и сунул за пазуху, — и меч я, пожалуй, возьму в качестве трофеев.

Сэр Ингмар зашипел. Без меча и коня его в ордене засмеют, а если узнают, как он их лишился... Лучше смерть! Сэр Ингмар попытался подняться, но без помощи Герби это оказалось не так-то просто. Последний уже ковылял к нему, придерживаясь за плечи оказавшихся удивительно добросердечными девок.

Рыжий протянул руку сэру Ингмару, презрительно шурясь:

— Надоело смотреть на жалкие потуги.

Хорошенько поднагужившись, разбойник поставил рыцаря на ноги и с видом собственного превосходства заявил:

— Не говори потом, что староверам не ведомо благородство.

Сэр Ингмар поморщился. Остатки гордости спешно капитулировали перед не испытанным доселе унижением. Принимать помощь от колдуна!

— Я еще вернусь, — пробурчал рыцарь себе под нос, когда Герби, наконец, добрался до места схватки и принялся спешно снимать со своего милорда шлем. — Вернусь с подмогой!

— И я расскажу этой подмоге, как посрамил славного рыцаря. Как его имя?

— Сэр Ингмар, — хором напомнили подручные рыжего.

Оруженосец потупился, прижимая к груди шлем. Видно, считал себя виноватым в победе староверов. Не стоит его разубеждать.

— Нечисть! — сплюнул сэра Ингмар и вместе с мальчишкой медленно побрел на поиски своего боевого коня.

\*\*\*

— Будем собирать вещи? — спросил Ждан.

— Думаю, мы вполне можем остаться здесь на ночь, — весело подмигнул Финист, расседливая Золотинку.

— А вдруг они про нас уже рассказали в гарнизоне? — переполошилась Дугава

— Вряд ли рыцарская гордость позволила бы им это сделать, а коня еще долго искать придется. Я его знатно припугнул, — улыбка оборотня стала гораздо шире и злораднее.

## ===== Глава 9. Варги =====

— Плыви сюда, рыбка, — приговаривала Герда, застыв посреди широкого ручья с длинной зазубренной на конце палкой. — Ну, давай же!

Подпрыгнув от азарта, она плюхнула палкой по воде, которая буквально кипела от идущей на нерест форели.

Финист сидел рядом на берегу и ловко плел корзину из ивовых прутьев, исподтишка любуясь раздумявшимся лицом Герды, обрамленным короткими прядками волос сладкого

медового цвета. Движения облаченной в потертые штаны и мешковатую рубашу хрупкой фигурки были еще по-детски резкие и неловкие. Но при этом девушка умудрялась выглядеть настолько трогательно и искренне, что казалась дивным существом, сотканным из солнечного света и кристально чистой воды горного ручья. Именно такую девушку Финист всегда искал: чистую, нежную, понимающую. Только вот как намекнуть, что он испытывает нечто большее, чем дружескую привязанность и не спугнуть при этом? Она ведь от одного неверного взгляда как осиновый лист на ветру колотиться начинает.

— Да стой же ты! — с досадой воскликнула Герда, обнаружив, что рыба ушла.

— Тише, так ты ее всю распугаешь, — посмеивался над ее тщетными попытками Ждан. — И мы останемся без завтрака.

— Успокойся, замри и выждидай, — принялся наставлять ее Финист, старательно пряча глаза. — Улучи момент и бей, не раздумывая. Это поможет тебе научиться концентрироваться и предугадывать действия противника во время боя.

Герда напряглась, прицелилась и... снова промазала. Плутовка проскочила всего в одном пальце от палки. Герда вскрикнула от досады.

— Неумеха! — обозвал ее кот. — Это же так просто.

Он присел на краю ручья и, размахивая хвостом, начал пристально вглядываться в прозрачный ручей. Как только рыба подплыла поближе, кот резко плюхнул лапами по воде и вытянул добычу на берег. Герда завистливо посмотрела на рыжего хитреца. Даже он может это сделать. А она... она самое неуклюжее, глупое и никчемное существо на свете!

— Давай еще раз. У тебя обязательно получится, — неумело подбодрил Финист.

Герда скривилась, но все же вернулась в воду. Если бы все взгляды не были устремлены на нее, она давно бы уже сдалась, забила куда-нибудь под куст и расплакалась.

— Не гоняйся за рыбой, а жди, пока она сама подплывет к тебе, — теперь советовал кот. — Видишь ее? Зови, уговаривай, ты ведь хочешь съесть рыбу? Нет, жди, еще жди. Теперь давай.

Палка рассекла воду и воткнулась в рыбий бочок.

— Я же говорил, что просто, — самодовольно ухмыльнулся кот.

— Молодец! Такая рыбалка должна научить тебя концентрации и выдержке, — Финист, наконец, закончил корзину и похлопал Герду по плечу. — А теперь дай мне.

Он зачерпнул кишешшую в ручье рыбу и отправил весь улов в котел.

— Ты тоже молодец, — заметила Герда, разглядывая четко выведенные на мокром песке слова. Письмо давалось Финисту куда легче, чем чтение. Буквы пока выходили не очень аккуратные, зато в словах ошибок практически не было.

Позавтракав ухой из форели, путники двинулись дальше вдоль северного тракта, который вел прямо в Лапию. Стояли последние дни месяца костричника, сухие и теплые. Ведьмино лето — так называли эту пору старые жители кундских земель. Верно, такой она была, колдовской, таинственной. Печально шелестели пестрые листья в кронах деревьев, то тут, то там отрывались от веток и, оттанцовывая последний хоровод на ветру, хоронились в сырой земле. Звуки замирали, природа погружалась в безмятежную негу, готовясь к долгому, дурманному сну.

Лошади тоже шагали вяло, спотыкаясь на ходу, и уже не обращали на понукания всадников никакого внимания. Постепенно и люди оказывались в плену сладостной полудремы. Так догорал день и год. Лиловые сумерки медленно опускались на старый лес. Он смутно напоминал Герде Дикую пушу — такой же мрачный, дремучий, таящий внутри

нечто опасное, неизведанное.

На ночлег остановились с первыми звездами. В костричник они были особенно яркие, горели, как небесное пламя, указывающее путь домой заблудшим детям. Только у четверых путников дома не было. Прошло два месяца с тех пор, как они покинули Дрисвяты. Ночи стали длиннее и холоднее, а природа суровее, но все равно кундские земли оказались куда гостеприимнее, чем думалось вначале. В мелких деревнях, вдали от рыцарских замков, путников с удовольствием привечали на ночлег селяне, охочие до слухов из дальних земель не меньше, чем до звонкой монеты в кошельке. Жаль, что вблизи этого леса не оказалось ни одного села. Видно, действительно было что-то зловещее в его тенистых чащах, то, от чего люди предпочитали держаться подальше.

Герда тяжело вздохнула, глядя на сияющую звезду — наконечник стрелы созвездия охотника, указывающую на север. Что ждет ее там? Тоска и одиночество. Руки мягко скользили по кошачьей шерсти. Это усыпляло хандру, вселяло уверенность, что хоть кто-то не покинет ее до конца.

Остальные путешественники сидели в такой же задумчивости. Старый лес и тихая осенняя погода настраивали на сонный лад. Финист ремонтировал седло Ждана, напевая себе под нос. Дугава молча разминала затекшие от длительной езды ноги. Ждан тихонько посапывал подальше от костра.

Неожиданно по спине Герды пробежал холодок, заставив ее вздрогнуть. Раздался пронзительный вой. Путники разом встрепенулись. Даже Ждан проснулся и сел, опершись спиной о дерево.

— Волки? — испуганно спросила Дугава.

— Это не волки, — ответила Герда. Зубы стучали от страха.

Лошади тоже что-то почуяли, напряженно вглядываясь в ночную тьму.

— Варги, думаю, это они, — продолжила она. — Похожие на волков демоны, только в два раза больше и опаснее. Они водились на кундских землях в старину. Заманивали людей в чащи и раздирали их на куски. По легендам, они даже могли подражать человеческой речи и смеху... Правда, последний варг был убит более ста лет назад главой Стражей Кундии, когда напал на крестьянскую девочку и ее бабушку.

— Опять сказки? Герда, заканчивай нас пугать. И так после твоих историй по ночам спать страшно, — начал отчитывать ее Ждан.

Финист поморщился.

— Боюсь, что на этот раз все-таки не сказки. Судя по звуку, это демоны. Варги ли, не знаю. Они вполне могли расплодиться за это время, ведь Стражей, которые на них охотились, больше нет.

— Но ты же все равно сможешь с ними договориться? — Дугава явно надеялась на мирный исход дела.

— С демонами не поговоришь, как с обычными животными. Они следуют только своей демонической воле, — покачал головой Финист. — Поэтому нам лучше поскорей убраться отсюда.

Путники быстро собрались. За время путешествия они здорово поднаторели срываться с места за считанные минуты, ведь неведомые опасности поджидали за каждым изгибом дороги. К тому же, усиливающийся вой подстегивал седлать и без того готовых в любой момент броситься наутек лошадей как можно быстрее. Через мгновение они уже мчались прочь из леса, подальше от зловещего воя. Но тот продолжал неумолимо надвигаться,

становясь все ближе и ближе с каждым шагом.

— Они нас запутали! — закричала Дугава откуда-то сзади. Благодаря дару иллюзиониста ее взор проникал сквозь демонический морок, но недостаточно быстро, чтобы спастись. — Мы бежим им навстречу!

И правда, через мгновение дорогу заступила стая рыжих с темно-бурыми полосами по хребту гигантских волков. Огромные глаза с вертикальными зрачками ярко светились в ночной тьме. Демоны медлили, глухо рыча и вздыбливая загривки. Как будто ждали смельчака из своих, который первым осмелится броситься под конские копыта. Финист демонстративно вынул меч из ножен и, не отрывая глаз от варгов, крикнул товарищам:

— Скачите назад и не оборачивайтесь. Герда поведет. Дугава, смотри, чтобы снова в морок не попались. За меня не беспокойтесь.

Они не стали спорить. Герда резко развернула кобылу и выслала в галоп. Дугава со Жданом ехали следом. Послышалось грозное рычание, а потом визг, возвестивший начало схватки. Кони от страха прибавили ход. Они неслись, не разбирая дороги. Лес вокруг слился в одну неразличимую полосу. Сердце бешено колотилось в груди. Быстрее, дальше, только не останавливаться. Остановка — смерть. Герда что есть мочи пихала кобылу пятками, впервые в жизни сожалея, что в руке не было прута, чтоб сильнее подстегнуть ее.

— Слишком быстро, — взмолился Ждан. — Толстун сейчас упадет!

— Да что там Толстун, я сама сейчас упаду! Герда, тише, умоляю! — чуть ли не плача, кричала Дугава.

Герда откинулась назад, придерживая кобылу.

Неожиданно посреди дороги возникла одинокая фигура в длинном плаще. Лошади сбились на рысь.

— Стойте! Погодите! Помогите мне, люди!

— Нет! Нет! Это еще один морок! — закричала Дугава.

Герда и сама видела, как зловеще сверкали глаза незнакомца, а из-под плаща проступали звериные черты.

— Сворачивайте направо! — скомандовала Герда.

— По бездорожью? — испугался Ждан.

Думать времени не было. Дугава первая свернула в чащу. Толстун, всегда следовавший за ее кобылой, не стал ждать команды от всадника и потрусил следом.

Яшка хотела было рвануть за ними, но Герда коротко набрала поводья, развернула ее мордой на незнакомца и со всех сил вжала пятки в бока — надо было увести преследователей от товарищей.

Яшка сделала пару широких скачков, оттолкнулась от земли и перелетела через фигуру в мгновение ока обретшую очертания варга. Он щелкнул зубами прямо у копыт. Яшка в воздухе попыталась ударить его, но он молниеносно увернулся.

Герда гнала кобылу вперед. Ветер свистел в ушах. Глаза слезились от бешеной скачки. По множащемуся вою стало понятно, что к первому варгу присоединилось еще несколько. Все они клацали зубами, ни на шаг не оставляя жертву.

«Надо свернуть, — мелькнула шальная мысль. — Один раз получилось, значит, и во второй должно помочь».

Впереди слева показался свободный от леса пригорок.

— Давай, милая! — закричала кобыле Герда.

Яшка послушно повернула. Они понеслись вверх по крутому склону. Некоторое время



было тихо, и в душе затеплилась надежда, что они оторвались, но когда Герда уже собралась останавливать лошадь, сзади послышался смех. Она обернулась: с трех сторон их окружал с десяток варгов. Они смеялись, жутко скаля приплюснутые морды. Прижимали уши и боком пятились в стороны, заключая свои жертвы в кольцо.

— Но! Но! Вперед! — в отчаянии закричала Герда. Яшка прибавила, выжимая из себя последние силы. Впереди показалась глубокая расселина. Сажени три, может, четыре в ширину. Варги захохотали громче, будто издеваясь.

«Уж лучше мы разобьемся», — обреченно подумала Герда. Яшка меж тем все набирала и набирала темп. Герда никогда не думала, что ее лошадь может бежать так быстро. Глаза сами собой закрылись от страха. Кобыла оттолкнулась от края пропасти и взмыла в воздух. Варги бросились следом, но, не долетев до противоположного края, рухнули на острые камни. Герду вышибло из седла, и она повисла на шее лошади. Копыта гулко ударились об землю. С трудом верилось, что Яшке удалось перепрыгнуть, но они все еще были живы. Кобыла продолжала бег, несмотря на то, что Герда кулем болталась у нее под шеей. Рядом раздался мелодичный свист.

— Тише, милая, тише, — послышался голос Финиста.

Яшка начала замедляться, и он ухватил ее за повод. Герда плавно скатилась на землю.

— Ну, вы даете! — воскликнул Финист. Вид у него был крайне ошалелый: глаза широко распахнуты, всклокоченные волосы стоят дыбом.

Герда слабо улыбнулась, не в силах унять бешено колотившееся сердце.

— О чем ты только думала, когда эти скачки наперегонки с варгами устроила? — отчитывал ее Финист. — Еще чуть-чуть, и они разодрали бы тебя в клочья! А эта расселина? Вы чудом через нее перескочили!

Яшка недовольно фыркнула. Финист скосил на нее глаза.

— Сумасшедшая кобыла.

— А? — не поняла Герда.

— Она говорит, что ей понравилось, и она хочет еще через что-нибудь перепрыгнуть, — пояснил Финист. Герда не выдержала и громко засмеялась.

— Извини, это нервное, — попыталась оправдаться она. Но Финист махнул рукой.

— Где остальные?

— Они свернули на бездорожье. Должно быть, ждут нас там.

— Ты их бросила?!

— Я увела от них варгов!

Финист по-звериному взвыл, не найдя лучшего способа выразить негодование, свистнул пасшейся неподалеку Золотинке и направился обратно в лес. Герда поспешила за ним. Оборотень шел быстро, издавая низкие ухающие звуки, на которые слетались мелкие ночные птицы и указывали ему дорогу.

Чем дальше они шли, тем больше становилось заметно волнение во всем его облике: походка стала стремительной, как полет хищной птицы, спина неестественно ровная, руки нервно сжаты в кулаки. Герде сделалось не по себе. Может, и в самом деле зря она оставила ребят одних? Вскоре обнаружилось место, где их встретил обернувшийся человеком варг. Герда показала, куда свернули Дугава со Жданом. Финист покачал головой — земля там была вся в рытвинах и буераках. Ступать приходилось очень осторожно, чтобы не упасть.

— Дугава! Ждан! Где вы? — позвала Герда.

Никто не ответил. Они шли дальше и все время звали, прислушиваясь к ветерку,

игравшему в кронах деревьев. Прошло много времени, прежде чем до них донесся едва различимый ответ Ждана:

— Здесь!

Финист с Гердой поспешили на звук. Ждан вышел навстречу один.

— Что случилось? — встревожено спросил Финист.

Ждан ничего не ответил, лишь плечом отер стекавшую с разбитой брови кровь и пошел обратно. Толстун щипал еловые ветки на краю большого оврага. Больше никого видно не было.

— Где Дугава? — уже настойчивей спросил Финист.

Ждан кивнул в сторону оврага. Герда заглянула через край и увидела подругу, сидевшую на коленях рядом со своей распластанной на земле лошадью. Герда уже хотела сбежать вниз, но Финист отстранил ее и полез сам. Из оврага донеслись судорожные всхлипывания, а потом сиплый, надорванный голос Дугавы.

— Сделай что-нибудь! Ну, хоть что-нибудь! — причитала она.

— Я сделаю-сделаю. Поднимайся наверх, — мягко ответил Финист.

— Нет, я останусь!

— Я сказал, поднимайся! Слушайте меня, а не то мы навсегда останемся в этом лесу.

Дугава заскулила в полголоса, но все же подчинилась. Послышался рубящий звук, а потом что-то захрипело и забулькало.

— Не-е-е-ет! — закричала Дугава и попыталась кинуться обратно, но Ждан ее удержал. Тогда она с кулаками набросилась на поднимающегося из оврага Финиста: — Ты убил ее, ты убил Пустельгу!

— Она сломала ногу. Ей нельзя было ничем помочь. Она бы умирала в медленной агонии, пока ее не нашли варги и не разорвали на кусочки. Я просто облегчил ее участь, — терпеливо объяснял оборотень, отирая кровь с клинка.

— Мне так жаль... — неловко начала Герда, чувствуя себя виноватой, как никогда раньше.

Дугава покачала головой и отвернулась — она ничего не хотела слушать. К горлу Герды поступил комок. Если бы она их не оставила, если бы она шла впереди, то наверняка смогла бы остановиться, и Пустельга не упала бы в овраг, не сломала ногу, и Финисту бы не пришлось... Живот скрутила болезненная судорога. Показалось, что ее сейчас стошнит, но тут Яшка толкнула ее в спину носом, словно чувствуя, что хозяйка нуждается в поддержке. Герда трясущимися руками обхватила конскую шею и прижалась к ней. Кобыла была еще мокрая от долгой скачки, но дышала ровно и тихо, вытирая слюни об ее плечо.

— Пошли отсюда. Не хватало, чтоб нас снова варги нагнали, — прикрикнул на пригорюнившихся товарищей Финист.

Все нехотя поплелись за ним в сторону видневшегося вдали просвета.

===== Глава 10. Девушка в беде =====

Когда путники выбрались из чащи, уже светало. Уставшие и измученные, они разбили лагерь у первого попавшегося перелеска, который загораживал их от ветра. Отсыпались до полудня, пока пустые животы не начали напоминать о себе. Дичь в поле не водилась, а птицы улетели зимовать на юг. Припасы, которые они купили в последней встреченной деревне, подходили к концу. Пришлось бы голодать до следующей деревни, если бы Герда не

нашла поляну с грибами у самого края леса.

Ждан с Дугавой смотрели на них с недоверием: толстыми ножками и пластинчатыми шляпками серого и желто-зеленого цветов они подозрительно напоминали поганки. С трудом удалось убедить товарищей, что грибы съедобны, что они не отравятся, не покроются зелеными пятнами и не умрут страшной смертью, съев хоть чуть-чуть грибного супа.

Финист первым принялся с аппетитом наворачивать двойную порцию. Его довольный и вполне здоровый вид убедил Ждана с Дугавой гораздо лучше, чем получасовая речь Герды, и они тоже решили попробовать. Грибы оказались склизкие и почти безвкусные, но зато очень сытные. Котелка с лихвой хватило на четверых, несмотря на зверский аппетит Финиста.

— Когда выдвигаемся? — деловито спросила Герда.

После ночных приключений она держалась очень отстраненно. Гибель Пустельги всех повергла в тяжелое уныние, говорить об этом, даже вспоминать никому особо не хотелось. Но Герда как-то особенно сникла, ссутулилась, как будто желая исчезнуть. Финисту это не нравилось, он уже жалел, что так отчитал ее в лесу, ведь она и виновата ни в чем не была. Он просто выместил на ней пустую злобу за то, что у него самого ничего не выходит. Еды нет, деньги заканчиваются, они постоянно нарываются на какие-то неприятности... Будь на его месте кто-нибудь более более умный и смекалистый, наверняка, всех этих трудностей удалось бы избежать. Видно, правы были люди из компании — он ни на что не способен, и уж тем более не достоин звания оборотня первого ранга.

— Думаю, здесь можно переждать до завтра, — после короткого раздумья, ответил Финист. — Пусть лошади отдохнут. Выедем на рассвете. Правда, мы слишком сильно ушли на юг от дороги. Придется снова ехать через лес.

— Что? — испуганно воскликнула Дугава.

— Ни за что мы туда не вернемся. Лучше убей нас тут, — поддержал ее Ждан.

Герда молча направилась в сторону деревьев, явно уставшая от бесконечных споров.

— Должна же быть другая дорога, — предложила Дугава.

— Только через земли рыцарей, а там нас схватят. Вы же видели, как они кидаются на нас при случае. С одним, может, я и справлюсь, но с целым отрядом — вряд ли.

— Демоны, по-твоему, лучше? — с вызовом спросил Ждан.

Финист сокрушенно пожал плечами и пошел вслед за Гердой. Ее тоненькая фигурка скрылась среди мощных сосновых стволов.

— Герда! — позвал он, когда понял, что потерял ее.

— Что? — спросила она у самого его уха. Финист вздрогнул от неожиданности и развернулся. Герда сидела на толстой ветке на уровне его головы.

— Что ты делаешь?

— Хотела забраться наверх и поискать окружной путь. Так я хоть чем-то буду полезна.

— Ты и так очень нам помогла. Без тебя мы вряд ли бы вышли из Дикой пущи, или из тех курганов-волотовок. Не бичуй себя из-за того, что произошло в лесу. Каждый может совершить ошибку.

— Даже ты?

— Я совершаю их постоянно. В последнее время я только это и делаю.

Свесившись с ветки вниз головой, Герда заглянула Финисту прямо в глаза.

— Ты сильный, и у тебя есть дар. Думаю, ты легко смог бы найти выход из любой беды и без меня... Может, мне стоит остаться в следующей деревне. Наймусь в батрачки к какому-нибудь зажиточному селянину. И вам мешать перестану.

— Ты не мешаешь.

Финист ласково коснулся рукой ее щеки и приблизил свое лицо к ее. Герда удивленно моргнула, не понимая, что он хочет сделать. Шепнуть что-то сокровенное на ухо? С близкого расстояния были хорошо заметны мелкие черты его лица: ямка на подбородке, легкая горбинка на носу, тонкий белесый рубец у самой брови, изумрудно-золотистые крапинки внутри желтых глаз. Герду обдало его горячим дыханием. По спине пробежали мурашки. Мягкая щетина нежно зацекотала щеку. Теплые, чуть влажные губы коснулись приоткрытого от удивления рта. Язык медленно проскользнул между зубов и дотронулся до верхнего неба. По телу как будто пробежала искра, от кончиков пальцев до самой макушки. Все молчавшие до этого звуки в одночасье обрушились на уши, порождая жуткий гул. Стало нестерпимо страшно и почему-то больно. Герда оттолкнула Финиста и рывком поднялась обратно на ветку, с нее перелезла на следующую и на следующую, пока не добралась до самой верхушки.

— Герда! — донесся снизу голос Финиста.

Герда с трудом перевела дыхание. Сердце колотилось, как бешеная птица. Зачем, зачем он это сделал? Она же совсем не хотела... или хотела? А как же Охотник? Герда дрожащими пальцами коснулась вересковой броши, приколотой к вороту рубашки. Почему она все время гоняется за мертвецом? Она ведь даже имя его произнести не смеет.

— Глупая-глупая маленькая девочка, — поддразнил ее кот, вмиг оказавшийся рядом. — Опять нюни развесила. Если бы я был человеком, дал бы ему сейчас в глаз.

— Прекрати! — вытирая кулаком слезы, крикнула Герда.

— Что прекратить? Пожалуйста, спускайся! — надрывался Финист. — Прости, сам не знаю, что на меня нашло. Я не хотел тебя обидеть. Спускайся, умоляю!

— Не хотел он, как же! А кто всю дорогу на ее грудь пялился? — съязвил кот, но Финист все равно его не услышал. Герда потянулась, чтобы схватить наглую рыжую бестию за шкуру и сбросить вниз, но плут ловко увернулся.

— Гляди-ка, что там, — позвал кот, указывая в сторону ведущей от поля дороги. Наверное, просто хотел отвлечь внимание от себя. Но Герда все же посмотрела вниз. Там, поднимая столб пыли, летел экипаж, запряженный четверкой лошадей. За ней гнались всадники. «Пятеро, — пересчитала Герда. — Лица закрыты черными платками. Никак, разбойники?»

— Финист! — позвала она. — Там беда!

И стремглав бросилась спускаться. Надо спешить, пока не случилось большое несчастье.

— Экипаж... на дороге... разбойники, — задыхаясь, объясняла она ничего не понимающему Финисту. — Помочь, надо помочь, скорее!

Финист попытался возразить, но быстро сдался под ее напором. Накинул узду на Золотинку, запрыгнул на спину и помчался туда, где Герда видела экипаж. Она, захватив палку, которой ее учил драться Финист, собралась следом, несмотря на уговоры Ждана с Дугавой не лезть.

Когда Яшка донесла ее до места, схватка уже кипела вовсю. Воздух был пропитан солоноватым запахом. На земле лицом вниз лежал кучер с разможенной головой. Чуть вдалеке, привалившись к дереву, истекал кровью один из охранников, еще один насмерть схлестнулся с двумя разбойниками. Достал одного, второго ранил, но и сам не избежал вражеского клинка и теперь лежал подле им же поверженного злодея. Финист дрался сразу с тремя взявшими его в кольцо неприятелями. Стоял оглушительный лязг оружия,

многократно усиленный эхом. Финист вертелся между разбойниками, словно белка в колесе, отражая сыпавшиеся на него со всех сторон удары.

Из экипажа донесся испуганный крик. Герда повернула голову. Раненый разбойник открыл дверцу и попытался кого-то вытащить. Незвестный сопротивлялся. Герда поспешила ему на выручку. В руке разбойника сверкнуло лезвие кинжала. Размахнувшись палкой, как учил ее Финист, Герда стукнула злодея по затылку. Он резко развернулся и направил на нее оружие. Не оставляя себе времени, чтобы испугаться, Герда выбила лезвие из его рук, нанеся удар снизу. В этот момент послышалось громкое карканье. Забыв друг о друге, Герда и разбойник обернулись в сторону Финиста. Небо заполонила огромная стая ворон. С громким криком птицы кинулись на разбойников, стремясь выклевать глаза. Все трое бандитов, закрывая руками лица, бросились наутек. Их раненый товарищ побежал следом, верно, решив, что вороны атакуют и его.

Герда опустилась на землю, приходя в себя после своей первой битвы, только сейчас осознавая, что могла убить человека. В глубине души она даже хотела этого. Неужели, она действительно хладнокровная убийца?

Финист подбежал проверить, все ли с ней в порядке.

— В экипаже, — махнула она рукой в сторону экипажа.

Финист заглянул внутрь. Забившись в дальний угол, там сидела юная девица в дорогом зеленом платье с вышивкой на подоле и вороте. Незнакомка дрожала и громко всхлипывала.

— Разбойники ушли, можете выходить, — Финист протянул ей руку, но девушка не двинулась с места. Помедлив, он забрался в экипаж и вынес ее оттуда. Незнакомка доверчиво прижалась к Финисту, пряча лицо у него на груди, но дрожать не перестала. Только когда он поставил ее на землю, девушка начала понемногу успокаиваться.

— Как вас зовут? — участливо спросила Герда.

— М-майли Кшимска, — с трудом выдавила из себя незнакомка. Она была высокой, с очень изящной фигурой, бледной кожей, великолепными струящимися темно-каштановыми волосами и карими миндалевидными глазами. Обладательниц темных глаз в Дрисвятах считали ведьмами, насылающими порчу и сглаз. Герда всегда думала, что это суеверия, связанные с тем, что практически все на ее родине рождались со светлыми водянистыми глазами, а карий цвет был большой редкостью. Но, глядя на Майли, Герда испытывала смутное беспокойство. Может, предрассудок настолько крепко въелся в разум, что она даже насильно не может освободиться от него?

— Родственница Гедокшимска? — переспросила Герда, поднимаясь с земли.

Майли недоуменно глянула на нее и снова громко всхлипнула.

— Все будет хорошо, госпожа Майли, разбойники больше не смогут причинить вам вреда, — заверила ее Герда, хотя сама сильно сомневалась. — Почему они на вас напали?

— Н-не знаю, — Майли все еще заикалась, но голос звучал намного ровнее. — Я возвращалась домой в замок Будескайск из монастыря, где я воспитывалась до этого. Мой отец недавно умер, и я должна вступить в права наследования и выйти замуж, чтобы соседи не отняли наши владения. Наверное, они и послали этих... п-плохих людей

— Погодите, ну правильно же, замок Будескайск и его хозяева Гедокшимска, — вспомнила Герда старинную легенду.

— Никогда про них не слышала. Возможно, они были хозяевами Будескайска до нас. Отец рассказывал, что во время войны отбил его у каких-то жутких колдунов, которые воскрешали мертвых.

Герда задумчиво хмыкнула. Майли затравленно огляделась по сторонам, а потом снова повисла на локте Финиста.

— Что же мне теперь делать? Мои охранники убиты, лошади разбежались. Как же мне до замка добраться? Может, славный рыцарь согласится проводить меня?

— Кто, я? — поперхнулся Финист. Он все это время теребил нетерпеливо Герду за рукав. — Я не рыцарь.

По кислому выражению лица было понятно, что Финист испытывал настолько сильную неприязнь к людям этого сословия, что быть, пусть даже ошибочно, связанным с ними совершенно не желал.

— Мы простые купцы из Заречья. Наш обоз ехал сюда на ярмарку, но на обратном пути мы отстали и заплутали. К сожалению, мы не можем терять больше времени, иначе никогда не догоним своих товарищей.

— Не может быть, — удивилась Майли. — Но вы так похожи на благородного странствующего рыцаря. А как вы отважно дрались с этими... плохими людьми. У вас в роду всенепременно должны быть рыцари!

— Не приведите боги, — шепнул Герде на ухо Финист. Она с трудом сдержала усмешку. Майли облизала полные губы, не понимая, что означают их взгляды и перешептывания.

— Тогда... тогда позвольте мне доехать с вами до ближайшей деревни. Думаю, там кто-нибудь согласится меня проводить.

Она сложила руки на груди и заглянула Финисту в глаза. Герда сделала то же самое. Очень ей жаль стало бедняжку. А еще хотелось попасть в Будескайск и разгадать тайну одного из самых знатных родов Стражей в Кундии. Во время осады Гедокшимска просто исчезли, говорят, ушли по тайным ходам, которыми замок был буквально испещрен. Больше про этот род никто ничего не слышал.

Финист не выдержал натиска с обеих сторон:

— Ладно-ладно, но только до деревни.

Лицо Майли озарила счастливая улыбка.

\*\*\*

Финист поймал двух жеребцов, которые везли экипаж наследницы Будескайска, а после нападения разбойников разбежались по полям. Майли не переставала восхищаться смекалкой своего спасителя и тем, как умело он справляется с лошадьми. Финиста ее лесть немало раздражала, но девушка почему-то не замечала этого. Вскоре подъехал Ждан, помог нагрузить лошадей сумками с вещами Майли и перевезти их к лагерю. Финист все время мрачно молчал, не переставая бросать на Герду задумчивые, почти укоризненные взгляды.

Дугава успела приготовить похлебку из остатков овса и ждала товарищей к ужину. Она совсем не смутилась, заметив присоединившуюся к ним девушку. А понаблюдав немного за ее поведением, снисходительно улыбнулась. Она уже видела подобное. Финист часто привлекал женское внимание. Не внешностью, хотя она была у него довольно приятная; не старой поношенной одеждой; и уж точно не грубоватыми манерами, которыми он сильно напоминал разбойника с большой дороги, если не сдерживал себя, пытаясь произвести благоприятное впечатление... например, на Герду. Но было в нем что-то притягательное: пристальный взгляд хищных глаз, плутоватая полуулыбка и ореол отчаянного, почти отверженного героизма, который так явно ощущался вокруг него. Девушки влюблялись с первого взгляда и, потеряв голову и забыв всякий стыд, вешались ему на шею. Дугава вполне могла оказаться одной из его пламенных поклонниц, но после неудачного замужества

желание флиртовать с кем бы то ни было полностью отпало. И это к лучшему, потому что вряд ли бы она пережила, если бы ее сердце еще раз безжалостно разбили. А Финист делал это с завидной регулярностью. Нет, он не отказывал назойливым поклонницам, даже наоборот с удовольствием отвечал на их знаки внимания, только вот ни к одной из своих пассий он не испытывал даже простой привязанности, только развлекался. Настоящим Финист казался лишь наедине со своими учениками, ну еще, может быть, с Гердой. Поэтому Дугава даже немного сочувствовала глупенькой богатой наследнице, которой явно не повезло влюбиться в своего спасителя с первого взгляда. Разочарование, наверняка, будет болезненным.

Увидев скудную водянистую похлебку, Ждан начал в голос причитать о своей тяжелой доле. Финист недовольно поморщился, засовывая в рот полную ложку.

— А мне нравится! — перебила ворчание Майли. — В монастыре на завтрак и ужин нам всегда давали постную похлебку. Говорили, что благочестивый сон быстрее приходит на легкий живот и свежую голову. Ой, Финист, у тебя что-то к лицу пристало.

Она сняла с его щеки едва заметную былинку и, сдув ее с раскрытой ладони, откинула назад волосы, чтобы продемонстрировать все мягкие женственные изгибы собственной фигуры. Финист болезненно поморщился. Ждан не выдержал и засмеялся в голос. Дугава сдержанно улыбнулась. Да, видно, в своем монастыре Майли совсем истосковалась по мужскому вниманию, раз готова прямо при всех выскочить из платья и наброситься на первого попавшегося симпатичного мужчину. Впрочем, Дугава и в этом ее прекрасно понимала — слишком хорошо помнила, как сама впервые попала на бал офицеров и увидела его, своего будущего... уже бывшего мужа.

Голова идет кругом от пьянящего запаха мужчины, а стоит ему улыбнуться, как сердце заходится в груди в ритме бешеного танца. Все вокруг кажется золотисто-розовым, словно омытым лучами закатного солнца. Красиво так, что дух захватывает. И от этого хмельного счастья ни одной здоровой мысли в голове. О том, что она совершает нечто очень опрометчивое и постыдное, о том, что если выпить много сладкого молодого вина, на утро рискуешь проснуться с жуткой головной болью, о том, что если забраться очень высоко, падения можно и не пережить. Стоит ли предупредить Майли об этом? Пожалуй, нет. Она ведь скоро уедет к себе в замок. Вряд ли у нее хватит времени, чтобы совершить глупость.

Дугава перевела взгляд на Герду. Та угрюмо уставилась в собственную тарелку и ничего вокруг не замечала. Продолжает расстраиваться из-за того, что случилось ночью? Пустельгу, конечно, очень жалко, но, истязая себя, ее не вернуть. Или тут дело совсем в другом? Дугава задумчиво глянула на Финиста. Он не отводил от Герды глаз, словно очень ждал от нее каких-то слов или действий. Что с ними творится?

\*\*\*

Герда молча отложила тарелку, встала и направилась к лесу. Остановилась на опушке, внимательно вглядываясь в уходившую в темную чащу дорогу. Неодолимо хотелось домой. Герда прекрасно знала, что там ее ждет верная гибель, но воспоминания о счастливом детстве манили обратно. Нет, детство не вернуть, оно ушло уже безвозвратно, а дом — всего-навсего пустая оболочка, мертвое тело, навеки распрощавшееся с душой. Надо отпустить прошлое и искать свой собственный путь, но где и как? Все кажется таким пустым, глупым, а она сама неуместной, потерявшей на дороге жизни.

— Герда? — увлеченная своими мыслями, она прислонилась к дереву и даже не слышала, как подошел Финист.

Она нехотя обернулась.

— Ты на меня обиделась? — после короткой паузы спросил он.

— Нет, мне просто захотелось побыть одной, подумать. Я не очень-то привыкла все время быть в компании. С родителями я жила уединенно, ни с кем долго не общалась. А сейчас... сейчас я очень устала и запуталась.

— От меня устала?

Герде всегда нравилась искренность и прямолинейность Финиста, но сейчас очень хотелось, чтобы он не шел напролом, а попытался понять, не задавая неловких вопросов, ответов на которые у нее не было. Молчание затягивалось.

— Я напугал тебя. Я позволил чувствам взять над собой верх. Просто мне показалось, что между нами что-то есть или может быть или... хотя бы стоит попробовать. Но если я тебе противен...

— Ты мне не противен, — с трудом выдавила из себя Герда.

— Тогда что?..

— Не знаю. Просто это так неожиданно. У меня даже не было времени подумать. Наверное, я просто не готова к...

Финист не стал ее дослушивать и отвернулся.

— Не буду больше докучать в таком случае, — ссутулив плечи, он зашагал прочь. Герда хотела броситься следом, переубедить, но что-то остановило. Она присела на землю, отстегнула от ворота вересковую брошь и пробежала пальцами по изгибам вырезанного из слоновой кости цветка. С Охотником бы все было по-другому, он бы понял...

— Красивая вещица. Подарок суженого? — спросила словно из воздуха появившаяся Майли.

Герда вздрогнула и спрятала брошь за пазуху. За десять лет она ни разу никому ее не показывала.

— Нет, просто брошка на добрую память.

Майли снисходительно улыбнулась:

— Мужчины! Они все так говорят: «на добрую память», а потом уезжают и никогда не вспоминают о тех, кто остался у них за спиной.

Герда потупилась, не зная, как ответить. Да что эта богатая госпожа может знать о нем и этой броши? Поняв, что разговор не пошел, Майли тут же переключилась на другую тему:

— Я случайно подслушала твой разговор с Финистом. Похоже, он испытывает к тебе серьезные чувства, — вкрадчиво начала она.

Герда нахмурилась. Вот это уж точно Майли совсем не касалось.

— Жаль, что ты не отвечаешь ему взаимностью.

— С чего ты так решила? — Герда не выдержала и повысила голос. Какого демона эта девица позволяет себе лезть в чужие дела и бросать людям в лицо такие необоснованные выводы?

— Если бы ты его любила, то не стала колебаться, — усмехнулась Майли и ушла.

Герда еще долго сидела молча, переваривая все, что ей успели наговорить Майли с Финистом. Кот сидел рядом, но не говорил ни слова, пока она сама не начала жаловаться:

— Да что вообще понимает эта Майли?!

— Всяко больше тебя.

— Ты вообще за кого, за меня или за нее?

— Да за тебя, за тебя, за кого же еще. Просто ты порой ведешь себя, как сущий ребенок,



и чем дальше, тем хуже. Хорошо хоть ума хватило прогнать этого наглеца.

— Я его не прогоняла, он сам ушел. И почему ты на него взъелся?

— Да потому что ему только одно от тебя нужно.

— Что? — Герда начала терять терпение.

— Повзрослеешь — поймешь.

— Я и так все понимаю. Ему нужна доброта, ласка и понимание. Это нужно всем. И знаешь что?

— Что?

— Я ему это дам.

Герда встала и решительно зашагала в сторону лагеря. Кот несколько мгновений оторопело стоял на месте и глотал ртом воздух, как рыба. И только потом сообразив, что происходит, закричал:

— Герда, стой!

До лагеря она не дошла. Остановилась вдруг возле осиновой рощи и замерла, прислушиваясь непонятно к чему. По спине пробежал мороз, словно студеной водой облили, а потом, наоборот, в жар бросило. К щекам прилила кровь, уши нестерпимо горели. Судорожно выдохнув, Герда повернулась к роще. Оттуда доносились какие-то звуки, странно похожие на человеческие стоны.

Может, снова варги морок насылают? Интересно, почему они так далеко от своего логовища забрались? Вот бы Дугава была рядом. Она бы смогла распознать морок. Но ведь и у Герды в прошлый раз получилось. Она не может уйти просто так, иначе варги снова застанут их врасплох.

Крадучись, Герда спустилась к осиннику. Деревья стояли голыми, а земля полностью укрылась красной листвой, словно периной. Было тихо и безветренно. Ни звука. Может, показалось? Вдруг из глубины рощи снова донесся стон, звуки борьбы? Герда ускорила шаг. «Варги воют и хохочут, — запоздало посетила странная догадка. — Это не они». Краем глаза она заметила странное шевеление впереди и тут же юркнула за ближайшее дерево. Таясь за стволами, начала подбираться поближе, пока случайно не наткнулась на одежду Финиста. Он снова обернулся? Видно, дело совсем плохо.

Она хотела позвать его, но вовремя остановилась — увидела рядом зеленую лужицу — платье с вышивкой. Зашуршали листья. Они все время шуршали, только Герда этого раньше почему-то не замечала. Снова раздался стон, только не похожий на стон раненого или умирающего, другой непонятный, полный какого-то неизбежного чувства, от которого сердце начинало болезненно трепыхаться. Герда испуганно повернула голову и увидела их. Клубок обнаженных тел, бронза и молоко, сливаются вместе в танце, который существовал еще на заре времен и давал начало всему сущему. Оглушительный стон. Бронзовое тело изгибается. Светлые волосы, мокрые то ли от росы, то ли от пота, разлетаются по плечам. Темные волосы укрывают красную листву. Молочно-белая грудь часто вздымается, как будто не хватает воздуха.

Неожиданно широко, будто очнувшись от зачарованного сна, распахнулись карие глаза и уставились на Герду. Сердце замерло. Она сорвалась с места и понеслась прочь без оглядки. Бежала, пока хватало сил, пока не запнулась об корягу и рухнула на землю. Сколько пролежала без чувств, Герда не знала. Проснулась от того, что холодные капли дождя начали заливать за шиворот. Голова раскалывалась, ощутимо подташнивало. Герда с трудом поднялась на ноги, силой воли пытаясь заставить мир перестать водить вокруг нее хороводы.

Одежда оказалась перепачкана в грязи и порвана в нескольких местах. Из раны на лбу прямо на глаза капала кровь. Увидев вдалеке небольшую речушку, Герда пошла к ней. Возвращаться в таком виде в лагерь она не решилась. Ребята бы начали задавать глупые вопросы. И Майли... о духи, а если Майли рассказала, что видела ее? Нет, она бы не стала это бы скомпрометировало и ее. Зачем Герда вообще туда пошла? Она не желала ни видеть этого, ни тем более знать. Ей всегда хотелось быть посвященной в какую-нибудь тайну, но не такую и не так. Стянув с себя грязную одежду, она начала остервенело выполаскивать ее в речной воде.

— Ну что, дала? — злорадно спросил кот. — Я же говорил, ничего хорошего от него не жди!

— Перестань!

— И знаешь что? Даже этой заносчивой девчонке он принесет только страдания.

— Прекрати, слышишь?!

— Он думает только о себе, о своем удовольствии и удобстве, а на окружающих ему плевать.

— Замолчи! Замолчи! Немедленно замолчи! Убирайся отсюда и не возвращайся больше никогда! — она схватила с земли шишку и со всей силы запустила в рыжую бестию. Кот ловко увернулся, бросил на нее короткий прощальный взгляд и растворился в воздухе.

Герда упала на берег реки и заплакала пуще прежнего. Когда истерика прошла, она поняла, что перемазалась еще больше. Пришлось полностью окунуться в холодную речную воду, чтобы смыть с себя грязь.

Дождь прекратился к полуночи. Герда выжала одежду, каким-то чудом распалила костер из мокрых веток и всю ночь потратила на то, чтобы хоть как-то просушить ее. Вернулась в лагерь только с рассветом, тихонько крадучись, чтобы никого не потревожить. Наносила воды, собрала еще грибов, даже пару рыбешек удалось поймать. И начала готовить завтрак.

\*\*\*

Аппетитный запах быстро разбудил Ждана, за ним поднялась Дугава.

— Что случилось? — встревожено спросила последняя, от которой не ускользнули ни круги под глазами, ни шишка на лбу, ни потрепанная одежда Герды. — Тебя долго не было. Мы со Жданом хотели уже на поиски отправиться, но Финист сказал, что ты хочешь побыть одна. Не стоило его слушать.

Услышав ее речь, Финист тоже поднялся и изучающе посмотрел на Герду, а потом виновато отвел взгляд.

— Все в порядке. Я просто поскользнулась и упала, — она принялась разливать суп по мискам.

— Видно, очень сильно упала, — Дугава коснулась шишки на ее лбу.

— В следующий раз буду осторожней, — отмахнулась Герда.

Дугава задумалась. Финист с Майли тоже вернулись очень поздно, да еще подозрительно растрепанные и разгоряченные. Все случилось так быстро? Немного жаль темноволосую глупышку. По лицу Финиста ясно, что сожалеть о произошедшем он начал еще вчера. Только почему-то несчастней всех сейчас оказалась Герда. Неужели она тоже пала жертвой его звериного очарования? Странно. Она все время выглядела такой безучастной. Поначалу казалось, что это из-за того прискорбного случая в сторожке, но потом Дугава начала замечать, как Герда теребит приколотую к вороту брошь с неизбывной

тоской во взгляде. Должно быть, ее сердце уже принадлежит кому-то. Но Дугава все не находила слов, чтобы спросить об этом напрямик.

— Финист? — после затянувшейся паузы обратилась к их предводителю Герда. Тот резко дернулся, как будто чего-то испугался, но она не обратила на это внимания.

— Я подумала, ну вчера, когда лежала на земле с разбитой головой, что мы могли бы проводить Майли до ее замка.

Теперь поднялась и наследница, которая все это время старательно делала вид, что спит и не слышит их разговор.

— Но... — начал было придумывать повод отказать Финист.

— Я примерно представляю, где этот замок расположен. Если мы поедем туда, то сможем обойти логово варгов и выйти на нужную дорогу, а Майли позаботится, чтобы рыцари нас пропустили. Ты ведь сможешь это сделать?

Майли медленно кивнула, протяжно глядя на Герду, как будто пытаясь ее разгадать. Финист молча перебирал в голове варианты. После вчерашнего он чувствовал себя так неловко, что не представлял, как сможет дольше находиться в присутствии обеих девушек. Уж очень не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал о его интрижке с Майли, тем более Герда. Она наверняка подумает, что он хотел ей отомстить. И будет не далека от истины. Ну почему все так сложно?

— Финист? — растолкала его не вытерпевшая Дугава

— Ладно-ладно, давайте проводим Майли до ее замка. Все-таки мы ее спасли и несем за нее ответственность.

Майли оторвала взгляд от Герды и счастливо улыбнулась.

\*\*\*

Кот действительно ушел. Герда даже начала скучать по его вечному ворчанию. С ним всегда было так уютно, можно поделиться любой проблемой — он умел слушать и поддерживать в тяжелые минуты. Почему она раньше это не ценила?

К замку вела широкая прямая дорога, вдоль которой, по словам Майли, должно было встречаться много маленьких живописных деревушек, да только все чаще попадались пепелища, пустые дворы и невозделанные поля. Люди спешно покидали плодородную Будескайскую долину, о которой Герда читала еще дома в Дрисвятах. Как будто и духи природы оставили эти места: все заросло колючим чертополохом и крапивой. Даже на лугах и полях полезные растения отмирали. Нет, они не готовились к долгой зимней спячке, а действительно погибали, гнили или иссыхали. Буйствовал лишь тысячелистник, заполонивший все белым ковром с вкраплением цветов гвоздики травянки, похожих на капли крови, и источающей сильный дурманый запах полыни, как будто была середина жаркого лета, а не конец костричника — среднего месяца осени.

Два дня парило так, что путники и их лошади обливались потом, дышали тяжело и с трудом сопротивлялись волнами накатывавшей дреме. К вечеру начался противный мелкий дождь, предвещавший конец ведьминога лета и скорое наступление холодов. Дождь не прекращался и весь следующий день, который путники провели под крышей заброшенного дома с прогнившим насквозь полом и потрескавшимся очагом. Туда же завели лошадей, боясь оставлять их на растерзание хищникам.

Ждан с Дугавой настояли, чтобы Финист запалил печку, потому что они продрогли, озябли и боялись подхватить простуду. Идея оказалась не слишком удачной — стоило развести небольшой огонь, как дом заполонил удушливый дым. Пришлось отворить настежь

двери и окна, чтобы он выветрился. От этого стало еще холодней. Герда нашла на чердаке старые, побитые молью одеяла. Укрывшись ими, путники тесно прижимались друг к другу, тщетно пытаясь согреться.

На улице громко завывал беснующийся ветер, стучали незапертые ставни, с прохуdivшегося потолка падали крупные пронзительно-холодные капли. Где-то вдалеке послышалось зловещее рычание, перерастающее в хохот.

— Может, ветер? — с надеждой спросила Дугава. В ответ снова раздался вой, только на ветер совсем не похожий, да еще так близко. И шаги. Кто-то ходил по двору. Теперь они явственно это слышали.

— Только не это снова, — зашептал Ждан.

— Надо молиться, — вдруг предложила Майли. Все удивленно уставились на нее. — В монастыре нас учили, что в момент наивысшей опасности, когда кажется, что выхода нет, надо молиться Единому и верить. Он обязательно поможет!

Все вопросительно посмотрели на Финиста. Тот болезненно скривился:

— Глупости! Помочь нам можем только мы сами.

— Но как же...

Финист отвернулся и замолчал. Шаги приближались. Вой превратился в хохот и становился все громче и злее.

— Милостивый наш Единый господин, даруй заплутавшим чадам свою защиту, — начала молиться совершенно непохожим на собственный голос Майли, торжественным, преисполненным смирения и благоговения; но, не найдя поддержки, он затух в раскатах зловещего хохота. Глаза девушки заблестели, наполнившись слезами.

Герда, до этого отрешенно теребившая свою брошь, сжалилась над ней и, взяв Майли за руку, принялась повторять молитву, хотя мысленно обращалась не к безликому богу единоверцев, а к тому, кто действительно спас ее когда-то. К Охотнику. Дугава поддержала ее — пихнула локтем Ждана. И вот они уже вчетвером, взявшись за руки, хором произносили слова молитвы, стремясь перекричать зловещий хохот. Только Финист сидел в мрачном молчании. Майли попыталась взять его за руку, но он резко выдернул ее, встал и вышел на улицу, не в силах больше сдерживаться и сидеть тихо.

— Финист, стой! — Майли попыталась догнать его, но Герда непустила ее. — Его же убьют!

— Верь в него, как ты веришь в Единого, — Герда села обратно и, снова взяв Ждана за руку, продолжила молиться.

За дверью послышались гулкие удары вперемешку с диким визгом и рыком. Майли приложила руку ко рту и задрожала. Глотая безудержные слезы, она закуталась в одеяло вместе с остальными. Звуки не утихали. Время словно застыло и тянулось болезненно долго, превращая каждое мгновение в муку. Показалось, что прошел час, а может, и два, прежде чем дверь распахнулась и на пороге появился перепачканный в грязи и крови Финист. Его рубаха оказалась подрана. На голой спине виднелись глубокие царапины. Товарищи дружно бросились ему на встречу.

«Варги ушли?» «Все в порядке?» «Ты ранен?» — как из ушат полились на него вопросы.

— Все нормально, — коротко ответил Финист и грузно опустился на пол.

— Но ты ранен! — запротестовала Майли.

— Отстаньте от меня.

— Прекрати! У тебя глубокие царапины, они могут воспалиться, — на этот раз упрекать

его стала Герда. — Ждан, Дугава, вскипятите воды, благо ее здесь хоть залейся. Майли, вас в монастыре должны были учить обрабатывать раны. Ты знаешь, что делать?

Она кивнула.

— Откуда ты все знаешь? — удивился Ждан.

— Тебе точно стоит читать больше книжек, — ответила Герда и направилась на улицу.

— Стой! Там ведь опасно! — встревожилась Дугава.

Герда вышла на порог и осмотрелась. Буря стихла. Дождь накрапывал лишь самую малость. В лужах вода щедро перемешалась с кровью. Двор устлала изрубленные трупы пяти здоровенных варгов.

— Здесь никого нет. Варги больше не вернутся, — Герда почему-то была в этом уверена, как и в том, что завтра будет сухо. — Я поищу одну траву — она хорошо раны лечит.

— Но ты ведь можешь заблудиться, — неожиданно переполохился Финист, хотя до этого старательно Герду избегал.

— Не заблужусь. Мой отец был лесником, забыл?

Финист потупил взгляд. Не дождавшись ответа, Герда пошла к видневшемуся вдали нераспаханному полю.

Искать пришлось долго. Лечебная трава, которую в народе называли бельбельником, напоминала подорожник, но встречалась намного реже. Росла она в основном в сырых низинах у болот. В Дикой пуще Герда не раз видела ее на краю вересковых топей и ужиной трясины, но здесь она ничего не знала. Не удавалось даже найти болото, не то, что траву. Приходилось надеяться лишь на чутье.

— Кот? — позвала Герда, когда заметила, что солнце клонится к земле. — Заканчивай дуться и выходи!

Никто не ответил.

— Ну, пожалуйста! Мне очень нужна твоя помощь. Я не стану больше ничем в тебя швырять и... и оставлю ребят, как только мы доберемся до Будескайска. Слышишь, я буду полностью в твоём расположении. Кот? Кот!

Но его все не было.

— Ну и ладно, без тебя обойдусь. И потом не приходи проситься обратно.

С трудом подавив жалкий всхлип, Герда пошла дальше. Бельбельник она все-таки нашла на дне большого песчаного оврага. Скучный, вялый, едва-едва живой, он разительно отличался от буйствующих вокруг колючек. Что-то было всерьез не так с Будескайской долиной. Почему варги расплодились и смеют подходить так близко к человеческим жилищам? Почему умирают все полезные растения и остаются лишь ядовитые колдовские травы? И, главное, куда делись все люди?

Герда набрала полный подол вялой травы и начала потихонечку подниматься наверх. Ноги предательски съезжали на сыпучем песке. Почти выбравшись, Герда вдруг поскользнулась и чуть было не скатилась вниз, но кто-то стоявший наверху крепко ухватил ее за руку и вытянул из оврага.

— Все в порядке, деточка? — участливо спросил морщинистый бобыль с плешивой бородой, босой, в драном балахоне.

— Да-да, спас-спасибо, — поспешила заверить его Герда.

— Гляди-ка, бельбельник, откуда он здесь? В Будескайской долине давно уже ничего не растет, кроме колдовских трав. Видно, и для нашего покинутого Единым краем появилась надежда!

— Но что случилось? Эта земля раньше была цветущей и плодородной. Так во всех книжках пишут.

— Говорят, колдуны, бывшие хозяева Будескайского замка, прокляли это место, когда народ восстал против них во славу Единого.

— Но они ведь были Стражами, защищали этот край от демонов.

— Деточка, кто забил твою голову этими глупостями? Хозяева Будескайска были жадными до наживы колдунами: днем они обирали селян до последней нитки, а по ночам поклонялись мертвым. Так продолжалось, пока славный милорд Кшимска не прогнал их с наших земель. Только самому ему не удалось избежать проклятья колдунов. Его красавица-жена умерла во цвете лет от неведомой хвори, после этого он умом тронулся. Единственную дочку усладил в монастырь, а сам заперся в замке. Десять лет там чах, пока совсем дух не испустил. После этого в замке поселились привидения.

— А вы их видели?

— Да что ты, деточка, как ты их увидишь-то, привидений? Они ведь духи бестелесные. Ладно, ты, верно, спешишь. Бельбельник ведь просто так не собирают, — бобыль улыбнулся и уже собрался уходить. — Желаю твоему другу скорейшего выздоровления.

— Погодите! Может, вы захотите пойти с нами. Мы как раз в Будескайский замок направляемся. Там и увидим, бестелесные привидения или нет.

— Нет, деточка, староват я стал для такого, да и благостный наш Единый зовет меня на юг, а не на север. Час возрождения близок. Не хотелось бы его пропустить.

Старик скрылся за поворотом. Герда несколько минут стояла на месте, размышляя, насколько можно верить словам сумасшедшего бобыля. И что это за «Час возрождения»? Не о нем ли говорила Ягиня перед смертью? Если бы здесь был кот, он помог бы разобраться, но он исчез. И, наверное, уже никогда не вернется. На глаза навернулись слезы. Нет, сейчас не время сожалеть о сказанных сгоряча словах. Финист ждет.

Назад Герда вернулась, когда совсем стемнело. Ребята молча разошлись по углам, занятые невеселыми мыслями. Майли с подавленным видом сидела возле Финиста. Он дремал, привалившись к стене. Герда подошла и положила руку ему на лоб. Финист открыл глаза и протяжно посмотрел на нее.

— Жара нет, — констатировала она. — Будем надеяться, что все обойдется.

Герда уже хотела отойти к столу, чтобы покрошить добытую с таким трудом траву для лекарства, но Финист крепко схватил ее за руку.

— Надо поговорить.

Майли демонстративно встала и вышла за дверь.

— Я хотел попросить прощения.

— Ты уже просил и, кажется, я тебя простила.

— Да не за это.

— А за что?

— Не важно. Просто прости меня.

— Прощаю, — пожала плечами Герда и высыпала бельбельник на колченогий стол у окна.

От досады Финист провел рукой по лицу. Пальцы заметно подрагивали. В дом вернулась Майли, перевела взгляд с остервенело кромсавшей пучки травы Герды на отрешенно наблюдавшего за ее работой Финиста. Подумав немного, Майли снова уселась у ног последнего.

Когда бельбельник превратился в мелкую кашу, залитую собственным соком, Майли сняла со спины Финиста повязку. Герда оценила мастерство и бережность, с которой воспитанница монастыря ухаживала за раненым. Видно, либо училась она прилежно, либо ради Финиста была готова прыгнуть выше головы, а скорее и то, и другое одновременно.

Раны затягивались на удивление хорошо. Наверное, так работал его дар — таинственная связь с животным миром, которая позволяла ему использовать их силу. Герда осторожно смазала спину лекарством из бельбельника. Финист поморщился — раны сильно щипало. Герда постаралась закончить как можно быстрее. Ее место тотчас заняла Майли и принялась бережно обворачивать вокруг спины повязку.

— Ничего, — ворковала она, дую на раны. — До замка рукой подать. Там нам помогут. Финист в голос застонал.

## ===== Глава 11. Замок с привидениями =====

Наутро распогодилось. С рассветом путники выехали из заброшенной деревни и двинулись по дороге на север. После вынужденного отдыха лошади как-то разом взбодрились. Даже всадники почувствовали, как отступила усталость. Лишь Финист становился все угрюмей и мрачней, чем ближе они подъезжали к Будескайску.

Жеребцы, на которых ехали Майли с Дугавой, начали показывать норы, гоготать и наскакивать на кобыл. Дугава стерла руки в кровь, пытаясь сдержать своего скакуна, но тот успокоился лишь, когда Финист спешился, сказал ему что-то грозное на лошадином языке, а потом, разозлившись, вмазал ногой по пузу. Зверюга враз стала вести себя более-менее прилично. Майли, наоборот, с удивительной легкостью управлялась со своим жеребцом, хотя по характеру тот оказался еще более вредным. Он пронзительно ржал, выпучивал глаза, исходил белой пеной, но Майли не жаловалась, а с какой-то нарочитой, почти колдовской легкостью осаживала его, заставляя идти ровно и никому не мешать.

Когда солнце поползло за линию горизонта, показался замок. Громадный, обнесенный широким рвом, увенчанный дюжиной высоких зубчатых башен, Будескайск взирал на путников покрытым копотью многоголовым чудищем. Потрясенная стуком конских копыт, с дороги поднялась большая стая ворон.

— Опять они, — заворчал Финист. — Терпеть не могу ворон.

— Но они помогли тебе в схватке с разбойниками в лесу, — ответила Герда.

— Это не значит, что они стали мне нравиться. Просто в округе больше никого не было.

На лице Финиста читалось раздражение. Да и не следовало при Майли упоминать с даре Стражей. Герда поспешила сменить тему:

— Странно, мне казалось, что Будескайск был облицован белым мрамором.

— Мне тоже, — поддержала ее Майли. — В детстве тут все было совсем не так. Замок действительно был белоснежным, а в закатных лучах, вот как сейчас, отливал нежным розовым цветом. Вдоль дороги рос лес, в котором любил охотиться мой отец. Он часто брал нас с мамой с собой, и в полуденный зной мы обедали на уединенных тенистых полянах, где журчали ручьи и пели птицы. Нам было так хорошо вместе, а потом... потом мама умерла.

Майли замолчала, грустно глядя на потемневшие стены замка.

— Смотрите, качели! — попыталась отвлечь всех от мрачных мыслей Дугава.

На берегу крохотного прудика действительно стояли полуразрушенные качели и обветшавшая беседка. Краска совсем облупилась, опорные столбы прогнили, прохудилась

крыша.

— Папа велел построить их специально для меня. Я их так любила. Сбегала в детстве ото всех, чтобы покачаться, когда дул южный ветер. Меня долго искали, пока папа не находил меня здесь. Но он не ругался... он никогда не ругался.

Майли опустила голову. Герда выразительно посмотрела на Финиста.

— Ничего, это пройдет... со временем, — невпопад ответил он. Герда закатила глаза — лучше бы вообще молчал.

До замка ехали молча. Разводной мост через ров оказался поднят. Пришлось долго ждать, пока караульщики соизволят обратить внимание на кучку оборванных бродяг, собравшихся возле замка. Как же долго они потом оправдывались перед своей новой хозяйкой. Говорили, что уже не чаяли увидеть ее живой — в окрестных лесах столько разбойников развелось! Но Майли не слишком прислушивалась к пустым оправданиям, все больше поглядывала на Финиста. С трудом удалось уговорить его отужинать в замке, помыться и переночевать в теплой постели. Но Финист сразу предупредил, что останется лишь до утра. С рассветом они уедут догонять несуществующий обоз.

Насчет теплой постели Майли, конечно, погорячилась. Замок был настолько холодным, что, казалось, камин не топили целую вечность. Дворецкий, оправдываясь, что граф в последние годы мало заботился о хозяйстве и не заготавливал дров на зиму, спешно послал за истопниками. А пока предложил гостям скромный ужин из чечевицы, перепелиных яиц и полендвиги. На стол поставили начищенную медную саклу с горячим сбитнем — все, чем был богат Будескайск.

Горячая еда всем подняла настроение, хмурился один Финист. От снующих вокруг слуг ему стало неловко. Герда тоже не привыкла к такому обращению, но старалась держаться. К тому же ее вдруг начало беспокоить странное, почти навязчивое чувство тревоги. Словно чей-то невидимый взгляд прожигал спину. Когда стало совсем невыносимо, Герда тихонько поднялась из-за стола и хотела незаметно уйти, но вдруг ощутила сильный толчок. Она неловко оступилась и, цепляясь руками за стол, свернула с него саклу. Парной напиток золотистой лужей потек по полу. Ребята дружно подняли ноги, чтобы не замочить обувь.

— Ну вот, а мы даже попробовать не успели! — всплеснула руками Майли.

— Аккуратней надо быть, — проворчал Ждан. Ему больше всех хотелось отведать старинного напитка, приготовленного по особому Будескайскому рецепту.

— Я не специально. Меня кто-то толкнул, — попыталась оправдаться Герда, схватила тряпку, валявшуюся в темном пыльном углу комнаты, и принялась суматошно вытирать лужу.

— Что ты делаешь?! Это фамильный гобелен! — закричала Майли.

Герда развернула тряпку и пригляделась к ней внимательней. На выцветшей ткани едва заметно проступали очертания ворона с кольцом в клюве.

— Фамильный? — скептически переспросила она. — Твой отец ведь этот замок у колдунов отбил. За это ему пожаловали титул графа и фамильный герб. А это Слеповран — герб Гедокшимска, предыдущих владельцев.

— Неправда, это наш гобелен и наш герб. Папа рассказывал, что выбрал именно его, потому что во время битвы с могучим колдуном ворон помог ему победить — сел на шлем неприятеля и долбил его клювом, отвлекая внимание от папы.

— Правильно, такое было, но сделал это не твой отец, а Валлериус-Корвин, основатель рода Гедокшимска, лет эдак триста назад. А этому гобелену больше века — взгляни, как



нить выщвела.

— Она выщвела, потому что ты его испортила, неумеха неуклюжая!

— Меня толкнули!

— Не ври, здесь никого не было, кто мог тебя толкнуть.

— То, что ты никого не видела, не значит, что здесь никого не было. Это вполне могло быть привидение.

— Умоляю, только не это снова, — вмешался Ждан. — Пусть хоть привидения останутся персонажами детских сказок. Финист, скажи ей.

— Да, Финист, скажи! — поддержала его Майли.

Финист молчал, не поднимая глаз от тарелки. Должно быть, ему не очень хотелось вступать в склоку.

Герда оценивающе посмотрела на товарищей — никто ей не верил. Даже Дугава избегала ее взгляда. Обидевшись, Герда кинула тряпку на пол — пусть слуги убирают, в конце концов, на что они здесь? — и вышла, громко хлопнув дверью. Может, Финист догонит и снова попросит прощения. Только зачем, не понятно. Но никто за ней не пошел. Видно, Майли не отпустила, вцепишись в него мертвой хваткой.

Герда бродила по замку в полном одиночестве, но так оказалось даже лучше — никто не отвлекал от созерцания грандиозного сооружения древности. Будескайск хранил память тех времен, когда здесь жили доблестные Стражи Кундии. Должно быть, его толстые мощные стены служили им верой и правдой против вражеских атак. Жаль, единоверцев они удержать не смогли.

Герда долго петляла по бесконечным галереям и лестницам и сама не заметила, как попала в библиотеку, которая находилась на нижнем этаже одной из башен. Целая книжная лавка внутри замка! Забыв обо всем, Герда прикинула к полкам и принялась изучать названия. Что за странные это оказались книги, особенно, если учесть, что их хозяин был рыцарем: старинные фолианты, написанные рунами. О мире духов, о древних заклетьях, могущественных артефактах и даже о некромантии. Насколько Герда знала, это особое искусство управления мертвыми было подвластно лишь сильнейшим из Стражей-медиумов. Она взяла с полки одну из книг и пролиставала. В ней речь шла о каких-то темных ритуалах, человеческих жертвоприношениях и прочих ужасах, которыми пугали детей единоверцы.

Может, эти книги остались здесь от предыдущих владельцев? Герда провела пальцами по полке. Странно, пыли совсем не было, словно об этой комнате заботились лучше, чем обо всем остальном замке.

Вдруг из-за стены донесся странный шорох. Из рта вырвались клубы пара — повеяло нестерпимым холодом. Герда подняла глаза и осмотрелась. Вокруг никого не было, лишь тихонько скрипела дверь, подхваченная легким сквозняком. Герда пожалала плечами и вернулась к книгам. Углубилась в чтение трактата о ритуалах, позволяющих общаться с духами предков. Вдруг на пол упала странная тень. Герда медленно повернула голову. В нескольких локтях от нее в воздухе парила старинная секира, которая пару минут назад украшала стену у входа. Остро заточенное оружие нацелилось прямо в голову. Раздалось громкое шипение. словно очнувшись ото сна, Герда отскочила, и секира воткнулась в спинку кресла, в котором она сидела за мгновение до этого. Герда поднялась и побежала к двери, но отпереть не смогла. Потянула за ручку — дверь не поддавалась, будто что-то подпирало ее снаружи. Секира уже освободилась и снова полетела к Герде. Она громко взвизгнула и начала колотить в дверь, зовя на помощь, но никто не отозвался. Снова

пришлось уворачиваться — секира просвистела у самой макушки и, срезав прядку волос, воткнулась в дверь.

Не дожидаясь, пока злобное оружие высвободится, Герда отбежала к книжному шкафу, который стоял у противоположной стены, и случайно схватилась за первую попавшуюся книгу. Шкаф резко повернулся и сбил ее с ног. Герда распласталась на полу. Приходя в себя, она приподнялась на локтях и открыла глаза. Это определенно не библиотека. В бесконечность уходила узкая галерея, тускло освещенная висевшими на стенах факелами. Пахло сыростью, но озноб прошел. Герда провела пальцами по полу — на нем остались царапины от вращавшегося шкафа. «Потайной ход!» — пришло озарение. Герда встала на ноги и пошла вперед — возвращаться к летающей секире вовсе не хотелось. Вскоре показалась развилка.

— Кот! — позвала Герда. Она была уверена, что в библиотеке слышала именно его, но здесь отвечало лишь эхо.

Пригорюнившись, она достала из кармана кинжал, нацарапала возле галереи, уходящей направо, крест и пошла по ней. Коридор начал сужаться, а потолок опускаться. Дышать стало совсем тяжело. Откуда-то повеяло кухонными запахами, все отчетливей слышались звуки, смутно похожие на человеческую речь. В стене обнаружилась небольшая щель, сквозь которую лился яркий свет. Она находилась так высоко над полом, что пришлось встать на цыпочки, чтобы заглянуть внутрь.

— Их сиятельство недовольны, — говорил один из мужчин в длиннополой лакейской ливрее. — Мало того, что мы не смогли ее задержать, так к тому же она притащила с собой компанию. Если они начнут шляться по замку, то не ручаюсь...

— Не начнут, — отмахнулся мужчина в халате повара. — После моего сбитня они проспят до утра, а там отправятся восвояси.

— Не легче ли их сразу того?

— Ты же слышал, их сиятельство не велели.

— Тебе не кажется это странным? Их сиятельство в таких делах никогда особой щепетильностью не отличались, а тут вдруг пожалели каких-то оборванных бродяг.

— А это уже не нашего ума дело. Мы ведь люди маленькие, нам только верхушка горы видна, а что там внизу... Помнишь, как они хитростью этот замок у колдунов отбили? Смог бы ты до такого додуматься, балда? Молчишь, вот то-то же.

Мурашки пробежали по коже. Привидения, отравители, потайные ходы — хватит с нее древнего замка, надо увести друзей, пока живы. Герда поспешила вперед, надеясь найти выход. Показалась узкая винтовая лестница. Герда насчитала под две сотни ступенек, прежде чем уперлась в тяжелую дубовую дверь. Она оказалась закрытой. Тяжело дыша, Герда прислонилась к ней плечом и больно поцарапалась об ржавый гвоздь. Досадливо поморщилась, разглядывая порванный рукав рубахи. Еще одна латка. Скоро одежда совсем обветшает, как у оборванки распоследней, куда ей тогда будет с Майли тягаться в ее роскошных нарядах?

Кровь попала на дерево, и дверь отворилась сама собой. Заговоренная, что ли? Внутри оказался небольшой кабинет, настолько пыльный, словно здесь давно никого не было. Посреди комнаты стоял письменный стол, на одной стене висел большой групповой портрет, а на второй таких же размеров зеркало.

Герда поднесла к картине факел, пристально вглядываясь в лица. Здесь присутствовали и мужчины, и женщины, правда, первых было больше. Волосы у всех до одного плотно

стянуты в пучок на затылке. Глаза смотрят одинаково прямо и как-то обреченно. Одежда тоже одинаковая: строгого покроя темные штаны, светлые рубашки без узоров и черные плащи с опущенными капюшонами. Стражи. Наверно, картина делалась уже во время войны, поэтому они такие мрачные. Интересно, хоть кто-то из них выжил? А их семьи?

Свет от факела упал на пару в правом нижнем углу картины. Высокий плечистый мужчина с соломенными волосами и прозрачно-голубыми глазами обнимал за талию тоненькую, как былинка, девушку. Волосы тоже были светлыми, но более пепельного, мышастого оттенка, прическа такая же короткая, как у Герды. Глаза огромные, на пол-лица, светло-серого цвета в тон волос. Смотрят пронзительно, будто в самую душу проникают.

Герда разглядывала этих двоих и не могла оторваться. Они казались странно знакомыми, словно пришли из давно забытого сна. Того самого, что она видела во время ночевки на руинах Ильзара. Стало чудиться, что кто-то поет колыбельную, старинную, какую не всякая бабка в Дрисвятах помнила. Глаза начали слипаться сами собой. Герда широко зевнула и потерла их кулаком. В зеркале что-то шевельнулось — словно ветер играл в волосах, подбирая их и стягивая на затылке. Герда сдавленно выдохнула. Снова стало зябко. Она дернула головой, словно вырывая волосы из рук матери, которая так любила заплетать их в косы. Пение прекратилось, дремота отступила, но на зеркале остались рисунки инея. Герда подула на стекло, чтобы они растаяли, и сквозь мокрые потеки увидела ребят: Ждана с Дугавой, сидевших на маленьком диванчике у камина, и Финиста, нервно бродившего из угла в угол, словно маятник. Герда ударила кулаками в зеркало и закричала. Стекло зазвенело, но с места не сдвинулось.

Со стола упала книга, словно специально привлекая внимание. Герда не сдержала любопытства и подняла ее. Обложка оказалась пустой, а внутри рукописный текст, похожий на дневник. «Книга теней» — тонкой изящной рунницей было выведено посередине первой страницы. Здесь точно должно быть что-нибудь таинственное и совсем не такое постыдное, как подсмотренная сценка в осиннике. От разглядывания отвлек резкий щелчок — зеркало неожиданно начало отъезжать в сторону. Не раздумывая, Герда бросилась в образовавшийся проход, боясь, что он закроется, и она навсегда останется блуждать в лабиринтах потайных ходов.

— Ребята! — закричала Герда, вваливаясь в комнату. Все присутствующие удивленно уставились на нее.

— Где ты была? — встревожено спросила Дугава. — Финист уже хотел тебя искать, насилу отговорили.

Тот бросил на девушек крайне недовольный взгляд и устало опустился на стул.

— Я бы начал с того, как ты сюда попала, не проходя через дверь, — подал голос Ждан.

— Зеркало... потайной ход... напиток отравлен... привидения! — с трудом переводя дыхание начала говорить Герда.

Финист удивленно вскинул брови.

— Да ты успокойся, — Дугава усадила подругу подле себя и обняла ее за плечи. Ждан тоже придвинулся ближе. Лишь Финист остался безучастным.

— Надо бежать. Здесь творится что-то не то, что-то ужасное. Привидения...

— Тебе почудилось. Не стоило бродить по замку одной, тем более в таком состоянии, — тщетно пыталась успокоить ее Дугава.

— Да, не в каждом лесу живут злые варги, не в каждом замке бродят страшные привидения. И уж точно не все они хотят нас убить, — поддержал ее Ждан. Герда подняла

на него взгляд и истерически рассмеялась:

— Если в этом замке находимся мы...

— Ну, хватит! — наконец, заговорил Финист. — Я прекрасно понимаю, что тебе здесь не нравится, и даже понимаю, почему. Не надо придумывать глупости, чтобы завоевать мое расположение. Поверь, с рассветом мы уберемся отсюда и больше не увидим ни замка, ни его хозяйки.

Герда непонимающе моргнула.

— При чем здесь это?

По тому, как потупились Ждан с Дугавой, Герда поняла, что за время ее отсутствия они обсуждали ее поведение в последние дни. Странно, но страх очень охотно сдал позиции перед возмущением и глухой злостью. Что такого она сделала, что они смотрят на нее с таким укором? Да, она увидела то, что не предназначалось для посторонних глаз, но что с того? Она ведь ничего плохого не хотела. Размышления прервал пронзительный крик.

— Это Майли, — сама не зная почему, решила Герда.

Финист нахмурился и быстрым шагом направился в сторону комнаты хозяйки замка. Остальные поспешили за ним. Спальня Майли располагалась на почтительном расстоянии от комнаты для гостей в более солнечной теплой части замка. Сама Майли не очень-то хотела селить Финиста так далеко от себя, но дворецкий настоял на том, чтобы они спали в другом крыле, и Финист его поддержал, к вящему недовольству наследницы. Но как же громко надо было кричать, чтобы звук разнесся по всему замку!

Когда ребята добрались до спальни Майли, возле ее постели уже стоял дворецкий и безуспешно пытался успокоить смертельно бледную, ежеминутно всхлипывающую от страха девушку.

— Финист! — закричала Майли, как только он появился на пороге, и тут же бросилась к нему на шею. Дворецкий опешил от столь открытого проявления чувств. Финист тоже выглядел несколько смущенным. — Мой рыцарь, ты пришел меня спасти?

Его заметно передернуло. Ждан и Дугава за его спиной закатили глаза.

— Мы услышали крик и пришли проверить, все ли в порядке, — начала объяснять за всех Герда. — Что случилось?

— Я... ну я... мне приснился дурной сон. Как будто кто-то неслышно вошел в комнату, склонился над кроватью и долго меня разглядывал, а потом стал душить. Я так испугалась!

— Это всего лишь ночной кошмар. Придет утро, и вы обо всем забудете, — изо всех сил пытался приободрить ее дворецкий.

— Никакой это не кошмар! — оборвала его Герда. — Это проделки привидений. Разве вы не чувствуете?

Майли как-то разом подобралась, щеки зарумянились, а глаза загорелись закипевшим внутри гневом.

— Опять ты со своими глупостями! Привидений нет. Это был всего лишь сон.

Все согласно закивали.

— Но разве вы не чувствуете, как здесь зябко? — Герда в отчаянии схватила Майли за руку. Они обе вдруг замерли. Из ртов повалил густой пар. Кожа сделалась мертвецки холодной. Взгляды уставились в одну точку у балдахина над кроватью. Показалось, что в его широких складках кто-то прячется. Поняв, что его заметили, неизвестный стремительно покинул свое убежище и помчался к ним.

Майли истошно заорала, а привидение — Герда не сомневалась, что это было именно

оно — пролетело сквозь них и растаяло в воздухе.

— Вы видели? Видели?

Герда дергала за рукав Финиста, который стоял к ней ближе всего, и указывала на место, где исчезла таинственная фигура. Тот, ничего не понимая, оглядывался по сторонам. Заметив это, Майли перестала кричать, закатила глаза и картинно осела на пол.

— Госпожа! — дворецкий кинулся к бесчувственной девушке и начал шлепать ее по щекам, пытаясь привести в сознание.

Финист поморщился, промычал что-то нечленораздельное и, вырвав у Герды свой рукав, поднял Майли на руки и перенес на кровать. Только тогда девушка открыла глаза и крепко вцепилась в помогавшего ей мужчину.

— Не уходи, мне страшно! Не оставляй меня одну, — взмолилась она, громко всхлипывая.

Финист явно чувствовал себя пойманной в силки птиц — хочется вырваться, а спеленало так, что и шелохнуться не получится.

— Майли, ты ведь тоже видела. Скажи, это оно тебя напугало, привидение? — Герда была настолько взволнована, что не замечала, с какой неприязнью на нее смотрит хозяйка замка.

— Ничего я не видела, — резко оборвала ее Майли.

— Но ведь...

— Если ты сумасшедшая и видишь то, чего нет, это не значит, что остальные такие же. Мне просто сделалось дурно из-за сна.

Герда промолчала. Стало настолько обидно, что с трудом удавалось сдержать слезы.

— Тогда я пойду? — Финист сделал робкую попытку вывернуться из рук Майли.

— Нет, останься! Я боюсь.

— Ты же сама сказала, что это всего лишь сон. Он никому вреда причинить не может, — резонно заметил оборотень. Майли растерянно кусала губы.

— Финист, останься, — слабым, но все же ровным голосом попросила Герда и вышла из комнаты.

Дугава и Ждан, молча наблюдавшие за творившимся вокруг безумием, пожали плечами и последовали за ней. Финисту все же пришлось остаться с Майли на ночь.

\*\*\*

— За занавеской оставили чан с водой, чтобы ты смогла помыться, но, кажется, она уже остыла, — нарочито осторожно говорила Дугава.

— Ничего страшного, я закаленная, — безучастно ответила Герда и зашла за занавеску.

Попробовала ногой воду в огромном медном чане — она оказалась еле теплой, а так хотелось окунуться с головой в кипяток и, наконец, согреться. Герда сняла одежду, сложила ее аккуратной стопкой и забралась в чан. Как только она оказалась в воде, из глаз ручьем хлынули слезы. Колотило то ли от страха, то ли от обиды — она и сама не знала, только успокоиться не могла, хотя старалась изо всех сил. Лишь когда слез больше не осталось, а на плечи всей тяжестью навалилась усталость, она перестала дрожать и расслабилась. Начало клонить в сон. Герда на мгновение закрыла глаза и опустила в воду подбородок. Стало так тихо: ни звука, даже мыслей собственных не слышно. Тело казалось невесомым. Его несло бурным потоком, словно былинку, куда-то вниз по течению к огромному грохочущему водопаду. Было так хорошо, а потом она вдруг попала в поток ледяной воды. Что-то надавило на макушку, и голова ушла под воду.

Герда хорошо плавала — отец научил, когда она и ходить-то толком не умела. Она не стала барахтаться — знала, что так лишь зря растратит бесценный запас воздуха. Сжала мышцы на ногах и, оттолкнувшись от дна, попыталась высвободиться одним мощным рывком. Но не тут-то было: вода расплескалась по полу, но то, что держало голову, только сильнее топило ее. Герда беспомощно загребала руками воздух, чувствуя, как в груди нарастает нестерпимая боль. Задерживать дыхание больше не получалось. В нос ворвалась вода, больно обжигая глотку. И тут давление исчезло. Чьи-то руки встряхнули ее и достали из воды.

— Что случилось? — послышался испуганный голос Дугавы, которая накидывала ей на плечи полотенце.

— Да чего ты так по Финисту убиваешься-то?! — к ней присоединился Ждан. Тряс Герду за плечи именно он.

Откашлявшись, она удивленно уставилась на товарищей, поплотнее запахиваясь в полотенце, чтобы не щеголять перед всеми нагишом. Ждан смущено отвернулся, но продолжил говорить:

— Ну, предпочел он тебе эту вертихвостку Майли, что с того? Он ее забудет, как только мы ступим за порог этого замка. Поверь, мы такое уже видели. Просто его иногда тянет... на приключения.

Ждан посмотрел на Дугаву, прося поддержки. Та быстро продолжила:

— Но ты для Финиста особенная. Он тебя любит. Мы все тебя любим. Ты наш незаменимый компаньон. И для того, чтобы завоевать наше расположение, не обязательно спасать от всех опасностей и тем более придумывать их на пустом месте.

— И тем более не надо сводить счеты с жизнью, если кто-то сказал тебе гадость, — подхватил Ждан.

— Спасибо, конечно, — улучив момент, начала говорить Герда, потому что в своих рассуждениях их явно несло куда-то не туда. — Но поверьте, если я захочу наложить на себя руки, то найду какой-нибудь менее болезненный способ, чем утопиться в чане для купания.

Ждан с Дугавой слабо улыбнулись.

— Так... ты скоро? — спросила подруга как можно более непринужденным тоном. — Мы уже спать собрались — полночь, а завтра вставать рано.

— Уже иду, только одежду заштопаю.

\*\*\*

Сон не шел. Вначале Герда ворочалась, пытаясь принять удобную позу на слишком мягкой перине, потом просто лежала с открытыми глазами и вглядывалась в чудные очертания предметов, искаженных тусклым лунным светом. Попробовала считать овец, но с ужасом обнаружила, что у них было лицо Майли и они беспрестанно повторяли: «Ты сумасшедшая, и видишь то, чего нет». Герда не выдержала и встала. На цыпочках дошла до двери, стараясь никого не разбудить, и прошмыгнула в коридор.

Что дальше? Опять бродить по замку в поисках привидений на свою голову? Да они и без того с легкостью ее находят. Тяжело вздохнув, она пошла туда, куда ее несли ноги. Преодолев длинную галерею и спустившись по лестнице, Герда оказалась в небольшом внутреннем двореке. Дышалось здесь намного легче, чем в остальном замке. Не так затхло и, что удивительно, не знобит. Куда спокойнее и теплее, чем внутри толстых каменных стен.

Сбоку послышалась возня. Герда вжалась спиной в стену. С противоположной стороны открылась потайная дверь. Через нее вошли четверо мужчин с носилками, на которых лежал

большой стеклянный ящик со светящимся дымом внутри. Ящик был испещрен странными символами: геометрическими фигурами, рисунками, рунами. Герда вспомнила, что видела их в одной из книг в библиотеке, но что они означали, оставалось загадкой.

Мужчины прошли мимо, даже не повернув голов в ее сторону, и внесли ящик в замок. Она дождалась, пока за таинственными людьми захлопнулась дверь, и выбралась из укрытия. Одолело любопытство. Луна ярко освещала ту стену, в которой открылся потайной проход. Оказалось, что здесь нет мраморной облицовки, как в остальном замке, а оставлена голая кирпичная кладка. Герда прошлась пальцами по образовавшейся в растворе ложбинке и нашла небольшую выемку. Кирпич в ней сидел неплотно. Герда попыталась его достать. Он вышел только наполовину, и кусок стенки тут же отъехал в сторону.

Интересно, как оно работает? С каждым новым шагом вопросов становится больше, чем ответов. Почти жаль, что на рассвете придется уехать, оставив тайну Будескайска неразгаданной. И очень жаль, что кот ушел. Он, наверняка, мог ответить хотя бы на некоторые вопросы.

Дверь вела на крутой склон холма, где ров совсем пересох. При желании с этой стороны можно было проникнуть в замок совершенно беспрепятственно. Может, Гедокшимска удалось выбраться из замка через этот черный ход? Или какой-нибудь другой. Кто знает, сколько их под этим холмом?.

У кромки неба зажглась яркая полоса. Светало. Герда вставила кирпич обратно, и проход закрылся. Надо было вернуться до того, как проснутся Ждан с Дугавой и снова начнут придумывать всякие глупости.

\*\*\*

Дойдя до коридора, в котором находилась их комната, Герда сняла башмаки, чтобы приглушить шаги и случайно не разбудить друзей. Но, оказалось, главная опасность притаилась совсем в другом месте. Когда до двери оставалось лишь пару шагов, кто-то крепко схватил ее за руку и втянул в небольшую нишу в стене. Герда попыталась кричать, но ее рот закрыла теплая мозолистая ладонь.

— Тише, это я, — шепотом сказал Финист, разворачивая Герду к себе лицом и убирая руку со рта.

— Ты меня до смерти напугал. Я думала... не важно.

Герда приложила руку к груди, пытаясь унять бешено колотившееся сердце.

— Почему ты не с Майли?

— Она заснула, а нам уже пора собираться в дорогу. Куда ты ходила?

— Гуляла, раз уж заснуть мне так и не удалось.

— Опять привидений искала?

Герда не стала отвечать, но Финист все понял по виноватому взгляду.

— Послушай, я не хотел говорить при ребятах, но здесь действительно что-то есть. Что-то такое, с чем нам не стоит связываться. Судя по всему, предыдущие хозяева замка были медиумами, общались с покойниками. А такие даже среди Стражей слыли скользкими типами. Наделали тайных ходов, ловушек для призраков, и, оставшись без присмотра, приспособления начали сбоить, причиняя вред ни в чем не повинным людям. Но даже для замка с привидениями здесь происходит что-то странное. Мой дар, как и дар медиумов, связан с землей. Я чувствую, что из нее вытягивают все соки. Не знаю, кто, как и для чего это делает, но встречаться с ним не хочу.

— Но почему? Ты ведь даже варгов победил! Ты с любым справишься сможешь.

— Я сейчас обернуться пытался — ничего не вышло. Мой дар здесь ослабел и чутье притупилось. А без него я как без рук, понимаешь?

— А как же Майли?

— Она принадлежит этому замку. Не думаю, что внутри этих стен кто-то станет причинять ей вред. Здесь она в гораздо большей безопасности, чем с нами.

— Почему? Потому что у нее нет дара? Но ведь и у меня его нет.

— При чем здесь это? Просто будет лучше, если она останется здесь, поверь.

Финист неожиданно повысил голос. Казалось, что он пытается убедить в этом не ее, а себя. На лицо упала прядка волос. Финист аккуратно убрал ее и заправил за ухо, ласково скользнув пальцами по щеке. Герда не понимала ни его тоскливого взгляда, ни этих томных прикосновений. Ведь он уже получил все, что хотел, от Майли. Так зачем продолжает беречь душу? В конце концов, это просто нечестно.

Воздух между ними накалился от напряжения, его лицо приближалось к ее. Краем глаза Герда заметила шевеление в конце коридора и, поставив на пути Финиста ладонь, закашлялась.

— Финист, почему ты?.. — спросила приблизившаяся к ним Майли, но осеклась, заметив, в какой двусмысленной позе он застыл перед Гердой.

— Мы уже уезжать собираемся. Ты что-то хотела сказать? — с трудом выдавил из себя Финист. Герде почему-то сделалось очень стыдно.

— Забудь, — всплеснула руками Майли и побежала обратно в слезах.

— Ты за ней не пойдешь?

Финист пробормотал в ответ что-то неразборчивое и поспешил за хозяйкой замка. Герда последовала за ним.

Финист постучался в дверь, но та оказалась не запертой. Майли лежала на кровати и плакала в подушку.

— Послушай, ты ведь знала, что мне придется уйти. Это место... этот замок для меня как клетка, понимаешь? Я не привык к роскоши, к слугам, к господской жизни. Твои люди и твои соседи меня не примут. И будут правы. Кто я? Безродный купец из Заречья, да к тому же и человек далеко не самый хороший. Даже при всем желании я не смогу сделать тебя счастливой, как ты того заслуживаешь. А ты заслуживаешь много лучшего, чем люди, вроде меня.

— Остановись, не надо, — не поднимая головы, ответила Майли. — Я понимаю, все понимаю, иди... иди, раз так нужно. Я... я тебя отпускаю.

— Прости, не держи на меня зла.

— Прощаю. Иди уже.

Финист наклонился к ней и, поцеловал в лоб, тихо пробормотал:

— На добрую память.

Майли вздрогнула и посмотрела на него, но он уже поднялся и пошел к двери. Как только Финист скрылся в коридоре, Майли заплакала пуще прежнего. Тогда Герда решила войти и деликатно закашлялась.

— Чего тебе? — не слишком вежливо спросила хозяйка замка. С опухшим от слез лицом она уже не выглядела такой красавицей. — Позлорадствовать пришла?

— Нет, я просто...



— Думаешь, я совсем дура? Я прекрасно понимаю, что ничего не значу для него. И как только он ступит за порог, тут же забудет обо мне. А я... я буду обречена вечность провести в этом холодном, пустом замке — клетке, как он выразился — совсем одна. И никакие деньги, никакие привилегии моего отца не купят то единственное, что я хочу.

— Но... ты молода... красива. Я уверена, ты еще найдешь кого-нибудь, кто захочет разделить твоё одиночество.

— То-то я вижу, ты нашла, — Майли ткнула пальцем в брошку, приколотую к вороту рубахи. — «На добрую память» и «прости-прощай, дорогая». А ты все смотришь ему в спину, хочешь побежать следом, но понимаешь, что не нужна ему была никогда.

Герда молчала. Слова Майли задели её за живое. Она никогда не думала так... или именно так и думала все время, только себе боялась признаться. И от того, что Майли произнесла крамольные мысли вслух, сделалось так горько, что захотелось пойти и утопиться в том самом чане, где на неё напали привидения.

— Мне жаль, — с трудом выдавила из себя Герда.

Глаза Майли стали круглыми и совершенно бешеными.

— Да кому нужна твоя жалость, дуручка. Убирайся!

Майли швырнула в неё подушку. Герда испуганно выскочила из комнаты и побежала догонять Финиста.

Как только её шаги затихли, Майли достала из тумбочки пузырек. Его дал дворецкий, сказал, что в нём капли, которые помогут уснуть после кошмара. Одной достаточно, чтобы проспять ночь беспробудным сном. А если выпить все? Если выпить все, то можно забыться безмятежным сном навеки и не мучаться больше.

Майли долго рассматривала мутный осадок на дне, а потом, глубоко вздохнув, опустошила весь пузырек одним залпом. По телу разлилась свинцовая тяжесть. Голова стала чугунной и сама опустилась на подушку. Сознание покинуло её.

\*\*\*

Когда Герда вернулась в их комнату, Финист уже успел разбудить остальных. Потирая глаза, Ждан с Дугавой нехотя собирали пожитки.

— Жаль, что не удалось погостить здесь подольше. Отдохнули бы, отъелись и с новыми силами отправились в путь. Финист, ну что тебе стоило провести ещё пару ночей в комнате хозяйки? — говорил Ждан.

Финист не ответил, бросив лишь один короткий предупреждающий взгляд на своего ученика, и продолжил собираться. Дугава подбадривающе улыбалась Герде, которая была очень подавлена после разговора с Майли.

У самой двери снова пробил озноб, но на этот раз остальные тоже почувствовали потусторонний холод. Сбились в кучу, тесно прижимаясь друг к другу и затравленно оглядываясь по сторонам. Финист весь напрягся и остановил их у лестницы, с опаской посматривая на развешенное по стенам оружие. И не ошибся. С жутким грохотом оно сорвалось со стен и понеслось в сторону застывшей в ужасе компании.

— Бежим! — крикнул Финист, и они ринулись вниз.

Ковер выскочил из-под ног, и они кубарем скатились по ступенькам до самого низа. Но даже потереть ушибленные места времени не оставалось — сверкающее облако острой стали все ещё преследовало их.

— К двери, скорее! — скомандовал Финист, когда лезвие меча просвистело над самой его макушкой.

Все бросились врассыпную. И, старательно уворачиваясь от мечей, кинжалов и боевых топоров, понеслись к двери, но, когда Финист, добравшийся до нее первым, подергал за железное кольцо, та оказалась заперта.

— Попались! — обреченно сказала Герда.

Они испуганно вжались в дверь, держась за руки. Оружие замерло буквально в нескольких локтях от их лиц. Тягостные мгновения длились целую вечность. Загнанные в угол беглецы забыли, как дышать, как двигаться, даже думать не могли — просто безотрывно смотрели на холодную сталь, направленную острием на них. Из коридора донеслись спешные шаги. Первым показался дворецкий.

— Держите их! — крикнул он тяжеловооруженным охранникам.

Те быстро окружили беглецов и наставили на них мечи.

— Что это значит?! — возмутился Финист. — Позовите госпожу Майли, мы ее гости. Вы не имеете права!

— Мы бы с удовольствием ее позвали, но она умерла. Это вы ее убили! Отравили собственными сонными каплями!

— Что? — голос Финиста дрогнул. Сейчас он выглядел намного более испуганным, чем тогда, когда на них напало оружие. — Но это же смешно, зачем бы нам это понадобилось?

— Это вы скажите. Кому вы служите? По чьему настоянию заявили к нам в замок и так беспощадно расправились с ни в чем неповинной девушкой? Кто из соседей-баронов заплатил вам за это страшное злодеяние?

— Мы не... — начал Финист, но осекся, потому что оружие, все еще висевшее в воздухе пришло в движение — обрушилось прямо на ничего не подозревавших охранников.

Воспользовавшись неразберихой, путники снова пустились в бегство.

— Его держите, предводителя ихнего, остальных потом схватим! — кричал дворецкий своим подчиненным, тем, кто еще мог двигаться после стального шквала.

Герда схватила Дугаву за руку и помчалась к западной галерее, где ночью обнаружила потайную дверь во внутреннем дворике. Ждан, проклиная все на свете, изо всех сил старался от них не отстать. Перевести дух удалось, только когда они оказались на улице.

— Где Финист? — спросила Герда, оглядываясь на своих спутников.

— Кажется, его схватили охранники, — мрачно ответил Ждан. — Придется возвращаться. Он столько раз нас спасал, мы просто не можем бросить его в беде. Знать бы еще, что это за колдунство такое с оружием.

— Не колдунство это, а привидения. Герда предупреждала, а мы ей не верили, — сокрушенно сказала Дугава.

— Да ладно вам, с кем не бывает, — смутилась Герда, но тут же вспомнила о главном: — Надо думать, как спасти Финиста и не попасться на глаза ни охранникам, ни привидениям. Где же нам его искать?

— А тут всего два варианта: либо в подземелье, либо в самой высокой башне, — заключил Ждан.

— Придется разделиться. Дугава, ты осмотришь башню, Ждан спустится в подземелье, а я наведаюсь в библиотеку, — взяла на себя командование Герда. — Хотелось бы понять, что все-таки происходит.

— Только не слишком чтением увлекайся, — предупредила Дугава.

Они вернулись в замок и разошлись каждый в свою сторону.

\*\*\*

Где искать вход в подземелье, Ждан не знал. После долгих бесцельных блужданий, он вышел в главный холл, где на них напали привидения, а потом и охранники. Только сейчас тут никого не было. Лишь на полу красовались пятна еще не до конца высохшей крови. Ждан покрутился на месте, вспоминая, откуда пришли охранники, и свернул в темную узкую галерею, которая вела куда-то на юг. Идти пришлось долго. Ход петлял и извивался, но ни одной двери или развилки видно не было. Ждан точно знал, что тоннель ведет вниз глубоко под землю. Финист говорил, что левитаторы должны обладать очень хорошим чувством направления, но так как он, Ждан, большой болван, то просто не может им воспользоваться. А вот сейчас почему-то смог. Отключился от мыслей о даре и ощутил где-то на уровне интуиции. Нельзя сказать, что Ждан сильно радовался этому свершению, но все-таки хоть что-то хорошее нашлось в премерзкой ситуации.

Вскоре в конце тоннеля забрезжил свет факелов. Ждан обрадовался — в темноте ему было сильно не по себе, к тому же от затхлого запаха становилось тяжело дышать. Он ускорил шаг и к огромному своей облегчению вышел в подземелье. Темница и в самом деле находилась там — вдоль стен шло порядка двух десятков зарешеченных келий для содержания пленников. Странно, но даже здесь не было никакой охраны. У двери на гвозде висела связка ключей. Ждан снял ее и сунул в карман.

— Финист? — шепотом позвал он, боясь привлечь ненужное внимание. — Финист?

— Здесь, — донеслось из глубины темницы. Ждан поспешил вперед. Судя по всему, Финист был единственным заключенным, и заперли его в самой дальней келье. Наверное, боялись, что сбежит. Когда Ждан нашел его, тот сидел на полу, обхватив прутья руками.

— Чего расселся? — разозлился Ждан. — Обратись в сокола и выбирайся.

— Спасибо, умник, думаешь, я не пытался? — в том ему ответил Финист. — Мой дар ослабел.

— Почему? Не важно, давай я тебя спасу, а потом уже будем соображать, что к чему.

— А кто тебя спасет, герой? — Финист указал на что-то, что находилось за спиной Ждана.

Тот резко обернулся. В локте от него застыла алебарда. Ждан испуганно сглотнул и дрожащими руками попытался отпереть келью, попутно оглядываясь на маячившее у лица острие. Оно так и норовило впиться ему под лопатку или в плечо. Постоянно приходилось уклоняться. Ключ к замку подобрать оказалось не так-то просто — все они были абсолютно одинаковыми, а подошел, как назло, только последний. Пока Ждан возился, алебарда уже начала нетерпеливо раскачиваться из стороны в сторону. Когда дверь открылась, оружие ринулось на Ждана с такой скоростью, что он от страха заскочил в келью к Финисту и забыл ключ в замке. От удара об притвор дверь зашаталась, ключ выпал и с оглушительным звоном поскакал по полу.

— Болван! — от досады Финист прикрыл лицо рукой.

Алебарда злорадо заскрежетала по каменной стене и быстро юркнула в угол. В коридоре показался охранник. Заглянув в келью к заключенному, он громко рассмеялся:

— О, кажется, мышка сама забежала в клетку!

Он снова запер дверь и устроился рядом с решеткой на табурете, чтобы сторожить их.

\*\*\*

Дугава обнаружила самую высокую башню довольно быстро. Побродив немного по коридорам, она натолкнулась на спрятанную за шторой дверь, за которой оказалась галерея, ведущая в северное крыло замка, где Дугава и рассчитывала найти ту самую башню. Галерею

украшали развешанные по стенам потемневшие портреты предыдущих хозяев замка. Люди, изображенные на них, все как на подбор были худощавыми и бледными с одинаковыми угрюмыми, немного сумасшедшими взглядами. Стало очень неудобно. Не отталкивал лишь последний портрет красивого молодого человека с темными кучерявыми волосами и широкой открытой улыбкой. От него просто веяло романтикой и сердечной теплотой. Дугава даже смогла прочесть сохранившуюся табличку. «Петрас Гедокшимска» было вырезано на ней. Герда снова оказалась права: старыми хозяевами замка действительно был древний род Стражей. Все внутри: от этих портретов, до потайных ходов и спрятанных дверей — напоминало о них.

Поняв, что находится в древней твердыне Стражей, которые помогали, а не преследовали таких, как она, Дугава ободрилась, и с решимостью подошла к крутой лестнице. Откуда-то сверху доносились едва различимые голоса. Собрав волю в кулак, она начала взбираться, уговаривая себя, что привидения разговаривать не могут. На подходе к одному из пролетов она заметила тени двух человек и тут же спряталась в сужающуюся нишу окна.

— Поймать удалось только одного, ваше сиятельство, — Дугава узнала голос дворецкого. — Трое еще рыщут по замку.

— Вот ведь демоны принесли на мою голову. Если бы эта девка не совала нос куда не следует, мы бы спокойно могли отпустить их восвояси и не отвлекаться от главной задачи.

Голос у второго был незнакомый, властный и жесткий, а выговор такой же певучий и протяжный, как у Майли и Герды. Дугаве пришлось выглянуть из ниши, чтобы рассмотреть лицо. Говорившим оказался человек с портрета, Петрас. Несмотря на возраст, он оставался все также красив. Даже глубокие морщины вокруг глаз, большой шрам на лбу и седые волосы совершенно не портили его, а наоборот добавляли таинственной зрелой привлекательности.

— Не понимаю, почему мы не могли расправиться с ними сразу? Они же бродяги, по всему видно, — продолжал говорить дворецкий. Петрас молча смотрел куда-то вдаль. — А девчонка эта... так она вообще на ведьму похожа, на ту, помните, которую Голубые Капюшоны здесь казнили. Кажется, они ее Норной называли.

Петрас вздрогнул.

— Что с вами, ваше сиятельство?

— Все в порядке. Старею просто, сердце прихватило.

— Да что вы, ваше сиятельство, вы совсем еще не стары. Вам еще жить и жить, кто ж кроме вас план этот хитроумный в действие сможет привести? Не время вам о старости думать!

— Ты прав. Я слишком долго ждал и слишком многим пожертвовал, чтобы отступить в шаге от успеха.

Петрас закрыл глаза и замолчал, как будто к чему-то прислушиваясь.

— В нише, — сказал он.

Дугава вжалась в стену. Дворецкий удивленно уставился на Петраса. Видя, что слуга медлит, господин сам подошел к окну и схватил ее за руку. Дугава громко пискнула и попыталась укусить его, но тот с поразительной легкостью извернулся, заломил ей руки за спину и вытащил на пролет. Она уже не кричала, а тихо скулила то ли от боли, то ли от страха, а скорее от того и другого одновременно.

— Мы никого не убивали, — попыталась оправдаться она. — И нам нет дела до ваших ритуалов. Отпустите Финиста, и вы больше нас не увидите.

— Поздно, деточка, — нарочито ласково ответил Петрас. — Вы слишком сильно увязли, дороги назад уже нет ни для кого из нас.

Он повернулся к дворецкому:

— Вот видишь, их осталось всего двое. Иди, не заставляй меня выполнять всю работу за тебя. Я еще должен подготовиться к ритуалу.

— Извините, ваше сиятельство. Конечно, ваше сиятельство.

\*\*\*

«Откуда в замке столько привидений? — размышляла Герда по дороге в библиотеку. — И что за странный ящик сюда принесли этой ночью? И, главное, что стряслось с Майли? Когда я уходила, с ней было все в порядке. Да, она была расстроена из-за Финиста, и я ее понимаю, но все же... Что могло произойти? Странно, что тут стало так безлюдно. Но это как раз кстати, учитывая, что нас хотели схватить и посадить в темницу вместе с Финистом».

В библиотеке тоже никого не оказалось. Герда снова начала перебирать книги, силясь найти ту, в которой видела рисунки со стеклянного ящика. И это удалось. В этой книге говорилось о том, как подчинить неуспокоенные души. Ящик же служил своего рода ловушкой для этих душ — стоило только призрачной материи попасть в поле действия заклятий, записанных в тех самых непонятных знаках, как она оказывалась заключенной в клетку. Видимо, светящийся дым и был сгустком призрачной материи. Выходило, что кто-то отлавливает привидений и специально привозит их сюда. Может, это как раз то, о чем говорил Финист — замок вытягивает энергию из земли, чтобы держать в плену безумное количество неуспокоенных душ, вот только зачем? Ведь это как зажженную шутиху в руке держать — нет-нет, да опалит так, что потом не заживет никогда.

Герда листала книгу дальше. В следующей главе говорилось о каком-то ритуале, способном наделить творившего силой управлять легионами призраков. Для этого надо накопить девятьсот девяносто девять душ, построить специальный алтарь и, когда на небе появится кровавая луна, возложить на него нераспустившийся бутон черной розы.

Герда задумалась. Она никогда не слышала про розы черного цвета: красные, белые, желтые, сиреневые, даже фиалковые — если не видела, то читала про них. Но никто и никогда не упоминал черные розы. И что означает кровавая луна? Герда смутно помнила, как старики в Дрисвятах рассказывали про ночь живых мертвецов, когда луна умывается кровью и по земле несется Дикая Охота мертвецов, сметая все живое на своем пути. Только как луна может умыться кровью? Герда решила не мучиться, а поискать лунный календарь, ведь явления, связанные с той стороной, часто зависели от возраста луны.

Календарь нашелся достаточно быстро. Герда открыла его на странице, где были указаны ближайшие даты. Все правильно, сегодня полнолуние. В полнолуние привидения особенно опасны. Рядом на полях стояла небольшая приписка: “Затмение”. Герда хлопнула себя по лбу. Ну конечно, во время затмения луна становится кроваво-красной! Это и есть ночь мертвецов. Ритуал должен быть проведен именно сегодня, но что такое эта таинственная черная роза?

Вдруг послышался какой-то шум, но на этот раз Герда была готова. Не дожидаясь, пока сорвавшийся со стены меч приблизится к ней на опасное расстояние, она кинулась к приметному шкафу и начала перебирать книги, силясь найти ту, которая открывала потайную дверь. «По ту сторону», — прочитала она на одном корешке, дернула, и шкаф повернулся. Герда снова стояла посреди длинного темного коридора, ведущего в пустоту.

Она повторила путь до развилки и там, найдя на стене оставленную в прошлый раз отметину, решила выбрать другую дорогу. Пошла в среднюю галерею, но через десять минут уперлась в завал. Герда пригорюнилась: уж очень не хотелось возвращаться в комнату для гостей через кабинет с зеркалом. Слишком непонятные чувства вызывал тамошний портрет Стражей, наподобие страха и тоски по чему-то давно ушедшему.

Вернувшись обратно, Герда направилась в левый коридор — он был самый темный и узкий. Идти пришлось долго, еще дольше, чем в первый раз. Здесь тоже часто встречались завалы, но до потолка они не доходили. Ползком преодолевая кучи камней, Герда медленно продвигалась вперед. К тому моменту, как в конце тоннеля забрезжил слабый свет, она успела протереть одежду в нескольких местах и рассадить руки.

Отряхнувшись, Герда пошла на свет. Он лился из узкого прохода, за которым находился большой зал. Стены, потолок и пол были полностью покрыты зеркалами с надписями, сделанными углем. В центре в неглубокой выемке стоял тот самый ящик, который несли таинственные люди ночью. Герда подошла к нему и опустилась на колени, чтобы лучше разглядеть клубившийся внутри дым. Наверху с двух сторон обнаружились защелки.

Действуя по наитию, Герда положила на них руки. Раздался громкий щелчок. Стекланную крышку ящика будто ножом разрезали. Две половинки разъехались в стороны. Испугавшись, Герда отступила на пару шагов. Пол начал вращаться, а потом и потолок. Зеркала на стенах тоже пришли в движение, закрутились вокруг своей оси и по открывшимся в полу желобкам двинулись к ящику. Они быстро окружили выползавший из открытой стеклянкой коробки дым.

Раздался душераздирающий крик. Герда хотела бежать, но зеркала окружили и ее тоже, поймав в плен из стекла и отражений. Она видела, как мелькал проход, но зеркала кружились так быстро, что если бы она попыталась пройти, они бы, наверняка, разрубили ее на части. Собственные отражения двигались в бешеном хороводе. Паника нарастала в груди, как снежный ком. Даже дышать стало трудно.

Неожиданно в одном из зеркал отражение изменилось. Внутри показалась та самая женщина с мышастыми волосами с картины. На руках она держала тощего кота, ее несносного рыжего кота! Герда протянула к нему руки. Незнакомка печально улыбнулась и, не отпуская животное, показала куда-то в сторону. Зеркала там на мгновение замирали, и можно было проскочить, если улучить момент. Незнакомка подняла раскрытую ладонь, а потом медленно начала загибать пальцы. Как только последний, указательный, оказался согнутым, Герда что было силы ринулась к проходу, и, проскочив мимо вращающихся зеркал, покатила по полу.

Тяжело дыша и обливаясь липким потом, она обернулась — за ее спиной осталась лишь черная стена. Герда испуганно сглотнула: впереди было так темно, что хоть глаз выколи, а назад дорога отрезана. Что если там, за поворотом очередной тупик или обвал? Тогда придется остаться здесь навсегда!

Издали доносились странные звуки, будто кто-то плакал или всхлипывал. Значит, все-таки, что-то там было. Герда пошла на звук и вскоре оказалась у небольшой распахнутой настежь двери. Внутри находилась маленькая келья с деревянным настилом, накрытым периной и подушками. На них лежала темноволосая девушка в белоснежной сорочке и громко стонала.

— Майли? — не поверила своим глазам Герда. Девушка перестала плакать и испуганно уставилась на нее.

— Т-ты что здесь делаешь? — спросила она, с трудом взяв себя в руки.

— Тебя ищу. Твои люди решили, что ты умерла, и обвинили в этом нас.

— А ты уверена, что я жива? Что мы живы?

— Конечно, Майли, ты что?

— Я выпила целый пузырек сонного зелья. Хотела заснуть так крепко, чтобы больше никогда не просыпаться одной. А потом появились все эти странные люди. Они притащили меня сюда, к маме. Здесь была моя мама, представляешь? Я говорила с ней. Она просила, чтобы я больше так не расстраивалась из-за пустяков и постаралась забыть того, кто причинил мне столько боли. Но... моя мама умерла. Мы похоронили ее на кладбище за холмом. Я не понимаю, как я могу ее видеть. И еще этот странный тип. Чего он от меня хочет?

Герда оглянулась по сторонам и непонимающе уставилась на Майли.

— Ты о чем? Здесь никого нет.

— Как нет? Вот же он, сидит тут, рядом с нами. Как ты можешь его не видеть?

— Ты просто перенервничала, выпила какую-то гадость, вот и видится теперь всякое.

Герда взяла ее за руки, чтобы ободрить, и тут же ощутила замогильный холод. Над ней нависла черная тень. Герда подняла голову. Закутанная в длинный плащ фигура молча сидела на кровати возле Майли, словно чего-то ждала.

Еще больше пугало странное шевеление в углу.

— Опять начинается, — простонала Майли, натягивая повыше одеяло.

Прямо из стены появились полупрозрачные фигуры, самой яркой из которых была красивая женщина в пышном белом платье.

— Мама, — одними губами прошептала Майли.

— Привидения, Майли, это привидения. Они не живые! — испуганно вскрикнула Герда и, вскочив с кровати, попыталась потащить Майли за собой. — Надо убираться отсюда, слышишь?!

Призрачная женщина, мягко улыбаясь, подплыла к Майли. Та будто приросла к постели.

— П-привидений не бывает. Это бред сумасшедших, — странным безучастным голосом сказала хозяйка замка. — Мы все сошли с ума.

— Бежим, слышишь, бежим! — кричала Герда, безуспешно пытаясь сдвинуть ее с места. — Не сходи с ума. Привидения еще никому ничего хорошего не приносили!

На затылок упало что-то твердое и тяжелое. Герда как подкошенная рухнула на пол.

— Т-ты? — клацая зубами, спросила Майли. — Ты тоже п-привидение?

## ===== Глава 12. Черная роза =====

В гнилой соломе на полу неуютно шуршали мыши. На табурете у кельи храпел во всю глотку караульный. Воздух смердел затхлой сыростью и нечистотами.

— Теперь нас сожгут! — причитала Дугава, обхватив кованые прутья руками.

— Скорее повесят. Убийц и разбойников обычно вешают, — хмуро возразил Ждан, подпирая собой решетку рядом с иллюзионисткой.

Финист лежал на деревянной лавке, подперев голову руками, и самозабвенно изучал покрытый многолетней плесенью потолок. “Как я мог так проколоться? Завел всех напрямиком в ловушку. И ведь знал, что здесь творится неладное, а все равно поддался соблазну поспать на пуховых перинах и шелковых простынях. Тупица!”

— Не понимаю, почему мастер Петрас заодно с ними, — из головы Дугавы, похоже, никак не шла встреча с последним из рода Гедокшимска. — Ведь я видела его портрет в галерее предыдущих владельцев Будескайска, Стражей. Может, это какая-то хитрость. Может, он потом нас отпустит, когда все немного поуляжется. Ведь почему-то он не позволил дворецкому убить нас с самого начала. Значит, не все потеряно.

— Я бы на это не рассчитывал, — отозвался Финист. Не хотелось их разочаровывать, но, наверное, наставник обязан давать своим ученикам и такие тяжкие уроки: — Даже в те времена, когда Стражей не преследовали, не все из них были хорошими. А эти Гедокшимска, мне про них еще бабка рассказывала. Точнее, не про них, а про Главу Стражей Кундии: она не знала его родового имени, но все указывает на то, что это именно он — владелец этого замка. Помните ту скверную историю, из-за которой вся западная окраина Веломовии на восстание поднялась?

— Да мало ли, тогда весь Мидгард бунтовал, — почесал затылок Ждан. — Кажется, Голубые Капюшоны слишком жестоко расправились с каким-то отступающим отрядом, не потрудившись даже устроить им видимость правосудия.

— Именно. И произошло это не где-нибудь, а здесь. В те времена у нас уже начались гонения на Стражей, а на границе с Кундией жил какой-то очень важный человек. Не знаю, что в нем было особенного, но Стражи очень боялись, что он попадет в руки Голубых Капюшонов и приложили все усилия, чтобы переправить его в Норикию. В сопровождение ему собрали большой отряд. Мой отец был среди них. С огромным трудом им удалось пробиться в Кундию, где они должны были остановиться на несколько дней, чтобы передохнуть в замке главы Стражей этой страны — с ним обо всем договорились заранее. Но здесь отряд уже ждали Защитники Паствы. Это он, последний из Гедокшимска, предал их, доложив обо всем в веломовский епископат.

— Зачем он это сделал? — ужаснулась Дугава.

— Не знаю. Может, у него были личные счеты с кем-то из отряда, а, может, просто жизнь свою спасал, кто сейчас скажет? Так вот, здесь произошло что-то ужасное. Всех убили в кровавой бойне, назад только мой отец вернулся. Он после этого стал сам не свой, молчаливый, угрюмый. Все планы вынашивал, как Заречье от единоверцев освободить, потому что, говорил, нелюди они, и демонам, самым худшим из них, поклоняются. А когда народ у нас зашевелился, он в первых рядах на восстание пошел. За это его и сожгли в Стольном на главной площади вместе с мамой моей — они везде, даже на войне неразлучны были.

Финист замолчал — в горле ком стал, едва он вспомнил родителей. И родную землю, некогда плодородную и благодатную, а теперь разоренную, сожженную дотла на таком же костре, какой поглотил его семью.

— Да... — после долгой паузы заключил он. — Не все Стражи были идеалом доблести и благородства, какими их пытается изобразить компания Норн. Далеко не все из них были достаточно сильны и тем более умны, иначе они бы не проиграли.

— Так что стало с человеком, которого они везли в Норикию? — Ждана распирало от любопытства, но Финист лишь пожал плечами.

— Мой отец дал клятву молчать и так и не открыл никому этой тайны. Единственный, кто может знать, что тогда случилось — последний из Гедокшимска.

Финист снова замолчал, погрузившись в мрачные раздумья. Надо было найти хоть маленький шанс освободиться. Не может быть, чтобы они зашли так далеко и потерпели



неудачу сейчас, когда до Лапии осталось рукой подать. Наверное, так же чувствовали себя члены отряда Стражей, когда их застали врасплох Защитники Паствы. Ожидание казалось мукой хуже смерти. Финист встал и принялся нервно расхаживать из угла в угол. Должен же быть какой-то выход. Если бы только удалось обернуться.

Ждан устал подпирать собой решетку и уселся на солому. Дугава тоже сдалась и отошла от прохода.

— Хотя бы Герду не поймали, — сказала она, устраиваясь рядом со Жданом на соломе. — Она умная, может, придумает, как нас освободить.

— Я бы и на это не рассчитывал, — мрачно заметил Финист, выглядывая в проход. Оттуда доносились шаркающие шаги.

— В вашу клетку прибыло, крысята, — ухмыльнулся показавшийся в коридоре дворецкий. Он отпер дверь кельи и бесцеремонно впихнул туда упирающуюся Герду.

— Поаккуратней можно?! — возмутилась она, повалившись на Ждана с Дугавой от его толчка.

— Ого, ничего себе шишка! — воскликнул Финист, проверяя, все ли в порядке. — Как тебя угораздило?

— Кто-то ударил сзади, я не видела, — она поморщилась от боли, коснувшись затылка.

— Вот теперь нам точно несдобровать, — Ждан уже готов был биться головой об решетки. — И угораздило тебя, Финист, спасти эту Майли. Теперь всем головой ответить придется.

— Кстати о Майли, я ее видела. Она жива. И дворецкий прекрасно об этом знает. Они держат ее где-то в потайном ходе под замком, а привидения ее сторожат. Я сама их видела. Они были такие странные, полупрозрачные, бррр!

Финист перестал бродить по келье, как разъяренная саблезубая кошка, и задумчиво уставился на Герду. Может, стоит сознаться? Какой толк от тайн, если сегодняшний день никто из них не переживет, а так у нее хотя бы будет шанс. Если, конечно, Петрас действительно в сговоре с Голубыми Капюшонами, а не просто помешался от горя. С медиумов станется.

— А еще я нашла книгу, в которой описан один ритуал. Вот, — она достала из-за пазухи захваченный из библиотеки томик и начала читать: — «В ночь кровавой луны возложи на алтарь смерти нераспустившийся бутон черной розы и с последней каплей ее крови ты обретешь власть над непобедимой армией бессмертных воинов». Понимаете? Кровавая луна — это затмение. Оно будет этой ночью. Кто-то собирает армию привидений! Знать бы еще, что это за таинственная черная роза.

Финист громко поперхнулся. Черный — традиционный цвет смерти. А нераспустившимся бутон розы обычно называли... Нет, не может быть, чтобы Гедокшимска рехнулся настолько. Или, может? Тогда Финисту точно живым отсюда не уйти.

— Что с тобой? — встревожилась Дугава.

— В горле запершило, — не слишком искренне ответил он.

Вскоре появился дворецкий с небольшой группой охранников. Это и спасло Финиста от дальнейших расспросов.

— Пришел ваш час, голубчики, — дворецкий снова изобразил зловещую ухмылку. В его исполнении она не выглядела особенно впечатляющей, а вот до зубов вооруженные охранники за его спиной действительно вызывали опасения. — Сейчас вы ответите за все!

— Но мы ничего не делали. Майли жива, и ты знаешь это не хуже нас, — возмутилась Герда.

— Вы думаете, убийство нашей обожаемой госпожи — единственное преступление, которое можно вменить таким... — он прищурился, а потом сплюнул. — Таким колдунам, как вы.

— Это неправда, если кто тут и колдун... — продолжала негодовать Герда. Финист положил руку ей на плечо, чтобы она опомнилась и не говорила больше ничего, потому что это было абсолютно бесполезно.

“Выхода нет. Я один виноват во всем. Я никогда и никого не мог спасти”, — безнадежно подумал он, расписываясь в собственном бессилии.

\*\*\*

Охранники отперли келью и, связав пленникам руки за спиной, повели вглубь замка. Запомнить дорогу по бесконечным потайным переходам с первого раза смог бы далеко не каждый. Их доставили в огромный зал, который, должно быть занимал почти все подземелье. Его освещало множество развешанных по стенам факелов. В центре стояло около дюжины высоких канделябров с горящими свечами. Над ними находился световой колодец — отверстие проходило через весь замок и позволяло видеть небо, сейчас темное с маленькими огоньками-звездами. Близилась полночь, а пленники от суеты прошедшего дня даже не заметили, как пролетело время.

Внутри зала собралась уйма народу: охранники, дворецкий со всей прислугой от мала до велика, даже кто-то из селян, не успевших вовремя сбежать из прилегавших к Будескайску земель. Все взгляды были устремлены к восточной стене, где располагался парадный вход. Чего-то ждали.

Путники шепотом обсуждали происходящее, тщетно пытаясь сохранить спокойствие и подбодрить друг друга. Получалось слабо. Их словно сковало чувством обреченности, но умирать так не хотелось.

Когда зазвонили колокола в замковой часовне, возвещая о наступлении полуночи, широкие кованые двери распахнулись. В зал торжественной походкой вошел Петрас в широкой белой мантии с вышитым золотыми нитками перевернутым анком на спине — знаком некроманта. В руке бывший Страж держал высокий посох из черного дерева с янтарным набалдашником, внутри которого застыл огромный паук.

— После этого они нас колдунами называют? — попытался возмутиться Ждан, но Финист тут же шикнул.

Собравшиеся расступились, образовав живой коридор, ведущий к канделябрам в центре. Петрас торжественно прошествовал по нему и повернулся спиной к свечам.

— Благодарю всех, почтивших меня своим присутствием этой ночью. Сегодня, когда на небе поднимется кровавая луна, вы станете свидетелями того, как здесь, в стенах этого проклятого замка староверов родится сила, которая принесет праведное возмездие тем, кто пришел на нашу землю с огнем и мечом, тем, кто обирал нас, лишая самого дорогого, тем, кто не знал жалости к нашим детям, тем, кто отравил нашу веру и наши души. Да свершится возмездие во имя бога нашего Единого!

— Во имя Единого! — вторила толпа. — Избавьте наши земли от колдунов! — добавляли одни. — Долой староверов с их дикими обычаями! — кричали другие. — Проклятье, пусть снимут проклятье с Будескайска! — третьи оказались самыми громкими.

Петрас расправил плечи и воздел посох.

— Да свершится возмездие. Да восстанут мертвые из пепла и тлена. И служат мне, как единственному повелителю своему.

Некромант три раза ударил посохом об пол, и на нем тут же начали загораться бесчисленные пентаграммы, словно светящаяся жидкость растекалась по прочерченным на камне желобкам. Стало так холодно, что мороз обжигал дыхание, а в кожу впивались сотни иголок. Пленники сбились в кучу, прижавшись друг к другу спинами от страха. Раздался громкий хлопок. Он оглушил и ослепил их на мгновение. Но когда они все же решились открыть глаза, все люди вокруг лежали мертвыми.

— Что случилось? — ужаснулась Дугава.

— Похоже, он решил объявить массовый набор в армию мертвецов и рекрутировал всех присутствующих, — тихо ответил Финист и брезгливо сплюнул: — А эти глупцы верили, что он их спаситель.

Похоже, жалости к погибшим он совсем не испытывал. А вот у Герды сердце стянуло от омерзения и страха. Как мог Страж вести себя настолько вероломно и гнусно? Как он мог убить доверившихся ему людей? Он ведь давал нерушимую клятву защищать невинных. Так писали во всех книгах!

— Почему тогда нас в живых оставил? — подал голос Ждан.

— Может, совесть замучила, — удивительно, как даже при тяжелых обстоятельствах, Финисту удавалось сохранить саркастичный настрой. — А скорее он припас для нас что-нибудь похуже смерти. Для меня так уж точно.

— Что же нам теперь делать? — испуганно пробормотала Дугава.

Финист угрюмо молчал. Похоже, он совсем потерял надежду. Может, снова начать молиться Единому? Жаль, что никто из них не верит так истово, как Майли. Наверное, умирать, зная, что на другом берегу тебя ждет беззаботная блаженная жизнь, было бы не так страшно.

Петрас, который все это время пребывал в глубоком трансе, очнулся и с удовлетворенным видом осмотрел результат своей работы.

— Что ж, вы хотели злого колдуна, так получите теперь самого худшего из них, — он обращался скорее к мертвым, чем к живым, безумно при этом улыбаясь. Его глаза стали совсем шальные, сквозь них проглядывала горечь многолетних страданий и одиночества, изуродовавшая этого некогда привлекательного человека. Он чем-то напомнил Ягиню, Хозяюку леса: такой же потерянный, опустошенный, смертельно уставший. Жажда мести — единственное, что двигало им сейчас.

Петрас перевел взгляд на пленников:

— Не бойтесь. Много лет назад я дал себе зарок, что не пролью больше крови Стражей, если на то не будет крайней нужды.

— Что-то мне говорит, что она вот-вот настанет, — пробормотал себе под нос Финист. Герде хотелось положить руку ему на плечо и как-то утешить, но руки были связаны.

— Сегодня вы будете моими гостями на пиршестве смерти. Смотрите, ночь мертвецов вот-вот наступит, — продолжал пафосно вещать Петрас.

Пленники подняли глаза. В отверстии на потолке показался краешек луны. Некромант раздвинул канделябры и прошел вперед к горе из человеческих черепов. Вначале она показалась стихийным нагромождением, но, приглядевшись, Герда поняла, что это алтарь — высокий стол, длинной в человеческий рост. К нему была прикована девушка, странно похожая на огромную черную розу на длинном белом стебле. Сорочка прилипла к мокрому

от пота телу. Черные кудри разметались по алтарю, приняв форму бутона. Не сдержав любопытства, Герда подались вперед и обмерла от ужаса. Жертвой оказалась Майли. Ее глаза были плотно закрыты, а губы едва заметно подрагивали во сне. Петрас мягко коснулся ее плеча. Глаза девушки резко распахнулись.

— Отец? — едва слышно позвала она хриплым ото сна голосом.

— Отец?! — эхом повторили Герда, Дугава и Ждан, ошалело переводя взгляды с Петраса на Майли и обратно. Герда никак не могла поверить, что это правда. Только Финист молча смотрел на некроманта с дочкой с печальной улыбкой на устах.

— Да, я ее отец, Петрас Кшимска, хозяин Будескайска, глава Стражей Кундии, истинный медиум.

— Но... почему Защитники Паствы оставили вас в живых? — удивилась Герда.

— Да потому, что он продал им своих товарищей, так, последний из Гедокшимска? — с ожесточенностью и презрением ответил Финист за него.

Некромант недовольно скривился:

— Тогда нельзя было иначе. Я думал, что поступаю правильно, я не знал... не понимал, чем это может обернуться, но теперь я все исправлю. Теперь у меня хватит сил, чтобы стереть единовержческую заразу с лица Мидгарда.

— Отец, что ты такое говоришь? — признание Петраса стало для Майли такой же неожиданностью, как для остальных известие, что он ее отец. — Мне сказали, что ты умер, что я должна покинуть монастырь, чтобы сохранить наши земли и отдать дочерний долг.

— Дорогая моя Майли, я умер задолго до твоего рождения, в тот день, когда пожал руку Голубым Капюшонам и согласился на их коварный план. А долг ты мне свой отдашь совсем скоро, я тебе это обещаю.

Герда мелко задрожала. Неужели он собрался принести в жертву собственную дочь, свою плоть и кровь? Это невыносимо! Он больше не Страж, он просто сумасшедший. Эта мысль помогла ей смириться. А вот Майли, похоже, этого еще не поняла и продолжала взывать к его разуму:

— Но как же все, чему ты меня учил? Как же мама? Она ведь тоже верила в Единого. Ты так любил ее, любил нас, заботился, я же помню.

— Заботился... — голос Петраса дрогнул. Лунный свет упал на его лицо, и стало заметно, как на его лбу между глаз залегла глубокая морщинка. Ему понадобилось время, чтобы собраться с мыслями и говорить дальше. — Я жил только ради этой ночи, дорогая. Ты моя маленькая черная роза, которую я, как рачительный садовник, пестовал все эти годы. Но чтобы заручиться поддержкой армии мертвецов, я должен принести жертву. Мне очень жаль, но ей можешь стать только ты.

Майли испуганно выдохнула и отчаянно дернула руками, чтобы освободиться, но веревки держали слишком крепко. Петрас печально улыбнулся и достал из-за пазухи острый кинжал.

— Не-е-ет, — закричала Майли. Глаза ее в этот момент стали такими же сумасшедшими, как у отца. — Остановись, они все просят, чтобы ты остановился. Ты мучаешь их. Ты мучаешь маму, она хочет, чтобы ты отпустил их. Здесь им невыносимо больно.

— Я не могу. Прости, я должен это сделать, должен исправить свою ошибку и спасти Мидгард от врага. Час возрождения близок. Если я остановлюсь, то страдать будут все: и мертвые, и живые. И то, что они испытывают сейчас, не сравнится с теми муками, которые

им предстоят, если я потерплю неудачу.

Петрас снова погрузился в транс и принялся нараспев читать какие-то стихи, перемежая их непонятными словами на языке мертвых.

Герда поникла. Хотелось плакать и жалеть себя. Даже стоны Майли и мертвые тела вокруг перестали ее волновать.

— Только не реви, я сейчас тебя развяжу, — прошептал над самым ухом голос, который Герда уже не чаяла услышать. Возникший невесть откуда кот принялся грызть веревки, которые связывали ее руки.

— Отсюда все равно не убежишь. Привидения не выпустят, — грустно вздохнула она, хотя на душе стало чуть теплее. — Финист даже обернуться не может.

Кот покосился на их предводителя и заметно скривился. Тот словно находился в каком-то ступоре, никого вокруг не замечая.

— Все он сможет, как только слюни перестанет пускать, — зашипел кот, окончательно разорвав путы на руках Герды. — Развязывай остальных, а птичьего болвана предоставь мне.

Пришлось согласиться, ведь другого плана у нее не было. Герда придвинулась к стоявшему возле нее Ждану и принялась развязывать его веревки, краем глаза наблюдая за котом и гадая, что он будет делать. Тот вцепился когтями в штанину Финиста, быстро вскарабкался ему на плечо и вкрадчиво зашептал:

— Перестань жалеть себя и соберись. Подумай. Я знаю, ты привык доверять инстинктам, а не собственному разуму, но сейчас они тебя подводят. Этот некромантишка ничтожная букашка по сравнению с тобой. Даже в своей вотчине он не может блокировать твою силу. Ты себя ограничиваешь сам.

Финист вскинул голову и широко распахнул глаза, словно слышал его.

— Ты же сам знаешь, он уже проиграл, — продолжил говорить кот, видя, что этого недостаточно. — Невероятно дурацким, нелепым способом, но ты сокрушил все его планы. Осталось лишь добить. Заставь его потерять концентрацию.

Финист странно запрокинул голову. В его глазах клубился колдовской туман.

— Давай же! Я не хочу ломать печати сейчас! — в отчаянии выкрикнул кот.

Финист дернулся и моргнул. Его взгляд стал таким же ясным и решительным, как прежде.

Луна полностью зашла в световой колодец. На нее потихоньку напозла тень, похожая на вуаль, сквозь которую сочился тусклый темно-бордовый свет, похожий на кровь.

«А вот и затмение. Что сейчас будет?», — отрешенно думала про себя Герда, освободив Ждана и Дугаву. Кот спрыгнул с плеча Финиста и замер возле нее.

— Пора приступать, — объявил Петрас. — Время уходит.

Он взял Майли за руку и полоснул острым лезвием по ее запястью. На алтарь упали багровые капли, точь-в-точь такие, какой сейчас была луна. Белая кость впитала кровь без остатка. Все затаили дыхание. И... ничего не произошло.

Некромант удивленно сдвинул брови, сжал руку дочери и попытался выжать из раны как можно больше крови. Алтарь поглощал ее все с той же неутолимой жаждой, но привидения продолжали безмолвствовать. Петрас остановился, только когда Майли в голос застонала от боли. Несколько мгновений некромант пожирал тело собственной дочери глазами, а потом хлопнул себя по лбу.

— Майли, разве ты можешь видеть мертвых? — девушка слабо кивнула, не переставая стонать. — Но для этого ты должна была познать мужчину. Я же отправил тебя в монастырь,

чтобы твоё целомудрие хранили, как зеницу ока единоверцы! Когда ты?.. Кто посмел?!!

Майли густо покраснела и отвернулась, насколько это было возможно, учитывая, что к алтарю её привязали очень туго. Финист расхохотался в голос. Громко, раскатисто, зло. Под стать самому некроманту. Петрас перевел на него ошалелый взгляд.

— Ты?! Ты совратил мою дочь? — его буквально колотило от ярости. — Ты заставил бутон чёрной розы распуститься раньше срока!

— Не то чтобы это было очень трудно, — Финист явно издевался.

— Я так долго ждал, а ты... ты всё испортил. Труд всей моей жизни! Ты за это заплатишь, — прошипел он сквозь зубы и вскинул посох.

— Бегите! — крикнул Финист.

Каким-то невероятным образом ему удалось обернуться. Сокол с яростным кличем кинулся в лицо Петрасу. Некромант, отбиваясь, ударил посохом об пол и произнес что-то непонятное. Птица неловко взмахнула крыльями и упала. Перья начали облезать с колотящегося в судорогах тела. Герда в ужасе приложила руку ко рту. Не вышло! Финист снова становился человеком! Хотелось подбежать к нему и помочь, но стоило сделать шаг, как ноги оторвались от пола, и она повисла в воздухе. Горло начала сдавливать невидимая петля. Каждый вздох давался с большим трудом. Рядом точно так же трепыхались Дугава со Жданом. Финист уже превратился и, тяжело дыша, распластался на животе.

— В этих стенах я неуязвим, — усмехнулся стоявший над ним Петрас. — Тридцать лет назад я один перебил целый отряд Стражей, а тогда я был молод и не обладал и десятой толикой знаний, которыми располагаю сейчас. С чего ты, презренный червь, решил, что сможешь меня одолеть?

Финиста резко перевернуло на спину.

— С того, что тогда ты перебил не всех, — прошипел он сквозь стиснутые зубы. — Мой отец спасся, значит, и я смогу!

— Тот паскудный соколенок? — Петрас задумчиво коснулся шрама на лбу. — Какая злая ирония! Досадная случайность стоила мне тридцати лет тщательно вынашиваемых планов.

Некромант снова потерял концентрацию, увлекшись собственными воспоминаниями. Финист дернулся, пытаясь высвободиться, но его придавило к полу чем-то невидимым и начало тянуть в разные стороны, как на дыбе. На теле вздулись желобки вен. Из уголка рта потекла тоненькая струйка крови.

— Сейчас ты за всё ответишь. И за себя, и за отца, — Петрас поднял посох. Глаза Финиста вылезали из орбит. Раздался сдавленный хрип.

— Нет! — эхом пронёсся по залу иступленный крик Майли.

Всех мигом отпустило. Финист молниеносно перевернулся обратно на живот и на коленях быстро-быстро пополз к своей одежде. Висевшие в воздухе Герда, Дугава и Ждан, одновременно взмахнув руками, упали на пол.

— Живей к Майли! — скомандовал кот. — Помоги ей перехватить контроль над призраками.

Герда не понимала, чего он хочет, но решила не спорить и со всех ног побежала к алтарю — рыжая бестия каким-то чудесным образом умудрялась находить выход даже там, где его и вовсе быть не должно.

— Нет-нет, на этот раз уйти никому не удастся, — Петрас полоснул по руке ножом и вылил пригоршню собственной крови на янтарный набалдашник посоха. — Слушайте меня,

я ваш истинный повелитель, моя кровь гуще, чем у этой сопливой девчонки!

Пока он говорил, Финист успел добраться до своей одежды. Натянул исподнее и нашел рыцарский анк, отгоняющий мертвецов. Его призраки не тронули, но Ждан с Дугавой снова повисли в воздухе, и глотали ртами воздух. Финист ринулся к ним.

— Дешевыми трюками меня не победить! — крикнул вдогонку Петрас.

Ждана с Дугавой словно ветром подхватило и понесло в сторону от Финиста. Они продолжали задыхаться.

Герда застыла в полушаге от алтаря, силой пытаясь преодолеть расстояние, отделявшее ее от алтаря. Ее со всей силы тянули назад, хватали за руки и за ноги, но она не сдавалась и продолжала двигаться. Вырвав руки из невидимых клешней привидений, она принялась развязывать Майли. Услышав за спиной громкий шум, Герда невольно обернулась: Ждан ударился спиной о стену и бесчувственным телом рухнул на пол. Дугаву тоже приложило об камни, но не так сильно. Она все еще была в сознании, но продолжала задыхаться, бессильно размахивая руками.

— Останови это! — в отчаянии крикнула Герда, когда отвязала последнюю веревку от руки Майли. — Иначе они убьют нас всех, даже тебя, даже Финиста!

— Я не могу, — дочь некроманта свесилась с алтаря и безвольно скатилась вниз. — Я не понимаю, как сделала это в первый раз.

— Но... просто прикажи им, попробуй!

На дрожащих ногах Майли попыталась встать и слабым голосом сказала:

— Повелеваю, остановитесь, не причиняйте им зла!

Ничего не произошло, только Петрас криво усмехнулся и повернулся к дочке:

— Это бесполезно. Теперь они подчиняются только мне. Моя кровь гуще твоей. В нашей семье долгое время накапливался дар Стражей за счет династических браков, и только ты была рождена от матери без дара. Не надейся, что сможешь сравняться со мной.

— Не слушай его! — в ужасе воскликнула Герда, видя, как тела ее товарищей снова взмыли в воздух и полетели к другой стенке, а Финист из последних сил бросился на Петраса, чтобы хоть как-то ослабить его. Герда схватила Майли за руку:

— Давай попробуем вместе, как тогда в хижине с варгами, помнишь? — Майли кивнула, судорожно всхлипывая. — У нас получится. На счет три!

— Повелеваем, остановитесь!

Петрас расхохотался, легко отбрасывая Финиста посохом.

— Глупые девчонки, вы даже азов не знаете, куда вам со мной тягаться?

Вдруг он поперхнулся собственным смехом и испуганно уставился на Герду. Так, словно увидел ее впервые.

— Лайсве? — удивленно спросил он, и, совершенно забывшись, ринулся к ней. По его щекам текли слезы: — Ты пришла меня простить?

Герда воздела руки и заговорила чужим, совершенно непохожим на свой собственный, голосом:

— Именем Жнецов заклинаю, отпустите живых, возьмите лишь того, кто облачил вас в оковы, и вы станете свободны.

— Лайсве, что ты делаешь? — взмолился некромант. — Ты же лучше всех знаешь, что Час возрождения близок. Тень накроет нас всех. Без моей силы Мидгард пропадет!

— Ты как всегда слишком много на себя берешь, Петрас, — одарив его холодным презрительным взглядом, ответила Герда. — Теперь лишь Спящий может нас спасти.

Прощай!

Все свечи и факелы погасли. Дугава со Жданом мягко опустились на пол. У Герды закружилась голова. Она чуть не рухнула на колени, но Майли вовремя ее подхватила, и они вместе побежали к Финисту.

Раздался пронзительный крик, долгий, непрекращающийся, за ним последовал хруст ломающихся костей и разрывающейся плоти. Привидения обратились против поработившего их некроманта.

— Не смотрите! — предупредил Финист. И, приводя Ждана в чувство, добавил: — Надо отсюда выбираться.

Стараясь не оборачиваться в сторону Петраса, чтобы не видеть, во что превратили озлобленные призраки его тело, путники вместе с Майли поспешили к главному входу в зал. Основание замка начало трястись, задрожали стены, и вдоль них до самого верха побежали трещины.

— Скорее, тут сейчас все рухнет! — подгонял Финист.

Они ускорили шаг, почти бегом преодолевая расстояние до двери на улицу, хотя Ждана сильно мутило, Дугава хромала, а Герда постоянно спотыкалась, борясь с некстати накатившей дремотой.

Как только они ступили за порог, послышался жуткий грохот — замок начал разрушаться прямо на глазах. Обваливалась крыша, стены начали крошиться и осыпаться — замок складывался, как карточный домик. Но времени наблюдать падение Будескайска у них не было. Они спешили в конюшни, надеясь найти там своих лошадей. Им повезло — те уже ждали их в стойлах. Не тратя время даром, путники поседлали коней и бешеным галопом помчались прочь, стремясь оставить между собой и местом, где совсем недавно красовался грандиозный старинный замок из белого мрамора, как можно большее расстояние. Кровавая вуаль спала с лика луны, и небесное светило вновь воссияло чистым бледно-желтым светом.

### ===== Глава 13. Пятое колесо =====

Вслед за золотистой кобылой Финиста они неслись еще долго, боясь оглянуться или уж тем более остановиться передохнуть. Но все же бежать вечно оказалось невозможным — Яшка, резво скакавшая за Золотинкой, вдруг начала сбавлять темп, пока не оказалась в самом хвосте, а потом вдруг встала как вкопанная и заржала так истошно, что с росшей рядом осины опали последние листья. Финист обернулся и увидел, как Герда плавно скатывается вниз по отощавшему за время странствий конскому боку и мягко опускается на пожухлую листву. Он тут же спрыгнул и подбежал проверить, что случилось. Расстегнув ворот рубахи, Финист положил ее голову себе на колени, проверил дыхание и пульс, а потом попытался отодвинуть веки и зло выругался.

— Спешивайтесь, на сегодня мы остановимся здесь, — скомандовал он, не оборачиваясь.

— Почему? В нескольких часах пути есть небольшая деревушка. Там меня знают и обязательно пустят на ночлег, если я попрошу, — возмутилась Майли, но заметив, что ее никто не поддерживает, замолчала.

Ждан уже слез со своего мерина и, подойдя к Финисту, выглянул из-за его плеча:

— Что с ней?

— Изнеможение, — нехотя ответил Финист.



— От чего?

— От того, что у кого-то ума палата.

— Я-то в чем виноват?!

— В том, что задаешь дурацкие вопросы! — вспыхнул Финист.

— Не лезь к нему, он не на тебя злится, — шепнула Дугава оторопевшему Ждану.

— А на кого?

— На себя. Тише, а то хуже будет.

Финист сосредоточенно перебирал пальцами волосы Герды, такие нежные, мягкие, пушистые, вспоминая, как любил развеивать их ветер во время скачки.

— Воздух, ей нужно больше воздуха, — неожиданно заключил он, поднял Герду на руки и понес к видневшемуся вдали полю.

— Вы что-нибудь понимаете? — спросила сбитая с толку Майли.

Дугава со Жданом одновременно покачали головами и, взяв лошадей под уздцы, направились следом.

Финист взобрался на самый высокий пригорок и, расстелив на пожухлой траве плащ, уложил на него Герду. Было еще темно, но до рассвета оставалось всего пару часов.

— Ты хочешь, чтобы мы разбили лагерь здесь? Ты в своем уме? Нас же просто сдует! — попробовал возмутиться Ждан, но одного тяжелого взгляда хватило, чтобы парень замолчал.

— Разведите костер у подножья на безветренной стороне холма и оставайтесь там, — после долгой паузы сказал Финист. — Я вернусь, когда Герда очнется.

\*\*\*

Спорить никто не решился, как и продолжать расспросы. Когда Финист был не в духе, то полностью уходил в себя, и разговаривать становилось абсолютно бесполезно. Да и действия свои, кроме тех, что касались обучения, объяснять он не любил. Иногда у Дугавы со Жданом складывалось впечатление, что он живет, руководствуясь исключительно своей сверхъестественной интуицией, и сам порой не понимает, чем продиктовано то или иное решение, хотя со стороны казалось, что он точно знает, что делает.

Майли находилась с ними слишком недолго, чтоб привыкнуть к таким неожиданностям, поэтому беспрестанно беспокоилась, поглядывая на вершину холма.

— Финист что-то к ней испытывает? — спросила она, когда все расселись на бревнах у костра.

— К Герде? — удивленно переспросила Дугава. — Не знаю. Просто она наш друг и не раз выручала нас из сложных ситуаций, а Финист никогда и никого в беде не бросит, особенно друга.

— Какой молодец, — съязвила Майли. — А вы ему кто?

— Мы? — замялась Дугава. — Мы его ученики.

— И чему он вас учит?

— Разному...

— Например, колдовать?

— Мы не колдуем, — Ждан не на шутку разозлился. — Мы используем дар Стражей: я левитирую предметы, Дугава создает иллюзии, Финист оборачивается соколом. А вот твой отец действительно колдовал.

Майли поджала губы.

— У тебя тоже он есть, дар Стражей. Ты с мертвыми разговаривала с его помощью, — попыталась растопить лед Дугава.

— Так это он и есть? Странно, я ведь никаких усилий не прикладывала.

— Поначалу всегда так. Кажется, что оно происходит помимо твоей воли, но со временем ты научишься управлять этим. Финист тебе поможет.

Майли задумчиво подняла взгляд на вершину холма.

— А какой дар у Герды?

— Эээ, — замялся Ждан. — Никакого. Она просто путешествует с нами.

— Странно. Мне казалось, что если кто из вас и способен на колдовство, так именно она.

— Это не колдовство! — одновременно взъярились Дугава и Ждан.

\*\*\*

Ее кожа была бледной, словно воск, а руки холодными, как у утопленника. Финист сидел рядом на коленях и вглядывался в умиротворенные черты лица спящей девушки.

— Герда-Герда, — тяжело вздохнул он, перебирая пальцами ее волосы. — Что же мне с тобой делать?

Вначале Финист хотел снять с нее одежду и оставить лежать нагишом, но потом передумал. Мало ли, как к его действиям отнесутся остальные, а уж как испугается сама Герда, когда очнется в таком виде! Нет, отталкивать ее еще больше точно не стоит, иначе он рискует потерять ее окончательно.

Финист почувствовал, как в лицо подул холодный ветер с запада. Видно, скоро снова зарядят дожди. Что делать, осень заканчивается, и зима не за горами, а там первые холода и метели. Дорога станет еще более трудной. По плану они должны были уже находиться на подходе к Упсале, а на самом деле еще даже границу с Лапией не перешли. В Компании будут недовольны. К демонам компанию! Какое значение может иметь дурацкий чин по сравнению с жизнями друзей? Дугава и Ждан за время путешествия стали ему как родные, а Герда... Нет, он просто обязан доставить их всех в безопасное место, целых и невредимых. И он сделает это во что бы то ни стало!

Ветер усилился, начал гонять пожелтевшую листву, качать верхушки вековых сосен и завывать раненым зверем. Финист весь продрог, но удивительное дело: на щеках Герды появился едва заметный румянец, да и руки потихоньку теплели. Значит, он в кои-то веки все сделал правильно.

Финист не знал, сколько он просидел на том холме вместе со спящей Гердой, но ее веки зашевелились, только когда предрассветные сумерки совсем распозлились по темным оврагам.

— Финист? — спросила она слабым голосом.

— Ты ожидала кого-то другого? — весело поинтересовался он.

Герда улыбнулась и покачала головой.

— Хорошо, тогда давай спускаться, а то есть очень хочется.

\*\*\*

К утру ребята приготовили жидкую похлебку из остатков съестных припасов. Сказать точно, из чего она была сделана — из чечевичной крупы или дорожной пыли, — не решался даже сам Ждан, которого назначили сегодня поваром.

Майли задумчиво поднесла ложку ко рту и медленно попробовала на вкус содержимое.

— Похоже, пост в этом году начнется на месяц раньше, — изрекла она, но продолжила есть, потому что у нее, как и у всех остальных, со вчерашнего дня и маковой росинки во рту не было.

— У кого на месяц, а у кого и на четыре, — проворчал Ждан.

— Да хватит вам, — попыталась примирить их Дугава. — Лучше смотрите, кто к нам идет!

Она махнула в сторону пологого склона холма, по которому уже спускался Финист, придерживая Герду за локоть.

— Ты очнулась! Мы чуть от беспокойства не умерли, — Ждан с Дугавой одновременно бросились обнимать подругу. — Что случилось? В Будескайске ты таким странным голосом говорила.

— Не помню. Осторожней, голова просто раскалывается, — пожаловалась Герда, усиленно массируя виски руками.

— Думаю, в тебя вселилось привидение, — сказал Финист, усаживаясь возле костра и наливая в свою миску похлебку. Герду передернуло от этой мысли.

— Да-да, я видела, как тебя окутал яркий белый свет, — подтвердила Майли.

— Ну вот, по всем признакам именно это и произошло. Только странно, что оно вселилось именно в тебя, а не в Майли. Привидения обычно могут такое только с кровными родственниками проделать, да и то, если те обладают даром медиума.

— Кажется, Петрас назвал это привидение Лайсве, — припомнил Ждан. — Ты не знаешь какого-нибудь Лайсве?

— Не его, ее. Лайсве — это женское имя, — ответила Герда и тоже принялась за похлебку. — Я встречала его в одной исторической хронике.

— Снова книги? — нахмурился Финист.

— Я бы назвала это по-другому, — Майли выхватила что-то у Герды из-за пазухи. — Разве это не книги из библиотеки моего отца?

Наследница бросила на землю два небольших томика в кожаных обложках.

— Герда! — одновременно воскликнули Финист, Ждан и Дугава.

— Я взяла всего парочку!

— Вы еще у нее в седельных сумках посмотрите, — не преминула наябедничать Майли.

— Хорошо, я взяла четыре, всего четыре демоновы книги.

— Не взяла, а украла, называй все своими именами! — не унималась бывшая хозяйка замка.

Герде пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы не расплакаться от обиды.

— Я ничего не крала. Твой отец погиб, замок развалился, а это, — Герда бережно подняла свои книги, — большая редкость: трактаты об особенностях дара медиума, о тонком мире духов, о демонах и Стражах. Возможно, таких книг во всем Мидгарде больше нет. Я просто не могла их оставить!

Не найдя у товарищей отклика, Герда отставила миску в сторону и пошла прочь.

— Герда! — попытался остановить ее Финист, но она не стала слушать.

Возле сваленных неаккуратной кучей сумок Герда остановилась, нашла свою и спрятала туда книги. Из-за одиноко росшей посреди поля березы выглянул кот.

— Ты вернулся! — обрадовалась она и взяла его на руки.

— Ты швырнула в меня шишкой, неверная, — проворчал он, но потом все же сменил гнев на милость и благостно заурчал.

— Где ты был? Я тебя столько звала!

— Ты ведь сама меня прогнала, забыла?

— Прости, — к горлу подступил комок. — Я не хотела, я просто злилась... не на тебя, конечно, а на Майли, на всю эту ситуацию. Я никогда не хотела, чтобы ты уходил!

— Ладно, уже забыто. Только не реви.

Герда уселась под деревом, кот удобно расположился у нее на коленях кверху лапами и подставил желтое брюшко, разрешая себя почесать.

— А я тебя видела. В зеркале. С какой-то странной женщиной. Кто она?

Кот перевернулся на живот и хмуро посмотрел на Герду.

— Старая подруга и долгая, крайне скверная история. Лучше не спрашивай.

— Почему?! Почему ты никогда мне ничего не рассказываешь: то я слишком глупая, то история слишком скверная. Так нечестно. Ты хочешь, чтобы я поверила в себя, но сам верить в меня отказываешься.

— Не в этом дело, просто... Меньше знаешь — крепче спишь! — попытался отшутиться он, но Герда не поддалась.

— Ее звали Лайсве?

Кот прыгнул с колен хозяйки, явно собираясь снова исчезнуть.

— Что ты наговорил Финисту? Почему он ничего не помнит? — прокричала Герда. Вопросов накопилось столько, что голова от них просто пухла. Но паганец лишь махнул хвостом и скрылся за деревом, так ничего и не ответив. Герда досадливо всплеснула руками, поплелась обратно в лагерь и улеглась спать, хотя не хотелось совершенно.

\*\*\*

На следующий день они добрались до небольшого городка, где Финист быстро продал приметных жеребцов из Будескайского замка, чтобы выручить хоть немного денег на еду и теплую одежду.

— Почему мы не могли продать книги? Они ведь редкие. Наверняка, за них бы заплатили не хуже, чем за моих коней! — причитала Майли.

— Потому что если бы мы показали эти книги перекупщику, нас бы точно сожгли на главной площади, — нетерпеливо объяснял Финист, в то время как Герда угрюмо отмалчивалась, а остальные старались не лезть.

— На чем же мне теперь ехать?

— Вот, — Финист махнул рукой, и к ним подвели двух коренастых лошадок: бурого мерина с шеей почти в аршин и кашлатую кобылу грязно-серой масти. — Выбирай любую.

— Ты что, мне, дочке графа Кшимска, наследнице Будескайска, предлагаешь ехать на этом?! — от негодования Майли повысила голос. Мерин недовольно приложил уши и угрожающе шмякнул зубами по одежде, за что получил от рассерженной наследницы знатную оплеуху. — Никогда в жизни я на это не сяду!

— В таком случае, можешь возвращаться к папочке в Будескайск. Ах, ну да, возвращаться же некуда.

— Мне просто жалко лошадей. Я к ним привыкла, да и от... от замка у меня больше ничего не осталось, — обиженно пробормотала Майли.

Расслышала только Герда. В глубине души она понимала Майли и сочувствовала, ведь сама совсем недавно потеряла отца и нет-нет да с грустью вспоминала о том, что даже сороковник по нему справиться не успела, и на память ничего не взяла. А как бы было ужасно, если бы Финист заставил ее продать Яшку? Нет, Герда бы этого не вынесла. Хотя кобыла сильно исхудала за время их путешествия и теперь была почти такая же мосластая, как Золотинка. По виду совсем доходяга. Вряд ли бы за нее удалось много выручить. Герда провела рукой по морде своей лошади. Яшка тут же начала пихаться, требуя, чтоб ее почесали.

— Если возражений больше нет, — продолжил Финист, — то пойдем устраиваться на ночлег. Я уже договорился, чтобы добрые люди пустили нас за небольшую плату в свой хлев.

— Здесь же постоянный двор рядом. Зачем такие неудобства? — очень осторожно начал Ждан, но предводитель все равно разозлился.

— За постоянный двор платить надо, а у нас денег нет. Или вы хотите дождевую воду и талый снег всю дорогу до Упсалы есть на завтрак, обед и ужин?

— Но в хлеву... со свиньями, — очень тихо простонала Майли. Финист наградил ее тяжелым взглядом.

\*\*\*

В хлеву оказалось не так уж плохо. Никаких свиней тут не наблюдалось, зато на пол была постелена сухая солома, источавшая едва ощутимый уютный аромат. Ночью снова полил дождь. Слышно было, как он мерно стучит по крыше, и от этого глаза закрывались как-то сами собой. Накопившаяся за последние дни усталость все-таки догнала Герду. Кот свернулся клубком под боком и сладко замурлыкал. Сон пришел тихий и безмятежный, но посреди ночи ее разбудил голос Майли. Она тормошила спящего рядом Финиста.

— Что такое? — недовольно забурчал он.

— Мне отец приснился, — истерическим тоном начала наследница. — Он просил, чтобы я его простила и отпустила — без этого он не может через реку переправиться. Я сказала, что не знаю, как это сделать. Тогда он начал кричать на меня, проклинать, обзывать отцеубийцей, угрожать, что будет преследовать до конца жизни.

— Так отпусти его и спи дальше, — нетерпеливо перебил Финист.

— Как?

Финист сдавлено закричал. Сейчас он явно находился не в самом лучшем расположении духа.

— Просто скажи, что отпускаешь. А теперь давай спать, у меня завтра важное дело с утра.

— Финист? — не унималась Майли.

— Ну что?

— Обними меня, пожалуйста.

Повисла долгая пауза. Герда подумала, что ей бы тоже хотелось, чтобы ее кто-нибудь обнял. Кот словно прочитав ее мысли, больно укусил за палец. Герда еле сдержалась, чтобы не закричать и не отшвырнуть вредное животное подальше, но тут зашелестела солома и, наконец, все затихли. Герда не решилась никому мешать, поэтому продолжила лежать неподвижно. Кот снова замурлыкал. Она заснула так же быстро, как проснулась. И спала теперь до самого утра.

\*\*\*

Финист проснулся на заре и ушел, не сказав никому ни слова. Ждан, Дугава и Майли вставать не собирались до самого обеда, а вот Герде стало невозможно лежать и пялиться в потолок. Она сходила на коновязь проверить лошадей, заодно напоить и накормить их вдоволь, пока была возможность. Исхудавшие животные жадно чавкали, выедавая из кормушки весь овес до последнего зернышка, и вылизывали ее начисто, не забывая заглянуть в кормушки к соседям.

Удостоверившись, что с лошадьми все в порядке, Герда отправилась гулять по городу. Вначале было немного не по себе из-за своего внешнего вида, но потом она обнаружила, что местное население очень бедно и выглядит не намного лучше. Хорошо одетые люди

встречались редко, в основном на центральной площади возле ратуши, где стояли дома побогаче, и находился небольшой рынок. Чуть поодаль высилась белая единоверческая церковь, на ступенях которой собирались многочисленные нищие и просили подаяние с таким остервенелым видом, что Герда не решилась даже близко подойти. Вместо этого обошла город со стороны протекавшей рядом реки и уже на подходе к хлеву увидела Финиста. Он о чем-то увлеченно беседовал с двумя важными господами: один одетый пощегольски безусый юнец не старше Ждана, второй — почтенный мужчина с проседью в гладко зачесанных назад темных волосах.

Завидев Герду, собеседники разом замолчали. Финист обернулся, чтобы понять, что их встревожило.

— Все в порядке, это свои, — сказал он и помахал Герде рукой. Она подошла и стала рядом.

— Жена? — понимающе подмигнул старший.

Герда покраснела до корней волос.

— Сестра, — не моргнув глазом, соврал Финист.

— О, тогда, быть может, она согласится пожить в моем доме? Ее отмоют, причешут, оденут, и выйдет настоящая куколка, а? — предложил молодой, пожирая ее фигуру плотоядным взглядом. — Я вам за это еще с десятков золотых накину.

— Не советую, у нее болезнь, — все так же бесстрастно ответил Финист, а потом что-то шепнул ему на ухо. Богатенький нахал выпучил глаза, а потом сочувственно посмотрел на Финиста.

— Давайте все-таки вернемся к нашим баранам... то есть вивернам, — нетерпеливо напомнил мужчина постарше. — Мы хотим получить два яйца этой поганой змеи к завтрашнему утру.

— Два? — нахмурился Финист. — Зачем вам целых два? Вас и за одно в любом ордене в зад целовать будут.

— Но-но, не забывай, с кем говоришь, чернь! — взбеленился старик. — Если я сказал два, значит, два. И запомни, если кто-нибудь узнает о том, что мы тебя просили, вместо награды будешь гореть на костре со своей милой сестричкой.

Финист поджал губы, с трудом сдерживаясь, чтобы не высказать старику все, что накипело.

— Завтра утром, — еще раз напомнил старик и пошел прочь. Его молодой товарищ бросил на Герду последний взгляд, от которого захотелось закрыться с ног до головы плащом, и, криво ухмыльнувшись, последовал за стариком.

— Зачем ты сказал, что я больна? — заговорила Герда, когда они скрылись из виду.

— Не хотел ввязываться в драку. Тогда бы снова пришлось отсюда драпать, а нам хотя бы пару деньков передохнуть спокойно. Может, удастся даже немного подзаработать на этих вивернах.

— Каких еще вивернах? — Герда нахмурилась. Ей не нравился его нарочито легкомысленный тон, особенно когда речь шла о вещах, которые нормального человека повергали в суеверный ужас.

— Дельце одно подвернулось. Денег-то все равно надо где-то достать, иначе мы либо околеем, либо от голода умрем.

— Но виверны очень опасны! Они как драконы, только не такие хитрые, но очень-очень ядовитые! И где ты собираешься их искать?

— Вот ты мне и скажи.

— Я?

— Ты ведь у нас главная всезнайка.

— Думаю, виверны должны гнездиться где-то под землей, как змеи. В пещерах, например. Но сейчас не время для выведения потомства. Осенью они наоборот засыпать должны. И вообще, зачем этим людям понадобились их яйца?

— Понятно, зачем. Чтобы в рыцарский орден приняли. Это у них такое доказательство силы и мужества, — криво усмехнулся Финист.

— Глупость какая. Я думала, что рыцари в первую очередь должны быть благородными: девиц спасать, людям помогать. А какие же они благородные? Ведут себя прямо как... как Вальдемар.

Финист весело рассмеялся.

— Разве ты еще не поняла? Рыцари только в книжках такие, а на самом деле все как... как Вальдемар.

Герда насупилась.

— И вообще, почему они все ко мне пристают? Разве я на гулящую похожа?

Похоже, у Финиста от смеха началась икота.

— Ты молодая и незамужняя — этого более чем достаточно, чтобы привлекать внимание беспринципных мужчин, охочих до женских прелестей.

— Какие еще прелести? Я ведь даже не красивая совсем. Грязная, в драных лохмотьях, с обстриженными волосами.

— Лохмотья можно снять, грязь отмыть, а волосы сами отрастут. Поверь, это не то, на что смотрят мужчины.

— Тогда на что они смотрят? На что смотришь ты, когда видишь Майли?

— Ма... — Финист захлебнулся собственным смехом и резко помрачнел. — Да ни на что я не смотрю. В любом случае, не переживай — мы тебя в обиду не дадим.

Герда опустила глаза.

— Но вы ведь не всегда будете рядом. Когда-нибудь мне придется уйти.

— Это еще почему?

— У меня нет дара. Я вашей Компании не нужна.

На этот раз смутился Финист. Он молча смотрел на Герду, не зная, что ответить.

— Может, оно и к лучшему, — едва слышно пробормотал он после долгой паузы, а потом уже в голос добавил: — Что-то наш разговор совсем не туда зашел. Мы ведь про виверн говорили. Так какого размера должны быть их яйца?

Герда задумчиво почесала затылок.

— В книжках написано, что взрослые виверны достигают четырех-пяти сажень в длину, тогда яйцо должно быть не меньше локтя.

— Ужас. Кажется, без телеги не обойтись. Вот, держи, — Финист вложил в ладонь Герды несколько медяков. — Купи ребятам какой-нибудь еды и возвращайся, а то они уже, наверное, проснулись и беспокоятся, куда мы пропали.

— А как же ты?

— Пойду искать телегу и гнездо. Ступай. Только умоляю, не ходи в книжную лавку, у нас действительно очень туго с деньгами.

— Ты что, я бы никогда не стала тратить чужие деньги на... то, что никому кроме меня не нужно, — возмутилась Герда. Как он мог посчитать ее настолько безответственной? Это

все Майли со своими идиотскими претензиями виновата!

— Извини, просто привычка — на Ждана с Дугавой не слишком-то можно положиться, — Финист ласково улыбнулся и коснулся губами ее виска.

Герда вздрогнула и испуганно уставилась на него, но тот уже шагал вверх по улице. Что он хотел этим сказать? Совсем запутавшись, она отправилась искать, где купить еду подешевле.

Финист оказался прав. К тому времени, как Герда вернулась в сарай, остальные уже изнывали от беспокойства. Ждан встретил ее на улице — он собирался на поиски. Дугава терпеливо ждала в сарае, а Майли куда-то запропастилась. Все радовались, что Герда нашлась, а особенно их воодушевила еда, которую она принесла.

— Давайте поедим сами, а то с голоду можно помереть, пока все соберутся, — алчно загорелись глаза Ждана, когда он нашел в корзинке с продуктами жареные колбаски. — Нам же больше достанется!

Герда с Дугавой переглянулись и весело рассмеялись. Запах съестного улучшил настроение всем. После долгих уговоров, Герда поддалась на просьбу Ждана. Она разделила продукты поровну на пять частей, и две из них отложила для отсутствовавших Майли и Финиста. Ждан немного побурчал, что опаздывающих надо проучить, оставив их без обеда, но Герда с Дугавой его не поддержали. Поев, они снова завалились спать, укрывшись соломой. Усталость никак не хотела отпускать. Да и кто знает, когда им еще удастся отдохнуть под крышей в относительной безопасности?

Майли явилась через несколько часов. Сильно пихнула Герду в плечо, когда та вышла открыть дверь, и с мрачным видом принялась есть, не сказав никому ни слова. Лишь изредка украдкой бросала на Герду достойные саблезубой кошки взгляды, от которых не по себе делалось даже Дугаве со Жданом. Сама же Герда всеми силами старалась их не замечать, прячась за книжку, в которую все никак не могла вчитаться, потому что переживала за Финиста. Рассказывать ребятам о его затее она не решилась — ни к чему лишний раз их волновать.

Финист пришел, когда уже начало смеркаться. Настроение у него было приподнятое. Шагал бодро, даже насвистывал какую-то веселую песенку, волоча за собой старую разбитую телегу. Он оставил ее у входа в сарай. Войдя в помещение, он вынул из-за пазухи сверток с теплыми пирожками. Ждан с Дугавой тут же оживились, а Майли с Гердой наоборот старались как можно меньше обращать на него внимание.

— Добрые хозяева разрешили нам остаться здесь еще на пару дней, — объявил Финист, раздавая пирожки товарищам. — Это как нельзя кстати, потому что впереди нас ждет большой и сложный переход до самой границы с Лапией.

— Но там хоть с ночлегом-то проще должно быть? В Лапии ведь не преследуют таких, как мы, — с надеждой спросил Ждан.

Финист горько усмехнулся:

— На теплую встречу я бы не рассчитывал.

— Почему? — удивилась Дугава.

— Потому что живут они бедно, да и кто чужаков привечает? — ответил Финист.

— К тому же там червоточина совсем рядом, — оторвалась от своей книги Герда. — Должно быть, и демонов кишмя кишит, да еще такие водятся, какие нам здесь и не снились.

— Разве может быть еще хуже?! — испуганно спросила Дугава. Герда пожала плечами. Если им так не везло на относительно безопасной дороге через Кундию, то как их встретит



холодная темная и, главное, полудикая Лапия, даже думать было страшно.

— Ничего! Зато в спину уже никто дышать не будет, — подбодрил товарищей Финист и про себя добавил: — И главное никаких больше рыцарей на мою голову. Ладно, вы пока ужинайте, а я спать пошел. Мне завтра встать надо будет пораньше.

Майли подняла голову и тяжело на него посмотрела. Во время всей беседы она сидела тише мыши, но было видно, как ей хочется, чтобы Финист заговорил именно с ней, но он на нее даже не посмотрел. Герда понимала, что его веселость напускная, а невнимательность — верный признак того, как он волнуется перед предстоящей встречей с виверной, но рассказать об этом Майли она не решилась.

Финист улегся спать в темном углу сарая. Майли неотрывно следила, пока он ворочался, а когда затих, подошла, легла рядом и обняла за плечи. Герда, Дугава и Ждан еще долго сидели, разговаривая вполголоса, чтобы не мешать спящим.

\*\*\*

Герда всегда спала очень чутко, поэтому не боялась, что Финисту удастся украдкой проскочить мимо нее, когда он соберется охотиться на виверну. Так все и вышло. Когда в углу раздался тихий шелест соломы, глаза Герды распахнулись. В приглушенном лунном свете, который сочился через маленькое окно у самой крыши, она разглядела смутное шевеление, а потом и силуэт натягивавшего одежду Финиста. Герда тенью шмыгнула за ним на улицу.

— Ты чего? — спросил он, заметив ее на пороге сарая.

— С тобой хочу! — решительно ответила она.

— Но это же опасно.

— Знаю, это ведь я тебе про виверн рассказывала, забыл?

— Тебя не переубедить, верно?

Герда слабо улыбнулась.

— Умеешь телегой управлять?

— Да что тут уметь?

— Хорошо, покараулишь ее, пока я яйца у виверн ворую. Потом надо будет быстро уехать, пока мамаша пропажи не хватилась.

Гнездо с кладкой из трех яиц — должно быть, жизненный цикл у них отличался от своих мелких безногих сородичей — Финист обнаружил еще вчера примерно в часе пути от города по северной дороге, где местность становилась гористой и подземные пещеры встречались достаточно часто. Он спрятал телегу с Гердой за перелеском, чуть поодаль от входа в змеиное логово, а сам отправился на разведку. Соваться в гнездо, пока мамаша высиживала яйца, ему совсем не хотелось.

Поразительно, что виверна так ревностно оберегает свое потомство. Змеи ведь не курицы-наседки и чаще всего бросают свою кладку на произвол судьбы. А эта гигантская гадина наоборот все время была настороже, не переставая, вила вокруг невылупившихся детенышей свои кольца. Оставалась только надежда, что мамаша скоро проголодается и выползет из гнезда поохотиться. О том, что змеи могут сутками обходиться без пищи, Финист старался не думать — по условиям сделки ему надо было успеть в город к утру.

Ждать пришлось долго. До самого рассвета. Только когда первый луч солнца пробежал по земле, виверна выползла из гнезда, встала на кривенькие чешуйчатые ножки, расправила огромные, как у летучей мыши, перепончатые крылья и, разбежавшись, взмыла в воздух. От мощных хлопков поднялся ветер. Финист вжался в дерево. Не хотел бы он на узкой улочке

повстречаться с такой гадиной. А как она разъярится, когда не досчитается двух яиц! Вот, если бы их у нее было с дюжину, а не три, то она бы вряд ли заметила пропажу. Хотя кто знает, что творится в голове этих демонов?

Животные и птицы всегда были для Финиста открытой книгой — охотно делились переживаниями и радостями, помогали и сами обращались за помощью, но демоны... Демоны существа совершенно иной природы — он чувствовал это всеми фибрами души, когда оказывался рядом и пробовал войти в их разум. То, что находилось внутри их голов, то, что управляло их волей, было настолько чужеродно и враждебно, что Финист во время своего вмешательства ощущал почти физическую боль, разворачивающую, расщепляющую его собственное сознание на мелкие осколки, которые потом долго и мучительно приходилось собирать, чтобы придти в себя. После этого приходило пугающее ощущение, словно он — это уже не он, а кто-то другой, с другой жизнью и другими стремлениями, а он, Финист, не более чем пустая оболочка, иллюзия человека, которого на самом деле нет и никогда не было. От этого можно было сойти с ума. Но Финист всегда слишком крепко стоял на земле, был с ней неразрывно связан, и именно она давала силы восстановить душевное равновесие и не поддаться на темное колдовство. Если, конечно, это на самом деле было колдовство, а не его собственное безумие.

Как только виверна скрылась из виду, Финист стремглав кинулся в пещеру, подхватил одно из яиц, то, что было поменьше, и понял, что два сразу он не унесет. Они действительно были огромные и весили не меньше пуда. Скорлупа к тому же оказалась очень скользкой — яйцо так и норовило выскочить из рук. Добежав до телеги, Финист взвалил его на солому и оставил Герду устроить его так, что при езде не разбилось, а сам быстро вернулся в пещеру.

Когда Финист уже бежал со вторым яйцом, по земле скользнула большая крылатая тень. Он поднял голову и выругался про себя. Гадина возвращалась слишком рано. Страшно подумать, что она сделает с похитителями своих деток, если они не успеют убраться вовремя. Финист прибавил ходу. Когда он добрался до телеги, конь, тот самый кусачий мерин, которого он купил для Майли, уже всюю нервничал и рыл землю копытом, чувствуя неладное. Герда с трудом его удерживала.

— Гони! — закричал Финист, укладывая второе яйцо рядом с первым.

Герда явно не поняла, к кому именно он обращался, потому что конь рванул вперед, не дожидаясь ее команды. Телега застучала по ухабам.

— Быстрее! — Финист наблюдал, как виверна скрылась за деревьями у входа в пещеру. Вот-вот поймет, что яйца украдены, и пустится по их следу. До ушей донеслось полное скрытой угрозы шипение. Потом снова что-то загремело, на это раз не телега. Стало заметно, как на поляне перед пещерой падают деревья.

Конь припустил еще быстрее, выказывая невиданную для деревенских кашлаток прыть. Телега громыхла так, что казалось, это по небу в колеснице несется древний бог-метатель молний, которому поклонялись староверы.

— Тише! — взмолилась Герда, судорожно пытаясь натянуть поводья, но лошадь закусила удила и скакала так быстро, что задние копыта мелькали у самого ее лица.

— Не держи его! — попытался отобрать поводья Финист, но это оказалось сложно, потому что приходилось придерживать яйца, иначе бы они разбились от такой дикой скачки. — А то попадемся виверне на обед!

— Мы разобьемся! Колесо вихляет, разве не чувствуешь?! — закричала в отчаянии Герда. Поводья жгли руки, но она продолжала дергать ими и тянуть изо всех сил.

Колесо, то самое, что вихляло, попало в глубокую выбоину. Раздался жуткий треск.

— Держи поклажу! — только успел крикнуть Финист.

Телега накренилась на бок и опрокинулась. Отломанное колесо поскакало вниз по дороге, конь с остатками телеги помчался в противоположную сторону, подгоняемый оглушительным грохотом. Финист и Герда упали на землю, обхватив руками драгоценный груз.

Финист поднялся первым.

— Ты в порядке? — встревожено спросил он у Герды, которая продолжала лежать неподвижно.

Она с криком поднялась и, осмотрев свое яйцо, грустно сказала:

— Скорлупа треснула.

— К демонам скорлупу. Голова не треснула?

— Нет, слушай, тебе ведь спешить надо. Уже утро. До города всего ничего осталось. Отнеси яйца рыцарям, а я коня с телегой поищу.

— Ты уверена, что все в порядке?

— Да, иди.

Финист с подозрением посмотрел на ее перепачканное в крови лицо, но потом все-таки пошел, таща под мышками оба яйца и тяжело побряхтывая от натуги. Хорошо хоть до города было рукой подать. Финист встретил заказчиков на узкой темной улочке на окраине. Они внимательно осмотрели яйца, едва заметно ухмыльнулись, глядя на помятый вид Финиста, а потом старший сказал:

— Одно яйцо треснуло. Мы заплатим только половину.

— Что? — разозлился Финист. — Да там царапина едва заметная. Вы знаете, как мы рисковали, чтобы эти яйца достать? Моя сестра чуть не погибла!

— Приведи ее ко мне, тогда я отдам тебе вторую половину, — с готовностью предложил молодой. У Финиста возникло неодолимое желание придушить обоих.

— Ладно, вот вам целое яйцо. Давайте половину суммы.

— За одно только четверть, — продолжал торговаться старший.

— Что? — глаза Финиста полыхнули от ярости. — Да я сейчас оба разобью!

— Тише! Держи свои деньги. И проваливай, а не то мы бургомистру пожалуемся — он быстро на тебя управу найдет!

Финист поджал губы, пересчитал монеты и, обхватив руками треснувшее яйцо, понес к себе в сарай.

\*\*\*

Герда с трудом дождалась, пока Финист скрылся из виду. Перед глазами все плыло. Голову словно пеленой обернули: глухо и неясно, как будто сквозь преграду мир ощущаешь. Да еще и мутить начало. С виска сочилась кровь. Ее даже обтереть было нечем — ладони оказались содраны от поводьев и тоже кровоточили.

Живот скрутило сильным спазмом. Все-таки вытошнило. Когда дурнота немного отпустила, Герда привалилась спиной к дереву и закрыла глаза. Их сильно резало от яркого света.

— Герда? — сквозь дрему слышала она встревоженный голос Майли. — Что случилось? Где Финист?

— Пошел яйца относить. Мне надо... — язык еле ворочался. — Надо лошадь с телегой найти.

— Какая лошадь? Какие яйца? — возмущалась Майли. Ее голос бил по ушам словно бич. Нестерпимо захотелось лечь, свернуться клубочком и спрятать голову в платок, чтобы никого не слышать и не видеть.

— Э-э-э! Ты что делаешь? — звук удалялся по мере того, как Герда медленно оседала на землю. Спать, ей очень надо было спать.

— Герда! — голос Майли снова оказался близко. Бывшая наследница изо всех сил колотила ее по щекам.

— Телега... надо найти, — слабо сказала она.

— Какая телега? Ты на ногах не стоишь. За что мне все это?!

Майли подняла ее, оперла рукой о свое плечо и куда-то потащила. Дорогу Герда не запомнила: то и дело выпадала из реальности. Очнулась в маленькой землянке, где пахло сушеными травами и был слышен треск смолистых поленьев в очаге.

— Майли, детка, ты ли это? — раздался над ухом старческий голос.

— Я, дядюшка Айло. У нас небольшое происшествие случилось. Это девушка из моей свиты, — на ходу сочиняла историю Майли, хотя, глядя на их одежду, вряд ли бы ей кто-нибудь поверил. — С лошади упала и ударилась головой. Худо ей, тошнит и постоянно теряет сознание.

— Клади сюда, сейчас посмотрю, — спокойно заговорил седовласый мужчина, которого Майли ласково называла дядюшкой. — Как отец поживает?

Майли на мгновение смутилась, а потом сказала:

— Хорошо поживает. Вот проведать его еду из монастыря.

Старик не ответил, слишком занятый Гердой.

— Зрачки на свет реагируют — хорошо. Выпей это, — он подсунул ей какой-то дурманный отвар. — Пей до дна. Хочешь спать? Закрывай глаза и спи. Вот так.

— Майли... телега, — слабым голосом пробормотала Герда.

— Спи, найду я твою телегу, — раздраженно ответила та, и Герда провалилась в забытие.

— Иди, — обратился старик к Майли. — Она сильно расшиблась. Мне нужно время, чтобы поставить ее на ноги.

Наследница кивнула и отправилась искать злосчастную телегу. Повезло, что мерин не стал далеко убежать, а освободившись от понукавших его людей и преследовавшего их монстра, спокойно щипал траву на лугу, нисколько не обращая внимания на висевший на шее хомут и болтающиеся сзади остатки телеги.

Майли медленно обошла коня спереди. Он поднял голову, изогнул шею и прижал уши, приняв угрожающий вид. Майли он, правда, ничуть не смутил. Она еще вчера поняла, что от подлой скотины можно ждать чего угодно. Майли достала из-за пояса хворостину, чтобы иметь возможность отбиться от коня, если тот решит напасть. Несколько мгновений они просто стояли и смотрели друг на друга, ожидая, кто сдастся первым. Им, как ни странно, оказался мерин. Он опустил голову и вернулся к пожухлой осенней траве. Майли взяла его за поводья и повела за собой к землянке дядюшки Айло.

Когда Майли вернулась, старик стоял у изголовья застеленной соломой кровати, на которой лежала Герда, и делал над ней пассы руками. Услышав шаги, он резко обернулся. Майли встревожил его взгляд. В нем явно читался испуг.

— Кто эта девушка? — спросил он, пристально глядя на Майли. Та повела плечами, не зная, что ответить.

— Где твой отец? — задал другой вопрос Айло, подходя к Майли вплотную, и занес руки над ее головой.

— Он умер, — нехотя выдавила она из себя.

— Его убили? Кто?

Майли молчала. Она и сама для себя не решила, кто его убил. Все больше казалось, что он сделал это сам, поддавшись той тьме, что таилась на дне его души. Айло опустил руки, облегченно вздохнув. Что бы он ни искал над ее головой, этого там не оказалось.

— Она из этих?.. Не бойся, мне можешь довериться — я сделаю так, чтобы она не узнала.

— Из каких этих? Я не понимаю, что вас так взволновало. Это совершенно обычная девушка.

Старик нахмурился и снова повернулся к Герде. Он пробежался по ее телу руками, а потом отступил на шаг и устало посмотрел на Майли.

— Забери ее отсюда. Я сделал все, что мог. Прошу, забери ее из моего дома, — его буквально колотило от страха.

— Она ведьма? Вы поэтому так боитесь?

— Если бы, — старик горько усмехнулся. — Мой тебе совет — оставь ее у стен ближайшего монастыря и беги. Беги подальше из этой страны, подальше от этой злосчастной девушки. И не связывайся с тварями в голубых плащах, не повторяй ошибок своего отца.

— Я не понимаю.

— Уходи. Я не хочу оказаться под ударом, если «собиратели» найдут ее здесь.

Майли протяжно посмотрела на Айло, но потом поняла, что он ничего объяснить не собирается, разбудила Герду и потащила ее к выходу.

— погоди, — остановил ее на пороге старик. Выражение его лица вдруг смягчилось. Он подал ей маленькую твердую подушку и флягу с мутно-коричневым зельем. — Это поможет ей быстрее встать на ноги.

Майли благодарно кивнула и пошла прочь. Ей вряд ли бы удалось дотянуть и Герду, и коня с телегой до хлева, если бы вскоре она не встретила Финиста. Он выглядел сильно помятым и осунувшимся, а увидев бледное, почти бескровное лицо Герды и то, с каким трудом она переставляла ноги, не на шутку испугался, подхватил ее на руки и понес в сарай. Майли поволокла мерина, испугавшегося при виде давешнего мучителя, следом.

Финист аккуратно уложил Герду на солому и заботливо укрыл плащом.

— Это ей под голову надо положить, — Майли протянула ему подушку и флягу, которые ей вручил дядюшка Айло. — А это она должна выпить.

— Подушка с целебными травами? Зелье от головной боли? Где ты их взяла? — смутился Финист, но лекарства все же принял.

— Знакомый дал, — помедлив, ответила Майли. — Нам надо поговорить.

Финист смерил ее тяжелым взглядом.

— Это срочно? Мне еще надо Ждана с Дугавой найти. Я их искать Герду послал. Теперь искать придется их самих.

— Срочно, — в тон ему ответила Майли.

Разговор Герда слышала лишь урывками — ее снова сморил сон. Запомнила лишь, что они сильно ругались.

— Остальные знают?

— Им это ни к чему.

— Ты хоть соображаешь, как сильно мы рискуем? Нужно отвести ее в церковь — так будет милосерднее, честнее и безопаснее для всех.

— Я ее не оставлю. Если что-то не нравится, можешь проваливать на все четыре стороны — я тебя не держу. Но если обмолвишься перед остальными о том, что узнала сегодня, клянусь, я сверну тебе шею.

Ничего не поняв, Герда тихо всхлипнула и снова ухнула в темный омут. Ей снились странные сны о полете над мертвым городом, о всаднике, скачущем по заснеженной пустыне, о Ловцах желаний, порожденных бескрайней черной тучей, об Охотнике и Защитнике Паствы, которые то сражались спина к спине, то друг против друга. Видения кружились в бешеном хороводе, то сливаясь, то выплываясь один из другого. Казалось, голова не выдержит такой осады. Герда молила об успокоении. И оно пришло в виде светящейся фигуры, которая приобрела очертания огненного кота. Герда с готовностью последовала за ним, потому что знала, что может на него положиться, как ни на кого другого. И кот вывел ее к безмятежной тьме — сну без сновидений.

Когда Герда проснулась, рядом сидели Дугава со Жданом и Майли чуть поодаль.

— Все в порядке? Ну и напугала же ты нас вчера, — сказал Ждан, первым заметивший, что Герда открыла глаза.

— Простите, — слабо ответила она. — А где?..

Все трое одновременно переглянулись.

— Он пошел одно дельце уладить.

— Какое дельце? — возникло нехорошее предчувствие.

Ребята как-то дружно замялись.

— Так получилось, — начал как всегда издалека Ждан. — В окрестностях города появилась разъяренная виверна. Скот перебила. Даже на людей нападать стала. Рыцари местные попытались обвинить во всем Финиста: сказали, что он яйцо из ее кладки украл. Тут его, кстати, и нашли, яйцо. Ума не приложим, зачем оно ему понадобилось. Ну, в общем, Финист за словом в карман не полез, ты же его знаешь, сказал-де, вы же рыцари, вот и должны сами с вивернами справляться — это Единый на вас божественную проверку ниспослал. Что после его речи с рыцарями сделалось! Это надо было видеть. Короче, с обвинения они от нас отстали, а Финисту даже денег пообещали, если он их от гадины избавит.

— Что?! Он пошел сражаться с виверной в одиночку? — переполошилась Герда. — Надо ему помочь!

— Он сказал, что справится один, — неуверенно заметила Дугава.

Герда упрямо попыталась встать, но жуткая головная боль заставила ее вернуться в горизонтальное положение.

— Лежи, — прикрикнула на нее Майли. — Напомогалась уже по самое не могу.

— В кои-то веки я с ними согласен, — послышался совсем рядом голос кота. Он все это время незамеченным лежал у головы Герды и пытался излечить ее собственным таинственным способом. — Лежи. Птичий болван феноменально везуч. Даже если виверна его проглотит, то он обязательно попадет ей не в то горло и она умрет от удущья.

— Фу, какой ты злой! — возмутилась Герда. Стоявшая рядом Майли сделала круглые глаза:

— Это ты мне?

— Нет, я хотела сказать спасибо за то, что выручила меня.

Дугава со Жданом удивленно переглянулись.

— Не напоминай, — буркнула наследница себе под нос и ушла в другой угол.

— Давайте лучше решим, что делать с яйцом виверны, — попыталась разрядить обстановку Дугава.

— Поджарим яичницу, что с ним еще можно сделать? — съязвил Ждан.

— А может, из него скоро вылупится виверенок. Мы его вырастим, приручим, и у нас будет собственная виверна, представляете? Она станет нас ото всех защищать и больше никто не посмеет нас и пальцем тронуть! — мечтательно заявила Дугава.

— Ничего не выйдет. Без магии матери виверенок, если он только там был, давно уже умер. А яйца у них ядовитые, как и они сами, так что вряд ли блюдо выйдет съедобным, — развенчала без остатка надежды друзей Герда. — К тому же, это яйцо Финиста. Пусть сам решает, что с ним делать.

Герда отвернулась к стенке и снова уснула. Остальные сидели молча, изредка бросая друг на друга мрачные взгляды.

\*\*\*

Из всех авантур, в которых Финисту доводилось участвовать, эта была самой безрассудной. Но он слишком хорошо понимал, что если не убьет тварь, живыми их из города не выпустят. Зато на этот раз он взял с собой товарища, на которого мог полностью положиться — свою верную кобылу Золотинку. Правда, та тоже не слишком желала героически погибнуть в когтях чешуйчатой гадины и всю дорогу оборачивалась, чтобы заглянуть в глаза хозяина — не лишился ли он последнего разума? Но тот уверенно направлял ее вперед.

Виверна действительно не на шутку разозлилась из-за кражи яиц. Даже последнего детеныша на произвол судьбы бросила, что для него означало верную смерть. Все помыслы гадины теперь были направлены на месть гнусным людишкам, посмевающим посягнуть на самое дорогое — на ее детушек. Виверна разорвала всю скотину, которую селяне не успели спрятать в сараях, разорила несколько стоящих на отшибе ферм, проглотила пару пастухов и бродяг, а теперь угрожала самому городу. И на все это безобразие тварюге понадобилось меньше дня. Как же непросто будет ее сразить! Но сейчас об этом лучше не думать. Как показывал богатый опыт Финиста, участвуя в отчаянных мероприятиях, лучше вообще не думать — просто идти вперед, полностью полагаясь на интуицию, счастливую звезду или что там обычно помогало.

Золотинка испуганно всхрапнула и остановилась. Видно, виверна была совсем рядом. Финист прислушался. Кто-то ломился через густой подлесок. Кто-то большой и очень-очень злой. Финист глубоко вздохнул, набираясь мужества. Только не думать. Не думать о том, как тварь проглотит его целиком вместе с лошадьёю, как мощные мышцы ее желудка раздавят его кости, как ядовитая слюна прожжет плоть, как...

Шипение раздалось совсем рядом. Золотинка попятилась.

— Иди сюда, змейка. Цыпа-цыпа-цыпа, — поманил Финист мелькнувшую за кустами тень.

Смеркалось. По ночам по лесу носиться не с руки, но им с кобылой не привыкать, верно? Финист провел рукой по мохнатой шее лошади — она совсем заросла на зиму. Холода, должно быть, суровые предстоят.

— Иди сюда, тварь, смелее. Это я! Я похитил твоих детенышей, — голос Финиста уже

срывался на крик. Нервы натянулись до предела. Еще чуть-чуть и он помчится обратно, не дождавшись врага. Тогда все усилия пропадут втуне.

В сумеречном полумраке мелькнули светящиеся желтые глаза с вертикальным зрачком. Золотинка напряглась, как тетива, вот-вот готовая сорваться с места. Финист затаил дыхание, закрыл глаза и начал про себя считать. Когда дошел до десяти, со всех сил сжал конские бока — Золотинка подскочила и понеслась так, что только ветер в ушах свистел.

Зареченские лошади выводились специально для войны в те времена, когда лучшей конницы во всем Мидгарде было не сыскать. Горячие и бесстрашные, они готовы были скакать, пока не упадут мертвыми от вражеской стрелы или разрыва сердца. Благодаря невероятной выносливости и живучести, они делали зареченских воинов непобедимыми на поле брани. Но большая часть лошадей погибла во время Войн за веру. Золотинка была последним жеребенком, рожденным в табуне, который когда-то принадлежал отцу Финиста. Ее мать пала вскоре после рождения кобылки, и Финист сам выкармливал Золотинку козьим молоком. Наверное, поэтому чувствовал с ней особую связь. Чтобы говорить с кобылой, даже дар применять не приходилось. Она читала мысли Финиста, он — ее. Верхом он чувствовал ее, как часть себя. Поэтому сейчас Финист был точно уверен — Золотинка не подведет. Она будет с ним до конца, каков бы этот конец ни был.

Треск деревьев и гул все нарастал. Виверна не могла взлететь — именно на это Финист и рассчитывал. Лесная тропа оказалась слишком узкой, а достать его с неба тварь не могла из-за густых крон вечнозеленых деревьев. Единственный шанс — ломиться сквозь лес, который ее сильно замедлял. Но вот тропа закончилась. Впереди маячила скала с узкой щелью, куда конному явно не пройти. Финист на ходу соскочил с лошади и послал ее прочь. Золотинка, не задумываясь, подчинилась — свернула с тропы и спряталась в чаще.

— Эгей, давай сюда, змеюка неповоротливая! — позвал Финист, размахивая руками. Послышалось угрожающее шипение. Снова сверкнули глаза, в темноте вырисовался огромный силуэт зубастой пасти, с которой капала ядовитая слюна.

— Ближе-ближе, — манил Финист. Виверна остановилась и уставилась в его глаза, словно почуяла хищника. Именно такой взгляд был у него сейчас — стремительный, птичий. Виверна замешкалась, потеряв при этом преимущество, дарованное ей жадной мщеницей. Видно, с оборотнями ей встречаться еще не доводилось. Когда она сделала резкий бросок вперед, человека уже не было. Вместо него ей в морду бросился сокол и ударил острым клювом в глаз. Грозное шипение переросло в визг. Сокол быстро нырнул в щель. Виверна кинулась за ним, но ее голова застряла между каменными тисками.

Финист снова обратился в человека, подхватил заранее оставленный здесь меч, размахнулся и одним ударом перерубил твари позвоночник. Она завизжала еще пуще.

— Прости, я понимаю твою ярость из-за погибших детенышей, но сейчас либо ты, либо я, — еще несколькими стремительными ударами Финист отсек виверне голову и прекратил ее страдания.

Некоторое время он переводил дух, потом пошел искать одежду. Почуввав, что опасность миновала, из чащи вернулась Золотинка и, обходя змеиную тушу по краешку, подобралась к хозяину. Финист ласково потрепал ее за шею, снял с седла мешок, аккуратно упаковал в него голову виверны и двинулся в обратный путь.

\*\*\*

Под утро всех разбудил крик Майли. На пороге стоял сильно помятый и грязный, но все-таки живой Финист. Наследница повисла у него на шее. Тот даже немного опешил от



такого проявления чувств.

— Я так боялась, что ты не вернешься, — всхлипывала Майли. — И последним, что я тебе сказала, будут все эти упреки. Прости меня, прости, прости!

Финист неловко пожал плечами и забормотал что-то ободряющее. Герда смотрела на Майли с никогда прежде не испытанным чувством зависти. Ей тоже хотелось вот так обнять Финиста, слушать, как он ее успокаивает, но что-то не пускало. Стыд или страх ютился в глубине души и никогда не позволял вот так открыто проявлять эмоции, особенно к мужчинам, но порой так сильно хотелось.

— Герда, ты как? — отстраняя Майли, спросил Финист.

— Лучше. Думаю, завтра сможем ехать. Простите, что задерживаю, — ответила она, поднимаясь с соломы. Головокружение прекратилось, да и подташнивать тоже перестало — осталась лишь небольшая слабость в суставах.

— Перестань, никого ты не задерживаешь. Мне и Золотинке тоже нужен отдых после ночных приключений, — весело усмехнулся он и устроился спать рядом с Гердой, старательно не обращая на недовольство Майли никакого внимания.

С рассветом Ждан с Дугавой потащили Майли за едой в город, на силу уговорив ее дать Финисту поспать еще хотя бы пару часов. Как только дверь за ними захлопнулась, оборотень открыл глаза, перекатился по соломе поближе к Герде и начал пальцами перебирать ее волосы.

— Не спишь? — прошептал он над самым ухом.

— Нет, — тихо ответила Герда. — Что ты делаешь?

— Проверяю твою голову. Прости, что бросил тебя в таком состоянии.

— Ты не виноват, я сама сказала, что все в порядке, — Герда повернулась. Их лица находились так близко, что она могла видеть каждую крапинку в его желтых глазах.

— Я видел, что ты врешь, но мне важнее было выручить деньги за яйца. Это неправильно. Никакие деньги не стоят твоей жизни.

Герда слабо улыбнулась. Финист не удержался и провел пальцем по ее губам.

— Вижу, одно яйцо рыцари все же не взяли.

— Думаю, они специально просили достать два, чтобы если одно разобьется, заплатить меньше, но у них ничего не вышло. Еще и за виверну пришлось раскошелиться. Видела бы ты их глаза, когда я швырнул им ее голову.

Герда весело рассмеялась, но улыбка растаяла, когда она снова словила на себе его странный взгляд. Она тут же поднялась и подошла к яйцу.

— Знаешь, оно кое на что сгодится.

Герда выкатила яйцо во двор и разбила скорлупу. Оттуда выпали мертвый детеныш виверны с недоразвитой прозрачной кожей и небольшой красный камень, похожий на рубин, но очень мутный. Герда вылила на него ведро воды, обернула в тряпицу и показала Финисту. Он поменял цвет на прозрачно-голубой.

— Это вирбез, камень виверны. Он очищал яйцо от яда, чтобы зародыш мог им питаться. Это сильнейшее противоядие, которое срабатывает против большинства ядов. А еще он меняет цвет в зависимости от того, в какое зелье попадает. Держи, он твой.

— Ты его нашла, так забирай себе, — безразлично пожал плечами Финист. Он явно злился, что она не подпускала его близко. Но Герда ничего не могла с собой поделать. Слишком многое их разделяло.

— Но ведь это ты раздобыл яйцо, рисковал ради него жизнью. Да и ни к чему мне этот

камень. Я же совершенно обычная, и заживу скоро совершенно обычной жизнью без приключений. А тебе он, может, еще пригодится.

Герда скосила глаза в сторону улицы, на которой уже показались ребята с покупками. Финист нахмурился, но камень все же взял, не желая выяснять отношения при остальных.

#### ===== Глава 14. По ту сторону =====

Выехали, как и рассчитывали, на следующее утро. Рыцари в кои-то веки успокоились и не стали чинить препятствий. Видно, накануне весело отпраздновали победу над виверной. Финист старался о них не думать. Главное, что заплатили достаточно, чтобы путники не голодали до самой Упсалы. Время поджимало, о чем не преминули напомнить на следующей голубиной станции. Уже не шло речи о том, чтобы прибыть в назначенное место в первый день зимы. Такими темпами туда в лучшем случае к Йольтайду удастся приехать. В Компании наверняка будут недовольны. Хотя и это Финиста уже не сильно волновало. Лишь бы добраться до безопасного места живыми. Тогда и отдохнуть можно будет, а высокий чин... ну так пес с ним. Прожил же столько лет без него и сейчас проживет.

Примерно через неделю они перешли границу между Кундией и Лапией. Правда, границей лесополоса называлась очень условно. Кое-где, конечно, были выставлены посты и гарнизоны, но рыцари не особо смотрели на тех, кто ехал на север. Все больше следили, чтобы оттуда ничего не шло. Лапии здесь боялись не меньше Дикой пуши в Дрисвятах. Страна чернобородых колдунов и белоглазых ведьм — так называли ее жители приграничья, уверенные, что ступившие на северные земли уже никогда назад не воротятся. Попадут под чары колдунов или демонов, коих там бродит великое множество, или, что самое ужасное, застанет их северное сияние, захватит в свою круговерть да утянет в сердце Хельхейма, в червоточину самую. Вот там-то Преисподняя и находится — последнее пристанище для мятущихся грешных душ, где их будут мучить и вымораживать до самого пришествия Единого.

Финист усмехался подобным рассказам, Дугава со Жданом следовали его примеру и тоже бесстрашно смотрели вперед на медленно затягивающуюся первым снегом возвышенность. Майли в отличие от них долго не могла расстаться со своими старыми представлениями о мире, поверить, что те, кого она раньше считала бесспорным злом, стали для нее единственными друзьями и защитниками от фанатических воззрений бывших товарищей по вере. Герда вообще с головой ушла в книги. Благодаря им она точно знала, что там есть, а что придумала охочая до всяких ужасов народная молва.

В первый день пути вышла небольшая размолвка. Во время стоянки Герда подседа к Финисту и осторожно напомнила, что они давно забросили занятия чтением и пора бы их возобновить. Тот охотно согласился, и не потому что после того, как он с горем пополам научился складывать буквы в слова, на голубиных станциях на него перестали смотреть как на полное ничтожество, а скорее потому что во время чтения Герда всегда увлекалась настолько, что забывала пугаться, когда он касался ее или смотрел в упор.

Все испортила Майли. Заметив, как широко улыбается Финист, как лучатся его глаза, когда Герда в запале начинает повышать голос и помогать себе руками, превращаясь из робкой девушки в сильную умную женщину, она испугалась, что может потерять его. А может... а может, Финист никогда ей и не принадлежал, а то, что случилось с ними в лесу у Будескайска, было лишь чудесным сном, который она сама выдумала. От таких мыслей

становилось нестерпимо больно. Майли всегда злилась от боли, еще с самого детства. Вот и сейчас она бесцеремонно оттолкнула Герду в сторону и грубо сказала:

— Иди, я сама его научу.

Герда поджала губы и посмотрела на Финиста. Тот ошалело переводил взгляд с одной девушки на другую. Майли склонилась к самому его уху и что-то шепнула. Его зрачки испуганно расширились.

— Да, правильно, пусть лучше она, — неуверенно заговорил Финист. — А ты лежи. Тебе надо больше отдыхать после болезни.

Герда подчинилась, хотя в душе испытывала большое желание истерично завизжать и расцарапать Майли лицо.

Еще через пару дней Герда решила напомнить Финисту про то, что он хотел научить ее защищаться от обидчиков. Тот с радостью принялся придумывать для нее разные виды тренировок на выносливость, показывать основные приемы, исправлять ошибки, но тут снова появилась Майли.

— Финист, мне снятся кошмары. Я постоянно вижу мертвых. Ты должен помочь мне с этим справиться! — капризно надувая губки, заявила она, хотя прежде не выказывала ни малейшего желания учиться пользоваться даром. Он ее пугал. И неудивительно, учитывая, что произошло с ее отцом.

Финист очень старался сохранить душевное спокойствие Майли, обходя стороной места, связанные со смертью. Знал, что умственное здоровье медиумов очень хрупкое, особенно таких неподготовленных и эмоциональных. Но обучение как раз означало столкновение с миром мертвых. Финист надеялся отложить его до того, как они придут в Упсалу. Он хотел передать Майли более опытному учителю, потому что сам плохо представлял, как провести ее по краю безумия и не позволить в него окунуться. Но, если она сама попросила, то отказать он не в праве. Он давал клятву, нарушить которую не позволяла совесть.

На попытки обучить Майли у Финиста уходило очень много времени и сил, гораздо больше, чем на Ждана с Дугавой вместе взятых. Ни на что другое он уже отвлекаться не мог, и Герда вдруг почувствовала, что осталась совсем одна. Все были заняты своими делами: учились использовать способности Стражей, обсуждали вполголоса свои успехи, мечтали о том, какое применение найдут им в будущем, когда Компания их аттестует. Герде же порой казалось, что когда закончится этот бесконечный путь, никакого будущего у нее не будет. Ведь и не ушла она до сих пор, потому что идти было некуда, да и незачем. Эти ребята, Стражи, хоть они так себя не называли, привнесли в ее обыденное существование захватывающие приключения, свежее дыхание дальних странствий, смысл, в конце концов. И они неизбежно его заберут, когда наступит время каждому идти своей дорогой. Как она сможет стать прежней, вернуться к спокойной жизни без демонов и Стражей?

— Он действительно так тебе нравится? — Герда вздрогнула. Размышляя, она совсем потеряла связь с реальностью, и, когда кот лизнул ей руку и заговорил, ее как холодной водой окатили.

— Кто? — с трудом сосредоточив внимание на собеседнике, спросила она.

— Финист.

Герда пожала плечами.

— Почему ты спрашиваешь?

— Ты в последнее время так на него смотришь...

— Как?

— Томно. Словно в чем-то признаться хочешь, но не решаешься. Можешь признаться мне, я все равно разболтать ничего не смогу.

Герда внимательно посмотрела на него. За последнее время он тоже как-то сник, даже шерсть стала более тусклой, хотя, может, просто на зиму вылинял. Герда взяла его на руки.

— Он хороший. Я бы хотела... больше всего хотела остаться с ним, но не могу. У меня нет дара, и я никогда не смогу стать частью их компании, компании Стражей. Поэтому все разговоры и взгляды настолько же бессмысленны, как мечты о человеке, который давно умер.

Кот свернулся клубком и молчал.

— На самом деле я боюсь остаться одна, — Герда подняла его и посмотрела в грустные синие глаза. — Но этого не случится, потому что ты всегда будешь со мной, верно?

Кот прижал уши и отвел взгляд.

— Слушай, а почему все кот да кот? У тебя ведь имя должно быть, — Герда безуспешно пыталась его растормошить. — Не хочешь говорить, тогда я сама его придумаю. И не жалуйся потом. Как тебе Арчибальд?

Кот недовольно высунул язык.

— Себастьян?

— Гадость.

— Карл?

— Ты пытаешься назвать меня именем из сказок про рыцарей?!

— А вдруг ты на самом деле заколдованный рыцарь? И если я сожгу твою шкуру или отрублю голову, ты снова станешь человеком.

— Мне больше нравился вариант с поцелуем.

— Я не Ждан, чтобы жаб целовать.

Они весело засмеялись.

— Если серьезно, как твое имя?

— Шквал. Помнишь, так меня Ужинный король называл.

— Что за странное имя для кота?

— Ты сама сказала, что я на самом деле не кот. Кроме того, это просто кличка, мое настоящее имя слишком длинное и сложное — все равно не запомнишь. Шквал к нему ближе всего.

После разговора с котом на душе стало теплее. Хотя бы что-то в этой жизни определено. «Герда и Шквал» — странная компания, но все же лучше, чем просто «Герда».

\*\*\*

Хотя бы часть историй про Лапию оказались правдой. Перед путниками лежала суровая, дикая горная страна, где людские поселения встречались очень редко. Хуторов и маленьких деревушек так и вовсе не было. Здесь предпочитали селиться кучно, чтобы зимой сохранять тепло и отбиваться от демонов вместе. Но возле границы городов не было. За первые дни в Лапии путники успели соскучиться по виду человеческого жилья. Один мохнатый хвойный лес густо покрывал низкие еще предгорья. Темнело рано. Из-за мокрого снега дорога стала скользкой, поэтому время ночевки пришлось увеличить.

На одной из них, довольно ранней, потому что еще не стемнело, Герда решила почитать в одиночестве, а заодно не мешать ребятам тренировать свои способности. Она удобно устроилась на поваленном дереве, подложив под себя кусок толстой материи, и углубилась в

книжку, ту самую «Книгу теней», что нашла в потаенной комнате в Будескайске. Раньше руки до нее не доходили — сейчас в первый раз открыла. Это действительно оказался дневник.

— Шквал! — позвала Герда. — Смотри, дневник принадлежал той самой Лайсве, про которую ты не захотел рассказывать. Странно, она описывает свои родные места точь-в-точь как наши. Тут и про Бобровую хату на Домне есть, и про Ужинные топи, и про неприступный замок на холме. Она в нем родилась, кстати. Неужели где-то есть места, настолько похожие на наши? Или она действительно жила в Ильзаре до Войн за веру? Тогда тот сон...

— Не читала бы ты его, — сделал слабую попытку отговорить ее кот, но Герда не вняла его предупреждениям.

— Почему? Финист сказал, что она может оказаться моей родственницей, — в своих фантазиях она уже представляла, как после расставания с друзьями выяснит, кем была эта таинственная женщина и, возможно, найдет кого-то из родичей по отцовской линии. Те с радостью примут ее в свою семью, и она проживет с ними тихую и спокойную жизнь.

— Опять расстроишься и плакать начнешь, а я уже не смогу тебя успокоить, — кот прижал уши и отвел взгляд, как делал всегда, когда пытался что-то скрыть. Герда задумалась и не заметила, как из-за ближней ели выскочил невысокий щуплый парнишка в заплатанном сером плаще и выхватил у нее книгу.

— Эй, отдай! — возмутилась она.

— Книзецька! — весело закричал мальчишка. Он был всего года на два младше Герды, но вел себя как пятилетний ребенок, а разговаривал и того хуже, размахивал книгой над головой, как флагом, и странно хихикал, от чего по подбородку обильно текла слюна. Герда передернула плечами: его замашки откровенно пугали. Она подняла с земли длинную палку и наставила ее на незнакомца.

— Отдай! — с угрозой в голосе сказала Герда.

Паренек не на шутку струхнул — опустил руки, прижал книжку к груди и попятился, глядя огромными от ужаса глазами.

— Стой! Отдай книгу, паршивец! — воодушевленная моральной победой над врагом, Герда ринулась в наступление.

— Что ты делаешь? Разве можно на увечных с палкой нападать?! — послышался из-за деревьев скрипучий старушечий голос. Щеки Герды запылали от стыда. Она поспешно опустила свое оружие и отступила на шаг. Паренек расправил плечи и прекратил трястись. За его спиной показалась сгорбленная старуха в ветхом сером тулупчике и таком же платке. Шла она медленно, опираясь на кривую сучковатую клюку. В свободной руке держала большую корзинку с крупными бордовыми ягодами, по виду сильно мороженными.

— Он отобрал мою книжку, — пожаловалась Герда.

— Книзецька цюзая, без спросу взятаАя, — широко улыбаясь щербатым ртом, заявил мальчишка, явно не собираясь возвращать украденное.

— Юстес, сейчас же отдай книгу! — строго выговорила старуха. Мальчик поджал губы и с опаской протянул книгу. Герда тут же спрятала ее за пазухой, а Юстес сжался за спиной старухи.

— Прости, что напугала тебя. Просто эта книга мне очень дорога

Стало очень совестно из-за того, что она повела себя так недружелюбно.

— И ты нас прости. Мой внук особенный, с ним порой сложно бывает, — ответила старуха, присаживаясь на поваленное дерево. Только сейчас Герда заметила, что ее глаза

подернуты мутной пеленой. Она явно была слепая, а на клюку не опиралась, а прощупывала дорогу.

— Это вельва, — поделился догадкой Шквал.

— Коця! — вдруг заорал Юстес, указывая на кота, и бросился его ловить. Шквал зашипел и вскочил на дерево. Герда нахмурилась. Не может быть, чтобы этот полоумный мог видеть ее кота.

— Перестань! — прикрикнула на внука старуха. — Нет здесь никого. Дай отдохнуть спокойно. Ох, и далеко мы с тобой зашли. Опасно будет ночью возвращаться, когда зверь всякий из чащи вылезет.

Возникло ощущение, что старуха хочет, чтобы ее с внуком пригласили на ночь к костру. Герда хорошо помнила жуткие истории о том, как недалёковидные люди отказывали в помощи вельвам, а потом сталкивались с бесконечной чередой неудач и несчастий, приводивших к мучительной смерти, поэтому с готовностью предложила переночевать в их компании. Старуха несказанно обрадовалась, вручила Герде тяжелую корзину и за шиворот оттащила внука от дерева, возле которого он караулил кота.

По дороге Герда со старухой разговорились. Ее звали Адди. Они с внуком жили одни на отшибе. Люди их побаивались и не позволяли селиться в городе. Кормились они в основном тем, что выращивали на небольшой делянке возле дома или находили в лесу. Сейчас вот болотнику собирали — диковинную северную ягоду, которая только к самым холодам вызревала, подмораживалась немного, а потом всю зиму ее как свежую есть можно было. Герда после долгих уговоров согласилась попробовать одну и тут же скривилась — от приторно-сладкого вкуса свело скулы.

— Ничего, зато с травяным настоем хорошо идет, — добродушно похвалила ягоду старуха. — И Юстес от нее меньше болеет.

В лагере их встретили не очень радушно. Финист переживал, что Герда ушла так надолго и никого не предупредила. Ведь это совершенно незнакомый лес, кто знает, какие твари здесь водятся?

— Зачем ты их привела? — недовольно шепнул оборотень, подозрительно оглядывая странных пришельцев.

— Она вельва. Я не могла ей отказать.

— Опять сказок начиталась? Никакая это не вельва, а простая старуха. Попрошайки они — на твоих слабостях играют.

— А горлица-то, поди, поумней соколика будет, — громко сказала Адди, обрывая их шепот.

Финист аж поперхнулся, когда увидел как белок полностью затопил ее глаза. Дугава, вовремя рассудив, что гости вот-вот обидятся на холодный прием, протянула им тарелки с дымящимся супом и пригласила к костру.

Ели в каком-то странном напряжении, то и дело бросая испуганные взгляды на Адди и ее внука. И если старухе успешно удавалось не обращать на них внимания, то Юстес заметно нервничал. Герда не выдержала и подсела к нему, освободив место возле Финиста, которое тут же заняла Майли.

— Позови коцю, — настойчиво попросил он. — Коця харроший.

— Не могу. Коця приходит сам, когда считает нужным, — терпеливо объясняла Герда. Юстес приуныл.

— Хочешь, я тебе книжку дам? Не ту, конечно, которую я в лесу читала, а другую,

интересную, со сказками, — попыталась развеселить его Герда.

— Юстя цитаць не умеет. Юстя поиграць хоцел. С Юстя никто не играе, только вода.

Герда нахмурилась, потеряв нить его рассуждений, и перевела взгляд на Адди.

Старуха тепло улыбнулась:

— Вода — покровитель всех ясновидящих. Мой Юстес особенный, я же говорила. Одной ногой тут, другой там стоит. Все видит, все слышит, да только понять не может. Не выдерживает его голова такого потока, вот он и ведет себя странно.

— Потока?

— Реки времени, что разделяет наш мир и мир духов. Юстес оказался в обоих, как человек в бреду на пороге смерти. Уже не здесь, еще не там. Только у него это всю жизнь длится.

— Как такое может быть?

Адди вдруг погрузилась.

— Когда моя дочь его ждала, приняла одно очень опасное зелье. Начались преждевременные роды, и мальчик получился таким.

— Если знала, что зелье опасное и может навредить ребенку, зачем его приняла? Почему нельзя было подождать, пока он родится? — не смогла сдержать любопытства Герда, хотя прекрасно понимала, насколько невежливо расспрашивать малознакомых людей об их горестях.

Адди отвечала нехотя, через силу, но было видно, что ей хочется поделиться своей болью. Слишком устала носить ее в сердце невысказанной.

— Я тогда еще вельвой не была. Собирались совет старейшин, чтобы оценить ясновидящих и выбрать достойную вступить в их ряды. Все были уверены, что выберут меня. Мой дар был самым мощным, и я много училась — перенимала мудрость предыдущих поколений. Слава о моих предсказаниях гремела по всей округе. А дочь, у нее тоже был дар, но она жила в моей тени: во всем вторая, ее успехи воспринимали как должное. У нее не было права на провал. Я долгое время не обращала внимания, как ей тяжело от этого, а когда заметила, было уже слишком поздно. Она отдалилась, ожесточилась, решила во что бы то ни стало обойти меня. Но сил для этого у нее не хватало.

В наших землях растет один цветок. Настой из него на короткое время увеличивает силу ясновидящих, позволяет войти в реку глубже, но для здоровья он очень вреден, нередко вызывает падучую болезнь и может закрыть дорогу обратно навсегда. Моя дочь решила принять его, чтобы увеличить силы перед церемонией, но ничего не вышло. Видеть еще не значит понимать, а понимание приходит лишь с возрастом. Вельвой выбрали меня, а она упала от изнеможения или от разочарования — не знаю, у меня не было шанса спросить. Начались схватки. Лучшие целители бились над ней больше дня, да все без толку — она угасла и чуть было не утянула за собой Юстеса. Его тело удалось спасти, но часть души навсегда осталась там.

— Ее никак не вернуть? — ужаснулась Герда.

— Людям это не под силу.

Герда перевела взгляд на Юстеса. Тот блаженно улыбался. Обвыкся уже и нервничать перестал. Да и ребята тоже после еды расслабились и смотрели не так настороженно. Один Финист мрачно глядел на танцующие языки пламени, погруженный в тяжелые мысли. К супу даже не притронулся.

— Так что же это я, — встрепенулась старуха после затянувшегося молчания. —

Хозяева дорогие, я обязана вас как-то отблагодарить за гостеприимство. Возьмите ягодок. С отваром хорошо пойдут, а я вам про будущее расскажу.

Из кипевшего на костре котла по чашкам разлили ароматный травяной напиток. Болотника с ним действительно пошла куда лучше. Отвар чуть горчил и сглаживал сладкий вкус ягод.

— Кто из вас, детушки, самый смелый? — широко улыбаясь, спросила старуха. — Кто будет первым?

Вызвался, как ни странно, Ждан. Может, хотел свою смелость показать или просто интересно было узнать, что будет дальше, когда это бесконечное путешествие закончится. Адди взяла его ладонь и начала переминать руками.

— Что ж, — усмехнулась она. — Смелости тебе действительно не занимать, но смелость эта не безрассудная, а умная смелость, та, которая позволит идти вперед, но не попасть в ловушку. Когда обретишь уверенность, станешь большим начальником в армии. Все тебе в ножки кланяться будут, когда победу одержишь. Очень важную победу, окончательную.

Ждан сидел с таким важным видом, что остальные не выдержали и рассмеялись.

— В самом деле, Ждан начальник в армии? Он даже фехтовать толком не умеет, — сказала Дугава.

— Ничего вы не понимаете. В сражениях главное стратегия, а не глупое размахивание мечом, — насупился Ждан.

— Ладно-ладно, — попыталась помириться Дугава. — А что вы мне скажете?

Адди взяла ее руку и тут же напряглась.

— Полюбишь, ты, девонька, большую воду и отправишься вслед за чайкой. Много сил тебе понадобится, чтобы не погибнуть в коварной морской пучине.

— Вы о чем? — удивилась девушка. — Я моря никогда не видела и даже плавать не умею — всю жизнь в городе прожила. Да и зачем мне чайка? Мне и своих земных соколов вполне хватает.

Ждан засмеялся вместе с Дугавой. Адди покачала головой, но ничего не ответила и повернулась к Майли. Та заметно робела, но ей тоже очень хотелось про будущее послушать. Она сама подала дрожащую руку вельве. Та долго вертела ее ладонь, щупала со всех сторон, словно что-то искала, а потом заговорила очень медленно, взвешивая каждое слово:

— Ох и не простую судьбу ты себе выбрала, деточка. Вечная борьба, вечные скитания. Оседлать ветер не просто, но еще сложнее удержать. Чуть поводья натянешь — скинет, отпустишь — помчит с бешеной скоростью.

— Так что же делать? — Майли единственная восприняла слова Адди всерьез.

— Это тебе решать, — ответила старуха. — Но пока будешь вести себя, как сейчас, ничего путного не получится. Измени себя, и, возможно, тебе удастся то, в чем очень многие потерпели неудачу.

Майли удивленно вскинула брови и украдкой глянула на Финиста. Все остальные тоже выразительно посмотрели на него.

— Что? — всполошился он. — Да с чего вы решили, что это обо мне?

— Ты ветренный, — заключила Дугава. И они со Жданом уже в который раз хором засмеялись.

Финист воздел глаза к небу, всем видом показывая, что ни в какие предсказания он не верит.



Адди решительно потянулась за его рукой.

— Не бойся, неверующий. Про смерть вельвы молчат, а вот по жизни хороший совет дать могут. И не слушай, что мы горевестницы. Мы беду не кличем, а лишь предупреждаем о ней загодя, чтобы избежать можно было. И хоть слова наши кажутся загадкой, со временем прозрение обязательно придет и ты поймешь, что старуха Адди во всем права.

Финист тяжело вздохнул, но все же позволил взять себя за руку. Она лишь коснулась и тут же отпустила. Дыхание участилось, плечи заметно дрожали.

— Ну что, все будет плохо? Когда Голубые Капюшоны придут по мою душу? — усмехнулся ее реакции Финист.

Старуха села, стараясь унять бешено колотившееся сердце. Отхлебнула отвара, заела ягодами и только тогда, когда все уже изнывали от любопытства, заговорила:

— Я не скажу, что видела.

— Устроили тут представление, а говорить отказываетесь? — продолжил язвить Финист. — Да я и без вас все знаю. Будет конец света, реки наполнятся кровью невинных жертв, воздух заполонит дым чудовищных пожаров, червоточины распахнут прожорливые пасти, выпуская в наш мир сонм самых ужасных порождений, в недрах земли проснутся древние боги, и начнется последняя битва, в которой весь мир сгорит дотла.

— О, да ты сам видишь будущее куда яснее меня, — неожиданно расхохоталась старуха, от чего всем сделалось сильно не по себе. Ее смех даже Финиста лишил былой бравады. Он сложил руки на груди, пытаясь от всех закрыться.

— У тебя острый ум и язык. Жаль, ты не всегда находишь им достойное применение и растрачиваешь себя на сомнительные развлечения. Если не изменишься, рискуешь до бесконечности повторять одни и те же ошибки. И перестань задирать младшего брата. Ваша детская вражда слишком затянулась и мешает вам обоим узреть истину.

— Это вряд ли, — тихо хмыкнул Финист. — Нет у меня никакого брата, тем более младшего.

— Может, имеется в виду нареченный брат, близкий друг или... — осторожно предположила Герда. Ей очень не понравилось, как Финист говорил с Адди. Такое жесткое отторжение было верным признаком, что предсказания его очень задели.

— Может, это Ждан, — робко предположила Дугава.

— Я тебя задираю? У тебя с этим проблемы? — тут же осведомился Финист.

Ждан удивленно моргнул:

— Нет. Но ты бы мог обращаться со мной помягче.

— Угу, лени твоей потакать. Не надейся, — разочаровал его Финист. — Вот видите, вы ошиблись — нет у меня никакого брата, ни кровного, ни нареченного. Я один, совершенно один на всем белом свете. И слава духам.

— Как был идиотом тысячу лет назад, так им и остался, — хмуро заметил невесть откуда вылезший Шквал.

Герда удивленно глянула на него.

— Коця! — счастливо заорал Юстес прямо над ухом.

— Ну, вот опять! — Шквал со всех ног бросился наутек.

— Юстес, сядь! — грозно велела Адди.

— Хочу играть с коцей! — капризничал мальчик.

— Кот? Где? — всполошился Финист. — Терпеть не могу пронырливых тварей, особенно когда они метить начинают.

Герда про себя усмехнулась. Похоже, неприязнь у них была абсолютно взаимной.

— Не обращайтесь внимания, — вздохнула Адди. — Нет здесь никого. Юстес сейчас успокоится.

Внук вельвы нехотя вернулся на место и притих. Герда уже начала ерзать от нетерпения — без предсказаний осталась только она. Герда решительно протянула вельве руку, но та смотрела ей в глаза и почему-то медлила.

— Лучше не стоит, — разочаровала ее Адди.

— Я тоже так думаю, — в первый раз согласился с ней Финист.

— Но почему? Я, конечно, знаю, что у меня нет дара, и в моей жизни не будет никаких значительных событий, но все же я... я очень хочу, чтобы вы и со мной поделились своей мудростью.

Старуха тяжело вздохнула и чуть коснулась ее пальцев.

Костер померк, а вместе с ним исчезли звезды и луна. Все вокруг закрутилось в разноцветном вихре. Герда снова оказалась в своем давешнем сне посреди заснеженного плато. Теперь всадник спешил и стоял прямо перед ней. Она не видела его лица, но знала, что всю жизнь искала именно его. Герда протянула к нему руки, он зеркально повторил ее жест. Их пальцы сомкнулись. Ее счастье нельзя было передать словами. Хотелось, чтобы время остановилось и она навсегда осталась здесь с ним, просто держась за руки, ощущая радость единения с тем, кого любила так беззаветно.

Вдруг раздался громкий треск. Герда опустила глаза и увидела, что стоит вовсе не на плато, а посреди замерзшего озера. Лед под ногами раскололся. Рука выскользнула из пальцев незнакомца, и Герда полетела в распахнувшуюся полынью. От холодной воды тело свело судорогой. Она попыталась всплыть наверх, но тут ее подхватило течение и понесло под лед. Герда бессильно барахталась, скользя пальцами по полупрозрачной поверхности, но ничего сделать не могла. Воздуха не хватало. Нос щипало от холодной и почему-то соленой воды. В груди нарастала нестерпимая боль. Сознание начало гаснуть, и она провалилась в темную бездну.

Герда очнулась на руках у Финиста, ощущая уже почти привычную мигрень.

— Как ты? — встревожено спросил он.

— Ничего вроде, — отозвалась Герда, поднимаясь. Все взгляды были устремлены на нее. — Я снова потеряла сознание?

Все кивнули.

— Надолго?

— На пару минут, — ответил Финист. — Точно все в порядке?

— Я же сказала, — упрямо процедила Герда. Почему ей не верят?!

— Не следовало мне позволять это. Старуха, зачем? Ты же понимаешь, насколько это опасно, не можешь не понимать, — с укором обратился Финист к Адди.

Вельва протянула Герде чашку с отваром:

— Выпей горячего — полегчает.

А потом повернулась к Финисту:

— Я сделала только то, что было необходимо.

— Кто сказал?

— Вода, так сказала вода.

Финист отвернулся и заскрежетал зубами от еле сдерживаемой злости.

— А как же предсказание? — хором спросили Дугава со Жданом, которым тоже не

терпелось узнать, что предречет вельва.

— Его не будет. Да и ваш предводитель против. Не стоит больше испытывать его терпение, — смиренно ответила Адди и снова подошла к Герде. — Съешь ягод побольше — они здоровье восстанавливают и от немощи лечат.

Старуха слой запихивала Герде в рот большие горсти болотники, обильно поливая их обжигающим напитком. От этого действительно становилось легче.

— Адди, скажите, что это было? Мое будущее? — тихо спросила она, когда вельва перестала ее кормить.

— Не знаю. Видение было послано тебе, поэтому и понять его сможешь только ты.

— Но почему его послали мне, а не вам?

Адди тяжело вздохнула, обдумывая ответ:

— Ты на моего внука чем-то похожа. Тоже одной ногой на той стороне стоишь, поэтому и видишь то, что недоступно другим. Главное, не сопротивляйся — это часть твоего естества. Со временем ты сама все поймешь.

Герда нахмурилась. Слова старухи стали еще более туманны, чем раньше, хотя доля истины в них была — Юстес тоже видел Шквала. Может, кот не плод ее воображения, а создание с той стороны? Тогда понятно, как он так ловко находит выход из самых сложных ситуаций. Но не значит ли это, что Герда когда-нибудь станет такой же сумасшедшей, как внук вельвы? Она обвела взглядом товарищей. Никто их разговора не слышал, ребята занимались своими делами. Время было позднее, а завтра предстоял долгий путь, поэтому все спешили поскорей лечь спать. Герда тоже решила не засиживаться — слабость после обморока до конца не прошла и глаза закрывались сами собой.

Адди с Юстесом тоже прилегли у костра, но встали, когда солнце еще не взошло. Собирались очень тихо. Мальчишка будто понял желание старухи уйти скрытно и изо всех сил старался не шуметь. Но против звериного слуха Финиста все их ухищрения оказались бесполезны.

— Даже не попросааетесь? — шепотом спросил он у вельвы. Та обернулась и протяжно на него посмотрела.

— Мы и так доставили вам слишком много беспокойства, — пожала плечами Адди. — Да и ты был нам совсем не рад.

— Ваша правда. Надеюсь, это не будет мне стоить десяти лет сплошных несчастий? — попытался отшутиться Финист, но старуха ответила как никогда серьезно.

— Несчастья преследуют тебя из-за того, что взваливаешь на себя слишком тяжелую ношу, бросаешь от одной проблемы к другой и ни одно дело до конца довести не можешь.

Финист отвернулся. Тут она оказалась совершенно права.

— Что же до девочки, ты зря от нее все скрываешь. Она сильнее, чем ты думаешь, и нуждается в помощи и наставлении, а ты постоянно бросаешь ее одну на произвол судьбы. Неконтролируемые вспышки вытягивают из нее все силы. И когда-нибудь это может плохо закончиться. Ты же понимаешь.

— И все же почему вы ее коснулись?

— Потому что так подсказал мой внутренний голос. Ведь ты сам часто действуешь также. Между нашими способностями не так уж много разницы, мой мальчик. Запомни это. Слушай внутренний голос. Глаза, уши и нос обманут. А он — никогда. Теперь прощай, Финист Ясный Сокол.

Вельва, взяв за руку внука, скрылась в лесу. Финист лег рядом с Гердой, разглядывая ее

лицо.

— Они ушли? — тихо спросила она, не открывая глаза.

— Да, — прошептал в ответ Финист. — Что тебе снилось?

— Не помню.

— Не сейчас, а когда вельва взяла тебя за руку. У тебя было такое жуткое выражение лица, словно тебя только что с того света вытащили.

— Наверное, так оно и было. Я видела свою смерть... Но ведь Адди сказала, что смерти она не предсказывает, а, наоборот, помогает ее обойти.

Финист пожал плечами.

— Иногда даже вельвы ошибаются.

— Будем надеяться. Мне бы не хотелось умереть так.

— Я тебя уберегу.

— Но если тебя не будет рядом?

— Буду. Обещаю.

Герда ласково улыбнулась и придвинулась поближе к Финисту. Тот мягко приобнял ее, и вместе они проспали до самого утра.

## ===== Глава 15. Негостеприимный городок =====

С приходом зимы ощутимо похолодало. Земля покрылась толстой шапкой снега. Коням приходилось высоко задирать ноги, ход их сделался тряским и неудобным. Уставать и животные, и люди начали в два раза сильнее, от того и привалы приходилось делать намного чаще. А время неудержимо бежало вперед. На голубиных станциях смотрели с большим неодобрением, но Финиста это уже ни капельки не заботило. Все сроки он давно пропустил, а денег раздобыл и сам. Последние две станции он вообще не почтил своим вниманием — надоело выслушивать пустые упреки и угрозы, да еще и крюки делать ради этого. Решено было заехать только на последнюю перед Упсалой станцию, чтобы получить распоряжения, что делать дальше. А до этого путь будут держать самостоятельно, да, собственно, как и раньше.

Когда они проезжали мимо небольшого городка с длинным неблагозвучным названием Фаскенхёгсдааль, их накрыла страшная пурга. Глаза застилала крупная хлопья снега, зловеще подвывал ветер, грозя сдуть всадников с лошадей. Ехать дальше оказалось невозможно. Нужно было искать ночлег, и желательно с крышей над головой.

Ни стены, ни городских ворот в Фаскенхёгсдаале не было, как и в остальных городах Лапии, которые больше походили на сильно разросшиеся деревни. Люди здесь нападали редко, а то, что рождалось из червоточин, никакие стены сдержать не могли и только раззадоривали. Зато двери каждого дома были украшены защитными талисманами, якобы отпугивавшими злых духов. Правда, в Фаскенхёгсдаале они оказались срезанными — на месте замысловатых узоров остались кривые царапины, словно от когтей жуткого зверя.

Приглядевшись, Финист нахмурился:

— Кажется, здесь нам окажут холодный прием.

— Почему? — спросил Ждан. Он промок и продрог насквозь, как и все остальные, но жаловался так громко, что создавалось впечатление, что плохо только ему одному.

— Единоверческая церковь, — Финист указал на мрачное здание с массивными каменными стенами и высокой круглой колокольней.

— В Лапии? Не может быть! — поразилась Герда. — Может, это ратуша или дом богача?

— Разве похоже? — скептически хмыкнул Финист.

Герда пригляделась и увидела в окнах сложные узоры из дешевого прозрачного стекла. Совсем убогие витражи как в Дрисвятах. Это действительно церковь!

— Но мы ведь все равно попытаем счастья? — с надеждой спросила Дугава.

— Придется, — оборотень нехотя спешил и направился к ближайшему крыльцу.

Там их не приняли, отговорившись тем, что у них и так полный дом гостей. Во втором вообще открывать отказались, обозвав их лиходеями. В третьем и четвертом мест не оказалось. В пятом не помог даже увесистый кошель с рыцарским золотом — сказали, что у них нет условий принимать таких знатных господ, в шестом заявили, что боятся гостям не понравиться, из-за бедности и убогости своей их гнев накликать.

Поговорить начистоту соизволили только в седьмом доме, маленьком, но очень ухоженном, с украшенной резными коньками крышей. Поседевший раньше времени коренастый мужичок в латанном овчинном тулупчике спешно вышел на аккуратное высокое крыльцо и обвел собравшихся усталым взглядом. Остановился на стучавших зубами от холода девушках. Тяжело вздохнул:

— Не пустит вас никто. Священник не велел чужаков принимать, только единоверцев-пилигримов. Он и сам, священник наш, пилигримом был. Когда мимо наших мест проходил, на город как раз свора демонов-зубоскалов напала — пять человек загрызли, пока он их не прогнал. В благодарность наши ему церковь построили. Все деньги общественные на нее потратили. Священником его сделали и градоначальником вместо старого бургомистра, который староверам благоволил.

К тому же в этот год заморозки ранние случились — весь урожай погиб. Голодать приходится. Священник говорит, что Единый-милостивый нам испытание посылает, чтобы староверческую скверну из сердец вытравить. Поэтому и гостей принимать нельзя, а уж тем более денег у них брать, чтобы голод утолить. Против его законов это.

— А от голода умирать не против? — не удержался Финист.

Мужчина пожал плечами. Видно, в душе его тоже точил червь сомнения, но против остальных горожан он выступать не решался.

— Ищите приют в лесу. Там полянка в низине должна быть — затишек. Разведите костер, огонь вас мигом согреет. Да вот еще возьмите, — он протянул Финисту баклагу. — Оно крепкое. Не даст замерзнуть.

Финист попытался всучить ему пару монет, но тот начал отнекиваться, опасливо оглядываясь по сторонам: не вышел ли кто во двор посмотреть, чего он так долго с чужаками разговаривает. Пришлось сдаться, когда из дома послышался нетерпеливый женский голос, призывавший мужчину поскорей закрыть дверь и не навлекать на несчастную семью еще больших бед, помогая бродягам.

— Мы все неправильно делаем, — заявила Майли, когда за мужчиной захлопнулась дверь. — Надо идти в церковь и просить приюта там. Священники обязаны помогать честным людям в беде.

— К сожалению, мы к честным людям в их понятии не относимся, — осадил ее Финист.

В последнее время их отношения накалились до предела. Майли жутко ревновала и пыталась давить на чувство вины и ответственности. Получалось не слишком хорошо:

Финист оказался скользким, как рыба, и от любого давления без труда уходил. Герда посоветовала бы ей отстать от него и позволить самому решать, но Майли бы вряд ли стала ее слушать.

— Великолепно! — разозлилась она. — Не хочешь идти — не надо. Я сама попрошу у священника приюта, а вы останетесь ночевать на улице.

Майли, высоко вздернув голову, зашагала к церкви, правда, нарочито медленно, словно ждала, что Финист побежит за ней, но он этого не сделал.

— Что ж, — повернулся оборотень к остальным. — Если других возражений нет, предлагаю сделать так, как посоветовал этот мужчина: найти тихую лесную поляну и заночевать там.

— Но мы еще не все дома обошли, — сделал слабую попытку переубедить его Ждан. — Последний хозяин вон каким добрым оказался, может, еще такие найдутся и пустят нас переночевать.

— Да и Майли не стоит оставлять одну. Она ведь потеряться может, — поддержала друга Дугава.

— Может, оно и к лучшему, — ответил Финист, но на уговоры все же поддался. Решили, что он с Дугавой и Жданом постучится в остальные дома, а Герда пойдет в лес разыскивать подходящую поляну, чтобы они, когда их дело увенчается полным крахом, — Финист в этом не сомневался — не блуждали в потемках.

Найти подходящую поляну оказалось не так-то просто. Леса в Лапии были не такими густыми, как на юге, но из-за высоких вековых сосен казались гораздо более мрачными и дремучими. Иногда вой метели перекрывался заунывной волчьей песней, от которой кровь стыла в жилах. Герда знала, что пока рядом Финист, зверей можно не бояться. Его дар действовал на них гипнотически: если они не становились ласковыми и послушными, то, по крайней мере, обходили лагерь стороной. Финист рассказывал, что за время путешествия его способности сильно возросли. Он чувствовал, как становится настоящим зверолордом — повелителем животных. Этот дар мечтал развить в себе его отец, но так и не успел.

Герда очень удивилась, узнав, что дар большинства сильнейших Стражей мог развиваться и изменяться со временем. Единственной способностью Финиста, данной от рождения, было оборотничество. К десяти годам он научился понимать зверей и птиц, а позже и разговаривать с ними. Раньше он больше просил их о помощи, некотором одолжении или угрожал, склоняя на свою сторону. Теперь же все легче становилось просто приказывать: «Эй, воронье, защитите меня от рыцарей! Лошади, ну-ка станьте в строй и идите смирно!» И они слушались.

Нужная поляна вскоре нашлась. Достаточно большая и ровная, чтобы они все смогли на ней уместиться вместе с лошадьми. Осталось только собрать хворост и разложить костер. Неожиданно раздался треск сучьев, за которым последовал детский плач. Что-то сверкнуло, словно молния ударила, и тут же потянуло дымом. Герда со всех ног бросилась на звук. В глубине леса, чуть в стороне от проторенной дороги перед горящей лысой листовиницей стоял маленький мальчик и испуганно таращился на языки пламени.

— Что случилось? — спросил Герда, бросая пригоршню снега в огонь, чтобы потушить.

— Это не я! Честное слово, я ничего не делал! — судорожно оправдывался мальчик. На вид ему было не больше десяти лет. Одет в серый шерстяной кафтан и штаны, поверх которых накинут потрепанный, весь в заплатках плащ явно с чужого плеча. На лохматые пепельные волосы нахлобучена дырявая шапка, так и норовящая упасть на глаза. Рядом

небольшая вязанка хвороста, да все какого-то сырого, для очага не подходящего.

— Тише, я тебя ни в чем не обвиняю, — поспешила успокоить ребенка Герда. — Просто расскажи, что произошло.

— Я собирал хворост... — заговорил мальчик, с трудом преодолевая испуг. — Меня мачеха послала. Сказала, чтоб без него домой не смел возвращаться. А тут такая метель, я заблудился, устал и хвороста почти не набрал — возвращаться нельзя, а так холодно, что руки-ноги заоченели. Не поднимаются совсем. Вот я и споткнулся обо что-то. Упал, а там что-то хрустнуло и как вспыхнет! Теперь меня даже на порог не пустят. Скажут, что это я пожар устроил. Мой отец лесоруб, и у нас кроме деревьев богатства никакого.

— Ничего страшного. Огонь уже погас, а дерево совсем чуть-чуть обгорело, гляди, — мальчик поднял глаза и громко хлопнул носом. — Да и не виноват ты ни в чем. Скажешь, что ничего не видел, ничего не знаешь, а дерево само загорелось. Молния попала. Да так оно и было.

— Молния зимой? — удивился он. — Такого не бывает!

— Не важно. Главное, что ты тут ни при чем, запомни это. Как тебя звать?

— Вожаненок. Но ты можешь звать меня Вожыком, так меня мама называла, — слабо улыбнулся мальчик.

— А я Герда. Идем, я помогу тебе собрать хворост и отведу домой.

— Но ты не из местных. Почему ты не заблудилась, а я заблудился?

— Это у меня в крови — я дочь лесника. Могу найти выход из любого леса в любую погоду.

— Но тогда оно должно быть и у меня в крови. Я ведь сын лесоруба.

— Просто ты пока плохо ориентируешься, — усмехнулась Герда, про себя размышляя о том, зачем родители посылают маленьких детей в лес особенно по такой погоде. А вдруг действительно пожар или зверь нападет? Неужели им совсем не боязно? Потом на ум пришло, что отец тоже часто посылал ее в лес одну, несмотря на все возражения матери. Тогда и в голову не приходило поинтересоваться, почему он поступал так беспечно.

Хворост собрали довольно быстро, даже немного согрелись и развеселились, играя в снежки. В обратный путь двинулись, когда на небе уже светила полная луна. Ребята, должно быть, уже заждались, но бросить ребенка в беде Герда не могла.

Когда они подходили к городу, по громким крикам сразу стало понятно, что искать остальных нужно на главной площади, неподалеку от церкви. Ругались, как можно было ожидать, Майли с Финистом. Дугава и Ждан ошалело на них смотрели.

— Из-за тебя меня отовсюду гонят! — причитала Майли так, что заглушала ветер. — Даже в какую-то вшивую церквушку посреди дремучего захолустья погреться не пустили. Меня, самую примерную воспитанницу Эгольского монастыря! Это наказание за то, что колдуну мерзкому вне брака отдалась. Единый-милостивый, ну почему я была такой слепой? Почему на искушение поддалась?

— Пойди еще раскайся перед всеми, — орал в ответ Финист. — Тоже мне — падшая женщина. Да если бы не я, гнила б ты сейчас в каком-нибудь семейном склепе или, хуже того, превратилась в одного из призраков в армии твоего сумасшедшего папаши. Вот уж действительно мерзейшего колдуна, чем он, встречать еще не приходилось.

— Не смей меня им попрекать! Он запутался. Его свели с ума.

— Давай оправдывай его. Если это сделает тебя счастливой, можешь сдать нас священнику. Тогда уж точно всем станет так тепло, что мало не покажется!

— Зачем вы так орете? Нас действительно могут на костер отправить. Это же единоверческий город! — напомнила Герда. Они с Вожыком только что присоединились к шумной компании.

Финист удивленно уставился на мальчика.

— Кто это еще?

— Вожык. Его послали в лес за хворостом, и он заблудился. Чуть в пожар не попал. Я веду его домой.

— Пожар? — настороженно переспросил Финист и, согнувшись так, чтобы его глаза были на одном уровне с глазами мальчика и задумчиво хмыкнул: — Что-то мне говорит, что надо убираться отсюда и чем быстрее, тем лучше.

— Подождите, я только проведу его, — Герда пошла за Вожыком к его дому. Он оказался тем самым, чей хозяин соизволил с ними нормально поговорить. Несмотря на то, что они с Вожыком стучали довольно громко, дверь никто открывать не спешил. В окнах даже огонь не зажгли.

— Может, дома никого нет? — предположила Герда. Мальчик отрицательно покачал головой. Он оказался прав. Вскоре дверь распахнулась, и на пороге в потемках показался уже знакомый мужчина. Свет все-таки запалили. Из глубины дома донесся ворчливый женский голос:

— Эспен, если это снова те голодранцы, гони их в шею!

— Тише, Илзе, это мой сын, — спешно ответил хозяин и обнял Вожыка: — Хвала небесам, ты вернулся. Такая пурга! Я уже думал, что ты заблудился и хотел идти искать.

— Если этот лентяй пришел без хвороста, то гони и его!

Эспен недовольно скривился, но промолчал. Вожык отстранился на шаг, будто не хотел уже заходить. Герда не выдержала немой сцены и протянула вязанку хвороста хозяину.

— Вожык не лентяй. Смотрите, это все он собрал, — сказала она и подтолкнула мальчика к дому.

— Ты уходишь? — переполошился он.

— Да, мы с друзьями в лесу заночуем, а на рассвете, если метель стихнет, сразу дальше поедem, — беззаботно ответила Герда.

На самом деле ей тоже не хотелось задерживаться в негостеприимном городе.

— Но в лесу холодно, а ночью еще и страшно. Пап, можно им остаться у нас? Они хорошие.

Хозяин тяжело посмотрел на сына.

— Эспен, что ты так долго возишься? — еще более раздраженным тоном позвала Илзе.

Мужчина сжал руки в кулаки. По лицу было видно, как он злился на жену за то, что так неласково обходилась с его сыном. И бесконечные понукания ему тоже до смерти надоели, как и роль подкаблучника, которую ему смиренно приходилось исполнять.

— Зови своих товарищей, переночуете в сарае, а то сейчас волки часто нападать стали. Видно, тоже голодают.

Герда против воли улыбнулась и кивнула. Перед перспективой провести ночь в тепле и под крышей она не устояла и быстро побежала за остальными.

К тому времени, как Герда вернулась, Майли уже валялась на снегу и истошно вопила. Дугава изо всех сил старалась ее успокоить, но все усилия пропадали втуне. Иногда голос подавал Ждан, пытаясь хоть как-то увещевать рыдающую девушку. Финист же стоял в стороне и равнодушно наблюдал за ними. Герда подбежала к друзьям, крепко обняла Майли



и радостно объявила:

— Успокойся, нас пустили на ночлег под крышу! Слышишь, сегодня мы не будем мерзнуть.

Майли замолчала и недоверчиво посмотрела на нее.

— Только не говори, что нас пригласили в благодарность за то, что ты привела мальчишку, — безнадежно осведомился Финист.

— А что такого? — Герда не понимала, что его так встревожило.

— Мы не будем ночевать в этом городе. Здесь повсюду единоверцы. Лучше пошли в лес.

Финист явно что-то не договаривал. За время путешествия Герда научилась различать, когда он пытался скрытничать. Взгляд при этом начинал бегать, а голос едва заметно подрагивал, прямо как сейчас.

— Вот ты и иди, а мы останемся, — упрямо ответила Герда. Майли энергично закивала. Ждан с Дугавой тоже предпочли ночевку под крышей. — Это хорошие люди. Они нас не выдадут.

— Не в этом дело, — загадочно сказал Финист и скрепя сердце согласился.

После изнурительной дороги и холодного ветра сарай показался дворцом. Повеселели все, даже Майли причитать перестала. Один Финист по обыкновению остался чем-то недоволен. Когда все улеглись спать, он еще долго сидел, сложив руки на коленях, и к чему-то прислушивался.

Герда проснулась от того, что потянуло удушливым дымом.

— Пожар! — закричал Финист и выбежал на улицу. Остальные быстро последовали за ним. Горел хлев, который стоял очень близко к дому. Путники, не сговариваясь, принялись забрасывать пламя снегом, чтобы огонь не перекинулся на жилую постройку. На порог выскочил хозяин в накинутом поверх ночной рубахи плаще.

— Что происходит? — оторопело спросил он спросонья.

За ним вышла высокая худая женщина с орущим грудным ребенком на руках, в полах ее одежды путались еще два карапуза. Мимо них как можно незаметней старался протиснуться Вожык.

— Я тебе скажу, что происходит! — заметив пасынка, женщина схватила его за ухо. — Твой демоненок поджег хлев! И что здесь делают эти голодранцы? Ты что пустил их переночевать?!

— Илзе, прекрати! — попытался унять ее Эспен. — Если бы не они, весь дом мог сгореть, и мы вместе с ним.

— А если бы не твой выродок, вообще ничего бы не случилось.

Вожык едва слышно скулил, пока мачеха выкручивала ему ухо.

— Что вы делаете? Ему же больно! Отпустите немедленно! — заступилась за него Герда, прежде чем Финист успел ее остановить.

— Да кто ты такая, чтобы мне приказывать! — обратила на нее свой гнев Илзе, но Вожыка все-таки отпустила. Он быстро спрятался у Герды за спиной.

— Кем бы я ни была, я знаю, что с детьми так обращаться нельзя. И никто ваш хлев не поджигал. Посмотрите, как высоко для этого забраться надо. Да и снег кругом — оно только от большого огня так загореться могло. Вожыку такой взять неоткуда.

— Она права, Илзе, — осторожно заметил Эспен. — Потерпи еще год, и я отправлю мальчика подмастерьем к кузнецу. С ним уже обо всем сговорено.

— Как бымы раньше Единому души не отдали с таким поджигателем, — проворчала

женщина. Ребенок на ее руках затих и требовательно затеребил ворот материнской рубахи. — А этих голодранцев чтоб и духу завтра не было.

Но утром им пришлось остаться, чтобы помочь доброму хозяину убрать последствия пожара. Соседи косились на них со смесью любопытства и неприязни, но предпочитали не вмешиваться. Вожык хвостом ходил за Гердой, пытаясь во всем помогать, но был до того неловок, что без него работа бы шла быстрее. Мальчонка беспрестанно что-то рассказывал, как будто собеседник у него появился впервые за долгое время, и он боялся, что скоро снова останется один. Особенно много Вожык говорил об огне, да еще так странно, словно одушевлял его. До недавнего времени мальчик считал огонь своим лучшим другом. Он дарил тепло и свет, распугивал злобных тварей. Вожык часто наблюдал за пламенем в очаге и видел в его языках маленьких человечков. Они водили хороводы вокруг поленьев и пели трескучими голосами. До пожара Вожык не думал, что огонь может быть злой и обратиться против людей. Мальчик не понимал, почему верный друг предал его.

Герда невольно вспомнила себя в возрасте Вожыка. Она тоже за каждым кустом видела сказочных созданий, разговаривала с ними, даже истории про них придумывала, хотя после этого путешествия уже сомневалась, что они были лишь плодом ее воображения. Да и самый близкий друг у нее сейчас, строго говоря, ничем не лучше человечков из огня.

Во двор к Эспену пожаловал сам священник. Это был немолодой одутловатый мужчина, лысый, с усталыми глазами.

— Зачем ты связался с нечистыми староверами? — обратился он к хозяину тихим голосом. — Они принесли в твой дом скверну.

— Они привели домой моего сына и потушили пожар в сарае. Кто из вашей доброй паствы сделал то же? — раздраженно ответил Эспен, с вызовом глядя на толпившихся за его спиной людей. После сварливой жены ему уже никто страшен не был.

— Ты обманываешься их показным добронравием. Они дикари. Могут даже твоего мальчика в жертву кровавым богам принести.

Финист аж поперхнулся, глядя, с каким серьезным видом говорил священник, хотя Герде его слова такой уж глупостью не показались — Петрас же пытался принести в жертву собственную дочь.

— У нас пока еще свободная страна и нет епископатов, которым мы обязаны подчиняться, — напомнил хозяин, всем видом показывая, что больше слушать священника не намерен. Тот покачал головой и пошел обратно ни с чем. В Веломовии Эспен бы так легко не отделался.

— Знаешь, а единоверцы тоже приносят жертвы староверческим богам, хотя сами этого не понимают, — заметив замешательство на лице Герды, сказал Вожык. — Мне про это еще мама рассказывала, а она никогда не врала. Каждый раз, когда они зажигают огонь в очаге, то приносят в жертву хворост и поленья богу Вулкану. Слышала про такого?

Герда отрицательно покачала головой, и мальчик продолжил:

— Вулкан самый славный из богов. Он больше всех любил смертных. Настолько, что решил ради них навлечь на себя гнев собратьев и украл божественный огонь. До этого смертные не знали тепла очага и вкуса горячей пищи. Всему этому научил их Вулкан. И когда за свой проступок хозяева земли, воды и неба лишили его благодати и вечной жизни, смертные с радостью приняли его к себе. Среди них он дожил до глубокой старости в почете и уважении. И даже спустя тысячу лет после его смерти мы, люди, чтим Вулкана превыше других богов, потому что постоянно пользуемся его великим даром — огнем.

Герда захлопала в ладоши от умиления.

— Да ты настоящий сказочник!

— Это все взаправду было! — смутился Вожык, но тут его перебил отец.

— Сын, иди в дом, помоги матери.

— Она мне не мать, — пробубнил себе под нос мальчик, но Эспена все же послушал.

— Я заметил, что Вожык к вам очень привязался, — обратился мужчина к Герде. — Это такая редкость, чтобы он с кем-то так открыто разговаривал. И я подумал, может, вы возьмете его с собой... куда бы вы ни шли.

Герда удивленно открыла рот:

— Вы хотите избавиться от собственного сына? Знаете, моя мать умерла, когда мне было четырнадцать — почти взрослая — но даже тогда не представляю, что бы я почувствовала, если бы мой отец вот так отказался от меня.

— Вы не понимаете. Это для его же блага. Вожык — он другой, особенный. Здесь с нами ему не выжить, а я хочу только этого.

Герда нахмурилась. Она не понимала, на что намекает Эспен. Он с минуту молча смотрел на нее, а потом махнул рукой:

— До завтра еще подумайте. Уже вечерет, метель собирается — смысла никуда ехать нет. Можете оставаться в сарае.

Эспен пошел в дом вслед за Вожыком. Сзади к Герде приблизился только что спустившийся с крыши хлева Финист. Он латал в ней дыру все это время.

— Эспен просил взять Вожыка с собой, — тихо сказала Герда.

— Я догадался, — вздохнул Финист. — Ты правильно сделала, что отказала.

— Ему здесь плохо. Его не любят.

— Мы не можем его взять.

— Почему?

— Вас и так слишком много. Я не справляюсь. Если не заметила, я тоже устал, смертельно устал. Мне все время приходится работать на пике своих возможностей — защищать вас от людей, от демонов, от самих себя. Я разрываюсь между Дугавой и Жданом, между тобой и Майли.

— Я сама могла бы заботиться о Вожыке.

— Ты даже о себе позаботиться не можешь.

На этом разговор закончился. Финист хотел выехать на рассвете, поэтому лечь решили пораньше, чтобы успеть хорошенько выспаться — прошлой ночью этого сделать не удалось из-за пожара. Спали хорошо, крепко, даже Майли не ворочалась. Герда заметила, что кошмары у наследницы начинаются за ночь до полнолуния и заканчиваются на первую ночь после. Сейчас была вторая, поэтому можно было отдыхать спокойно, но все же что-то мешало. Не давали покоя мысли о Вожыке. Мальчика было настолько жалко, что в груди больно щемило. Отцу явно не хватает на него времени, братья еще слишком малы, чтобы поддерживать его, а мачеха его просто ненавидит и не скрывает этого.

Вот если бы у Вожыка был дар, Финист бы не раздумывая взял его с собой, как Майли. Да еще эти разговоры об усталости... Финист никогда не жаловался, поэтому Герду пугало, что он заговорил об этом. Значит, ему действительно очень тяжело. Может, ей все-таки стоит уйти? Одной проблемой станет меньше. И Вожыка она могла бы взять с собой. Они бы странствовали по свету, как бродячие трубадуры, сочиняли баллады о геройских подвигах Стражей и пели их на главных площадях лапских городов, а люди платили бы деньги, чтобы

их послушать. Жаль только, что петь она не умеет. В детстве Герде очень хотелось петь, но каждый раз, когда она пыталась, в горле будто ком застревал. Он резал гортань и вызывал жуткий кашель. Отец даже к лекарю водил ее из-за этого, но тот разводил руками, мол, нету там ничего. Непонятно, из-за чего кашляет, может, кто порчу наслал, а может, само из другой жизни пришло. Так и не вылечил ее никто.

Петь у них с Вожыком не получится. Да и куда они пойдут одни зимой без денег и припасов? Если от холода и голода не умрут, то на обед какому-нибудь зверю или демону точно попадутся. И не спасет тут даже смекалка и удачливость Шквала. Кот в последнее время появляться стал все реже, да еще в каком-то подавленном настроении, даже на Финиста больше не злился. Чаще всего просто сидел рядом и молчал. Что могло так его опечалить? Может, дневник Лайсве? Ему очень не нравилось, когда Герда бралась его читать.

Неожиданно сердце в груди екнуло, а в ушах застучала кровь, словно раздался какой-то громкий звук, но Герда ничего не слышала. Финист тут же подскочил.

— Что случилось? — встревожено спросила она.

Финист не ответил и помчался к двери. Стоило ее открыть, как снова потянуло дымом. На этот раз горел дом. Пожар вспыхнул в жилой комнате. Через окна было видно, как в огне мечутся темные человеческие фигуры. Герду охватил ужас. Они ведь могут погибнуть, сгореть заживо!

Финист медлить не стал: сразу бросился к двери, высадил ее плечом и вошел за порог. Закрываясь от дыма плащом, он подобрался к ближним фигурам — двум малышам, которые плакали и звали маму, подхватил их на руки и вынес из дома, потом побежал за остальными. Пламя разгоралось все сильнее и охватило уже весь дом. Начали сбегаться соседи. Расталкивая их в стороны, к своему двору пробирался Эспен, который отлучился в лес за дровами, что-то кричал, но его голос тонул в шуме толпы и треске огня.

Через мгновение, которое показалось Герде вечностью, Финист снова появился на пороге с Илзе на руках, следом бежал перепачканный в саже Вожык и нес своего брата-грудничка.

Как только они вышли, крыша обрушилась. Пламя пожирало дом без остатка.

— Пустите меня! — истошно закричала Илзе. Едва опомнившись от шока, вырвалась из рук Финиста и бросилась отбирать у Вожыка малыша. — Не смей к нему прикасаться, пойдешь прочь!

Мальчик в ужасе отшатнулся от мачехи. Его колотило от страха.

— Илзе, Вожык, что стряслось? — растерянно спрашивал подоспевший к своим домочадцам Эспен. Младшие сыновья прижались к нему с обеих сторон.

— Ты еще спрашиваешь? — напустилась на него жена. — Этот демоненок поджег дом. Поджег без огнива и углей, одним взглядом. Не человек он, демон, подкидьш!

— Ты, верно, не в себе. Не мог он этого сделать, — попытался заступиться за сына Эспен, но как-то не слишком уверенно. — Вожык, ты что скажешь?

— Я не знаю, я не... — заикался мальчик. Было видно, что он напуган не меньше Илзе. — Я был на кухне. Мачеха велела подать воды, а потом заругала, что я нес слишком медленно. Я разволновался и упал. Вода разлилась. Мачеха начала кричать, а потом... Я не понимаю, как это произошло. Все просто вспыхнуло.

— Да ты на его руки посмотри! — перебила его Илзе. Эспен внимательно присмотрелся к ладоням сына. В нескольких местах на них надулись здоровенные волдыри от ожогов.

— Слышите все, демоненок он! Со свету нас сжить решил, а мужу своими чарами голову задурил. Спасите, люди добрые, не позволяйте под сенью Единого кровь невинную проливать, — на этот раз Илзе решила обратиться к толпе, и та взволнованно загудела.

— К священнику надо его вести. Он скажет, что делать, — закричал кто-то. Остальные поддержали его громкими возгласами. Илзе схватила пасынка за руку и решительно потащила к церкви в сопровождении толпы.

— Стойте! Что вы делаете? — кричал вслед Эспен, но помешать уже не мог.

Герда даже не заметила, как к ним присоединились Ждан, Дугава и Майли и теперь все вместе заворуженно смотрели на удаляющихся людей.

— Спасите его, умоляю! — Эспен вцепился в ворот плаща Финиста.

— Как? — предводитель изо всех сил пытался вырваться из цепких рук лесоруба. — Я не могу пойти против целого города! Попробуйте с ними договориться, может, доводы разума заставят их остудить свой пыл. В конце концов, это ребенок. Должна же в них быть хоть капля жалости.

Эспен обреченно кивнул и поспешил к церкви.

— Живей, собираем вещи и уходим отсюда, — скомандовал Финист, как только хозяин скрылся из виду.

— Ты, правда, думаешь, что ему удастся разжалобить этих людей? — недоверчиво спросила Герда.

— Вряд ли. Я это сказал, чтобы он от меня отстал. Идем быстрее, пока не вернулся.

Их уже все ждали. Финист схватил Герду за руку и попытался тащить, но она вырвалась.

— Я не уйду без Вожыка, — решительно сказала она и побежала к церкви.

— За что мне все это?! — простонал Финист.

\*\*\*

Священник вышел на порог церкви раньше, чем толпа успела до нее добраться, и испуганно-обреченно смотрел на Илзе с пасынком. Он был обычным семинаристом, которому самому пришлось искать себе приход в самой неблагоприятной для этого стране. К Защитникам Паствы и их судам над колдунами и ведьмами священник не имел никакого отношения и надеялся, что его минет обязанность на них присутствовать и уж тем более самому выносить обвинительный приговор.

Священник знал этого мальчика. Не было в нем ничего злого или порочного, ничего из того, в чем пыталась обвинить его стоявшая перед церковью женщина. Священник прекрасно понимал ее. Голод и нужда часто ожесточали людские сердца. Наверняка, Илзе просто хотела, чтобы кусок хлеба, который ее муж отдавал этому мальчику, разделили между собой ее дети. Вот и пыталась избавиться от пасынка всеми возможными способами. Священник не удивился, если бы выяснилось, что поджег устроила Илзе, а вовсе не мальчик.

— Спалить демоненка на костре! — толпа жаждала крови.

— Да он сам огонь вызывает — не страшен ему костер.

— Значит, в польнье утопить. Что скажешь, священник?

Он испуганно сглотнул:

— Я не властен выносить такие приговоры. Только Защитники Паствы могут определить, колдун мальчишка или нет. Если хотите, я могу отправить письмо в магистериум Защитников Паствы Веломовии, но придется долго ждать, прежде чем...

— Ууу, — заулюлюкала толпа. — Не надо нам никаких Голубых Капюшонов. Не приведи Единый, они еще и наших деток с собой заберут, как это в Виборге было. Разве мы

сами с демоненком не управимся?!

— Остановитесь, изверги! — закричал подоспевший Эспен. — Что вы творите? Вожык не демон. Вы же столько лет жили рядом и видели, что он никогда и никому вреда не причинял.

— А вдруг у него демоническая сущность с возрастом просыпаться начала?

— А вдруг он раньше нам глаза отводил и мы ничего не замечали? Вон у Волеха на прошлой неделе здоровый младенец дышать перестал и умер — может, это он ее дыхание забрал? Или вон у Римши на той неделе корова пала. Так вполне вероятно, что это демоненок порчу наслал.

Илзе уже и сама не рада была, что подняла такую бурю. Люди начали вспоминать все свои большие и мелкие беды и обвинять в них несчастного Вожыка. Даже неурожай и голод, выяснилось, мальчик наслал. Умом женщина понимала, что они просто нашли козла отпущения, но в глубине души зародилось сомнение: «А вдруг что-то есть в людской молве? Вдруг демоненок не только поджоги устраивать может? Ой, нехорошо будет, если мстить начнет».

— Да зачаровал Эспена мальчишка! — неожиданно подала голос Илзе. — Наверняка, и жены другой у него никогда не было, а ребенка демоны всучили. Никто ведь ее, эту его жену, не видел.

— Какая глупость! — вскричал Эспен, теряя терпение. — Мы в другом городе жили, а после ее смерти переехали, потому что вспоминать больно стало.

— Откуда нам знать, что это не морок был? — крикнули из толпы.

— Как вы не видите, что городите полную чушь и из-за нее, из-за этой чуши, ребенка невинного хотите жизни лишить. Единый, ваш любимый милостивый Единый никогда такого греха не простит. Остановитесь, прошу, отдайте мне сына. Мы уйдем из города, и вы больше нас никогда не увидите.

— А как же я и наши дети? — возмутилась Илзе.

— Нет, Эспен, мы не можем этого позволить. Твоя семья и так без крова осталась, не хватало, чтобы они еще и кормильца потеряли. Убьем демоненка, и морок спадет. Тебе легче станет, с женой помиришься, дом отстроишь и счастливо заживете.

— Нет! — закричал Эспен и попытался вырвать у них ребенка, но толпа оттолкнула его.

— Сделайте что-нибудь! — обратился он к священнику, но тот в бессилии развел руками. Горожане потащили Вожыка к озеру. В это время к церкви подбежали давешние таинственные путники.

— Где он? Я готова его забрать! — выпалила Герда, хватая Эспена за руку.

— Его к озеру повели. Утопить хотят, — обреченно ответил он. — Послушайте, я скажу вам правду, только спасите моего мальчика. Его мать... она из рода Стражей была, да-да, тех самых древних Стражей, что до Единого нас от демонов защищали. Хорошо защищали, себя не щадя и не обирая людей до последней нитки, — Эспен выразительно посмотрел на священника. — У них был особый дар — огонь вызывать. И у моей жены он был, правда, слабый. Но даже так, она очень им гордилась и надеялась, что наш сын тоже его унаследует. Когда на наш город напали демоны, она вместе со своей семьей выступила против них, спасла нас, но сама погибла. Тогда я поклялся на ее могиле, что позабочусь о Вожыке, но подвел ее.

— Финист, если этот мальчик обладает даром Стража... — вкрадчиво начала Герда, надеясь, что нашла ту причину, которая заставит его действовать.

— Он пирокинетик. Это самый опасный дар. Я с ним не справлюсь, — шепотом, чтобы посторонние не слышали, попытался вразумить ее Финист.

— Если вы действительно староверы, то обязаны чтить Стражей и помогать таким, как мой сын. Спасите его, умоляю! — Эспен опустился на колени. Глаза Финиста округлились. — Исполните просьбу отца, который не хочет видеть, как гибнет его плоть и кровь.

Герда заметила, как сжались кулаки Финиста. Быть может, когда его отец уходил на войну, он вот также просил престарелых родителей позаботиться о своем сыне. Оборотень громко выдохнул и решительно произнес:

— Я сделаю это. Эспен, принесите теплую одежду. Дугава, Ждан, вы поможете мне отвлечь толпу. Майли, забережь ребенка, — начал отдавать распоряжения Финист.

— А что мне делать? — спросила Герда.

— Собрать лошадей и ждать нас здесь, — коротко бросил он.

— Но я тоже могу помочь.

— Не надо.

— Но...

— Прошу тебя, хоть один раз в жизни просто подожди нас с лошадьми! — Финист повысил голос, показывая, что возражений не потерпит. Герда насупилась и пошла к коновязи.

Финист с остальными двинулся к озеру, попутно рассказывая им план. Когда он на глазах у толпы обернется соколом, Ждан должен будет незаметно левитировать Вожыка из воды к Майли, в то время как Дугава создаст иллюзию того, что мальчик утонул. Если все пройдет удачно, то им удастся спасти ребенка без драки, а драться против такого количества людей было бы самоубийством.

Они подобрались к озеру со стороны леса, скрываясь за деревьями. Ждан с Дугавой накинули капюшоны, и девушка наложила на них иллюзии, чтобы люди принимали их за своих и не обращали внимания. Так они смогли бы беспрепятственно подобраться поближе к Вожыку.

— Выступаем, — отдавал последние распоряжения Финист. — Майли, как только мальчик будет у тебя, беги к Герде, и уходите из города. Мы вас догоним.

Женщины связали Вожыка и неусыпно сторожили, пока мужчины топорами прорубали полынью в толстой корке льда. Люди громко переговаривались — над озером стоял гомон голосов. К тому времени, как Ждан с Дугавой влились в толпу и начали пробираться к мальчику, полынья уже была готова. Вожыка подняли и принялись толкать в спину к воде. Когда до полыньи оставался всего шаг, из-за деревьев показался Финист. Вид у него был крайне свирепый. Черты лица заметно заострились, зрачок в желтых глазах стал вертикальным, плащ за спиной развевался, словно гигантские крылья.

— Отпустите ребенка, — голос Финиста струной зазвенел в повисшей над озером гробовой тишине.

— С чего это? — преодолев оцепенение, спросил самый смелый из толпы.

— Иначе на всех вас ляжет страшное проклятие, — отвечал он, для пущего эффекта повторяя пафосные речи Петраса, которые в свое время так напугали их в Будескайске. — Слышали про злых колдунов? Так вот, я самый худший из них.

Люди испуганно ахнули. Финист распростер руки и на глазах у изумленной толпы обратился в птицу. Сокол понесся над горожанами, пронзительно крича, норовя царапнуть

зазевавшихся когтями. Люди запаниковали. Началась суматоха. Кто-то из мужчин все-таки толкнул Вожыка в полынью. Дугава и Ждан бегом прорывались к нему, на ходу пытаюсь сосредоточиться на барахтающейся фигурке мальчика, первая, чтобы скопировать его, второй, чтобы достать из воды. Левитировать других людей Ждану еще не приходилось. Мало того, что Вожык в промокшей одежде весил очень много, к тому же он ни на мгновение не переставал двигаться, и у Ждана не получалось на него настроиться.

— Давай же, я в тебя верю! — попыталась подбодрить его Дугава.

— У Герды это лучше получалось, — пожаловался он. По лбу градом катился пот. — Почему Финист не разрешил ей пойти с нами?

— Какая сейчас разница? Сосредоточься на деле! — Ждан вздохнул, поднатужился и выловил Вожыка из воды. Мальчик по воздуху понесся в сторону леса. Ждан чуть не упал в полынью от усталости. Дугава быстро оттолкнула его в сторону и соткала из воды иллюзию. Получилось вполне сносно. Увидев, что дело сделано, Финист поднялся высоко в воздух. Толпа снова обратила взоры на Вожыка. Мальчик тут же перестал барахтаться и ушел под лед.

\*\*\*

Когда Вожык оказался в безопасности за деревьями, он уже успел полностью продрогнуть.

— Не бойся, мальчик. Дай мне руку, — стараясь быть как можно более ласковой, обратилась к нему Майли.

Пирокинетик ее пугал. К способностям остальных у нее было время привыкнуть, но этот мальчик... он вызывал в Майли смутное беспокойство, которое она никак не могла унять. Она тоже его жалела. И вместе с тем немного завидовала, ведь Эспен так старался его защитить, хотя сам даром не обладал. Почему ее отец не был таким? Почему желал ее убить, хотя она во всем была ему послушной и любила больше всех? И все-таки предала его, разрушила все планы и убила, чтобы остаться совершенно одной. Может, ей действительно стоило тогда умереть? Не мучилась бы сейчас от этой дурацкой любви к человеку, который ее не ценит, не тащилась бы на край света голодная и холодная, не рисковала собой, чтобы спасти совершенно чужого ребенка, который к тому же ее пугает.

Вожык недоверчиво протянул к Майли связанные руки. Она коснулась их, чтобы развязать, и тут перед ней возникли странные полупрозрачные фигуры. Их было четверо: двое молодых парней с непослушными торчащими во все стороны, словно иглы ежа, волосами, мужчина постарше и женщина с большими печальными глазами. Они окружали мальчика, внимательно вглядываясь в какую-то точку позади Майли. Она обернулась — рядом стояла закутанная в плащ фигура с косой в костлявой руке и громадными перепончатыми крыльями за спиной. Неизвестный вдыхал воздух со свистом, и со свистом же выдыхал. Под капюшоном зеленым светом горели мертвецкие глаза. “Смерть, это же сама смерть! Она пришла за мной! Я сама ее призвала!” — неожиданно догадалась Майли. Глаза расширились от ужаса, и из горла вырвался громкий безудержный крик.

И без того перепуганный Вожык вжался спиной в дерево и задрожал, как осиновый лист. Воздух вокруг него накалился, а снег под ногами оплавился.словно в трансе мальчик закрыл глаза и сомкнул руки на груди. Прямо перед ним вспыхнул гигантский клуб пламени, опалая верхушки сосен.

\*\*\*

Эспен внимательно наблюдал, как Герда седлает лошадей, словно хотел что-то



спросить, но не решался, поэтому она взяла инициативу в свои руки, тем более у нее тоже назрел один животрепещущий вопрос:

— Священник нас не выдаст?

— Не думаю. В веломовский епископат весточки долго идут, а уж когда ответ с подмогой воротится, вообще сказать сложно. Да и новую войну никто затевать не хочет, поэтому вряд ли сюда смогут Защитников Паствы прислать. А к горожанам на озеро не побежит, потому что те начнут требовать, чтобы он сам над вами суд Единого вершил. Ну а священник, чай, не глупый малый, понимает, что с вашим предводителем ему в жизни не справиться.

— Неужели Финист выглядит таким страшным? — удивилась Герда.

— В нем сила чувствуется, как в Вожыке. Ее-то все и боятся.

— Тоже мне сила, девок по кустам тискать, — слышался откуда-то сбоку язвительный голосок. Шквал пребывал в необычно бодром расположении духа. Такая перемена не могла не радовать.

— Ты не прав. Финист многое для нас делает. Вон как выдохся, бедненький. Жаль, что я раньше не замечала, как ему тяжело, — ответила Герда шепотом, чтобы Эспен не услышал, но тот все равно начал странно на нее коситься.

— Думаете, ему удастся спасти моего сына? — задал мужчина мучивший его вопрос.

— Конечно. Финист если что пообещал, обязательно выполнит, — заверила его Герда, а потом в сторону добавила: — Но со мной им бы было легче.

— Если хочешь знать, оставить тебя здесь — самая умная мысль этого идиота за все путешествие, — осадил ее кот. Герда хотела возразить, но тут над лесом что-то вспыхнуло.

— Вожык! — одновременно воскликнули Герда и Эспен.

Она вскочила в седло своей кобылы, крикнула отцу мальчика присмотреть за остальными лошадьми и поскакала в сторону горящих деревьев.

\*\*\*

Толпа только-только успокоилась, поверив, что причина всех их несчастий сгинула, как вдруг в лесу что-то ярко полыхнуло.

— Он нас обманул! Морок наслал, а сам в лесу спрятался. Вперед за ним! — закричали в толпе.

Дугава со Жданом испуганно переглянулись. Как раз в том месте, где горело, пряталась Майли с Вожыком. Что могло случиться?

Толпа, ошестившись вилами, двинулась к лесу. Заметив дым и суматоху внизу, Финист спикировал с вышины, на которой кружил в ожидании, когда все уйдут, и снова обернулся человеком. Толпа тут же замерла, разглядывая нагого колдуна со смесью удивления, ужаса и стыдливости.

— Да что же вы, мужика никогда голого не видели?! — заорал кто-то из людей. Остальные его поддержали и угрожающе пошли на Финиста. Набрав в легкие побольше воздуха, он завыл по-волчьи так громко, как только мог. Из леса тут же начали отзываться на разные голоса настоящие волки. Перед озером за считанные минуты собралась целая стая матерых голодных зверей, так и сверкавших желтыми глазами на испуганно замерших людешек. Финист зловеще усмехнулся:

— Я же сказал, я самый худший.

Он указал рукой на толпу и волки бросились в атаку. Забыв про демоненка, дым, и даже про колдуна, горожане в ужасе кинулись врассыпную, спасаясь от кровожадных тварей,

зловеще шелкавших челюстями у самых ног. Лишь Дугаву со Жданом волки обошли стороной. Как только толпа разбежалась, они поспешили к Финисту. Он на ходу натягивал на себя одежду. Теперь нужно было спасти Майли от Вожыка.

\*\*\*

Герда нашла их очень быстро. Яшка сама принесла ее в то место, откуда валил дым. Майли стояла посреди обгоревшей поляны, заламывая руки и безумно повторяя: “Смерть, за мной пришла смерть!” Вожык, испугано глядя на нее, вжимался спиной в дымившийся ствол дерева и зачем-то медленно сводил ладони, словно собирая в них энергию.

— Сейчас рванет! — предупредил кот. — Не дай его пальцам соприкоснуться.

Она подбежала к Вожыку и с силой развела его руки в стороны, а потом хорошенько встряхнула за плечи.

— Вожык, миленький, все хорошо, ты в безопасности, — шептала Герда, прижимая мальчика к себе. — Ты поедешь с нами, и тебя больше никто не обидит.

Вожык доверчиво обнял ее и расплакался, причитая: «Мама, мама, мамочка!». Горячие ладони постепенно остывали, а взгляд начал обретал былую ясность.

— Она говорит, что здесь смерть, — придя в себя, Вожык указал на колотившуюся в припадке Майли. Герда отпустила мальчика и подошла к ней.

— Смерть, смерть, смерть! — как заведенная повторяла наследница.

— Тише, — Герда попыталась действовать с ней так же, как с Вожыком. — Ты, верно, опять привидение увидела. Но оно не может причинить тебе вреда.

— Смерть, смерть, я вижу смерть! — не унималась Майли. Герда протянула к ней руку и тут же поняла, что происходит. Возле Вожыка толпились очень похожие на него самого привидения. Видно, сам родовой дух призвал их на защиту мальчика. Следом явился Жнец, тот самый крылатый скелет с косою, про которого часто любили старики рассказывать. Наверное, Вожык действительно был на волосок от смерти. Но опасность миновала, а Жнец почему-то уходить не торопился. И тут Герда догадалась:

— Успокойся, ты сама его держишь. Отпусти!

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

— Не могу, он меня не слушает, — простонала Майли.

— Уходи, — Герда замахала свободной рукой. — Шу-шу! Брысь!

Тот не сдвинулся с места. Она опустила на корточки, набрала в ладонь снега, слепила из него маленький комочек и запустила в Жнеца.

— Уйди же ты, окаянный! — закричала она, и скелет в плаще, наконец, растаял. Вместе с ним исчезли и привидения. Земля вдруг ушла у нее из-под ног. Понадобилось огромное усилие воли, чтобы удержать себя в сознании.

— Майли, Вожык, вы живы? — послышался голос Финиста. Герда облегченно вздохнула. Он пришел со стороны озера вместе с Дугавой и Жданом. Все оказались целы и невредимы.

— Герда, я же просил подождать нас с лошадьми, — Финист недовольно уставился на нее.

— Я просто хотела проверить, все ли в порядке. Я ничего не делала, — начала оправдываться она.

— Да, конечно, — скептически ответил он и подал ей платок. — У тебя кровь из носа идет, не заметила?

Вшестером они вернулись к Эспену, чтобы забрать лошадей и вещи.

— Пап, разве ты с нами не едешь? — удивился Вожык, когда понял, что тот никуда не собирается.

— Мое место с Илзе и твоими братьями. Я не могу их бросить, — грустно ответил Эспен. — Но я всегда буду думать о тебе.

Мальчик обнял отца напоследок. Герда усадила Вожыка на лошадь перед собой, и, бросив на Эспена последний прощальный взгляд, путники поехали вперед к заходящему солнцу.

## ===== Глава 16. В преддверии конца =====

Путешествие по Лапии проходило куда спокойней, чем по Кундии. В городах им с удовольствием предоставляли кров и пищу, и не интересовались, кто они, откуда и куда идут. Видно, бродяг здесь было много: беглых, изгоев, тех, кого не принимали другие менее суровые страны. Люди привыкли, что на их расспросы отвечают скупое, а то и вовсе отмалчиваются, поэтому никогда не настаивали. Мало ли какие могут быть причины?

Дышалось здесь тоже свободней. Преследования опасаться больше не приходилось. Дар можно было использовать открыто и переговариваться в полный голос, не боясь, что услышит кто-то посторонний и донесет. Финист взял за правило на рассвете обращаться в сокола и летать до завтрака. После этого он возвращался посвежевший и повеселевший, словно полет придавал ему сил. Благодаря этому он все-таки заставил себя посетить голубиную станцию, последнюю до самой Упсалы.

Стояла ясная сухая погода, поэтому они ночевали в небольшом леске на отроге гор, а не в городе. Разожгли костер, приготовили еду, разлили ее по мискам, расселись кругом и начали ужинать, по-дружески шутя и подтрунивая друг над другом. Именно тогда вернулся Финист мрачный, словно грозовая туча.

— Отчитали? — сочувственно спросила Герда. Походы на голубиные станции Финиста никогда не воодушевляли, но на этот раз он выглядел таким встревоженным, что списать это на обычное раздражение порядками Компании не удавалось.

— И это тоже, — в руке Финист сжимал письмо. Должно быть, его беспокоило именно оно. — Сообщили, что испытывать Ждана с Дугавой будет главный инспектор Лапии, некто Николая дю Комрой.

— Это плохо? — вслед за ним заволновался Ждан.

— Не то слово. Судя по имени, это норикийский ставленник, да еще и должность внушительная. Наверняка, сынишка влиятельных родителей. Очередной сноб и буквоед на мою голову. В Компании недовольны тем, что я опоздал. Посмотрим, что они запоют, когда узнают, что я притащил на хвосте кучу необученных с опасными способностями.

Герда виновато опустила глаза. Из-за нее Финисту пришлось взять с собой Майли и Вожыка, но их жизням угрожала смертельная опасность. В Компании должны понять.

— А какой у него дар? — любопытствовала Герда, чтобы перевести разговор в более мирное русло.

— Сам хотел бы знать. Удалось только выяснить, что его называют Охотником на демонов, — мрачно ответил Финист.

Герда вырвала у него письмо и пробежалась глазами по строчкам. На имени остановилась и несколько раз перечитала. Оно было странно похожим на имя ее Охотника, но все-таки другим. Нет, это просто совпадение, она хватается за соломинку. Герда вернула

опешившему Финисту бумагу и села обратно, ничего не сказав.

— Охотник на демонов — это разве плохо? — осторожно спросила Дугава.

— Ничего хорошего, уж точно, — Финист хмурился и презрительно кривил рот. — Называют себя наследниками Стражей, а на самом деле они еще хуже рыцарей. Те хотя бы верят в то, что делают. А Охотники сплошь шарлатаны и обманщики. Обируют города до нитки, чтобы спасти их от демонов, которых сами придумывают. А потом во всех кабаках рассказывают о своих «славных подвигах» такие небылицы, что уши вянут.

— Я встречала Охотника, — не выдержав, оборвала его Герда. — И он был настоящим наследником Стражей. Он спас меня от Ужиного короля и вернул домой. А потом сражался с Ловцом желаний и избавил от него наш город.

— Сколько тебе лет тогда было? — снисходительно усмехнулся Финист.

— Восемь, — тихо ответила она. — Но я все помню, как будто это было вчера.

— Он просто тебя очаровал. Они так часто делают, чтобы доверие завоевать. Ты увидела змею, он ее зарубил — славный подвиг — а тебе рассказал сказочку про Ужиного короля.

— Все было совсем не так! — горячо возразила Герда. — Он самый честный и благородный человек на свете, он никогда бы так не поступил!

— А потом пришел в город и заявил, что там какой-то Ловец желаний обосновался, — Финист продолжал глумиться, стараясь развеять ее наивные представления об охотниках. — И его срочно надо убить, иначе ваш город будет стерт с лица земли. Потом ночью один пошел на какой-нибудь пустырь, оставил там следы неистовой битвы, а на утро вернулся с рассказом об очередном подвиге, показывая всем им самим сделанный шрам, как главное доказательство победы над демоном.

— Ты ничего о нем не знаешь, — голос Герды дрожал, переполняясь эмоциями, которые она давно в себе подавляла. Она злилась и одновременно мучилась от сомнений, которые порождали слова Финиста. — Тебя там не было. А я видела, как он чуть не погиб, защищая наш город... и меня.

— Ты с таким трепетом говоришь об этом Охотнике, — подала голос Майли и хитро глянула на Финиста. — Верно, он тот самый. Тот, кто дал тебе брошь, которую ты постоянно теребишь!

— Герда, только не говори, что ты влюблена в человека, которого видела один раз в жизни и совсем не знаешь!

Майли усмехнулась. Взгляд Финиста стал совсем бешеным. Ждан со всей силы пихал его в бок, Дугава испуганно приложила руки ко рту, даже Вожык бросал на него ошалелые взгляды, но оборотень, ничего не замечая, продолжал говорить обидные слова, словно желая острой палкой разбередить и без того незаживающую рану на душе Герды.

— Ты выдумала романтического героя, которого на самом деле никогда не было, а был лишь шарлатан, подделка.

— Неправда. Он настоящий. Слышишь, настоящий! — голос Герды совался на крик. Она не могла больше этого выносить — подскочила и побежала прочь.

— Болван! — Ждан стукнул по Финиста голове. — Ты же ее до слез довел.

— Я сказал правду. И чем быстрее она это поймет, тем лучше для нее, — ответил тот, потирая ушибленное место.

Остальные промолчали, не желая спорить, потому что Финист выглядел так, словно готов кинуться на любого, кто скажет хоть слово поперек.

Дугава подошла к Герде, которая стояла в дальнем углу поляны.

— Не слушай его. Ждан прав. Финист болван и не понимает, — она старательно подбирала слова, чтобы как-то ободрить, успокоить. Но Герда продолжала всхлипывать, не обращая внимания. — А где сейчас этот Охотник?

Она повела плечами и отвернулась:

— Несколько лет назад ходили слухи, что он сражался с каким-то жутким демоном в Норикии и... погиб.

— Да, люди с таким ремеслом долго не живут, — не подумав, лягнула Дугава, но тут же спохватилась: — Прости! Я такая дура, еще хуже Финиста.

Она обняла Герду и начала приговаривать:

— Я тебе верю. Верю, что он был настоящим героем.

— И мы верим. Нам тоже полагаются обнимашки? — весело спросил Ждан, который вместе с Вожыком незаметно подкрался к девушкам. Герда не смогла сдержать улыбку. Девушки дружно рассмеялись и тепло обняли Ждана с Вожыком.

После ссоры Герда с Финистом практически не разговаривала. Она все больше уходила в себя, читая дневник, найденный в Будескайске. Удивительно, но в нем описывался тот же путь, который она проделывала из Дрисвят на дальний север в самый Хельхейм. По записям удалось узнать, что Лайсве происходила из древнего и очень знатного рода Стражей, которому принадлежало много земель в Белоземье, небольшом княжестве, странно напоминавшем родину Герды. Более того, Лайсве действительно знала Петраса — он был ее кузеном по матери и с детства неровно к ней дышал. Лайсве этого очень тяготилась.

Как-то Герда спросила об этом у Майли, но та лишь пожала плечами. Петрас не любил распространяться о своей семье. Это было ожидаемо, ведь в глазах единоверцев они были преступниками, но в монастыре настоятель упоминал, что Верховный Магистр Защитников Паствы состоял с милордом Кшимска в дальнем родстве и проявлял особый интерес к судьбе его семьи. Герда нервно сглотнула, представляя, что будет, когда Верховный Магистр узнает, как погиб Петрас.

Майли побежала искать успокоения у Финиста, но тот, выслушав ее рассказ, лишь нахмурился:

— Помню, как дома старики шептались, что приговор моим родителям в Стольном выносил сам Верховный Магистр. Во время казни отец сказал ему что-то дерзкое, и тот едва не задушил его на глазах у народа. Даже если это лишь пустые сплетни, злить Голубых Капюшонов лишний раз не следует, тем более так. Хорошо, что мы смогли уйти от преследования и добраться до вольных городов Лапии, но прятаться лучше в Дюарле, столице Норикии, в главном штабе Компании. Думаю, именно туда вас направят после экзамена.

— Еще дорога? — скривился Ждан.

Дугава наоборот неожиданно преободрилась и воодушевилась:

— А мне бы хотелось попасть в Дюарлийский дворец. Там такие шикарные балы проводят!

Герда понурилась. Ее-то никто в Дюарль точно не возьмет. Да и что ей делать среди разодетых знатных особ?

Она спряталась ото всех за разлапистой елью и продолжила изучать дневник. Лайсве много писала о своем отце, причем очень неоднозначно, вроде с уважением, но без особой нежности. Он был очень честолюбив и думал только о том, как бы повыгодней выдать дочку

замуж, чтобы увеличить свое состояние. А Лайсве роль товара совершенно не устраивала. Она тоже мечтала о дальних странствиях и судьбе Стражей. В шестнадцать лет ее брата-близнеца отправили на Охоту в Хельхейм — испытание, пройдя которое человек с даром мог получить звание истинного Стража Мидгарда. Лайсве всегда была с братом очень близка и не смогла упустить такую возможность: увязалась следом. Герда со своими друзьями путешествовала по их следам — шаг в шаг. Совпадали даже места ночевки.

Герда успела прочитать совсем чуть-чуть, потому что рядом что-то ярко вспыхнуло и послышался треск пламени.

— Вожык! — подскочила она и побежала к месту, где начался пожар. Рядом с горящим бревном стоял мальчик и, глотая слезы, дул на обожженную руку.

— Что случилось? — спросила Герда.

— Не знаю, я просто... я не понимаю, почему огонь меня так ненавидит, — заплаканным голосом отвечал он.

— Ничего, я сейчас все потушу, а ты засунь руку в снег — так она быстрее пройдет. Потом мы ее мазью намажем, чтобы не болела, — успокаивала Герда.

Финист с ним не занимался. Их предводитель учил Дугаву со Жданом, даже Майли что-то показывал, несмотря на постоянные ссоры и истерики. Но мальчика Финист старательно избегал — давал ему мелкие поручения по хозяйству, но на этом все заканчивалось. Дугава со Жданом тоже смотрели на Вожыка с подозрением, а Майли вообще не скрывала неприязни. Герде это очень не нравилось. Мальчик продолжал чувствовать себя изгоем даже в обществе таких же, как он. Она не понимала, почему остальные его боятся. Несмотря на неконтролируемые вспышки, Вожык был хорошим, добрым мальчиком и никому не желал дурного. Почему остальные этого не понимают? И почему Финист спустя рукава относится к его обучению?

Ответ на последний вопрос мог дать только сам Финист. И ради мальчика Герда решилась к нему обратиться.

— Вожык снова обжегся. Почему ты не хочешь ему помочь? — в лоб спросила она, подловив оборотня, когда он в одиночестве чистил седла.

— Я не «не хочу», а не могу, — тяжело вздохнув, ответил тот. — Я еще в Фаскенхёгсдаале говорил, у меня нет на него ни времени, ни сил.

— Я могла бы помочь: взять на себя всю работу, которая не касается обучения. Сделай хотя бы так, чтобы он не обжигал себя.

— Я работаю руками, чтобы снять напряжение. У меня уже голова взрывается от Майли. Я не знаю, что делать с ее постоянными истериками. Когда я с ней занимаюсь, такое чувство, что разговариваю со стенкой. И как бы я ни пытался прошибить ее своей головой, ничего не выходит. А Вожык... пирокинез — очень сложный и опасный дар. Пирокинетики, особенно необученные, живут очень мало — дар выжигает их изнутри, если его не контролировать. А контроль научиться очень непросто. Нужна строгая дисциплина, изнурительные тренировки, полная внутренняя концентрация и спокойствие. Научить этому десятилетнего ребенка практически невозможно. Я мог бы попытаться, если бы он был у меня один, и не было этой дороги, и я сам не умирал от усталости. И все равно, боюсь, потерпел бы неудачу. Для Вожыка я самый плохой учитель. Огненный дар прямая противоположность земляному. Видела, как Майли его боится? Контролируй я свои инстинкты чуть хуже, испытывал бы то же самое. Я не смогу ему помочь.

Герда понурилась.

— А учитель с каким даром ему подойдет? — задумчиво спросила она.

— С дарами ветра: телекинезом или телепатией. Но после войны люди с такими способностями встречаются редко даже в Норикии и Лапии. По ним пришелся первый удар единоверцев, и мало кто сумел спастись.

— А левитация Ждана? Это ведь тоже дар ветра.

— Левитация очень ограничена. Боюсь, Ждан не обладает даже тенью мощи, которая была у истинных телекинетиков. К тому же он только-только начал познавать себя. Пройдет еще очень много времени, прежде чем он сможет кого-то обучать.

— Что же делать? — сокрушенно сказала Герда.

— Молиться. Кажется, у вас с Майли хорошо получается, — Финист попытался сострить, но вышло совсем гадко. Он осекся и отвел взгляд. Молча о чем-то размышлял несколько мгновений, а потом достал из кармана пучок сухой травы: — Вот, добавляй ему в питье.

Герда принялась.

— Болиголов? Откуда он у тебя?! — и тут она поняла. — Только не говори, что ты даешь его Майли. Он же ужасно ядовитый!

— У тебя есть другой способ подавить ее припадки?

Герда покачала головой.

— Если мы не будем держать их в полусонном состоянии, то рискуем не успеть добраться до Упсалы.

— И что будет? — испуганно спросила Герда, не уверенная, что хочет знать ответ.

— Катастрофа, которая может погубить нас всех.

Герда передернула плечами, прижала пучок травы к груди и пошла обратно к Вожыку. Финист еще долго смотрел ей в спину.

\*\*\*

Было очень совестно подсыпать в питье мальчика болиголов. Ведь, по сути, она медленно его травила и делала это совершенно осознанно. Должен найтись другой способ. Поэтому Герда все-таки обратилась к Ждану. Каким бы слабым даром ветра он ни обладал, хоть что-то да мог подсказать. Вопрос Герды застал левитатора врасплох:

— Сомневаюсь, что смогу посоветовать что-то дельное. Я не слишком прилежный ученик, а учитель, наверное, и того хуже.

— Хоть рассказать, как твой дар работает, можешь?

Ждан почесал затылок, переводя взгляд с решительного лица Герды на усталое и осунувшееся Вожыка, которого она привела с собой.

— Мой дар начинает работать, когда я испытываю сильные эмоции — страх, ярость, боль. Потом я руками перенаправляю их в потоки энергии. Они превращаются в ветер, с помощью которого я левитирую, — Ждан продемонстрировал все это на небольшом чурбаке, который как раз лежал неподалеку. Он поднялся в воздух, принял вертикальное положение и стоймя опустился на землю. Вожык в восторге захлопал.

— Рано радуетесь, — запоздало предупредил Ждан. Чурбак закачался и упал, чуть не задев всех троих — они едва-едва успели отскочить. — Вот за баланс и выдержку Финист всегда меня ругает.

— Заметно, — хмуро ответила Герда. — А твой дар никогда не выходит из-под контроля, как у Вожыка?

— Нет вроде. Я все равно ничего страшного сделать не могу, даже если контроль

потеряю.

— А как не терять контроль? — продолжала допрос Герда. Вожык уже заметно зевал.

— Много тренироваться, физической работой заниматься, чтобы излишки энергии не скапливались. Еще надо поменьше волноваться по пустякам и быстро успокаиваться.

— Можешь этому научить? — оживилась Герда.

— Чему? — удивленно моргнул Ждан.

— Быстро успокаиваться.

— Могу попробовать, — пожал плечами он. — Для этого надо стать прямо и полностью расслабиться.

Герда подтолкнула Вожыка вперед, и тот нехотя выпрямился.

— А теперь сосредоточься на своем дыхании. Почувствуй, как грудь наполняется воздухом, а потом выталкивает его. Дыши как можно глубже. Старайся набирать так много воздуха, как получается. И выдыхай его постепенно, тоненькой струйкой, словно сипишь, когда на горло что-то давит.

Вожык закрыл глаза и пошатнулся. Герда тут же встряхнула его.

— Продолжай, — бросила она Ждану, изо всех сил стараясь привести мальчика в чувство.

— Собственно на этом все. Еще помогает думать о чем-нибудь хорошем и умиротворяющем. Я обычно думаю о печеной курочке с хрустящей корочкой, ну или о постели с мягкой периной и теплой грелкой.

Видя, что при слове «постель» Вожык снова заклевал носом, Герда решила, что на сегодня достаточно. Пускай мальчик отоспится, пока действие болиголова не пройдет, а завтра она сама займется его обучением, раз никто другой не соглашается.

Для начала они вместе отрабатывали показанную левитатором технику дыхания. Вожыку это показалось очень тяжелым и скучным. Он постоянно отвлекался, но благодаря настойчивости и терпению Герды — она не просто наблюдала, а выполняла упражнения вместе с ним — у него мало-помалу стало получаться. Вскоре Герда обнаружила, что в сидячем положении техника дыхания позволяет расслабиться гораздо быстрее. И они начали заниматься сидя.

А вот с умиротворяющим образом выходило куда сложнее. Вожык не мог придумать, что поможет настроиться на добрый лад. Неожиданно Герда поняла, что тоже испытывает с этим затруднения.

— Надо понять, когда ты чувствуешь себя спокойно и уверенно. Мне, к примеру, нравится читать, ездить верхом, гулять по лесу — тогда меня совершенно ничего не беспокоит и не волнует. А что нравится тебе?

Вожык пожал плечами. В голову ничего не шло — видно, последние события совсем его закрепили, а у Герды никак не получалось до него достучаться. Нужно говорить, пока не найдется заветный ключик, открыться самой, чтобы открылся он. Последнее стало испытанием. Ведь она все время только и делала, что от всех закрывалась.

— Может, тебе раньше что-то нравилось, было время в твоей жизни, когда ты чувствовал себя спокойным и счастливым? Хотя бы такое, от которого сохранились хорошие воспоминания.

— Как у тебя после встречи с Охотником? — неожиданно спросил мальчик. — Ты прямо светилась, когда про него говорила — все это заметили. Потом еще долго обсуждали, любишь ты его или нет.



Герда почувствовала, как начинает краснеть то ли от смущения, то ли от злости. Какого демона им понадобилось обсуждать ее чувства при ребенке? И вообще, какое им дело, кого она любит?

— Нет, я имела в виду родителей, — поспешила сменить тему Герда. — Я очень любила своих родителей. Они всегда заботились обо мне, от всего защищали. Мне было хорошо с ними, спокойно. И хотя немного грустно вспоминать, потому что они умерли, и я даже могил их навестить не могу, но это светлая грусть. Она дает успокоение. Такие воспоминания у тебя есть?

Вожык задумался, а потом его лицо прояснилось, как будто на ум действительно пришло что-то хорошее.

— Мамины руки и голос. Странно, я не могу вспомнить ни ее лица, ни фигуры, ни одежды, а помню только руки, которые обнимали меня и гладили по голове. И голос, чистый и добрый, совсем как твой. Голос, который пел мне колыбельные, когда я не мог уснуть, который рассказывал сказки, когда мне было скучно. Голос, который до сих пор звучит во мне, стоит лишь прислушаться.

— Хорошо! Это именно то, что нам нужно, — обрадовалась Герда. — Обращайся к этому голосу каждый раз, когда тебе страшно, и все пройдет. Ты почувствуешь себя неуязвимым, потому что сильнее родительской любви во всем Мидгарде защиты нет.

Вожык слабо улыбнулся.

— Папа тоже меня любил, хотя не всегда показывал. Я помню, как прижался к его щеке на прощание, а она оказалась мокрой от слез. Ему было грустно меня отпускать, но я должен был уйти, потому что... — мальчик запнулся.

— Да, Вожык, говори, чего ты боишься.

— Огня, я боюсь своего дара. Да и не дар это вовсе, а проклятие. Вот у Ждана действительно дар — он удивительные вещи может делать, а меня все боятся. Я сам себя боюсь.

— Неправильно. Это как с лошадьми — их нельзя бояться, иначе они сразу поймут и не станут слушать. Чтобы научиться контролировать дар, ты должен перестать его бояться.

— Я не хочу. Я хочу, чтобы его не было, — упрямо отвечал Вожык.

— Но ведь это часть тебя, очень важная часть. Помнишь ту легенду про бога Вулкана? Так вот, я знаю ее продолжение.

Вожык подался вперед, ловя каждое слово.

— Когда Вулкан ушел из Подземного города и стал жить среди смертных, он женился на одной из них. От их союза родились дети с необыкновенным даром управлять огнем, который они использовали, чтобы бороться с демонами, самыми жуткими похождениями червоточин, которые крадут маленьких деток из колыбелек. И этот дар и его предназначение — защита невинных — передавался из поколения в поколение долгие века, пока не появился ты, Вожык.

— Я? — удивился мальчик.

— Да. Ведь ты потомок самого Вулкана, и должен использовать свой дар во благо. Но для этого нужно самую малость — перестать его бояться.

— Я попытаюсь, — тихо пообещал Вожык. — Но пусть он перестанет меня обжигать!

— Ты сам себя обжигаешь, — покачала головой Герда. — Возвращайся к остальным, я скоро приду.

Мальчик кивнул и побежал к лагерю. Герда повернулась к кустам. За ними явно кто-то

прятался.

— Выходи, я знаю, что ты там, — позвала она.

Кусты зашелестели и, отряхивая снег, оттуда вышел Финист.

— Давно ты там стоял? — подозрительно спросила Герда.

— Достаточно, — он протяжно посмотрел на нее. — Красивая легенда. Где вычитала?

— Нигде, — пожала плечами Герда. — Только что придумала.

— Странно, мне она почему-то показалась знакомой. Хотя с чего бы? У меня на родине нет ни гор, ни вулканов.

— Наверное, у вас не про Вулкана, а про какого-нибудь степного бога рассказывают. История-то совершенно обычная, такие по всему Мидгарду можно встретить, я уверена. Зато она хорошо на чувство долга давит, и значимость свою помогает осознать. Потомок бога — это ведь не просто так.

— Знаешь, из тебя бы вышел отличный учитель. Уж точно лучше меня, — грустно усмехнулся Финист.

— Вряд ли, у меня ведь даже дара нет. Чтобы кого-то чему-то научить, нужно на себе прочувствовать и понять. Все, на что я способна — это сказки рассказывать.

— Но с Вожыком ты за пару дней добилаась большего, чем я с Майли за все это время, несмотря на то, что болиголов ему давать перестала.

Герда опустила глаза:

— Я хочу попробовать другие способы. Нельзя опаивать его до бесконечности. Это ослабляет его и с даром справляться ничуть не помогает.

— Нам главное до Упсалы доехать, а как быть с пирокинетиком, пусть решает мастер-инспектор.

Герда совсем поникла.

— Скажи, что ты собираешься делать, когда закончится наше путешествие? — Финист взял ее за руки и посмотрел в глаза. Герда отвернулась.

— Еще не думала.

— Так давай придумаем вместе. Я собираюсь уйти из Компании — меня гнетет весь этот снобизм и высокомерие. Не хочу никому служить, мне нужна свобода — без нее я жить не смогу. Да и не думаю, что после всего меня станут удерживать. А вдвоем искать судьбу проще, чем одному.

— Финист! — со стороны лагеря к ним приближалась Майли. — Я сделала все, как ты сказал, но они не исчезли!

Финист закатил глаза, устало вздохнул и нехотя пошел к ней.

Через несколько дней выяснилось, что одной техники дыхания да хороших воспоминаний для того, чтобы держать пирокинез под контролем, недостаточно. Огонь рвался из Вожыка, словно застаивался внутри. Тогда Герда припомнила совет Ждана про физическую работу, которая должна поглотить лишнюю энергию, и решила научить Вожыка драться, хотя сама почти забыла, как махать палкой — Финист с ней практически не занимался в последнее время. Но для десятилетнего мальчика ее скудных знаний должно было хватить.

По утрам перед завтраком они совершали долгие пробежки вокруг лагеря, во время дневных стоянок выполняли упражнения, которые показывал Финист давным-давно, а вечером дрались на палках. Выходило не слишком хорошо — часто Герда ощущала, как ей не хватает опыта и ума, чтобы подсказать Вожыку даже самое необходимое. Самой хотелось,

чтобы кто-нибудь помог, но Финист был слишком занят с учениками, а Шквал появлялся лишь ночью — молча ложился рядом и смотрел на нее, пока она засыпала.

С приближением середины зимы дорога, идущая по горным отрогам, стала совсем тяжелой. В день путники проходили гораздо меньше, чем планировал Финист, а срок поджимал. Когда до Йольтайда оставался всего один день, они добрались до высокого горного хребта, который закрывал от них побережье Западного океана и конечную цель их путешествия — Упсалу. На то, чтобы перевалить через него, ушло бы не меньше недели. И еще день идти по плато до города. Начиналась метель с туманом. В горах в такую погоду могло случиться все, что угодно. Нужно было переждать у подножия.

Когда они разбивали лагерь, Финист раздраженно бродил взад-вперед, с ненавистью глядя на покрытую снегом громадину. Вид у их предводителя был крайне суровый: щеки впали, под глазами красовались темные круги, всклокоченные волосы стояли дыбом. Герде стало его нестерпимо жалко. Она все время думала над его словами. Неужели он бросит Стражей ради нее? Какое будущее ждет их вместе? И как же Майли? Не будет ли ей больно потерять Финиста? Ведь Герда слишком хорошо знала, что такое потерять любимого.

— Мы никогда не перевалим через этот хребет. Скорее шеи себе свернем, — подлил масла в огонь Ждан.

Герду всегда забавляла его шутовская манера, но сейчас очень хотелось стукнуть его чем-нибудь тяжелым. Разве Ждан не видит, что всем и так плохо? Тот, кажется, сам это понял и понурился. Над лагерем повисло мрачное молчание, нарушаемое лишь воем метели.

Герда достала дневник Лайсве. Если она шла той же дорогой, то должна была перевалить через этот хребет и в книжке могла сохраниться запись об этом.

— Мы могли бы попробовать пройти низом, — неожиданно предложила Герда, найдя нужную страницу в дневнике. — Где-то здесь должен быть вход в пещеру Истины, которая пронизывает хребет насквозь. Через нее можно быстро и безопасно попасть на другую сторону.

— И там пройдут лошади? — спросила Майли. Герда кивнула. Всем эта идея понравилась, только Финист продолжал сомневаться.

— Почему у нее такое странное название? — подозрительно спросил он.

Герда перечитала запись внимательней.

— В залах пещеры людям открывается истина, что бы это ни значило, — озадаченно ответила она.

— Колдовская пещера? Мне это не нравится, — Финист нахмурился. — Ненавижу пещеры. В них даже неба не видно. И идти небось целый день придется. А вдруг там медведь спит? Или, обвал, что еще хуже?

У Герды возникло странное ощущение, что он просто боится. Как птица, которая не любит замкнутых пространств. Но в самом деле, не упускать же такой шанс из-за глупых звериных страхов!

— Смотрите, вход там! — махнула она рукой.

На снежном полотне негостеприимной черной кляксой зиял огромный проем. Финиста заметно передернуло, но остальные уже схватили лошадей под уздцы и потащили к пещере. Возле входа они остановились. Лошади бурно протестовали: упирались всеми четырьмя ногами, пятились, поднимались на дыбы. Даже бесстрашная кобыла Герды громко храпела, широко раздувая ноздри, словно чувствовала, как из черной бездны разит чем-то опасным.

— Финист! — хором позвали предводителя Ждан, Дугава и Майли. Герда упорно

пыталась справиться одна, но Яшка проявляла чудеса упрямства и ловкости. Отчаявшись завести ее внутрь, Герда бросила повод и демонстративно пошла к пещере, оставив кобылу одну. Яшка громко заржала, заскочила вперед и принялась пихать хозяйку в грудь, старательно не пуская в пещеру.

— Финист, пожалуйста! — обратился к оборотню кто-то из девушек. Герда не поняла, кто.

— Ладно-ладно, но пеняйте на себя, — скрепя сердце согласился предводитель и шепнул что-то своей кобыле. Та уверенно пошла за ним — Финист даже повод не придерживал. Остальные животные посмотрели на нее и нехотя подались вперед. Видно, Золотинка была в лошадиной компании таким же бесспорным лидером, как у людей Финист.

В пещере пришлось достать заготовленные на всякий случай факелы. Финист раздал всем по одному — обошел только Вожыка по понятным причинам — и велел держаться рядом. Не хватало как в прошлый раз потеряться.

Шли долго. Пещера состояла из одной широкой совершенно прямой галереи. Гладко отесанные каменные стены без выступов и выемок уходили в бесконечность. Потолок разглядеть оказалось невозможно. Даже световых окон не нашлось — только извечная тьма и тишина вокруг, которую ничтожные людишки посмели нарушить. Теперь неуютно стало всем — путники зябко ежились от холода и все ждали, когда произойдет хоть что-нибудь и бесконечный однообразный коридор закончится.

— Где же твоя истина? — раздраженно спросил Ждан.

— Здесь хотя бы не метет, — ответила Герда, понурившись.

Финист резко остановился, и она налетела на него с размаху.

— Что случилось? — спросила Герда, потирая ушибленное плечо.

— Развилка, — ответил Финист, освещая факелом стенку, разделявшую коридор надвое. — Направо или налево?

Герда судорожно вспоминала содержание дневниковой записи, но там ни слова не говорилось о развилке.

— Может, монетку подбросить? — робко предложила Дугава. Финист покачал головой, выжидательно глядя на Герду. «Сама завела, сама ищи дорогу», — красноречиво говорил его взгляд.

Герда посмотрела направо, потом налево, закрыла глаза и пошла наугад. Финист поспешил следом, чтобы остановить прежде, чем она ударится лбом об стену. Но как только он ее поймал, пещера затряслась и сверху грудой полетели огромные валуны. Финист крепко прижал Герду к себе и зажмурил глаза, понимая, что это конец.

— Финист! Герда! — испуганно закричали остальные.

Лошади вырвались и помчались в проход, где не было завала.

— Стойте! Куда? — поздно спохватились ребята и побежали догонять. Но как только они вошли в галерею, случился новый обвал. Четверо путников ничком упали на пол, прикрывая головы руками. Через мгновение все закончилось.

— Живы? — послышался из темноты голос Ждана.

— Вроде да, — тут же отозвалась Дугава, а сразу за ней Майли. Последним заговорил Вожык:

— Здесь завал! Как же мы спасем Герду с Финистом?

— Нас бы кто спас, — резонно заметила Майли.

— Давайте для начала факелы зажжем. Вожык, поможешь? — Дугава решила послужить голосом разума в сложившейся ситуации.

— Может, не стоит, — слабо возразил мальчик, а потом громко и тяжело вздохнул.

— Стоит, Вожык, стоит. Сейчас самое время начать извлекать из твоего дара хоть какую-то пользу. Ну же, — продолжала настаивать она.

— Я пытаюсь, — ответил Вожык и снова тяжело вздохнул. — Не работает.

— Что? Ты плохо стараешься. Попробуй еще раз. Поначалу не всегда получается, — Дугава в отчаянии повысила голос и сама себе удивилась. Это было так на нее не похоже.

— Говорю же, не получается. Что-то случилось с моим даром. Раньше я всегда чувствовал внутри себя огонь. Когда он рвался наружу, начинались пожары. А теперь я его не чувствую. Совсем.

— Не может быть!

— Дугава, погоди, он прав. Мой дар тоже не работает, — подал голос Ждан. — Попробуй ты.

— Действительно, не выходит, — в ужасе вскричала Дугава. В Стольном, когда ее преследовали Защитники Паствы, она всей душой желала потерять свой злосчастный дар, но никогда всерьез не думала, что он может пропасть вот так неожиданно. Без него она чувствовала себя пустой, беспомощной калеккой без руки или ноги. Сделалось очень страшно.

— Итак, мы лишились огня, воздуха и воды, — в отличие от нее Ждан рассуждал очень трезво. — Нужно попробовать землю, ведь мы под землей. Майли?

— Вы-вы что, х-хотите, чтоб я призраков вызвала? — заикаясь, ответила та. — Да я только и делала, что их от себя гнала. Не знаю, как вы, а я рада, что избавилась от этого проклятья.

— Герда говорила, что дар — не проклятье, — горячо возразил Вожык. Он обращался к ней впервые, словно ему, наконец, удалось преодолеть свой страх.

— Именно из-за нее мы здесь и оказались, — зло ответила Майли.

— Так это ведь ты первая к пещере побежала! — не веря своим ушам, вскричала Дугава. Она уже порядочно устала от фокусов истеричной вертихвостки, а уж слушать, как та поносит ее, возможно, погибшую подружку, иллюзионистка точно не собиралась.

— Но предложила-то она, — заспорила Майли. — Ей легко говорить, нашей милой славной Герде. Для нее вообще все легко. Даже при самом плохом исходе для нее бы все обернулось наилучшим образом.

— О чем это ты? — встрепнулся Ждан.

— Ни о чем, — попыталась уйти от ответа Майли.

— Что-то же ты имела в виду под этим «все легко», — не отставал парень. — Что тебе известно?

— Ничего, просто у нее нет дара, поэтому для нее все легко, — поспешила заверить его девушка. Все равно осталось чувство, что Майли не договаривает, но ругаться сейчас не имело смысла. Ждан нащупал возле себя факел, там же нашел небольшой острый камень и чиркнул им по стене. С нескольких попыток удалось высечь искру и подпалить трут. Наконец, стало светло.

— Не такой я и беспомощный, как говорил Финист, — попытался отшутиться Ждан, но снова никто не поддержал. Тогда путники подожгли остальные факелы и осмотрели завал.

— Бесполезно это. Надо за лошадьми идти, — мрачно констатировал он.

— Но Герда и Финист остались на другой стороне. Мы не можем их бросить, — отчаянно возражал Вожык.

— Не можем, — подтвердила Дугава. Майли в кои-то веки была с ней согласна.

— Вы, похоже, не понимаете. Даже если Герда с Финистом живы, в чем я очень сомневаюсь, то они не на другой стороне этого завала, а в другой галерее за еще одним завалом. А мы и с этим вряд ли справимся. Будем тут умирать от жажды и голода, а это, смею вас заверить, еще хуже, чем на костре гореть. Там хотя бы быстро.

Никто не нашелся, что возразить. Все лишь грустно опустили головы.

— Пошли, горевать будем, когда отсюда выберемся, — поманил их за собой Ждан.

Идти пришлось долго прежде, чем стены пещеры начали меняться. Стало заметно холоднее. Из ртов клубами вырывался пар. Кое-где образовывалась наледь. Удивительно, ведь воды нигде не было. Чем дальше они шли, тем льда становилось больше. Вскоре он покрыл всю пещеру, насколько можно было окинуть взглядом.

— Эй, все сюда, смотрите! — Ждан, шагавший впереди, неожиданно остановился и позвал остальных.

Он, как замороженный, смотрел на свое отражение в прозрачной корке льда на одной из стен. Дугава с любопытством выглянула из-за его плеча и тут же поняла, что так поразило Ждана. Во льду рядом с его отражением возле головы, плеч, запястий и ступней кружились крохотные вихри, словно намекая на то, какая сила таилась у него внутри.

— Дай и мне посмотреть! — отстранила его иллюзионистка и придирчиво изучала свое собственное отражение.

Оказалось, что ее с ног до головы покрывает плащ, сотканный из бирюзовой морской воды, по которому катились волны от несуществующего ветра и закручивались барашками. Вожык тоже заинтересовался тем, что они так пристально высматривали. И, подобравшись поближе, возбужденно воскликнул:

— Вот это да! Я же говорил, в языках пламени живут человечки!

Ждан с Дугавой поспешили к нему. Мальчик разглядывал свое отражение в стене пещеры чуть поодаль. По всему его телу ползали крохотные создания с красной кожей, одеждой и волосами.

— Должно быть, это и есть та истина, о которой говорила Герда, — догадался Ждан. — В этих ледяных зеркалах отражается наша истинная сущность — дар. И это доказывает, что он — наша неотъемлемая часть и без него мы уже не будем самими собой.

— Думаешь, наши способности вернуться? — спросила Дугава.

— Уверен, как только мы выйдем из пещеры, все станет на свои места.

— Жаль, что Герда этого не видит, — всхлипнул Вожык. Все как-то разом сникли. Дугава заметила, как Майли сиротливо жметя к стене, на которой льда еще не было.

— Иди сюда, не бойся, в этом нет ничего страшного. Давай, посмотрим и на твой дар! — позвала ее Дугава. — Черная роза — это должно быть очень красиво.

Майли обернулась к оставшейся позади темной бездне и нехотя поплелась к остальным.

— Смотри, — Дугава развернула ее за плечи к ледяной стенке. — Вот это красота!

Все тело Майли оплетал шипастый стебель, до крови впивавшийся в кожу, на котором росли едва распустившиеся розы, правда, не черные, а ярко-алые. А под стеблем было надето пышное платье из красных лепестков.

— Петрас ошибся. Твой цвет вовсе не черный, а красный, — констатировал Ждан. — И это просто потрясающе!

— Спасибо, — смутилась Майли.

— Это не комплимент. Запомни эту картинку и соответствуй. Пока у тебя из рук вон плохо получается, — безжалостно высказал Ждан.

Она молча опустила голову. Без Финиста ей даже не перед кем было истерику закатить. Стоило только подумать о нем, как сердце начинало щемить от тоски. Неужели он навсегда останется там вместе... вместе с ней!

\*\*\*

Кто-то несчастно вздохнул прямо над ухом. Финист тряхнул головой, приходя в себя.

— Герда! — в отчаянии позвал он, вспомнив, что они угодили под обвал.

— Все в порядке, только слезь с меня! — донеслось откуда-то снизу. Облегченно выдохнув, он откатился в сторону. Там обнаружился чудом уцелевший факел. Финист достал из кармана огниво и запалил его.

— Вот же влипли! — присвистнул он, оглядывая завал. — Ребята, вы меня слышите?

Ответа не последовало.

— Надеюсь, их не задело, — вздохнул он.

— Это все моя вина! — Герда уселась на каменный пол и обхватила голову руками. — Я должна была предвидеть, что в колдовской пещере может приключиться нечто подобное. Я столько про это читала! Почему я тебя не послушала?

— Прекрати винить себя понапрасну, — Финист устроился возле нее. — Я же говорил, я главный, я несу за вас ответственность, значит, и вина моя. Я знал, что так будет и все равно пошел — слишком заманчивой казалась идея срезать путь. Теперь придется расплачиваться.

Герда все равно не смогла сдержать всхлипывания. Нужно было как-то ее ободрить, ведь они живы. И вместе.

— Все будет хорошо. Путь вперед открыт. Может, мы еще выберемся.

— А как же остальные?

— Что с ними станется? Выйдут тем же путем, что пришли. Отправятся к ближайшей голубиной станции — там им обязательно помогут. Они ведь ученики и отношение к ним куда снисходительней, чем ко мне.

— Вожыку без меня будет страшно.

— Переживет как-нибудь. Может, оно и к лучшему. Устал я от этой неволи. Устал думать за всех, спасать всех постоянно. Пора бы им уже самостоятельности научиться. Идем. Выберемся, а там решим, что делать. Тут мы им все равно не поможем.

Финист встал и протянул Герде руку. Та долго смотрела на него, но все-таки приняла помощь и встала. Они пошли вперед, внутрь темного прохода, крепко держась за руки, чтобы не потеряться. Однообразный коридор тянулся так долго, что на душе становилось жутко и тоскливо.

— А вдруг мы оказались в чреве у исполина? — затараторила вдруг Герда. — И все бредем-бредем по его кишкам, кажется, что по прямой идем, а на самом деле постоянно поворачиваем. И конца-края этому чреву никогда не будет!

Финист привык, что она говорила степенно, раздумывая над каждым словом, но теперь вдруг стала трещать как сорока. Это встревожило его гораздо больше, чем бесконечный коридор.

— Перестань, я уже понимаю, чем Ждану так не нравятся твои истории. Да от них сс страха поседеть можно! — полушутя заметил он.

Герда не смогла сдержать усмешку:

— Но ты же не Ждан, чтобы всяких глупостей пугаться.

Финист засмеялся, крепче сжимая ее ладонь. По телу пробежал легкий щекочущий кожу озноб. Из рта повалил густой пар.

— Холодает, — уже намного более серьезно сказала Герда, сама прижимаясь поближе к Финисту. — Когда в Будескайске появлялись привидения, всегда становилось холодно, как сейчас. Может, здесь тоже есть привидения — души тех, кто навсегда остался блуждать по этому коридору? Сейчас они затаились и ждут удобного момента, чтобы напасть.

— Ну, ты и трусиха! Знаешь, иногда просто становится холодно, а стены покрываются льдом — смотри!

Финист осветил факелом продолжение пещеры — все было в инее, переходившем в лед. Обрадовавшись хоть какой-то перемене, они быстрее двинулись вперед. Стало заметно светлее — свет падал из большого лаза, который находился на огромной высоте в потолке. Лед заполнил все вокруг. Он был такой гладкий и прозрачный, что на его поверхности без труда можно было разглядеть свое отражение. Сотни, тысячи, неисчислимое множество отражений.

— Гляди, впереди что-то есть! — Герда вырвала руку и побежала.

— Постой! — крикнул Финист и хотел было догнать, но вдруг остановился как вкопанный.

Все его отражения вдруг исчезли, испарились и стены. Он находился посреди нацарапанного на льду круга перечеркнутого крестом. Над головой расстилалось безграничное пронзительно синее весеннее небо. Рядом стояло четверо мальчишек в рубашках из белых перьев. Повернувшись к нему спинами, они изображали диковинный танец, широко расставляя руки. Тут они замерли, словно к чему-то прислушиваясь, а потом их руки обратились в крылья. Размахивая ими, мальчишки легко отрывались ото льда, взмывали в воздух и разлетались кто-куда.

Вдруг стало страшно. Финист бросился к последнему оставшемуся на земле ребенку — долговязому, конопатому, с всклокоченными чуть кучерявыми рыжими волосами и хитрыми желтыми глазами. Мальчишка смахнул его как былинку и тоже улетел. Финист упал на колени. Сердце сжала неизбывная тоска, от которой даже дышать была больно. По щеке прокатилась скупая слеза.

— Финист! — вывел его из транса чудной голос Герды.

Он снова стоял в ледяном коридоре, из дальнего конца которого к нему бежала Герда.

— Финист, я поняла, это не пещера Истины, а пещера желаний! — ее голос звенел, как нежнейший колокольчик, эхом отражаясь от стен. — Смотри, я принцесса!

Она пританцовывала и кружилась на ходу, звонко смеясь. Сейчас она действительно была похожа на сказочную принцессу. Свет из колодца так странно преобразил ее: волосы в одночасье отросли и выбелились, а ветхий выцветший плащ превратился в воздушное платье из бледно-голубого шелка. Глаза сияли, как две серебряные звездочки на ночном небосклоне.

Дыхание перехватило от восхищения. Финист протянул руку, желая хоть на мгновение коснуться неземной красоты — в сотни раз более желанной, чем у той девушки, которой его соблазнял демон в волотовке. Герда доверчиво вложила свою крохотную изящную ладошку в его крупную и мозолистую. Финист скользнул пальцами по нежной коже и притянул поближе.



— Герда, я... — загнулся он, растеряв все мысли.

— Да? — переспросила она и заглянула в глаза, пытаясь добраться до самой сути. — Ты что-то хотел сказать? Ну же!

— Ты... очень... красивая, — с трудом выдавливал из себя Финист.

— Ты шутишь? — попыталась усмехнуться Герда, но поняв, что тот предельно серьезен, осеклась. — Что с тобой? Это пещера так подействовала?

Тот понурил голову.

— Думаю, мне открылась истина, — поборов наваждение, ответил он. — У меня было видение, словно кто-то говорил: «Ты ведь хотел свободы? Так вот она, получи. Только плата за нее — вечное одиночество». А я не хочу, не могу быть один. Ты мне нужна, нужна больше всего на свете: больше моих учеников, больше Компании, может, даже больше самой свободы. Мне кажется, нет, я уверен, что люблю тебя. И если ты не против, если готова отпустить детские мечты об Охотнике, мы могли бы попробовать быть вместе.

Он медленно привлек Герду к себе и легонько коснулся губами ее губ. Очень боялся спугнуть, как раньше, неловким резким движением, мысленно умоляя:

«Не отталкивай меня. Ты так сильно мне нужна. Если сделаешь это, мое сердце разорвется от тоски. Будь моей. Я сумею тебя защитить и от Голубых Капюшонов, и от Компании и даже от навязчивых воспоминаний о шарлатане-Охотнике. Просто ответь на поцелуй, и ты поймешь, насколько сильно мое чувство».

И она ответила. Робко и несмело, но и это было достаточно. Финист крепче прижал ее к себе, наслаждаясь душистым, нежным привкусом ее мягких губ. Теплая. Чистая. Светлая. Она положила руки на его плечи и разомкнула зубы. Поцелуй стал глубже, неистовой, такой жаркий, что кровь закипала в жилах, а дыхание вырывалось сдавленным хрипом. Как же хорошо! И как хочется большего.

«Она не твоя и никогда твоей не будет», — разбил томительную иллюзию зловещий нечеловеческий голос.

Финист испуганно дернулся, пытаясь понять, что происходит. Герда удивленно открыла глаза. Глянув куда-то вбок, вырвалась и подбежала к ледяному зеркалу.

— Шквал! — в отчаянии заламывая руки, позвала она.

По спине пробежали мурашки. Там кто-то был. Финист явственно ощущал его огромную, нечеловеческую ауру. Ту самую, чей легкий отголосок он порой чувствовал рядом с Гердой. Но сейчас неизвестный не таился, показывая себя по всей красе. Угрожая. Голос, это был его голос в голове Финиста!

— Кто здесь? — требовательно спросил он, глядя в то самое зеркало, что и Герда. Но там никого не было. Аура тут же испарилась. Нет, так больше продолжаться не может. Нужно вывести эту тварь на чистую воду!

Финист встряхнул оцепеневшую Герду за плечи:

— Тут кто-то был? Отвечай!

— Нет, мне показалось, — истерично выкрикнула она, изо всех сил стараясь вырваться. — Отпусти, ты делаешь мне больно!

— Прости.

Финист отошел на шаг.

— И ты прости, — смягчилась Герда и отвернулась.

Финист понурился. Ну вот, момент бесповоротно испорчен. Она снова боится. А поцелуй был так сладок!

— Так твой ответ: «нет»? — после затянувшейся паузы спросил Финист.

— Мне надо подумать. Сейчас не время и не место для этого, — отмахнулась Герда, избегая его взгляда.

— Идем, — Финист снова протянул руку. На этот раз по-дружески. И Герда ее приняла.

Вскоре лед снова сменился черным камнем. Падающий из колодца свет растворился в непроглядном мраке. Все стало как раньше — уходящий в бесконечность однообразный коридор. И два человека, которые неустанно бредут по нему, надеясь, что там, в конце, забрезжит крохотным лучиком надежда на то, что этот путь не напрасный. И впереди их ждет ослепительно яркое будущее.

Конечно, ничего они не увидели, потому что когда пещера закончилась, солнце уже успело спрятаться за линию небосвода, и на землю опустилась темная зимняя ночь. Лишь звезды да луна источали слабый свет.

— Мы все-таки выбрались! — от радости закричала Герда и, не сдержавшись, повисла у Финиста на шее. Он поднял ее на руки и закружил. Они счастливо хором повторяли: «Выбрались! Выбрались!»

— Смотри! — Финист указал на мерцавший в низине огонек.

— Думаешь, наши? — с надеждой спросила Герда.

— Ну а кто же еще? — усмехнулся он.

Держась за руки, они побежали к костру.

— Смотрите! Смотрите, кто идет! — встретили радостными криками друзья.

— Я знал! Они не верили, а я знал, что вы живы! — Вожык подбежал к Герде, и та крепко его обняла.

— Значит, не верили, — усмехнулся Финист «нерадивым» ученикам, которые смущенно переминались с ноги на ногу. Переживали, видно, что бросили их в беде. — Да все в порядке. Вижу, вы совсем самостоятельные стали — из пещеры выбрались, лагерь разбили, огонь развели, даже ужин приготовили.

— И лошадей поймали. Это все Ждан, — выдала с потрохами товарища Дугава. — Кроме ужина. Ужин готовила я.

— А ты молодец: не генерал, конечно, но успехи делаешь, — похвалил его Финист. — Правда, я бы не стал разбивать лагерь на таком открытом месте. Да и аура здесь не слишком хорошая.

— Финист, не нуди! — оборвал его Ждан. — Ты что не можешь просто за нас порадоваться? Не порть такой момент!

Он замаялся. Произошедшее в пещере оставило на душе сильный осадок, поколебало уверенность в своих поступках. И это сильно мешало. Не позволяло вести себя так, как он привык — напористо и бескомпромиссно.

— Все же хорошо бы найти другое место, — попытался настоять Финист, но его никто не поддержал.

— Мы весь день шли и устали до белых демонов, — горячо возразил Ждан.

— А может, и два, — поддержала его Дугава. — Кто знает, сколько на самом деле времени в этих пещерах прошло?

— День, это по звездам увидеть можно, — ответил Финист. Дугава со Жданом вопросительно на него уставились. — Долго объяснять, а я слишком устал. Давайте завтра. К вечеру наше путешествие должно закончиться. Можно будет передохнуть по-настоящему.

— Ура! — дружно воскликнули Дугава со Жданом.

\*\*\*

Герда понуро стояла в стороне. Вожык продолжал висеть на ее руках. Майли хмуро переводила взгляд с нее на Финиста и обратно. Стало очень гадко и совестно за тот поцелуй в пещере. Зачем она позволила себя поцеловать? Просто так жалко Финиста стало. Герда словно кожей ощущала, как отчаянно он жаждал ответной ласки, близости, любви. Не удержалась — сдалась перед напором полных кипящей страсти чувств, которых сама до конца не понимала. И тут же почувствовала себя предательницей, увидев в ледяном зеркале призрак Охотника. С чего она вообще решила, что должна хранить ему верность? У него-то в жизни, наверняка, были другие женщины. Да и какое дело мертвецу до того, что происходит с живыми? Только вот... что перед тем зеркалом делал Шквал? Да еще с таким опустошенным видом, будто она его предала, а не Охотника. Жаль, она проболталась перед Финистом. Но, может, оно и к лучшему. Зачем ему связывать свою жизнь с сумасшедшей?

— Знаешь, что мы в пещере видели? — заговорил Вожык, явно желая прогнать уныние с ее лица. — Там были ледяные зеркала, в которых отражался наш дар. Вокруг меня танцевали огненные человечки, представляешь? Они настоящие! У Ждана были вихри, у Дугавы плащ из воды. А Майли... Она была такая красивая!

— Обычная, — перебила его Майли. — Я совершенно обычная алая роза, совсем не черная, как думал мой отец.

Она под села поближе к костру и снова от них отвернулась.

— Мы думаем, что это и была та самая истина, — поделилась догадкой Дугава. — А вы что-нибудь видели, когда шли?

Финист с Гердой быстро переглянулись и одновременно покачали головами.

— Нет-нет, ничего не видели, — для пущей уверенности добавил Финист.

Герда отпустила Вожыка и под села к Майли. Она выглядела такой грустной. Как же начать разговор? Неловко было с наскака огорошить ее своим решением, кроме того первым о нем должен узнать Финист, ведь оно больше всех его касалось. Вместо этого заговорила Майли.

— Он не будет с тобой счастлив, — ничего не объясняя, выпалила она.

Герда нахмурилась.

— Я знаю, ты ему нравишься. Возможно, он даже думает, что любит тебя. Но вы из разных миров. Вы не сможете быть вместе. Даже если попытаетесь, это его погубит.

— Почему? — испуганно спросила Герда.

Майли протяжно посмотрела на нее, решая, что ответить.

— Вы слишком разные, как земля и ветер.

— Ты о том, что у меня нет дара?

Майли не ответила.

— Просто отдай его мне. Отдай, умоляю. Я люблю его. Он единственное, что держит меня в этом мире.

Майли резко поднялась и ушла, оставив Герду размышлять в одиночестве. Хотя думать тут было не о чем, раз она уже приняла решение. Осталось только набраться мужества и рассказать все Финисту.

Пока Герда разговаривала с Майли, Ждан улучил момент и спросил Финиста о том, что не давало ему покоя:

— Ты сказал Майли о Герде что-то, чего не знаем мы?

Финист удивленно уставился на него:

— Ты о чем?

— Просто показалось. Это не так?

Финист отвел взгляд.

— Это двойная аура. Не понимаю, откуда она. То появляется, то пропадает. А в пещере я слышал, как Герда кого-то звала. И всем своим существом чувствовал, что там кто-то есть, но увидеть ничего не смог. Кажется, я его спугнул.

— Ты спрашивал ее об этом?

— Она все отрицает.

— Кто отрицает? — спросила незаметно подошедшая Герда.

Финист сглотнул.

— Никто, это мы о своем.

Герда окинула его недоверчивым взглядом, но настаивать не стала.

— Финист, мне надо кое-что тебе сказать.

— Говори.

— Наедине, — Герда выразительно посмотрела на Ждана.

— Ухожу-ухожу, — быстро ретировался тот.

— Ты что-то решила? — с надеждой спросил Финист. — Потому что завтра мы приедем в Упсалу и так или иначе надо будет...

— Тише, дай мне сказать.

Финист умолк.

— Я думала об этом долго. Гораздо раньше, чем ты начал об этом говорить. И... прости, но я должна буду уйти. Одна.

— Что?!

Герда заметила, как его зрачки мгновенно стали вертикальными. Сделалось немного не по себе.

— Это взвешенное решение. Так всем будет лучше. Дар, Стражи — это твой мир, в который мне пути нет. Мне бы хотелось, очень хотелось остаться частью вашей жизни: твоей, Вожька, Дугавы со Жданом, но я не могу. Я совершенно обычная. Я не понимаю ваших проблем, не смогу разделить ваши радости и горести. Я и так вам мешала всю дорогу. Сколько раз тебе приходилось рисковать ради меня жизнью? Я не хочу быть обузой. Не хочу чувствовать себя чужой, не принадлежащей ни к обычным людям, ни к вам, Стражам. И сомневаюсь, что инспектору из Компании понравится мое присутствие. Я уйду завтра, как только мы прибудем в город.

— Нет. Я же сказал, что оставлю Компанию и пойду с тобой.

— Ты не должен этого делать. Твое место с ними. Там ты сможешь добиться больших успехов. Ты замечательный учитель, и у тебя очень сильный дар. А со мной... со мной ты пропадешь. Я не хочу, чтобы ты искалечил себе жизнь из-за меня.

Герда попыталась уйти, но Финист схватил ее за руку и развернул к себе.

— Я не могу тебя отпустить. Я люблю тебя. Почему ты не слышишь, что я говорю? Почему не можешь ответить на простой вопрос: ты меня любишь?

Глаза у него стали совсем бешеные. Герда сжалась от страха.

— Я не думаю... — стало действительно страшно. Она не знала, что ему ответить, чтобы он отпустил. Свободной рукой Герда нащупала на воротнике брошку и по привычке начала ее тереть, чтобы собраться с мыслями и успокоиться. — Не думаю, что это имеет значение. Ты должен меня забыть, ты сделаешь это со временем. Так будет лучше.

Он пристально посмотрел на нее, а потом его взгляд остановился на броши и глаза сузились.

— Скажи, это ведь не из-за Охотника?

Герда сглотнула. Она вообще перестала понимать, чего он хочет.

— При чем здесь?..

— Не лги мне! — его голос начал срываться на угрожающий рык. — Ты его любишь?

— Что? — Герда не удержалась и всхлипнула. — Нет!

— Как же нет, когда да! — закричал он, сорвал с рубашки брошь и крепко сжал.

Послышался хруст. Финист раскрыл ладонь, высыпал осколки на снег и очень тихо добавил: — Нельзя жить глупыми детскими мечтами.

Крики встревожили остальных путников. Они несмело подбирались поближе, чтобы хоть краем уха услышать, из-за чего ссора.

Стало нестерпимо больно. Словно он только что убил ту единственную мечту, которая грела ее последние десять лет, а теперь холодная пустота внутри покрывала весь мир толстой ледяной коркой. Не было никакого Охотника. Он такой же мираж, как Шквал, а вся ее жизнь, все чаяния и стремления пусты и бессмысленны!

Герда вырвалась и, опустившись на колени, принялась собирать замерзающими руками осколки. Финист пораженно замер, наблюдая, не выдержал и коснулся ее волос.

— Я очень за тебя переживаю. Ты ведь совсем не знала того человека, а в детстве все видится несколько приукрашенным. Если ты его встретишь — разочаруешься. Лучше всего забыть...

Зачем он продолжает глумиться? От сказки ведь уже и призрака не осталось. Как же больно! Лучше на костре Голубых Капюшонов гореть, чем так! Герда зло подняла глаза.

— Он же умер! — закричала она и, прижимая к груди собранные в кулак осколки, побежала прочь.

Ждан подошел к Финисту и ошарашено спросил:

— И после этого ты еще будешь меня болваном называть?

Тот упал на колени, выгнулся и завыл, как раненый зверь.

\*\*\*

Герда бежала без оглядки до тех пор, пока лагерь не скрылся из виду, и только потом остановилась перевести дыхание. Слезы текли в три ручья и никак не хотели униматься. Она попыталась вытереть их рукавами, но те промокли и замерзли. Лицо больно щипало от мороза. Немного успокоившись, Герда заметила, что она не одна — рядом с ней на снегу сидел Шквал и молча смотрел на нее.

— Где ты был? — с упреком спросила она.

— То тут, то там... — как всегда неопределенно ответил он.

— Ладно, не важно, — раздраженно бросила Герда. — Ночью я тихонько вернусь в лагерь, заберу Яшку и поеду своей дорогой, ни с кем не прощаясь. Я смогу, я сильная.

— Угу, куда ты поедешь? Замерзнешь до смерти или на зуб демону попадешься, прежде чем до города доберешься успеешь. Побудь с ними хотя бы до завтра.

— Нет, они мне не нужны. Мне никто, кроме тебя, не нужен. Вместе мы со всем справимся.

Кот помрачнел еще сильнее:

— Знаешь, а ведь Финист прав. Тебе давно пора расстаться с детскими мечтами и со мной в первую очередь.

Герда испуганно взглянула на него:

— Ты что хочешь меня бросить? Только не здесь и не сейчас!

— Прости, пришло время. Я уже позвал хозяина, — Шквал совсем понурил голову.

— Хозяин? Что за хозяин? — нахмурилась Герда. Никогда прежде кот ни о чем подобном не упоминал. Да и какой хозяин может быть у воображаемой зверушки?

— Безликий. Хозяин масок. Кукловод. Мы все подчиняемся его воле, — Шквал пристально заглянул ей в глаза. Будто действительно прощался. В самый последний раз. Под ложечкой болезненно засосало. Кто может быть настолько жесток, чтобы разлучить их?

— Он уже мчит сюда и теперь сам будет о тебе заботиться, — продолжал говорить странные вещи кот.

— Но я не хочу, я... — попыталась отговорить его Герда, но кот не стал ее слушать и резко развернулся к подпиравшему плато темному горизонту.

— Страница двадцать пятая. Третий абзац сверху, — выкрикнул Шквал, перекрывая вой поднимающегося ветра.

— Что? — она уже совсем перестала что-либо понимать.

— Читай! — властно приказал кот.

Пожав плечами, Герда отыскала под снегом сухую ветку и запалила ее. Пламя было очень тусклое, и палка быстро прогорала — времени оказалось в обрез. Герда суматошно отсчитывала страницы дневника, пока не нашла нужный кусок:

«С противоположной стороны хребта пещера ведет на южное плато Утгарда — не самое безопасное место для ночевки в Мидгарде. Зимой тут часто сходят лавины, к тому же это излюбленное место Ненниров — свирепых демонических лошадей. В начале зимы они сбиваются в огромные табуны и кочуют по всему Утгарду. Пожалуй, самое страшное, это когда табун, сметая все на своем пути, пронесется по округе. Земля дрожит под их копытами, и слышится, как трещат и раскалываются ледяные глыбы».

По коже волнами пробежали мелкие мурашки. словно наяву послышался треск. Снег под ногами резко всколыхнулся и пошел мелкой рябью. Герда высоко подняла догорающую палку и вгляделась в темную полосу горизонта. Показалось, что впереди что-то светится. Сотни желтых огоньков, похожих на те, что встречались в болотах Дикой пуши, неслись прямо на Герду. Она в испуге попятилась. Треск усиливался, а огоньки становились все больше похожи на глаза диких животных. Уже можно было разобрать силуэты невысоких коренастых лошадей. Не меньше сотни. Точно, ненниры!

— Беги! — иступленно закричал Шквал.

Герда сорвалась с места и помчалась к лагерю. Надо предупредить ребят! Ноги предательски вязли в глубоком снегу, замедляя движение. Кот следовал за ней и голосом гнал вперед. Впочем, грохот сотен копыт действовал куда сильнее. Выбившись из сил, Герда подскользнулась и упала.

— Вставай! Живее!

Герда подскочила и снова побежала, крича из последних сил:

— Спасайтесь! Демоны идут!

Но чувствовала, что ее слова не долетают до лагеря. Еще бы чуть-чуть от ненниров оторваться, и ребята услышат. Хотя бы Финист — у него слух острее, чем у остальных. Показался тусклый отсвет костра. Герда закричала громче. На морозе каждое движение отдавалось болью в мышцах, грудь резало от холодного воздуха, но Герда не обращала внимания и продолжала бежать. Должна успеть! Должна предупредить!

Вой ветра и треск заглушал крики. «Почему они не уходят? Они должны чувствовать опасность. Ее даже я чувствую, хотя у меня никакого дара нет!»

Наконец, путники ее увидели. Все: Дугава, Ждан, Майли, Вожык и Финист — в ужасе застыли, глядя на Герду и то, что гналось следом.

— Бегите!

Финист попытался броситься к ней, но остальные уже тащили его прочь.

— Сама беги! — отчаянно закричал Шквал.

Герда обернулась. Демонические лошади были уже совсем близко. Это конец! Прикрыв голову руками, она ничком рухнула в снег. Кот взмыл в воздух и, широко расставив лапы, растворился в ослепительной голубой вспышке. Незримый воздушный кокон укутал Герду теплым одеялом. Прямо у лица мелькнули первые копыта. Больше она ничего не видела.

## КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

### ===== Глава 17. Встреча =====

1576 г. от заселения Мидгарда, Упсала, Лапия

Герда снова видела тот сон. Ночь. Заснеженное плато. Черный всадник на горизонте. Медленно приближается. Из-под копыт летят комья снега. Ветер развеивает плащ. На темную конскую гриву садятся белые мухи. Уже совсем рядом вороной жеребец плавно останавливается. Всадник легко спрыгивает на землю и опускается на колени. Она почему-то видит это сверху сквозь плотно закрытые глаза. Всадник склоняется над ней. Она чувствует на лице его теплое дыхание. Поцелуй обжигает губы.

— Шквал! — на этот раз кот ее не проведет! Герда махнула перед собой рукой, чтобы согнать его, но вместо этого зацепила капюшон всадника и откинула с лица.

— Николас? — вырвалось против воли, хотя в неярком свете звезд внешность незнакомца разобрать было невозможно. Герда знала, что это Охотник, или просто очень этого хотела.

— Ты обозналась, — мужчина резко отпрянул, пряча взгляд.

Это только усилило подозрения. Несколько мгновений Герда во все глаза таращилась на незнакомца, пока он снова не повернулся и помог сесть. Она тут же поймала его подбородок рукой и заставила посмотреть в лицо. Герда столько раз представляла, как изменятся его черты со временем, что не могла ошибиться. Но почему он ведет себя так, словно они незнакомы? Это из-за волос, точно! Он ведь видел ее с красивыми густыми косами, а не с этим жалким обкорнанным убожеством. Надо ему напомнить.

— Николас, ты не узнаешь меня? Это же я, Герда Мрия из Дрисвят. Ты спас меня от Ужиного короля. Вот, — Герда достала из кармана осколки вересковой броши. Выглядели они жалко, но он просто обязан был вспомнить. Иначе она и помыслить не могла.

Мужчина удивленно сузил глаза, внимательно пробежался взглядом по лицу Герды и тяжело вздохнул:

— Мое имя Николя дю Комрой, а тот, о ком ты говоришь, давно умер.

Он пристально смотрел на нее. Герда, как рыба, открывала и закрывала рот, не находя, что сказать.

— Выпей, станет легче, — Николя достал из-за пояса флягу и открутил крышку. В нос

ударил сильный хмельной запах. Герда поморщилась и попыталась отвернуться, но Никола насильно влил в рот мерзкий напиток.

— Гадость, — она попыталась все выплюнуть, но мужчина не позволил.

— Пей, тебя всю колотит и голос странный.

Только теперь, когда схлынули эмоции, Герда ощутила озноб и ломоту во всем теле. Она всегда чувствовала себя разбитой после обмороков, но сейчас было горше во стократ. К тому же сильно саднило горло, как будто его изнутри располосовали когтями.

— Похоже, я сорвала его, когда кричала.

— Глупо кричать на таком морозе, — сказал он холодно, отчужденно. От его тона сердце сжималось почти также болезненно, как от того, что он ее не узнал.

— На нас напали ненниры. Я должна была предупредить товарищей.

— Товарищей? — насторожился Никола. — Ты была не одна?

— Я была с Финистом и его учениками, — Герда оглядывалась по сторонам, надеясь их увидеть.

— Финист? Что-то знакомое, — он хлопнул себя по лбу. — Ну конечно, это тот самый непутевый учитель из Компании, чью группу я должен инспектировать. Ты путешествовала с ними?

Герда кивнула, вспоминая, что видела его имя в письме Финиста. От мысли, что эти двое должны будут встретиться, стало сильно не по себе.

— Этот идиот разбил лагерь посреди тропы ненниров? Разве он не почувствовал, какая здесь аура? — ворчливо поинтересовался Никола. — Неудивительно, что он так задержался в пути. Странно, что вы вообще смогли сюда добраться.

Хотя в его словах была доля истины, сделалось очень неприятно.

— Он не хотел, чтобы мы здесь останавливались. Это мы его уговорили, потому что слишком устали, чтобы идти дальше.

— Он ваш предводитель и несет ответственность за все, что с вами происходит. Если он чувствовал опасность, то не должен был потакать слабостям, подвергая ваши жизни риску, — Никола начал горячиться. — Да ты же сама чудом не погибла. Взгляни, здесь повсюду следы ненниров.

Герда пригляделась к вытопанному снегу и похолодела: на месте, где она лежала, остался большой отпечаток вытянутого по ее росту овального панциря, а всюду вокруг следы копыт.

— Они специально меня обходили?

Николя пожал плечами. Герда задумалась. Должно быть, кот снова спас ее своими чарами.

— Шквал! — позвала она.

— Кто такой Шквал? — подозрительно спросил Никола.

— Мой кот, но ты не сможешь его увидеть, — отмахнулась она. Никола недоуменно нахмурился.

— Шквал!

На ее голос ответил совсем не тот, кого она звала. Послышалось громкое ржание.

— Снова ненниры? — испуганно спросила Герда.

— Не думаю, — уверенно ответил Никола, глядя в ночную тьму. Из-за перелеска выскочила одинокая лошадь без всадника и понеслась к ним.

— Яшка? — пришла неожиданная догадка. Услышав голос хозяйки, кобыла еще раз



заржала и поскакала быстрее. Остановившись возле Герды, счастливо ткнула носом ей в руку.

— Твоя? — спросил Николая. Герда кивнула, сил говорить почти не осталось. Да и кот, по всей видимости, выходить не собирался. Она вспомнила их последний разговор. Шквал ушел. Навсегда. На душе стало совсем тоскливо.

— Сможешь на ней без седла и уздечки ехать? — отвлек ее от мрачных мыслей Николая. Герда снова кивнула. Он посадил ее на кобылу, а сам ловко запрыгнул в седло своего жеребца, который уже плотоядно зыркал на Яшку и со свистом втягивал холодный воздух, напитанный ее запахом.

— Ты еще тут истерику закатай! — осадил его Николая. После недолгой борьбы жеребец сдался и послушно затрусил вперед, лишь изредка косясь на шагавшую следом кобылу.

Николя обернулся к Герде проверить, как она держится:

— Попробуем найти твоих горе-товарищей.

Она слабо кивнула, всем телом прижимаясь к лошади, чтобы хоть чуть-чуть согреться. Даже думать стало тяжело.

Время шло мучительно долго. Из-за снега лошадям приходилось высоко поднимать ноги, и Герду нещадно трясло. Голова кружилась, перед глазами все плыло. Она держалась исключительно на силе воли и чувствовала, что скоро упадет.

— Потерпи, — подбодрил ее Николая. — За теми деревьями виден отсвет от костра. Должно быть, это твои товарищи.

Герда потрянула головой и стиснула зубы. Надо терпеть. Бесконечная дорога, колыхания конской спины, какими же тяжелыми стали веки! Герда и сама не заметила, как они смежились. Яшка резко остановилась. Словно сквозь стену, Герда услышала голос Ждана:

— Кто здесь? Предупреждаем, мы вооружены и очень опасны!

— Что-то я не вижу у вас оружия, — скептически заметил Николая.

— Нам не нужно оружие. Мы колдуны, страшные колдуны. Лучше держитесь от нас подальше! — Ждан сделал еще одну слабую попытку запугать незваных гостей.

— Герда! — закричал Вожык, единственный, кто смог узнать ее в темноте.

Она почувствовала, как последние силы покинули ее, соскользнула с конской спины и полетела вниз. Вместо удара о холодный снег ощущалось нечто странное: словно тело завернули в колючее шерстяное одеяло, в кожу вонзились сотни тончайших иголок, от ног к рукам и голове пробежала обжигающая волна. Неожиданно полегчало. Слабость не ушла, но хотя бы голова перестала гудеть.

— Герда, что с тобой? — испуганно позвала Дугава. — Ты ранена?

Язык совсем не ворочался. Даже глаза открыть не получалось.

— Нет, просто истощена, — ответил Николая. — Расступитесь!

Герда почувствовала, как ее взяли на руки и куда-то понесли. Стало тепло и уютно. Ее уложили возле костра и чем-то накрыли. Руки, те самые, что несли ее, начали ускользать. Она отчаянно вцепилась в них, чувствуя, что волны тепла, от которого становилось легче, исходят именно оттуда. Ощувив сопротивление, руки остановились. Пальцы переплелись с ее и замерли. Только тогда Герда смогла провалиться в безмятежную бездну сна.

\*\*\*

— Вы кто? — спросил Ждан у незнакомца.

В свете костра они смогли хорошенько его разглядеть. Телосложением он очень напоминал Финиста — высокий, жилистый, подтянутый, с широкими плечами и узкими

бедрами. По виду был еще достаточно молод — вряд ли старше их предводителя — хотя в уголках ярких синих глаз уже ютились маленькие морщинки. Темные волосы стянуты в жесткий жгут на затылке по обыкновению Стражей. На лице непроницаемая маска холодного отчуждения, по которой нельзя ни одной эмоции уловить. Герда неподвижно лежала у него на коленях, вцепившись в руки. Ему было очень неудобно, но он терпел.

— Мое имя Николая дю Комрой, — устало ответил незнакомец.

— Инспектор из Компании? — удивился Ждан. Дугава с Вожыком подсели поближе, чтобы все слышать.

— А вы Ждан и Дугава — новобранцы из Веломовии, — показал свою осведомленность Николая. — Где ваш учитель?

Все трое растерянно переглянулись.

— Ушел искать Герду. Должно быть, вы разминулись, — ответила Дугава.

Николя неопределенно хмыкнул. Герда заворочалась во сне, и он принялся шепотом ее успокаивать.

— С ней все будет в порядке? — забеспокоился Вожык.

— Думаю, да, но на это надо время.

— А вы и вправду Охотник на демонов? — не сдержала любопытства Дугава.

— Вправду.

— И много их убили? — подхватил разговор Ждан.

— Никогда не считал.

Ребята снова неловко переглянулись.

— А... ну... — Ждан начал искать, о чем его еще можно спросить, чтобы хоть как-то поддержать беседу. — Вы будете строго нас спрашивать? Ну на экзамене...

— Не думаю, что это сейчас имеет значение.

Ждан сокрушенно посмотрел на Дугаву. Та лишь пожала плечами. Она тоже не знала, о чем можно говорить.

\*\*\*

Финист хотел искать Герду один, но Майли увязалась следом, буквально висла на нем, показывая, что готова в любой момент разделить его горе и утешить. Только ее утешения были совсем ни к чему. Он корил себя за то, что так грубо говорил с Гердой. Из-за него она попала под копыта ненниров и... Нет, она жива, и он обязательно ее найдет.

Финист с Майли вернулись туда, где на них напали демонические лошади. Она собирала уцелевшие вещи, а он прочесывал плато в поисках Герды. Ее нигде не было. Лишь от небольшого сугроба вели человеческие следы, но вскоре они слились с конскими и исчезли. Пришлось возвращаться ни с чем.

По дороге обратно Майли пыталась его разговорить, но Финист упорно молчал, копя отчаяние и злобу. Почему ему не дали погибнуть вместе с ней? Вместо нее.

Уже на подходе к лагерю Финист ощутил ее ауру и заторопил лошадь, окрыленный надеждой. С ней смешивалась смутная тревога — чувствовалась еще одна аура, тяжелая и чуждая, та самая, которая все путешествие не давала ему покоя. Только теперь она не таилась. И это не означало ничего хорошего.

Финист соскочил с лошади и помчался к костру.

— Где? — задыхаясь, спросил он, глядя на Ждана. Тот указал вбок. Финист повернулся и увидел ее. Герда неподвижно лежала возле костра на руках у какого-то мужчины. Незнакомец поднял глаза, и Финиста словно молнией поразило. Накопленное раздражение

сокрушительным валом полилось наружу. По какому праву этот человек сидит у его костра и прикасается к его любимой? По какому праву смотрит на него с таким презрением?

— Кто вы и что здесь делаете? — еле сдерживаясь, спросил Финист.

— Это Никола дю Комрой, инспектор из компании, — поспешил представить незнакомца Ждан, предвидя грядущую бурю.

Финист поморщился. Именно таким он его себе и представлял: наглым щеголем, чванливым ничтожеством, высокопоставленным ханжой...

— Финист Ясеньский, полагаю. — Все внутри клокотало от его спокойного самоуверенного тона. — В Компании очень недовольны тем, как вы выполняете свои обязанности. И теперь я понимаю, почему.

— Так просветите меня, — взъярился оборотень. — Потому что мне не давали ни денег, ни оружия, ни крова, чтобы добраться до этой чертовой дыры на краю света? Потому что Голубые Капюшоны шли за нами по пятам до самой Кундии? Потому что по дороге мы, похоже, встретили все опасности, которые только можно придумать?

— Потому что вы притащили кучу лишнего народа и не смогли их защитить, — с нескрываемым сарказмом закончил за него Никола.

Финист от ярости со свистом выпустил из груди воздух и процедил сквозь зубы:

— Что это должно значить?

— Перестань орать, вот что это значит, — голос инспектора звенел натянутой струной. Видно, он тоже был на взводе. Воздух между ними накалился. Финисту уже не было дела до высоких чинов и денег Компании. Хотелось просто стереть самодовольное выражение с лица этого инспектора.

Остальные замерли, боясь даже шелохнуться.

Глубоко вздохнув, Никола закрыл глаза и заговорил куда более спокойно:

— Для начала расскажи мне, кто все эти люди.

Николя указал за спину Финиста. Там с ноги на ногу переминалась Майли, которой в кои-то веки тоже не хотелось обращать на себя лишнее внимание.

— Мои ученики.

— У тебя их двое должно быть, а тут их пятеро, если не заметил, — ироничные ноты бесили невероятно. Хотелось вмазать инспектору в челюсть, чтобы он, наконец, воспринял слова всерьез. Герда снова заворочалась и приоткрыла глаза, разбуженная криками.

— Не ругайте Финиста, это моя вина, — слабо сказала она. — Майли и Вожык погибли бы, если бы мы не взяли их с собой. А меня не считайте, у меня даже дара нет. Я уйду и не буду никому мешать. Вот только отдохну немного.

— Тише, спи. Не обращай внимания, — зашептал Никола, качаясь взад-вперед, словно убаюкивая. — И вы идите спать. Завтра доберемся до моего дома, и там будем разбираться, что к чему.

— Какого демона ты распоряжаешься в моем лагере? — совсем взбеленился Финист. Герда громко застонала.

— Кто-то же должен, раз ты не в состоянии, — веско заметил Никола, одновременно пытаясь успокоить девушку. Финист заскрежетал зубами, но не найдя в себе сил ответить, пошел спать вместе с остальными.

\*\*\*

Николя хотел просидеть у костра до рассвета, приглядывая за Гердой и за огнем одновременно, но через час его сморил сон. Проснулся Охотник только перед самым

рассветом, когда услышал, как кто-то крадется мимо него к лошадям. Николая открыл глаза, ожидая, пока они обвыкнутся в предрассветном полумраке. Знал, что это кто-то из своих, поэтому паники поднимать не стал. Вскоре удалось разглядеть Финиста, который шептал что-то на ухо жеребцу. Конь слушал-слушал, а потом громко клацнул зубами у самого плеча незадачливого звероуста. Тот отпрянул и ошарашено уставился на агрессивно настроенное животное. «Умная лошадка», — усмехнулся Охотник.

Он собирался уже снова заснуть, как вдруг над лагерем пролетел протяжный стон. Николая встрепнулся. Это точно не могла быть Герда — она крепко спала, положив голову ему на грудь совсем как десять лет назад. Кто-то снова застонал, на этот раз громче. Николая наблюдал, как Финист нехотя отвернулся от лошадей и неспешно направился к месту, где спали его ученики. Стоны раздавались именно оттуда, и прежде, чем он успел дойти, переросли в истошный вопль. Финист прибавил шаг. Николая тоже подскочил и побежал следом. Происходило что-то плохое.

Финист добежал до места первым и замер. Николая подошел на несколько мгновений позже и выглянул из-за его плеча. На земле корчилась та самая молчаливая девушка, которую ему так и не представили. Тело выгибалось в жестких судорогах, глаза закатились, а изо рта шла белая пена. Николая похолодел, почувствовав, какая энергия от нее исходит.

Финист повернул девушку на бок и трясущимися руками пытался развязать душивший ее плащ. Она заходила от крика. Судороги становились все сильнее. Конечности выгибались под неправильными углами.

— Отойди!

Николая оттолкнул Финиста в сторону, снял с пояса охотничий нож и разрезал тесемки плаща и ворот рубахи девушки.

— Ясновидящая или медиум? — коротко спросил он у Финиста.

Тот моргнул, с трудом соображая, чего от него хотят.

— М-медиум.

Николая нажал двумя пальцами одной руки над переносицей, а второй в ямку на затылке и держал так несколько мгновений. Девушка тут же замолкла, судороги становились все мельче. Тело постепенно расслаблялось. Николая облегченно вздохнул, но, как оказалось, худшее ждало впереди.

— Вожык! — услышал он испуганный голос Герды и резко обернулся. Рядом стоял мальчик, второй, чьего имени Николая не знал. Ребенка колотила крупная дрожь — должно быть, вид терзаемой истерическим приступом девушки не на шутку его напугал. Мальчик развел руки в стороны. Вокруг его пальцев воздух накалился и начал сгущаться.

— Вожык! — снова закричала Герда уже совсем близко. Мальчик медленно сводил руки, совсем как...

Николая повернул голову, проследив, куда направлен его взгляд.

— Герда, стой! — закричали они одновременно с Финистом, но было слишком поздно. Пирокинетик свел руки. Как только его ладони соприкоснулись, с них сорвался огненный шар и направился прямо к Герде. Она испуганно замерла. Пламя пролетело всего в нескольких пальцах от лица, чуть оплавив волосы. И тут же погасло.

Николая подбежал к мальчишке, который уже снова разводил руки, и нажал ему пальцами на шею сбоку и под лопатки. Ребенок упал, как подкошенный. Николая быстро перевел взгляд на Герду.

Она осела на колени. По лицу из носа и ушей тонкими струйками стекала кровь.

Огромные от ужаса глаза закатились. Она медленно заваливалась на спину.

\*\*\*

Финист ошалело глянул на Охотника: «Телекинетик? Быть не может! Но какая у него реакция! Я даже заметить не успел, как он ее подхватил».

Николя уже был рядом с Гердой, прикладывал снег к ее лбу, стирал с лица кровь и что-то бормотал себе под нос.

— Как она? — обеспокоено спросил Финист.

— Не твоими стараниями, — грубо ответил инспектор. — Лучше припадочную проверь — здесь ты ничем не поможешь.

Финист нехотя подчинился. Майли пришла в себя, но все еще была очень слаба и напугана.

— Пить, — едва слышно простонала она. Финист начал рыться в вещах, но нашел лишь свою флягу, в которую был подмешан болиголов.

Дугава со Жданом тоже проснулись, но побоялись встречать в происходящее и подошли к Финисту лишь тогда, когда все успокоилось. Дугава подтащила не шевелившегося Вожыка поближе к остальным и уложила на одеяло. Ждан, не говоря ни слова, протянул Финисту свою флягу, и тот, с трудом откупорив ее дрожащими руками, дал Майли напиток.

Потом обернулся к Герде и Николя. Она никак не приходила в сознание. Охотник был прав. Финист взял на себя ответственность за слишком многих людей, не рассчитал свои силы и потерпел серию ужасных, просто невообразимых неудач. А платить за все пришлось ни в чем не повинной девушке, которая всего-то хотела помочь. Он говорил, что любит ее, а на самом деле даже защитить не смог, сам подтолкнул к краю. И сделал это дважды! Никчемный идиот!

Финист почувствовал, как от Николя исходят мощные волны силы, но на что он ее направляет, видно не было. Он продолжал так очень долго, а потом поднял Герду на руки и уложил рядом с Дугавой и Жданом.

— Приглядите за ней — она проспит еще пару часов, но потом, я надеюсь, все будет в порядке.

Николя выразительно посмотрел на Финиста. Тот отвел взгляд. Охотник поднялся и подошел к Вожыку. Мальчик так и не очнулся. Николя поднял его на руки и, позвав Финиста, понес к лошадям.

— Ты хоть понимаешь, что сейчас могло произойти? — устало спросил Охотник, явно не находя в себе силы кого-то отчитывать. Финист, правда, тоже не горел желанием продолжать ссору, гложимый чувством вины и тревогой за Герду, и просто кивнул.

— Пирокинетик очень плох. Я должен увезти его, пока он не проснулся и не начал снова палить все, что видит. До Упсалы полдня пути. Мой дом первый на въезде в город. Сможешь отвести туда остальных, когда они будут в состоянии ехать?

— Мы проехали пол Мидгарда без тебя, и все было нормально, — напомнил Финист.

— Что именно было нормально? Припадочная, неконтролируемый пирокинетик или обмороки Герды?

— До сегодняшнего дня все было под контролем.

— Как угодно. Главное, довези их.

Николя закинул Вожыка на спину своего жеребца, запрыгнул в седло и обернулся к Финисту. Глаза Охотника недобро блеснули:

— Но если хоть один волосок упадет с ее головы, я тебе такую жизнь устрою —

мертвым завидовать будешь.

Он прижал пятки к конским бокам, и жеребец помчался вперед, высоко задирая ноги в глубоком снегу.

\*\*\*

На печи громко шкварчала яичница с беконом. Старый целитель яростно молот в ступке сушеные семена шиповника. Эглаборг не знал, явится ли хозяин к завтраку, но по привычке готовил на двоих. И куда его снова понесло среди ночи? Совсем со своей Охотой умаялся. Ни себя в порядок привести, ни одежду новую пошить, ни даже отдохнуть толком не может. Все загоняет себя куда-то. Зачем? Словно за ним смерть по пятам несется.

С улицы донесся стук калитки. Явился-таки. Эглаборг спешно убрал с печи завтрак и вышел во двор.

— Что стряслось? — обеспокоенно спросил он, увидев, что Николая вогнал коня в мыло. Эглаборг впервые видел этого жеребца уставшим и плохо представлял, как надо было гнать, чтобы довести животное до такого состояния. На руках Николая держал незнакомого мальчишку, явно не из местных. Похоже, тот был без сознания.

— Тяжелая ночь. Не спрашивай, — отмахнулся хозяин и вручил ему мальчишку. — Это пирокинетик. Похоже, у него скопилось слишком много энергии. Она грозила выплеснуться в нечто невообразимое. Пришлось его нейтрализовать на время. Займись-ка им, пока я коня в порядок приведу.

— Я?

— Предпочитаешь шагать Харысая?

Вопрос был риторическим. В последний раз, когда хозяин препоручал ему своего коня, тот самым безобразным образом таскал Эглаборга по двору, напрочь отказываясь повиноваться. Теперь он не согласился бы связаться с демоновым жеребцом даже за все золото Мидгарда.

— Отнесу мальчика в дом и приготовлю отвар, — поспешил сообщить о своем решении Эглаборг.

— Хорошо, я скоро к тебе присоединюсь. К вечеру надо три комнаты для гостей подготовить.

— Три? Но у нас их только две.

— Попробуем освободить каморку возле моей спальни.

— Но она маленькая.

— Одна кровать туда точно станет. К тому же это самая светлая и теплая комната в доме. Ей должно понравиться, — загадочно улыбнулся Николая.

— Ей? — брови Эглаборга стремительно поползли вверх. Давненько он не видел хозяина таким воодушевленным.

— Герде.

— Г... Мастер Николая!

Но тот уже скрылся со своим конем за домом.

Через полчаса Николая сидел в гостиной у камина рядом с Эглаборгом. Мальчик лежал рядом с ними на подушках. Он все еще не пришел в себя. Эглаборг водил над ним руками, а хозяин указывал точки, в которых он должен был останавливаться на некоторое время. Так они пытались избавить пирокинетика от излишка сил. Получалось с трудом. Эглаборгу проще было восстановить здоровье или жизненные силы, чем воздействовать на чужой дар, но пока ничего лучше придумать не удалось.

— И все-таки я не понимаю, как вы смогли найти их ночью посреди заснеженного плато, — заговорил он не в силах больше сдерживать любопытство.

Николя пожал плечами:

— Услышал во сне, как кто-то зовет меня по имени. Даже знал, кто, только поверить не мог. Сел на коня, поехал на голос и нашел девушку в сугробе посреди тропы ненниров. Те почему-то ее не тронули. Я привел ее в чувство, и она назвала мое имя. Настоящее имя. Странно, да?

— Что именно: то, что ненниры обошли Герду стороной или то, что вы слышали ее во сне? — пристально вглядываясь в задумчивое лицо хозяина, уточнил Эглаборг. — Если бы я не знал, какой у вас дар, сказал бы, что это телепатическая связь.

— Да, по крайней мере, очень похоже, но это еще не самое невероятное, — Николя многозначительно понизил голос. — Когда я направил на Герду телекинез, она полностью его впитала. Не отвела, не погасила, а именно впитала. И, по-моему, от этого ей стало легче. А потом, даже когда я не использовал дар, а просто касался ее, она продолжала его поглощать.

— Как упырь? — хозяин нахмурился, не понимая, куда он клонит. — Ну демон, который жизненную силу из людей сосет.

— Нет, упырь делает это в ущерб жертве. А мой дар меньше не стал.

В подтверждение его слов из поленницы в огонь по воздуху перекечевало несколько поленьев.

— Более того, мне кажется, что я сам могу точно так же впитывать ее дар. Что же это такое?

Эглаборг развел руками:

— Если кто и мог вам подсказать разгадку, то это ваш учитель из Храма Ветров, а я простой целитель. Мое дело травы да снадобья.

Николя кивнул.

— Ладно, буду будить мальчишку. Мы сделали, что смогли.

Эглаборг облегченно вздохнул. Работа с чужим даром отнимала слишком много сил.

\*\*\*

Близился полдень, но Герда не просыпалась. Майли кое-как удалось привести в сознание, но она все еще была очень слаба и плохо понимала, где находится. Приходилось постоянно ее поить и укутывать, но это хоть немного отвлекало от мрачных мыслей.

— Очнулась! — радостно воскликнула Дугава, штопавшая рядом с Гердой одежду Ждана. — Мы так волновались!

Герда приподнялась на локтях и осмотрелась. Ждан левитировал снежки, греясь у костра. Майли дремала, а Финист кормил лошадей и одновременно приглядывал за кипевшим на костре котлом.

— Где Вожык? — встревожено спросила Герда. Дугава отвела взгляд.

— Инспектор увез его после ночного происшествия.

— Какого происшествия? — она заметно нахмурилась.

— У Майли случился припадок. Вожык испугался и пальнул в тебя огнем, — принялась рассказывать Дугава. — Совсем ничего не помнишь?

Герда мотнула головой и прикрыла рукой глаза.

— Все как будто в тумане.

— Ты несколько раз теряла сознание. Мастер Николя сказал, что это от истощения.

— Вот верно, я поспала и все прошло. Сейчас я хорошо себя чувствую. Можно ехать.

Герда как всегда скромничала и храбрилась не к месту. Порой это доводило Финиста до бешенства. Ну что ей стоило хоть раз пожаловаться или просто расплакаться от обиды? Он бы понял и пожалел, а так...

— Ты хорошо, а вот Майли не очень, — мрачно заметил Финист.

Его тревожило, что Герда пришла в себя так быстро, хотя накануне выглядела очень больной. Охотник явно что-то с ней сделал. Со всеми ними. Финист краем уха слышал про восточные техники, с помощью которых можно отключить на время сознание или снять истерический приступ. Но что помогло восстановить силы Герды? Финист искал и не находил ответа. В любом случае, Охотник за одну короткую ночевку внушил больше опасений, чем остальные члены Компании за все путешествие. Должно быть, он действительно из высших чинов. Истинный телекинетик. Только почему он прозябает в лапской глуши, а не купается в роскоши в Дюарле? “Знать бы еще, что ему от нас нужно, — Финист задумчиво глянул на Герду. Она молча смотрела вдаль, неосознанно перебирая в руках осколки своей дурацкой броши. — Хотя это-то как раз понятно”.

— Пообедаем и поедem, — принял он решение. — Охотник сказал, что тут совсем недалеко. До заката должны успеть.

Герда пожалала плечами. Финист отправился будить Майли.

— Давай же, расскажи что-нибудь про него, — Дугаву просто распирало от любопытства.

— Про кого? — снова нахмурилась Герда.

— Про инспектора нашего, про кого же еще? Он тот самый?

— Тот самый?

— Охотник, про которого ты рассказывала.

— С чего ты взяла?

— Он вел себя, словно вы знакомы, — смутилась иллюзионистка. — И я подумала...

— Нет, он умер.

Герда выпалила это настолько громко, что Финист вздрогнул и удивленно покосился. Она спрятала глаза. Неужели этот Охотник тот самый? Это бы многое объяснило. Нет... такое совпадение просто нереально. «Она не твоя и никогда не будет твоей», — свербел в голове непереносимый голос из пещеры. Но почему он так похож на голос Охотника? «Может, я действительно умом тронулся от ревности?»

Майли с трудом удалось растолкать. Ее глаза сделались мутными, а движения медленными, словно у пойманной в паутину мухи. Но никто не смел ее корить — слишком глубоко в память врезалось ночное происшествие.

После обеда пришло время собираться в дорогу. Несмотря на бурные протесты Герды, Финист отдал ей седло и уздечку с кобылы Майли. Последней они были не нужны — она и на ногах-то еле стояла. Финист не питал пустых надежд, что Майли сможет ехать самостоятельно. Он посадил ее перед собой на Золотинку и крепко придерживал, управляя лошастью одними ногами. Как всегда ехал первым. За ним Ждан, тащивший в поводу мерина Майли. Строй замыкали Герда с Дугавой. Иллюзионистка все еще не потеряла надежду разговорить подружку и заставить хоть чуть-чуть улыбнуться.

— Что ты думаешь по поводу инспектора? Он будет строго спрашивать? Нам удастся сдать? — принялась расспрашивать она. Видно, сильно волновалась из-за предстоящего экзамена.



— Откуда я знаю?

— Но ты ведь была с ним дольше всех.

— Он просто разбудил меня и напоил какой-то дрянью, а потом мы поехали искать вас.

Толком поговорить ни о чем не получилось.

— А я думаю, что надо готовиться к самому худшему, — присоединился к разговору Ждан. — Они с Финистом так друг на друга окрысились ночью, что, боюсь, сдавать нам придется долго. Если вообще не вылетим с позором, правда, Финист?

— Неправда, — раздраженно ответил он. — Вы очень хорошо подготовлены. Если не сдадите, это будет верхом скудоумия этой идиотской Компании. А вот я, скорее всего, вылечу. И без ночного происшествия заработал себе не слишком лестную репутацию. К тому же мое присутствие теперь будет очень неудобно для инспектора.

— Не думаю, что он станет злоупотреблять полномочиями, — возразила Герда. Финист изучающе глянул на нее. — Он хороший человек, справедливый...

Теперь точно также на нее смотрели и остальные. Герда смутилась:

— Мне так показалось.

— Ждан, Дугава, езжайте вперед. Мы вас догоним, — Финист развернул лошадь и подъехал к Герде. Майли дремала у него на руках с закрытыми глазами. Вряд ли услышит хоть что-то из разговора. — Я хотел попросить прощения.

— За что? — недоуменно спросила Герда.

— За вчерашнее. Я не должен был кричать и ломать твою брошь. Не знаю, что на меня нашло. Я...

— Ты был прав, — неожиданно перебила она. Ее лицо оставалось непроницаемым и отчужденным. — Не стоит жить глупыми детскими мечтами, а тот человек... даже хорошо, что он умер. Значит, разочароваться я уже не смогу.

Герда снова достала из кармана осколки и вытянула руку, словно хотела выбросить, но не решилась и спрятала обратно. Да что с ней?!

— Из-за чего вы с мастером Николая повздорили? — после долгой паузы спросила Герда.

— Я сильно опоздал, привел лишних людей, пренебрег обязанностями, не справился с учениками и подверг тебя опасности, — честно признался Финист.

— Прости. Выходит, это я в твоих неприятностях виновата, — грустно заметила Герда. — Из-за меня вы влипали во все эти передраги, из-за меня пришлось взять с собой Майли и Вожыка, из-за меня мы устроили ночлег на том демоновом плато. Это оттого, что я не понимаю вас и ваш мир. Мне не место здесь, поэтому я должна уйти, понимаешь? Не из-за тебя, а из-за себя, из-за своей ограниченности.

— Герда... — Финист раздумывал, не пришло ли время сказать правду. Так или иначе, она сегодня обо всем узнает, не от него, так от Николая.

— Пожалуйста, прими мое решение и отпусти, — она не дала ему сказать. — Я уеду, как только вы войдете в дом Охотника. Попрощайся за меня с остальными и попроси прощения. Сама я этого сделать не смогу.

Герда направила кобылу вперед догонять Ждана с Дугавой. Финист молча смотрел ей вслед.

«Я могу тебя отпустить. Я даже могу помочь тебе сбежать, только вот получится ли у нас с таким противником?» — размышлял он, вспоминая последние слова Охотника.

\*\*\*

События прошлой ночи все не шли из головы. Встреча с Охотником казалось такой нереальной, словно Герда потерялась в собственных мечтах, и те вдруг начали воплощаться в жизнь. Безумие какое-то!

В памяти сохранилось так мало: лишь всполохи неясных образов. Николас. Он ее не узнал. И даже не остался, чтобы объясниться. Да и зачем? Вожыку помощь намного нужнее. Умом Герда это хорошо понимала, ведь сама так долго билась над тем, чтобы помочь мальчику. Но ничего не вышло.

И все равно было чуть-чуть завидно. У Вожыка есть дар, который важен для Николя, для инспектора. А кто она? Обычная девчонка, которую он спас давным-давно, да уже и сам забыл об этом. Немудрено, ведь у него ремесло такое: людей из лап демонов спасать. Наверняка, в его жизни были тысячи таких же глупо вздыхающих девчонок, глядящих ему вслед щенячьими глазами. Как можно было думать, что она чем-то лучше? Теперь даже брошки на память не осталось, как и надежды.

Разговаривать ни с кем не хотелось, хотя друзья упорно пытались ее расшевелить. В горле першило так, что каждое слово превращалось в пытку. Особенно когда голос предательски срывался на крик. И главное непонятно, почему все время хочется плакать, ведь ничего страшного не случилось.

Герда обернулась к Финисту. Майли закрыла глаза и дремала у него на руках. Видно, совсем выдохлась, бедняжка. Герда не понимала, как дар мог настолько вредить людям. Вожыку и Майли. Она всегда считала его неоспоримым благом, сама бы все отдала за шанс обладать им. Но теперь стало страшно. И одновременно жалко их всех. Ей никогда не понять, через какие муки им приходится проходить из-за своих способностей. Верно, об этом и предупреждала Майли. «Если я не в состоянии понять даже их боль, то какой смысл оставаться рядом и быть в их мире лишь безучастным наблюдателем?» Уйти, не оглядываясь — единственно правильное решение. Больше откладывать нельзя. Иначе ее саму прогонят.

К закату они опоздали и подъехали к городу, только когда землю окутала ночная тьма, а в окнах зажглись уютные огоньки. Всадники свернули во двор первой усадьбы — большого двухэтажного деревянного дома с покатой крышей. Сбоку к нему примыкало несколько хозяйственных построек. Справа располагалась продолговатая конюшня на десяток голов с сараем и амбаром для кормов. Слева стояла небольшая банька с крытой поленницей. Из трубы поднимался приветливый дымок. Видно, перед приездом гостей, баньку решили натопить, чтобы те смогли привести себя в порядок. Теплый прием настораживал, учитывая, как не везло на радушных хозяев раньше. Чуть вдалеке пряталась крошечная голубятня — миниатюрная копия голубиных станций компании Норн.

Всадники спешили. Финист разбудил Майли и аккуратно опустил ее на землю, прежде чем слезть самому. Дверь отворилась, и на пороге показался невысокий седовласый мужчина со свечным фонарем в руках. Из прохода лился мягкий приглушенный свет, манящий войти внутрь, чтобы отогреть заочеченувшую от стужи и бурь северного пути душу. Но Герда отвернулась от него. Слишком велик соблазн остаться, и слишком больно потом будет уходить.

Следуя за стариком, путники оставили лошадей в сухой, теплой конюшне, а сами направились к дому. Герда перехватила Финиста на выходе из конюшни:

— Помнишь мою просьбу?

Он тихо кивнул и пошел за остальными, с трудом заставляя себя не оглядываться. Герда вернулась в конюшню, нашла кусок веревки и, обмотав ее вокруг Яшкиной шеи, повела за

собой. В деннике у входа громко заржал жеребец Николая, желая привлечь внимание кобылы. Та лишь грозно скосила на него глаза и прибавила шаг.

Когда они снова оказались на улице, шел снег. Погода стояла безветренная. Крохотные снежинки плавно кружились в воздухе, нежным холодком касаясь лица и рук. Герда остановилась и в последний раз посмотрела на дом. На первом этаже светились окна. Можно было разглядеть темные силуэты людей, которых она больше никогда не увидит. По щеке скатилась слеза. Герда крепче сжала веревку и уверенно двинулась прочь, сводной рукой вытирая лицо.

— Госпожа Герда! — послышался сзади взволнованный голос.

Она узнала его. От этого стало еще хуже. Ну почему не удалось уйти незамеченной? Герда повернулась:

— Здравствуйте, мастер Эглаборг.

— Госпожа Герда, неужели это действительно вы? — запыхавшись от быстрого шага, радостно произнес старик.

— Я, — смущенно ответила она. — Вы помните меня, мастер Эглаборг?

— Как вас забудешь-то? — усмехнулся он. — Да вы и не изменились совсем, только подросли и похорошели. А прическа? Это какая-то новая мода?

Герда провела рукой по голове. Ей до сих пор иногда казалось, что за спиной длинные косы, а потом она неожиданно вспоминала, как их лишилась. Становилось грустно и гадко. Но никому рассказывать об этом она не собиралась.

— Да, мода, — неопределенно ответила Герда и поспешила сменить тему: — А мастер Николая меня не узнал.

— Как? — ахнул Эглаборг. — Должно быть, вы друг друга неправильно поняли. Признаюсь, я сам вначале не поверил, что вы здесь. Ведь Дрисвяты так далеко. И дорога не из легких.

— Да, — Герда оглянулась на ворота. Почему она медлит? Надо вежливо проститься и уходить, пока...

— Мастер Николая просил подождать, пока он поговорит с остальными. Я как раз для вас баньку натопил. Помоетесь, заодно и время скоротаете. Идемте.

— Не думаю, что стоит...

Эглаборг уже схватил ее под руку, потянул за собой к бане и, распахнув дверь, подтолкнул внутрь.

— Там одежда, — махнул он рукой на лавку у входа. — Не слишком красивая, вы уж извините. Маловато времени было, чтобы найти что-то подходящее. Но зато чистая и теплая. Думаю, сейчас это главное.

— Вы слишком добры, я не могу... — попыталась вырваться Герда.

— Можете-можете. А лошадь вашу я сам в конюшню заведу. Ей тоже отдых с дороги нужен, — он хлопнул дверь на засов снаружи. Герда осталась совсем одна. Делать нечего — придется воспользоваться гостеприимством старого целителя.

На лавке рядом с одеждой стоял такой же фонарь, как у Эглаборга. Герда разделась, взяла его и вошла в баню. Она была куда меньше, чем в хоромы Хозяйки леса, но зато гораздо более уютной. На жаровне шипели камни. От лохани посреди комнаты шел пар. Вокруг стояли склянки и горшки с ароматными травяными отварами. Герда вымыла голову тем, что пах ромашкой и крапивой, а в лохань вылила с запахом свежей хвои. Окунулась в воду и начала тщательно стирать с себя грязь рогожкой.

Вымывшись, Герда почувствовала себя намного лучше, как будто с грязью ушла прочь усталость. Правда, осталась тоска. Все время приходилось напоминать себе, что как только Эглаборг откроет дверь, придется уйти и не думать о том, как смертельно хочется взглянуть на Николаса напоследок хоть одним глазком.

Обернувшись полотенцем, Герда вышла в предбанник и надела оставленную Эглаборгом одежду: выбеленную льняную рубаху, шерстяную темно-синюю юбку и светлую кофту. Взяла гребешок и подошла к зеркалу, чтобы расчесаться. Вид у нее был очень изможденный. Под глазами красовались черные круги. И без того высокие скулы заострились, как у покойницы. В довершении ко всему одежда висела мешком. Даже кос — самого главного своего украшения — она лишилась. Волосы отрастали неровно, путались и лежали вороньим гнездом. Уродина. Неудивительно, что Николя ее не узнал или сделал вид, что не узнал.

— Госпожа Герда? — послышался голос Эглаборга вместе со звуком отпирающегося засова. — Вы готовы?

— Да, — поспешила заверить его Герда. Очень хотелось выбраться из-под замка и исполнить задуманное.

Эглаборг вошел внутрь и расторопно захлопнул дверь, чтобы не выстуживать баню.

— Мастер Николя очень извиняется. Он еще занят с учениками. Слишком сложные подобрались, — снова начал оправдываться целитель, накидывая Герде на плечи полушубок. — Ну да ладно, подождете его в библиотеке, поедите и заодно отвара моего выпьете. Мастер Николя сказал, что вы вчера голос сорвали.

— Ничего страшного. Не стоит беспокоиться. Не думаю, что мастер Николя будет сильно переживать, если я его не дождусь, — попыталась отговориться она, но Эглаборг снова куда-то ее потащил.

— Верно, вам спать поскорей лечь хочется. В библиотеке очень удобное кресло. Честно признаюсь, мастер Николя в нем спит чаще, чем у себя в кровати. Там и подремлете чуток. Мастер Николя очень хотел с вами поговорить именно сегодня.

Целитель удивительно крепко для своего возраста вцепился в руку. Никуда деться Герда не смогла, только следовать за ним. Они вошли в дом и свернули в едва заметную дверь с правой стороны от лестницы на второй этаж. Там находилась просторная комната, все стены которой занимали заполненные книгами шкафы. Герда от удивления открыла рот. Забыв обо всем на свете, она подошла к ближайшему стеллажу и в свете фонаря принялась разглядывать корешки.

— Я оставлю еду и отвар на столе, — бросил на прощание Эглаборг. Герда махнула рукой, слишком увлеченная, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

\*\*\*

Давненько на Николя не сваливалось столько хлопот, как с этими учениками. Вначале требовалось разобраться с девчонкой-медиумом. Ночной припадок сильно ее ослабил, ввел в состояние полусна. Бодрствовать она не могла, но и уснуть тоже не удавалось. Эглаборг долго колдовал над лечебным зельем, которое бы облегчило ее состояние или хотя бы помогло заснуть. Сон был сейчас самым действенным лекарством.

После того, как девушку уложили в постель, надо было еще поговорить с оставшимися учениками и их учителем. И желательно по отдельности, чтобы у них не появилась возможность друг другу подсказывать. Первым Николя принял простоватого на вид паренька-левитатора. Выспрашивать пришлось долго, потому что он так старательно

увливал и путался в показаниях, что под конец и сам с трудом мог разобрать, где ложь, а где правда. С иллюзионисткой разговор прошел быстрее и проще. Врать она не пыталась, рассудив, что если за двадцать лет не научилась, то сейчас и пробовать не стоит. Правда, рассказ ее мало что добавил к тому, что Николая уже удалось выяснить из весьма скупого отчета Финиста и слов Ждана.

Время неумолимо бежало. До полуночи оставался всего час, а Охотнику еще предстояло два самых тяжелых разговора. Решив не мучить больше Дугаву дотошными расспросами, он отослал их со Жданом отдыхать. Утром им еще предстояло сдавать экзамен. А сам морально приготовился вести беседу с предводителем.

Разговаривать с оборотнем было очень тяжело. Всклокоченная рыжая шевелюра, режущий голос и взгляд едких птичьих глаз непереносимо раздражали. Николая не мог себе объяснить, почему внешность наставника вызывала в нем столь жгучую неприязнь. Никогда прежде он на подобные вещи внимания не обращал. Для Компании важны лишь незаурядные способности и безоговорочная преданность его учеников. Но у Николая был и свой интерес к Финисту. Чтобы вытрясти из него нужные сведения, необходимо сохранять полное холоднокровие и объективность. Николая глубоко вздохнул, настраивая себя на доброжелательный лад, и попросил Эглаборга пригласить к нему Финиста.

— Поторопились бы вы лучше. Госпожа Герда очень переживает, что вы ее не узнали. Мне с трудом удалось уговорить ее остаться — пришлось чуть ли не силком в баню тащить и там запереть. Но мы не сможем держать ее там долго.

— Я не могу сейчас отвлечься. Попроси ее еще немного подождать.

— К кровати привязать?

Николая зло глянул на целителя, не оценив шутки.

— Накорми, отведи в библиотеку. Отвлекли как-нибудь, пока я тут закончу.

— Ох, глупо вы себя ведете, ох, глупо.

Эглаборг вышел, и его место в кабинете Николая тут же занял Финист.

— В чем дело? — с порога начал возмущаться он. — Почему ты устроил моим ученикам допрос? Они ведь даже толком отдохнуть не успели!

— Ты снова повышаешь на меня голос, — спокойным тоном осадил его Николая. — Мне и самому, знаешь ли, не по душе засиживаться допоздна, учитывая, что прошлой ночью я почти не спал, но меня вынудил твой отчет.

— Что не так с моим отчетом? — начал раздражаться Финист.

— Кроме того, что он написан так, словно ты три дня назад грамоте научился? Хотя, судя по рапортам с голубиных станций, так оно и было, — противника явно задело это замечание. Значит, пока преимущество на стороне Николая. — Лучше расскажи мне все устно, начиная с того места, как вы с Гердой встретились.

Финист нехотя начал пересказывать свой отчет. В показаниях он, в отличие от Ждана, не путался, от изложенной на бумаге версии далеко не отходил, да и врал гораздо более складно, но все же Николая чувствовал, как тот фальшивит и замалчивает каждый раз, когда речь заходит о Герде. Он еще прошлой ночью заметил, что Финист имеет на нее какие-то виды, но не ожидал, что это будет связано с тайной, которую они все разом пытаются скрыть.

— Удовлетворил любопытство? — грубо поинтересовался Финист.

— Не совсем. Видишь ли, твой рассказ несколько отличается от того, что говорили твои ученики.

— В чем же? — холодно осведомился оборотень.

— Вот хотя бы ты говоришь, что Герда сама захотела пойти с вами, а по словам твоих учеников выходит, что это ты ее уговорил. И вообще, зачем бедная девушка решила пуститься во все тяжкие, бросить родительский дом и отправиться неизвестно с кем на край света?

— Ее отец умер, дом забрали за долги. Она всегда мечтала отправиться в путешествие, вот и использовала подвернувшуюся возможность.

Здесь, Николая заметил, пошла уже откровенная ложь.

— Дом забрали за долги? А Ждан сказал, что вы неплохо заплатили за то, что она провела вас через лес. Почему она не оплатила долг из этих денег? Может, потому, что дело вовсе не в них? Дугава, кстати, обмолвилась, что Герду могли сжечь на костре, если бы она не пошла с вами. Так что же на самом деле вынудило ее бросить спокойную жизнь?

Финист скрипнул зубами и посмотрел на него исподлобья.

— Выкладывай. Там кто-то погиб? — из последних сил подталкивал его откровенности Николая. Все его идеи уже иссякли.

— Человек, которому она задолжала деньги... — Финист подбирал слова очень долго, но, по крайней мере, звучали они более убедительно, чем весь его предыдущий рассказ. — Он оказался подонком и попробовал воспользоваться ее беззащитностью. К тому времени, когда я пришел, он был мертв, а Герда лежала рядом без сознания в разорванной одежде.

— Это она его убила? — все так же спокойно спросил Николая, хотя чувствовал, что удерживать бесстрастную маску становится невыносимо тяжело.

— Нет, — резко выпалил Финист. Он явно боялся такой возможности и одновременно понимал, что собеседник видит его насквозь, поэтому врать уже не пытался. — Не знаю. У него вокруг головы натекла лужа крови. И я ощущал еще одну ауру, хотя никого больше не видел. Потом постоянно замечал ее возле Герды, а недавно слышал, как она с кем-то разговаривает, но рядом никого не было. И я подумал...

— Что она одержима демоном? — закончил за него Николая, чувствуя, как от одной мысли кровь стынет в жилах.

— Он ни разу себя не проявил. Я даже опасности от этой ауры не ощущал, а обычно я очень хорошо демонов чую.

— Какая она была, эта аура?

— Похожа на человеческую, но очень тяжелая, как твоя.

— Моя? — удивился Охотник.

— Да, именно поэтому я тебя на поляне не почувствовал. Подумал, это снова он. А после того, как ты ушел, она пропала.

Николая некоторое время молчал, раздумывая.

— Ладно, иди спать. Эглаборг покажет комнату, — заговорил он далеким глухим голосом.

— Что будет с Гердой?

— Она больше не твоя забота.

— Ты ведь ее не убьешь? Ее дар слишком редкий и ценный. Можно попробовать избавить ее от одержимости. В конце концов, кроме той сволочи она никому вреда не причинила.

— Я сам решу, что делать, — холодно ответил Николая и направился к двери в библиотеку.

Герда сидела в кресле и увлеченно читала книгу под названием «Путешествие в Муспельсхейм и обратно» Бердонико Колая, знаменитого Стража прошлого века, который посвятил жизнь исследованию мертвого континента. Николая сам несколько раз перечитывал эту книгу, надеясь когда-нибудь своими глазами увидеть знаменитую колыбель цивилизации. Вряд ли Компания его отпустит, но все равно можно чуть-чуть помечтать.

Книга поглотила внимание Герды настолько, что она даже не заметила, как Николай подошел вплотную. Он мог бы вечность вот так наблюдать за ней, если бы тревожные мысли не глодали душу. Девушка выглядела такой безмятежной. С трудом верилось, что внутри нее может ютиться нечто настолько мерзкое, как демон. Чутье молчало. Все ощущения говорили, что эта умиротворенная картина — подлинная и единственная, за ней нет никакого обмана, как нет и не может быть в этой девушке ничего злого или враждебного. Но пренебрегать словами Финиста не стоило. Однажды Николай уже поплатился за подобную беспечность.

Осколки зеркала. Алеющее пятно на снегу. Быстро остывающее тело, пронзенное его собственным мечом. Воспоминания затмевали разум и мешали мыслить здраво. Та трагедия не должна повториться вновь. Только не с этой девушкой.

Николай громко закашлялся, чтобы привлечь внимание Герды. От неожиданности она уронила книгу на колени и испуганно воззрилась на него.

— Извините, я взяла книгу без спроса. Я верну все на место, обещаю, — скороговоркой оправдывалась она, поднимаясь из кресла.

Николай положил руку ей на плечо и властным жестом усадил обратно.

— Ничего страшного, — усмехнулся он. — Можешь брать любые книги, какие нравятся. А если захочешь того, чего здесь нет, только скажи и я выпишу из Дюарля. Через месяц придет с кораблем.

— Что вы, я не смогу злоупотреблять вашим гостеприимством так долго, — смутилась девушка.

— Почему? — нахмурился Николай. Подчеркнуто вежливая манера общения выбила его из колеи. Хотя чего он ждал после того, как сам сделал вид, что не знает ее?

— Ну... — протянула Герда. — Я ведь не одна из ваших подопечных и у меня нет дара. Поэтому...

— Глупость какая. Конечно, у тебя есть дар. Я сам видел, как ты его использовала сегодня, когда пирокинетик метнул в тебя огонь.

Герда удивленно моргнула.

— Вы что-то путаете. Пламя просто прошло мимо. Вожык же специально в меня не целился.

— Я ничего не путаю. Огонь летел прямо в тебя, и ты его отвернула. Точнее твой дар — отражение. Судя по отчету Финиста, ты и раньше его использовала, просто неосознанно: в волотовке, когда проникла в иллюзию Дугавы, и в Будескайске, когда обратила призраков против некроманта. Вспомни, они ведь специально обходили место, где ты лежала. Полагаю, были и другие случаи, которые Финист не заметил, потому что к тому времени, как я откопал тебя из сугроба, твоя аура была истощена до предела.

— Это не может быть правдой. Если бы у меня был дар, я бы знала. Я бы почувствовала, но все было совершенно обычно, ничего не изменилось.

— Кроме постоянной усталости, спонтанных кровотечений и обмороков?

— И Финист бы понял, он ведь такой сильный и умный.

— Насчет его ума я могу поспорить, но, думаю, он все прекрасно понял после первой же вашей встречи, иначе не пришел бы в сторожку в Подгайске. Просто тебе решил не говорить.

— Почему?

— Я не спрашивал, но на его месте поступил бы также. Твой дар поначалу никак себя не проявлял, поэтому пугать тебя лишний раз было совершенно незачем. Правда, он не учел, что в обществе других людей с даром, твой очень быстро активизируется и надо будет либо тебя обучить, либо не позволять использовать его. Ни первым, ни вторым, как я понял, Финист не занимался.

Герда поморщилась. Замечание в адрес оборотня явно пришлось ей не по вкусу. Интересно, они просто друзья или... Впрочем, какая разница?

— Но дар переходит по наследству, а все мои родственники обычные люди.

— Совершенно необязательно. Иногда люди с даром рождаются в обычных семьях, хотя я не думаю, что это твой случай.

— Вы что-то знаете? Говорите!

— Когда я был в Дрисвятах...

— Так вы все-таки были в Дрисвятах?

Николя демонстративно проигнорировал провокацию.

— Когда я был в Дрисвятах, твой отец намекал, что у него в роду был дар.

— Но почему он сказал об этом вам, а не мне?

— Думаю, тоже хотел защитить. Твой отец был пропущенным и надеялся, что ты будешь такой же.

— Кто такие пропущенные?

— Рожденные без дара в семье Стражей. Такое случается довольно часто в последнее время. Три моих сестры и брат тоже были пропущенными. С даром не повезло родиться только мне.

— Вы говорите, словно это что-то плохое.

— Так и есть. Обладать даром в наше время очень опасно. И было бы действительно лучше, если бы ты родилась без него.

\*\*\*

Герда поджала губы. Она не могла согласиться с Николаем. Он просто не знал, не понимал, каково быть совершенно обычным человеком, прозябать в одиночестве и забвении. Какое будущее ждало ее, будь она обычной... пропущенной? Нищета и голод? Или того хуже, милостыня от богатенького подонка вроде Вальдемара?

Нет, если у нее действительно есть дар, пусть даже он будет высасывать из нее все соки и в конце концов убьет, она все равно от него не откажется. Ведь дар дал ей ключ от нового мира, в котором хоть ненадолго у нее будет дом. Теперь ее жизнь что-то значит. Теперь она сможет быть рядом со своими друзьями, рядом с...

Герда перевела взгляд на Николая. Тот молча уставился в пустоту. На виске от напряжения вздулась жилка. Он о чем-то думал. Знать бы, о чем. Может, тогда она смогла бы понять, почему он так холоден, почему отрицает очевидное.

— Мне всегда будет плохо после использования дара? — Герда все-таки решилась спросить о том, что было действительно важно. Взгляд Николая снова сконцентрировался на ней.

— Не думаю. Дар поглощает слишком много энергии из-за того, что ты его не



контролируешь. А учитывая, что у тебя ее пока маловато, ты постоянно чувствуешь себя усталой. Скажем так, ты пытаешься таскать глыбы, когда мышцы у тебя и на маленькие камушки не наработаны. Потребуется время, чтобы повысить твою выносливость, но если ты будешь прилежно заниматься, я смогу тебе помочь.

— Вы будете меня учить? — смутилась Герда.

— Если я тебя не устраиваю, можно найти кого-нибудь другого, — пожал плечами Николая. Ей показалось или на его лице действительно мелькнула тень досады?

— Нет, просто так неожиданно. До сих пор не могу поверить, что это явь. Дар и... вы. Еще пару часов назад я была уверена, что мне нет места в вашем доме и моя судьба — скитания в одиночестве, а теперь вы просите меня остаться. И мне страшно, что придет утро и все это снова окажется сном.

Герда замолчала, чувствуя себя опустошенной. Зачем она все это наговорила? Сейчас Николая станет ее жалеть, а этого совсем не хотелось. И действительно, он взял ее руки в свои и заглянул в глаза. Вот-вот начнет уверять, что приютил бы ее, даже если бы у нее не было дара. Но Охотник упорно молчал, разминая пальцами ее ладони. Герда никак не могла отделаться от ощущения, что он ее изучает. Наверное, это нужно, чтобы понять, как работать с даром.

Заметив недоуменный взгляд, Николая тяжело вздохнул и отстранился. Повисло долгое неудобное молчание. Он снова уставился в пространство. Герда раздумывала над тем, а не открыть ли снова книжку, чтобы не мешать ему общаться с самим собой. Но это было уже на грани абсурда.

— Мастер Николая! — громко позвала Герда. Тот вздрогнул и вновь посмотрел на нее. — Что с моим обучением?

— Завтра отдохнешь с дороги и обвыкнешься, а послезавтра, пожалуй, начнем.

Он снова замолчал.

— Так, может, я пойду спать? Или я буду ночевать в библиотеке? — не то, чтобы она сильно возражала, но для разнообразия хотелось поспать в мягкой постели.

Николая снова посмотрел на нее. Взгляд был настолько тяжел, что она еле выдержала.

— погоди, мне еще надо кое-что с тобой обсудить, — он замаялся. Вдруг стало не по себе. Она, кажется, поняла, в чем причина неловкого молчания. Все это время он искал слова, чтобы поведать ей о чем-то, что его сильно тревожило.

— Финист рассказал, что произошло в Подгайске.

Герда всеми силами старалась забыть пережитый кошмар и не хотела, чтобы он знал об этом. Кто угодно, только не он! Но, похоже, сегодня придется пройти все семь врат червоточин. Герда тяжело вздохнула, точно так же, как Николая пару минут назад.

— Он думает, что в тебя мог вселиться демон, который убил того человека.

— Демон? — Герда поежилась. — А вы как думаете?

— Не знаю. Я его не чувствую, хотя у меня, как у Охотника, чутье более острое. Финист говорил, что ощущал рядом с тобой чужую ауру. Но и ее я тоже не улавливаю. Скажи, ты когда-нибудь чувствовала, что не контролируешь свое тело и смотришь на него со стороны?

— Было однажды. В Будескайске. Я тогда заставила призраков обратиться против некроманта.

— Это твой дар, скорее всего. А больше такого не случалось?

Герда покачала головой.

— А потеря памяти? — продолжал наседавать Николая

— Плохо помню, что было перед самыми обмороками. А так нет.

— А случилось, что на теле непонятно откуда появлялись раны или синяки? — теперь он буквально навис над ней, заглядывая в глаза.

— Не-е-ет, — ошарашено ответила Герда.

— Хорошо, зайдем с другой стороны. Что ты помнишь о том случае в Подгайске?

Герда сжалась, припоминая темную сторожку, хмельной голос Вальдемара, звук рвущейся ткани, шипение кота.

— Кот? Тот, которого ты искала на плато? Ты еще сказала, что я не смогу его увидеть.

— Да, — вот теперь он точно решит, что она сумасшедшая. — Он как плод воображения. Только я могу его видеть и больше никто. Правда, я почти уверена, что его видела Хозяйка леса, Ужинный король и сумасшедший внук вельвы.

— Значит, твоего кота способны видеть те, кто связан с миром духов. А при мне ты его ни разу не видела?

— Нет.

— Вполне вероятно, что он и есть тот самый демон.

Это походило на правду, но Герда всегда считала демонов чем-то неоспоримо злым, а Шквал наоборот казался самым лучшим, что было в ее жизни.

— Шквал говорил, что это он убил Вальдемара. Я тогда подумала, что он просто пытается меня утешить. Значит, он сделал это на самом деле?

— Что он еще говорил?

— Ничего особенного. Хотел, чтобы я с Финистом ехала. Выручал много раз, поддерживал... — Герда облизала пересохшие губы. — Правда, в последний раз он был совсем странный. Говорил, что за мной должен явиться хозяин масок, который всеми повелевает. Но вместо него пришли вы.

— Хозяин масок? — заметно напрягся Николая. — Никогда о подобном не слышал. Демоны могут быть очень хитрыми и красноречивыми, если им что-то от человека надо. Понять их истинные намерения удастся, когда уже слишком поздно.

Слова Николая возмутили до глубины души. Да в Шквале коварства и притворства меньше, чем в Финисте, и уж точно во стократ меньше, чем в самом Охотнике. По крайней мере, кот никогда ее не обманывал.

— Вы его не знаете. Он ничего дурного не делал. И он исчез. Защитил меня от неннирог и исчез навсегда.

— Успокойся. Я не говорю, что это обязательно он. Ты можешь быть одержима, а можешь и не быть. Но надо выяснять наверняка. И чем быстрее, тем лучше.

— Как? — Герда резко подалась вперед. Она согласилась бы на все, что угодно, лишь бы оправдать Шквала, как оказалось, своего единственного верного друга.

— Нужно посмотреть твою спину. Если я что-то увижу, то попытаюсь это извлечь, но может быть больно. Ты не должна сопротивляться, иначе ничего не получится.

\*\*\*

Герда медленно кивнула, сняла кофту и расстегнула рубашку. Николая отвернулся. Слишком томительными ему показались мгновения, когда она спускала с худеньких плеч рукава. Когда он повернулся, девушка стояла к нему спиной, нагая до пояса. Бледная кожа выглядела почти прозрачной. Голова покорно склонилась чуть набок. Из-под коротких волос выглядывала тонкая шея, углубляя впечатление болезненной хрупкости. Хотелось поскорей укрыть ее и спрятать подальше. Ото всех. От себя в первую очередь. Николая нервно

сглотнул. Так нельзя. Подобное малодушие уже стоило жизни одной девушки. Теперь у него нет права на ошибку.

Николя подошел вплотную, положил одну руку возле левой лопатки Герды, а другую под грудь с той же стороны и закрыл глаза. Строго говоря, глаза закрывать не требовалось, но вид обнаженного женского тела очень сильно отвлекал. Пальцы покалывало от накапливаемой энергии. Кожа нагрелась, стала почти обжигающей. Не ощущая ни малейшего сопротивления, облаченные телекинезом руки легко проникали под плоть и кости. Но там ничего не обнаружилось. Нужно погрузиться глубже, в самую суть. Снова никакого сопротивления. Под ладонями что-то едва заметно затрепыхалось. Тоже пусто. Еще глубже. Почему нет сопротивления? На таких уровнях оно обязано быть, чтобы человек мог выжить. Трепыхание усилилось. Лишь коснувшись самого сердца, Николя что-то почувствовал. Натянутую до предела тоненькую струну. Охотник словно наяву видел, как она соединяет белую субстанцию с красной. Что бы это могло быть? Самую капельку, и он коснется ее. Тогда все станет ясно.

«Остановись! Ты же ее сломаешь!» — послышался в голове почти забытый голос Безликого, того самого, чей саркофаг он видел после битвы с Ловцом желаний в церкви Дрисвят десять лет назад. Николя вздрогнул и потерял концентрацию. Сдавленно захрипев, Герда упала на колени и закашлялась.

— Ты в порядке? — встревожено спросил он, протягивая руку, но тут с ужасом заметил, что с нее падают багровые капли и поскорей убрал.

Герда, избегая его, потянулась к своей одежде. Николя отвернулся, пытаясь осознать произошедшее. Почему она не сопротивлялась? Он бы остановился прежде, чем дошел до сердца. Николя вынул из кармана платок и принялся остервенело вытирать руки.

Очень плохое начало. Чтобы чему-то научиться, нужно всецело доверять учителю. А кто станет доверять после такого?

\*\*\*

Герда долго не отвечала, одеваясь нарочито медленно, педантично расправляя все складки и застегивая каждую пуговицу. Она тянула время, чтобы придти в себя. Это было... странно. Когда Николя коснулся ее, потребовалось собрать силу воли в кулак, чтобы не вздрогнуть, не закричать, не сопротивляться. Она постоянно напоминала себе, что делает это ради Шквала, ради его доброго имени. Не шелохнулась даже, когда стало непереносимо больно и трудно дышать, когда в глазах потемнело и сознание начало гаснуть. Она была уверена, что не сможет больше сделать и глотка воздуха, когда Николя ее отпустил. Но нашел ли он то, что искал, или остановился, только потому что пожалел ее?

— Я одержима? — спросила Герда, собравшись с мыслями. Она повернулась к Охотнику лицом, но глаза поднимать не желала.

Николя заговорил так тихо, что едва можно было разобрать слова:

— Только если тем же демоном, что и я.

Герда удивленно подняла глаза. Николя выглядел усталым. Тяжело дышал, по лбу застыли капельки пота, щеки горели, в глазах читалось явное сожаление. Она не могла злиться, когда ему самому было так плохо. Ведь Шквалу он вынес оправдательный приговор.

— Может, пойдём спать? — Герда протянула ему руку.

Он в нерешительности разглядывал ее, а потом нарочито осторожно, словно боясь повредить, обернул ладонь своей и повел Герду наверх.

Там их встретил сильно взволнованный Финист. Герда с сожалением почувствовала,

как Николая отпустил ее.

— Ты жива? — Финист так крепко ее обнял, что дышать стало тяжело. — Хвала духам, он тебя не убил!

— Убил?! — Герда поражено уставилась на Охотника. Тот снова виновато отвел взгляд.

— Твоя комната за крайней дверью справа. Думаю, Эглаборг уже все приготовил. Можешь ложиться спать, ты ведь так хотела.

Николя, не прощаясь, скрылся в соседней комнате. Герда даже не успела ухватить его за рукав, чтобы потребовать объяснений. Хотя даже если бы успела, это было бесполезно. Он бы ушел от ответа со словами: “Это слишком сложно. Ты не поймешь”, как обычно делал Шквал.

— Забудь о нем, — Финист развернул Герду к себе. — Как ты? Если тебе здесь не нравится, мы можем сбежать вместе. Это будет сложно, но я что-нибудь придумаю.

Герда удивленно уставилась на него. Куда сбежать? Зачем? Пора бы уже открыть глаза и узреть истину. Она ведь так долго хотела сюда попасть. Да-да, именно этого и хотела, поэтому не решалась их оставить, поэтому не ушла сегодня, пока еще был шанс.

— Почему ты ничего не сказал?

Вопрос поставил Финиста в тупик.

— Я думал, так будет лучше, — оправдывался он. — Надеюсь, никто из Компании не узнает, и мы сможем незаметно уйти. Зажить тихой и спокойной жизнью одни.

— А ты когда-нибудь задумывался, что, возможно, я совсем не этого хочу? Почему ты решаешь за меня?

— Ты не понимаешь. Компания — нехорошее место, особенно для тебя.

— Не смей говорить, что я чего-то не понимаю, — взвилась Герда. — Я не дура и все пойму, если вы потрудитесь объяснить.

Развернувшись на каблуках, она зашла в указанную Николая дверь и с громким стуком захлопнула ее прямо у носа Финиста.

\*\*\*

Николя напряженно прислушивался к разговору за дверью и благодарил всех известных богов, что успел уйти до того, как Герда начала задавать неудобные вопросы. Иначе бы тоже пытался на ходу придумывать нелепые оправдания, как олух-оборотень. О, похоже, он взял неверный тон. Дверь хлопнула так громко, что с потолка посыпалась пыль. Надо будет предупредить Герду, чтобы не делала так больше, иначе дверь слетит с петель — они там проржавели сильно. Давно уже следовало их поменять, да все руки не доходили.

В коридоре слышались удаляющиеся шаги. Потом все стихло. Николая уже не надеялся, что этот невероятно длинный день закончится. Едва сняв сапоги, Охотник повалился на постель, даже не потрудившись раздеться.

«Поговори со мной! Я знаю, ты здесь», — впервые за много лет обратился он к Безликому.

«Тебе не понравился мой подарок?» — обычным язвительным тоном осведомился тот.

«Какой еще подарок?»

«А сам не догадываешься? Герда. Ты ведь умирал, как хотел ее увидеть. Тосковал, портретики рисовал украдкой. И женщин, с которыми был близок, каждый раз отталкивал, потому что искал в них ее и не находил. Не отрицай. Я же знаю все твои мысли как собственные».

Я привел девушку сюда, чтобы она вернула тебе то, что ты давно утратил — жажду жизни. А ты при первой же встрече чуть не убил собственную спасительницу, — горько усмехаясь, говорил Безликий, а потом передразнил Эглаборга: — Глупо, ой, как глупо».

Николя на мгновение задумался. И тут его поразила неожиданная догадка. Все вдруг встало на свои места, словно долго не желавшие стыковаться друг с другом куски мозаики вдруг выстроились в четкую картину.

«Ну, конечно, Безликий хозяин масок! Так кот Герды был одной из них?» — подобные мысли посетили его, еще когда Финист упомянул тяжелую ауру, похожую на его собственную. Николя и сам порой замечал ее присутствие зыбкой тенью на грани собственного сознания. Хотел избавиться от нее, но не мог. Как от собственной тени.

До встречи с Гердой Николя не думал, что его бесплотный собеседник может общаться с другими людьми. Порой Охотник даже сомневался в своем здравом рассудке. Ведь это так похоже на сумасшествие — слышать в голове недоступный другим голос.

«Я называю их аватарами — моими воплощениями в материальном мире. Мне нужен был такой образ, которому бы Герда легко доверилась. Добродушный пушистый зверек подошел как нельзя лучше. Может, если бы я и перед тобой надевал эту маску, ты бы не питал ко мне такого предубеждения?»

Николя скривился. Безликий держит его за полного идиота?

«Если я не могу от тебя избавиться, это еще не значит, что я позволю тебе манипулировать мной. Я не одна из твоих послушных «аватар».

«Кто тут кем манипулирует? Да я только и делаю, что исполняю твои желания, — фыркнул Безликий с притворной обидой в голосе. — Ты беспокоился за девчонку — я послал ей защитника. Хотел снова увидеть ее — я привел ее к тебе. Чем ты недоволен?»

«Все, что ты делаешь, оборачивается не тем, чем кажется на первый взгляд. И я уже не знаю, где ждать подвоха».

«На этот раз его нет, — теперь Безликий говорил предельно серьезно. — Просто прими мой подарок. Поверь, ничего более драгоценного ни я, ни этот мир тебе преподнести не сможем. Перестань вести себя, как идиот. Не повторяй моих ошибок».

Николя предпочел не отвечать, да Безликий и не требовал.

«Зачем понадобились остальные?»

«Северный путь тяжелый и неблизкий. Я бы не смог защитить ее от всех напастей один — в мире людей моя власть слаба. Пришлось подыскать надежного провожатого».

«Ты олуха-оборотня называешь надежным?» — скептически хмыкнул Охотник.

«Ты к нему несправедлив. Он неплохой парень, — не слишком уверенно ответил Безликий, а потом добавил: — Когда не напивается вдрызг и не таскается за каждой встреченной юбкой».

«Он посчитал тебя демоном. И знаешь, мне кажется, он недалек от истины. Мы все одержимы тобой. Твои марионетки. Ты дергаешь за нитки, и мы делаем то, что тебе нужно».

«Так боги именно этим и занимаются. Дергают за нитки».

«Чем же они тогда отличаются от демонов?»

«Хороший вопрос. Я и сам когда-то искал на него ответ».

«Нашел?»

Безликий молчал. Видно, на сегодня разговор был окончен. Узнав, что Герде ничего не угрожает, Николя немного успокоился. И все же в глубине души продолжал точить смутный червь сомнения: «Почему Безликий так хочет, чтобы я сблизился с ней? Чтобы

манипулировать или ударить так, чтобы окончательно лишить воли? Придется быть очень осмотрительным».

## ===== Глава 18. Снисхождение =====

Герда проснулась поздно. Слишком много пережила и устала накануне. Да и в постели на пуховых перинах под теплым шерстяным одеялом было так хорошо, что вылезать совсем не хотелось. Блаженная нега волнами разливалась по телу. Как же все-таки приятно никуда не торопиться. Знать, что ни завтра, ни послезавтра не ждет дальняя и полная неизвестности дорога, а крыша над головой и сытная еда уже никуда не денутся.

Герда открыла глаза и выглянула из-под одеяла. В комнату лился яркий солнечный свет из окна напротив кровати. Герда приникла к дорогому полностью прозрачному стеклу. Утро выдалось ясным, морозно-искристым. Вдали виднелась заснеженная кромка леса. Ближе, почти у самого дома, прогуливался вне всяких загонов жеребец Николя: взрывал копытами снег, что-то искал под ним, а когда надоедало, носился, задрав хвост трубой, падал на спину и кувыркался долго-долго, отряхивался и несся дальше, подкидывая задние ноги выше головы.

Восхитившись грацией великолепного животного, Герда окинула взглядом комнату. Вечером даже толком не успела ее осмотреть, так безумно хотелось спать. Каморка оказалась совсем крохотной. Из мебели в нее вмещалась лишь небольшая кровать без спинок, да тумбочка с висевшим над ней зеркалом. К противоположной стене наспех приколотили доску с крючками для одежды. Туда Герда и направилась — надела рубашку и подошла к тумбочке, на которой заботливо оставили тазик с теплой водой для умывания.

Приведя себя в порядок, Герда вышла из комнаты. Снизу доносились голоса. Кажется, она заспалась дольше всех. По обрывкам фраз догадалась, что в гостиной на первом этаже Николя экзаменует Ждана с Дугавой. Очень хотелось на это посмотреть, но Герда сомневалась, что ей позволят, поэтому решила на время затаиться. Она замерла посреди лестницы и присела, спрятавшись за перила.

В щель было видно, как Ждан, паря в воздухе, жонглирует над головой разноцветными клубками ниток, постепенно увеличивая скорость, пока они не сливаются в один поток.

— Хорошо, хватит, — раздался исполненный достоинства голос Николя. — Вижу, к показательному выступлению ты готовился старательно, но мы не в цирке.

Кто-то скрипнул зубами, да так, что было слышно на весь дом. Герда сильно подозревала, что это Финист. Не обратив на звук внимания, Николя поставил на стол яйцо.

— Левитируй, — скомандовал он. Ждан испуганно сглотнул, зажмурился и протянул к яйцу дрожащие руки. Следуя за ними, оно медленно поднялось в воздух на локоть, а потом взорвалось с громким хлопком, забрызгав Ждана с ног до головы.

Финист прикрыл лицо руками.

— Ясно, — бесстрастно заключил Николя и протянул Ждану полотенце. — Умойся.

Выждав короткую паузу, Охотник позвал:

— Следующая.

В центр на негнущихся ногах вышла Дугава. Ее заметно потряхивало от волнения.

— На подготовленные демонстрации я уже насмотрелся, так что не будем тратить время зря и сразу перейдем к моему заданию.

Дугава бросила вопросительный взгляд на Финиста. Тот снова громко скрипнул зубами.

— Хорошо, — испуганно выдохнула иллюзионистка.

— Не слышу.

— Хорошо! — взвизгнула она.

— Замечательно. Тогда... — Николя на мгновение задумался. — Покажи что-нибудь страшное. Напугай меня.

Дугава едва слышно заскулила от отчаяния. Финист снова спрятал лицо в ладонях. Герда не представляла, чем можно напугать Николя и мысленно сочувствовала подруге. Ну почему ему надо быть таким строгим?

— Я жду, — нетерпеливо напомнил Николя и поставил перед Дугавой таз с водой. Это было очень любезно с его стороны, так как без нее иллюзии получались блеклые и даже просто впечатлить не могли, не то, что напугать. Дугава замерла. Из воды со зловещим хохотом выпрыгнула шестерка огромных бурых волков со светящимися глазами. Сердце Герды бешено заколотилось от воспоминаний о пережитом в старом лесу Кундии ужасе.

— Варги? Да на них даже недотепы-рыцари охотятся, — покачал головой Николя. Финист презрительно скривился. Весь вид оборотня красноречиво говорил, что он бы сам с удовольствием посмотрел, как этот зазнайка охотится на варгов.

Дугава судорожно вздохнула и снова зажмурилась. Варги слились в длинное, покрытое шипами тело виверны. Теперь вздрогнул Финист. Змея выгнулась и с громким шипением кинулась на Охотника. Тот даже не шелохнулся.

— Виверна? Шутишь что ли? Этим разве что Эглаборга напугать можно.

Из кухни донесся грохот посуды. Видимо, слышимость в доме была отличная, а целитель действительно питал весьма недвусмысленные чувства к гигантским гадам.

— Осталось третья попытка, — привлек к себе внимание Николя.

Дугава поморщилась и снова закрыла глаза. Виверна исчезла. Вода в тазике испарилась вся без остатка, и в напитанном ею воздухе начала разворачиваться грандиозная картина, та самая, которую Герда видела в волотовке.

Помост на главной площади Стольного, вокруг которого сложен огромный костер. Толпа беснуется в ожидании жестокой расправы над очередным колдуном или ведьмой. Люди расступаются, чтобы дать дорогу чудовищно громыхающей телеге, на которой везут жертву — девушку с остриженными волосами в одном нижнем платье. Молчаливые Голубые Капюшоны возводят ее на помост, привязывают к шесту и поджигают костер. Огонь занимается очень быстро, языки пламени целуют пятки несчастной. От порыва ветра с одного из ее мучителей падает капюшон. Он разворачивается лицом к зрителям, и его разноцветные глаза, не мигая, смотрят на Охотника.

— Хватит, — громче, чем надо, сказал Николя.

Забрызгав все вокруг, в таз плюхнулась неиспользованная вода. Видение исчезло. Вместо него на Охотника удивленно уставились четыре пары глаз.

— Достаточно, — взяв себя в руки, предельно спокойно отдавал распоряжения Николя.

— Я сдала? — слабым голосом спросила Дугава.

— Об этом станет известно позже, погуляйте немного. Мне надо обсудить результаты с вашим наставником.

Обменявшись встревоженными взглядами, Ждан с Дугавой послушно встали и поднялись на лестницу. Дойдя до середины, они обнаружили затаившуюся там Герду и присоединились к ней.

— Я знал, что все будет плохо, но чтобы настолько, — зашептал Ждан, присаживаясь

поближе к перилам, сляясь расслышать, что обсуждали Финист и Николая, но те говорили слишком тихо.

— Что будет, если он нас с позором выгонит? Пойдем побираться? — запричитала Дугава.

— Уверена, все будет в порядке. Его явно впечатлила твоя иллюзия. Хотела бы я видеть того, кого она не впечатлила, — постаралась успокоить ее Герда.

— Не слишком ли много ты на себя берешь?! — взбудоражило их неожиданное восклицание Финиста.

— Кажется, я просил не повышать на меня голос, — четко выговаривая каждое слово, произнес Николая, словно собеседник плохо слышал и туго соображал.

— Конец, это конец! Теперь мы точно не сядим, — заскулил Ждан.

— Ладно, можешь быть свободен. Толку от этого обсуждения никакого, — после короткой паузы заключил Николая.

— Но я еще не закончил! — горячо возразил Финист.

— Я сказал, свободен! — не сдержав раздражения, рявкнул Николая и указал на лестницу.

Финист снова скрипнул зубами и неохотно подчинился. Поднялся по ступеням, но добравшись до импровизированной засады своих учеников, тоже к ним присоединился.

— Плохо, да? — шепотом спросила Дугава. Тот не ответил.

— Почему тебе постоянно надо заедаться? — чуть ли не с кулаками накинулся на него Ждан. — Себя не жалко, так хоть нас бы пожалел.

— Причем здесь вы? — небрежно бросил Финист. — Мы вообще не экзамен обсуждали, — и недвусмысленно покосился на Герду.

Она недоуменно моргнула. Он на что-то намекает? Пусть скажет прямо!

— Я уверена, что все сложится наилучшим образом, — упрямо сказала Герда. Раздался общий тяжелый вздох, выражавший скептическое отношение к ее словам.

— Ты прошлой ночью пытался с его конем поговорить, я видел, — сменил тему Ждан, чтобы ожидание не казалось настолько гнетущим. — Что он сказал?

— Ничего, — мрачно ответил Финист. — Он отказался со мной разговаривать.

— То есть как отказался? — ахнула Дугава. — Ты ведь любое животное можешь заставить, сколько раз хвастался!

— Так если бы это было животное, — печально вздохнул тот. — Демон это натуральный, чуть мне руку не оттяпал. Не знаю, откуда его взял достопочтеннейший инспектор, но могу сказать совершенно точно, вороной жеребец — не животное вовсе.

Герда вспомнила, с какой грацией двигался во дворе конь, словно парил над снегом. Может, в словах Финиста есть доля истины?

— Уже закончили обсуждать мою лошадь? — донесся снизу голос Охотника. Все разом вздрогнули. — Спускайтесь, объявлю ваши назначения.

Финист и Дугава со Жданом поднялись и пошли обратно в гостиную.

— Герда, и ты спускайся, — более мягким тоном позвал Николая. — Не люблю, когда за мной исподтишка наблюдают.

Поняв, что ее раскрыли, но отчитывать не собираются, она последовала за друзьями. Вчетвером они устроились на обитом бордовым бархатом диване, напротив которого стояло кресло Николая с высокими резными ручками в виде львиных голов. Сам он сидел в нарочито небрежной позе, закинув ногу за ногу. Рядом на столе лежало две бумаги, скрепленные



печатью компании Норн, изображавшей трех старух, черпающих воду из источника.

— Так мы сдали? — пораженно ахнула Дугава, потянувшись к бумаге со своим именем.

— Читайте, — кивнул Николая.

Ждан тоже схватил рекомендательное письмо — это было именно оно — и быстро пробежал по нему глазами.

— ... присвоить звание левитатора третьего уровня и принять в военную академию компании Норн, — Ждан удивленно поднял глаза на Николая. — Как в военную академию? Я ведь и оружие толком держать не умею. Какой из меня военный? Спросите хоть у Финиста.

Тот развел руками, не желая больше вступать в споры.

— Не переживай, там тебя быстро всему научат, — усмехнулся Николая.

— Погодите, вы дали мне второй уровень и рекомендацию к стажировке у придворного иллюзиониста Дюарля? — настала очередь Дугавы удивляться.

— Она как раз искала себе подмастерье, — кивнул Николая. — Но если не нравится, я могу придумать что-нибудь другое.

— Нет-нет, просто это... дворец Дюарля! Я увижу самого короля! — Дугава чуть не бросилась на шею к инспектору, но тот предусмотрительно выставил перед собой руки.

— А где бумага для Финиста? — прервала ликование Герда. — Его ученики успешно прошли экзамен, значит, и он достоин повышения.

Все, кроме Финиста, который, сложив руки на груди, пристально рассматривал древесный рисунок на полу, уставились на Николая.

— Боюсь, мастеру Финисту придется на некоторое время задержаться, ведь у него остались другие ученики, которые тоже нуждаются в наставлении, — выдавив из себя некое подобие добродушной улыбки, ответил Николая. — Когда он их обучит под моим надзором, я с удовольствием похлопочу и за него.

— Что еще за новости? — нахмурился тот. — Если собираешься выгнать с позором, так, пожалуйста, сделай это сразу. Потому что от тебя и тебе подобных я издевательства терпеть не намерен! У меня еще осталась гордость, что бы вы там в компании ни думали.

Николя закатил глаза и, устало вздохнув, сказал:

— Никто над тобой не издевается. Просто ты притащил в мой дом двух незапланированных учеников. Майли с Вожыком угрожала смертельная опасность, и ты их спас — молодец. Только теперь, будь добр, доведи начатое до конца, а не перекладывай ответственность на мои плечи. Обучи медиума и пирокинетика, и можешь идти на все четыре стороны, если тебе так угодно.

— Как насчет моей просьбы? — прищурился Финист. — Я согласен обучить всех, кого привел.

— Извини, нет.

— Почему?

— Потому что я так решил. Я не обязан отчитываться о причинах.

Ждан с Дугавой ошалело переводили взгляд с одного мужчины на другого, силясь понять, о чем спор. Герда подозревала, что причастна к их распрям, но не понимала, почему. От продолжения неприятного разговора спас стук в дверь. В прихожей раздались шаги, а потом голоса.

— Пришел капитан Мейдоголды, — громко сообщил Эглаборг.

— Веди его сюда, — ответил Николая.

В гостиной показался высокий смуглый мужчина с волосами неопределенного серо-

зеленоватого оттенка и хитро прищуренными бирюзовыми глазами. Из уголка рта свисала тонкая бурая нить. От одежды едва уловимо пахло водорослями.

— Это Сальермус, капитан корабля, на котором вы поплывете в Дюарль, — поспешил представить его Николая.

— Мое имя Сайлус, — раздраженно поправил капитан и скучающим взглядом обвел всех собравшихся, ненадолго задержался на Дугаве, а потом снова обернулся к Николаю. — Когда отчаливаем?

— Сейчас. Они позавтракают, и можно ехать.

— Мастер Николай, на пару слов, — деликатно просил целитель.

Охотник скрепя сердце отошел.

— Что бы там ни было, быстрее. Не хочу их одних оставлять, — обронил он, когда они оказались в прихожей. — Этот оборотень и мертвого доведет до бешенства, а я битый час потратил на то, чтобы уговорить Сайлуса помочь. Если он откажется, то следующего корабля придется ждать не меньше двух недель.

Эглаборг неодобрительно цыкнул языком и покачал головой:

— Просто хотел поинтересоваться, не случилось ли у вас что с головой.

— Нет, вроде, — растерянно моргнул Николай.

— Что-то незаметно. На кой ляд вы оборотня здесь оставляете? Сами же обещали не злобствовать. Он хорошо ребят обучил, лучше, чем все остальные наставники, которые сюда приходили. Так и дали бы ему это несчастное повышение, а не задерживали у нас. Вы же первым вззоете. Даже пяти минут с ним без криков не можете вытерпеть.

— Ты не понимаешь. Он умудрился заработать на голубиных станциях такую репутацию, что мне придется придумать очень веский повод, чтобы его повысили. Кроме того, у меня действительно нет времени возиться с учениками, а если отправить их в Дюарль, то корабль рискует пойти ко дну, не выйдя в открытое море.

— Боюсь, что если вы оставите их здесь, то ко дну пойдет весь наш дом со мной во главе!

— Обсудим это позже, — веско оборвал Охотник.

\*\*\*

Пока Николай разговаривал с Эглаборгом, Финист подошел к Сайлусу и начал с подозрением оглядывать его со всех сторон. От него несло не только тинной, но еще и чем-то темным, непонятным, словно сочившимся из самой глубокой океанской впадины.

— Давно в море плаваете? — деловито поинтересовался Финист, с трудом преодолевая инстинктивное желание схватиться за меч.

— Всю жизнь, — Сайлус отступил на шаг, явно ощутив исходившую от собеседника угрозу.

— Кораблем командуете сколько? — Финист сделал шаг вперед, наступая.

Моряк замер, видно, решив все же отстоять позицию, и скрестил руки на груди в защитном жесте:

— Лет пять без малого.

— В Дюарле приходилось бывать?

Финист тоже замер — подходить ближе было уже совсем неучтиво.

— Много раз. Почему такой допрос? — капитан с вызовом глянул ему в глаза и сам подался вперед.

Теперь попятился Финист, на ходу придумывая оправдания своей мнительности.

— Хочу убедиться, что мои ученики в надежных руках. Слышали поговорку: «От морского народа хорошего не жди».

Сайлус зло прищурился. Финисту показалось, что он вот-вот развернется на каблуках и уйдет. Интересно, как к этому отнесется Охотник? Впрочем, плевать!

— Нет, — притворно-задумчиво протянул моряк и тут же язвительно оскалился: — Зато слышал, что въедливей небесных только гигантский кракен.

Финист нахмурился, не поняв намека. Тут вернулся Николая и встал между ними.

— Завтрак на столе. Будите остальных и приходите. Корабль готов, так что не стоит терять время, — громко объявил он.

— Какой-то странный этот капитан. Ты уверен, что он не демон? — зашептал Финист на ухо Николая. Охотник измученно закрыл глаза и потянул его за собой в столовую.

\*\*\*

К завтраку собрались довольно быстро. Герда привела из мужской спальни Вожыка. Он проснулся уже давно, но один в чужом доме вставать боялся — ждал, пока за ним придут, и был счастлив снова увидеть Герду, целую и невредимую. Хотя Николая пытался ему объяснить, что огонь ее не задел, мальчик не верил, пока не убедился сам. В столовую они спустились вместе, держась за руки, и уселись между Дугавой и Жданом. Места возле Финиста и Николая были свободны (они сидели друг напротив друга и старательно пытались не пересекаться даже взглядами), но занять одно из них Герда не решилась, боясь усугубить напряжение.

Майли спустилась последняя. Заспанная, мертвецки бледная, с черными кругами под глазами, она двигалась медленно, как сомнамбула, то и дело натываясь на углы. Заметив ее, Николая вопросительно глянул на Финиста. Тот, подперев подбородок кулаком, задумчиво водил ложкой по пустой тарелке и ни на что не обращал внимания. Тяжело вздохнув, Охотник сам взял девушку под руку, довел до стола и усадил рядом с собой. Майли реагировала на все очень вяло.

Эглаборг спешно подал ей дымящееся резко пахнущее зелье, а Николая влил в рот. Она вырвалась, часто задышала и приложила руку к губам, сдерживая рвотные позывы. Как только они схлынули, ее взгляд стал намного более ясным. Эглаборг поставил перед Майли тарелку, на которой лежали два вареных яйца и кусок масла, а запивать принесли жирные сливки в грубой глиняной пиале. Майли поморщилась. Должно быть, ей не приходилось раньше есть такую тяжелую пищу. Но на возражения сил явно не хватало, поэтому пришлось смириться.

Остальным подали яичницу с жареным беконом. Все жадно накинулись на еду. Они уже и забыли вкус нормальной пищи, обходясь жидкой походной кашей из всего, что попадалось под руку. Простое блюдо показалось верхом кулинарного искусства. Даже Финист смягчился, почувствовав приятную сытую тяжесть в животе, и хоть немного стал прислушиваться к происходившему за столом.

— Почему мы так спешно уезжаем? — неожиданно подала голос Дугава, которая обычно если и жаловалась, то только в самом крайнем случае. — Мы ведь так долго сюда добирались, и вот опять дорога. Даже день не отдохнули. К чему такая спешка?

— Вы сильно задержались в дороге. Надо спешить, чтобы наверстать упущенное время, иначе у вашего наставника будут неприятности, — Николая выразительно глянул на Финиста. Тот снова понурил голову. — Да вы и сами видите, дом у меня маленький и на столько гостей не рассчитан. Не беспокойтесь, у Сайлуса отличный корабль и команда, а сам он

превосходный моряк. Лучше во всей Лапии не сыщешь. Мигом вас до Дюарля домчит, там и передохнете.

— Тогда можно нам Герду с собой взять? Она наш друг и мы не бросим ее тут совсем одну, правда, Ждан? — решительно попросила Дугава. Ждан кивнул.

Герда испуганно посмотрела на Николая. Из-за утренних экзаменов она совершенно забыла рассказать друзьям о вчерашнем разговоре с инспектором. А они про нее не забыли. Это трогало до глубины души, но...

— Боюсь, ей, как и Финисту, придется задержаться здесь на некоторое время, — не отрывая взгляд от Герды, ответил Николай. — Ему понадобится помощь с учениками.

Она нахмурилась. Почему он не сказал про ее дар?

— Тогда обещайте, что не будете ее обижать, — не унималась Дугава.

— Не беспокойтесь, здесь остается Финист. Уж он-то за этим присмотрит, — заверил Николай с нескрываемым сарказмом.

— Ведь и правда, — смутилась иллюзионистка.

Герда перевела взгляд с Охотника на Финиста. Оборотень смотрел на Николая со злым прищуром. Кажется, впереди ждет далеко не такое безоблачное будущее, которое она успела себе придумать.

После завтрака Охотник снова собрал всех в гостиной.

— Думаю, вы захотите проводить друзей на корабль, — обратился он к тем, кто оставался жить под его крышей. — Заодно и город посмотрите. Эглаборг, отведи их к портному и цирюльнику, чтобы они могли привести себя в порядок.

— Мастер Николай, — вкрадчиво обратился к нему целитель. — Мне хотелось напомнить, что вам тоже не помешало бы привести себя в порядок.

— Это подождет, — отмахнулся Охотник. — У меня сейчас дел по горло, как-нибудь в другой раз.

— Другой раз у вас длится уже какой месяц, — посетовал Эглаборг, но настаивать не стал.

Друзья в последний раз отправились в дорогу вместе.

Провожали долго, обнимались, обещали писать. Сайлус терпеливо ждал на палубе, игнорируя пристальное внимание Финиста к своей персоне. Когда все слова оказались сказаны, а слезы выплаканы, Ждан с Дугавой поднялись по трапу, корабль снялся с якоря и отчалил. Герда, Финист, Майли и Вожык махали ему вслед, пока белоснежные паруса не скрылись за горизонтом.

Проводив друзей, они, как и предложил Николай, отправились гулять по городу. Упсала оказалась гораздо больше и богаче остальных поселений Лапии, в которых им довелось побывать. Здесь чаще встречались большие дома на высоком фундаменте, бедных лачуг и хибар не было совсем.

Все здания ухожены, двери и ставни выбелены, двускатные кровли увенчаны причудливыми резными коньками, а с улицы к порогам заботливо расчищены небольшие дорожки. В центре города дома мостятся один к одному, почти касаются друг друга стенами, а к окраинам стоят все реже с огороженными большими дворами. Здания сплошь деревянные, строительного леса тут с избытком, хотя и камня не меньше, ведь за городом на севере небо подпирает тянущееся до самого Хельхейма Утгардское нагорье.

Не деревянным оказалось лишь одно самое высокое строение с колокольной, похожее на единовременную церковь, но не из белого камня, а обычного кирпича, облицованного

красным гранитом, — ратуша в центре рыночной площади. Возле нее кругом расположились ремесленные и бакалейные лавки, каждая с красочной вывеской над входом. Друзья остановились у той, где были нарисованы женское платье и мужской камзол, и вошли внутрь.

Над дверью пронзительно зазвенел колокольчик, предупреждая хозяина о появлении покупателей. В глубине послышались неторопливые шаги. Вскоре показался высокий худощавый мужчина с тоненькими тараканьими усами и большими залысинами на висках. Он оценивающе осмотрел столпившихся у входа гостей и презрительно поморщил нос. Лавка была не из дешевых, и желанием обслуживать оборванцев портной явно не горел. Так бы и выгнал стоявшей в углу метлой, если бы вперед не вышел Эглаборг.

— Гостям мастера Николая нужна новая одежда, — вежливо заговорил он. Лицо портного тут же расплылось в елейной улыбке. Видимо, имя Охотника имело в городе большой вес.

— Всегда рад помочь гостям мастера дю Комроя. Кто первый?

Эглаборг удалился по своим делам, а друзья в нерешительности переминались с ноги на ногу, пока Майли, все еще немного сонная, не подошла к полке с тканями и начала внимательно их перебирать, щупая руками и разглядывая рисунок. Ей сразу же приглянулся блестящий алый атлас, и она поспешила отложить его в сторону.

— Госпожа разбирается в тканях? — с интересом спросил портной.

— Самую малость, — пожалала плечами Майли. — Может, у вас есть что-нибудь готовое?

— Для такой прелестной госпожи обязательно найдется. Пройдемте померим?

Майли хлопнула ресницами и очаровательно улыбнулась. Комплимент явно придал ей бодрости. Она подала портному руку. Тот, галантно коснувшись ладони губами, повел девушку вглубь лавки. Герда с Финистом удивленно переглянулись. Интересно, этому Майли в монастыре научили или она уже родилась манерной кокеткой?

Минуты ожидания тянулись мучительно долго. От скуки Герда тоже подошла к полке с тканями и начала их перебирать. Цвета были сплошь пестрые, а сукно грубое и тяжелое. Ткани абсолютно не нравились, к тому же она не слишком в них разбиралась. Подносила к себе то один кусок, то другой, смотрелась в зеркало и убирала обратно.

Поняв, что ничего себе не выберет, Герда подозвала Вожыка и попыталась найти что-нибудь для него. В конце концов, больше никто на него внимания не обращал, а сам он сильно робел в незнакомой обстановке. А без обновок ему никак нельзя — старая одежда совсем обветшала и от заплат стала похожа на лоскутное одеяло. Вожыку, впрочем, было безразлично в чем ходить, главное, чтоб на девочку не быть похожим. Когда Герда поинтересовалась, почему он так этого боится, Вожык удивился, что это может быть кому-то непонятно. Он ведь мальчик и точка. Герда звонко рассмеялась в ответ.

Ее веселье заразило и Финиста. Словно невзначай положив руку Герде на плечо, он тоже принялся рассматривать ткани... или просто делал вид? Услышав шаги в дальнем конце лавки, Герда шустро выскользнула из его объятий, боясь, что Майли это может сильно задеть — она ведь только-только начала отходить от припадка.

Через мгновение портной вернулся вместе со счастливо улыбающейся наследницей в новеньком платье из темно-зеленого сукна, которое очень удачно подчеркивало карие глаза. К ним портной подобрал коричневый плащ с капюшоном, отороченным лисьим мехом.

— Ну как? — покрутилась перед друзьями Майли, чтобы они в полной мере оценили наряд.

— Здорово, — за всех ответила Герда.

Финист промычал что-то нечленораздельное.

— А из того атласа мастер Шосс сошьет мне шикарное выходное платье, — поспешила добавить Майли. Герда с Финистом переглянулись и одновременно вздохнули.

— Так, кто дальше? — портной с воодушевлением потирал руки. Модница из Будескайска сильно его раззадорила.

Майли схватила Финиста за руку и достала из стопки тканей несколько кусков.

— Вот эта красно-коричневая на камзол очень пойдет, а светлая на штаны. И покажите те темные, что я в примерочной видела.

Портной согласно кивнул и потащил упирающегося Финиста в конец лавки. Оборотня хотя бы ждать пришлось не так долго. Портной одел его в темно-серые штаны и длинную светло-рыжую кофту, подпоясанную кожаным ремнем. Поверх накинул черный плащ с оторочкой из меха куницы. Новая одежда Финисту очень шла, но в голове Герды с его образом не вязалась. В ней он выглядел как-то... нелепо. В самом деле, Финист — городской щеголь?

Зато Майли, критически оглядев своего возлюбленного рыцаря, просияла и от умиления захлопала в ладоши. Финист вскинул одну бровь, повернулся к зеркалу и свесил голову набок. Неужели ему понравилось?!

— Следующий! — все так же радушно позвал портной. Герда взяла Вожыка за руку и повела в примерочную.

— Для детей ничего готового нет. Придется ждать, — портной поставил мальчика на табурет и начал снимать мерки. — Думаю, светлые бриджи и веселенький голубой камзол подойдут. Будет у нас маленький паж.

Портной добродушно потрепал Вожыка за щеку. Тот болезненно поморщился. Герда представила себе юного пирокинетика в роли пажа и поперхнулась.

— Давайте что-нибудь попроще и поудобней. Широкие штаны и куртку из чего-нибудь не маркого и прочного, — она подала портному кусок плотного темно-синего сукна, которое подобрала для мальчика.

Вожык просиял. Такая ткань показалась ему гораздо более мужественной, чем «веселенький голубой камзол». Портной поджал губы — видно, ему не нравилось, когда к его мнению не прислушивались. Но Герда настояла, а отказывать гостю мастера Николая он не решился. Закончив снимать мерки, портной аккуратно записал их на листок бумаги и, когда Вожык покинул примерочную, занялся Гердой. Это оказалось сплошной мукой. Ей ничего не хотелось и не нравилось, а подобрать что-то, что бы шло к ее бледной коже, серо-стальным глазам и короткой прическе, оказалось очень трудно.

— Осталось только то унылое, — он указал на простенькое платье из светло-серого сукна с белой вышивкой по вороту и подолу.

— Давайте унылое, — безучастно согласилась Герда. Она уже порядком устала от примерки и уверилась, что недостаточно красива для дорогих одежд.

— Совсем с рубахой сливается, — посетовал портной. — Может, хотя бы рукав расклешенным сделать?

— Не стоит. Бесполезно это, — она быстро сняла с себя платье и надела старую одежду.

— Давайте, я хоть мерки сниму. Сошьем что-нибудь по вашему вкусу!

Герда упрямо покачала головой и вышла из примерочной. Взяла лишь плащ — самый обычный черный, подбитый кроличьим мехом — и закуталась в него, чтобы остальные не

заметили, что она ничего не купила, и не приставали с расспросами. Вскоре вернулся Эглаборг, чтобы отвести их к цирюльнику.

Цирюльник встретил их более радушно, чем портной, сразу заметив в дверях Эглаборга. Первой стричься снова вызвалась Майли. Лавочник возился с ней очень долго, желая сотворить произведение искусства. Когда девушка вышла, волосы ее оказались завиты и подняты в пышную высокую прическу, оголившую изящную шею, которой касался один единственный высвобожденный черный локон. Герда отстранено подумала, что если бы ей сделали такую прическу, когда у нее были длинные волосы, то голова бы раскололась от возложенного на нее веса.

— Ах, это просто мечта! — радовалась Майли, разглядывая себя в зеркало. — Финист, если бы ты сразу сказал, что здесь с нами будут так хорошо обходиться, я бы никогда и ни в чем не стала тебя упрекать.

Оборотень скептически хмыкнул и тоскливо посмотрел на Герду. Она слабо улыбнулась в ответ, показывая, что ей здесь тоже неуютно. Поскорей бы все закончилось.

Усадив Финиста в кресло, Майли с воодушевлением принялась показывать, где, что и как нужно состричь. Вскоре лицо Финиста оказалось гладко выбрито, волосы висках коротко подстрижены, а на затылке оставлены чуть длиннее. С этой прической и в новой одежде он действительно напоминал рыцаря из знатного кундского рода, рыцаря, которого Майли вылепила собственными руками.

Встряхнув головой, Герда решительно взяла Вожыка под руку и повела стричься.

— Что прикажете с этим делать? — озадаченно спросил цирюльник, разглядывая густые космы на голове мальчика.

— Подстричь, — пожала плечами Герда, все еще наблюдая за Майли и Финистом.

Наследница гладила оборотня по волосам, широко улыбаясь, и что-то беспрестанно говорила. Наверное, снова сыпала комплиментами, а в глазах Финиста было нечто говорившее, что новый облик пришелся ему по душе. От этого было так странно, неприятно... словно одежда и прическа превращали его в кого-то чуждого, далекого. Вряд ли он станет смотреть на нее как раньше, если она сама ни капельки не изменится.

— Посмотрите, все ножницы об эту волчью шкуру затупились! — пожаловался цирюльник, показывая Герде инструмент.

Вместо этого она посмотрела на Вожыка. Теперь он походил на обычного мальчика из приличной семьи с аккуратной прической. Герда погладила его по голове и устроилась в кресле вместо него.

— А вас я постричь не смогу, — развел руками цирюльник. — Нечем. Да и что прикажете делать с такими волосами? Знаете, эти ваши новомодные короткие прически не просто вульгарны, но еще и уродливы. А я... я ведь своего рода художник! И как художник отказываюсь работать с таким материалом.

— Хорошо, — тихо ответила Герда. Уродливы, так уродливы. Кто же спорит? Она почувствовала, что вот-вот расплачется, медленно встала и подошла к остальным.

— Можем возвращаться, — стараясь казаться спокойной, предложила Герда. Хотелось поскорей запереться в камерке и дать волю чувствам.

— Надо еще к сапожнику зайти. Какой смысл в новой одежде, если к ней нет подходящей обуви? — воодушевленно предложила Майли.

— Думаю, у нас есть немного времени, — пожал плечами Эглаборг.

Герда тяжело вздохнула. Получить еще одну порцию унижений она совсем не жаждала,

но возражать не решилась, видя, что остальным идея пришла по душе.

Сапожник встретил их, как добрых гостей, даже не заметив Эглаборга, который где-то отстал. Дорогая одежда и прически Майли и Финиста сыграли свою роль. Сразу понятно, люди приличные и деньжата у них имеются, раз могут позволить себе такое. Майли подошла к полке с изящными бальными туфельками из парчи, бархата и шелка. Их было совсем немного. Спросом они не пользовались, но все же выглядели очень привлекательно. С трудом оторвавшись от них, Майли выбрала более практичные остроносые туфли из кожи с каблуком-рюмочкой и зимние ботинки на меху, а потом обратила внимание на Финиста, который уже и сам нашел недурно выглядящие сапоги из коричневой кожи с позолоченными пряжками. Готовой обуви маленького размера для Вожька снова не оказалось. Сапожник снял мерку и обещал смастерить ее к тому времени, как портной закончит шить одежду.

Себе Герда даже подбирать ничего не стала — слишком расстроил ее визит к портному и цирюльнику. Заинтересовалась лишь черными сапогами для верховой езды из мягко выделанной кожи. В Дрисвятах она таких не видела — там их делали очень жесткими и грубыми. Сидели они плохо и сдавливали ноги. Эти же наоборот выглядели удобными настолько, что стало любопытно их примерить.

— Это мужские, — предупредил сапожник, когда увидел, что она снимает обувь с полки.

Герда пожала плечами. Она ведь не собирается их носить, только примерить.

Прозвенел колокольчик. Все взгляды обратились к двери. На пороге показался раскрасневшийся с мороза Николая.

— Нагулялись? — радушно спросил он, разглядывая своих гостей. — Еле вас нашел. Понравилось в Упсале?

— Очень! — радостно воскликнула Майли. — Сколько всего мы купили! Не знаю даже, как отблагодарить вас за доброту и щедрость.

Она завертелась перед ним, показывая свой наряд, а потом ткнула пальцем в напряженно разглядывающего пол Финиста.

— Посмотрите на него, разве можно поверить, что тот оборванец, которого вы встретили два дня назад в горах и этот знатный мастер один и тот же человек? — голос Майли звенел от восторга не хуже дверного колокольчика. Она взяла Финиста за руку и подтолкнула навстречу Охотнику. — Ну же, ты обязан поблагодарить мастера Николая за те деньги, что он на нас тратит.

Финист напрягся, сжав губы в тонкую полоску. Охотник лишь безразлично пожал плечами:

— Не стоит. Деньги все равно не мои, а компании.

— Мастер Николая, а ведь Майли права. Теперь Финист лучше вас выглядит, — невзначай шепнул на ухо Эглаборг.

— Не хватало мне еще с ним одежкой мерится, — Охотник поморщился и отмахнулся.

Майли и Финист начали громко спорить по поводу обуви. После того, как оборотню напомнили, кто платит за развлечения, он тут же вернул с таким трудом выбранные сапоги лавочнику. И уже собирался идти к портному, чтобы оставить там всю купленную одежду.

Николя, не обращая на них внимания, направился к Герде. Она безуспешно пыталась продеть ногу в сапог с очень узким голенищем. От напряжения даже губу закусил, а Николая и вовсе не замечала, пока тот не опустился возле нее на корточки.

— Помочь? — спросил он и, не дождавсь ответа, коснулся ее ноги.



Герда вздрогнула и испуганно уставилась в его глаза. Они были совсем другие, чем у Финиста, темные, непроницаемые. Не выдавали ни мыслей, ни чувств. Чего он хочет? По телу пробежали мурашки, к щекам прилила кровь. Его пальцы медленно скользнули вдоль икры и легко натянули сапог до колена. Дышать стало тяжело, сердце зашлось бешеным стуком, грозя вот-вот вырваться из груди.

Ощувив ее испуг, Николая отнял руку и, с трудом сдерживая улыбку, спросил:

— Ну как?

— Жмет здесь, — суматошно прикрыв колени юбкой, Герда показала на голень. — А в стопе велик.

— Тогда давай снимем, — он снова потянул за сапог, но на этот раз касаться ноги не стал.

Избавив ее от обуви, Николая подозвал лавочника:

— Сшейте по ее мерке такие же.

— Но они же мужские, — возразил тот.

— Какая разница? — сказал Охотник таким тоном, что сапожник и сам начал задаваться этим вопросом.

— Не стоит, — заупиралась Герда. — Эта обувь слишком дорогая, тем более мне не с чем и некуда ее носить.

— Ты ничего не купила? — подозрительно спросил Николая.

— Только плащ, — она пожала плечами.

Охотник задумчиво хмыкнул, а потом все-таки заставил сапожника снять мерку с ее ног. Лавочник пообещал через неделю сшить сапоги, достойные самой королевы Дану. Герда слабо улыбнулась и снова опустила глаза. Николая решительно взял ее за руку и потянул к выходу. Она не сопротивлялась — уже давно хотелось выбраться отсюда. Тем более, для Вожыка она уже сделала все, что могла. Оставалось надеяться, что Финист с Майли не забудут проводить его домой. Эглаборг-то точно не должен. По крайней мере, он хотя бы внешне казался достаточно внимательным и серьезным.

— Куда вы? — перегородил дверь Финист.

— Тебе-то какое дело? У тебя есть свои ученики. Вот за ними и следи, — Охотник глазами указал на скучающего у прилавка Вожыка и заставил оборотня посторониться. Герда виновато посмотрела на него. Финист выглядел очень обеспокоенным. Переживает, что Николая снова попытается причинить ей вред? После вчерашнего они так и не объяснились, но Герда не чувствовала страха за свою жизнь. Ни теперь, ни даже тогда.

— Куда мы? — запоздало поинтересовалась она.

— Увидишь, — загадочно подмигнул Николая и поманил за собой.

Они двинулись вдоль узких улочек к видневшимся на краю города холмам. Не дойдя до них совсем чуть-чуть, Охотник резко остановился и оглянулся по сторонам, крадучись добрался до угла ближайшего дома и, обернувшись к Герде, приложил палец к губам, призывая сохранять молчание. Она оцепенела. Неужели он заметил демонов?

Охотник украдкой выглянул из-за угла и выдернул оттуда двух перепачканных в снегу и сильно потрепанных мальчишек.

— Здравсьте, а у нас тут засада, — живо сообщил один из них, светловолосый с пухлыми розовыми щеками. Второй, темноволосый и щуплый, пихнул его в бок. По-видимому, засада была тайной.

— Мама велела привет передавать, — заговорил он вместо товарища. — Про

здоровьичко спрашивала...

— Мама велела домой возвращаться, — перебил его Николя. — И живо, пока отец с охоты не вернулся и не задал тебе трепку.

Мальчонка тут же скуксился, попрощался с другом и понесся к холмам с такой скоростью, что только пятки сверкали.

— Ну так... — нерешительно начал светловолосый. — Я тоже пойду?

— Иди, только я отцу твоему все про вашу засаду расскажу. И про снежки, и про раскатанный лед, и про драку с детьми рыбаков, про все расскажу.

— Ой, только не отцу, лучше маме.

— Нет-нет, именно отцу, хотя... если ты мне поможешь.

— Да я что угодно сделаю.

— Хорошо. Мы как раз к твоей сестре идем. Надо, чтобы ты с Гудой посидел, пока мы разговаривать будем.

— Ой, только не сидеть с Гудой!

— Что ж, не хочешь сидеть с племянницей, будешь вместо этого весь вечер на горохе стоять.

Мальчик от досады издал странный звук, похожий на рев раненного животного. Николя задумчиво почесал затылок и, пробормотав себе под нос: “Что за дети пошли!”, снова взял Герду за руку. Втроем они подошли к одному из недавно построенных на окраине домов с двускатной черепичной крышей и большим двором, огороженным редким низким забором. Калитка была распахнута настежь, поэтому они беспрепятственно поднялись на высокое крыльцо. Николя заглянул в окно и постучал в дверь. Послышались шаги. Вскоре на пороге показалась молодая светловолосая женщина, румяная, пышнотелая — в Дрисвятах про таких говорили “кровь с молоком”. При виде Николя она широко улыбнулась, но прежде чем успела произнести слова приветствия, вперед вылез мальчишка и с деловым видом осведомился:

— Есть что пожрать? Я с Гудой нянкатся пришел.

— О, духи, кто тебя так выражаться научил? А если я папе расскажу? — строго выговорила женщина.

— Анка — ябеда, — обиженно ответил тот. — Скучные вы все. Где ребенок? Я готов отбывать повинность.

— Придержи лошадок, Лейф, — мягко отстранил его Николя. — Нам с твоей сестрой вначале поговорить нужно.

— Отвлекать меня будешь? — Анка игриво выгнула бровь. — Ну давай, ты же знаешь, ни одна женщина Упсалы против твоих чар устоять не может.

— Ты мне льстишь, — усмехнулся Охотник. — Но раз так, может, окажешь мне одну услугу?

— Для милого Николя все, что угодно, — женщина снова широко улыбнулась.

— Ловлю на слове, — глаза Николя лукаво прищурились. — Это Герда, моя подопечная. Сможешь для нее что-нибудь из своих старых вещей подобрать?

Герда оробела и потупилась. Охотник подтолкнул ее к Анке. Та с неподдельным интересом стала ее разглядывать.

— Подопечная, говоришь, — подмигнула Анка. — Не беспокойся, все будет в лучшем виде.

— Хорошо, а Лейф как раз с ребенком посидит, пока ты будешь занята. Да, Лейф? —

мальчишка закатил глаза.

— Этот посидит, как же. Потом Гуду месяц от всякой пакости отучать придется. У меня для этих целей есть профессиональный нянь. Ниссе, дружок, а поставь-ка на стол чего-нибудь съестного, у нас гости!

— Родительское приданное ко двору пришлось? — все в той же шутливой манере продолжал Николая.

— Ты не представляешь, чего мне стоило вместо ненужного барахла уговорить их ниссе отдать. Это же такое подспорье в хозяйстве! Без него муж бы меня точно после первого завтрака на улицу выставил.

— Ты преувеличиваешь. Если он твой характер вытерпел, то стряпню уж точно переживет. Я вернусь через пару часов. Мне еще к твоему отцу заглянуть надо.

— Иди. Когда вернешься, ее не узнаешь!

— Этого я и боюсь.

Николя ушел, оставив Герду на попечение Анки. Они зашли в столовую, где за столом уже сидел Лейф и нетерпеливо колотил по нему деревянной ложкой. Из противоположного конца дома появился маленький мохнатый человечек с дымящейся тарелкой в руках. Он аккуратно поставил ее на стол, а потом незаметно подкрался к несносному мальчишке, выхватил у него ложку и треснул негодника по лбу. От неожиданности Лейф чуть не подскочил до самого потолка, а потом захныкал, прижимая руку к ушибленному месту.

— Где ваши манеры, мастер Лейф? Сколько можно повторять, что за столом нужно вести себя прилично?! Ух, совсем без меня от рук отбились, а матушка, небось, одна уже не справляется с таким неслухом. Хоть бы ее пожалели.

— Да что я такого сделал? — заскулил мальчик.

— Нужно сидеть ровно и терпеливо ждать, пока еду поставят на стол, а не колотить по нему ложкой. А еще перед едой надо мыть руки!

— Но я мыл!

— Ковыряться в снегу не значит мыть. А ну-ка быстро!

Лейф снова закатил глаза и нехотя поплелся к ведру с водой. Герда не смогла сдержать улыбки.

— Наш ниссе живо его воспитает, — шепнула на ухо Анка. — Он в таких делах мастак, не смотри, что маленький.

— Удивительно, он демон, но совсем не плохой, — восхитилась Герда.

— Да какой он демон! Видела бы ты элитный табун моего отца — вот там действительно демоны. А ниссе у нас как член семьи. Не знаю, что бы мы без него делали.

Анка усадила Герду на лавку, а сама устроилась рядом на стуле.

— Ну рассказывай, откуда ты, — потребовала хозяйка, с любопытством глядя на Герду.

— Из Дрисвят. Это в Веломовии, — коротко ответила она, очень стесняясь. Герда не совсем понимала, зачем Николая ее сюда привел и как следует себя вести с этой улыбчивой госпожой. А как Анка с ним разговаривала! Герда никогда бы на такое не отважилась. «Ни одна женщина Упсалы против его чар устоять не может! На что я вообще надеялась, когда думала, что он вспоминает обо мне? Кто он... а кто я».

— Далеко. А там такая мода, ну короткие волосы? — продолжала расспрашивать Анка.

— Что? Нет, это просто... несчастный случай, — печально вздохнула Герда, в который раз за последние два дня вспоминая ту ужасную ночь в сторожке.

— Понятно, у меня тоже такое было. На празднике прыгала через костер и подпалила

косы. Они тогда почти до самых корней обгорели, но ничего, потом обратно отросли. Потрогай, какие сейчас хорошие.

Герда несмело протянула руку к ее золотистым локонам. На ощупь они оказались поразительно мягкими и пушистыми. Наверное, даже не путались совсем.

— Весь секрет в том, чтобы подстригать кончики только на растущую луну и никогда не унывать.

Герда слабо улыбнулась. Так мило, что почти незнакомая женщина пытается ее подбодрить, но от отражения в зеркале никуда не скрыться.

— Даже с такими короткими волосами можно сделать что-нибудь интересное. Садись-ка на мое место. Я сейчас приду.

Герда устроилась на стуле. Анка принесла миску с водой, расческу и корзинку с короткими жгутами из плотной белой ткани.

— Это от демонов? — любопытствовала Герда.

— Для красоты, — усмехнулась Анка и принялась расчесывать ей волосы, смачивая их водой, разбирая на небольшие прядки, в которые потом вплетала жгуты.

Когда она закончила, Герда посмотрела на себя в зеркало — голова теперь походила на утыканную булавками подушку.

— Разве это красиво? — не сдержавшись, спросила она.

— Погоди, на чудеса нужно время, — покачала головой Анка. — А пока посмотрим, что тебе подойдет из моей одежды.

Женщина поманила Герду за собой в небольшую светлую комнату, отделенную от гостиной темно-коричневой шторой. Здесь стоял впечатляющих размеров сундук с убористой ковкой на боках, а на стене висело огромное зеркало в резной раме.

— Это моя гардеробная, ну знаешь, как у знатных дам в Дюарле, — похвасталась Анка. — Мы хоть и не такие богатые, как они, но зато умеем жить с фантазией.

На этот раз Герда улыбнулась гораздо более искренне. Анка откинула тяжелую крышку сундука и принялась перебирать сложенную внутри одежду. Словив на себе удивленный взгляд Герды, она улыбнулась:

— Не бойся, тебе как раз впору придется. Я только после рождения Гуды поправилась, а раньше совсем худышкой была. Кое-что, конечно, можно распустить, но большинство нарядов я уже вряд ли носить стану, как эту юбку с кофтой. Они тоже из моего сундучка — вчера мастер Эглаборг прибежал одолжить женскую одежду. Схватил первое попавшееся. Ну, ты же знаешь этих мужчин — не любят они в женском тряпье копаться. Сейчас подберем что-нибудь получше. Примерь-ка вот это.

Анка достала платье из темно-синего сукна с укороченным до середины икры подолом. Манжеты рукавов и воротник под самое горло обшиты голубым кружевом, в цвет им подобран плетеный пояс. Село платье отлично, словно на Герду было сшито.

— Вот, на холодную снежную погоду под сапоги самое то. И низ пачкаться не будет. Очень удобно. Нравится?

Герда нерешительно пожала плечами. На ее вкус, оно слишком откровенно обтягивало в груди. Не хотелось, чтобы все на это внимание обращали.

— Повернись, — велела Анка, держа наготове еще одно платье. — По-моему, самое то.

Герда еще раз посмотрела в зеркало.

— Хорошенькое, конечно, но...

— Значит, берем, — заключила хозяйка и подала ей следующий наряд.

Герда в жизни не перемеривала столько одежды. У портного и то всего тремя платьями отделалась, а тут неугомная Анка не успокоилась, пока не опробовала весь свой “гардероб”. Герда на все реагировала одинаково сдержанно. Ничего особо не нравилось, но то, что особенно раздражало, она тут же снимала. Принимая это во внимание, Анке пришлось выбирать вещи самой. В результате скопилась большая стопка одежды из трех платьев, двух юбок, четырех нижних рубашек и еще трех кофт. Когда одежда закончилась, Герда с облегчением вздохнула.

— Вы давно знаете мастера Николая? — робко поинтересовалась она, когда Анка перестала вынимать из сундука бесконечные платья и юбки.

— Да лет десять уже, наверное. Лейф тогда такой же мелкий, как Гуда, был. Его у нас похитили, а Николай вернул и стал героем для всей нашей семьи. Мы, правда, тогда не знали, каким мой братец вырастет остолопом, а иначе бы десять раз подумали, прежде чем назад его принимать.

— Десять лет? — удивилась Герда. Именно тогда она встретила Охотника впервые.

— Тогда Николай был здесь проездом, а четыре года назад вернулся. Говорит, дышится у нас по-особому свободно, поэтому он тут и обосновался. Для Упсалы это большая удача — иметь своего собственного Охотника на демонов. Края у нас беспокойные, а помощи от соседей не дождешься, потому он в городе, считай, самый важный человек... После моего отца, бургомистра, разумеется.

— А какие у вас с ним отношения? — Герде было очень неловко задавать этот вопрос, но он буквально жег ее изнутри с тех самых пор, как она услышала их игривый разговор на пороге.

— Отношения? — Анка удивленно вскинула брови. — Да какие у нас могут быть отношения? Я ведь замужем, да к тому же Николай не самая легкая мишень для любовных игр. По нему полгорода сохнет. Загадочный, сильный, прославленный воин, как в него не влюбиться? Да только ему и дела нет до наших девушек. Он постоянно куда-то бежит: сражаться с демонами, спасти попавших в беду — на остальное времени просто не хватает.

Герда понурилась. Она всегда знала, просто верить боялась, а теперь придется это принять, как и свое отражение в зеркале.

— Не хмурься. Смотри, что у меня еще осталось.

Анка достала из сундука бриджи из плотной темно-зеленой ткани и кожаный ремень с кованой пряжкой.

— Разве они не мужские? — подозрительно спросила Герда. Анка заговорщически подмигнула и дала померить.

Как только Герда их надела, сразу поняла, что это ее вещь — гораздо удобней, чем все, что она мерила до этого.

Увидев ее воодушевление, Анка возликовала:

— Мужчины говорят, женщины должны носить платья и юбочки с оборками, но на самом деле просто боятся, что если девушки наденут штаны, то обретут силу. И уже не будут ни в ком нуждаться.

Герда смущенно улыбнулась.

— Вот, это поверх рубахи одевается, — Анка протянула ей коричневую жилетку из тонко выделанной кожи. Герда набросила ее на плечи, застегнула крючки спереди и повернулась к зеркалу, пристально изучая свое отражение. Вот оно! Именно то, как она хотела выглядеть, как она должна выглядеть, как она себя представляла.

— Нравится? — весело поинтересовалась Анка. — Я же говорила, что найду, чем тебя порадовать. А теперь иди сюда. За то, что ты вытерпела все мои издевательства, я поделюсь с тобой одним секретом.

Анкой указала на сундук. На самом дне осталось лежать всего одно платье — из выбеленного льна, с тонкой красно-синей вышивкой на воротнике, рукавах и подоле.

— Подвенечное, — с гордостью объявила Анка. — Раньше оно моей матери принадлежало, а потом она передала его мне. Хочет, чтобы у нас в семье традиция появилась — передавать это платье от матери к дочери. Красивое, правда?

— Очень, — растроганно ответила Герда. Она вспомнила, что в Дрисвятах от матери тоже осталось такое платье, правда, надеть его она уже никогда не сможет.

— Хочешь померить? — спросила Анка с горящими от азарта глазами.

— Не думаю, что стоит. Оно ведь только для вашей семьи.

— Ничего с ним не станет, если ты примеришь один разок. Погоди, я волосы тебе развяжу.

Анка вынула жгуты из волос и расчесала их. Прическа стала пышной, прядки завивались и каскадами спускались до середины шеи. Выглядело если не красиво, то все равно очень миленько. Анка помогла надеть платье. Оно было очень легкое, летнее, с короткими рукавами-воланами и высокой талией, на которой повязывался красный пояс — символ супружеской верности. Свободная, но не пышная юбка доходила до самых щиколоток. Платье было совершенно простым, но одновременно таким невероятно красивым, что даже самая обыкновенная девушка выглядела в нем очаровательной принцессой.

— Какая прелесть! Стань на табурет, чтобы лучше видно было, — Анка сложила руки на груди, любуясь, как Герда преобразилась благодаря ее стараниям.

Неожиданно занавеска отвернулась. В гардеробную заглянули Лейф и Николая собственной персоной.

— Девушки, вы готовы? — весело спросил Охотник, но, увидев Герду, осекся. Лицо вытянулось, брови сошлись над переносицей, а рот чуть приоткрылся от удивления.

— Разве можно врываться в гардеробную без предупреждения? — шаловливо подмигнула Анка, посмеиваясь над нелепой сценой. — А то еще чего доброго, суженую в подвенечном платье до свадьбы увидишь, а это — очень дурная примета. К долгой разлуке.

Герда покраснела до корней волос и отвернулась. Николая закрыл рот и недовольно сощурился в сторону хозяйки.

— Ну же, иди, ты ее смущаешь, — покатываясь со смеха, махнула на него рукой Анка.

Герда обернулась через плечо. Николая виновато улыбнулся, схватил Лейфа за шкуру и пинком вытолкнул из гардеробной.

— Я думал, они там голые, — послышался за занавеской мальчишечий голос, а потом громкий вскрик. — Ай, больно!

Герда с укором посмотрела на хозяйку и бросилась снимать дурацкое платье.

— Извини, не удержалась. У вас такие лица были, что грех не пошутить, — развела руками Анка. Герда недовольно поджала губы, чувствуя себя как никогда глупо. — Перестань дуться. Я, может, правду напроорочила. Между прочим, у меня бабка ясновидящей была, не вельвой, конечно, но все же будущее предсказывала. И теперь вам хочешь-не хочешь, а придется свадьбу сыграть, чтобы нашу семейную репутацию не подмочить.

— Боюсь, это сильно вряд ли. Мы с мастером Николая даже не друзья, — снова слишком серьезно восприняла ее слова Герда и понурилась. — Мне пора, он уже ждет.

Она потянулась к одежде, в которой пришла.

— Надень синее. Мы ведь так долго выбирали, — нарочито жалобно заглядывая в глаза, попросила Анка. Пришлось согласиться. Отказать знакомой Николя, которая потратила на нее столько времени, казалось очень неучтивым. Герда нехотя надела излишне обтягивающее платье. Анка помогла поправить прическу.

— Может, у вас найдется лишний платок? — робко спросила Герда на выходе из гардеробной.

— Зачем? — удивилась Анка.

— На всякий случай.

Хозяйка пожала плечами и протянула ей маленькую голубую косынку. Герда спрятала ее в рукав и вышла к Николя. Он подбадривающе улыбнулся. Совсем чуть-чуть уголком рта, еле заметно, но на душе стало гораздо спокойней.

— Разве не красавица? — спросила Анка, выходя следом за Гердой. — Я же говорила, когда вернешься, не узнаешь.

— Ты просто волшебница, Анка, — не замедлил похвалить ее Николя. — Но все же чего-то не хватает.

Он поставил на пол пару деревянных башмаков небесно-голубого цвета с белыми прожилками ромашек по краям. Без задников и на высокой подошве, выглядели они попростенькому мило.

— Не стоило из-за меня так беспокоиться, — повесила голову Герда, хотя необычная обувь пришлась ей по душе.

— Это ерунда — сабо или, как местные их называют, клоги. В сырую пору весь город ходит. Очень удобно. Примерь.

Не выдержав пристального взгляда Николя, Герда сдалась и просунула ноги в башмаки. Обувь подошла идеально — нигде не жала и не сваливалась со стопы.

— У вас очень хороший глаз, — смущенно потупившись, заметила она.

— Я вырос с тремя сестрами, — шутливо прищурился Николя. — А еще я скопировал мерку у сапожника. На сырую погоду самое то, но пока морозы можешь носить их дома. Если где будут жать или натирать — отнесем обратно к мастеру. Он живо все поправит или сделает лучшие прямо по твоей ноге.

Герда окончательно осмелела и даже немного улыбнулась, глядя на одинаково радушные лица Анки и Охотника.

— Спасибо вам обоим. Простите, что без интереса. Просто я не привыкла к... ко всему этому.

— Тут не за что извиняться. Думаю, любой человек на твоём месте чувствовал себя не в своей тарелке, — просто ответила Анка.

Николя коротко кивнул, соглашаясь.

Они попрощались с радушной хозяйкой и ее непутевым братцем и пошли домой. Николя говорил, что они сильно задержались и остальные, должно быть, изнывают от беспокойства, но Герда в этом сильно сомневалась, вспоминая, как те воодушевились покупками. Поэтому заметив напряженно вышагивающего по двору взад-вперед Финиста, она очень удивилась. Пришлось поплотнее закутаться в плащ и натянуть на голову капюшон, чтобы он не разглядел ее нового облика.

— Все в порядке? — спросил оборотень первым делом. Герда кивнула.

Она не понимала, почему Финист так распереживался. Знай Герда оборотня хуже, то

подумала бы, что он ревнует.

— Ну не съел же я ее, — усмехнулся Николая.

Финист презрительно прищурился, а потом с интересом стал разглядывать тряпки в руках Охотника.

— Скорее, а то к обеду опоздаем, — поторопил Николая.

Герда не сняла плащ, даже когда они оказались в доме и, не желая ни с кем встречаться, рванула в свою каморку. Николая отнес туда ее вещи и увел Финиста, который долго не мог сообразить, что она хочет переодеться.

— Не задерживайся, — кинул Охотник напоследок.

Герда спустилась, когда остальные уже обедали. Теперь она была одета в старую юбку с кофтой, а волосы прикрывала косынка. Из новых вещей Герда надела лишь клоги. Все-таки их подарил сам Николая.

## ===== Глава 19. Первые уроки =====

На следующее утро Герда встала рано. Остальные еще спали, кроме Николая, который ни свет ни заря куда-то ушел, и Эглаборга, который уже стряпал на кухне. Герда решила ему помочь. Неудобно, что он готовит, подает, баню топит, водит везде, а они воспринимают это как должное.

На кухне царил образцовый порядок. Пол сиял чистотой. На многочисленных полках аккуратными рядами выстроились горшки и склянки с нацарапанными на стенках непонятными надписями. Под потолком висели пуки сушеных трав, связки лука, в углу ютились большие деревянные кадки, над камином кипел котел. Эглаборг стоял возле стола у противоположной стены и готовил завтрак. На стене на крючках висели ножи, серпы и еще какие-то диковинные инструменты. В многообразии форм и размеров наблюдалась неуловимая система — все располагалось на своих местах, и целитель быстро находил нужные ему вещи.

— Что-то вы рано, — Эглаборг заметил Герду, когда оторвался от готовки, чтобы утереть выступивший на лбу пот.

— Я не привыкла спать так долго, — пожала плечами она. — Можно вам помочь?

— Не стоит, — тут же отмахнулся целитель. Он явно не терпел на своей кухне посторонних.

— Пожалуйста, я обещаю быть аккуратной. Позвольте хоть что-нибудь сделать, чтобы я не чувствовала себя бесполезной нахлебницей.

Поняв, что спорить бесполезно, Эглаборг вручил ей маленький ножик и попросил мелко покрошить разных трав, а потом растолочь в ступе сушеные грибы и лесные орехи. С этим Герда справилась легко и быстро. Тогда целитель поручил ей новое задание: смешать в чашках жидкости из разных кувшинов, строго соблюдая указанные меры.

— Вся хитрость в приготовлении снадобий — не ошибиться в пропорциях. Ведь чаще всего лекарства — яд, просто он используется в малых количествах, а дополнительные ингредиенты нейтрализуют вредные свойства. Если яда положить слишком много, нейтрализатора мало — больной отравится, наоборот — лекарство не подействует. Поэтому нужно быть предельно внимательным во время работы.

Проникшись важностью задачи, Герда аккуратно отмеряла и тщательно перемешивала разные ингредиенты до однородной массы.



— У вас неплохо получается, — похвалил Эглаборг, пристально наблюдавший за работой, чтобы вовремя все исправить, если Герда ошибется.

— Это оттого, что я отражаю ваш дар?

— Не думаю. Я бы почувствовал. Дар целителя не в том, чтобы готовить снадобья или собирать травы. Этим могут заниматься травники без дара. Искусство целителя в том, чтобы понять, что происходит с человеком и как ему можно помочь, причем не обязательно снадобьями. Иногда разговор по душам оказывается гораздо действенней, чем любое зелье. А порой встречаются такие болезни, против которых лекарства бессильны. Тогда лечить приходится наложением рук, когда ты буквально влезашь в тело больного и пытаешься подправить его изнутри. Я, правда, не люблю этот способ. Он очень рискованный и отнимает слишком много сил, но иногда без него не обойтись.

Герда удивленно моргнула — ей в голову пришла странная мысль:

— Так могут только целители?

— Вы про мастера Николя? — Эглаборг быстро догадался, куда она клонит, и помрачнел. — Когда он обучался в Храме Ветров на Островах Алого восхода, то перенял у местных жрецов несколько тайных духовных практик. Мне их доверять не стали. Да я и не стремился. Есть в них что-то противоестественное.

Герда пожалала плечами. Уж она бы никогда не упустила шанса узнать нечто тайное. Перед мысленным взором пронеслась постыдная сцена в лесу близ Будескайского замка. Нет, конечно, не такое тайное, а что-нибудь по-настоящему важное и нужное.

— А кто болеет? — спохватилась Герда, поняв, что не знает главного.

— Никто. Это для всех. Для вас, чтобы восстановить энергию вашего дара, для госпожи Майли, чтобы избежать повторных припадков, для Вожька, чтобы не реагировал на все так остро, для мастера Николя...

— Зачем? — Герда нахмурилась. Неужели с ним тоже что-то не так?

— У него очень нестабильный дар. К тому же мастер Николя привык пользоваться им в полную силу, а это требует определенной подпитки извне. Кстати, это относится и к мастеру Финисту. Когда он только приехал, было очень заметно, что зверь внутри изгрыз его полностью. Конечно, после отдыха ему стало легче, но все же не следовало отказываться от моей помощи. Может, вы попробуете его уговорить?

— Я попытаюсь, — неуверенно ответила Герда. Их отношения с Финистом сильно накалились за последнее время. Она сомневалась, что после всего он станет ее слушать.

Вскоре завтрак был готов. Финист, Майли и Вожьк встали, а Николя вернулся с утренней прогулки, и все дружно уселись за стол. Ели в полной тишине. Если вчера Майли еще пыталась завести непринужденную беседу, то теперь поняла всю тщетность этой затеи. И тоже молчала, лишь изредка с опаской поглядывая то на Николя, то на Финиста. Те с одинаково хмурым видом уставились в тарелки и пережевывали пищу настолько сосредоточенно, что казалось, они поглощены решением невероятно важных проблем. Герда с Вожьком перекинулись парой коротких фраз: кто как себя чувствует, какой видел сон, вкусная ли еда.

Когда завтрак закончился, все молча разбрелись по своим комнатам.

Первым делом Герда высыпала на кровать содержимое дорожной сумки, чтобы проверить, что осталось от пожитков. Николя нашел ее на плато после нападения ненниров и оставил в комнате Герды. Она обнаружила приятный сюрприз только вчера вечером, но разбирать не стала — отложила до утра.

Вещей оказалось не так много, тем более нужных, а не мусора, вроде ветхой одежды, сношенной обуви и черствого хлеба. Остался, правда, кинжал Хозяйки леса, книжки и самое главное сокровище — дневник Лайсве. Герда успела изучить лишь малую часть и была уверена, что в нем еще можно найти много занимательных историй. Разложив вещи, она собралась что-нибудь почитать. Сидеть в библиотеке не хотелось, а забирать книги к себе было боязно — если Николая разрешил их читать, это не значит, что их можно выносить. Сейчас Герда колебалась между дневником и книжкой про оружие. Она хотела поискать там что-нибудь про кинжал Хозяйки. А вдруг он и впрямь волшебный?

От необходимости выбирать избавил стук в дверь. Приотворив ее, внутрь робко заглянул Вожык.

— Можно? — спросил он, стоя на пороге. Герда кивнула и подбадривающе улыбнулась. Вожык сел рядом на кровати.

— Что-то случилось? — спросила она, заметив встревоженное выражение на лице мальчика.

— Не хочу, чтобы меня учил Финист, — хмуро ответил он. — Хочу, чтобы ты занималась со мной как раньше.

— Я не могу. Я ведь сама толком ничего не знаю, а все, что мы с тобой делали... Посмотри, куда нас это завело.

Вожык понурился.

— Ты несправедлив к Финисту. Он отличный учитель и обязательно тебе поможет, как помог Ждану с Дугавой. Вот увидишь.

— Я ему не нравлюсь. Мы живем в одной комнате, но за все это время он со мной и словом не перемолвился.

— Наверное, еще не обвыкся. Не суди его строго — ему тоже нелегко приходится. Просто дай ему шанс. Я поговорю с ним, попрошу, чтобы был к тебе внимательней. Уверена, у вас все получится.

— Даже мастер Николай был бы лучше, — упрямо ответил Вожык.

Дверь снова распахнулась. Словно почувствовав, что разговор зашел о нем, на пороге показался Охотник.

— Собирайся. Оденься потеплей и захвати у Эглаборга обед и флягу с теплым питьем, — велел он Герде. — Нам пора.

— Куда? — послышался из коридора недовольный голос Финиста.

Николая, не оборачиваясь, закатил глаза.

— На занятия.

— Почему вы не можете остаться тут?

— Потому что я так решил.

— Но на улице холодно.

— Спасибо, а то я сам не знал. Послушай, что ты тут забыл?

— Я хотел поговорить с Гердой.

— У тебя есть свои ученики. Вот с ними и разговаривай, а ее оставь в покое.

Воздух накалился настолько, что, казалось, вот-вот начнет искриться. Герда поспешила вмешаться:

— Пожалуйста, не надо из-за меня ругаться. Мастер Николай, позвольте мне поговорить с Финистом. Мне очень нужно ему кое-что сказать. Это не займет много времени.

— Если так нужно, — нехотя согласился Охотник. Они с Вожыком вышли, оставив

Финиста наедине с Гердой.

— Послушай... — начали они вместе и осеклись.

— Ты давай, — предложила Герда.

— Лучше ты.

— Я хотела попросить, чтобы ты был внимательней к Вожыку. Я понимаю, тебе нелегко обучать пирокинетика, но он очень сообразительный и старательный. Сделает все, что скажешь. Помоги ему. Я знаю, ты сможешь. Ты ведь даже меня драться научил.

— Конечно, — Финист широко улыбнулся. — Я сделаю все, что смогу.

По мечтательному виду Герда поняла, что его голова занята отнюдь не обучением.

— Что ты хотел мне сказать? — поспешила напомнить она, боясь заставляя Николая долго ждать. А вдруг он и на нее рассердится?

— Это насчет Охотника, — Финист тут же посерьезнел. — Будь с ним осторожна. Он нехороший человек и может воспользоваться твоей наивностью.

— Я не настолько наивна, чтобы этим могли воспользоваться. А мастер Николая ничего дурного никому не сделал.

— Это пока. Ты не знаешь порядков Компании. Высокопоставленные офицеры часто используют людей для достижения своих целей, не считаясь с их мнением и безопасностью. Я просто боюсь, чтобы ты не оказалась в центре интриг.

— Какие могут быть интриги с моим участием? Я дочка лесника. И дар у меня очень слабенький. Не представляю, как мной можно воспользоваться. А мастер Николая никогда до интриг не опустится. Уж это я знаю точно.

— Ты слишком доверчива и добра, — сокрушенно покачал головой Финист. — Будь осторожна. Если тебе что-то покажется подозрительным, скажи. Я найду способ тебя защитить.

— Финист...

Он упреждающе поднял руку и вышел. Герда постояла некоторое время, приводя мысли и чувства в порядок, а потом начала суматошно собираться. Николая наверняка придет в ярость от того, что она так надолго задержалась.

Как ни странно, Охотник ругаться не стал. Наоборот терпеливо дождался, пока она зашнуровала сапоги, и заботливо накинул на плечи плащ. Герда снова ступала — не привыкла, не знала, как реагировать. Николая не стал заострять на этом внимание, а поскорей повел ее за собой на улицу в сторону леса.

Шли молча. Герда ждала, что Охотник расскажет, куда и зачем они идут или хотя бы поинтересуется, о чем она говорила с Финистом, но Николая упрямо двигался вперед, лишь изредка оборачиваясь на свою спутницу. Остановились на плоской вершине холма, где была расчищена площадка под костер, вокруг которого лежали большие бревна для сидения. Николая едва заметно махнул кистью левой руки. С двух бревен слетел снег, и они подкатились ближе к костру друг напротив друга. Герда удивленно открыла рот. У Охотника такой же дар, как у Ждана, левитация? Но у Ждана так легко и быстро не вышло бы.

— Вы истинный телекинетик? — восхищенно выдохнула она.

— Есть немного, — скромно ответил Николая и добродушно улыбнулся. — Садись. Будем учиться правильно дышать.

— Я уже училась этому вместе с Вожыком, — ответила Герда, радуясь, что тоже смогла его удивить.

— Хорошо, тогда покажи.

Они устроились на бревнах друг напротив друга. Герда втянула в легкие обжигающе холодный воздух, так же медленно выпустила и принялась про себя считать вдохи и выдохи. Это было очень нелегко, потому что Николая взял ее за руку, нащупал пульс и пристально уставился в глаза.

— Ладно, хватит, — Охотник убрал руку. — Ты все неправильно делаешь. Распрями спину, не сутуль плечи, подними голову. Почему ты ее все время опускаешь? Если не можешь держать прямо, то просто отклонись назад, так у тебя спина сразу выпрямится. Хорошо. А теперь расслабься, закрой глаза и дыши глубоко.

Николая положил ладонь ей на живот. Герда внутренне сжалась, но сделала все, как было сказано. Вздох выдался тяжелым и неровным, а выдох и того хуже. Она открыла глаза и вопросительно глянула на Охотника.

— Попробуй еще раз, — велел Николай. — Ты не расслабляешься. Расслабься!

Герда попробовала еще раз. Николай взял обе ее руки в свои и тоже закрыл глаза. Она не знала, сколько они так просидели, но в конце концов стало скучно. Герда открыла глаза. Охотник продолжал сидеть с отрешенным видом. Она уже наблюдала его в похожем состоянии в библиотеке, только тогда он проделывал это с открытыми глазами. Словно Николай есть, и его нет одновременно.

— Почему при нашей первой встрече на плато вы солгали насчет того, кто вы? Вы же видели, что я вас узнала, — Герда начала задавать мучившие ее вопросы, которые не решалась озвучить до этого.

Николая поморщился и тоже открыл глаза.

— Потому что то имя, под которым ты знала меня раньше, не стоит произносить вслух. Все считают, что Николас Комри умер. И это к лучшему. Пожалуйста, не рассказывай никому о том, что тебе известно. А теперь давай продолжим, — Охотник замолчал и снова закрыл глаза. Герда поспешила последовать его примеру.

Снова стало скучно. Сколько можно сидеть, ничего не делая?

— Что еще говорил мой отец? Он упоминал своих родителей?

— Ничего, Герда, ничего. Мы едва успели парой слов перекинуться. Сомневаюсь, что он стал бы рассказывать о своих связях со Стражами первому встречному. Пожалуйста, давай не будем отвлекаться.

Герда разочарованно кивнула и опять попыталась сосредоточиться на дыхании. Когда сидеть смирно стало совсем невозможно, она начала раскачиваться взад-вперед, как маятник. Николай скрипнул зубами точь-в-точь как Финист. Это напомнило об еще одном невыясненном вопросе.

— Почему Финист думает, что вам и Компании нельзя доверять?

— Почему бы не спросить об этом у него? Откуда мне знать, отчего он такой мнительный?

Николая явно начал терять терпение. Почему у мужчин его так ненадолго хватает?

— Пожалуйста, давай сосредоточимся на упражнении и не будем отвлекаться на всякую ерунду.

Герда в который уже раз честно попыталась расслабиться, но тело словно само не желало успокаиваться. Хотелось ерзать и крутиться. От скуки Герда начала про себя напевать мелодии знакомых песенок, которые часто играли на праздниках в Дрисвятах. И сама не заметила, как стала кивать в такт крутившейся в голове музыки.

— Герда! — прикрикнул Николай. Она вздрогнула и открыла глаза. — Это просто

невозможно. Ты постоянно дергаешься и разговариваешь. Так нельзя. Сила ветра в молчании.

— Так мой дар тоже относится к стихии ветра?

— Да. Я привел тебя сюда, чтобы ты смогла его ощутить, но ничего не получается, потому что ты не хочешь расслабиться. Требуется только сидеть молча, считать вздохи и слушать ветер.

— Простите... Видно, мой дар слишком слабый и я не могу ничего услышать.

— Да причем тут это? Ветер может слышать даже самый обычный человек.

Герда понурилась. Обидно, что все началось с провала. Эта учеба будет совсем не такой веселой, как она представляла.

— Ладно, если ты устала, давай прервемся и поедем, — предложил Николая.

Герда достала из сумки врученный Эглаборгом сверток с кусочками вяленого мяса и хлеба, взяла себе совсем чуть-чуть, а остальное отдала Охотнику.

— Тебе следует больше есть, чтобы восстановить силы после истощения, — недовольно заметил он.

— Я не привыкла, — тихо ответила Герда.

— Пора бросать старые привычки.

Она потупилась. А толку, если это все равно временно, и что будет дальше, она не знает?

— Почему ты такая скованная? — нахмурился Николая, так и не дождавшись ответа. — Раньше ты такой не была.

— Откуда вы знаете, какой я была раньше? Вы ведь гостили у нас совсем недолго и не успели понять, какая я на самом деле, а я не успела узнать вас.

Герда грустно замолчала и приложила к губам флягу с теплым еще компотом.

— Давай это исправим. Ты честно и не стесняясь ответишь на мои вопросы, а я на твои. Идет?

Герда пожала плечами. За себя она была уверена, а вот сдержит ли свое слово Охотник?

— Почему ты такая грустная? — задал Николая первый вопрос.

— Скучаю по дому, по отцу. Даже сороковник по нему справить не успела, а теперь вряд ли на могилу когда-нибудь приду, — Герда отвернулась, чтобы смахнуть некстати выступившие слезы.

— Я тоже скучаю, — вдруг разоткровенничался Охотник. — Мой дом на другой стороне пролива. В ясную погоду отсюда даже берег виден, но дорога туда для меня навсегда закрыта. А я ведь с ним, со своим отцом, даже не попрощался перед отъездом. Все надеялся вернуться домой прославленным воином, но возвращаться было уже некуда.

Взгляд Николая сделался мутным и далеким, будто его слова вызывали к жизни болезненные воспоминания. Герда протянула руку и накрыла его ладонь своей. Дальше ничего говорить не стоило — она не хотела видеть выражение горечи на его лице.

— Твой вопрос, — быстро взяв себя в руки, сказал Николая.

Герда задумалась. Стоило Охотнику согласиться искренне ответить на любой даже самый каверзный вопрос, как они все из головы вылетели. Что же такое важное она хотела спросить?

— Почему вы выбрали в ученики именно меня? — с трудом собравшись с мыслями, заговорила Герда. Николая моргнул.

— В компании на одного человека положено не больше двух учеников. Ни к чему

усложнять Финисту задачу.

— Я не об этом спрашивала. Я спросила, почему вы выбрали именно меня, а не Майли или Вожыка. Финист говорит, что он неподходящий учитель для пирокинетика. Вы бы справились с ним гораздо лучше.

— Ты бы хотела, чтобы тебя обучал Финист?

— Не отвечайте вопросом на вопрос!

— Гррр, хорошо. Мне показалось, что для тебя Финист будет еще худшим учителем, чем для пирокинетика. Он провел с тобой столько времени и даже не попытался хоть чему-то научить.

Стало непереносимо обидно, что Николая отзывался о Финисте с таким пренебрежением.

— У него не было времени. И он учил меня.

— Чему? — напрягся Охотник.

— Драться на палках.

— Серьезно? — не смог сдержать смеха Николая.

Герда обиженно поджала губы. Зачем она это сказала? Теперь он еще долго над ней потешаться будет. Ну, какой из нее боец?

— Он хотел научить меня защищаться, после того как... — Герда собралась с духом и выпалила на одном дыхании: — как Вальдемар на меня напал.

Охотник поперхнулся собственным смехом и замолчал, пристально глядя на нее.

— Между тобой и Финистом что-то есть?

— Что? — ошарашено переспросила Герда. Что это за вопрос такой?

— Ты о нем так беспокоишься, вот я и подумал...

— Нет, — она оборвала его на полуслове.

— И не было? — не унимался он.

Герда прикусила губу. Она не хотела отвечать на этот вопрос.

— Так все-таки было?

— Он поцеловал меня... — глаза Николая округлились. — Всего два раза.

— И?

— Что и?.. Больше ничего не было.

Николя выгнул бровь. Герда от стыда закрыла лицо руками. Ничего, сейчас она такой вопрос задаст!

— Вы обо мне вспоминали? — предельно спокойным тоном спросила она, снова открыв лицо.

— Что? — Герда с ликованием заметила, что выражение лица Охотника стало слегка озадаченным.

— За эти десять лет вы хоть раз обо мне вспоминали? — четко повторила она.

— Один раз, может, и вспоминал, — пожал плечами он и хитро прищурился: — Когда спасался от кровавых клещиков-пищалок в дикой тайге Сайберы.

Герда задрожала от вскипевшей внутри ярости, незаметно набрала в руку снега и слепила снежок:

— Что это за ответ?

— Какой вопрос... — начал он с самым невозмутимым видом.

Герда не выдержала и запустила снежок в ехидно ухмыляющееся лицо. Ей удалось застать его врасплох, и снаряд врезался прямо в щеку.

— Ах так! — разозлившись, воскликнул он, но прежде, чем успел что-нибудь предпринять, еще один снежок ударил его в грудь. Не медля больше ни секунды, Николая тоже начал лепить снежки и швырять их в Герду. Они еще долго бегали друг за другом, забавляясь и весело смеясь.

— Вот ты и расслабилась, — одними губами улыбнулся Николая, когда они, оба уставшие и раскрасневшиеся, повалились на покрывало.

Герда понурилась. Так игру с вопросами он затеял только ради того, чтобы она раскрылась для учебы? Душу словно подернуло ледяной стужей. Герда поежилась, посильней закуталась в плащ и отвернулась.

— Эй, ну что опять? — Николая коснулся ее плеча и развернул к себе. — Да ты вся промокла! Холодно?

Она безразлично пожала плечами. Значит, кровавый клещик-пищалка.

Николая печально вздохнул, растеряв всю веселость:

— Пожалуй, на сегодня хватит. Пора возвращаться.

Он взял Герду за руку и отвел домой.

Первым делом она отправилась к себе переодеться, а Николая ушел в город по делам. Оставшись одна, Герда тихонько заглянула в остальные комнаты на этаже. За первой дверью находилась спальня Николая. Мебели, строгой, без всяких украшений, в ней было совсем немного: кровать у стенки, смежной с комнатой Герды, рядом тумба, напротив платяной шкаф и зеркало — хотя само помещение показалось очень просторным. Никаких вещей, кроме одежды, Герда не заметила. Наверное, Николая здесь только спит. Значит, еще должен быть кабинет, где он работает. Взглянуть бы на него хоть одним глазком. Говорят, по личным вещам о человеке можно узнать все. Как бы хотелось, чтобы это было правдой. Заглянул в комнату, а там все мысли, все ответы, прямые и честные, без увиливания и хитростей.

За следующей дверью оказалась комната, очень похожая на кухню по обстановке с пучками сушеной травы под потолком и горшками на полках. Возле окна располагался стол, заваленный записями и схемами. Приземистая кровать существовала здесь исключительно из-за того, что ни один человек без сна жить не мог. Спальня Эглаборга, тут сомнений быть не может. Чудной старик.

Дверь в третью комнату была слегка приоткрытой. Герда заглянула туда одним глазком — перед зеркалом в длинной белой рубаше сидела Майли и тщательно расчесывала шикарные длинные темные волосы, напевая себе под нос. Герда на цыпочках отошла от двери — совсем не хотелось нарываться на неловкий разговор.

Четвертая дверь вела в самую большую спальню с двумя неаккуратно застеленными кроватями. Одежда раскидана: частью висит на стульях, частью валяется на полу. “Мужчины”, — покачала головой Герда, с улыбкой подобрала вещи и развесила их по крючкам, взбила подушки и поправила покрывала. На тумбе возле меньшей кровати лежали ветки, куски коры и лоскуты ткани, а возле большой — раскрытая книга про повадки диких зверей и стопка мятых записок. Герда прочитала одну — похоже на абзац из книги. Почти без ошибок. В следующей в мельчайших подробностях описывался конь Николая, повадки, норы. Герда встревожено сдвинула брови. С одной стороны, хорошо, что Финист продолжает учиться грамоте самостоятельно. Но с другой, его отношение к Николаю действительно напоминает помешательство.

Герда аккуратно сложила записки на место, вышла из комнаты и направилась к

последней двери. За этой уж точно должен быть кабинет. Вариантов больше не осталось. Но к великому разочарованию, комната оказалась запертой. Похоже, Николая скрывал свои вещи так же тщательно, как и мысли. Что ж, не стоило и надеяться.

На лестнице послышались шаги. Герда обернулась и увидела поднимающихся Финиста и Вожыка. Шли они медленно, шаркая ногами, опустив глаза к полу.

— Как прошло занятие? — спросила она, широко улыбаясь, чтобы их подбодрить.

Финист с Вожыком обменялись хмурыми взглядами и одновременно произнесли:

— Все в порядке.

Очень слабо верилось, но ничего выпытывать не хотелось. Надо будет — сами расскажут. Кто-нибудь из них точно. Финист с Вожыком молча вошли в свою комнату, а Герда спустилась к Эглаборгу и снова попросилась помочь. Целитель согласился уже гораздо охотней и весь следующий час рассказывал благодарной слушательнице о свойствах известных ему трав, грибов и прочих полезных вещах, вроде вареной печени лесного манкуса (кто это такой, Герда представляла очень смутно и интуиция подсказывала, что оно к лучшему) или тертого рога единорога (не альбиноса-любителя девственниц, к которому даже прикасаться строго-настрога запрещалось, а какой-то местной рыбины, у которой во лбу рос рог).

Николя не вернулся даже к ужину. Из-за этого Герда чувствовала себя неуютно и все время украдкой оборачивалась на дверь. Финист не преминул поинтересоваться, как прошло занятие и почему она так ждет Николая. Герда вкратце обо всем рассказала, за исключением игры в вопросы и того, что за ней последовало. Финист разочарованно кивнул.

— Что тебя так настораживает? — спросила Герда.

— Все. У него странное ремесло, странный конь, даже учит он... странно.

— Ты бы учил меня по-другому?

— Да.

— Как?

Финист смутился. В этот момент дверь распахнулась, и на пороге появился Николая. Первым порывом было сорваться с места и кинуться ему на шею. «Клещик-пищалка», — одернула себя Герда и сдержанно поприветствовала его вместе со всеми. После прихода хозяина ужин проходил тихо. Никто не разговаривал, и вскоре разошлись спать.

Следующие несколько дней прошли очень однообразно. Поднялся сильный пронизывающий ветер, а с наступлением темноты начинались лютые метели, поэтому из дома почти не выходили. Финист и Николая занимались со своими учениками в разных комнатах, чтобы не мешать друг другу. Первый остался с Вожыком и Майли в гостиной, а второй уединялся с Гердой в библиотеке.

— Почему ты так не уверена в своих силах? — поинтересовался Николая во время следующего занятия. Они сидели друг напротив друга: Охотник в своем любимом кресле, а Герда на любезно принесенном им из гостиной стуле.

— Вы хотите продолжить игру в вопросы? Она мне не понравилась, — угрюмо ответила она.

— Это важно для обучения, — настоял Николая. Пришлось послушаться.

— Я не чувствую своего дара. Вдруг вы ошиблись, и все те случаи всего лишь совпадения?

— Так ты хочешь увидеть свой дар?

— А можно? — Герда аж подалась вперед от любопытства.



— Хотел приберечь этот трюк на потом, но если тебе не терпится...

Герда внимательно присмотрелась к Николаю, чтобы удостовериться, что он не шутит. Охотник хитро прищурился. Герда краем глаза заметила, как со стола поднимается кружка с водой и опускается на самый край выставленной вперед ладони Николая.

— Следи за моим пальцем, — Охотник приложил указательный палец свободной руки к своему носу, медленно отвел его влево, а потом так же медленно вправо. — Теперь смотри сквозь меня, словно гредишь наяву. Что ты видишь?

— Ничего необычного, — разочарованно ответила Герда, ожидая какого-то откровения.

— Совсем ничего? — смутился Николай. — Попробуй еще раз.

Кружка поднялась с его ладони и закружилась в воздухе.

— Просто свечение, как будто двойится в глазах. У меня такое часто бывает, когда я смотрю в никуда, — Герда осеклась, удивленно рассматривая силуэт фигуры своего учителя. — Свечение... оно увеличивается! Как такое может быть?

— Это свечение — аура, духовная оболочка. Она есть у любого живого существа. Если ты так хорошо ее видишь, значит и чувствовать должна. Никогда спиной не ощущала, что на тебя кто-то смотрит? Не чувствовала, что кто-то стоит за дверью, хотя он еще даже не постучал?

— Бывало пару раз... Мне казалось, что это моя ненормальность.

— В каком-то смысле так оно и есть. Это чутье Стражей, способность, которая позволяет вовремя засечь противника и оценить его силы. А теперь еще раз посмотри на мою ауру. Что ты видишь?

Герда так пристально вглядывалась в окружавшее его сияние, что глаза начали слезиться.

— Несколько разноцветных слоев, как в радуге, — сказала она, боясь ошибиться.

— Правильно. Какого цвета верхний слой?

— Бледно-голубой, — на этот раз ответ нашелся намного быстрее.

— Хорошо, теперь что с ним происходит?

Кружка плавно опустилась обратно на стол.

— Он уменьшается, — Герда нахмурилась. — Этот слой и есть дар? Он увеличивается, когда вы его используете.

— Все верно. Видишь, как у тебя хорошо получается? — похвалил Николай.

— Это пустяк. Наверняка, так любой может, — засмушалась Герда, но Охотник полностью проигнорировал ее слова.

— Теперь посмотрим, какая аура у тебя.

— А получится? — взволнованно спросила Герда.

— Только если ты будешь в себя верить, — Николай взял ее руки в свои. — Давай. Хотя бы попытайся.

Герда несмело пригляделась к собственным ладоням. Вокруг них тоже было сияние. Не такое сильное, как у Охотника, но все же было.

— Какого цвета верхний слой?

— Бледно-голубой, как у вас! — поделилась удивительной находкой Герда.

— Это цвет стихии ветра, — улыбаясь, пояснил Николай. — У других стихий цвет будет иной.

— Он такой маленький, особенно рядом с вашим.

Николай задумчиво перебирал в руках ладонь Герды, словно бы сравнивал ее, крохотную

и мягкую, со своей крупной и жесткой, огрубевшей от меча и поводов. Подняв, наконец, взгляд, Охотник сдавленно сглотнул и отвернулся. Что с ним?

— Аура активного дара, как у меня, всегда больше ауры пассивного, как у тебя.

— Активный и пассивный дар? — удивленно переспросила Герда. Финист никогда об этом не упоминал.

— Да, они есть в каждой стихии. Активный дар — телекинез, пирокинез, иллюзионизм и оборотничество — тот, которому для выхода не требуется ничего, кроме внутренней энергии человека. Пассивный — телепатия, целительство, ясновидение и спиритизм — наоборот начинает работать, только когда взаимодействует с другими людьми или потусторонним миром. Пользоваться им сложнее, чем активным. К тому же ты девушка.

— Это плохо? — Герда недовольно нахмурилась. Вот уж мужчиной никогда становиться не хотелось. Единственное хорошее, что у них есть — возможность носить штаны, но благодаря Анке теперь она тоже вполне может себе это позволить.

— Нет, просто женский дар развивается по-другому.

— Не понимаю.

— Сейчас попробую объяснить. Есть два уровня владения даром: врожденный — тот, который дан человеку изначально; и потенциальный — тот, которого человек может достигнуть в течение жизни. У мужчин врожденный уровень очень высокий, а потенциальный низкий, то есть в течение жизни он изменяется постепенно и мало. У женщин наоборот — врожденный уровень почти нулевой, а потенциальный очень высокий. Поэтому рано судить, насколько сильный у тебя дар. Он еще не до конца раскрылся, но если ты будешь его развивать, кто знает, может, он даже окажется сильнее моего.

— Вряд ли, — покачала головой Герда. — Я помню, как вы сражались с Ловцом. Я бы никогда так не смогла.

— Надеюсь, тебе никогда не придется, — усмехнулся Николя одними губами, взгляд при этом сделался очень тревожным.

Они вновь перешли к дыхательным упражнениям и занимались исключительно ими следующие несколько дней. В библиотеке сосредоточиться оказалось куда сложнее, но Герда старалась выполнять все в точности, как просил Николя: сидеть спокойно, не разговаривать, расслабляться, дышать животом, считать вдохи. Когда уже начало казаться, что все получается безукоризненно, Охотник заявил, что так никуда не годится, потому что ветра она все равно сидя в четырех стенах не услышит. Обидно было до глубины души. Она так старалась... а никто не оценил.

Встречаться с остальными домочадцами удавалось только за завтраком и ужином. Говорили мало, в основном о чем-то несущественном. Герда несколько раз сама пыталась завести беседу, но получалось как-то глупо и неловко. Тогда она решила использовать это время, чтобы научиться видеть и чувствовать ауры. С каждым разом получалось все легче. Теперь даже сильно щуриться не требовалось, чтобы разглядеть их во всех подробностях.

У Майли аура оказалось слабенькая, вся в разрывах, а верхний слой некрасивого болотного цвета. У Вожыка она выглядела немного сильнее, но тоже со странными утончениями, зато верхний слой словно полыхал ярко рыжим пламенем. У Эглаборга цвет тоже оказался рыжим, но более приглушенным, а сама аура более тонкой и однородной. Самой интересной оказалась аура Финиста. Как и у Николя, она была очень большой и плотной, с верхним слоем необычного бирюзового оттенка. На этом странности не заканчивались. Каждый раз, когда Финист сталкивался с Охотником, а сталкивались они

постоянно — то в одну дверь одновременно пытались пройти, то сесть на один и тот же стул, то просто занять одно и то же место, слишком узкое для двоих и толкались плечами, пока кто-то из них не оказывался достаточно умен (как правило, им был Николя), чтобы пропустить второго — аура оборотня сильно увеличивалась и становилась нестерпимо яркой. То же самое происходило с Охотником.

Улучив момент, Герда рассказала Николя о своих наблюдениях. Он терпеливо слушал, объясняя попутно, что цвета обозначают стихии, а разрывы и утончения говорят о том, что у человека нарушен энергетический баланс. Ничего удивительного в этом не было, потому что Майли и Вожык со своим даром не справлялись. Он причинял им больше вреда, чем пользы. Со временем, когда они всему научатся, баланс восстановится и аура снова станет равномерной. Оказалось, что у Герды тоже есть такие разрывы, просто она не может посмотреть на свою ауру со стороны, чтобы заметить их. А упражнения с дыханием как раз направлены на то, чтобы разрывы компенсировать.

Николя обрадовался, что Герда так воодушевилась учебой, но стоило заговорить о Финисте, как он снова помрачнел. Нет, вначале Николя охотно объяснил, что необычный цвет ауры получается из-за того, что Финист как оборотень-птица принадлежит сразу к двум стихиям: земли и воздуха. Смешиваясь, они дают бирюзовый оттенок. Но когда Герда начала рассказывать про странное взаимодействие двух аур, Охотник нахмурился и заявил, что ей показалось и вообще не стоит увлекаться, а то и не такое примерещится.

Не удовлетворившись, Герда обратилась к Финисту. Услышав ее рассказ, оборотень сразу переполошился. Первым его вопросом было:

— Ты ведь не говорила об этом Охотнику?

Герда удивленно моргнула. Да что с ними такое?

— Он мой учитель.

— Но ему нельзя доверять! Если в следующий раз увидишь что-то странное, сразу иди ко мне. Я скажу, стоит об этом говорить или нет.

— Что ужасного в моих наблюдениях за аурами?

— Ничего, — не слишком уверенно ответил Финист. — Просто не нужно рассказывать лишнего. Кто знает, что из этого он сможет потом использовать против нас?

Герда поджала губы. Этот тоже ничего не скажет, хоть ты его ножом режь. Ну и демоны с ними обоими!

Вскоре дом Охотника навестили портной и сапожник, чтобы отдать заказчикам готовые вещи. Все воодушевленно мерили обновки. Одна Герда пряталась в темном углу, чтобы никто не обратил внимания на ее новые сапоги. И все же избежать зоркого взгляда Майли не удалось. Наследница с интересом изучила обувь со стороны, потом подошла, потрогала и с видом знатока заявила:

— Хорошая обувь. Для деревенского мужлана.

Герда очень пожалела, что способность к отражению срабатывает только на чужой дар, а не на слова. Иначе она бы так ответила! Герда молча забрала свою обновку в каморку и заперлась там, чтобы почитать в тишине. Взяла книжку об оружии и начала листать в поисках кинжала, похожего на тот, что остался от Хозяйки леса. Найти его оказалось не так-то просто. Клинок у кинжала был несимметричной волнистой формы и резко расширялся к рукояти. По многослойной стали шел узор из неоднородных бороздок. Деревянная рукоять, украшенная орнаментом с цветками, похожими на водяные лилии, чуть изгибалась в левую сторону.

Герда пролиставала книжку почти до самого конца, прежде чем увидела нечто похожее на иллюстрации к главе о ритуальном оружии. Говорилось о нем очень скупое — всего пару слов о том, что оно предназначается для жертвоприношений. Прежде, чем использовать, необходимо положить его под подушку на ночь. Если приснятся кошмары, то оружие нового хозяина-жреца не принимает и трогать его нельзя, иначе оно принесет большой вред.

Герда сделала, как говорилось в книге. Ночью ей приснился Охотник. Впрочем, он и без того постоянно ей снился. Вряд ли такой сон можно было считать плохим, хотя он мучил ее гораздо больше, чем самый жуткий ночной кошмар. После этого испытания Герда уверилась, что оружие не опасно, и решила носить его с собой на всякий случай. Хотя убить им кого-то вряд ли получится, но можно хотя бы попробовать защититься.

В дверь настойчиво постучали. Майли в каморку не заглядывала, Эглаборг и Вожык стучали очень деликатно, а Финист имел привычку вваливаться без предупреждения, поэтому Герда безошибочно определила, кто стоял за дверью сейчас и спешно пошла открывать.

— Я принес теплой одежды. Собирайся быстрее, нам предстоит дальняя дорога. Выйти нужно как можно раньше, — встретил ее на пороге Никола с большой собольей шубой в руках. — Метель как раз закончилась, так что самое время учиться слушать ветер. Э-э-э, ты еще не оделась? — неожиданно осекся он, заметив, что Герда стоит перед ним в одной ночной рубашке.

— Я еще не проснулась, — ответила она, сиюсь понять, который сейчас час, потому что по ощущениям было еще очень рано. Никола скользнул взглядом по босым ногам, беленой льняной рубаше, задержался на расстегнутой пуговице у самого ворота и вытянул шею, как будто пытаясь сглотнуть вставший в горле ком.

— Собирайся быстрее. Я внизу подожду, — Охотник вручил ей шубу и стремительно направился к лестнице.

Герда вернулась в комнату и внимательно осмотрела свое отражение в зеркале. Вроде, все как обычно. Глаза припухшие со сна, волосы немного растрепаны, пуговица... Подумаешь, пуговица. Герда всегда расстегивала ее, потому что не переносила, когда ворот давил на шею — казалось, что он ее душит.

Почему Никола так смутился? То без зазрения совести хватает за колени и играет в снежки, а потом какой-то пуговицы стесняется. Но гадать об этом было глупо, да и время поджимало.

Герда быстро надела все самое теплое, что у нее было, и отправилась в гостиную. Там они с Никола наспех позавтракали, потуже закутались в меха, натянули сапоги из овчины и вышли на улицу. Герда сразу же повернула к конюшне, но Охотник остановил ее.

— Я думала, нам предстоит дальняя дорога, — не понимая, сказала она.

— На лошадях мы туда не доберемся, — расплывчато ответил Никола.

— Куда?

— На Нарви. Это самая высокая точка Утгарда. Уж там-то ты точно услышишь голос ветра.

— Гора Нарви? — удивилась Герда. — Я читала про нее. Она же в сердце гор находится. Туда самое меньшее — две недели пути по глубокому снегу. И не уверена, что смогу подняться на вершину. Я ведь как птица летать не умею.

— Зато я умею, — рассмеялся Охотник. — Поверь, мы окажемся там намного быстрее, чем ты думаешь. Идем.

Не заходя в город, они направились на север, где вдалеке виднелись окрашенные рассветными лучами солнца в красно-желтые тона предгорья северного Утгарда. Вскоре впереди показался перекинутый через ущелье большой деревянный мост, перед которым на громадном валуне была выбита старинная рунная надпись “Биворн”. Николя взял Герду за руку, чтобы она не робела, и смело повел вперед. На другой стороне они остановились. Николя снял с пояса охотничий рог и приложил к губам. По горам эхом прокатился глухой звук, похожий на уханье филина. Герда недоуменно уставилась на Охотника. Тот напряженно смотрел вдаль. Вдруг затряслась земля, послышался страшный грохот. Лавина! Паникуя, Герда отступила к мосту, но Николя схватил ее за руку и притянул к себе.

— Не пугайся, — усмехнулся он. — Пока мы вместе, бояться нечего.

То ли от слов Николя, то ли от его близости страх ушел. Герда расправила плечи и тоже стала вглядываться в покрытые густым заснеженным лесом предгорья. Казалось, что ледяные глыбы двигаются, словно сами идут к ним, как в старинной легенде. Чутье, на которое она до начала учебы старалась не обращать внимания, настойчиво подсказывало, что это демоны. И Герда не знала, чего стоит бояться больше: разбушевавшейся стихии или хищных тварей.

Предчувствие оправдалось: на фоне леса показались гигантские силуэты ростом со столетние корабельные сосны. Еще пару мгновений, и Герда смогла разглядеть пришельцев в подробностях. Их было пятеро. Громадные, плечистые, с руками почти до самых колен, тем не менее, спины они держали горделиво прямо, а шествовали торжественно и плавно. Тела замотаны в оленьи шкуры. Плоские овальные лица обтянуты бледно-серой кожей и обрамлены косматыми черными волосами и такими же бородами, хотя у одного уже появились словно припорошенные снегом редкие проседи.

Великаны остановились возле Охотника и почтительно склонили головы.

— Приветствуем, мастер Николя, — хором сказали они. В ушах словно зарокотал горный поток.

— Приветствую, достойные Grimturs, — поклонился в ответ Охотник. Герда поспешила сделать то же самое, решив, что задавать вопросы нет времени.

— Есть вести с северных отрогов? — разогнувшись, деловито поинтересовался Николя.

— Все тихо, — бесстрастно ответил старший из великанов.

— Странно. Четыре года прошло, а легион и не думает возвращаться, — нахмурился Охотник.

— Так это ведь хорошо, — продолжал рокотать без малейшей тени эмоции Grimturs. — Испугались, видно, вашей заговоренной стали.

— Сомневаюсь. Скорее затаились на время и чего-то ждут. Знать бы чего, — Николя тяжело вздохнул.

— Часа возрождения? — робко подала голос Герда.

Все удивленно уставились на нее, словно она сказала что-то ужасное.

— Ты что-то знаешь? — предельно спокойно спросил Николя. Только пристальный взгляд выдавал тревогу.

— Я просто слышала... — испуганно ответила она. Только не это! Ей совершенно не хотелось, чтобы Николя снова решил, что с ней что-то не так. Ну почему не получается быть как все? Или хотя бы помолчать в такие моменты.

— Что и от кого ты слышала? — продолжал выпрашивать Охотник. Шансов уйти от ответа не осталось.

— От Хозяйки леса и от некроманта в Будескайске. Они ждали его, говорили, что он вот-вот должен наступить. Час возрождения — это плохо?

— Я знаю не больше твоего, — пожал плечами Николя и обратился к взиравшим на них с мрачной тревогой великанам: — А вы что-нибудь слышали?

Гримтурсы переглянулись.

— Нет, совсем ничего, — слишком поспешно ответил седой, словно растерял всю свою ледяную выдержку. Николя поджал губы — явно им не поверил.

— В таком случае, не стану вас задерживать, славные Гримтурсы, — Охотник снова склонил голову в знак почтения. Великаны вежливо попрощались и пошли обратно.

— Кевельгар, — тихо позвал Николя. Меньший из великанов, шагавший последним, остановился и повернулся к Охотнику. Николя незаметно ему подмигнул.

— Кевельгар! — позвали остальные Гримтурсы.

— Идите, — махнул он. — Я... я потом догоню.

— Только не сболтни лишнего. Тайны гор должны остаться тайнами, — строго наказал старший. Они покинули Герду и Николя наедине с Кевельгаром.

— Вы что-то хотели, мастер Страж? — уже намного теплее обратился Гримтурс.

— Небольшую услугу. Это моя гостья Герда. Она очень любит тайны и, как и ты, является хранителем древнего знания нашего народа.

Герда нахмурилась. Конечно, слова Николя ей очень польстили, но хранителем знаний, тем более древних, ее даже с большим преувеличением нельзя было назвать.

— Я хочу показать ей Нарви, — продолжил говорить Охотник.

Гримтурс заинтересованно посмотрел на Герду.

— И сколько гор открыло тебе свои недра? — спросил он.

Она недоуменно глянула на Николя. Тот молчал, ожидая, что она сама найдет ответ.

— Наши знания хранятся не в горах, а в книгах, — неуверенно начала Герда. — Вот.

Она достала из-за пазухи дневник Лайсве и показала Гримтурсу. Николя удивленно выгнул бровь. После случая с Юстесом Герда стала опасаться, что ее «сокровище» могут похитить и старалась не оставлять его без присмотра.

Кевельгар с любопытством изучил книгу.

— Такая крохотная. Видно, тайны у людей тоже крохотные.

— Так ведь дело не в размере.

Николя с Гримтурсом хором засмеялись. Герда нахмурилась, не понимая, чем вызвала их веселье.

— Точно хронистка! — успокоившись, ответил Кевельгар. — Так уж и быть, мастер Охотник, отнесу вас и вашу гостью на Нарви, тем более ничего запретного там нет.

Гримтурс поднял их и посадил себе на плечи. Герда испуганно вцепилась в мохнатые жесткие волосы великана.

— Не бойся. Это абсолютно безопасно, — заверил Николя. Она сделала над собой усилие, чтобы прекратить трястись.

Путь занял целый день. И если вначале Герда еще могла восхищаться величественными видами заснеженного Утгардского нагорья, то под конец они наскучили настолько, что она по обыкновению начала раскачиваться из стороны в сторону и напевать что-то себе под нос.

— Не делай этого, — раздраженно бросил Николя.

— Я вам мешаю?

— Мне страшно, что ты свалишься.

— Вы же говорили, что это безопасно.

— Если вести себя разумно, то вполне.

Герда недовольно поджала губы.

— Мастер Кевельгар, а какие тайны хранят в себе горы? — переключила она внимание на передвигавшегося огромными скачками Гримтурса.

— О, горы хранят ответы на все вопросы. О том, из чего состоит наш мир и когда он был сотворен, о том, что с ним станет потом и когда нам, Гримтурсам, придется его покинуть. Разве в ваших книгах не говорится о том же?

— Я таких не встречала, — задумчиво ответила Герда.

— Это от того, что вы мало живете и мало помните, а мы, Гримтурсы, помним все. Это проклятье гор.

Кевельгар замолчал, с трудом пытаясь отдышаться. Видно, ему было трудно говорить и идти одновременно.

— Так странно, — пробормотала Герда, повернувшись к Николя. — Они ведь демоны, но вы на них не охотитесь.

— Они никому вреда не причиняют. Почему я должен на них охотиться?

Герда пожалала плечами. Вопрос загнал ее в тупик.

— Финист говорил, что Охотники шарлатаны и не борются с демонами, а обирают доверчивых людей.

Николя недовольно прищурился, как делал всегда, когда речь заходила об оборотне.

— В чем-то он прав. Если есть шанс избежать битвы, то я всегда им пользуюсь. Некоторые демоны к людям относятся вполне дружелюбно, а большинство мы вообще не интересуем. Столкновения в основном происходят из-за мелких недоразумений, которые можно разрешить и без драк — выслушать обе стороны, заставить пойти друг другу навстречу. Собственно, это и было главной задачей Стражей — посредничество, а не борьба.

Это звучало разумно. Даже слишком, учитывая, что в юности Николя особым благоразумием не отличался.

— А Ловец в Дрисвятах... вы и с ним пробовали договориться?

Николя заметно вздрогнул.

— Его условия оказались неприемлемыми.

— Почему? Что он попросил?

— Давай не будем об этом.

Охотник снял рукавицу и протянул руку Герде. Она сделала то же самое, не совсем понимая, чего он хочет. Но касаться Николя всегда было приятно, поэтому она не стала противиться. Когда руки начали коченеть, пришлось отнять их и снова надеть рукавицы.

— Вас тоже обучал наставник из Компании? — раз не захотел говорить о Ловце, так пусть хоть про себя что-нибудь расскажет.

— Нет, меня воспитывали, как Стража. Как Страж я прошел Испытание и потом еще некоторое время обучался в Храме ветров на Островах Алого восхода.

— Это ведь на другом краю Мидгарда! Вы, должно быть, весь мир объехали, — восхитилась Герда. — Я бы тоже хотела так... Хотя вряд ли бы смогла.

— Только Мидгард, да и то не весь. Я бы хотел побывать в Муспельсхейме, но Компания вряд ли меня отпустит, — Николя печально вздохнул.

Герда нахмурилась.

— Неужели они могут решать за вас?

— Они могут решать за всех.

— И вы так спокойно это сносите?

— Что ты мне предлагаешь? Беситься, как Финист? Рад бы, но не могу. Я по-другому устроен.

В его словах едва заметно проскальзывала озлобленная ирония попавшего в клетку дикого зверя. Неужели все и вправду настолько безнадежно? Тогда почему Николая не воспротивится, не восстанет против сковавших его правил? Он ведь очень сильный. Даже Финист это признает. Значит, смог бы вырваться: съездить на Авалор, или в Муспельсхейм, или даже в Дрисвяты. Интересно...

— А если Компания прикажет бросить меня, вы это сделаете?

— Не прикажет, — резко отчеканил Николай и отвернулся.

Герда прикусила губу. Не следовало его провоцировать, ведь она уже много раз убеждалась в умении Николая уходить от неловких вопросов.

Солнце быстро скатилось за горизонт, и на горы мгновенно опустилась ночная мгла, а с ней и пронизывающий до костей холод. Герда плотней закуталась в шубу, надвинув ее почти на самый нос, и натянула на лоб шапку. Открытыми остались лишь глаза. Руки и ноги стыли под одеждой. Казалось, даже кровь замерзает в жилах, становясь болезненно вязкой.

— Холодно? — проницательно спросил Николай. — Выпей это. Нам еще несколько часов надо продержаться.

Он протянул ей уже знакомую флягу. Герда поморщилась, вспоминая гадкий привкус горячительного напитка.

— Давай, а то силой волью, — пригрозил Охотник.

— Интересно, каким образом. Вы ведь на другом плече сидите, — попыталась сострить она, но что-то подсказывало, что увильнуть не выйдет.

Фляга взлетела в воздух. Руки и ноги связало незримыми путами. Шуба сама собой сползла с лица. Что-то зажало нос. Герда открыла рот, чтобы глотнуть воздуха, но вместо него туда полилась горькая обжигающая внутренности жидкость. Неимоверным усилием удалось выдрать руку и отнять от губ флягу.

— Я поняла-поняла, — простонала Герда, чувствуя, как фляга вырывается из ладони.

— Тогда слушайся, — назидательно ответил Охотник.

Путы тут же исчезли, а фляга мертво легла в руку.

— Пей, — велел Николай. Пришлось подчиниться.

— Вы злоупотребляете своей силой, — мрачно сказала Герда, передавая флягу обратно.

— Ты злоупотребляешь моим расположением, — Охотник сам отпил несколько глотков. — Когда ты научишься управлять своими способностями, применять дар я уже не смогу.

— Почему я в этом сильно сомневаюсь?

— Ну, мне точно станет сложнее, — лукаво усмехнулся Николай. Герда понурилась. — Эй, тебя вообще-то это воодушевить к учебе должно.

— Что-то не воодушевляет.

— А что воодушевляет?

— Не знаю. Глупая способность — чужой дар отражать. Вот если бы я могла читать мысли, или как вы двигать вещи на расстоянии, или как Финист разговаривать с животными, или как Дугава творить иллюзии, или как Майли...

— Но ты все это можешь, можешь гораздо больше, чем любой из нас. Когда ты



полностью овладеешь даром, любые способности Стражей станут тебе подвластны.

— Тогда мне срочно нужно разыскать телепата, — рассмеялась Герда.

— Зачем? — нахмурился Николая.

— Чтобы узнать ответы на вопросы, которые вы так старательно обходите.

— Тебе никогда не говорили, что ты слишком умная?

— Скорее, что я заноза в заднице.

— Фу! Ты из книг таких выражений нахваталась?

— Не совсем, — Герда загадочно улыбнулась.

— От Финиста, — догадался Николая. Она пожала плечами.

Неожиданно Кевельгар остановился.

— Все, пришли, — сообщил он и аккуратно поставил своих наездников на землю.

— Это и есть вершина Нарви? — удивленно спросила Герда. — Здесь так темно, ничего не видно. Непонятно даже, как высоко мы находимся.

— У тебя должно было заложить уши, — со снисходительной улыбкой объяснял Николая. — Да и дышится здесь совсем по-другому, глубоко, полной грудью, не замечаешь?

— Да, но... я ожидала чего-то большего.

— Разве не ты говорила, что размер не имеет значения? Порой великое откровение скрывается за едва заметными вещами. Встань тут. Взгляни на небо. Оно усеяно мириадами звезд. Видишь, как они мерцают? Каждая из них хочет говорить с тобой голосом ветра. Прислушайся и ты услышишь, как они поют.

В ночной тишине Герда слышала лишь голос Николая и свое тяжелое дыхание.

— Стань сюда.

Герда сделала несколько осторожных шагов. Она чувствовала, что совсем рядом зияет бездонная пропасть, но не могла разглядеть в темноте.

— Не бойся, — Николая притянул Герду ближе, к самому краю, стянул с нее шубу и бросил Кевельгару. — Отцепись от меня и расставь руки в стороны. Я не дам тебе упасть. Ну же, если не веришь ни в себя, ни в ветер, то поверь хотя бы в меня.

Герда послушалась, не могла не послушаться, ведь верить ему хотелось больше всего на свете. Она и сама не понимала, почему, но именно вера поддерживала ее во всех невзгодах этого трудного пути. Герда почти потеряла ее, когда встретила его, такого чужого и холодного. Но сейчас впервые показалось, что Николая снова стал тем добрым и могучим Охотником, каким представлялся ей в детстве.

— Чувствуешь? — прервал мысли голос Николая.

Герда закрыла глаза и сосредоточилась. Почва под ногами оборвалась. Герда полетела вниз с ошеломляющей скоростью и, почти коснувшись острых камней на дне ущелья, замерла, а потом взмыла вертикально вверх. И полетела уже не над горами, а над знакомым Мертвым городом со свечными башнями. За спиной громко хлопали гигантские крылья, и казалось, что они принадлежали старинному другу, который всегда был рядом и поровну делил все невзгоды и радости. От восторга даже дыхание в груди замерло.

— Тише-тише, — послышался вкрадчивый голос, шептавший на самое ухо. — Не увлекайся и дыши.

Герда открыла глаза. На небе развернулся разноцветный вихрь, словно короной венчая горную гряду.

— Как красиво! — изумленно выдохнула она.

— Снова огни червоточины. Что-то они зачастили. Неужто, действительно грядет конец

времен? — встревожено сказал Николая. Герда опустила руки и прижалась к нему.

— Это оно? Рождение нового демона?

— Так говорят, — коротко ответил Охотник и замолчал.

— Я летала, — Герда попыталась отвлечь его от мрачных мыслей.

— Хорошо! Значит, ты, наконец, расслабилась и позволила ветру говорить.

— Я была не одна. Со мной кто-то был, но я не поняла, кто.

— Ветер. Видно, ты так представляешь единение со стихией.

— Разве вы представляете его по-другому?

— У каждого это происходит по-разному.

— А как у вас?

— Отойди в сторону, — Николая оттолкнул Герду подальше от обрыва и сам занял ее место.

Он точно также раскинул руки и закрыл глаза. Северное сияние исчезло, и на горизонте забрезжила тусклая полоса рассвета. Откуда ни возьмись налетел ветер, хотя весь день и всю ночь его не было. Выбившиеся из тугого пучка пряди затрепетали, на лицо упали первые лучи солнца, ноги оторвались от земли. Николая с просветленным торжественным лицом воспарил над бездной, похожий на крылатого небесного воина из древних легенд. Всего на несколько коротких мгновений, но этого хватило с лихвой, чтобы в памяти навсегда запечатлелась самая восхитительная и таинственная картина, что Герде приходилось видеть.

## ===== Глава 20. В тихой гавани =====

Финист стоял, замерев у окна, и безотрывно наблюдал, как Николая ведет Герду через двор в сторону видневшегося вдаль леса. Охотник по обыкновению крепко держал ее за руку и не отпускал от себя ни на шаг, словно она была его собственностью. А Герда, казалось, ничего не замечала. Это раздражало Финиста больше всего. Он не понимал, отчего она вдруг стала такой доверчивой, ведь даже к нему привыкала очень долго, а с Николая вдруг полностью растеряла всю осторожность. Будто знала его не пару дней, а гораздо дольше. Неужели он тот самый? Если так, то почему он не забрал ее из Дрисвят? Не может быть, чтобы он не почувствовал ее дар.

— Финист! — настойчиво позвала Майли, прожигая спину укоризненным взглядом.

Финист повернулся и недовольно глянул на свою ученицу, сидевшую на стуле в гостиной. Почему он должен тратить время на эту взбалмошную истеричку вместо того, чтобы проводить его с любимой? Это злило как никогда. Но чтобы научить ее хоть чему-то, нужно вначале справиться с собственными чувствами, хотя бы забыть о них на время и сосредоточиться на работе.

— Как ты спала? — Финист решил начать с простого вопроса. Майли повела плечами.

— Обычно.

— Отец больше не навещал?

Она вздрогнула и заморгала:

— Зачем ты напоминаешь про него? Знаешь же, как мне неприятно и страшно.

— Если мы не разберемся с этой проблемой сейчас, дальше будет хуже. И без того слишком затянули. Ты не должна бояться привидений, да и себя тоже.

— Как я могу не бояться призрака того, кого сама предала и убила?

— В сотый раз повторяю, не ты его предала, а он тебя. Он лгал тебе всю жизнь и растил

как ягненка на заклание. И убила его тоже не ты, и не Герда. Он сам себя погубил своей ненавистью. Чем быстрее ты это примешь, тем легче тебе будет избавиться от его призрака, понимаешь? Ты должна перестать винить себя... и его тоже. Не забыть, конечно, нет, забывать не стоит. Но извлечь из этого урок и жить дальше в мире с собой. Тогда призрак почувствует, что ты стала духовно сильнее его, и спокойно двинется дальше по Сумеречной реке.

— Не могу. Он мой отец. Меня учили, что отца нужно чтить и уважать, но я не делала этого. Я предала его. И даже не тогда, когда попыталась спасти вас во время церемонии, а намного раньше, когда прельстилась плотскими утехами, не обвенчавшись, не испросив его соизволения на брак. И за это должна вытерпеть все ниспосланные мне Единым наказания, самое большое из которых этот демонов дар!

Финист тяжело вздохнул. Как же сильно ей в голову вбили религиозные бредни. Почему только они не остановили ее, когда она висла у него на шее и буквально умоляла обратить на себя мужское внимание? Сколько еще придется платить за ту роковую ошибку? Почему он так легко сдался? Надо было не отступать перед отказом, а просить еще и еще, пока та, которая действительно была ему нужна, не приняла его чувства.

— Давай попробуем забыть о том, чему тебя учили в монастыре. Он тоже в прошлом, как и твой любимый Единый, за которым тебе так нравится прятаться от всех проблем. Представь, что его нет и никогда не было, а ответственность за свою судьбу несешь только ты сама.

— Не хочу этого представлять. Чтобы жить, мне надо во что-то верить. Только тогда мое существование обретает смысл.

— Верить в себя ты не хочешь?

— Я слишком слаба и ничтожна, чтобы ставить себя выше отца, а, тем более, выше Единого.

— Хорошо, как насчет того, чтоб верить в меня?

Майли недоверчиво подняла глаза.

— Как я могу верить в такое порочное создание?

— Порочное? Я?! — опешил Финист.

— Да, ты! Даже мрачный мастер Охотник куда лучше тебя. Он, по крайней мере, заботливый и внимательный. И ведет себя как благородный человек, а не как разбойник с большой дороги, умеющий общаться только с продажными девками!

— Ну, знаешь, я просто не привык лгать и притворяться. Со мной все просто — что видишь, то и получаешь. Неотесанный грубый деревенщина, потерявший дом и превратившийся в нищего бродягу и разбойника — такой я на самом деле. И не говори, что не догадывалась об этом с самого начала. Что же до пороков, то у Охотника их в разы больше моего, даже по нашим скудным староверческим меркам. До встречи с ним я думал, что хуже буквоедов и крючкотворов с голубиных станций быть уже не может. Но этот инспектор... Он же якшается с демонами и ведет себя как они. Затеял какую-то игру, где все мы марионетки и обязаны слепо подчиняться его воле, даже если это приведет на край обрыва.

— Послушай себя! Ты же просто ревнуешь к нему Герду. Вот уж действительно жалкое зрелище.

Финист поморщился и громко скрипнул зубами.

— Как тебе угодно, но помани мое слово, Охотник совсем не таков, каким кажется на

первый взгляд. И я сделаю все, чтобы вывести его на чистую воду.

— Смотри, как бы тебя самого не вывели, — съязвила Майли. — Урок закончен? Я свободна?

— Да, — махнул на нее рукой Финист, не в силах больше что-то доказывать, и закрыл глаза, пытаясь восстановить спокойствие.

Полный провал. Ну почему то, что было так легко с Дугавой и Жданом, с ней так невероятно трудно?

Финист поднял голову и заметил, что Майли остановилась посреди лестницы, внимательно глядя на него. Он задумчиво сощурил глаза. Конечно, всегда есть способ сделать девушку сговорчивей, особенно когда она явно дает понять, чего хочет, но... Нет, он уже совершил эту ошибку однажды — не стоит ее повторять. Финист снова повернулся к окну. На улице целитель хлопотал по хозяйству: чистил дорожки от снега, колот дрова, таскал воду в конюшню. Финисту стало совестно, что он прохлаждается без дела. Аж руки загудели, требуя, чтобы он занял их работой.

Финист решительно вышел во двор и, деловито отобрав у Эглаборга вилы, вычистил конюшню, подослал пол сухой соломой, подкинул сена и выгнал лошадей гулять в загон. Потом поправил покосившуюся дровню и уже начал искать новое занятие, когда на крыльце показался целитель и направился в его сторону. За его спиной робко прятался Вожык.

— У вас еще урок с мальчиком, — напомнил Эглаборг, выпихивая вперед испуганно мявшегоса мальчика. — Вы не забыли? А то он слишком стесняется.

Финист прикрыл лицо рукой. Конечно, как он мог забыть, ведь об этом просила Герда! А все Майли виновата со своими истериками.

— Хорошо. Ты тепло оделся?

Вожык несмело кивнул.

— Тогда, пожалуй, уйдем подальше от домов... на всякий случай.

Мальчик совсем понурился. Финист постарался выдать из себя подбадривающую улыбку, но, вспомнив, как легко это получалось у Николая, тут же посуровел.

— Идем.

Вместе они добрались до пустыря между городом и лесом и остановились в низинке, где не так дуло.

— Для начала покажи мне, что ты умеешь, — предложил Финист.

— Да собственно... ничего, — засмутился Вожык. — Мы только дышать с Гердой учились и драться... чуть-чуть.

— Драться? — Финист задумчиво почесал затылок. А что? Не самая плохая идея. — Тогда придется начать с самого начала. Попробуем научиться зажигать огонь не только случайно, но и по своему желанию. Стань прямо, разведи руки в стороны и медленно своди их, пока не почувствуешь жар между ладоней.

— Ничего не чувствую.

— Напряги пальцы. Чувствуешь жар?

— Да, мне страшно.

— Не бойся, все будет хорошо. Главное, не бойся.

— Не могу. Горячо, ай!

Вожык вздрогнул и разомкнул руки.

— Чего ты боишься? — сокрушенно спросил Финист, изо всех сил пытаясь преодолеть раздражение. Почему никто не может беспрекословно выполнить даже самые простые

задания?

— Огня! Я боюсь обжечь себя или вас... или Герду, как той ночью.

Финист тяжело вздохнул, вспоминая жуткую сцену. Все-таки дар Герды самый необычный и полезный из всех, что ему доводилось видеть. Понятно, из-за чего Охотник так над ней трясется. Верно, хочет Компании услужить.

— Это плохо. Страх — последнее дело, особенно для мужчины. Ты должен его преодолеть, — обратился он к мальчику. Вожык понурился. — Попробуй еще раз. Высвободи все, что ты скрываешь. Забудь о страхе.

— Но Герда говорила, что я должен себя сдерживать.

— Забудь о том, что говорила Герда. Теперь тебя учу я. Доверься мне, ну пожалуйста.

Финист слишком устал, чтобы проводить еще одну беседу на тему отношений ученика и учителя. Не хотят слушать и не надо, пусть мастер Охотник сам с ними разбирается. Правда, он обещал Герде, а ее разочаровывать совсем не хотелось, особенно сейчас, когда их дружба переживает не лучшие времена.

Мальчик послушался: расправил плечи, поднял голову, развел руки и медленно начал сводить. Глаза смотрели куда решительней, чем прежде. Финист отошел в сторону, чтобы его случайно не задело.

— Вспомни все, что тебя злит, волнует или пугает, — наставлял он. — Почувствуй, как эмоции накаляются, как бурлит и закипает кровь в жилах.

С кончиков пальцев мальчика срывались искры.

— Медленней. Вспоминай все. Все, что не дает тебе покоя.

От снега под ногами поднимался пар, но Вожык слишком сосредоточился на своих эмоциях, чтобы заметить это.

— А теперь представь, что впереди стоит твой злейший враг. Выпусти все, что у тебя накопилось. Испепели его!

Ладони Вожыка соприкоснулись. Вверх вырвался огромный клуб пламени. Мальчик громко взвизгнул. Не на шутку испугавшись, Финист сорвался с места и кинулся к нему. Показалось, что огонь хлестнул Вожыка прямо по глазам. На самом деле пламя лишь слегка задело брови и челку, но мальчик продолжал скулить, баюкая правую руку.

“Все-таки обжегся”, — с запоздалой досадой подумал Финист. Набрав в ладонь снега, он приложил холод к поврежденной ладони ученика. Вожык терпел, плотно сжав зубы, пока от холода ощущения не притупились.

— По крайней мере, ты выпустил пар, — попытался ободрить его Финист. — Думаю, на сегодня хватит.

Не удержавшись, Вожык громко всхлипнул.

— Только Герде не рассказывай, — произнесли они почти одновременно.

— Знаешь, а ты храбрый малый, — потрепал его по волосам Финист.

— Но я все еще боюсь своего дара. Теперь даже больше, — сокрушенно ответил Вожык. — Раньше я никогда не обжигал себя так сильно. Это так... больно.

— Это моя вина, прости. Я не учел, какую мощь ты можешь высвободить. Но теперь мы станем заниматься каждый день, и энергия не будет застаиваться. Такое не повторится, обещаю.

Вожык слабо кивнул.

— Я могу вытерпеть боль, лишь бы больше никому вред не причинять... Особенно Герде.

— Она тебе нравится?

— Она особенная... такая теплая, живая... как мама.

— Теплая, да, — задумчиво пробормотал Финист.

Он своих родителей практически не помнил. Отца совсем чуть-чуть, да и то по рассказам стариков в основном, а мать... даже запаха ее в памяти не сохранилось. Была ли она похожа на Герду, или на Майли, или на другую знакомую женщину, кто знает?

Когда они пришли домой, Герда тоже уже вернулась и первым делом попыталась разузнать про их успехи, но оба — и ученик, и учитель — старательно этот вопрос обходили, ограничившись коротким уверением, что все нормально и не стоит беспокоиться. Вечер прошел в отрешенном угрюмом молчании. Финист был бы и рад завести беседу, но присутствие Николая действовало ему на нервы. Поэтому лечь спать пришлось рано, а сон никак не шел — мучили тревожные мысли, ощущение того, что он слишком мало потрудился за день и совсем не устал, чтобы ложиться спать... Майли бы сказала, что это привычка деревенщины — доводить себя до изнеможения, чтобы ночью даже на жесткой лавке спать без задних ног... Да, наверное, так оно и есть. Не по душе ему благополучная сытая жизнь.

Только удалось заснуть, как кто-то пихнул его в плечо и противным голосом зашептал на ухо:

— Проснись!

— Зачем? — недовольно осведомился Финист, разглядывая силуэт Майли в неверном свете свечи, которую та держала в руках.

— Мне приснился кошмар.

— Отец?

— Да.

— Я же говорил, просто отпусти его, — отмахнулся оборотень, переворачиваясь на другой бок.

— Не могу. Финист, пожалуйста! — продолжала тормозить его Майли.

— Ну что еще? — заскрежетал он зубами от досады.

— Полежи со мной... как тогда, во время путешествия. Мне от этого всегда легче становилось.

Финист недовольно уставился на нее. Значит, верить в него нельзя, потому что он порочное создание и грубый деревенщина, а как полежать рядом, так он сразу в рыцаря-защитника от кошмаров превращается. Финист перевел взгляд на мирно посапывавшего на соседней кровати Вожыка. Вот уж кто спал сегодня без задних ног.

“Ладно, что толку сейчас препираться? Сделаю, как она хочет, а то вдруг кричать начнет и снова всех перебудит”.

Финист встал и поплелся вслед за Майли в ее комнату. Повезло, что кровать оказалась достаточно широкой, иначе пришлось бы спать на полу у ее ног, словно сторожевому псу, а эта роль ему всегда претила. Майли легла спиной к стенке, а Финист устроился на краю, с трудом заставив себя повернуться к ней лицом. Натянув на себя кусок слишком узкого для двоих одеяла, он тут же закрыл глаза и принялся считать зареченских лошадей на луку. Дойдя до пятидесятой, Финист услышал над самым ухом голос Майли:

— Ты не спишь?

Он скрипнул зубами:

— Я пытаюсь.

— Знаешь, о чем я мечтаю? — проигнорировала его ответ девушка.

“Не знаю и знать не желаю”, — хотел сказать Финист, но Майли уже продолжала.

— О том, чтобы этот дар, твой и мой, оказался болезнью. Тяжелой, но излечимой. И чтобы пройдя через все тяготы и испытания, ниспосланные Единым, мы, наконец, от него избавились и зажили тихой спокойной жизнью. И Вожыка, и Ждана с Дугавой, и мастера Николая с его слугой, и даже Герду смогли излечить. И тогда все бы были счастливы.

Финист широко распахнул глаза и холодно посмотрел в лицо Майли, которое находилось всего в ладони от его собственного. Он даже мог видеть, как тусклый лунный свет отражается в ее темных глазах.

— Дар — это не болезнь. Это часть тебя и часть меня. Без него мы были бы совершенно другими людьми. И вряд ли бы встретились, да что там встретились, каждый из нас до сих пор жив только благодаря дару. Не хочешь верить в меня, верь в свой дар. Он дан тебе от рождения, чтобы ты могла защищать себя и всех остальных людей от демонов. Не называй болезнью благословение.

— Я не верю в богов Стражей и их предназначение. У меня только один бог — Единый.

— У Стражей нет богов. Их даже среди староверов называли безбожниками.

— Так ты тоже ни во что не веришь?

— Я верю в себя и в свой дар. И тебе советую делать также. А теперь давай спать.

Финист закрыл глаза, но стоило представить заливной луг с пасущимися на нем золотистыми лошадьми, как Майли снова подала голос.

— Как ты думаешь, я красивая?

Финист чуть не упал с кровати. Какого демона она спрашивает это посреди ночи?

— Красивая, только отстань.

— Красивее Герды?

— Я сейчас уйду к себе.

— Ладно-ладно. Уж и спросить нельзя.

На этот раз она действительно замолчала, и Финист спокойно смог вернуться к своему табуну, только лошади почему-то стали воронными жеребцами — двойниками коня Охотника — дружно скалили на него зубы и махали передними копытами.

Финист проснулся под утро, как и хотел. Очень тихо поднялся, стараясь не разбудить Майли, и на цыпочках вышел в коридор, не желая, чтобы кто-нибудь узнал, где он провел ночь. За спиной раздалось деликатное покашливание. Финист резко обернулся.

— Кажется, я просил обучить медиума, а не спать с ней, — мрачно выговорил Охотник.

— Это совсем не то, о чем ты подумал, — попытался оправдаться оборотень.

— Ну да, — скептически хмыкнул Николай и двинулся к лестнице.

“Интересно, куда он так рано?” — удивился Финист и пошел к себе в комнату досыпать последние часы перед завтраком.

И все равно отдохнуть от Майли настолько, чтобы не раздражаться при ее появлении, не удалось. Финист радовался, что у нее хотя бы хватило ума не спрашивать при всех, почему он не дождался, пока она проснулась.

\*\*\*

В присутствии остальных обитателей дома Майли старалась держаться как можно скромнее, особенно это касалось Охотника. Он внушал ей смешанные чувства. Во-первых, из-за подчеркнута отчужденной манеры общения невозможно было понять, о чем он думает, во-вторых, некая загадочность в нем притягивала, но одновременно пугала. Не

определившись с тем, как ему понравиться, Майли выбрала самую выигрышную на ее взгляд стратегию — помалкивать и наблюдать. Лишь иногда она позволяла себе отвести душу, исподтишка делая Герде колкие замечания или игриво стреляя глазами в сторону Финиста. Правда, оборотня это очень раздражало. Майли не понимала, почему. Она изо всех сил пыталась растопить вставшую между ними ледяную преграду, но Финист упорно не желал говорить ни о чем, кроме учебы. Майли так долго ждала, чтобы Герда ушла с дороги и оборотень полностью посвятил себя ей. Но когда это произошло, не смогла удовлетвориться ролью одной из его учеников.

— Знаешь, в чем твоя проблема? — устало спросил Финист после очередного неудавшегося урока.

За окном ярко светило солнце. Лучи, отражаясь от выгоревших волос, создавали странное впечатление, словно вокруг его головы сиял золотистый ореол. Черты лица при этом стали настолько точеными и яркими, что от красоты захватывало дух. По чьей злой шутке этому мужлану, этому неотесанному деревенщине, да к тому же еще и колдуну досталась такая благородная внешность? Ничего удивительного, что при первой встрече Майли решила, что он рыцарь. Правильно говаривала настоятельница в монастыре: порой внешность лишь маска. И эта маска ее погубила. Продолжает губить до сих пор, потому что каждый раз, когда она поднимает на него взгляд, внутри все переворачивается от болезненного желания прижаться, прикоснуться к колючей от щетины щеке, вдохнуть теплый мужской запах и забыться в страстном поцелуе.

— В том, что я доверилась не тем людям? — сокрушенно спросила Майли, повинувшись собственным мыслям.

Финист презрительно поджал губы, но на колкость отвечать не стал, продолжив монотонно вести урок:

— Во внутреннем противоречии. Оно даже ночью тебя терзает — оно, не твой отец. И припадки тоже от этого. Ты не можешь примириться с собой, ведь дар — часть тебя.

— Я бы хотела найти лекаря, который бы смог эту часть отрезать.

Он явно взвился: глаза полыхнули яростью, ноздри едва заметно затрепетали, а рот искривился в ироничной ухмылке.

— Так в чем же дело? Я знаю таких лекарей. Их по всему Мидгарду пруд пруди. Хочешь, подскажу, как к ним добратся?

— А можешь? — удивилась Майли и подалась вперед. Чувствовала какой-то подвох, но надежда на избавление была сильнее здравого смысла.

— Конечно, нет ничего проще, — Финист прегаденько ухмыльнулся. — Сядишь на ближайший корабль до Авалора, подходишь там к первому встречному человеку в голубом плаще и рассказываешь ему о своей беде. Вот уж он все тебе отрежет по самое не балуй. И заживешь ты долго и счастливо... среди мертвых. Только меня с собой не зови.

— Какой ты...

— Противный? Злой? Порочный? Так бы назвали меня единоверцы? — он презрительно скривил рот в правую сторону и недобро прищурился. — Пойми, ты теперь не одна из них и не можешь жить по их правилам и законам. Даже вечным покаянием ты не заслужишь место среди них, потому что родилась с даром. Слышишь, родилась! Это не болезнь. Им нельзя заразиться. И отсечь тоже нельзя — с ним ты и умрешь.

— Значит, мне лучше умереть. Не хочу быть злой ведьмой! — в отчаянии выкрикнула Майли. Ну почему он не может ее понять?!



— Так не будь ей! — Финист подскочили тоже повысил голос, но после короткой заминки взял себя в руки и заговорил куда спокойнее: — Вся загвоздка в перспективе. Для Голубых Капюшонов ты абсолютное и безоговорочное зло, у которого нет права на жизнь, но для нас ты друг и союзник. Мы готовы делить с тобой кров и пищу, наставлять и защищать тебя. Так почему ты выбираешь их, а не нас?

— Потому что я знаю, во что верят они, но что движет вами, если у вас нет даже веры? — теперь ничего не понимала уже сама Майли.

— Желание выжить. Поверь, этим мы не сильно отличаемся от остальных существ, населяющих Мидгард. Но, похоже, у тебя такое желание отсутствует. Если ты действительно хочешь умереть, так и скажи. Я устал тратить время впустую.

Майли ничего не ответила и отвернулась. От пренебрежительного тона было непереносимо больно. И еще больнее от того, что Финист во всем был прав. Единоверцы никогда не примут ее обратно, сколько бы она не каялась в своих грехах. Неужели она, добродетельная и праведная, истово верующая, в глазах Единого-милостивого менее достойна чем... наивная светловолосая простушка, которая даже не замечает, как все вокруг водят ее за нос?!

— Я хочу жить, — решительно объявила Майли. — Но я не хочу сражаться с теми, с кем жила так долго и чью веру разделяю до сих пор.

— Тебя об этом никто не просит.

— А если война? В монастыре говорили, что следующая война со староверами лишь вопрос времени. Если она случится, разве ты можешь с уверенностью сказать, что мне не придется сражаться против единоверцев?

— Давай начнем с того, что ты не воин. И не станешь им, даже если научишься пользоваться даром. Но если война все-таки случится, то поверь, убивать будут нас, а не единоверцев.

— Наши шансы настолько малы? — Майли с трудом, но все-таки причислила себя к их компании.

— Я бы сказал, ничтожны.

— Тогда зачем все это обучение?

— Чтобы прожить немного дольше.

Майли пораженно уставилась на него. Она не представляла, что Финист мог погибнуть, пусть даже в битве с неравным по силе противником. Это было бы сравнимо со смертью Единого. Невозможно, неправильно и... бессмысленно. Майли сдавленно вздохнула, неслышно подошла к Финисту и нежно прикоснулась губами к его щеке. Он вздрогнул и удивленно поднял глаза.

— Я согласна принять свой дар, если это поможет тебе выжить.

Финист слабо улыбнулся, явно обескураженный ее неожиданной реакцией, но требовать объяснений не стал. Видно, был рад не меньше Майли, что они хоть в чем-то нашли согласие.

\*\*\*

После занятий с Майли Финист чувствовал себя опустошенным, как будто всю душу наизнанку вывернули. Может, он разговаривал слишком резко, но сил бороться с упрямством ученицы уже не оставалось. Только сейчас он до конца осознал, как ему повезло с Дугавой и Жданом. Более прилежных учеников нельзя и придумать.

С Вожыком тоже выходило не слишком хорошо. Хотя благодаря показанному на первом

занятии упражнению, энергия в маленьком пирокинетике уже не застаивалась, но обучиться ничему новому мальчик так и не смог из-за укоренившегося в душе страха. Слишком часто собственное пламя его обжигало. Даже старый слуга Охотника это заметил и украдкой передавал Финисту целебную мазь. Он принял ее, наступив на горло собственной гордости — слишком виноватым себя чувствовал перед Вожыком, да и перед Гердой тоже.

Не помогало справиться со страхом и то, что Финист всегда приходил на занятия на взводе после очередного провала с Майли, долго не мог взять в себя в руки, срывая на мальчишке раздражение. От этого Вожык еще больше замыкался и терял последние крохи уверенности в собственных силах. После очередной неудачной попытки зажечь огонь, пирокинетик мрачно сообщил, что перестал видеть человечков в языках пламени. Должно быть, им надоело возиться с таким слабым и бестолковым пирокинетиком, и они решили найти кого-нибудь достойней.

От этой тирады Финисту захотелось волком выть. Ведь проблема явно заключалась не в ученике, а в учителе. Это он оказался настолько слеп и глуп, что сам загнал мальчишку в угол. Тогда Финист решил сменить тактику — переставил занятия Вожыка и Майли местами, чтобы поменьше срываться. Не слишком хитрая уловка, но все лучше, чем расписываться перед Охотником в бессилии.

Дело пошло на поправку. Вожык взбодрился и повеселел, видя, что учитель уже не смотрит таким суровым укоризненным взглядом.

В перерывах между занятиями Финист много помогал Эглаборгу по хозяйству: чистил конюшню, голубятню, колол дрова, носил воду. Делал все, чтобы занять руки и разгрузить голову. Целитель бурчал поначалу, но потом махнул рукой — лишь бы на кухню не лез да вещей не путал.

Было в этой работе еще одно значимое преимущество — Финист получил возможность понаблюдать за жеребцом Охотника вблизи. Первым делом решил расспросить о нем свою кобылу.

— Чудной он. Скрытный очень, — неторопливо рассказывала Золотинка. — И судя по манерам, явно не из местных.

— Это я и сам заметил, — ее рассудительный тон всегда вызывал у Финиста чувство, что старший в их паре она, а не он. — С юга он: шерсть короткая, стать необычная, глаза сорочки, нос тонкий с горбинкой. Купцы рассказывали, что такие только в Эламе водятся. Но насколько он ценен, если его сюда через пол Мидгарда тащили? — Финист осекся, заметив, что его лошадь прижала уши. — Эй, ты чего? Для меня ты дороже всех эламских жеребцов вместе взятых.

Он ласково похлопал кобылу по шее.

— Черноволосый за ним по утрам приходит, — смилостивилась Золотинка и продолжила рассказ. — А через пару часов приводит всего в мыле, накрывает одеялом и отдает седовласому шагать, пока конь дыхание не восстановит.

— И так каждый день?

— Нет, но иногда бывает. Седовласый жеребца явно побаивается. Норовистый очень, хотя с черноволосым ведет себя куда скромнее.

— С этим тоже понятно. Мне надо что-нибудь необычное, чем он отличается от остальных лошадей, понимаешь?

— Гогочет много... хотя жеребцы в этом возрасте всегда гогочут. Не знаю, что ты хочешь услышать. Совершенно обыкновенный грубый и невоспитанный молодчик. Ты лучше

у Яшки поспрашивай. Он с нее глаз не сводит с самого первого дня.

— Ясно. Что конь, что хозяин — одна зараза, — мрачно ответил Финист и пошел к деннику жеребца.

Прежде чем приниматься за чистку конюшни, нужно было вывести бестию на выгул. Стоило сунуться на территорию жеребца, как тот соорил страшную гримасу: вытянул шею и начал недобро сверкать белками глаз. Финист демонстративно перехватил вилы из одной руки в другую, показывая, что на испуг его не взять. Потом медленно открыл дверь и накинул на шею веревку. Жеребец грозно щелкнул зубами у самой руки Финиста.

— Только попробуй, — Финист взял недоуздок, не спуская глаз с наглой морды. Но как только протянул руку к коню, тот все-таки исхитрился цапнуть его за плечо. Не больно, скорее для острастки, но Финист решил пресечь агрессивное поведение и отвесил смачную оплеуху по мерзко ухмыляющейся морде. Жеребец набычился.

— А в следующий раз вот этим помеж ушей получишь, — помахал рукоятью от вил Финист. Конь скривился, но стал спокойно, позволил надеть на себя недоуздок и вывести из денника. Однако на выходе из конюшни снова решил проверить Финиста и попытался галопом протащить его по двору, как часто делал с Эглаборгом. Оборотень бросил вилы, уперся ногами в землю и со всей силы дернул веревку, привязанную к недоуздку, потом еще раз и еще, пока конь не остановился.

— Ты, кажется, забыл, — Финист поднял вилы. — Еще один фокус!

Жеребец громко заржал. Хозяина что ли на помощь звал? Только Охотника поблизости видно не было. Поняв это, конь покорно опустил голову и нехотя поплелся за Финистом в загон. Но стоило затворить калитку, как жеребец полетел по снегу, высоко подпрыгивая и брыкаясь всем телом.

— Интересно, как достопочтенный Охотник на этом держится, — удивленно присвистнул Финист и вернулся в конюшню.

Из-за проблем с учениками не оставалось ни времени, ни сил поговорить с Гердой, а так хотелось узнать, чем с ней занимается Охотник. То, что она упоминала в коротких беседах перед завтраком и после ужина, звучало загадочно и тревожно. Упражнения с дыханием, пристальное изучение ауры, двухдневные походы незнамо куда... вряд ли это входит в стандартный курс компании. Или Николая готовит Герду к чему-то другому? Как иначе объяснить, что он не доверил ее Финисту, а предпочел заниматься лично, отрываясь от каких-то важных охотничьих дел. Знать бы еще, что это за дела такие, ради которых он пренебрегает обязанностями офицера Компании.

\*\*\*

После путешествия на Нарви все изменилось: в первую очередь отношение к занятиям и к самому дару. Теперь Герда сама прислушивается к завываниям ветра на улице, к тому, как он хлещет в окна или по крыше в ненастные дни. Он действительно пел. Пел всегда, даже когда казалось, что он совсем затих — на самом деле просто таился, не останавливая песни. Когда Герда сидела молча, сосредотачиваясь на дыхании, сознание сливалась с песней ветра, погружалось в вихрь, и она вновь парила над таинственным городом. Чувство полета вызывало бурный восторг. Хотелось возвращаться туда снова и снова. Ради этого Герда все-таки приучила себя сидеть молча.

Удовлетворившись успехами своей ученицы, Николая решил поставить перед ней новую, более сложную задачу. Герда приготовилась слушать очень внимательно, осознавая теперь всю важность уроков Охотника. Ее серьезный вид заставил Николая усмехнуться:

— Не напрягайся так. На этот раз ничего сложного. Помнишь нашу игру в снежки?

Герда удивленно вскинула брови и кивнула.

— Сейчас мы сделаем то же самое. Я буду бросать в тебя снежки с помощью телекинеза, ты — отклонять, как отклоняла раньше пламя Вожыка.

Стало немного не по себе. Герда до сих пор до конца не уверилась, что произошло той ночью. Все получилось само, совершенно без ее участия.

— Удалось один раз — значит, и второй выйдет, — зато Николая не допускал ни малейшего сомнения в успехе. Это пугало еще больше. — Главное, запомни, что ты при этом ощущаешь. Встань ровно, расслабься и дыши, как я тебя учил.

— Глаза закрыть?

— Лучше пока не надо. Думаю, поначалу тебе лучше видеть, что происходит. Готова?

Герда слабо кивнула, не ощущая однако никакой готовности. “Успокойся и дыши”, — напомнила она себе. По щеке больно царапнул холодный снежок.

— Все внимание на меня. Ну же, сконцентрируйся! — крикнул Николай, недовольный, что она пропустила первую атаку.

Герда подняла глаза и затрепетала в ожидании. Удостоверившись, что ученица на него смотрит, Николай запустил следующий снаряд. Он летел так неумолимо стремительно, что она не удержалась и отпрянула в сторону.

— Что ты делаешь? Ты должна отклонить снежок, а не отклоняться сама, — покачал головой учитель.

— Я... я понимаю, — расстроено ответила Герда, сама не ожидавшая такой реакции.

Огромным усилием она заставила себя неподвижно дожидаться следующего удара, думая только о том, как отклонить снежок. Но ничего не получилось. За полчаса не удалось отбить ни одного снаряда, к тому же одежда промокла до нитки, а кожу на лице сильно саднило от обжигающих ударов. Герда прижала руку к щеке, не сдержалась и громко всхлипнула. Последний снежок застыл в воздухе и упал обратно на землю.

— Ты даже не пытаешься, — разочарованно подытожил Охотник.

— Неправда, — Герда стиснула зубы, стараясь подавить душившие ее рыдания. — Я пытаюсь... честное слово, пытаюсь. Может, вы с Финистом ошиблись, и нет у меня никакого дара.

Николай ничего не ответил. На виске вздулась маленькая жилка. Охотник отвернулся и долго молчал, безотрывно глядя в пустое пространство перед собой, потом тяжело вздохнул и перевел взгляд на свою ученицу.

— Расскажи еще раз, как это происходило раньше, — нарушил тягостное молчание Николая.

— Не было никакого раньше. Вам показалось, — развела руками Герда. Охотник глухо застонал.

— Хорошо, — кивнул он, собрав остатки терпения в кулак. — Садись.

— Будем опять дышать?

— Нет, ты расскажешь по порядку обо всем, что с тобой происходило во время пути, а я решу...

— Есть у меня дар или нет?

— Да, — громче, чем требовалось, ответил Охотник.

Герда вздрогнула, словно кожей ощущая, как он сердится, и торопливо начала рассказывать. Говорить пришлось долго. Охотник все это время сидел с непроницаемым

видом и изредка кивал, но явно не ее словам, а своим мыслям, спрашивал об абсолютно несущественных деталях, которые Герда и не помнила толком. Голова закипала от перенапряжения. К концу Герда чувствовала себя опустошенной и разбитой. Голос осип, а любое шевеление мысли вызывало жуткую боль в висках.

— Хорошо, — удовлетворился Охотник. — Теперь становись обратно.

— Зачем? — растерялась Герда. Она продрогла и устала, а единственным желанием было поскорей попасть домой и устроится возле камина с книгой.

— Продолжим занятие. Ты ведь уже отдохнула?

Герда удивленно моргнула. Это был отдых? Но возражать не решилась и заняла позицию, обреченно ожидая новую порцию снежков. Первый ударился об колено, второй больно ужалил в плечо, третий залепил глаза, а за ним сразу же прилетели четвертый и пятый.

— Не стой! Делай что-нибудь! — донесся раздраженный возглас Николая.

Стало жутко больно, но не от ударов — их она уже перестала замечать, а от нестерпимой обиды. Чем она заслужила такие муки? Снежки уже сыпались со всех сторон, и не по одному, как раньше, а целыми пригоршнями без остановки. Даже дышать стало трудно.

— Перестаньте! — в отчаянье взмолилась Герда. — Вы ошиблись! Нет у меня дара!

Она закрыла лицо руками и попыталась уклониться от обстрела.

— Если ты такая никчемная и бездарная, то зачем обманывала меня все это время? — прокричал Охотник так грозно, что душа ушла в пятки.

— Я не хотела, я... — пыталась оправдаться Герда, не понимая, в чем ее вина. — Я уйду! Только остановитесь!

Снежные стены обступили ее со всех сторон. Выставив руки вперед, Герда бросилась прочь. Окружавший ее буран взорвался изнутри и опал, освободив путь.

Охотник с трудом перевел дыхание и на мгновение прикрыл глаза. Герда без оглядки бросилась к лесу, не разбирая дороги. Все равно куда, лишь бы подальше от него.

— Стой! — донесся до нее испуганный окрик Николая.

Ноги остановились сами, словно принадлежали вовсе не ей. Герда затравлено обернулась. Вдруг с чудовищных грохотом почва обвалилась, словно прожорливая бездна распахнула свой зев. Взмахнув руками, как в своих мечтах махала крыльями, Герда камнем полетела вниз и упала на спину. От боли вышибло дух. На мгновение весь мир погрузился во тьму.

— Жива? — донесся сверху вездесущий голос Николая. Герда открыла глаза и закашлялась. Охотник стоял в двух саженях над ней на краю обрыва, с которого вниз сыпались комья снега, куски мерзлой земли и трухлявые щепки.

— Ну не молчи же ты! — нетерпеливо крикнул он и прыгнул к ней, плавно приостановив падение у самого пола.

Герда встряхнула головой, прогоняя оцепенение, поднялась на четвереньки и попятилась. Рука напоролась на что-то острое. Пришлось оторвать взгляд от устроившего на нее охоту хищника. Герда медленно повернула ладонь к себе и обескуражено уставилась на порванную насквозь варежку, из которой падали большие алые капли.

— Что случилось? — спросил Николай над самым ухом. — Не убегай так больше. Ты меня до смерти напугала.

Он обхватил Герду руками и крепко прижал к себе. Ее тело напряглось и задрожало, а

потом как-то быстро расслабилось и обмякло. Стало так хорошо, что забылось и ушибленное колено, и промокшая насквозь одежда, и кровившая рана, и даже смешанная со страхом обида за то, что Николая кричал на нее там наверху.

— Чего нюни развесила? — спросил он, приподняв ее подбородок кончиком пальца.

Герда вздрогнула, вспомнив, сколько раз Шквал повторял эту фразу. Она сняла порванную варежку и коснулась щеки. Та действительно оказалась влажной. Слезы текли сами по себе — она даже не замечала.

— Все в порядке. Я... — Герда с трудом подавила всхлип. — Я сейчас.

Она случайно обтерла лицо пораненной ладонью, оставив на щеке багровую дорожку.

— Ты ранена? — не на шутку встревожился Николай.

Не дожидаясь ответа, он схватил ее ладонь и принялся внимательно разглядывать порез.

— Края ровные, как от острого лезвия, — задумчиво произнес он. — Ты здесь порезалась?

— Да, но я не заметила, обо что

Герда немного успокоилась, поняв, что Николай больше не сердится. Он опустил на колени и принялся ощупывать пол в поисках лезвия. Герда крепко задумалась. Зачем он за ней побежал? Сам же кричал наверху так, словно не желал больше видеть, но уйти почему-то не позволил.

Охотник громко хмыкнул, ничего не обнаружив, и принялся искать в другой стороне. Почему он ведет себя так странно? То уличает в обмане, хотя она вовсе не желала никого обманывать — они сами обманулись, он и Финист — то вдруг переживает из-за пустяковой царапины.

— Где мы? — решила нарушить тишину Герда, ощутив, как по спине продрал озноб.

— В заброшенном склепе, — ответил Охотник, не поднимаясь с колен. — Мы на старом кладбище.

Сказал, и действительно могильной затхлостью повеяло. Холодной и гнилой. Герда поежилась и с опаской осмотрелась по сторонам. Она провалилась в большое высеченное в камне помещение. Или пещеру? Сверху склеп был укрыт настилом из потемневшего от времени дерева. Его трухлявые остатки торчали из дыры и валялись на испещренном тонкими бороздками полу вместе со снегом и землей. Видно, склеп присыпали, чтобы замаскировать от посторонних глаз, но доски прогнили и выдали таившийся внизу секрет. Герда сделала несколько шагов к ближайшей стене и провела рукой по вырезанным в камне диковинным письменам, напомиравшим те, что она видела в записке из волотовки. Странно. И ощущения почти такие же. Жаль, что Шквала рядом нет. Он наверняка знал, что они означают.

В глубине склепа раздался громкий шелест. Николай с Гердой одновременно вздрогнули и обернулись. На струящийся сверху поток света выбралась стая летучих мышей и устремилась наружу через зияющую в потолке дыру.

— Куда это они посреди бела дня? — нахмурился Николай.

Герда пожала плечами.

— Зачем вы привели меня на кладбище? — подозрительно спросила она.

— Здесь тихо. И Финист вряд ли рискнет сунуть сюда свой нос, зная, что должен заниматься с медиумом. Кладбищенский дух плохо на них влияет, особенно на тех, кто подвержен истерикам.

Герда удивленно моргнула. Николай поморщился, поняв ее неозвученный вопрос.

— Я тоже не железный, а Финист постоянно лезет, куда не просят.

— Он беспокоится обо мне, — быстро оправдала его Герда.

— Ага, как кошка о мышке беспокоится.

Она поперхнулась и ошарашено уставилась на своего учителя. В полумраке древнего склепа его глаза сверкали словно кошачьи.

— Что? — не понял ее взгляда Николая.

— Ничего, просто иногда вы мне кое-кого напоминаете.

— Хм?

— Нет-нет, наверное, я скучаю по нему больше, чем казалось.

Герда вздохнула и опустилась на колени. Стараясь отвлечься, она начала изучать вырезанные в полу бороздки. Они шли параллельно к дальней стене склепа. Следуя за ними, Герда добралась до небольшой выемки, в которой все бороздки сходились, закручиваясь по спирали.

— Вот дрянь! — выругался Николай. — Да где же ты? От меня так просто не спрячешься. О, демоны, заговоренная сталь!

По одной из бороздок в выемку скатилась багровая капля. Пол под ногами содрогнулся. Сердце заколотилось, как бешенное, стало трудно дышать. “Аура, — догадалась Герда. — Огромная нечеловеческая злая аура!” Прямо из отверстия в полу на нее уставился чей-то глаз.

— Николас! — от страха Герда бросилась к Охотнику. Он тут же сгреб ее в охапку, оттолкнулся от пола, стремительно взмыл к дыре в потолке и выпорхнул оттуда, точь-в-точь как мыши десять минут назад. Правда, полет продлился недолго. Через мгновение они вместе рухнули в сугроб. Сзади послышался грохот. Они обернулись — крыша склепа обвалилась почти до самых ног. Не сговариваясь, Николай с Гердой поползли прочь. Земля продолжала осыпаться. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем обвал остановился, и они обессилено повалились в снег. Аура исчезла, точнее, затаилась внизу под склепом.

— Что это было? — с трудом переводя дыхание, спросила Герда. — Ваш очередной друг-демон?

— Разве я похож на человека, у которого могут быть такие друзья? — огрызнулся Николай, переворачиваясь на спину.

— Да кто вас разберет? С гримтурсами-то вы дружите... и конь у вас не вполне обычный.

— Это духи природы, а там кладбищенская нежить. С такими только некроманты общаться могут, — Николай поднялся и подал ей руку. Почему-то правую, хотя Герда была уверена, что он левша. Приподнявшись, она заметила кровавые пятна на снегу.

— Вы ранены? — переполошилась Герда. Охотник поднял левую руку и развернул ее тыльной стороной вверх. Рукав куртки оказался разрезан почти до самого локтя. Из глубокой продольной раны на запястье обильно сочилась кровь.

— Там в полу торчало острое лезвие в мою ладонь длиной. Заговоренная сталь, по всей видимости — ни за что не увидишь, пока не напорешься, — Николай снова опустился на колени и приложил к ране комок снега, пытаясь унять кровотечение. Потом отодрал лоскут ткани от рукава рубашки и туго обмотал его выше запястья.

— Лезвие, желобки на полу... для чего все это?

— Думаю, чтобы кого-то кормить. Нежить обычно питается аурой или дыханием, а эта, кажется, пробудилась от нашей крови. Темнеет. Идем скорей, ночью эти твари на охоту

выходят.

Герда не стала спорить и, прихрамывая, пошла следом за Охотником, но не смогла примериться к его широкому шагу.

— Не отставай. Что с тобой? — быстро заметил это Николая.

— Ногу ушибла, когда падала.

— Хочешь, я возьму тебя на руки?

— Не стоит, вы и так слишком много крови потеряли.

Охотник все же заставил ее опереться на его плечо. Так они доковыляли до дома. На пороге их встретил Финист. Прищурился и недовольно поджал губы, заметив, как рука Николая по-змеиному обвивает талию Герды.

— Что случилось? — подозрительно поинтересовался оборотень.

— Ничего страшного. Упала и немного ушиблась, — постаралась объяснить Герда, не вдаваясь в подробности. — Ты же знаешь, какая я бываю неловкая.

Уголки губ Финиста растянулись в плутоватой ухмылке.

— Довел девчонку, что она захотела сбежать? — тихо-тихо прошептал он над самым ухом Охотника.

Николя резко развернулся и смерил его презрительным взглядом:

— Тебе какое дело? Мало забот со своими учениками? Так покажи, чего ты добился.

— С радостью, — прорычал Финист.

Герда удивленно переводила взгляд с одного разъяренного мужчины на другого. Казалось, что даже наледь на пороге не устоит перед жаром разгорающейся свары.

— Прекрасно. Как насчет завтра? — смягчился Николая.

— Завтра? Что завтра? — выпучил глаза оборотень.

— Завтра ты продемонстрируешь, чему смог научить своих учеников за это время, — четко проговаривал каждое слово Николая.

Финист ошарашено моргнул — явно не ожидал такого поворота событий.

— Лучше послезавтра, — ляпнул он, не подумав.

— Хорошо, значит, послезавтра. Все равно один день ничего не решит, — безразлично пожал плечами Охотник, открыл дверь и, пропустив Герду вперед, вошел в дом.

\*\*\*

— Где ж вас так угораздило?! — причитал Эглаборг, обрабатывая рану на руке Охотника.

— Неважно. Давай быстрее, у меня еще дела есть, — не слишком вежливо отвечал Николая.

Пришлось потратить уйму времени и сил, чтобы заставить его показать рану целителю. Охотник старательно отнекивался, говорил, что Герде помощь нужнее и вообще кровотечение давно остановилось, но по бледному цвету его лица было ясно видно обратное.

— Тогда сядьте и не дергайтесь, — назидательно ответил старик. — Вы же сами себя задерживаете.

Целитель достал с верхней полки кожаный чехол, вынул из него иглу и моток. Отмерял на локоть толстую белую нитку, обрезал и окунул в склянку с ядовито-желтого цвета жидкостью. Накалил иголку на огне, вддел в нее нить и положил руку Николая на стол.

— Помогите-ка, — Эглаборг подозвал Герду и поручил держать руку Николая, чтобы не дергалась.

— Зачем это нужно? — закатил глаза Охотник.



Герда усмехнулась. Ноет, прямо как маленький.

— Чтобы зажило быстрее и не воспалилось. Скажите еще спасибо, что я из нашего путешествия в Поднебесной этот моток захватил. Жилами шить еще то удовольствие. Теперь, главное, сидите смирно. А вы, госпожа Герда, держите его покрепче, если я ненароком болевую точку задену.

От усердия Герда навалилась на руку Николая всем весом. Эглаборг соединил края раны и сделал первый стежок. Охотник поморщился и смешно зашипел, но не шелохнулся. Целитель сделал еще несколько стежков, завязал нить на узелок и обрезал. Сверху полил на рану той же жидкостью, в которой купал нить, а потом ловко перебинтовал запястье и ладонь.

— Вот и все. Не стоило так переживать, — улыбнулся Эглаборг. — Я знаю, что делаю.

— Никто и не переживал, — пробубнил себе под нос Николай, поднимаясь со стула.

— Я надеюсь, вы не обратно в склеп так спешите? — вкрадчиво поинтересовалась Герда. — И почему вы не поблагодарили мастера Эглаборга? Он ведь так вам помог!

По лицу Охотника пошли пунцовые пятна.

— Спасибо, — коротко бросил он, словно стеснялся. Старик не удержался и засмеялся себе в кулак. — Я еще не настолько из ума выжил, чтобы ночью на кладбище с нежностью воевать. К знакомым схожу, может, они что слышали об этом склепе.

Герда слабо улыбнулась, в глубине души побаиваясь, что он лжет.

— Все-таки осмотри и ее тоже, — велел Охотник целителю. — Она с большой высоты упала.

Эглаборг кивнул. Николай направился к выходу.

К ужину он не явился. В этом не было ничего необычного, но Герда очень переживала из-за всего случившегося. К тому же она не могла ни с кем поделиться своей тревогой. Эглаборг оказался сильно занят по хозяйству, Финист пол-ужина что-то бухтел себе под нос, а потом, не дав Майли и Вожыку доест, потащил их в гостиную. Явно из-за проверки разволновался.

Так и не найдя для себя занятия, Герда поднялась в спальню, умылась, расчесалась, переделалась в ночную рубашку, взяла книгу про оружие и улеглась в постель. Пролистав всего пару страниц, когда глаза начали слипаться, а голова клониться к груди. Герда отложила книжку, затушила свечу, сладко зевнула и закрыла глаза. Но не успела она задремать, как в дверь постучали.

“Теперь я хотя бы знаю, что он жив”, — отрешенно подумала Герда и пошла открывать. На пороге стоял Николай с большим соломенным тюфяком, перекинутым через плечо. Герда удивленно моргнула. Охотник деликатно отодвинул ее в сторонку, вошел и бросил свою ношу возле кровати.

— Ааа? — протянула Герда, хотя на самом деле хотелось спросить: “Какого демона?”

— Я буду здесь спать, — объявил Николай, словно угадав ее мысли.

Герда снова моргнула:

— Зачем?

— Тебя защищать.

— От кого? От вас самих что ли?

— Очень смешно, — проворчал Охотник, а потом совершенно невпопад добавил: — Милая сорочка.

Герда опустила голову, разглядывая вышитые на воротнике цветочки — единственное

украшение унылой ночной одежды.

— Это рубашка, — пожалала плечами она.

Повисла неловкая пауза. Николя уселся на тюфяк и замер, глядя в пустоту. Герда прекрасно знала, что он может так просидеть очень долго, а ей сильно хотелось спать. Срочно надо было брать инициативу в свои руки.

— Удалось что-нибудь узнать про склеп?

— Да, и много. Здесь действительно раньше обитала довольно опасная нежить. Местные вели с ней отчаянную борьбу. Думали, что изгнали, но, похоже, она просто затаилась на время.

— Что за нежить?

— Нежить, как нежить.

— Мастер Николя! — Герда одарила Охотника гневным взглядом.

Он тяжело вздохнул и принялся рассказывать:

— Ночные Ходоки. По легендам, повелитель берега мертвых сочетался браком с богиней тьмы — Великой летучей мышью. Плодом их союза стал мертворожденный ребенок, ибо смерть жизнь породить не может. Но тьма имела власть оживить мертвеца, напитав его смертной кровью. Ребенок ожил и стал первым Ночным Ходок. Он боится дневного света, а для поддержания жизни ему нужна человеческая кровь. Без нее он впадает в спячку. А еще он любит соединяться с красивыми юными девами. Приходит к ним по ночам и, если те добровольно пускают его в собственное жилище, завладевает разумом и сердцем, делая из них рабынь и матерей для новых Ходоков.

Герда слушала, затаив дыхание. Перед глазами разворачивалась грандиозная картина: бледнокожий красавец восседает на троне из черепов и пьет из золотой чаши густой алый напиток, а вокруг кружатся прекрасные девы в полупрозрачных одеждах, украдкой бросая на своего идола томные взгляды.

— Да ты сама наверняка знаешь эту историю, — вывел ее из задумчивости голос Николя.

— Да, но вы так красиво ее пересказываете, — лукаво усмехнулась Герда. — Все равно не понимаю, почему вы здесь.

— Хочу за тобой присмотреть. Они же дев любят, — любезно пояснил Николя.

— И?

— Ты дева.

— Так они же красивых любят.

— И?

— Как вы себе это представляете? Бессмертный сын древнего бога заявится сюда и начнет меня околдовывать? Бред это. Зачем ему такая ничтожная серая мышка, как я? Вы лучше к Майли сходите. У нее шансов Ходока привлечь гораздо больше.

Николя усмехнулся.

— Бессмертный сын древнего бога? Ну-ну, похоже, он тебя уже околдовал! А Майли и без меня есть кому охранять.

— В смысле?

— Финист спит в ее комнате. Ты не знала?

Герда моргнула. В этом не было ничего удивительного, но все равно неприятно. У Майли все складывается как нельзя лучше, а у нее... Герда перевела взгляд на соломенный тюфяк. В голове тут же созрел каверзный план, как отплатить Николя за все неловкие

моменты, что он ей доставил.

— Мы могли бы пойти к вам в комнату. У вас большая кровать. Вам бы не пришлось спать на полу, — предложила она с самым невинным видом.

Николя выпучил глаза прямо как Финист накануне. Герда мысленно похлопала себя по плечу — получилось выбить его из колеи хотя бы ненадолго. Однако он быстро нашелся:

— Я не буду спать с тобой в одной кровати. А вдруг ты пинаешься?

— Да ну вас, — пробурчала Герда и, отвернувшись к стене, попыталась заснуть.

Вначале попробовала считать баранов. У них как назло обнаруживалось лицо Николая, поэтому она решила перейти на козлов, но и тут ничего не вышло. Козлы оказались похожими на Финиста. В конце концов Герда снова повернулась к Охотнику. Тот продолжал глядеть на нее, посверкивая глазами в темноте.

— Я так не могу! — простонала Герда.

— Спи, — шикнул Николая.

— Не могу, когда вы на меня так пялитесь.

— Я не могу отвернуться, иначе Ходок похитит тебя прямо у меня из-под носа.

Герда застонала еще громче.

— Просто не обращай внимание.

— Не могу!

— Я же могу не обращать внимания на Финиста.

Герда только хотела ответить, что думает по поводу их склок, как вдруг что-то громко постучало в окно.

Герда подалась вперед, чтобы разглядеть, что могло произвести такой шум. Николая поднялся следом.

“Впусти меня, — прозвучал в голове тихий вкрадчивый голос. Она подошла к окну и уставилась в ночную тьму. — Открой окно. Я расскажу дивную сказку. Таковую ты точно нигде больше не услышишь, — продолжал уговаривать некто невидимый. — Там будет и свобододлюбивая дева, и всемогущий повелитель ночи, и благородный воитель, и Мертвый ветер, который губит все на своем пути”.

Герда сдавленно выдохнула и завороченно прошептала:

— Мертвый ветер.

Рука сама потянулась к щеколде, на которую запиралось окно. Прямо за ним было ее видение: черный всадник, тот самый Мертвый ветер, только на этот раз точно настоящий, а не...

— Герда! — услышала она Николая словно сквозь воду, но не повернулась, продолжая тянуться к окну.

— Герда! — в голосе Охотника появились нотки страха и отчаянья. Она не реагировала. Зачем? Он на нее накричал, напугал, обидел, разочаровал. А за окном ждал тот, кого она искала всю жизнь.

— Л'хасси! — вдруг прошипел Охотник. Герда широко распахнула глаза. Нет никакого всадника, а в окне лишь отражение Николая! Пораженная, она пошатнулась. Охотник подхватил ее здоровой рукой.

— Открой окно и отойди в сторону, чтобы я тебя не коснулся, — прошептал над самым ухом.

— Но...

— Будь смелой. Он тебя зовет, значит, и впустить его сможешь только ты, — подбодрил



Одеяло снова зашипело. Финист удивленно вытаращился.

— Кошки за окном. Кажется, сезон свадеб начался на месяц раньше, — “Что я несу?” — думала про себя Герда. Единственным желанием сейчас было взять что-нибудь тяжелое и сравнить демоново одеяло с полом.

— Так я останусь? — с надеждой спросил Финист.

— Не стоит. Я уже давно не боюсь спать одна, — сейчас Герда уверилась, что одной спать намного безопасней.

— И все же я... — начал Финист, но тут в дверях появилась заспанная Майли.

— Почему ты ушел? — капризно спросила она. — Мне снова приснился кошмар, а тебя не было рядом. Я так перепугалась. Ах...

Майли картинно бухнулась в обморок, причем сделала это настолько неестественно, что Герда прикрыла лицо рукой, прячась от творящегося вокруг абсурда.

— Вот видишь, Майли твоя помощь нужнее чем мне, — веско заметила она, подталкивая Финиста к его ученице. Тот недовольно поморщился, но все же поднял Майли на руки и понес в ее комнату. Герда закрыла дверь и облегченно выдохнула.

Николя наконец вылез из-под одеяла.

— Напомни мне сделать на твоей двери защелку, — недовольно сказал он, поправляя одежду.

— Обязательно. Тогда я смогу запираяться даже от вас, — обрадовалась Герда.

— Тогда я просто выломаю дверь, — поспешил разочаровать ее Николя.

— Так... это и был Ходок? — спросила Герда, поняв, что Охотник собрался уходить.

— Думаю, да. Он превращает людей в сомнамбул и заставляет ходить во сне.

— Так это был сон?

Николя пожал плечами и направился к окну.

— А если он опять заявится? — упорствовала Герда.

— Этот точно не заявится.

Охотник поднял с подоконника мертвую летучую мышь.

— А если есть другие?

— Я договорился с местными. Завтра мы выжжем тот склеп и все старое кладбище. Ходоки больше не появятся.

— Но кладбища разорвать нельзя! — ужаснулась Герда.

— Мы оставим большую жертву. Десяток оленей, лошадей и овец, еще кое-что из еды и одежды. Дикую Охоту это должно удовлетворить.

Герда опустила голову. Неправильно это. Если бы кто-то посмел разорить отцовскую могилу, она бы... ничего не сделала, потому что никогда об этом не узнает.

— Лучше разрушить одно кладбище, чем потом строить другое, — бросил на прощанье Охотник. — И можешь поспать подольше. Сегодня занятий не будет.

— Но... — крикнула вдогонку Герда, но дверь уже захлопнулась за его спиной. — Вы ведь тоже совсем не спали.

## ===== Глава 21. Тайный поклонник =====

Через несколько часов Герду разбудил Эглаборг.

— Мастер Финист сказал, что вы плохо спали, поэтому я решил вас немного побаловать, — широко улыбаясь, целитель протянул ей поднос с чашкой кипяченого молока

и овсяным печеньем.

— Спасибо, но право же, не стоило беспокоиться, — ответила она, макнув край печенья в молоко. — Мастер Николя уже вернулся?

— Нет, он ушел рано и сказал, что его не будет весь день.

Герда понурилась.

— А Финист тоже ушел?

— Да. Переживает из-за грядущей проверки. Не дал даже мастеру Вожыку с госпожой Майли завтрак доесть — повел обоим заниматься с утра пораньше. Они, наверняка, тоже до вечера не вернуться.

— Тогда... может, я помогу вам по хозяйству?

— Не стоит. У меня в последнее время и так от помощников отбоя нет, а вам действительно отдохнуть надо. Когда еще такая возможность представится? Я ведь знаю, как мастер Николя обычно со своими учениками занимается. Пока все соки не выжмет, не отстанет.

— Да, он очень требовательный, — Герда отвернулась и всхлипнула, нехотя вспоминая вчерашний урок. Николя обвинил ее во лжи... А потом забыл, словно ничего и не было. Может, ей на самом деле просто показалось?

— Не сердчайте. Он просто переживает сильно, хоть виду не подает, но я-то знаю.

Герда, не поворачиваясь, кивнула, погруженная в свои мысли.

— Отдыхайте, — Эглаборг ушел и закрыл за собой дверь.

Герда провалялась в кровати еще с полчаса, потом встала, оделась и вышла на улицу, желая хоть чуточку проветриться. Прошла через двор в конюшню. Почувяв ее, Яшка приветственно заржала. Остальные лошади тоже с любопытством выставили морды из денников. Герда надела на свою кобылу недоуздок и вывела погулять в загон.

Яшка пребывала в замечательном настроении и буквально дышала энергией: описала несколько стремительных кругов вдоль забора, завалилась в снег и, фыркая, принялась в нем барахтаться. Вдоволь накувыркавшись, кобыла подскочила и ринулась к хозяйке, обдав холодной лавиной. Герда весело рассмеялась, отряхиваясь, украдкой слепила снежок и запустила в негодицу. Кобыла взбрыкнула задними ногами и помчалась прочь, замерла, почувствовав, что за ней никто не гонится, и, крадучись, пошла обратно. Герда слепила новый снежок и спрятала за спину, когда Яшка подступила совсем близко, лихо бросила его в лошадиный круп. Кобыла взвизгнула и снова обсыпала хозяйку с ног до головы.

Забыв обо всем на свете, они носились друг за другом, пока Герда вконец не вымокла и запыхалась. Сердце бешено колотилось в груди, но было так весело и легко, что уходить совсем не хотелось. Почему с людьми настолько тяжелей, чем с животными? Ведь у них столько слов, столько смыслов они могут выразить и голосом и в книгах, а все равно закрываются друг от друга, лгут, изворачиваются. Здорово бы было читать чужие мысли как книги вместо дурацкого отражения. Именно этого Герда всегда хотела.

Она помахала Яшке и вернулась в дом. Разложив одежду сушиться возле камина, поднялась к себе, взяла с тумбочки дневник Лайсве и уселась на кровать. Герда не заглядывала в него с самого их перехода через пещеру Истины. Времени не хватало, да еще уроки с Николя. Они действительно всю душу выматывали — ни на что больше сил не оставалось. Герда только сейчас осознала, насколько устала. Ничего, сегодня она хорошенько отдохнет, как советовал Эглаборг, а завтра... как-нибудь само решится — лучше об этом не думать.

Герда перелистывала страницы, медленно погружаясь в чужую жизнь, перевоплощаясь в невероятную женщину, чьей уверенности и задора ей так не хватало:

“Мы, наконец, достигли Упсалы. Многодневный переход по Лапии подошел к концу. Теперь перед нами раскинулось обширное Утгардское плато, которое нужно преодолеть до Йольтайда, чтобы успеть вернуться, пока льды между Мидгардом и Хельхеймом не растаяли и червоточина не оказалась отрезанной от континента. Тогда либо придется ждать год, пока океан снова не замерзнет, либо умирать от холода в ледяной пустыне. Но Вейас, как всегда, беспечен.

Мы остановились у жителей холмов. Мой брат сильно приглянулся длинноволосой деве, той самой, что мы спасли от ненниров у пещеры Истины. Вульгарная особа буквально вешается ему на шею, даром что наследница престола. Венценосный папаша из кожи вон лезет, чтобы сосватать ее Вейасу. Конечно, ведь брат — будущий глава Стражей Белоземья (Герда слышала, что Белоземьем называли ее родной край до того, как он присоединился к Веломовии). Жители холмов готовы даже закрыть глаза на человеческое происхождение, лишь бы заполучить его расположение. Только вот сестричка его, кажется, им совсем не к месту пришлась.

Я вообще-то не навязывалась — хотела остановиться на постоялом дворе вместе с нормальными людьми, а не с остроухими выскочками, но Вайс заупрямился. Бойтся, что там меня погоня обнаружит. Иногда я думаю, что лучше бы так и случилось. Больше, чем уверена, с амулетами из Кишно мне запросто удастся их провести. (Что за амулеты, Герда не знала. Непонятные названия проскакивали в дневнике Лайсве довольно часто. Ничего удивительного. Наверняка, женщина писала для себя и не предполагала, что много лет спустя кто-то станет пристально изучать ее записи). Так или иначе, там явно было бы веселее, чем здесь.

...

Сбежала. Нет сил объяснять этому олуху, что на него расставили капкан, который он в упор не замечает из-за своей щенячьей любви. Пусть разбирается сам, а я пока поживу на постоялом дворе. Люди здесь, кажется, приличные. Как-никак, один из самых больших городов в северном захолустье. А благодаря короткой прическе и мешковатой походной одежде вряд ли кто признает во мне женщину. Поживу пару дней, пригляжусь, может, что придумаю. В конце концов, я всегда знала, что наши с Вейасом дороги разойдутся.

Если быть до конца откровенной, то решила я не сама. Помог новый знакомый. Встретила его, пока проветривалась на пустошах за городом. Он очень даже мил и элегантен, а какой у него голос! Только послушайте меня. Пишу, прямо как влюбленная дурочка. А вдруг это правда? Нет! Чтобы я, Лайсве Веломри, вот так взяла и влюбилась?! Не может этого быть!

...

Что-то мне не по себе. И сильно. Предупреждали же на глаза людям не показываться, а нет — на приключения потянуло. Сидела бы в комнате тихо, и все бы было хорошо, а теперь... Но, может, это всего лишь мнительность?

Спустилась вечером в обеденный зал — хотелось поесть по-человечески, а то я уже забыла, как вести себя в обществе. Села с краю, заказала фаршированный грибами окорок с кружкой эля... ну чтобы выглядеть солидной. В мужской одежде все-таки. А за соседним столиком сидели эти трое.

Ищейки, по крайней мере, очень похожи. В черных плащах. Двое совсем молодых —

всего на пару лет нас с Вейасом старше. Один явный франт, рыжий, курчавый, держится нарочито высокомерно. Второй вроде поскромнее, тихий, неприметный. Третий постарше — явно за двадцать. Здоровенный, головы на полторы меня выше, волосы короткие и жесткие, как копна соломы. А ручищи-то! Огромные, мозолистые, как будто только от сохи.

Не знаю, что меня дернуло к ним подойти. Хотя сейчас уже догадываюсь. Протянула им кружку и, смеясь так, словно уже захмелела, предложила выпить и произнесла несуразный тост. Они вроде тоже развеселились, охотно стучались кружками, травили байки.

— Откуда, ребята? — набравшись наглости, спросила я. — Издалека?

— Из Белоземья. Мастер невесту беглую разыскивает, — ответил здоровенный и кивнул на франта. — Она прямо из-под венца удрала, даже разглядеть толком не успели. Стыдно теперь одному домой возвращаться. Да и отец с него три шкуры сдерет.

— Какого демона ты все это рассказываешь? — с негодованием укорил его франт. Я усмехнулась и хотела уже уйти, но здоровяк схватил меня за руку, развернул к себе и уставился кристально-голубыми глазами так, что казалось, вот-вот проглядит на голове дырку.

— Может, вы нам поможете? — по его лицу растеклась недобрая ухмылка. — Она такая невысокая, тощая, белобрысая. Прямо как вы. С братом путешествует. Не видели?

Попыталась вырваться, но он поднялся и навис, положив свою ручищу мне на лоб. Только тогда поняла — он пытается меня прочесть! Демонов телепат! Амулет на груди раскалится и жег кожу. Я сомневалась, что он выдержит такое воздействие. Демоны, я боялась, что не выдержу раньше! Помощь пришла, откуда я совсем не ждала — в зал вихрем влетел мой новый знакомый и буквально силой вырвал меня из лап здоровяка.

— Оставьте паренька! Он со мной, — рыкнул на него мой герой. Боги, какой у него голос! Его просто нельзя слушаться. Но здоровяк остался глух. Может, ему медведь на ухо наступил? Телепат смотрел так, словно собирался вцепиться ему в глотку на глазах у всего честного народа. Наверное, и вцепился, если бы вовремя не вмешался франт.

— Микаш, сядь! — властно сказал он. — Чего к голубкам привязался? Сомневаюсь, что они что-то знают. Сомневаюсь, что хоть кто-то в этой демоновой дыре что-то знает.

Здоровяк поджал губы, но прежде, чем отпустить, склонился к самому уху и едва слышно прошептал:

— Берегись.

Потом вернулся за стол. Я стояла совершенно обескураженная, но мой герой взял меня под руку и увел в темный угол, где был свободный стол. Там мы скоротали вечер за неспешной беседой. Наверное, со стороны действительно выглядели, как голубки, но это нас совсем не смущало. Да, Лайсве, признайся, ты влюбилась, окончательно и бесповоротно!”

За окном раздался шум. Герда отложила дневник и встала, все еще находясь мыслями в прочитанном. Как же Лайсве повезло найти любимого мужчину. Наверняка, они вскоре поженились и жили долго и счастливо. Хотя, нет. Ее привидение витало над Будескайском. И судя по всему, умерла она задолго до Петраса. Тогда хотя бы просто счастливо. Уж лучше короткая жизнь влюбленного в огонь мотылька, чем медленная агония, когда ты осознаешь, что безразлична или даже раздражаешь того, кто тебе нравится. “Клещик-пищалка”, — не уставала напоминать себе Герда, когда чувствовала, что утопает в собственных грезах о любви и сказочных героях. Мечты никогда не должны пересекаться с реальной жизнью, иначе они умрут, как лживые миражи, и стремиться будет уже не к чему. Но до чего же трудно не думать о черном всаднике, который никогда не желал встречаться с ней. И даже



не вспоминал.

Шум не прекращался. Герда выглянула в окно. В закатных сумерках к усадьбе спешили четверо: Майли, Вожык и Финист с Николая. Собственно, весь шум производили последние двое. Хотя Герда не могла разобрать слов, но судя по тому, как бешено размахивал руками Финист, они снова ссорились. Николая был по обыкновению сдержан, но даже отсюда Герде было заметно, как в уголках губ мелькали клыки — явный признак того, что Охотник злился.

Николя резко взмахнул рукой и указал Финисту на дом, а сам быстро зашагал прочь. Герда тяжело вздохнула и отвернулась. Почему эти двое не могут жить мирно?

Она встретила Финиста в гостиной. Он, Майли и Вожык только переоделись после занятий.

— Что случилось? — сдержанно поинтересовалась Герда. — Я видела, как ты ругался с мастером Николая.

— Как будто это в первый раз, — не удержалась от едкого замечания Майли.

Финист на нее даже не посмотрел. Вместо этого повернулся к Герде и грустно улыбнулся.

— Он помешал нам заниматься. Сказал, что уже поздно и погнал нас домой. Какое ему дело, поздно или нет? Мы уже давно не дети. Из-за него даже к проверке не смогли подготовиться как следует.

— Мастер Николая нас просто спас, — перебила его Майли. — Мы чуть не умерли от всех этих... сосредоточься, войди в транс, призови духов предков. Финист уже нас на кладбище тащить собирался, когда он пришел. Меня на кладбище, ты можешь себе представить? — Майли явно пыталась разговаривать с ней, как с подругой, но выходило очень неуклюже.

Герда не знала, что ответить и перевела взгляд на Вожыка. Тот пожал плечами:

— Я бы еще позанимался. У меня почти получилось управлять огнем.

— Врешь ты все, — сдала его Майли. Вожык понурился.

Герда удивленно моргнула. Так у него тоже проблемы с обучением? Бедный мальчик! Надо его подбодрить, ведь она прекрасно понимала, насколько ему сейчас должно быть неприятно и обидно.

— Да и чего бухтеть? Все равно проверку отменили, — многозначительно добавила Майли и пошла к себе.

— Правда, отменили? — спросила Герда у Финиста. Он коротко кивнул.

— Только от этого ничуть не легче. Такое чувство, что Охотник меня за идиота держит. Ты бы видела, как он со мной разговаривал! Как будто я недотепа, слизняк и даже хуже.

— Ты преувеличиваешь, — неуверенно ответила Герда и оглянулась на Вожыка в поисках поддержки. Мальчик лишь пожал плечами и пошел наверх вслед за Майли.

Ужин прошел сравнительно тихо. Николая так и не явился. Герда только зря вздрагивала от каждого шороха, ожидая, что он вот-вот вернется. Когда все разошлись спать, она с трудом заставила себя подняться в свою комнату.

Сон не шел. Снедало беспокойство. Пролежав полчаса с открытыми глазами, Герда взяла со стола дневник и принялась читать, надеясь, что это ее усыпит. Лайсве красочно описывала своего любимого, сравнивая то с гордым орлом, то с могучим дубом. Забылись и страх перед ищейками, и обида на брата. Лайсве даже познакомила последнего со своим ухажером. Он произвел на Вейаса должное впечатление. Впрочем, Лайсве не сомневалась в неотразимости своего возлюбленного. Она настолько увлеклась, что даже решила отказаться

от поездки — таинственный незнакомец предложил погостить в его обители и намекнул на скорую свадьбу.

Такой оборот немало смутил Герду. Лайсве так сильно хотела увидеть Хельхейм, а потом так легко отказалась от этой своей мечты. Конечно, любовь, особенно если это истинная любовь, любовь всей жизни, важнее какого-то путешествия, но почему приходится делать такой нелегкий выбор? Почему нельзя получить сразу все? Если она действительно дорога своему поклоннику, почему он не понимает, как это важно для нее?

Герда так разволновалась, что еще раз вернулась к записи, где описывалась их первая встреча. Такая неправдоподобно счастливая. Даже памятная встреча с Охотником в детстве не оставила настолько радостных воспоминаний. К ним все равно примешивалась смутная тревога и печаль. Хотя, может, это от того, что сейчас с Николая все так запутано.

На лестнице раздались шаркающие шаги. Герда отложила дневник, накинула на плечи шерстяной платок и вышла из комнаты. Николай открывал дверь своей спальни. В темноте Герда не смогла разобрать лица, но отчетливо слышала тяжелое дыхание.

— Почему не спишь? — вместо приветствия глухо спросил он.

— На новом месте сон всегда тревожный, — пожала плечами Герда и последовала за ним в спальню. — А как вы?

— Все в порядке. Мы подняли плиты под алтарями в склепах — на кладбище обнаружилось еще шесть — и спалили то, что пряталось внутри. Больше Ходоки нас не потревожат.

— А Дикая Охота?

Николай отвел взгляд, но все же начал рассказывать, просто потому что надо было выговориться:

— Никогда не видел, чтобы мертвяки так бушевали. Мы оставили на кладбище большую жертву, но даже она не остудила их пыл. Все кружили возле пепелища, посверкивали гневными взглядами. Ярились. Уже и на город собрались идти. С трудом удалось в сторону леса отвернуть. Чуть было не утащили с собой одного из наших верховых. Зачаровали его вместе с конем, чтобы мчал следом. Всадника пришлось сбить на землю арканом и привязать, а конь унесся за Охотой. Будет теперь мертвяка на себе возить.

Николай замолчал, чтобы перевести дух, да так и не собрался с мыслями, чтобы продолжить.

— Она больше не вернется, Охота? — участливо спросила Герда, ощутив, что пауза неприлично затянулась.

— Вряд ли, — задумчиво ответил он. — Главное, чтобы она никакой дряни на хвосте не притащила.

— А она может? — поежилась Герда, пытаясь представить что-то более мерзкое и страшное, чем Ходок.

— Она все может.

Николай запалил свечку. Только тогда Герда заметила, каким измученным он выглядит.

— У вас кровь, — переполошилась она, заметив, как с его запястья на пол падают багровые капли. — Наверное, шов разошелся. Я позову Эглаборга.

— Не стоит, уже поздно, — отмахнулся Николай и направился к кровати.

— Тогда давайте я хоть ее промою, — не унималась Герда, и Охотнику пришлось согласиться.

Она быстро сбегала за тазиком с кипяченой водой, чистой перевязкой и заживляющим

раны снадобьем, которое показывал целитель. К тому времени, как она вернулась, Николая уже снял рубашку и размотал руку. Шов действительно разошелся, но не до конца. Может, все-таки удастся обойтись без Эглаборга. Герда аккуратно промыла рану, стараясь не разбередить ее больше. Николая протянул ей флягу с мерзким пойлом.

— Не хочу, — наотрез отказалась она.

— Я и не предлагаю, — криво усмехнулся Охотник. — Полей на рану. Так лучше заживать будет.

Герда пожалала плечами, но сделала то, что он просил. Прозрачная жидкость попала на кровоточащую плоть и тут же вспенилась. Николая зашипел и поморщился:

— Теперь можешь замотать.

Герда обернула рану широкими листьями придорожной травы, а сверху забинтовала свежей перевязкой.

Когда все было готово, Герда собрала остатки материи, чтобы отнести их вниз. Николая тяжело осел на табурет у стола и молча уставился вдаль. Его спину покрывал толстый слой перемешанной с потом пыли. Не поняв толком, что делает, Герда намочила в воде кусок материи и принялась осторожно стирать грязь с его плеч. От неожиданности Николая вздрогнул, резко развернулся и посмотрел на нее широко распахнутыми глазами.

— Что ты делаешь? — спросил он охрипшим голосом.

— Я просто подумала, — стало так неловко. Герда не понимала почему, ведь ничего предосудительного она не делала. — Вы перепачкались, а умываться одной рукой тяжело...

Он продолжал напряженно всматриваться в ее лицо. От пронзительного взгляда по щекам растекся пекущий румянец.

— Если вам не нравится, я могу перестать, — в конец смутилась она.

Николая открыл рот, но ничего не произнес — протянул руку и заправил ей за ухо упавший на глаза локон. Герда не могла сказать точно, сколько они таращились друг на друга в странном оцепенении. Глаза начало щипать, но она боялась, что если хоть на мгновение смежит веки, то сковавшее их пленительное ощущение исчезнет, и все станет как прежде. Но она не вытерпела первой: моргнула и облизала пересохшие губы. Николая сдавленно выдохнул и отвернулся.

— Продолжай, — едва слышно произнес он.

Герда дернула головой, чтобы отогнать наваждение, и снова принялась стирать со спины грязь. Забавно было наблюдать, как под кожей перекачиваются мышцы в такт дыханию и как Николая невольно напрягается, когда материя попадает на особенно чувствительные места. Закончив со спиной, Герда перешла к груди и только тогда заметила, что Охотник сидит с закрытыми глазами. Это было к лучшему, потому что еще один такой взгляд она бы вряд ли выдержала. Ткань коснулась ключицы. Вниз на живот стекло несколько капель. Николая не сдержался и зашипел, но глаза все же не открыл. Герда внимательно посмотрела на лоскут в руке. Обычная вода. На что он так реагирует?

Она сложила ткань в тазик и тихо произнесла:

— Я закончила.

Николая открыл глаза и посмотрел на нее снизу вверх. Опять так странно и томно, что даже дышать стало тяжело. Он взял ее руку и поднес к губам:

— Спасибо.

Герда невольно сглотнула. Поцелуи Финиста были в десять раз лучше этого! От них, по крайней мере, не бросало то в жар, то в холод. А самым противным было то, что она

совершенно не понимала, что происходит. С виду все так невинно, а на самом деле...

— Ну так я... — не хватило дыхания закончить фразу. — Я пойду.

— Да, так будет лучше, — задумчиво ответил он, не выпуская ее руку.

— М-мастер Николя, — позвала Герда, но голос предательски сорвался.

Охотник по одному разжал пальцы. Она плавно выскользнула из его хватки и подошла к двери.

— Спокойной ночи, — пожелала с порога. — И вы обещали сделать на моей двери защелку, не забыли?

Николя громко поперхнулся и закашлялся.

— Не забыл, — прокричал он, приходя в себя.

Герда коротко кивнула и вышла за дверь. Как же сейчас хотелось прочитать его мысли, хоть самую малость, только чтобы понять, что все это значило!

\*\*\*

Следующий день выдался на удивление спокойным. Но Герду не покидало ощущение, что это затишье перед очередной бурей. Как всегда в восемь они позавтракали, а в девять, когда начало светать, Николя повел ее на занятие. Новое место находилось у самой опушки леса, но здесь хотя бы не было кладбищ со склепами, внутри которых ютилось древнее зло. По крайней мере, так утверждал Николя.

Начали как всегда с дыхательных упражнений, а потом Охотник захотел закрепить прошлый успех. Герда никак не могла взять в толк, какой.

— Ты отклонила мою снежную бурю, — терпеливо напомнил Николя.

Герда ошарашено глянула на него. Он что, издевается?

— Какую бурю? Я же не справилась. Вы еще накричали на меня, забыли? — попыталась отговориться она, но Охотник остался непреклонен.

— Это было после. Я создал бурю вокруг тебя, а ты ее пробилла. И даже не заметила.

— Это была не я. Я не могла.

— Но ты это сделала. Осталось только повторить. Становись.

Герда со страдальческим видом заняла позицию. Как и в прошлый раз Николя закидывал ее снежками, а она могла только стоять как истукан и зажмуривать глаза, когда снежные комья летели прямо в лицо.

— Вспоминай, что ты делала в прошлый раз, — Николя стремительно терял терпение. — Или мне опять придется повысить голос.

Герда вжала голову в плечи, вспоминая, как жутко он кричал на прошлом занятии. Так горько и обидно было слышать, что она его разочаровала. И сейчас продолжает разочаровывать, потому что слаба и ни на что не способна. Почему он так уверен, что его бурю разбила именно она? Что же тогда произошло?

— Если ты не сделаешь хоть что-нибудь, я умываю руки. Пусть с тобой занимается Финист, а я выберу другого, более старательного ученика, например, Майли.

Герда выпрямилась и пораженно уставилась на него, не заметив даже, что обстрел прекратился.

— Да-да, уверен, какой бы неженкой Майли ни была, она не станет так ныть и убегать, столкнувшись с первыми же трудностями.

С земли медленно, чтобы Герда могла хорошо рассмотреть, поднялся большой идеально круглый ком.

— Можешь считать это последней попыткой, — небрежно бросил Охотник.

Снежный шар помчался, целясь прямо в лицо. Но приблизившись вплотную, он поменял направление и мазнул в нескольких пальцах над макушкой.

— Наконец-то, — оживился Николая.

Герда удивленно моргнула. Она была уверена, что абсолютно ничего не делала.

— Давай еще раз для уверенности, — азартно воскликнул Охотник.

В воздух тут же поднялся новый ком. Прежде чем Герда успела хоть что-нибудь сообразить, снег залепил ей рот и глаза. Она закашлялась.

— Ну, пожалуйста, — взмолился Николая. — У меня уже на гадости фантазия иссякла.

Герда отерла лицо и закусил губу в задумчивости. Внутри яростно полыхнуло негодование. Так все его крики и угрозы тоже были обманом?! Он преднамеренно играл ее чувствами, чтобы заставить пользоваться даром. Даже Майли не погнушался приплести! Это нечестно... Подло!

— Сосредоточься.

В нее друг за другом направилось еще три снежка. Ни один из них она не отклонила, зато четвертый пролетел мимо, чуть чиркнув по краю плаща.

— Молодец! — не поскупился на похвалу Николая, поднимая в воздух очередную порцию снежных комьев.

Четыре она пропустила, но пятый промчался достаточно далеко. Потом еще два больно ужалили в щеку, а третий упал, не долетев. Герда начала понимать, что к чему. Надо думать, что это не игра, все очень серьезно, от этого зависит... если не все, то очень многое. И у нее получится, не может не получиться, потому что она уже это делала несколько раз.

Николя увеличивал темп. Она не успевала переключаться так быстро и против собственной воли принялась увертываться, но снежки настигали все чаще, словно преследуя. Герда попробовала отклонять их, одновременно перебегая с места на место, и неожиданно обнаружила, что так намного легче. Она, наконец, согрелась. Говорят, кровь закипает в жилах. Именно это Герда испытывала сейчас. Пьянящий азарт заставлял действовать в такт бешено колотившегося сердца. “Дышать ровно, сосредоточиться”, — напоминала она себе, и легко, словно танцуя, отражала четверку снежков.

— На сегодня, пожалуй, хватит, — удовлетворенно сказал Николая.

Герда остановилась, пытаясь перевести дыхание, но неожиданно почувствовала, что ноги подкашиваются. Охотник тут же подхватил ее на руки.

— Похоже, мы перестарались, — мрачно заключил он, присаживаясь на подстилку и укладывая Герду себе на колени.

— Я не справилась? — надтреснутым голосом спросила она. Николая снял рукавицу и приложил ладонь к ее щеке. Сразу стало легче.

— Справилась. Просто ты еще не умеешь трезво оценивать свои силы. У каждого из нас есть предел. Чтобы развивать свой дар, нужно всегда работать на этом пределе, но не переступать его. Иначе можно истощить себя настолько, что даже такой опытный целитель, как Эглаборг, не сможет помочь.

— Что же делать?

— Учиться. Прислушиваться к себе. Найти ту черту, за которую нельзя переходить. К сожалению, в этом я помочь не смогу. Только ты знаешь предел своих возможностей.

— Пока я даже не знаю толком, что это за дар.

— Узнаешь. На все нужно время.

Разговор прервал громкий заунывный вой, донесшийся со стороны леса. По спине

пробежали мурашки. Герда резко поднялась и посмотрела в сторону, откуда шел звук, потом перевела взгляд на Николая. Он тоже неотрывно следил за деревьями.

— Демоны? — испуганно спросила она.

Охотник коротко кивнул.

— Оставайся здесь.

Он поднялся и, вынув меч из ножен, стремительно двинулся к лесу.

Неведомая тварь уже уходила. Герда явственно ощущала, как демоническая аура тает. Только бы Николай не бросился в погоню, забыв об осторожности. Герда безотрывно наблюдала за ним, нервно заламывая руки. К огромному ее облегчению, Охотник лишь коротко потоптался на опушке, опустил на колени, что-то внимательно изучая, и пошел обратно.

— Что-то нашли? — спросила Герда.

— Следы. Как рысьи — тварь шла по глубокому снегу и не проваливалась. Но этот вой... На рысь совсем не похоже, — встревожено ответил Николай. — Надо будет поискать в библиотеке или спросить у местных.

— Наверное, это гулон, — подсказала Герда. — Он похож на рысь, только крупнее, и издает звуки, похожие на вой.

Николай ошалело уставился на нее:

— Откуда ты?..

— Из книжек. После того, как меня спас один Охотник, я решила прочитать о демонах все, что только можно. Мне казалось, что так я смогу лучше его понять. Узнать, почему он не вернулся за мной, как обещал.

Николай ничего не ответил. Герда потупилась. Зря она это сказала. Сейчас она напоминала себе Майли, которая вечно корила Финиста и этим делала только хуже. Конечно, обидно, что Николай пренебрег их давним знакомством, но лучше находится рядом и терпеть его холодность и отчуждение, чем думать, что он умер.

— Пойдем, я отведу тебя домой, а потом попытаюсь выяснить про твоих гулонов, если это, конечно, они, — после затянувшейся паузы объявил Николай и взял Герду за руку.

Дома они оказались раньше обычного. Охотник сразу ушел к таинственным “местным жителям”, оставив Герду в одиночестве. От нечего делать она направилась в библиотеку разыскать что-нибудь полезное.

Нужная книжка обнаружилась достаточно быстро. Точно такая же, как та, что она читала дома — “Легенды и предания старого Севера”. Отрывок, посвященный гулонам, был сравнительно небольшой, но очень любопытный:

“Гулоны живут скрытно в тенистых чащах горных северных лесов. Известно о них не так много, потому что они очень редко показываются человеку. Атакуют сверху — прыгают с деревьев на спину ничего не подозревающей жертвы. Но питаются в основном падалью. Полностью обгладывают труп. Едят до тех пор, пока их не начнет выворачивать наизнанку.

Живут исключительно поодиночке и в стаи не сбиваются даже при угрозе голода, потому что на дух друг друга не переносят. По двое собираются лишь в период спаривания — раз в три-четыре года, а потом снова расстаются. Когда какой-либо собрат ненароком забредает на их территорию, предупреждают его воем, чтобы убирался прочь, иначе драки не миновать. Как правило, они уходят, потому что крайне трусливы.

Случаи нападения на людей очень редки. Еще реже они выходят к людским жилищам и вступают в открытое противостояние. Единственный такой случай был описан в “Хронике

Лапии” во время битвы с горными троллями”.

Рядом с отрывком изображалось свирепое клыкастое животное, похожее на рысь и росомаху одновременно.

Герда принялась искать еще что-нибудь об этом демоне. Библиотека ведь такая большая, возможно, здесь даже есть копия упомянутой в книге старинной хроники.

Во входную дверь постучали. Эглаборг, видно, хлопотал по хозяйству на улице, потому что никто не открыл. Стук стал настойчивей. Пришлось отложить книги и самой встречать гостей.

На пороге оказалась розовощекая Анка.

— Привет! Решила проведать свою одежду. Можно? — шутя, спросила она.

Герда не замедлила пригласить ее в дом.

— Как твои дела, рассказывай, — нетерпеливо расспрашивала Анка, пока Герда угощала ее компотом с булочками, которые Эглаборг так удачно оставил на кухонном столе.

— Хорошо, — расплывчато ответила Герда, не зная, о чем стоит говорить, а о чем лучше молчать. Дела Стражей всегда были окутаны тайной. Сомнительно, что Николая согласился бы делиться своими секретами с посторонними, пусть даже с такими добрыми, как Анка.

— И все? — удивилась она скудному ответу. — Где же огонь? Где страсть? Где интерес к жизни? Кстати, миленькое платьице. Ты все носишь, что я тебе дала?

Она задавала столько вопросов, что Герда даже слово вставить не успевала.

— Пойдешь завтра на праздник?

На этот раз Герда так удивилась, что даже смогла ответить достаточно громко, чтобы перекрыть ее:

— Какой праздник?

— Ну как же, Имболк. Как можно не знать про Имболк?

— У меня на родине другие праздники, — Герда пожала плечами, но Анка даже не заметила.

— Утром мы будем предсказывать, когда придет весна. А потом готовить праздничный ужин: блины с маслом и лепешки из овсяной муки. И наряжать соломенное чучело невесты. Пронесем его по всем домам, где есть девушки на выданье, а потом уложим в постель из тростника, пригласим наших мужчин и будем плясать всю ночь до упаду. Ну я-то не буду, у меня Гуда и муж, но у тебя нет ни того, ни другого, поэтому ты просто обязана повеселиться за нас обеих.

Герда мечтательно улыбнулась, вспоминая давний праздник в Дрисвятах, когда Николая, тогда еще Николас, пригласил ее на танец.

«Клещик-пищалка», — поспешила укорить себя Герда. Сейчас все совсем по-другому: холодный и расчетливый Николая совсем не тот искренний и благородный юноша, который спас их город от Ловца. Да и был ли Ловец на самом деле, если все остальное — обман?

— Так ты пойдешь? — полюбопытствовала Анка.

— Не знаю, — Герда поникла.

— Почему? — смешно надула губы Анка, обижаясь понарошку.

— Мне не с кем пойти.

— А как же Николая?

Герда пожала плечами. Наверняка, он будет сильно занят, разыскивая гулонов. А даже если и нет, то вряд ли снизойдет хотя до одного танца с ней.

— Тогда приходи одна. Поверь, скучно не будет.

— Хорошо, если мастер Николая разрешит...

— Куда он денется? — усмехнулась Анка. — Тогда до завтра. И надень обязательно то синее платье. Оно очень тебе идет.

Герда кивнула и улыбнулась на прощанье. Может, действительно пойти, чтобы немного развеяться? Дома она всегда пропускала праздники, даже побаивалась их из-за навязчивого внимания Вальдемара, но здесь все должно быть по-другому. Лишь бы Николая отпустил.

Охотник показался во дворе усадьбы на удивление рано — еще солнце сесть не успело. Финист тоже направлялся домой после занятий с Майли, которая едва поспевала за его размашистой походкой. Не глядя друг на друга, мужчины одновременно шагнули к двери и ударились плечами. Финист раздраженно скрипнул зубами. Николая быстро уступил дорогу, слишком уставший, чтобы ругаться из-за пустяков.

Ужин еще не был готов, и все, замученные и хмурые, разбрелись по комнатам. Герда, заметив, что Николая идет в библиотеку, последовала за ним, надеясь поговорить наедине.

— Удалось что-нибудь узнать? — робко поинтересовалась она, когда Охотник обернулся к ней.

— Ничего определенного, — вымотано ответил Николая. — В лесу обнаружилось несколько пар таких же следов. Они вели на северо-восток, но мы не смогли пойти по ним, потому что началась пурга и все занесло.

— Странно, гулоны обычно ходят поодиночке, — хмыкнула Герда. — А местные о них слышали?

— Нет, но вполне вероятно, что они называют этих демонов по-другому.

— Плохо.

— Да.

Повисла неловкая пауза.

— Я вот нашла... книжку. Тут даже картинка есть.

Герда протянула ему томик “Легенд и преданий”, открытый на странице, посвященной гулонам. Охотник быстро пробежался глазами по строчкам.

— Совсем негусто, — хмуро заметил он. Герда указала пальцем на последнюю строчку.

— Здесь говорится, что подробно о нападении гулонов можно прочитать в “Хронике Лапии”. Может, она есть в вашей библиотеке? А если нет, то ее наверняка можно заказать в Дюарле.

Николая невесело усмехнулся.

— Если бы это было так просто. “Хроника Лапии” — древнейший манускрипт, описывавший события, которые привели к объединению Стражей. Единственный ее экземпляр хранился в Великой библиотеке Эскендерии, но Голубые Капюшоны сожгли ее до основания, когда город пал.

— Зачем понадобилось жечь библиотеку? — подобное кощунство казалось абсурдной нелепостью. Никто не может быть настолько зол и глуп, чтобы воевать с книгами.

— Порой книги превращаются в гораздо более грозное оружие, чем меч или сильнейший дар Стражей.

— Чем же они могут навредить? — Герда в задумчивости провела пальцем по истертому корешку. Она прочитала так много, но никогда не находила в них, даже самых страшных, ничего угрожающего.

— Тем, что там может быть написана истина, — Николая сел за стол и достал из ящика



бумагу, перо и чернильницу. — А против истины даже самая надежная защита бессильна.

Герда пожалала плечами и, подойдя к Охотнику, с любопытством выглянула у него из-за плеча. Николая аккуратно копировал изображение гулона.

— Вы до сих пор рисуете? — удивилась Герда. Думала, Охотник забыл о детской забаве, как забыл о ней. Но хоть что-то осталось неизменным.

— Редко. Только если это касается дела, — сухо ответил Николая, подняв рисунок и книгу, чтобы сравнить их, а потом посыпал его песком. — Спрашивай быстрее, что хотела. Не из-за гулонов же ты до сих пор у меня над душой стоишь?

Герда понурилась и отступила на шаг.

— Я беспокоюсь.

— Не стоит. Это мелочи.

— Но...

Стало обидно. Раньше он хотя бы опасность признавал, а теперь говорит так, словно ему все нипочем. Что ж, раз Николая так легко к этому относится, то можно спросить:

— Завтра Имболк, будут танцы. Я бы хотела сходить...

— Ни в коем случае, — последовал не терпящий возражений ответ.

— Почему? — возмущенно воскликнула Герда. Ему, значит, можно в рискованные дела с головой нырять, а ей даже за порог ступить нельзя!

— Опасно.

— Вы же сами сказали, что это мелочи.

— Для меня — мелочи. А неокрепший дар, как у тебя, привлекает демонов. Опасных демонов, с которыми ты справишься не сможешь.

Герда прищурилась. Беспокоится? Что ж, может, это и к лучшему.

— Тогда пойдете вместе. Будете меня защищать.

Николя хмуро уставился на нее. Щеки запылали от прилившей краски. Она произнесла это вслух?!

— Нет времени.

Охотник снова отвернулся к книге и забормотал обрывочные фразы себе под нос:

— Война с троллями... Тролли — это определенно нехорошо.

— Тогда я попрошу Финиста, — не раздумывая, выпалила Герда.

— Нет! — Николая рывкнул так, что со шкафов посыпалась пыль.

Почему?! Ведь он сам признал Финиста хорошим воином. Да, оборотень несколько раз ошибался, но все же у него достанет сил защитить ее на празднике. Или дело вовсе не в этом. Ревность? Быть не может!

— Хорошо, завтра посмотрим, — смягчился Николая после затянувшегося молчания. — Может, у меня получится выделить час на твои танцы.

— Ура! — не удержавшись, Герда бросилась к нему на шею.

— Тише, — осадил ее Охотник суровым тоном. — Только учти, я не танцую.

— Но раньше...

— Забудь, что было раньше.

“Да, конечно, надо забыть, ведь ты совсем не мой искренний и благородный Николас, который мог бескорыстно пригласить глупую провинциальную девчонку на танец, просто чтобы она не грустила одна”.

Финист снова разругался с Майли, причем даже не понял, что произошло. Минуту назад она, лежа вместе с ним в постели, с гордостью хвасталась, что смогла выгнать дух отца из своих снов, а потом вдруг протяжно посмотрела, словно ожидая чего-то. И вроде бы краешком ума он понимал, чего именно, но все же предпочел проигнорировать.

— Ты никогда меня не любил, — сокрушенно сказала Майли, устав от бесполезного молчания. — Скажи, ведь так?

— Да причем здесь?.. — только и смог произнести Финист. Она вырвала из-под его головы подушку и ударила по лицу. Потом отбросила ее в сторону и разрыдалась.

— Что?.. — теперь Финист действительно не имел ни малейшего понятия, какой демон ее укусил.

— Убирайся, — сквозь слезы прошипела она. — Убирайся, а не то я буду кричать!

Финист собрал вещи и вышел за дверь за мгновение до того, как в нее полетела та самая злосчастная подушка.

— Истеричка, — пробормотал он себе под нос и уже собирался вернуться в их с Вожыком комнату, когда заметил движение в конце коридора.

По мягким пружинящим шагам он тут же узнал Николая и спрятался в тени, желая выведать, куда собрался этот хлыщ в такую рань. Охотник спустился по лестнице в прихожую, надел короткий полушубок и меховую шапку, натянул сапоги, поправил притороченные к поясу ножны и вышел во двор. Финист быстро оделся и, стараясь не шуметь, последовал за ним. Охотник вывел из конюшни уже оседланного жеребца, вскочил в седло и направился к лесу. Мгновение Финист стоял в задумчивости: идти или не идти. “Нет, я все-таки выведу тебя на чистую воду”, — по привычке скрипнув зубами, забежал в конюшню, на скорую руку оседлал Золотинку и помчался следом.

Нагнать Николая удалось только в лесу. Звериный нюх пришелся очень кстати. К Охотнику тем временем присоединился всадник в бледном, почти не отличимом от снега плаще. Лицо было скрыто капюшоном, но Финист явно ощущал нечеловеческую ауру.

— Где вы их заметили? — ветер донес обрывок разговора.

— ... чуть западней ручья... Подстрелили одного. Точь-в-точь как на рисунке... За деревьями видели еще нескольких... Двигались очень быстро — мы разглядели лишь мельком... Они опасны?

— Кто знает?.. Почему так далеко ушли от старого места?

— Кочуют в поисках пищи?

— Вряд ли. Не в их повадках... Стой!

Золотинка испугано всхрапнула и попяtilась, ломая ветки.

— Тихо ты! — шикнул на нее Финист.

— Там кто-то есть! — послышался второй голос.

“Попался”, — мелькнула в голове шальная мысль. Финист суматошно придумывал, как будет оправдываться.

— Сам вижу, — ответил Охотник.

И Финист тоже увидел. Странную рассеянную по поляне впереди мелкими пятнами ауру демонического животного, по силе способного потягаться даже с виверной. Финист проверил, как вынимается из ножен меч — хвала провидению, додумался взять оружие.

— Возвращайся и приведи подмогу, — бросил своему собеседнику Охотник.

— А ты? — встревожено спросил тот.

— Продержусь. Их пока немного.

“Их несколько?” — удивился Финист и, присмотревшись, понял, что за деревьями не одна большая аура, а много маленьких, но абсолютно одинаковых. Почему Николая сказал, что их немного, когда на самом деле там больше сотни?

Мимо, поднимая в воздух снежные хлопья, промчался всадник в плаще. Финист дернул головой, вырываясь из зыбкой задумчивости. Надо было посмотреть, в какую авантюру собрался влезть этот идиот.

Финист выехал из-за деревьев и направился к видневшейся в просвете деревьев фигуре, напряженно застывшей в седле перед густыми кустами можжевельника. Стоило подъехать ближе, как уши уловили глухое рычание.

— Какого демона ты тут забыл? — не поворачиваясь, сварливо спросил Николай. Небось, по ауре догадался. — Впрочем, не важно. Проваливай!

Финист хотел возразить, но тут на Охотника бросилась крупная рыжая бестия с приплюснутой медвежьей мордой. Сгустившийся в кулак воздух ударил ее об ствол росшей рядом сосны. Тварь заскулила. Из-за кустов выпрыгнула еще одна. Меч Николая со свистом опустился поперек ее головы. Брызнула темная кровь. Тварь полетела на землю с расколотым черепом. Ее предшественница уже пришла в себя и приготовилась к прыжку. Финист направил Золотинку на нее, свесился набо и ударил, когда тварь была уже в полете. К Николаю подоспела третья — ей сильно досталось от кованых копыт жеребца.

Новая бестия мягко спрыгнула откуда-то сзади. Финист молниеносно развернулся в седле и снес голову прежде, чем она успела вонзить зубы в его затылок. Золотинка от страха попятилась. С ближней сосны обрушился еще один хищник. Финист отрубил когтистую лапу и сбросил скулящую тварь на землю. Кобыла резко развернулась и столкнулась задом с жеребцом Николая, который тоже бежал от превосходящего численностью противника. Но твари оказались проворнее и хитрее: они наступали отовсюду и, образовав вокруг жертв кольцо, стремительно его сжимали.

— Демоны, откуда их столько?! — ошалело спросил Финист, с трудом переводя дух.

Воздушный сгусток шибанул кинувшуюся к ним тварь. Золотинка от страха лягнула еще одну. Финист снова вскинул клинок.

— Какая разница? Обернись птицей и улетай! — крикнул Охотник.

Им обоим приходилось волчком крутиться в седлах, отбиваясь от сыпавшихся со всех сторон хищников. Вдвоем здесь никак не справиться! Финист упрямо скрипнул зубами.

— Я не могу бросить кобылу. Она мне как родная!

— Сейчас тебя вместе с этой родной...

— А тебя что ли нет?

— Это моя работа! А какого демона ты тут забыл?!

Финист продолжил сражаться молча. Он просто не мог оставить самоуверенного болвана на растерзание орды свирепых демонов. Такой трусости он бы никогда себе не простил!

— Давай пробьем брешь и уведем их в узкое место. Там защищаться легче, — предложил Финист, чувствуя, как по жилам тяжелым свинцом растекается предательская усталость.

— Нельзя. Вдруг они не пойдут за нами, а направятся в город? — возразил Охотник, яростным порывом ветра отшвырнув еще с десятков гулонов. Бестии с визгом полетели в снег и тут же оказались под лапами спешивших к центру схватки сородичей.

— Тогда прикрой меня. Я позову подмогу.

— Только быстро, — без лишних слов понял его Николая.

Жеребец закружился на месте, копытами поднимая в воздух стены снега. Николая вихрем поддерживал завесу, укрывая их от неприятеля. Не теряя время даром, Финист набрал в легкие побольше воздуха, выпрямился и завыл по-волчьи. Громко, протяжно, как никогда отчаянно.

Всего мгновение, и Финист вновь принялся сечь стремительно наступавших гулонов. Лошади вытоптали снег до самой земли. Все вокруг покрывали тела поверженных демонов, по которым неслись все новые твари. Лес превратился в колышущееся рыжее море, волнами накатывающее на два несокрушимых и все же терпящих поражение утеса. Вдалеке показались жидкие серые всполохи. К раскатистому рычанию демонов прибавились более тонкие нотки волчьих голосов, но они оказались слишком малочисленны и утонули в бурном потоке. Вместе с ними и надежда.

— Молился сегодня своим богам? — не преминул съязвить напоследок Охотник.

— Я не верующий, — безразлично ответил Финист. Желания менять религиозные убеждения он не испытывал.

— Я тоже, — вздохнул Николая.

Дыхание вырывалось сдавленными сипами и белесой испариной клубилось над головой. По лицу градом катился пот, застилая глаза. Сердце бешено колотилось в груди, набатом отдаваясь в ушах.

Круг сомкнулся до предела. Это конец! От всех отбиться они точно не сумеют.

Финист запоздало раскаялся, что был так резок с Майли. В конце концов, чего стоило слукавить самую малость? Он покосился на Охотника. А уж как Герда будет убиваться! Только непонятно из-за кого больше.

Гулоны клацали челюстями у самых копыт, издеваясь над жертвами. По подбородкам текла голодная слюна. Злобные маленькие глазки мерцали то желтым, то зеленым светом. “Ну, когда же? — отрешенно подумал Финист. — Кончайте, нет сил ждать!”

Издали донесся оглушительный зов. Твари разом наострили уши. Финист недоуменно переглянулся с Охотником. Гулоны развернулись и помчались в сторону звука. Как только последний демон скрылся, они оба обессилено скатились с лошадей и повалились на снег недалеко от вытоптанного места.

— И часто у тебя так? — с трудом приходя в себя, поинтересовался Финист. Николая медленно повернул к нему мертвецки-бледное лицо.

— Бывает, — ответил он, странно растягивая каждый звук. Финист нахмурился и внимательно присмотрелся. Звериный нюх с легкостью выделил из мешанины едкий запах человеческой крови.

— Ты ранен? — встревожено спросил Финист.

Николя медленно поднял руку и посмотрел на поалевшую перевязку.

— Шов разошелся, — безразлично ответил он и закрыл глаза.

— Эй, ты чего? — Финист перебрался поближе и принялся тормошить его за плечи. Не хватало, чтобы после всего болван умер у него на руках.

— Все в порядке. Погоди немного, — Николая открыл глаза и, поморщившись от яркого света, снова их закрыл.

Со стороны дороги донесся скрип снега под копытами. Финист встрепенулся. Хотя аура от пришельцев исходила вполне человеческая, чутье настойчиво советовало быть настороже.

Всадники спешно въехали на заваленную искромсанными трупами поляну.

— Николая! — громко позвал возглавлявший процессию незнакомец.

— Здесь, — сквозь стиснутые зубы откликнулся Охотник.

Всадники заторопили коней. Их было около двух десятков. Все до одного в точно таких же плащах, как у посланного за подмогой товарища Николая. Передовые спешили. Заметив побагровевший снег под рукой Охотника, они очень аккуратно помогли ему встать на ноги и, уступив настойчивым просьбам, усадили на жеребца. Конь в одночасье присмирел, внимательно прислушиваясь к тому, что происходило на его спине.

Финисту тоже предложили помощь, но он отказался. Собравшись с силами, сам вскарабкался на кобылу и поехал в хвосте странного отряда, внимательно вглядываясь в неестественно напряженную спину Николая. Вот идиот. Перед кем только хорохорится? На лице же написано, что вот-вот сверзится. И будет еще хуже!

Один из шагавших впереди всадников о чем-то его расспрашивал. Охотник то коротко кивал, то качал головой, потом сказал нечто такое, что заставило его собеседника надолго замолчать. Финист все бы отдал за возможность слышать, о чем они говорят. Он и сам не понимал, откуда взялось навязчивое любопытство к делам Николая, но инстинкт подсказывал, что нашествие гулонов произошло неспроста. За ним скрывается что-то очень опасное и, скорее всего, Охотник знает, что именно, но делиться догадками не хочет. А ведь он, Финист, мог бы помочь. Он же сражался ничуть не хуже Охотника. Почему этот глупец отказывается принять помощь, даже когда она настолько необходима? Страшно признать, что нашелся кто-то равный ему по силе? Или просто не хочется выдавать свои секреты?

Всадники проводили их почти до самого города, но как только на горизонте показались дома, попрощались и поехали своей дорогой. Николая держался из последних сил. Когда спешился, стало заметно, как сильно его шатает. Но помощи Охотник так и не попросил. Расседлал коня сам и тяжелой походкой направился к дому. Финист поспешил следом, уверенный, что дуралей вот-вот свалится, но до порога Охотник всё-таки доковылял. Дверь распахнулась. На улицу выскочила перепуганная Герда, а за ней Майли с Вожыком. Последним степенно вышел Эглаборг.

— Что случилось? Где вы были? Мы так волновались! — от переживаний голос Герды несколько раз срывался на визг.

— Ездили на прогулку, — соврал Николая, пытаюсь выдать из себя некое подобие улыбки. Финист едва успел его подхватить, когда ноги подкосились, и Охотник едва не ударился затылком об ступеньки.

— Смотрите, он ранен! — воскликнула Майли, указывая на руку Николая, из которой сочилась кровь.

— Все в порядке, — приходя в себя, ответил Охотник и попытался встать на ноги, но его снова качнуло в сторону.

— Быстрее, ведите его в дом, — Эглаборг поторопил Финиста.

Вместе они притащили Николая в гостиную и усадили на стул. Целитель размотал перевязку и поморщился.

— Эх, вы рану разбередили. И шов разошелся, и крови столько потеряли. А это что? Зачем вы ее прижигать пытались? Теперь большой шрам останется, — причитал Эглаборг, разглядывая повреждения, а потом живо начал отдавать приказания.

Майли послал на кухню за кипяченой водой, Герду наверх за своей сумкой с целебными травами, Вожыка в кладовку за каким-то снадобьем, а Финиста попросил отвести Николая

наверх. Сам пошел следом, и когда Охотника, наконец, удалось уложить в кровать, уселся у изголовья, взял раненую руку и принялся гнусавым голосом что-то нашептывать. Кровотечение остановилось буквально на глазах, но Николая все равно периодически терял сознание. Когда Вожык принес кувшин с густой темно-бордовой жидкостью, Эглаборг заставил Охотника выпить три стакана. Его тело сгибалось пополам от каждого глотка, словно от рвоты, но после заметно полегчало. Николай попытался приподняться, но Финист придавил его обратно к постели.

— Лежи, набегался уже, — мрачно посоветовал он.

Николай нехотя повиновался. Эглаборг положил руку ему на лоб и снова что-то зашептал. Веки сомкнулись, тело расслабилось — Николай уснул.

Эглаборг промыл рану водой, которую принесла Майли, полил снадобьем и достал из сумки, что держала Герда, нитку с иглой. Накалив ее на огне от свечи, заштопал рану, сверху помазал желтой, похожей на пчелиный воск, мазью и бережно перевязал руку свежими бинтами. Николай проснулся, как только он закончил, и поднял усталые глаза на целителя.

— Полежите пару дней, и все будет в порядке, — ободряюще сказал Эглаборг. — Только рукой теперь пользоваться нельзя, пока она полностью не заживет.

Николай попробовал шевельнуть пальцами, но ничего не вышло. Рука ниже локтя оказалась полностью парализованной.

— Маленькая предосторожность, — виновато улыбнулся целитель. — Чтобы вы уже наверняка ей не пользовались, пока не поправитесь.

— Ненавижу! — измученно простонал Николай и снова закрыл глаза.

— Ненавидьте сколько угодно, только мои указания будьте добры выполнять, — строго выговорил Эглаборг, забрал свою сумку и покинул комнату. Остальные переглянулись, пожали плечами и тоже ушли, не желая лишний раз тревожить строптивного больного.

\*\*\*

Когда все звуки в коридоре стихли, Герда украдкой вернулась в комнату Николая. Он спал так крепко, что ни скрип двери, ни глухие шаги не смогли его разбудить. Герда присела на стул у кровати, разглядывая странно безмятежное во сне лицо. Все черты расслабились, смягчились, словно он разом помолодел и снова стал тем благородным героем, которого она знала раньше. Герда протянула руку, чтобы проверить дыхание. Точно также она сидела у его постели в Дрисвятах, с тревожной надеждой ожидая, когда он, наконец, очнется от летаргии. Но сейчас это обычный сон. И если она не будет вести себя достаточно тихо, то рискует его разбудить.

Ладонь Николая вылезла из-под одеяла. Герда хотела ее накрыть, но задела пальцы. Николай пошевелился и глубоко вздохнул. Его ладонь накрыла ее и чуть-чуть сжала. Герда попыталась аккуратно высвободиться, но Николай держал слишком крепко. Она закусила губу. Что ж, придется сидеть так, пока он не проснется, а потом... потом краснеть, объяснять, как она здесь оказалась, заикаться и снова краснеть.

Рука Николая была ледяная. Даже мурашки пробежали по коже, но потом то ли он согрелся от ее тепла, то ли Герда сама привыкла к пронизывающему холоду. Минут пять она сидела неподвижно, гадая, что может сниться Охотнику. И не заметила, как сомкнулись веки и отяжелевшая голова опустилась на грудь.

— Герда, — услышала она голос Шквала и удивленно распахнула глаза. Рыжая шерсть горела в багряных лучах заходящего солнца. Герда закопалась в ней пальцами, с ностальгией

вспоминая прежние веселые времена.

— Я так скучала, — сказала она, не размыкая губ, чувствуя, как к глазам подступили слезы.

— Знаю. Я же всегда рядом, присматриваю и охраняю, забыла?

Кот поднялся на задние лапы и ласково слизал слезинку с ее щеки. Герда счастливо улыбкулась и потрепала его по белой голове.

— Лучше бы ты просто появлялся иногда. Мне так одиноко.

Хотелось прижать его к груди и никогда-никогда больше не отпускать. Шквал понурился и отстранился.

— А как же он? — кот кивнул на мирно спящего Николая.

Одеяло сползло до самого пояса, оголяя безволосый, угловатый торс, принадлежащий скорее четырнадцатилетнему мальчишке, чем взрослому, закаленному в многочисленных боях воину. Герда удивленно вскинула голову и впервые заметила, как в закатном свете преобразилась комната. Сейчас она очень напоминала спальню в доме ее родителей. «Это сон?» — запоздало спохватилась Герда.

— Ты так хотела его найти, — продолжал говорить Шквал, печально разглядывая Охотника. — Я думал, он сделает тебя счастливой.

Она сдавленно всхлипнула. Кот был единственным, с кем она ощущала себя по-настоящему счастливой и раскованной. А она обменяла его на пустой мираж. Почему он не может остаться с ней навсегда?

— Я уже не знаю, чего хочу. Дома все было просто и понятно, а здесь... Из того, что я делаю, ничего не выходит. Я разочаровала мастера Николая, но еще хуже то, что я сама, кажется, разочаровалась в нем. Раньше у меня была хоть призрачная надежда на... не знаю, на что, но она была. А сейчас одна пустота впереди, темная и беспроглядная. И нет больше никого, кто бы освещал мой путь и защищал от демонов тоски и неуверенности.

Кот снова встал на задние лапы и, облокотившись на плечи, заглянул прямо в глаза.

— Герда? — спросил он с неподдельным, совершенно искренним участием.

Она подняла голову, даря своему лучшему другу самую нежную улыбку, на которую только была способна.

— Герда? — встревожено позвал Николая. — Что ты здесь делаешь?

Она вздрогнула от неожиданности и сжалась. Охотник лежал на кровати, полностью накрытый одеялом, за исключением здоровой руки, которой он продолжал сжимать ладонь Герды. Шквал растворился вместе со сном.

— Я-я-я, — чего и следовало ожидать. Теперь и слова толком сказать не выходит.

Николя, наконец, выпустил ее ладонь. Коснувшись мокрой щеки Герды, он в задумчивости приложил пальцы к собственным губам, словно пробуя слезы на вкус. Она безучастно наблюдала за ним, в немом оцепенении.

— Уже вечер? — Охотник вдруг нахмурился и выглянул в окно. — Сколько же я проспал?

— Несколько часов, — предположила Герда. Сама ведь проспала столько же.

— Плохо, — Николай живо поднялся с кровати и хитро прищурившись, посмотрел на Герду: — Помоги мне одеться.

Это больше походило на приказ, чем на просьбу, но Герда не решилась возражать или требовать, чтобы он сказал «волшебное слово».

— Мастер Эглаборг не велел вставать с постели, — коротко заметила она, просовывая

парализованную руку в рукав рубашки.

— Эглаборг слишком беспокоится. Я в полном порядке.

По землистому цвету лица и лиловым кругам под глазами было ясно видно обратное.

— Вы потеряли много крови и не объяснили, что случилось. Если вы из-за меня так рветесь встать на ноги, то не стоит. Я потерплю и без праздника. Вы ведь сами сказали, что горожане устраивают их чуть ли не каждую неделю. Просто дождусь следующего.

В конце концов, танцы — это такой пустяк. Не слишком-то и хотелось.

— Вот и хорошо, — подозрительно быстро сдался Николая. — Теперь еще кофту и темные штаны.

— Мы все-таки пойдем? — радостно воскликнула Герда, натягивая кофту ему через голову, и случайно коснулась шеи. Николая тут же напрягся, словно его погладили против шерсти.

— Мы никуда не пойдем. Я прогуляюсь в город по делам, а ты, — он ткнул ей в лоб указательным пальцем здоровой руки. — Ты останешься дома и будешь делать дыхательные упражнения, которые я тебе показывал.

Герда обиженно стиснула зубы. Двulichная самоуверенная скотина! Он никогда не собирался вести ее на этот дурацкий праздник. Очень хотелось огреть его чем-нибудь тяжелым, но здравый смысл останавливал — Николая, поди, раз в десять сильнее ее. А вдруг ударит в ответ?

Взяв себя в руки, Герда помогла Охотнику надеть штаны и стала затягивать пояс, но от нахлынувшей вдруг злости немного перестаралась.

— Ай! — недовольно зашипел Николая.

Герда покраснела до кончиков волос и отвернулась. Охотнику пришлось возиться с ремнем одной рукой. Впрочем, справился он довольно быстро. Герда ощутила, как растет его аура — он явно пользовался телекинезом. Если затянуть ремень самому оказалась так просто, то, наверняка, и одеться Николая тоже смог бы без ее участия. Так зачем же было просить? Чтобы еще раз поиздеваться? От бессилия хотелось плакать, но слез уже просто не оставалось.

Николя спустился в гостиную и вышел в прихожую. Герда последовала за ним. Она твердо решила отстаивать свое право пойти на праздник. Не так сильно хотелось идти туда одной, но сейчас это было уже дело принципа. Отец учил ее быть доброй и кроткой, но никогда не позволять издеваться над собой. Только так можно снискать у людей уважение.

— Я пойду на праздник одна, — заявила Герда, подавая Николая плащ. Тот протяжно посмотрел на нее, а потом, глупо усмехнувшись, коснулся указательным пальцем ее носа.

— Ты останешься дома и точка.

Почему он ведет себя с ней, словно с ребенком?! Она уже давно выросла, и никто не имеет права ей указывать! Пока Герда собиралась с духом, Николая уже шагнул за порог и захлопнул за собой дверь прямо у ее носа. Герда тихо всхлипнула от досады. Ну точно маленькая девочка, которая даже возразить учителю-самодуру не может.

— Что случилось? — испугал подкравшийся сзади Финист.

Герда задумчиво посмотрела на дверь. Стоит ли рассказывать о проблемах с Николая? У него с Финистом и так отношения накалены до предела, а тут еще она со своим глупым праздником.

— Он тебя обидел? Скажи, обещаю, это останется между нами, — заговорщически подмигнул Финист. Герда слабо улыбнулась, мучаясь от нерешительности.



— Я слышал, ты хотела пойти на праздник, — не сдавался оборотень.

— Мастер Николая не разрешил.

— Почему? — притворно удивился Финист. Герда впервые уловила в его голосе нотки фальши. Это было... странно.

— Говорит, что одной идти опасно, а сам проводить не может, — пожала плечами она и уже хотела вернуться в свою комнату, но Финист остановил ее, взяв за руку.

— Я могу, — твердо сказал он. Герда удивленно моргнула. — Я могу пойти с тобой.

— А как же занятия? — подозрительно спросила она.

— Я уже закончил. К тому же надо хоть иногда развлекаться. Если работаешь без передыху, скоро станешь таким же унылым и нудным как... — он запнулся и оценивающе глянул на Герду.

— Как кто? — переспросила она, хотя прекрасно знала ответ.

— Не важно. Я просто вспомнил, как вы танцевали с Дугавой и Жданом, когда мы ночевали на рунах Ильзара. Я потом очень жалел, что отказался веселиться с вами. А теперь представился шанс все исправить. Пожалуйста, сходи со мной на праздник!

Он снова говорил настолько отчаянно и искренне, что Герда не смогла найти слов, чтобы возразить.

Финист взял ее под локоть и повел наверх. Впервые после примерки у Анки Герда надела нарядное темно-синее платье, повязала на шею теплый шерстяной платок, на ноги надела еще совершенно новые черные сапожки из мягко выделанной кожи и спустилась вниз. Там ее уже ждал Финист, одетый по-праздничному ярко, в свою лучшую одежду — красно-коричневый камзол со светлыми штанами и высокими коричневыми сапогами.

— Здорово выглядишь, — широко улыбаясь, отвесил он неуклюжий комплимент и сам смутился. — На самом деле, ты очень красивая сегодня. Ты вообще всегда красивая, но сегодня особенно.

Герда замялась, не зная, что ответить. Его слова казались немного лукавыми. Она не чувствовала себя красивой, да и не стремилась к этому. Она бы с удовольствием оставила всю красоту Майли, а сама скоротала вечерок с книгой в библиотеке, но раз сама напросилась на праздник, отступить глупо и неудобно.

— Идем? — робко спросила она.

Финист подал ей плащ, взял под руку и повел на улицу.

Солнце уже полностью закатилось за горизонт, погрузив город в непроницаемую мглу. Едва заметные бусин-звезды и малахольный тонкорогий серп месяца уступали всепоглощающей тьме долгой ночи. Дорогу в ней удалось отыскать только благодаря звериному нюху Финиста. Окраины обезлюдели. В окнах не горели огни. Лишь впереди с главной площади доносились звуки музыки и веселый гомон голосов. Все от мала до велика праздновали близящийся конец зимы. Завидев яркие отсветы костра и тени пляшущих вокруг фигур, Финист с Гердой прибавили шагу и вскоре вышли на заполненную людьми площадь.

Посреди нее был сложен большой костер, в который танцующие девушки бросали лоскуты белой ткани. Музыканты играли на лютнях и флейтах, задорно били в бубны и приплясывали, чтобы согреться. Молодые пары кружились, взявшись за руки, то приближаясь, то отдаляясь друг от друга, следуя фигурам танца. В углах площади продавали сладости и напитки. Здесь толпилась детвора, надеясь что-нибудь ухватить, если торговцы случайно отвлекутся.

Герда наблюдала за праздником со стороны, не желая присоединиться к толпе. Финист

бросал на нее томные умоляющие взгляды, но настаивать пока не решался.

— Ну и ну, ты все же пришла! — воскликнула глазастая Анка, чудом углядевшая Герду во мраке, который не мог разогнать даже свет от костра.

— Пришла, — кивнула Герда.

— О, это явно не Николая, — усмехнулась Анка, заметив Финиста. — Но тоже вполне ничего.

Герда смутилась и посмотрела на своего друга. Финист озорно подмигнул и положил руку ей на талию. Захотелось сквозь землю провалиться. Сейчас все точно решат, что они парочка!

— А почему вы не танцуете? — Анка с важным видом вручила Герде кусок белой материи. — Это от платья чучела невесты. Бросишь в огонь и на будущий год обязательно под венец пойдешь.

— Я не думаю... — замялась Герда, нервно перебирая лоскут в руках.

— Зато твой жених вполне себе думает, — шепнула Анка, наблюдая, как Финист расправляет плечи и блаженно улыбается.

— Он мне не жених, — заволновалась Герда. Она совсем не желала всех этих дурацких недоразумений. — Просто мастер Николая не смог придти.

— Расслабься, я все понимаю. Гуляешь с одним, чтобы другой ревновал. Все правильно, — Анка усмехнулась и хлопнула ее по плечу. — Только не слишком его обнадеживай, а то расстроится потом сильно.

Герда ошеломленно выдохнула и обернулась на Финиста. Он явно ждал какого-то намека. От досады она закрыла лицо ладонями. Ее поведение, должно быть, выглядит жутко двуличным со стороны. И вправду, зачем она сюда пришла? Она не хотела никого обманывать или заставлять ревновать. Это так глупо и эгоистично. Если Николая узнает, он же убьет и ее, и Финиста, хотя Финист-то тут совсем ни при чем.

— Что же вы стоите? — не выдержала Анка. — Ступайте, а то все веселье пропустите!

Она подтолкнула Герду в руки Финиста. Тот широко улыбнулся, обнял ее за талию и повел к костру, вокруг которого танцевали пары.

— Не уверена... — залепетала Герда, отчаянно ища пути к отступлению. — Не стоит, действительно...

Но Финист не слушал. Как только они поравнялись с танцующими, он легко поднял Герду в воздух, повторяя движения остальных, и закружил, мягко, но очень уверенно.

— Ты знаешь местные танцы? — удивилась Герда.

— Нет, — усмехнувшись, признался Финист. — Я и зареченские не слишком хорошо знаю.

— Но ты так хорошо ведешь! — она не сдержала восхищения. — А я едва в такт попадаю.

— Это не сложно, надо просто довериться музыке, заставить сердце биться с ней в унисон. Тогда она сама поведет.

Никогда прежде Герда не представляла, что так чудесно может быть наяву. Она словно парила на соколиных крыльях Финиста. Легко, беззаботно и безудержно весело. Почему же она раньше пропускала все праздники? Время, окружающие люди, треск костра, заглушающий музыку — все перестало иметь значение. Остались только эти пьянящие движения, теплые уверенные руки на талии и задорный взгляд Финиста.

— Тебе весело? — спросил он, притягивая Герду к себе.

— Да, — воодушевленно ответила она, полностью отдаваясь восторгу от изумительного действия.

— Тогда не будем останавливаться!

— Никогда! — подтвердила она, уже совсем потеряв голову в хмельной круговерти.

И ничего уже не имело значения, ведь сейчас было так безудержно хорошо!

\*\*\*

— Абсолютно ничего подозрительного. Что-то случилось? Это я обычно волнуюсь из-за мелочей, вроде попавшей по своей дурости на обед волку овечки, — недоумевал бургомистр Гарольд из-за настырных расспросов Охотника.

Это был высокий солидный мужчина за пятьдесят с копной густых соломенных волос. Под сросшимися кустистыми бровями горели хитринками светло-голубые глаза.

— Всегда надо быть начеку. Червоточина рядом, — пожал плечами Николая, не желая вдаваться в подробности утреннего сражения.

— Кому ты рассказываешь? Я здесь всю жизнь прожил. Лучше ответь, что у тебя с рукой?

Охотник поморщился. И ничего-то от бдительного бургомистра не скроешь. Главное, не поднимать паники.

— Рассек об лезвие, когда меч точил. Рука соскочила... — на ходу придумывал самую обыденную историю Николая. — Ну а Эглаборг как всегда решил перестраховаться и обездвижил ее на время, пока не заживет.

Гарольд подозрительно сощурился:

— Не замечал за тобой прежде такой небрежности.

Охотник буднично пожал плечами.

— Бывает.

— Конечно, бывает, если никогда не отдыхать, — Гарольд по-отечески потрепал его по волосам. Николая еле сдержался, чтобы не передернуться — терпеть не мог подобных сантиментов, но обижать старого друга было совестно. — Сегодня же праздник. Почему ты не веселишься вместе со всеми? Пригласил бы кого, честное слово. Да по тебе полгорода девок сохнет. Все не любы? Так хоть потанцевать позови. В танце ведь совсем по-другому все видится. Я так с Уночкой и сошелся. Помню, Бельтайн, она совсем юная белокурая скромница. С краюшка стояла, на свет костра выйти боялась. Я с ней случайно тогда столкнулся. Чуть с ног не сбил. В извинение пригласил на танец, да так и не смог отпустить больше. Подумал, если не будет она со мной, так и жизни уже никакой не будет. Прямо тогда с ней и обручился, на Бельтайн...

— Мастер Гарольд... — умоляюще глянул на него Николая. Он слышал эту историю, как и все истории бургомистра, уже добрую сотню раз и порядком от них устал.

— Ну что мастер Гарольд? — возмутился бургомистр. — Да ты сам глянь. Вон, какая красивая пара! А как они смотрят друг на друга. Небось, к осени и свадьбу сыграют.

Николя закатил глаза и медленно повернул голову. Пара действительно выглядела чарующе — высокий широкоплечий мужчина легко кружил вокруг себя тоненькую, словно былинку, совсем молоденькую девушку. Увлеченные друг другом, они никого не замечали, лишь в последний миг увертываясь от остальных танцующих. Музыка на мгновение притихла. Пара остановилась, чтобы отдышаться. Счастливо улыбаясь сверкающими в отсветах пламени глазами, девушка до боли знакомым робким жестом выправила короткие волосы из-под меховой шапки.

Неприятно засосало под ложечкой. Николая ртом глотнул морозный воздух, стараясь остудить нарастающий в груди жар.

— Я что-то не то сказал? — испуганно спросил Гарольд.

Николя молча пожирал парочку глазами. От ушей по лицу растекалось гневное пламя. Ну что за глупый безответственный идиот! Он же видел гулонов собственными глазами и прекрасно знал, какая опасность ей тут угрожает. Убить! Схватить за шкурку и несколько раз постучать головой об стену, чтобы он, наконец, начал думать ею, а не тем, что у него между ног.

— Николая?.. — сделал еще одну слабую попытку достучаться до него бургомистр и шарахнулся в сторону, едва уловив на себе разъяренный взгляд.

Охотник поспешил отвернуться и махнул рукой на прощание, понимая, что рот сейчас лучше не раскрывать, иначе расположение бургомистра будет потеряно навсегда. Вместо этого Николая размашистой походкой направился к танцующим. Не дойдя до приметной пары нескольких шагов, он замер, словно наткнувшись на невидимую преграду. Звонкий смех льдистыми иголками впился в кожу, причиняя нестерпимую боль. Бессильная ярость заклокотала внутри, застелила взор мутным маревом. Руки сами сжались в кулаки.

Музыка возобновилась. Грубые похотливые ручищи по-хозяйски обхватили крохотную уязвимую фигурку. Девушка доверчиво льнула к своему партнеру, продолжая заливисто смеяться.

Нет, терпеть эту муку больше нельзя, иначе он точно кого-нибудь убьет. Николая набрал в легкие побольше воздуха и решительно шагнул навстречу веселящейся парочке.

\*\*\*

Финист почувствовал его взгляд загодя. Украдкой обернулся, чтобы убедиться точно. И тут же шепнул на ухо Герде шутку, которую она просто обязана была оценить. Герда засмеялась, невероятно красиво и искренне. Как умела только она. Слышал ли ты этот смех раньше, герой-Охотник? Финист незаметно скопил взгляд.

Соперник неожиданно замер, словно пораженный в самое сердце отравленной стрелой. Багровое от ярости лицо вмиг посерело. Финист не сдержал торжествующей ухмылки и крепче прижал к себе, наконец, расслабившуюся Герду. Она сама склонила голову на его плечо. Хорошо-то как! Пускай Охотник увидит, кого она выбрала на самом деле. Пускай поймет, что несмотря на все его богатство, силу и славу, самая большая во всем Мидгарде награда принадлежит не ему, а Финисту — нищему и ничтожному беглецу из разоренного края.

Он приподнял подбородок Герды кончиком пальца. Недоуменно взметнулись реснички. Кончик языка едва заметно скользнул по пересохшим губам. Давай покажем ему напоследок, как сладки твои поцелуи. Финист закрыл глаза и, потянув носом медовый аромат женского тела, приблизил свои губы к ее.

В грудь ударил воздушный сгусток. Финист пошатнулся, но все же устоял. Герда испуганно выдохнула. Николая тут же оказался между ними, бесцеремонно отталкивая Финиста в сторону.

— Какого демона ты творишь?! — ярился Охотник, здоровой рукой ухватив его за ворот плаща.

— Я творю?! — в тон ему ответил Финист. — Какого демона ты творишь?!!

— Мастер Николая, пожалуйста, простите меня, я... — залепетала Герда, повиснув на локте Охотника, надеясь так остановить свару. — Я не хотела, я...

Глупенькая. Не нужно перед ним оправдываться. Никто из них ничего ему не должен!

Николя несколько мгновений пепелил Финиста гневным взглядом, совершенно не обращая на Герду внимания.

— Ты притащил сюда мою ученицу и еще спрашиваешь, что я творю?! — наконец, выплюнул надуманное обвинение Охотник. — Ты же прекрасно знаешь, какая опасность ей может угрожать.

— Это не он, я сама предложила, — Герда со всей силы дернула его за рукав. Только тогда Николя соизволил взглянуть на нее.

— Помолчи, это тебя не касается, — грубо процедил он сквозь зубы, легко стряхивая ее.

Герда отшатнулась. Глаза заблестели, наполняясь слезами. Финист с трудом сдержал ухмылку.

— Я бы смог ее защитить, — спокойно возразил он, отдергивая руку Охотника от своего ворота.

— Не смей меня, — угрюмо бросил Николя, уже и сам заметно остыв.

Но Финист не собирался отпускать его так просто. Пускай покажет себя во всей красе. Тогда Герда, наконец, поймет, какое ничтожество ее благородный Охотник на самом деле. Финист с вызовом прищурился:

— Хочешь проверить?

Николя поддался на уловку слишком легко, словно сам желал драки.

— Да, пожалуйста!

— Одной рукой? — откровенно издеваясь, в последний раз подхлестнул его Финист.

И тут же полетел лицом в сугроб.

— Что вы делаете?!

От возмущения Герда бросилась на Николя и принялась колотить его в грудь маленькими кулачками. Финист для верности побряхтывал из сугроба, пытаясь скрыть торжествующий смех. От таких ударов куда больнее, чем от разбереженной раны, верно, Охотник?

Справившись с оцепенением, Николя перехватил руку Герды в воздухе и легонько ее встряхнул, приводя в чувство.

Если в начале ссоры на них испуганно оглядывались только те, кто стоял достаточно близко, чтобы их слышать, то теперь уставилась вся площадь.

Николя зашипел и едва слышно выругался. Герда вырвалась из его хватки и подбежала к Финисту, чтобы помочь подняться.

— Все в порядке, — Финист порывисто обнял девушку, торжествующе глядя из-за ее плеча на Охотника. Ну что, съел? То-то же!

Николя от досады поморщился и отвернулся. Финист ласково поглаживал Герду по волосам, утирая ее испуганные слезы. Жаль, что сейчас уже совсем не время для поцелуев.

Когда Охотник заговорил вновь, голос его снова звучал предельно спокойно и даже отстраненно. Словно ледяной коркой покрылся.

— Если у тебя появилось время на танцы, значит, твои подопечные уже готовы к проверке. Завтра, пожалуй, и посмотрим, — Николя мстительно сощурился. — И не смей больше отговариваться, что ты чего-то не успеваешь.

Финист испуганно сглотнул.

— А теперь моя ученица пойдет домой, — не слушая возражений, Николя грубо схватил Герду за руку и потащил за собой.

Всю дорогу до дома Герда молчала, едва поспевая за Николая по глубоким сугробам.

Переступив порог, она с силой вырвала руку и гневно прошептала, боясь разбудить домочадцев:

— Вы делаете мне больно, разве не видите?!

Николя затравленно потупился и отступил на шаг, ничего не ответив. Скинув верхнюю одежду, Герда взбежала по лестнице на второй этаж и спряталась в спальне.

Она солгала. Николай как всегда держал ее словно хрупкую хрустальную вазу, но больно было глубоко внутри. От колкого взгляда, пренебрежительных слов, от того, что радость от танцев подарил ей вовсе не Николай, а Финист.

Герда остервенело сорвала с себя опостылевшее неудобное платье и с ненавистью швырнула на кровать, а сама забилась в угол между стеной и тумбой и снова расплакалась. Она даже не могла понять, почему так убивается. Может, просто сдали нервы?

Зачем она заговорила об этом празднике? Сидела бы тихонько дома и не создавала никому проблем. Ведь не хотелось туда абсолютно. Хотя танцы были замечательные... и Финист тоже. Только как бы ему теперь не пришлось расплачиваться за них своей службой и гордостью. Глупая! Почему не предвидела последствия своего безответственного поступка? Ведь знала же и про натянутые отношения между Финистом и Николая, и про то, что Охотник не хотел, чтобы она отлучалась из дома. Просто надеялась... Нет, с самого начала было понятно, что это глупость. Он ведь даже не узнал ее и показал всеми возможными способами, что его интересует только дар, а чувства он вообще ни во что не ставит. Можно наплевать и растоптать... как растоптал самолюбие Финиста. Швырнул в сугроб ни за что, ни про что. Надо попросить у Финиста прощения за Николая... и за себя тоже.

Отдышавшись, Герда встала и умыла лицо, надеясь скрыть следы слез. Глянула в зеркало. Результат разочаровал. Щеки были пунцовыми и саднили, словно по ним прошлись точильным камнем. На белках глаз проступили красные жилки. Волосы всклокоченными паклями свисали на шею. Ужасно.

Герда схватила расческу и постаралась пригладить хотя бы прическу. Потом еще раз умылась и посмотрела в зеркало. Если закрыть оба глаза, то можно ничего не заметить.

Отчаявшись привести себя в порядок, Герда вышла из комнаты и начала спускаться по лестнице, чтобы разыскать Финиста, как вдруг услышала голоса: его и Майли. Они снова спорили. Майли выговаривала Финисту за то, что ей приходится страдать из-за его недальновидных решений. В голосе явно читалась ревность. Интересно, вцепилась бы Майли в волосы Герде, если бы увидела, как они с Финистом танцевали? Хорошо, что не видела.

Герда отвернулась от них и посмотрела вверх. Взгляд уперся в закрытую дверь в конце коридора, из-под которой струился теплый оранжевый свет. Герда в раздумье сделала несколько шагов обратно на второй этаж. Потом снова замерла, собираясь с духом, и постучалась в дверь.

— Не заперто, — донесся оттуда усталый голос Николая.

Герда открыла дверь и снова остановилась на пороге. Она оказалась в маленькой каморке не больше собственной спальни. Мебели сюда влезало тоже очень немного: секретер у противоположной от двери стены и письменный стол, за которым сидел Охотник, возле окна. По сосредоточенному лицу плясали тени от зажженных в серебряном

подсвечнике свечей. Оперев голову о кулак, Охотник вглядывался в лежавший перед ним лист бумаги, по которому само по себе бегало гусиное перо, время от времени обмакиваясь в чернильницу.

— Ты снова это делаешь, — едва слышно проворчал он.

— Что? — удивилась Герда. Как он догадался? Ведь даже голову не повернул. Почувствовал ауру?

— Заглядываешь из-за плеча. Я этого не люблю, — уже громче ответил Никол. — Ты что-то хотела?

— Да, я... — Герда замялась, подбирая слова. — Нам нужно объясниться, думаю... Это я во всем виновата. Мне очень хотелось на праздник, поэтому я упростила Финиста сводить меня туда. Не наказывайте его.

— Я должен в это поверить? — не поднимая взгляда, бросил Никола. — Финист взрослый человек. Он прекрасно знал, что происходит, и все равно подверг тебя опасности.

— Какой? — нахмурилась Герда. Финист смог бы ее защитить, точно смог бы!

— Не важно. Важно то, что он поступил безответственно, и это могло стоить тебе жизни, — на нее уставились усталые глаза загнанного зверя.

Стало слегка совестно. Никола... беспокоился?

— Но ничего же не случилось. Мы просто танцевали, — Герда тут же пожалела, что напомнила об этом. Взгляд Охотника сделался настолько тяжелым, что она не смогла его вынести и виновато потупилась.

— Почему ты постоянно его выгораживаешь? — спросил Никола после затянувшейся паузы.

Герда недоуменно моргнула. Что он хочет услышать?

— Потому что он мой друг, а вы постоянно на него нападаете, — предельно правдиво ответила она, но Никола скептически хмыкнул.

— Боюсь, что он придерживается совершенно иного мнения на этот счет.

Герда нахмурилась. Беседа снова зашла куда-то не туда.

— Мы просто друзья, — упрямо повторила Герда. — Я бы хотела, чтобы и вы были нашим другом.

— Да уж, большая дружная лапландская семья. Увольте меня от сей сомнительной радости, — невесело рассмеялся Никола. Она снова почувствовала себя тупицей, совершенно не поняв намек. — Это все, что ты хотела сказать? Тогда ступай, у меня еще много работы сегодня.

Николя вернулся к письму. Перо воспрянуло к жизни и затанцевало по бумаге. Герда опустила голову, сделала несколько шагов к двери и снова застыла на пороге. Терять было уже абсолютно нечего. Отношения между ними и так навсегда испорчены.

— Если вам не хотелось, чтобы я танцевала с Финистом, почему вы сами меня не пригласили? Я предлагала.

Перо с громким скрипом врезалось в бумагу, поставило кляксу, побило лист насквозь и надломилось пополам. Никола продолжал сидеть неподвижно, не поднимая головы. Не дождавшись ответа, Герда ушла, громко хлопнув дверью напоследок.

\*\*\*

Испытания начались на следующий день сразу после завтрака. Финист собрал своих учеников в гостиной, чтобы сказать напутственное слово. Услышав это, Никола закатил глаза, отвернулся и перевел взгляд на лестницу. Должно быть, там снова пряталась Герда.

— С кого начнем? — нетерпеливо спросил Охотник.

Финист перевел взгляд с испуганного Вожыка на раздраженную Майли. Из двух зол надо выбирать меньшее.

— Майли, — не раздумывая, ответил он.

— Замечательно, — Николая подбадривающе улыбнулся оробевшей ученице.

— Что... — Майли громко закашлялась, чтобы скрыть предательскую дрожь в голосе. — Что я должна сделать?

— Что хотите, — непринужденно пожал плечами Николая. — Просто покажите, чему вы научились за это время.

Сегодня он выглядел отдохнувшим и расслабленным, ничем не выказывая враждебного отношения к Финисту или его подопечным. Даже наоборот казался таким елейным, что скулы сводило. На Герду, видно, впечатление произвести старается, болван. Только кто ж ему поверит после вчерашнего?

Майли судорожно вздохнула и посмотрела на своего учителя. Финист чуть заметно склонил голову. Мол, говори, как я учил и не нервничай.

— Я... — ей понадобилось несколько мгновений, чтобы собраться с мыслями. — Я научилась общаться с духами умерших. Они приходят ко мне в снах...

Уголок брови Николая пополз вверх.

— То есть мой погибший отец приходит. Приходил. Но благодаря занятиям с моим учителем мне удалось прогнать его навсегда, — Майли нервно хохотнула. Финист закрыл лицо руками, чтобы не видеть торжествующую ухмылку Охотника. Впрочем, тот вел себя очень сдержанно, ни одним мускулом не выдавая своих эмоций.

— Очень хорошо, что вы смогли так быстро адаптироваться к своему дару. Но, наверняка, вы делали какие-то практические шаги, чтобы добиться такого результата. Не могли бы вы их показать? — попросил Николая предельно серьезным тоном.

Майли снова затравленно оглянулась на Финиста. Он открыл один глаз, безмолвно умоляя: «Не импровизируй. Не отступай от того, что я говорил». Майли сглотнула.

— Так как мой дар пассивный, пользоваться им я могу только в определенных условиях. Без них ничего не выйдет.

Финист шумно выдохнул. Охотник должен этим удовлетвориться, иначе рискует снова потерять лицо перед Гердой.

— Понимаю, — кивнул Николая. — На начальном этапе самостоятельно вызывать духов сложно, но, думаю, со временем вы научитесь. У вас для этого прекрасные данные.

Майли слабо улыбнулась и стрельнула глазами в сторону Охотника. Щеки зарумянились от смущения. Вот же, кокетка-любовительница комплиментов! Не хватало еще, чтобы она открыто флиртовать начала посреди проверки.

— Раз уж вы не можете нам ничего показать, то хотя бы расскажите, чем вы занимались, — продолжил Охотник.

— С отцом? — недоуменно переспросила Майли.

Позорище! Финист снова закрыл глаза.

— И с ним тоже. Но для начала расскажите, чем вы занимались с вашим учителем.

Финист громко поперхнулся. На этот раз на него оглянулась не только Майли.

— К чему этот допрос? — не выдержав напряжения, он вскочил и принялся возмущаться.

— Мне просто нужно узнать, как проходят ваши занятия. Я за вас, в том числе за тебя,



отвечаю, — в голосе Николая все же появились нотки раздражения, но они уже совсем не радовали. — Мне надо что-то писать в отчете, вот и все.

— Так дай его мне. Я сам напишу, — огрызнулся Финист.

— Еще чего не хватало. Видел я твои отчеты. На трезвую голову их не разберешь.

Финист сжал кулаки и яростно скрипнул зубами, но припомнив вчерашний полет в сугроб, немного остыл.

— Сядь! — раздраженно рявкнул Охотник.

Финист нехотя подчинился.

— Продолжаем, — быстро взяв себя в руки, Николай самым дружелюбным тоном обратился к Майли: — Будьте любезны, расскажите, чем вы занимались со своим учителем.

— Ну, мы в основном разговаривали, — с трудом выдавила из себя она.

— О чем?

— О... гхм... о Едином, — невнятно лепетала Майли. Финист внутренне напрягся. — С том, что я должна перестать в него верить, потому что в его глазах мой дар — зло, и я никак не смогу от него избавиться. И чтобы примириться с собой, я должна поверить в какого-нибудь другого бога, например, в Финиста.

— Что ты несешь?! — заорал Финист, теряя последние крохи самообладания.

— А что? — Майли с самым невинным видом захлопала ресницами. — Ты мне так и говорил: «Как насчет того, чтобы верить в меня?»

Финист закрыл лицо руками и в очередной раз усомнился в умственных способностях этой девицы. Майли понурилась и повесила голову.

— Что ж, вести теологические диспуты тоже иногда бывает полезно, — подвел итог безобразию Николая. Причем сделал это таким видом, что невозможно было понять, издевается он или говорит всерьез. — Думаю, никто не возражает, если мы перейдем ко второму ученику.

Вожык, сидевший по правую руку от Финиста, сжался в комок. Оборотень махнул рукой в знак согласия. Все равно хуже уже некуда.

— Можно на улице? — глядя в пол, попросил мальчик.

— Конечно, — кивнул Николая.

Они вчетвером быстро оделись и вышли во двор. Краем глаза Финист заметил, как Герда мышкой шмыгнула за дверь и спряталась на веранде. Верно, хотела досмотреть испытания. Вожык волновал ее куда больше Майли.

Николая и Финист с учениками прошествовали на открытое место подальше от всего, что могло нечаянно загореться.

— Теперь ты готов? — мягко спросил Николая.

Мальчик нервно сглотнул и через силу кивнул:

— Отойдите, пожалуйста, подальше.

— Что он собирается показывать? — полушепотом поинтересовался Охотник. Финист злорадно ухмыльнулся. Такого этот высокомерный хлыщ точно никогда не видел!

— Нам лучше сделать то, что он просит, — вместо ответа посоветовал Финист. Николая пожал плечами, и они втроем с Майли отошли на несколько саженей.

Вожык выпрямился, высоко вскинул голову, закрыл глаза и широко развел руки в стороны. Между бровей Охотника залегла тревожная морщинка. Уже догадался?

Их оглушил громкий вопль Герды.

— Ложитесь! — что есть мочи закричал Охотник и повалил здоровой рукой Майли на

снег. Финист упал сам, прикрыв для верности голову ладонями. Все вокруг озарила ослепительная вспышка. Прогредел оглушительный взрыв. Ясное зимнее небо заполонило грибовидное облако дыма.

— Какого демона?! — взревел Николя и бесцеремонно пихнул Финиста ногой, когда все закончилось. Не дожидаясь ответа, бросился к распластавшемуся посреди выжженной земли Вожыку. Финист болезненно скривился и помчался следом.

— Госпожа Герда, вы в порядке? — выскочил из дома перепуганный Эглаборг и помог привалившейся к стене девушке подняться на ноги.

— Да-да, — с трудом ответила Герда, приходя в себя. — Вожык там...

Она махнула рукой во двор. Целитель перевел взгляд на Финиста, который нес мальчика на руках. Николя с хмурым видом шагал впереди.

— Что случилось? — ошарашено спросил Эглаборг.

— Перерасходовал силу. Надеюсь, просто отключился, а не надорвался или еще чего похуже, — ответил Николя, бросая укоризненный взгляд на Финиста. Тот потупился и передал Вожыка целителю:

— Помогите ему.

— Хорошо, только у нас все окна в доме выбило. Меня чудом не задело. Надо бы починить, а то околеем.

— Я все решу, — успокоил его Охотник и обратил внимание на бледную, тяжело дышавшую Герду, которая так и не смогла отойти от стены. Видно, боялась, что ноги подведут.

— Жива? Больше не будешь подглядывать? — попытался свести все в шутку Николя, но Герда посмотрела на него такими измученными глазами, что он замолчал и приложил ладонь к ее щеке. Она недоуменно приоткрыла припухшие губы, глядя выжидающе, чуть испугано. Он едва заметно улыбнулся, с тоскливой грустью, словно хотел и не мог забрать себе весь ее страх и боль.

Финиста передернуло от интимности этой сцены. В ушах набатным боем отдавался ненавистный голос: “Она не твоя и никогда твоей не будет”. Что-то тихонечко кольнуло в груди. Охотник снова использовал дар? На что? Почему все так сложно и запутано?!

С веранды донесся шум. Герда попыталась сделать шаг, но чуть не упала — Николя поддержал ее здоровой рукой и прижал к себе. Финист поспешил к ним, желая помочь, но Охотник остановил его полным ледяного презрения взглядом. Герда приглушенно всхлипнула и мелко задрожала.

— Тише. Дыши, помнишь, как я тебя учил? — успокаивающе зашептал ей на ухо Охотник. Она послушалась, легко и без возражений не то, что ученики Финиста. Набрала полную грудь воздуха и шипящей тонкой струйкой выпустила из ноздрей. Щеки тут же порозовели, а взгляд обрел былую ясность. Герда, наконец, встала на ноги.

Финист громко закашлялся, устав наблюдать за их “трогательными” нежностями. Герда отошла от Николя и опустила голову.

К ним подоспела ничего не понимающая Майли и требовательно спросила:

— Что произошло?

— Произошло то, — язвительно прищурился Николя. — Что кто-то научил пирокинетика мгновенно опорожнять весь запас силы, но не додумался предупредить, насколько это непредсказуемо и опасно для всех окружающих и, особенно, для него самого.

Финист скрипнул зубами, но ничего не сказал. Да, он виноват, но разве Охотник не

знал, что оборотень самый неподходящий учитель для пирокинетика. И вообще, не следовало пугать мальчика дурацким испытанием. Он не был готов. Финист предупреждал, но Николая не стал слушать.

— Ты-то сам чего-нибудь добился? — после затянувшейся паузы, поинтересовался Финист. — Покажи, это будет справедливо.

После ее приступа Николая обязан будет отказаться и признать поражение!

\*\*\*

Охотник оценивающе глянул на Герду. Она затрепетала. «Откажитесь. Вы же прекрасно знаете, что я не намного лучше с даром управляюсь. Пожалуйста, не заставляйте меня позориться перед всеми...»

— Ладно, — разочаровал ее ответ Николая. — Герда, стань туда. Делать будешь то же, что на последних занятиях.

Она вздохнула и нехотя поплелась в указанное место. Во всем теле до сих пор ощущалась болезненная слабость, в голове шумело, а ноги словно утопали в вязкой каше. К горлу подступил удушливый комок.

«Зачем вы заставляете меня участвовать в ваших разборках? Вам мало того, что произошло с Вожыком? Но я не стану послушной куклой. Я... я не буду делать вообще ничего. Да, именно так. Может, тогда вы успокоитесь?»

Герда остановилась, вздохнула и повернулась лицом к своим «мучителям».

— Готова? — спросил Николая.

Герда не ответила. Охотник видел, насколько она ослабла, но останавливаться не пожелал. Даже не глядя на него, Герда явственно ощутила, как его аура начала уплотняться и расти, от нее отделился небольшой сгусток синего цвета и окутал лежащий под ногами снег, вырвал кусок и стремительно полетел в цель. От удивления Герда широко распахнула глаза. Ее собственная слабая аура вспыхнула, словно голодная хищная рыба поглотив синее свечение, и оттолкнула ком в сторону помимо воли хозяйки.

Герда дернула головой, чтобы отогнать странное видение, но почувствовала, что в нее нацелились новые снежки. Они летели очень быстро. Вспомнилось, как больно они обжигают лицо и царапают кожу. Сейчас она снова это почувствует. Но не долетев совсем чуть-чуть, снежки снова отклонились. «Что происходит? Я же абсолютно ничего не делаю. Тогда почему они?...»

В прозрачный морозный воздух взметнулась целая лавина снега и с жутким гулом помчалась в сторону Герды. «Двигаться. Нужно двигаться, как тогда», — пришла в голову спасительная мысль. Герда закружилась на месте, и лавину словно ветром сдуло — снег опал позади, так и не задев ее. Герда удивленно обернулась на Николая. На его лице сияла торжествующая улыбка. Финист и Майли стояли рядом с одинаково ошеломленным видом.

— Удовлетворен? — злорадно усмехнулся Николая. Финист обескуражено посмотрел на Охотника.

— Вполне, ты победил, — коротко бросил он, поднялся на порог, пнул ногой дверь и ушел в дом.

— Эй, это был не поединок! — крикнул Николая, но оборотень вряд ли его услышал.

Герда остановилась рядом с Охотником. Так неудобно перед Финистом получилось. И странно. Почему когда она старается изо всех сил, ничего не выходит, а когда это совершенно не нужно, все само устраивается наилучшим образом?

— Молодец! — Николая положил руку ей на плечо, но Герда резко оттолкнула его и

подошла к Майли.

— Вот ведьма! Все ягненком прикидывается, а на самом деле вон что вытворять умеет! — с нескрываемой завистью сказала она.

— Что? — удивленно моргнула Герда.

— Что? — повторила Майли.

— Ты что-то сказала? — Герда не могла взять в толк, что происходит. Только заметила, что Николая искоса бросает на них заинтригованные взгляды.

— Ничего, — пожала плечами Майли.

— Но я же слышала! — настаивала Герда.

— Я молчала все время. Правда, мастер Николая? — обратилась к Охотнику за поддержкой Майли.

— Правда, — кивнул он.

— Но... — начала Герда, но Николая тут же ее прервал.

— Нет времени. Надо что-то с окнами придумать, а то ночью околеем, — он направился к городу, даже не потрудившись попрощаться.

Майли поскорей скрылась в доме, явно боясь оставаться с Гердой наедине.

Все ее избегают! Она еще раз оглянулась на выжженную посреди двора поляну, потом на внушительную гору снега позади того места, где она проходила испытание, сокрушенно покачала головой и тоже пошла к дому.

Через полчаса явились мастеровые. Сказали, бургомистр прислал их чинить окна. Финист с невиданным до этого энтузиазмом взялся руководить. Сделали все очень быстро и аккуратно. За помощь Эглаборг вручил им огромную бочку с пойлом, которым любил согреться Николая. Мастеровые радостно отблагодарили целителя и покатали бочку в город на санях, пригласив с собой Финиста, с которым успели сдружиться за время работы.

Наблюдая, как удаляется шумная компания, Герда испытывала смутное беспокойство. Почему Финисту не сидится дома? Она ведь даже толком поговорить с ним не успела, объяснить... У него такой смурной вид был, словно руки опустились. Страшно. Почему он не захотел ее выслушать? Она бы объяснила, что у них с Николая тоже ничего не выходит, а сегодняшний успех лишь случайность. Вряд ли фокус с снежками удастся повторить. А у Майли и Вожыком все обязательно получится, как у Дугавы со Жданом, просто потребуются больше времени. Если бы только Николая не давил на всех так сильно.

Охотник из города не вернулся. Пропадал где-то по своим делам. Впрочем, видеть его совсем не хотелось. Герда переключила внимание на Вожыка. Мальчик очнулся сразу после ухода рабочих. Эглаборг напоил его лечебным отваром, ощупал голову и спину, спросил про самочувствие и с облегчением объявил, что все в порядке.

— Я провалил испытание? — спросил мальчик слабым голосом.

— Нет, просто немного перестарался, — ласково ответила Герда. — Отдыхай. Мастер Эглаборг сказал, что тебе нужно пару дней провести в постели.

— Но... я подвел Финиста.

— Не думай об этом. Финист взрослый — переживет. А у тебя со временем все получится, вот увидишь.

— А что сказал мастер Николая?

— То же, что и я, — соврала Герда. — Спи.

Вожык закрыл глаза и повернулся на бок.

Герда подошла к окну и выглянула во двор. Стемнело. Мужчины не возвращались. Судя

по тому, что дорога отгорода пустовала, в ближайшее время их ждать не стоило. Прошел час. Герда изнывала от беспокойства. Финист так расстроился из-за испытаний. Зря Николая был так резок. Она прекрасна знала, как больно жалят его слова. А Финист... у него такое уязвимое самолюбие. Хоть бы теперь глупостей не наделал. Почему же он не возвращается?

Эглаборг позвал на ужин, но у Герды пропал аппетит. Она все же не выдержала и стала одеваться.

— Куда вы на ночь глядя? — встревожено спросил целитель. — Мастер Николая не велел...

— Я должна найти Финиста, — перебила его Герда. — Если бы мастер Николая был к нему терпимее, он бы не ушел, а мне бы не пришлось его искать в потемках. Так и передайте мастеру Николаю, если спросит.

Герда решительно направилась в город. Правда, когда добралась до окраины, пыл слегка остыл. Города-то она совсем не знала: была тут всего пару раз при свете дня и всегда ее кто-то провожал, поэтому надобности запоминать дорогу не возникало. Герда остановилась и задумалась. В книгах, которые описывали большие города, говорилось, что все дороги должны вести к центральной площади, где находилось сосредоточие всей жизни — лавки, таверны, постоянные дворы, рагуша. Почти как в Дрисвятах, только больше. Значит, надо идти вперед, пока не покажется круглая площадь с расположенным в центре зданием с большим шпилем. Оттуда можно начинать поиски.

В темноте Герда немного робела, но чем ближе к центру, тем светлее становилось от свечей, горевших на подоконниках домов. Ложились здесь поздно, позднее, чем на окраинах. Встречались прохожие, и вовсе не такие страшные, как ожидала Герда. Это укрепило решимость и придало мужества. Николая зря переживал, ведь Упсала казалась самым безопасным городом, в котором Герде доводилось бывать. Вот и шпиль показался. Значит, все правильно. Герда оглянулась по сторонам. Куда дальше? Впереди в одном из домов была приоткрыта дверь, откуда на порог лился теплый гостеприимный свет от камина. Доносились веселые голоса и смех. Герда подошла поближе и с трудом разобрала надпись на щербатой вывеске над дверью: «Золотой гусак». Знакомое местечко — о нем писала Лайсве в своем дневнике. Правда, она говорила, что публика здесь не слишком надежная, но... за Гердой же никто не гонится.

Она решительно вошла внутрь. Задымленная, смердящая крепким мужским потом комната тускло освещалась несколькими факелами, висевшими на стенах, и огнем от огромного камина в противоположном от двери углу, в основном им. Зал был уставлен множеством пошарканных столиков, за которыми сидели только мужчины. Они громко разговаривали, много пили, играли в карты и кости, щипали визгливых служанок, которые подавали им еду и эль.

Герда огляделась, собрала остатки смелости и подошла к мужчине в фартуке, который стоял рядом с бочкой и щедро разливал гостям пенное пиво.

— Здравствуйте, — попыталась привлечь его внимание Герда, но из-за шума ее не слышали. — Не могли бы вы мне помочь. Я ищу человека. Двадцать семь лет. На голову выше меня, каштановые волосы до плеч, глаза необычные желтые. Не видели?

— Рыбонька моя, думаешь, я каждому мужику здесь в глаза заглядываю? — перекрикивая гам, сказал он и как-то заговорщически подмигнул.

Герда понурилась. Он явно хотел денег, только вот в кармане не было ни гроша. Они раньше не требовались: обо всем заботился Николая. Стоило взять займы у Эглаборга, но

отдавать все равно было нечем.

Из глубины зала донесся громкий возглас. Герда вскинула голову и прислушалась. Она узнала голос.

— Рыбонька, если ничего не заказываешь, иди, куда шла. Не мешай гостям веселиться, — недовольно заявил мужчина, поняв, что платить она не собирается.

Герда, не обращая больше на него внимания, последовала за голосом. Веселившиеся вовсю мужчины оборачивались и улюлюкали ей вслед. Она изо всех сил старалась не замечать их скабрёзные взгляды.

Финист обнаружился за столом у дальней стены зала вместе с особенно шумной компанией, среди которой Герда узнала давешних мастеровых. Возле них стояли кружки с элем, а под столом виднелись ноги тех, кто уже не мог сидеть.

«Только не это», — с ужасом подумала Герда. Финист казался еще достаточно трезв. Нужно поскорей увести его отсюда, пока ничего не случилось. Герда толкнула его в плечо, чтобы он отвлекся от своих новых друзей.

— Финист, пошли домой! — попросила она, когда затуманенные хмелем глаза встретились с ее ясным взглядом.

— У меня нет дома, — отрезал он и отвернулся.

— Финист! — умоляла она. — Ну, пожалуйста.

— Это не мой дом, ясно? Я не хочу туда возвращаться. Отстань, не видишь, я занят, — грубо отмахнулся оборотень. Остальные из его компании дружно зашептались.

— Ну, кончай, а? Поругался с мастером Николя, и ладно. Тебя никто не гонит. Он из-за меня злится.

Это заявление хотя бы заставило оборотня поднять глаза. Он взял Герду за подбородок, пододвинул к себе и грустно усмехнулся.

— Маленькая птичка в клетке зовет меня в западню, в которую угодила сама. Да только я не хочу. И тебе не советую, хотя он все равно тебя уже не отпустит.

— О чем ты?

— О тебе, дурашка. О тебе и твоём ненаглядном мастере Николя. Ты что, не видишь, что происходит?

— Что? — оторопело спросила Герда.

Она и в самом деле ни слова не понимала. Ничего же не происходит! Они все просто погорячились. Наступит завтра, и никто не вспомнит об их дурацкой склоке.

— Ты его пленница. Он тебя использует, — зашептал он на самое ухо. Герда поморщилась от тяжелого хмельного духа.

— Зачем? — она продолжала разговор в надежде, что Финист послушает и уйдет отсюда. Но смысла в его словах с каждым мгновением становилось все меньше.

— Чтобы получить власть, выслужиться перед компанией, не знаю. Знаю только, что тебе это ничего хорошего не принесет. Беги от него, пока можешь.

— Хорошо, давай убежим вместе, — Герда слукавила. Думала, хоть так он пойдет за ней, но Финист игнорировал протянутую ему руку.

— От него не убежишь. Бесплезно все. Лучше выпить и забыться. Не хочешь с нами? — он протянул ей кружку с элем. Герда поморщилась и отодвинула ее в сторону.

— Мне здесь не нравится. Давай уйдем, — еще раз попытала счастья Герда, но теперь за оборотня ответили его товарищи.

— Вот заладила, пойдем да пойдем. Ты что ему жена или мать? Не мешай человеку

веселиться, если он хочет, — рыкнул высокий крепкий детина не из мастеровых и оттолкнул в сторону. Едва не упав, Герда врезалась в чью-то спину.

— Аккуратней! — прикрикнул облившийся выпивкой мужчина, но увидев перед собой хрупкую девушку, хищно ухмыльнулся и схватил ее за руку.

— Ишь какая. Не из местных? Давненько таких не видел. Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Герда чувствовала его ауру. Она была странной, покрытой полупрозрачной дымкой и явно не человеческой. Герда обернулась на Финиста, моля о спасении, но тот настолько увлекся разговором со своими новыми друзьями, что не замечал ничего вокруг.

— Пожалуйста, отпустите, — взмолилась она, стараясь не показывать, что узнала в собеседнике демона.

— Тише, кроха. Я тебя не обижу, — не унимался он, медленно притягивая ее к себе.

— Шейс, отпусти ее! — донесся из толпы властный голос.

— Чего переполошился, Асгрим? Я же всего лишь играю. К рассвету она ничего и не вспомнит, — не послушался демон. — Гляди, какая хорошенькая, ммм!

Он плотоядно облизнулся. Нужно было вырваться и закричать что есть силы. Людей в зале много — отобьют. Но Герда оцепенела настолько, что не могла ни пошевелиться, ни даже пикнуть. Это демонова ворожба?

— Она с Охотником. Он твоих шуток не оценит, — грозно ответил Асгрим.

— Вечно этот Охотник! Такое ощущение, что мы у него на побегушках. Вот развлекусь с его подружкой и что он мне сделает со своей отсохшей рукой? — Шейс говорил так, словно ее тут и вовсе не было. Или он считал, что люди настолько глупы, что не могут разобрать демонский говор?

— Если ты сейчас же ее не отпустишь, я сам спущу с тебя три шкуры, — пригрозил Асгрим и буквально силой вырвал Герду из рук демона.

Он был высокий, с темными глазами и волосами, одет в плащ из тонко выделанной кожи, подбитый толстой овечьей шерстью. Его аура тоже казалась странной, хотя Герда не могла с точностью определить демон он или нет. Зато дышать рядом с ним сразу стало легче. Колдовское оцепенение медленно отступало, позволяя, наконец, пошевелить затекшими в жесткой хватке запястьями.

— Идем, таким девушкам, как ты, здесь находиться опасно, — Асгрим быстро повел ее прочь.

Герда была еще слишком слаба, чтобы сопротивляться. Тем более, они направлялись к выходу, а сейчас хотелось оказаться подальше от этого гнилого места и злобно шутившегося демона.

— Вы знаете мастера Николая? — заговорить смогла только на улице.

— Его здесь все знают, — вздохнул Асгрим. — Я отведу тебя к нему.

— Не надо, — всполошилась Герда, представив, как отреагирует Охотник, узнав, где она была. — Лучше домой.

Но в очередной раз не повезло. Очевидно, это просто был не ее день. Стоило завернуть за угол, как они нос к носу столкнулись с Николаем. Тот шел по-обыкновенно размашисто и не особо следил за дорогой, погруженный в мрачные раздумья. Асгриму пришлось несколько раз его окликнуть, прежде чем он медленно, будто нехотя, обернулся и озадаченно посмотрел на них.

— Кажется, я нашел кое-что твое, — весело подмигнул Асгрим и подтолкнул вперед

Герду. Николая прищурился, пытаясь разглядеть ее в ночной тьме, а потом крепко схватил и притянул к себе.

— Где ты ее нашел? — озабоченно поинтересовался Охотник. Мнение Герды по поводу случившегося его явно не интересовало.

— В «Гусаке».

— Где?! — Николая больно сжал ее руку.

— Именно там. На силу у Шейса вырвал, — продолжил рассказ Асгрим. — Объяснил бы ты ей, чтоб не шлялась по таким местам по ночам, а то сведут ненароком, не из наших, так из ваших кто-нибудь заезжий.

— Ты совсем рехнулась? — Николая встряхнул ее. — Какого демона тебе там понадобилось?

Герда молча потупилась.

— Ладно, я пойду, а то жена ждет, — заторопился Асгрим. Видно, не слишком хотелось наблюдать, как они будут выяснять отношения. — Требуется, чтоб я сына воспитал. Если бы я только знал, как его воспитывать. Уже все прутья об его зад сломал.

— Под замок тебя сажать, что ли? — зло спросил Николая, когда Асгрима поглотила ночная тьма.

— Да хоть бы и так, — огрызнулась Герда и вырвалась из его рук. — Все равно как в клетке живу. Финист прав.

Нужно забрать Финиста из таверны. Иначе его тоже сведут, особенно если он упьется до умопомрачения. Уговорить его не получается, значит, действовать надо силой. Просить Николая бесполезно — жалостливые взгляды на него не действуют. В этом она сегодня хорошо убедилась. Остается лишь хитрость.

— Куда ты?! — закричал Охотник, видя, что она уходит.

— Обратно, — отрезала Герда и, не оборачиваясь, пошла к таверне.

Он шел следом, она это чувствовала. Возле входа Герда остановилась. Николая перегородил ей путь:

— Скажи, что тебе там надо. Я это достану, а потом мы спокойно уйдем.

Она выдохнула. Все шло по плану. Только бы с крючка не сорвался.

— Там Финист. Я пришла за ним, — кратко ответила Герда. Чем меньше Николая будет знать о выходе оборотня, тем лучше.

— Погоди-погоди, он был с тобой и не защитил? — возмутился Охотник. Кажется, без неприятных объяснений обойтись не удастся.

— Он выпил... лишнего, — нехотя призналась Герда.

— Ты хочешь сказать, что он был настолько пьян, что не заметил, как ты попала в беду? — голос Николая звенел от ярости.

Ничего не выходит! Ну почему он не слушает, как все?! Герда в отчаянии отвернулась и тихо попросила:

— Просто уведите его оттуда.

— Стой тут, — хмуро бросил Николая и вошел внутрь.

Отсутствовал он минут пятнадцать. Герда успела замерзнуть, пока ждала, и начала нетерпеливо переминаться с ноги на ногу. Гул голосов все нарастал, послышался звук бьющейся посуды, возмущенные выкрики. Дверь распахнулась. Из нее вылетел Финист: перекувырнулся через голову и распластался в глубоком сугробе. Следом вышел разъяренный Николая. У прохода столпилось куча народа, среди которых Герда узнала и



компанию Финиста, и Шейса, и нелюбезного подавальщика. Николая тоже их заметил и резко развернулся на каблуках.

— Кто еще хочет мою руку проверить? — с вызовом спросил он. Толпа словно по команде сделала шаг назад. Видимо, желающих охладить пыл в снегу больше не нашлось. — В таком случае, все свободны.

Николя схватил Финиста за шкурку. Оборотень на ногах уже не держался. Да и язык заплетался так, что ничего членораздельного разобрать было невозможно. Охотник перекинул руку Финиста себе через шею. Герда поддерживала с другого бока. Вместе потащили Финиста домой, пыхтя и ругаясь про себя на него и друг на друга. Первой выбежала на порог Майли.

— Что с ним? Ему плохо? — встревожилась она.

— Пить надо меньше, вот что, — резко ответил Николая. Он все еще полыхал от гнева. Что бы ни случилось внутри таверны, это добило его окончательно.

— Зануда, — пробормотал Финист, приподняв голову с плеча Охотника, а потом снова уснул. Николая с шумом выдохнул, явно из последних сил сдерживаясь, чтобы не выругаться перед девушками. Вскоре подоспел Эглаборг и помог втащить Финиста в дом. Герда уже чуть не падала от усталости и была несказанно рада избавиться от своей ноши.

— Ух, от него несет еще хуже, чем от моего брата в тот день, когда он разорился, — поморщился целитель, отгоняя рукой тяжелый дух. — Давайте в гостиной его оставим. Пусть здесь отсыпается, а то еще мальчика потревожит.

Они водрузили Финиста на широкий диван, вытерли со лбов пот и устало опустились прямо на пол. Девушки робко жались в сторонке. Первой не выдержала Майли. Подошла к Финисту и провела рукой по его лицу.

— Почему он так? — задала она риторический вопрос.

— Потому что идиот, — сплюнул Николая.

— Нет, потому что кто-то наговорил ему гадостей, унизил и заставил почувствовать себя ничтожеством, — в конец обозлилась Герда.

Все поражено молчали.

— Ну, конечно, он ведет себя как последняя скотина, а виноват всегда я! — дал волю раздражению Николая. Хорошо, что хоть на какие-то чувства он все-таки способен, но все равно обижать и тем более обзывать Финиста он никакого права не имел. Герда упрямо выпятила вперед губу и отвернулась. Охотник заговорил куда тише и спокойнее: — Я просто хотел, чтобы он более ответственно относился к своим обязанностям, вот и все.

Не впечатлило.

— Вы постоянно на нас наседаете. Требуете то, чего мы сделать просто не состоянии. Ваши слова, ваше поведение нас пугают. Не все могут выдержать такого давления. Финист не смог. И я его понимаю, — Герда поднялась по лестнице и громко хлопнула дверью.

Николя устало прикрыл глаза ладонью.

— Я наседаю? — спросил он непонятно у кого.

— Да, — одновременно ответили Майли и Эглаборг. Николая снова тяжело вздохнул.

===== Глава 24. Незваные гости хуже троллей =====

Герда проснулась поздно, ну не совсем поздно, но долго валялась в постели и вставать не хотела. От вчерашнего происшествия на душе остался гадкий осадок. Пропало всякое

желание видаться с кем-либо или тем более разговаривать. Прележать бы всю жизнь под теплым одеялом и ни о чем не думать, кроме грез о полетах и дальних странствиях. Мечты прервал стук в дверь, странный, такой неожиданно деликатный и вместе с тем настойчивый. Герда села на кровати и, помедлив мгновение, ответила:

— Входите, не заперто.

Дверь отворилась и через порог несмело переступила Майли. Герда нахмурилась. Прежде наследница Будескайска никогда к ней не заглядывала.

— Как у тебя здесь тесно... — не преминула покритиковать она, пристально разглядывая комнату соперницы.

— Мне нравится, — пожала плечами Герда, не понимая, к чему этот разговор. На всякий случай встала и накинула поверх ночной рубахи шерстяную шаль. — Ты что-то хотела? — присутствие Майли внушало смутное беспокойство. Чем больше Герда оставалась с ней наедине, тем больше ощущала, что девушка настроена очень настороженно, даже недоброжелательно. Это нервировало и пугало.

— Ты обещала отдать его мне, — мрачно напомнила Майли после затянувшегося молчания.

— Кого? — нахмурилась Герда.

— Финиста. Отдай его мне, — от скрытой угрозы по спине пробежали мурашки.

— Я его не держу, — Герда отвернулась, пытаясь унять дрожь.

— Ты танцевала с ним на празднике и бегала за ним в город вчера. Ты постоянно крутишься вокруг него, привлекаешь внимание. Разве ты не видишь, что все его неприятности из-за тебя?

— Из-за меня? — удивленно моргнула Герда.

— Ну конечно. Из-за тебя Финист с мастером Николя готовы поубивать друг друга, а ты, — Майли стала так, чтобы видеть глаза Герды, и указательным пальцем коснулась ее носа. — Ты с ними играешь. Забавляешься. Распалыешь вражду, так и не сделав выбор.

Герда убрала ее руку. Почему все ведут себя так навязчиво: подходят слишком близко, орут, за руки хватают? Достали!

— Ты что-то путаешь. Если и есть маленькая возможность, что я не безразлична Финисту, то мастер Николя заботится обо мне только как о своей ученице. И поверь, тут я бы с удовольствием поменялась с тобой местами. А Финиста я не держу. Он знает, что нравится мне только как друг. Если ищешь виноватого в том, что у вас ничего не выходит, повнимательней посмотри на себя в зеркало.

Герда подошла к двери и пошире ее распахнула.

— Если это все, я попрошу тебя выйти. Мне надо переодеться.

— Мы не закончили, — Майли злобно сверкнула глазами. — Если ты еще раз...

— Что ты сделаешь? — зевнула Герда и снова указала на дверь.

Не найдясь, что ответить, Майли насупилась и вышла. Герда устало сползла по стенке. Кажется, она слишком много общается с Охотником. Уже и ведет себя почти как он. Чуть успокоившись, переоделась, вышла в коридор и ступила на лестницу, но вдруг услышала голоса в гостиной и по привычке спряталась за перила.

— Как же мне плохо, — стонал Финист, с трудом поднимаясь с дивана.

— Не сомневаюсь, — злорадно ответил Николя, протягивая ему тарелку с супом и чашку с дымящимся отваром. — Это от Эглаборга. Сказал, что лучшего средства от похмелья нет.

Финист скривился, но все же взял тарелку и, приняв себя, отхлебнул чуток.

— Кислятинка, хорошо, — пробормотал он и начал уплетать суп за две щеки вприкуску с хлебом.

Когда закончил, всего за несколько глотков опорожнил чашку с отваром. Николая терпеливо за ним наблюдал.

— Что? — не выдержал пристального взгляда Финист.

— Поговорить хочу, — в тон ему ответил Охотник. Оборотень подавился и громко закашлялся.

— Постучать по спинке? — с притворным участием спросил Николая.

— Да иди ты... — буркнул Финист. — Говори, чего надо, только быстрее. Если хочешь меня выгнать, то не растрачивай свое красноречие зря — я уйду сам.

— Не хочу, — устало сказал Николая. — Я действительно считаю, что ты очень полезен для Компании. Ты сильный воин и обладаешь редким даром. Ты мог бы быть прекрасным учителем, был им, когда хотел, но сейчас твои безответственные выходки не оставляют мне иного выбора, кроме как отказаться от твоей помощи.

— Мои выходки? Я не сделал ничего предосудительного. У меня был тяжелый день. Что плохого в том, что я решил немного развеяться?

— Проблема как раз в том, что ты ничего не сделал. Ни для своих учеников, чтобы они справились со своим даром, ни для Герды, которая пошла за тобой в этот притон и едва не угодила в беду.

— Герда? — нахмурился Финист, явно с трудом припоминая события предыдущего дня, а потом потупился. — Мне начинать собирать вещи?

— Нет. Я готов дать тебе еще один шанс, но ты должен пообещать, что впредь станешь относиться к своим обязанностям серьезно. Твои ученики сейчас очень уязвимы и зависят от тебя. Если тебе нет до них дела, скажи об этом сейчас, чтобы ни я, ни они на тебя не надеялись.

Финист крепко задумался.

— Ты, правда, думаешь, что у меня получится? — неожиданно спросил он. Николая пожал плечами:

— Об этом знаешь только ты сам.

— Ладно, — согласился Финист и осторожно поинтересовался: — Можно поговорить с Гердой?

— Если захочет. Я ей не тюремщик, — Николая обернулся на лестницу.

Герда закусила губу. Ну как он догадался? Есть в этом что-то ненормальное.

Николя ушел на кухню, забрав с собой пустую посуду. Герда выбралась из укрытия и спустилась к Финисту.

— Слышала, ты хотел поговорить, — улыбаясь, сказала она.

— Насчет вчерашнего... Я плохо помню. Прости, хотя нет, наверное, ты не должна прощать, — сбивчиво начал объясняться Финист, и к концу совсем сник.

— Ничего страшного. Я жива, все в порядке, — подбодрила его Герда.

— Но Охотник сказал...

— Мастер Николая как всегда преувеличивает. Это было даже забавно, — правда, вчера Герда в своем маленьком приключении ничего забавного не находила, да и сегодня тоже, но Финист выглядел слишком жалко, чтобы припоминать то, что так и не случилось.

\*\*\*

Герда вела себя с Николая все также холодно, как и накануне. Обращалась только по крайней нужде, да и то односложно. Даже великодушный жест по отношению к Финисту оставил ее равнодушной, показался наигранным и неискренним. Заниматься совсем не хотелось. Хотелось сбежать на край света, побыть одной, подумать, отдохнуть. Небольшое уединение помогло бы разложить все по полочкам — разобраться в чувствах и желаниях, понять, как работает дар. Но Николай придерживался на этот счет иного мнения. И поэтому после завтрака потащил Герду в очередное потаенное место для занятий.

На этот раз он нашел небольшую поляну на краю леса — затишек, куда из-за густых елей не добирался пронизывающий ледяной ветер. На вытоптанной площадке Николай расстелил покрывало и удобно устроился на нем. Герда осталась стоять в ожидании очередного снежного обстрела. Но он все никак не начинался. Охотник выжидающе смотрел на нее, а она старательно избегала его взгляда, наблюдая то за серым небом, подпертым верхушками древних деревьев, то за причудливо украшенными наледью еловыми лапками.

— Так мы будем заниматься? — Герда первая нарушила правила игры в молчанку, которые сама же установила.

— Будем, — коротко ответил Николай и снова притих. Наверное, злился, что она его игнорировала. Теперь уже Герда смотрела на него, а он уперся взглядом в покрывало под собой.

— Что мне делать? — окончательно растерявшись, спросила она. Николай соизволил встретиться с ней взглядом, но продолжил молчать, явно о чем-то размышляя. Знать бы, о чем.

— Сложно, — вдруг выдохнул Охотник. — Иди сюда.

Герда недоуменно пожала плечами и подошла к покрывалу. Николай пробежался здоровой рукой по ее ногам, потом заскользил пальцами по спине. От прикосновений кожу жгло даже через одежду.

— Подними руки, — скомандовал Охотник. Герда мгновенно подчинилась. Странные ощущения завораживали.

Николай точно также обследовал ее руки, а затем тяжело опустился на покрывало и снова отвернулся. Герда осталась стоять в полном недоумении.

— Почему ты не вышла замуж? — ни с того ни с сего поинтересовался он. Герда закусил губу.

— Так никто не предлагал. Какое отношение это имеет к моему дару?

— Прямое. Сядь, — Николай указал на место рядом с собой. Герда опустилась на самый край покрывала и продолжила вопросительно смотреть.

— Так уж никто? — подвинувшись ближе, Николай взял ее лицо за подбородок и повернул к себе, вглядываясь так пристально, что кожу обдало жаром не хуже, чем от прикосновений. — Почему? Ты же вроде достаточно хорошенькая.

Герда смущенно отвернулась, почувствовав, как к щекам прилила пунцовая краска. Почему в устах Николая даже комплимент звучит укором?

— Думаю, из-за того, что я приглянулась Вальдемару. Замуж он меня звать не собирался, а для остальных я не казалась хорошенькой настолько, чтобы они решились бросить вызов сыну земского главы. И я их не осуждаю...

Герда встряхнула головой, отгоняя тревожные воспоминания. Николай неловко потупился. На несколько мгновений они оба застыли в тупом молчании, потом одновременно подняли глаза и столкнулись взглядами одинаково тяжелыми

непроницаемыми взглядами.

— А Финист? — коротко спросил Николая.

— Что Финист?

— Ты говорила, что он тебя целовал. Неужели он не предлагал большего?

Пронзительный взгляд действовал на нервы. Герда негодуяще выдохнула. Да кто он такой, чтобы задавать подобные вопросы? Жених?!

— Я же говорила, что нет! — вспыхнула она. Как же надоело с ним ругаться! Надо это остановить. Герда поднялась и отступила на шаг.

— А я не поверил. И сейчас не верю, — Николая схватил ее за руку и вернул обратно на покрывало.

— Я хочу другого учителя, — выпалила она, судорожно пытаясь вырваться, но Николая не отпускал. — Вы говорили, что я могу поменять учителя, если вы мне не понравитесь. Вы мне не нравитесь.

Охотник удивленно вскинул брови.

— Где же я найду другого учителя сейчас? — он очень медленно разжал руки. Герда послушно села. — Я бы мог отправить тебя в штаб-квартиру компании Норн в Дюарле, но это будет долго и неразумно.

— Я могла бы заниматься с Финистом, а вы бы взяли себе Вожыка или Майли, — любезно предложила она. В прошлый раз он сам об этом говорил.

— Да, ему с тобой явно было бы легче. И вряд ли бы он мучался от подобных мыслей, — многозначительно изрек Николая.

О чем он? Разве что... Бред!

— Тогда, может, не надо вообще никакого учителя? — с надеждой предложила она. — Мой дар слабый и не опасный, не такой, как у Вожыка. Того, что вы мне показали, должно хватить, чтобы выжить и не причинить никому вреда.

Охотник грустно покачал головой.

— Вчера ты чуть не надорвалась, когда неосознанно попыталась погасить огненный взрыв Вожыка. Если ты не научишься контролировать свой дар и рассчитывать силы, то рискуешь когда-нибудь погибнуть от истощения или перенапряжения. Я знаю, поначалу всегда сложно. Кажется, что у тебя ничего не получится, но иногда надо постараться чуть сильнее, перетерпеть и все придет. У тебя очень сильный и необычный дар.

Снова врет! Герда поджала губы, обняла себя руками и отвернулась.

— Я не лъщу и не преувеличиваю, — Николая протянул ей руку, но Герда отодвинулась на самый край покрывала. — Пожалуйста, дай мне еще один шанс.

Она не отвечала, даже взглядом с ним встречаться не желала.

— Я же дал его Финисту, — не преминул напомнить Охотник о своем «великодушном» жесте. — Не кривись. Все будет по-другому. Наседать больше не стану.

— И дурацких вопросов задавать тоже? — недоверчиво переспросила Герда.

— Обещаю, — Николая в который уже раз протянул руку ладонью вверх. — Мир?

Герда пожалала ее, но очень нерешительно, сомневаясь, что он говорит серьезно.

— Мне опять отбивать снежки?

— Нет, я же сказал, все будет по-другому. Садись напротив, смотри на меня и дыши.

Герда сделала все так, как он велел.

— Твое задание будет предельно простым — ты должна синхронизировать свое дыхание с моим. То есть когда я делаю вдох, тогда и ты должна делать вдох, и когда

выдыхаю, ты тоже выдыхаешь. Начнем?

Герда закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться на своем дыхании, чтобы выровнять его и сконцентрироваться, но Николая ее сбил:

— Лучше держи глаза открытыми. Будет проще, если ты сможешь меня видеть.

Герда закусила губу. Охотник ошибался. Когда она смотрела на него, мысли начинали роиться и улетать куда-то вдаль, дыхание учащалось, а сердце бешено колотилось в груди. Что ж, значит, это будет еще и тренировка на выносливость. Герда сделала глубокий вдох, потом выдох. Странно, у Николая так много общих черт с Финистом: вытянутый овал лица, упрямо вздернутый подбородок, слегка прищуренный, кошачий разрез глаз. И еще они одинаково кривят рот в правую сторону, когда раздражены. Наверное, даже у самых непохожих людей можно найти что-то общее, если внимательно вглядываться.

— Не получается? — сбил ее с мысли Николай и снова протянул руку. — Попробуй нащупать пульс. Это должно помочь.

Герда долго возилась, прежде чем смогла его нащупать. Потом сравнила со своим. У них обоих пульс оказался одинаково частым. Тогда можно и не успокаиваться, а просто прислушаться к Николаю чуть внимательней. Вот он делает вдох, и она за ним, выдох и она выдох. Опаздывает всего на пару мгновений. Надо догнать, предугадать, почувствовать его ритм. Почти. Какие же у него великолепные бездонные синие глаза! Даже у неба поздней весной не бывает такого насыщенного цвета. Ну почему так сложно сосредоточиться на дыхании?!

Губы Николая растянулись в улыбку. На щеках появились едва заметные ямочки. Герда почувствовала, как к лицу снова приливает краска.

— Простите, — потупилась она.

— Ничего, — ответил Николай. — Продолжай, у тебя хорошо получается.

— Я не могу сконцентрироваться с открытыми глазами.

— Попробуй повторять про себя какую-нибудь короткую фразу. Сосредоточься на ней, думай только о ней и о том, чтобы дышать со мной в унисон, — подсказал Николай.

Герда попробовала. Так действительно оказалось проще. По крайней мере, пока она пыталась придумать стишок, который смогла бы про себя повторять, никакие посторонние мысли не отвлекали. Правда, стишки выходили паршивые, без смысла и рифмы, зато ритм дыхания Николая повторяли точь-в-точь.

— Молодец, — похвалил Охотник. На занятиях это случалось так редко, что Герда немного стушевдалась. — На сегодня, пожалуй, хватит.

Они быстро собрались и пошли домой. За лесом их нагнал порывистый промозглый ветер, который обычно предвещал начало холодной сырой весны, которой славилась северная Лапия.

\*\*\*

Николя сдержал обещание. Следующая неделя прошла очень тихо и незаметно, несмотря даже на то, что в конце зимы не на шутку разгулялась матушка-вьюга, как говаривали упсальские старожилы. Дома пришлось сидеть безвылазно. Герда поначалу побаивалась, что Николай и Финист не смогут так долго находиться рядом без ссор, но после случая в таверне они немного успокоились и старались больше не ругаться. Напряженность, конечно, сохранилась, поэтому разговаривали они мало, в основном на отвлеченные темы, порой доходя до сущих несуразностей, над которыми тайком посмеивались остальные домочадцы.

Вожык быстро шел на поправку, но Эглаборг пока запрещал ему заниматься. Вниманием Финиста всецело владела Майли. И ей это очень нравилось. Она словно расцвела, наполнилась жизнью. На щеках горел румянец, глаза счастливо блестели, на устах постоянно играла улыбка. Даже на Герду злиться перестала — не задевала при каждом удобном случае, даже разговаривала без обычного высокомерия.

Герда радовалась, что отношения Майли и Финиста наладились, хотя замечала, что оборотень нет-нет, да бросал на нее полные тоски взгляды. Но пока рядом находился Охотник, приближаться не отваживался. Николая тоже стал более веселым и раскованным. Они с Гердой запирались в библиотеке, чтобы никто не мешал. Занятия теперь походили на забавную игру. После того, как Герда научилась синхронизировать свое дыхание с дыханием Николая настолько, что их сердца начали биться в унисон, Охотник поставил новую задачу — повторять его движения. Все, включая даже движения глаз и губ. Выполнить это оказалось еще сложнее. Требовалось подмечать малейшие шевеления и тут же их повторять. Постоянно следить за ним и за собой — нельзя совершать лишних движений и терять синхронизацию его дыханием.

Никогда прежде Герде не приходилось так скрупулезно себя контролировать: дышать равномерно, не отрывать взгляд от его глаз, вовремя и правильно реагировать. Поначалу получалось еще хуже, чем со снежками. Тогда Николай решил упростить задачу, попросив сосредоточиться только на лице. Поднял одну бровь, потом другую, потом пошевелил уголками губ. Наблюдать за такими движениями и повторять их было куда проще. Сидели так с полчаса — Николай улыбнется и Герда за ним, прищурится и она быстро повторяет. Когда она в конец вымоталась и даже толком концентрироваться перестала, Охотник скорчил до того забавную рожицу, что Герда не выдержала и рассмеялась.

— Что это было? — весело поинтересовалась она.

— Выражение лица Эглаборга, когда он занят своими «опытами», — задорно подмигнул Николай. — Не похоже?

Герда улыбнулась и неопределенно пожала плечами. Раньше шутки Николая ни к чему хорошему не приводили. Но теперь, по крайней мере, она знает, что старается он вовсе не ради нее.

— А это наш бургомистр, когда я прихожу к нему за деньгами, — Николай выпучил глаза в притворном удивлении, а брови грозно сошлись над переносицей.

Герда засмеялась уже в голос.

— Вот это ты точно узнаешь, — Николай вскинул голову, насупился, подал вперед нижнюю челюсть и заскрежетал зубами. Получилось очень похоже.

— Финист! — легко догадалась Герда, но смеяться не стала. Над друзьями потешаться нельзя. — Он не всегда такой.

— Может быть, но ты же догадалась, — быстро сдался Николай и тут же изобразил другого человека. Напряженно закусил губу, весь сжался и сделал несчастные глаза. — Ну?

— Сдаюсь, — покачала головой Герда и неосознанно повторила то, что только что показывал Николай. — Ой... это я?

Охотник усмехнулся и снова ее спародировал. Герда закрыла лицо руками и сдержанно рассмеялась. Охотник тут же воспроизвел ее жест и звуки, которые она издавала.

— Не надо, мастер Николай, — попыталась урезонить его Герда, но Николай уже настолько разошелся, что останавливаться не желал.

— Не надо, мастер Николай, — повторил он противным писклявым голосом и так

жеманно передразнил ее смущение, что Герда не выдержала и запустила в него подушкой, на которой сидела до этого.

— Эй!

Замерев у самой головы Охотника, подушка плавно опустилась на пол. Такой реакции следовало ожидать, он ведь телекинетик. Но вот от кулаков он так просто не избавится, Герда воинственно гикнула и сама бросилась в бой. Николая совсем не сопротивлялся, когда она вцепилась в него и принялась лупить руками по широкой груди. Он раскатиисто засмеялся, обхватил ее за талию и притянул к себе так, что ее ноги сошлись у него за спиной. Герда испуганно замерла. Показалось, что Николай принюхивается к волосам и касается губами шеи. Герда вздрогнула и подняла голову, заглядывая в подернутые мутной паволокой глаза.

— Ч-что с вами? — сиплым голосом спросила Герда.

Николай нахмурился, словно ожидал чего-то другого, а потом тяжело вздохнул и отпустил.

— Действительно, что? — с досадой обратился он к самому себе и разочарованно отвернулся.

Герда тут же отодвинулась на почтительное расстояние.

— В следующий раз я тоже буду вас передразнивать, — пытаюсь сгладить неловкость, отшутилась она.

— Посмотрим, как у тебя это получится, — через силу рассмеялся Охотник.

Требовать объяснений Герда не решилась. Сама виновата. Не стоило на него кидаться. В конце концов, она уже не ребенок, а он — взрослый мужчина. Такие игры между ними просто неприличны. Вдруг Николай подумает, что она гулящая и пытается его соблазнить?

\*\*\*

На следующий день Герда исполнила свою угрозу. Конечно, ее рожицы получились совсем не такие забавные, как у Николая, а скорее совсем глупые, но Охотник отчего-то остался доволен и даже рассмеялся в конце. Дальше занятия стали проходить в таком духе: вначале он изображал ее — жесты, мимику, походку, даже речь, а потом она его, сопровождая все это задорным смехом и шутками. Незаметно для себя действительно стало получаться повторять жесты Николая даже без изнуряющей концентрации и утомительной слежки за ним. Она настолько увлеклась, что пару раз удалось даже предугадать действия за мгновение до того, как он их совершал.

Метель окончательно стихла как раз к тому времени, как поправился Вожык. Все были несказанно рады провести день вне стен опостылевшего за две непогожие недели дома. Финист, решительно взявшись за обучение своих подопечных, отправился на занятия с мальчиком сразу после завтрака. Не хотел больше и минуты терять зря. Его энтузиазм обрадовал Герду, но Николай отнесся к нему крайне настороженно.

— Слишком быстро он воодушевляется на новые свершения, — объяснил Охотник. — Но запала хватает ровно до первого препятствия, не преодолев которое, Финист столь же быстро сдается.

— Он умеет быть настойчивым, — возразила Герда, припомнив, как настырно оборотень добивался чувств, которых она к нему не испытывала.

— Только не там, где это действительно нужно, — ответил Николай, словно прочитав ее мысли, и досадливо покачал головой: — Почему все наши разговоры неизбежно сводятся к обсуждению личных качеств Финиста?



Герда слабо улыбнулась и пожалала плечами, а про себя подумала: “Возможно, потому, что вам они не дают покоя”.

Они тоже отправились заниматься на улице. Добраться до излюбленной поляны в лесу оказалось слишком сложно. Дорогу замело сугробами выше головы. Пришлось расположиться поближе к дому, но место оказалась ничем не хуже — под пригорком, где и снега было поменьше, и ветер не дул. Николая расстелил покрывало, сел и пригласил Герду устроиться рядом.

— Что будем делать сегодня? — полюбопытствовала она.

Не терпелось заняться чем-нибудь интересным и захватывающим. Николая пожал плечами:

— А что ты хочешь?

Герда задумчиво посмотрела по сторонам. Хотелось подвигаться и согреться.

— Отбивать снежки, — решила она.

— Никто тебя за язык не тянул, — усмехнулся Охотник и без предупреждения запустил в нее снежный ком.

Герда едва успела заметить, как он отклонился и приземлился сзади. Она поднялась и попятилась мелкими шагами, не сводя глаз с Николая. Уголки его губ поползли вверх. В воздух взлетела целая туча снежков. Герда ринулась бежать со всех ног, то сама уклоняясь от снарядов, то отклоняя их. Она долго кружила вокруг неподвижно сидевшего на покрывале Охотника, по чьей воле в нее безостановочно летели все новые и новые комья. Как только Герда почувствовала усталость, обстрел тут же прекратился. Она сделала несколько шагов к своему учителю. Вдруг откуда ни возьмись появился громадный снежный шар и понесся прямо на нее. Герда напряженно замерла. Шар, словно оттолкнувшись от невидимой преграды, отлетел к Охотнику и ударил в лицо. Герда испуганно прикрыла рот рукой. Николая быстро счистил с себя снег и поднял глаза. Он улыбался.

— Молодец! У тебя получается лучше, чем я думал.

Герда недоверчиво моргнула. Он не злится? Он серьезно?

— Простите меня, я не хотела, — смущенно залепетала она, опускаясь на покрывало. Герда заметила, что снег залез к нему за воротник, и бросилась вычищать.

— Не стоит, — Николая перехватил ее руки и опустил их. — Все в порядке.

— Вы, правда, не злитесь?

— Разве я когда-нибудь на тебя злился?

Герда пристально посмотрела на него. Навскидку она могла припомнить раз десять, но, наверное, их было больше.

— Давай, перекусим. Ты, должно быть, устала, — Охотник подал ей сверток с вяленным мясом и хлебом, заботливо приготовленный Эглаборгом.

Николя закончил есть первым и так внимательно наблюдал за своей подопечной, что она все время краснела и дрожащими от смущения руками роняла крошки хлеба себе на колени.

— Ты даже за едой не расслабляешься, — сделал неутешительный вывод Охотник. Герда пожалала плечами. Расслабиться в его присутствии всегда было нелегко, а уж когда от нее этого требовали...

— Что дальше? — поинтересовался Николая.

— Не знаю. Почему вы все время спрашиваете? Обычно вы так не делаете, — недоверчиво нахмурилась Герда.

— Пусть сегодня будет твой день, — он ласково улыбнулся. Но даже сейчас Герда не чувствовала в нем искренности.

Задуматься пришлось всерьез и надолго. Ничего из того, чем они занимались раньше, делать не хотелось. Но разучивать что-то новое всегда сложнее, чем повторять старое. Они с Николая, наверняка, снова переругаются, а так не хотелось портить этот первый ясный день.

— Помните, вы говорили про предел силы, — осторожно начала Герда. Охотник внимательно посмотрел на свою ученицу, ожидая продолжения. Она сильно сомневалась, что Николая согласится, но попробовать все же стоило. — Так как мой предел очень маленький, я бы хотела увидеть ваш, если можно.

Николя нахмурился:

— Не слишком хорошая идея. Для воина, не только для Стража, опасно показывать свой предел. Ведь тогда противник с легкостью сможет тебя к нему подвести и перебросить через край.

Герда погрузилась и опустила голову.

— Но ты не воин. И, надеюсь, моим противником никогда не станешь, поэтому, думаю, я мог бы показать, если обещаешь молчать, — смягчился вдруг Николая. Герда счастливо улыбнулась. Охотник поднялся и помог ей, а потом быстро скрутил покрывало и отложил в сторону.

Николя вышел на открытое место и поманил за собой Герду. Она покорно подошла к нему. Охотник повернул ее к себе спиной и обхватил за талию здоровой рукой.

— Держись крепче и не шевелись, — предупредил он. Герда напряженно замерла, сию секунду представляя, что он собирается сделать, но так и не смогла. Впереди разверзлась громадная вихревая воронка и поглотила их. От страха Герда зажмурилась. Их оторвало от земли и закрутило в воздухе. Совсем как тогда, когда Николая сражался с Ходоком. Она сильнее прижалась к Охотнику, боясь, что потеряется в этом чудовищном смерче. Николая нашел ее ладонь и ободряюще сжал. Вихрь стих также неожиданно, как начался. Почувствовав, что все улеглось, Герда открыла глаза и снова зажмурилась от яркого солнца. Случайно наклонившись вперед, почувствовала, что потеряла опору и вот-вот упадет, но Николая с силой притянул ее обратно.

— Я же говорил, не шевелись. Здесь едва хватает места для одного, а вдвоем надо быть очень осторожными, — предупредил он.

Герда огляделась. Они стояли на вершине одинокого утеса посреди пролива, отделяющего друг от друга два едва видневшихся в белой дымке берега.

Море здесь не замерзало даже в самые лютые морозы из-за теплого течения. Оно согревало и отстоящие друг от друга берега, на ближнем из которых, как догадалась Герда, располагалась Упсала. Поэтому и зимы здесь были сравнительно мягкие без сильных холодов.

— Как мы здесь очутились? — ошарашено спросила Герда, стараясь изо всех сил не потерять равновесие. Это было тяжело, потому что горячее дыхание Николая щекотало кожу так, что по ней волнами пробегали мурашки. Хотелось съежиться.

— Телепортация. Очень редкая разновидность телекинеза, — объяснял Охотник. — Позволяет мгновенно перемещаться на дальние расстояния. Сильнейшие телепортаторы могут преодолеть пол Мидгарда за один скачок.

— А много их? — спросила Герда, внимательно вглядываясь в дальний берег, зыбкий, словно мираж у самой кромки горизонта, где сходились три стихии.

— Столько же, сколько и отражающих, — продолжил рассказывать Николя. — Я встречал только одного. Он меня и научил. Правда, мой предел — всего несколько десятков верст — вот этот утес в Северном море.

— Неужели кто-то может быть сильнее вас?

— Конечно. Почему тебя это удивляет?

Герда пожалала плечами. Ей нравилось считать его сильнейшим. Ведь с таким защитником, пускай даже не слишком искренним, никакие демоны не страшны.

— Если бы я был всемогущ, вряд ли бы остался здесь. Тот берег, на который ты сейчас смотришь, там мой дом. Мой настоящий дом. Но всех моих сил, влияния, знаний и способностей не достаточно, чтобы преодолеть этот узкий пролив. Утес, на котором ты стоишь, мой предел еще и потому, что ближе к дому мне никак не подобраться.

Николя замолчал. Хотя Герда не могла видеть его лица, она ощущала, насколько ему тяжело и горько говорить об этом. Она с сочувствием погладила придерживающую ее за талию ладонь, понимая, что никакие слова утешения не помогут унять его тоску.

— Голубые Капюшоны?

— Что еще раз доказывает, я вовсе не всемогущ, — мрачно ответил Николя, а потом, заметив, что Герда дрожит, добавил: — Ты замерзла. Пора возвращаться.

Герда хотела возразить, но передумала. Они снова шагнули в вихревую воронку и оказались на открытом месте возле пригорка. Снег вокруг был взрыт. Кое-где проглядывала голая земля. Значит, вихрь не плод воображения? Герда позволила себе шевельнуться и повернулась лицом к Николя. Он заметно ссутулился, стараясь справиться с тяжелым дыханием. Носом шла кровь. Герда вынула из кармана платок и отерла ее.

— Перемещение на двоих отнимает больше сил, чем я рассчитывал, — устало ответил Охотник, разглядывая багровое пятно на белой ткани.

— Мастер Николя! — донеслось издалека.

Он обернулся в сторону города. К ним спешила одинокая фигура. Она бежала, но как-то странно легко, словно паря над глубоким снегом. Через пару мгновений Герда смогла разобрать лицо пришельца — им оказался тот самый капитан, который отвозил Дугаву и Ждана в Дюарль.

— Сайлус? — вскинул брови Николя. — Что-то случилось с дозорными?

— Не совсем, — моряк остановился, с трудом переводя дыхание.

— Так что же? — Охотник тревожно хмурился. Видно, предчувствовал, что капитан принес дурные известия. Герда молча наблюдала за ними.

— Соглядатай на корабле.

— Что? Голубые Капюшоны? Здесь? — Николя крепко сжал эфес притороченного к поясу меча.

Герда зябко передернула плечами. Предчувствие беды и ее накрыло с головой.

— Хуже, — нагнетал Сайлус. — Тролль. Мерзкий, вонючий, хитрющий зеленый тролль. Мои ребята обнаружили его в трюме сегодня на рассвете, когда грузили провиант для дозорных на краю Утгарда. Он притворился убогим стариком, возжелавшим на склоне лет посмотреть на знаменитое поле айсбергов. Матросы пожалели его и решили ничего мне не рассказывать. Только когда пришли все тролльим зельем пропахшие, я сразу почувствовал неладное и заставил сознаться. Бедняк, мол, что с него взять? Пусть мечту свою заветную исполнит перед смертью. Только вот охотников по своей воле в вечную мерзлоту соваться я за всю жизнь лишь однажды встречал. И что-то мне не верилось, что нашелся второй такой

же сумасшедший, — в голосе Сайлуса появилась едва заметная ирония, от которой Охотник скривился так, словно съел что-то очень кислое. Капитан сделал вид, что ничего не заметил и продолжил рассказ: — Тогда я отправил ребят в город докупить кое-какие вещи, а сам пошел в трюм, чтобы разобраться с негодяем без свидетелей. Он и мне попытался глаза отвести. Видно, не сразу понял, кто я, а когда осознал, попытался сбежать, но было уже поздно. Я оглушил его, связал и притащил в пустой склад в доках, попутно хорошенько обшарив и выбросив все опасные побрякушки.

Герда пристально посмотрела на Сайлуса. С виду обычный человек, только аура мутная и тинной на десять сажений несет. Возможно ли, что он тоже демон? Какие же странные у Николая друзья.

— Я бы и сам его проучил. Только боюсь, что даже отобрав амулеты и зелья, с ним не справлюсь. Слишком силен, гад. Нашлет какое-нибудь сонное проклятье, и поминай, как звали. Да и тролли обычно поодиночке не ходят. Есть один, значит, и другие поблизости найдутся.

— Тролли! — вдруг воскликнула Герда. Николая и Сайлус удивленно уставились на нее. — Предыдущее нападение гулонов было связано с восстанием троллей, так? Должно быть, они и сейчас притащили с собой этих тварей.

— Умненькая девочка, — шепнул Сайлус на ухо Николая. — Твоя?

— Ученица.

— Ну да, теперь это так называется, — съязвил капитан и тут же получил локтем в живот.

Герда смущенно потупилась, не понимая, что они затеяли.

— Не будем терять время на пустую болтовню, — напомнил Николая. — Герда, сама домой добраться сможешь?

— Но я хотела пойти с вами, — разочарованно потупилась она. — Может, смогла бы чем-то помочь...

Николая подошел к ней и заглянул в глаза:

— Это может быть опасно. Тролли очень злобные твари. Даже без посоха и амулетов могут проклясть так, что даже Эглаборг не поможет.

— Но как же вы? — совсем не хотелось его отпускать. Ведь он так вымотан после прыжка.

— И не с такими сражался. Но если что-то случится с тобой, я себе этого не прощу. Будь умницей, иди домой. Я вернусь к ужину, обещаю.

Николая прикоснулся губами к ее виску и направился в Упсалу вслед за Сайлусом.

— Я пойду домой и буду умницей, — грустно сказала Герда, наблюдая за спешно удаляющимися фигурами. — Как всегда усядусь у окна и буду умирать от беспокойства. Как же мне надоело быть умницей!

\*\*\*

— Это просто невозможно, — сетовал Финист, сидя на кухне, пока Эглаборг обрабатывал ожег на его запястье.

— Скажите спасибо, что он вам лицо не подпалил, — «успокоил» его целитель, размазывая по поврежденной коже снадобье, от которого немела вся рука от кисти до локтя.

— Я так больше не могу! — завывал оборотень. — Разве Охотник не видит, насколько это бессмысленно? Не могу я выше головы прыгнуть. Как мне прикажете заставить мальчишку преодолеть страх, когда я сам боюсь до смерти?!

— Мастер Николя никогда не принимает необдуманных решений. Значит, он верит в то, что вы справитесь, — веско заметил Эглаборг, обвязывая руку Финиста чистой белой тканью, чтобы снадобье лучше впиталось, а грязь не раздражала обожженную кожу.

— Значит, в этот раз он ошибся. Мальчишка абсолютно, непроходимо безнадежен. Целый день пытался научить его зажигать свечу, но стоило фитилю слегка затлеть, как Вожык запустил огненный шар мне в лицо от страха! Благо, у него после того выброса запас энергии слабый, а то бы точно уже спекся. Был бы вам жареный соколик к ужину.

Дверь в гостиную громко стукнула. Финист осекся и обернулся, успев мельком заметить затравленный взгляд Вожыка, заглянувшего на кухню в поисках своего учителя. Услышав его слова, мальчишка стремглав выскочил из комнаты.

— Неправильно это, — покачал головой целитель. — Не так надо молодежь наставлять, ой не так.

Финист молча опустил глаза. Эглаборг прав, нужно успокоить мальчика. Он и так напуган больше некуда. В таком состоянии он ведь и дом подпалить может, хотя вряд ли. Сил у него едва на один всполох осталось.

— Что ты предлагаешь? — поинтересовался Финист, раз целитель решил советы ему давать.

— Не знаю, я никогда никого не учил, — развел руками Эглаборг. — Но надо быть мягче, терпеливее и снисходительней. Вот ступайте сейчас к мастеру Вожыку и скажите, что у вас все в порядке и что он ни в чем не виноват. Со всеми бывает. Когда-нибудь он обязательно научится.

— Боюсь, я до этого светлого момента не доживу, — проворчал Финист и тут услышал, как еще раз хлопнула дверь. На это раз входная, потому что звук был глухой. — Куда это он собрался?

— По-моему, мастер Вожык очень расстроен. Как бы не сбежал. Мальчишки любят убегать из дома. Даже мастер Николя сбегал пару раз в детстве. Сам рассказывал, — встревожился Эглаборг.

— Вот дрянь!

Финист содрал с руки повязку и помчался вслед за мальчиком.

\*\*\*

Вожык бежал, не разбирая дороги. Слезы затуманивали взгляд и стекали по щекам мокрыми солеными дорожками, от которых щипало кожу. Но он не замечал этого и несся дальше к лесу. Туда, где, как ему казалось, остался дом отца в Фаскенхёгсдаале. Там Вожыка боялись и ненавидели, но хотя бы не обманывали и не предавали, как здесь. Все они такие. Говорят, что он один из них, что они принимают его таким, какой он есть, а на самом деле тоже боятся и ненавидят. Майли, Финист, Эглаборг, Николя, даже Герда в нем разочаровалась. Недаром в последние дни она совсем перестала обращать на него внимание. Тоже поняла, что он безнадежен. А если в него не верит даже Герда, то лучше уйти в лес и жить одному. Тогда он не сможет больше никому навредить, и бояться его тоже никто не будет.

Вожык устало замедлил шаг. По высоким сугробам бежать оказалось очень тяжело. А еще жутко хотелось есть — после вспышек он всегда ощущал сильный голод. Но как найти пищу в зимнем лесу? Жаль, что рядом нет Герды — она всегда находила выход.

Мальчик совсем остановился и пригорюнился. Вдруг из глубины леса донесся солоноватый запах мяса. Живот болезненно заурчал. Мальчик посмотрел по сторонам, но, не

придумав ничего лучше, пошел вперед.

\*\*\*

— Эйс, а мы бы не могли ловить зверя на что-нибудь менее вонючее? — ныл Лейф, наблюдая, как его темноволосый приятель мастерит ловушку вокруг куска тухлой баранины, жуткая вонь от которого разносилась по всему лесу.

— Нет, — с важным видом возразил Эйс. — В этом весь смысл охоты на гулонов. Они падальщики, поэтому запах тухлятины просто обязан привлечь их внимание. Кроме того, если бы я стянул свежее мясо, мама наверняка бы заметила и надрала мне уши. А они еще с прошлого раза не отошли.

— Может, ну его, а? — Лейф разнервничался не на шутку. Он любил участвовать в шалостях Эйса, но эта была самой глупой за все десять лет их жизни. Город полнился слухами о том, что Охотник ранил руку в схватке с гулонами, а все знают, что он неуязвим. Теперь вот Эйс поспорил с детьми рыбаков, что они вдвоем с Лейфом смогут поймать живого гулона. Да эта тварь их на части разорвет и не заметит!

— Не дрейфь, человечиска! Меня отец учил делать ловушки, а он лучший в Мидгарде охотник! — подбодрил его Эйс, не забыв прихвастнуть.

— Даже лучше, чем мастер Николя? — усомнился Лейф.

— Нууу, — озадаченно протянул темноволосый. — Пожалуй, нет, но мой отец второй лучший охотник в Мидгарде, и он умеет делать ловушки. Скорее лезь на ту сосну.

— Почему я первый? — заныл Лейф, глядя на высоченное дерево, первая ветка которого находилась на высоте не меньшей, чем в два аршина.

— Тогда я.

Эйс проворно, словно белка, вскочил на самую верхушку. Лейф тяжело вздохнул и полез следом. Кряхтя, подтянулся на нижнюю ветку, а потом, осторожно перенося вес с одной ноги на другую, взгромоздился на следующую.

— Чего ты копаешься? — зашипел Эйс.

Легко ему говорить — он маленький и гибкий. Такому даже падать не больно: как кот, всегда на ноги приземляется. Лейфу, который широтой кости весь в отца пошел — так мама говорила — за ним никогда не угнаться.

— Слушай, кто-то идет. Гулон! — всматриваясь вдаль, позвал Эйс.

Лейф буквально взлетел на верхнюю ветку к приятелю.

— Ты уверен, что эти твари по деревьям лазать не умеют?

Эйс пожал плечами. Лейф испуганно поежился и перевел взгляд на поляну, посреди которой была расставлена ловушка.

Послышался треск сучьев. Кто-то ломился сквозь чащу. Мальчишки затаили дыхание. На поляну ввалился ободранный лохматый паренек едва ли старше, чем сами юные охотники.

— Что он делает? Он все испортит! — в ужасе прошептал Эйс над самым ухом, наблюдая, как пришелец наклоняется к приманке.

— Кажется, я знаю, кто он. Это один из гостей мастера Николя! — поделился догадкой Лейф.

Время тянулось болезненно медленно. Пришелец присел на корточки и поморщился, почуяв запах тухлого мяса.

— Ух, и попадет же нам! — не выдержал напряжения Лейф.

Паренек протянул руку к наживке, петля обмоталась вокруг его ноги, и он взмыл в

воздух, от испуга громко хлопнув в ладоши. Поляну озарила яркая вспышка. Громыкнуло так, что на землю градом полетел снег вперемешку с иголками.

— Мама! — одновременно вскрикнули Эйс и Лейф, от страха вжимаясь спинами в дерево.

Стволы ближайших сосен обуглились, а вместо тухлой вони от оставшейся на земле почерневшей наживки теперь сильно несло гарью.

— А-а-а! — громко ревел подвешенный за ногу на веревке паренек и раскачивался из стороны в сторону. Он еще и еще раз пробовал хлопнуть в ладоши, но вспышек больше не последовало.

\*\*\*

— Скорее, надо его освободить, — Эйс ловко соскочил с дерева и быстрее побежал к пленнику, проверяя, взял ли из дома нож. Отец всегда предупреждал не забывать о ноже — это главный инструмент настоящего охотника. Теперь Эйс понимал, почему.

Грузный Лейф как всегда замешкался.

— Развяжите меня! — свирепо визжал пришелец. — А не то всех зажарю! Да вы знаете, кто я такой? Я демон! Настоящий огнедышащий демон!

— Да тихо ты, — бесцеремонно шикнул Эйс, опустошая карманы в поисках столь необходимой сейчас вещи. — Если кто тут и демон, то это я. А у тебя весь огонь выдохся, не заметил?

Паренек остановился, сложил руки на груди и насупился.

— Я все мастеру Николаю расскажу! — нашел он единственную достойную угрозу.

— Ябеда, — бросил Эйс, обнаружив то, что искал.

Нож, по закону подлости, выпал из кармана последним. Пришелец открыл рот, чтобы возмутиться, но не успел.

— Эйс! Гулон! На этот раз точно, — испуганно заорал Лейф.

Эйс стремительно обернулся. На него оценивающе уставились бледно-желтые глаза хищника. Громадная рыжая бестия разинула медвежью пастью и утробно зарычала. Нож сам по себе выпал из руки и зарылся в снег.

— Беги в город! Предупреди мастера Николая! — крикнул Эйс застывшему на другом конце поляны другу, но стоило Лейфу сделать шаг, как тварь рванулась за ним.

Эйс схватил с земли ледышку и, пятясь, запустил в мохнатое животное. Бестия снова развернулась к нему мордой и грозно оскалилась. Лейф с невиданной прытью помчался прочь и через мгновение скрылся за деревьями.

Забыв о беглеце, гулон подкрался к подвешенному за ногу пареньку.

— Так вот как выглядят смерть! — испуганно выдохнул тот.

Эйс сглотнул, подхватил с земли нож и бросился наперерез хищнику.

— Не подходи! Я потомок грозных туатов де Дананн, сын самой королевы Дану. Повелеваю, убирайся, иначе я...

Тварь на мгновение замерла, подбираясь, и гаркнула иступленным басом.

Руки предательски дрогнули, голос сорвался на визг:

— Я превращу тебя в лягушку бородавчатую!

Тварь подобралась вплотную, но нападать не спешила. Обходила кругом, посверкивая глазами, вздыбливая загривок, клацая мощными челюстями, щедро роняя на снег прозрачную слюну. Чего она ждет?

— Оставь меня. Спасайся! — крикнул паренек, безуспешно пытаясь дотянуться до

веревки на ногах.

Эйс не мог оставить его на растерзание зубастой бестии. Это посрамило бы не только его честь, но и честь всех охотников клана Дану. Эйс сглотнул и принялся суматошно резать веревку. Лезвие как назло оказалось тупым — все острые мать хорошенько прятала. Вдалеке кто-то завыл. Гулон остановился в шаге от мальчишек и разразился раскатистым рыком, странно похожим на злорадный хохот. Бросив бесполезный нож, Эйс принялся грызть веревку зубами.

— Ну, давай же! — прикрикнул он на упрямицу.

Гулон обернулся и принялся, а потом снова зарычал, на этот раз испуганно, словно угрожая.

— Уходи, ну пожалуйста, — слабо попросил паренек.

Гулон присел на задние лапы, обнажил клыки и бросился вперед, но достать до мальчишек так и не смог — в полете его со свистом разрубило пополам сверкающее на ярком зимнем солнце лезвие меча. Эйса обдало горячей темной кровью. Он не удержался и отступил на шаг.

— Мастер Финист! — обрадовался плененный паренек.

Отпихнув ногой тушу поверженного демона, к ним подошел высокий рыжеволосый мужчина — обладатель того самого меча, который поразил гулона.

— Что происходит? — строго спросил незнакомец, стальными нотками в голосе живо напоминая Охотника.

— Мы тут играли... — попытался оправдаться Эйс, но не нашел слов и понурил голову. — Простите.

Мужчина одним ударом меча перерубил веревку, и паренек полетел на землю.

— Живой? — поинтересовался Финист. Паренек поднялся и, потирая ушибленный зад, медленно кивнул. — Вожык, послушай, я наговорил лишнего, да и не предназначалось это для твоих ушей. Давай, ты забудешь о моих словах, а я о том, что ты сбежал. Мастеру Николя совсем не обязательно знать об этом.

— Ничего не выйдет. Лейф уже за ним побежал, — перебил его Эйс.

— Простите меня, — судорожно всхлипнул Вожык. — За ожог и за то, что сбежал.

— Да ну, подумаешь, — отмахнулся Финист и вдруг замер, настороженно прислушиваясь.

— Кто-то идет? — предположил Эйс.

Слух у Дану был намного острее, чем у людей, но до ушей не доносилось ни единого звука. Как будто все шорохи леса разом замерли. Финист приложил к губам палец. Эйс испуганно глянул на Вожыка, а потом снова на мужчину.

— Нужно убираться. И чем быстрее, тем лучше, — скомандовал Финист.

Схватив обоих мальчишек подмышки, он побежал к дороге, но не успел преодолеть и трех саженей, как в голове Эйса раздался дикий вой, такой громкий, что, казалось, она вот-вот лопнет. Финист выронил их и сам, как подкошенный, рухнул, корчась и вздрагивая. Отплевываясь от снега, Эйс попытался перевернуться, но тут весь мир накрыла волна нестерпимой, всеуничтожающей боли.

\*\*\*

То, что Сайлус назвал пустым складом, оказалось ветхим заброшенным зданием. Часть крыши давно обвалилась, а в стенах зияли громадные дыры.

— Зато внутри светло. Тьма этим тварям первая союзница, сам знаешь, —



жизнерадостно ответил моряк, отпер покосившуюся дверь и нарочито манерно пригласил Охотника внутрь: — Только после вас!

Николя закатил глаза, не разделяя шутливого настроения. Вошел и тут же поежился, почувствовав сильную враждебную ауру. Тролль был тут. Судя по всему, уже успел очухаться и замыслил недоброе.

Внутри царил полумрак: сочившегося из дыр света явно не хватало на все пространство. Николя зажег предусмотрительно оставленную на столе у входа свечу и двинулся вглубь. Сайлус шел следом. Несмотря на напускное легкомыслие, капитан внушал большее доверие, чем иные офицеры из компании. Николя сам не до конца понимал почему. Просто исходивший от Сайлуса запах водорослей живо напоминал отцовский дом на берегу океана, самое безопасное и счастливое место во всем Мидгарде.

— Где он? — шепотом спросил Николя.

Сайлус кивнул в сторону темного угла, приглядевшись к которому, можно было различить очертания привязанной к стулу горбатой низкорослой фигуры. От нее несло чем-то резким, ядовитым. Николя направил туда свечу, разглядывая укутанное в густой бурый мех тело с серо-зеленой кожей в тон размокшей осенней земли. Тварь вскинула голову. Огромные зеленоватые глаза с мгновенно сузившимися вертикальными зрачками уставились прямо на Николя.

«Пугает», — догадался Охотник и, сделав глубокий вдох, шагнул на встречу.

— Страж, — со свистом исторг тролль. — Ты-то нам и нужен.

— Неужели? — вскинул бровь Николя, стараясь оставаться предельно спокойным. С троллями ему ни разу общаться не доводилось, но судя по тому, что он слышал, приятного будет очень мало. — Что же вам от меня нужно? И зачем ради этого понадобилось ехать аж в поле айсбергов, если все знают, что я живу здесь, в Упсале.

— В поле айсбергов я совсем не за этим ехал, а с тобой хотел на обратном пути свидеться. Но планы придется менять из-за этого предателя, — в конце фразы тролль мерзко оскалился в сторону моряка. Из пасти пахло чем-то особенно мерзким.

Прежде, чем Николя успел его остановить, Сайлус мертвой хваткой вцепился в горло тролля. Слова тролля явно задели моряка за живое.

— Говори только то, о чем тебя спрашивают, тварь, — прорычал он сквозь стиснутые зубы.

— Так я и говорю, — злобно усмехнулся тролль. Сайлус сдавил горло чуть сильнее. Тролль захрипел, иступленно глотая ртом воздух.

— Хватит! — пришлось повысить голос.

Моряк недовольно глянул на Николя, но все же подчинился и отпустил руку.

— Правильно, держи свою морскую собачонку подальше от меня, — усмехнулся тролль.

Николя самому захотелось придушить гада, но он сдержался и без намека на интонацию спросил:

— Отвечай, что тебе понадобилось в поле айсбергов. И отвечай быстро, а не то я уйду, и ты останешься с ним, — Николя указал на брезгливо морщившегося Сайлуса.

Тролль тихо хмыкнул, но все же заговорил:

— Пришла весть, что в Ледяном океане пробудилась тысячелетняя ярость. На тинге мы решили отправить туда лазутчиков и предложить ей союз. Близится Час возрождения. Мы слабы и малочисленны. Чтобы выстоять в грядущей буре, нужно заручиться поддержкой самых могущественных покровителей.

Николя вопросительно глянул на Сайлуса. Тот лишь коротко пожал плечами.

— Что такое Час возрождения и когда он настанет? — продолжил вести допрос Охотник.

— Это ты мне скажи, Страж, — снова оскалился тролль.

Николя смерил его тяжелым взглядом:

— Откуда мне знать?

— Уж кому, как не тебе, — тролль гнусно рассмеялся и подался вперед, привставая на стуле так, что ножки оторвались от пола. Сайлус незаметно потянулся к фляге на поясе, а демон продолжил: — Морской колдун, остроухая ведьма — они все лгут тебе. Ты и сам себе лжешь. Все ответы в тебе, но ты боишься. Боишься так, что не спишь по ночам, и даже когда бодрствуешь, не даешь себе ни минуты покоя, потому что тогда тебя начинают одолевать ответы, истина, к которой ты всеми силами стараешься остаться глух. Так чего ты боишься? Что за ужасную тайну скрываешь от себя самого? Что означает Час возрождения?

Николя настороженно замер. В груди нарастала паника. О чем он говорит? Какая еще тайна? Безликий?! На самом краю сознания, тревожено отзываясь, зашевелилась сущность Безликого. Стало трудно концентрироваться на происходящем.

— Ах ты, тварь, попробуй водички, на серебре настоящей, — взъярился Сайлус и плеснул в пленника из фляги. С лица тролля с шипением слезла покрывшаяся волдырями кожа.

— Стой! — вырываясь из зыбкого транса, отобрал флягу Николя. — Он же умрет.

— По-твоему лучше, если он сведет тебя с ума своими речами? Я знаю этих тварей. Он специально говорит так, чтобы ты мучился. Не слушай его.

— Я сам знаю, что делать, — огрызнулся Николя и снова повернулся к троллю. Тот тяжело дышал, корчась от боли. Из-под прожженной плоти на левой скуле и виске показалась белая кость. — Если хочешь жить, говори, что тебе известно.

— Час возрождения грядет. И тебе уготована в нем главная роль, — сквозь стиснутые зубы прошипел тролль.

Не на шутку взъярившись, Николя подался вперед, желая силой выдавить из демона правду. Звенящую тишину нарушил скрип отворяемой двери. Николя резко обернулся.

— Жертвенный ягненок! — послышался зловецкий хохот тролля.

Голову словно стянуло стальными клещами, в ушах зарокотал поток нестерпимой раскаленной боли. Краем глаза Охотник успел заметить, как, раскрыв рот в немом крике, Сайлус беспомощно оседает на пол. И через мгновение сам последовал за ним.

## ===== Глава 25. Враг мой =====

Когда Герда вернулась домой, поговорить было не с кем. Эглаборг возился во дворе. Финист и Вожык, должно быть, еще не вернулись с занятий, а Майли закрылась у себя в комнате. Герда не решила ее тревожить. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, взяла дневник Лайсве, но поняла, что уже в сотый раз перечитывает одно и то же предложение и не может уловить смысла, потому что постоянно отрывается и смотрит в окно, всем сердцем желая увидеть Николя, живого и невредимого. Он сильный и опытный. Наверняка, с легкостью сможет справиться с десятками таких троллей и даже не устать, но все равно дурное предчувствие не давало покоя.

Герда отложила дневник и принялась бесцельно бродить по комнате взад-вперед,

пытаясь придумать, как перестать ждать плохих вестей. Ведь говорят, как думаешь, так оно и случается. Николая обязательно вернется, снова будет ругаться с Финистом, требовать от нее больше, чем она может сделать и... потом снова отправится на рискованное дело, а она продолжит сходить с ума от тревоги. Почему его ремесло такое опасное? Как бы хотелось, чтобы ему не приходилось рисковать собой каждый день своей жизни и все же... Все же тогда это бы был не совсем он или совсем не он, а кто-нибудь другой. И вполне вероятно, что этот другой нравился бы ей куда меньше.

От тревожных мыслей разболелась голова. Время тянулось не быстрее улитки. Гробовая тишина в доме угнетала настолько, что хотелось разговаривать со стенами, лишь бы слышать какие-нибудь звуки. Герда не выдержала и постучалась к Майли. Та долго не отвечала. Герда решила открыть дверь сама, но та оказалась заперта изнутри. От волнения в голову пришла совершенно бредовая мысль, что с Майли беда. Надо выбить дверь! Может, она лежит там без сознания? Герда разбежалась и нацелилась плечом на косяк. Когда он был уже совсем близко, она вдруг сообразила, что у нее вряд ли хватит сил исполнить задуманное. Дверь распахнулась сама. Герда остановилась в последний момент, едва не налетев на Майли со всего маху.

— Что случилось? Где пожар? — недовольно осведомилась она.

— Нигде. Просто ты долго не отвечала, — запинаясь, оправдывалась Герда.

— Я спала, — пожала плечами Майли.

— Днем? — удивилась Герда.

— А ты имеешь что-то против? — ответила та вопросом на вопрос.

— Нет. Просто странно.

— Финист уже вернулся?

— Я его не видела.

— Ну что ж, если пожара нет, — Майли помахала на нее рукой, словно прогоняя назойливую муху, и, обращаясь уже к самой себе, мечтательно добавила: — Пойду еще посплю чуток, может, снова увижу тот славный сон...

И закрыла дверь перед самым носом. Еще немного попереминавшись с ноги на ногу, Герда вернулась к себе, достала из ящика вещи и начала их перебирать, хотя перебирать по сути было нечего — из дома в Дрисвятах она практически ничего не взяла, а здесь кроме одолженной доброй Анкой одежды ничего не приобрела. В ящике лежала книга об оружии, узелок с поломанной брошью, камень с волотовки и свиток из саркофага, вирбез, который Финист все же всучил ей обратно после долгих препирательств, и пучок засушенного бельбельника. Ничего интересного. Герда спрятала все обратно и достала из-за пояса кинжал Хозяйки леса. Задумчиво пробежалась пальцами по узорам на клинке. Пожалуй, эта вещь — самая ценная, хоть и не слишком нужная. Герда не воин, и Николая никогда не забывает об этом напомнить.

Снизу донесся отчаянно громкий стук. Герда бросилась в прихожую, предполагая самое плохое. Нет-нет, Николай жив, с ним все в порядке, а это... это просто...

Герда распахнула дверь. На пороге стоял шаловливый брат Анки. Кажется, его звали Лейф. Он покраснелся, тяжело дышал, приложив руку к груди, и выглядит жутко испуганным.

— Где мастер Николай? — чуть не срываясь на крик, спросил он.

— В городе, — коротко ответила Герда, сию минуту поняв, почему ее начинает колотить крупная дрожь следом за мальчишкой.

— Что же делать? Его надо срочно разыскать. Там в лесу гулон. Он напал на нас.... Ваш мальчик случайно угодил в нашу ловушку. Эйс остался с ним. Гулон может их съесть! — путано объяснял Лейф.

— Вожык? — нахмурилась Герда. — Он же должен был заниматься с Финитом.

Лейф пожал плечами и запричитал:

— Как же найти мастера Николая? Без него их съедят, если уже не съели.

Герда накинула на плечи плащ:

— Идем, он должен быть на заброшенном складе в доках.

Они с Лейфом бегом промчались через весь город к пристани, но найти там Охотника оказалось не так-то просто. Заброшенных складов было много, но как отыскать среди них нужный, когда время играет против них? Герда прислушалась к своим ощущениям, закрыла глаза и уверенно направилась в дальнюю часть доков. Она вызывала в памяти ауру Николая, стремилась к ней, звала. И странное дело, аура откликнулась. Едва слышным эхом указывала путь, словно сама стремилась быть найденной.

Хорошо еще, что она была такой приметной, ни на что не похожей, иначе искать бы пришлось весь день.

Герда остановилась возле посеревшего от старости здания с обвалившейся крышей. Николай был внутри. Перед внутренним взором предстало приметное, ни на что не похожее голубое сияние, густое, почти осязаемое, ритмично пульсирующее. Рядом находились две совсем не человеческие ауры. Герда сделала глубокий вдох.

— Он здесь? — нетерпеливо спросил Лейф и, прежде чем она успела остановить его, широко распахнул дверь.

Изнутри раздался оглушительный смех, потом грохот от падения чего-то тяжелого. Лейф, как подкошенный, свалился на пол и закрутился на месте, дергая руками и ногами, как опрокинувшийся жук, и орал во всю глотку, словно его резали живьем. Герда не успела ничего сообразить, прежде чем серая тень прижала ее к полу. Кряжистое горбатое существо склонило над ней крупную уродливую голову с огромными зеленоватыми глазами.

— Тебя быть не должно! — прошипела оно и со свистом втянуло воздух.

Хотелось закричать: «Помогите, мастер Николай, Шквал, кто-нибудь!», но голос пропал, а помощь явно не спешила. Герда задыхалась. Выходивший из носа воздух приобретал голубой оттенок. Серое существо втягивало его в себя. Сознание начало ускользать. «Неужели все закончится вот так? Я одна ничто. Слабая, никчемная, бесполезная. Что же делать?!» Потеплевшая рукоять кинжала сама прыгнула в руку. «Защити себя сама», — пришел ответ непонятно откуда. Герда рванулась из последних сил и до упора всадила лезвие в спину мерзкой твари. Все потемнело. Герда обмякла, чувствуя, что сверху навалилось что-то тяжелое.

— Герда! — настойчиво звал Николая. Она лежала у него на коленях, а он колотил ее по щекам, как тогда на плато. — Ты в порядке?

— Да, я... — Герда перевела взгляд на лежавшее рядом мертвое тело, из спины которого торчала рукоять ее кинжала.

— Тебе не стоило приходить, — сказал он очень мягко, совсем без укора.

— Но я... — язык все еще с трудом ворочался во рту.

— Мастер Николай, там гулон. Он напал на Эйса и вашего мальчика. Они могут погибнуть, — зато Лейф уже пришел в себя на руках у Сайлуса и разговаривал вполне бодро. И даже голос не сорвал от истошного крика.

— Что? — Николая тревожно глянул на Лейфа, а потом снова на Герду.

— Помоги им, — с трудом выдавила из себя она.

— Сайлус, отведи Герду домой, а потом предупреди Эйтайни. Похоже, ее сын попал в серьезную передрягу, — быстро отдавал распоряжения Охотник.

Моряк с готовностью кивнул. Николая подхватил Лейфа за руку и помчался к лесу.

\*\*\*

Когда мир вновь обрел очертания, первым, что увидел Финист, была мерзкая морда демона, обтянутая серой морщинистой кожей. Из-под меховой шапки торчали вперемешку пучки огненно рыжих и седых волос. Зеленоватые глаза с узкими вертикальными зрачками внимательно изучали оборотня.

— А ты силен, — хмыкнул демон. — Быстро мое проклятие поборол.

— Кто ты? — прохрипел Финист. Голос повиновался с трудом, а руки и ноги вообще оказались парализованными.

— Урргхаг, — представился демон. — А ты тот самый Охотник?

Урргхаг наклонился ближе. Обдало приторно-тошнотворным запахом.

— Нет, ты определенно не он, но похож, — демон принюхался и вдруг оскалился, обнажив внушительные желтые клыки. — Так вот оно что! Мы-то все гадали, как ему одному удалось так проредить нашу стаю боевых гулонов. Оказывается, вас было двое.

Финист с трудом соображал, о чем он говорит, лишь слышал, как рядом заходятся в истошном крике мальчишки. Не поворачиваясь, скосил глаза на Вожыка. Его тело выгибалось от сильных судорог.

— Останови это, — взмолился Финист, не в силах терпеть их крики. Это он, он один во всем виноват, его глупая безответственность и невнимательность. Лучше бы Охотник не давал ему второго шанса.

— Хочешь, чтобы я прекратил их мучения? — демон оскалился еще больше.

Финист понял намек слишком хорошо.

— Отпусти их. Они невинны, — невозмогая боль, продолжал просить он.

— Пока невинны, а пройдет всего пару лет, и они тоже станут охотниками, убийцами наших питомцев и нас самих. Так не лучше ли избавиться от них сейчас, пока они невинны? — мерзко рассмеялся серолицый.

— Прощу. Я сделаю все, что угодно, — простонал Финист, чувствуя, что мир снова блекнет и отдаляется.

— Все, что угодно? — губы Урргхага растянулись в некое подобие улыбки, от которой стало еще страшнее, чем от оскала. Боль отпустила, а мальчишки обмякли и затихли.

— Все, — с отчаянной решимостью подтвердил Финист.

Демон порывлся в полах длинной меховой одежды и достал маленький кожаный мешочек. Бесцеремонно сняв с пояса оборотня флягу, откупорил ее, понюхал, скривился от резкого хмельного запаха и опорожнил все содержимое на снег.

— Не понимаю людей. Как можно травить себя такой пакостью? — посетовал Урргхаг и, набрав в флягу снега, провел по горлышку ладонью, что-то приговаривая, высыпал туда порошок и, хорошенько взболтав, снова понюхал. — От нее взор только затуманивается, а надо наоборот... чтобы он стал ясным. Да кому я это объясняю? Молодежь ни демона плешивого не понимает ни в настоящих зельях, ни уж тем более в проклятиях. Все куда-то торопится... поле айсбергов, тысячетлетняя ярость. Толку от этого, если мы не понимаем, в чем суть?

Финист нахмурился, потеряв нить его рассуждений где-то в самом начале и теперь с ужасом гадал, о чем попросит демон в обмен на жизни мальчиков.

— Выпей, — серолицый протянул Финисту его же флягу. От нее ощутимо несло плесенью и тухлыми яйцами.

— Зачем? — он поморщился. Даже не мог заткнуть нос, чтобы не слышать тошнотворный запах.

— Это зелье поможет увидеть суть. Ты расскажешь мне о ней, о сути, не упуская ни единой даже самой мелкой детали, тогда я отпущу мальчишек.

— А меня? — подозрительно спросил Финист.

— Мы договаривались только на мальчишек, — покачал головой Урргхаг. — Так что, будешь пить?

Финист открыл рот, и серолицый ловко влил туда все содержимое фляги. Зелье оказалось острым, словно хмельным, и обожгло горло. Голова налилась свинцом, глаза закатились, паралич отпустил руки и ноги. Теперь они судорожно дергались, как у мальчишек пару минут назад. Только это было что-то совсем другое. Бросало то в жар, то в холод, выкручивало суставы, ломило кости, накрывая волнами раскаленной добела боли. Неожиданно все стихло. Наступил долгожданный покой.

Финист прикрыл глаза, наслаждаясь полной безмятежностью. Прямо над ним мелькнула гигантская тень. Финист распахнул глаза. Он плыл верхом на облаке, возле которого кружила огромная птица. Ее оперение было идеально белого цвета. От этой подлинной чистоты, грации и мощи гигантских крыльев захватывало дух. Безумно хотелось коснуться, ощутить под пальцами мягкие перья и полететь за горизонт вместе с ней. Финист иступлено упал на колени и протянул руки навстречу. Яркая вспышка затмила взор.

А в следующий миг Финист уже стоял посреди толпы на главной площади Стольного. В центре был возведен широкий помост, со всех сторон обложенный сухим хворостом. На него загоняли людей, их было пятеро или шестеро, по одному. Рядом с ними человек в голубом плаще зачитывал длинный список обвинений. Вдоль помоста собралось еще несколько точно также одетых людей. Последний из осужденных, изможденный, в изодранной одежде, с грязными светло-каштановыми волосами резко остановился возле людей в плащах и выкрикнул что-то нелестное в их адрес. Один из Защитников вцепился в горло наглеца скрюченными пальцами. Товарищам по плащу пришлось силой растаскивать их. Финист пробивался вперед, решительно распахивая людей локтями. Он точно знал, кто эти осужденные и что происходит.

Во что бы то ни стало нужно добраться до них! Но как же далеко. И почему ноги словно каменные?

Все осужденные оказались на помосте. Голубые Капюшоны привязали их к столбам и подожгли хворост с разных сторон. Огонь охватывал сухие ветки очень быстро и перекидывался на деревянные перекладыны, на которых стояли осужденные. Они кричали! Как же они кричали!

— Отец! — заорал Финист от отчаянья, перекрывая стоны сгоравших заживо людей.

Вспышка.

Картинка сменилась. Над головой снова расстилалось бескрайнее синее небо, только на этот раз он стоял на льду в окружении четырех мальчишек, тех самых, которых видел в пещере Истины. Они опять распустили крылья и полетели прочь, но Финист успел ухватить за ворот последнего и развернул к себе. На него уставилась пара смутно знакомых янтарно-

желтых глаз. Мальчишка самодовольно ухмыльнулся и тут же превратился в Охотника.

Финист оторопело попятился. Николая словно из воздуха притянул к себе Герду, нежную солнечную принцессу из пещеры Истины. Она ничего и никого кроме Охотника не замечала. Обнимала, льнула всем телом, не стесняясь, покрывала поцелуями лоб, глаза, щеки. Николая нарочно развернул ее так, чтобы Финисту было лучше видно и впился в ее губы, страстно, неистово. Внутренности свело от нестерпимой ревности. Герда не отталкивала, а наоборот горячо отвечала подлецу. От этого становилось еще больней.

— Не нравится?

Финист обернулся. За его спиной возвышалась сотканная из мрака фигура, встреченная им еще в склепе волотов.

— Ты можешь все исправить, — не замедлил предложить незнакомец. — Покорись мне, и она станет твоей. Навсегда. И даже дольше.

Теперь Герда протягивала руки к Финисту, но он не чувствовал ее.

“Не верь ему. Ты же знаешь, это путь во тьму” — зашептал другой, не менее зловещий голос из пещеры Истины. Но почему-то ему Финист доверял больше, чем зыбким иллюзиям незнакомца. Да и стоит ли добиваться девушки таким способом? Финист небрежно отстранил Герду от себя и приблизился к незнакомцу. Тот откинул капюшон. На Финиста уставились пугающие разноцветные глаза — один голубой, другой зеленый.

— Не слушай его. Вы же никогда толком не ладили. Идем со мной, и я укажу тебе путь к могуществу, — мелкие изящные черты растянулись в до тошноты искусственную улыбку.

“Но меч в спину мне воткнул не он! — мелькнула в голове дикая, непонятно откуда взявшаяся мысль. Но на этот раз она точно была его собственной, окрашенной ледяной яростью и огненной жаждой мести.

Сердце пропустило удар, а потом зашлось бешеным грохотом.

Вспышка.

Финист снова стоит на облаке и касается птицы.

Вспышка.

Мальчишка, которого Финист ухватил за ворот, отдает ему свои крылья.

Вспышка.

Разноглазый грозно скалится. Финист пытается отступить, но тело не подчиняется.

— Предатель! — слышит он собственный рык. Рука выхватывает меч из ножен. На клинке загорается руна «кеназ». Горящее рыжим пламенем лезвие обрушивается на фигуру в балахоне.

Вспышка.

Тьма.

Напряженное лицо Охотника.

И снова тьма.

\*\*\*

Николя так спешил на помощь мальчикам, что не заметил, как столкнулся нос к носу с Асримом.

— Эй, Охотник, куда спешишь? Совсем, видно, зазнался, что со мной не здороваешься, — в привычной шутливой манере обратился к нему Дану. Николая одарил его таким мрачным взглядом, что Асрим тут же посерьезнел:

— Вы мальчишку моего не видели? Он опять куда-то запропастился, а жена дома плешь проела. Беду предчувствует, — Дану осекся, заметив, как вытянулось лицо Охотника. —

Что? Говори!

Из-за спины Николая робко выглянул Лейф:

— Простите нас, мастер Асгрим. Мы хотели поохотиться на гулона, а теперь он охотится на нас.

— Как опять?! — взревел Дану. — Где это демоново отродье?! Если гулоны еще не разорвали его, я сделаю это сам!

— Не ори, ребенка напугаешь, — пристыдил его Николая, вспоминая, как его собственная мать говорила также, защищая непутевого сына от праведного гнева отца. — Лейф, ты хотел показать, где оставил Эйсмунда.

Мальчик указал в сторону восточного леса. Асгрим посадил Лейфа себе на спину, и они втроем помчались дальше.

— Возможно, понадобится подкрепление, — встревожился Николая, когда они уже вступили в лес.

— Охотники Дану уже оповещены, — отмахнулся Асгрим.

— Как? — удивился Николая.

— Не важно. Должны же у нас быть хоть какие-то секреты, — усмехнулся Дану.

Николя не стал настаивать. Знал, что бесполезно, а время поджимало.

Впереди ощущалась аура странно похожая на троллиную, только в разы сильнее. И еще. Происходило нечто такое, чего быть не должно. От колебаний эфира накалился воздух и начал оплавляться снег. Охотник прибавил ходу — тревожное предчувствие гнало вперед.

Время выходит. В ушах нервным стуком отдается пульс, с каждым ударом приближая непоправимое. Он не успеет это предотвратить. Нет, он не должен опоздать, только не снова, не сейчас. Впереди ждет нечто очень важное. Он не может это потерять.

Аура была уже совсем близко. На поляне за деревьями показались нечеткие контуры сгорбленной фигуры. Последнее усилие! Николая сорвался на бег.

Спиной к нему стоял тролль. Пovyше и покряжистей, чем предыдущий. Он тоже был укутан в шкуры, а в руке держал посох с красным козлиным черепом вместо набалдашника. «Шаман», — догадался Охотник. Хуже обычного тролля, только тролль-шаман. Демон напряженно застыл, замороженно вглядываясь во что-то перед собой. Нельзя дать этой твари и малейшего шанса произнести проклятие, иначе будет, как с Гердой. Охотник тихо вынул меч из ножен и замахнулся.

Тролль дрогнул и испуганно залопотал на непонятном языке. Свистнув, чужой клинок обрушился на демона с сокрушительной силой и разрубил пополам, как трухлявое полено. Николая остолбенел от неожиданности. На щеку брызнула серая кровь. Оружие выпало из рук. Охотник отер лицо, поднял глаза и встретился взглядом с Финистом.

— Ты опоздал, — с торжественной горечью произнес оборотень и распластался на вытоптанном снегу.

Голову схватил жуткий спазм. Ноги подкосились. Дышать стало тяжело. Мир окрасился в багровые тона. Восприятие словно разбилось на множество осколков, смешивая мысли и образы. Его и Безликого. Николая уже не мог разобрать, где его, а где чужое.

“Этого не должно было произойти. Я обязан был успеть. Обязан спасти этого олуха. И снова не справился”.

— Очнись! — иступлено закричал Николая, колотя Финиста по щекам. — Да очнись же! Очнись, слышишь?!

— Это бесполезно, разве ты не видишь? — дернул Охотника за плечо Асгрим, подоспев



следом всего через несколько мгновений.

Лейф спрыгнул с его спины и помчался к лежавшим неподалеку Эйсу и Вожыку.

— Нет-нет-нет, не уходи! — продолжал бредить Никола, тряся оборотня за плечи из последних сил. Понимал, что ведет себя странно, думает странно, видит не так, как за мгновение до этого. Мириады отражений в кривых зеркалах. И все — ложные! Но вырваться из зыбкого кошмара не получалось. Тело продолжало действовать само, помимо воли хозяина. — Я не могу снова тебя потерять!

— Прекрати! Что с тобой? — Асgrim развернул его к себе и отпрянул, явно испуганный тем, что увидел в его взгляде.

“Память! Слишком рано. Не смотри — ослепнешь!”

Надо проснуться. Любым способом. Иначе он сойдет с ума. Никола запрокинул голову и сделал несколько глубоких вдохов. По лицу градом катился пот. Сердце больно вырывалось груди. Но мутная пелена уже почти спала, возвращая зрению целостность.

— Мастер Никола? — послышался за спиной испуганный голос Вожыка.

Перемазанные в снегу мальчишки испуганно выглядывали из-за спины Асgrима. Никола даже не заметил, как они пришли в себя.

— Мастер Финист, он что у-у-у?.. — Вожык так и не смог произнести страшное слово вслух.

Асgrim опустил на корточки и поднес руку к лицу оборотня:

— Не дышит.

Николя с минуту просто таращился на неподвижное тело, болезненно опустошенный после странного транса. Нахмурился. Быть может?

Решительно сорвав шнуровку плаща Финиста, Никола приложил ухо к его груди.

— Совсем рехнулся? — не на шутку встревожился Асgrim. — Когда мы вместе рубили во льду могилы для павших в битве с Легионом теней воинов, ты был холоднее вечной мерзлоты Хельхейма. А сейчас чего убиваешься, как сопливая девчонка? Здесь же дети. Какой ты пример подаешь?

— Помолчи! — шикнул Охотник, пристально вслушиваясь.

Все замерли. Даже ветер. Ни шороха.

“Тук”, — слабый, почти неуловимый отклик. А был ли он? Может, показалось. Через тягостное мгновение еще один. И еще. Теперь уж точно.

— Сердце бьется, но очень тихо и редко. Кажется, это летаргия, — объявил, наконец, Охотник. Сказал — и вроде даже сам поверил. Отлегло.

— Ты хватаешься за соломинку, — скептически хмыкнул Асgrim.

— Помоги мне отнести его домой, — Никола не хотел слушать, что надежды нет. По крайней мере, не сейчас и не от Дану.

Асgrim приподнял тело оборотня и перекинул его руку себе через шею. Никола сделал то же со второй, и вместе они, волоча ноги Финиста по снегу, потащили его домой. Притихшие дети хмуро шагали следом, боясь даже смотреть друг на друга не то, что разговаривать. Каждый чувствовал свою вину.

\*\*\*

Герда сидела на кухне и вздрагивала от каждого звука. Эглаборг отпаивал ее успокаивающим отваром.

— Почему они так долго? — все еще немного сиплым голосом спросила она, хотя прекрасно понимала, что целитель знает ответ не лучше ее самой.

— Прошло всего пару минут, как вы вернулись, — попытался успокоить Эглаборг и принялся осматривать ее горло. — Давно у вас проблемы с голосом?

Герда пожала плечами:

— В детстве у меня от простуды часто пропадал голос. Горло — мое слабое место, думаю.

Целитель озадаченно хмыкнул.

— На вид никаких дефектов нет, а по ощущениям... — Эглаборг почесал затылок. — По ощущениям это болезнь от головы, но какая-то странная, застарелая, как будто не из этой жизни.

Герда вопросительно уставилась на него. Снисходительно улыбнувшись, Эглаборг продолжил:

— На востоке верят, что душа после смерти тела через некоторое время рождается вновь и проходит через бесчисленное количество жизней, пока не достигнет просветления и не вырвется из этого круга. Кто знает, что мы приносим с собой из наших прошлых жизней: привычки, черты характера, страхи, а может даже и болезни.

— Это опасно? — спросила Герда, заметив, что больше не сипит, а говорить стало куда легче.

— Не похоже. Вы просто сильно испугались, думаю.

Герда понурилась.

— Я такая трусиха. Раньше меня всегда кто-нибудь защищал: отец, Финист, мастер Николя. А в этот раз помочь было некому, и я почувствовала себя совершенно бессильной. Почти поверила, что тролль меня задушит, и я абсолютно ничего не смогу сделать.

— Но вы же сделали это — вы убили его.

Герда протяжно посмотрела на лежавший на столе кинжал, который совсем недавно торчал из спины мертвого тролля.

— Не понимаю, как мне удалось. Я просто взяла и... — она громко всхлипнула. Целитель по-отечески положил руку ей на плечо.

— Мне никогда не доводилось убивать — это не в натуре целителя, но думаю, что чувствовал бы то же самое, если бы мне вот так, защищаясь, пришлось лишить кого-то жизни.

— Со мной это не в первый раз. Дома из-за меня погиб человек. Не знаю, убила ли его я или кто-то другой, но все равно не могу избавиться от чувства вины, забыть его лицо. Я думала, что сильная, что справлюсь, что смогу привыкнуть, но мне все также страшно и тяжело.

— Я уже больше четырех лет, как вернулся сюда после странствий с мастером Николя, но до сих пор иногда просыпаюсь в холодном поту от тех кошмаров, что видел тогда. Думаю, смелость не в том, чтобы не бояться, а в том, чтобы научиться со своими страхами жить.

Герда пожала плечами.

— Мастер Николя, наверное, ничего не боится.

— Он просто хорошо скрывает свои чувства, — усмехнулся Эглаборг. — Хотите, расскажу про самый большой его страх? Только обещайте, что никому не скажете.

Герда мгновенно повеселела и с готовностью кивнула. Снедало любопытство. Неужели есть в этом мире что-то, что заставляет трепетать самого Охотника?

— Когда мы были на Островах Алого восхода, мастер Николя влюбился в жрицу-медиума из местного храма.

Герда нахмурилась. Такое начало истории не предвещало ничего хорошего.

— А какая она была? Ну, жрица.

Эглаборг пожал плечами.

— Женщины востока очень не похожи на наших. Изящные, хрупкие, словно дорогой фарфор, с длинными смолистыми волосами, выразительными черными глазами и ярко-алыми губами. Да, именно такой она и была: невероятно красивой, умной и бесконечно доброй.

«И совсем не похожей на меня», — добавила про себя Герда, а Эглаборг рассказывал дальше:

— Мастер Николя очень любил ее, и она его тоже, но он все медлил с предложением. То ли боялся, что не сможет дать то, чего она заслуживает, то ли из-за постоянной борьбы с демонами не хватало времени, чтобы собраться с духом и устроить все, как следует. Охота отнимала столько сил, что он даже не заметил, когда с ней случилась беда.

— В нее вселился демон? — догадалась Герда, вспоминая давнишний разговор в библиотеке, мертвый взгляд Николя, надломленный голос и пугающее предупреждение о том, что он убьет ее, не раздумывая, если поймет, что она одержима.

— Да. Так мастер Николя вам рассказывал? Странно. Он не говорил об этом с тех пор... он вообще никогда об этом не говорил.

Герда понурилась. Теперь она понимала, какой страх Николя имел в виду Эглаборг.

— Он убил ее? — Герда напряженно застыла. Двигались только губы.

— Мастер Николя так сказал? — удивился целитель. Герда кивнула. Эглаборг тяжело вздохнул: — Он ее не убивал, хотя до сих пор винит себя в ее смерти. А вина его лишь в том, что он не смог ее спасти. Демон заставил жрицу украсть проклятый меч из храма, а такие артефакты всегда очень опасны. Она попыталась убить им мастера Николя, но сама напоролась на лезвие.

Герда вздрогнула и прикрыла рот рукой.

— Самый большой страх мастера Николя не в том, что ему придется убить одержимого, а в том, что не сможет его спасти, — закончил Эглаборг.

Громко заскрипела входная дверь. В коридоре послышались тяжелые шаги. Герда сорвалась с места и побежала навстречу.

Первым она увидела Николя, стоящего в дверном проеме боком. Он тяжело дышал. Выбившиеся из пучка на затылке волосы налипли на потный лоб. Глаза уперлись в пол.

— Что случилось? — встревожено спросила Герда. Охотник бросил на нее мутный, тяжелый взгляд и, ничего не ответив, двинулся к лестнице. И тут Герда увидела Финиста. Николя и Асгрим тащили бездыханного оборотня под руки. Следом шли трое мальчишек с понуренными, виноватыми лицами. Они тоже молчали, переминаясь с ноги на ногу на пороге гостиной. Только Вожык после долгих раздумий несмело прошел вперед и, избегая взгляда Герды, взбежал на второй этаж.

— Все живы? — поинтересовался Эглаборг, выглянув из-за кухонной двери.

— Не уверена, — коротко ответила Герда и тоже поспешила наверх, буквально кожей чувствуя, как над домом сгущается нездоровый дух.

Целитель поспешил за ней.

— Что с ним? — потребовала ответа Герда прямо с порога комнаты Финиста и Вожыка. Присутствующие оглянулись на нее, но продолжили молчать. Они уложили Финиста на кровать и стащили верхнюю одежду, бросив неаккуратной стопкой у тумбочки. Эглаборг

отодвинул Герду в сторону и подошел к больному.

Целитель долго водил руками над телом оборотня, потом достал из-за пазухи памятную деревянную трубку и приложил к груди Финиста, напряженно прислушиваясь.

— Летаргия, — хмуро заключил он.

Когда Эглаборг отошел, место у кровати заняла Герда. Она присела на колени, положила голову на грудь оборотня и тоже прислушалась.

— Я же говорил, — шепнул Николя на ухо Асгриму.

Тот растерянно пожал плечами.

— Когда он очнется? — спросил Охотник уже у Эглаборга.

— Сложно сказать, очнется ли он вообще. Я, во-первых, не знаю, чем она вызвана, а, во-вторых, наблюдал ее лишь однажды десять лет назад. У вас. И тогда тоже не мог определить, придете ли вы в себя.

На лбу у Николя залегла тревожная морщинка. Он сосредоточенно что-то обдумывал.

— Может, его проклял тролль? — предположил Асгрим. Эглаборг пожал плечами. За него ответил Охотник:

— Вряд ли. Действия проклятий тролля прекращаются после его смерти. По крайней мере, так было с тем, которого убила Герда.

Она вздрогнула и оторвалась от Финиста, прислушиваясь к разговору.

— Наверное, это было более мощное проклятие. Что толку гадать? Надо спросить у того, кто знает, — предложил Асгрим.

— У Сайлуса? — спросил Охотник.

— И у моей жены. Идем. Заодно обсудим, как быть дальше, — поманил его за собой Дану.

Они быстро собрались и ушли, забрав с собой затосковавших в коридоре детей.

Герда, Вожык и Эглаборг остались у постели больного.

\*\*\*

— Как же быть с этой напастью? — озабоченно спросил Николя.

— Тролли? Они приходят и уходят. Главное — перетерпеть, а бороться с ними тяжело, особенно тем, кто чарам сопротивляться не умеет, — отвечал Асгрим, пока они шли через город к вересковым холмам.

— Знаю. Меня беспокоят лазутчики. И гулоны — те еще твари. Нужно разузнать, что они затевают. Ты бы не мог послать к троллям кого-нибудь из своих, чтобы все выяснить?

— Половина моих людей и так в дозоре в северном Утгарде. Я не могу оставить поселение без защиты.

Николя тяжело вздохнул. Можно, конечно, попросить помощи у компании Норн, но это займет слишком много времени и, скорее всего, они скажут, чтобы он разбирался сам или не разбирался вовсе. Компанию мало волновали дела вольного города Лапии на краю света, пусть даже он признал над собой их власть. Еще оставался бургомистр Гарольд. Уж он-то поможет, чем сможет, только вот толку от его людей никакого. Того гляди, еще сами в беду попадут.

— Лучше скажи, что мне с этим ребенком делать, — попытался отвлечь его Асгрим. — Он постоянно норовит влезть в неприятности. И желательно со смертельным исходом. Я уже устал его за шкуру из всяких передрыг вытягивать. Да и жена меня поедом ест, что мол единственного сына и того воспитать не могу. Ее-то он слушает, а меня...

— Попробуй его занять, чтобы поменьше свободного времени было, — задумчиво

ответил Николая, наблюдая, как шагавшие впереди мальчики о чем-то шушукаются и воровато оглядываются по сторонам. — Например, научи его фехтовать. От постоянных тренировок он будет сильно уставать, и сил на дурацкие затеи не останется.

Асгрим внимательно посмотрел на Николая. Охотнику очень не понравился его взгляд.

— Может, ты его и научишь? У тебя же вроде большой опыт.

Николя глухо застонал. Кто его за язык тянул?

— Ты что, у меня и на свою ученицу времени едва хватает. А тут еще тролли... — ответил Охотник не без хитрого умысла. Услуга за услугу. Асгрим уловил намек очень быстро.

— Так и быть, отправлю в пещеры несколько разведчиков. Все равно с людьми у нас тишь да гладь. А ты займешься воспитанием моего чада, — Дану сурово посмотрел на сына. Обнаружив на себе отцовский взгляд, Эйс тут же притих и понурился.

— Ладно, вначале Финисту помочь нужно, — не слишком радостно согласился Николая.

— Только сильно не надейся, — мрачно предупредил Асгрим.

Они попрощались с Лейфом. Позади остались последние дома. Показались заснеженные холмы, количество которых с каждым годом чудесным образом увеличивалось. Невысокая, хрупкая, словно воздушная, жена Асгрима выбежала навстречу.

— Почему так долго? Я вся извелась! — строго выговорила она.

— Эйтайни, дорогая, не сердись. Все в порядке. Просто мастеру Николая понадобилась твоя помощь, и мы решили его проводить, — Асгрим незаметно подмигнул сыну, делая вид, что ничего не произошло.

— А как же гулоны? — подозрительно спросила она. Из-за спины женщины показался Сайлус. Как они не заметили его до этого? Не мог же он в самом деле полностью уместиться за миниатюрной Дану. У демонов свои секреты. Николая давно смирился, что всего они никогда не расскажут, пусть даже и называют себя его друзьями.

Придирчиво осмотрев обоих своих домочадцев, Эйтайни безнадежно покачала головой и обратилась к Охотнику:

— Что тебя тревожит?

Николя рассказал о том, что приключилось с Финистом. Дану нахмурилась:

— Ты прав, проклятья троллей теряют силу после их смерти. Да и не похоже это на проклятие. Надо бы взглянуть.

— Я вас отведу. Он у меня дома, — живо предложил Николая.

— Да не на друга твоего, а на место, где все случилось. Если это проклятье, там должен остаться след. Сайлус, пойдешь с нами?

Моряк коротко кивнул:

— Хоть узнаю, чем этот бедлам закончился.

Оставив Асгрима с сыном у холмов, они втроем отправились обратно в лес.

— Госпожа Эйтайни, вы случайно не знаете, что такое Час возрождения? — как бы невзначай спросил Николая, пока они шли.

— Судя по названию, это время, когда кто-то должен возродиться, — туманно ответила Дану.

— Тролль, которого мы допрашивали, сказал, что я с этим связан, что у меня есть тайна, в которой я себе не могу признаться. Что бы это могло значить?

Эйтайни насторожилась. Сайлус шепнул что-то ей на ухо. Николая нахмурился.

— Забудь о том, что сказал тролль. Он просто хотел тебя запутать, смутить. Тролли

всегда себя так ведут. Не тревожся. Если у тебя и есть какая-то тайна, то она вскроется сама, когда придет время, — посоветовала Эйтайни. В ее голосе чувствовалось волнение. Они с Сайлусом явно знали больше, но упорно молчали. Если демон не желает говорить, то из него и каленым железом ничего не вытащишь. О поисках правды придется на время забыть. Надо помочь Финисту.

Уже смеркалось, когда они вышли на поляну. Труп тролля так и лежал, прикрытый еловыми лапками. Следы запорошил снег. Эйтайни встала посреди поляны, закрыла глаза и сосредоточилась. Чтобы не помешать, Сайлус и Николая молча осматривали землю вокруг.

— Это шаман средней силы, — вдруг заговорила ворожея, не открывая глаз. — Хотя нет, скорее, из больших. Просто очень старый, поэтому и сила в нем начала угасать. Проклятия совершенно обычные, я бы даже сказала простейшие: судорожное и сковывающее. Что бы с твоим другом ни произошло, это случилось не из-за проклятия.

Не дождавшись конца ее речи, Сайлус громко хмыкнул и поднял с земли пустую флягу.

— Твоего друга? — он поднес ее к носу и тут же поморщился. — Фу, гадость! Гнилистые водоросли.

Николя забрал флягу. От нее сильно разило плесенью и протухшей рыбой. Вряд ли бы Финист стал по своей воле этим травиться.

— Кажется, это причина случившегося, — Охотник передал флягу Эйтайни. Она стерла куском снега оставшуюся на горлышке каплю и принялась внимательно ее изучать.

— Кампала, болиголов, гнилистые водоросли, красавка, волчьи ягоды... полный букет, — несказанно удивилась Дану. — Судя по всему, дурманное зелье. Очень сильное. Удивительно, что твой друг не умер сразу, а просто впал в летаргию.

— Но ему можно помочь? — с надеждой спросил Николая.

— Если бы это было проклятие, я бы попробовала, а так... — Эйтайни бессильно развела руками.

— Что ж, тогда вся надежда на Эглаборга, — вздохнул Охотник и, попрощавшись с моряком и Дану, поспешил домой.

\*\*\*

Финист не просыпался. Как бы ни тормошила его Герда, какое бы зелье ни подсовывал под нос и вливал в горло Эглаборг, ничего не помогало. Вожык сидел на своей кровати и тихо всхлипывал. Герда пробовала позвать Майли, но та лишь одним глазом взглянула на Финиста, заявила, что выглядит он вполне здоровым и снова заперлась у себя в комнате. Герда опешила от ее поведения, но выяснять в чем дело ни сил, ни желания не было. Да и не хотела она надолго оставлять Финиста.

Николя вернулся, когда совсем стемнело. Первым делом вручил Эглаборгу флягу и долго ждал, пока тот внимательно ее изучал: крутил в руках, нюхал, пробовал на вкус. Потом заперся у себя в комнате. Николая молча сидел под дверью.

— Есть шанс? — спросила Герда, ненадолго покинув постель больного.

Охотник повел плечами и отвернулся. Эглаборг вышел только через час. Вид у него был крайне изнуренный. В руке он держал листок с записями.

— Это не дурманное зелье, а «фантастикум». Оно не затуманивает разум, а наоборот делает его более ясным, изменяет мышление и восприятие.

— Как кампала? — испуганно передернула плечами Герда, вспоминая сумасшедшего внука вельвы, чей разум помутился навсегда после того, как его мать на сносях выпила злосчастное зелье.

— Не совсем. Кампала ускоряет мышление, не меняя при этом точку опоры: смотрит дальше, видит больше и действует только на медиумов и ясновидящих. Фантастикум же действует на любого человека, заставляя видеть сокрытые в себе тайны, те, в которых он боялся себе признаться или даже те, о существовании которых не догадывался. По крайней мере, так говорится в старинных преданиях. А достоверных сведений нет. После такого зелья мало кто в себя приходит, и еще меньше остаются в своем уме, чтобы потом об этом рассказать.

— Ты сказал тайны? — насторожено моргнул Николя и понуро опустил взгляд. — Похоже, это зелье предназначалось вовсе не Финисту. Зачем он только во все это влез!

Герда с Эглаборгом внимательно уставились на Охотника. Было видно, что они винит в произошедшем себя. Но что он мог сделать? Быть везде одновременно получилось бы разве что у бога. Да и к чему тратить время на пустые сожаления?

— Есть способ ему помочь? — спросила Герда, потому что именно это было сейчас самым важным.

— Для любого зелья есть противоядие, — вздохнул целитель. — Просто это редкое и неизученное, потому что изучать обычно некого. Если попробовать искать противоядие обычным способом, уйдут годы. У Финиста вряд ли имеется столько времени в запасе. Но есть и иной способ. Надо приготовить то же самое зелье, которым его отравили, а потом добавить туда камень из яйца виверны. Он превратит зелье в свою противоположность — противоядие. Проблема в том, что у нас нет камня из яйца виверны, а ближайшие кладки в месяце пути отсюда в Кундии.

— У меня есть! — неожиданно вскричала Герда и убежала к себе. Эглаборг с Николя обменялись удивленными взглядами. Вернувшись, она принесла красный, похожий на мутный рубин, камень. Целитель забрал его и принялся разглядывать на свету.

— Что ж, нам несказанно повезло, — вздохнул он. — Остается еще одна проблема: где взять ингредиенты для зелья. У меня есть далеко не все, а сейчас зима и найти их будет очень сложно.

Целитель передал лист с записями Николя. Тот быстро пробежал по нему глазами.

— Я могу спросить у знакомых, — предложил Охотник.

— Меня всегда интересовало, что у вас за знакомые такие, — подозрительно хмыкнул Эглаборг. Николя ничего не ответил.

— Даже если вы найдете все ингредиенты, основа зелья, — целитель ткнул пальцем в листок. — Тролльи грибы должны быть свежие.

Николя кивнул, свернул список и снова куда-то умчался.

Вернулся, правда, быстро и притащил с собой целую охапку сушеных трав, порошков и настоев. Эглаборг удивленно уставился на выложенный перед ним склад ингредиентов, которых хватило бы на добрую сотню снадобий.

— Гнилистые водоросли в это время года? — ошарашено пробормотал он, разглядывая бурые листья внутри наполненной мутной морской водой склянки. — И все-таки мне очень интересно, что у вас за друзья такие.

Николя многозначительно пожал плечами.

— Здесь нет желтой маковницы и водяной дрольженьки. Их принесут завтра, — Николя вернул Эглаборгу изрядно помятый список. Видно, он уже успел пройти через много рук. Целитель скептически хмыкнул:

— Только если кто-то сумеет за ночь сплавить в Хельхейм и обратно. Дрольженька

только там водится.

— Завтра будет, — упрямо ответил Николая.

Эглаборг безнадежно покачал головой:

— Все равно без тролльных грибов ничего не выйдет.

Николя на мгновение отвернулся, а потом снова глянул на целителя и решительно объявил:

— Я что-нибудь придумаю.

Процесс придумывания заключался в том, что Охотник с мрачным видом мерил шагами комнату Финиста, в то время, как Вожык и Герда отрешенно наблюдали за его передвижениями.

— Это все моя вина, — вдруг нарушил тишину Вожык. — Если бы я мог управлять своим даром, если бы не обжег Финиста, если бы не убежал, если бы не попался в ловушку, с ним бы ничего не произошло. Все из-за того, что я такой никчемный!

Николя остановился и внимательно посмотрел на мальчика.

— Это не так, — тихо возразил он. — Если кто и виноват, так это я. Я Охотник и обязан защищать людей от демонов, но не смог уберечь даже того, кто жил в моем собственном доме. Я должен был успеть, должен был предугадать, но не смог. Поэтому виноват я и только я.

— Да какая разница, кто виноват? — вспыхнула Герда.

Всеобщее пустое самобичевание выводило ее из себя. Разве они не понимают, что Финисту это не поможет?! Она встала и вышла, громко хлопнув дверью. Глаза застила мутная пелена слез. Теперь уже Герда злилась на себя, на свою слабость, никчемность. На самую тупую ноющую злость, которая не позволяла думать и рассуждать здраво. Нужно успокоиться.

Герда спустилась в библиотеку и принялась внимательно проглядывать стоявшие на ней книги. Там просто обязательно что-то быть! Через четверть часа заглянули Николая с Вожыком, который потерянной тенью следовал за взрослыми, тоже не зная, чем и как можно помочь.

— Что ты делаешь? — вкрадчиво поинтересовался Охотник, вытирая застывшую на ее щеке слезу.

— Ищу ответы, — бросив на него короткий бездумный взгляд, ответила Герда.

Николя задумчиво почесал затылок и тоже взял с полки книгу. Видно, самому ему ничего лучшего придумать так и не удалось.

— Можно, я тоже? — спросил Вожык. — Финист как раз научил меня чуть-чуть читать.

Николя вздохнул и протянул ему свою книгу, а сам взял новую. Они перелопатили всю библиотеку сверху донизу. Охотник предложил заказать новые книги в Дюарле, но они в лучшем случае пришли бы через несколько месяцев, а время не ждало. К полуночи Вожыка сморил сон — он задремал прямо в кресле. Через пару часов не выдержал и Николая. Неудивительно, ведь он столько набегался за этот тяжелый день и выглядел смертельно уставшим, еще когда тащил на себе Финиста вверх. За книгами возбуждение от произошедших событий ушло, и держаться дольше он просто не смог. Сказал, что приляжет всего на пару минут и тут же затих, забывшись крепким сном.

Герда не винила его за это. Она продолжала прилежно проглядывать книги, не обращая ни на что внимания. Свеча полностью прогорела, пришлось зажигать следующую, а потом еще одну. Герда пересмотрела сотни книг. Все, что были. Про троллей в них говорилось скудно. Большинство ссылалось на более древние источники, единственные копии которых,



должно быть, хранились в сгоревшей библиотеке Эскендерии. А здесь не было ничего достоверного, лишь слухи и предположения. Несколько раз упоминались проклятья и снадобья троллей, но ни о фантастике, ни тем более о тролльих грибах нигде не было и слова. Отложив последнюю книгу, Герда бросила короткий взгляд на спящих Вожыка и Николая, на цыпочках вышла в гостиную и поднялась к себе в комнату. Закрыв за собой дверь, упала на кровать и громко расплакалась от отчаяния. Так и уснула. Вся в слезах. Утром проснулась от того, что услышала, как принесли маковницы и дроздьженьки. Николай сдержанно поблагодарил гостя и тут же попрощался с ним. Хлопнула входная дверь, и на лестнице послышались торопливые шаги.

Герда отерла распухшее и покрасневшее лицо рукавом — прошлой ночью она уснула не раздеваясь. Никак не могла решить, встать или нет, ведь толку от этого никакого не будет. Все равно помочь Финисту никак получается.

Герда все-таки встала и широко распахнула окно, желая прогнать из комнаты дух отчаяния и слез. Налетел ветер, зашевелил пожелтевшие станицы лежавшего на прикроватной тумбочке дневника. И неожиданно стих. Герда обернулась, бездумно взяла дневник в руки и уставилась на рисунок странных пупырчатых грибов, у которых шляпка срасталась с ножкой настолько, что они были практически неотличимы. Внизу филигранным почерком Лайсве стояла подпись: «Тролльи грибы». Дальше шла запись:

«Ох и дернули демоны идти обратно через пещеру Истины. Но в этот раз мы послушались совета Старого Отшельника и обвязали шарфами лица, чтобы ядовитые споры грибов, что растут тут даже в зимнюю стужу, не вызывали тревожных видений. Решила зарисовать их во время стоянки на всякий случай. Вряд ли подобную диковинку удастся встретить еще хоть раз в жизни.

В Виборге я показала рисунок местному целителю. Тот смотрел на них, как на золотой самородок, а потом подробно выпросил дорогу к пещере и попросил больше никому не рассказывать. Но уж конечно мой спутник не смог удержаться и прочитал мои мысли, когда я вернулась к нему из лавки. А потом гнусно хихикал над бедным стариком. Мол, дядечка в летах, а туда же, тролльих грибов захотел отведать. Должно быть, они на разум влияют. Похожее бывает, когда выпьешь слишком много сливовицы, и перед глазами всякое непотребство встает, прямо как в пещере Истины. Мужчинам это кажется забавным. Странные они. Мне одного раза на всю жизнь хватило».

Дочитав запись до конца, Герда побежала искать Николая.

— Я знаю, знаю, где искать грибы! — закричала она, вваливаясь в комнату Финиста, где уже собрались Вожык, Эглаборг, Николай и Майли. Последняя, наконец, соизволила почтить их своим присутствием хотя бы для соблюдения приличий. Вид у нее, правда, был еще хуже, чем у Герды. Но времени выяснять, что с ней творится, не было совсем.

— Вот! — Герда показал всем рисунок из дневника. Николай удивленно нахмурился, взял его и внимательно прочитал запись.

— Как тебе удалось это обнаружить? — подозрительно поинтересовался он, задумчиво потирая переносицу.

— Ветер подсказал, — пожалала плечами Герда, слишком воодушевленная находкой, чтобы разбираться, что так насторожило ее учителя.

— Ветер, — хмыкнул Охотник. Перелистал дневник, выхватывая взглядом какие-то фразы, потом снова потер переносицу и показал запись про грибы Эглаборгу.

— Похоже на правду. Тролльи грибы обычно растут именно в пещерах, — веско сказал

Эглаборг, возвращая дневник Герде. — Но вот во время зимней стужи... по всем законам природы это невозможно, неправильно. Для грибов нужен теплый влажный воздух.

— Пещера Истины волшебная. Там все может быть! — она не желала сдаваться так легко. Ведь были же видения в прошлый раз, значит, были и споры с грибами. Просто их никто не заметил в суматохе.

— Да уж, в той жуткой пещере с обвалами и зеркалами действительно могло быть все, особенно наши переломанные кости, — проворчала Майли, заметно передернув плечами. Видно, воспоминания о проведенной там ночи до сих пор внушали ей ужас.

— Если Герда говорит, что грибы там есть, значит, они там есть. Ведь Герда все-все знает! — перебил Вожык, которому, должно быть, тоже хотелось верить, что они смогут помочь Финисту. Майли скривила нос от нелепой речи, но тут вмешался Николя:

— Это хоть какая-то зацепка. Если других предположений нет, то почему бы не попробовать?

От радости Герда чуть было не бросилась к нему на шею, но вовремя одумалась.

## ===== Глава 26. Друг мой =====

В путь собрались этим же утром, едва успев позавтракать. Николя очень неохотно согласился взять с собой Герду, да и то только потому, что она единственная могла показать вход в пещеру. Ехали очень быстро. Яшка, пыхтя от натуги, с трудом поспевала по глубокому снегу за вороным жеребцом, который, казалось, и вовсе плыл по воздуху. К полудню путь завершился. Остановились в памятном месте, где напали ненниры. Вход в пещеру располагался совсем рядом. Герда показала его Николя, а после они разбили лагерь чуть южнее. Хотя Охотник уверял, что сезон кочевания у ненниров уже давно закончился, и они должны были уйти на самый север Утгарда, рисковать лишний раз не хотелось.

Расседлав и привязав коней, они насобирали хвороста и распалили костер.

Николя взял необходимые вещи и, немного погревшись у огня, направился к пещере.

— Погодите! — окликнула его Герда. — Я пойду с вами.

Охотник обернулся и смерил ее хмурым взглядом.

— Кто-то должен сторожить коней, — резонно заметил Охотник.

Ну уж нет! Так легко он от нее не отделается.

— Со всем уважением, но жеребец с задачей «сторожить», а тем более «пугать» справится гораздо лучше меня, — Герда махнула рукой в сторону скорчившего злобную морду коня. Николя задумчиво почесал затылок, явно придумывая новый предлог, чтобы отказать.

— Там может быть опасно. Двоим рисковать смысла нет. Остайся здесь. Думаю, к вечеру я вернусь, и мы вместе поедем домой. Больше никто не пострадает, — сказал он с небывалым жаром.

— Так не получится, — Герда печально покачала головой, понимая его тревогу. И все же согласиться не могла. — Кто-то все равно будет страдать. Вы не сможете уберечь всех.

— Сейчас мне и тебя будет достаточно. Ты остаешься, — не терпящим возражений тоном произнес Охотник и пошел к пещере.

— Стойте!

Герда побежала следом.

— Давай не будем пререкаться. У нас нет времени. Нужно помочь Финисту, —

напомнил Николая, не останавливаясь.

Герда сорвалась на бег и вцепилась ему в спину. Николай обернулся и посмотрел так холодно, что по коже продрал озноб. Оставалась последняя маленькая хитрость. Та самая, которую она использовала в только в крайних случаях: пристально заглянуть в глаза, раскрыться и показать всю искренность своих намерений.

Герда спешно обмотала вокруг лица Николая шарф:

— Это защитит вас от тревожных видений. И вот, — она протянула ему клубок ниток. — Привяжите один конец на входе и потом легко найдете путь обратно. В книжках это всегда срабатывает...

— Хватит! — рявкнул Охотник и опустил шарф с лица на горло, а нитки швырнул в снег.

Герда потупилась и отступила на шаг. Она словно наяву ударилась об глухую каменную стену, что окружала Николая со всех сторон, не оставляя даже щели, чтобы заглянуть в душу.

Он обхватил голову руками, болезненно морщась:

— Пойми, это не сказки. Один легкомысленный болван уже пострадал, потому что думал, что ему море по колено. Это моя работа — рисковать собой и защищать людей от демонов. Моя и только моя. Я справлюсь с ней сам. А ты, будь добра, делай, что сказано: сиди здесь и не лезь ко мне в голову. Ты ничем помочь не сможешь.

Николай пошел прочь, не оглядываясь. По щекам Герды катились безудержные слезы. Почему он такой замкнутый? Почему с ним не получается то, что выходило раньше со всеми?! Она присела на корточки и подобрала перепачканный в снегу клубок.

— Если не приду к вечеру, возвращайся домой одна, — донесся до нее голос Охотника.

Герда решительно поднялась.

— Если к вечеру вы не вернетесь, я пойду вас искать! — всхлипнув, крикнула в ответ и пошла обратно к лагерю.

\*\*\*

Едва добравшись до входа в пещеру, Николай раскаялся, что говорил с Гердой так резко. Она ведь, как ребенок, не понимает, во что ввязывается и куда лезет. От ее вмешательства голова раскалывалась, словно в нее вбили железный клин. И виноват в этом был сам Николай, потому что не смог объяснить своей ученице, чем чреваты подобные ее фокусы. Надо будет подобрать слова, сгладить углы, чтобы не обидеть и не оттолкнуть еще больше. Но не сейчас — потом, когда Финист очнется.

Заглянув в зияющую тьму, Николай все-таки натянул на нос шарф и запалил факел. Проход оказался довольно широким и прямым, словно рукотворный. Вскоре Николай вышел в огромный зал со свисавшими с потолка и росшими из пола каменными сосульками. Сверху капала вода. Странно, что она не замерзала даже в свирепствующие в первый месяц весны морозы. Да и воздух в пещере казался значительно теплей. Если повезет, где-то здесь в тепле и сырости найдутся те самые грибы. Это было бы чудом.

Охотник огляделся по сторонам. Ничего кроме росших из пола и потолка сосулек и проложенной сквозь них дороги. Николай вздохнул и двинулся дальше. Зал вскоре закончился. Охотник снова попал в коридор, на этот раз более узкий. Идти приходилось пригибаясь. То тут, то там попадались большие выступы, сквозь которые приходилось протискиваться, выдохнув из груди весь воздух. Когда Николай преодолевал одно из таких мест, пещеру начало шатать. Охотник споткнулся, выронил факел и упал на пол, упредительно выставив вперед здоровую руку.

Факел погас. Стало совсем темно. По спине пробежал нехороший холодок. Николая почувствовал, что нос дышит свободно. Значит, шарф размотался во время падения. А что если Герда права и сейчас начнутся видения? В прошлый раз ему не слишком понравились видения в пещере. В пещере очень похожей на эту! Николая выровнял дыхание, стараясь успокоиться и принялся шарить руками по полу в поисках факела. Но его нигде не было. Тогда Охотник попытался нащупать стены и подняться, но они тоже пропали, хотя он хорошо помнил, что впереди был узкий коридор. Николая поднялся, защищая голову рукой, чтобы не удариться об низкий потолок. Но и его тоже не оказалось. Охотник задумался, тщетно пытаясь высмотреть в кромешной тьме хоть какие-нибудь очертания.

Почему он не послушал Герду? Сейчас бы путеводная нить пришлась как нельзя кстати. Николая натянул на нос шарф, глубоко вздохнул и закрыл бесполезные глаза, полностью сосредоточившись на звуках. По крайней мере, они-то здесь должны быть: капание воды с потолка, шорох летучих мышей, хоть что-нибудь. Но тишина оказалась столь же непроницаемой, как и тьма. Похоже, придется возвращаться и начинать сначала. Все равно в темноте ничего не видно, и грибы в том числе, даже если они здесь есть.

Николая набрал в легкие побольше воздуха, мысленно представляя поляну у входа в пещеру, и попытался телепортироваться. Ничего не вышло. То есть совсем ничего. Даже напрячься не получилось, потому что напрягать было нечего. Связь с даром пропала. Совсем. В груди нарастала паника, сердце бешено колотилось, больно отдаваясь в висках, за шиворот неприятно ползли капли холодного пота. Николая встал ровно, расправил плечи и снова закрыл глаза, убеждая себя, что все в порядке. Он просто наглотался спор, которые вызывают видения, но скоро все вернется в норму.

Краем уха Николая услышал какое-то отдаленное шевеление и распахнул глаза. Вдалеке загорелся крохотный рыжий огонек, словно от костра. Он двигался, приближался. Николая замер, ожидая, когда можно будет рассмотреть прищельца. Огонек превратился в кота. Огромного кота с горевшей рыжим пламенем шерстью. Животное грациозно пробежало мимо, неся в зубах заячью тушку. Николая удивленно хмыкнул и поспешил следом. Он не мог сказать, что зверь это или демон, потому что охотничья интуиция пропала вместе с даром, но, по крайней мере, огненная шерсть освещала путь. Кот выбежал к лабиринту из уходивших во тьму каменных колонн и начал петлять между ними, прокладывая путь к новому тоннелю, за которым следовал еще один зал с колоннами. Из него вел узкий лаз, расположенный в сажени от пола. Кот легко запрыгнул наверх и скрылся.

Николая замер, безнадежно глядя на узкий карниз перед лазом. Он ощущал себя непривычно беспомощным, слабым. Слишком привык полагаться на дар. Размяк. А ведь в детстве его учили находить выход даже из самых безнадежных ситуаций и не полагаться ни на что, кроме силы собственного разума. Что ж, видно, придется вспомнить старые уроки.

Николая с трудом уцепился за край здоровой рукой и, кряхтя от натуги, подтянулся наверх. Забравшись в лаз, привалился к стенке, чтобы перевести дыхание от бешеной гонки за котом, которого все-таки упустил. По каменному своду эхом прошелся странный шорох. В конце тоннеля снова забрезжил крохотный огонек. На этот раз он никуда не двигался.

Охотник пошел вперед, отчетливо слыша, как трещат поленья. Едва ощутимо тянуло дымом. Николая ускорил шаг и вскоре выбрался в новый зал, на этот раз маленький, но чистый, без колонн и сосулк. Посреди него был разложен костер, на котором жарился тот самый заяц. Возле огня на медвежьей шкуре сидел мальчишка. Одет он был совсем не так, как лапцы. Да и вообще за время своих путешествий по Мидгарду Охотник никогда

подобного не видел — штаны и глухая длинная куртка из оленьего меха, сверху полупрозрачная зеленовато-серая непромокаемая накидка, сшитая из моржовых жил, на голове громадная карпообразная шапка из бурого, скорее всего собольего меха. На ногах огромные сапоги из тюленьих шкур. Из-за одежды мальчишка казался в два раза больше, чем был на самом деле. Ровесник Вожыка. Может, чуть младше.

— Что ты здесь делаешь? — спросил мальчишка, не оборачиваясь.

— Ищу тролли грибы, — признался Охотник, пытаясь понять, человек это или демон.

— Кто такие тролли?

— Демоны. На голову меньше меня ростом, с серой кожей, могут проклясть, если ты им не понравишься. Зельями балуются, — пустился в пространные объяснения Николая, сам не зная зачем.

— Кто такие демоны? — перебил его мальчишка, все также не отрываясь от костра.

— Эээ... — замялся Николай, не находя достаточно ясного ответа. — Те, кого порождают червоточины, думаю.

— Червоточины порождают все сущее: небо, землю, воду и огонь; смертных и бессмертных; растения и животных, тебя и меня, — возразил мальчик и впервые взглянул на собеседника. Николай непроизвольно передернул плечами. Ярко-синие, необычайно ясные глаза смотрели слишком по-взрослому: холодно, мрачно, отрешенно. Взгляд столетнего старика, а не ребенка.

— Садись, ты мне нравишься, — пригласил к костру мальчик. Охотник не решился послушаться и устроился на лежавшую напротив оленью шкуру.

— Ты сам-то кто и откуда? — Николай почувствовал, что теперь настал его черед задавать вопросы. Мальчик отвернулся.

— Я один. И живу теперь здесь.

Что-то в его словах показалось Охотнику до боли знакомым, всколыхнуло почти забытые детские воспоминания.

— Сбежал из дома? — улыбнувшись, спросил он.

— И не собираюсь возвращаться, — мальчик перевернул зайца, чтобы подрумянился другой бок.

— Поругался с отцом? — улыбка Николая стала шире. Сколько раз он сам вот так сбежал из дома после ссор со строгим родителем.

— Можно и так сказать, — мальчик поднял вторую руку, которая оказалась перевязанной белыми тряпками и, морщась от боли, начал разминать затекшие пальцы. Николай удивленно глянул на собственную безвольную руку на перевязи.

— Он каждый день мне напоминает, какое я для них всех разочарование, — поделился своей бедой мальчик, но потом с ожесточенным упрямством вскинул голову. — Ну и ладно, пусть живут без меня. Я уж сам как-нибудь справлюсь. Я все умею: и охотиться, и рыбу ловить, и костер разводить, и туши свежевать. Все травы, ягоды и грибы знаю. Выживу. Пока тут в этой пещере, а как весна придет, наверх переберусь. Мне там всегда больше нравилось, чем внизу.

Николай снисходительно улыбнулся. Он ведь рассуждал в детстве точно также. Словно собственное отражение увидел.

— Ты-то справишься, а справятся ли они? — спросил он, с тоской вспоминая отцовский дом и семью, которую смог оценить, лишь когда потерял.

Мальчик нахмурился, явно не понимая, куда он клонит. Николай продолжил:

— Представь, что в один прекрасный день твой отец исчезнет. Они все исчезнут, вся твоя семья, от которой ты сбежал.

— Даже мама с братьями? — глаза мальчика сделались круглыми от удивления. Такими, какими они должны быть у десятилетнего мальчика. — Даже отец? Он же вечный! Разве небо может исчезнуть?

— А ты представь, — Николая мысленно поздравил себя с победой, хотя все еще не до конца понимал, кто перед ним. — Они исчезнут, а ты останешься один одинешенек на всем белом свете.

— Это было бы ужасно. Я не хочу, чтобы мама исчезала. И братья тоже, — мальчик понурился. — И... и отец. Это было бы неправильно.

— А если бы ты в тот момент был рядом, то, возможно, смог бы их спасти, — развивал свою мысль Николая, но зашел куда-то не туда, потому что мальчик снова сделался отчужденным и холодным.

— Да-да, я буду спасать их до бесконечности, а потом они первым же делом плюнут мне в спину, — вспыхнул он, нервно поправляя повязку на руке.

Они замолчали. Николая не знал, что говорить дальше, а мальчик просто таращился на языки пламени. Потом отщипнул кусок мяса от зайца, попробовал и отрезал побольше для Николая. Тот не посмел отказаться и принялся есть угощение. Мясо оказалось удивительно вкусным — полностью прожаренным и вместе с тем очень сочным. Мальчик явно знал толк в готовке. И все же чего-то не хватало. Николая достал из сумки сверток, куда Эглаборг положил несколько ломтей свежего хлеба, пару луковиц и соль. Охотник щедро поделился с мальчиком. Вместе они доели полностью пропекшегося зайца, абсолютно одинаковым жестом вытерли рты тыльной стороной ладоней и снова внимательно посмотрели друг на друга.

— Зачем тебе тролльи грибы? — заговорил первым мальчик.

— Тролль отравил моего друга. Теперь он в плену видений. Уснул и не просыпается. Грибы нужны, чтобы помочь ему проснуться.

— Кто такой друг? У меня нет друга, есть только братья, — мальчик задумчиво теребил край собственной одежды.

Николя нахмурился. Грустно, что у ребенка нет друзей, и он даже не знает, что это такое. Впрочем, семья самого Николая жила в строгом уединении, опасаясь мести своих и преследования чужих. Других знакомых, кроме родных и учителей, в детстве у него тоже не было. Сейчас настоящими друзьями он мог назвать лишь пару человек. Да и то порой сомневался в их верности.

— Друг — это почти как брат, только не связан со мной кровью, — после долгой паузы ответил Николая.

— О! — удивился мальчик. — Тогда зачем ты помогаешь ему? Думаешь, он этого хочет? Думаешь, он будет тебе за это благодарен, твой брат-не-по-крови?

Николя замялся. У этого ребенка явно талант загонять людей в тупик своими вопросами.

— Сомневаюсь, что он сильно обрадуется, если узнает, что его спас я, — честно сознался Охотник. — Думаю, я делаю это для себя, да, именно так. Для себя. Потому что это правильно. Потому что не могу иначе. Если есть шанс его спасти, то я сделаю все возможное ради этого, потому что не понимаю, как жить по-другому.

Мальчик протяжно смотрел на Николая, словно силясь разгадать. Неожиданно тишину

нарушил громкий раскат грома. Охотник удивленно вскинул брови. Гроза в морозное время, да еще такая, что слышно даже внутри пещеры?

Мальчик горестно вздохнул:

— Отец сердится. Обнаружил пропажу.

— Возвращайся. Он будет рад, — искренне посоветовал Николая.

Мальчик понурился:

— Он меня накажет.

— Боишься? — с вызовом прищурился Охотник.

— Мне не впервой. Ты прав, я должен вернуться. В прошлый раз они так переживали, — мальчик спешно засобирался. Николая подобрал с пола палку, обвязал ее тряпкой и запалил от костра, чтобы осветить себе путь.

— Вот, — мальчик протянул Охотнику белый узелок. — Кажется, ты это искал. Только не говори своему другу, что ему помогли мы. Ему это не понравится.

Николя развязал узелок и ахнул. Внутри оказались те самые тролльи грибы, которые показывала на рисунке Герда.

— Спасибо! — радостно поблагодарил он ребенка. — Как твое имя?

— Западный Ветер, — махнул на прощание мальчик, превратился в огненного кота и растворился в кромешной тьме.

— Стой! — Николая чуть не выронил грибы вместе с факелом, да только Ветра уже и след простыл. — Вот же плут!

Охотник с трудом перевел дыхание, пытаясь сообразить, что произошло, но мелькнувший вдалеке огонек отвлек внимание. Может, Ветер решил вернуться? Николая пошел навстречу, но сделав всего несколько шагов, понял, это вовсе не язвительный Безликий, обожающий говорить загадками и напускать на себя таинственный вид, а кто-то гораздо более приятный.

— Герда! — громко позвал он.

— Я здесь, — донесся из темноты нежный голос. Вскоре они встретились. Палка Охотника сильно обгорела. Пришлось ее выбросить. Да и света от факела Герды вполне хватало, чтобы освещать путь.

— Начало темнеть, а вы все не возвращались, поэтому я решила... Простите, — замялась девушка и опустила глаза, явно ожидая, что он станет ее ругать. Вместо этого Николая мягко коснулся ее щеки и убрал упавшую на лоб прядку за ухо, потом аккуратно приобнял Герду здоровой рукой:

— Это ты прости. Я был груб и недалновиден. Спасибо, что отыскала меня.

Стоило дотронуться до нее, как дар вернулся. Чтобы узнать наверняка, Николая поднял в воздух узелок с грибами. Тот послушно подплыл к подставленной руке Герды.

— Что это? — удивилась она и заглянула внутрь. — Вы нашли их!

На этот раз Герда все-таки повисла у него на шее. Обдало теплой волной медового аромата. Мягкие прядки волос зашикотали лицо. Впрочем, это было очень даже приятно.

— Полегче, задушишь, — шутливо поддразнил Николая.

Герда умилительно покраснела и отступила на шаг.

— Забирай себе. Скажешь, что ты нашла, — предложил Охотник.

Герда нахмурилась и зябко повела плечами.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

— Поверь, так будет лучше, — настоял он.

Герда нехотя согласилась. Они пошли к выходу, следуя за нитью из клубка.

— На вас не было шарфа, когда мы встретились. Вы точно ничего не видели? — осторожно поинтересовалась Герда.

— Только твоего кота, — подмигнул Охотник.

Она недоверчиво глянула на него.

— И что он сказал?

— Что очень скучает, — на этот раз Николая рассмеялся в голос.

Герда обиженно фыркнула и насупилась. Переспрашивать не стала и, гордо вскинув голову, пошла вперед.

Домой вернулись к рассвету. Вручили сильно удивленному Эглаборгу свою находку, расседлали лошадей и отправились отсыпаться, пока целитель занимался приготовлением зелья для Финиста. Оказавшись в своей комнате, Николая первым делом обратился к Безликому, не зная, правда, станет ли тот с ним разговаривать.

«Что это было? Это ведь ты все подстроил с дневником и пещерой».

«Вы же сами ничего придумать не могли, вот я и решил немного помочь. Мне этот безмозглый оборотень, знаешь ли, почти как брат. Не хотелось бы его потерять из-за тупых троллиных проделок. А в пещере ты просто наглотался спор. Надо было слушать Герду».

Николая повезло: вредное божество все же снизошло до небольшой беседы. Оставалось только заставить его дать хоть какие-то ответы.

«Об этом я и сам догадался. Почему мне привиделся ты, да еще в таком виде? Ведь это был ты?»

«Воспоминание из детства. Должно быть, тролли своими туманными речами и зельями разбередили старую рану, и память пошла рябью. Забудь».

«В последнее время мне слишком часто предлагают забыть. Такое чувство, что от меня что-то скрывают. Что-то важное. Что-то связанное с тобой и с Часом возрождения. Что это такое и почему никто не хочет об этом говорить?»

«Наверное, потому что они и сами толком не знают, что такое Час возрождения. Даже те, кто из кожи вон лезет, чтобы его приблизить. Не думай об этом. В свое время сам все поймешь. А сейчас лучше живи, наслаждайся жизнью. Не трать время на пустые размышления. У тебя его и так почти не осталось. Тебе же нравится Герда, так почему ты ее отталкиваешь?»

«Она слишком наивная и хрупкая. Каждый раз, когда я ее касаюсь, кажется, что я причиняю ей боль, душу своими грубыми ручищами. И ненавижу себя за каждую ее слезу. Я не смогу быть достаточно нежным и осмотрительным, чтобы уберечь ее от разочарования и горя. Я не хочу, чтобы она умерла у меня на руках. Не хочу, чтобы после моей смерти она похоронила себя заживо под черными одеждами».

«Ты так любишь усложнять даже то, что на самом деле просто. Вы две половинки одного целого. Соприкасаясь, они неизбежно причиняют друг другу боль. Да и бывает ли любовь без боли, ведь без нее ни одно соитие обойтись не может. Можно, конечно, держать друг друга на расстоянии, вечно томясь от разлуки и тоски. Но запомни: ни одна половинка без другой жить не будет. Умрет первая, вторая останется мертвой бездушной куклой. Такой, какой был ты, пока я не привел к тебе Герду. Сделай шаг ей навстречу и поймешь, что она — твоя жизнь, твоя душа и твоя сила. Хочешь ответов — ищи у нее, не у меня».

Безликий умолк, а Николая слишком устал, чтобы пытаться дальше что-то выяснять. Разговоры с Безликим всегда отнимали слишком много сил. К тому же толком поспать не



доводилось вот уже три дня. Охотник прикрыл глаза и тут же провалился в тревожное забытие. Тело охватил нестерпимый жар. Голова словно горела в огне. Он метался по кровати в поисках успокоения, но не находил. Преследовали видения, смутные, оставляющие чувство нестерпимого бессилия. Запомнить удалось лишь два образа: бледные губы Финиста, едва слышно шепчущие: «Ты опоздал» и собственную одежду, перепачканную в его, Финиста, крови.

— Мастер Николя! — разбудил Эглаборг, громко стучавший в запертую дверь. — Зелье готово. Нужна ваша помощь.

Охотник закашлялся, чтобы прочистить горло.

— Подожди, я оденусь.

Николя быстро окунул голову в тазик с холодной водой и растер здоровой рукой по лицу и шее, чтобы хоть чуть-чуть привести себя в порядок, спешно накинул чистую одежду и, выровняв тяжелое после кошмара дыхание, вышел к Эглаборгу.

— Долго вы сегодня. Все в порядке? — подозрительно спросил он.

— Было бы быстрее, если бы кто-то позволил мне пользоваться второй рукой, — проворчал Николя. Не тратя больше времени на разговоры, они направились к комнате Финиста.

Там оставался только Вожык. Он сидел на своей кровати и возился с маленькими деревянными фигурками, то и дело поглядывая на спящего Финиста в ожидании, что он вот-вот откроет глаза.

— Вожык, пожалуйста, выйди, — первым делом попросил Эглаборг.

— Позвать Герду и Майли? — живо поинтересовался мальчик. Целитель отрицательно качнул головой.

— Просто оставь нас на пару минут.

Вожык послушно вышел.

— Велик шанс, что зелье не вылечит, а добьет его. Я никогда прежде не имел с ним дела. Поэтому... — Эглаборг тяжело вздохнул. — Поэтому я не хочу, чтобы они смотрели.

Николя понимающе кивнул.

— Подойдите, я поправлю вам руку. Чтобы помочь мне, вам понадобятся обе.

Эглаборг аккуратно вытянул безвольно висевшую на перевязи руку Охотника, закатал рукав и пробежался пальцами до плеча и обратно, нажимая на суставы так, что по всей длине бежали искры. Кожу будто покрыли мелкими иглами. Охотник поморщился, ожидая, когда неприятное ощущение схлынет, а потом попробовал согнуть пальцы. Они поддались, но с трудом. В руке все еще ощущалась слабая пульсация, но она быстро проходила. Николя перевел взгляд на Финиста.

— Его надо приподнять, отогнуть челюсть и держать, — объяснял Эглаборг, пока проверял, достаточно ли остыла жидкость в плотно закрытой глиняной крышечкой чашке с длинным тонким носиком.

Николя устроился на кровати рядом с оборотнем и приподнял за плечи. Челюсти безвольно разомкнулись. Эглаборг вставил в рот носик чашки и начал вливать тонкой струйкой бурое приторно пахнущее зелье. Несколько мгновений ничего не происходило, но потом Финист резко дернулся, чуть не сшибив Эглаборга.

— Он приходит в себя? — удивленно спросил Николя, все еще придерживая оборотня за плечи.

Эглаборг открыл рот, чтобы ответить, но Финист начал биться в конвульсиях. Охотник

со всей силы вцепился в него, чтобы удержать.

— Что происходит?

— Зелье начинает действовать. Похоже, видения усилились. Держите крепче, надо, чтобы он все выпил, — сказал целитель, пытаясь попасть носиком чашки между крепко сцепленных зубов оборотня.

— Дай тряпку, я попробую отогнуть челюсть, — предложил Николая.

Финист дергался так, что Охотнику казалось, будто он борется с бешеным медведем. Эглаборг вручил Николая кусок материи. Он с трудом протянул ее между челюстей Финиста. Не теряя времени, целитель принялся вливать в приоткрытый рот зелье. С каждым глотком оборотня трясло все сильнее. Захлебываясь и давясь, он начал орать:

— Ней сес дикаяду мей ойрес!

— Что это за язык? — удивился Эглаборг.

— В первый раз слышу, — ответил Николая, с трудом удерживая Финиста даже с помощью телекинеза.

— Вайрес ой декулай ранэ та. Ривала нэ?

— Да откуда же в нем столько силы?! — Охотнику приходилось налегать всем телом, чтобы оборотень не вырывался. — Много у тебя еще? Я долго не выдержу.

— Ривала нэ?! — продолжал орать Финист на самое ухо.

Раздался стук в дверь.

— Мастер Эглаборг, мастер Николая, что происходит? — послышался взволнованный голос Герды. Охотнику пришлось направить часть сил на то, чтобы удержать дверь телекинезом.

— Откройте! Что вы там делаете? Откройте сейчас же! — возмутилась Герда, поняв, что дверь не поддается.

— Ривала нэ?! — снова повторил бессмысленный вопрос Финист.

— Погодите! — крикнул непонятно кому Эглаборг и снова принялся вливать в оборотня зелье.

Финист пытался отплевываться и орать одновременно.

— Да что же вы там с ним делаете? — волновалась за дверью Герда.

— Ривала нэ?! — заголосил Финист так, что Николая показалось, что он вот-вот оглохнет.

— Да сколько можно?! — не выдержал Охотник. — Ривала та декулай не, ривала та мей ойрес!

— Мей пейре, — тихо пробормотал оборотень и обмяк. Эглаборг, наконец, смог беспрепятственно напоить его остатками зелья.

Финист закрыл глаза и спокойно уснул. Совершенно обычным сном: его грудь высоко вздымалась при глубоких вдохах.

Николя устало опустил оборотня на кровать. Дверь тут же распахнулась, и в комнату влетела перепуганная Герда вместе с Вожьком и подоспевшей к самому концу Майли.

— Мастер Николая, что вы ему сказали? — спросил Эглаборг, с трудом переводивший дыхание.

— Откуда мне знать? Я просто повторил то, что говорил он сам, — пожал плечами Охотник, грузно усаживаясь на пол рядом с кроватью. Голова больно гудела. Перед глазами мелкими вспышками мерцал давешний кошмар: кровь и омертвевшие губы Финиста.

— Ну что ж, похоже, его это удовлетворило, — задумчиво изрек целитель, открыл

чашку и заглянул внутрь. Там остался только почерневший вирбез.

— Или зелье подействовало, — предположил Николая.

Эглаборг кивнул.

— Почему вы не предупредили, что будете давать ему зелье? — напустилась на них Герда. — Почему он так кричал?

Николя измученно глянул на нее. Губы сами расползлись в просящую прощения улыбку. Герда осеклась и понурилась.

— Это моя вина, — признался Эглаборг. — Если бы что-то пошло не так, я не хотел, чтобы вы это видели.

— Мы могли бы помочь, — тихо проворчала Герда, но тут заметила, что Финист зашевелился. Он просыпался!

— Что у вас вечно за крики? Даже поспать спокойно не дадут, — сиплым голосом пробормотал он и потянулся к Герде. Она счастливо улыбнулась и обняла его за плечи:

— Тролль отравил тебя своим зельем. Ты проспал три дня.

Финист нахмурился, явно с трудом припоминая последние события. Николая попытался незаметно подняться. Очень хотелось полежать в тишине, отдохнуть хоть самую малость, чуть-чуть отойти от этого безумия. Не вышло. Полный презрения взгляд плетью хлестнул по уязвимой от истощения спине. Финист поджал губы и брезгливо указал на Николая:

— Что он здесь делает?

Захотелось ответить что-то язвительное, но Охотник сдержался, снова облачаясь в покровы отстраненности и безразличия.

“Какая разница, что думают обо мне другие? Важно лишь, что я думаю сам”.

Бросил на оборотня короткий взгляд, убеждаясь, что все в порядке, и ретировался к двери. Краем уха услышал полный укора голос Герды:

— Финист, это его дом. Он помог тебе больше, чем мы все вместе взятые. Он...

— Не стоит, — окликнул ее Николая уже на пороге. — Ты обещала.

Герда замолчала и понурилась. Охотник ушел к себе, а все остальные радостно обнимали Финиста и поздравляли с выздоровлением.

## ===== Глава 27. Иллюзия любви =====

— Что вы делали без меня эти дни? — шутливо спрашивал Финист, пока Герда кормила его куриным бульоном из ложечки.

Вообще-то ничего не мешало ему есть самостоятельно, но когда Герда предложила поухаживать, он сразу сделал несчастные глаза и принялся изображать из себя тяжелобольного. И выглядел настолько неестественным и нелепым, что ей с трудом удавалось сдержать смех при очередном его “болезном” стоне.

— Думали, как тебе помочь, — Герда принялась рассказывать, сколько пришлось приложить усилий, чтобы он проснулся. Только про роль Николая умолчала, а без этой части история казалось неполной, но Финист в упор ничего не замечал. — Вожык винит себя в том, что произошло. Поговори с ним. У тебя не получается его обучать?

— Сложно, когда каждый раз приходится бороться не только с его страхом, но и со своим. Моей вины в том, что у него ничего не получается гораздо больше, чем его собственной. У меня ни знаний, ни терпения не хватает, чтобы ему помочь. Иногда мне хочется расписаться в бессилии и все бросить. Ты бы пошла со мной? — Финист протяжно

посмотрел ей в глаза.

— Это неправильно. Если ты выбрал путь, то должен пройти его до конца или, по крайней мере, сделать для этого все возможное. У меня тоже все выходит далеко не так, как хотелось, но я не сдамся, пока... — Герда тяжело вздохнула и опустила взгляд. — Пока мастер Николя не скажет, что я безнадежна.

— У вас тоже не все гладко? — он широко улыбнулся.

Герда нахмурилась и передернула плечами. Чему он радуется? Ее неудачам?

— Иногда мне кажется, что вы с мастером Николя ошиблись: нет у меня никакого дара. Умом я понимаю, что он есть и у меня даже иногда получается его использовать, но это тяжело. Совсем не так, как я себе представляла. Да и сам мастер Николя... — Герда замялась. Не хотелось обсуждать учителя за его спиной тем более, большую часть того, что ее тяготило, она все равно открыть не могла.

— Тебе не нравится, что он с тобой делает? — Финист внимательно смотрел на нее, не позволяя уйти от ответа.

— Мне не нравится, что он такой...

— Какой? Скажи, может, я смогу тебе помочь.

— Ненастоящий. Такое чувство, что он постоянно носит маску, играет отведенную ему роль и никогда не позволяет себе выходить за ее рамки, отгораживая ото всех себя настоящего. Мои родители были очень искренними открытыми людьми. Я к такому не привыкла.

Финист потрепал ее по щеке.

— Рад, что ты это поняла. Он нехороший человек, притворщик и лжец. Я нутром чую, он что-то задумал. И боюсь, как бы мы не оказались вовлечены в его темные планы. Поэтому и предлагаю сбежать, пока не поздно...

— Я не это имела в виду, — Герда разочаровано отвернулась. — Сомневаюсь, что меня можно хоть как-то использовать, да и вряд ли мастер Николя опустится до такого.

— Ты себя недооцениваешь.

Герда пожала плечами.

— Мне просто хочется, чтобы он был чуть более искренним.

Суп закончился. Герда взяла пустую тарелку и собралась уходить, но тут кое-что вспомнила и обернулась к Финисту:

— Присмотри за Майли. Она странно себя ведет в последнее время.

Оборотень кивнул. Герда спустилась вниз, оставила посуду на кухне и направилась в прихожую, услышав доносившиеся оттуда голоса.

— Все понял, мастер Гарольд, — говорил Николя стоявшему на пороге бургомистру. — Сейчас же отправлюсь на поиски.

Гость попрощался и ушел. Николя захлопнул дверь, чтобы не напустить мороза и начал одеваться. Герда прошла вперед и вопросительно уставилась на него.

— У соседей из сарая пропала лошадь. Опасаются, что ее украл демон. Слышали, как кто-то бродил ночью по двору, а утром никаких следов не нашли. Хотят, чтобы я разобрался. Не думаю, что это надолго. Скорее всего, просто сарай плохо закрыли, а лошадь чего-то испугалась и убежала. Теперь, наверняка, лежит на дне оврага, если хищники еще до нее не добрались.

Охотник плотно запахнул куртку и плащ. Герда подошла и, аккуратно поправив шапку, скользнула ладонью по щеке. Николя поймал ее руку и приложил к губам.

— Будь готова через пару часов — пойдём заниматься, — махнул он на прощание и вышел на улицу.

Герда поднялась к себе и наблюдала из окна, как Охотник выезжает на вороном жеребце к восточному лесу. Когда всадник скрылся, она улеглась на кровать и взяла с тумбочки дневник Лайсве. Разговор с Финистом очень утомил. Хотелось чуть-чуть отдохнуть и привести мысли в порядок, а чтение всегда хорошо помогало.

Полистав дневник, Герда нашла место, на котором остановилась в прошлый раз. До описания тролльих грибов было еще достаточно много записей. И принялась читать:

«Разругалась сегодня с жителями холмов. Хотя они все отрицали, но я-то знаю, что это Вейас пожаловался, что я сумасбродничаю и собираюсь тайно венчаться неизвестно с кем. Конечно, это для Вейаса Найт неизвестно кто, а для меня — весь мир. Честно, не думала, что когда-нибудь захочу замуж, особенно после того, что устроил отец. Но Найт... он такой... ему просто нельзя ни в чем отказать. Он предложил отвезти меня в свой родовой замок в Эльбани. (Герда помнила, что это место находится на границе Кундии и Норикии). Раз у него есть родовой замок, значит, не такой уж он и безродный, как кажется Вейасу. Конечно, он не очень щедр и общителен с незнакомцами, но со мной сама галантность. Ни разу не встречала человека с более утонченными манерами. Эх, Найт...

Но я отвлеклась. Жители холмов почему-то решили, что Найт — демон. Странно слышать такое обвинение от них. Словно они сами не демоны. Довели меня, и пришлось высказать свои мысли по поводу того, что их принцессочка приворожила моего брата и собралась женить на себе обманом. Надо было видеть их лица! Как долго они отнекивались! А потом королевский папаша все-таки сознался. Сказал, что в этом нет ничего дурного. Что им-де для продолжения рода нужна сильная кровь, и естественно крови сильнее, чем у потомственного Стража не найти. Я, конечно, все понимаю, но смотреть, как они делают из Вейаса случайного жеребца, не намерена. Так им и сказала. А они давай виниться передо мной. Говорят, мы плохие, а твой Найт еще хуже. И поступает с тобой во стократ подлее и тебя погубит. Боятся, наверное, что пожалуюсь. После этого я выпроводила их. Ну как... сказала, что орать начну на всю улицу: «Демоны»! Тогда-то им никакие чары не помогут истинное лицо скрыть. Только после этого они отстали.

...

Не выдержала и пожаловалась. Хоть Вейас и порядочный болван, но без него тоскливо. Найт очень расстроился, когда я жителей холмов упомянула. Да, они сильны. Один их воин десяти человеческих стоит, а с ворожеями вообще лучше не связываться. Мой брат тому яркое подтверждение. Не знаю, как мы выручать его будем, но Найт обещал подумать. Он спас меня от ищеек. Ему все под силу!

...

Чувствую себя странно последние дни. Сама не понимаю, что со мной. Иногда такое бессилие нападает, что даже с постели вставать не хочется. Голова кругом. Суставы ломит. Сердце колотится. Хочется заснуть и не просыпаться больше.

Снова приходили жители холмов. Долго молчали и пристально на меня смотрели. Потом про Найта спрашивали, что да где. Естественно, я молчала. Приставучие, прямо как пиявки».

Герда несколько раз перечитала последнюю запись. Что-то было в ней тревожное, неправильное. Может, настроение тяжелое, а, может... Герда решила не гадать, а продолжить читать. Дальше все понятней станет. Интересно, кто такие жители холмов и

ворожеи, которые мужчин околдовывать могут?.. Страшно осознавать, сколько опасных созданий живет совсем рядом. Сколько людей не подозревает об их существовании, но часто оказывается жертвами их чар.

«Приходил Вейас. Сказал, что его расколдовали. Он собирается в Хельхейм и хочет, чтобы я пошла с ним немедленно. Только я больше не хочу. Надо было идти, когда я просила, а теперь мое место не с ним, а с Найтом в Эльбани.

Вейас так рассердился, когда услышал отказ. Ну конечно, в первый раз в жизни золотому мальчику посмели перечить. А я устала... Устала от того, что всегда нахожусь в его тени, всегда вторая, годная только на то, чтобы подороже меня продать тому, у кого найдется достаточно денег и влияния в ордене. Кто сможет с уверенностью гарантировать, что пройдя испытание, Вейас не станет распоряжаться моей судьбой, как это делал отец? Я хочу решать сама. Свобода воли — все для меня. И Найт предлагает мне именно это.

Вейас, конечно же, рассмеялся мне в лицо, когда я поведала ему о своих чаяниях. Заявил, что Найт последний, кто даст мне свободу. А потом попытался убедить, что болею я именно из-за него, из-за Найта. Он пьет из меня все соки. И ни в какое Эльбани везти не собирается — его замок где-то здесь под землей. Дурашка, как замок может быть под землей?

Посреди нашей ссоры явился Найт. Его не было несколько дней и, честно говоря, я начала беспокоиться. Как только Вейас его увидел, выхватил меч и выкрикнул что-то про обескровленный скот и про то, что он обо всем догадался. И... я провалилась в черноту. То ли от слабости, то ли от ужаса, не знаю. Помню, как боязно было, что они убьют друг друга. И все из-за этих холмовых демонов, чтоб им пусто стало!»

Похоже, любовь Лайсве обернулась не такой уж чистой и безоблачной. Неужели, она тоже поддалась на уловки демона? Как же легко угодить в их сети и как ей, Герде, повезло, что рядом такие сильные мужчины, как Николя и Финист. Они никогда не позволят причинить ей вред... Если не появится тролль, который сможет уложить их на лопатки за одно проклятье.

Герда невесело усмехнулась. Как же все-таки опасен этот мир. Может, стоит попросить Финиста снова поучить ее драться? Но вряд ли у него хватит на это времени, ведь он должен много заниматься с Майли и Вожыком, чтобы наверстать упущенное. Да и Николя идею явно не одобрит.

Герда встрепенулась. За чтением она забыла о времени. Быстро поднялась, оделась и выбежала в гостиную. Охотник до сих пор не вернулся, хотя дело шло к вечеру, а он обещал, что отлучится ненадолго.

Герда взяла с дивана плед, вышла на улицу и, усевшись на крылечке, пристально вглядывалась в закатное небо, на котором уже успел обрисоваться белесый диск луны. К вечеру тучи разошлись. Все вокруг — небо, дома, покрытую пеленой снега землю — залил нежный бледно-розовый свет. Он медленно сгущался, становился тягучий, как кисель и темнел.

Герда сидела, полуприкрыв глаза и смиренно ждала. На самом исходе сумерек вдалеке появилась темная фигура. Казалось, что Герда видит ее сквозь прикрытые веки. Она не спешила открывать глаза. Знала, что это он.

Человек вошел в калитку и устало опустился на крыльцо рядом. Ничего не говоря, Герда протянула ему кусок пледа. Мужчина тесно прижался к ней, приобнял за талию и растянул плед на двоих.

— Что за год выдался? Все будто с цепи посрывались. А до Йоля так тихо было, — тяжело вздохнул Николая. Герда открыла глаза и осмотрела его. Охотник выглядел изможденным с перечерченным тревожными морщинками лбом. — Почему оно всегда скопом наваливается? Остается только на части разорваться, чтобы везде успеть.

— Вы, как и Финист, слишком много на себя берете, — покачала головой Герда. — Всех не спасти. Вы так только себя в могилу раньше времени загоните. И не поможете даже тем, кому могли.

Охотник медленно кивнул.

— Но я не могу пренебрегать своими обязанностями. Я должен защищать город... и вас.

— Что-то случилось? — проницательно спросила Герда.

— Нашел соседскую лошадь. Ее обескровили и выкинули в овраг в лесу, прикрыв еловыми лапками и набросав сверху снега. Если бы не гончие с холмов, в жизни бы ее не нашел. Теперь вот не знаю, что делать.

— Думаете, демон?

— Ночной ходок. Похоже, мы не всех сожгли на кладбище. Один выжил и быстро набирает силу. Ума не приложу, где его искать.

— А гончие?

— Они привели меня сюда. Это неудивительно, учитывая, что лошадь украли по соседству. Значит, он где-то рядом. Затаился. Выжидает. Запаса крови от той лошади может хватить на пару недель, а то и больше. Пока она не закончится, он не объявится, это точно. Если бы у меня было больше времени, если бы разведчики не ушли на восток следить за троллями, мы бы могли попытаться его отыскать, а так остается лишь ждать.

— Ждать? — предложила Герда, с ужасом вспоминая встречу с Ходоком. — А если он нападет на кого-нибудь до этого?

— Проблема в том, что он уже напал. Ходоки не начинают питаться кровью, пока не набрались силы от соблазненной девушки. Он будет тянуть из нее все соки, пока не обратит в упырицу, которая станет послушно служить ему, и переключится на следующую жертву.

— Тогда надо искать девушку.

— Это сложно. Ходок полностью контролирует ее поведение. И понять, к кому именно он привязался, никак не получится. К тому же этот конкретный Ходок осторожен и хитер, я бы даже сказал, очень хитер, учитывая, как хорошо удалось спрятать лошадь.

— Может, есть внешние признаки, по которым они подбирают себе девушек?

— Да. Они предпочитают одиноких и несчастных. Тех, на кого легко влиять, пообещав любовь и понимание.

— О, тогда это будет каждая вторая девушка, — невесело усмехнулась Герда. — Или нет, каждая первая.

— Тебе одиноко? — нахмурился Николая.

Герда удивленно уставилась на него:

— Разве вы сами не догадываетесь?

— И все-таки?

Почему он постоянно заставляет отвечать на неловкие вопросы, а сам всегда от них уходит? Набрав в грудь побольше воздуха, Герда решительно выпалила, не желая больше ходить вокруг да около:

— Если вы хотите знать, не появился ли у меня «тайный поклонник», то нет, — потом тихо ахнула и приложила руку ко рту, испугавшись собственных слов.

— Что стряслось? — встревожился Охотник, не отрывая пристального взгляда.

— Ничего, — поспешила успокоить его Герда. — Просто вспомнила, как в одной книжке девушка описывала своего возлюбленного. Кажется, это был Ходок.

Николя снисходительно улыбнулся.

— Не стоит слишком близко к сердцу воспринимать то, что написано в книжках.

— Знаю, это глупо. Мой отец всегда говорил об этом, — Герда потупилась, погружаясь в воспоминания о родительском доме.

— Не глупо, просто так никаких нервов не напасешься, — он ласково провел рукой по ее волосам. Она доверчиво свесила голову ему на плечо.

Дальше сидели молча. Окончательно стемнело. На ночном небе вместе с белесым озерцом убывающей луны расцвели замысловатые звездные узоры. Они отличались от тех, что она привыкла видеть в Дрисвятах, но не слишком сильно. Словно расстеленная над головой карта чуть-чуть сдвинулась с места, и Герда увидела ее с другой точки. Она перевела взгляд на Николая. Тот тоже внимательно изучал звездное небо.

— Хорошо, — сказала Герда, вдыхая морозный ночной воздух полной грудью.

— Да, — легко согласился Охотник, поплотней укутывая их в плед.

\*\*\*

Следующие несколько дней Николай был поглощен поисками Ходока — обошел все укромные места в Упсале, переговорил с соседями, даже гончих приводил. Ими оказались здоровенные борзые собаки с рыжеватой шерстью и страшными светящимися желтым глазами. Острый нюх позволял им учуять зайца в десяти верстах, но найти Ходока оказалось не под силу — гончие постоянно возвращались к усадьбе Охотника. В конце концов Николай сдался и решил ждать, пока Ходок себя не выдаст.

Финист быстро шел на поправку и вернулся к занятиям со своими учениками одновременно с Николаем. Герде пришлось признать, что она скучала по их длительным прогулкам и неловким беседам. Нячиться с Финистом оказалось не так уж весело, особенно когда он начал откровенно симулировать и давить на жалость. Дневник Лайсве Герда почти не открывала, увлекшись поиском сведений о Ходоках. Уж очень хотелось помочь Николаю в его поисках, ведь он всегда приходил домой такой удрученный после очередной неудачи. Но о Ходоках в книгах говорилось не больше, чем о троллях. Лишь то, что Герда и так знала.

На первое после вынужденного перерыва занятие Герда шла в приподнятом настроении, предвкушая если не веселую игру, то хотя бы нечто занимательное, поэтому предельно серьезный тон учителя немного смутил:

— Сегодня мы попробуем кое-что новенькое. На самом деле готовить тебя к этому я начал уже давно, просто не вдавался в подробные объяснения, чтобы не путать. Но сейчас, мне кажется, пришло время разложить все по полочкам.

Герда недоверчиво глянула на него. Николай подбадривающе улыбнулся и продолжил:

— Твой дар, отражение, может работать в двух направлениях: защита и взаимодействие. В первом случае он отражает или перенаправляет силу, которую ты воспринимаешь, как враждебную, — для демонстрации Николай без предупреждения запустил в Герду снежком, который она тут же отбила. — Во втором он увеличивает или перенаправляет силу, которую ты воспринимаешь, как дружественную. Мы начали тренировать именно первое направление, потому что ты легче реагировала на прямую угрозу, чем на взаимодействие. После того, как ты успешно научилась защищаться, я постепенно подводил тебя ко второму



направлению. Собственно, все, что мы делали в последнее время — синхронизация дыхания и действий — направлено именно на то, чтобы ты научилась взаимодействовать. Сейчас мы подошли к последнему этапу, на котором ты должна будешь полностью передо мной раскрыться. И тогда ты беспрепятственно сможешь воспользоваться моей силой.

Герда сглотнула. Его слова звучали очень непонятно и устрашающе. «Интересно, что значит «полностью раскрыться»? Надеюсь, ничего такого, от чего мне потом будет стыдно. Хотя вряд ли такого оборота можно опасаться с мастером Николя».

— Что... — Герда закашлялась от волнения. — Что я должна делать?

— Доверься мне, — улыбнулся Охотник. — Повернись спиной.

Герда пожала плечами и выполнила кажущееся простым и безобидным повеление. Но когда Николя долго буравил ее спину взглядом, сделалось очень не по себе. Пришлось терпеть. Ничего не происходило. Не видя глаз, Герда не понимала, о чем он думает и что хочет сделать. Неизвестность пугала. Закрыв глаза, попыталась сосредоточиться на дыхании. Это всегда успокаивало. Как только удалось совладать с собой, сзади донесся командный голос Николя:

— Отклоняйся назад. Медленно.

Герда повиновалась. Согнув колени, наклонилась настолько низко, насколько могла удержать равновесие.

— Еще, — потребовал Охотник.

— Не могу, — испугалась она.

— Попробуй.

Опустившись еще самую малость, Герда почувствовала, как тело натянулось, словно струна. Мышцы болезненно ныли. Даже на дыхании сконцентрироваться не получалось.

— Я упаду, — взмолилась она.

— Падай, — легко согласился Николя. В тот же миг ноги подкосились. Герда, будто подломленная, полетела назад и тут же оказалась в руках Охотника.

— Страшно? — шутливым тоном спросил он, нависая над ней. Герда сглотнула.

— Попробуем еще раз? — на его лице заиграла издевательская улыбка. Николя поставил Герду на ноги и отошел на два шага. — Не подсматривай. Наклоняйся.

Она стиснула зубы и проделала то, что он просил еще раз. Замерев в неудобном положении, она терпела до тех пор, пока силы не оставили ее, и снова упала в подставленные руки Николя.

— Поняла, в чем твоя задача? — невзначай поинтересовался он.

— Упасть вам в руки? — ответила Герда, устало поднимаясь на ноги.

— Что-то типа того. Давай сначала.

Так продолжалось раз десять. Николя неустанно ее ловил, пока она полностью не уверилась, что он не даст ей удариться о землю. А потом начал использовать для этого телекинез. Появилось странное чувство, словно воздух вокруг сгущается, превращаясь в пуховую подушку, по которой Герда медленно соскальзывает в руки Николя. Кожу слегка пощипывало даже через одежду, но Герде даже нравились эти ощущения. Согревали, обволакивали, создавали чувство защищенности. И каждый раз она нехотя расставалась с ними, когда вновь становилась на ноги. Без поддержки Николя от нее словно отрывали кожу.

Когда Герда совсем расслабилась, подушки сзади не оказалось. Точнее она была, но слишком слабая, чтобы удержать вес человеческого тела. Герда упала в снег. Он больно

оцарапал затылок, забрался за шиворот и начал таять, неприятно растекаясь холодными струйками по спине. Герда с трудом встала, непонимающе глядя на Николая. Зачем он позволил ей упасть? Охотник смотрел на нее холодно и беспристрастно, как будто это не он только что обманул ее доверие и уронил в снег.

— Становись, — напомнил Николай.

— А вы меня поймаете? — недоверчиво спросила Герда.

— Возможно, — расплывчато ответил он.

Она вдохнула поглубже. Даже если станет сопротивляться, он все равно заставит. Отклонилась. И снова упала в снег. На этот раз вообще никакого телекинеза не чувствовалось. Обиженно всхлипнув, Герда поднялась и попробовала еще, но никакой поддержки от учителя и теперь не последовало.

— Попробуй хоть чуть-чуть себе помочь, — почти умоляя, попросил Николай.

— Как? — едва не плача спросила Герда.

— Доверься мне, доверься моей силе, позволь ей стать частью тебя и помочь.

Легко сказать. Герда не понимала, как это сделать. Честно старалась представить, что сзади ее ждет мягкая подушка, легкое покалывание и руки Николая, но каждый раз падала на обжигающе холодный, покрытый твердой настовой коркой снег.

— Ты не пытаешься, — тяжело вздохнул Николай, поднимая ее после того, как она сама вставать отказалась.

— Неправда, я... — Герда громко всхлипнула. — Я пытаюсь, но ничего не получается. Может, у меня вообще нет этой второй способности? Может, мой дар очень слабый и неполноценный?

Николай покачал головой, сел на растеленное на снегу покрывало и вынул приготовленный Эглаборгом обед. Герда устроилась рядом, с несчастным видом разглядывая собственные ноги.

— Все из-за того, что ты такая зажатая. Если бы ты могла хоть ненадолго довериться мне и раскрыться, у тебя бы получилось, — разочаровано сказал он, подавая ломоть хлеба с вяленным мясом. Не поднимая глаз, Герда взяла его и без аппетита откусила кусок, который тут же стал в горле комом.

— Должно быть, в этом есть доля моей вины. Я сделал наши отношения слишком близкими, надеясь, что так тебе легче будет принять меня, но вышло совсем наоборот. Я постоянно тебя смущаю.

Герда ошарашено уставилась на него. Так вся теплота, ласковые прикосновения, веселые шутки и разговоры по душам были лишь игрой? Совсем как тогда, когда он пытался запугать ее, чтобы заставить защищаться. А она-то надеялась... Дура! Почему так сложно выкинуть Николая из головы и сердца? Ведь он всеми возможными и невозможными способами показал, что она ему совершенно безразлична. Он просто учит ее пользоваться даром. Чем быстрее закончится это мучение, тем лучше. Что он там говорил надо сделать? Расслабиться? Хорошо, сейчас она так расслабится, что мало никому не покажется.

Герда молча вернула Николая недоеденный обед.

— Не хочешь? — он вскинул одну бровь.

Герда потянулась за его флягой.

— Осторожно. Там то, что ты не любишь, — поспешил предупредить Охотник, но Герда уже сняла крышку и решительно поднесла флягу к губам. Глубоко вздохнув, сделала несколько больших глотков и закашлялась.

— Что ты делаешь?! — ошалело воскликнул Николая и отобрал флягу. — Оно же очень крепкое. Все горло сожжешь.

Герда вытерла губы тыльной стороной ладони и встала.

— Я готова, — решительно заявила она.

Николя недоуменно моргнул.

— К чему?

— К, — Герда громко икнула. Хмель мгновенно ударил в голову. — К взаимодействию, — мотнув головой, ответила она.

Охотник скептически хмыкнул и тоже поднялся. Но не успел он встать на позицию, как Герда повернулась к нему спиной и резко начала падать. Николая шумно выдохнул. Словно оттолкнувшись от невидимой преграды, Герда снова встала на ноги.

— Эй, зачем так резко?! — недовольно прикрикнула она, потирая ушибленное место.

— Это не я, — тихо ответил Николая, но она не стала слушать и опять отклонилась назад. Застыв над землей под невыносимым углом, долго раскачивалась взад-вперед, наслаждаясь невесомостью.

— Долго еще баловаться будешь? — нетерпеливо поинтересовался Николая, раздражаясь безо всякой причины.

— Пока ты меня держишь, — озорно хихикнула она. От обращения на “ты” Охотник заметно поморщился. Не понравилось? Сам же хотел, чтоб она расслабилась!

— Я не держу, — хмуро возразил он.

Невидимая подушка исчезла, и Герда полетела напрямик в снег.

— Зачем ты все испортил? — отплевываясь, недовольно осведомилась она.

— Пора домой. Тебя совсем развезло, — Николая поднял ее на руки и бесцеремонно перекинул через плечо. — Ведешь себя отвратительно.

— О, так отвратительно себя вести можно только вам с Финистом? — съязвила она.

— Мы мужчины. А ты девушка и должна быть милой, скромной и кроткой.

— Это несправедливо!

— Разве речь шла о справедливости?

Герда не стала отвечать. Голова закружилась, а к горлу подступила дурнота. Дико хотелось смеяться и беситься. Колотить Николая кулаками по спине и называть нехорошими словами.

Охотник опустил ее на ноги только на пороге дома, чтобы открыть дверь. Не дожидаясь, когда ее снова схватят, Герда юркнула внутрь и нос к носу столкнулась с Майли. Та вздрогнула от неожиданности и зашептала какие-то нелепости. Герда не смогла сдержать снисходительной улыбки и заговорила абсолютно пьяным голосом:

— Он и тебе сбежать предлагал? Соглашайся! После этого он точно будет обязан на тебе жениться. — С сожалением глянула на Николая: — Я бы тоже согласилась, если бы предложил кое-кто другой.

— Что она несет? — ошалело спросила Майли.

Из-за ее спины появился Финист, взял Герду за руку и притянул к себе. Заговорил что-то про ее соблазнительные округлости и как бы ему хотелось все их потрогать и поцеловать. Он ведь не про эти округлости? И те, что пониже. Ну, наглец! По щекам словно кипяток потек.

— Фу! Ну что за пошлость? — поморщилась Герда, вырываясь.

— Да она же пьяна! — воскликнул оборотень и с подозрением уставился на

закрывавшего дверь Охотника: — Ты что ее напоил?!

— Она сама, — признался Николая и снова подхватил Герду на руки. — Пойдем в кроватку. Отоспишься, и все будет хорошо, — потом повернулся к Финисту и растерянной Майли. — Чего уставились?! Идите, куда шли.

— Не хочу ни в какую кроватку. Пусти!

Охотник тащил Герду вверх по лестнице. Она упиралась, визжала, изо всех сил колотила в отгораживающую его от людей невидимую стену, отчаянно желая пробиться внутрь. Укусила за придерживающую ее за плечи руку. Почувствовала солоноватый привкус крови на губах. К горлу подступила дурнота, а голова пошла кругом. Это немного отрезвило. Герда подняла взгляд и уставилась в непроницаемо-синие глаза с ютящимися в уголках изможденными морщинками. Ни злости, ни укора, ни даже боли — ни единой эмоции.

Она не выдержала и закричала:

— Почему ты все время молчишь? Я хочу, чтобы ты разговаривал!

— Я разговариваю, — хмуро возразил Николая.

— Ты не так разговариваешь. Я хочу, чтобы ты, как все, сердцем разговаривал!

И снова принялась лупить невидимыми кулаками в невидимую стену. Николая глухо застонал, ногой распахнув дверь в комнату.

— Все, отсыпайся. Завтра полегчает, — скомандовал он, укладывая Герду в кровать. Но Она решительно вцепилась в него, желая оправдать свою репутацию “клещика”. И попищать. Обязательно попищать!

— Ты просто трус!

— Что? — отрывая по одному пальцы от своей рубашки, переспросил Николая.

— Ты трус. Ты бежишь от проблем и обязательств. Сбежал от меня в Дрисвятах и так и не вернулся, хотя обещал. И сейчас бежишь. Каждый раз сбегаешь от ответов на неудобные вопросы. Прячешься под разными масками. А меня это мучает, делает больно вот здесь, — она постучала рукой по груди.

— Герда! — попытался унять ее Николая, с трудом отдирая пальцы от рубашки по одному. И трусливо ретировался к двери. Герда швырнула в него подушкой прежде, чем он успел захлопнуть за собой дверь, и обиженно выкрикнула:

— Бесчувственная скотина!

Но он ничего не услышал. Или услышал, но не понял. Или понял, но попросить прощения не захотел. По щекам потекли слезы. Плечи затряслись от безудержных рыданий. Как же Герда ненавидела крепкие напитки! Минут через пятнадцать она выдохлась и распласталась на кровати, невидящими глазами глядя в потолок. В дверь постучали.

— Войдите, — безразлично сказала Герда и отвернулась к окну.

На пороге показался Эглаборг.

— Выпейте, это должно помочь, — целитель протянул ей чашку с теплым травяным отваром, от которого резко пахло мятой и пихтовым маслом. После крепкой настойки сильно хотелось пить. Герда опорожнила чашку одним глотком. Голова тут же прояснилась, в ушах перестало шуметь, и мир уже не ходил ходуном перед глазами.

— Спасибо, — слабо улыбнулась она Эглаборгу.

— Не за что, — услужливо ответил он. — Вот бы еще мастеру Николая можно было помочь также легко.

— А что с ним? — заволновалась Герда.

— Что с кем? — смутился целитель.

— С мастером Николая. Вы же только что про него говорили.

— Нет, вам послышалось. Может, еще отвара принести?

— Принесите, — быстро согласилась она, но все же подозрительно спросила: — Так с мастером Николая точно все в порядке?

— Да заперся он в кабинете. Хандрит. На него порой находит. Не переживайте, — преувеличенно небрежно отмахнулся Эглаборг.

Герда подозрительно уставилась на него:

— Но вы же переживаете.

Целитель пожал плечами и ушел за отваром. Герда закрыла глаза и попыталась уснуть, но сон не шел. После того, как Эглаборг принес еще одну порцию отвара, Герда подняла подушку повыше, взяла с тумбочки дневник Лайсве и принялась читать, надеясь, что так сможет немного успокоиться и заснуть.

«Почему меня не могут оставить в покое? После той взбучки, которую Вейас получил от Найта, я надеялась, что они отстанут раз и навсегда. Честно говоря, что у них там случилось, я не видела. Одолела слабость. Но судя по тому, что когда я проснулась, Найт лежал рядом со мной целый и невредимый с жизнерадостной улыбкой на лице, обошлось без жертв.

Пару дней было спокойно. Я отдохнула. Слабость почти прошла — даже на улицу смогла выходить, хотя Найт очень просил этого не делать. Бедный, ему приходится ждать, пока я полностью не выздоровею. Путь до его родового замка неблизкий, поэтому я должна набраться сил. Но я просто не могу сидеть так долго взаперти и ничего не видеть, кроме четырех стен. А солнце и свежий воздух помогут мне гораздо больше, чем бесконечное лежание в постели, которое мне уже одемонело.

Собственно, так я и попалась, во время прогулки. Демоновы ищейки! Я надеялась, что они уедут обратно, отчаявшись меня найти. Наверное, так бы они и поступили, если бы не телепат. Откуда он только такой сильный взялся на мою голову? Поди, даже Вейас слабее будет. Брат из-за амулета совсем не мог меня читать, а этот как открытую книгу видит. До сих пор мурашки по коже, стоит вспомнить, как он мои мысли выворачивать начал. Женишок мой, по видимости, именно на него и рассчитывал во время поисков. Как телепат на меня указал, так сразу вперед вышел и говорит:

— Ты мне обещана. Твой отец нас уже поженил. Осталось только супружеский долг исполнить, чтобы союз скрепить.

И посмеивается еще так скабречно. Меня чуть наизнанку не вывернуло.

— А теперь еще и брат твой обещал благословение дать, если от Ходока избавлю.

Так и не поняла, кого он имел в виду. Да еще телепат меня своими странными взглядами отвлекал. То ли жалость в них мелькала, то ли презрение. Сама не понимаю, почему меня это так заинтересовало. Ведь бежать надо было. Ноги уносить, пока можно, а я будто к земле приросла. Сдвинуться не могла. А женишок так мерзко ухмыльнулся и целоваться полез. Тут оцепенение и прошло. Укусила тварь и что силы было бежать бросилась. До сих пор кровь на губах чувствую. Ненавижу!»

Герда вздохнула. К сожалению, догадка оказалась верной. Милый Найт оказался тем самым ужасным демоном, который к ним с Николая ночью в окно заглядывал. Бедная Лайсве! Как можно любить чудовище? Николая говорил, что Ходок умеет колдовать, но все равно, как можно не заметить, что рядом с тобой не человек? Наверное, Лайсве действительно была в отчаянии из-за мерзкого жениха, раз на чары так легко поддалась.

Герда обхватила себя руками: «Я ведь тоже в отчаянии. Вдруг Ходок действительно за

мной охотиться начнет? Хотя нет, он только к красивым приходит. Мастер Николая прав, я не должна так близко принимать то, о чем читаю в книгах. И все же не могу удержаться. Так хочется узнать, чем закончилась эта история».

Успокоившись, Герда вернулась к дневнику:

«Вечером пришел Найт. Долго утешал. Спросила, кто такой Ходок. Зря. Это его сильно расстроило. Стал объяснять, что так их клан уничижительно называют. У них раньше со Стражами союз был, только наши воины условия нарушали постоянно и плату за свою службу так загибали, что клан с ними разругался. И с тех пор стал вне закона. Странно это. Насколько я знаю, Стражи никогда людей не обируют. Откупаться только демоны могут.

Я, наверное, брежу. На мгновение показалось, что у Найта глаза стали красные, а кожа желтоватой, как у покойника. А потом к нам вломились ищейки. Верно, брат им дорогу показал. Предатель!

Найт ушел с ними на улицу, а мне велел отдыхать. Сказал, что у меня болезненный вид. Должно быть, все дело в недомогании. Я улеглась в постель, но стоило сомкнуть глаза, как передо мной оказался демонов телепат. Как он это делает? Вейас даже и помыслить не мог, чтобы вот так проецировать свой образ в мою голову.

— Послушай, я знаю, что тебе не нравлюсь. И это вполне взаимно. Я о ратных подвигах мечтал, когда в орден шел, а не о том, чтобы за сумасбродной девчонкой гоняться. Но это уже неважно. Важно то, что ты попала во власть демона. Жуткого демона. Он сводит тебя с ума, медленно истощает, убивая твой разум. Если не вырвешься, останешься его послушной рабой навсегда. Твой женишок думает, что нам удастся тебя спасти, но на самом деле это сделать сможешь лишь ты сама, если решишь бороться.

— Я не хочу замуж за этого болвана.

— Думаешь, лучше быть замужем за Ходоком?

— Он не демон. Даже если и демон, я его люблю. А он меня, я верю. Я вижу это в его глазах — его чувство подлинное. Может, мы чего-то о них не знаем. Может, они вовсе не хотят причинять нам вред. Ведь есть демоны, с которыми у нас мир. Думаю, Найт из таких. Он никогда меня не обидит и не заставит делать что-то против воли. В отличие от вас, Стражей.

— Эх, какие же вы, бабы, все-таки дуры. Любовью вас помани, так вы и в пекло идти согласны. А нет ее, любви, тем более у демона полумертвого, — досадливо сплюнул он и исчез из моей головы.

Вскоре вернулся Найт, слегка потрепанный и бледный.

— Они ушли и больше нас не потревожат, — с порога начал успокаивать. Только на душе все равно скребли кошки. Как же они это делают, телепаты? Зарождают сомнения на пустом месте, причем такие, от которых отделаться никак нельзя. Решила не мучаться и спросить в лоб:

— Ты не человек?

Найт молча смотрел на меня.

— Ты демон?

Он медленно кивнул и отвернулся.

— Боишься меня? — спросил он тихо-тихо.

— А стоит бояться?

Он подошел вплотную и поцеловал так, как не целовал никогда до этого.

— Твоя тоска, твое одиночество пробудило меня к жизни. Твоя любовь дала мне силу.

Да, я питаюсь кровью животных и избегаю солнечного света, но чувствую также, а может и острее, чем люди. Сейчас ты можешь уйти, но можешь и остаться. Тогда я покажу тебе владения ночи, открою сокровенные тайны реки времени, проведу подземными тропами в вечный город, где мы сможем быть счастливы вместе. Отдыхай. Я вернусь завтра после заката и приму любое твоё решение.

И ушел. Я не выдержала и расплакалась. Никогда не плакала, даже в детстве, когда падала и разбивала коленки. А сейчас успокоиться не могу. Все, чему меня учили, говорит, что я должна бежать отсюда и бежать сейчас, когда светло, но что-то держит. Бездна. Я точно знаю, что будет там — замужество без любви и жизнь в золоченой клетке, а Найт предлагает мне что-то новое. Если я рискну, возможно, обрету счастье или погибну, но все равно так будет лучше, чем в неволе».

Герда передернула плечами. Неужели у Лайсве все было настолько плохо, что начали посещать мысли о смерти? Или Ходок так подействовал? Неужели она не видит, насколько лживы его слова? Но в дневнике еще столько записей! Значит, она выжила, не став упырицей. Герда приложила руку к груди. Почему история полувековой давности никак не отпускает? Что так навязчиво крутится в мыслях, но никак не всплывает на поверхность? Герда сделала несколько глубоких вдохов. Чего сейчас гадать? Надо читать дальше. Все равно уже не уснет, пока не доберется до конца.

К вящему удивлению, следующая запись имела совершенно другую тональность:

«Кажется, наступило демоническое похмелье. Чувствую себя последней дурой. Как я могла так обмануться? А еще на Вейаса обижалась, что принцесса его опоила и чуть было на себе не женила. Сама-то ничуть не лучше. Даже хуже. Это ужасно!

После ухода Найта, я так и не поднялась с кровати. Даже поесть не удосужилась. Все думала о нем, считала часы до нашей встречи. Он явился точно с заходом солнца, обаятельно улыбнулся и спросил про мое решение. Естественно, я согласилась. Даже мысли не возникло отказаться, а следовало бы.

Найт взял меня на руки и понес к заброшенному кладбищу. Там остановился у одного из склепов, отпер и пригласил внутрь, объясняя, что проход в его мир спрятан внутри. Там действительно что-то было. Я ощущала это даже несмотря на свою нечувствительность к ауре. Весь пол испещряли желобки с глубокими лунками в центре гексаграммы. На стенах вырезаны заклинания на турецком, а может даже доманушском языке. Найт надрезал свое запястье и, приложив его к выступу на стене, попросил меня сделать то же самое. Но стоило поднести к запястью кинжал, как в голове зазвучал встревоженный голос Вейаса. Он молил остановиться и бежать. Просил прощения, угрожал, кричал, но я не слушала. Видела только Найта и слышала тоже только его. Стоило крови попасть на стену, как на месте гексаграммы образовался колодец. Найт снова поднял меня на руки и прыгнул вниз. Когда над головой сомкнулась крошечная тьма, последние силы покинули меня».

Герда укуталась в одеяло, почувствовав, как по коже пробирается озноб. Она словно наяву ощущала царивший в склепе могильный холод и ужас Лайсве от падения в бездонную бездну. В комнате сгустился сумрак, а огонек от свечи подрагивал, словно от страха. Герда перевернула страницу и продолжила читать на следующей:

«Очнувшись посреди огромного зала, освященного множеством свечей, шикарно обставленного обитой бархатом мебелью. Стол ломился от изысканных яств. В камине весело полыхал огонь. Приветливо отогнут балдахин на большой двуспальной кровати. Дома я никогда не ценила богатую обстановку нашего родового замка, удобства, которые он

предлагал. А проведя столько времени вдали от них, оказалось, соскучилась. Подошла к столу, отщипнула темную ягоду от лежавшей на серебряном подносе грозди винограда и положила в рот, испытывая невероятное наслаждение. Не понимала тогда, насколько неестественно обострились мои чувства, насколько близко я подошла к краю.

Найт смотрел на меня с таким вожделением, и я верила, что это из-за чувств, которые он ко мне испытывает. Его вкрадчивый голос, мягкие поцелуи, нежные прикосновения околдовывали меня, превращая в послушную куклу. А меж тем его руки становились все холоднее, а поцелуи жестче. Я почувствовала, как по коже легкой щекоткой прошли клыки, резко впились в шею, посылая по всему телу шоковую волну. Было невыносимо больно. В кровь вливали яд, а я не могла даже пошевелиться, с ужасом ощущая, как последние силы оставляют меня. Голова наливается тяжестью, становится чужой. Разум затуманивается, и уже не хочется ничего. Только уснуть вечным сном и видеть сладострастные сны о любви, которой не было и никогда быть не могло.

Вдруг я почувствовала удар. Невероятно сильный. Сознание вернулось в тело, словно высокого утеса прыгнув в холодную воду. Голову пронзила резкая вспышка боли, придав ощущениям былую остроту. Только тогда я поняла, что не стою, а лежу, впечатавшись в мягкую перину на кровати. Я подняла голову и увидела, что Найт с кем-то борется. С кем-то невероятно сильным.

— Теперь ты видишь? — услышала я голос телепата. — Видишь, кем была для него все это время?

Я хотела ответить, но не могла произнести ни слова.

— Посмотри по сторонам. Видишь, во что он превращает своих возлюбленных? — продолжал говорить телепат у меня в голове.

Я обернулась. Свет в зале стал ярче. По углам притаились странные бледнокожие создания: лысые, морщинистые, сгорбленные, с выпавшими зубами и бесцветными слепыми глазами, будто из них выпили всю жизнь, а оболочку оставили, чтобы вдоволь посмеяться над жалким существованием. Они колотились то ли от немоги, то ли от страха. Присмотревшись, я заметила шрамы от клыков на шеях. Их было много: застарелых, синих, распухших, как будто к ним прикладывались не один раз.

— А теперь взгляни на того, из-за кого ты хотела обречь себя на вечные муки, — снова заговорил телепат.

Противник Найта ударил его под дых, схватил за плечи и развернул ко мне лицом. Я забыла, как дышать. Он был не просто уродлив, он был... огромной летучей мышью со страшными свисающими аж до подбородка желтыми клыками, кончики которых алели от крови. От моей крови! Вокруг плащом клубился непроницаемый черный туман.

— Нравится? — на этот раз голос телепата прозвучал наяву. Именно он стальной хваткой держал сейчас Найта. Я испуганно выдохнула.

— Все еще хочешь быть его пищей? Понимаю, его чары куда ярче реальных чувств, но разве морок стоит таких страданий? Ответь мне!

— Нет, — тихо простонала я.

— Громче!

— Нет! Забери меня отсюда, умоляю. Я вернусь домой и выйду замуж за твоего хозяина, только забери меня отсюда.

Летучая мышь попыталась что-то сказать, но телепат ухватил ее за горло. Найт сдавленно захрипел.



— Слишком поздно, — хмуро ответил светловолосый и легко, словно былинку, переломил Найту шею.

Мне сделалось дурно. Мир снова погрузился во тьму».

Герда потрясенно выдохнула, вспоминая свою встречу с Ходоком. Какая удача, что Николая был тогда рядом, иначе бы она тоже наверняка попала под чары и... При одной мысли тело начинало колотить крупной дрожью. Неужели еще один такой Ходок сейчас бродит по Упсале и высасывает жизнь из ничего не подозревающей девушки, мечтавшей о любви и поверившей в искренность его чувств? Николай просто обязан разыскать ее и спасти.

«Я сделаю все, чтобы ему помочь. Знать бы еще, как».

Герда перелистнула страницу, надеясь найти ответ в дневнике, но не успела прочитать и строчки, как ночную тишину словно клинком разрезал леденящий нутро крик.

Герда мигом подскочила и выбежала из комнаты, а крик все не стихал. Похмелье как рукой сняло. Герда подбежала к комнате Майли — кричали именно там. Возле двери уже стоял смертельно бледный Финист.

— Приступ? — испуганно спросила Герда, слыша, что крик становится громче.

— Не знаю, — коротко бросил оборотень, пытаясь плечом высадить дверь, но та не поддавалась. Через мгновение к ним подоспел Николай. Следом показались Эглаборг и Вожык.

— Что происходит? — первым делом спросил Охотник.

— Не знаю. Мы закончили занятие. Все было нормально. Она сказала, что очень устала и ляжет спать пораньше. Поднялась к себе, а через несколько минут... — принялся оправдываться Финист, но Николай его прервал:

— А почему дверь до сих пор не открыли?

— Она заперта, — пожал плечами оборотень.

— Так на ней же нет засова!

Все пораженно уставились на дверь.

— Посторонитесь, — скомандовал Охотник.

— Я уже пробовал ее выбить — бесполезно, — предупредил Финист, но Николай ничего не ответив, приложил руку к деревянным доскам. Дверь мгновенно разлетелась на мелкие щепки.

Оборотень недобро сощурился и процедил сквозь зубы: «Показушник». Николай сделал вид, что ничего не услышал, и первым вошел в комнату. Остальные последовали за ним. Крик прекратился, как только они переступили порог. Герда обвела взглядом всю комнату, но Майли так и не увидела. Вожык дернул за рукав и указал вверх. Сердце стремительно ухнуло в пятки.

Майли висела под самым потолком. Волосы сваялись в сплошной колтун и паклями свисали в разные стороны. Рубашка промокла от пота и порвалась в некоторых местах. Глаза закатились и посверкивали белками. Бескровный рот открылся в беззвучном крике. С обнаженной шеи на белую простынь падали темные капли крови.

— Одержимая, — едва слышно выдохнул Финист.

Майли, словно услышав его, снова начала кричать, да так громко, что у всех заложило уши.

Николай закрыл глаза и отрешенно сцепил руки на груди. Майли заверещала еще истошней. Ее тело выворачивалось под немыслимыми углами, в то время как сила Охотника тянула ее вниз. Раздался скрежет — на досках остались борозды от ногтей.

Николя открыл глаза и тихо произнес:

— Ну, давай же.

Майли упала на кровать и начала барахтаться в одеяле. Николя осторожно опустился рядом и положил руку ей на грудь. Тело несчастной расслабилось и перестало судорожно дергаться. Глаза закрылись. Лишь тяжелое дыхание напоминало о недавнем приступе.

— Понятно, почему гончие приводили меня к собственному дому, ведь все это время демон был здесь, прямо у меня под носом, — с досадой пробормотал Охотник, не отпуская Майли.

— Это Ходок? — тихо спросила Герда. Николя коротко кивнул.

— Не замечал за ней никаких странностей в последнее время? — обратился он к Финисту.

— Только если считать странным то, что она перестала вести себя как дура набитая. Слушала мои советы, не возражала. Даже призраков пару раз отпугнуть получилось, — в недоумении развел руками оборотень.

— Я замечала, — перебила Герда, с ужасом осознавая, что не давало ей покоя в последние дни. — Она подолгу запиралась в своей комнате одна. И стала такой безучастной ко всему, неживой. А сегодня говорила, что кто-то обещал увезти ее отсюда. Я подумала, что это Финист, но, похоже, ошиблась.

— Почему ты не сказала об этом раньше? — упрекнул Охотник.

— Я сказала Финисту. Он ее учитель и... — Герда осеклась, заметив, как враждебно посмотрели друг на друга мужчины.

— В следующий раз, если заметишь что-то странное, что угодно, рассказывай мне, — хмуро ответил Николя и, с укоризной глядя на Финиста, добавил: — А то, похоже, кто-то даже волков от овец отличить не в состоянии.

Оборотень понурился и отвернулся. Видно было, что переживает и винит себя. Герда хотела сказать ему что-то успокаивающее. Все, все они ошиблись, недосмотрели.

Ходоки нападают только на одиноких и несчастных, на тех, кто жаждет любви, но не находит ее. Майли, страдавшая от пренебрежительного отношения Финиста, от того, что оказалась оторвана от всего, что было ей дорого и во что верила, стала идеальной жертвой. Этого следовало ожидать. Если бы Герда не была настолько поглощена своими проблемами с Николя, то, наверняка, смогла бы сопоставить записи Лайсве с поведением Майли и ничего бы не произошло!

Только толку сейчас сожалеть и искать виноватых? Надо спасти Майли, а потом уже думать, что сделать, чтобы такого не повторилось больше никогда.

Николя, видно, думал также. Поэтому не стал дальше отчитывать Финиста и занялся одержимой. Снял с пояса нож и царапнул лезвием кожу на ее виске. Майли не очнулась, но на подушку засочилась кровь.

— Помоги, — позвал Герду.

Она удивленно моргнула.

— Как?

— Мне нужна твоя сила. Сейчас Ходок спрятался в ее голове, медленно убивая. Чтобы спасти Майли, мы должны последовать за ними в ее разум, — терпеливо объяснял Николя, но Финист его перебил.

— Ты сошел с ума? Это очень опасно. У нее не хватит сил. Ходок может и ее околдовать. Тогда мы потеряем обеих.

— Не околдует. Я в этом удостоверюсь лично, — заверил Охотник.

— Все в порядке. Я готова рискнуть. Но я не знаю, как это сделать, — неуверенно сказала Герда, глядя, как лицо Майли бледнеет с каждой минутой, словно жизнь покидает ее.

— Не думай об этом. Думай о том, что хочешь ее спасти. Поверь мне и воспользуйся моей силой. Давай! Это ее единственный шанс.

Николя взял Герду за руку. Она суматошно пыталась вспомнить, как взаимодействовала с ним на занятии. Но она была слишком пьяна и ничего не поняла. Как же? Просто поверить! Перед мысленным взором предстала уже знакомая каменная стена. Скрепя заржавевшими от безделья шестернями опустился едва заметный мостик, образовав узенький проход. Наружу хлынул голубоватый льдистый свет. Темным силуэтом на нем вырисовался невысокий щуплый мальчишка. Повернулся к Герде и приветливо улыбнулся невероятно обаятельными синими глазами. Николас! Такой, каким он запомнился ей в детстве. Герда счастливо засмеялась и подбежала к нему, забыв обо всем.

Свет вдруг померк. Держась за руки, они понеслись вверх по сужающимся скатам вихревой воронки, совсем как при прошлой встрече с ходоком. Только сейчас Герда сама была ее источником и центром.

Все закончилось также неожиданно, как началось. Вихрь исчез. Они оказались на залитой солнцем зеленой лужайке рядом с лесом, словно был не конец зимы, а середина лета. Герда узнала это место. Неподалеку раскачивались на ветру сработанные между двух сосен качели. Чуть дальше стояла выкрашенная в белый цвет плетеная беседка. В ней, по обыкновению благородных господ, уединились двое влюбленных. Они крепко прижимались друг к другу. Темноволосая девушка одета в легкое белое платье, а парень со светло-каштановыми волосами в элегантный черный костюм. Он целовал ее шею. По крайней мере, так казалось на первый взгляд.

— Четырнадцать лет?! — гневно зашипел над самым ухом Николя.

Герда обернулась. Ее милый любимый мальчик больше не улыбался. Глаза цвета бури полыхали от ярости.

— Ты что до сих пор представляешь меня четырнадцатилетним?! — злился он. Герда закрыла лицо руками, не понимая, как так вышло. Она не хотела ничего подобного.

— Простите, я...

— Как теперь прикажешь с ним бороться?

— Раньше же у вас получалось. С Ловцом и...

— Так это было десять лет назад. Я отвык от этого тела и не помню, как оно двигается и какая у него сила. К тому же, здесь я, небось, и дар использовать не могу, — он махнул рукой и ничего не произошло.

Герда сдавленно сглотнула, осознавая свою вину. Она должна была опустить дурацкую мечту уже давно, как только увидела его настоящего.

Из беседки донесся шум. Герда пригляделась к обнимающейся паре и поняла, что мужчина вовсе не целует свою возлюбленную, а пьет из шеи кровь, а несчастная девушка медленно оседает на пол.

— Ладно, не важно. Как-нибудь выкручусь. Оставайся здесь.

Николя обнажил меч. Ходок отвернулся от распластанной на полу девушки и посмотрел в их сторону. Герда поражено вздрогнула. Он странно напоминал Финиста, только все его черты были сглажены так, что он казался невероятно, ошеломляюще красивым. Лишь глаза

его были бездонными черными омутами, как у Петраса.

— Охотник, — оскалился Ходок. — Не могу понять, ты настолько смел, что готов сразиться со мной в моем собственном мире под личиной сопливого мальчишки, или настолько глуп, что не можешь верно оценить мои силы.

Герда застонала от досады. Никола поморщился и выхватил меч, не отвечая на провокацию. Не сводя глаз с противника, стремительным хищником двинулся к нему.

— Спасибо, что привел ко мне еще одну жену, — Ходок громко втянул в себя воздух. — О, так она непорочная! И вся томится от неразделенной любви. Обожаю таких. Человеческие мужчины слишком глупы, чтобы оценить их чувства по достоинству, но мы, Ходоки, всегда готовы подарить им счастье. Ведь для этого требуется самая малость: несколько прикосновений и ласковых слов.

Николя нападал молча, не обращая внимания на Ходока, который пытался его раздражить. Демон с легкостью парировал атаки. Было заметно, что он намного сильнее, а Охотник никак не может примериться к телу подростка.

— Если увидишь, что я проигрываю, подумай о доме и возвращайся, — крикнул он Герде, на мгновение оторвавшись от схватки, и чуть было не пропустил удар. Неловко вывернулся, выставил клинок для защиты, скользнул вдоль лезвия, высекая окалину и отскочил, чтобы перегруппироваться.

Как же так? Никола ведь справился с Ловцом. С самым жутким демоном во всем Мидгарде. А мерзкой летучей мышью проигрывает. Но может, дело вовсе не в силе? Кажется, Ходок сказал, что это его мир, но это неправда. Эта лужайка, качели, беседка... Будескайск! Это мир Майли. Она наделила Ходока силой, как Герда сделала Никола четырнадцатилетним. Именно Майли должна все это остановить.

Герда со всех ног кинулась к беседке. Охотник явно заметил ее маневр краем и начал двигаться быстрее, отвлекая Ходока обманными маневрами.

— Майли! — Герда затормозила неподвижно лежавшую на полу девушку.

— Оставьте нас, — устало прохрипела она. — Дайте мне быть счастливой.

Ее слова напомнили о дневнике Лайсве. Морок. Чары Ходока! Телепат каким-то образом развеял их. Надо вспомнить в точности, что он делал. Разговаривал внутри головы Лайсве. Эх, ну почему вместо абсолютно бесполезной и несамостоятельной способности к отражению ей не досталась телепатия? Все бы было так просто.

— Что бы ты ни делала, делай это быстро, — предупредил Никола.

Ходок повернулся к беседке, но Охотник преградил ему путь. Застал врасплох резким ударом снизу. И, не давая придти в себя, и атакуя с рваным, совершенно непредсказуемым ритмом потеснил Ходока назад.

— Он не тот, кем кажется. Он тебя не любит и не сделает счастливой, — вкрадчиво заговорила Герда, помогая Майли подняться. — Он ненастоящий. Все это не настоящее. Взгляни вокруг. Вспомни, этих мест уже нет.

— Не хочу вспоминать, — простонала девушка. — Мои воспоминания ужасны. Настоящий мир ужасен. Он не принимает меня. Даже человек, которому я отдала самое дорогое, что у меня было, не принимает меня. Я не хочу туда возвращаться. Уходите.

Она плакала. Герда притянула ее к себе и обняла, понимая и разделяя ее чувства.

— Я знаю, как тебе больно и одиноко. Все, во что ты верила, оказалось ложью, а твой любимый разочаровал тебя. Многие через это проходят, но это не повод, чтобы сдаваться и отдавать себя во власть демону. Взгляни, — Герда сосредоточилась, вызывая в воображении

описанные в дневнике образы.

Майли вздрогнула. Прямо из воздуха возникло с десятков сторбленных морщинистых уродцев.

— Это те, кто отчаялся и поверил Ходоку. Ты ведь не хочешь быть такой? — Герда старалась говорить уверенно и не подавать вида, насколько ее удивил собственный успех. И какую чудовищную слабость она испытывала после этого трюка. Майли испуганно всхлипнула.

— Герда, не надо мне помогать! Уходи! — попытался остановить ее Охотник.

Ему все-таки удалось примериться к собственному росту, и преимущество перешло на его сторону. Высокий и грузный Ходок теперь явно уступал Николя в ловкости и скорости. Охотник легко увертывался от казавшихся ленивыми замахов, а его собственные похожие на броски змеи выпады еще сильнее изматывали противника. Теперь Ходок не атаковал, уйдя в глухую защиту. Победа вот-вот должна была достаться Николя, но нанесенные демону раны тут же затягивались, и он продолжал отбиваться, как ни в чем не бывало.

Герда решила действовать дальше, несмотря на запрет.

— Мастер Николя, поверните Ходока к нам, — попросила она.

Охотник ловкой кошкой ушел от удара и заставил Ходока повернуться лицом к девушкам.

— Взгляни на него. Это не Финист. Это не человек даже, — Герда снова обратилась к Майли, зажмурилась и изо всех сил представляла на месте Ходока огромную летучую мышь, которую описывала Лайсве. В животе больно засосало, навалилась почти непереносимая усталость. Смертельно хотелось спать.

Майли в ужасе закричала. Герда дернула головой, силой вырывая себя из забытья, и открыла глаза. Ходок обрел свой истинный облик и, хищно обнажив клыки, пялился на нее.

— Позволь мастеру Николя победить, — тихо попросила Герда, чувствуя, как из носа по губе стекает алая струйка. Еще бы чуть-чуть продержаться!

Майли всхлипнула и кивнула, пряча голову на груди у Герды. Охотник замахнулся и словно тростинку, перерубил тело летучей мыши пополам.

— Хорошо, — прошептала Герда и упала без сил.

\*\*\*

— Герда! Герда! — словно сквозь толщу воды послышался глухой голос Финиста.

Следуя за ним, она помчалась на поверхность. Веки распахнулись. Глаза резануло от яркого света поднесенной к лицу свечи. Нос свербел от засохшей крови. Голова раскалывалась еще сильнее, чем от похмелья накануне, а по суставам растекалась болезненная тяжесть.

— Все в порядке? — раздался рядом заботливый голос Эглаборга.

— Она дышит? — испуганно спросила Майли. — Она будет жить?

— Мастер Николя, что с ней? — потребовал Вожык.

— Успокойтесь, она уже пришла в себя, — заставил всех замолчать повелительный тон Охотника.

Герда повернула к нему голову. Теперь Николя выглядел совершенно обычно, на свой настоящий возраст. Только на бледном, бескровном лице горели почти колдовским огнем яркие синие глаза. Герда протянула к нему руку со смешанным чувством стыда и радости оттого, что, несмотря на ее промах, все закончилось удачно. Николя перехватил ее кисть в воздухе, сжал и опустил на пол. По заледеневшим жилам заструилось колкое животворящее

тепло. Потихоньку становилось легче.

— Ты довел ее до истощения! Еще чуть-чуть и она бы не очнулась! — взбесился вдруг Финист. — Неужели не было другого способа?

Николя ничего не отвечал, крепче сжимая ладонь Герды, переплетая свои пальцы с ее. Майли отвернулась к стенке и тихо плакала. Сбоку к Герде протиснулся Вожык и гладил ее пальцы. Она хорошо ощущала шершавые подсыхающее ожоги на ладони мальчика. Заметила, как Никола бросил на них короткий цепкий взгляд. Его глаза прищурились, губы сжались в узенькую полоску.

— Ты не имеешь права так ее использовать! — продолжал возмущаться Финист. Герда набрала в легкие воздуха, чтобы попросить его замолчать, но Охотник ее опередил.

— В таком случае можешь учить ее сам, — громко объявил он.

Перед внутренним взором мостик к Никола с грохотом поднялся и тут же слился глухой стеной. Она стала выше. Совсем непреступной, подпирающей собой небеса. Внутрь уже не попасть. Никогда.

Герда ошалело дернулась, но Охотник удержал ее на месте.

— Что? — недоверчиво перепросил Финист.

— Ты не справляешься со своими учениками и считаешь, что я не справляюсь с Гердой, — непроницаемый, обжигающе-холодный взгляд. — Значит, надо поменяться. Надеюсь, так у всех получится лучше.

Николя отстранился, юркой ящеркой ускользнул из отчаянно цеплявшихся за край рубахи пальцев. Встал и вышел из комнаты, не оборачиваясь, не глядя, забирая с собой столь необходимое сейчас тепло. Все-таки разочаровался. А Герда так старалась все исправить! Теперь он уже точно не взглянет на нее. Никогда!

Все остальные удивленно смотрели Охотнику вслед, гадая, всерьез он или шутит.

## ===== Глава 28. Новый учитель =====

Финист уложил Герду в постель. Как только голова коснулась подушки, веки смежились. Она провалилась в глубокий сон без сновидений, правда, продлился он недолго. Через несколько часов Герда проснулась от ощущения смутной тревоги, будто потеряла что-то и никак не могла вспомнить, что именно.

Жутко хотелось пить. Герда попыталась встать, но почувствовала предательскую слабость во всем теле. Стоило пошевелиться, как суставы начинало резать, словно в них ножи вставили. В ночной тьме сверкнули желтые глаза. Герда вздрогнула.

— Что-то случилось? Почему не спишь? — послышался встревоженный голос Финиста. Она расслабилась и тихо попросила:

— Пить.

— Сейчас, — он вышел и вскоре вернулся с чашкой чуть теплой воды. Герда с жадностью припала к ней и опустошила за несколько больших глотков.

— Еще? — заботливо спросил оборотень, забирая пустую посуду.

Герда покачала головой:

— Что ты тут делаешь? Почему не с Майли?

— Она стала ученицей Охотника. Теперь он должен за ней приглядывать, а я за тобой, — просто объяснил Финист. По его тону стало понятно, что он очень рад такой перемене.

А вот она совсем не была уверена в своих чувствах. Интересно, что заставило Николая так поступить. Это не могли быть слова Финиста, ведь он просил поменяться еще в самом начале, так почему Николай решил удовлетворить его просьбу именно сейчас? Или это из-за того, что она превратила его в четырнадцатилетнего мальчика в мире Ходока? Или из-за того, что она наговорила ему, когда была пьяной? Хотя последнее припоминалось очень смутно. А может, из-за того, что она такая неумеха и разочаровывала его на каждом занятии? Скорее всего, последнее. К тому же, он явно испытывает к ней неприязнь. Не зря же так дергается от каждого прикосновения. Даже руку свою вырвал, когда она так нуждалась в поддержке.

— О чем думаешь? — перебил ее размышления Финист. Он сидел у изголовья кровати, совсем как Николай, когда караулил Ходока. Тогда она еще не могла сосредоточиться под его взглядом, а вот Финиста в упор может не замечать. Странно.

— Гадаю, почему мастер Николай решил поменяться с тобой учениками, — честно призналась Герда.

— Да кто его разберет? Он ведь никогда ничего не объясняет. Не обращай внимания. Теперь все будет по-другому, как во время нашего путешествия, помнишь?

Герда вопросительно посмотрела на него, силясь понять, хочется ли ей, чтобы было как раньше. Тогда было проще, это уж точно. Голова не взрывалась от сотен тысяч вопросов, ответов на которые давать никто не собирался. Но именно здесь она узнала, что Николай жив и у нее есть дар, здесь появилась надежда, что хотя бы некоторые из ее самых невероятных желаний могут сбыться. Впрочем, все оказалось куда менее радужно, чем представлялось. Нет, время воротить назад не удастся, поэтому как раньше не будет никогда. Будет как-то по-другому. И непонятно, хорошо или...

— Молчишь? — продолжил Финист, не дождавшись ответа. — Спи и ни о чем не переживай, я посторожу.

Герда закрыла глаза, с сожалением понимая, что хотела бы, чтобы ее сторожил кое-кто другой.

\*\*\*

Она проспала до обеда. Эглаборг принес еду — бульон с гренками и яичницу — прямо в постель и не велел вставать еще несколько дней. Финист ушел подсобить по хозяйству. Герда осталась совсем одна. Читать не хотелось, тем более, единственная оставшаяся книжка рассказывала о Ходоке. Герда просто лежала и смотрела в потолок, желая, чтобы Николай каким-то чудом заглянул и объяснился. Прошел час, два, три, но его все не было. Заходил Вожык, только вернувшийся с первого занятия с Охотником. Выглядел он живее, чем обычно. Широко улыбался, много говорил о всяких пустяках: о том, как все переживали, когда она не приходила в себя после битвы с Ходоком, о том, как потом долго обсуждали решение Охотника, о том, как Вожык до смерти боялся первого занятия с новым учителем. Как выяснилось, совершенно напрасно. Мастер Николай оказался совсем не такой страшный, каким выглядел со стороны. Он очень внимательно выслушал рассказ о том, чем мальчик занимался с Финистом и еще раньше с Гердой. И даже не смеялся, когда Вожык заговорил о боге Вулкане и человечках в огне. А потом показал, как тушить свечу. Когда у Вожыка получилось сделать это с первого раза, очень хвалил.

— Он замечательный! — восхищенно подвел итог юный пирокинетик. — В смысле, Финист тоже хороший, добрый и смелый — защитил меня от гулона и от тролля — но как-то все у него мудрено было, суетливо, сложно понять. А тут раз и прижал фитилек двумя

пальцами — огонь тут же погас. Все просто.

Герда слабо улыбнулась и погладила Вожыка по голове. Видно, непросто выходило только у нее. Глупая бездарная девчонка.

— А где сейчас мастер Николя? — как бы невзначай поинтересовалась Герда

— У себя, наверное. По-моему, у него сильно разболелась голова. Он так отчаянно тер виски, когда мы возвращались. Наверное, решил отдохнуть. Майли все равно заниматься пока не может, — чистосердечно рассказал обо всем мальчик.

Герда улыбнулась. Дослушав рассказ до конца, она сделала вид, что очень устала и собирается спать. Вожык отправился к себе. Выждав некоторое время, Герда поднялась, с огромным усилием преодолевая слабость и боль, и на цыпочках вышла из комнаты. Уверившись, что в коридоре никого нет, заглянула в комнату Николя. Тоже пусто. Герда разочарованно хмыкнула и уже собиралась вернуться в постель, когда ее взгляд упал на дверь в кабинет. Показалось, что она слегка приоткрыта. Стараясь ступать как можно тише, Герда вошла внутрь.

Охотник по обыкновению сидел за столом у окна и что-то задумчиво выводил на листке бумаги.

— Тебе было велено не вставать с постели, — проворчал он, не поднимая глаз, и спрятал листок до того, как Герда успела разглядеть, что там было. В том, что это именно рисунок, а не письмо, она не сомневалась. Герда улыбнулась и дружелюбно поинтересовалась:

— Рисуете Ходока?

— Не совсем, — повел плечами Николя. — Ты ведь не об этом хотела спросить.

Он устало вздохнул и пристально посмотрел на нее. Вид у него сохранился такой же бледный, как накануне, а под глазами красовались темные круги. Наверное, мигрень оказалась очень сильной. Стало немного совестно утомлять Николя расспросами, но уйти просто так Герда не могла.

— Вы злитесь из-за того, что я сделала вас четырнадцатилетним?

— Я не злюсь.

— Тогда почему вы... бросили меня вчера?

— Просто подумал, что ничем не смогу помочь и решил предоставить эту возможность твоему новому учителю, раз уж он так рвался на твою защиту.

Герда потупилась.

— Вы ведь не поэтому не хотите меня больше учить, — теперь она не спрашивала, а утверждала. — Я не понимаю. Да, я ошиблась, но потом ведь все исправила, и мы смогли спасти Майли от Ходока.

— Дело не в этом. Ты меня не слушаешь. Ни на занятиях, ни когда я пытаюсь оградить тебя от опасности, ни даже вчера, когда я ясно просил тебя не помогать мне. Я не вижу смысла продолжать наши занятия, если ты настолько мне не доверяешь. Надеюсь, к словам Финиста ты будешь внимательней, и ему удастся научить тебя чему-нибудь путному. У меня, к сожалению, не вышло.

— Но ведь... — запнулась Герда, застигнутая врасплох его ответом.

— Ступай, тебе надо лежать, а мне писать отчет в Компанию, — Николя показал, что разговор окончен.

Не осталось больше ничего, кроме как выйти за дверь и проковылять на негнущихся ногах к спальне.



Весь оставшийся день Герда не вставала с постели, чувствуя себя гораздо более подавленной и разбитой, чем накануне. Ни читать, ни уж тем более видеться с кем-либо абсолютно не хотелось. Она просто лежала и изучала однообразный древесный рисунок вокруг сучков на потолке. Через час сморил сон, а проснулась она только глубокой ночью. На тумбочке стоял поднос с остывшей едой — видно, тот, кто его принес, будить ее не решился. Герда наскоро перекусила и встала, чтобы размять затекшее тело. Подошла к окну и распахнула ставни, вспомнив, что последний Ходок погиб и теперь можно не бояться. В комнату хлынул свежий морозный воздух, наполняя скованное тело легкостью. Небо было ясное, с тонкорогим серпом молодого месяца. Звезды сверкали как никогда ярко. Красиво. Герда принялась заморозить их считать, но сбилась на второй сотне и бросила.

«Вот бы одна упала», — отрешенно подумала она. Ждала, надеялась. Как по волшебству огонечек у кромки горизонта ярко вспыхнул и понесся к земле.

«Хочу, чтобы Николая стал таким, как прежде. Нет, это глупо. Он доказал это в мире Ходока, — понеслись в голове мысли, стремясь успеть, пока огонек не погаснет. — Хочу, чтобы Николай снова взял меня в ученицы. Нет, так не годится. Он сам этого не хочет, а навязываться не стоит. Хочу, чтобы они с Финистом перестали ругаться. Тоже не то. Хочу, хочу, хочу, чтобы Шквал вернулся!»

Герда едва успела до того, как огонек навсегда растворился в ночной тьме. Зажмурилась, сделала глубокий вдох, а потом открыла глаза и осмотрелась, ожидая увидеть кота прямо сейчас, но его нигде не было. Может, на исполнение желания нужно время? Только бы сбылось. Без рыжего наглеца так тоскливо! Герда грустно вздохнула, закрыла ставни и улеглась обратно, прислушиваясь к тишине, нарушаемой лишь заунывным воем соседских собак. Спокойно и совсем не страшно. Герда повернулась к стенке и провела по ней рукой. Кровать Николая должна стоять как раз за ней. Герда ощущала там его ауру и успокаивалась, зная, что он совсем рядом, хоть она и не видит его. Размышляя об этом, она снова заснула.

Финист зашел около полудня.

— Почему ты не разбудил меня вчера, когда принес ужин? — поинтересовалась Герда.

— Наверное, потому что это был не я. Завозился с лошадьми — делал новые кормушки, чинил седла, а потом поехал в город. Хотел кое-что купить. Вот, — он протянул ей серебряную брошку в виде веточки цветущего вереска, на кончике украшенную бирюзой.

Конечно, она не была такой искусной и диковиной, как брошь из слоновой кости, но все же выглядела очень красиво и дорого. Герда смущенно улыбнулась, рассматривая подарок.

— Бери, не бойся. Я купил ее на свои деньги. Кое-что смастерил на продажу. Как раз хватило.

— Спасибо, не стоило, — только и смогла выдавить Герда, заливаясь пунцовой краской.

— Стоило. Я ведь сломал твою, — Финист протянул руку и погладил ее по щеке. — Не переживай Я же говорил, теперь все будет по-другому.

Герда положила брошку на тумбу, на которой стоял вчерашний поднос. Должно быть, его принес Николай. Поэтому и не разбудил.

— Проголодалась? погоди, я сейчас сбегая за едой, — спохватился Финист, проследив ее взгляд, забрал поднос и умчался на кухню. Вернулся очень скоро с тарелкой теплого бульона и печеными овощами. Пока Герда завтракала, Финист пристально ее рассматривал. От этого она очень смущалась, но попросить перестать она не решилась.

— Расскажи, чем вы занимались с Охотником, — попросил оборотень после того, как

Герда закончила трапезничать.

— Он учил меня пользоваться даром, — пожалала плечами она, не поняв вопроса.

— Как именно? Мне нужно понять, что вы делали, что ты умеешь и что у тебя не получается, чтобы решить, как действовать дальше, — пояснил Финист.

Герда задумчиво глянула на него. Слова звучали разумно, только взгляд выдавал, что он больше хочет услышать, как она жалуется на бывшего учителя. А жаловаться Герда не собиралась. По крайней мере, не ему и не на Николая. Вкратце и без эмоций пересказав то, что касалось обучения, Герда намеренно умолчала обо всех ссорах и размолвках. Финист недовольно хмыкнул.

— Значит, все шло очень хорошо. Так почему он решил от тебя отказаться?

— Думаю, из-за Ходока. Я тогда всех сильно подвела, и мастер Николая разочаровался, — ответила Герда, избегая его взгляда.

— Зря он вообще решил тебя использовать. Это было очень глупо и беспечно. Ты чуть не погибла.

— Но мы спасли Майли, — Герда, поджав губы, отвернулась. Разговор ей совсем не нравился. Финист замолчал.

— Ладно, не важно. Было и прошло, — нарочито небрежно сказал он после долгой паузы. — Я уже придумал, что мы будем делать. Эглаборг сказал, что ты еще пару дней должна передохнуть, а потом сможешь приступить к занятиям.

— Пару дней? — понурилась Герда. — Но я уже достаточно отдохнула. Не могу больше лежать!

— Потерпи хотя бы денек. Завтра попробую уговорить Эглаборга, если тебе так не терпится. А сегодня отдыхай, — Финист приобнял Герду, коснулся губами ее лба и, собрав посуду, вышел.

Герда медленно опустилась на подушку, повернула голову к тумбе и отстраненно подумала: «А Шквала до сих пор нет».

Взгляд упал на брошь Финиста. Красивый подарок. По всему видно, от души. Зря она обошлась с ним так холодно. Надо было искренне поблагодарить и... что и, Герда не знала. От невысказанных чувств Финиста она ощущала себя очень неловко. Ну почему она не может ответить ему взаимностью, выбросить из головы Николая и зажить счастливой жизнью? Все было бы намного проще.

В дверь деликатно постучали. Герда передернула плечами. Так стучать мог только один человек.

— Войдите, — произнесла она, собравшись с духом. Из-за двери нерешительно выглянула Майли. На лице все еще сохранилась мертвецкая бледность, да и ходила она с трудом, пошатываясь на ослабевших ногах.

— Хотела поблагодарить за то, что ты спасла меня от Ходока, — тихо произнесла она.

— Проходи, садись, — указала Герда на место на кровати рядом с собой. — И не стоит благодарности. Тебя спас мастер Николая. Я только помогала, да и то не слишком хорошо.

— Неправда. Ты все время преуменьшаешь свои заслуги. Это раздражает, — выпалила она, усаживаясь. — Я помню, что твои слова помогли мне вырваться из этого безумия, освободиться от...

Майли закрыла лицо руками. Плечи начали вздрагивать от беззвучных всхлипываний.

— Все хорошо. Ходок мертв. Он больше никогда тебя не потревожит, — Герда нерешительно положила руку ей на плечо, надеясь хоть немного успокоить. Майли подняла

заплаканные глаза.

— Почему ты такая добрая? Ты не должна быть такой. Тебя вообще не должно здесь быть. Ты... — она запнулась, не в силах больше сдерживать всхлипывания.

Герда нахмурилась.

— Я? — переспросила она, пытаясь понять, что хочет сказать Майли.

— Ты отбираешь у меня Финиста, — совладав с собой, выдохнула она. — Когда он занимался со мной, я хотя бы могла проводить с ним время. Почему я этого не ценила? Поддалась на красивые речи вшивого демона, а теперь навсегда останусь одна. Лучше бы я умерла.

Майли разрыдалась, на этот раз в голос. Герде тоже хотелось плакать. Уже второй день. Почему мужчины такие жестокие? Любишь их, а им и дела нет.

— Не зови смерть раньше времени. Я помогу тебе, — пообещала Герда. Майли удивленно глянула на нее.

— Зачем? Ты не согласилась его отдать, когда я тебя просила, а сейчас все бесполезно. За это время он не то, что не сблизился со мной, даже ласкового слова не сказал ни разу. Все их он говорил тебе, я знаю. Так бери его теперь. Он твой, я отпускаю его.

Майли собралась уходить, но Герда схватила ее за руку.

— Он мне не нужен, — тихо созналась она. — Я готова помочь тебе завоевать его.

— Как?

— Пока не знаю, но обязательно что-нибудь придумаю.

Майли грустно улыбнулась, словно не верила.

— И все-таки ты слишком добрая. Это ненормально, — ответила она и вышла.

Герда тяжело вздохнула, глядя ей вслед.

Размышляя о событиях последних дней, Герда совсем затосковала. Хотелось поговорить с кем-нибудь начистоту, искренне, высказать все, что наболело, просто пожаловаться, не боясь, что тебя не поймут или обидятся. Так, пожурят немного, а потом обязательно поддержат и помогут добрым советом. Как раньше делал Шквал.

Рука сама потянулась за дневником Лайсве. Интересно, когда она познакомилась со Шквалом? Явно после событий с Ходоком. Может, у нее был способ его вызвать?

«Я очнулась в своей постели. Вокруг было полно народу: в основном перепуганные жители холмов, бледный и взъерошенный Вейас, сидевший у изголовья и трепетно держащий меня за руку, и телепат. Он стоял позади остальных, но я четко ощущала его присутствие. Странно. Раньше я не могла читать ауры, а теперь вдруг стала видеть так четко. Неужели открылся дар? Хорошо бы. Тогда я сама смогу выбирать свою судьбу, и выходить замуж будет совсем не обязательно. Но Вайвс дал обещание, а против него даже дар бессилён.

Как только я открыла глаза, градом посыпались вопросы о моем самочувствии. Пришлось долго и нудно заверять доброжелателей, что сводить счеты с жизнью я в ближайшее время не собираюсь, а потом просто послала брату безмолвную просьбу выпроводить их. Он мгновенно очистил помещение. Остался только телепат. Он молча стоял возле окна, отвернувшись от меня. Его профиль причудливым образом преображали лучи закатного солнца. Издалека он даже мог показаться привлекательным.

— Когда мы отправимся домой? — с горечью спросила я.

— Когда я пройду испытание в Хельхейме, как мы и собирались, — довольно улыбаясь, объявил Вейас.

— Но ты ведь обещал. Не хочу, чтобы из-за меня ты прослыл бесчестным человеком. Я готова вернуться к жениху.

— Неужели ты думаешь, что я отдам тебя трусу, который сбежал отсюда, стоило Ходоку обнажить клыки? По приезду домой я сам объясню отцу, какого недостойного жениха он выбрал.

— Но как же... — я повернула голову в сторону телепата. Теперь его взгляд был направлен прямо на меня. Тут же на ум пришли его последние слова в мире Ходока: «Слишком поздно». Так вот, что он имел в виду. Жених оказался трусом и теперь вряд ли получит благословение от моих родственников. Но зачем тогда здесь остался один из его ищек и рисковал собой ради меня?

— Потому что не намерен служить слабому хозяину, — не скрывая, что прочитал мои мысли, ответил телепат. — И оставлять беззащитную девушку, пусть даже глупую и взбалмошную, в лапах демона не в моих правилах. А теперь извините, вынужден вас покинуть. Надо искать нового хозяина.

Он развернулся и стремительно пошел к двери.

— Но разве вы не Страж? — вырвался давно терзавший меня вопрос.

— Я дикий, — ответил он. Мы с братом ахнули. Это невероятно. Дикий с силой дара как у древних родов! Никогда бы не поверила, что такое бывает.

Телепат уже стоял у двери, когда Вейас остановил его.

— Погодите. Вы заслужили награду.

— Мальчик, какая награда? У вас же ничего нет.

— Но наш отец очень богат. Я напишу бумагу, в которой попрошу выплатить вам сотню золотых за спасение сестры.

Телепат громко хохотнул.

— Вы, богатенькие дети, так наивны. Ваш отец меня на порог не пустит или вообще велит высечь за то, что посмел явиться пред светлыми очами. Нет уж, если хотите наградить, сделайте это здесь и сейчас.

— Чего же вы хотите? Я отдам все, что у нас есть, только попросите! — заверил его мой брат. Мне отчего-то стало не по себе. Словно я знала, о чем он попросит, заранее.

— От тебя мне ничего не нужно. Не ты втравил нас в эту заварушку, а твоя сестра. Вот пусть она и расплачивается.

Я сжалась в комок, мысленно посылая брату просьбу ответить нет на любое требование этого жуткого человека. Одно дело согласиться выйти замуж за знатного выскочку, и совершенно другое — оказаться во власти дикого. Да он, небось, и как с девушками обходиться не знает.

Как выяснилось, ничего не знала тут только я... ну и мой брат.

— Пусть принцессочка меня поцелует, — ехидно улыбаясь, заявил телепат.

Брат выпучил глаза.

— Да как можно? Кто ты, а кто она! Не смей даже думать о таком!

— О, я вас умоляю. Пять минут назад она была готова отдаться какому-то плешивому демону, а теперь не сможет наградить меня хотя бы одним поцелуем?

Я вздрогнула и скривилась.

— Не хотите? — покачал он головой, заметив мою реакцию. — Тогда зачем речи о награде ведете? Дети!

Он уже открыл дверь и сделал шаг за порог, но на этот раз его остановила я.

— Согласна.

Просто хотелось доказать гнусному типу, что мы не дети и что я, Лайсве Веломри, вовсе не глупая и взбалмошная особа, не способная отвечать за свои поступки. Я умею щедро благодарить за спасение, пусть даже мой спаситель не самая приятная личность.

Телепат повернулся и оценивающе глянул на меня. Потом нарочито медленно направился к постели и устроился на самом краю.

— Я жду, — подставил он свою щетинистую щеку.

Я зажмурилась и прикоснулась к ней губами, надеясь, что все закончится быстро. Но телепат оказался не так-то прост. Он обхватил мою голову руками, резко развернул к себе и впился в мой приоткрытый от удивления рот. Я обомлела от неожиданности. Не знала, не понимала, что происходит и как это остановить. А он все терзал меня губами, зубами, языком, словно исследуя, пробуя на вкус, лаская, укрощая и подчиняя одновременно.

— Да что ты себе позволяешь?! — послышался гневный возглас моего брата. Именно он побудил меня к сопротивлению. Я попыталась оттолкнуть наглеца, но он опустил сам. И тут же смерил свинцовым взглядом.

— Как я и думал, поцелуй принцессочки ничем не отличается от поцелуя деревенской потаскушки. Не такие уж мы и разные, даром что гонору и строптивости поменьше, чем у господ будет. Ну, прощайте, дети! Надеюсь, свой урок вы надолго запомните.

Он поднялся и пошел к двери, не обращая внимания на брата, который кинулся к нему с требованиями принести извинения, принять вызов на поединок и еще демоны знают чего. Телепат даже не делал вид, что слушает его. А я все сидела на кровати, прижимая руку к распухшим губам.

— Как твое имя? — спросила я в последний миг. Он резко остановился и снова внимательно ко мне присмотрелся. В его взгляде промелькнула тень удивления.

— Микаш Остенский, — коротко бросил он и пошел прочь. Брат побежал следом.

— Микаш, — повторила я в наступившей, наконец, тишине, чтобы сохранить это имя в своей памяти навсегда».

Герда не заметила, как ее сморил сон. Даже не помнила, о чем говорилось на последних страницах, которые успела прочесть. Знала только одно — про кота там ничего не было, а все остальное... Такое странное чувство, когда читаешь чужой дневник, словно подглядываешь за чем-то для тебя вовсе не предназначенном. Совсем как тогда в лесу с Майли и Финистом. Стыдно, неприятно и страшно, что кто-нибудь поймет, что ты знаешь. Нет, в чужие тайны лезть совершенно ни к чему. Николая был единственным, в чьи помыслы действительно хотелось проникнуть. Наверное, он так и останется для нее загадкой, ведь теперь они и видеться почти не смогут. Он неизбежно отдалится и забудет. Хотя было ли у них вообще нечто настолько ценное, что было бы горько забыть или потерять?

Этой ночью Герде снились томные сны. Будто она стала той самой прекрасной и дерзкой наследницей рода, чей дневник читала накануне. Светловолосый телепат крепко обнимал ее и целовал властно, но одновременно нежно и сладко. И не было ни страшно, ни противно. От его рук исходила невероятная теплота, которая оборачивала ее пуховым одеялом. Под кожей по всему телу разносились волны пленительного наслаждения. Запах мужчины щекотал ноздри, вытесняя напрочь все мысли. А потом Герда снова становилась собой, а ласкавший ее мужчина превращался в Николая, останавливался и улыбался. И эта улыбка была настолько прекрасна в своей искренности и открытости, что дыхание замирало в груди от восхищения. Именно тогда Герда поняла, что это сон, ведь наяву он никогда так

не улыбался. А если это сон, то не страшно, если она выйдет за рамки приличий. Герда протянула руку и запустила пальцы в черные кудри, освободив от стягивавшей их на затылке тесемки. Просто касаться его было так здорово! Хотелось продолжить, ощутить нечто большее, узнать, есть ли что-то еще за гранью этой запредельной неги. Герда подалась вперед и поцеловала его. Мягко, несмело скользнула по кончикам его губ своими и громко всхлипнула, не совладав с чувством неведомого прежде блаженства.

Герда тут же проснулась, разбуженная собственным голосом. Подушка и одеяло оказались на полу. Простыня смялась в комок, а ночная рубашка промокла от пота и неприятно липла к телу. Герда встала и принялась собирать упавшие вещи. Дверь резко распахнулась. Герда вздрогнула от неожиданности и обернулась. В темноте видно было плохо, но по ауре она поняла, что это Николая.

— Все в порядке? Я слышал, как ты стонала, — встревожено поинтересовался он хриплым со сна голосом.

— Кошмар приснился. Простите, что разбудила, — не поворачиваясь, ответила она и принялась перестилать постель. И так увлеклась, что даже не заметила, как Охотник оказался у нее за спиной и, склонив голову низко над ее плечом, с шумом втянул запах.

— Кошмар, говоришь? — усмехнулся Николая. Показалось, что он каким-то образом догадался, о чем был ее сон. Она покраснела до корней волос и благодарилась темноту, которая не позволяла Охотнику разглядеть ее лицо. Николая ухватил одеяло, которое Герда поднимала с пола, и помог его расправить.

— Если ты немного расслабишься и перестанешь сдерживаться, все твои кошмары останутся в прошлом, — тихо заметил он.

Герда поджала губы. Почему он не может обойтись без туманных намеков и сказать все прямо?

— Вы мне больше не учитель, — грубо напомнила она, дав волю раздражению.

— Ну да. Как я мог об этом забыть? — быстро согласился Николая и ушел.

Герда забралась в постель, заливая подушку слезами. Да так и заснула, не сумев до конца успокоиться. Проснувшись, все же решила спуститься к завтраку, несмотря на сохранившуюся слабость. Лежать уж точно больше не хотелось. К тому же, требовалось показать всем, что она полностью выздоровела и готова заниматься с Финистом. Хорошо, что теперь именно он станет ее учить вместо Николая. Желание общаться с Охотником убывало с каждой новой встречей.

\*\*\*

Завтрак по сложившейся уже традиции проходил в полной тишине. Все старались не поднимать глаз от тарелок, даже Эглаборг с Вожыком, у которых и вовсе не было никаких причин для грусти, впали в уныние, подчинившись общему порыву. Один Финист, устроивший Герду по правую руку от себя, сверкал белозубой улыбкой, как медный чайник после того, как его основательно почистили песочком от гари и копоти.

Как только тарелки опустели, все быстренько разбежались по делам: Николая забрал Вожыка на очередной урок, Майли вернулась к себе в комнату отдохнуть — она все еще чувствовала слабость после случая с Ходоком. Эглаборг осмотрел Герду, напоил ее очередным зельем и скрепя сердце отпустил вместе с Финистом, заставив его пообещать, что он не станет утомлять ее сверх меры. Оборотень резонно заметил, что он не Николая, который требует от всех невозможного и никого не щадит. Целитель проворчал нечто неразборчивое, но они уже этого не слышали.

Когда Герда с Финистом вошли в конюшню, лошади сладко посапывали после плотного завтрака, развалившись в денниках на сухой соломе, кто-то на животе, поджав под себя копыта, а особенно уставшие плашмя на боку, вытянув длинные, как жерди, ноги. Герда восхищенно посмотрела на Яшку, которая в такой позе выглядела особенно умирительно: подогнутые угольно-черные ноги обрамляли трогательное светлое брюшко, на красноватой шкуре проклюнулись едва заметные желтые яблочки. Кобыла явно находилась в отличной форме, отъевшись досыта и хорошо отдохнув после изнурительного путешествия, и теперь стала настоящей красавицей, не хуже породистых жеребцов из Будескайска.

Позволив вдоволь налюбоваться на Яшку, Финист отвел Герду к своей кобыле. Увидев хозяина, Золотинка вопросительно вскинула голову и повела ухом. Финист улыбнулся и, отодвинув засов, распахнул дверь. Кобыла вздохнула, вытянула передние ноги, оперлась на них и поднялась. Отряхнувшись, сладко зевнула и принялась облизывать хозяйские руки, ласкаясь. Золотинка набирала вес куда хуже Яшки, неизменно оставаясь мосластой и сухой, а ребра скрывал лишь толстый слой золотисто-рыжей шерсти, который она предусмотрительно отрастила на долгую холодную зиму. Однако животное пребывало в прекрасном расположении духа: фыркало и с любопытством заглядывало за плечо Финиста, где стояла Герда.

— Красавица, — она провела рукой по белой проточине на носу кобылы.

— Сейчас нет, — возразил Финист. — Золотинка уже не так молода и долго восстанавливает силы, но когда к лету вылиняет и нагуляет чуток жира, станет настоящим зареченским золотом.

— Думаешь, мы задержимся здесь до лета? — задумчиво спросила Герда.

— Не знаю. А ты куда-то собираешься?

— Когда-нибудь эта учеба закончится. Нельзя же пользоваться гостеприимством мастера Николая вечно.

— Думаю, после испытаний вас распределят по назначениям от компании Норн.

— А если мы провалимся, что тогда?

— Сомневаюсь, что тебе стоит этого опасаться. У тебя очень редкий дар. Вряд ли Компания станет им разбрасываться понапрасну, так что не переживай — на улице не окажешься. Кроме того, мы всегда можем убежать вместе.

— Финист! В последнее время эта шутка приобрела дурной оттенок.

— Согласен. Извини. Так на чем мы остановились?

— Ты обещал научить меня пользоваться даром.

Финист лукаво ухмыльнулся, взял Герду за руку и начал едва заметно поглаживать большим пальцем кожу на тыльной стороне ладони.

— Что ты делаешь? — нахмурилась она.

— Наслаждаюсь, — честно признался он и протянул ее руку к шее Золотинки. Его губы не шевелились, но Герда явственно услышала, как оборотень шепнул:

— Солнце, поздоровайся с моей девушкой.

— Здравствуй, — прозвучал в голове Герды высокий, исполненный достоинства голос. Рот сам распахнулся от удивления. Она ведь даже ни о чем подумать не успела. Это получилось совершенно неожиданно и так легко! С Николая такого ни разу не было.

— А теперь расскажи, как тебе здесь живется, — Финист снова говорил с Золотинкой, не открывая рта.

— Вроде ничего, только холодно жутко и места мало. Везде горы, а я привыкла к

степному простору. Бескрайнему, до самого горизонта, чтобы скакать за ним много дней наперегонки с южным ветром и так и не догнать.

— Она скучает по дому, — заключила Герда. Финист согласно кивнул.

— И жеребец этот шумный очень. Мнит себя пупом земли, скакуном величайшего в Мидгарде героя, а на самом деле обычный хвастливый шалопай, каких на юге пруд пруди.

Из денника напротив высунулась черная морда и плотоядно оскалила зубы то ли на Золотинку, то ли на ее хозяина. Герда в голос рассмеялась.

— Можно, я ей скажу! — попросила она.

Понимать животных оказалось так чудесно. Невообразимо лучше, чем до бесконечности отрабатывать технику дыхания, отбивать снежки и падать на спину в ожидании того, что тебя может быть подхватят.

— Давай не будем спешить. Эглаборг велел не переутомляться, забыла? Ты и так очень хорошо справились с сегодняшним заданием. Стоит закончить на хорошем.

Герда послушно кивнула. Попрощавшись с Золотинкой, они вышли из конюшни. Финист, нахватавшись непонятно где галантных манер, взял ее под руку и повел обратно к дому.

«Как же с ней легко! Она такая послушная и старательная. Не то, что Майли с Вожыком. Понятно теперь, как Охотнику удалось достичь с ней таких успехов. Знать бы еще, насколько далеко он зашел в ее обучении».

Герда остановилась, как вкопанная, и удивленно уставилась на Финиста. Она продолжала слышать его голос, как в конюшне, внутри своей головы.

— Что случилось? — с подозрением спросил Финист.

— Ничего, — задумчиво ответила Герда. — Просто подумалось, что мой дар относится к стихии ветра. Она порождает всего два вида способностей: телекинез и телепатию. Остальные лишь их разновидности. Значит, мое отражение тоже разновидность одной из этих способностей. Интересно, какой?

— Разве Охотник не говорил? — нахмурился Финист. — Отражение — предельный вид телепатии.

— Так я телепат?

— В некотором роде.

— А я смогу когда-нибудь читать мысли, как телепаты?

— Сложно сказать. Может, позже. Дар часто меняется, растет. Возьми хотя бы меня. Вначале я мог лишь оборачиваться соколом, а потом научился понимать животных и даже иногда ими управлять. На это нужно время, а твой дар только открылся. Не требуй от себя слишком многого. Ты и так очень быстро учишься. Гораздо быстрее, чем все остальные мои ученики. Только не загоняй себя из-за того, что говорил Охотник. Он и так довел тебя до истощения. Он не умеет щадить даже себя, не то что окружающих. Он самый неудачный для тебя учитель, как я для Вожыка. Хорошо, что он смог осознать это до того, как случилось непоправимое.

Герда пожалала плечами, в который раз вспоминая разговор с Николая.

— И все-таки мне бы хотелось научиться читать мысли. Хотя бы только его мысли, — тихо призналась она себе.

Вернувшись домой, Герда отправилась помогать Эглаборгу готовить обед, а Финист куда-то запропастился. То ли работал по хозяйству, то ли снова мастерил что-то на продажу, то ли просто ушел в город, чтобы развеяться. Вернулся к полудню вместе с Вожыком и



Николя. Эглаборг тут же пригласил всех за стол, правда, обед вышел ничем не веселее завтрака. Первым столовую покинул Охотник. Для приличия выждав несколько минут, Герда последовала за ним, так и не доев свою порцию. Искать Николая пришлось долго. Умел же он прятаться, когда хотел побыть один. Не было его ни в гостиной, ни в кабинете, ни в спальне. Обнаружился лишь в библиотеке, куда Герда заглянула, уже совсем отчаявшись его найти. Охотник стоял у шкафа и в задумчивости листал какую-то книгу.

— Мастер Николая, можно вас спросить? — осторожно начала Герда.

— Уже спросила, — проворчал он, не отрывая глаз от книги.

— Мой дар — разновидность телепатии?

Он коротко кивнул.

— Почему вы не сказали раньше?

— Не видел необходимости. Это знание отвлекало бы тебя от занятий, но, похоже, твой нынешний учитель так не считает. Что ж, посмотрим, чего ему удастся добиться таким способом. Все-таки возможностей у него гораздо больше, чем у меня.

Герда нахмурилась, не поняв и половины из его слов. И все же осмелилась задать вопрос, ради которого пришла сюда.

— Я когда-нибудь смогу читать мысли, как телепаты? — хотелось добавить «ваши мысли», но она не посмела.

— Ты сама прекрасно знаешь ответ, — Николая оторвался от книги и испытующе глянул на нее. Герда оробела и потупилась. Она действительно знала ответ и без подсказки. Просто было интересно, как давно об этом известно ему. Но больше ничего спросить Герда уже не успела.

Распахнулась дверь, и в библиотеке показался счастливо улыбающийся Финист.

— Я тебя обыскался, а оказывается ты... — оборотень запнулся, увидев Николая. — То есть вы здесь. Надеюсь, не придется напоминать, что ты сам отдал ее мне.

— В ученицы, — значительно добавил Охотник. Герда испуганно моргнула. Они что задумали делить ее прямо в ее присутствии?!

— В ученицы, — по обыкновению скрипнув зубами, согласился Финист. — Так зачем она здесь?

— Лучше у нее спроси, — Николая кивнув на Герду. Та послала ему умоляющий взгляд с просьбой не впутывать в их дразги.

— Я хотела кое-что уточнить...

— Что, по всей видимости, не смогла уточнить у тебя, — с едва сдерживаемым злорадством закончил Николая.

Финист еще раз многозначительно скрипнул зубами, не найдясь, что ответить, и переключил внимание на Герду.

— Я собираюсь прогуляться в город, не составишь мне компанию?

— А можно? — по привычке поинтересовалась у Охотника.

Тот пожал плечами:

— Теперь он твой учитель и несет за тебя полную ответственность. Я не стану вмешиваться.

— Пошли, — радостно улыбаясь, Финист потянул Герду за собой, но прежде чем они ушли, Охотник шепнул ему на ухо.

— Но если с ней что-нибудь случится, я с тебя три шкуры сдеру.

— Не беспокойся. Со мной ей будет куда лучше, чем с тобой.

— Охотно верю. Только если что, — Николая провел указательным пальцем вдоль горла. Финист поморщился, но пререкаться не стал. Вдвоем с Гердой они отправились в Упсалу.

Весна была уже не за горами. На улице посветлело, хотя мороз продолжал держаться, а снег даже не думал таять. Суеты в городе стало больше: кто спешил по делам, словно очнувшись от зимней спячки, кто просто прогуливался, наслаждаясь первыми в этом году теплыми лучами солнца. Дети в рыбацком квартале затеяли шумную игру в салочки, то и дело оскальзываясь на льду, падая в снег и промокая насквозь. Ближе к рыночной площади все больше купцов и лавочников выходило на улицы и зазывало к себе покупателей, расхваливая свой товар на разные лады. Жизнь кипела вовсю.

Финист упорно молчал о том, куда ведет Герду. Сказал лишь, что приготовил сюрприз. Это не слишком радовало, тем более, когда они уходили из дома, она заметила, как Майли наблюдает исподтишка, печальная и измученная. Стало совсем неловко. Герда ведь обещала помочь, но до сих пор ничего не придумала, лишь сильнее увязая в паутине ухаживаний оборотня и давая ему несбыточные надежды, когда надо было ответить решительным отказом. Мрачные мысли одолевали Герду, пока Финист не привел ее к лавке резчика по дереву. Герда недоуменно потупилась. Оборотень распахнул дверь пошире и галантным жестом пропустил вперед. Интересно, где он нахватался этого несуразного манерничанья? Очень не хотелось обижать его, но, похоже, рано или поздно придется объяснить Финисту, как глупо он выглядит со стороны, когда пытается подражать богатым господам. Хотя, вполне вероятно, Майли его манеры как раз придутся по вкусу. Вот и надо, чтобы он перенаправил свой интерес на нее, а с Гердой был просто другом, как раньше.

Внутри лавка оказалась богато обставлена большими и маленькими статуэтками, деревянными изображениями животных и людей, причудливыми дверными ручками, кофрами и сундуками, спинками для кроватей, тонкими тросточками и посохами в человеческий рост, плетеными корзинками и коробами. Не позволив толком осмотреться, Финист отвел Герду в дальний угол лавки, где была выставлена скромная коллекция музыкальных инструментов: несколько лютней, волынок, флейт, пастушьих рожков, охотничьих горнов, жалеек и парочки других инструментов, названий которых Герда не знала. Финист аккуратно достал с полки свирель из двенадцати соединенных между собой трубочек и приложил к губам.

— Не думаю, что стоит... — нахмурилась Герда. Вряд ли лавочник разрешает трогать свой товар, а тем более играть.

— Стоит. Погоди, — небрежно отмахнулся оборотень, слишком занятый изучением инструмента. Он приложил свирель к губам, внимательно прислушиваясь к звуку, задумчиво почесал затылок, достал из кармана тонкий стальной стержень и поковырялся в одной из трубочек. Отряхнув с ладони деревянную стружку, снова заиграл. На этот раз звук вышел намного чище. Финист удовлетворенно кивнул. Герда выпучила глаза, совсем растерявшись.

— А теперь молчи и слушай, — с важным видом заявил он и заиграл.

Герда приоткрыла рот от удивления. Нет, она и раньше знала, что у Финиста великолепный слух. Он часто напевал что-то в дороге, да так красиво, что остальные путники бросали все разговоры, чтобы послушать. Но чтобы играть, пусть даже на простом пастушьем инструменте!

Волшебная мелодия лилась из свирели, заполняя собой все пространство, подражая то несущемуся с ошеломительной скоростью горному потоку, то грозным завываниям ветра, то нежному перезвону весенней капли. Веселье и радость от безграничной свободы в музыке

сменялись неизбывной тоской от осознания собственного одиночества, которая невообразимым образом переходила в звуки неистовой битвы и робкой надежды на что-то светлое и вечное в конце.

Герда смахнула наверхнувшиеся слезы, и тут ее оглушил гром рукоплесканий и восхищенных возгласов. Она так заслушалась, что не заметила, как в лавке собралась целая толпа, привлеченная необыкновенной мелодией. Финист широко улыбнулся и раскланялся перед слушателями, словно ничего особенного не случилось. Впечатление от его игры тут же испортилось. Почему ему надо делать все напоказ, когда он сам постоянно кричит об искренности? Через толпу протиснулся лавочник и, благодушно пожав Финисту руку, начал активно упрашивать нахлынувших посетителей что-нибудь купить, например свирели и флейты, лучше которых не найти во всем Мидгарде, потому что их собственноручно делал игравший только что мастер.

Заметив, что она заскучала, Финист спешно вернул свирель и вывел Герду на улицу.

— Как тебе мелодия? Специально для тебя сочинил. Понравилась?

— Спасибо, очень красиво, — протянула Герда, не зная, что еще сказать. Она хоть и слабо разбиралась в музыке, но чувствовала, что в этой мелодии Финист выражал только собственные ощущения и не пытался ничего сказать ей.

— Тогда еще погуляем? Хочешь, я смастерю еще лучший инструмент, подберу мелодию, а ты придумаешь слова и будешь петь. Мы сбежим отсюда и станем странствующими трубадурами. Люди в больших городах будут собираться толпами, чтобы нас послушать.

— Я не умею петь.

— Не беда. Я тебя научу, это не сложно. В чем дело? Ты ведь хотела путешествовать и рассказывать людям страшные сказки. Я готов составить тебе компанию, почему ты отказываешься? Из-за Охотника?

— Нет, — отрезала Герда, чтобы пресечь дальнейшие расспросы. — Просто это глупо и невозможно. У меня нет голоса, да и странствовать больше тоже не хочется. И я не люблю бросать начатое дело на полпути. Я хочу научиться пользоваться даром и пройти экзамен, доказать себе, что я способна хотя бы на это.

«А еще я очень хочу прочитать мысли Николя, но тебе лучше об этом не знать», — добавила Герда про себя.

— Не горячись. Сдашь ты этот экзамен. Обещаю, я научу тебя всему, что потребуется, — заверил Финист. — Ну, хоть мелодия понравилась? Хочешь, я как-нибудь еще сыграю?

— Обязательно, — на этот раз Герда улыбнулась вполне искренне. — А где ты научился мастерить инструменты?

— Да дома, в детстве еще, когда скот на выпас гонял, свирели делал для себя и для товарищей. Это не так сложно, как кажется. А играть еще проще. Хочешь, покажу?

Герда еще раз улыбнулась и покачала головой.

Они бродили по городу до самого вечера. Заглянули в пекарню и к кондитеру, где Финист накупил разных сладостей, несмотря на возражения Герды, вышли к порту и прогулялись вдоль набережной, с восхищением разглядывая не замерзающий даже в самые сильные морозы океан. Возвращались на закате, когда ноги начали гудеть от усталости, а головы наполнились мыслями о предстоящем сытном ужине и сладком сне в теплой постели.

Следующие дни проходили почти одинаково. Утром после завтрака Финист учил Герду разговаривать с животными: вначале со всеми лошадьми в конюшне Охотника, кроме вороного жеребца (подводить к нему Герду Финист попросту опасался), с почтовыми птицами на голубятне (выяснилось, что именно звероусты занимаются выращиванием и дрессировкой голубей, чтобы те могли доставлять послания точно до адресата), с соседскими собаками и даже с дикими зверями из леса. Один раз Финист даже сумел притащить облезлого волчару, и Герде пришлось, преодолевая страх, расспрашивать о том, кого он ел в последние дни.

Поначалу эти занятия очень увлекли. Оказалось, что животные живут по совершенно отличным от человеческих законам и знают столько всего интересного и необычного: к примеру, какие травы съедобные, а какие нет; на кого нападают мелкие безымянные демоны, которые на глаза людей не показываются вовсе; где на проталинах уже распустились первые цветы (да-да! несмотря на то, что повсюду в Упсале лежали сугробы по колено, это подтверждали и волк, и зайцы-беляки, и даже мелкие зимние птички, которых Финист вызвал свистом). Не нравилось Герде лишь то, с какой нарочитой осторожностью относился к ней оборотень. Даже когда Эглаборг подтвердил, что она полностью здорова, Финист все равно занимался очень мало, не нагружая и не перетруждая, при каждом удобном случае снисходительно глядя по волосам. Это очень раздражало. Герда чувствовала, что может больше, что не использует до конца своих возможностей, не работает на грани возможного, как говорил Николя.

После занятий Финист обычно приглашал Герду погулять по городу и набережной, шутил, смеялся, показывал разные трюки, рассказывал истории из деревенской жизни в Заречье и службе в веломовской дружине.

Его внимание льстило, но постоянные комплименты смущали, а признания ставили в неловкое положение, потому что чем ближе она с ним сходилась, тем больше понимала, что никогда не сможет ответить взаимностью. Он навсегда останется лишь другом. Только как объяснить это Финисту?

Единственное, что скрашивало тоску и вызывало интерес — недавно открытая способность читать мысли. Теперь хватало времени и сил, чтобы проследить, почему в голове появляются голоса собеседников, когда те не открывают ртов. Это происходило сразу после занятий, после того, как Герда отражала способность Финиста разговаривать с животными. И длилось некоторое время, пока они шли, держась за руки. Герда слышала обрывки мыслей оборотня уже никак не связанные с животными. Правда, она не всегда могла их понять, а еще чаще смущалась и заливалась краской от некоторых его идей. Тогда она радовалась, что может только слышать, а не видеть картины, которые живописало его буйное воображение. О таких мыслях своего друга Герда предпочитала не знать. Вместе с тем, было интересно, посещают ли они только Финиста или об этом думают все мужчины без исключения. Наверное, так и есть. Единственный человек, в ком Герда не могла заподозрить подобных помыслов, был Николя. Она вообще с трудом представляла, чем занята его голова, кроме борьбы с демонами и дел компании Норн. Наверное, поэтому так сильно хотелось прочесть именно его мысли.

Способность к телепатии, к сожалению, сохранялась недолго. Правда, благодаря некоторым ухищрениям, удалось выяснить, что читать Герда может не только Финиста, но и

Вожыка с Эглаборгом, и даже Майли, если повстречать их сразу после занятий и взять за руку. Впрочем, их мысли были далеко не такие крамольные, как у Финиста, а больше занятые повседневными делами. Не выходил фокус только с Николя. Насколько бы быстро Герда не старалась поймать его после занятий, ничего не выходило — она все время натыкалась на глухую каменную стену. Будто и не было этой способности. Николя, впрочем, наблюдал за ее опытами с лукавой усмешкой, словно понимал, что Герда делает и даже знал, что все попытки обречены на провал.

Еще больше злило, только когда Финист дотошно расспрашивал о Николя и сравнивал себя с ним. «Что вы с ним делали? Тебе это нравилось? Он не предлагал тебе ничего такого? Со мной тебе лучше, чем с ним?» Порой эти вопросы доводили Герду до бешенства, а Финист всерьез не понимал, из-за чего она обижается. В таких случаях очень кстати пришлось упражнение, которому Николя научил ее в самом начале: закрыть глаза, сосредоточиться на дыхании, сосчитать до десяти и услышать шепот ветра. Правда, последнее получалось далеко не всегда, зато раздражение и усталость как рукой снимало. И она снова могла мило улыбаться и переводить разговор на более приятные темы.

Дневник Лайсве стал для Герды отдушиной. Наследница древнего рода Стражей переживала те же проблемы: недавно открывшийся дар читать мысли, расшатанные до предела нервы и путаница в собственных чувствах. Герда радовалась, что не одна такая. Лайсве как-то через это прошла, значит и она справится.

«После расставания с Найтом \*дважды зачеркнуто\* Ходоком (никак не могу заставить себя поверить, что мой нежный возлюбленный и демон с головой летучей мыши — одно и то же существо), у нас совсем не осталось времени, чтобы придти в себя. Вейас предложил дожидаться его возвращения в Упсале или в подземном дворце жителей холмов (после происшествия с Ходоком они ко мне как-то разом потеплели... или брат так на них повлиял? или мой недавно проснувшийся дар?), но я отказалась. Если я действительно телепат, то это мой единственный шанс пройти испытание и доказать, что я могу быть кем-то иным, нежели женой высокопоставленного Стража и матерью его наследника.

Поэтому на рассвете следующего дня мы выдвинулись в путь на полудемонических лошадях жителей холмов в сопровождении «почетного караула». Видно, до сих пор надеются свою принцессочку за моего брата выдать. Правда, приворот действовать перестал. Вейас за это время о ней не вспоминал. Уж я-то доподлинно знаю, ведь всю дорогу тренировалась на нем читать мысли. Ну и на жителях холмов тоже. Жаль, с ними получается хуже, чем с Вейасом. Все-таки они не люди.

Удивительно, теперь то, что мне приходилось наблюдать со стороны, я могу делать сама. Мы с Вейасом всю жизнь были неразлучны и учились всему вместе. То, что ему рассказывали на занятиях наставники, он потом передавал мне, а я помогала ему тренироваться. Как видно, не зря. Осталось лишь научиться применять знания на практике. Хорошо бы еще найти подходящего мужчину, чтобы к моменту испытания дар раскрылся полностью, и попутно не возникло никаких неприятных неожиданностей. С нелюдями больше связываться не хочу, а единственный человек в нашей компании — мой брат. Но это неприлично уже даже для нас».

Герда смутилась. Зачем Лайсве понадобился мужчина и как бы он помог раскрыть ее дар? Решила при случае расспросить об этом Финиста, правда, что-то подсказывало, что их разговор снова скатится к обсуждению личности ее прошлого учителя. Поэтому пришлось повременить.

Когда они уже исходили все улочки, заглянули во все лавки и перезнакомились со всеми местными жителями, Финист предложил прогуляться в лес верхом, пока не началась весенняя распутица. Выехали ясным утром, чтобы к обеду вернуться — боялись, что распогодится. Уж слишком приятный выдался день. Легкий морозец щекотал щеки. Ветер дул едва ощутимо и совсем не холодно. Небо пронзительно-синего цвета раздалось ввысь и вширь, напоминая о скором приходе теплого времени года. Вот-вот начнется капель, зажурчат ручьи и прилетят с зимовки первые птицы. Природа очнется от спячки, и настанет новая полная веселья жизнь.

Только оказавшись в седле, Герда вспомнила, что не ездила уже почти два месяца, и чувствовала себя слегка неуверенно. Застоявшиеся кони, чуя приближение весны, рвались вперед, но Финист легко осаживал свою норовившую сорваться в галоп кобылу, а Яшка примерялась к ее ходу и не спешила обгонять. Час ехали спокойно, и когда Герда обвыклась в седле, а лошади хорошенько размялись, Финист предложил сделать легкий галоп. Золотинка поначалу пыталась нести, но почувствовав твердую руку наездника, сдалась на его милость. Скачка выдалась на диво приятной, не быстрой и не медленной, такой ровной, что Герда смогла вновь обрести уверенность, отпустить конскую гриву и наслаждаться игравшим в волосах ветром.

Заметив, что она приободрилась, Финист свернул на боковую дорогу, посреди которой на небольшом расстоянии друг от друга лежали в ряд поваленные деревья — средних размеров, с гладкими стволами, через которые лошади сами просились перепрыгнуть.

— Не надо, — взмолилась Герда, увидев препятствие.

— В прошлый раз у тебя через огромную расселину получилось перескочить, а тут какие-то палочки на земле совсем не страшные, — Финист повернул к ней голову и подбадривающе подмигнул. — Придержись за гриву. Я в тебя верю.

Он отвернулся, набрал поводья и послал лошадь вперед. Чувствуя, что Яшка ускоряется следом за Золотинкой, Герда сцепила зубы, чтобы не заскулить от страха, и судорожно вцепилась в жидкую кобылью гриву. На первом прыжке качнуло вперед, на втором выбило из седла. Герда повисла на боку лошади, вцепившись в гриву и одной ногой упираясь в стремя. Огромным усилием она отдернула лошадь от последнего бревна, которое, по счастью, оказалось очень узким, и объехала сбоку. Закусив губу, отчаянным рывком забралась в седло до того, как Финист обернулся в конце тропинки.

— Ну как, понравилось? — продолжал улыбаться он, не заметив, что она чуть не упала. Сознаться в позорной неловкости Герда не решилась: утвердительно кивнула и вымученно улыбнулась в ответ, пытаясь перевести дыхание и унять бешено колотившееся сердце.

— Хочешь еще? — не унимался Финист.

Герда выпучила глаза.

— Только не сегодня. Я устала и хочу домой, — на этот раз она решила не притворяться.

Финист смилостивился и повернул лошадей обратно.

Этот случай запомнился надолго. Герда никак не могла выкинуть липкое навязчивое чувство страха из головы. Пусть даже пугал такой пустяк, как прыжок через бревно, но она не могла так это оставить — слишком постыдной казалась собственная трусость и несостоятельность.

На следующее утро Герда встала затемно и, тихонько пробравшись в конюшню, оседлала Яшку, чтобы выехать в лес на рассвете и попробовать преодолеть ставшее

наваждением препятствие. Около часа прошло, прежде чем удалось найти подходящее бревно, через которое Яшка могла бы легко перепрыгнуть. Герда направила кобылу на препятствие галопом, а потом вдруг сама же отвернула. Попробовала еще раз. Показалось, что Яшка скачет недостаточно ровно — пришлось снова уходить в сторону.

Герда начала злиться. Да что же это такое? Убегая от варгов, они перелетели через широченную расселину, а тут жалкого бревна боятся. Стиснула зубы и решительно направила лошадь вперед, не смея даже думать о том, чтобы отвернуть. Они подошли вплотную к препятствию. От страха Герда зажмурилась, желая и одновременно страшась прыжка, но его не последовало. Кобыла резко остановилась перед самым препятствием. Герда кувыркнулась в воздухе и полетела через бревно одна. Без лошади. Инстинктивно прижала подбородок к груди, готовясь к удару, но тут почувствовала, как ее обволокло знакомой воздушной периной, чуть покалывавшей кожу. Мысленно приняв ее, очень мягко опустилась в снег возле копыт вороного жеребца.

— Что ты делаешь? — послышался встревоженный голос Николая.

Снег захрустел, когда тот спрыгнул с коня и подошел, протягивая руку, чтобы помочь подняться.

— Пытаюсь распрощаться с гордостью самым болезненным способом, — хмуро ответила Герда, вставая на ноги.

Николя удивленно вскинул бровь.

— Я хотела прыгнуть через бревно, но Яшка отказалась, — пытаюсь унять дрожь в коленках, пояснила Герда. Глядя на игравшую на его губах снисходительную ухмылку, набралась смелость и попросила: — Может... вы бы смогли... научить меня прыгать?

— А почему ты не попросила Финиста? Он же вроде хорошо ездит, да и с лошадьми договариваться умеет куда лучше моего, — осторожно поинтересовался Охотник, но Герда уже видела, как его глаза загорелись от воодушевления.

— Мне стыдно, — чистосердечно призналась она. — Он посчитает меня неумехой. Хотя я такая и есть на самом деле, но мне не хочется, чтобы он об этом знал.

— А передо мной, значит, не стыдно?

— Вы же и так все про меня и мои способности знаете.

Охотник скептически хмыкнул, но отвечать не стал. Вместо этого замотал поводья на своем жеребце так, чтобы они не соскальзывали с шеи, и отпустил гулять, а сам поймал наблюдавшую с другого конца поляны кобылу и, схватившись за повод, лихо вскочил в седло. Яшка испуганно всхрапнула и попятилась.

— Тише-тише, — оглаживая по шее, начал приговаривать Николай. — Да, я не твоя хозяйка, ну и что? Это ненадолго. Потерпи.

Яшка успокаиваться не собиралась: поднялась на вертикальную свечу и чуть было не перевернулась. Герда не представляла, что ее кобыла так умеет.

— Характер у тебя, да? — все также спокойно продолжал уговаривать Охотник, отпустив при этом поводья и прижимая ноги к бокам. Лошадь продолжала бесноваться, подпрыгивая и виляя задом. Николай все это терпел, крепко держась в седле. Через минуту безуспешных попыток сбросить наездника, лошадь успокоилась и послушно потрусилась по кругу вдоль открытой полянки. Взгляд у Николая сделался ностальгическим, словно он вспомнил нечто приятное.

— Славная кобылка. У меня в Норикки была похожая. Такая же чуткая и горячая. Порой с ней бывало сложно, но в трудные моменты она всегда выручала. Невероятно доблестное

животное.

— А где она теперь? — вежливо спросила Герда, видя, как увлеченно он стал говорить. Раньше такого не случалось.

— Погибла... по моей вине, — улыбка тут же померкла. Герда пожалела, что спросила.

— Посмотрим, почему ты не хочешь прыгать, — мотнув головой, Охотник приступил к делу.

Лошадь пошла медленным размеренным галопом. Герда удивилась, потому что прекрасно знала, как Яшка любит подпирать, особенно после такой показательной истерики. Но Никола сидел очень спокойно, не было заметно, что он дергает поводья или как-то по-другому пытается ее сдержать. Казалось, он слился с лошастью, и та исполняла любое его повеление. Знать бы еще, как кобыле удастся угадывать его мысли. Яшка проскакала по кругу и вышла на прямую линию к бревну. Не ускоряясь, она подобралась и легко перелетела через препятствие. Никола очень плавно отдал ей повод и приподнялся на стременах. Когда кобыла приземлилась, он точно также аккуратно опустился в седло и откинулся назад, останавливая ее.

— Прыгает она хорошо, я бы даже сказал, с удовольствием, — констатировал Охотник. — Значит, дело не в ней, а в тебе.

Николя быстро соскочил на землю и подкинул Герду обратно в седло. От его прикосновений она покраснелась и оробела.

— Теперь покажи, как ты едешь, — Охотник шлепнул рукой по крупу кобылы, и та понеслась вперед.

Герда чуть не упала от неожиданности и принялась судорожно набирать поводья, чтобы придержать лошадь.

— Соберись! — прикрикнул Никола.

Очень хотелось огрызнуться, но Герда заставила себя промолчать, помня, что сама попросила помочь. Кое-как выровнялась в седле и начала управлять лошастью.

— Заходи на прыжок, — тут же скомандовал Охотник.

Герда сцепила зубы и направила лошадь на бревно, внутренне сжимаясь от страха. Почувствовав слабину, Яшка понеслась быстрее. Герда испуганно вцепилась в гриву и зажмурилась. У самого бревна кобыла попыталась резко остановиться, но видя, что на такой скорости она просто врежется, неловко подпрыгнула с четырех ног и перевалилась на другую сторону. Ощутимо трянуло. Герда повисла на одном стремяни, цепляясь за гриву из последних сил.

— Тише, — позвал кобылу Никола.

Та послушно остановилась через пару шагов. Пальцы разжались, и Герда снова соскользнула в снег.

— Жива? — участливо спросил Охотник, подавая руку. Герда с трудом встала и отряхнулась. — Залезай обратно.

Она пролепетала что-то неразличимое себе под нос.

— Извини, не расслышал, — переспросил Никола.

— Я боюсь, — собравшись с духом, произнесла вслух. Охотник нахмурился.

— Пока я рядом, бояться нечего. Если сейчас в седло не сядешь, потом будет гораздо страшней, — буквально силой запихнул ее обратно. — Помни, если что, я тебя поймаю.

Герда затравленно посмотрела на него, набрала поводья и пустила кобылу шагом, заставляя себя снова довериться ей.



— Как я говорил, дело не в лошади. Она прекрасно прыгает. А проблема все та же: ты не можешь расслабиться и двигаться вместе с кобылой. Сейчас ты вообще скукожилась. Так даже галопом не проедешь. Распрями спину, подвинь стремяна на носки и, насколько получается, опусти пятки вниз. Да, так хорошо. Теперь вышли лошадь в галоп. Сопровождай движения поясницей. Нет, расслабь плечи и не опускай голову, иначе ничего не выйдет. Вот так хорошо. Поверни к бревну и, когда почувствуешь, что лошадь отталкивается от земли, привстань на стремянах и подай руки с поводом вперед.

— Я не смогу сделать все это одновременно! — испуганно ответила Герда, все еще скача по кругу.

— Сделай хоть что-нибудь. Езжай на бревно! — вдруг показалось, что Николая добавил еще какое-то слово, из-за которого тело начало двигаться против ее воли.

Прежде, чем Герда успела сообразить, Яшка уже полетела на бревно. “Я же сейчас убьюсь! Что он там говорил? Привстать на стремянах и подать руки вперед?” Пока она пыталась решить, что делать, кобыла уже поравнялась с препятствием. Последовал резкий толчок. Герда едва успела приподняться и вытянуть руки с поводом. Удивительно, но на этот раз никуда не вышибло. Даже равновесие худо-бедно удалось удержать.

— Великолепно! — захлопал в ладоши Николай. — Главное, не волнуйся заранее и не думай, что не сможешь. Прыгни еще раз для закрепления. Когда лошадь поставит все четыре ноги на землю, ты должна отклониться и остановить ее.

Герда выдохнула и коротко кивнула. Все равно не отстанет, пока она не сделает. Теперь уже осознанно направила кобылу на препятствие, изо всех сил стараясь не думать о падении, прислушивалась к движениям животного, чтобы не пропустить момент, когда Яшка начнет прыгать. Ближе, еще ближе, еще самую чуточку. И снова толчок. Встать и подать руки вперед. Копыта ударяются об землю. Отклониться назад. Натянуть поводья. Стоп.

— Молодец, — удовлетворенно улыбнулся Николай. — Можешь уже выдохнуть.

Герда с шумом выпустила из легких воздух. Надо же, от страха забыла, как дышать. Она спрыгнула на землю, надеясь, что так быстрее удастся придти в себя. Повод отпустила, зная, что Яшка смирная и далеко одна уходить не станет. Кобыла подошла окаймлявшим поляну молодым елочкам и, стряхнув с них снег, попробовала мягкие лапки на вкус. Расчистив место на бревне, Герда устало села. Николай подошел и устроился рядом на корточках.

— Ты как?

— Я законченная трусиха.

Он усмехнулся.

— Просто тебе не хватает уверенности. И ты не хочешь расслабиться.

Он встряхнул ее за плечи.

— Ну же. Не сутулься и не прячь голову хоть сейчас. Перестань бояться хотя бы пока я рядом. У меня достанет сил тебя защитить.

Герда прижалась к нему, повинувшись неожиданному порыву.

— А если вас не будет? — печально спросила она.

— Я буду всегда, — усмехнулся Николай, приобняв ее за талию.

Герда тоже не смогла сдержать улыбку. Они вместе засмеялись непонятно над чем и остановились лишь тогда, когда из чащи донеслось трубное ржание. Вдоволь нагулявшись, на поляну вернулся вороной жеребец. Охотник с Гердой встревожено переглянулись. Конь выгнул шею и, широко раздувая ноздри, направился к насторожившейся возле елок кобыле. Двигался он очень зрелищной медленной рысью, высоко задирая ноги и замирая в воздухе на

пару мгновений. Яшка повернула голову, красноречиво показывая белки глаз и скаля зубы, но жеребец, казалось, ничего не замечал и продолжал танцевать вокруг нее.

— Ой, что сейчас будет! — испуганно воскликнула Герда.

Жеребец как раз зашел кобыле в тыл и протяжно заржал. Яшка, устав от настырного поклонника, с диким визгом саданула ему по голове задними копытами и со всех ног помчалась к хозяйке, поднимая тучу снега. Жеребец застыл на месте, ошалело тряс мордой. Николая встал и подошел к нему.

— Парень, кажется, ты ее не впечатлил. Попробуй в следующий раз подходить не с тыла, а сразу в лоб, — Охотник весело похлопал коня по шее, чтобы подбодрить, но тот обиженно отвернулся, негодуя, что хозяин шутит над самым светлым его чувством. Николай громко засмеялся. Вот уж от кого любовных страданий никак не ожидалось.

Яшка испуганно ткнулась мордой в руку Герды. Она ласково погладила мохнатый нос, тоже слегка посмеиваясь.

— Поехали домой. Я провожу тебя, — предложил Николай.

Когда они забрались в седла, Герда осторожно поинтересовалась:

— Зачем вы меня провожаете? Снова демоны, да?

— Нет, на этот раз все тихо. Даже слишком. Это настораживает.

— И кто после этого не умеет расслабляться?

— Тут ты меня поймала. Охотничьи привычки. Ремесло накладывает свой отпечаток.

— А вы никогда не хотели заняться чем-нибудь более безопасным?

— Нет. Я люблю свою работу. Да и вряд ли кто-нибудь кроме меня за нее возьмется.

— Финист?

— Сомневаюсь. Ему нравится, чтоб все было легко, а эта работа редко такой бывает.

— А я?

— Что ты?

— Смогла бы я охотиться на демонов?

Николай остановил коня и внимательно посмотрел на нее:

— Мне бы этого не хотелось.

— Почему? Бойтесь, что я вас обойду?

Герда шутила. Она не думала всерьез, что сможет оказать сопротивление даже самому слабому человеку, не говоря уже о демонах. Удивительно, что Охотник воспринял ее слова всерьез.

— Боюсь тебя потерять, — после затянувшегося молчания ответил Николай и направил коня вперед.

Герда нахмурилась. Охотник вдруг помрачнел и больше в разговоры не вступал, пока они не добрались до самого дома.

После этого разговаривали мало и почти не виделись. Герда продолжила занятия с Финистом, а Николай с Майли и Вожьком. Так шли дни. В воздухе все больше чувствовалась весна. Снег бурел и таял прямо на глазах. Ездить на прогулки на лошадях стало слишком опасно из-за толстой настовой корки, которая неизменно появлялась после ночных заморозков. Поэтому вечера Финист с Гердой коротали в городе. Так, во время одной из прогулок по набережной, они встретили Анку, которая ходила в порт за свежей рыбой.

— Все гуляете? — весело подмигнула она. Герда потупилась. Финист молчал, явно ожидая от своей спутницы другой реакции.

— А мы всюю к Остаре готовимся, — продолжила Анка, не дождавсь ответа. — Вот

начинку для пирогов покупала. Боюсь, рыба в этом году будет почти единственным украшением стола. Хорошо хоть, ее никогда мало не бывает. Придете на праздник?

— Танцы будут? — быстро осведомился Финист.

Герда продолжила молчать. Умом она понимала, что должна наотрез отказаться, но так не хотелось никого обидеть. Анка лукаво ухмыльнулась и кивнула. Финист властным движением приобнял Герду за талию и прижал к себе.

— Тогда обязательно придем, — воодушевленно ответил он.

Герда затрепетала от возмущения. Почему он решил все один? Вот пусть сам и идет. Без нее. Герда резко оттолкнула его руку и отодвинулась. Финист удивленно моргнул. Заметив, что обстановка накалилась, Анка поспешила раскланяться и оставить парочку выяснять отношения без нее.

— Ты не хочешь идти? — сделал несчастные глаза Финист.

— Естественно, не хочу. Помнишь, как было в прошлый раз? — хмуро ответила Герда, избегая его взгляда.

— Я помню, что нам было очень хорошо, пока не явился он, — оборотень неопределенно махнул рукой. В тот же миг из-за поворота показался Николая вместе с Майли. Охотник что-то объяснял своей новой ученице вполголоса, а та, чуть приоткрыв рот так, что виднелись кончики зубов, ловила каждое слово. Поравнявшись с Финистом и Гердой, они остановились.

— Что опять не так? — не замедлил поинтересоваться Николая, поймав на себе полный безудержного гнева взгляд оборотня. Финист скрипнул зубами, но сдержался. Майли, поджав губы, созерцала парочку из-за плеча Николая. Даже на таком расстоянии Герда чувствовала, как ей обидно. Положа руку на сердце, Герда сейчас бы с удовольствием уступила свое место.

— Мы хотим пойти на праздник, — с вызовом заявил Финист, за что получил от Герды ощутимый пинок локтем.

Почему он взял в привычку говорить “мы”, ничего у нее не спросив? Герда очень надеялась, что Николая откажет. Тем более, что просьба была высказана весьма неучтивым тоном, а Охотник подобного не терпел.

— Идите, — безразлично пожал плечами Николая, в очередной раз растоптав все надежды.

— Вот видишь, он не против. Будем танцевать всю ночь!

Финист снова прижал ее к себе.

— Только вернитесь засветло, — поспешил добавить Николая, испортив все веселье, и ушел вместе с Майли.

— Скотина! — прошипел ему вслед Финист.

Герда закрыла лицо руками, едва не рыдая от досады.

В день праздника Герда допоздна валялась в постели, оттягивая момент, когда придется объясниться с Финистом, потому что идти на праздник она не собиралась. Давно уже пора сказать решительное нет, иначе его двусмысленные намеки, томные мысли, заставляющие лицо пылать от смущения, настырные попытки обнять и поцеловать уничтожат их дружбу окончательно. Да и Майли жалко. У нее было такое несчастное лицо, когда Финист, не удостоив ее и взгляда, объявил, что пойдет на праздник с Гердой. А ведь она сама обещала помочь Майли завоевать сердце оборотня. Теперь Герда чувствовала себя предательницей.

Она решительно встала с кровати, оделась в серое домашнее платье и, накинув на плечи

шерстяной платок, пошла к Финисту. Не дойдя до двери его комнаты, Герда замерла, повторяя про себя речь, которую всю ночь придумывала. Сбилась. Забыла половину, а вторая показалась настолько глупой и неубедительной, что даже про себя проговаривать ее было стыдно. Почему Николая не оградила ее от этого? Почему дал разрешение? Ведь прекрасно видел, как ей не хочется никуда идти. Не мог не видеть. Может, это изощренная месть за то, что она оказалась такой неспособной ученицей? Или ему просто все равно? Почему никак не получается проникнуть в его мысли? Герда сдавленно застонала, обхватив себя руками за плечи.

— Ты к нему идешь? — раздался над самым ухом голос Майли.

Герда вздрогнула и обернулась. Майли нависла над ней с лицом чернее грозовой тучи. Сделалось очень неудобно. Герда словно кожей ощущала неприязнь, замешанную на зависти и ревности.

— Да. Хочу поговорить насчет... — Герда сбилась и опустила глаза, избегая тяжелого взгляда. — Насчет праздника. Я, наверное, не пойду. Плохо себя чувствую. Красные дни. А почему ты не на занятиях с мастером Николая?

— Он утром ушел с Вожыком и пока не вернулся, — пожалала плечами Майли. — Если... если ты не пойдешь, скажи Финисту, что я с удовольствием тебя заменю. Ты ведь скажешь?

Герда коротко кивнула и поспешила скрыться за дверью. Оказавшись в комнате Финиста, она облегченно выдохнула. Оборотень сидел за столом и сосредоточенно что-то выводил на листе бумаги, но услышав за спиной шум, тут же смял его и сунул за пазуху. Герда удивленно моргнула.

— Чернила не высохли. Сейчас растекутся, — указала на быстро растущее пятно на рубахе. Финист спешно достал скомканный лист, но умудрился испачкаться еще больше.

— Что там было? — спросила Герда, с трудом подавляя желание усмехнуться.

— Ничего особенного, — нарочито непринужденно ответил Финист, поднес руку к волосам, чтобы по привычке их взлохматить, но, видимо, вспомнив, что она вся в чернилах, тут же одернул. — Ты на занятия пришла? Я решил устроить сегодня выходной, чтобы ты успела к празднику подготовиться. Прихорошиться там, я не знаю, как вы это делаете...

— Да, насчет праздника, — Герда решила сосредоточиться на том, зачем она собственно сюда пришла. — Я плохо себя чувствую, поэтому извини...

— Поговори с Эглаборгом. У него, наверняка, найдется снадобье от любого недомогания. Подлечишься, отдохнешь, и к вечеру все пройдет, я уверен, — не дал договорить оборотень.

— И все же я не думаю...

Финист подался вперед, взял ее ладонь в свои и прижал к щеке, перепачкав и Герду заодно.

— Пожалуйста, для меня это очень важно.

Она попыталась вырваться, но он не отпустил.

— Сходи с Майли. Уверена, она с радостью согласится.

— Без тебя праздника не получится, — Финист разжал ладони, но продолжал смотреть умоляющим взглядом. — Пожалуйста, сходи хоть ненадолго. Если недомогание не пройдет, можешь даже не танцевать. Просто сходи. Это сделает меня самым счастливым человеком на свете.

Герда закусил губу. Она не могла отказать, видя отчаяние в его глазах.

— Хорошо, я загляну к Эглаборгу, — обреченно ответила и ушла.

У двери ее поджидала Майли. Видно, пыталась подслушать разговор.

— Ну что? — не скрывая нетерпение, спросила она.

— Без меня он идти отказался. Придется втроем, — хмуро поведала Герда.

— И я как дура буду сидеть на скамейке, пока вы танцуете? Нет уж! — надулась Майли.

— Как дура буду сидеть я, а вы танцевать. У меня недомогание, забыла?

На вежливый ответ сил уже не осталось. Майли скептически хмыкнула, но Герда не стала слушать и спустилась в гостиную. Она проспала завтрак, поэтому единственное настоящее недомогание было вызвано легким голодом и доведенным до крайности раздражением. Решив не тревожить Эглаборга, сама отыскала, чем перекусить, и когда уже собиралась вернуться наверх, услышала настойчивый стук во входную дверь. Никто открывать не торопился, поэтому встречать неизвестных пришлось Герде. На пороге, повернувшись к дому спиной, стояла Анка. Должно быть, решила, что дома никого нет, и уже хотела уходить, но услышав звук отпираемой двери, быстро обернулась и приветливо улыбнулась:

— Мне нужен Николая. Мой отец его разыскивает. Вообще-то он сам хотел заглянуть, но я вызвалась помочь, чтобы поменьше на кухне торчать.

Герда вымученно улыбнулась.

— Мастер Николая еще не возвращался, но когда придет, я обязательно передам.

— Чего такая мрачная? Что-то случилось? Я еще вчера заметила, как ты погрустнела, когда твой ухажер про танцы заговорил. Слишком наглый стал, да?

Герда тяжело вздохнула, пропуская словоохотливую дочку бургомистра в дом. Может, действительно стоит поделиться наболевшим. Глядишь, и тоска отпустит. Они удобно расположились в гостиной на диване. Герда сквозь силу начала рассказывать про свои проблемы с Финистом.

— Ууу, — протянула Анка, внимательно выслушав ее. — Вижу, ты совсем увязла. А напрямик объяснить про свои чувства не пробовала? Чем дольше ты будешь водить его за нос, тем сложнее ему будет принять правду. В результате ты разобьешь ему сердце. Вряд ли вы сможете остаться друзьями после этого.

Герда понурилась.

— Я пыталась несколько раз все объяснить, но он не желает ничего слышать... Не хочет понять, что я люблю его только как друга.

— Значит, надо быть настойчивей. Повторять до тех пор, пока до него не дойдет. Просто веди себя поуверенней, не красней и не опускай глаза. Сделай что-нибудь решительное.

— Хорошо, — кивнула Герда. — Сегодня я решительно останусь дома.

Анка закатила глаза:

— Праздник-то зачем себе портить?

— Да мне неинтересно даже, — соврала Герда и опустила глаза.

Сверху донесся какой-то шум. Девушки вздрогнули и встревожено переглянулись. Герда взбежала по лестнице и отворила дверь в свою комнату. Анка последовала за ней. Внутри ощутимо веяло холодом. Раскрытое настежь окно громко ударялась об стену от сильного ветра. Герда поспешила его запереть, чтобы не разбилось дорогое стекло.

— Зачем ты окна оставляешь открытыми? Всю комнату выстудила. И меня до полусмерти напугала, что значительно хуже, — обругала ее Анка, одну руку прижимая к груди, а второй опираясь на спинку кровати. — Гляди-ка, что это?

Герда обернулась и нахмурилась. Светлым пятном на темном покрывале выделялось аккуратно сложенное платье, да такое роскошное, какого она в жизни не видывала.

— Какая прелесть! Оно старинное. Такое сейчас разве что на гравюрах и гобеленах увидеть можно, — восхитилась Анка, взяв в руки, чтобы получше рассмотреть. — Откуда оно у тебя?

— Не знаю. Когда я уходила, его здесь не было.

— Должно быть, это подарок фей! Они как раз в Остару чудеса совершать любят. Смотри, тут и вышивка особая по краю идет — цветы вереска.

— Если это так, то лучше его выбросить или сжечь. Да, пожалуй, лучше сжечь, чтобы случайные люди не нашли и не накликали на себя беду.

— Почему?! — оторопело воскликнула Анка.

— Да потому что оно от демонов. От них добра не жди. Оно либо отравлено, либо проклято, поэтому лучше вообще не прикасаться.

Анка звонко рассмеялась, сгребла платье в охапку и закружилась по комнате.

— Видишь, я прикоснулась и абсолютно ничего не произошло. Про фей я пошутила. Уверена, это оставил Николая.

Герда удивленно моргнула.

— Но...

— У кого еще хватит денег и возможностей заказать такое в Дюарле? Наш портной удавится, да в жизни не сошьет ничего подобного. Тут рука столичного мастера видна.

Герда вздохнула и взглянула на платье уже с гораздо большей приязнью.

— Давай, я помогу надеть — сама не справишься, — любезно предложила Анка.

— Все же не думаю, что стоит... — сделала последнюю попытку отговориться Герда, но глаза дочки бургомистра уже лихорадочно блестели, а на щеках от азарта выступил легкий румянец. Было видно, что она не отстанет так просто.

— Должно быть, Николая хочет, чтобы ты пришла в этом на праздник. Ты ведь не станешь его разочаровать?

Герда обреченно закрыла лицо руками. Она сильно сомневалась, что Николая стал бы преподносить ей такие подарки. Вряд ли его вообще занимает, пойдет ли она на праздник. Он неоднократно давал это понять и весьма красноречиво. Но все же так хотелось поверить в сказку, в то, что маленькая мечта сбудется. Хотя бы один танец. Да, за танец с Николая она согласна надеть проклятое платье.

Герда спешно скинула с себя одежду. Наряд фей оказался составным, как слоеный пирог. Сначала одевалось простое тонкое нижнее платье, поверх него блио с пышной широкой юбкой нежно-лазурного цвета и расклешенными к низу рукавами, удлиненными сзади почти до самого пола. Венчал все это сооружение отороченный белым песцовым мехом темно-синий корсаж из плотной ткани с тугой шнуровкой на спине и повязанный низко на бедрах пояс с серебряными звеньями, свисавший почти до середины икр. Под кроватью нашлись великолепно подходившие к платью белые сапожки на маленьком каблучке.

— Чудо, как хороша! — восхитилась Анка, разглядывая Герду в таинственном платье. Та потупилась и задумчиво провела пальцами по вышивке на рукаве. Такая же украшала подол и ворот блио.

— Сейчас еще причесочку сделаем — будешь настоящая принцесса, как в старину. Правда-правда. Наши девчонки от зависти позеленеют, ручаюсь.

Какое ей дело до лапских девчонок? В этом платье она чувствовала себя странно, тоскливо, но не так, как обычно. словно тоска шла изнутри, приглушенная и невыносимая одновременно, как из давно затянувшейся раны, по которой нечаянно попали палкой. Хотелось поскорей избавиться от наряда, но настырная Анка не отпускала. Да и не могла Герда объяснить ей свои смутные ощущения. Их даже себе объяснить не получалось. Через полчаса дочка бургомистра закончила колдовать над прической и поспешила к родителям, вспомнив, что ее ждут. Времени до выхода оставалось в обрез, но Герда все же спустилась в библиотеку, чтобы найти ответы на терзавшие вопросы.

В этот раз искать пришлось не так долго, потому что она примерно догадывалась, чей это мог быть подарок. На верную мысль уже в какой раз ее натолкнул дневник Лайсве, где часто упоминались таинственные жители холмов. По словам Лайсве, людьми они явно не являлись, а принадлежали к дружественной Стражам демонической расе. Хотя их намерения не казались особо враждебными, все равно чувствовалось, что Лайсве относится к ним с опаской и подозрением. Поэтому стоило на всякий случай проверить и, возможно, предупредить Николая. А если это на самом деле его подарок? Тогда будет жутко неудобно за свою мнительность. Но ведь он никогда не проявлял к ней интерес, тем более, так открыто.

Подходящее описание Герда нашла в памятном томике «Легенд и преданий Севера». Там говорилось:

«По всей Лапии легко отыскать небольшие общины туатов де Дананн, племен, ведущих свою родословную от лесной богини Дану. Эти человекоподобные демоны, ближайшие родственники авалорских Сидов, предпочитают селиться в полых холмах. Первым признаком появления туатов служит прорастающий возле их домов вереск.

Внешне похожи на людей с хрупким гибким телосложением. Волосы и глаза преимущественно темного цвета. Уши чуть заостренные кверху. Мужчины-туаты искусные охотники и воины, намного превосходящие людей в стрельбе из лука, а во владении мечом лишь немногим уступают Стражам. Женщины нередко обладают колдовским даром и используют его, чтобы отводить людям глаза от своих соплеменников. Также разбираются в зельях и проклятиях других демонов.

На людей нападают редко и только если ущемлены их интересы. Одни из первых демонов, с которыми Стражам удалось заключить дружественный союз. Сражались на стороне людей во времена тролльих войн. Древнейшим и сохранившим связь со своей богиней-покровительницей туатам доступны сокровенные знания о природе мироздания.

Несмотря на дружеские отношения, не стоит относиться к ним легкомысленно. Их мужчины болезненно горды и злопамятны, а женщины коварны и хитры.

Особенно активны туаты во время весеннего равноденствия, когда силы ворожей увеличиваются десятикратно. Именно в этот день они наиболее опасны для мужчин-Стражей, которые часто оказываются жертвами приворотных чар и зачинают с ними полукровок, у которых гораздо больше шансов пережить младенческий возраст, чем у чистокровных туатов, потому что последние сильно болеют в первый год жизни. Также из-за этой особенности нередки случаи, когда отчаявшиеся туаты подкидывают людям своих слабых детей, а себе забирают здоровых. Впрочем, ни для одной стороны ничем хорошим подмены не заканчиваются.

Сами туаты часто называют себя по имени богини-покровительницы Дану. Их символом является цветущий вереск».

Герда задумчиво провела рукой по вышивке на рукаве. Цветущий вереск. Но ведь и

Николя дарил ей брошь в виде вереска. Герда взяла книгу подмышку, поднялась к себе и разыскала спрятанные в кожаном мешочке осколки. Высыпала на ладонь, разглядывая редкий, ни на что не похожий материал. Интересно, чем может быть опасен “подарок фей” для девушки, ведь туалы привораживают только мужчин? Да и стоит ли вообще идти на праздник, если там явно приготовлена ловушка? Ведь сегодня и есть день весеннего равноденствия. Прежде чем Герда успела принять решение, в коридоре послышался звук шагов. Она спешно спрятала осколки в мешочек и сунула его за пазуху.

— Готова? — по обыкновению без стука ввалился в комнату Финист. — Вот это да! Какая же ты красивая в этом наряде!

— Спа... спасибо, — смущенно ответила Герда, пряча глаза.

— Но кое-чего не хватает, — лукаво усмехнувшись, он приколот к вороту платья лежавшую на столе серебряную брошь — его собственный подарок, который она ни разу не заставила себя надеть. Украшение по оттенку металла чудесно сочеталось с платьем и подходило к поясу, в котором тоже были серебряные звенья. Финист еще раз осмотрел ее и восхищенно выдохнул:

— Теперь и на королевском балу в Дюарле появиться не стыдно.

— Я не очень... — сделала робкую попытку отговориться Герда, но Финист уже тянул ее из комнаты. — Но там туалы... опасно... мастер Николя...

— Он сам разрешил, — отмахнулся Финист.

За спиной послышалась не слишком деликатное покашливание. Оборотень резко обернулся.

— Майли попросилась пойти на праздник вместе с нами, — справившись с оцепенением, сказала Герда. Финист сузил глаза, глядя на одетую в свое лучшее темно-бордовое платье девушку. Майли выглядела очень элегантно и величаво. Ну почему Финист не хочет обратить внимание на нее?!

— Как скажешь, — быстро согласился он и попытался взять Герду под руку, но та отпрянула и поспешила присоединиться к Майли.

— Какое ужасное старомодное платье! Ты его в семейном склепе откопала? — насмешливо поинтересовалась она.

— А мне нравится, — соврала Герда, чтобы не выглядеть жалкой. — Да и какая разница в чем на скамейке сидеть?

Майли мигом подобрела, явно предвкушая приятный вечер. Герда же шла на праздник, как обреченная.

\*\*\*

— У нас проблемы, — тяжело вздохнув, сообщил бургомистр.

— Это Лапия. Здесь всегда проблемы, — резонно заметил Охотник.

— Я не имел в виду проблемы города, я говорил о семейных проблемах, — продолжал ходить вокруг да около Гарольд, что наводило на определенные подозрения.

— Лейф снова набедокурил? — озвучил догадку Николя.

— Нет... пока. Но я очень хочу это предотвратить. Слышал, ты будешь заниматься с его другом, ну таким мелким и шустрым не в меру.

— Его зовут Эйсмунд, — подсказал Охотник.

— Да, так вот, Лейф пообещал, что впредь будет вести себя осмотрительней, если ты станешь обучать его вместе с этим Эйсмундом.

— Мальчишки... они уже и родителями вертят, как хотят, — проворчал вполголоса



Николя, но выполнить просьбу бургомистра все же согласился.

Прекрасно знал, что ребята неразлучны. Если взялся обучать одного, придется заниматься и со вторым, иначе ничего не выйдет. А еще хорошо бы привлечь Вожыка — уж ему-то занятия на свежем воздухе точно не повредят, учитывая, как много в нем скапливается лишней энергии. Где бы только время найти? Сейчас вроде тихо, но если появится очередной демон, то даже с учениками из Компании придется туго.

От усталости голова просто гудела, а громкая музыка на главной площади отнюдь не успокаивала. Хотелось поскорей вернуться домой, напиться травяного отвара и хорошенько выспаться.

— Что скажешь? — напомнил о себе бургомистр, отвлекая его от размышлений.

— Я же на все согласился, — нахмурился Николя.

— Ты согласился обучать мальчишек, а последние пять минут я рассказывал тебе, что у нас расплодились крысы. Что с тобой? Заработался? Так я давно советовал отдохнуть. Ты же себя не щадишь совсем. Так и в могилу скоро сойдешь, не пожив вовсе. Хоть сегодня повеселись.

— Крысы? На демонов вроде не похоже, — ответил Охотник, старательно проигнорировав вторую часть фразы.

— Забудь про крыс. Смотри лучше, кто идет! — перебил бургомистр, с интересом разглядывая нечто за спиной Охотника. Николя спешно обернулся и нахмурился.

\*\*\*

Когда после долгих уговоров Финист все-таки пригласил Майли на танец, Герда с облегчением уселась на лавку и, поплотнее укутавшись в наброшенный на плечи платок, принялась отрешенно рассматривать веселящихся людей. Самые младшие собирались в группки, шалили и задорно смеялись над своими проказами, люди постарше, едва достигшие брачного возраста танцевали или ожидали приглашения на танец с переполненными томящей надеждой лицами, женатые танцевали или просто прогуливались парами по почищенным от талого снега дорожкам, пробовали выставленные на праздничных столах блюда и степенно обсуждали семейные дела, совсем старики также, как Герда, устроились на скамейках и полусонно наблюдали за веселящейся молодежью.

Она тяжело вздохнула. Старуха в старомодном платье. Даже танцевать по своей воле отказалась. «Почему я вместо того, чтобы жить и наслаждаться жизнью, всегда предпочитаю наблюдать за ней со стороны и грезить о несбыточном? Было бы намного проще, если бы я приняла чувства Финиста и перестала ждать, что Николя соизволит обратить на меня внимание. Почему так трудно избавиться от этой навязчивой идеи?»

Герда задумчиво провела пальцами по серебряной броши. Даже на ощупь она была совсем другой, чем подарок Николя, холодной, чуждой и нежеланной. Стало совсем грустно. Герда подняла глаза и случайно наткнулась на двух беседовавших в дальнем углу площади мужчин. Приглядевшись, узнала в одном из них Охотника. В задумчивости закусил нижнюю губу. Анка права. Надо быть решительней.

Герда направилась в сторону мужчин. Заметив ее приближение, они тут же замолчали, внимательно разглядывая ее.

Герда глубоко вздохнула, сжала кулаки и скороговоркой произнесла:

— Мастер Николя, если вы не очень заняты, то не могли бы вы пригласить меня на танец?

Охотник ошарашено моргнул, открыл рот, но не произнес ни слова.

— Конечно, он абсолютно не занят, — ответил за него полноватый лысеющий мужчина. — Ступай. Не стоит отказывать такой красавице, тем более, что у нее хватило духу самой тебя пригласить.

Николя продолжил молчать, задумчиво разглядывая Герду. Оценивает? Тоже будет сыпать глупыми комплиментами? Его взгляд остановился на вышивке, глаза сузились, губы растянулись в узкую полоску. Ему не нравится?!

— Почему бы и нет? — улыбнувшись, согласился вдруг Николая и обернулся к бургомистру. — Вы нас извините?

Гарольд коротко кивнул. Охотник аккуратно взял Герду под руку и повел к танцующим.

— Почему ты одна? Тебя ведь, кажется, Финист пригласил, — недовольно спросил Николая, когда они смешались с толпой.

— Не ругайте его. Я упросила его потанцевать с Майли. Ей очень хотелось, чтобы он ее пригласил, — по обыкновению начала оправдываться за оборотня Герда.

Николя скептически вскинул брови, но никак отвечать не стал и заговорил снова, выдержав небольшую паузу.

— Откуда у тебя это платье? — голос его звучал спокойно, но она все равно ощущала его недовольство.

— Оно вам не нравится? — грустно спросила Герда, прекрасно понимая, что сейчас речь вряд ли идет о ее внешнем виде.

— Нет, оно красивое, но сомневаюсь, что его сшил местный портной. Так откуда оно?

Герда пожала плечами и понурилась:

— Я нашла его на кровати в своей комнате и подумала, что это ваш подарок. Простите, что неправильно поняла.

Они остановились, так и не дойдя до танцующих. Николая задумчиво прищурился.

— Зачем бы мне это понадобилось?

— Не знаю, но мне было приятно так думать.

Герда вздохнула и понурилась. Уже поняла, что танцевать с ней он не собирается. От колючего холодного взгляда сделалось нестерпимо больно. Только бы сейчас не расплакаться. Дура! Ведь знала, что этим все и закончится.

— Если хотите, я вернусь домой и избавлюсь от него, только Финиста с Майли предупрежу, — Герда обхватила себя за плечи руками, избегая его взгляда, потому что глаза уже застелила плотная пелена слез.

Впрочем, Николая отвернулся сам, заметив кого-то знакомого в толпе.

— Не стоит. Повеселись лучше на празднике. Ты это заслужила. Думаю, ничего страшного не случится, если мы избавимся от платья завтра, — подбадривающе улыбнулся он.

— И вы со мной потанцуете? — с надеждой спросила Герда.

— Рад бы, но совсем нет времени. Прости. Может, в другой раз? Сегодня потанцуй с кем-нибудь другим, — предельно вежливо ответил Николая и спешно пошел прочь.

— Но я не хочу без вас, — прошептала вслед Герда.

\*\*\*

Николя стремительно двигался навстречу неподвижной, укутанной в синий плащ фигуре, которая ярким всполохом выделялась в веселящей толпе. Было немного совестно оставлять Герду без объяснений. Она выглядела такой удрученной. Наверное, не стоило так холодно с ней разговаривать, ведь она не представляет, в какие интриги ее пытаются

впутать.

Цветущий вереск на вышивке, тревожное томление в груди, едва заметный огонек желаний. Пока лишь облизывает пятки, но вот-вот обратится в пламенного зверя, укротить которого вряд ли достанет сил, учитывая, насколько Николая измотан. Слишком хорошо знакомые ощущения от приворотных чар. Но в этот раз он не поддастся, не станет трусливо закрывать глаза, не позволит использовать невинную девушку, чтобы добраться до него. Если им что-то нужно, пусть говорят напрямик. Он все сделает, лишь бы ее оставили в покое.

— Эйтайни, что происходит?! — с трудом сдерживаясь, спросил Николая, наконец, добравшись до таинственной фигуры.

— Праздник весны, думаю, — она приподняла капюшон, открывая не по-человечески красивое лицо, и улыбнулась по обыкновению обезоруживающе. — Здесь так шумно и весело, что слышно даже у нас. Мне захотелось посмотреть.

— Посмотреть, сработал ли ваш план? Для чего вы вплели в платье Герды приворот? — он пожалел, что высказал все прямо, не скрываясь. Эйтайни слишком сильна в ворожбе, чтобы относиться к ней легкомысленно. Но правды сейчас можно добиться только так.

— Разве это не очевидно? Чтобы привлечь твое внимание, конечно, — продолжила улыбаться Дану, но в темно-фиалковых глазах появился легкий оттенок досады. — Отчего ты не подарил ей танец? Неужели она настолько тебе противна, что ты не можешь сделать столь ничтожное одолжение? Ведь она так просила!

Николя неуютно передернул печами и потупился.

— Что тебе стоило сделать маленький шаг ей навстречу? — продолжала говорить Эйтайни тихим напевным голосом.

Снова ворожит. Никак успокоиться не может. В памяти все время всплывал несчастный взгляд Герды, полные едва сдерживаемых слез глаза. “Вы со мной потанцуете?” — свербел в голове ее тонкий, хрупче горного хрусталя голос. Нет, так нельзя. Слабость перед женскими слезами нужно преодолеть, как он преодолевал все остальные свои слабости.

Николя напрягся, приступом разрывающей голову боли отгораживая себя от колдовских наваждений.

— Это был бы шаг в пропасть. Для меня и для нее.

Эйтайни, явно ощутив сопротивление, замолчала и отвела взгляд.

— Давайте поговорим в более спокойном месте, — он кивком указал на танцующих.

Ворожея, вздохнув, согласилась, и они направились к окраине города, где под вересковыми холмами прятался подземный дворец лапских Дану. Остановились у входа. Внутри Николая идти не захотел, зная, что там силы Эйтайни десятикратно возрастут, а он наоборот ослабеет без доступа к небу и ветру. Нельзя давать демонам такого преимущества, пусть даже они и кажутся друзьями.

— Объясните мне одну вещь. Почему все из кожи вон лезут, чтобы сосватать мне эту девушку? Какая вам от этого выгода? — требовательно спросил Николая, когда они остановились у самого высокого холма в глубине гряды, чтобы их уж точно не подслушали.

— Мы беспокоимся. Почему ты злишься? — Эйтайни печально покачала головой и полностью сняла капюшон в знак доверия между ними. — Белая горлица — то, чего тебе не хватало все это время. Ты ведь сам подарил ей мою брошь. На ней не было приворота.

Николя вдохнул полной грудью морозный воздух. Он и сам не знал, для чего это сделал тогда, десять лет назад. И почему воспоминание о прилипчивой девчонке из Дрисвят

настойчиво терзало его все эти годы. Юки была права: за спрятанными в кожаной папке портретами скрывалось нечто большее, чем простая увлеченность красивыми чертами лица. Наваждение, за которым не было демонического колдовства. Пришедшее откуда-то из глубин сознания. Безликий? Скорее всего, он. Почему Эйтайни с ним в сговоре? И знает ли о нем?

— Не люблю, когда мной манипулируют, — выдавил из себя Николая, когда отмалчиваться стало уже невозможно. Говорил не только ворожее, но затаившемуся в тени сознания Безликому. — И еще меньше мне нравится, когда это делают с невинной девушкой. Не впутывайте ее в свои интриги, если хотите сохранить нашу дружбу.

— Николая-Николя, — Эйтайни подняла ладонь и увитым вересковой татуировкой пальцем провела по щеке Николая, снова выплетая ворожбу. — Ты же не со мной, а с собой сейчас борешься, зачем? Эта борьба бесплодна и ни к чему хорошему не приведет, — она перебежала взглядом за спину Охотника и остановилась, обрывая наполовину готовый узор.

Правильно. Иначе он бы не сдержался и ударил.

— Послушай моего совета, впусти горлицу в сердце. Она поможет тебе примириться с собой и найти свет истины, которого ты так жаждешь.

Охотник увидел его. Крохотный огонек хорошо знакомой ауры. Зачем ее сюда привели? Это ловушка?! Николая напрягнулся, демонстративно положил руку на эфес меча и с угрозой процедил:

— Оставьте ее в покое.

\*\*\*

Герда наблюдала за ним, изо всех сил сдерживая слезы.

Николя шел сквозь толпу. Она расступалась перед ним, как волны перед кораблем, пока он не остановился возле невысокого человека в синем плаще. Несколько минут они разговаривали, а потом вместе направились к противоположной от дома Охотника окраине Упсалы. Герда следовала за ними, словно привязанная, стараясь держаться на расстоянии, но не упускать из виду. Вдалеке от толпы стало сложнее, но опустившаяся на город темень позволила незаметно подобраться поближе. До слуха доносились обрывки разговора, но понять, в чем суть, по ним оказалось невозможно. Они остановились посреди гряды холмов, в стороне от поселения. Герда спряталась за ближайшим к ним пригорком и осторожно выглянула.

Неизвестный сбросил капюшон. Им оказалась женщина. Грациозным жестом выправила из-под плаща темные волнистые волосы, которые доходили ей почти до середины бедра. Лицо ее было нестерпимо красиво, с тонкими точеными чертами, маленьким аккуратным носиком, чувственными губами и томными кошачьими глазами. Она кокетливо улыбалась, но Николая оставался напряженным. Тогда незнакомка игриво коснулась пальцем его щеки. Герда внутренне сжалась. Стало жутко неприятно, что чужая женщина ведет себя с ним так откровенно. Настырная поклонница? А, может, любовница? Понятно, почему он отказался танцевать. Боялся, что она приревнует!

Резкий порыв ветра донес странный запах-ощущение. Женщина в плаще не была человеком. Николая разговаривал с демоном. Герда даже догадалась, с каким. В памяти возникли строки из книги: «Туаты особенно опасны для мужчин-Стражей, которые часто оказываются жертвами их приворотных чар». Герда вздрогнула, заметив выглянувшие из-под пышных волос заостренные ушки. Вот оно! Должно быть, в вышивку на платье были вплетены приворотные чары, только направлены они были не на нее, а на Николая. И они

подействовали, заставил его пойти за демоном вместо того, чтобы остаться с Гердой. Теперь туата уведет его в царство под холмами. Надо это остановить!

Не раздумывая больше ни мгновения, Герда помчалась к Охотнику.

— Мастер Николая, погодите! — громко закричала она. — Не ходите с ней. Она вас приворожила!

Охотник с незнакомкой обернулись и удивленно уставились на нее.

— Что стряслось? — нахмурился Николая.

Герда остановилась возле них и, с трудом пытаясь отдышаться, начала путано объяснять.

— Это демон. Туат. Ворожея. Она зачаровала вас, чтобы увести в царство под холмами и зачать там детей! — только произнеся это вслух, Герда осознала, насколько глупыми должны выглядеть ее слова со стороны.

К вящему ужасу, Охотник и незнакомка дружно рассмеялись.

— Успокойся, все в порядке. На меня привороты не действуют, — заверил ее Николая. Герда уже все поняла по выражению их лиц. Щеки запылали от стыда. — Это Эйтайни, королева Дану Лапии. Моя старая знакомая. Она иногда помогает мне в Охоте.

Герда закрыла лицо руками. Почему она решила, что эта женщина тот самый демон? Давно уже пора научиться различать сказки и жизнь. Сколько раз ее об этом предупреждали? Теперь Николая, наверняка, решит, что она непроходимая дура. И будет абсолютно прав. Она ведь не Страж и не Охотник. Зачем только полезла туда, где ничего не понимает?

— Простите, — угрюмо выдавила из себя Герда.

— Ничего страшного, — снисходительно улыбнулась Эйтайни. — К тому же, ты недалеко от истины. Я действительно происхожу из рода туатов де Дананн и умею ворожить. Но поверь, времена моей бурной молодости, когда подобные шалости были в порядке вещей, уже давно прошли. У меня уже есть муж и сын, хлопот с которыми за всю жизнь не оберешься. Никто другой мне не нужен.

Герда продолжила краснеть, изучая покрытый настовой коркой снег под собственными сапогами.

— Извините, — еще раз пробормотала она, не зная, что сказать.

— Николая, не позволишь нам немного поговорить о женских тайнах наедине? — Эйтайни выразительно посмотрела на Охотника.

— Хорошо, но помни мои слова, — предупредил Николая королеву Дану, а потом прошептал над самым ухом Герды: — Не доверяй ей. Она все же демон и преследует собственные цели, отличные от наших. Зови, если хоть что-то покажется подозрительным.

Герда с удивлением поняла, что он сильно обеспокоен. Хотелось заверить его, что все будет хорошо, но она просто кивнула. Охотник отошел на почтительное расстояние. Эйтайни тяжело вздохнула, глядя на его удаляющуюся спину, и снова повернулась к Герде.

— Ты очень умна. Немногие могут разглядеть мою сущность сквозь чары, а тем более так точно угадать мой род, — туата явно пыталась завоевать расположение с помощью лести.

Это необъяснимо пугало. Герда решила побыстрее все выяснить и позвать Николая, чтобы не оставаться наедине с ворожеей долго.

— Вы подарили мне платье? Зачем?

— Хотела помочь сблизиться с Николая, но забыла, насколько он упрям, и сделала

только хуже. Прости, — Эйтайни печально опустила голову.

Против воли захотелось ее утешить.

— Разве может быть хуже? Я ему безразлична. И чем больше я стараюсь понравиться, тем больше он меня отталкивает. Думаю, мне надо оставить надежды и научиться жить дальше, не мечтая о нем, — Герда решительно глянула на ворожею. — Но все это неважно на самом деле. Важно то, почему вы решили мне помочь.

— Все-таки Сайлус прав. Небесные чересчур мнительны, — горько усмехнулась Эйтайни. — Видишь ли, Николая отличный воин, сильный, умный, дальновидный. Возможно, один из лучших в Мидгарде. Но все же ему чего-то не хватает.

Герда недоуменно моргнула.

— Стимула, — любезно объяснила туата. — Того, что заставит его измениться, шагнуть через грань собственных страхов и победить в решающей битве, несмотря на все тяготы, что лягут на его плечи. Ты и есть этот стимул.

— Вы ошибаетесь, — твердо возразила Герда. Роль стимула была ей не по душе, ведь с помощью него людьми легко управлять. Совсем не хотелось, чтобы Николая заставляли что-то делать против его воли. Но вслух высказывать эти соображения она не решилась. И без того чувствовала себя глупее некуда. — Он даже потанцевать со мной отказался. Вряд ли я та девушка, ради которой он станет совершать подвиги.

— Но ведь однажды он уже сделал это, — подмигнула Эйтайни, словно прочитав ее мысли. — Пригласил на танец и совершил подвиг, на который без тебя не был бы способен.

— Это было давно: я была лучше, он был другим, а теперь... Я ведь даже его подарок не смогла сохранить. Он разбился. Вот, — Герда достала из-за пазухи мешочек с осколками вересковой броши и, вытряхнув их на ладонь, показала туате. — Точно также разбились мои глупые мечты. Я бесконечно разочаровала мастера Николая. Найдите другую девушку, более красивую, умную и достойную. Тогда быть может...

К горлу подступил ком. Стало трудно продолжать, как только Герда представила Николая с другой. Так должно быть, так правильно, но она не хотела бы этого видеть.

— То, что сломано, всегда можно починить, — фиалковые глаза зажглись таинственным светом. Осколки броши поднялись в воздух и вихрем закружились вокруг Герды, сложились вместе и вспыхнули бледно-голубым огнем. На подставленную ладонь легла абсолютно целая без единой трещинки брошь. — А другую девушку Николая никогда не примет. Разочарование пройдет, как только он узнает тебя настоящую, взрослую женщину, а не ребенка. Просто оставайся рядом с ним и наберись терпения. Думаю, оно пригодится нам всем.

Герда зачарованно смотрела на брошь.

— Спасибо. Я не знаю, что сказать, — по щекам текли слезы.

Это украшение было ей дороже всего на свете: дурацкого платья, танцев, бесполезного дара. Всего. Крошечная вещичка, овеянная щемящими душу воспоминаниями о Николае, который ее подарил, и о Шквале, который не позволил отдать ее Ужинному королю.

— Так и не говори. Главное, не отчаивайся. Даже во тьме, когда кажется, что выхода нет, верь, что впереди забрезжит свет, который обязательно выведет тебя к нему. Потому что вы — две половинки одного целого, которые всегда будут стремиться друг к другу, как бы велико не было расстояние между вами. Не плачь, — Эйтайни обняла ее за плечи. — Мне уже пора, но если захочешь поговорить, приди сюда и назови мое имя.

Герда даже не успела попрощаться, прежде чем туата растворилась в ночной мгле.

Герда еще несколько мгновений простояла на месте, удивленно глядя по сторонам, а потом пошла к ожидавшему у крайнего дома Николая.

— О чем говорили? — не замедлил поинтересоваться он.

— О своем, о женском, — таинственно ответила Герда, все еще сжимая в руке кожаный мешочек с брошкой. Охотник не стал настаивать.

— Хочешь обратно на праздник?

— А вы останетесь?

— Нет. Думаю, от меня там будет мало толку — я слишком устал.

— Тогда домой. Я тоже устала. К тому же платье жутко неудобное. Жду не дождусь, когда смогу от него избавиться.

Николя улыбнулся одними губами и взял ее под руку.

### ===== Глава 30. Оттепель =====

После Остары на душе потеплело, словно зима забрала с собой не только снег и холодные стужи, но и всю тяжесть с сердца. Но иногда печаль возвращалась с колючими ночными заморозками и выхолаживала до тупого исступления.

С Николая почти не виделись: он был все время занят с учениками либо пропадал по охотничьим делам. Занятия с Финистом шли совсем не так хорошо, как хотелось.оборотень решил научить ее повелевать животными. Для этого выпустил Золотинку из денника, и та радостно побежала есть выложенное на проходе сено. Герда должна была заставить ее вернуться обратно в денник. У Финиста получалось легко. Даже говорить ничего не приходилось: он лишь выразительно смотрел на кобылу и указывал на открытую дверь глазами. Золотинка тотчас бросала сено и покорно шла к себе. А у Герды, сколько она ни старалась, не выходило даже внимание животного от еды оторвать.

— Да не упрашивай, а четко и настойчиво произнеси в мыслях приказ. Покажи, что ты здесь главная, а не она, — наставлял Финист.

Герда попробовала еще раз: «Ступай обратно! Перестань есть! Ступай обратно! Слышишь?!» Кобыла на мгновение оторвалась от сена и бросила на нее уничижительный взгляд, а потом, опустив голову, нарочито медленно втянула в себя очередной пук сушеной травы. Герда в отчаянии закрыла лицо руками.

— Это больше похоже на истерику, чем на настойчивость, — отшутился Финист.

Она сжала кулаки и посмотрела на него.

— Ну почему ничего не получается?

— Получится со временем.

— Ты говорил это две недели назад, но мы продолжаем топтаться на месте. У меня ничего не выходит!

— Значит, нужно еще больше времени. Не переживай. Ты все равно молодец. Вряд ли кто другой на твоём месте справился бы лучше.

— Почему?

Наверняка он просто не хочет ее обижать.

— Потому что твой дар сейчас работает на треть или даже на четверть силы. Ты не сможешь обучаться быстрее, пока... — Финист неожиданно осекся.

Герда нахмурилась.

— Пока что?

— Не важно. Просто прими, что ты не сможешь научиться всему и сразу. Для более сложных вещей понадобится чуточку больше терпения и практики.

— Но мы же не практикуемся совсем. Ты занимаешься со мной от силы час в день. И с каждым разом сокращаешь время!

— Я не хочу, чтобы ты перетруждалась. К тому же, я не вижу смысла заниматься дольше. У тебя и так все прекрасно получается.

— Да уж... — проворчала Герда и, сузив глаза, перешла на чтение мыслей. Услышать правду из его уст она уже отчаялась.

«Как же с ней тяжело! И сказать правду нельзя, потому что она расстроится, и требовать большего глупо, потому что пойти дальше она не сможет. Почему Охотник ничего ей не объяснил? Он же занимался с ней несколько месяцев. У него должны были возникнуть подобные проблемы. Понять бы, чего он хочет добиться. Если демоновой Компании нужен ее дар, то почему Охотник так легко от нее отказался? Ему ничего не стоило задурить ей голову, пустить пыль в глаза всей этой... воинской славой. Даже мне видно, что она хоть в Хельхейм за ним пойдет, а уж в постель так и подавно. В чем же дело?»

— Причем здесь постель?! — не удержалась Герда. Мысли Финиста и раньше заходили в направлении спальни, причем так часто и много, что это немного пугало, но то, что он допускал подобные предположения насчет нее и Николая, было просто возмутительно. В конце концов, какое отношение постель имеет к дару?

— Какая постель? — удивленно моргнул Финист.

— Неважно, — махнула рукой Герда, поняв, что он будет изворачиваться, как уж, и ничего в результате не скажет. К тому же придется признаться, что она читала его мысли. Вряд ли Финисту это понравится. Нужно попробовать узнать другим способом.

Вернувшись в дом, Герда поднялась к себе и, отыскав дневник Лайсве, принялась внимательно читать:

«Сегодня нас застиг ужасный буран. Пришлось искать укрытие. Повезло, что жители холмов согласились нас проводить. Иначе мы бы совсем пропали. Вейас хоть и хорохорится постоянно, но о горах так же, как я, ничегошеньки не знает.

Провожатые отыскиали для нас подходящую пещеру, достаточно просторную, чтобы вместить всю компанию, сухую, чтобы развести огонь, и самое главное — пустую. Было бы очень неприятно нарваться на горного медведя или какую тварюшку похуже посреди этого заснеженного кошмара. Собственно, мы и нарвались. Только не на медведя, а на Микаша. До сих пор не уверена, кто хуже.

Телепат заявил, что обнаружил пещеру первым, и мы с остроухими должны уйти. Вейас сразу набычился, зато наши проводящие резонно заявили, что места хватит на всех. Микаш, конечно, порядочная скотина, но надо отдать ему должное, своего никогда не упустит. Пронюхав, что у нас много припасов, сразу подобрел и даже разговаривать стал... не так заносчиво. А разговаривали мы с ним долго. Почти всю ночь, когда остальные уже десятый сон видели.

Я все не могла понять, как он здесь оказался, ведь Белоземье в другой стороне. Никакого вразумительного ответа он дать не смог, а под конец заявил, что хочет идти с нами... пройти испытание, чтобы стать настоящим Стражем. Что ж, вот тут я вполне его понимаю.

Вейас поначалу сопротивлялся, но мне удалось его уговорить. Все-таки жители холмов дойдут с нами лишь до Поля айсбергов, а одним в Хельхейм идти ой как не хочется. Даже



Вейасу со всей его бравадой. Услышав, как я ругаюсь с братом, Микаш неожиданно приободрился. Понял, подлец, что мне нужно от него нечто большее, чем помощь в путешествии. Решила поговорить напрямик. Он ведь, кажется, любит откровенные беседы.

...

На деле Микаш оказался хуже кисейной барышни. Какое разочарование! А целовался-то как в Упсале! Как самец саблезубой кошки, не меньше. Эх... Я-то была готова. На все готова, чтобы этот демонов дар раскрылся полностью. Даже отдаться такому... такому... Впрочем, тело у него вполне привлекательное. И если не смотреть в глаза... Нет, все равно противно. Но я бы смогла.

...

Разговоры с Микашем оказались очень занимательными. Выяснилось, что в способностях Стражей он разбирается куда лучше нашего, несмотря на отсутствие обучения. Да и ауры видит намного четче. Жители холмов вон как о нем перешептываются. Небось, решают, чьей дочке он ребеночка заделает. Правда, вряд ли он согласится. Только если хорошо заплатят. А я, что, не смогла бы заплатить? Демоны! Он меня дурой озабоченной обозвал! Прямо у меня в голове. Вот сволочь! Кажется, мы только что устроили мысленную перебранку. Я исчерпала весь запас бранных слов и Микаш, кажется, тоже, а вот Вейас вообще ничего не заметил.

...

Вчера снова засиделись с Микашем допоздна. После нашей маленькой перепалки он еще долго улыбался, как кот на сметану. А когда все разошлись спать, радостно сообщил, что понял, какой у меня дар. Вначале я подумала, что он тугодум. Мы же только что перекидывались мысленными посланиями! Но он, как маленькой, начал объяснять, что, так как я до сих пор остаюсь «непорочной», такой уровень телепатии не должен быть мне доступен.

Ему все-таки удалось меня удивить. Микаш заявил, что я отражающая и все это время не читала мысли, как телепат, а отражала его дар. Если вдуматься, тут есть доля правды. Но... отражающая? Это же уникальная способность! Вряд ли во всем Мидгарде сыщется хотя бы пара-тройка Стражей с похожим даром. Тогда..."

Герда резко захлопнула дневник. Неужели Лайсве тоже отражающая? Слишком много совпадений. Дар передается по крови. Значит, они вполне могут быть родственниками. И жила Лайсве рядом с Дрисвятами, и дух ее смог вселиться в Герду в Будескайске. Может, она как-то связана с пропавшими родителями отца? Это бы многое объяснило. Но как узнать точно?

Герда еще раз открыла дневник и перечитала последние записи. В глаза бросились слова «непорочная» и «отдаться». И тут начало доходить. Дугава же рассказывала, что ее дар открылся, когда она вышла замуж. И Майли ничего о своем наследии не знала, пока не соблазнила Финиста. Или он ее? Не важно!

Герда закрыла пылающее лицо руками. Так вот, что они имели в виду под «повзрослеть»! Чтобы дар открылся полностью, она должна... Герда дернула головой. Вот почему обоих ее учителей так волнует, что она не вышла замуж и не выбрала одного из них, не отдалась... Неужели они все время только об этом и думали?! Финист так точно. А вот Николая... Неужели он такой же?

Герда решительно сжала кулаки. Слишком много накопилось вопросов. И Николая просто обязан ответить хоть на некоторые. Она направилась к его кабинету, но дойти до

крайней по коридору двери не успела — задержала выглянувшая из своей комнаты Майли. Бесцеремонно схватив Герду за руку, втянула к себе.

— Эй, что ты делаешь?! — возмутилась Герда, потирая передавленное запястье. — Нельзя ли поаккуратней?

— Нельзя. Ты меня с самой Остары избегаешь. Как еще с тобой поговорить, если не застать врасплох?

— Не надо было грубить перед праздником. Между прочим, я туда только из-за тебя пошла, — Герда сейчас была не в настроении вести себя любезно. Слишком злилась на Николая.

— Извини. Такой уж у меня характер. К тому же я тоже много для тебя сделала.

— Интересно, что?

— Ну... — Майли надолго задумалась.

Герда напряглась, пытаясь ее прочитать, но это было сложно, потому что после занятия уже прошло слишком много времени. Внутренний голос Майли звучал обрывочно и глухо, словно через толстую стену:

«Достала ее наивность! Сказать? Нет, не стоит. Охотник не обрадуется, а Финист не простит».

Герда смутилась и передернула плечами. О чем она? О том, что переспала с Финистом? Майли вдруг неестественно широко улыбнулась и продолжила:

— Я отвела тебя к лекарю, когда ты упала с телеги и ударилась головой.

— О! — воскликнула Герда, сожалея, что не удалось дослушать мысль и телепатическая связь оборвалась. — Хорошо, в таком случае, можешь продолжать вытирать об меня ноги, только не сейчас. Николай здесь?

— Был пару минут назад, — пожала плечами Майли. — Я просто хотела напомнить, что ты обещала помочь с Финистом. С танцами просто чудесно вышло. Но сейчас он снова перестал обращать на меня внимание. Надо действовать быстро, пока интерес не остыл, иначе придется начинать сначала.

— Хорошо, только не сию минуту. Позже.

Герда сделала несколько шагов к двери, но тут Майли истошно завизжала и запрыгнула с ногами на кровать. Герда осторожно обернулась: на полу посреди комнаты, встав на задние лапы, застыла жирная серая крыса. Передние лапы были сложены на груди. Она потирала ими, словно человек руками, и премерзко шевелила усами, к чему-то принюхиваясь. Герда очень плавно, стараясь не спугнуть, опустилась на корточки, сняла с ноги башмак и с размаху запустила в мерзкую тварь. Крыса то ли не ожидала, то ли настолько ожирела, что стала неповоротливой и не пыталась удрать, когда башмак, попав ровно в цель, размозжил голову кованым каблучком. По полу растеклась кровавая лужица. К горлу подступила дурнота. Герда закричала еще громче Майли и бросилась к ней на кровать. Там они и стояли, тесно прижимаясь друг к другу, когда в комнату вбежал не на шутку перепуганный Николай.

— Что стряслось?! — настороженно хмурясь, спросил он.

Майли зажмурилась и испуганно дрожала. Герда указала рукой на мертвую крысу. Охотник опустился на колени и удивленно вскинул бровь. Следом вломился Финист.

— Что за крики? Где пожар?

— Кры-ы-ы-ыса, — взвыла Майли, открыв глаза, и бросилась к нему на шею. — Спаси меня!

Николя поднял трупик животного за хвост и принялся внимательно изучать.

— Я убила ее! — перетаптываясь на кровати, запричитала Герда. — Убила! Я убийца!

— Бабы! — недовольно фыркнул Финист, грубовато отстраняя Майли в сторону. — Вы что крыс никогда не видели? Нашли из-за чего орать!

— Действительно, расплодились, — не обращая внимания на крики, заметил Николя.

— Все живы? Помощь не нужна? — в комнату ввалился Эглаборг вместе с робко выглядывающим из-за плеча Вожыком. — Фу, какая гадость! Говорил же я вам, крысы повсюду! Демоновы твари скоро и до моих запасов доберутся. Как тогда вас лечить прикажете, а?

— Так потрави их чем-нибудь. Ты же обещал какой-то яд мудреный приготовить, чтобы одна крыса, съев щепотку, потом всю стаю могла заразить, — напомнил Николя, заворачивая трупик в тряпицу. Герда опасно слезла с кровати и потянулась за башмаком, но увидев кровь, решила, что не так он ей и нужен.

— Я-то приготовлю, только боюсь, что вместе с крысами мы половину скота в городе уморим, — покачал головой Эглаборг. — Да еще и люди могут заболеть. Нет, я такой грех на душу не возьму. Надо придумать что-нибудь другое.

Николя тяжело вздохнул:

— Надо, значит, придумаем.

И направился в свой кабинет. Герда скинула второй башмак и побежала следом босиком.

— Если ты пришла каяться в убийстве крысы, не стоит, — предупредил с порога Охотник. — Я грызунов не слишком жалую, если честно.

Герда немного смутилась, но воспоминания о мыслях Финиста и дневнике Лайсве живо распалили притухший было гнев.

— Я хотела поговорить по поводу своего дара.

— Поговори с Финистом. Он твой учитель.

— Но вы были моим учителем до этого. И я буду говорить с вами!

Николя закатил глаза.

— Ну, говори. Только живее. Мне еще отчет писать... и с крысиной проблемой разбираться. Как будто мне учеников и демонов не хватало?!

— Почему вы не предупредили, что мой дар раскроется только после того, как я потеряю невинность?

Брови Николя взметнулись вверх:

— Это Финист сказал?

— Не совсем сказал...

Охотник нахмурился еще больше.

— Я прочитала это в его мыслях, — честно созналась Герда. — Но это не важно, важен сам факт...

— погоди, а Финист знает, что ты читала его мысли? — Николя мгновенно перестал хмуриться. Его глаза сощурились в хитрую ухмылку.

— Э-э-э, нет... — Герда смутилась, силясь понять, что так развеселило Охотника.

— Вот идиот, — Николя не выдержал и рассмеялся в голос, но заметив недоуменный взгляд, быстро взял себя в руки. — Извини, так что тебя не устраивает?

— То, что вы об этом молчали. Ходили вокруг да около. Неудобные вопросы задавали. А о сути ни слова! Почему не поговорили со мной напрямую? — Герда в отчаянии заглянула

в глаза Охотнику. — И как сейчас быть? Финист говорит, что я дошла до предела. Пока дар не раскроется, я не смогу обучаться дальше. Помогите мне!

— Как? — поперхнулся Николая.

Герда смутилась и потупилась. Она слабо представляла, что происходит между мужчиной и женщиной во время близости. Пару раз видела соитие между животными, но никогда особенно не приглядывалась. Да и у людей все должно быть иначе. Даже из подсмотренной в Будескайской долине сцены запомнились лишь собственные чувства стыда и страха. Все остальное было как в тумане. Лайсве была права. Ради обучения можно вытерпеть любые муки, даже неизвестность. Тем более, Николая совсем не такой уж неприятный...

Герда решительно подняла взгляд:

— Ну как мужчины обычно это делают. Я не знаю. Вам должно быть виднее.

— Да... — растерянно пробормотал Николая. А потом, кажется, до него начало доходить, о каком именно одолжении его просят. Лицо потешно вытянулось, глаза вылезли из орбит, рот слегка приоткрылся, нижняя челюсть чуть подрагивала.

— Что?! Нет!

Герда испуганно вздрогнула от громогласного голоса. Не хочет — как хочет. Его право. Надо найти того, кто точно не откажет.

— Если вам настолько противно, я попрошу Финиста, — решительно заявила она и собралась уходить.

Николя подскочил со стула и перегородил собой дорогу.

— Что за бредовая идея?

— Почему бредовая? — насупилась Герда. Мало того, что сам ею пренебрег, так еще и никуда не пускает! Как будто ему не безразлично. Неужели ревнует? Вот это точно бред! — Я хочу овладеть своим даром и сдать экзамен. Сейчас я дошла до предела. Чтобы продолжить обучение, я должна «повзрослеть». Я готова. Если не хотите мне помочь, то я обращусь к тому, кто, наверняка, захочет.

— Уж он такой возможности не упустит, — не удержался от язвительного замечания Николая, но, передохнув, заговорил совсем по-другому, мягко, вкрадчиво, стараясь убедить, а не подавить: — Именно поэтому я и не стал ничего говорить. Поверь, отдать невинность нелюбимому человеку — не самый правильный выход. Так ты только хуже сделаешь. Знаешь, как люди говорят, потерянного назад не воротишь.

Охотник улыбнулся одними губами, чтобы ее подбодрить. Получилось как-то вымучено. Герда опустила глаза.

— Даром в достаточной степени можно овладеть и без этого. К тому же у тебя он очень мощный. Сильно сомневаюсь, что ты дошла до предела, как говорит Финист. Просто усилий придется приложить чуть больше, терпения, знаний. Работай над собой, оттачивай мастерство и в свое время все придет. И экзамен сдашь, и способности, какие хочешь, использовать научишься, и себя сохранишь для...

Николя вдруг осекся. Герда оторвала взгляд от пола и заглянула в затянутые странной паволокой глаза, надеясь понять, что его смутило. Зря. По спине пробежали мурашки, щеки опекло лихорадочным румянцем.

— Для того, кто действительно достоин, — закончил Охотник и отвернулся.

Герда приложила руку к горячей огнем щеке. Должно быть, ему показалось, что она пытается его соблазнить. А она не пыталась? Какой ужас! Что он теперь подумает?.. Если

уже не подумал, ведь она и без того столько раз переходила все границы дозволенного. Разве что приворотным зельем поить еще не пыталась! Ну почему все время так неловко выходит?!

— Извините меня, я такая глупая, — попыталась оправдаться Герда, снова опустив глаза. — Я сделаю, как вы говорите. Только обещайте больше ничего не скрывать.

— Обещаю, — поспешно согласился Охотник, старательно делая вид, что этого разговора вообще не было. Герда продолжала неподвижно стоять у входа. — Еще что-то?

— Да. Я тут... — она снова начала мяться, но заметив во взгляде Николая нетерпение, поспешила перейти к сути. — В замке Майли я нашла дневник некой Лайсве Веломри. У нее был такой же дар, как у меня. И жила она в местах, очень похожих на Дрисвяты. Когда в меня вселился призрак, отец Майли назвал его этим именем. Возможно, она моя родственница. Вы ничего про нее не слышали?

— Веломри? — Николая снова нахмурился и в задумчивости забарабанил пальцами по столешнице. — Смутно припоминаю, но точно не скажу. Боюсь ошибиться. Могу попробовать написать знакомому из штаб-квартиры Компании в Дюарле. Там хранятся довоенные архивы и хроники. Возможно, удастся что-нибудь раскопать.

— Вы, правда, это сделаете? — просияла Герда, едва сдержав порыв обнять его от радости. — Спасибо вам огромное!

— Только не слишком надейся, — тут же осадил Охотник. — Во время войн многое было утеряно, в том числе сведения и даже сами имена Стражей. Возможно, ничего узнать не получится. Но я обязательно напишу.

Герда кивнула, слабо улыбаясь, и вышла из кабинета.

\*\*\*

После этого случая Герда воспрянула духом. С Финистом занимались также ничтожно мало, да и результаты оставляли желать лучшего. Лошади продолжали игнорировать приказы прекратить есть сено и вернуться к себе в денник, соседская собака не соизволяла лаять потише, а птицы на голубятне отказывались садиться на руки. Но мелкие неудачи уже не расстраивали, потому что теперь у Герды было на что направить усилия.

К самостоятельным занятиям подтолкнули слова Николая. «Работай над собой, оттачивай мастерство», — набатным боем отдавалось в голове вечером перед сном в тот памятный день. Она потихоньку вспомнила все упражнения, которые показывал Охотник. И повторяла их самостоятельно, запираясь у себя в комнате (Николя все-таки прибил к двери щеколду, и Финист перестал вламываться без стука).

Герда подолгу сидела неподвижно, слушая свое дыхание, ощущая, как по жилам течет кровь, как стучит в груди сердце, как вздымается при вздохе грудь, как расслабляется каждая мышца. Это очень помогало успокоиться, привести в порядок мысли и чувства, сосредоточиться и набраться новых сил. Обнаружив, насколько легче стало пользоваться даром после этих упражнений, Герда стала повторять их каждый день утром и вечером. В добавок, подробно изучила дневник Лайсве в тех местах, в которых описывались ее способности и то, как они использовались. К сожалению, сведения были очень скудными. Некоторые важные вещи предшественница упускала, постигнув их еще в детстве и считая очевидными, поэтому нужно было искать иные источники знаний, способные восполнить пробелы. Для этого пришлось перерыть всю библиотеку Николая.

Герда впервые смогла оценить ее по достоинству. Конечно, она была значительно меньше будескайской, но здесь имелись книги куда более полезные. Особенно если ты только начинал постигать свои способности. Внимание Герды привлекли рукописные

трактаты восточных мудрецов — большая редкость в этой части Мидгарда. В них как раз очень много говорилось об общих вещах: об ауре, демонических проявлениях, божественной помощи, единении со стихиями, накоплении энергии, местах силы, травах, талисманах и тайных техниках управления телом. Герда с жадностью впитывала эти знания. И продолжала искать информацию именно о своем даре.

Некоторые места в дневнике наталкивали на мысль, что об отражении даже Стражам известно было не так много. И полагаться — как советовалось в одном трактате — приходилось исключительно на свои ощущения. Быть предельно к ним внимательной, запоминать, записывать, если возможно, и пробовать разные варианты.

Еще Герда пыталась разыскать что-нибудь о телепатии или вообще о дарах ветра, но таких книг в библиотеке оказалось на удивление мало. Очень много томов было посвящено дарам огня — пирокинезу и целительству, чуть меньше дарам воды и земли. О ветре речь шла лишь в одной книге, и то очень скупо и обще. Многое из нее Герда знала и так.

Отсутствие самых нужных не только для нее, но и для Охотника, книг, немало смутило. На очередном занятии с Финистом Герда рассказала о своем затруднении. Оборотень печально улыбнулся в ответ:

— Я же говорил, во время войны основной удар пришелся именно по тем, кто обладал дарами ветра. Неудивительно, что и книги о них уничтожались с особой тщательностью.

— Но почему именно по ним? — внимательно глядя на него, спросила Герда.

— Не знаю. Не могу сказать точно, похоже, Единый — бог неба. К нему же относится и стихия ветра. Следовательно те, кто обладает даром ветра, исполняют его волю в мире людей и являются его жрецами. Не думаю, что единоверческие священники жаждали делить с ними власть, поэтому постарались первым делом избавиться от “ложных” жрецов.

Герда понурилась.

— Жалко их.

Финист ничего не ответил, но она прочитала в его мыслях: “Лучше бы ты себя пожалела”. Только зачем жалеть себя? Ведь все же хорошо: кров над головой, пища, верные друзья... Мастер Николя почти оттаял после случая с Ходоком. Главное не раздражать его больше глупыми разговорами. Только Шквала не хватало.

\*\*\*

Все произошло вечером, когда Герда, начитавшись до белых пятен перед глазами, медленно поднималась по лестнице, всеми силами стараясь не заснуть. Она уже почти дошла до двери, когда боковым зрением уловила на полу странную тень. Встряхнула головой и присмотрелась: из-за угла воровато выглядывал тощий, слегка помятый рыжий кот и внимательно наблюдал за ней глазами цвета топленого молока. Герда тут же схватила его и подняла на уровень собственной головы.

— Шквал? — удивленно спросила она.

— Мяу, — пронзительно ответил кот.

— Как здесь оказалась эта гадость? — раздался из-за спины брезгливый возглас Финиста. — Выброси ее немедленно!

— Эту “гадость” принес я, — осадил его выглянувший из собственной комнаты Николя. — И никто его выбрасывать не будет. Я, между прочим, полдня за этим котом по всему городу гонялся.

— Мяу! — вставил свою медьку рыжий.

Герда разочарованно вздохнула и поставила зверька на пол. Это не он. Обычный рыжий

кот, которого все могут видеть. Зверек уходит не захотел и начал тереться об ноги, громко мурлыча.

— Подлиза! — скривился Финист.

— Что это?! — подоспел на разборку засидевшийся допоздна на кухне Эглаборг.

— Ты же сам просил избавиться от крыс. Вот лучший способ, — Николя указал на кота. — Не понимаю, чем он вам всем так не нравится.

— Он линяет, метит углы и наводит беспорядок, — тут же отрапортовал целитель. — И очень сильно сомневаюсь, что такое доходячее создание сможет что-нибудь противопоставить отъевшимся на наших припасах крысам.

— Это доходячее создание разогнало свору бродячих собак, исполосовав им морды так, что те неслись прочь от города, оставляя за собой кровавые следы. Вряд ли наши крысы окажутся свирепее, — защищал кота Николя. — Да и Герде он по душе пришелся, правда?

Она слабо улыбнулась. Не очень хотелось впутываться в очередные дразги, но кот казался таким милым... и действительно напоминал Шквала, особенно когда пристально глаза заглядывал. Может, это действительно подарок звезд? Тогда нельзя от него отказываться.

— Зачем нам этот мешок с блохами? Я сам могу с крысами справиться! — заявил Финист.

«Он что теперь и к коту ревнует?!» — возмутилась про себя Герда.

— Хорошо. Вперед. Если убережешь их отсюда, так уж и быть, я отдам тебе его миску молока, — съязвил Николя и сложил руки на груди. — Чего ждешь?

Финист негодуяюще скрипнул зубами, выпрямился и закрыл глаза. Несколько минут все молча взирали на него, гадая, что будет дальше. А дальше изо всех щелей хлынул целый поток крыс. Они окружили людей со всех сторон и, поднявшись на задние лапы, тоже выжидательно уставились на Финиста маленькими черными глазками. Кот громко зашипел. Герда взвизгнула и запрыгнула на руки к Николя. Эглаборг посмотрел на них так, словно хотел повторить маневр Герды.

— Ты же должен был избавиться нас от крыс, а не согнать их всех сюда! — выразил общее недовольство Николя.

Финист открыл глаза и развел руками:

— Они меня не слушают. Думаю, их зачаровали.

— Тогда скажи коту, чтоб отрабатывал свой хлеб. Уж его-то они точно послушают, — ухмыльнулся Охотник.

— Ой, а можно, я! — Герда спрыгнула с рук Николя и схватила оборотня за руку.

— Да, пожалуйста, — пожал плечами тот и направил на нее свой дар.

“Мастер кот, будьте любезны, прогоните отсюда этих тварей. Я вообще не боюсь, но когда их так много, мне очень не по себе”, — вежливо попросила она.

“Слово прекрасной госпожи для меня закон”, — галантно ответил рыжий, развернулся к крысам и взревел так, что даже люди вздрогнули. Крысиная волна медленно попятилась. Кот напряжился и прыгнул на грызунов в переднем ряду, царапая и кусая одновременно. Крысы помельче испуганно завизжали и бросились врассыпную. Те, чтобы были пожирнее да посмелее, полезли в драку, но рыжий боец не дрогнул, давя передних лапами и отбрасывая к стене тех, кто пытался залезть на шкуру сбоку. Выглядел кот при этом не менее доблестно, чем благородные рыцари из книг.

— Вот пижон, — проворчал Финист.

— Знаете, а не такой уж он пушистый — шерсти много быть не должно, да к тому же я на нем одно зелье отпугивающее проверить смогу, — вдруг воодушевился Эглаборг, разглядывая кота уже с гораздо большей приязнью.

— Прекрасно. Значит, оставляем, — потер руки Николая, добывая оставшихся крыс телекинезом. — Как его назовем?

— Шквал, — охотно предложила Герда.

— Дурацкое имя для кота, — продолжал быть несносным оборотень. — Хотя ему подходит.

Николя безразлично пожал плечами.

— А теперь главный вопрос, — привлек к себе внимание целитель. — Кто все это будет убирать? На меня не смотрите. Я и так каждый день полы драю.

— Знаете, у меня там заказ недоделанный лежит. Утром в лавку нести надо. Так что я пошел, — тут же ретировался Финист.

Эглаборг последовал его примеру, а только что обретший имя кот отправился добывать спешно отступающих грызунов.

Николя с Гердой остались одни. Обреченно переглянувшись, спустились вниз за водой и тряпками. Убирать крысиные трупы и отмывать коридор от крови и кишок пришлось не меньше двух часов. Была уже глубокая ночь, когда они закончили и устало уселись на влажном полу друг напротив друга.

— Час от часу не легче, — тяжело вздохнул Николая. — Теперь придется выяснять, кто крыс зачаровал.

— Думаете, снова демон? — участливо спросила Герда.

— Угу. Знать бы еще, какой. Есть предположения?

— Почему вы у меня спрашиваете?

— Так ты же, небось, уже всю мою библиотеку перечитать успела. Вот и скажи, не было ли там ничего похожего?

— Вроде, нет. В смысле, крыс часто для черной ворожбы используют.

Николя досадливо поджал губы и откинулся спиной к стене.

— Кстати о книгах, вы говорили, что сможете выписать в Дюарле парочку. Я тут список составила, — Герда достала из-за пазухи сложенный в несколько раз лист и вручила Охотнику.

Николя бегло проглядел его и ошалело присвистнул:

— Ну и запросы у тебя. Половину этих книг во всем Мидгарде не сыщешь, а чтобы добыть вторую, придется ограбить главное книгохранилище Защитников Паствы в Эскендерии.

Снова стало стыдно. Герда почувствовала, как вспыхнули торчавшие из-под короткой прически уши.

— Простите. Наверное, я действительно очень глупая.

— Ты не глупая. Просто в книгах пишут далеко не обо всем, — тепло улыбнулся Николая, поднялся с пола и подал ей руку. — Кое-что приходится постигать на собственном горьком опыте. Идем, думаю, у меня найдется то, что тебе нужно.

Он привел ее в свой кабинет и достал из шкафа небольшой кованый сундучок, запертый на увесистый замок, ключ от которого Николая носил на шее. Охотник неспешно отпер тайничок, и Герда, не сдержав любопытства, заглянула внутрь. Вещей там оказалось не так много: две старинные книги, компас, увесистая золотая цепь с гербовой подвеской, которую



раньше носили приближенные к верхушке власти аристократы, запечатанный воском пузырек с зелеными чернилами и на самом дне вывернутая наизнанку подушка, покрытая белыми перьями. По крайней мере, так показалось на первый взгляд.

Николя достал верхнюю книгу и вручил Герде, а сам быстро запер замок и спрятал сундук обратно, словно опасаясь, что его могут увидеть посторонние. Очень хотелось расспросить про остальные вещи, но она не решилась, ясно осознавая, что Николя не ответит. Можно было бы прочесть его мысли... но Герда так и не научилась этого делать. Поэтому пришлось довольствоваться книгой. Не дожидаясь, пока Николя начнет объяснять, открыла ее сама. В глаза тут же бросилось выведенная в верхнем углу филигранным почерком дарственная надпись:

“Лучшему ученику, которого только можно пожелать

С благодарностью за неоценимую помощь и с наилучшими пожеланиями

От того, кто так и не смог стать достойным тебя учителем.

Прости, что подвел. Не держи зла. Да прибудет с тобой Западный Ветер”.

Под надписью стояла странная подпись из перекрещивающихся черточек разных размеров. Герда задумчиво хмыкнула. О подобных символах говорилось что-то в трактатах восточных мудрецов, но она не запомнила, что именно. Не посчитала важным — тогда ее интересовала исключительно способность читать мысли.

— Это — книга мудрости Храма Ветров, который находится на Островах Алого восхода. Я учился там несколько лет, пока... пока всех не подвел, и меня оттуда выгнали.

— Но тут сказано... — нахмурилась Герда, еще раз внимательно вчитываясь в строки дарственной надписи.

— Не важно. Эта книга уникальна. В ней рассказывается о дарах ветра такое, чего не знали даже самые сильные Стражи по эту сторону Молочного океана. В первой части больше о телекинезе и использовании его во время битв, поэтому, боюсь, она будет тебе не так интересна, как вторая, в которой много говорится о телепатических техниках чтения мыслей, управлении разумом и способах защиты от этого.

Герда с восхищением разглядывала подарок со всех сторон. Надо же, с легендарных восточных островов, где мало кому из мидгардцев доводилось бывать. Если уж эта книга не поможет научиться пользоваться даром, то ничто не поможет.

— Не знаю даже... — она не находила слов, чтобы отблагодарить, но Николя сам ее оборвал.

— Не стоит. Я ее практически наизусть знаю, а кроме тебя вряд ли кто оценит ее по достоинству. Так что бери, пользуйся на здоровье, удовлетворяй тягу к знаниям. Я рад, что Финисту удалось ее разжечь. У меня, сколько я не бился, так ничего и не вышло.

Но ведь для Николя она явно значит намного больше, чем просто полезная книга — дорогое воспоминание о прошлом, подарок от учителя. Неужели он готов расстаться с ней ради Герды?

Не дождавшись ответа, Николя заговорил снова:

— Уже поздно. Иди спать. Думаю, кое-что из твоего списка, не связанное с телепатией, удастся достать. Книги привезут со следующим кораблем из Дюарля. Ступай.

— А как же вы? — не сдержалась Герда, видя, что Охотник устраивается за столом.

— У меня еще отчет для Компании и твой список, — невесело напомнил Николя. — Голубя надо завтра на рассвете отправить, иначе и выговор схлопочу, и книги выписать не успеем.

— А ваш друг ничего не ответил по поводу моей просьбы?

— Пока нет. Но это ничего не значит. Доступ в довоенные архивы получить не так легко. Как только что-то станет известно, я сразу сообщу.

— Спасибо, я...

— Ступай.

— Только не засиживайтесь допоздна. У вас уже темные круги под глазами.

— Ступай. Я лягу, как только закончу письмо. Это не должно занять много времени.

— Обещаете?

— Да. Ну, ступай же!

Герда печально улыбнулась, видя, что ничего сделать не может, и, пожелав Охотнику спокойной ночи, отправилась к себе.

### ==== Глава 31. ...И капелька ревности =====

Рыжий котяра, прозванный с легкой руки Герды Шквалом, оказался на диво хитрым животным. Он полностью оправдал предрассудки, связанные с его окрасом, и быстро прижился в доме. Мгновенно сообразив, за что его прикармливают, он с первого дня начал отлавливать забившихся в укромные места грызунов, приносить в кабинет Николая и душить с самым свирепым видом. Охотнику эти представления не слишком нравились, тем более что после публичной казни есть крыс котяра отказывался. Николай приходилось самому выкидывать трупы.

С Финистом Шквал предпочитал не связываться и, завидев его, быстро отступал по направлению к библиотеке, куда оборотень заглядывал очень редко. К Майли относился настороженно, Вожыка и вовсе не замечал, а к Эглаборгу приставал, лишь когда тот возился на кухне. Спать Шквал предпочитал у Герды на постели и вообще всячески благоволил, подлизывался, вился вокруг ног. Когда она допоздна засиживалась в библиотеке, забирался на колени и начинал громко мурлыкать, отвлекая от чтения. И Герда с удовольствием чесала его за ушком и представляла, что когда-нибудь также будет держать на руках того, другого Шквала, по которому так сильно тосковала.

Книга Николая действительно оказалась бесценной. Хотя то, что там было написано, встречалось и в других местах, здесь оно объяснялось проще, детальней, выстраивалось в стройную систему. Содержание последующей главы нанизывалось на то, что рассказывалось в предыдущей, как бусины на ниточку. Благодаря этому Герда начала понимать, чему ее пытался научить Николай. Зачем в действительности понадобилось выравнивать дыхание, слушать ветер и сидеть неподвижно, в тягостном молчании, созерцать пустоту, концентрироваться лишь на биении собственного сердца. И почему Охотник все время стремился выбить ее из равновесия. Почему хотел, чтобы она научилась подражать его действиям. И расслабляться. Теперь все его поступки казались такими правильными, продиктованными лишь необходимостью ее обучить, а не обидеть. Но она не послушала и подвела...

Нет, Финист тоже умел учить, но он действовал в лоб, напрямую, без особой подготовки. Поэтому так сложно было выполнять его задания — с наскока, вслепую. Вот со стратегией книга и должна помочь.

Очень полезной оказалась глава, где рассказывалось, как можно по своему желанию открываться и закрываться для чужих мыслей. Там говорилось, что легче всего люди

поддаются телепатии тогда, когда возбуждены или взволнованы. Именно в такие моменты их мысли слышны четче всего.

Когда смотришь в глаза человека, для тебя приоткрывается дверь в мир его потаенных страстей. Проникаешь в его голову и летишь по мысленным тоннелям, как по горкам на санках. Чтобы остановиться, достаточно схватиться за краешек нужной мысли, выловить и тут же отвести взгляд, дабы не заблудиться в дебрях чужих помыслов.

Теперь у Герды получалось заглядывать в чужие мысли не только после тренировок с Финистом. Впрочем, легче от этого не становилось. Каждый раз влезая кому-то в голову, она чувствовала себя как тогда, когда случайно подсмотрела интимную сцену между Майли и Финистом. Ужасно гадко, что она без ведома друзей выведывает их сокровенные секреты, раз за разом предавая доверие. Но остановиться не могла. Уж очень хотелось проникнуть в тайные замыслы Николая, который вновь погрузился в собственные заботы и отдалился. Как Герда не старалась, преодолеть скрывающую его помыслы каменную стену не выходило.

Стало совсем тоскливо: занятия с Финистом казались невероятно однообразными, от чтения и самостоятельной работы гудела голова. Хотелось вырваться из всего этого... на свободу. Вновь почувствовать запах дальних странствий, как это было во время похода. Или хотя бы прогуляться по такой родной и такой далекой Дикой пуше.

Финист никогда не заставлял ее сидеть дома затворницей. Даже наоборот, сам предлагал сходить в город или проехаться на лошадях клесу и обратно. Но его общество тяготило. Чем дальше приходилось выслушивать комплименты и объяснения в любви, тем сильнее становилось раздражение. Главное, она не раз уже пыталась растолковать, что он для нее лишь друг и никогда не станет чем-то большим, но в такие моменты он словно терял слух и начинал горячее убеждать ее в искренности своих чувств.

Весна, между тем, полностью вступила в свои права: день стал длиннее, а небо выше. Начало припекать по-молодецки крепкое солнце, растопив побуревшие снега на полях. По мерзлой еще земле зажурчали ручьи, разбили ледяные оковы рек и озер, стремясь освободить их от зимнего гнета. Вода неслась с гор бурными потоками, затапливала низины, мстя за столь долгий плен в ленивых снегах. На деревьях набухали первые почки. Передавая последние сплетни, деловито гомонили возвращающиеся с зимовий птицы. Жизнь пробуждалась повсюду: суежилась, бежала вперед, не давала покоя.

В эту ночь Герда долго не могла уснуть. Сомкнула глаза уже под утро всего на пару часов и проснулась с рассветом, чувствуя, как внутри бродит хмельной весенний сок, наполняющий пьяной бодростью. Решив, что снова заснуть вряд ли удастся, она встала. Надела штаны с рубахой и жилеткой, которые Герда по обыкновению предпочитала носить во время долгих прогулок и вообще любила гораздо больше платьев и юбок. В женской одежде она почему-то чувствовала себя более неуверенной и уязвимой. Женская сила в красоте, а той, у которой ее не достает, лучше притвориться мужчиной, чтобы не сожалеть раз за разом о своей ущербности.

Тихонько, чтобы никого не разбудить, вышла на улицу. Утро выдалось промозглым. Весеннее солнце не успело разогнать холод, оставшийся после ночных заморозков. Лужи во дворе покрылись тоненькой прозрачной коркой, а землю белесым ковром устлала изморозь. Герда поплотнее закуталась в теплый плащ и пошла прочь от дома. Двигалась наугад, не следя за дорогой, туда, куда несли ноги, все глубже погружаясь в мрачные мысли. Очнулась только через полчаса, когда с удивлением обнаружила себя посреди лесной тропы, за изгибом которой ощущались чужие ауры. «Демоны?» — мелькнула в голове шальная

догадка. Присмотрелась внимательней, прислушалась и вдруг узнала в одной из аур красно-оранжевые огненные всполохи. Неужели Вожык? Но что он делает в такое время посреди леса неизвестно с кем? Герда прибавила шагу. Из-за поворота показался невысокий пригорок, на вершине которого виднелись три силуэта.

— Вожык? — неуверенно позвала она.

— Герда, это ты? Иди к нам! — помахала одна из фигур.

Герда спешно поднялась наверх, где повстречала троих мальчишек: Вожыка, Лейфа и его темноволосого друга, чьего имени она не знала. Пирокинетик сразу бросился к ней на шею. Видно, очень соскучился. Стало немного совестно. Со своими проблемами Герда совсем про него забыла.

— Мы как раз про тебя говорили, — улыбаясь, сообщил Вожык.

— Да? — Герда удивленно хмыкнула. Никогда не считала себя достаточно интересной личностью, чтобы о ней можно было говорить, тем более десятилетним мальчишкам. Она не стала над этим долго раздумывать и поспешила спросить: — А что вы здесь делаете?

— Мастер Николя обещал научить нас фехтовать. Привел сюда и велел ждать, а сам отправился за оружием, — охотно похвастался чернявый мальчишка. — Обещал скоро вернуться.

— Вон он идет! — помахал рукой в сторону березняка Лейф.

Герда присмотрелась и увидела, как высокий мужчина с четырьмя перекинутыми через плечо палками бодро шагает между деревьями по направлению к пригорку.

— О, привет! Не думал встретить тебя в такую рань, — поравнявшись с ней, как всегда учтиво поздоровался Охотник.

— Мне не спалось, — пожалала плечами Герда, не зная, что еще сказать.

— Хочешь посмотреть, как я буду их учить? — лукаво усмехнулся Николя.

— А ей незачем смотреть. Она и так все знает. Герда учила меня драться, пока мы были в походе. А ее обучал Финист. Она была его лучшей ученицей! — принялся восхвалять ее Вожык.

Герда сжала зубы. Да что же он такое говорит? Она ведь всего-то научила его, как правильно палку держать и замах делать, а больше ничего сама не умела. Нет, она очень сожалела, что Финист бросил затею научить ее защищать себя. У него это получалось гораздо лучше, чем с даром.

— Да? — воскликнул Николя с наигранным удивлением. — Что ж, тогда пусть покажет свое мастерство. Вы согласны?

— Да! Да! — хором закричали мальчишки.

Герда вздрогнула. Он же не мог воспринять слова Вожыка всерьез или мог?

— Вожык преувеличивает, я не... — попыталась отговориться Герда.

— Ты что трусишь? — Охотник продолжал премерзко улыбаться.

— Я?! Никогда! — взъярилась Герда, понимая, что он просто потешается. Сейчас она сотрет эту самоуверенную ухмылку с его лица, пусть даже это будет стоить ей жизни!

Она выхватила из его рук палку, бросила взбешенный взгляд исподлобья и, не дожидаясь сигнала, замахнулась. Оружие со свистом рассекло воздух, но по цели не попало — Николя легко увернулся, словно ожидал удара. Неудача распалила еще больше. В висках бешено застучала кровь. Хотелось задеть его любой ценой, хотя бы раз. Возможно, тогда он воспримет ее всерьез. Герда бросилась в атаку, изо всех сил стараясь нанести удар по противнику, но ничего не выходило. Охотник увертывался слишком быстро. Преимущество

было безвозвратно потеряно: улучив момент, Никола подхватил собственную палку и начал отбиваться. Удары нарочито слабые. Он щадил ее, и это бесило еще больше. В голове как будто что-то щелкнуло, и весь мир окунулся в алое марево. Герда стиснула зубы. Палка в руках затанцевала еще стремительней, еще яростнее, так что хрустели суставы и больно вздувались мышцы на руках.

Герда заметила, как аура Охотника вспыхнула и окутала его оружие. Он что усиливает свои удары телекинезом?! Отражение сработало быстрее, чем Герда успела подумать: от отдачи Никола даже немного покачнулся на ногах, стараясь сохранить равновесие.

— Вот вам. Будете знать, как пользоваться нечестными приемами! — выкрикнула она, радуясь маленькой победе.

— Уж кому бы говорить о честности, — резонно заметил он, перехватывая палку другой рукой. Сдаваться так легко Никола не собирался. Теперь он использовал телекинез постоянно, и Герде уже вполне осознанно приходилось отражать его.

Силы истощались, дыхание сделалось тяжелым, а движения вялыми. Несколько ударов пришлось по плечам и ногам. С отчаянием пришло осознание, что ей не выстоять. Она вот-вот проиграет! Не от боли или пропущенного удара — просто упадет без сил.

Герда замерла. Никола тоже остановился, пристально наблюдая. Она швырнула палку на землю и бросилась на него. Никола лишь успел обхватить ее руками прежде, чем они вместе покатались по склону. Остановились только у подножия, перемазанные и основательно побитые. По счастливой случайности Герда оказалась сверху. Не теряя ни мгновения, она вцепилась руками в горло распластанного под ней мужчины и, совершенно не помня себя, закричала:

— Сдавайтесь! Я победила!

Из горла Никола вырвался странный гортанный звук, а потом он засмеялся! От нахлынувшей злости стало трудно дышать. Герда крепче сжала горло противника и пересела, выбирая положение, с которого душить было удобней. Смеяться наглец тут же прекратил и едва слышно застонал, глядя на нее совершенно пустыми, остекленевшим глазами.

— Сдавайтесь, слышите?! — Герда нахмурилась, силясь понять, на что он так реагирует, и снова попыталась занять более удобное положение. Бокон наткнулась на что-то твердое, должно быть, рукоять кинжала. Вот что заставит его воспринять ее всерьез!

— Сдавайтесь!

Продолжая держать одну руку на горле, Герда потянулась за обнаруженным на поясе оружием. Никола молниеносным движением перехватил ее запястье.

— Хватит, — сказал он неожиданно резко. — Какой мы пример подаем детям?

Герда вздрогнула и отпрянула. В самом деле, она только что скакала на нем верхом, как... О, нет!!!

— Простите меня, я... — от стыда закрыла лицо руками.

— Ничего страшного. Ступай к мальчишкам, — поспешил успокоить ее Никола, поднимаясь и отряхивая с себя грязь.

— А как же вы?

— Мне нужно еще пару минут. Ступай.

— Зачем? У вас точно все в порядке? Ничего не ударили? Давайте, я посмотрю, — Герда коснулась его слегка поцарапанной во время падения ключицы.

Никола отпрянул и рывкнул так, что Герда чуть не подпрыгнула.

— Нет! Просто дай мне пару минут. Ступай же!

Герда с досадой всплеснула руками и поплелась вверх по склону туда, где ее ждали мальчишки. Сейчас она все готова была отдать, лишь бы понять, о чем он думает и почему так себя ведет.

И что только на нее нашло? Напала без предупреждения, а потом еще с ног сбила, пыталась придушить и оказалась в глупом двусмысленном положении! Нет, Николая должен понимать, что это случайность. Просто хотелось доказать, что она тоже на что-то способна. А Николай так разозлился! Как от зачумленной шарахался. Наверное, решил, что она в который раз пытается его соблазнить... Изнасиловать! Ужасно!

Как только Герда показалась на вершине пригорка, мальчишки дружно начали хлопать в ладоши.

— Здорового ты его! — воодушевленно крикнул Лейф.

— Да, уверен, что мастеру Николаю еще ни разу проигрывать схватку вот так не приходилось, — поддержал темноволосый.

Только Вожык смотрел на нее с сочувствием.

— Прости. Я не думал, что все так получится, — сокрушался он.

Герда ласково погладила его по голове.

— Ты ни в чем не виноват. Это я повела себя, как ребенок, — тяжело вздохнула она, наблюдая, как Николай поднимается по склону с новыми палками.

— Что ж, время демонстраций закончилось. Теперь перейдем к практике, — уже совершенно спокойным голосом заявил он и раздал мальчишкам «оружие», а последнюю палку вручил Герде.

— Будешь парой для Вожыка, — ответил на ее недоуменный взгляд. — У тебя есть задор и настойчивость. Это хорошо. Техники и ловкости, правда, не хватает. Но это придет со временем, если будешь постоянно тренироваться. Так ты хочешь заниматься с нами?

— Я бы с удовольствием, но... — Герда замялась. — Мне стыдно. Я так неприлично себя вела...

Николай снова громко рассмеялся.

— Что смешного? — обескуражено и даже немного обиженно спросила Герда. Она тут душу изливает, а ему весело!

Охотник замолчал и лукаво прищурился:

— Ничего. Просто не ожидал, что ты так легко сможешь обернуть мою тактику против меня самого.

Герда удивленно открыла рот.

— Найти слабое место и ударить по нему, — любезно пояснил Николай. — Молодец!

— Вы, правда, не злитесь? — все еще с недоверием переспросила Герда.

Николай покачал головой и озорно подмигнул:

— Только не делай так больше. Это может быть опасно, если ты не готова к последствиям.

Герда потупилась, все еще не до конца понимая, что он имеет в виду.

Так она начала учиться фехтованию вместе с мальчишками. Печали как-то разом забылись — так легко и весело проходили занятия. Не имели значения ни назойливые ухаживания Финиста, ни вечно мрачная Майли. Все существование заполнилось томительным ожиданием утренних часов, когда Герда отправлялась на заветную поляну, чтобы до седьмого пота отрабатывать с мальчишками разные удары. И хоть не все получалось с первого раза, а Николай был все также придирчив и скуп на похвалу, она

радовалась просто тому, что он посчитал ее достойной обучаться фехтованию. Иногда казалось, что его взгляд потеплел, а на устах нет-нет, да мелькала едва заметная улыбка, когда он наблюдал, как она старательно разучивает новые приемы. Возможно ли? Или только кажется, ведь она так сильно этого желает. Если бы она смогла прочесть его мысли, то знала бы наверняка. А так даже спросить страшно. Вдруг она заблуждается, и он посмеется над ее дурацкими надеждами. Да нет, это не в его духе. Просто велит не думать о глупостях и посмотрит исподлобья, так протяжно и разочарованно, что все внутри оборвется. Лучше вообще ничего не спрашивать. В конце концов она обязательно сможет прочесть его мысли и тогда все станет ясно.

\*\*\*

Финист заметил, что Герда начала меняться на глазах. Как-то разом повзрослела, стала более степенной, уверенной. Не смущалась от комплиментов, прекратила запирается у себя в каморке и допоздна засиживаться в библиотеке над книгами. Перемена обрадовала его, вселила решимость поговорить начистоту еще раз. Возможно, теперь она сможет его принять.

Финист выбрал подходящее время — в полдень после занятий, когда они прогуливались вдоль набережной, где бушевал по-весеннему игривый океан. Воздух пах соленой прохладой. В небесной выси пронзительно кричали белоснежные чайки. К причалу швартовался большой корабль. Туда-сюда сновали занятые своими делами прохожие. И только они с Гердой никуда не спешили, медленно брели, наслаждаясь играющим в волосах нежным бризом.

— Думаю, уже скоро, — заговорил Финист.

— Ты о чем? — рассеяно спросила Герда. Было видно, что мыслями она где-то очень далеко. И не с ним. Надо вернуть ее.

— Экзамен, забыла? Мы тут уже больше трех месяцев торчим. Обучение не должно длиться так долго. Уверен, скоро из Компании придет распоряжение, чтобы Охотник поторопился оценить ваши способности и выпустить в свободный полет. Да ты ведь и сама об этом думала. Решила, что хочешь делать дальше?

Герда медленно покачала головой, глядя куда-то вдаль, где океан сливался с небом в единое целое.

— Я вижу, тебе здесь очень нравится. Думаю, за лето я бы смог срубить домик на окраине, и мы поселились бы там вдвоем. Я бы вырезал поделки из дерева, а ты бы продавала их в городской лавке. Еще садик разбить можно, если захочешь, конечно. Заживем тихой спокойной жизнью. Как брат с сестрой. Обещаю, ни к чему принуждать не стану...

— Даже не начинай, — перебила его Герда.

От отчужденного ледяного взгляда пробирало до нитки. Словно сквозь ее глаза смотрел Охотник. Финист ошалело пробормотал:

— Я не...

— Разве ты не понимаешь, что ставишь меня в неловкое положение своими признаниями, на которые я никогда не смогу ответить? Нет, я не стану жить с тобой и не советую ждать, что мое сердце переменится. Ты для меня друг, возможно, лучший из тех, что у меня когда-либо были или еще будут. Но я не представляю наши отношения другими. Все эти объятия, попытки поцеловать — они не доставляют мне удовольствия. Они меня смущают и пугают. Прошу, не заставляй терпеть их больше. Я люблю тебя только как друга.

Руки против воли сжались в кулаки:

— Это из-за него? Из-за Охотника?

Ну почему его нельзя просто вызвать его на поединок? Сбить кулаками все его высокомерие и получить, наконец, вожаденную награду. Хоть один благосклонный взгляд!

— Да причем здесь?.. — возмутилась Герда. — Дело не в тебе и даже не в мастере Николая. Сомневаюсь, что вообще способна испытывать те чувства, которых ты хочешь добиться. Возможно, любовь, отношения, совместная жизнь не для меня. Я одиночка. Всю жизнь была такой. Мне так легче.

— Видно, зря я надеялся, что ты хоть немного повзрослела, — Финист разочарованно вздохнул. — Этот мир слишком суров. Люди не выживают поодиночке. Когда-нибудь тебе придется сделать выбор. Думаю, ты и сама прекрасно это понимаешь. И еще я не слепой. Я прекрасно вижу, как ты смотришь на Николая, и слышу, с каким трепетом произносишь его имя. Лучше не лги мне.

— Да, он мне нравится. Доволен? — зло выкрикнула Герда.

— Нет! Как же ты не понимаешь, что Охотник — не тот человек, с которым стоит связываться. Он как шквал, как ураган сметает все на своем пути. И ты рискуешь оказаться в его центре.

— Ты сам ничего о нем не знаешь. Да и какая разница? Он все равно не обращает на меня внимания, как и на остальных девушек, — Герда отвернулась. Финист с запоздалым сожалением наблюдал, как трясутся от рыданий ее плечи, а потом не выдержал и обнял сзади.

— Прости. Я не хотел тебя расстраивать. Хочешь, пройдемся дальше по берегу. Я нашел уединенную бухточку. Там очень красиво, особенно во время заката. Уверен, тебе понравится.

— Нет, лучше домой, — вытирая глаза, ответила Герда.

— Тогда в другой раз, — не стал настаивать Финист.

\*\*\*

Последние несколько недель после Остары повергли Майли в отчаяние. Лучше бы она не танцевала с Финистом на празднике, не видела, как он украдкой бросает на другую вожаденные взгляды, надеясь умиловить ее сердце. Понятно было, что стоит Герде хоть чуть-чуть поманить, как он тут же пренебрежет нежеланной партнершей и побежит к своей ненаглядной про... да не такой уж простушке. Если приглядеться повнимательней, сразу ясно, что она совсем не такая, какой пытается казаться. Одним мужчиной крутит, как хочет, а сама на другого поглядывает. Вертихвостка! Ну, ничего, Майли еще воздаст ей по заслугам и Финиста вернет. Все одним махом.

В монастыре старшие послушницы часто шептались о приворотном зелье. Да, подобные колдовские трюки считались противными воле Единого, но для девушек это было лишь безобидной шалостью. Кому может навредить маленькая женская хитрость, говорили они. Майли она безобидной не казалось, но рецепт все же запомнила. Вдруг и ее когда приворожить захотят, а она зелье-то и распознает. Так было раньше, до того, как она узнала, что сама — колдовское отродье.

«Они говорят, прими себя такой, какая ты есть, забудь о том, чему учили единоверцы. Теперь я часть их неверного демонического мира. Значит, вполне могу воспользоваться колдовским средством. Хуже в глазах Единого уже вряд ли стану».

Так созрел план. Она не думала использовать зелье на Финисте. Хотелось, чтобы его любовь была искренней, а не навеянной обманной ворожкой. Но тут можно было схитрить



по-другому, заставить его ревновать. Он, небось, думает, что она замухрышка и никому не нужна. Но если Финист увидит, что тот, кого он и так считает соперником, ухаживает за ней и она отвечает взаимностью, то это наверняка заденет гордость оборотня. А как расстроится эта зазнайка с короткими волосами! Она ведь уже больше трех месяцев Охотнику глазки строит. Чуть не плакала, когда он отказался ее учить.

Надо сказать, что мастер Николя относился к Майли куда лучше Финиста, был более уравновешен, терпелив. Он буквально заражал своим спокойствием и уверенностью. И не раздражался, когда она переспрашивала или не могла с первого раза выполнить задание. Разговаривал вежливо и никогда-никогда не напоминал, что натворил ее отец. В Охотника вполне можно было влюбиться. Наверное, так бы и произошло, не встреть она Финиста раньше. Но, наверное, оно и к лучшему. Мастер Николя слишком отчужденный и холодный. Долг для него всегда будет на первом месте, да и ремесло далеко не самое спокойное. Вряд ли такие, как он, долго на этом берегу задерживаются. Только за время, что они в Упсале провели, он раза два или три чуть не погиб. Когда-нибудь ему перестанет везти, и тогда всю жизнь вдовой в черных одеждах ходить придется. Нет уж, не по ней это. Зато его вполне можно использовать.

Майли полностью восстановила рецепт зелья и с тщательностью, которой бы позавидовал даже Эглаборг, приготовила его. Конечно, она не могла до конца предсказать, насколько сильно подействует приворот и сколько будет длиться. Майли надеялась, что недолго. Одного раза столкнуть его лбом с Финистом было бы вполне достаточно, но находиться между двух огней совершенно не хотелось. Майли добавила всего пять капель в чашку с отваром и поставила на серебряный поднос вместе с пирожками.

Охотник уже ждал в гостиной. Он сидел на диване и, склонив голову, усиленно массируя виски. Видно, голова снова разболелась. Ничего удивительного, ведь он так мало спит.

— Мастер Николя, я для вас сюрприз приготовила, — самым радушным тоном, на который только была способна, проворковала Майли.

Охотник удивленно уставился на поднос.

— Вы столько для нас делаете. Ночей не досыпаете, головной болью мучаетесь, а никто вас даже поблагодарить не додумался. Поэтому я решила за всех сказать спасибо сама. Вот, — она протянула ему поднос.

— Очень приятно, конечно, но не стоило так беспокоиться, — несколько обескуражено ответил Николя, взял чашку и начал греть стынущие руки.

— Пейте, не стесняйтесь.

Вдруг накатило волнение. Вот-вот все случится. Почему он медлит? Охотник задумчиво провел пальцем по краю чашки и вдохнул исходивший от отвара горячий аромат. Майли передернула плечами. Он не мог догадаться, не мог!

— Что это? — спокойно, но вместе с тем очень напряженно спросил Николя, отставляя чашку в сторону.

— Отвар. Его Эглаборг готовил. А я только пирожки, — она съежилась под тяжелым взглядом.

— А если я у него спрошу?

Майли поджала губы и опустила глаза, боясь отвечать.

— Дорогая моя ученица, ты знаешь о том, что я довольно долго жил в Дюарле и часто бывал на приемах в королевском дворце?

Майли отрицательно покачала головой, не понимая, куда он клонит.

— Среди придворных дам одно время было очень модно опаивать приглянувшихся мужчин самодельными приворотными зельями.

Майли испуганно дернулась, но Охотник схватил ее за руку и заставил вернуться на место.

— Любовь они вызывали редко, но вот зато отравление — почти всегда. Так это и есть твоя благодарность?

Майли сглотнула, осознавая, какую глупость совершила. Сейчас он просто вышвырнет ее на улицу, или еще хуже, расскажет всем, или... убьет и прикопает где-нибудь. Это он только с виду тихий, а в глазах вон какая темень блуждает!

— Съешьте пирожок. Он вкусный, — затараторила она, отчаянно пытаюсь найти выход из щекотливой ситуации.

— А он с чем? С крысиным ядом? — зло спросил Николя.

Майли вымученно улыбнулась и покачала головой.

— С малиновым вареньем. Простите, я... — она собралась с духом, перебирая в голове, как лучше оправдать свою промашку. Влюбленных простушек не бьют. По крайней мере, он не должен. — Я просто не знала, как завоевать ваше расположение. Вы такой сильный и благородный. Я влюбилась в вас с первого взгляда. И когда вы стали меня учить, я понадеялась на взаимность. Но вы молчали. Я думала, что наваждение пройдет, но чем дольше мы общались, тем сильнее я мучилась, убеждаясь, какой вы замечательный. Я не выдержала этой пытки и поддалась отчаянию, каюсь. Подруга посоветовала напоить вас приворотным зельем, вот я и решилась на эту глупость. Простите!

— К-какая подруга? — прервал заунывный монолог Николя, подозрительно сузив глаза.

— Герда. Разве у меня есть другая подруга? — Майли решила, если уж врать, то напропалую. Охотник скептически хмыкнул. Она сделала вид, что не заметила и продолжила свою патетичную речь: — Герда испробовала это зелье на Финисте, и теперь он бежит за ней, как привязанный.

— По-моему, он и раньше за ней бегал... — продолжал сомневаться Николя.

— Да? Не замечала, — играла в невинность Майли. — Ну да это и не важно! Просто я.. моя любовь к вам, такому благородному и доброму, оказалась сильнее здравого смысла. Сильнее всего. О, я так вас люблю!

Майли аж подвыла от усердия. Николя скривился, словно варенье в пирожке давно скисло.

— Не надо меня любить. Я совсем не благородный, и уж точно не добрый, а скучный и угрюмый, и вообще не слишком охоч до женских ласк.

Майли удивленно моргнула:

— О, извините, я даже подумать не могла, что у вас такие пристрастия.

— Что? — сдвинул брови Охотник.

В коридоре громко заскрипела дверь. Похоже, пришла пора действовать решительно и не полагаться на сомнительное колдовское средство. В конце концов, какая разница, что ему девушки не нравятся. Главное, чтобы Финист приревновал. Для этого и маленькой хитрости будет достаточно.

Как только «долгожданные» гости показались в дверном проеме, Майли развернула Николя к ним спиной, не дав ему разглядеть их. Она обхватила его голову руками и поцеловала в чуть приоткрытые от удивления губы, слизывая с них остатки сладкого

варенья. Боковым зрением с ликованием заметила, как серые глаза одного из невольных свидетелей стали непомерно большими и заблестели, а желтые презрительно сощурились.

Финист шепнул что-то Герде на ухо. Она резко отпихнула его в сторону и в слезах бросилась прочь. Оборотень помчался следом. И как раз вовремя, потому что Николая уже успел отойти от шока и грубо столкнул Майли с собственных колен. Тут же оглянулся на дверь, но не успел никого заметить.

— Какого демона ты творишь?! — закричал он, растеряв все свое хваленое самообладание. Из уголка его рта тонкой алой струйкой стекало малиновое варенье, оно же было щедро размазано по рубашке и брюкам, да и по платью Майли тоже — от неожиданности Николая выронил пирожок, и жидкая начинка пролилась на одежду.

— Извините, просто хотела проверить, насколько вам безразличны девушки, — как ни в чем не бывало прощбетала Майли, ни чувствуя даже капли раскаяния.

— И как? — растерянно спросил Николая, занятый поиском того, обо что бы можно было вытереть липкие руки и лицо.

— Абсолютно безразличны, — печально развела она руками.

— Ну, вот и прекрасно, — сказал Николая, обнаружив нечто отдаленно напоминавшее полотенце на одном из стульев у стены.

Снова заскрипела входная дверь. Майли и Николая одновременно напряглись. На пороге показался сильно осунувшийся, но все такой же улыбчивый Асгрим.

— О, так я не вовремя? — не сдержал ехидства Дану, обозревая непотребный вид своего друга.

— Ты без стука, — мрачно ответил Николая, продолжая вытираться.

— Я всегда без стука, — легко согласился Асгрим, а потом выразительно глянул на раскрасневшуюся Майли. — Только вернулся от троллей. Спешил рассказать последние новости, но, похоже, ты занят. Я могу зайти попозже. Прошу простить мое бестактное вторжение, госпожа.

Асгрим низко поклонился и галантно поцеловал руку Майли, отчего она просто расцвела.

— Подожди меня на улице. Переоденусь и выйду, — раздраженно бросил Николая и повернулся к Майли: — Мы еще поговорим насчет твоего поведения.

Она вымученно улыбнулась. Убивать ее явно не собирались, а остальное было совсем неважно, потому что Финист видел, как ее целовал другой.

\*\*\*

— Какие у вас тут страсти, однако, — продолжал потешаться Асгрим, когда Николая встретился с ним во дворе.

— Прекрати паясничать. Говори, зачем пришел, — раздраженно прошипел Охотник.

— Не злись. Просто я думал, тебе светленькая больше нравится, — не унимался Дану.

— А ты не думай. У тебя плохо получается, — поддел его Николая в отместку. — Что там с троллями?

— Да ничего хорошего. Больно скрытные. С трудом нашли их лагерь далеко в горах на северо-востоке отсюда. Странно ведут себя. Переполошились невесть из-за чего. Чуть ли не до междоусобицы дошло. Часть захотела искать какого-то покровителя в океане. Мол, мы демоны, значит, нас там примут с распростертыми объятиями, достаточно будет лишь признать их власть и подкрепить клятву верности каким-нибудь подношением.

— А вторая часть?

— Перепугалась до смерти и хотела тайными тропами идти на юго-восток в долину Агарты. Думают, что там можно спокойно переждать бурю или хотя бы отсидеться — туда беда в последнюю очередь придет.

— Хотелось бы и мне там отсидеться, — задумчиво изрек Николя, прогрузившись в давние воспоминания. — Что могло их так напугать?

Асгрим пожал плечами и перевел взгляд на север, где за Утгардским плато высились вечные льды Хельхейма.

— Червоточина, — наконец, выдвинул он предположение.

— Она существует испокон веков. Ничего не изменилось. Или я чего-то не знаю?

Асгрим пожал плечами.

— Нужно поговорить с твоей женой, — сказал Николя. — Идем, по дороге расскажешь остальные новости. Лишь бы Эйтайни снизошла до откровенного разговора. В прошлый раз мы сильно повздорили.

Асгрим безнадежно покачал головой: не хуже Николя знал, что у жены колдовские тайны выпытывать бесполезно. Но все же повел его ко дворцу под холмами, пересказывая на ходу подробности похода во владения троллей.

\*\*\*

Финисту удалось догнать Герду, когда она уже покинула усадьбу Охотника и быстрым шагом направилась к видневшемуся вдали лесу.

— погоди! — оборотень схватил ее за руку и повернул к себе. Герда невидяще уставилась на него заплаканными глазами. — Ты расстроилась из-за этого болвана? Право, не стоит. Я же говорил, он тебя недостоин.

— Пожалуйста, не надо об этом, — взмолилась она, пытаясь вырваться.

— Он не достоин ни единой твоей слезинки, — продолжал говорить, пытаясь ее успокоить, Финист. — Забудь о нем. Я буду тебя любить и никогда не предаю, если только ты согласишься. Я изменюсь, стану самым лучшим, таким, каким ты захочешь. Я все смогу. Я ведь уже научился читать и писать. Хочешь, мы вместе будем читать твои книги? Скажи, чего ты хочешь, и я все сделаю. Достать звезду с неба, переплыть океан, найти самый редкий цветок? Только скажи, разреши мне быть рядом с тобой, разреши любить тебя.

В отчаянии он притянул Герду к себе и крепко обнял за плечи. Она подняла сверкающие от слез глаза, но не смогла задержаться взглядом. Снова смотрела сквозь него, как будто он был для нее лишь пустым местом. Финист не выдержал: хорошенько встряхнул ее за плечи и хотел было поцеловать, но она поднесла к своему лицу ладонь, защищаясь.

— Пожалуйста, не надо, — повторила Герда гораздо более спокойным, отрешенным голосом. Только накатывавшие волной всхлипывания не могла сдержать. — Не надо ничего делать. Я не люблю тебя. И никогда не смогу полюбить. Предложи свои чувства той, которая их оценит.

Финист нахмурился.

— Майли. Ей твои признания гораздо нужнее, — подсказала Герда.

Оборотень закатил глаза.

— При чем здесь эта припадочная стерва?

— При том, что она тебя действительно любит.

— Ага, и еще полгорода вместе со мной. Она гуляющая. Ты же видела, как она только что вешалась на шею твоему Охотнику.

— Она сделала это от отчаяния. Разве ты не понимаешь? Она потеряла семью и дом,

осталась совсем одна, получила в наследство сводящий с ума дар, а человек, которому она открыла свое сердце, растоптал его.

— Да что я такого сделал? Поддался минутному порыву, с кем не бывает? Она же из платья выпрыгивала, чтобы только меня оседлать. Видно, в монастыре совсем захла без мужского внимания. Уверен, будь на моем месте другой, она бы точно также поспешила продемонстрировать ему свои прелести. Думаю, сейчас с Николя произошло то же самое. Ну, да я его все равно не оправдываю.

Герда напряженно выдохнула и отшатнулась, словно он ее ударил.

— Что ты такое говоришь! А если бы на ее месте была я? Если бы я поддалась минутному порыву, когда ты рассказывал о своей любви, тоже стала бы гулящей?

— Но ты же совсем другое дело. Ты...

Ну почему Герда всегда неправильно его понимает?! Он не имел в виду ничего такого!

— Кто я? Между мной и Майли на самом деле не такая уж большая разница. Просто она готова на все ради тебя, а для меня твоя любовь как кость в горле. Даже если бы не было Николя, я бы все равно с тобой не осталась. Хватит! Можешь передать ему, что я отказываюсь с тобой заниматься и заниматься вообще. Хотя не надо... я сама ему все скажу, а то вы еще подеретесь. Прощай!

Вырвавшись из его объятий, она не оборачиваясь побежала в сторону леса.

— Герда! — позвал Финист, но она не остановилась.

Он всплеснул руками от досады, но больше не стал ее преследовать. Вместо этого направился обратно к дому. Он уже и так сказал ей лишнего, а вот с Николя и Майли побеседовать стоило.

\*\*\*

Получасовой спуск по крутой петляющей винтовой лестнице в кромешной тьме. Ни дуновения ветерка в тяжелом спертom воздухе. Пробирающая до костей сырость. Николя терпеть не мог долгий черный путь во дворец Дану. По короткому белому, вдоль освещенных зеленоватыми кристаллами жилищ скотоводов и охотников, похожих на прогрызенные в подземной скале муравьиные норы, пускали лишь во время официальных приемов, чтобы лишний раз не раздражать склочный народец. Не любили они людей. Даже его, Охотника, терпели лишь по прихоти королевы, но в любой миг могли взбунтоваться и напасть. Опасный союзник, но лучше друг, чем враг.

Покои королевы находились в самом центре дворца: просторном, пробитом в скале водным потоком зале, сплошь испещренном колдовскими узорами со вставками зеленых факелов-кристаллов, на которых сушились пучки ароматных полевых растений. Пещерная затхлость перебивалась горьковатым запахом полыни и сладким медовым цветущего вереска. Кристаллы побольше наполняли семь больших круговых светильников на потолке, укутывая все помещение зыбкой, почти осязаемой изумрудной дымкой.

У дальней стены стояла приземистая кровать, застеленная мягким свежим мхом с вкраплением мелких лилово-розовых цветков. Чуть поодаль круглый резной столик из белого мрамора с пятью ажурными стульями и монументальный диван, укрытый толстыми овечьими шкурами.

Тоненькая фигурка королевы в летящем пурпурном платье замерла у исполинской чаши из мохового агата, наблюдая, как туда из едва заметной щели на потолке с мерным стуком капала вода. Не дождавшись приветствия, королева обернулась.

— Ну и что же вас задержало? — окинула гостей мягким кошачьим взглядом.

Не дав Николая произнести ни слова, Асгрим принялся живописать постыдную сценку, свидетелем которой он только что стал. Эйтайни не сдержалась и прыснула себе в кулак.

— Извини, но если бы ты женился или хотя бы просто за кем-то ухаживал, таких проблем не возникало бы, — уже с гораздо более серьезным видом заметила она.

Охотник скептически хмыкнул.

— По крайней мере, их бы стало меньше, — покачала головой королева. — Хотя, судя по тому, что мне рассказывал Эйсмунд, ты совсем не безнадежен.

— Со всем уважением, но у вашего сына слишком буйное воображение и длинный язык, — процедил сквозь зубы Николая. — К слову об Эйсмунде, я как раз опаздываю на занятия, поэтому не могли бы мы оставить мою ничем не примечательную личную жизнь в покое и перейти к более важным вопросам?

Эйтайни снова хихикнула себе в кулак. Асгрим же, как полагается суровому воину, разразился громким раскатистым хохотом. Николая скривился. “Хоть раз еще попроси прикрыть тебя перед женой, и тогда посмотрим, кто будет смеяться последним”. Заметив кислое выражение лица Охотника, Асгрим осекся и потупился.

— Вот донесения лазутчиков, если они чем-то помогут, — он протянул небольшую стопку бумаг.

Изучать документы пришлось довольно долго, но ничего нового выяснить не удалось.

— Все сходится к тому, что некоторое время назад тролли ощутили нечто, что испугало их и заставило сорваться с насиженных мест. Более того, это нечто раскололо общину на две половины, каждая из которых двинулась в противоположную сторону от другой. Причем, конечные цели обеих групп — червоточина Хельхейма и долина Агарты — весьма труднодоступны. Значит, они в отчаянии. Что могло ввергнуть в панику таких зловредных и сильных существ, как тролли? — рассуждал вслух Николая.

Асгрим оставил его наедине со своей женой, потому что о некоторых тайнах Эйтайни не стала бы говорить в его присутствии.

— Что-то еще более сильное и зловредное, чем тролли, — предположила королева Дану, хотя у Николая сложилось впечатление, что она прекрасно знает, о чем речь. — Червоточина?

— Нет, здесь что-то другое. Более осязаемое и изменчивое. Скажи, вы ведь должны чувствовать колебания сил не хуже троллей, особенно ты, королева и главная ворожея. Так что в них изменилось за последний год?

Эйтайни глубоко вздохнула, собираясь с мыслями:

— Ты же знаешь, мне не положено говорить об этом. Ты Страж, потомок Стражей, и должен чувствовать изменения не хуже меня. Попробуй найти ответ сам.

Охотник закрыл глаза, изо всех сил прислушиваясь к колебаниям едва заметной тени на грани сознания, а потом безнадежно покачал головой:

— Не знаю. Все как прежде. Я в стране демонов, в самом ее сердце, а совсем недалеко на севере червоточина, которая беспрестанно исторгает их в наш мир. Силы и стихии постоянно сталкиваются в непрерывной борьбе. Многоголосие хаоса — это все, что я ощущаю. И чем больше я живу здесь, тем сильнее становится этот хор, и тем сложнее отличить один нужный голос. Наверное, я теряю слух из-за того, что постоянно приходится слушать грохот.

Николя замолчал и сник. Эйтайни продолжала неотрывно смотреть на него, словно ожидая продолжения, но его не последовало.

— Ты очень близок к истине и все же очень далеко. Ты слишком сосредотачиваешься на своих способностях и страхах, поэтому не видишь. Что, если это не ты теряешь слух, а грохот становится громче? Что, если происходит это не только здесь, вблизи червоточины, но и во всем Мидгарде?

— Конец времен, да? — усмехнулся Николя. — И кто же его предвестники? Уж не Ловцы ли желаний, собирающие людские души по всему Мидгарду или, быть может, Защитники Паствы, развязавшие междоусобную войну и сжигающие собственных братьев по оружию на кострах? Что между ними общего?

— Не знаю, — повела плечами Эйтайни и отвернулась. — Но, если хочешь знать, то предвестники не они.

— Тогда кто?

Эйтайни вновь повернулась к агатовой чаше и принялась водить пальцем по скопившейся там воде, закручивая ее в спираль. Ворожея медленно входила в транс. Ее голова опускалась все ниже, ниже, пока подбородок не коснулся груди. На поверхность поднялась стая серебристых рыбок и помчалась за пальцем Дану. Откуда-то дохнуло свежим ветром, слышались едва различимые голоса, и на водной глади вырисовались таинственные темные силуэты.

Эйтайни подняла голову и, не открывая глаза, заговорила чужим, лишенным всякой интонации голосом:

— Последний отпрыск побочной ветви священного рода, что не должен жить. Сильнейший воин во всем Мидгарде, что должен умереть. Отверженный сын отверженного, что должен выжить, чтобы жили другие. Последний из видящих, что должен выбрать между тенью и светом. Мечтающий о любви, что должен отдаться ненависти и пробудить древнее проклятье. И спящий во льдах Небесный повелитель, что должен возродиться и спасти нас... либо погубить.

Николя передернул плечами, ощущая, как заволновалась внутри сущность Безликого.

“Чего же ты хочешь на самом деле? Спасти нас или погубить?”

Безликий молчал. Устало вздохнув, Николя уселся за стол и принялся записывать все на клочке бумаги, пока не успел забыть.

— Древнее пророчество твоего народа? — тихо спросил он, когда Эйтайни дернула головой и вынула руку из воды, выходя из трансa.

Серебристые рыбки тут же нырнули обратно в глубину, увлекая за собой таинственные силуэты. Ворожея печально улыбнулась:

— Не слишком древнее и уж точно не моего народа, но ничего лучше предложить не могу.

— Мне бы что-нибудь попроще и более приземленное, — сделал последнюю слабую попытку добиться помощи Охотник.

— Ищи крыс, — после долгих раздумий, посоветовала королева Дану.

Николя нахмурился, но переспрашивать не стал, понимая, что и так слишком злоупотребил ее расположением. К тому же, он уже давно должен быть в другом месте.

\*\*\*

Герда уже не помнила, сколько брела по лесу, не разбирая дороги, и размазывала по лицу горькие слезы. Успокоиться долго не получалось. Случайно выйдя на пригорок, где Николя учил ее и мальчишек драться на палках, она подняла взгляд к небу. Для занятий было еще слишком рано. Но, может, оно и к лучшему — будет время придти в себя. Герда

устроилась на поваленном бревне, с которого Николая обычно наблюдал за поединками, и вдруг почувствовала, что уже почти успокоилась. Слезы прекратили литься безудержным потоком, да и всхлипывать больше не хотелось. Она закрыла глаза и прислушалась к ветру. Здесь он ощущался по-особому сильно. Теперь она понимала, почему Охотник так любил это место. Герда еще долго оставалась неподвижной, чувствуя, как в голове проясняется, а мысли выходят на более стройный и мирный лад.

«Уже скоро. Он придет первым — мальчишки обычно опаздывают. Придется что-то сказать, но что? Можно, конечно, признаться, что видела его с Майли. Но, с другой стороны, кто я такая, чтобы лезть в его жизнь? Он ведь ничего не обещал, даже намеков не делал. Какое у меня право злиться или требовать объяснений? Мы ведь друг другу никто, учитель и ученица. Тем более, он от меня отказался, а потом я сама навязалась. Да и Майли, она такая красивая, одевается шикарно и умеет вести себя с мужчинами, знает, чего они хотят. И на его бывшую, ту, что погибла, похожа. Тоже медиум. Темноволосая. Ну а что я — вечный ребенок, несуразный и неловкий, только раздражаю его своими глупостями. Наверное, лучше промолчать. Пусть все будет, как будет. Николая ведь совсем не такой, как Финист, он серьезный и умный, он не стал бы дарить девушке пустые надежды из-за «минутного порыва». Наверняка, он действительно что-то к ней испытывает. И я должна уважать его чувства, даже если мне невыносимо больно от того, что он выбрал другую».

Эти мысли не принесли особой радости, но, по крайней мере, Герда смирилась. Или ей так казалось. Скоро подошли мальчишки. Эйс и Лейф охотно приняли Вожька в свою компанию, буквально силой вытягивали из дома и заставляли принимать участие в их шалостях. Герда подозревала, что им особенно приглянулся необычный зажигательный дар мальчонки, от которого бросало в дрожь даже самых бесстрашных взрослых. С ним возможностей напроказить или ввязаться в очередную заварушку, чтобы получить море острых ощущений, у забияк стало намного больше. Впрочем, Николая не выказывал по этому поводу особого волнения. Однажды Герда спросила у него, почему. Охотник ответил, что уверен в своем ученике, в том, что он сумеет в нужный момент не только проконтролировать собственные способности, но и принять правильное решение; не пойдет на поводу у друзей, если те задумают что-то негодное, а наоборот сможет уберечь бедокуров от неприятностей благодаря своему здравому смыслу.

Когда Николая обучал Вожька, на похвалу не скупился, и мальчик словно расцветал от ласковых слов: расправлял плечи, без опаски смотрел в глаза, а взгляд приобретал так сильно не хватавшую прежде уверенность. Лишь после этого пирокинетик подчинил свой дар. Вожька даже сражаться учился быстрее остальных. Каждое его движение было четкое и выверенное, как у взрослого, удар всегда достигал цель, только силы мальчику еще предстояло набраться. Герда очень радовалась его успехам, особенно когда собственные оставляли желать лучшего.

Она приветливо помахала трем таким разным мальчишкам, когда те начали подниматься на пригорок. Может, Эйс и Лейф так легко приняли в свою компанию Вожька, не только из-за дара, а потому что почувствовали в нем что-то близкое. Ведь сами они других детей чурались, слишком были непохожи на обычную веселую упсальскую детвору, хоть и старались изо всех сил казаться счастливыми. Видно, слишком хорошо понимали, что значит быть не таким, быть изгоем, вот и сошлись с тем, кому не повезло больше них самих. Жаль что ей, Герде, верного друга найти не удалось, а единственный, который был, и тот сгинул.



Она понурилась. Мальчишки поднялись и устроились рядом на бревне, а Николая все не было. Они прождали больше часа. Нетерпеливые Эйс и Лейф со скуки начали гоняться друг за другом и задирать Вожыка, приглашая присоединиться к забавам. Пирокинетик стойко не обращал на них внимания, составляя компанию хмурой Герде. Она прекрасно понимала, что Николая, скорее всего, так увлекся Майли, что просто забыл про них, и все же надеялась, что он придет. Но потом рассудила, что дети не должны страдать из-за ее глупых чаяний.

— Идите домой, — велела мальчишкам Герда. — Я подожду еще немного. Если мастер Николая появится, то объясню, что это я вас отпустила.

Эйс с Лейфом, не скрывая ликования, переглянулись и побежали вниз по склону. Вожык остался рядом с Гердой, с подозрением заглядывая ей в глаза:

— Ты уверена, что не хочешь, чтобы я подождал с тобой?

— Нет, лучше иди. Мне все равно надо побыть одной, собраться с мыслями, — одними губами улыбнулась Герда.

Вожык помахал на прощание и, беспрестанно оглядываясь, поплелся за товарищами.

Она сидела в одиночестве еще некоторое время, тщетно пытаясь призвать ветер, чтобы он еще раз помог успокоиться. Но ничего не выходило. Отчаявшись, Герда подняла с земли одну из заготовленных для урока жердей, спустилась с пригорка и, найдя высоченную сосну с крепким и толстым стволом, принялась осыпать ее неистовыми ударами, выпуская весь накопившийся в душе гнев наружу. Руки ломило от напряжения. В ушах бешено стучала кровь. По лбу градом катился пот, застилала глаза. А Герда все никак не могла остановиться и, отрешившись от всего, сражалась с деревом, словно от этого зависела ее жизнь.

\*\*\*

Николя домчался до пригорка так быстро, как только мог, и все равно опоздал. Сильно. Все разошлись. Только в леске неподалеку ощущалась знакомая аура. Ну, хотя бы кто-то соизволил дождаться. Спустившись, он услышал звуки неистовой схватки. Странно, впереди ощущался только один хорошо знакомый ему человек. С кем она может так драться? Пришлось поспешить. Через сотню шагов, Николая с облегчением понял, в чем дело. Герда с такой силой лупила палкой толстый сосновый ствол, что в нескольких местах лопнула кора. Николая нахмурился и решил спасти дерево от жестокой расправы.

Герда так увлеклась, что даже не заметила, как он подобрался вплотную и положил руку ей на плечо. Испуганно замерла и медленно повернула голову.

— Я, конечно, ценю твое рвение, но нужно знать меру, — вкрадчиво произнес он, усмехаясь, что смог застать ее врасплох.

Герда заметно скривилась и отвернулась, не отвечая. Николая нахмурился. Она выглядела удрученной.

— Так в чем же провинилось дерево? — попытался развеселить ее шутливым вопросом.

Герда понурилась и тихо пробубнила себе под нос:

— Ничем.

Точно, расстроена. Глаза красные, щеки горят. Явно плакала. Что могло ее расстроить? Неужели с оборотнем поругалась? Все-таки глупая была идея отправить ее обучаться у Финиста. Он кого угодно способен до белого каления довести. Но жаловаться Герда вряд ли станет. Ведь он «друг». Расспрашивать не стоит, лучше отвлечь и успокоить.

— Где мальчишки? — начал Николая с легкого вопроса.

— Я отослала их домой. Слишком жестоко заставлять детей ждать больше часа... даже для вас, — с укором ответила Герда.

«На меня-то за что взъелась? Значит, надо исправляться».

— Ладно, не беда, — пожал плечами Николая. — Позанимаюсь с тобой одной. Думаю, давно пора для каждого из вас отдельные занятия проводить.

Он выставил руку по направлению к пригорку. Воздух рассекла одна из оставшихся там палок и прыгнула в подставленную ладонь. Герда фокус не оценила, мрачно глядя куда-то вдаль. Странно. Раньше такие вещи ее восхищали. Она недовольно глянула на протянутую ей жердь и убрала со своего пути:

— Не хочу.

И отошла на несколько шагов.

— В чем дело? — не сдержался Николая. Почему она ведет себя так, словно он в чем-то виноват?

— Бессмысленно это. Все равно у меня ничего не получается, поэтому незачем время тратить, — не останавливаясь, бросила она через плечо.

Снова приступ неверия в собственные силы? Что ж, придется воспользоваться испытанным способом, хотя и не слишком приятным. Николая в один прыжок преодолел раздевшее их расстояние, крепко ухватил ее за руку и развернул к себе.

— Опять трусишь? — с вызовом спросил он.

Герда вырвала свою руку и зло сощурила глаза, легко заглотив наживку:

— Что?

— Ты всегда трусишь, когда тебе трудно или что-то не получается, — терпеливо объяснил Николая.

Глаза полыхнули гневом. Похоже, он немного перестарался. Она в бешенстве. Грядет буря.

— Я не трушу, — отделяя каждое слово паузами, ответила Герда.

Это будет даже интересно.

— Докажи, — Охотник улыбнулся и встал наизготовку.

Герда стиснула зубы и вскинула свою жердь. Они закружились по поляне, совсем как тогда, в первый раз. Николая легко парировал даже самые сложные из ее ударов, но его забавлял ее задор. И то, как она почти неосознанно искала малейшую брешь в броне, стремилась предугадать действия противника, а не полагаться лишь на грубую силу. Пожалуй, из нее бы вышел хороший боец, если бы ее обучали с детства. Правда, убивать она вряд ли сможет, если даже гибель крысы вызывает у нее ужас. Быть может со временем... нет, этому ее учить определенно не стоит. Лучше просто играть.

— Тебя так легко разозлить, что это даже не смешно, — заметил Николая, направляя телекинез на палку, чтобы еще сильнее распалить в ней ярость.

Герда снова сверкнула глазами. Она так остро чувствует ауры. Жаль, примеряться к собственной силе у нее пока не получается. Удар. Еще удар. Игра слишком затянулась. Пора заканчивать. Николая уже собирался остановиться, но Герда, отразив очередной выпад, громко взвизгнула и бросилась на него. Охотник выронил палку и обхватил девушку руками, боясь, что она может удариться. Снова застигла врасплох, поймала в его же собственные тенета. Впрочем, он не особо сопротивлялся. Потерял равновесие и, увлекая Герду за собой, полетел на землю. Несколько сажень катились кубарем. Она продолжала визжать и шипеть, неистово царапаясь, кусаясь и лягаясь, словно разъяренная дикая кошка. Забавно. Пожалуй, впервые захотелось ее победить.

Николая оказался сверху и навалился всем весом, прижимая ее к земле. От испуга Герда

широко распахнула глаза и резко дернулась, делая последнюю отчаянную попытку сопротивляться. Зря. Предупреждал же, чтоб не использовала запрещенных приемов, если не готова к последствиям. Герда сдавленно всхлипнула. Обдало запахом страха загнанной в угол дичи. По сознанию прошел штормовой вал, поднимая на поверхность агрессивный хищнический инстинкт. От былой сдержанности не осталось и следа. Укротить, подчинить, подмять под себя строптивую самку, посмевшую упрятать свои вожделенные сокровища под мужской одеждой.

Николя на мгновение замер, отчаянно борясь с собой. Странно. Герда ведь даже не в его вкусе. Он всегда предпочитал более зрелых, уверенных в себе женщин, с которыми не нужно следить за каждым жестом и словом, боясь потревожить или обидеть ненароком. Их любовь как выдержанное вино: не ударяет в голову и оставляет изысканное послевкусие. Ну а что эта девочка? Красивая в своей цветущей молодости, но еще такой ребенок по сути. Невинный и наивный. Она и собственные-то порывы едва понимает, не говоря уже о желаниях мужчины. И все-таки что-то в ней есть. Что-то, чего он никогда не понимал. Оно хмелит, кружит голову, обнажает чувства. Даже те, на которые он не думал, что вообще способен.

Николя пристально глянул в лицо Герды. Трепещут пушистые серебристые реснички, жемчужные глаза полыхают то гневом, то страхом, по щекам растекается лихорадочный румянец, припухшие алые губы чуть приоткрыты. Подрагивают. Манят. Как тут сопротивляться? Он и не стал. Впился в них со всей клокотавшей внутри страстью, наслаждаясь мягким, нежным, невероятно сладким вкусом. Как же приятно! Он почти забыл. Как просыпается голод, прожигает каленым железом, заставляет желать большего.

Лицо ужалила злая пощечина. Отрезвила. Николя отпрянул, ошарашено глядя на запыхавшуюся девушку. Щека горела так, будто огнем опекли.

— За что?! — против воли вырвался глупый вопрос.

— За все! — выкрикнула Герда, подскочила и помчалась прочь, не разбирая дороги.

Словно похмельем накрыло.

Что...

Это...

Было?!

От досады Николя закрыл лицо руками, изо всех сил стараясь отдышаться. Очень хотелось засунуть голову в студеной горный ручей, но для этого было еще слишком холодно.

Возле дома Охотника встретил не на шутку встревоженный бургомистр.

— Крысы лютуют. Уже не то, что на еду, на посев ничего не осталось. Твари повсюду: в амбарах, в спальниках, у скотины в сараях. Отрава, ловушки и коты уже не спасают. Люди ропщут. Кто-то пустил слух, что это нашествие нам кроме голода еще и чумой грозит. Крысы ее дух по дворам разносят.

— Вот и Эйтайни про крыс говорила, — задумчиво заметил Николя.

Он настолько вымотался, что даже не мог придумать, как обнадежить разволновавшегося Гарольда. Лучше бы это был еще один Ловец желаний или дюжина Ходоков. По крайней мере, он знал, как с ними сражаться, а вот что делать с полчищами крыс, даже не представлял.

— Не думай, что я давлю, но если мы в ближайшее время не справимся с этой бедой, то начнется паника и беспорядки, а это во стократ хуже любого мора, — тяжело вздохнул бургомистр, а потом, хорошенько приглядевшись к лицу Охотника, нахмурился: — Что это?

Николя коснулся собственной скулы. На ней уже расплывался небольшой синяк.

— Ничего страшного. Через лес продирался, ветка по лицу хлестнула... — пожал он плечами.

Гарольд неодобрительно цыкнул.

— Что-то ты с каждым днем все рассеяней становишься. Уж не подхватил ли сам какую заразу?

— Не волнуйтесь. Это от недосыпа, — поспешил успокоить его Николая.

Гарольд кивнул и, вежливо попрощавшись, удалился. Николая вошел в дом. Эглаборг встретил его на пороге и, поняв без слов, ушаркал на кухню. Гостиная оказалась пуста. Не раздумывая, Николая завалился на диван и сомкнул глаза, надеясь хоть немного успокоиться. Показалось, что прошло всего несколько мгновений, прежде чем вернулся Эглаборг и обработал синяк охлаждающей мазью.

— Поешьте и выпейте это, — целитель поставил перед ним поднос с ужином и дымящимся отваром.

— Зачем? — скривился Охотник. От вида еды откровенно подташнивало.

— Нервы успокоить. У вас глаз дергается.

Николя прикрыл веко ладонью и тяжело вздохнул.

— Потом идите спать. А то так недолго и заболеть, — продолжал проявлять навязчивую заботу Эглаборг.

— Спасибо, мамочка!

— Да, пожалуйста. Просто надоело смотреть, как вы в могилу себя загоняете, — посетовал целитель и ушел к себе.

После отвара в голове немного прояснилось. Николая решил подняться к Герде и объясниться. Хотя что нужно сказать, он представлял довольно смутно. На ум как назло приходила одна только пошлость.

Оказавшись на верхней ступеньке, Охотник замер, прислушиваясь. Вместо того, чтобы постучаться в каморку рядом со своей спальней, подошел к двери, которая вела в комнату Финиста, и приложил ухо к стене, чтобы отчетливей расслышать доносившиеся оттуда звуки. Любопытство пересилило, заставив заглянуть внутрь. Барахтаясь в простынях, изящные белые ножки обнимали мерно раскачивающийся широкоплечий мужской торс. Полный болезненного томления стон слился с глухим рычанием и скрипом кровати. Голова с выгоревшими светло-каштановыми волосами начала плавно поворачиваться в сторону незадачливой соглядатая.

Николя быстро захлопнул дверь и отступил на шаг. Ай да приворотное зелье! Теперь хоть понятно, за что он оплеуху схлопотал, ведь большой куш был предназначен для оборотня. От ярости рука сама сжалась в кулак и чуть было не врезалась в деревянную стену рядом с дверью, но Охотник вовремя перехватил собственное запястье. Что толку скандалить? Только дураком себя выставит. Еще большим. Она сделала свой выбор, и у него нет права вмешиваться, даже если это бесит до красных демонов в глазах.

Николя ссутулил плечи, опустил голову и вернулся в гостиную. Эглаборг прав, надо завязывать: проэкзаменовать всех поскорее и отправить на четыре стороны. И так слишком тут задержались. Главное, что пользы от этого никакой — один вред. Привязался, размяк, расчувствовался... Тупица! Абсолютно правильно Герда поступила: как водой окатила, чтобы не смел и думать о всяких глупостях. Совсем забыл, как от близости плохо становится: больно, гадко, безысходно. Прямо как сейчас.

Голову схватил жуткий спазм. Едва не вытошнило. Николая выпрямился стрункой и сделал несколько глубоких вдохов. «Вроде, улеглось. Не следует переживать попусту. Сейчас главное город от крыс спасти, а остальное само решится. Уже решилось. Да так противно, что аж рехнуться можно. Так, не о том думаю. Город. Крысы».

Николя направился в сторону библиотеки. Все равно теперь вряд ли уснет, а так, может, что полезное удастся выяснить. И от дурацких мыслей отвлечься.

\*\*\*

Вернувшись домой, Герда спряталась от всех в библиотеке. Взяла первую попавшуюся книгу, устроилась с ногами в любимом кресле Николая и долго смотрела в одну точку, не в силах думать ни о чем, кроме произошедшего в лесу.

Зачем, ну зачем Николая это сделал? Поцеловал Майли, а потом ее. Хотел сравнить? Как это все гнусно! Он такой же как Финист — потом тоже будет говорить, что девушки гулящие, а он поддался мимолетному порыву. Но как же он целует! Совсем не как Финист. Жарко, страстно, неистово. Ему нельзя сопротивляться. Перед ним меркнет само сознание, растворяется в нем, в пленительных ощущениях, в объятьях, мягких, словно лебяжий пух и жестких, словно кандалы. Как же хотелось отдаться во власть его губ и рук, позволить укротить себя и подчинить, забыть обо всем и жить лишь им, дышать лишь им. Но разум-предатель не разрешил, напомнив, что это лишь игра. Все не по-настоящему. Через пару мгновений он опомнится и посмеется над ее глупыми мечтами. Будет нестерпимо больно. И она не знала, сможет ли пережить подобное разочарование. Поэтому... предпочла сбежать. Как обычно.

— Что ты здесь делаешь? — раздался над ухом вкрадчивый голос.

Ну как, как он умудряется ходить настолько тихо?!

— Читаю. Что тут еще можно делать? — раздраженно ответила Герда, не желая видеть наглое лицо.

— Ага, — усмехнулся Николая и, вырвав из рук книгу, перевернул ее. — Вверх ногами, поди, читать не очень удобно.

Герда покраснела до корней волос. Какого демона ему еще нужно? Недостаточно насравнивался, кто лучше целуется?!

— Я имел в виду, почему ты не с Финистом.

— Почему я должна быть с ним? Урок давно закончился. Да и время позднее. Должно быть, он уже спит. А у меня самостоятельная работа. Вот, — Герда указала на внушительную стопку книг, сложенную на столике рядом. Она так и не решилась рассказать, что не хочет больше заниматься с оборотнем, предвидя неловкое объяснение, скандал и кучу неприятностей, которые обязательно последуют.

Николя подцепил пальцем собственный воротник и оттянул его, словно тот давил на горло.

— Хорошо, а то я было подумал, что... Не важно. Он вообще с тобой занимается?

Герда поджала губы и опустила глаза, но отвечать не стала. Охотник тяжело вздохнул:

— Ладно, я завтра в отчете спрошу разрешения провести экзамен в ближайшее время. Дотянуть бы до него, а там легче станет.

Герда не поняла, что он имеет в виду, но переспрашивать не стала и продолжила сидеть в мрачном молчании. Николая стоял рядом и пристально разглядывал ее лицо.

— Злишься из-за поцелуя? — откровенно поинтересовался он.

— Нет, — категорично отрезала Герда и отвернулась.

— Тогда что с тобой? — не унимался Охотник. Она все-таки посмотрела на него и решила высказать все, что накипело за последний день.

— Что со мной?! Лучше скажите, что с вами. Почему вы так подло относитесь к девушкам? Утром обнимаетесь с одной, вечером целуетесь с другой, а потом за их спинами обзываете дурами, гулящими, истеричками только потому, что они имели несчастье полюбить вас. Они из кожи вон лезут, чтобы хотя бы одного взгляда вашего удостоиться, а вы просто пользуетесь ими, а потом бросаете, как ненужную игрушку, совершенно не думая, насколько им может быть больно! И знаете, что самое противное?

— Что? — прибитый гневной тирадой, спросил Николя.

— Я верила, что вы не такой, что уж вы-то наверняка не станете играть чужими чувствами, — дальше все слова потонули в глухих рыданиях, но совсем скоро Герда взяла себя в руки и, заметив, что Охотник смотрит на нее ошалевшими глазами, решила высказать все прямо: — Я видела вас с Майли.

— Видела? — продолжал недоумевать Николя.

— Как вы целовались в гостиной, — краснея до ушей, ответила Герда и закрыла лицо руками.

Охотник громко расхохотался. К глазам подступили слезы. Зачем она наговорила ему все эти глупости? Зачем вообще начала этот разговор?!

— Ревнуешь? — неожиданно серьезно спросил Николя.

— Вот еще, — деланно безразлично бросила она. — Просто разочарована.

— Чем? — уже натурально издеваясь, осведомился он.

— Тем, что вы потом поцеловали и меня.

— И тебе не понравилось?

Вот теперь точно хотелось придушить этого наглеца со слишком красивыми синими глазами. Герда возмущенно фыркнула, не находя слов, чтобы выразить свое негодование, а потом как будто само с языка сорвалось:

— Да вы... да вы просто мерзкий двуличный тип еще хуже Финиста!

Издеваться Николя прекратил и смерил ее тяжелым взглядом:

— Естественно хуже, ведь я стою здесь и выслушиваю твои претензии, в то время как он развлекается с той, кого я якобы поцеловал.

— Что? — на этот раз смутилась Герда.

— Не целовал я твою Майли. Она сама мне на шею кинулась, а до этого еще приворотным зельем опоить пыталась. Не знаю, правда, зачем, но уже догадываюсь.

— Наверное, чтобы Финист приревновал, — догадалась Герда.

Ведь как все удачно получилось: они входят и застают Николя с Майли целующимися. Как в самых паршивых рыцарских романах, только там герой все-таки выпивал зелье и забывал о своей настоящей возлюбленной навеки.

— Что ж, похоже, ей это удалось, — вклинился между мыслями голос Николя.

Герда подняла на него виноватый взгляд и заметила маленький синяк на скуле. Это от пощечины? Она ведь так ударила, что рука потом еще долго гудела. А он оказался ни в чем не виноват. Почти. В романах все определенно выходит далеко не так глупо, как в жизни.

— С чего ты решила, что Майли мне нравится?

Герда повела плечами и отвернулась.

— Она похожа на вашу погибшую возлюбленную. На ту, с островов Алого восхода. Она ведь тоже была темноволосой, медиумом и одержимой, — Герда поежилась от недоброго

взгляда. Ну вот, кто ее за язык-то тянул?

— Кто?!.. Эглаборг, ну конечно. Надо будет поговорить с ним о том, кому и что можно рассказывать. Хотя, учитывая обстоятельства... — теперь он сощурился, явно что-то в ней высматривая, но потом вздохнул и ответил: — Нет, Майли совсем на нее не похожа.

Герда в задумчивости кусала губы. Снедало любопытство. Так хотелось спросить, но это будет слишком нетактично. Да и он не ответит... И все же решила попытаться:

— Расскажите про нее. Вы ведь до сих пор тоскуете? Простите за откровенность, но иногда кажется, что ваше сердце покрыто коркой льда, а от взгляда веет самой холодной зимней стужей. От этого всем делается страшно и неудобно.

Больше Николя не хмурился, а смотрел с какой-то пристальной задумчивостью. Герда понурилась. Опять ляпнула глупость? Что ж, после сегодняшнего, вряд ли он сможет думать о ней хуже.

— Ее звали Юки. Она была дочерью Снежной ведьмы, — после долгого молчания заговорил он странно скрипучим голосом.

Неужели расскажет?

— Так она была демоном?

— Нет, Юки была человеком, как и ее отец Страж, который заплутал в горах во время метели. На следующий год его умирающим нашел настоятель Храма Ветров. Исполняя последнюю просьбу несчастного, настоятель убил ведьму, а душу заключил в волшебное зеркало, чтобы зло не смогло возродиться снова. Когда он уже уходил из хижины, услышал детский плач и нашел в люльке человеческого ребенка. Это была девочка. Настоятель пожалел ее, забрал к себе в храм и воспитал, как жрицу — хранительницу того самого зеркала, в которое была заключена душа ее матери.

Я был глупым семнадцатилетним юнцом, когда встретил ее. Ошеломляюще красивую, невероятно умную и бесконечно добрую. Она была как принцесса из той сказки, ты должна ее знать: кожа белая, как снег, губы алые, как кровь, волосы чернее безлунной ночи. Ни до, ни после я не встречал девушки, которая могла бы сравниться с ней. Она потрясла меня, заставила потерять голову. Я был бесконечно счастлив, когда смог ее покорить. Полтора года мы счастливо жили в храме, а потом... потом я начала замечать, что она изменилась. Стала раздражительной и замкнутой. Придумывала мнимые обиды, ревновала...

— К кому? — перебила Герда.

Николя протяжно посмотрел на нее и тяжело вздохнул.

— Не важно. Это все было навеянное, нашептанное демоном — ее матерью. Первое время я старался успокоить Юки, убедить в крепости своего чувства. Но с каждым разом это становилось все сложнее. На ее теле невесть откуда появлялись раны и синяки. Каждый раз, когда я пытался выяснить в чем дело, она плакала. И... я сдавался. Не мог терпеть ее слез. Однажды нам пришлось присутствовать на церемонии венчания молодой пары. И Юки попросила меня взять ее в жены. Это стало ее наваждением. А я все никак не мог решиться. Из-за ее истерик и риска, который связан с моим ремеслом. Не хотел оставить ее молодой вдовой. А когда все-таки собрался с духом, выяснилось, что она опаивает меня приворотным зельем. Вышел скандал. Такой мерзкий. Я сорвался и разбил зеркало. Не знал тогда, что в нем заключена душа Снежной ведьмы. Вообще ничего не знал о демоническом происхождении Юки. Чувствовал злую ауру и все равно закрывал глаза. Боялся.

Сразу после той ссоры мне пришлось уехать на охоту в отдаленную провинцию, а когда вернулся, Юки уже не было. Душа из зеркала воспользовался ревностью и обидой, чтобы

вселиться в ее тело. Она похитила из храма могущественный артефакт — проклятый меч и бежала в горы. Я выслеживал ее несколько недель и настиг возле заброшенной хижины Снежной ведьмы. Она заморозила меня и попыталась добить тем самым проклятым мечом. В храме к нему запрещали подходить, потому что он ранил любого, кто смел до него дотрагиваться. Но ведьма думала, что ей удастся усмирить оружие благодаря демонической силе. Она просчиталась, ведь Юки демоном не была. Меч выскользнул из ее рук и пронзил насквозь. Я не смог ее спасти. Юки умерла на моих руках.

После этого ни меня, ни меч в храм больше не пустили. Меня заставили стать его хранителем и выгнали.

Николя снял с пояса ножны и на пядь вынул из них тонкий клинок, у самого эфеса которого была вырезана руна перт. Герда неосознанно потянулась к нему, но Охотник ее оттолкнул.

— Он до сих пор ранит любого, кто к нему прикасается.

— Но как же вы его держите?

— Меня он терпит, — Охотник высунул меч чуть больше и провел по лезвию ладонью. Серая сталь тут же впитала выступившую кровь. Только тогда Николя спрятал меч обратно в ножны. — Я подкармливаю его собственной кровью, и он служит мне, как хранителю. Но я прекрасно понимаю, что однажды моих подношений может оказаться недостаточно, и меч обернется против меня, как оборачивался против всех своих хозяев.

— Это ужасно. То, что вы рассказали и то, что вам приходится хранить этот меч. Почему вы не можете от него избавиться или отдать кому-то другому? — выразила свое неодобрение Герда. Чем больше они вот так по душам разговаривали, тем больше она замечала в нем какой-то надлом, который мешал не только открыться, но и просто жить, а не искать смерти на охоте.

— Кому? Тебе что ли? — усмехнулся Николя. — Меч принимает только меня. Возможно, это плата за то, что он отобрал самое дорогое, что у меня было. Это моя ноша, моя память о Юки. Я хочу, чтобы она осталась со мной до конца.

— Нельзя ли найти более безопасное хранилище для воспоминаний? — Герда внимательно огляделась по сторонам в поисках подходящей вещи. — Например, вот я. Я ее совсем не напоминаю?

Николя еще раз усмехнулся и отрицательно покачал головой.

— Даже самую малость? — Герда надула губы, показано обижаясь.

— Ни капли. Вы с ней разные, как день и ночь.

— Может, оно и к лучшему. Зато не придется переживать, что глядя на меня, вы видите ее, — отыскав светлое пятно в безрадостном разговоре, она поспешила перейти на другую, гораздо более приятную и вместе с тем злободневную тему: — Тогда зачем вы меня поцеловали? Я ведь вас приворотным зельем не поила.

Николя вскинул одну бровь и ухмыльнулся уже намного веселее:

— Да, похоже, ты единственная, кто еще не пытался.

— И не стану. Насильно мил не будешь.

Охотник согласно кивнул.

— Но вы не ответили на мой вопрос: зачем вы меня поцеловали? — Герда подалась вперед, чтобы услышать его откровение, раз уж все складывалось так удачно.

— Так тебе все-таки не понравилось?

Теперь Герда обиделась всерьез. Всегда он так: в самый ответственный момент уходит



от ответа. И естественно, знает, что она ни за что не признается первой. Да, ей понравилось настолько, что вся дорогу до дома она собирала с губ остатки его поцелуя и тщетно пыталась забыть будоражащие ощущения, которые он так легко всколыхнул. Но, как он сам учил, противнику нельзя показывать свою слабость, а они сейчас, к сожалению, именно противники. Знать бы еще, какую игру он затеял.

Николя не стал настаивать на ответе и занялся своими делами. Запалив еще одну свечу, принялся ходить вдоль стеллажей, выбирая книги, проглядывал и ставил обратно.

— Вы что-то ищете? — спросила Герда.

Охотник резко повернулся и оценивающе глянул на нее:

— Да. Расскажи еще раз, что ты знаешь о крысах.

Она вздохнула. Опять работа, опять новые и новые опасности. Лишь бы с ним ничего не случилось.

— Многие демоны используют крыс для ворожбы.

— Для какой именно?

— Практически для любой, от приворотов до порчи и болезней. Кстати, также часто используют черных кошек, белых собак и лошадей, летучих мышей, ядовитых змей...

— Меня сейчас только крысы интересуют, — остановил ее Николя. — Отчего они могут расплодиться в большом количестве?

— В одной книжке я читала, как древнее божество разгневалось на первых людей и вызвало нашествие саранчи, которая съела весь урожай, и начался голод. Думаю, и крыс кто-то вызвал, наслал на город.

— Кто же это может быть и зачем?

— Может, горожане кого-то случайно обидели или этот кто-то просто очень злой. Не знаю.

Николя с досадой вздохнул.

— Я не уверена, что это вам поможет, но в одной книжке я читала сказку про Крысиного короля. У него было три головы, и он умел колдовать, а все остальные крысы ему прислуживали и приносили на обед маленьких детей. Однажды он захватил власть в небольшом герцогстве на западе и превратил тамошнего правителя в деревянного истукана. Страна опустела, ведь Крысиный король съел всех детей. А правителю пришлось ждать долгие годы, прежде чем добрая фея расколдовала его и помогла уничтожить чудовищную крысу.

— Ну и где нам взять добрую фею? — Николя немного посветлел от наивной сказки. И все же Герда видела, что он не воспринимает ее слова всерьез.

— Попросите вашу знакомую туату.

— Она не поможет. Да я бы и сам с ним справился, знать бы только, где искать твою трехглавую крысу.

Герда на мгновение задумалась.

— Однажды отец нашел в нашем амбаре клубок крыс, сросшихся хвостами. Зрелище почище трехглавого короля, скажу я вам. Они не могли двигаться, и сородичи приносили им еду. Отец порубил их топором и сжег останки. Сказал, что это дурная примета и может привлечь в дом беду. Правда, беда все равно пришла: через пару дней в Дрисвятах началась лихоманка.

— Значит, нужно искать клубок крыс в амбарах.

— Или трехглавую крысу на троне. Или разгневанное божество. Или вообще кого

угодно и где угодно, — Герда беспомощно развела руками.

— Ладно, я попытаю удачи с книгами.

Николя вернулся к стеллажу и продолжил поиски. Герда взяла в руки книгу, но успела прочитать лишь одну страницу и незаметно для самой себя провалилась в черный омут сна.

Когда она проснулась, то долго не могла понять, где находится. Тело утпало в мохнатой медвежьей шкуре, а голова покоилась на груди Николя, руки которого крепко прижимали ее к себе. Он дышал тихо и ровно, все еще пребывая в царстве снов. Очень осторожно, чтобы не потревожить, Герда приподнялась на руках и взглянула на него. Он всегда был такой красивый, когда спал. Все черты разглаживались, лицо словно лучилось изнутри силой и спокойствием. Только синяк на скуле портил картину. Так стыдно, что она его ударила, а он оказался ни в чем не виноват. И, главное, не ответил, не упрекнул ни разу, хотя, наверное, ему было больно.

Герда подула на скулу, а потом не удержалась и мягко коснулась губами подбородка, поцеловала в угол челюсти и уткнулась носом в ключицу, вдыхая пьянящий аромат его тела. Николя затаил дыхание. Неужели проснулся? Испугавшись, Герда дернулась в сторону, но ее удержали сильные руки.

— Попалась! — хитро прошептал он. Герда засмушалась и покраснела, боясь даже взглянуть на него. Николя едва заметно скользнул пальцами по ее волосам. — Чего сопишь?

Герда силой заставила себя поднять глаза и, столкнувшись с внимательным взглядом, испугалась еще больше.

— Ты заснула в кресле, и я не решился тащить тебя вверх — побоялся разбудить, поэтому перенес сюда. Потом ты заоченела и начала дрожать. Я хотел тебя согреть, но, кажется, заснул сам, — объяснял Николя, продолжая гладить ее по волосам, словно никак не мог остановиться. Сладко, убаюкивающе. Хотелось прижаться к нему потеснее, спрятать голову на груди и не думать о том, что его поцелуи, его ласки, его теплые, полные нежности прикосновения ничего не значат. В следующее мгновение все обернется хитрой игрой, и он станет таким же холодным и отчужденным, как раньше.

— Навевает воспоминания, не так ли? — продолжил говорить Николя томным со сна, мурлыкающим голосом.

— Да, — едва слышно выдохнула Герда. Только бы не испортить. Пусть это мгновение продлится дольше! — Совсем как тогда, в Дикой пуще. Вы еще спасли меня от пса Ужиного короля. Или это была обычная собака и обычная змея? Финист говорит, что я просто заблудилась и перепугалась, а вы этим воспользовались.

— Финист?! — его брови тут же взметнулись вверх, а тело напряглось. Зачем она это сказала? Лучше бы кто-нибудь отрезал ей язык и отобрал голос! Герда разочарованно всхлипнула и отчаянно прижалась к Николя, боясь, что вот-вот упустит. Он тут же заметно расслабился и смягчился: — Могу сказать одно: собака действительно страшная, а змея странная. Да я и сам перепугался не меньше твоего, когда потерял Эглаборга и заблудился в тумане.

— Разве вы можете чего-то бояться? Ну, кроме одержимости, конечно, — предельно серьезно спросила Герда.

Николя удивленно закашлялся.

— К-конечно. Все чего-то боятся.

— А чего вы боитесь сейчас?

Он поднял ее подбородок кончиком пальца, пристально глядя в глаза.

Завораживая. Поглощая. Теплое дыхание скользнуло по лицу. Твердые, мужественные губы слегка приоткрылись. Он будто спрашивал разрешения. Без слов. Она кричала в собственных мыслях: да! да! Закрывала глаза и молилась, чтобы он за своей дурацкой стеной услышал ее. Понял. Принял.

Неуловимое касание. Болезненное предвкушение. Чуть больше. Пожалуйста!

Бабахнула дверь. Полное сладостной неги мгновение разлетелось на мелкие хрусталинки. Герда с Николая одновременно повернули головы. На пороге собрались все обитатели дома: удивленный Эглаборг, недоуменно моргающая Майли, хмурый как грозовая туча Финист и шаловливо улыбающийся Вожык. Между ног целителя протиснулся кот и, громогласно мяукнув, направился к Герде.

— А мы вас обыскались! — радостно воскликнул Эглаборг, выводя всех из замешательства. — Так меня вчера напугали, что я заволновался, когда увидел, что вы не ночевали в своей спальне.

Поймав на себе недовольный взгляд Николая, целитель осекся.

— Так это... мы подождем снаружи, — поспешил исправить ошибку Эглаборг и вышел, вытолкав всех за порог и затворив за собой дверь.

Они остались втроем: Николая, Герда и несносное рыжее создание, тершееся возле ее ног.

— По-моему, нас только что застали на месте преступления, — усмехаясь, заметил Охотник и начал подниматься.

— По-моему, нас неправильно поняли.

Герда осталась лежать на медвежьей шкуре вместе со стремительно занявшим освободившееся место котом.

— Ничего страшного, переживут, — безразлично бросил Николая, расправил одежду и, коротко поцеловав Герду в висок, ушел.

— По-моему, я тоже неправильно все поняла, — проворчала она. — Или вообще не поняла. Правда, Шквал?

— Мяу! — охотно согласился кот.

## ==== Глава 32. Таинственный остров =====

Весна на север приходила поздно, долгой распутицей спускалась с горных вершин, то подмораживая, то снова отпуская. Лишь к концу цветownika солнце стало пригревать по-настоящему. Оттепель перемежалась несильными заморозками лишь ночью, снег растаял даже в самых тенистых чашах, проросла свежая молодая трава, на прогалинах и солнечных полянах белым ковром зацвел подснежник. Просыпалось от зимней спячки зверье, перелетные птицы возвращались с зимовья, приветствуя родину радостным клекотом.

Оживились и люди. Занялись починкой домов и заборов, копошились в огородах и садиках, пастухи гнали отощавший за зиму скот на высокогорные пастбища, где сочная зелень буйствовала уже всюю, на окраинах фермеры засевали поля и с нетерпением ждали первых восходов, от которых зависело, насколько благодатным для урожая будет год.

Одна Герда с безучастной тоской смотрела на суетливое пробуждение жизни вокруг. Последние дни она осталась совсем одна. Обидевшись непонятно на что, Финист демонстративно ее игнорировал, а она не считала нужным навязываться. В конце концов, сама отказалась обучаться у него. Николая был слишком занят, пытаясь отыскать способ

избавить город от крыс. Из-за этого ему пришлось пожертвовать даже занятиями фехтованием с мальчишками. Да и Майли с Вожьком он теперь уделял намного меньше времени. Впрочем, первая от этого отнюдь не выглядела несчастной. Обнаружив освободившееся рядом с Финистом место, с охотой его заняла и принялась ходить за оборотнем, как привязанная. Финиста, правда, ее внимание раздражало. Он явно предпочел бы встречаться с Майли только поздними вечерами в ее комнате. Собственно, он так и делал: с раннего утра куда-то сбегал и не возвращался до заката.

Вожьк всюду носился по городу со своими новыми друзьями, периодически буквально за шкуру вытягивая их из очередной заварушки. Но потухший взгляд Герды не остался для него незамеченным, и он сам старался развлечь ее, как мог. Показывал, как научился управлять даром: жонглировал огненными шарами, дышал огнем, запускал в небо огненные всполохи и танцевал, крутя над головой огненные ленты. Глядя на великолепное представление, Герда испытывала двоякие чувства: с одной стороны она гордилась успехами Вожька, в которые трудно было поверить, вспоминая, как сильно он боялся в начале, с другой завидовала, что у него играючи получается творить чудеса, а она до сих пор ни одной мысли из Николая вытянуть не может. А теперь с ней вообще никто заниматься не хочет.

Как-то раз наблюдая за самостоятельной тренировкой Вожька на полянке за пригорком неподалеку от усадьбы, Герда решила, что смогла бы также. Она подробно расспросила пирокинетика о том, как Николая учил его проделывать такие фокусы, а то, что мальчик не смог выразить словами, узнала из его мыслей. И тут же попросила Вожька бросить ей огненный шар. Пирокинетик ни в какую не соглашался, вспоминая ту ужасную ночь, в которую он от страха чуть не ожег ей лицо, но каким-то образом Герда его уговорила. Причем, сама не поняла как. Просто возникло мимолетное ощущение, что ее аура на мгновение вспыхнула, подчиняясь затаенному желанию, окутала мальчика прозрачной дымкой и тут же погасла, израсходовав силы непонятно на что.

Вожьк встал напротив Герды, зажег между пальцев крохотный шарик рыжего пламени и, скрепя сердце, бросил. Время привычно замедлилось. Герда отстраненно почувствовала легкий жар в том месте, куда летел шарик, и совершенно спокойно велела ему отклониться. Так и случилось. Шарик благополучно минул ее сбоку и погас за спиной. Вожьк захлопал в ладоши от восхищения. Герда польщено улыбнулась и попросила пирокинетика повторить. Вскоре она уже легко отводила от себя с полдюжины шаров. После этого Герда решила поупражняться во «взаимодействии», которое так плохо получалась с Николаем. Начали снова с одного шара, только на этот раз она не стала уворачиваться, а поймала в руку. Пламя чуть обожгло кожу и тут же погасло. На ладони вздулся пузырь. Герда широко улыбнулась, чтобы мальчик не понял, что ей больно.

— Давай еще раз! — бодро крикнула она.

Вожьк кивнул, и в следующий миг в нее полетел новый шар. На этот раз она подставила другую руку. Ладонь снова обожгло, но теперь удалось удержать пламя на несколько мгновений, прежде чем оно опало. Маленький успех окрылил, и, преодолевая боль, Герда продолжила ловить огонь, пока не получилось поддержать его хотя бы минуту и бросить обратно Вожьку. К этому времени со лба градом катился пот, а ладони сплошь покрылись волдырями от ожогов. Герда изо всех сил старалась не подавать вида, насколько ей больно, пока Вожьк не проводил ее до усадьбы Охотника, а сам не отправился в город к друзьям.

Герда на цыпочках пробралась на кухню и принялась рыться на полках в поисках мази от ожогов. В последнее время она очень часто навязывалась помогать Эглаборгу. Целитель

без большой охоты допускал посторонних на кухню, но Герде удалось завоевать его симпатию, и он позволял ей делать самые простые вещи: перебрать семена, растолочь сушеные плоды, нарезать целебные травы, отмерить нужное количество капель настойки, нагреть воды — одним словом все, что не мог испортить человек, обделенный целительским чутьем. Во время работы Эглаборг рассказывал, как и для чего используется то или иное средство, объяснял, почему так важно, чтобы лекарства готовил настоящий целитель, который нутром чувствует меру всякого ингредиента и срок, необходимый, чтобы зелье «спело».

Хотя отражать дар Эглаборга не получалось, но внешне мазь от ожогов Герда отличить могла, только вот найти что-то в царившем вокруг беспорядке оказалось далеко не так просто. Приметный туесок отыскался на дне пыльного ящика. Герда открыла его и понюхала, чтобы проверить. Сзади предательски громко скрипнула дверь. От испуга туесок выскочил из рук и покатился по полу. В повисшей тишине особенно громко прозвучали чужие шаги. Герда сглотнула и обернулась. Перед ней стоял Николая и вертел в руках ее туесок.

— Мазь от ожогов? — удивленно моргнул он. — Что-то случилось?

— Все в порядке. Это не мне, а Вожыку, он... — оправдывалась Герда, пряча руки за спину. Но Охотник оказался куда проницательней пирокинетика. Он бесцеремонно взял ее за запястье, подтянул к себе и повернул руку ладонью вверх.

— Ничего себе в порядке! — присвистнул Николая. — Чем ты так?

Герда вырвала руку и отвернулась, не желая отвечать. Он же точно заругает, и плакали тогда тренировки с Вожыком горючими слезами. И вообще, какого демона его принесло домой так рано?!

— Не хочешь, не отвечай, — пожал плечами Николая, но все же развернул к себе за плечи и снова принялся осматривать ладони, потом достал из притороченного к поясу мешочка еще один туесок. Мази там было на самом доньшке. Она оказалась очень жирной и плотной, совсем не похожей на ту, что она нашла в запасах Эглаборга. Николая вымазал всю на обожженную кожу. По рукам растекся приятный холодок, мигом успокоивший зуд и боль.

— Рецепт мудрецов с дальнего востока. Лечит лучше, чем обычный, — объяснил Охотник.

— Но ведь теперь ее совсем не осталось, — озадаченно ответила Герда.

— На тебя же хватило, — коротко бросил Николая, подошел к висевшему над камином котлу и залпом выпил его содержимое до дна.

Неужели настолько жажда замучила? Вспомнилось, что в том котле Эглаборг варил особенно мерзко пахнущее зелье. Герда поежилась:

— А с вами все в порядке?

— Да... За крысами бегать замучился, вот и все.

Охотник вытер лицо полотенцем и пошел к выходу. Герда побежала следом.

— Мастер Николая? — неуверенно позвала она.

Он обернулся и вопросительно уставился на нее. Герда подошла поближе и засмушалась от пронзительного взгляда. «Да что же это я?» — мысленно хлестнула себя по щекам и подняла глаза.

— Спа... — голос предательски сорвался.

«Я из-за поцелуя так боюсь? Ну не стал же Николая демоном после этого. Надо взять себя в руки. Он и так меня трусихой считает».

— Я просто хотела сказать «спасибо».

— Не за что, — пожал плечами Николая. — Я пойду?

— Идите, — кивнула Герда, но как только он начал поворачиваться, схватила за руку. — Нет, стойте!

Брови Охотника удивленно поползли кверху. Она глубоко вздохнула, поднялась на цыпочки и приблизила к нему свое лицо. «Почему они так легко могут меня целовать, а мне так страшно, что аж сердце в груди заходится? Видно, Николая прав. Я действительно невозможная трусиха». Она закрыла глаза и легонько коснулась губами уголка его рта, совсем как он в то утро в библиотеке. Боязливо и мучительно растягивая удовольствие. Нарочито громко стукнула дверь, и раздалось совсем не деликатное покашливание. Герда отпрянула и закрыла горевшее от стыда лицо руками.

— Простите, что помешал, — послышался раздраженный возглас Финиста, не выражавший никакого раскаяния.

— Я все равно уже уходил, — едва слышно пробубнил себе под нос Охотник и оставил их одних.

Финист прошел мимо Герды. Она явственно ощутила исходивший от него тяжелый хмельной запах. Снова запил? Убрала с лица руки и увидела, как оборотень тоже начал что-то искать на полках Эглаборга. Достал из-под самого потолка какую-то бутылку, понюхал, отпил прямо из горла и поставил обратно. Одарив Герду уничижительным взглядом, вышел, громко хлопнув дверью. Стало очень неуютно.

Холодного презрения Финиста хватило еще ровно на один день. Герда сидела в гостиной в одиночестве и сосредоточенно повторяла все упражнения, которые могла выполнить самостоятельно, когда он ворвался в дом в ужасном расположении духа.

— Вижу, ты времени зря не теряешь, — заметил язвительным тоном.

Герда открыла глаза и нахмурилась. Он выглядел еще более пьяным, чем накануне.

— А тебе бы следовало меньше ходить по кабакам, — мрачно ответила она.

— Не притворяйся, что я тебе не безразличен, — процедил Финист сквозь зубы.

— Думай, что хочешь.

Герда не желала разговаривать, пока он в таком состоянии.

— Вот я и думаю, — не унимался оборотень. — Чем он лучше меня?

— Кто?

— Охотник твой ненаглядный.

— При чем здесь мастер Николая?

— Я видел, как вы вчера целовались.

— Мы не целовались. Ты нам помешал. Да и какая разница? Это совершенно тебя не касается! — неожиданно резко даже для самой себя выпалила Герда.

Финист зло сощурился и хорошенько встряхнул ее за плечи.

— Как это не касается? Разве не видишь, что ты мне не безразлична, даже... даже когда вот так пренебрегаешь мной и всем, что между нами было. Ну, послушай же ты меня! — он прижал ее к себе так крепко, что даже вздохнуть стало тяжело. — Он не любит тебя, а просто использует.

— Для чего?

— Не знаю. Я ощущаю это звериным чутьем.

— Ах звериным! — закатила глаза Герда, не выдержала и тоже начала язвить: — Ну, если звериным, то уж конечно. Что моя глупая бабья интуиция против твоего звериного

чутья.

— Не смешно! — угрожающе прорычал Финист.

— Ты видишь, что я смеюсь? — на самом деле было так тошно, что хотелось плакать. Оборотень смутился. — Ты обвиняешь невесть в чем человека, который единственный дал тебе шанс доказать, что ты чего-то стоишь. И даже когда ты пустил этот шанс псу под хвост, у него хватило великодушия дать еще один. Прости, но твое хваленое чутье мне не кажется достаточным, чтобы обвинять мастера Николая во лжи. У меня тоже есть чутье, и оно говорит, что он гораздо искренней тебя.

— На что ты намекаешь?! — Финист скрежетал зубами и с трудом цедил из себя слова, ярясь, как дворовый пес.

— Да разве здесь нужно на что-то намекать? Майли!

— Что?

— Я, конечно, очень наивна, но не настолько, чтобы не замечать, что творится под самым моим носом. Ты спишь в ее комнате.

Финист придвинулся так близко, что на лице ощущалось его обжигающее хмельное дыхание.

— Так это потому что ты свою закрываешь, — прошептал он над самым ухом.

Герда вздрогнула, чувствуя, что пути к отступлению отрезаны. Совсем как тогда, в охотничьем домике с Вальдемаром. Оборотень поднял ладонь, провел рукой по ее волосам и начал накручивать кончик прядки на палец. — Сделай ты хоть один шаг навстречу, никакой Майли и в помине бы не было. Всего один шаг.

Пальцем другой руки он очертил контур ее губ. Воспоминания накрыли лавиной, жуткие и удушливые. Почему-то сейчас было намного страшней, чем с Вальдемаром. Она ведь тот случай даже не осознала до конца. Просто заставила себя не думать, забыть, отгородиться.

Нужно прочитать мысли Финиста, убедиться, что у него нет дурных намерений. Но она даже себя толком не слышала.

— Пусти! — болезненно простонала Герда. По щеке прокатилась крупная слеза, оставляя мокрую дорожку.

— Что с тобой? — недоуменно моргнул оборотень. В следующий миг его бесцеремонно отдернули от нее за ворот рубахи и толкнули в сторону.

— Что здесь происходит? — осведомился Николая, смиряя Финиста ледяным взглядом. — Кажется, я просил обучить девушек, а не лезть им под юбки.

— Я не... — попытался оправдаться оборотень, но Герда его перебила.

— Ничего страшного. Мы просто немного повздорили. Но Финист извинится и все будет в порядке.

С появлением Николая паника исчезла, как будто ее и не было. Герда словно взглянула на всю ситуацию трезвым взглядом и поняла, что ей ничего не угрожало. Ведь это Финист. Принуждать кого-то к тому, чего тот не желает, не в его правилах. К тому же, он не раз осуждал тех, кто насильничает над слабыми. Успокоившись, Герда даже смогла прочитать его мысли:

«Я же действительно ее напугал. Должно быть, она вспомнила того урода из охотничьего домика. Какой же я болван! Ну почему рядом с ней так трудно держать себя в руках?»

— Извини, — понурившись, пробубнил Финист себе под нос.

— Я не расслышал, — прикрикнул на него Николая.

— Я сказал, извини меня, Герда, пожалуйста! — срывающимся голосом повторил оборотень.

Вдруг стало нестерпимо его жаль. Видно, что здесь ему очень плохо, как запертому в клетке дикому зверю. Вот он и ярится на всех подряд. Ушел бы, да не может, не хочет ее бросать одну, беспокоится, хоть и совершенно напрасно. Скорее бы экзамен — после него всем придется расстаться. У каждого будет свое назначение. Герда украдкой взглянула на Охотника. И она не увидит его больше никогда. Из горла против воли вышел сдавленный всхлип.

— Я прощаю тебя, — встряхнув головой, ответила она после затянувшейся паузы.

Финист смотрел на нее в упор, ожидая чего-то еще, но Герда молчала. Вместо нее заговорил Николая:

— Ты свободен, можешь идти.

Оборотень зло уставился на него, скрипнул зубами, даже открыл рот, чтобы ответить, но взглянув на Герду, ссутулил плечи и поплелся наверх.

«И все-таки я докажу, что он что-то скрывает», — была последняя мысль Финиста, которую Герда успела прочитать.

— Точно все в порядке? Выглядишь немного не в себе, — с беспокойством спросил Николая, когда они остались наедине.

— Просто дурные воспоминания, — пытаюсь звучать непринужденно, ответила Герда, а потом, не зная зачем, добавила: — Финист снова ходит по кабакам. Это моя вина. Паршивый, должно быть, из меня ученик и друг.

Герда забралась на диван с ногами, подтянула к груди колени и обняла их.

— Он меня спас, а я наговорила ему гадостей, не поддержала в трудную минуту, даже заниматься не старалась.

Николя воздел глаза к потолку.

— Финист уже большой мальчик и сам решает, как справляться с жизнью. Но если тебя это так волнует, то сомневаюсь, что его запой продлится долго. Скоро ему надоест себя жалеть, и он переключится на что-нибудь другое. Только боюсь, что новое его занятие будет не особо лучше предыдущего.

Потом повысил голос и заговорил по-деловому решительно:

— Нужна твоя помощь. Кажется, я обнаружил, откуда берутся крысы. Но один я попасть туда не сумею, поэтому хочу, чтобы ты пошла со мной.

— А почему вы не попросите Финиста? Я ведь даже даром толком управлять не умею, а он и в драке помочь может, и чутье у него звериное, — Герда поморщилась, вспоминая, что это самое чутье ему в последний раз подсказало.

— Я все-таки думаю, что твои таланты мне послужат лучше, чем его. Тем более, Финист не в том состоянии, чтобы куда-то идти.

Герда молча кивнула. Тут не поспоришь. Николая протянул ей руку, и Герда с радостью ее приняла.

Погода стояла на удивление ясная. Солнце пригревало по-весеннему ласково, предвещая долгое жаркое лето. Они направились через город к причалу, прошлись вдоль набережной, где Герда часто гуляла с оборотнем, и оказались на диком пляже у врезавшейся в море скалы. Герда вопросительно глянула на Охотника.

— Надо обогнуть ее по воде. Тут мелко, но течение холодное и сильное, — объяснил



Николя. — Лучше, перенесу тебя, а то замерзнешь. Согласна?

Герда сглотнула. Стоит ли соглашаться, учитывая, какой странный оборот приняли их отношения? Но раз уже ввязалась, надо до конца идти, что бы там ни было. Охотник повернулся спиной и присел. Герда заставила себя не думать, как это выглядит со стороны, и обвила руками его плечи. Николя подхватил ее под колени и поднялся. Она тихо ойкнула от неожиданности и инстинктивно покрепче сцепила ноги у него на талии.

— Эй, только чур не лягаться! — сразу предупредил Николя.

Герда попыталась расслабиться. Он вошел в воду чуть выше колена и бодро зашагал в сторону скалы. Спина мерно вздымалась в такт глубокому дыханию. Сквозь одежду Герда чувствовала, как напрягались закаленные в бесчисленных сражениях мышцы, как кровь разливалась по венам вместе с животворящим теплом, которое передавалось через кожу, словно укутывало нежной, как лебяжий пух, накидкой. Герда уткнулась носом в его макушку, вкушая ставший любимым запах его волос, и закрыла глаза, представляя себя где-то далеко отсюда: от проблем, от людей, от всего, что мешало им остаться наедине.

Николя хорошо подгадал время отлива, поэтому глубоко заходить не понадобилось. Течение ослабло и не мешало быстро продвигаться вперед.

— Вам не тяжело? — участливо спросила Герда, почувствовав, как он напрягается, чтобы сделать очередной шаг.

— Нет, конечно, у тебя бараний вес, — покачал головой Охотник. — Я же телекинетик, мне любые тяжести нипочем. А тебе бы не мешало нагулять немного жира.

Герда покраснела до корней волос. Бывало, за чтением она пропускала обед или ужин, но это случалось далеко не так часто, да и поправились она после их путешествия. Не так, чтобы это было заметно, но все же.

— Я шучу, — рассмеялся Николя, выдержав напряженную паузу.

Герда фыркнула, но отвечать не стала, задумчиво глядя на уходящую за горизонт гладь океана. На самой его окраине виднелись зыбкие берега большого острова, того самого, на который так стремился Охотник. Герде тоже захотелось туда попасть, хоть одним глазком взглянуть на места, где он родился и вырос. Возможно, тогда удастся его понять, если уж с чтением мыслей ничего не получается.

— Пришли, — окликнул ее Охотник.

Скала ушла вглубь материка, образовав полукруглую нишу и освободив кусочек берега от массивного каменного кружева. Николя вышел на сухой песок и, аккуратно поставив Герду на землю, повел плечами, разминая затекшие мышцы, и принялся стягивать пропитанные тюленьим жиром ботфорты из толстой грубой кожи.

— Все хорошо? — встревоженно спросила она, заметив, как на его сильно побледневшем лице ярким пятном выделяются синеватые губы.

— Да, попал в холодное течение. Ноги немного заоченели. Сейчас все пройдет, — небрежно отмахнулся Николя и принялся растирать ступни захваченной из дома мазью. — Можешь пока осмотреться.

Герда неуютно поежилась. Зачем он отрицает очевидное? Но спорить не стала и занялась «рекогносцировкой» местности — диковинное слово недавно попало в одной из книг, посвященных военной тактике и очень приглянулось своей стальной звучностью.

Бухта оказалась совсем крохотной, но очень живописной. Искристая лазурь притихшего океана закручивалась мелкими барашками лишь у самой кромки золотисто-белого берега, который через несколько десятков шагов упирался в черные складки уходящих в небо

скалистых утесов. От величественной красоты захватывало дух. Совершенно свободный, отделенный от суетного мира кусочек безмятежности — именно то, о чем она мечтала, пока они сюда шли. Герда скинула башмаки и поглубже втянула влажный просоленный воздух. Ветер ласково заиграл в волосах. От накатившего пьянящего ликования захотелось кружиться, чувствуя под босыми ступнями нагретый солнцем песок.

— Как же здесь хорошо! — счастливо воскликнула Герда и побежала по берегу вдоль полосы прибоя.

У противоположного конца скал она нашла большую перламутровую раковину. Чистую и абсолютно целую. Гладкая поверхность приятно легла в руку. Герда заинтригованно поднесла раковину к уху. Изнутри доносился глухой шум моря. Именно так, как рассказывали. Просто чудо!

Обрадованная, Герда побежала показывать Николаю свою находку. Он разминал руками икры, сидя на песке, и тряс ступнями, словно желал поскорее сбросить с них остатки ледяных судорог. Удостоив раковину лишь коротким взглядом, Николай снисходительно улыбнулся. По-доброму так. Герда тут же ощутила себя глупым беззаботным ребенком, который своими выходками лишь мешает важному взрослому делу.

Она понурилась и отправилась обследовать бухту дальше, раз уж ничего более умного придумать не получалось. Добралась до темневшего в скалах провала, в котором ощущалась слабая, но очень таинственная аура. Против воли охватило волнующее предвкушение. Сейчас снова начнутся захватывающие приключения, как во время путешествия на север, только на этот раз рядом будет Николай, который сможет помочь и защитить в любую минуту. В скале обнаружилась маленькая пещерка. Герда на коленях проползла в узкий проход и очутилась в совсем крохотном зале, который заканчивался мощной монолитной стеной. Провела вдоль нее рукой в поисках необычного: выступов, рычагов, чего угодно, что могло бы привести в тайный ход, как было в волотовках или Будескайском замке. Но здесь ничего подобного не нашлось. Герда присела на корточки и проверила, нет ли на полу царапин или отметин, которые могли бы указать на то, что стена двигалась. Но и их не оказалось. Лишь в самом углу что-то шуршало и шевелилось. Герда высекла огнем искру и подожгла трут, чтобы получше рассмотреть того, кто прятался в темноте. На нее уставилась пара мелких алых глаз. Герда вздрогнула и попятилась. Огонь тут же погас. Перепуганная, она выскочила из пещеры и бросилась к Николаю.

— Там крыса, белая!

— Я знаю, — безмятежно ответил он, словно тут не было ничего пугающего.

Точно, как с глупым ребенком разговаривает! Но успокоиться Герда уже не могла.

— Но это же альбинос! Явный признак злого колдовства.

— Да. А еще в той милой пещерке есть лаз, через который они попадают в город и становятся обычными черными или бурыми крысами, которых твой Шквал любит сваливать мне под дверь, — вздохнув, торопливо объяснил Охотник.

Герда пораженно уставилась на него.

— Но самое удивительное, что приходят они оттуда, — Николай махнул в сторону океана.

— Как?

Он поманил ее за собой и указал на вихрившийся в воде воздушный поток толщиной в руку, уходивший в открытое море.

— По нему и приходят.

Николя присел и опустил ладонь в поток. Возле его пальцев тут же показалась оскаленная крысиная морда и попыталась цапнуть перекрывающую ход преграду. Охотник отдернул руку и повернулся к Герде.

— Ты должна помочь мне проследить, куда ведет этот поток.

Герда задумчиво наблюдала, как на берег из воды вышла абсолютно сухая белая крыса и с деловым видом направилась к пещере. «Как я смогу проследить, куда ведет воздушный поток? Это так далеко! Я не почувствую ауру на таком расстоянии».

— Смотри, — Николя раскрыл небольшую карту прибрежных вод Упсалы. — Видишь здесь маленькие точки? Все это — островки, окруженные плотным кольцом подводных скал. На лодке плыть очень опасно: там мощное течение и велик шанс разбиться. Но мы можем попробовать телепортироваться.

— Это невозможно! Вы должны хотя бы в уме представлять место, а вы даже не знаете, на какой остров надо попасть, — горячо запротестовала Герда.

Ведь это еще опаснее, чем плыть через скалы на лодке. Конечно, она глупая и ничего не понимает, но он-то должен!

— О! В книжках вычитала? — быстро догадался Николя. Герда смутилась. — Вот тут мне и понадобится ты. Пока я буду нас телепортировать, ты проследишь, куда ведет аура потока — а я больше, чем уверен, что эта зараза прет с одного из островов — и направишь нас напрямик туда.

— Но если у меня не получится? Если я ошибусь, и мы окажемся посреди океана? Сами же сказали — вода ледяная! Мы не доплывем до берега и утонем, — продолжала упорствовать Герда.

— Ну, вот опять, — понурился Николя. — Почему тебе так сложно поверить в себя и не думать о неудаче? Не трусь.

Герда поджала губы. Уж очень часто он стал играть на ее слабостях.

— Если что, у меня есть запасной вариант — выберемся.

Лучше глупая, чем трусиха. Герда решительно протянула ему руку.

— Посмотри на поток и закрой глаза. Чувствуешь его? — принялся наставлять ее Охотник.

— Слабо.

— Выровняй дыхание и сосредоточься на нем. Больше ни о чем не думай.

— Я стараюсь.

— Хорошо, а теперь иди за ним. Тебе ведь хочется узнать, куда он ведет?

Герда глубоко вздохнула и сделала, как велел Николя. От сильного толчка скрутило желудок и чуть не вывернуло наизнанку. Трясло так, словно они неслись на большой скорости. Едва удавалось удерживать нить белесо-голубой ауры потока в поле внутреннего зрения. Герда не знала, что за запасной вариант припасен у Николя, но купаться в ледяной воде совершенно не хотелось. Скорее бы все закончилось. Ну почему так долго? Неожиданно тьму плотно закрытых глаз озарила вспышка, настолько яркая, что Герда словно ослепла. Ноги глухо ударились о землю. Герда почувствовала, что Николя ее больше не поддерживает. Она с трудом выровнялась и заставила себя открыть глаза. Перед ней был лишь кусочек песчаного берега и обманчиво безмятежный океанский простор. Сзади послышался сдавленный стон. Что-то пошло не так? Герда обернулась и похолодела.

Николя распластался на земле и глотал воздух ртом, как выброшенная на берег рыба. Из носа стекали две тонкие темные струйки. Несколько мгновений Герда не могла сдвинуться с

места от ужаса. Что сним? Он ведь такой сильный, он не может... неправильно это. С трудом взяв себя в руки, Герда присела возле Охотника и помогла приподняться.

— Вам плохо? Это моя вина. Я же говорила, что не получится, — Николая послал такой измученный взгляд, что слова застряли в горле.

— Фляга... на поясе... пить, — с трудом выдавил он из себя.

Герда взяла флягу и принялась ее открывать, но руки предательски тряслись и соскальзывали с пробки. Николая не выдержал, откупорил сам и, тяжело припав к горлышку, осушил до дна.

Накатило отчаяние. Герда не удержалась и хлюпнула носом. Глупая! Бестолковая! Даже такую мелочь сделать не смогла.

— Все в порядке, — успокаивающе сказал Николая, когда чуть-чуть отпустило. — Не рассчитал силы. Телепортироваться вдвоем намного тяжелее, чем одному.

— Я слишком медленно двигалась. Я должна была найти этот остров быстрее. Я... — взволнованной скороговоркой забормотала Герда, но он накрыл ее губы рукой.

— Успокойся. Ты сделала все, как надо и даже больше. Остров оказался слишком далеко, а я не захотел останавливаться на полпути. Не переживай. Сейчас отдышусь, и все пройдет, — нарочито беспечно говорил он, но беспокойство никак не хотело униматься.

— А как же запасной вариант? Почему вы довели себя до такого состояния, но не воспользовались им? Или... — Герда с подозрением прищурилась. — Не было никакого запасного варианта?!

— Возможно, — криво усмехнувшись, ответил Николая.

Она недовольно поджала губы. Да он же чуть не убил их обоих! Неужели ему совершенно себя не жалко? Но ей-то было очень жалко и тревожно за него. Герда подвинулась поближе и заглянула в глаза:

— Как мне помочь?

— Просто посиди рядом и помолчи, — устало ответил Николая.

Герда достала из-за пазухи платок и принялась вытирать кровь с лица Охотника, а потом вдруг почувствовала, что его руки мягко легли ей на талию. Снова заглянула в его глаза и увидела собственное отражение. По спине пробежали мурашки, предательский всхлип сорвался с губ. Он хочет?.. Она тоже... так давно. Не выдержав томительного ожидания, Герда подалась вперед и поцеловала сама. Неловко, неуверенно, лишь слегка коснулась губ и попыталась отстраниться, но почувствовала, что ее не пускают. Николая ответил, так мягко и нежно, что от страха не осталось и следа. Прерывать их близость больше не хотелось. Герда обвила его плечи руками и позволила поцелую стать чуть менее невинным.

Охотник будто только и ждал маленького поощрения: неистово впился а ее уста, словно хотел осушить до дна, как флягу. Наливалось жаром внизу живота неизбежное томное чувство, заволакивало разум зыбкой пеленой. Захотелось податься навстречу, раскрыться сильнее, отдавая себя всю во власть бушующих эмоций, раствориться в них, замереть навеки, лишь бы этот сказочный поцелуй не прекращался никогда. И немного страшно, что если это продлится, то все может зайти слишком далеко. Тогда дороги назад уже не будет.

Нет, она не готова к этому, слишком серьезно. Время и место тоже совсем не подходящие. К чему не готова? Да о чем вообще она думает?!

Почувствовав, что Герда напряглась, Николая отстранился сам и с печальной улыбкой заглянул ей в глаза. Она дышала так тяжело, словно долго бежала, а Охотник наоборот

выглядел бодрым и здоровым, как будто это не он несколько минут назад упал на землю обессиленным. Повисла неловкая тишина.

— Хоть по морде в этот раз не получил, — усмехнулся Николая и встал.

Герда закрыла лицо руками. Он что издевается?

Охотник подал ей руку и помог подняться.

— Пошли искать нашего демона?

Герда кивнула. Она уже и думать забыла, для чего они сюда пробирались с такими муками. Осмотрелась по сторонам. Остров оказался плоским и круглым, как блин. Со всех сторон его частокором окружали торчащие из воды скальные пики. Самым примечательным было то, что они располагались на одинаковом расстоянии друг от друга, а верхушки венчали едва различимые вырезанные в камне лица. Да это капище! Только зачем понадобилось делать капище на маленьком острове посреди океана?

— Здесь! — позвал Николая.

Герда повернула голову. Он стоял в самом центре, рядом со стесанным валуном, доходившим Охотнику чуть ли не до пояса.

Герда направилась к нему. Теперь она очень четко ощущала, что аура от воздушного тоннеля вела именно сюда.

— Жертвенник? — предположила Герда, разглядывая странный камень.

— Больше похоже на надгробие, — хмыкнул Николая и указал на полустертую рунную надпись. — Тут и имя есть.

— Вотанас, — с трудом разобрал руны, прочитала Герда. — Что-то знакомое. Интересно, кто бы это мог быть и зачем его понадобилось хоронить в таком месте?

Охотник пожал плечами и положил руки на камень, словно собрался сдвинуть.

— Что вы делаете?! — переполошилась Герда.

— Ищу демона. Он здесь. Разве ты не чувствуешь?

— Чувствую, но... это ведь могила. Нельзя ее разорять. Один раз вы уже вызвали Дикую Охоту. Не стоит второй раз испытывать терпение мертвых.

— Это же остров. Сомневаюсь, что Охота сможет проследить за нами до города. Да и не заметит она. Здесь же всего одно захоронение, и то не понятно, чье и сколько тут простояло. Гнойник надо вскрыть, насколько бы неприятно это ни было. Иначе болезнь не вылечишь.

— Но... — не нашла, что возразить, Герда. Все равно было не по себе. — Вы же все силы истратили, вы не сможете его сдвинуть.

— Посмотрим.

Николя уперся ногами в землю и толкнул камень от себя. Тот на удивление легко сошел с места, открывая неглубокую яму, в которой кишмя кишели серые крысы.

— Ну и дрянь! — поморщился Николая и, сняв с пояса ножны, попытался распахать крыс в стороны, чтобы рассмотреть, что под ними: особо вкусный кусок или... — Знаешь, а ты права. Они действительно срослись хвостами.

Герда, с трудом преодолевая брезгливость, присмотрелась к грызунам внимательней. Подранные и облезлые, со смрадными гниющими язвами на боках и проглядывавшими сквозь них костями, крысы шипели, пытаясь расползтись в стороны, но не могли сделать и шага, потому что их длинные лысые хвосты сплелись в мертвый узел.

— Раз-два-три-четыре... их тринадцать. Демонова дюжина! — испугалась Герда. — У нас было всего трое, а лихоманка унесла по человеку с каждого двора. Что же будет?

— Ничего, — с мрачной уверенностью ответил Николая и, достав из ножен меч,

принялся кромсать обездвиженных грызунов на части.

Герда отвернулась и отошла как можно дальше, борясь с рвотными позывами. Уселась у самой воды и подняла глаза на тонущий в багровом закатном зареве горизонт. Красиво и зловеще. От скуки Герда набрала в руку горсть песка и замороженно наблюдала, как он просачивается сквозь пальцы, потянулась за следующей и наткнулась на что-то твердое. Удивленно глянула на свою находку. Это оказалась ольховая пастушья флейта красновато-белого цвета. Герда помыла ее в морской воде, вытерла рукавом, поднесла у губам и подула, зажав пальцем среднюю из пяти дырок. Над океаном пронесся громкий, скрипучий, как от двери на несмазанных петлях, звук. Николая от неожиданности вздрогнул и выронил меч, чуть не попав себе по ноге.

— Ты что? — недовольно осведомился он.

— Извините, я не хотела, — неловко попыталась оправдаться Герда и показала свою находку. — Похоже, здесь недавно кто-то был и обронил ее.

— Тогда должны были остаться следы, — покачал головой Охотник. — Может, приливом принесло?

— Вряд ли. Поглядите, она совсем новая.

Николя задумчиво хмыкнул.

— Ладно. Крыс я уничтожил, а больше ничего демонического здесь нет. Пора возвращаться.

— Но как? У вас еле сил досюда добраться хватило.

— Запасной вариант, — подмигнул Николая.

Герда недоверчиво глянула на него. Так все таки был запасной вариант?

— Только обещай никому не рассказывать. Это секрет.

— Обещаю, — ошеломленно ответила Герда и во все глаза уставилась на Охотника.

Он стянул с себя куртку, под которой оказалась странная, похожая на вывернутую подушку, белоснежная рубаха.

— Что это?

Герда протянула руку и потрогала. На ощупь одежда оказалась мягкой и пушистой, как лебяжий пух. Да это он и был, только как можно сделать рубашку из пуха?

— Подарок, — коротко ответил Николая. — Держись.

«За что держаться?» — не успела спросить Герда, как они оторвались от земли и взмыли в воздух.

— Что-что-что?! — от страха гулко застучали зубы.

Николя крепко держал ее подмышками. Над головой раздавались громкие хлопки огромных крыльев. Остров внизу быстро удалялся, превращаясь в крохотную точку посреди океана, купающегося в багряных всполохах заката.

— Мы летим, — прозвучал над самым ухом насмешливый голос Охотника.

— Я поняла, но как?

— Как птицы, — продолжал шутить Николая. — Только не дергайся. Я не часто вожу с собой пассажиров.

Герда замерла, с восторгом ощущая, как прохладный ветер колышет одежду и волосы. Ноги не касаются земли, а все тело становится легким, словно перышко в рубашке Николая. Свобода — вот что такое полет. Она ощущала это раньше, в полузабытом сне когда-то давно. И как же было хорошо, правильно, именно так, как должно быть.

— Почему вы раньше не брали меня полетать? Это так замечательно!

— О, ты не боишься? — весело спросил Николая. — Бесстрашная Герда. Растешь в моих глазах прямо на лету.

Поджала губы. Почему он не может порадоваться вместе с ней? Или ему просто нравится издеваться? Додумать Герда не успела, потому что они начали резко снижаться на дикий пляж, с которого начинали свое путешествие. Ноги ударились об землю. Николая выпустил Герду из стальных объятий, и она смогла обернуться. Никаких крыльев у него не было, но ведь она слышала шелест! Охотник накинул куртку и глухо застегнул под самый ворот.

— Никому не говори. Я на тебя рассчитываю, — заговорщически подмигнул он и, взяв за руку, повел обратно к городу.

Они возвращались назад той же дорогой через причал. Порт казался странно вымершим. Впрочем, солнце уже зашло, а корабли редко приплывали в Упсалу ночью из-за коварных подводных скал. Да и рыбаки предпочитали возвращаться загодя. И все же было слишком тихо. Народ — в основном моряки — суетились лишь возле только что пришвартованного корабля с золоченой надписью «Мейдоголда» вдоль борта, того самого, который увез Дугаву и Ждана в далекую Норикю. Герда с Николаем уже почти минули корабль, как Охотника окликнули. Он резко остановился и обернулся. Должно быть, узнал голос.

На причал легко прыгнул капитан Сайлус, одетый не по-вечернему легко — в короткие штаны и безрукавку. Вид у него был вполне дружелюбный, но Герду что-то насторожило. И она никак не могла понять, что именно.

— Только из Дюарля. Тебе посылочка из Компании, — не слишком почтительно сообщил Охотнику моряк и подмигнул Герде: — А тебе сердечные приветы от друзей.

— Спасибо! — она счастливо улыбнулась, вспоминая Дугаву со Жданом.

Сайлус поманил Николая за собой на корабль, не объяснив толком, почему не может передать посылку на берегу. Охотник скрипнул зубами совсем как Финист и нехотя взшел по трапу.

— Что там? — осведомился он, оказавшись на корме.

— Книги от компании, ящик со всякой всячиной для твоего сумасшедшего целителя от меня и еще вот это, — Сайлус достал из-за пазухи письмо с красной сургучной печатью, которое, должно быть, и составляло всю секретность посылки. — Ваш старший просил передать тебе лично в руки.

Николай удивленно вскинул бровь:

— Старший?

— Ну бугай такой, слишком серьезный и обходительный.

— Ноэль?

Капитан кивнул.

— Вечно у них какие-то тайны, — Николай рассеяно сунул письмо во внутренний карман куртки и потянулся за ящиком, наверху которого лежала внушительная стопка книг, перевязанная тонкой веревкой. — Тяжеленькая!

— Помочь донести? — любезно предложил Сайлус.

— Сам справлюсь, — проворчал Охотник и начал спускаться по трапу с трудом балансируя с тяжелой ношей в руках.

Герда, ожидавшая его на причале, не слушая возражений, отобрала свои книги, и они поковыляли домой, то и дело останавливаясь, чтобы перевести дыхание.

— Мастер Николая, а можно вопрос?

— Угу.

— Мастер Сайлус тоже демон?

Охотник пристально посмотрел на Герду.

— Да, но лучше при нем об этом не говорить. Он очень щепетильно относится к своему происхождению.

— А он не опасен?

— Не меньше, чем все остальные.

Иногда у Герды возникало чувство, что с демонами Николя куда более открыт и откровенен, чем с людьми. Чем даже с ней. Особенно с ней.

Разговор прервал гам, доносившийся с рыночной площади. Охотник нахмурился и поспешил вперед. Герда последовала за ним. Почти все жители города собрались у ратуши возле небольшого деревянного помоста, где по праздникам устраивали представления бродячие артисты. Николя с Гердой встали в задний ряд. Пришлось подняться на носки, чтобы разглядеть, из-за чего суета. Но тут толпа загудела и расступилась сама собой. Они недоуменно переглянулись и прошли вперед. На возвышении стоял сухопарый мужчина в мешковатом сером балахоне и самозабвенно что-то вещал. Встретившись глазами с Охотником, он осекся, внимательно рассматривая висевший на поясе меч и, неприязненно прищурившись, продолжил:

— Я спрашиваю, почему ваши боги оставили вас? Разве мало жертв вы приносите им во время праздников? Разве мало почитаете и воздаете им за спокойствие и благоденствие ваших семей? — говорил он зычным, хорошо поставленным голосом, который, многократно отражаясь от стен ратуши, заражал слушателей своим запалом. — И что они дают вам взамен? Ничего! Ни урожая, ни погожих дней, ни даже защиты от тварей из червоточин. Знаете, почему? Нет, не потому, что они обиделись или просто заняты. Их попросту нет. А если бы были, разве бы бросили они своих чад в беде? Ваш бургомистр, ваши жрецы, ваш герой-Охотник, — мужчина смерил Николя презрительным взглядом. — Они все обманывают вас, ведут по ложному пути напрямик к гибели. Доколе еще будут терзать ваш славный город мерзкие прожорливые твари? Разве у ваших защитников есть ответ?

Николя сжал кулаки, глядя на проповедника с плохо скрываемой яростью.

— Зато он есть у меня, осененного мудростью Единого и его проводников на нашу грешную землю. Внемлите мне! — голос оратора упал, заставляя толпу напряженно прислушиваться, ожидая следующего слова, которое просто обязано было стать откровением. — Пока вы не откроете сердца подлинному Единому богу, несчастья будут сыпаться на вашу землю как из рога изобилия. И крысы — только начало. За ними последуют голод, болезни и мор. Отвернитесь от жалких бессильных, лживых покровителей и следуйте за светом истинной веры. Только тогда распахнутся перед вами врата в землю вечной благодати. Отрекайтесь от них, — проповедник попеременно указал на Охотника, бургомистра и еще нескольких стоявших рядом человек. — И будете спасены!

Толпа взорвалась гневными возгласами.

— Да-да, мы отрекаемся! — кричали самые внушаемые.

— Вы чего? Они ведь столько для нас сделали: от демонов да разбойников защищали, с богами договаривались, городом управляли, судили справедливо.

— Это раньше все было. А сейчас толку от них — пшик! С крысами какой месяц разобратся не могут.

Толпа загудела сильнее, переругиваясь, пытаясь решить, верить новому спасителю или



дать еще один шанс старым.

— Я же говорил, быстрее надо было от крыс избавляться. Народ недоволен. А тут еще этот проповедник как назло объявился, — тихо запричитал Гарольд, чтобы никто посторонний не услышал. — Может, ножичком ему по горлу, пока бучу поднять не успел?

— Да вы что! Разве можно людей без суда убивать? — возмутилась Герда.

— Ничего-то ты, девонька, в политике не смыслишь, — покачал головой бургомистр.

— Так она дело говорит, — неожиданно поддержал ее Николая. — Если убьем проповедника, хуже сделаем. Лицо перед народом потеряем. А ему мучеником во имя веры стать только в радость.

— А если Эглаборговым зельем? Никто и знать не будет, — предложил Гарольд.

— Мы будем, — решительно возразил Охотник. — Да и слухи поползут обязательно. Я человек простой и интриги плести не умею, а тем более собственной совестью поступаться. А вы, мастер Гарольд?

Бургомистр тяжело вздохнул и отвернулся. Одно дело — соседей дурить да цены на товары накручивать, и совершенно другое — человека убить без суда, пусть даже не своими руками.

— Что ты предлагаешь? Позволить ему разобраться с крысами, а когда ничего не выйдет, вступить в дело самим и показать, что правда на нашей стороне?

Николя лишь печально отвел глаза:

— Я уже справился с крысами... Кажется.

— Но тогда он припишет твою победу себе. Ты потеряешь доверие народа, жрецы паству, а я власть. И здравствуй Единоверческая церковь посреди города. А там уже и до лапского епископата рукой подать, — продолжал беспокоиться Гарольд, но Николая остановил его хмурым взглядом.

— А потом придет новый демон, с которым никакой епископат справиться не сможет, и народ вновь вернется к нам. И случится это гораздо быстрее, чем успеют заложить фундамент церкви.

— Если все Стражи были такими же самонадеянными, как ты, то я понимаю, почему они проиграли, — покачал головой бургомистр.

— Даже если так, никого убивать исподтишка я не собираюсь, — вспыхнул Николая. — Если хотите, действуйте сами, а я вернусь в Норкию.

— Ладно, — Гарольд положил руку Охотнику на плечо в знак перемирия. — Пока подождем и посмотрим, а там уж решим, что делать.

Николя кивнул и, подняв свой ящик, пошел вместе с Гердой прочь от гудевшей рыночной площади.

— Спасибо вам, — сказала она, когда толпа вместе с бургомистром и проповедником оказалась далеко позади.

— За что?

— Вы не согласились убить того человека. Это было бы неправильно, — она замолчала, а спустя некоторое время начала говорить через силу: — По дороге сюда нам встречалось несколько городов с Единоверческими церквями. Должно быть, туда тоже приходили проповедники во время бедствий, и люди им поверили. Думаете, и здесь так будет?

— Возможно. Но смерть одного проповедника ничего не решит. Его место займут другие. И их такое великое множество, что ни Гарольду, ни мне, ни всей компании Норн не справиться. Надо смириться, что наше время безвозвратно уходит, и у нас нет сил этому

противостоять.

Герда вспомнила, как песок просачивался сквозь пальцы. Также выходит и время последних Стражей. Они все обречены.

— Тогда для чего мы все это делаем: учимся, сражаемся с демонами?

— Продлеваем агонию. Пытаемся прожить чуть дольше отведенного срока.

Герда вздрогнула от безнадеги в его голосе. Словно Николая готовился взойти на эшафот прямо сейчас. И они все вместе с ним. Стопка книг с грохотом упала на мощеную булыжником мостовую. Герда приложила руку к груди, пытаясь унять отчаянно колотившееся сердце.

— Не переживай так. Вполне возможно, что до полной победы единоверцев мы не доживем, — Николая печально улыбнулся и подал ей книги.

— А наши дети? — сама не зная почему, спросила Герда, принимая их.

Охотник нахмурился:

— Ты хочешь завести детей?

Она отвернулась. Больше ни о чем расспрашивать не хотелось. Они молча побрели к показавшейся вдалеке усадьбе Охотника.

\*\*\*

Финист заметил издали, как они возвращались. Был уже поздний вечер. Где их носило все это время? В самом деле, не мог же Охотник затащить Герду в какое-нибудь укромное местечко, предварительно совсем задурив голову, и там воспользоваться ее наивностью. Нет, это не в его правилах. К тому же, это его дом. Вряд ли бы он стал стесняться приютившихся под его крышей гостей. Да и Герда не такая дура.

В коридоре скрипнула дверь, послышались шаги. Финист спешно спрятался за перилами на лестнице. На пороге гостиной показались Герда с Николаем.

— Я буду в библиотеке, — предупредила она и ушла, прихватив с собой большую стопку книг.

Николай проводил ее взглядом и поволок внушительных размеров ящик на кухню. Через пару минут вернулся, разжег камин, достал спрятанный под курткой конверт, сорвал печать и принялся читать. В свете пламени Финист разглядел, как напряглись его черты, брови грозно сошлись над переносицей, а губы растянулись в недовольной гримасе.

Плохие новости из компании? Понижение? Неужели этот самоуверенный хлыщ впал в немилость?

Снова послышались шаги.

— Мастер Николай! — позвала Герда, показавшись в дверном проеме.

Николай с Финистом одновременно вздрогнули. Оборотень неловко громыхнул ремнем об перила. Охотник, словно ничего не заметив, скомкал письмо и брезгливо швырнул его в камин. Герда заметно насторожилась:

— Плохие новости?

— Нет, — поспешно ответил Охотник, но потом все же попытался выдавить из себя что-то больше похожее на правду. — Да. Норикия готовится объявить войну Священной империи.

— И вас призывают в войска? — испуганно выдохнула Герда, приложив руку к губам.

Нашла за кого переживать!

— Пока нет. Просто просят поторопиться с вашим экзаменом, — легко развеял ее опасения Охотник. — В любом случае, война — дело не быстрое.

— Х-хорошо, — заикаясь, пробормотала Герда, а потом совершенно неожиданно обхватила его за шею и расплакалась.

От омерзения чуть не вытошнило. Финист зажал рот рукой, чтобы не закричать от ярости. Краем глаза заметил, как неловко дернулись руки Николая, словно он хотел оттолкнуть Герду, но не смог — вместо этого прижал к себе крепче, начал гладить по волосам, бормоча что-то успокаивающее.

— Ты что-то хотела сказать? — напомнил он, когда Герда справилась с собой.

— Да, я нашла кое-что по поводу крысиного острова, если... — она громко всхлипнула. — Если он вас еще волнует.

— Конечно, волнует.

— Помните, я говорила, что мне знакомо высеченное на камне имя. Я вспомнила, где я его видела. Вот, — Герда протянула ему старую книгу со стертой обложкой. На титульном листе большими буквами было выведено: «История славной матушки Упсалы от изначальных времен до наших дней». Герда пролистала несколько страниц и открыла там, где изображался одноглазый старик в широкополой шляпе.

— Это Вотанас, небесный пастух-тучегонитель. Основатель и первый бог-покровитель Упсалы, — торопливо пересказывала она. — Долгое время при нем жители города благоденствовали и не знали никаких бед. Но однажды на Упсалу напало полчище крыс, которое сожрало все посевы, и наступил голод. Обозленные и отчаявшиеся, жители отреклись от своего покровителя и призвали новых более сильных богов, которые смогли защитить город от несчастья. Боясь гнева Вотанаса, упсальцы похоронили его на труднодоступном острове в океане.

— Как можно похоронить бога? Он ведь бессмертен, — нахмурился Николай.

Герда надолго задумалась.

— Здесь не сказано, но полагаю, они похоронили там память о нем, поставили сверху тот могильный камень и больше никогда не приносили ему жертв, не говорили о нем и даже не вспоминали. После этого у людей все наладилось, но не у похороненного заживо Вотанаса. Преданный забвению, он не умер, как надеялись упсальцы, но обозлился и стал предводителем Дикой Охоты мертвецов, которая прокатывается по мидгардской земле, если кто-то посмеет осквернить чужую могилу.

— Предводитель Дикой Охоты? — пораженно переспросил Николай. — Ты хочешь сказать, что я пробудил его, когда разорил древнее кладбище, и теперь он решил мстить всему городу за дела тысячелетней давности?

Герда развела руками:

— Вы сами говорили, что Дикая Охота в тот день была особенно неистовой. Наверное, их предводитель слишком разъярился, не смог успокоиться и решил насрать на город ту же напасть, что уничтожила веру в него. За тысячу лет у него было достаточно времени, чтобы научиться управлять грызунами. Думаю, он из небесного пастуха превратился в крысиного. Смотрите, вот здесь.

Герда достала из-за пазухи флейту и ткнула пальцем у основания. Охотник задумчиво покрутил инструмент в руках.

— Если это действительно он, то у нас большие проблемы, — вздохнул Николай. — Ты знаешь, как победить бога?

Герда передернула плечами.

— Ладно, он же не появится у нас на пороге прямо сейчас. А когда появится, тогда и

решать будем, — заключил он. — Поднимайся к себе, ты устала. Я попрошу Эглаборга принести ужин тебе в комнату.

— А вы? — упрямо спросила Герда.

— Я тоже прилягу, только дождусь Эглаборга, — с готовностью заверил ее Охотник, сделал шаг к кухне, но Герда ухватила его за локоть.

— Я еще хотела спросить, не удалось ли узнать о Лайсве.

Николя побледнел и отвернулся.

— Нет. Не думаю, что в Компании сейчас найдется время заниматься такими пустяками, — ответил он неожиданно строго и скрылся за дверью на кухню.

— Да, я понимаю, — пробормотала Герда и начала подниматься по лестнице.

На полпути встретила Финиста, но не стала с ним разговаривать, лишь коротко пожелав спокойной ночи. Впрочем, он и сам не стал ее задерживать, спеша вниз к камину. Охотник явно что-то скрывал. Это было заметно по его напряженной позе, по звеневшему, словно натянутая струна голосу, по бегающему взгляду и в первую очередь по тому, что он говорил Герде. Близящейся войной между Нормадией и Священной империей можно было удивить разве что Герду, а с экзаменом затянул сам Николя совершенно нарочно. В письме явно было что-то другое, что-то важное. Что-то, чем он не захотел делиться и предпочел скрыть даже от Герды. А может, именно от нее и хотел скрыть!

Воровато оглянувшись по сторонам, Финист взял кочергу и вытянул из золы недогоревший клочок бумаги. Повертев его в руках, с трудом разобрал несколько коротких фраз: «Дела давно минувших дней... Не гоняйся за призраками... Архимагистр очень опасен». Не успел подумать, что бы это могло значить, как кто-то силой развернул его на себя и вырвал из рук таинственную находку.

— Какого демона ты лезешь в чужие письма?! — напустился на него Николя. И как ему удастся ходить так бесшумно? Финист досадливо сжал кулаки, наблюдая, как Охотник сует бумагу обратно в огонь и шевелит угли, чтобы на этот раз пламя наверняка уничтожило все доказательства его лжи.

— Я жду объяснений, — потребовал Николя, когда уверился, что от письма ничего не осталось.

— Я просто мимо шел. Заметил торчавший из камина огарок. Стало любопытно, и я его достал. Из-за чего крики-то? — не слишком складно оправдывался Финист. Впрочем, ему было все равно.

— Не лги. Ты подслушивал мой разговор с Гердой. Я не такой идиот, как тебе кажется.

— Это кто тут лжет? На себя посмотри. Тоже мне, самый правдивый человек в Мидгарде нашелся, — Финист решил, что лучшая защита — это нападение. Нехитрый прием сработал. Николя лишь сверкнул глазами и отвернулся, явно не желая продолжать перепалку.

Он устроился в кресле и задумчиво уставился в одну точку. Финист продолжал наблюдать исподтишка, надеясь, что Охотник выдаст свою тайну опрометчивым действием. Но ничего не происходило. Николя рассеяно сунул руку в карман, достал оттуда флейту и принялся пристально ее разглядывать. Потом набрал в легкие побольше воздуха, приложил инструмент к губам и извлек из него жуткий скрипучий звук.

Финист поморщился и бесцеремонно выхватил флейту из рук Охотника:

— Дай сюда. Она же недоделанная. А он еще говорит, что не идиот.

Николя недобро покосился, но возражать не стал и терпеливо дождался, пока Финист

чинил инструмент. Флейта оказалась совершенно обычной грубой наспех сработанной поделкой. Единственным примечательным в ней было крохотное изображение крысы, вырезанное у самого основания. Подчистив инструмент на глаз тонким стальным грифелем, Финист поднес его к губам, чтобы опробовать работу. Флейта заиграла на удивление чисто. Настолько, насколько это было возможным для столь неумелой безделушки. Но странное дело: Финист неожиданно увлекся, закрыл от наслаждения глаза, растворяясь в собственной музыке, вспоминая о чем-то давно забытом, но невероятно желанном. Неожиданно Николая пихнул его в бок со всей силы. Оборотень оборвал игру.

— Какого демона ты их опять собрал? — махнул Николая куда-то за спину Финиста.

Он удивленно моргнул и огляделся. Всю гостиную заполонили жирные крысы. Они стояли на задних лапах и нетерпеливо дергали усами, словно пришли сюда послушать музыку, но артист почему-то отказался играть.

— Я их не звал, — ошалело ответил оборотень. — На этот раз точно.

— Но они вылезли, как только ты начал играть. Уведи их отсюда, — потребовал Николая.

— Почему всегда я?

— Потому что они тебя только слушают.

— И куда прикажешь их вести? Не к тебе же в комнату.

— К себе, а лучше в океан, хотя нет, у них там союзник. Лучше в огонь. Да не в камин. Совсем обалдел?! Мы же весь дом шерстью завоняем. На улицу пошли.

Финист тяжело вздохнул и снова начал играть, шествуя во двор за Николая, который всерьез вознамерился повторить сожжение колдунов на костре Защитников Паствы.

### ===== Глава 33. Гребень никсы =====

С огнем ничего не вышло. Крысы следовали за Финистом до самого костра, но стоило им почуять, что запахло жареным, как грызуны серой лавиной рванули прочь. Не управились тут ни Николая, гонявшийся за ними с мечом наперевес, ни Шквал, который тоже решил присоединиться к охоте. Ни солоно хлебавши Охотник, Финист и кот вернулись домой, а коварные твари снова разбрелись по городу.

Помыслы Финиста занимала тайна сожженного письма. Охотник явно что-то скрывал, опасное и страшное. Только как узнать точно? Похоже, свои секреты Николая прячет в кабинете. Значит, искать надо в первую очередь там.

Шанс представился, когда Николая срочно вызвали в город. Остальные были заняты своими делами. Финист прокрался по коридору второго этажа и расковырял замок позаимствованной у Майли шпилькой. К обстановке в кабинете присматриваться не стал. Сразу взялся рыться в столе, но ничего особенного не нашел: книги, карты, заметки о крысином деле. Ничего не указывало на то, что Охотник не до конца откровенен.

Остался кованый сундук с огромным навесным замком, который вряд ли бы удалось вскрыть шпилькой, и запертый ящик стола, который взлому поддавался намного легче. Именно им и занялся Финист. Внутри оказался альбом с портретами различных демонов. Финист нахмурился. Этот чудака еще и рисует? Где только свободное время находится?

Финист перелистывал страницы, без интереса вглядываясь в ощерившиеся пасти и хищные взгляды ночных тварей. Взгляд привлек невероятно живой портрет девочки с такими же огромными глазами, как у Герды. Рисунок повторялся в альбоме очень часто,

словно стал для художника наваждением. А на последней странице девочка была изображена повзрослевшей лет на десять. Герда.

У кого-то навязчивая идея. Финист криво ухмыльнулся. Неужели этот болван был тем самым Охотником из детства Герды? Не может быть, чтобы он не заметил ее дара. Почему не стал разыскивать и не привез в компанию раньше? Либо он совсем идиот, в чем Финист никогда не сомневался, либо здесь таится хитрый умысел. Понять бы какой.

Финист отложил альбом и достал со дна ящика сложенный вдвое листок. Развернул и пробежался глазами по написанным строгим мелким почерком строчкам. Отчет в компанию. Какая удача!

Крамолы в отчете не обнаружилось. Наоборот, Никола расхваливал учеников, уверяя начальство, что те великолепно подготовлены к экзамену, и он не сомневается в успехе. Более того Охотник приписывал все заслуги по их обучению Финисту и даже рекомендовал его на службу в военном корпусе компании в качестве лазутчика или диверсанта. Поначалу хотелось возмутиться, но потом идея захватила. В дружине Финисту часто поручали особые скрытные задания: разузнать точное расположение войск противника или тихо убрать дозорных, охранявших неприятельский лагерь. Ему это нравилось гораздо больше, чем лобовые атаки. Или даже обучение новобранцев. Только как Никола догадался?

Финист задумчиво почесал затылок. Что-то в этом отчете настораживало. Да вот же оно! Тут ни слова о Герде. Зачем Никола скрывать отражающую от компании? Хочет использовать ее тайком? С него станется. Герда, бедняжка, надеется после экзаменов получить хорошее назначение. Да он специально попросит ее сделать что-нибудь невыполнимое, а когда не получится, заявит, что она провалилась и должна оставаться под его надзором дальше. Отсюда и такое притягательное назначение для соперника. Наверняка Никола рассчитывает, что Финист согласится и уедет со сдавшими экзамен Майли и Вожыком. И тогда Герда останется с Охотником совсем одна, в полной его власти. Надо ее предупредить.

Оборотень убрал бумаги в ящик, поставил его на место и вернул все вещи на свои места. Уже собирался выйти в коридор, как заметил у подоконника потертые ножны из грубой коричневой кожи без всяких украшений. Внутри покоился тонкий меч с прямым клинком и длинной рукоятью. От оружия веяло колдовством, застарелым, не похожим на демоническую ворожбу, и вместе с тем знакомым. Манящим. Любопытство пересилило здравый смысл. Финист поднял ножны и на палец высунул из них лезвие. Фиолетовым полыхнула выгравированная у самого эфеса руна «перт». Клинок соскочил и рассек кожу на ладони. Сталь впитала выступившую кровь. Закружилась голова, подкосились ноги. Веки смежились.

Открыв глаза, Финист обнаружил себя посреди огромного каменного зала. Белые, сияющие изнутри стены уносились ввысь и смыкались грандиозным стрельчатым потолком. Из высоких остроконечных окон лился теплый персиковый свет. Гладкий пол отполирован до блеска. Это дворец? Никогда прежде Финист такого великолепия не видел. Как он здесь очутился?

Раздался едва различимый шорох. Финист повернул голову и увидел рыжего мальчишку. Того самого, который подарил ему свои крылья во время навеянного тролльим зельем сна. На вид лет двенадцать. Высокий, стройный, с правильными чертами лица. Волосы вовсе не рыжие, а тоже светло-каштановые, выгоревшие. Одет в длиннополую одежду из шелка: коричневого, красного и желтого оттенков. На голове тонкий обруч из червонного золота.

Во всем облике сквозила надменная гордая величавость, присущая только монаршим отпрыскам.

Финист испытывал необъяснимую симпатию к этому чересчур смазливому подростку.

— Чего смотришь? — донесся из глубины зала невежливый вопрос.

Финист вздрогнул. Рыжий смешно скрипнул зубами и в тон ответил:

— Поговорить хочу.

Он обращался к мальчишке помладше. Темноволосый и щуплый, он сидел на полу посреди зала и собирал узор из голубых льдинок. Одежда на нем была такая же роскошная, как и на рыжем, только синего с черным цветов, а обруч на голове из серебра или платины. Но выглядел он далеко не так величаво: растрепанный, ободранный, взъерошенный, словно выкупавшийся в луже воробей. Недоразумение, а не мальчишка.

— Так говори быстрее, — раздраженно бросил темноволосый еще не сломавшимся звонким голосом. — Не видишь, я занят? Нужно собрать из льдинок слово «вечность», чтобы меня отпустили полетать снаружи.

Рыжий рассмеялся:

— Малой, бросай дурное. Его собрать невозможно. Сколько я ни пытался — ничего не вышло. Матушка специально это придумала, чтобы не выпускать нас наружу, пока мы не окрепли. Потерпи еще пару сотен лет и сможешь летать вместе с нами.

Темноволосый зло прищурился:

— То, что у тебя не вышло, еще не значит, что не выйдет у меня.

Глаза рыжего полыхнули гневом. Он еще раз скрипнул зубами, но все же сдержался:

— Малой, прервись хоть ненадолго. Пойдем в кузню. Гехаки говорят, что отец для нас небесные мечи кует. Одним глазком бы взглянуть. Я нашел потайной лаз, по которому туда можно пробраться, но для меня он слишком мал. А для тебя в самый раз. Зайдешь в кузню и откроешь мне дверь. Я тебе за это яйцо ящероптицы Мармыты снаружи достану.

— Вот еще. Ты только битые приносишь. А я раздобуду целое, как только сложу слово «вечность», — отмахнулся темноволосый.

У рыжего дрогнули руки.

— Малой, разве тебе совсем не интересны наши мечи?

— Отчего же? Интересны. Просто я уже их видел, — похвастался темноволосый. — У меня будет меч с руной «исаз» и голубым лезвием, а у тебя с руной «кеназ» и рыжим лезвием.

Старший широко раздувал ноздри, словно взбешенный бык:

— Как?!

— Я же не такой тугодумный дылда, как ты. Я тот лаз лет сто назад нашел и все посмотрел.

Рыжий сжал кулаки и двинулся вперед:

— Ах ты, мелкий гаденыш! Думаешь, самый умный, да? Никогда тебе эту мозаику не собрать! Так и будешь всю жизнь у мамочки под крылом сидеть. Получай!

Рыжий раскидал узор одним ударом ноги и чуть не попал темноволосому по лицу. Младший мальчишка разъяренно взвизгнул и бросился на старшего с кулаками. Шипя, словно бродячие коты, подростки покатались по полу, избивая друг друга кулаками и ногами.

Нелепо.

Из противоположного конца зала послышались спешные шаги. Показался еще один

мальчишка, по виду самый старший, крупный, плечистый и тоже темноволосый.

— Что вы творите? — грозно выкрикнул он. Схватил обоих за шкурки — силен! — и как следует встряхнул. — Вы же братья! Почему ни дня без драк прожить не можете?

— Он залез в отцовскую кузню, — пожаловался рыжий.

— Ябеда! — пнул его по ноге темноволосый.

— Гаденьш!

— Подлый дылда! Жирафа безголовый!

— Хватит! — рывкнул старший. — Мне теперь всю вечность вас разнимать?

Повзрослейте, наконец!

Стыдно, так стыдно, словно Финист сам был одним из этих сварливых мальчишек.

Он обнаружил себя лежащим посреди кабинета Охотника с порезанной ладонью. Поставив меч обратно, Финист опрометью выскочил за дверь. Сердце бешено грохотало в груди, но странное видение уже забывалось, как ночной кошмар. Привиделось и привиделось, чего от колдовских вещей не бывает? Гораздо важнее то, что удалось узнать о Герде.

Финист заглянул в комнату девушки, но никого не обнаружил. Наверное, Герда в библиотеке. А что если она не поверит? Наверняка снова начнет выгораживать Николая да еще обругает за то, что Финист чужие письма читал. Он понурился и пошел к себе. Как же доказать ей? Может, написать свое письмо в компанию, в котором будет вся правда о том, что здесь творится. Верно, за сокрытие отражающей Николая по головке не погладят. Может, даже пришлют проверку. Тогда Герда точно увидит, чего стоит ее дорогой Охотник.

В спальне Финист нашел лист бумаги и написал свою версию отчета в компанию, благодаря Герду за то, что она заставила его выучить грамоту.

\*\*\*

Ненасытность Финиста порой пугала Майли. Нет, он не бывал с ней груб, не причинял боли и не неволил, но когда его глаза затмевала страсть, то он становился непохож на человека или даже зверя. Превращался в запредельное создание, названия для которого не существовало в человеческом языке. В эту ночь он был особенно яростным — терзал Майли почти до самой зари. Глаза удалось сомкнуть всего на пару часов, как кожу снова опалили горячие поцелуи. Умелые руки потянулись к потаенным местам, разжигая желание в расслабленных после сна чреслах. С губ сорвался слившийся с именем стон. Финист усадил ее сверху и подтолкнул в спину, чтобы она объездила его как дикого жеребца. Запрокинув голову, Майли понеслась навстречу гигантскому водопаду.

Заскрипела дверь. Раздалось громкое покашливание. Майли испуганно обернулась, прикрывая руками грудь.

— Извините, что отвлекаю, но у нас занятия, — без тени интонации сказал Николай с порога. — Жду через пять минут в гостиной.

Он вышел, захлопнув за собой дверь. Майли сидела в оцепенении, пока Финист не отпихнул ее в сторону и помчался за Охотником, на ходу натягивая штаны.

— Что стряслось? — окликнул его внизу Николай.

Финист призадумался, а потом выпалил:

— Ты спишь с моей ученицей!

Уголок брови Охотника пополз кверху.

— А ты спишь с моей. Будем считать, что мы квиты.

Финист зло скрипнул зубами:



— Я этого так не оставлю!

Николя присмотрелся к перевязанной порозовевшей тряпкой ладони.

— Надеюсь, ты не лазал в мой кабинет и не трогал мой меч, — он пронизательно сощурился.

Финист сглотнул:

— Вот еще!

— Я уже готова, — позвала Майли, желая прекратить свару до того, как она успеет перерасти в драку.

— Я могу стерпеть многое, но если сунешься к моему оружию — пеняй на себя, — бросил на прощание Николая и повел Майли на улицу.

Финист провожал его свирепым взглядом.

Уже во дворе Охотник вручил Майли сверток с булочкой и флягу с теплым отваром.

— Завтракать придется на ходу. У нас мало времени, — объяснил он, когда они вышли на дорогу к городу.

Она улыбнулась и украдкой откусила от булки, слизывая с губ сливовый джем. Финисту не хватало внимательности и деликатности Николая. Ни словом даже не упрекнул за то, что она проспала условленный час, и ему пришлось стать свидетелем интимной сцены. И все-таки Николая оставался загадкой. Он не был похож на знакомых ей мужчин. Ледяная инаковость настораживала и отталкивала, несмотря на привлекательную оболочку. Хорошо, что Майли полюбила жаркое летнее солнце, а не эту ненастную зимнюю стужу. Всегда сдержанный и предельно вежливый, с застывшей улыбкой на устах, тем не менее, близко к себе Николая никого не подпускал, даже Герду, которая из кожи вон лезла ради этого. Словно единственный, кто может выбить из него живые эмоции — Финист. Хотя почему они постоянно вздорят? Вряд ли только из-за Герды. Говорят, если два пса хотят сцепиться, причины им не нужны.

Занимался теплый денек. По воздуху разливался хмельной аромат распускающихся листьев. Деловито гомонили птицы. Женщины, стуча коваными каблучками по брусчатой мостовой, с плетеными корзинками спешили на рынок, а мужчины на службу в ремесленные лавки или по другим делам. Николая с Майли вышли на узкую улочку, примыкавшую к главной площади, и постучались в один из старых богатых домов. Майли вопросительно глянула на своего учителя.

— Поможешь мне в одном дельце, — подмигнул Охотник. — Думаю, даже мертвеца вызовем.

Майли поежилась. За время обучения у Николая она немного обвыклаась со своим даром, научилась не привлекать мертвецов и сдерживать страх, который жабой давил на грудь, мешая дышать. Получалось выполнять простые задания: угадать, жив человек или мертв, и указать, в какой стороне находится его могила, чувствовать места, где бродят неуспокоенные или ютится нежить. Но вызвать мертвеца не получалось. Охотник говорил, что в первый раз проще всего совершать обряд над свежим трупом. Но кто позволит измываться над душами своих близких? Поэтому вызов покойника откладывался. Майли надеялась, что навсегда, но, похоже, Охотник сдаваться не собирался.

Дверь открыла полноватая женщина среднего возраста с опухшим от слез лицом.

— Доброе утро, госпожа Ауд, — почтительно заговорил Николая. — Бургомистр очень обеспокоен пропажей вашего сына и попросил меня поучаствовать в его поисках. Не могли бы вы рассказать о нем подробнее?

Женщина поджала губы, вытирая лицо кружевным платочком.

— Да что вы можете? — срывающимся голосом ответила она. — Проповедник верно говорит, вы потеряли силу. Вот и демоны вас больше не слушаются. Заманили моего сыночка своими плясками под холмы и морят там, мучают, пока мое сердечко кровью обливается.

Николя шумно выдохнул и продолжил сочувственно улыбаться. Как у него скулы не сводит?

— Со всем уважением, но это не Дану. У них нет причины и...

— Да какие причины нужны остроухим тварям? Нелюди они. Спят и видят, чтобы нас всех по подземной реке отправить! — плечи Ауд затряслись от всхлипываний.

— Моя госпожа, уверяю вас, если ваш сын у Дану, то я отыщу его и покараю того, кто его похитил.

Женщина смягчилась:

— Вы думаете, он жив? Говорила я ему выбрать более спокойное ремесло, чем валить лес в Утгарде. Денег было бы меньше, но и опасности тоже. Ведь там столько злобных тварей бродит! А не послушал. Самостоятельности захотел. И чтобы жить отдельно. Да разве ж мы его со двора гнали? Или куском хлеба попрекали? Последним готовы были поделиться. А как иначе? Ведь он наша плоть и кровь. Вначале родители о детях заботятся, а в старости дети о нас — так испокон веков заведено. Только ежели он погиб, одним чахнуть придется. Никого у нас не осталась.

Ауд расплакалась в голос.

— Одолжите его вещь, и мы сможем точно узнать, на том он берегу или на этом, — предложил Охотник.

Хозяйка поспешила в дом. Николя шепнул Майли на ухо:

— Если мертв — просто кивни.

Майли неуверенно повела плечами. Ауд принесла старую фигурку лошадки и белую рубаху.

— Это была его любимая игрушка в детстве. И одежда. Он частенько забегал к нам за едой и приносил грязное белье, чтобы я постирала.

Майли взяла вещи и повертела их в руках. Лошадка была довольно искусной, а рубаха из дорогой плотной ткани. Видно, деньги у этих людей водились.

— Мне еще нужны имя и возраст, — тихо попросила она.

— Орм, двадцать лет, — коротко ответила Ауд.

Майли достала из-за пазухи амулет — подвешенный на красном шнурке шар из ивовых веток, внутри которого лежал кусок янтаря с нацарапанной на одной стороне пентаграммой. Амулет смастерил Николя, чтобы защитить Майли от враждебных духов и помочь контролировать дар. Иногда амулет подсказывал ответы на вопросы.

Майли обернула лошадку рубашкой и прижала ее к груди правой рукой, а левой раскачала амулет, как маятник, иногда встряхивая его. Закрыв глаза, она покружилась на месте и замерла, переводя дыхание. Амулет еще качался из стороны в сторону, принимая вибрации с противоположного берега Сумеречной реки. Когда остановился, Майли подняла его над головой, вглядываясь, какой стороной лег камень внутри. Только не пентаграмма. Ну, пожалуйста!

Надежды не оправдались. Под тонкими ивовыми прутьями проглядывалась пятиконечная звезда, указывающая на землю. Майли испуганно глянула на Охотника.

— Вот видите, госпожа Ауд, еще есть надежда, — улыбка Николая стала шире. — Мы его найдем.

Щеки женщины порозовели. Глаза загорелись. Выражение лица смягчилось в ожидании чуда. Майли спрятала амулет, избегая взгляда Ауд. Как же неприятно лгать в таком деле. И еще неприятней будет, когда придется сказать правду. Хорошо, что делать это будет не она.

— Ауд, кто там? — на пороге показался седовласый мужчина, невысокий и сухощавый, с льдистыми, как у многих лапцев, голубыми глазами.

— Мастер Охотник пришел искать Орма, — поделилась радостной вестью жена. — Наш мальчик жив, слышишь?!

— Мастер Рауд, — Николай склонил голову.

— Ауд, ступай в дом. Что-то на печи горит, — мужчина кивнул на дверь.

— Ах, и правда! — всплеснула руками жена и умчалась.

— Он мертв? — спросил Рауд.

Николя выдержал его тяжелый взгляд и медленно кивнул.

— Ваша жена не готова к такому известию. Не стоит расстраивать ее, пока мы не нашли тело.

Рауд горестно вздохнул, на лбу залегли глубокие морщины. Но он хотя бы держал себя в руках.

— Ауд не отпускала Орма ни на шаг, вот он и ушел жить один, как только представилась возможность. Люби она его чуть меньше, возможно, ничего бы не произошло.

— Ваша жена ни в чем не виновата. Несчастья случаются, — попытался смягчить его Охотник. — У вашего сына были враги?

Рауд неуверенно повел плечами:

— Моя жена сказала бы, что он был добрейшим человеком в Мидгарде и никто ему зла не желала. Но... он был молод и горяч. В этом возрасте немудрено наделать глупостей, особенно если ты отрываешься от корней. Но от своей плоти и крови я не отрекаюсь. Если его убили, я требую выкуп. И очень надеюсь, что вы не станете выгораживать своих друзей-демонов.

— Это не Дану, — ответил Николай твердым, но лишенным враждебности голосом. — Уверяю вас, если в гибели вашего сына замешан демон, то я сам буду ему судьей и палачом. И привезу его голову, как выкуп.

— Рад, что мы друг друга поняли, — Рауд почтительно склонил голову и ушел в дом.

— Я думала, вас здесь любят, — растерянно сказала Майли, когда они возвращались домой.

— Любили, пока я справлялся с ситуацией, но стоило дать слабину... — Николай глянул на высокое весеннее небо. — Впрочем, неважно. Лишь бы они глупостей не наделали. Вражда с Дану погубит все, что я так долго строил в этом городе.

Майли не знала, что ответить. Охотник часто бросал непонятные реплики в пустоту и не требовал поддерживать разговор, словно обращался к самому себе. Поначалу это немного смущало, но со временем Майли привыкла и перестала обращать внимание. В конце концов, каждый имеет право на маленькие чудачества, а раздражать Охотника расспросами совершенно не хотелось. Это ведь не Герда, которую можно задеть проходя, и она молча все проглотит, и не Финист, который побухтит, да тут же забудет.

Вернувшись домой, они наспех пообедали и отправились в конюшню. Николай поседлал своего вороного жеребца, а для Майли вывел коренастую саврасую кобылку с темной

полосой вдоль гривы и по хребту. Судя по невозмутимому нраву на ней ездил Эглаборг, предпочитавший не сражаться с лошадыю, а полностью на нее полагаться. Да и падать с такой тумбочки, должно быть, совсем не больно. Хотя чего с нее падать? Вряд ли с таким необъятным пузом она еще помнит, что такое быстро бегать и высаживать надоевшего всадника.

— Поедем в хижину лесоруба? — поинтересовалась Майли.

— Нет. Туда надо ехать с телегой, а ее привезут только завтра.

— Зачем?

— Чтобы забрать тело.

Майли передернула плечами. На покойника смотреть совсем не хотелось. А уж если придется душу вызывать...

Они вышли за ворота усадьбы. Николя любезно подсадил Майли в седло. Кобыла была настолько низкорослая, что казалось, ноги волочатся по земле. Охотник затянул подпругу на своем жеребце и лихо вскочил ему на спину. Конь даже не шелохнулся. За последнее время он сильно осунулся и присмирел. Даже отливающая серебряным блеском черная шерсть не казалась уже такой яркой.

— Перестань хандрить, — укорил его Николя, набирая поводья. — Подожди немного. Весна на дворе. Скоро совсем тепло станет. Придет твоя зазноба в охоту, и будет тебе счастье. Только куда нам потом жеребенка девать прикажешь?

Не проникшись речью хозяина, конь покорно опустил голову и затрусил вперед неспешной рысью. Кобыла припустила следом, дробно перебирая короткими ногами. Седло вместе с пузом перекатывалось с одной стороны спины на другую. Майли крепко стиснула зубы. Жаловаться не решилась, опасаясь, что Николя предложит бежать следом пешком.

— Куда мы едем? — попыталась Майли заговорить о чем-нибудь нужном. С точки зрения Охотника.

— Искать зацепки. Надо найти тех, с кем Орм был откровенней, чем с родителями, и узнать, кто держал на него зуб.

— Вы думаете, что его убил не демон? — эти твари пугали Майли даже сильнее привидений.

— У демонов тоже должен быть мотив, — неопределенно ответил Николя.

На этом разговор закончился. Когда они объезжали город с северной стороны, под копыта жеребца кинулась полоумная девка. Николя резко одернул коня в сторону. От неожиданности тот взвился на дыбы и забил передними ногами по воздуху. Девка испуганно взвизгнула, упала на причинное место и закрыла глаза руками.

— Вот же дура безголовая!

Майли замахнулась на негодяйку прутом, который выломала, чтобы подгонять медлительную скотину.

— Прекрати, — последовал бесстрастный приказ Николя

Охотник заставил коня поставить все копыта на землю. Прут надломился пополам и выпал из руки. Майли поджала губы, с негодованием разглядывая идиотку, из-за которой чуть не приключилось несчастье. У нее были белобрысые, как у Герды, волосы, только длинные и кудрявые, что указывало на скудный ум. Поняв, что все обошлось, девка широко распахнула глупые голубые глаза и несколько раз моргнула. Николя спешил и подал ей руку, хмуря лоб так, словно напряженно что-то вспоминал.

— Госпожа Палантина, с вами все в порядке? — вкрадчиво спросил он.

Майли вскинула брови. Охотник что знает всех бюргеров по именам?!

— Д-да, — пискнула она тонким мышинным голоском. — Я искала вас. Родители Орма сказали, что вы пытаетесь выяснить, что с ним приключилось. Я... я его невеста. Была ею.

— Мои соболезнования, — с участием ответил Николя и уже собрался лезть обратно в седло, как она схватила его за руку.

— Стойте! Я знаю... знаю, кто его убил, — глаза Палантины лихорадочно блестели.

Николя замер, ни единым мускулом не выдав сомнений:

— И кто же?

— Мельник Вагни. Он якшается с демонами. Об этом все знают!

— Хорошо, что не Дану, — Охотник все-таки съязвил, правда, поняла только Майли и фыркнула себе под нос. — А какие у него были мотивы, кроме того, что все мельники всегда и везде якшаются с демонами?

Сбитая с толку девка потупилась.

— Он спрашивает, зачем мельнику понадобилось убивать твоего жениха, — не скрывая превосходства, пояснила Майли.

— Так все из-за дочки его. Из-за проклятой Мелюзины, — ответила Палантина.

— Это уже больше похоже на истину, — удовлетворенно кивнул Николя. — Как говорят норкийцы, едва ли найдется свара, причиной которой не была бы женщина.

Девка растерянно открыла рот. И как Николя терпит этих невежд? Герда и та поумнее будет.

— Так что с Мелюзиной? — снизошел до более простого вопроса Охотник.

— О, она моему Орму прохода не давала. Он никогда бы не обратил внимания на такую замухрышку. Она же тощая и плоская, как жердь. Еще и волос темный, и глаза совершенно невыразительные, и кожа ужасного желтоватого оттенка. Совсем как у нее, — Палантина указала на Майли.

Та разъяренно выдохнула. Да как эта кудрявая овца посмела назвать ее некрасивой? На себя бы посмотрела. Уродина! Даром, что коровье вымя прямо из выреза выскакивает. Даже одеться прилично не может, а туда же, замухрышкой обзывает!

— Силой хотела Орма на себе женить, ведь у нее-то и парня никогда не было, а как отказал, так она отцу нажаловалась. Мол, Орм ее соблазнил. Я сама слышала, как мельник после этого угрожал, что убьет его, если тот хоть на шаг подойдет к его дочери. Но это же глупость! Чтобы мой добрый, благородный Орм соблазнял убогую? Он даже со мной не хотел ложиться. Мол, а вдруг понесешь? Стыдно тогда перед знакомыми будет, а у нас свадьба уже на осень сговорена была.

Так это от того, что ты, овца такая, его совсем не возбуждала.

Майли перевела взгляд на Охотника. Он явно слушал заунывную речь вполуха, поглаживая своего коня по понурой черной морде и размышляя.

— С Ормом все ясно, но что же Вагни? — поспешил повернуть разговор в нужное русло Николя. — Люди порой ссорятся из-за пустяков и даже угрожают убить. Но я не могу осудить человека только за сказанные сгоряча слова.

— Но он же последним встречался с Ормом четыре дня назад. Я своими глазами видела. Орм зачем-то ходил на мельницу. И они снова поругались. Вагни его прогнал. Я после этого попыталась поговорить с ним, но Орм был сам не свой, напуган до смерти, нес околесицу про чудище из лужи, которое обещало покарать его на рассвете.

— Чудище из лужи? — оживился Охотник. — Это уже совсем хорошо!

Палантина недоуменно моргнула:

— Так вы накажете Вагни?

— Я все еще не уверен в его вине.

— Но он же видел Орма последним!

Майли не выдержала и рассмеялась в голос:

— А по твоим словам выходит, что последним его видела ты. Может, это ты его убила?

На почве ревности к этой... как ее? Красавице Мелюзине, которой он явно уделял больше внимания, чем тебе. Даже к отцу ее бегал. Уж не руки ли ее просить? А тебя бросил.

— Нет! — завизжала Палантина, но Майли несло, и останавливаться она не собиралась.

— Ты его убила, а вину решила переложить на других.

— Я никогда... — невнятно оправдывалась она сквозь громкие всхлипывания.

— Это тебя нужно наказать, убийца!

— Перестань! — рявкнул Николя и зло сверкнул глазами.

Майли вжала голову в плечи. Если бы на ее месте был мужчина, то Охотник бы точно ударил.

— Госпожа Палантина, не пугайтесь. Моя ученица неудачно пошутила, — успокаивал он распутившую соплю девку и укоризненно поглядывал на Майли. — Вы очень правильно сделали, что поделились с нами своими подозрениями. Уверяю, мы обязательно расспросим Вагни о случившемся. И если он действительно виновен — призовем к ответу. Ступайте домой. Горе совсем расшатало ваши нервы.

Палантина согласно кивнула и, не переставая рыдать, поплелась к городу на негнущихся ногах.

— По-хорошему, ее надо было проводить, а то в таком состоянии она может наделать глупостей, — покачал головой Николя, вновь усаживаясь в седло, и принялся отчитывать Майли: — Тебе не следовало расстраивать ее еще больше. Ты уже не наследница графского замка, а одна из бюргеров, как и эта девушка. У тебя нет никакого права относиться к ней высокомерно или презрительно. Более того, это их город. Мы, даже я, здесь всего лишь гости. Если они захотят, то могут нас выгнать или передать в руки единоверцев.

Майли передернула плечами. Финист никогда ее не отчитывал. Ругался, обзывал дурой, но чтобы вот так, отповедью, самым голосом показать, как глупо она себя ведет. От этого было горше во стократ.

— В следующий раз думай, что говоришь, а лучше молчи.

— Простите. Язык мой — враг мой, — неловко извинилась Майли. — Но ей не следовало кидаться под копыта вашему коню и называть меня некрасивой. Я куда краше ее, ведь так?

Николя безразлично пожал плечами, погружаясь в свои мысли.

— А эта Мелюзина действительно такая страшная? — не унималась Майли.

— Обычная, — последовал безучастный ответ.

— Ну а Палантина тоже обычная?

— Тоже.

— А я?

— Мне нет дела до женской внешности. Я же говорил.

— Даже если эта женщина — Герда?

— Лучше бы не было, — невпопад ответил Николя и погнал своего жеребца галопом, словно стремился убежать от мучивших его мыслей.

Без прута Майли с трудом удалось растолкать медлительную кобылу, чтобы та не отставала. Неслись долго по широкой лесной дороге до деревянного моста с аркой, перекинутого через бездонное ущелье. Николая спешил и повел жеребца в поводу. Майли пришлось последовать его примеру, потому что непривыкшая к нагрузкам кобыла валилась от усталости. И надо было загонять коней в мыло, чтобы полдороги пешком идти? Не следовало раздражать Охотника. Вот ведь, правда, молчание — золото.

Так они и шли, пешком и молча, до поляны, на которой валила деревья шумная артель лесорубов. Это были сплошь молодые парни: высокие, плечистые, сильные. Майли невольно залюбовалась их раскрасневшимися от тяжелой работы лицами. Они как раз отдыхали, рассевшись на пнях, и весело переговаривались, доедая приготовленный заботливыми женами и матерями обед.

На прищельцев они посмотрели с деланным безразличием и продолжили перекидываться похабными шуточками.

— Добрый день. Приятного аппетита, — вежливо, но одновременно очень напористо начал Николая. — Извините, что отвлекаю, но мне нужно кое-что узнать о вашем товарище Орме. Сколько он уже не появлялся?

— Три дня. Четвертый пошел, — отрапортовал самый бойкий из лесорубов, скуластый рыжеволосый парень с густой курчавой бородой в пядь длинной. Остальные отмалчивались.

— Кто-нибудь его искал?

— А как же? Я живу по соседству. Орм всегда заглядывал ко мне по утрам, чтобы вместе идти на работу. Места глухие. Держаться здесь нужно сплоченно, иначе не выживешь. Когда три дня назад Орм не явился, я заподозрил неладное и отправился на поиски. Облазил все вокруг, даже в заповедное озеро Цуг сунулся, но не нашел. Тогда я предупредил родителей Орма и самого бургомистра Гарольда. Ведь это демоны Орма свели, не иначе. Дану проклятые. Странно только, что вы его поисками озаботились так поздно. Уж не приплачивают ли демоны, чтобы вы их покрывали?

Николая проглотил обвинения молча. Даже бровью не повел. Майли не уставала поражаться его выдержке.

— Были другие дела, — неопределенно ответил он. — Теперь же я полностью в вашем распоряжении. Рассказывайте.

— О чем? — нахмурился лесоруб, явно недовольный словами Охотника.

— С чего вы решили, что его похитили Дану? — любезно пояснил Николая, хотя Майли догадывалась, что ему очень хочется поколотить смутьяна, из-за которого поползли нелепые слухи.

— Так я своими глазами видел. Дверь в хижину открыта нараспашку, вещи разбросаны, а внутри следы борьбы: борозды от когтей на полу и стенах, вырванные волосы, разбитая посуда и мебель. Я должен был услышать шум ночью. Крики, удары. Хоть что-нибудь. Но ничего не было. Словно околдовал кто. А кто у нас колдует? Только Дану. Это даже дети знают.

— Ну да... — многозначительно изрек Охотник. — А другие враги у Орма были?

— Нет, — отрезал рыжий лесоруб. Остальные переглянулись, но перечить не стали. — Он был легким человеком и хорошим другом. Балагуром и весельчаком. Никогда ни с кем не ссорился. Никто из людей не мог желать ему зла.

Николая хмыкнул.

— А его невеста Палантина утверждает обратное. Она видела, как Орм ссорился с

мельником Вагни. Вам про это что-нибудь известно?

— Бабы — дуры, — сплюнул рыжий. Майли лесорубы разонравились, хотя от нее не ускользнуло несколько встревоженных взглядов. — Палантине все привиделось. Умом она тронулась после пропажи жениха. Не имел он дел с мельником. И к дочери его и пальцем не прикасался.

— Я ничего не говорил про его дочь, — нахмурился Николя.

Рыжий смутился.

— Ну так Палантина и мне рассказывала, из-за чего Вагни с Ормом повздорили.

— Так они все-таки повздорили?

— Нет! — рявкнул рыжий, окончательно потеряв терпение. — В любом случае это не имеет никакого отношения к смерти Орма. И девку эту он не насиловал. Раз она сама пришла, это не насилие.

— Насилие?! — присвистнул Николя. — Я думал, речь шла о соблазнении. Видно, действительно придется расспросить Вагни и его дочь.

— Я же сказал, они тут ни при чем. У вас нет права судить нас. Займитесь лучше поиском Дану. Это они — убийцы. Они натравили на нас крыс, и теперь Упсале грозит голод. Если вы их не покараете, мы сделаем это сами. Правда, ребята?

Лесорубы промычали что-то не слишком внятное и потупились, боясь встречаться взглядом с Охотником. Но тот вовсе не выглядел разозленным и продолжал приветливо улыбаться:

— Что бы вы сказали, если бы я начал указывать вам, как рубить деревья?

Парни испуганно переглянулись. От ласкового тона им стало куда страшнее, чем если бы он начал браниться.

— Мы бы сказали, чтобы вы не лезли туда, где ничего не понимаете, — робко предложил один из лесорубов, выглядевший самым младшим.

— Правильно, — улыбка Охотника стала почти угрожающей. Он невзначай положил руку на ствол высокой корабельной сосны. Послышался треск. Огромное дерево рухнуло, едва не задев лесорубов.

— Вот и вы не лезьте, — закончил Николя и, взяв коня под уздцы, зашагал прочь.

Майли поспешила следом.

— Ну и как к ним относиться после этого? — спросила она, забираясь в седло толстухи-кобылы.

— Они не все такие, — горько вздохнул Охотник.

— Еще есть те, которые трусят и поддакивают, — лягнула Майли, а потом снова сожалела.

Николя хмурился и молчал всю дорогу.

\*\*\*

Герду угнетала мрачная обстановка в доме. Охватывало предчувствие, словно вскоре произойдет нечто, что положит конец спокойной жизни. Навсегда. Финист сделался угрюмым и ворчливым. Совсем несносным. На попытки заговорить огрызался, сидел в обиженном на весь мир одиночестве и лишь иногда отпускал ехидные замечания в адрес Охотника. Николя не обращал на него внимания, впрочем, и на Герду тоже. Будто и вовсе избегал. Подолгу не достаивал ее даже взгляда, а потом сам приходил в библиотеку, усаживался рядом и часами наблюдал, как Герда читает. Смотрел так, словно хотел что-то сказать, но как только собирался с духом, язык прилипал к небу. Что-то тяготило, грызло его



изнутри. Если бы демонов телепатический дар подействовал, Герда бы узнала!

А так оставалось только помогать в борьбе с крысами. Герда забросила остальные дела ради этого, но так ничего путного и не разузнала. В книгах о крысах говорилось как о грызунах или компонентах для ворожбы, но никаких способов справиться с насланной разгневанным богом напастью не предлагалось. С другой стороны, чтобы избавиться от последствий, нужно вначале разобраться с причиной. Но тут тоже ждал тупик. С божествами не боролись — их задабривали большими, подчас кровавыми, жертвами. И чем более обозленным был бог, тем больший выкуп требовал. Страшно представить, что может попросить крысиный пастух, копивший ненависть к упсальцам целую тысячу лет.

Тысяча лет — столько времени даже вообразить сложно. Так долго жил, должно быть, только Шквал, да не тот, который исправно сваливал Охотнику под дверь дохлых крыс, а тот, который был ее лучшим другом и ушел навсегда. Вот он бы точно знал, что делать. В Дикой пуще они победили Хозяюку леса только благодаря Шквалу. Герда вздрогнула, вспоминая, как ведьма требовала убить обернувшегося соколом Финиста и съесть его. Это было похоже на жертвоприношение. Да и Шквал говорил о том, что ведьма бессмертна. Но Финисту же удалось ее убить.

Герда достала из тумбочки завернутый в тряпицу ритуальный кинжал, провела пальцем по орнаменту на клинке, повертела в руках. А что если и на крысиного пастуха подействует?

Герда постучалась в комнату Николая. Никто не ответил. Кабинет тоже пустовал. Пришлось снова плестись в библиотеку.

\*\*\*

Вернулись достаточно поздно, поэтому снова ужинали вдвоем, но Эглаборг хотя бы оставил теплую еду на печи. Покончив с ней, Николай направился в библиотеку поискать что-нибудь про таинственное «чудище из лужи». Если, конечно, Орм не лишился разума. Чутье настойчиво подсказывало, что это не так. Не похожи лесорубы на людей, которые пугаются собственной тени. Значит, он действительно что-то видел. Вот только демоны редко предстают перед людьми в своем истинном облике. И тем более отсрочивают расправу, позволяя жертве рассказать о встрече.

Из-под двери сочился теплый свет свечи. Николай застыл на пороге. Герда увлеченно читала книжку, удобно расположившись в его любимом кресле. У ножек на полу покоились сброшенные башмаки. Из-под подола длинной темно-бордовой юбки выглядывали соблазнительные беленькие ступни. Отчаянно хотелось их погладить, ощутить под пальцами гладкую нежную кожу. Николай невольно облизнул губы.

— На что вы смотрите? — спросила Герда, оторвавшись от книги. Опустила взгляд на собственные босые ступни, недоуменно пожала плечами и спрятала их в башмаки.

Николай облегченно вздохнул.

— Ни на что. Просто задумался.

— Над моими ногами? — усмехнулась Герда.

Ух, какой же я жалкий!

— Нет, дело просто сложное попало, — покачала головой он.

— Расскажите — полегчает, — охотно предложила она.

— Не стоит. Оно слишком гнусное для твоих ушей. Скажи лучше, что ты знаешь о «чудище из лужи».

— Водяной демон? Их много. И все похожи на «чудищ».

— Может, есть какая-то легенда о местных водоемах? К примеру, о заповедном озере

Цуг на южных отрогах Утгарда?

— Цуг? — Герда принялась искать что-то в потрепанной книге. — Где же я ее видела? Ах, вот! Тут говорится, что когда-то на реке, которая впадала в озеро Цуг, стояла водяная мельница. Но она пришла в упадок, потому что люди побаивались ездить в Утгард из-за демонов. Мельник обеднел. Его семья голодала. С горя он хотел утопиться в заповедном озере, но встретил на берегу никсу.

— Никсу? — вскинул бровь Николая.

— Демон с туловищем и головой прекрасной женщины и щупальцами вместо ног, — Герда показала картинку на следующей странице. Охотник кивнул. — Она пообещала помочь в обмен на его сына. От отчаяния мельник согласился. Демоны перестали нападать на едущих к мельнице людей, и дела пошли в гору. Минули года. Сын мельника вырос в статного парня, обзавелся невестой, но отец его не спешил отдавать свой долг никсе. Она затаила обиду.

Однажды вечером, когда сын мельника возвращался домой, то увидел на берегу озера прекрасную обнаженную женщину. Она сидела у воды, расчесывала длинные темные волосы белым гребнем и пела. Завороженный парень без памяти в нее влюбился. Он стал приходить каждый день, чтобы полюбоваться на нее. И даже бросил свою невесту. Несчастливая девушка поняла, что с ним что-то не так, и решила проследить, куда он ходит по ночам. И увидела, как он предается запретной любви с неизвестной женщиной. Девушка поняла, что его околдовали. В следующий раз, пока любовники были заняты друг другом, она украла гребень и сломала его. Чары развеялись. Ноги искусительницы обратились в щупальца. Сын мельника понял, что это никса, и зарубил ее топором.

— Топором? Бедную никсу, которая не дала им умереть с голода?! — притворно возмущаясь, воскликнул Николая. Впрочем, такие истории он слышал часто. Люди находили их... забавными.

Герда задумчиво повела плечами. Видно, взглянула на свою сказку с другой стороны.

— Сын мельника со своей смелой невестой вскоре сыграли свадьбу и жили долго и счастливо, — скороговоркой закончила она. — Но купаться в озере Цуг боятся до сих пор. И называют заповедным. Так вы охотитесь на никсу?

— Пока не знаю, но надо быть во всеоружии.

Николя собрался уходить, но Герда его остановила.

— Я тут подумала... — Герда запнулась и потупилась. Забавно покраснела. — Мне кажется, я нашла оружие против крысиного пастуха.

Николя заинтригованно выгнул бровь. Герда рассказала о том, как они победили Хозяйку Дикой пуши. Николая не мог сдержать раздражения каждый раз, когда она с восхищением говорила о своем коте. Знала бы она, что за коварная тварь скрывалась под безобидной личиной и манипулировала ею, ими всеми, ради своих загадочных целей.

Герда развернула тряпицу и показала кинжал:

— Он убил ведьму. Может, и против крысиного пастуха сработает?

Николя протянул руку и ощутил знакомое сопротивление. Как от собственного меча когда-то давно, в Храме Ветров на Островах Алого восхода. Вспомнились слова мудрого учителя Кадзумы: «Не трогай зачарованное оружие, пока она не покорится тебе, иначе погибнешь сам». Николая убрал руку.

— Он меня не принимает.

Герда потупилась.

— Я читала, что если положить его на ночь под подушку... — Герда начала тараторить, совсем как в детстве. Это заставило его улыбнуться.

— Ничего не выйдет.

— Но у Финиста получилось. И у меня.

Николя на мгновение задумался.

— Говоришь, кинжал принадлежал Хозяйке леса? Должно быть, она была связана со стихией земли. Как и дар Финиста — оборотничество. А ты женщина. Земля и вода всегда считались женскими стихиями. Огонь и воздух — мужскими, — Герда понурилась, едва не плача от досады. Переживала за Охоту даже больше его самого. Непривычно, приятно. И немного страшно. Николя не хотел, чтобы она участвовала в Охоте, видела гнусности или рисковала собой. Случись с ней что, он бы не вынес. — Не переживай. Думаю, у меня найдется, чем угостить строптивного бога. Прежде надо его найти. Но сейчас главное — «чудище из лужи», никса или кто там еще живет в озере Цуг.

Герда поежилась и обняла себя за плечи.

— Будьте осторожны. Никса и вас может приворожить.

— Ты же знаешь, на меня привороты не действуют.

Николя коснулся ее щеки, забывшись. Герда встала на цыпочки и приблизила свое лицо к его. Обдало запахом мяты с душицей. Опалило жаром, плавящим лед внутри.

— Чтобы никса не приворожила.

Она попыталась его поцеловать, но Охотник отгородился рукой.

— Не стоит. Я не принц из твоих сказок, — а коварный злодей из твоих кошмаров — захотелось добавить.

— Это как раз хорошо. Я ведь тоже не принцесса, — горько усмехнулась Герда, уселась в кресло и спряталась за книгу.

Николя еще немного постоял, рассеяно глядя на нее.

Нам не суждено. Мы дети врагов. Правда разведет нас по разные стороны.

\*\*\*

Следующим утром Майли не стала валяться в постели с Финистом допоздна, боясь, что Охотник снова вломится в ее комнату. Да и от вчерашнего дела остался гадкий осадок.

Вставала Майли осторожно, стараясь не разбудить Финиста. Огненные кудри расплескались по подушке. Широкая грудь мерно вздымалась под одеялом. Черты расслабились, явив идеальное лицо. Не аристократа, не короля — бога. Заботливо укрыв его одеялом, Майли оделась, на цыпочках вышла в коридор и нос к носу столкнулась с Николя.

— Встала? — спросил он, прикрывая рот рукой, чтобы подавить зевету. Видно, тоже не выспался. — Хорошо. У нас сегодня много дел. Телегу привезут ближе к обеду. До этого надо заглянуть к мельнику и его дочери. Быть может, они тоже что-то знают.

Наскоро позавтракав, они выдвинулись в путь. У околицы их окликнул какой-то парень. Приглядевшись, Майли узнала робкого лесоруба, самого меньшего из артели. Он снял вязаную красную шапку и почтительно опустил голову.

— Я насчет Орма с Мелюзиной, — сбивчиво заговорил лесоруб, пряча глаза. — Торольв вчера не все сказал. Он не солгал, нет, просто он в артели главный. За порядком следит, чтоб работа шла и деньги в срок выплачивались. Нет у него времени на мелочи размениваться.

— А еще Орм был его лучшим другом, — проницательно добавил Николя. Лесоруб передернул плечами и потупился. — Если что-то знаешь, лучше скажи. Потому что если я покараю Дану по ложному обвинению, начнется война. Прольется много крови. Много

невинной крови. И вся она будет на совести тех, кто промолчал.

Лесоруб вздрогнул и испуганно уставился на Охотника. Майли наблюдала за их разговором со смесью удивления и любопытства. Умеет же Николая людьми манипулировать. Сейчас этот простофиля все как на духу выложит! И действительно, лесоруб заговорил гораздо более стройно и искренне.

— Я немного знал Мелюзину в детстве. Она была особенной, не такой, как остальные девушки: чистой, доброй, искренней. Она мечтала, что однажды в наш порт зайдет корабль с алыми парусами, на борту которого окажется принц из далекого королевства и заберет ее отсюда в край вечного лета. Мелюзина ждала большой любви, а до наших парней ей и дела не было. Вагни поощрял ее мечты. Он относился к бургерам с презрением и не желал родниться ни с кем из нас. Орма его отношение бесило. Он захотел сбить с мельника спесь и поспорил с Торольвом, что соблазнит Мелюзину. Мы не верили, что у него получится. Мелюзина казалась такой недоступной. Орм долго ухаживал за ней, дарил цветы, пел песни, прохода не давал, но она даже не смотрела в его сторону. Он очень злился. А потом Мелюзина вдруг сдалась и сама пришла к Орму. По крайней мере, так он сам утверждал. А чтобы доказать свою победу Торольву, Орм привел ее на вырубку и у нас на глазах заставил делать то, о чем даже говорить стыдно.

Майли передернула плечами, представив, какой позор пришлось испытать несчастной девушке. Николая оставался все так же беспристрастен.

— Он ее изнасиловал?

Лесоруб пожал плечами.

— Мелюзина клялась, что все происходит по ее воле. Но было понятно, что Орм ее вынудил. Бедняжка очень страдала. Он мучил ее несколько месяцев, не послушав даже просьб Торольва оставить ее в покое. Потом, вроде, наигрался, отпустил. Даже за ум взялся, предложение Палантине сделал. Полгода все тихо было, а потом снова началось. Чуть больше двух недель назад. Орм такой раздражительный сделался. Ни слова ему поперек сказать нельзя было — сразу в драку лез. А последние дни вообще чернее тучи ходил. Да еще веревку с ножом везде за собой таскал. Мы уж побаивались, как бы чего не вышло. Даже следить за ним сговорились. Правда, он все равно нас обхитрил. Сделал вид, что к родителям идет, а на самом деле к мельнику побежал. Что там случилось, не знаю. Но после этого ни его, ни Мелюзину никто не видел.

Лесорубу все же удалось удивить. Николая нахмурился:

— Дочка мельника тоже пропала? Почему Вагни не сообщил?

— Гордый он. Наверняка решил, что разберется сам.

— Что ж, теперь разбираться придется мне, — Николая недовольно скривил губы. — Думаю, Мелюзина была бы благодарна, что у тебя хватило смелости сказать правду. Если это все, то ступай.

— А... мне... — замялся лесоруб.

— Никто не узнает, что ты с нами разговаривал, — оборвал несвязное бормотание Охотник.

— Я не об этом. Я... — возразил парень. — Вы думаете, Мелюзина жива?

— Я слишком мало знаю, чтобы что-то предполагать, но сделаю все возможное, если есть шанс ей помочь, — с большей приязнью ответил Николая.

Майли приветливо улыбнулась простоватому пареньку на прощание. Может, прав Охотник, и не все бургеры такие уж ничтожные.

— А картинка-то становится все мрачнее и мрачнее, — вздохнул Николая.

Лесоруб скрылся за пригорком, а Майли с Николая направились к мельнице, которая находилась за южной окраиной города. Пешком идти пришлось не меньше получаса. К тому же Майли с трудом поспевала за размашистым шагом Охотника в своих красивых, но неудобных сапожках на каблучках, которые постоянно вязли в размокшей от распутицы почве. Тяжелым дыханием Майли напоминала себе кобылу Эглаборга. Неуклюжую и медлительную, как раскормленная свинья. Нужно было одолжить обувь у Герды. Вот уж кто всегда предпочитал удобство красоте и элегантности. Теперь впервые Майли ее понимала.

Облегчению не было предела, когда впереди показалось стройная башня мельницы из посеревшего дерева. Громадные крылья лениво ворочались на едва ощутимом ветру. Николая поднялся на крыльцо, по традиции постоял с минуту на пороге и постучал в дверь. Долго никто не отвечал, но Охотник терпеливо ждал, пока изнутри не донеслись шаги. Дверь отворилась, и на улицу выглянул высокий подтянутый мужчина среднего возраста с большими залысинами. Поверх невзрачной рабочей одежды из грубого сукна был одет белый фартук. На бледном осунувшемся лице хорошо проглядывались черные круги под глазами. Видно, он не спал несколько суток. Мельник отер об передник выпачканные в муке руки, хмурым видом показывая, что не рад гостям.

— Чего вам? У меня слишком много работы, чтобы тратить время на праздную болтовню. Убирайтесь!

Вагни попытался захлопнуть дверь перед носом Охотника, но она словно налетела на невидимую преграду и распахнулась шире.

— И что же у вас за работа в середине весны? — осведомился Николая и, бесцеремонно отодвинув мельника в сторонку, вошел внутрь. Майли поспешила следом, пока дверь не захлопнулась.

— Кто дал вам право вламываться ко мне в дом?! — опешив, закричал мельник.

Майли сжалась от его низкого командного голоса.

— Приказ бургомистра, — спокойно ответил Охотник, оббегая помещение цепким взглядом.

— Моя мельница стоит за чертой города. Бургомистр здесь не властен, — процедил сквозь зубы Вагни, враждебно сложив руки на груди.

— Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества, — снова процитировал кого-то из ученых мужей Николая. Мельник нахмурился, силясь понять смысл высказывания.

Майли ухмыльнулась. Как же хорошо Николая умеет усмирять спесивых бюргеров, причем они сами, по-видимому, ничего не осознают.

Охотник подошел к одной из прибитых к стене полок, на которой между инструментов и глиняных горшков лежала большая белая раковина с частоколом длинных тонких шипов.

— Симпатичная вещица, — похвалил Николая.

— Да вот, нашел после шторма на берегу, — ответил Вагни, почесывая затылок.

— Не уступите ее мне? Могу хорошо заплатить. Хочу сделать подарок невесте на Бельтайн. Она тоже любит диковинные раковины, — предложил Николая.

Майли приоткрыла рот от удивления. Это он о Герде? Ну да, кому еще, кроме этой дурехи, нравятся такие безделицы? И все равно завидно. Финист ни разу Майли ничего не дарил. Она даже сомневалась, что он знает хоть что-нибудь о ее предпочтениях.

— Она не продается! — заволновался мельник, закрывая раковину собой.

— Даже за сто монет? — упорствовал Николая.

— Даже за все золото Мидгарда, — Вагни снял раковину с полки и спрятал себе за пазуху.

— Какая дорогая раковина! — хмыкнул Охотник.

— Надеюсь, вы потревожили меня не из-за этого? — подозрительно спросил Вагни.

— Кто знает, — добродушно улыбнулся Николая. — Мы хотели поговорить с вашей дочерью. Где она?

— Уехала к матери.

— Я думал, вы вдовец, — нахмурился Николая и кивнул Майли.

Поняв его без слов, она достала из-за пазухи амулет и начала его раскачивать. На давно умерших можно было гадать без вещей и даже без имени. Янтарь лег пентаграммой вниз.

— Мертва, — едва слышно прошептала Майли на самое ухо Охотнику.

Мельник шумно закашлялся, показывая, что ему не нравится, когда сговариваются прямо у него в доме.

— Думаете, что я убил демонова лесоруба? — спросил он, устав от намеков. — За выкупом пришли? Так это я выкуп требовать должен. Этот выродок убил мою дочь!

Вагни закрыл лицо руками.

— Так Мелюзина мертва? Когда это случилось? Вы видели ее тело? — завалил его вопросами Николая. Майли это показалось жестоким.

— Пять дней назад. Нет. Я... — с трудом борясь со всхлипываниями, говорил мельник.

Николя усадил его на лавку. Взяв со стола деревянную кружку, Охотник плеснул туда напитка из собственной фляги, вручил мельнику и устроился на табурете напротив.

— Расскажите все по порядку, — попросил Николая, не отрывая от Вагни взгляда.

Мельник одним глотком опустошил полкружки и громко закашлялся. Но, по крайней мере, немного пришел в себя и заговорил ровным голосом:

— Этот ублюдок изнасиловал ее. Я не знаю, как это вышло. Ничего не замечал, пока Мелюзина не сказала мне, что ждет ребенка. Хотела сохранить все в тайне. Я предлагал ей избавиться от него, уехать или хотя бы сказать мне, кто отец, чтобы я смог призвать его к ответу. Но она от всего отказывалась, плакала и молила меня ничего не предпринимать. А потом я заметил, как выродок-лесоруб следит за ней, и все понял. Я попытался его утихомирить, но он начал угрожать мне и дочери. Я ничего, совсем ничегошеньки не смог сделать.

Вагни глухо разрыдался.

— Почему вы не обратились к бургомистру или ко мне? Мы смогли бы вас защитить, — укорил его Николая.

Мельник опорожнил кружку залпом.

— Мы же не бюргеры — изгой. Мельник, который якшается с демонами, и его чудаковатая дочь. Поверили бы ему, этому ублюдку, а нас бы побии камнями за «клевету». И ни вы, ни ваш хваленый бургомистр ничего не смогли бы сделать. Вы даже сейчас город не контролируете. Того и гляди, как нас на задворки выкинут.

У Николая нервно дернулось левое веко. Он сам хорошенько приложился к фляге. Злился. Майли хохотнула себе в кулак. Все-таки есть у него с Финистом нечто общее.

— Ладно, к чему сейчас разговоры о том, что могло бы быть, — собравшись с мыслями, сказал он. — Лучше расскажите, что произошло пять дней назад.

Мельник с досадой глянул на пустое дно кружки, но все же заговорил:

— Мелюзина была уже на сносях. Утром ей сделалось дурно, и я отлучился к повитухе

за травами. А когда вернулся, здесь был только лесоруб. Он сидел на земле, привалившись к моему забору и с сумасшедшим взглядом бормотал какую-то околесицу.

— Про «чудище из лужи»? — поинтересовался Никола.

Вагни передернул плечами.

— Совсем умом тронулся. Здесь даже луж нет. Весеннее солнце все высушило. Я прогнал его, опасаясь, что своими криками он напугает Мелюзину. Но когда вошел в дом, ее уже не было. На полу осталась кровь, вещи поломаны и разбросаны. Весь день и всю ночь я рыскал по округе, но не нашел и следа своей дочки.

Вагни в голос разрыдался. Никола не стал его успокаивать, слишком занятый размышлениями. Майли было так скучно наблюдать за ними, что она не знала, куда себя деть.

— Может, поищем тело еще раз? — робко предложила она.

Мельник и Никола одновременно подняли на нее глаза. В воспаленном взгляде первого отражалась усталая безнадежность. Второй хмурился, явно оценивая возможности своей ученицы.

— Думаю, для начала следует узнать, точно ли она мертва, — ответил Охотник.

Мельник ушел за вещами дочери. Майли пододвинулась поближе к Николаю и зашептала ему на ухо:

— Снова на всякий случай сказать, что девушка жива?

— Нет, скажи правду. Вагни кажется разумным человеком. Думаю, ему хватит мужества принять правду.

Мельник принес серое платье из грубого сукна, по виду которого Майли поняла, почему его дочку в городе называли дурнушкой. И тряпичную куклу, очень аккуратную, но дряхлую из-за старости. Интересно, почему все родители так бережно хранят игрушки своих давно выросших детей?

Майли взяла вещи в руку, а второй вынула кулон и потрясла им. Через мгновение янтарь внутри лег пентаграммой вверх.

— Жива! — радостно воскликнула Майли.

— Не стоит со мной так шутить! — насупился Вагни. — Я вытирал здесь кровь собственными руками.

— Может, у Мелюзины начались роды. Мы найдем ее, если вы все нам расскажете.

Мельник раздраженно прищурился и бескомпромиссно отрезал:

— Мне нечего добавить.

Никола скривился:

— Нечего, так нечего. Не будем больше тратить время, ни ваше, ни наше.

Встал и пошел к выходу. Майли побежала следом, боясь остаться с угрюмым Вагни наедине.

— Думаете, мельник лгал? — спросила она уже на улице, с трудом поспевая за размашистым шагом Охотника. — Это он убил лесоруба?

— Сомневаюсь, — задумчиво протянул Никола. — Убийцу обычно глаза выдают, особенно если преступление свежее. А мельник неподдельно за дочь беспокоится. Просто недоговаривает. И от обиденных вещей дергаться начинает. Подозрительно.

Майли пожала плечами.

— Скорее мерзко. Почему этот Орм так гнусно поступил с Мелюзиной и ее отцом? Зачем хотел убить собственное дитя? Никто его даже жениться не заставлял.

— От безнаказанности, — после долгой паузы заговорил Николя. — Почувствовал свою силу, уверился, что ему все сойдет с рук. А нежеланный ребенок... да еще от нелюбимой женщины, плод недобровольного союза — он как бельмо на глазу. Раздражает и не дает покоя. Напоминает о сотворенном злодействе и пробуждает совесть.

К тому же парня в городе любили, а тут такой позор. Прямое доказательство его лицемерия. От него отвернулись бы и родители, и невеста, и друзья. Поэтому Орм струхнул. Дальше все снежным комом покатилося. Вначале он наверняка воспользовался старым способом, чтобы принудить Мелюзину от ребенка избавиться. Не получилось. Орм перешел к угрозам. Когда не подействовали и они, решился на убийство. Дождался, когда мельник уйдет из дома, и напал.

Охотник замолчал, переводя дух. Майли нетерпеливо смотрела на него:

— А дальше что было?

— А дальше остается только гадать. Раз Мелюзины нет среди мертвых, то кто-то Орму явно помешал. Забрал девушку и напугал лесоруба.

— «Чудище из лужи»?

— Да. Вполне вероятно, что именно оно и есть наш убийца. Только ума не приложу, зачем ему это понадобилось.

Майли не представляла, что это за существо, а уж его мотивы и подавно не волновали. Мучило совершенно другое:

— Все равно не понимаю, зачем Орму понадобилось принуждать нелюбимую женщину к близости и рисковать честью из-за этого. Ведь у него все было: и семья, и ремесло, и даже невеста.

— Которую он тоже, скорее всего, не любил, — продолжил ее рассуждения Николя, а потом невесело усмехнулся. — Близость и жажда острых ощущений для мужчин сродни потребности в пище или сне. Заставляет чувствовать вкус жизни, притупляет боль от одиночества, отвлекает от повседневной рутины. А с нелюбимой всегда проще. Нет страха ошибиться или обидеть, не надо завоевывать интерес и потом мучительно его удерживать, не надо думать о будущем, о глупых обстоятельствах и условностях, что неизбежно встанут между вами. В таких отношениях нет душевной боли, что во стократ сильнее телесной. Если ты не отдаешь никому свое сердце, то его вряд ли разобьют.

Майли закрыла лицо руками и громко всхлипнула. Николя остановился и озадаченно глянул на нее:

— Что с тобой?

— Финист... он ведь так же ко мне относится. Как к игрушке, которая удовлетворяет его потребности, но стоит Герде его поманить, как он забывает обо мне. А если я забеременею? Вдруг он как Орм принудит меня избавиться от ребенка или даже...

Охотник ошалело вскинул брови:

— Я, конечно, не лучшего мнения о Финисте, но вряд ли он способен на такую низость. Тем более у тебя есть друзья, которые не бросят в беде.

— Вы бы, правда, за меня заступились? — Майли с восхищением разглядывала его внушительную фигуру.

— Конечно. Но лучше сама не позволяй пользоваться собой.

— Я... — Майли внутренне сжалась. Она не представляла, как отказать Финисту, когда он смотрит на нее голодным взглядом похотливого фавна.

— Имей хоть каплю гордости. Если ты себя не уважаешь, то и он не станет.



Майли совсем понурилась. До дома добрались молча. Пока Майли доедала обед, Николая успел принять у мастеровых новую телегу и впрячь в нее толстую кобылу целителя. Майли устроилась на обтянутых плотной материей козлах рядом с Николаем. Он направил лошадь к видневшимся вдали горным отрогам. Ехать пришлось долго, потому что широкая дорога, по которой могла пройти телега, петляла вдоль лесов, ущелий и скал. До хижины лесоруба добрались уже за полдень. Майли успела отбить себе бока. Тряску на каменистой дороге не смогло смягчить даже удобно сработанное сиденье. На этот раз она хотя бы додумалась одолжить у Герды теплую одежду и удобные башмаки. Удивительно, но размеры у них оказались одинаковые, хотя внешне Герда выглядела более тощей и тонкокостной. Может, это из-за светлых волос?

Одиноким деревянным домиком с покатою травяной крышей располагался посреди живописного кедрового леса, густым частоколом обрамлявшего суровые северные предгорья. Покосившаяся дверь раскачивалась на ветру, противно скрипела и громко хлопала об притвор.

Николай вошел внутрь первым и, убедившись, что опасности нет, поманил за собой Майли. Как и говорил Торольв, по дому словно ураган прошелся: у стульев оторваны ножки, стол покосился и треснул, кровать прогнулась до самого пола и наверняка тоже треснула под матрасом. Сквозняк гонял по углам перья из разодранной в клочья подушки и лоскуты ткани. На полу и стенах виднелись тонкие длинные царапины. Николай приложил руку к одной из них:

— Это не от когтей, а от человеческих ногтей осталось. Но как же надо было постараться, чтобы такое сделать?

Майли поежилась, наблюдая, как Охотник подбирает с пола сломанные и порванные вещи и внимательно их изучает.

— Можно я выйду? — взмолилась она, прикрывая рот рукой. — Здесь пахнет отхожим местом. Мне дурно!

— Потерпи немного, — продолжая поиски, ответил Николай. — На улице может быть опасно.

Майли зажала нос пальцами, боясь настаивать. Сейчас она бы все отдала, чтобы вернуться к унылым занятиям вместе с Финистом. Они хотя бы не такие жуткие и мерзкие!

Подойдя к кровати, Николай обнаружил на матрасе остатки засохшей белесой слизи и, отрезав ножом лоскут, поднес к глазам.

— Дрянь! — поморщился он и, завернув лоскут в платок, спрятал за пазуху. — Так я и думал. Все, можем уходить.

Майли рванулась к двери, но Охотник вдруг замешкался, услышав, как под ногой скрипнула половица.

— Погоди!

Он несколько раз прошелся туда-сюда, проверяя, какая именно доска издает звук, и, сев на корточки, подцепил ее ножом. Половица легко вынулась, открыв неплохой тайничок для денег и ценностей. Николай достал оттуда большую белую раковину с длинными шипами. Точь-в-точь как ту, которую отказался продавать Вагни. Охотник присвистнул и почесал затылок. Майли негодуя уставилась на него. Нашел подарочек для своей ненаглядной простушки? Но Майли не обязана терпеть такие мучения только ради этого!

— Идемте, я больше не могу-у-у! — взвыла она и выскочила на улицу.

Охотник взял раковину подмышку и поспешил следом. Уже на улице у телеги с

задумчивым видом спросил:

— Похоже на гребень?

И провел по своим волосам. Майли удивленно моргнула:

— Только если нет денег на что-нибудь более подходящее.

Охотник кивнул и спрятал раковину в соломе, которой было застелено дно телеги. Они немного побродили по двору в поисках следов, но ничего не нашли, кроме едва заметной тропы, которая вела к большому горному озеру с кристально чистой водой. Похоже, это и было заповедное озеро Цуг. Николая решил, что тело спрятано где-то тут.

Лесная тропа оказалось для телеги слишком узкой и пришлось еще с полчаса трястись по объездной дороге. Остановились на высоком обрывистом берегу.

— Самое время взять след. — Николай вынул из-за пазухи лоскут и протянул Майли. — Это должно помочь.

Майли брезгливо отодвинулась.

— Я не стану трогать эту дрянь! Ни за что!

Николя поморщился и покачал головой.

— Как же тяжело порой с избалованными дочками аристократов, — разочарованно пробормотал он, прыгнул с козел, сбросил с плеч плащ и снял рубашку.

— Что вы делаете? — переполошилась Майли. Ведь было не так жарко.

— Собираюсь искать тело сам, раз ты помогать отказываешься. Посмотрим, насколько хватит моего запаса прочности, — сказал он, с отрешенным видом стаскивая сапоги.

Майли нервно кусала губы, не в силах отвести взгляд от подтянутого, играющего мускулами тела. До чего хорошо сложен! Пожалуй, даже лучше Финиста. Теперь понятно, на что Герда так запала. Жаль, если такая красота пропадет из-за разборок бургеров!

— Ну, ладно-ладно! — сдалась Майли. — Давайте ваш лоскут.

Николя обаятельно улыбнулся и, вручив ей грязную тряпку, плотно запахнулся в плащ. Замерз. Явно представление затеял, чтобы принудить ее мертвеца искать. И умеет же, гад, людьми манипулировать!

Майли повертела лоскут в руках, пристально изучая. В голову закралась тошнотворная догадка, в какой именно пакости он перемазан, но Майли предпочла загнать эту мысль подальше. Иначе бы точно вытошнило.

— Может, стоило взять игрушку? — попыталась отступить в последний момент, но Николай отрицательно покачал головой.

Майли зажала лоскут в левой руке, а правой вытянула кулон и принялась раскачивать его, сосредотачиваясь на желтовато-коричневом камне внутри. Закрыла глаза. Перед мысленным взором с трудом, будто нехотя из янтаря прорастал золотистый ус. Он вел сквозь озерную гладь на дно глубокого омута, где покоилось безжизненное тело.

— Там, — Майли указала в центр заповедного озера.

Николя кивнул. Они спустились по крутому берегу к мосткам, у которых была привязана маленькая плоскодонка.

— Думаю, хозяин одолжит нам ее на время, — сказал Охотник, развязывая узел на веревке.

Майли залезла внутрь, опасливо переступая по качающемуся днищу. Вдруг хлипкая не просмоленная посуда даст течь? Плавать Майли не умеет. Может, стоит предупредить Николая? Но он уже сам запрыгнул внутрь и оттолкнул лодку от мостков рукой. Как он собирается управляться на воде без весел?

Николя устроился у кормы и окунул ладонь в воду. Пошли пузыри, и лодка быстро помчалась по плоской, как зеркало, озерной глади.

— Здесь! — крикнула Майли, когда ус от янтаря ушел вертикально вниз.

Николя вынул руку из воды, и лодка послушно замерла. Охотник скинул с себя плащ и сапоги, а следом и штаны, оставшись в одном исподнем.

— Что вы делаете? — переполошилась Майли.

— Нужно его достать, — бросил Николя и нырнул в воду.

Легко, как чайка. Даже лодку не раскачал.

— Стойте, я боюсь! — поздно спохватилась Майли.

Ждать в давящей на уши тишине пришлось долго. Вдруг Николя утонул, и Майли придется сидеть посреди озера до окончания времен. Или пока она сама не утонет, или сойдет с ума, или умрет от голода. Так стало себя жалко!

— Кинь мне веревку, — позвал Николя откуда-то сбоку.

Майли вздрогнула и выглянула за борт. Охотник придерживался рукой за край лодки.

— Глубоко, аж уши в трубочку сворачиваются. И вода ледяная. Видно, кто-то специально здесь тело спрятал, чтобы наверняка не нашли, — делился он своими догадками, пока Майли дрожащими руками подавала ему веревку.

Вода вокруг Охотника вспенилась. Лодка закачалась, и он снова камнем ушел на дно. Интересно, как ему удастся держаться под водой так долго? Снова телекинез использует? Порой кажется, что его дар всемогущ. Люди не должны обладать такой силой. Иначе они слишком похожи на... на богов? Майли отругала себя за святотатственные мысли и принялось терпеливо ждать.

Прошло в два раза больше времени, но Николя все-таки вынырнул, бледный, покрытый пупырышками. Фиолетовые губы едва заметно подрагивали. Он забрался в лодку и привязал к корме веревку, на другом конце которой болтался утопленник. Майли изо всех сил старалась не смотреть на него. Николя выкручивал волосы и натягивал на себя сухую одежду, пытаясь согреться. Откупорил флягу и, опустошив ее до дна, потряс, с жадностью заглатывая последние капли.

— Ненавижу холод, — пояснил он, когда щеки слегка порозовели, а зубы перестали отбивать ритм чечетки. — Надеюсь, к водяным больше лезть не понадобится.

Николя снова устроился на корме и погнал лодку к берегу. Как только причалили, Охотник помог Майли выбраться на мостки и принялся вытягивать из воды огрузневшее тело. Пришлось волочь его на себе на крутой берег к телеге. Тяжело пыхтя, Николя взвалил труп на солому лицом вверх и принялся осматривать. Майли, не сдержав любопытства, выглянула из-за плеча Охотника. Мертвец был абсолютно нагой, разбухший, покрытый сморщенной восковой кожей. Уродство!

— Уф! Сомневаюсь, что он захлебнулся, — мрачно заключил Николя.

Майли скосила взгляд. Внизу живота расплылось большое бурое пятно, а между ног осталось лишь месиво из стертой плоти. Майли вскрикнула и зажмурилась.

— Это рыбы сделали? — спросила она.

— Нет там никаких рыб. Поэтому озеро и называется заповедным, — вздохнул Охотник и чем-то зашелестел. — Можешь открыть глаза. Будем пробовать вызвать дух. Он еще не упокоился и витает где-то рядом. К тому же явно жаждет мести — должен сотрудничать.

Майли недоверчиво приоткрыла один глаз. Николя накрыл тело холстиной, оставив видной лишь голову. Уже чертил на земле сигил призыва — невероятно сложный знак,

который должен был помочь с временным возвращением духа в тело. Охотник заставил ее раз сто его скопировать, чтобы точно запомнить каждый штрих. Большой круг, в нем человек в полный рост с вытянутыми в стороны руками и ногами. В пустых секторах обозначения четырех стихий. Внизу между ногами знак смерти — перевернутый анк. Птица над головой — символ души. Медиумы прошлого придумали множество ритуалов, чтобы облегчить общение с мертвыми. Именно с них Охотник и начал обучать Майли. Приходилось зазубривать сотни сложных формул, причудливых схем и рецептов тошнотворных зелий, а также прочесть гору книг. Дар все еще пугал и отталкивал, но хотя бы что-то приобрело ясность.

Николя закончил сигил и уложил обернутое в холст тело в центр.

— В следующий раз рисовать будешь сама, — предупредил он, стряхивая с рук пыль. — А потом, надеюсь, научишься обходиться без вспомогательных средств.

Охотник подал Майли длинный ольховый посох, который сделал для этого ритуала. Она повязала наверх свой кулон, зажгла припасенную свечу и поставила ее возле головы мертвеца. Замерла. Николя протянул ей свой нож, но она отшатнулась, не в силах сделать то, что он хотел.

Охотник тяжело вздохнул и, опустившись на колени, вырезал на лбу у покойника пентаграмму.

— Действуй. Больше я ничем помочь не смогу, — в голосе Николя сквозило разочарование и упрек.

Неприятно. Майли подошла к телу, воздела посох... и от волнения забыла слова. Николя прикрыл лицо ладонью. Майли полезла в карман за скомканным листом с формулой вызова, долго ее разворачивала и перечитывала. Николя нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Светом и тьмой заклинаю, духа с той стороны призываю, в тело вселись, к нам воротись! — произнесла она и ударила посохом в пентаграмму на лбу. По руке словно искра прошла, оставляя в жилах огненную дорожку, запалила янтарь желтым светом. Он пронзил посох и зажег звезду на коже покойника.

Майли с замиранием сердца глянула на покойника. Ничего не происходило. Она разочарованно выдохнула и перевела взгляд на Охотника. Тот подбадривающе подмигнул и пихнул мертвеца носком сапога. Покойник дернулся и со сдавленным всхлипом забормотал:

— Не надо! Остановись! Мне больно! Я больше не хочу!

— Предсмертные слова, — пояснил Николя.

Покойник замолчал и разлепил веки. Из-под них уставилась пара бледных мертвецких глаз:

— Вы пришли отомстить за меня? — гнусаво прохрипел он. Майли показалось, что в его безжизненном голосе мелькнула робкая тень надежды.

— Да, — задумчиво кивнул Николя. — Расскажи, что произошло.

— Оно пришло в полночь. Притворилось прекрасной девушкой. Сказало, что заблудилось в лесу и попросилось на ночлег. На меня словно морок навели. Знал же, что ночью в Утгарде только демоны рыщут. Знал, что оно обещало вернуться за мной. И все равно не удержался.пустил. Оно рубашку прямо на пороге сбросило и принялось соблазнять. О, как же оно было красиво! Что оно только ни вытворяло! Никого я так не желал. Оно ездило на мне до самого рассвета. Искушило досуха. Я опомнился, только когда остался совсем без сил. Взмолился о пощаде, но оно не слушало, продолжая терзать мою плоть, пока сердце не лопнуло от натуги.

Майли слушала его вполуха, сжимаясь от ужаса. Да, парень был подлецом, но такая смерть — слишком жестоко.

— Мда, чувство юмора у этого демона своеобразное, — Николая, наоборот, рассказ не впечатлил. Даже жалости особой Охотник не выказывал.

— Так вы отомстите? — с надеждой спросил утопленник.

— Если ты расскажешь нам все, — Охотник выделил интонацией последнее слово. — Что это за «чудище из лужи» и почему обещало за тобой вернуться?

— Не знаю я, ничего не знаю, — заскулил покойник.

— А мне сдается, что знаешь, — настаивал Николая. — Пойми, это в твоих же интересах. Нет убийцы — нет и мести.

Мертвец недовольно заскрежетал зубами, но все же заговорил:

— Оно явилось, когда я на мельницу к потаскушке ходил. Сколько раз просил ее от ублюдка избавиться, а она ни в какую. Как только ни принуждал, даже угрожать пытался, а она все заладила, мое дитя — никто меня его погубить не заставит. Такая же глупая, как папаша ее. Рожать ей, видите ли, захотелось. А что обо мне в городе скажут, как все вскрыется, она подумала?! Вот я и решил умыкнуть ее и сюда привезти, а когда родит, утопить приплод в озере, как котят топлю каждые полгода. Так она ж, дура, кричать стала, сопротивляться. На сносях-то. Видно, что-то себе повредила. Вначале вода по ногам полилась, мутная такая, слизкая, а следом кровь рекой. Упала без чувств. Мне так страшно сделалось. Коль умрет девка, так на меня ж всех собак навешают. А мельник вообще выкуп потребовать может за дочку-то за свою.

Я и рванул оттуда со всех ног, только на луже перед домом поскользнулся. Странная такая лужа. Не было ее до этого, точно помню. Поднимаюсь, гляжу, а из воды чудище вылезает. Сверху на бабищу грудастую похоже, а снизу зеленые осьминожки щупальца торчат. Я от страха прям обомлел, а оно как схватит меня за грудки и давай трясти. «Это ты, — кричит, — мое чадо обидел? Не будет тебе за это прощенья. Ночью приду, тогда и посмотрим, долгонько ль ты любиться сумеешь». И помчалось в дом за мельниковой дочкой, затащило ее в лужу и исчезло.

А я так и остался на земле сидеть. Все никак в себя прийти не мог. Потом мельник прибежал. Чуть душу не вытряс. На силу от него вырвался. Потом еще эта дура Палантина к мне привязалась со своей помощью. Из-за них только к вечеру домой удалось попасть. По темноте ведь не сбежишь — чего доброго в ущелье свалиться можно, или к демону какому на зуб попасть. Ну вот я и попал. Так вы отомстите? Убьете эту гадину из лужи?

Николя дернул головой, изо всех сил пытаюсь сохранить хотя бы вид беспристрастности, но Майли понимала, что внутренне он хочет убить этого подлеца еще, наверное, раз двадцать.

— Я всем воздам по справедливости, — выдавил из себя Охотник. — Но ты не все сказал. Как тебе удалось принудить Мелюзину к близости?

— Ни к чему я ее не принуждал. По своей воле пришла! — попытался отговориться покойник, но Николая продолжал упорствовать.

— Говори, иначе я убийцу искать не стану.

— Хорошо, — согласился утопленник, явно уверенный, что справедливость все равно окажется на его стороне. — Прошлым летом я с Торольвом поспорил, что смогу соблазнить эту недотрогу. И так, и эдак пробовал подобраться, а ей и дела ни до чего не было, кроме бабьих сказок о принцах. Уже и сам пытался в принца переодеться, даже песни под окном

пел, а она все равно отшла. Я уже совсем отчаялся. Начал деньги копить, чтобы Торольву проспоренное отдать. Но тут случайно подглядел, как она сидела у моря, где мельникова жена утопилась, и волосы свои белой раковиной расчесывала. Потом будто бы позвали ее из воды. Она скинула свое унылое платье, да такой красавицей оказалось, что нельзя было взгляд отвести. Такие прелести под убогой одеждой скрывала! Когда она нырнула в воду, я раковину себе забрал. Она как из воды выскочила, взмолилась, чтобы я раковину вернул. Обещала любое желание выполнить. Я и пожелал. Она каждую ночь приходила. Все, что я ни загадывал, делала. Такое, на что ни одна другая женщина бы не согласилась. Даже к ребятам из артели водил ее — они верить отказывались, пока своими глазами не увидели, как она меня ублажает.

Николя закашлялся, ослабляя ворот рубахи:

— И она не пыталась сопротивляться?

— Ни разу. Должно быть, ей нравилось.

— Ну да, а раковину ты так ей и не вернул? — скептически хмыкнул Николя, но покойник иронии не заметил.

— Все случая не было. А потом родители за меня Палантину посватали. Уж и свадьбу назначили. Надо было с разгульной жизнью кончать. Вот я и сказал мельниковой дочке, чтобы больше не приходила.

— Но раковину не отдал?

— Заладили вы с этой раковиной! Нет, не отдал, иначе кто бы смог поручиться, что потаскуха бы не ославила меня на всю округу? Знаю я этих баб! Еще представила бы все, будто я ее насильничал. А так молчала. Делала, что говорю. Пока про ребенка не узнала. А там ее будто подменили. Сразу из послушной мышки в мегеру превратилась. Еще батю своего натравила. Предательское бабье племя!

— Мастер Николя, я больше не могу! — взмолилась Майли. По горлу уже тянулся кислый привкус дурноты. Малейшее шевеление могло разорвать желтую нить, связывающую янтарь с покойником. Но она же вытягивала из Майли все силы.

— Потерпи, последний вопрос, — попросил Николя и снова обратился к утопленнику: — Скажи, у тебя ни разу не возникало чувство, что ты делаешь что-то предосудительное?

— А что такого-то? Она ведь сама пришла. Сама! — остервенело оправдывался покойник. — Вы ведь отомстите? Отомстите! Вы должны! Я ведь человек!

Николя махнул Майли рукой, и та спешно разорвала нить. Покойник обмяк, потеряв связь с душой. Майли приложила руку к груди, пытаясь унять бешено колотящееся сердце.

— Хорошо, а теперь разрушь сигил и упокой душу, — устало отдавал распоряжения Николя.

— Не могу. Я без сил! — чуть не плача, ответила Майли, с трудом справляясь с дыханием.

— Прости, но это я за тебя сделать не смогу, — настаивал Николя, не восприняв всерьез ее истерику. — Если не упокоишь его сейчас, он привяжется, и избавиться от него будет намного сложнее.

Майли собрала остатки воли в кулак, подняла посох и принялась вытирать символы внутри сигила: вначале стихийные, потом смерть, и, наконец, душу. Надо было произнести еще одну формулу, но Майли снова забыла слова и полезла в карман за подсказкой.

Николя безнадежно покачал головой:

— Ты должна относиться к учебе серьезней и посвящать ей больше времени. Кто знает,

как жизнь повернется? Когда-нибудь ни Финиста, ни меня рядом не окажется. Только твой дар будет с тобой всегда. Он сможет тебя защитить, но для этого ты должна полностью им овладеть. Иначе из друга он превратится во врага. Ты же прекрасно это знаешь.

Майли повела плечами. Обидно. Он что ее совсем за дурочку держит? Да, наверное, так и есть. Даже Герда не стала бы так ныть и жаловаться. Майли развернула лист с формулой и зачитала, четко проговаривая каждое слово:

— Дух неупокоенный, странник стороны, вернись к себе, отчаянный, оковы разорви, — Майли второй раз ударила посохом в звезду на лбу покойника и принялась стирать остальную часть сцигила, не переставая читать формулу: — Пройди путями тайными, обряды соверши, от скверны отмщения свой Атман отдели. Ступай в чертоги времени и круг свой заверши...

Николя вскинул руку, приказывая остановиться. Тело покойника содрогнулось и издало утробный звук. Из рта вырвался столб желтого света и ударил в ставшее пасмурным небо.

— И в образе младенца обратно поспеши, — выдохнула Майли последнюю фразу.

— Не следовало открывать ему путь обратно, но... — Николя тяжело вздохнул. — В конце концов, кто мы такие, чтобы судить мертвых. Тут хотя бы с живыми разобраться.

Майли без сил распласталась на земле. Николя поднял покойника и отнес обратно в телегу, а потом вернулся.

— Выносливости у тебя еще меньше, чем у Герды, — заметил он, помогая подняться. — Сними обувь. Надо босыми ногами по земле походить — так быстрее восстановишься.

Майли нехотя послушалась: стянула сапоги и несмело поставила босые ступни на землю. Она была непривычно холодной и жестокой настолько, что каждый шаг причинял боль, особенно если под ноги подворачивались мелкие камушки. Через несколько минут мучений Майли решила надеть обувь обратно.

— Потерпи, — остановил ее Николя, сочувственно улыбаясь. — Надо просто привыкнуть, и станет легче.

Он снял собственные сапоги и, размяв пальцы на ногах, бодро пошел вдоль берега озера. Майли пришлось торопиться следом. Слишком боялась оставаться здесь одной, особенно после рассказа покойника.

— Не пора ли нам возвращаться? — спросила она, с трудом нагнав Охотника. — Иначе мы не успеем до темноты.

— Поэтому мы и не спешим, — усмехнулся Николя. — Не хочу, чтобы упсальцы видели тело в таком состоянии. Иначе они потребуют от меня поспешных действий, на которые я пойти не могу.

— Не уверены, что «чудище из лужи» заслужило наказание? — Майли его в этом поддерживала.

— По законам Стражей преступление против будущей матери и собственного ребенка считалось самым тяжким грехом. За это человека голым привязывали к столбу и оставляли медленно умирать от палящего зноя или холодного ветра. А с падением ордена люди, кажется, забыли, что хорошо, а что плохо.

— Знаете, а ведь у единоверцев материнство тоже считается священным. Человеку, взявшему на душу такой грех, уже никогда не заслужить прощение перед лицом Единого, — задумчиво сказала Майли. Она все время искала и не находила, что в ее вере было такого ужасного, из-за чего ее новые друзья так недолюбливают всех ее приверженцев.

— Это от того, что единоверцы во многом переняли Кодекс Стражей и продолжили

исполнять основные положения, поменяв лишь имена некоторых вещей, чтобы в глазах людей их вера казалась более истинной.

— Вы хотите сказать, что они — воры? — возмутилась Майли.

— Чтобы управлять людьми, нужно создать ядро, которое не позволило бы обществу потонуть в анархии. Вера со своими строгими догматами и есть это ядро. Стражи ее утратили, а следом потеряли и власть, став в глазах людей тем самым злом, с которым Стражи сами сражались. Возможно, когда-нибудь Голубые Капюшоны совершат ту же ошибку, и тогда сжигать будут уже их. Это извечные законы бытия, суть которых должна оставаться неизменной, чтобы не наступил конец света. А имя лишь пустой звук, даже эхом не отдающийся в вечности.

— Вы сейчас говорите прямо как наш священник из монастыря, — тепло улыбнулась Майли, впервые за долгое время чувствуя себя легко и непринужденно. Как будто снова вернулась домой, где все просто и понятно. И даже перестала замечать впивающиеся в ноги камни и промозглость выхоленной за зиму земли. Мучительное ощущение пустоты внутри приглушалось и пропадало.

— Это еще раз доказывает, что между нами и единоверцами нет такой уж большой разницы, — усмехнулся Николя, как Майли показалось, с горьковатым привкусом.

— Ничего не слышишь? — насторожился Охотник.

Майли покачала головой, во все глаза глядя на него. Николя ускорил шаг. Она едва поспевала следом, снова напоминая себе коротконогую толстуху-кобылу, изо всех сил старающуюся угнаться за быстрым вороным жеребцом. Они прошли вдоль берега озера к убегающей в лес речке с петляющим в камнях руслом. Она упиралась в крохотный водопад, который спускался со скалы узким каскадом. На подходе к нему Майли тоже услышала. Невероятно печальную и вместе с тем чарующую мелодию одинокой скрипки. Для кого искусный музыкант играет посреди Утгардской глуши, куда заходить смеют лишь демоны?

Николя замер возле густых кустов можжевельника и приложил палец к губам. Майли выглянула в просвет и приглушенно ахнула. Наверху на камнях у водопада сидел невысокий стройный юноша со струящимися темными волосами. Он самозабвенно играл на скрипке. Из одежды на нем был лишь пышный венок из белых водяных лилий.

Вроде, не опасен. Николя выступил вперед. Майли поспешила следом. Услышав шевеление, парень широко распахнул черные без белков и радужки глаза и недобро покосился на пришельцев, не прекращая играть. Вблизи стало заметно, как на его шее из-под волос выглядывают жабры, а уши заканчиваются тонкими раздвоенными рожками. «Демон!» — запоздало спохватилась Майли и от испуга вскрикнула. Смычок сорвался. Скрипка издала неприятный скрежещущий звук.

— Ну вот, теперь все сначала придется начинать, — недовольно сощурился парень и сложил скрипку себе на колени. — Зачем пожаловал, Охотник? Неужто музыке моей поучиться хочешь?

— Это вряд ли. Времени и так ни на что не хватает. Да и желания тоже. К тому же, ты ответную услугу потребуешь, так ведь, нёкк?

— Всего-то обещание оставить меня и моих близких в покое, — хмуро ответил тот.

— Близких? Я думал, нёкки — отшельники. Ты ведь колыбельную только что играл? — напрягся Николя.

— Да что ты вообще знаешь, кроме того, что нашептывает ведьма из-под холмов и морской колдун-перебежчик? — пренебрежительно скривился нёкк, но тут же взмыл в



воздух и рухнул к ногам Охотника, корчась, словно удавка сжималась вокруг его горла.

— Ну так расскажи, чего я не знаю, — сказал Николя так, что у Майли все внутри похолодело. Ух, не стоило демону повышать голос, а тем более дерзить!

Демон трепыхался, грозно шипя и посверкивая глазами на Охотника.

— Говори, где искать ту тварь, которая натравила на город крыс, — угрожающе сверкнул глазами Николя. Невидимая петля отпустила горло нёкка, но он все также не мог подняться, словно на него давил сам воздух.

— Ничего не видел, — демон прикрыл глаза гибкими музыкальными кистями, — ничего не слышал, — руки переползли на уши, — никому ничего не скажу, — шаловливо хихикнув, положил ладони на рот. Но мрачный взгляд Охотника заставил демона посерьезнеть: — Откуда мне знать? Он из ваших, из небесных. Мы таких не чуем.

— Хорошо, — заключил Николя после небольшой паузы. Видимо, размышлял, насколько правдоподобно прозвучали слова нёкка. — Тогда расскажи про никсу из озера Цуг. Она одна из твоих близких?

Демон болезненно поморщился, отчего его черты стали похожи на рыбы.

— Знать не знаю никаких никс. Пусти, иначе я пожалуюсь холмовой ведьме. Посмотрим тогда, кому она благоволит больше.

— Мне, — с уверенностью произнес Охотник. — Никса убила лесоруба и затащила его на середину озера, а до этого ездила на нем всю ночь. Бюргерам это сильно не понравится, а обвинят они во всем Дану, которые живут по соседству с городом. Вряд ли Эйтайни придет в восторг, когда разъяренная толпа с факелами и вилами начнет вытаптывать ее холмы.

Нёкк заскрежетал зубами от досады и с ненавистью выкрикнул:

— Тот ублюдок заслужил свою кару!

— О, так ты все-таки кое-что знаешь, — хитро прищурился Николя. — Говори. Тогда я пощажу твоих близких.

— Я только видел, как никса несла к озеру окровавленную девушку, а на следующее утро унесла парня на дно. Я спросил, зачем она его убила. Никса ответила, что он совершил гнусное преступление. Она воздала ему по заслугам. Я пообещал сохранить все в тайне, но, как видишь, не смог.

Нёкк расслабился, размяк и отвернул голову. Николя отступил на шаг, позволяя ему подняться.

— Судить людей могут лишь сами люди. У нее не было права его карать.

— У нее гораздо больше прав, чем у тебя! — взревел нёкк и бросился на Николя, ощерив полную мелких акульих зубов пасть. Воздух сгустился в невидимую преграду на его пути. Нёкк ударился и снова сполз к ногам Охотника.

— Нет причин так горячиться, — недоуменно глядя на шипящего демона, изрек Николя.

— Ненавижу! — прохрипел нёкк, выпучивая чернильные глаза.

— Идем. Больше ничего вразумительного мы здесь не услышим.

Охотник взял оробевшую и перепуганную до смерти Майли под руку и повел прочь от изрыгавшего проклятья демона.

— Он казался таким милым, а потом вдруг превратился в чудище, — поежилась Майли. От страха начинало знобить. Ей еще не доводилось встречаться с демонами лицом к лицу, так близко, что можно все рассмотреть, услышать и даже потрогать. Был, конечно, Ходок, который забрался в ее разум и соблазнял несколько недель, но Майли его почти забыла. Лишь смутные ощущения тоски, желания быть любимой и позже омерзения и страха

сохранились. С нѣкком вышло совсем по-другому. Он был реальным. Живым. Но совершенно чуждым всему человеческому.

— Так часто бывает. И с людьми тоже, — печально вздохнул Николая.

Она задрожала, и он укрыл ее плечи собственным плащом. Майли отблагодарила ласковой улыбкой. Все-таки он слишком хорош. Слишком совершенен. И это пугает. Люди такими не бывают. Совершенство доступно лишь Единому и его небесным посланникам. По крайней мере, так говорили в монастыре.

— Они вас ненавидят. И демоны, и люди, — сочувственно сказала Майли.

Николя печально повел плечами:

— Все любят героев-спасителей и никто — судей, а уж тем более палачей.

Майли потупилась, не зная, что ответить. Да он и не требовал.

Вскоре они добрались до телеги и отправились в обратный путь. Медленно наползали долгие весенние сумерки, словно по воздуху разливалось молоко и окрашивало все в тусклые тона. Неторопливо и осторожно мохнатая кобыла везла телегу по краю глубокого ущелья, петляя меж высоких круч. Майли пригрелась, укутанная в теплый плащ Охотника, и задремала, от усталости не замечая тряски и стука колес по каменистой дороге. Проснулась, только когда они остановились у большого дома на окраине города, за которым высились многочисленные холмы. Темнота едва-едва сменила сумерки, но огни в окнах не горели. Видно, была уже глубокая ночь, хоть и непривычно светлая после непроглядной зимней черноты.

— Мастер Николая, вы к нам? — послышался приятный женский голос.

Майли открыла глаза и пристально взгляделась в лицо пышной моложавой женщины с длинной гривой кудрявых волос. В темноте возраст точно определить не получалось.

— Да, госпожа Уна. У меня дело к вашему мужу, — почтительно кивнул Охотник.

— Он сейчас подойдет. Подождите пока у нас, — гостеприимно предложила хозяйка дома.

Майли обрадовалась и уже собралась слезать с телеги, но тут заметила, что Николая задумчиво смотрит в сторону холмов.

— Я лучше останусь здесь и покараулю наш груз, — Охотник похлопал по укрытому холстом телу рукой. — Не хотелось бы, чтобы его увели у нас из-под носа. Но моя ученица Майли с удовольствием бы отужинала и передохнула у вас, если позволите. А то мы сегодня весь день на ногах.

— Конечно, — широко улыбнулась Уна. — Я хочу, чтобы вы знали: мы не верим ни единому слову проповедника. Вы до сих пор герой... хотя бы для нас.

Николя кивнул, избегая ее взгляда. Видно, он в своем героизме был далеко не так уверен. Уна подала руку застывшей у борта телеги Майли. Та спустилась, бросила последний заинтригованный взгляд на Охотника и пошла в дом.

\*\*\*

— Эйтайни! — позвал Николая, забравшись на вершину Королевского холма.

Ворожея Дану не заставила себя ждать: появилась словно из ниоткуда в длинном плаще, неотличимом от светлой весенней ночи.

— Какая беда привела тебя ко мне в столь поздний час? — как всегда мягко спросила она, сняв с головы капюшон.

— Я не справляюсь с ситуацией. В городе ропщут, — угрюмо ответил Охотник. — Погиб человек. Похоже, его убила никса. Боюсь, все выйдет из-под контроля, когда бюргеры

увидят, как она поглумилась над телом. Не могли бы вы скрыть повреждения? У меня сейчас нет в распоряжении иллюзиониста, поэтому приходится просить вас.

Дану смерила Охотника тяжелым взглядом, но все же последовала к оставленной у подножия телеге.

— Уф! Сильно он ее разозлил. Придется постараться, чтобы такое скрыть, — выдохнула Эйтайни, когда Николая убрал с тела холст.

Она принялась водить над багровыми подтеками руками. Охотник терпеливо дожидался результата у нее за спиной.

— Что будешь делать дальше? — поинтересовалась она, когда закончила ворожить. Все повреждения исчезли. Теперь Орм походил на обычного утопленника, пролежавшего пять дней на дне озера.

Николя молчал, перебирая в голове, как представить все так, чтобы вызвать поменьше возмущения. Не хватало еще от старого друга упреки слушать. Но Эйтайни ответа не дождалась.

— Парень совершил злодейство и получил по заслугам. Надеюсь, ты понимаешь, что мы не позволим причинить никсе вред, — заявила королева Дану.

Николя напрягся. Так ей все известно? Хотя об этом можно было догадаться по дерзости нёкка. Не хотелось терять расположение немногочисленного, но гордого и опасного народа туатов де Данаан.

— Родители парня требуют выкуп. Если я не принесу им ее голову, будет бунт. Старые договоренности забудут, и вас поднимут на вилы. Я не смогу их удержать. Из-за истории с крысами я растерял весь авторитет в их глазах. А большинство ваших воинов сейчас в дозоре на границе Хельхейма. Вас некому защитить.

— Поэтому сейчас мы, как никогда, должны держаться вместе и стоять друг за друга. Если я позволю тебе покарать никсу, то люди поймут, что могут безнаказанно притеснять нас, — с жаром возражала Эйтайни. — А если мы попробуем ответить, то явишься ты, чтобы отрубить нам головы и бросить их к ногам наших гонителей. Нет, мы не будем молчаливым скотом, послушно идущим на бойню. Лучше умереть на поле брани, чем сложить голову от меча палача.

— Я сделаю все, чтобы до этого не дошло! — оборвал патетичную речь Николая. Как же все любят паниковать, когда еще ничего не случилось! — Нужно найти компромисс, который бы удовлетворил обе стороны.

— Вот ты его и ищи, — Эйтайни поднялась на цыпочки и, взяв его за ворот рубахи, пристально заглянула в глаза. — Но никса должна жить.

Королева Дану развернулась и, не прощаясь, зашагала вверх по склону холма, гордо расправив плечи.

Николя устало вздохнул и обхватил голову руками. Это был один из самых долгих и напряженных дней в его жизни. Что-то подсказывало, что он далек от завершения.

Когда Николая вернулся к дому бургомистра, Гарольд поджидал у ворот.

— К ведьме своей ходил? Можешь не говорить, я и так понял, — вместо приветствия проворчал он. — Тело хоть нашел?

Охотник кивнул и отвернул холст.

— Утонул? А почему без одежды? — нахмурился бургомистр, внимательно разглядывая покойника.

— Зацепилась за корягу и порвалась, — соврал Николая.

— Тогда почему даже ошметков не осталось? — подозрительно спросил Гарольд. — Неважно. Одну что-нибудь из своего. Узнал, кто убийца? — приглядевшись к встревоженному лицу Охотника, бургомистр продолжил сам. — Кто-то из остроухих? Говори!

— Нет, но с ними могут быть проблемы, — нашел нужные слова Охотник и рассказал бургомистру обо всем за исключением того, в каком виде обнаружилось тело.

— Думаешь, убийца Вагни? — ошалело спросил Гарольд, когда тот закончил.

— Было бы очень удобно свалить все на него, — признался Николя. — Но нет, за Мелюзину заступился кое-кто другой. Вот только ума не приложу, зачем ей это понадобилось.

— Да, Вагни в городе любят едва ли больше остроухих, — согласился Гарольд. — С удовольствием пустили бы ему кровь, был бы повод.

— Не понимаю, откуда такая ненависть. Мельников нигде не любят, но это уж слишком. Нормальный же мужик, даром, что гордый.

— Так это из-за жены его покойной. На редкость склочная баба была, да еще и здоровьем слабая. Хворала постоянно. Никакой работы по дому не делала. Вагни при ней тише воды, ниже травы держался. Слова поперек сказать не мог. Такой забитый ходил, что аж жалко смотреть было, чисто по-человечески. Все надеялись, что хворь ее доконает, и Вагни женится на девушке помоложе и подороже. Но твой дружок-целитель все вытаскивал и вытаскивал ее с того берега. Вагни не выдержал и завел себе любовницу. Жена узнала и ославила его на всю Упсалу — устроила скандал, надавала оплеух, а потом ночью, пока все спали, сиганула в море с утеса Белой чайки. Потом долго судачили, что мельник сам ее к краю подтолкнул, правда, никто этого не видел. Но все равно как душегуба чураться стали. До сих пор забыть не могут.

— Не похож Вагни на того, кто смог бы убить мать собственного ребенка, — Николя в задумчивости потер подбородок.

— Какого ребенка? Я ж говорю, хворала она. Постоянно. И дитя понести не могла. Вагни сам сколько жаловался, — недоумевал Гарольд.

— А как же Мелюзина? — удивился Охотник.

— Так она от любовницы. Как жена Вагни утопилась, в тот же день девочка у него и появилась. Кроха совсем, пару дней от роду. Вагни по всему городу кормилицу искал, правда, никто не согласился. Пришлось ее козьим молоком выкармливать.

Детали потихоньку складывались в упорядоченный узор. Закралась догадка. Но как? Зачем? С другой стороны, это бы все объяснило.

— А эту любовницу кто-нибудь видел?

— Кроме жены мельника? — Гарольд обескуражено моргнул. — Мы думали, что она все выдумала, пока ребенок не появился. Кто-то же должен был его родить. Из городских никто не сознался. Бабы ведь хитрые, умеют живот под одеждой скрывать. А может, она из пришлых была, кто скажет? После она ни разу не появлялась. Даже дочь не проводывала.

Николя сощурился. Слова бургомистра подтверждали подозрения, но с трудом верилось, что подобное возможно. А мельник-то не так прост, как показалось на первый взгляд.

— Думаю, что она не из пришлых, и не из местных, — изрек Охотник. — Просто соседка жалостливая. Слишком.

Гарольд устало отмахнулся:

— Ты главное убийцу найди, а то нас вместо него на вилы поднимут.

— Ни одни, так другие, — пробормотал себе под нос Николая и, распрощавшись с бургомистром, забрал из его дома прикорнувшую возле распаленного камина Майли.

\*\*\*

Вязкая зыбь сна никак не отпускала. Ночной холод слегка разгонял дремоту, но и раздражал почти до боли.

— Скорей бы оказаться в теплой постели! — мечтательно заявила Майли, потягиваясь и зевая.

— Нам еще надо зайти в одно место, — разочаровал ее Охотник. — И вызвать душу...

— Что, опять?! — всполошилась Майли. — Но я же с ног валюсь от усталости! Нельзя ли завтра? А лучше через неделю или две!

— У нас нет времени. Действовать надо сейчас. Небольшая встряска пойдет тебе на пользу, раскроет дополнительные резервы. К тому же сегодня полная луна — она тебе поможет.

Майли подняла голову и нашла глазами белое блюдце луны посреди темно-серого неба. Так и не стемнело до конца. Наверное, это и есть «белые ночи», красотой которых так любили хвастаться местные жители. Правда, сейчас она не восхищала, а угнетала.

Телегу вместе с покойником пришлось оставить у дома бургомистра. Он обещал вернуть ее после похорон. Майли нехотя плелась за Охотником через весь город к мысу на юго-западной окраине города. Скалистые утесы врезались в темный ночной океан, который с грохотом хлестал по ненавистным камням пенистыми волнами.

Они взобрались на самый обрывистый утес и остановились на краю.

— Здесь восемнадцать лет назад бросилась в океан Хейда, жена Вагни. Ты должна вызвать ее дух, — объяснил задание Николая.

— Но зачем? Без тела вы не сможете ее увидеть или даже поговорить, — попыталась образумить его Майли.

— Говорить будешь ты, а я только подсказывать. Не трусь. Чем быстрее ты справишься, тем быстрее мы окажемся дома и сможем хоть немного выспаться перед завтрашним днем, — Николая подтолкнул ее к обрыву.

Майли передернула плечами, глядя на плещущиеся внизу в волнах камни. Так, должно быть, она и погибла, Хейда. Чувствовала ли она боль или ей уже было настолько гадко от загубленной жизни, что на страдания тела она не обращала внимания? Такая высота! Нет, ее смерть, наверняка, была быстрой. Лишь краешек угасающего сознания отметил удар.

Майли увлеклась, воображая ощущения Хейды перед смертью и не заметила, как Охотник всунул ей в руку посох и указал на начертанный на тонком слое песка сигил. Снова пришлось надевать на посох амулет и мучительно вспоминать формулу вызова. Хотя бы листочек с подсказкой не понадобился. Майли четко произнесла слова и принялась выстукивать посохом в центре сигила ритм сердца. Ничего не происходило, пока глаза Майли не закрылись сами собой. Полыхнуло серебристым лунным светом. От головы до пяток пронеслась искра, переползла в правую руку, пролилась в янтарь и ушла по дереву посоха в самую землю. Дыхание сперло. Ноги подогнулись. Майли дернула головой и открыла глаза, стараясь сохранить сознание. Ведь предупреждала, что сил не хватит!

— Ничего не вышло, — сокрушенно сказала она, когда оцепенение отпустило.

— Я так не думаю, — улыбнулся Николая и выпустил из ноздрей клуб белесого пара в ставший морозным воздух.

Майли поежилась, обнаружив на своей спине потусторонний взгляд. Обернулась. Над

океаном у самого края утеса парила прозрачная фигура худосочной женщины в мешковатом потрепанном платье. Аура светилась бледно зеленым, источая могильный холод и затхлый запах. Она внушала гораздо больший ужас, чем говорящий утопленник. Тот хотя бы был осязаем.

— Не трясись. Всю силу, что у нее есть, даешь ты сама, — подбодрил Охотник. — Узнай, та ли она, кто нам нужен и спроси, как она погибла.

Майли кивнула и стукнула посохом о землю еще раз.

— Отвечай, ты дух Хейды, жены мельника Вагни? — начала она повелительным тоном, который переняла от отца еще в детстве.

Привидение поморщилось.

— Да, к сожалению, этот прелюбодей и изменник мой муж, — нехотя ответила она противным скрипучим голосом.

— Отвечай, как ты погибла? — продолжила допрос Майли.

Привидение жутко заскрежетало. Очень хотелось заскулить от ужаса.

— Не так грубо, — догадался об ее испуге Николая. — Не пытайся давить силой — у тебя ее при любом раскладе не хватит, лучше воспользуйся хитростью. Я знаю, ты умеешь.

Он лукаво усмехнулся, чуть скривив рот влево. Майли зарделась, припоминая случай с приворотным зельем. После этого она неделю не могла ему в глаза смотреть, хотя он ни словом не упрекнул. Зато на Финиста уловка подействовала как нельзя лучше... или это было что-то другое? Впрочем, какая сейчас разница?

— Пожалуйста, расскажите, как вы погибли. Быть может, у нас получится вам помочь... — Майли с трудом подбирала слова, которые бы подействовали на несговорчивого призрака. — Закончить незавершенное дело или... защитить вашу дочь? Она сейчас в большой опасности!

— Про дочь не стоило, — запоздало предупредил Охотник.

Призрак рассвирепел и с леденящим душу воплем бросился на Майли. Тело пронзила вспышка боли, пробежав по всем мышцам жутким спазмом. Ноги задрожали и подогнулись. Вокруг все потемнело. В голове мелькнула лихорадочная мысль: все-таки ночи здесь черные! Дышать стало тяжело. Она упала. С пугающим безразличием Майли отметила, что ноги и руки мелко дергаются помимо ее воли. Теплое прикосновение к затылку облегчило приступ, уняло боль.

— Тише, — знакомый, исполненный спокойствия и достоинства, голос обволакивал беснующееся тело. Мышцы дергались все медленнее, постепенно расслабляясь. — Прости, это моя вина. Я должен был сказать раньше. Но ты все еще можешь ее победить. Вспомни, она настолько сильна, насколько ты ей позволяешь. Возьми себя в руки и преодолей страх, тогда подчинишь ее себе.

Майли глотнула ртом воздух. Тело ответило новой болью. Хотелось кричать от бессилия, но из горла вырывался лишь жалкий сип.

— Хотя бы попытайся, — уговаривал Охотник, массируя ее затылок и виски. — Если я разорву связь насильно, с пробужденным призраком возиться придется еще долго. К тому же шанса узнать правду может больше и не представиться. Борись. Ты не можешь проиграть склочной бюргерше, которая даже одеться пристойно не умеет!

Майли зашипела и поморщилась, вспоминая уродливый балахон, напяленный на и без того щедрое тело. Какое непростительное оскорбление для тонкого вкуса наследницы Будескайска, самой примерной послушницы Эгольского монастыря. «Я не могу проиграть

мертвой старухе. Я красивее, умнее и лучше воспитана. Мой отец повелевал ордами подобных тварей, и все они были его послушными рабами. Он сошел с ума и сделал много дурного, но все же он остается моим отцом. Я его единственная наследница. Я не могу посрамить его память и честь нашего рода, уступив жалкому призраку».

Майли успокоилась и обмякла. Призрак вынырнул из ее тела и завис в нескольких саженях над землей.

— Вот и молодец, — похвалил Николая. Так приятно! — Теперь не шевелись — иначе лишишься последних сил. Спрашивай только то, что я скажу.

Майли моргнула, показывая, что согласна.

— Если Хейда расскажет, что произошло, мы сможем воздать по заслугам тем, кто мучил ее при жизни. Мы восстановим справедливость, как только узнаем всю правду.

Дрожащими губами Майли повторила слово в слово. Призрак вспыхнул малиновым светом и хотел снова ринуться на нее, но вдруг задумался.

— Вы покараете душегуба? — с недоверием спросила Хейда.

— Скажи, что мы воздадим ему по заслугам, — подсказал Николая. — Но никаких точных обещаний не давай.

— Хорошо, я расскажу вам про его бесстыдства, — сдался призрак. — Он был похотливым, мой Вагни, до жути. В постель вместе ложатся, только чтоб дитя на свет появилось, а коль нет дитя и быть не может, так и нечего демоновыми глупостями заниматься. Но Вагни меня не слушал. Постоянно приставал со своими непристойностями.

Когда Майли пересказывала историю Охотнику, тот не выдержал и в голос расхохотался. Майли тоже сделалось смешно. Финист приходил к ней каждую ночь, и она была уверена, что о детях он вообще никогда не думал. А если и думал, то только в ночных кошмарах.

Хейда продолжала говорить, воодушевившись собственной жалостливой речью:

— Вначале я молча терпела. Ведь учили всю жизнь, что мужчине надо уступать и угождать. Но потом совсем невмоготу стало. Я попыталась его отвадить. Он поныл месяц-другой, а потом вроде поутих. Я уж и вздохнула легче: думала, отучила его от сумасбродства. Ан, нет, через некоторое время странности за ним замечать начала: порой сидел сам с собой и улыбался хитро так, как кот на сметану, пропадал где-то подолгу, а на меня так и вовсе внимание обращать перестал. Даже шторы над нашими кроватями приладил. Где это видано, чтобы супруги друг от друга шторками закрывались? Тогда я поняла, что он завел себе любовницу.

Они хорошо прятались. Я долго не могла их поймать, но однажды нашла в нашем сарае закопанную в сене раковину. Я забрала ее себе, и ночью у меня словно глаза открылись. Весь дом заволокло стылым туманом. И из него, из этого тумана, выползло нечто. Низ у него был как змеиные хвосты, а верх грудастой девки. Змеи обратились в человеческие ноги, и девка запрыгнула к мужу в кровать. Он обнял ее, и они принялись любиться, бесстыдно кряхтя и постанывая. В нашем доме, на нашей кровати, прямо у меня на глазах! Я не выдержала и закричала: от ужаса, от обиды и несправедливости. Они опомнились и бросились ко мне. Видно, хотели убить, чтобы никто не узнал об их тайне.

Но я сбежала в город. Говорила им, каждому встреченному, что мой муж сношается с демоном и хочет меня убить, но все только смеялись и называли сумасшедшей. А потом подоспел Вагни. Уговаривал вернуться домой, но я знала, что как только переступлю порог, он свернет мне шею. Поэтому я помчалась прочь, не разбирая дороги. Ноги сами принесли

меня к этому утесу. Вагни прибежал следом. Умолял не прыгать. Но я и не собиралась... Не собиралась! В моей голове прозвучал голос, тихий, певучий, самый прекрасный, из всех, что я слышала. Он верил и понимал меня. Он любил меня, но не грязной плотской любовью, а чистой и невинной. Он позвал меня за собой. И я прыгнула. А потом была лишь боль, темнота и пустота. Голос обманул меня! Он был в сговоре с тем демоном. Отомстите им! Отомстите им всем за меня!

— Скажи ей, что все получают по заслугам, — кивнул Николая, когда Майли передала ему рассказ Хейды. — И отпусти с миром.

Майли с трудом произнесла форму упокоения. Хейда исчезла, а выкачивавшая все силы золотая нить растворилась в воздухе. Голова кружилась, а внутри ощущалась сосущая пустота. Майли закрыла глаза от изнеможения. Николая поднял ее на руки и понес домой. Финист никогда не носил ее на руках. Пару раз помогал залезть и слезть с лошади, да и только потому что было совсем худо. Но до чего же приятно уткнуться носом в могучую грудь и ощущать терпкий мужской запах, согреваясь и успокаиваясь.

— Мастер Николая, вы бесподобны, — слабым бархатистым голосом мурлыкнула она. — Но нельзя же влюблять в себя всех девушек в округе. Они передерутся!

Его грудь затряслась от смеха.

— Это тебе сейчас так кажется. После опустошения всегда чувствуешь себя немного пьяным. Но завтра придет похмелье, и я превращусь в омерзительным негодяя и бессердечного мучителя.

— Не думаю, что хоть одна женщина сочла бы вас омерзительным или уж тем более негодяем, — продолжала шутить Майли.

— В моей жизни таких было достаточно, — непринужденно отвечал Николая, хотя чувствовалось, что продолжать ему совершенно не хочется.

Доля правды в словах Охотника была. Из-за опустошения развязался язык. И Майли начала радостно молоть чушь. Назавтра точно будет стыдно. Нужно молчать, чтобы не напороть еще больших глупостей. Когда они добрались до дома, Майли задремала. И проснулась, лишь когда услышала недовольный возглас Финиста:

— Что, довел очередную ученицу до изнеможения? Такими темпами у тебя никто долго не протянет.

Николая бережно уложил Майли на кровать, плотно укутал одеялом и только тогда удостоил оборотня ответом:

— Я не учу тебя, что делать с твоими учениками, а ты будь добр — не учи меня. Думаешь, я не вижу, что ты бросил Герду? Наигрался? Быстро же она тебе надоела.

Финист заскрежетал зубами и открыл рот, чтобы возмутиться, но Николая его опередил:

— Прибереги идиотские оправдания для кого-нибудь другого.

И стремительно вышел за дверь. Финист остался в спальне, верно, рассудив, что бежать следом, изрыгая проклятья, нет смысла. Майли была благодарна ему за это.

\*\*\*

Майли проснулась от непрошенных ласк Финиста. Голова немного гудела, но хотя бы пустота в груди потихоньку заполнялась. Ничего не хотелось: ни говорить, ни отвечать на настойчивые попытки вовлечь ее в любовные игры, ни даже шевелиться. Поплыть бы по безмятежным водам реки мертвых и наслаждаться неподвижным спокойствием. Но Финист все настойчивей пыталась распалить страсть.

— Я не в настроении, извини, — буркнула Майли и отвернулась к стенке.



— Охотник тебя утомил? — игриво спросил Финист и принялся покусывать верхний кончик ее уха. — Ничего, скоро уже он престанет распоряжаться нами, как ему заблагорассудится.

Майли удивленно обернулась.

— Экзамены, — подсказал Финист. — После них он обязан будет отпустить нас.

Майли задумчиво покусала губу. Об экзаменах она не думала. Покидать гостеприимный дом совсем не хотелось. За это время Майли успела к нему привыкнуть и полюбить, ведь здесь было почти также уютно и безопасно, как в Эгольском монастыре. А за последние дни, когда они с Охотником разыскивали убийцу лесоруба, она впервые почувствовала, что занимается чем-то важным и нужным. Не только для нее самой, а для всех. Дар приносил пользу. Но что будет, когда закончится обучение и жизнью придется распоряжаться самой? Не бросят ли ее на произвол судьбы, несмотря на все уверения, и Николая, и даже Финист.

— Когда ты сделаешь мне предложение? — Майли всем телом развернулась к оборотню и пристально уставилась в глаза.

Финист оторопел и просто глотал ртом воздух.

— Я не... — промямлил он, да так и не нашелся, чем закончить фразу.

— Что ты не? Вот что не?! — вспыхнула Майли. — Как любиться всю ночь без передышки, так это пожалуйста, а как до дела доходит — сразу в кусты! У меня тоже есть гордость. Я хочу нормальные отношения, красивую свадьбу и настоящую семью, в которой не страшно рожать детей.

— Деть... — Финист вытаращил глаза, поперхнулся и закашлялся.

— Да, я хочу детей! Хочу, чтобы на этих руках, — она пихнула ему под нос собственные запястья, — были обручальные браслеты. И чтобы не надо было больше бояться, что ты меня бросишь, как только Герда или любая другая женщина поманит тебя за собой.

— Обалдела что ли?! — обрел дар речи Финист и грубо оттолкнул ее ладони. — Какое замуж? Какие дети? Я ж тебе ничего не обещал. Мы просто развлекаемся. Разве тебе не нравится? Хорошо же было!

— Хорошо, — спокойно ответила она, чем выбила Финиста из колеи еще больше. Она перелезла через него, встала и собрала его разбросанную полу одежду.

— Что ты делаешь? — растерянно спросил он.

— Даю себе зарок, — скомкав одежду в охапку, она всучила ее Финисту. — Без обручального браслета порог этой комнаты ты больше не переступишь.

Майли тряхнула простыней, сгоняя его с кровати и подтолкнула к двери.

— Иди, чего ждешь? Можешь пожаловаться своей ненаглядной Герде. Посмотрим, как эта маленькая ханжа согласится на развлечения без обязательств.

Не слушая больше ничего, Майли выдворила его в коридор, захлопнула дверь и принялась перестилать постель. Раздался стук. Дверь со скрипом отворилась. Майли схватила подушку и, не глядя, швырнула ее в сторону вошедшего. Подушка замерла в ладони от цели и плавно опустилась в подставленные руки.

— Простите, я думала, это Финист, — Майли виновато заглянула во внимательные синие глаза.

Уши горели. Вокруг разгром. Как после драки. Ужас!

— Он ушел. Можешь не беспокоиться, — заверил ее Николай и подал продолжавшую висеть в воздухе подушку.

— Может, я погорячилась? Не стоило его так выгонять, — сокрушалась Майли. — Я

просто хотела, чтобы он был более внимательным, чтобы понимал... как вы.

— Чтобы он что-то понял, боюсь, это придется вбить в его голову кувалдой, — усмехнулся Николая. Майли понурилась. — Но, думаю, встряска пойдет ему на пользу.

Майли вымученно улыбнулась.

— Хотел проверить, все ли у тебя в порядке. Вижу, ты в гораздо лучшей форме, чем можно было ожидать. Все равно, думаю, небольшая передышка пойдет тебе на пользу. Отдыхай.

Он уже собрался уходить, но Майли остановила:

— Вы в город? Возьмите меня с собой. Хочу узнать, чем все закончится.

— Я думал, бургеры тебе не слишком нравятся, — удивился Охотник.

— Не слишком, — согласилась Майли. — Но мне стало любопытно. Подождете, пока я оденусь?

Николя кивнул и спустился вниз. Через пятнадцать минут они уже седлали лошадей, чтобы отправиться к мельнице.

На стук никто не вышел, но и дверь оказалась не закрытой. Николая снова вошел без приглашения. Майли последовала за ним. Вагни сидел в углу за столом и замороженно смотрел в одну точку. Рядом стоял пустой кувшин, от которого за версту несло крепким элем. Или так пах сам мельник? Он не замечал гостей, пока Николая не подошел вплотную.

— Слышал, вы нашли тело. В городе панихида. Вряд ли мне там будут рады, — заговорил он невпопад, с трудом удерживая взгляд на Охотнике. — А как же моя Мелюзиночка? Никто-никто не придет на ее похороны!

Вагни закрыл лицо руками и глухо разрыдался.

— Похорон не будет. Ваша дочь жива. Я в этом уверен, — Николая встряхнул мельника за плечи и, когда тот пришел в себя, вывел его на улицу. Вскоре они вернулись. С головы Вагни потоками стекала грязная вода, но выглядел он намного бодрее.

— Если Мелюзина жива, то где же она? — спросил он, неуклюже устраиваясь на своем привычном месте.

— Вы же сами вчера сказали: уехала погостить к матери, — пожал плечами Охотник. Майли нахмурилась, не понимая, куда он клонит. Вагни, по всей видимости, тоже не понимал. Но Николая продолжал говорить: — Теперь я хочу, чтобы вы рассказали правду. Всю правду о том, кто настоящая мать Мелюзины и что случилось в тот день, когда погибла ваша жена.

Вагни смотрел на него, оценивая.

— Тяжелая болезнь лишила мою жену рассудка. А мать Мелюзины — вдова из Готланда. Приезжала сюда на торг летом. У нас с ней была короткая интрижка — ничего серьезного, но она понесла и отдала ребенка мне, так как в ее краях плохо относятся к детям, рожденным вне брака.

— Перестаньте, — Николая смерил его тяжелым взглядом и достал из-за пазухи раковину. — Я нашел ее в хижине Орма. Кажется, она принадлежала вашей дочери. Как думаете, что будет, если я ее сломаю?

Охотник сжал ее.

— Нет! — вскричал Вагни и попытался отобрать. Николая оттолкнул его и спрятал раковину обратно.

— Я и так уже обо всем догадался, так что хватит изворачиваться и юлить.

— Клянитесь самым дорогим... жизнью вашей невесты и будущих детей, что никому не

скажете! — Вагни набросился на него и вцепился в ворот рубахи.

Майли прикрыла рот рукой. Вот это он зря! Сейчас что-то будет.

— Вы не в том положении, чтобы что-то от меня требовать, — рыкнул на него Николая, отдирая от себя цепкие пальцы. — Мне нужны лишь детали, чтобы дополнить картину. Либо вы сами рассказываете все начистоту, либо я использую более болезненный способ узнать правду. Но так вашей дочери и любовнице придется намного хуже. Так что советую быть предельно откровенным и не распускать руки.

— Хорошо, — сдался мельник и уселся обратно на стул. Закрыв лицо руками, он принялся рассказывать: — Я не любил свою жену. Нас свели родители. Хотели, чтобы я унаследовал ремесло и мельницу ее отца. Я пытался быть хорошим мужем: терпел капризы и упреки, унижения и даже побои. Думал, после рождения детей она смягчится и все наладится. Но Эглаборг сказал, что ее тело слишком слабое, чтобы зачать. Она и без того долго не протянула бы. Тогда я смирился. Перестал настаивать на близости, не обращал внимания на истерики и просто ждал свободы. Но этого все никак не происходило, и каждый день становилось хуже. Однажды я ушел в город, чтобы напиться и хоть на несколько часов забыть о своем горе. В таверне в тот вечер выступал бродячий скрипач. Мне понравилось, как он играл, и я пригласил его составить мне компанию. За кружкой эля мы разговорились. Я сказал, что хотел бы как он путешествовать по городам, очаровывать людей игрой на скрипке и никогда, никогда не возвращаться к жене на опостылевшую мельницу, которая стала моей тюрьмой. Скрипач пожалел меня и посоветовал в полнолуние придти к заповедному озеру Цуг. На его берегу прекрасная дева будет расчесывать свои волосы. Если мне удастся умыкнуть ее гребень, то она явится ко мне на следующую ночь и исполнит любое желание.

Я не поверил, но, когда пришел домой и жена принялась обзывать «похотливым боровом», решил рискнуть. Не встречу деву, так хоть сам утоплюсь, чтобы ведьму эту не видеть. Но она там была. Дева. Самая красивая из всех, что я видел. Ни одна человеческая женщина не могла с ней сравниться. Я сделал, как сказал скрипач: когда она купалась, забрал ее раковину и вернулся домой. На следующую ночь она действительно пришла. А я... я не желал более ничего, кроме ее благосклонного взгляда. Она дала мне намного больше — свою любовь. Страсть, негу, ласку, понимание и доброту. Все то, на что так скупа была моя женушка, с щедростью дарила мне дева из озера. Мы встречались тайком около года, а потом она пропала на несколько месяцев. Я стал сам не свой. Бегал на озеро, звал, раковину на берегу оставлял, но все без толку. Уж топиться решился, как она вновь появилась. Сказала, что у нее для меня подарок. От радости я последнюю осторожность потерял — жена нашла раковину и увидела, как мы обнимались. Был скандал. Она убежала в город. Я помчался следом. Боялся, что она сделает что-то с собой или еще хуже — навлечет на деву из озера беду. В городе Хейде никто не поверил, и она ринулась к утесу Белой чайки. Я пытался ее остановить, но не смог. Она прыгнула и... На следующее утро после похорон дева принесла мне сверток с ребенком. Сказала, что это и есть подарок — наша дочь Мелюзина. Хотя дева больше не приходила, я был счастлив с моей Мелюзиночкой, только уберечь не смог. Никогда я их не увижу: ни мать, ни дочь.

Вагни замолчал и отвернулся. На лбу у Николая залегла тревожная морщинка. Он о чем-то напряженно раздумывал.

— Вы знали, что ваша любовница не человек? — нарушил тишину Охотник.

Мельник кивнул, не поворачиваясь.

— Вы знали, что она заставила вашу жену прыгнуть с утеса?

Вагни повернул голову и пристально глянул на Николая. Было видно, что мельнику все равно.

— Вы знали, что она забрала вашу дочь и убила лесоруба? — последний вопрос был задан с таким нажимом, что отмалчиваться дольше стало невозможно.

— Я догадывался. Надеюсь только, что у них все хорошо. И внуки живы.

— Внуки? — удивилась Майли.

— Повитуха сказала, что должна быть двойня, — пожал плечами Вагни.

— Двойня, — задумчиво повторил Николай и забарабанил пальцами по столешнице, снова погружаясь в размышления. — Никса-никса, где же тебя искать? — он достал из-за пазухи раковину и принялся внимательно ее изучать. — Ты сделаешь все, что пожелает обладатель раковины. Но откуда об этом знать бродячему скрипачу? Или этот скрипач тоже не так прост, как кажется.

Вагни с Майли уставились на Охотника, не улавливая смысла.

— Скажите, тот скрипач не носил шарф и шляпу, закрывающие шею и уши? — обратился он к мельнику.

— Да, я еще удивился, ведь тогда было совсем не холодно. И со скрипкой, поди, не очень удобно, — развел руками Вагни.

— Похоже, придется снова нёкка за жабры трясти. Будь он неладен, — поморщился Николай.

Майли передернула плечами. Может, стоит вернуться домой? В конце концов, она не Герда, чтобы в пасть к демону лезть из-за всяких глупостей. Но с другой стороны, не посчитает ли Николай ее трусихой, если она сбежит сейчас? Не хотелось бы.

— Что вы собираетесь делать? — переполошился Вагни. — Надеюсь, вы их не тронете? Разве не видите, они и так достаточно пострадали! Если родителям этого ублюдка нужен выкуп, то лучше отнесите мою голову, — мельник лег на стол и вытянул шею. — Рубите!

Николай закатил глаза.

— Так легко вы не отделаетесь. Одиночество станет вашим выкупом и за Хейду, и за Орма. Ни любовницы, ни дочери вы больше не увидите, — с холодной беспощадностью ответил Охотник и бросил Майли: — Идем, нам здесь больше делать нечего.

Она первой выскочила за порог. Вагни выглядел так, словно готовился к чему-то отчаянному. Николай вышел следом и затворил дверь. Изнутри донесся громкий стук. Должно быть, Вагни колотил в дверь кулаками, но она не поддавалась, словно ее подперли со стороны улицы.

— На случай, чтоб он не наделал глупостей, — сказал Николай, посадил Майли в седло и, забравшись на своего жеребца, направился к заповедному озеру Цуг.

Без телеги путь оказался короче и приятней, хотя и более опасный, ведь Николай вел их по крутой горной дороге. Порой лошадям приходилось взбираться по сыпучему гравию на такие кручи, что Майли казалось, они вот-вот кубарем покатаются вниз. Но вороной жеребец карабкался в гору по острым камням также легко, как по ровной земле, толстуха-кобыла слишком боялась отстать и, преодолевая усталость, тащила следом.

Через полтора часа они уже промчались вдоль хрустальных вод заповедного озера. Когда ветви деревьев над тропой опустились так низко, что под ними верхом было не проехать, пришлось спешиться. Немного прогулялись по тенистому лесу предгорий и вышли к приметному водопаду. Правда, таинственного скрипача здесь уже не было, а тишину гор

нарушал лишь грохот низвергающихся со скал вод. Николя велел Майли подождать с лошадьми у тропы, но быть на виду, чтобы он смог ее защитить, если что-то пойдет не так.

Сам направился к водопаду.

— Эй, нёкк, выходи! Научи меня своей музыке! — зычным голосом прокричал он, но ответило лишь гулкое эхо. Николя упер руки в бока и покачал головой. — Выходи лучше по-хорошему, иначе я тут камня на камне не оставлю!

Охотник терпеливо дождался несколько минут, но ничего не происходило.

— Что ж, придется по-плохому, — Николя расставил руки в стороны и волчком закружился по воде.

Поднялся ветер и закрутился вихрем вокруг Охотника. Ручей, захваченный воздушным потоком, тоже заворачивался воронкой. Течение шло вспять. Вместо того, чтобы бурливым каскадом падать вниз, вода вертикальной стеной вздымалась вверх. Все вокруг завывало, ревело и гроыхало, словно где-то прорвало плотину и река пробивала себе новое русло. Сверху летели камни.

— Хватит! — донесся снизу сварливый выкрик, перекрывший шум разбушевавшейся стихии.

Николя замер и опустил руки. Водопад расступился, и из открывшейся за ним пещеры выступил разъяренный нёкк. Черные глаза гневно посверкивали. Плечи укрывал ветхий плащ из бурых водорослей, совсем не прятанный наготу. По крайней мере, спереди.

— Что тебе опять нужно? — обреченно спросил он.

— Мельник Вагни сказал, это ты свел его с никсой девятнадцать лет назад, — не стал испытывать его терпение Николя.

— Знать не знаю никакого Вагни, — отмахнулся нёкк. — Если это все, я пошел. Дел по горло. Семейные хлопоты очень приятные, но отнимают много времени.

Демон развернулся и зашагал обратно к водопаду. Николя достал из-за пазухи белую раковину и вытянул ее к солнцу.

— Что ж, придется ломать, — произнес он.

Нёкк громогласно возопил и бросился на него, но ударился о невидимую стену и снова распластался на земле, шипя от ненависти и бессилия.

— Пусти! Я все скажу, только раковину отдай, — сдался он и затих.

Николя нарочито медленно спрятал раковину за пазуху и кивнул:

— Хорошо. Только без фокусов.

Майли испуганно сжалась. Как только демону позволили подняться, он подскочил и оскалил акулю пасть.

— Ненавижу тебя, Охотник, — с жаром выпалил он, но подходить ближе не стал. — Ты создал здесь свой маленький мирок, установил правила и чувствуешь себя богом. Но ты и сам знаешь, что так не может продолжаться вечно. Прямо сейчас ты чувствуешь, как власть ускользает из твоих рук. Неприятель уже на пороге, стучится в двери. Ты слышишь его тяжелую поступь и знаешь, что будет дальше, но всеми силами закрываешься. Рвешь себя на части, только чтобы сделать вид, что ничего не понимаешь, что тебя это не касается. Но как бы ты не отгораживался, где бы ни прятался, он достигнет тебя и вырвет сердце. И когда все, что тебе дорого, будет втоптанно в грязь и уничтожено, ты познаешь глубину моего отчаяния. Жаль только, тогда и мира этого не станет. Очень жаль, что Небесный повелитель возложил свой венец на голову слабака и труса, который даже собственную суть признать боится.

Жуть ползла по телу волнами, пеленала разум. Майли не поняла и половины из слов

демона, но прекрасно видела, как они действовали на Охотника. Он словно стал выше ростом, черты лица заострились, в глазах полыхала всепоглощающая ярость. Как будто его место занял кто-то другой, чуждый как людям, так и демонам. И этот кто-то был намного страшнее в своем потустороннем могуществе.

Нёкка оторвало от земли и понесло к Охотнику. Николая вытянул руку и сдавил его горло.

— Еще одно слово, и я сломаю тебе хребет! — процедил он сквозь зубы. Синева в его глазах стала настолько яркой, что было больно смотреть. — Эйтайни заступилась только за никсу.

— Но все же заступилась, — ухмыльнулся нёкк.

Его тело изменилось. Отрастали густые черные волосы, фигура приобретала соблазнительные женские изгибы, ноги покрывались темно-зеленой змеиной кожей и расслаивались. Через мгновение на месте тщедушного мальчишки стояла красивая зрелая женщина с семью змеиными хвостами вместо ног. Понятно, чем она так привлекла мельника.

— Али не любя? — игриво сощутив выразительные темные глаза, она тряхнула высокой полной грудью. Николая изумленно вытаращился, но быстро взял себя в руки, крепче сжимая пальцы на горле демона.

— Может, так я тебе больше понравлюсь? — продолжала издеваться никса. Ее черты снова преобразились. Змеи превратились в ноги, фигура стала более тонкой и изящной, кожа бледной, лицо овальным и плоским, глаза узкими и чуть раскосыми.

— Все еще не любя? — прощбетала она тонким мелодичным голоском. Николая поморщился, словно никса разбередила незаживающую рану.

— Ох, и сильно тебя Снежная сестра приморозила, — глумился демон. — Но было же что-то, что не смогла тронуть даже она? Что если...

Глаза Николая стали похожи на блюдца. Волосы никсы светлели и укорачивались, лицо вытягивалось и приобретало подозрительно знакомые черты.

— Только попробуй, тварь! — взбешенно взревел Николая. — Я разорву и тебя, и всю твою демонову семейку на части, и никакая ворожея меня не остановит.

Поняв, что хватанула лишнего, никса вернулась к изначальному облику полногрудой женщины и судорожно глотала ртом воздух. Николая по одному разжал пальцы и, отступив на шаг, стиснул голову руками. Губы шевелились, словно он говорил сам с собой, веки смежились. Грудь высоко поднялась от глубоко вздоха. Когда Николая вновь взглянул на никсу, то был уже самим собой, холодным и сдержанным.

— Не дразни смерч, — сказал он, пристально вглядываясь в черные глаза демона. — Насколько я вижу, про то, где искать никсу, можно больше не спрашивать. Объясни только одно, зачем тебе понадобилось соблазнять мельника.

Уголки губ никсы дернулись. Она смущенно отвернулась.

— Есть такое чувство — жалость. Людям оно неведомо. Как, впрочем, и тебе. Именно это я испытала к Вагни, когда увидела его в таверне. Думала, моя музыка облегчит его страдания. Но он не захотел музыки. Единственным его желанием было хотя бы изредка любоваться мной. Мной! Демоном со змеями вместо ног. Мое сердце не устояло. Ты еще помнишь, Охотник, для чего оно — сердце? Мы любили друг друга жаркими летними ночами, страстно, безумно, так, как бывает лишь раз в жизни. Но всему наступает конец. Когда в моем чреве зародилась новая жизнь, Вагни пришлось оставить. Его страдания

разрывали мое сердце, но я не могла появиться перед ним, пока ребенок рос внутри меня. Только после родов я покинула свой дом за водопадом, чтобы хоть немного утешить его. Но нам помешала его жена.

— Ты убила ее, — укорил Охотник.

Никса печально склонила набок голову.

— Я избавила моего Вагни от обузы. Взамен я отдала ему самое дорогое, что у меня было — наше дитя. Я думала, среди людей ей будет легче, чем здесь, в одиночестве. Я думала, она вырастет и найдет любовь, с которой сможет завести собственных детей и жить душа в душу, как человек. Но таких, как мой Вагни, больше не нашлось. Никто не пожалел ее и не заступился, когда этот ублюдок издевался и насиловал ее. Никто не защитил, когда он напал и попытался убить ее дитя. Знаешь, что для матери значит ее дитя? Хотя что ты можешь знать — на тебе ведь печать мар.

Николя болезненно скривился. Майли испугалась, что он опять разозлится и начнет бушевать, но ничего не произошло. Едва заметно нахмурившись, Охотник ответил:

— Ее защитила ты. И с детьми, судя по тому, что в прошлый раз ты играла колыбельную, тоже все в порядке. Можно было не убивать лесоруба столь жестоким способом. Он и так был достаточно напуган.

— Я видела его гнилую душонку насквозь. Он похитил раковину моей дочери и не собирався ее отдавать. Как только испуг прошел, он бы принялся за старое.

— Вы могли обратиться ко мне. Я бы разобрался без всяких убийств. И ни у кого не было бы проблем.

— Ну да. Ты даже со своей-то головой разобраться не можешь. Бюргеры тебя уже едва ли меньше нас ненавидят. А дальше будет только хуже.

— Может, хватит оскорблений? Этим ты себе не поможешь, — Николя говорил тихо, без тени выражения, но никсу это впечатлило гораздо больше, чем когда он злился и кричал. Она сникла и замолчала. — Родители лесоруба требуют выкуп за своего сына. Если его не принесу я, то бюргеры попытаются добиться справедливости сами. Прольется много невинной крови. Я готов на все, чтобы этого избежать.

— Ну да, а кровь вшивых водяных демонов для тебя недостаточно невинна. Что ж, руби! — никса опустилась на землю и склонила голову на высокий валун. — Только семью мою пощади.

— Я бы с радостью, только Эйтайни запретила, — развел руками Охотник. — Но у меня есть идея получше. Твоя дочь родила двойню, верно? Отдай мне одного. Он и станет твоим выкупом.

— Никогда больше я не пущу свою плоть и кровь жить среди людей. Никогда! — взъярилась никса.

— Хорошо, — согласился Николя. Никса выпучила глаза от неожиданности. Он снова вынул раковину из-за пазухи. — Тогда я попрошу об этом твою дочь. Вряд ли она сможет мне отказать.

Никса безнадежно глянула на гребень своей дочери. Знала, что Охотник переиграл ее, и все равно не могла смириться. Слишком больно, видно, было расставаться с внуком, большее даже, чем с головой.

— Что ж, твоя взяла. Силой я победить не смогу, а чары на тебя не действуют. Выбирай, кого возьмешь: мальчика или девочку.

Николя задумался, хотя его ответ был очевиден даже для Майли.

— Мальчика.

Никса злорадно ухмыльнулась.

— И все-таки я перехитрила тебя, Охотник. Оба ребенка — девочки. Я не отдам тебе ни одну из них. Возвращай раковину!

— Справедливо, — смиренно кивнул Николая. — Я верну ее, как только ты покажешь мне детей. Хочу убедиться в правдивости твоих слов.

Никса протяжно глянула ему в глаза. Искала, в чем подвох? Наконец она кивнула и уползла в пещеру за водопадом. Майли переминалась с ноги на ногу от нетерпения и любопытства. Вскоре никса вынесла корзину из ивовых прутьев, внутри которой на перине из листьев водяных лилий лежали два одинаковых младенца. Кожа их была ровного белого цвета, а макушки покрывал темный пушок. Николая склонился над ними и, зашептав что-то ласковое, протянул к одному руку. Малыш задорно улыбнулся беззубым ртом и шаловливо дрыгнул розовенькими пяточками.

— Ты ошиблась, — ликующе объявил Николая и, взяв ребенка на руки, повернул его личиком к никсе. — Этот очень похож на мальчика.

Майли пригляделась и заметила крохотный кожаный мешочек между ног малыша, хотя могла поклясться, что мгновение назад это была девочка.

— Что? Ах ты! — взревела никса, поняв, что ее провели.

Николая прижал к себе ребенка и отступил на шаг, ехидно посмеиваясь.

— Но-но! Ты же сама обещала, что мальчика отдашь. А станешь дурить, так я и второго... — Николая заглянул в корзину и рассмеялся уже в голос: — мальчика заберу.

— Ненавижу! — с горечью выкрикнула никса. — Прокляла бы всю твою демонову семейку, да они и так прокляты, только потому что злой рок связал их с тобой!

Николая не стал слушать ее брань и направился к Майли.

— Если малыша обидят, я все равно его заберу! — бросила никса на прощание.

— Нет, в этом случае я верну его тебе сам, — заверил ее Охотник.

Вместе с Майли они двинулся в обратный путь. Ребенок на его руках быстро затих и уснул.

— Эта никса говорила странные вещи, — задумчиво пробормотала Майли, когда они ушли достаточно далеко от злосчастливого водопада.

— Демоны всегда так говорят. Не обращай внимания, — отмахнулся Николая.

Майли видела, что слова никсы задели гораздо сильнее, чем он стремился показать. Впрочем, кто она такая, чтобы лезть к нему в душу? Пусть молчит, если ему так легче.

Добравшись до лошадей, Николая снял с себя рубашку и, запеленав в нее малыша, передал Майли. Она приняла сверток дрожащими руками, опасаясь, что неловким движением навредит крохотному курносому чуду.

— Не бойся. Он не кусается. По крайней мере, я надеюсь, — пошутил Николая, заметив ее смущение, и, ловко вскочив в седло, принял ребенка обратно.

— У вас так хорошо получается с детьми, — восхитилась Майли, забираясь на толстуху-кобылу, с которой уже успела сродниться.

— Да что тут может не получаться? В этом возрасте они милые, а чем старше, тем страшнее становятся, — продолжил шутить Охотник. — Мне как-то приходилось помогать Эглаборгу принимать роды у эламских кочевников в пустыне во время песчаной бури. Вот это было страшно. Уж лучше сразиться с ордой демонов, чем пережить такое во второй раз.

Майли улыбнулась и, прижав пятки к лоснящимся конским бокам, поскакала вперед.



Вороной жеребец непринужденной летящей рысью последовал за ней. На подъезде к городу малыш проснулся и, не узнав никого из находившихся рядом людей, расплакался. Николая принялся его качать, тихим голосом напевая колыбельную на непонятном наречии.

— Проголодался, видно, — поделился догадкой Охотник. — Потерпи, скоро все закончится. У тебя будет новый теплый дом и много-много молока.

— Вы думаете, он сможет жить среди людей? — спросила Майли, подъехав ближе к Николаю.

— Его мать смогла, а она была человеком лишь наполовину. Его способности скроют, и он ничем не будет отличаться от других детей. Разве что окружающий мир будет ощущать острее, да по воде тосковать иногда.

— А если родители лесоруба его не примут? — непонятно зачем переживала Майли. Ведь это противный сути Единого демон. Так почему его так жалко и хочется защитить?

— Примут, ведь ему предалась часть очарования никсы. Думаю, со временем он станет тем, кто примирит людей с обитателями вод.

Убаюканный беседой малыш успокоился. Вдали показался дом бургомистра. Николая спешил и попросил Майли подождать его с лошадьми, а сам понес ребенка к покрытым вечнозеленым вереском холмам.

\*\*\*

Эйтайни вышла, как только Охотник поднялся на вершину Королевского холма, словно ждала его.

— Ты все-таки нашел способ? — счастливо улыбнулась она, разглядывая младенца на руках Николая.

— Жизнь всегда лучше смерти, — улыбнулся в ответ Николая, не желая признаваться, что уже думал отрубить никсе голову, наплевав на запрет. Слишком больно били ее слова по его самолюбию и старым незаживающим ранам. Но все же не поддавался, выстоял. Ведь что значит самолюбие по сравнению с жизнями людей, пусть даже не самых умных? Он и без того уже один раз всех подвел, во второй он бы себе не простил.

— Сделай его человеком, — попросил Охотник.

Эйтайни кивнула и забрала ребенка. Нежной вязью звуков полились заклинания туатов. Эйтайни вынула малыша из рубашки, подставила его солнцу и закружилась по холму. Подкрашенные сиреневой краской пальцы выплетали в воздухе узоры. Вскоре она остановилась, с трудом справляясь с тяжелым дыханием, и вернула младенца Охотнику.

— Я подправила внешность, чтобы людям было легче его принять, — она указала на светлые кудряшки на макушке ребенка.

— У него все будет хорошо, — заверил Николая, укутывая ребенка обратно в рубашку.

— Мы все на это надеемся, — бросила на прощание королева Дану и исчезла за холмом.

\*\*\*

К жилищу родителей Орма они подъехали, когда лавки в городе уже закрывались, а люди расходились по домам, чтобы отужинать и лечь спать. Майли волновалась, а вот Николая выглядел безмятежным. Едва заметно подмигнул ей, когда стучался во входную дверь богатого дома.

На порог вышел Рауд в черной траурной одежде и хмуро глянул на них.

— Ваш выкуп, — Охотник протянул ему ребенка.

Рауд удивленно вскинул брови, всматриваясь в лицо Николая, будто силился его разгадать.

— Что происходит? — следом вышла его заплаканная жена, тоже в траурном платье.

В отличие от мужа она сразу заинтересовалась ребенком. Смотрела во все глаза. Будто бы с жадностью.

— Это ваш внук. Берите, — Николая вложил его в руки Ауд. — Вы же хотели, чтобы кто-то позаботился о вас в старости. Вырастите его хорошим человеком, тогда он будет помогать вам во всем и никогда не оставит.

От шума малыш проснулся. Испуганные небесно-голубые глаза уставились на склонившуюся над ним женщину. Он снова расплакался.

— Гляди, вылитый Орм! — восхищенно воскликнула Ауд и принялась его качать. — И глазки, и носик, и ротик, даже кудряшки такие же. Да ты, должно быть, голоден. Рауд, ну что стал? Беги в город искать кормилицу, а я попробую его козьим молоком напоить. Детям оно больше коровьего нравится.

Рауд замер, ошеломленно глядя на вмиг помолодевшую жену, махнул рукой и помчался вверх по улице.

— Я же говорил, все у этого малыша будет в порядке, — подмигнул Николая.

Майли коротко улыбнулась в ответ, размышляя о собственном даре, который помог совершить это чудо.

#### ===== Глава 34. Испытание первое: последний танец =====

Приближался Бельтайн. Чтобы поднять настроение горожанам, отвлечь от гнусных речей проповедника и проблем с крысами, бургомистр устроил пиршество. Потратил больше своего годового дохода на покупку в соседних городах крупы, муки, квашеной капусты, сала, колбас и вяленого мяса, пива и эля. Заставил охотников и рыбаков трудиться без передыха, благо, на их добычу крысы никак повлиять не могли. Дети собирали хворост для праздничных костров, наряжали кусты цветами, пестрыми лоскутами и лентами, гирляндами, раскрашенными ракушками, соломенными куклами и всем ярким, что попадалось под руку. Девушки плели венки из веток рябины и боярышника, украшая их желтыми цветами первоцвета, орешника и болотной калужницы, развешивали на дверях, калитках и ставнях. Город очищался после весенней распутицы. Все лишнее, испорченное, ненужное сжигалось вместе с прошлогодней листвой и мусором. Упсала приветствовала приближающееся лето с учтивостью и трепетом, надеясь, что благостная пора смилостивится над ними, и несчастья пройдут сами собой.

Гарольд позаботился не только об угощении, но и об увеселениях. Ни один хороший праздник без них не обходится. Пригласили бродячих музыкантов, актеров и жрецов из Огнегарда — храма огня, расположенного у подножья вулкана на северо-востоке Лапии — чтобы они освятили праздничные костры и, как встарь, устроили огненное представление. Все с нетерпением ждали, когда закончатся последние приготовления и можно будет повеселиться всласть.

Герда готовилась к Бельтайну по-своему. Ведь это был ее день рождения. Девятнадцать. Уж три года как взрослая. Одногодки в Дрисвятах уже давно замуж выскочили и с детишками сидят. Одна она сама как ребенок. Не женщина еще.

Подарков не хотелось, дежурных пожеланий тоже. Герда бы вообще предпочла, чтобы никто не вспомнил об этом дне. А вот для Николая подарок сделать стоило. Чтобы у него осталось что-то на память, когда им придется расстаться после экзамена. Герда тайком

позаимствовала одну из его рубашек. Повезло, что у него было много одинаковых — пропажу одной вряд ли заметит. Герда решила украсить ее вышивкой. Она не была особо искусной в рукоделии, да и желания им заниматься никогда не хватало, но ради Николая стоило постараться.

В лавке Герда купила пяльцы, иголки и много ярких разноцветных ниток. Подходящий узор нашелся на эстампе в одной из книг в библиотеке. Стежки ложились на обрисованный мылом контур очень медленно. Аккуратно. Тщательно. Тренировка терпения и концентрации похлеще, чем то, что придумывал для нее Николая. Чтобы успеть к празднику, пришлось забросить чтение и занятия с даром. Впрочем, последнее не оправдало надежд. Герда так ни на шаг не приблизилась к тому, чтобы прочитать мысли Николая. Самая пора бросить бесполезное дело.

Рубашка оказалась готова за пару дней до праздника.

\*\*\*

После встречи с никсой в городе стало подозрительно тихо, словно демоническая жизнь замерла в ожидании чего-то грандиозного и вместе с тем жуткого. Дни стояли погожие, солнечные и безветренные. Даже бурливые воды океана притихли, накатывая едва заметной рябью лишь у самого берега.

Николя рыскал по городу в поисках крысиного пастуха, но и следа не находил. Бессилие бесило. От отчаяния он истязал себя проповедями единоверца. С каждым днем сторонников у того становится все больше. А на Николая, множество раз спасавшего город, смотрели с неприязнью и разочарованием. Он и сам разочаровался. Не понимал, зачем продолжает бороться, зачем слушает гнусь. Надеялся понять, почему проиграл, так и не дав боя, и как быть дальше, когда в городе почти не осталось тех, кто в него верит. Может, тихо уйти, уступив новому кумиру свое место? Для Николая оно никогда не было важным. Но чутье подсказывало, что молитвы проповедника не остановят нашествие, утихомят тысячелетнюю ярость, которую он, Охотник, имел глупость пробудить. Люди погибнут по его вине, потому что он не справился со своими обязанностями и всех подвел. Они правы. Он заслужил их гнев. И станет предателем в собственных глазах, если бросит их сейчас.

Николя стоял в переднем ряду разношерстной толпы, собравшейся перед помостом, с которого вещал о спасении души пилигрим. Охотник уже не слушал его. Отчаянно тер виски. Что он мог упустить, где еще не искал логово проклятого божества? Хорошо бы попытаться уладить все мирным путем. Оставить большую жертву из лучших животных или отдать то, что он попросит. Что бы ни попросил. Лишь бы обойтись без драки, в которой у Николая вряд ли достанет сил победить. Все-таки пастух — бессмертный бог, а не демоническая мелкота, которую Николая гонял по долам и весям сызмальства. То, что пастуха так сложно обнаружить, уже доказывает, насколько он силен и умен. Нет, придется дать бой. Что можно противопоставить тысячелетнему гневу, всепоглощающей жажде мести?

Николя коснулся эфеса собственного меча. По руке привычно прошла волна возмущения, почти такая, какую он испытывал, когда касался кинжала Герды. Проклятое оружие. Четыре долгих года ушло на то, чтобы меч, обладавший собственной волей и разумом, откликнулся, заговорил человеческим языком. Тогда меч предпочел покориться презренному человечешке, только бы не попасть в руки Ловца. Такого же, который едва не прикончил Николая в Дрисвятах. Предвестники мрака, кажется, так меч называл этих демонов. Они были его врагами еще в те времена, когда оружием владел сам Небесный повелитель. Заключив союз, Николая с мечом победили демона. Но согласится ли

божественное оружие сражаться против того, кто гораздо более достоин быть его хозяином?

Охотник наполовину достал меч из ножен. На клинке у эфеса вспыхнула фиолетовым руна «перт».

«Начистим перья наглому оборотню или снесем башку пустомеле-пилигриму?» — прозвучал в голове металлический голос.

«Нет, — отрезал Николя, хотя оба предложения казались очень заманчивыми. — Я хотел спросить, сможешь ли ты победить бога?»

«Если он такой же патлатый и дурной, как тот оборотень, то естественно. Готов к сражению хоть прямо сейчас», — любезно объявил меч. Все бы ему шутки шутить.

«А если серьезно?»

«Если серьезно, то все от тебя зависит. Я был выкован в небесной кузне, на небесном огне, из звездного металла на заре времен самым высоким Тенгри. Что мне какой-то рыжий самовлюбленный болван, а тем более растерявший скот пастух? В былые времена я с самим Повелителем морей схлестывался. Но тогда меня держала уверенная рука моего создателя. А справишься ли ты, мне неведомо».

«Ясно», — Николя спрятал меч в ножны. Хотя бы слабенькую надежду он получил. Правда, можно было попросить помощи еще кое у кого.

«Безликий, ты здесь?» — позвал Николя, проверяя, настроен ли бог его слушать.

«Я всегда здесь, если ты об этом, — послышался сварливый голос. — Зачем ты тратишь время на этого пустозвона, вместо того, чтобы провести его с той, кто действительно жаждет твоего общества?»

«Давай не будем. Я хотел спросить...»

«Не одолжу ли я тебе свою силу, чтобы победить крысиного пастуха? Да, конечно, она всегда в твоём распоряжении».

«Вот так легко? И ты не потребуешь никакой жертвы взамен?»

«Даже если потребую, ты ее принесешь?» — Безликий коротко хохотнул.

«Смотря какую... Что? Да ты совсем обалдел?!»

«Неужели то, что я прошу, настолько ужасно? Ты же сам, умираешь, как этого хочешь. Я все чувствую».

«Важно, что она этого не хочет».

— А ты ее спрашивал?

— Как бы это по-твоему выглядело?! — Николя так увлекся перепалкой с Безликим, что не заметил, как с шепота перешел на крик.

— Что выглядело? — спросил проповедник. Он стоял рядом. Николя даже не заметил, когда он подошел! И прежде, чем Охотник успел ответить, заорал во всю глотку: — Люди, вы слышали? Он же с самим собой разговаривает. Это первичный признак одержимости. Все нечестивцы одержимы, а этот в особенности. Это он наслал на город крыс!

Николя закрыл лицо рукой, не желая отвечать на бредовые обвинения. По толпе волнами ходил едва различимый шепот. Решали, верить проповеднику или нет. И если да, то что делать с опасным одержимым.

— Да вы что, совсем белены объелись? — загремел над площадью зычный голос бургомистра. — У мальчика голова кругом от ваших бредней. Да и у меня, честно признаюсь, тоже.

Что-то больно чиркнуло Николя по лбу. Острый камень? Почему дар его не отклонил? С рассеченной брови на глаз капала кровь, мешая смотреть. Но следующий камень, летевший в

голову Гарольду, Николая успел перехватить телекинезом. Камень упал, не добравшись до цели.

— Кто это бросил?! — взбешенно взревел бургомистр. — Узнаю — руки оторву! Стража! Кто, по-вашему, здесь порядок наводить должен?!

Гарольд удивительно шустро для своего веса подбежал и схватил зарвавшегося проповедника за грудки:

— Я терпел ваши выступления только из-за нашей репутации самого свободного и справедливого города Лапии. Но если вы еще раз посмеете кого-то беспочвенно обвинять, клянусь своим постом бургомистра, вы сгниете на позорном столбе, медленно и мучительно. И те, кто бросает камни, последуют за вами. А теперь проваливайте. Чтоб и духу вашего во время праздника здесь не было!

Николя ошалело крутил головой по сторонам, боясь пропустить следующую атаку, но ее не последовало.

— Я уйду! — завопил проповедник, вырываясь из цепких рук бургомистра. — На время. Дабы не запятнать свою веру и душу, глядя на несправедливое веселье во время нечестивого праздника. Но я вернусь, ибо мой долг перед Единым спасти всех заблудших овец, которых только можно.

Проповедник с полным достоинства видом удалился. Вскоре подоспели стражники и принялись разгонять зевак по домам.

— Не стоило горячиться, — измученно сказал Николая, когда с ним поравнялся мрачный, как грозовая туча, Гарольд. — Мы так только слабость свою показали. И ему, и всему городу.

— Но он же перешел все границы. Я не мог молчать, — беспомощно развел руками бургомистр. — Надеюсь, за праздники все отдохнут и успокоятся, иначе нас ждет бунт.

— Не думаю. Их отваги только на то, чтобы камни кидать исподтишка, хватает, — Николая отер рукавом кровь с глаза.

— Ты-то сам как? До дома дойдешь?

Николя кивнул. Они распрощались, видя, что последние из толпы покинули площадь, и тоже зашагали в разные стороны.

Охотник уже стоял на пороге собственной комнаты, когда рядом хлопнула дверь и послышались спешные шаги.

— Мастер Николая, можно вас на минуточку, — раздражающе робко начала Герда. Как она некстати. — Я просто хотела...

Отослать ее не выйдет. Николая медленно повернулся. Герда стояла в двух шагах от него и прижимала к груди сверток.

— Да у вас кровь! — ахнула она, придвигаясь ближе. — Это вас на проповеди так? Не ходите туда больше!

— Пустяк. Царапина, — отмахнулся Николая, силясь понять, что Герда так отчаянно теребит в руках. — Так что ты хотела?

— Рану надо обработать! — упорствовала девушка.

— Я же сказал, не стоит беспокоиться, — резче, чем хотелось, ответил Николая. Герда обиженно поджала губы.

— Тогда я позову мастера Эглаборга, — заявила она и сделала несколько шагов к лестнице.

— Нет, стой! — перехватил ее Николая. Только кудахтанья старого целителя не

хватало! — Хорошо, можешь обработать демону рану сама, только живей.

Герда улыбнулась и убежала вниз за мазью. Никола вошел в свою комнату и уселся на кровать, сдавив гудевшую голову ладонями. Дверь распахнулась. На пороге показалась запыхавшаяся Герда с чайником, лоскутом белой материи и туском с мазью. Таинственный сверток был зажат подмышкой, а потом перекачывал на стул. В стоявший на столике для умывания таз полилась кипяченая вода. Герда смочила в ней лоскут и принялась стирать кровь с разбитой брови. Ласковые прикосновения нежных пальчиков унимали боль даже больше заживляющей мази, от которой кожу неприятно саднило. Никола корил себя за то, что наслаждается близостью, но ничего поделать с собой не мог. Он поймал ее ладонь и приложил к губам.

— Так что ты хотела? — настойчиво спросил Никола.

— Я... — зарделась от смущения и замялась она. Глаза забегали, пока не уперлись в оставленный на тумбе сверток. Она с шумом выдохнула, словно перед прыжком в воду: — Я хотела, чтобы вы пригласили меня на праздник.

Николя вскинул бровь:

— Нет времени. Нужно искать пастуха, ты же знаешь.

— Хотя бы один танец. Это не займет больше пяти минут, — она широко распахнула и без того слишком большие глаза и просяще уставилась на него.

Вот-вот расплечется. Никола понурился. Он не переносил вида женских слез, особенно когда сам был их причиной. Но сейчас эту порочную двусмысленную связь следовало разорвать. Окончательно и бесповоротно. Все уже и так вышло из-под контроля.

— Нет. Нам не стоит сближаться. Из этого ничего не выйдет. Слишком многое стоит между нами.

— Но я ни о чем серьезном не прошу. Всего один танец — хорошее воспоминание, которое останется со мной, когда... — она тоскливо вздохнула и отвернулась, украдкой смахивая слезы. — Когда нам придется расстаться.

— Расстаться? — моргнул Никола. От дурацкого слова сердце болезненно защемило.

— Скоро экзамен, вы забыли? После него все отправятся по местам назначения: в Дюарль или...

Николя поморщился. Из-за суматохи с проповедником он действительно забыл о том, что все сроки ученичества уже вышли. Придется принимать какое-то решение, хотя никаких идей на этот счет так и не появилось. Письмо Ноэля только все усложнило. Те варианты, которые удалось придумать раньше, теперь казались одинаково плохими.

— Уверен, у тебя еще будет много хороших воспоминаний. Ты этого достойна. Просто не со мной.

Николя протянул руку, чтобы коснуться ее щеки, но Герда отшатнулась.

— Финист был прав. Вы лицемер и трус. Просто скажите прямо, — попросила она тихо, почти умоляюще.

— Сказать что? — Никола уже давно упустил направление беседы и не представлял, куда она клонится.

— Правду! — от отчаянного крика Никола вздрогнул.

Прочитала мысли? Догадалась? Нет, не может быть.

— Герда, я не...

— Я и так все знаю.

Она права. Ему до одури страшно, что придется объясняться. Он ведь и сам не решил,

как к этому относиться. Почему все так сошлось?!

Герда продолжала свою обличительную речь:

— Я недостаточно красива для вас. Недостаточно умна и образована. Дар, и тот слабый достался. Куда мне до дюарлийских знатных дам, а уже тем более до вашей ненаглядной жрицы? Я никогда не надеялась даже сравниться с ними. Просто хотелось хоть на мгновение поверить в сказку.

— Но причем здесь?.. — вырвалось у Николая. От этих несуразностей голова шла кругом.

— Ни при чем. Забудьте! У вас прекрасно это получается, — всплеснула руками Герда и, схватив свой сверток, побежала к двери. Уже с порога, плотая слезы, бросила: — Простите. Я больше не буду донимать вас своими глупостями.

— Герда... — едва слышно простонал Николай, но она уже закрыла за собой дверь.

Он обессилено опустился на кровать и снова сжал голову руками.

«Что ты натворил, болван! — по ушам барабанным боем прошелся разгневанный голос Безликого. — Ты же разбил ей сердце. Почему ты лежишь? Беги за ней. Попроси прощения. Сходи с ней на этот демонов праздник. Станцуй все танцы, которые там будут. Стань самым очарованием. Ты же можешь. Это куда полезней, чем до бесконечности жалеть себя и заниматься самобичеванием».

«Нет. Все так, как и должно быть, — после ссоры чувства притупились и накатила апатия. — Она разочаровалась и теперь сможет меня отпустить, чтобы жить дальше и быть счастливой. А со мной ее бы ждали только невзгоды и боль».

«Ну-ну. И где же по-твоему она будет жить дальше? В заложниках у компании Норн? Или может у тебя достанет мужества передать ее Голубым Капюшонам? Там она хотя бы будет среди своих».

«Замолчи! Если так хочется, бери мое тело и делай с ним все, что заблагорассудится: проси прощения, танцуй на празднике, признавайся в любви. Ты же можешь. Только меня оставь в покое. Я больше не хочу разрываться от этой боли!»

«Да что ты вообще знаешь о боли, щенок? Боль — это когда на твоих руках умирают братья, которых ты обещал защищать. Боль — это когда тебе приходится поднимать меч против собственной крови. Боль — это когда отец, которому ты никогда не был достойным сыном, отдает за тебя жизнь и оставляет в наследство мир, который ты не можешь удержать от разрушения. Боль — это когда ты уступаешь самое дорогое, что у тебя есть, глупцу, который даже оценить твой дар не в состоянии. Он втаптывает его в грязь, глумясь и издеваясь, а ты можешь лишь безучастно смотреть, не в силах защитить то, что так любишь».

Николя пораженно выдохнул. Неужели?.. Это бы многое объяснило.

«Думаешь, если бы я мог, то не воспользовался твоим телом до этого? Позволил бы тебе повторять одни и те же ошибки до бесконечности? Это не я подарил девочке брошь ворожеи, не я десять лет тайком рисовал ее портреты, не я посреди ночи бросился прочесывать плато, услышав в голове призрачный голос, не я затягивал экзамен до последнего, боясь даже думать о разлуке, не я при каждой встрече старался ненароком ее коснуться, не я целовал ее на лесной поляне, не я долгими ночами прислушивался, ловя каждый звук за стенкой. Не я отчаянно надеюсь, что каким-нибудь чудом она все равно всегда будет рядом».

«Чего ты добиваешься?» — обреченно спросил Охотник. Безликий прав. Николай давно запутался в своих поступках. И точно знал теперь лишь одно: если с Гердой что-то случится, он себе этого не простит. А оно случится, если она останется рядом с ним. Он всем приносит несчастья.

«Уже ничего. Если она тебе не нужна, то, пожалуйста, я заберу ее. Не могу смотреть, как ты ее мучаешь».

«Что значит заберешь?» — переполошился Николая. Как мертвец, чье тело заковано в лед на краю света, может кого-то забрать? Тем более, Герда не вещь. У нее есть своя воля и свое мнение.

«Как дал, так и заберу. Больше никто не станет тебя уговаривать обратить на нее внимание. Сам будешь доказывать, что достоин. Я назначаю тебе три испытания. Провалишь хоть одно, и больше не увидишь ее никогда. Твое желание сбудется — отступи, как ты всегда делаешь. И твой покой уже больше никто не потревожит».

Безликий замолчал. Не отзывался, не желал больше ничего объяснять.

Отчаявшись, Охотник встал и оделся потеплее. Хотел проветриться, еще раз проверить все места, где мог прятаться крысиный пастух. Занять себя чем угодно, лишь бы тревожное предчувствие не глодало душу. Не стоило, ох не стоило злить строптивного бога! Остается надеяться, что Герде он вредить не станет.

За дверью поджидал Финист.

— С кем ты там говорил? — подозрительно сузил глаза оборотень и с любопытством заглянул в пустую комнату.

Николя попытался отмахнуться, но Финист следовал за ним по пятам до самой прихожей:

— Что ты наговорил Герде? Она вылетела от тебя в слезах!

— Отвали, а?! — вызверился Охотник, растеряв остатки самообладания. — Что ты все время вынюхиваешь и подслушиваешь? Нечем заняться? Так окучь еще пару наивных девок. Или тебе денег на бордель не хватает?

Он сорвал с пояса увесистый кошель и швырнул оторопевшему Финисту.

— За мое здоровье можешь не пить. Только в покое оставь!

Оборотень стоял на пороге с отвисшей челюстью. Что ж, хотя бы заткнулся.

Передохнуть. Побить одному. Подумать.

\*\*\*

После ссоры с Николая, Герда опрометью бросилась в свою коморку и зашвырнула ненавистный подарок под кровать. О чем она думала? Николая же каждый раз красноречиво давал понять, как к ней относится. А этот подарок? В самом деле, глупость. Какая из нее рукодельница? И рисунок «бабский», для воина совершенно не подходящий. Стыдно показывать даже.

Успокоиться не получалось. Герда пошла на конюшню и принялась остервенело счищать с Яшки остатки линялой шерсти. Ключья летели во все стороны, забивали ноздри, рот, глаза. Герда закашлялась. Железная скребница безвольно упала в солому. Душили рыдания. Герда прижалась к лошади, отчаянно пытаюсь найти утешение у животного, которое в отличие от человека могло без упреков выслушать, обнять шей и искренне пожалеть.

— Герда, ты здесь? — донесся с прохода голос Финиста. Дверь денника отворилась, и на пороге показался он сам. — Не плачь. Этот болван не стоит ни одной твоей слезинки.

— Нет, — отмахнулась она. — Сама виновата. Не нужно было на него набрасываться. Ты был прав. Нельзя жить детскими мечтами, которым не суждено сбыться. И плакать тоже нельзя — я уже не маленькая девочка.

Финист порывисто обнял ее и принялся гладить по волосам. Она спрятала голову у него



на груди:

— Не надо так говорить. Мечтай, плачь, если хочешь, только не становись такой же сушеной воблой, как этот хлыщ.

— Пожалуйста, не оскорбляй его, — попросила Герда, подняв на оборотня затравленный взгляд.

— Не буду. Прости, — мягко улыбнулся Финист. Странное дело, но ни поцеловать, ни даже сделать объятия менее дружескими он не пытался. Это радовало и настораживало одновременно.

— За что? — осторожно спросила Герда.

— Мы повздорили. Я не хотел тебя расстраивать, — Финист замолчал. Ковырял носком пол.

Герда нахмурилась. Он явно что-то скрывал. С помощью телепатии так глубоко залезть в его мысли не получалось.

— Прощаю, — после небольшой паузы ответила она.

Какой смысл обижаться на то, о чем не знаешь? Вот узнает, и все равно простит. Такова, наверное, женская доля.

— Хочешь, позанимаемся немного? — предложил он.

Герда широко улыбнулась и стала вычищать щетку от шерсти. Финист вывел из денника Золотинку и отвел к самому выходу из конюшни. Герда подошла к ним. Финист взял ее за руку и подбадривающе кивнул.

— Помни, не уговаривай, а повелевай. Представь себя королевой, которая раздает указания своим подданным, — посоветовал он, словно знал одну из тех сказок, которыми она зачитывалась.

Герда закрыла глаза, набрала в грудь побольше воздуха и положила ладонь на лоб кобылы. С минуту ничего не происходило, а потом Золотинка медленно попятилась. Герда шла следом, не отрывая руки от ее головы до самого денника. Кобыла покорно вошла внутрь, и Герда задвинула засов.

— Молодец! — похвалил Финист. — Всего-то надо было взять маленькую передышку. Теперь ты обязательно сдашь свой экзамен.

— Ты действительно так думаешь? — Герда заставила себя улыбнуться, отгоняя прочь мрачные мысли. Отныне несбыточные мечты больше не имеют над ней власти.

— Уверен, — усмехнулся оборотень.

«И пусть только демонов интриган попробует ее завалить. Теперь у меня точно есть, чем ему ответить».

Герда закусила нижнюю губу в задумчивости. Почему мастер Николя должен ее завалить? Он же наоборот мечтает поскорей от нее избавиться. Финист снова заболел мнительностью?

— А я еще одному трюку научилась, — похвасталась Герда, желая перевести мысли оборотня в мирное русло. — Показать?

— Обязательно!

\*\*\*

После ссоры Николя дома почти не появлялся. Приходил только поздней ночью. Герда сквозь сон слышала, как скрипела дверь в его комнате. И уходил до первых петухов, не желая ни с кем видеться или разговаривать. Герда тосковала и переживала, что обидела его глупыми претензиями. Очень хотелось попросить прощения, вернуть все, как было и

никогда не заикаться о чем-то большем. Остаться друзьями, пусть и не близкими.

В день Бельтайна все, не сговариваясь, проснулись поздно. Завтрак походил на ранний обед. Герда предложила устроить Эглаборгу праздник, ведь он все время возился по дому, за всем ухаживал и никогда не отдыхал.

— Что я там забыл? Никогда не любил праздники. Гам, пляски, толпа народу — скукота! — сопротивлялся целитель, когда Герда с Финистом силой выталкивали его на улицу.

— Тогда не идите на праздник, просто прогуляйтесь, развейтесь. Ведь должно же у вас быть что-то, что вы всегда мечтали сделать, но не находили времени из-за домашних хлопот, — предложила Герда.

Эглаборг задумчиво почесал затылок.

— А как же посуда? Уборка? — упорствовал он.

— Мы все сделаем, — заверил его Финист.

Видя, что ему не отвертеться, целитель сдался.

— Только ничего не разбейте и не передвигайте мои вещи! — бросил он на прощание и направился за околицу.

Герда, Финист и Вожык втроем быстро управились и с посудой, и с уборкой. Вычистили конюшню и голубятню. Накормили птиц и выпустили лошадей гулять в загон.

Ближе к вечеру к Финисту подошла скучавшая в одиночестве Майли. Разделась в свое лучшее бордовое платье и нарядные парчовые туфельки.

— Сходи со мной на танцы, — попросила она, не глядя ему в глаза и заламывая руки.

— Нет. Ты же сама меня прогнала, забыла? — хмуро ответил оборотень.

— Правда, сходи. Мы с Вожыком позже присоединимся, — поддержала ее Герда. Совестью сделалось, что она так и не помогла Майли сблизиться с оборотнем. Бедняжка страдает, по всему видно. Николая хотя бы надежды никакой не давал, а Финист то поманит, то бросит. И упрекать его бесполезно — упреки не действуют.

— Нет, Герда, ты моя ученица и я не намерен больше тебя бросать, — Финист сложил руки на груди, показывая, что упрашивать бесполезно.

— Ну и ладно, — топнула Майли каблучками своих нарядных туфелек. — Я пойду одна и найду себе другого кавалера. Это будет легко. Кто угодно лучше полуграмотного голодранца с амбициями короля!

Финист фыркнул и помахал рукой. Она ушла, хлопнув дверью так, что стены ходуном заходили. Герда от досады поджала губы. Зря Майли так. Ведь видно, что любит. И никто другой ей не нужен.

Как и Герде.

— Так что ты хотела показать? — спросил Финист, отвлекая от мрачных мыслей.

— Взаимодействие. С Вожыком, — тут же развеселилась она и взяла стоявшего рядом мальчика за руку.

Финист вскинул брови.

— Тогда я принесу воды. На всякий случай.

Он натаскал в гостиную несколько ведер. Герда с Вожыком уселись друг напротив друга на полу. Обменялись подмигиваниями, они начали представление. Вожык создал небольшой огненный шар и бросил Герде. Она легко, словно пламя совсем не обжигало, поймала его и вернула Вожыку. Он кинул ей второй, точно такой же шар. Вот их стало уже три, четыре... шесть. Они увлеченно жонглировали, уловив единый ритм. Шары в руках не гасли,

подчиняясь воле Герды, словно она тоже была пирокинетиком. Играючи, подражала движениям Вожыка, предугадывала и подстраивалась под них, даже когда мальчик сбивался. Видел бы ее успехи Николая! Почему все, что было с ним невероятно сложно, так просто со всеми остальными?

\*\*\*

Финист встревожено сглатывал, наблюдая за опасными играми с огненными шарами. Удивительно. Когда-нибудь Герда будет сильным бойцом. Понятно, почему Николай хочет оставить ее при себе.

В дверь постучали. Герда с Вожыком слишком увлеклись и ничего не услышали. Финист тихо поднялся и вышел в коридор. Кто бы это мог быть? Охотник не заявится до вечера. В последние дни ему будто вожжа под хвост попала. Они как-то столкнулись в городе, но Николай его не заметил. Или сделал вид, что не заметил. Совсем, должно быть, рехнулся от своей работы. Финист и сам не понимал, почему его вдруг озаботило душевное здоровье этого хлыща. Но от назойливого мрачного предчувствия избавиться не получалось.

Стук не прекращался. Финист прибавил шагу. Может, Эглаборг? Но ему на прощание таких речей выдали, что он тоже не решится вернуться так быстро. Майли заскучала? Наверняка она. Сейчас опять ныть будет.

Финист открыл дверь, собираясь сказать что-то ехидное, но осекся. На пороге стоял неизвестный мужчина. Крупный, высокий, выше даже самого Финиста, с широченными плечами. На удлинённом лице тяжелые скулы и глубоко посаженные черные глаза. Темные волосы острижены очень коротко, левую бровь и щеку перечеркивает застарелый белесый шрам. Одет в строгую, застегнутую под самый ворот военную форму. Ревизор из компании? Как им удалось отреагировать так быстро? Письмо же только-только должно было придти.

— Ноэль Пареда, помощник главнокомандующего компании Норн, — представился гигант и, щуря глаза в широкой обезоруживающей улыбке, протянул руку. — Финист Ясеньский, полагаю?

— Да, — он протянул свою, и ее стиснули так, что хрустнули кости. Уголки рта Финиста невольно поползли в стороны в восхищенной улыбке. Сразу видно, что перед ним могучий воин и человек хороший, простой, без всякой хитрости. Вот под его началом можно и послужить. Такой не подведет, и не обманет, и воевать станет только за правое дело. Видно, не зря высокую должность занимает. Должно быть, все ответственные решения принимает именно он, ведь главнокомандующий уже стар.

— Много наслышан о ваших успехах, — продолжил Ноэль нарочито учтивым тоном.

— Издеваетесь? — насупился Финист. Конечно, Охотник наверняка успел «ославить» его перед начальством.

— Отнюдь. Меня весьма впечатлил отчет о вашем путешествии из Веломовии. Вы смогли целыми и невредимыми провести своих учеников через столько опасностей, очень сносно подготовить их к будущей службе, а также обнаружить несколько перспективных новобранцев. Такое рвение похвально. Как и ваша неусыпная забота о благополучии вверенных вам людей и непререкаемая верность компании.

Финист удивленно моргнул. Ни во взгляде, ни в голосе Ноэля не было и тени лукавства.

— Даже мастер Николай весьма лестно отзывался о ваших способностях, а он один из лучших воинов компании. Подобный отзыв от него получить далеко не просто.

Финист поморщился. Неуютно. Но почему? Он ведь все сделал правильно. Все, чтобы защитить Герду. Только за этим.

— Сожалею, что прежде вас не оценили по достоинству, — голос Ноэля сделался более грозным, отчего захотелось вжать голову в плечи, словно его отчитывал старший брат. — Но теперь я лично прослежу, чтобы вам воздали по заслугам.

— Спасибо, — стушевавшись, с трудом выдавил из себя Финист. Его никогда в жизни так не хвалили. — Вы... вы получили мое письмо?

— Именно оно меня сюда привело. Я хотел бы сам разобраться прежде, чем предавать дело огласке. Мастер Николя — уважаемый человек и очень опасный. Не хотелось бы портить с ним отношения из-за небольшого недоразумения, которое послужило причиной вашей тревоги.

Финист стиснул зубы и опустил голову. Ему не поверили. Что ж, он хотя бы попытался.

— Я просто хотел удостовериться, что с моей ученицей все будет в порядке.

— Обещаю. Но мне бы хотелось взглянуть на нее своими глазами, раз уж я здесь. Можно? Отражающая — такая редкость.

— Конечно, — Финист отошел в сторону, пропуская Ноэля в дом. — А можно вопрос? Как вы оказались здесь так быстро? Я ведь письмо всего неделю назад отправил.

— Телепортивался, — подмигнул офицер и, разувшись, вошел в гостиную, где Герда с Вожыком самозабвенно жонглировали огненными шарами.

— Bravo! — воскликнул Ноэль и захлопал в ладоши. Герда с Вожыком вздрогнули, и все шары погасли. — Ну что же вы, — начал сокрушаться Ноэль и назидательным тоном, выдавшем многолетний наставнический опыт, добавил: — Вы должны уметь держать концентрацию, что бы ни происходило вокруг.

Герда с Вожыком переглянулись и вопросительно уставились на Финиста.

— Это мастер Ноэль из Дюарля, — спохватился он и спешно представил гостя. — Он...

— Приехал проведать любимых учеников компании, — перебил офицер и одарил всех той самой широкой улыбкой, которая так впечатлила Финиста. — Как вам здесь живется?

— Хорошо... вроде, — после затянувшейся паузы ответил Вожык.

Герда испуганно таращила глаза на пришельца.

— А почему вы не на празднике? — непринужденно поинтересовался Ноэль. — В Дюарле уже вовсю гуляют. Учеба, конечно, хорошо, но иногда нужно позволять себе расслабиться.

— Так Герда хотела пойти с мастером Николя, но у него не нашлось времени. Поэтому мы все сидим дома, чтобы ей не было тоскливо, — с детской непосредственностью заявил Вожык.

Герда побелела, позеленела, а потом залилась пунцовой краской и спрятала лицо в ладонях.

— Какой он, однако, противный, наш мастер Николя, — хохотнул Ноэль. — Ничего, я еще проведу с ним воспитательную беседу. А вы живо собирайтесь. Чтоб через пять минут были готовы идти на праздник, — заметив, что Герда открыла рот, командным голосом добавил: — Возражения не принимаются. Это приказ. И поживее!

Перечить никто не осмелился. Все дружно отправились наверх переодеваться.

\*\*\*

Какой же наряд выбрать? Можно надеть шикарное платье королевы Дану, если точно знать, что там будет Николя. Или взять неброское, может даже, повседневное серое, чтобы поменьше выделяться? Уж очень подозрительный этот мастер Ноэль. Зачем он приехал? Уж явно не для того, чтобы сводить недоучек на праздник. Он так странно смотрел, словно

оценивал, но не внешность, как обычно оценивают мужчины незнакомых девушек, а что-то другое, что-то глубоко внутри. Ауру? Способности? А еще Герда не смогла его прочитать. Глухо. Совсем как с Николая. И Финист странно себя ведет. Он явно знает больше, чем говорит. Надо залезть поглубже в его мысли. Как раз будет повод испробовать что-то новенькое. Лишь бы никто не догадался.

— Герда, живее! — прикрикнул на нее Финист из коридора, за один разговор нахватавшись командирских замашек от офицера из штаба.

Герда выбрала промежуточный вариант — синее платье Анки. По крайней мере, будет похоже, что она пыталась принарядиться, просто ничего красивей не нашлось. Быстро оделась, пригладила волосы, приколола на ворот брошь и спустилась в гостиную.

— Выглядите просто очаровательно, — одарил ее комплиментом Ноэль.

— Спасибо, — слабым голосом ответила Герда и метнулась к Финисту в поисках защиты. Оборотень хотел взять ее под руку, но поймав на себе красноречивый взгляд Ноэля, уступил ему. Гость деликатно взял ее под локоток и повел на улицу. Следом бодро вышагивали Вожык с Финистом.

Герда украдкой поднимала взгляд на своего спутника и тут же отворачивалась. Он возвышался над ней чуть ли не на две головы, подавлял огромным ростом и могучим телосложением. Вырваться бесполезно. Он легко удержит ее своими великанскими ручищами. Даже Финист его боится. Интересно, Николая бы вел себя в его присутствии также или хотя бы попытался ее защитить?

— Вы так и не ответили, как вам нравится ваше обучение, — вкрадчивым голосом заговорил Ноэль.

— Меня все устраивает, — заверила его Герда.

— Тогда почему вы такая напряженная?

— Я всегда такая. Спросите кого угодно. Хоть мастера Николая. Он меня за это постоянно ругает, — от страха она начала тараторить, плохо понимая, о чем говорит.

— Ругает? — Ноэль сдвинул густые брови. — Надо же, совсем на него не похоже.

Герда смутилась. Зачем она это сказала? Теперь он решит, что она жалуется.

— Я не это имела в виду. Мастер Николая замечательный учитель. Самый лучший.

— Я думал, ваш учитель — Финист, — снова удивился офицер.

Герда прикусила губу. Вот как всегда, сейчас наговорит что-нибудь не то, а потом у всех неприятности будут. И больше всего у Николая, а ему и без того забот хватает.

— Конечно, Финист. Просто мастер Николая очень обо всех печется, как будто мы его собственные ученики.

— А Финист такой же замечательный учитель, самый лучший? — продолжал с невозмутимым видом интересоваться Ноэль. Герда бросила затравленный взгляд на вышагивающего позади оборотня. Он смотрел себе под ноги.

— Да, такой же, — печально ответила она.

— Как замечательно, что все наши учителя самые лучшие! — воскликнул офицер.

Герда заставила себя взглянуть ему в лицо. Он смеялся. Сейчас, небось, подумает, что она полная идиотка. И будет недалек от истины.

Дорога до главной площади никогда еще не казалась такой длинной. Финист, как назло, останавливался возле каждого дома, показывая местные «достопримечательности». Она никогда не думала, что их может быть так много. Когда впереди замаячили отсветы зажженных у ратуши костров, Герда уже хотела упасть в обморок, как это делали нежные и

ранимые героини рыцарских романов. Жаль, что она не героиня. С ее удачей, она точно разобьет себе лоб и пока будет валяться без чувств, прилетит недобитый дракон и всех съест. Видно, правильно мастер Николя ее трусихой называет. Надо быть рыцарем, а не кисейной барышней и встречать врагов с открытым забралом. Герда еще раз посмотрела на старательно изучавшего вечернее небо Финиста. Похоже, никто кроме нее этим заниматься не собирается.

— Смотрите, там танцуют, — махнул Ноэль в сторону костров. — Не хотите присоединиться?

Герда, Финист и Вожык настороженно переглянулись.

— Да что вы такие забитые? Неужели Николя настолько вас запугал? — развел руками офицер.

— Да! Нет! — одновременно ответили Финист и Герда. Она испытующе глянула на оборотня и тот потупился.

— Мастер Николя никого не запугивал. Он очень хороший человек, — уверенно отчеканила Герда, чтобы даже у поджавшего губы Финиста не осталось сомнений.

— Никто его ни в чем не обвиняет, — успокоил Ноэль, призадумался, а потом в своей обычной куртуазной манере спросил: — Не будете ли вы столь любезны и подарите мне следующий танец?

— Кто, я? — Герда посмотрела по сторонам в поисках подмоги, но Ноэль уже тащил ее туда, где играла музыка и танцевали нарядно одетые парочки. — Но я не умею! — Герда суматошно пыталась придумать вескую причину отказаться.

— Я тоже. Какая разница? Это же не королевский дворец в Дюарле, — с деланным легкомыслием ответил Ноэль, приобняв Герду за талию. Они закружились в танце вместе с остальными парами. — Вы настолько восхитительны в этом платье, что даже там на такой пустяк, как неумение танцевать, никто бы не обратил внимания.

— Но это же неправда, — возразила Герда с несчастным видом. Нелепые комплименты раздражали даже больше обычного.

Ноэль снова звонко рассмеялся, словно она сказала что-то забавное. Двигался он очень тяжело, совсем не так, как Финист, и постоянно не попадал в такт. Герда едва успевала увертываться, чтобы он не наступал на ноги.

— Ваше полное имя Альгерда Мрия? — продолжил разговор Ноэль, когда музыка стала чуть медленней.

— Да, — ответила она, пытаясь унять дрожь.

— Вы родились в северо-западном крае Веломовии?

— Да, в Дрисвятах.

Зачем он спрашивает? Неужели этого не было в отчетах? Какое кому дело, кто она и откуда? Прошлая жизнь давно бурьяном поросла вместе со всем, что осталось в Дрисвятах.

— Я бывал там проездом. Красивые у вас места. Волшебные, — Ноэль неловко пытался объяснить свой интерес, но Герда не верила. Тогда он продолжил осаждать вопросами: — Гед — полное имя вашего отца?

— Гедымин. Он был лесником.

— Слишком затейливое имя для лесника, да и ваше не из простых, не находите?

— Я не знаю, — его вопрос поставил в тупик. Больше ни у кого в округе похожих имен не было. Но что в этом такого? — Думаю, отец назвал меня в честь кого-то из своих родственников. Я о них ничего не знаю.

Герда надеялась, что допрос закончился, но не тут-то было.

— А вы догадывались, что обладаете необычными способностями до того, как Финист вам об этом сказал?

— Мне сказал не Финист, а мастер Николя. Нет, я ни о чем не догадывалась. Честно говоря, мне до сих пор трудно поверить, что это не сон и я действительно здесь. В компании. Конечно, мой дар очень слабый и я не самая смышленная ученица, но я очень стараюсь. Финист сегодня сказал, что у меня обязательно все получится.

— Раз сказал, значит, так и будет, — обезоруживающе улыбаясь, кивнул Ноэль. — Так вы ничего не знали, пока не добрались до Упсалы? Согласитесь, от Веломовии до Лапии путь неблизкий. Зачем вы отправились в такую даль, зная, что здесь вас ничего не ждет?

— Я не знаю. Я надеялась...

— На что? — не унимался Ноэль.

Герда затравленно посмотрела на него и взмолилась про себя: «Я больше не могу. Он не заставит меня произнести это вслух!». Отвела взгляд. В толпе появилась знакомая фигура. Из груди вырвался иступленный крик:

— Мастер Николя!

\*\*\*

У Николя опустились руки. В последние дни он даже не пытался искать пастуха или заниматься с учениками. Апатия парализовала волю. Шевеление мысли в голове и то доставляло нестерпимую боль. Единственное, на что хватало сил — добраться до одинокого утеса и бездумно таращиться на то появляющийся, то исчезающий в белой дымке берег родного острова. Перед глазами проносились картины из детства, щемяще яркие, насыщенные запахами и звуками. Как же легко тогда было: весь мир не давил мертвым грузом на плечи, а голова не разрывалась от бесконечных забот и обязательств. Все только начиналось, манило тайнами и загадками, дарило надежду на что-то светлое впереди. А ныне обратилось в пепел и тлен: семья, любовь, мечты — он все потерял. Даже свобода, и та стала заложником демоновой компании и опостылевшего ремесла. Вот уже и дар начал подводить. Время уходит безвозвратно, и на плече уже ощущается смрадное дыхание смерти, а ведь он так почти и не жил по-настоящему. Не был, не сделал, не смог. Уже и не хочется. Стремиться не к чему: куда ни ткнешься — всюду тупики. Почему в двадцать пять он чувствует себя столетним стариком, жалким и немощным? Нет, надо взять себя в руки, найти демонова пастуха и будь, что будет.

К вечеру Бельтайна Николя заставил себя пойти на праздник. Не стоило еще больше показывать бюргерам собственную слабость. К тому же его ждал Гарольд. Николя нашел его у центрального костра на рыночной площади, откуда бургомистр задумчиво наблюдал за веселящейся толпой.

— Неважно выглядишь, мой мальчик, — вместо приветствия сказал он.

Николя повел плечами. Наверное, следовало заглянуть домой: умыться и переодеться, но он слишком боялся встретить Герду. Последний разговор с ней выбил почву из-под ног.

— Я собираюсь отправить Уну с сыновьями к родственникам в Готланд через пару дней, — не дождавшись ответа, продолжил Гарольд. — Не хочешь их проводить?

— Свейн уже достаточно взрослый, чтобы присмотреть за матерью и братом, — покачал головой Николя.

— Я не об этом. Думаю, тебе стоит на время уехать из города. Просто чтоб глаза не мозолить. А когда все уляжется — вернешься.

— Это называется трусостью, — хмуро заметил Николая, не соглашаясь, но и не отказываясь.

— Это называется благоразумием. Ты и так много сделал. Больше, чем мы могли просить. Но сейчас уже все бесполезно. Так какой толк подставляться под удар? — Гарольд замолчал, пристально вглядываясь в его лицо. — Ты всегда был мне как сын. А для сына я не желаю большего счастья, чем жениться на любимой женщине, обзавестись кучкой детишек и спокойно дожить до глубокой старости. Знаю, в глубине души тебе хочется того же. Это мелькает в твоих глазах каждый раз, когда ты смотришь на нее. Боишься, что не сможешь быть с ней из-за своего ремесла? Так брось его. Смотри, ведь оно уже никому не нужно. Поживи хоть немного для себя. Пригласи девушку на танец, пока еще не слишком поздно.

Гарольд указал рукой в сторону толпы. Николая поморщился и даже не соизволил повернуться. Что им так нейдет-то? Он уже все решил. Ничто и никто этого решения не переменит!

«Пожалуй, приступим, — послышался в голове ненавистный голос. Неужели их божественное сиятельство снизошло до беседы? Это после того, как Николая три дня умолял его хоть словом обмолвиться! Охотник уже проговаривал про себя ответ, как мысли заглушила полная ехидства фраза: — Первое испытание началось!»

— Мастер Николая! — донесся до обострившегося слуха испуганный вскрик.

Сердце ухнуло в пятки. Охотник повернул голову в сторону танцующих. Глаза без труда выискали в толпе глядевшую на него пару. Забыв о Гарольде и Безликом разом, Николая сделал несколько шагов навстречу Герде.

Он обознался. Привиделось от изнеможения и недосыпа.

И все-таки это был Ноэль. Неужели все вскрылось? Но как? В компании не могли ни с чем догадаться из-за того скудного письма, а больше ничто не могло выдать тайну Герды.

Николая сорвался на бег и через мгновение встал между ними. Он разнял их руки и закрыл Герду спиной. Хищный взгляд лучшего друга теперь рыскал по его лицу. Так было легче. За себя Николая бояться не умел.

— Каким ветром, Ноэль? — стараясь, чтобы натянутая улыбка не походила на оскал, спросил Николая.

— Северным. Развеяться на праздники решил и заодно тебя проведать, — дружелюбно ответил Ноэль, но Охотник явственно ощущал исходивший от Герды страх.

Вытянувшись по струнке, Николая готовился в любое мгновение отразить удар. Но его не последовало. Ноэль лишь снисходительно улыбнулся:

— У тебя очень милая ученица. Она очень хочет, чтобы ты подарил ей последний танец.

Он подмигнул выглянувшей из-за своего укрытия Герде и с серьезным видом добавил:

— Это приказ.

Николая кивнул. Какая-то мудреная проверка? Что ж, лучше послушаться и не провоцировать противника заранее. Нужно до последнего делать вид, что все в порядке. А заодно узнать, что Ноэль успел рассказать Герде.

Охотник мягко приобнял девушку и увлек за собой в центр танцующих пар подальше от бывшего лучшего друга, которого он сам предал.

\*\*\*

Герда была счастлива просто от того, что Николая спас ее от неловкого разговора. Танцевать было уже совершенно лишним. И все же... Она так долго об этом мечтала. Но реальность снова оказалась настолько далека от сказки, насколько это было возможно.



Хотелось сказать, что незачем так крепко прижимать ее к себе. Из-за этого все движения выходили скованными. Николая вел совсем не в такт, словно не слышал музыки. К тому же его ощутимо колотило. Герда не могла понять, от чего. Но заговорить первой не осмелилась. Что ж, по крайней мере, на ноги не наступает — уже достижение за сегодня!

— Извини, — пробормотал Николай, печально заглянув ей в глаза.

— Вы извиняетесь, что танцуете со мной? — Герда внутренне сжалась, как от пощечины. Зачем он все портит?! Почему не позволяет хоть на мгновение поверить в мечту? Без этого жизнь — сплошная пытка.

— Нет, я не об этом, я... — начал оправдываться Николай, но запутался в словах и замолчал. — Извини, что так вышло с Ноэлем. Он тебя напугал.

Герда повела плечами. Ему не за что извиняться. Он не знал, а она не должна была показывать страх. Ноэль просто офицер из компании и не причинил бы ей вреда.

— Он оттоптал мне все ноги, — усмехнулась Герда собственным мыслям.

Глядя на ее улыбку, Николай немного посветлел и расслабился. Правда, из стальной хватки не выпустил.

— Ни разу не видел, чтобы он танцевал, — изрек он, бросив мрачный взгляд на Ноэля, который наблюдал за ними в стороне. — Что он говорил?

— Спрашивал обо мне... и о вас, — призналась Герда. — Я наговорила лишнего. У вас будут неприятности?

Николай недоуменно нахмурился.

— Разберусь, не переживай. Чем он тебя напугал?

Герда вздохнула:

— Вы же сами говорили, я трусиха. Просто он задавал странные вопросы.

— Какие? — Николай вздрогнул и повернул ее резче, чем требовалось. Они едва не налетели на танцующую рядом пару. Что с ним творится?!

— Почему у меня и моего отца такие необычные имена, не догадывалась ли я о своем даре до того, как вы мне об этом сказали и... зачем я проделала весь этот путь, если знала, что в конце меня ничего не ждет.

— И зачем? — не сдержал любопытства Николай.

Герда вытаращилась, готовая в любой момент расплакаться. Он быстро поправился:

— Извини, можешь не отвечать. Он еще что-нибудь говорил?

— Не-е-ет, — протянула Герда. Что его тревожит? Или ее беспричинный страх настолько заразный?

— Хорошо, — с облегчением выдохнул Николай. — Не бойся, я все улажу.

Музыка уже давно стихла, а он все продолжал кружить ее, не замечая ничего вокруг. Люди вовсю оборачивались на них, не скрывая любопытных взглядов. Охотник замер, лишь когда на его плечо легла рука Ноэля.

— Похоже, горный воздух и вправду обладает удивительными свойствами, — весело хохотнул он. — В первый раз вижу, чтобы ты с таким рвением исполнял мои приказы. Но все приятное когда-нибудь заканчивается. Госпожа Герда, — Ноэль галантно поцеловал ее руку. — Ступайте к остальным. Нам с Николаем надо обсудить дела компании. Вам будет скучно.

Герда вопросительно глянула на Охотника. Тот продолжал держать ее за талию.

— Иди. Все будет в порядке, — подбадривающе кивнул он и, склонившись над самым ее ухом, прошептал: — Ты самая красивая.

Герда открыла рот. Слова прозвучали настолько отчаянно искренне, что она даже не нашлась, что ответить. На лице Николая не промелькнуло и тени улыбки, а в сверкающих в отблесках костров глазах продолжала клубиться непонятная тревога пополам с ожесточенной решимостью. И ведь ничегошеньки больше не скажет, хоть каленым железом выжигай. Герда понурилась и пошла туда, где толпились люди в ожидании огненного представления.

\*\*\*

— Так зачем ты приехал? — спросил Николай, когда Герда отошла от них настолько, что не могла слышать разговора.

— Уже нельзя проведать старого друга? — продолжал свою игру Ноэль. — Давно хотел посмотреть, как ты тут быт обустроил. Ученики у тебя интересные. И учитель, который так переживает за их благополучие. Герда так вообще само очарование и непосредственность. Влюблена в тебя по уши. Надо было видеть, как она твою репутацию защищала. Впрочем, в этом как раз ничего удивительного нет, учитывая, как ты кружил головы красавицам в Дюарле. Сам-то к ней что чувствуешь?

Николай отвел взгляд и вздохнул:

— Она особенная. Ты ведь из-за этого приехал?

Ноэль протянул ему мятый лист бумаги. Николай подошел к костру и нахмурился, внимательно вчитываясь в неровные строки.

— Это донос?! — ахнул он, как только до него дошел смысл послания. — Его тотем должен быть гадюкой, а не соколом!

— Финист просто за девушку беспокоился и небезосновательно, учитывая обстоятельства, — легкомысленно отшучивался Ноэль. — Можешь представить, какая это удача для компании? Он же сын самого Кыма Ясеньского, героя Зареченского восстания. Как мои остолопы его проморгали? Из него ведь такого героя можно вылепить.

— Не то, что из внука авалорского предателя, — брезгливо скривился Николай и вернул письмо. — Давай без длинных преамбул. Ты же знаешь, как они меня бесят.

— Похоже, вольная жизнь терпения тебе не прибавила. Что ж, будь по-твоему, — Ноэль снова улыбнулся, слегка остудив пыл Охотника. И все же не до конца. Николай слишком хорошо знал его приемы. — Честно говоря, гораздо больше письма оборотня меня встревожило твое собственное. Многие из наших и из Защитников тридцать лет искали пропавшую в Белоземье кровь Архимагистра Веломри. Говорили даже, что сами боги укрыли ее от посторонних глаз. И надо же, она пришла сама, пришла к тому, у кого больше всех причин ее ненавидеть. Ты ведь знаешь, кто отдал приказ казнить твою семью?

Николай кивнул и закрыл лицо руками. Перед глазами вставали тени воспоминаний. Грязная подворотня, узкая щелка между домами, через которую видны укутанные в голубые с золотой окантовкой плащи Магистров Защитников Паствы. Рокочущий сталью голос объявляет уже исполненный приговор. В тот день Николай узнал, что за холодное прощание попросить прощения у отца уже не удастся. Никогда.

— Когда я это понял, то испугался, что в пылу мести ты задумал безумство, — голос Ноэля вернул к реальности. — Рад, что ошибся. Я ведь ошибся?

Николай поморщился. Мысль о мести не посещала его никогда. Наверное, он и впрямь был ужасным сыном.

— Я мог выстрелить в спину Архимагистру, когда был в Эскендерии. Это было бы куда проще. А пользоваться наивностью девчонки, повинной лишь в том, что ее дед чудовище, не

в моих правилах.

Ноэль скептически прищурился:

— Тогда почему ты не сообщил о ней?

— Хотел вначале убедиться, что она не пустышка, — Николя отвел взгляд.

Ноэль шумно рассмеялся.

— Тебе понадобилось на это полгода? А мне одного взгляда хватило. И оборотню, судя по всему, тоже. Так с чем связан твой неожиданный приступ близорукости?

— Я просто хотел ее получше подготовить, — терпение лопнуло, как мыльный пузырь. Нет сил юлить и ждать, кто сдастся первым: — Ее сделают заложницей компании?

Теперь морщился Ноэль.

— Такие дела вне моей компетенции, — он потупился. — Но очень сомневаюсь, что главнокомандующий отдаст ее Защитникам. Все-таки ее бабка была третьей Норной. Думаю, он захочет, чтобы Герда заняла ее место в круге.

Николя с шумом выдохнул. Это во стократ хуже, чем вариант с заложником. О круге Норн никто ничего подлинно не знал, но ходили слухи, что только благодаря ему старовером удалось закрепиться в Норикии и вывезти беженцев из единоверческих стран. Говорили даже, что главнокомандующий до сих пор руководствуется предсказаниями круга, которые передают ему белоглазые вельвы. Они единственные могут встречаться с Норнами.

«Так вот что это за испытание! Если Ноэль увезет Герду в компанию, я больше ее не увижу. Ее больше вообще никто не увидит. Но так нельзя. Она ведь живая, теплая, со своими дурацкими мечтами о сказочном принце и вечной любви. Я не могу позволить похоронить ее заживо из-за глупых амбиций компании. Слышишь, Безликий, я не отдам ее тебе. Только не таким способом».

— В любом случае решение примет сам главнокомандующий, когда ее увидит. Сейчас я просто заберу ее в Дюарль, — ворвался в мысли Охотника голос Ноэля.

— Сейчас? — Нет, надо выиграть время. Хотя бы чуть-чуть. — Но ее обучение еще не закончено. И о компании я ей ничего не говорил.

— Я сам расскажу, — пожал плечами Ноэль. — Это не должно занять много времени.

— Нет, ты и так ее до смерти напугал. Она решит, что ее все предали, а для сильного колдовства нужна добрая воля. Дай мне еще две недели. За это время я подготовлю ее так, что она примет любое повеление компании.

Ноэль долго смотрел на него, словно пытался прочесть, но, к счастью, это было ему не под силу. Оставалось надеяться, что за пять лет службы в компании Николя смог завоевать его доверие. Ноэль медлил. Сомневался. Нужно предложить ему еще что-то. Что-то, что заинтересует его больше Герды.

— Дай мне две демоновы недели, и я откажусь от ремесла охотника, вернусь в штаб и беспрекословно буду исполнять любые ваши приказы.

Глаза Ноэля широко распахнулись. Он заговорщическим шепотом спросил:

— Так ты ее любишь?

— При чем здесь это? — отмахнулся Николя. — Я просто хочу сделать все правильно. Хотя бы в этот раз.

— Надеюсь, ты понимаешь, что даже в Дюарле не сможешь ее видеть.

Николя выдержал его испытующий взгляд и кивнул.

— Хорошо, — согласился Ноэль. — Но ты сам представишь ее главнокомандующему, смиришься с любым его решением и не станешь ввязываться в опасные авантюры, только

чтобы побыстрей расстаться с жизнью.

Охотник заставил себя усмехнуться и пожал протянутую руку.

\*\*\*

Герда обнаружила своих товарищей у помоста, на котором уже началось выступление жрецов огня. Здесь были все: Эглаборг, Вожык, Финист и даже Майли, которая так и не нашла себе кавалера на вечер. Жрецы исполняли ритуальный танец со стальными прутьями. Их концы были обмотаны горячей материей. Жрецы крутили ими в разные стороны под бой барабанов, вырисовывали в воздухе замысловатые фигуры и ртом выдували из прутьев снопы искр.

— Я тоже так смогу... когда-нибудь, — воодушевленно заявил Вожык.

— Обязательно, — поддержала его Герда.

Ткань на прутьях прогорела. Жрецы перешли к самому большому костру в центре. Они надели заготовленные заранее маски и затанцевали вокруг пламени, ритмично произнося длинные речи на неизвестном языке.

— Что они делают? Ничего не понятно, — расстроился Вожык.

— На то они и жрецы, чтобы непонятные ритуалы проводить, — с видом знатока заявил Финист.

Герда прыснула в кулак:

— Они историю рассказывают. Смотрите, большой костер, которому они кланяются — это бог Вулкан.

— Про которого мама рассказывала? — оживился пирокинетик.

— Нет, это другой. В Мидгарде же много разных вулканов. Так вот, этот Вулкан породил близнецов: златокудрого мальчика Солнце и седовласую девочку Луну. И были они неразлучны. Смотрите, как за руки держатся. От их любви родились День и Ночь, Свет и Тьма, Приливы и Отливы, Жара и Дождь. И еще люди, в чьих жилах текла не кровь, а жидкий огонь.

— А разве можно жениться брату с сестрой? — подала голос Майли.

— Тем более близнецам, — присоединился к ее вопросу Вожык.

— Богам все можно, — усмехнулся Финист.

— Цыц, слушайте дальше, — призвала их к порядку Герда. — Жили они в мире и благоденствии, по очереди передавая власть над Мидгардом от одного к другому. Но тут появился коварный волк Фенрир — вон тот в сером плаще. Он заманил Солнце в ловушку и сбросил в жерло породившего его Вулкана. Подвластные Луне птицы-звезды все видели и рассказали своей хозяйке о беде. Безутешная Луна решила спуститься в жерло Вулкана, в царство ужасной Хель, властительницы мира мертвых, чтобы найти своего мужа. Люди не хотели отпускать ее одну — слишком боялись, что она сгинет, как Солнце. Выбрали ей в спутники самую красивую и хозяйственную девушку и самого сильного и смелого парня. Много тягот выпало им на пути в царство мертвых и еще больше, когда они встретились с самой Хель, которая не собиралась так просто отказываться от своей добычи. Но в конце концов она согласилась отпустить Солнце на землю на полгода, но только если Луна останется у нее в заложниках на это время. На том и порешили: полгода землю озаряет свет Солнца, а полгода Луны. А чтобы они не скучали во время своего заключения в царстве Хель, каждый год с помощью костра, олицетворяющего Вулкан, туда отправляют достигших совершеннолетия парня и девушку.

Несколько жрецов облили себя жидкостью из стоявших рядом ведер, с разбегу прыгнули

в костер, сделали в пламени кульбит и выпрыгнули с другой стороны под дружные хлопки зрителей. Эглаборг незаметно прокрался к ведрам и утащил одно.

— Так они сжигали людей на костре в угоду богам? — ахнула Майли. — Как жестоко!

— Огонь не причинял им вреда, ведь он тек у них в жилах, — пояснила Герда. — Через год они возвращались назад в племя. Никто не погибал.

— Интересно, что они делали там целый год, — задумчиво спросил Вожык.

— Развлекали богов, — ответил Финист.

— Как? — продолжал любопытствовать пирокинетик.

— Ну как обычно, — Финист издал чпокающий звук. Герда и Майли с противоположных сторон вlepили ему по подзатыльнику. — За что? Я же правду сказал. Если бы я был бессмертным богом, то только этим и занимался.

— Не сомневаюсь, — прошипела Майли.

— Ну не перед ребенком же! — устыдила его Герда.

— А кто еще его жизни научит? Ты же кроме сказок своих ничего не знаешь, а эта, — он кивнул на Майли, — только о тряпках лопочет и нудные изречения единоверческих пастырей цитирует.

— Жизни он научит, уж конечно. Кто б тебя уму разуму научил, дубина ты стоеросовая. Кроме своего чпока ни на что не способен! — взъярилась Майли.

— О, боги! — Герда закрыла Вожыку уши и потянула подальше от ругающейся парочки.

— Как они богов развлекали? Я ничего не понял, — спросил Вожык, когда они с Гердой остановились у дальнего края помоста для выступлений. Эглаборг сидел рядом на земле и самозабвенно изучал содержимое позаимствованного у огненных жрецов ведра.

— Финист пошутил. Они просто учились, выросли, проходили церемонию инициации, — сбивчиво объясняла она.

— Совсем как мы, — хмыкнул мальчик.

— Да, только не так бурно, а то ни у каких богов нервов бы не хватило, — засмеялась Герда.

Вся площадь притихла. На верхушку позорного столба жрецы подвесили несколько мешочков, подожгли торчащие из них веревки и спешно слезли.

— О, да это никак «чудесный огонь» из Поднебесной! — восхищенно воскликнул Эглаборг. — Откуда только взяли?

Веревки догорели. Мешки с шипением устремились в воздух, осыпая все вокруг разноцветными искрами. Вспыхнули и с громким хлопком раскрылись радужными цветами.

— Ого! — выдохнул Вожык и захлопал в ладоши.

— Настоящее чудо! Мастер Эглаборг, вы такое уже видели? — спросила Герда.

— Больше и лучше, — улыбнулся старик. — Когда путешествуешь с Охотником, будь готов ко встрече с таким, о чем не мог и помыслить.

— Хотелось бы и мне с ним попутешествовать, — вздохнула Герда.

Вскоре к ним подошли истощившие весь запас ругательств Финист и Майли. Впятером они отправились домой. Николя с Ноэлем нигде видно не было. Дойдя до усадьбы, Герда незаметно отозвала Финиста в сторонку. Когда они остались на улице одни, она осторожно поинтересовалась:

— Ты не знаешь, зачем приехал мастер Ноэль?

— Чтобы проверить наши дела.

Герда внимательно вглядывалась в его мерцающие в ночной тьме глаза.

«Почему она спрашивает? Должно быть, Николая ей что-то сказал».

Герда уцепилась за эту мысль и попыталась проникнуть глубже.

— Сомневаюсь, что такой важный человек проделал бы путь от Дюарля до Упсалы ради простого визита вежливости. Ты точно ничего не знаешь?

— Нет. Мы наедине даже парой слов не перекинулись. Я знаю не больше, чем ты.

«Демоны, точно нажаловался! Но почему мне должно быть стыдно? Тем более Ноэль сказал, что Николая даже не пожурят».

Герда напряглась еще сильнее. Подташнивало. Она слишком близко подошла к пределу. Но отступить не собиралась. Он вот-вот расколется!

— У тебя нет никаких догадок? Мне показалось, что мастер Ноэль сильно мастером Николая недоволен. Как думаешь, из-за чего?

— Может, он плохо справляется с работой? Честно, не хочу лезть в чужие дела. Пусть сам разбирается.

«Ого! Неужели, у этого выскочки все-таки будут неприятности? Как же хорошо, что я нашел у него то письмо».

— Ты читал письма мастера Николая?! — ахнула Герда, не сдержав возмущения.

Глаза Финиста стали размером с яйцо.

— Как ты?.. — на его лице отразилось понимание. — Ты читала мои мысли?!

Герда потупилась. Не знала даже, оправдываться или просить прощения.

Финист поднял глаза и встрепенулся, заметив кого-то за ее спиной.

— Ты знал? — взбешенно спросил оборотень.

— Естественно, знал. Только такой идиот, как ты, мог этого не заметить, — прозвучал над самым ухом Герды язвительно-насмешливый голос Николая.

Она резко обернулась. Как ему удастся двигаться настолько незаметно?

— Конечно! — Финист хлопнул себя по лбу. — Именно поэтому ты спровадил ее ко мне — чтобы она твои мысли не читала!

— Поистине достойное твоего идиотизма умозаключение, — продолжал издеваться Охотник.

В его тоне сквозила преднамеренность, словно он нарочно злил Финиста. Герда бы никогда не подумала, что честный и справедливый мастер Николая может вести себя так грубо.

Вдалеке послышалось завывание ветра и раскаты грома. Будет гроза? Но ведь вечер был такой ясный. Стало намного страшнее, чем когда Герда танцевала с Ноэлем.

— Ах ты поганая хитрая сволочь! — поддался на провокацию и без того раздраженный до предела Финист.

— Уж кто бы говорил. По крайней мере, я за чужой спиной доносы не строчу, — выплюнул ему в лицо обвинение Николая.

Герда прижала руки ко рту.

— Финист, скажи, что это неправда. Скажи, что ты этого не делал! — взмолилась она.

— Я сделал это ради твоего же блага, — отчаянно выкрикнул он.

— Моего? — она уже совсем ничего не понимала.

— Какого блага, идиот? — ярился Николая. — Ты же нас всех к эшафоту подвел. Ее в первую очередь. Ты хоть иногда думаешь своими птичьими мозгами?

— Мастер Николая, о чем вы? — попыталась перекричать их Герда. Но ее вмешательство только подкинуло дров в огонь.

— Да, о чем вы, мастер Николя? — зло перекиривлял ее Финист. — Давай, скажи ей, какой ты на самом деле лицемер и обманщик. Скажи про то, что ты писал или не писал в отчетах. И про портреты. Сколько их там было: дюжина, две или даже три? Да он одержимый!

Небо перечертило вспышками молний. Гром ударил над головами с такой силой, что заложило уши.

— На себя лучше посмотри, праведник демонов! — глаза Охотника сделались бешеными и неистово сверкали в сполохах молний. — Говоришь о ее благе, а на самом деле только о себе печешься. Выслужился перед компанией, а, сын героя? Конечно, ты ведь куда праведней внуков предателей. Кичишься своим папашкой, на всех свысока смотришь, а сам даже мизинца его не стоишь! Тупая. Завистливая. Подлая. Мразь!

Герда затряслась, столько в его словах было ярости.

— Да как ты?!.. — взревел Финсит.

Его кулак врезался Охотнику в челюсть.

Герда заскулила от ужаса.

Николя не шелохнулся. С разбитой губы по подбородку побежала тоненькая струйка крови. Охотник слизнул ее и сплюнул, гипнотизируя Финиста презрительным взглядом. Оборотень растерянно замер, словно не ожидал от себя такой реакции. И не знал, что делать дальше.

Николя оскалился и неуловимым движением подсек Финисту ноги. Оборотень неловко взмахнул руками и рухнул. Охотник навалился сверху и принялся вколачивать его в грязь. Финист пришел в себя и стал отбиваться. Они клубком покатались по земле, нещадно молотя друг друга руками и ногами. В живот, в голову, в пах, без разбора. Совсем как дикие звери!

С неба полило как из ведра. Началась первая в этом году гроза.

— Финист! Мастер Николя! Остановитесь, — истошно закричала Герда.

В пылу схватки они ничего не слышали, занятые лишь тем, как бы сильнее ударить противника. Как будто внутри них осталось всего одно желание — разорвать друг друга в клочья.

— Помогите, кто-нибудь! — в отчаянии позвала Герда и обернулась к дому.

В окнах не горел свет. Даже если бы остальные не спали, то вряд ли бы у старика, маленького мальчика и хрупкой девушки хватило сил разнять двух ополоумевших от ярости мужчин. Надо бежать в город за подмогой!

Оскальзываясь на размокшей почве, Герда выбежала за забор и врезалась в широкую спину.

— Что за шум? Я даже сосредоточиться не могу! — проворчал Ноэль.

— Помогите, пожалуйста, — вцепилась в его локоть Герда, напрочь забыв о страхе. С нее потоками текла вода. Ливень хлестал нещадный. — Финист... мастер Николя... они убьют друг друга!

Ноэль с досадой вплеснул руками:

— Я же велел ему не лезть в драку!

И помчался в усадьбу следом за Гердой.

Николя с Финистом продолжали валяться на земле. Пытались придушить друг друга и одновременно увернуться от лежащих ног противника. Ноэль, не раздумывая, кинулся в гущу схватки, схватил обоих за шиворот и хорошенько встряхнул.

«Вот это сила!» — невольно восхитилась Герда.

— Отставить драку! — командирским тоном приказал он.

Противники никак не отреагировали. Финист рычал, Николая шипел. И оба пытались добраться друг до друга, минуя Ноэля.

— Да что же это такое! — возмутился офицер. — Остыньте, наконец!

Он швырнул обоих в большое корыто возле конюшни. Отплевываясь от воды с песком, они одновременно вылезли наружу, посылая друг другу испепеляющие взгляды. С одежды ручьями лилась грязь вперемешку с дождевой водой.

— Прямо как дети! Сколько вам лет?! — усовестил их Ноэль.

— Он оскорбил память моего отца! — наябедничал Финист.

Ноэль закрыл лицо руками, не желая ни слышать, ни видеть этого позора. Николая дернулся, чтобы врезаться оборотню ногой. Офицеру снова пришлось вклиниться между ними.

— Я сказал, хватит! — заорал Ноэль так, что заглушил бурю. — А ну как марш по разным углам. Ты в дом, — он подтолкнул Финиста к порогу. — А ты за мной, — схватил Николая за ворот рубахи и потянул за калитку.

Ветер стихал, а следом поредел и дождь.

— Сволочь, — бросил оборотень, злорадно глядя на попавшего в переплет соперника.

— Мразь, — плюнул в него Николая и тут же получил от Ноэля отрезвляющий подзатыльник.

— Еще одно слово и я заберу вас в военный корпус на гауптвахту. И посажу обоих в один карцер лет на десять. Может, тогда вы успокоитесь? — пригрозил он.

Финист отвернулся и уставился на Герду.

Она промокла до нитки. Страх отступал. Оставался лишь леденящий озноб. Била крупная дрожь. По лицу струилась соленая, явно не дождевая вода.

— Прости, я... — виновато начал Финист.

Герда, не слушая, убежала в дом.

## ===== Глава 35. Испытание второе: будь с ней до конца =====

После драки пришло болезненное опустошение, словно огонь ярости выжег внутренности дотла и оставил после себя всепоглощающее ничто. Чувства притупились: саднящая губа, ноющее плечо и вот уже полгода не отпускавшая головная боль отделились за грань сознания. Мысли шевелились едва-едва, а место клокочущих эмоций заняло тупое раскаяние. Зачем он затеял драку? Ведь знал же, что сейчас нельзя вызывать новых подозрений, надо сидеть тихо и делать вид, что все в порядке. По крайней мере, до отъезда Ноэля. И все равно сорвался, когда увидел, как двуличный мерзавец запросто смотрит Герде в глаза и еще смеет предъявлять претензии. Он же практически передал ее в руки палачей! Нет, все-таки злился Николая вовсе не на Финиста — на себя. Потому что в отличие от этого болвана знал, какой опасности подвергается Герда, оставаясь здесь. Знал, но медлил, боясь открыть ей правду и принять решение. Не хотел предавать своих. Не хотел становиться предателем в ее глазах. Не мог найти место, в котором она будет в безопасности, хотя прекрасно знал, где оно. Не решался порвать с ненужным и опостылевшим, чтобы спасти то, что действительно важно. Смалодушничал. Все-таки он намного хуже Финиста.

Ноэль шагал следом. Они неспешно прогуливались вокруг усадьбы, чтобы Николая немного остудил пыл. Накапывал мелкий дождик, впрочем, это было даже кстати,



учитывая, что все тело горело как от пожара. Через полчаса они вернулись к дому, не перекинувшись и словом, поднялись на второй этаж и закрылись в кабинете Николая. Место за столом пришлось уступить Ноэлю, как старшему по званию. Сам Охотник устроился на колченогом стуле в углу комнаты и принялся задумчиво изучать древесный рисунок на стене.

— Может, поговорим? — не выдержал Ноэль.

Николя, не оборачиваясь, пожал плечами.

— Скажи честно, ты ведь не собирался представлять Герду в компании? — Ноэль пристально уставился на него. Николая продолжал сверлить взглядом стенку. Да и что он мог ответить? — Думал сбежать с ней за эти две недели? Только ты забыл, что руки у нас длинные. Везде достанем.

Николя встал и подошел к окну:

— Я бы все равно попытался.

— Я думал, тебе нравится этот город. Ведь ты так упорно добивался разрешения поселиться здесь, — пытался разговорить его Ноэль.

— Уже разонравился, — отстранился он очередной короткой репликой.

— Ты понимаешь, что это предательство и по законам военного времени я обязан вздернуть тебя на ближайшем суку? — видно, Ноэль совсем отчаялся, раз решил перейти к пустым угрозам.

Николя безучастно обронил:

— Попробуй.

— И ты не будешь сопротивляться?

— Не надейся.

— Тогда нам придется драться. До конца, а не до первой крови. Готов проткнуть кликом мое сердце, если победишь?

— Сделаю в лучшем виде, не беспокойся.

— Давай без твоего сарказма.

— Давай без твоего фарса. Если бы ты сразу не догадался, что я задумал, то вряд ли бы пришел сюда один и тем более не стал показывать мне донос, — Николая обернулся и в упор посмотрел на Ноэля.

Тот грустно улыбался:

— Хорошо, я выкладываю свои карты, ты — свои. Идет?

Охотник помедлил несколько мгновений, раздумывая, и кивнул.

— Мне не нравится, что главнокомандующий так слепо доверяет белоглазым ведьмам, — зычным голосом, которым обычно выкрикивал лозунги и приказы, заговорил Ноэль. — Их влияние усиливается с каждым годом. Скоро они начнут диктовать нам, что есть и как одеваться. Норны, спящие боги, источник мироздания — бабьи сказки, подкрепленные лишь нелепыми слухами и зловещей репутацией вельв. Чтобы победить единоверческую заразу, мы должны полагаться на нечто более реальное: армию, вооружение, поддержку народа. В военном корпусе при штабе мы ежегодно подготавливаем по тысяче элитных солдат из новобранцев с даром. Несколько лет назад после победы единоверцев в Поднебесной, нам удалось вывезти оттуда сотню жрецов, знавших секрет изготовления огненного порошка. В Дюарле мы организовали гильдию алхимиков, которые перенимают их ремесло и создают на основе порошка оружие, которое по силе разрушения сравняется с истинным пирокинетическим даром. Владеть им будет куда проще, чем мечом

или луком. Еще пару лет, и мы сможем противопоставить тварям в голубых плащах нечто более веское, чем туманные пророчества слепых старух. Мы вернем Авалор!

Ноэль никогда не жил в осажденной стране. Не приближался к Защитникам на расстояние вытянутой руки. Не нюхал войны, а только играл в солдатики. Штабная крыса.

Николя перестал верить в победу, когда впервые увидел костер, на котором сжигали колдунов на главной площади Ловонида. На таком же костре погибла вся его семья. Нищие провинции Норикии стонали под гнетом непосильных налогов, необходимых для усиления армии и безостановочного ведения войны. Иногда даже хотелось, чтобы остатки Стражей сдались и перестали раздирать многострадальную Мидгардскую землю на части. Время славного рыцарского ордена минуло, пора бы уже смириться и приспособиться к жизни среди единоверцев.

Впрочем, стоило вспомнить нечеловеческие глаза Магистров, как приходило понимание, что жить потомкам Стражей не позволят. Предвестники мрака, Ловцы желаний, самые худшие из демонов — вот кого на самом деле выбрали себе в Защитники единоверцы. Если бы возможно было вызвать Архимагистра на поединок, то Николя сражался бы с ним до последней капли крови. Но использовать Герду в качестве приманки? Нет, нет, никогда! Тогда он сам будет ничем не лучше. Да и шансы на победу настолько ничтожны, что не стоит и думать. Пускай она живет. У нее на это прав больше.

— Ты мечтатель, — вздохнул Николя. — В Поднебесной я уже видел твоё чудо-оружие: длинные железные трубки, которые плюются кусками свинца, и пузатые медные цилиндры, которые с жутким грохотом изрыгают огромные железные ядра. Голубые Капюшоны с помощью них взяли Эскендерию и всю используют для войны в Эламе. Против них даже наш дар как муха против лошади. Нам бы самим отбиться, а о возвращении Авалора и говорить не стоит.

— А ты прагматик до мозга костей, — ничуть не смутившись, усмехнулся Ноэль. — Дар Защитников точно также бессилён против этого оружия, как и наш. Просто у нас больше возможностей. Но я хотел поговорить не об этом. Пока нет распоряжений от вельв, все ресурсы компании идут на военные нужды. Но если появится третья Норна, источник снова заговорит. И главнокомандующий очертя голову кинется исполнять его волю. А мне совершенно не хочется тратить людей и золото на бессмысленные авантюры. Через пару лет главнокомандующий должен будет отойти от дел. Он и так уже слишком стар, чтобы тянуть на себе такую ношу. Власть в компании перейдет ко мне, и чтобы отгородиться от влияния белоглазых ведьм, мне понадобятся поддержка влиятельных людей. Таких, чьё мнение бы что-то значило в глазах людей. Народных героев, как ты.

— По-моему, ты меня с кем-то спутал: рыжим, патлатым и дурным, — Николя прищурился и взмахнул рукой. Входная дверь с грохотом распахнулась и врезалась в притаившегося за ней соглядатая.

— Ай! — послышался недовольный возглас.

Николя зло оскалился. Ноэль закатил глаза, всем видом показывая, как его достала их вражда. На пороге комнаты робко мялся Финист, прижимавший к разбитому носу порозовевший от крови платок.

— Я хотел узнать, что будет с Гердой. Она моя ученица, и я за неё отвечаю, — выпалил он на одном дыхании.

Николя в голос фыркнул:

— Жаль только, что ты так поздно об этом вспомнил.

Финист презрительно скривился и прошипел сквозь зубы:

— Она заперлась в своей каморке и плачет. Она даже в самые тяжелые времена не плакала. Это ты ее мучаешь. Пользуешься ее наивностью — то поманишь, то оттолкнешь. Она не одна из дюарлийских придворных дам, не понимает, что для тебя это лишь игра. Лекарство от скуки. Такие как ты ни на какие чувства не способны!

— О, какие страсти! — прервал патетичную речь Ноэль и перевел заинтересованный взгляд на Николая. Он сверкал на оборотня глазами и продолжал скалиться. Нестерпимо хотелось снова его поколотить! — Давайте так: вы сейчас сядете и все друг другу выскажете без утайки. Посмотрим, можно ли здесь достигнуть понимания мирным путем. А если нет, то у меня еще остается вариант с уютным карцером на двоих.

Первым сдался Финист.

— Я полюбил ее с первого взгляда еще там, в Дрисвятах. Я готов был пойти ради нее на все: взять с собой в это невероятно трудное путешествие, выучиться демоновой грамоте, спасти всех обездоленных, мимо которых она никогда не могла пройти, бросить службу, даже остепениться и завести семью. Только ей и дела до этого не было. В ее сердце всегда был только ты. Как же я ненавидел безымянного, безликого Охотника, о котором она восхищенно рассказывала во время ночевки у костра. И мечтал, что однажды она встретит его и поймет, что детские мечты были обманом. Но произошло обратное. Это я понял, что никогда не смогу сравниться с тобой ни в силе, ни в уме, ни уж тем более в благородстве. Ты богат, тебя все любят и уважают, а мне приходится на коленях корячиться, чтобы просто выжить. Если бы ты только знал, как я тебе завидую!

Николя вскинул брови и горько рассмеялся:

— Чему тут завидовать, идиот?! Пока ты напиваешься с приятелями в кабаках и барахтаешься в простынях с очередной девкой, я рискую собой, пытаюсь спасти всех и каждого. Стоит на мгновение расслабиться и показать слабинку, как народная любовь оборачивается гневом и в меня летят камни. А ведь я всего лишь человек, я тоже могу ошибиться. Иногда мне хочется сбежать ото всех на край света.

— Даже от Герды? — вырвалось у Финиста.

Ноэль подался вперед от любопытства.

— От нее в первую очередь. Каждый раз, глядя на нее, я вижу все то, что есть у обычных людей и чего так хочется мне, но права на это у меня никогда не будет.

Финист с шумом выдохнул. Ноэль, напротив, громко рассмеялся:

— Права, обязанности... Странно слышать такие рассуждения от того, кто всегда сам устанавливает правила. Ты ведь даже приказы компании с поправкой на собственные нужды исполняешь. Так что мешает тебе сделать все так, как ты хочешь, теперь?

Николя поджал губы и задумчиво хмыкнул:

— Совесть.

— Да брось ты, — отмахнулся Ноэль. — Надеюсь, теперь вы друг друга поняли? — Он красноречиво глянул на Николая, а потом на Финиста: — Пожмите друг другу руки и забудьте уже о вражде. Это приказ!

Оборотень скрипнул зубами, но руку все же протянул. Николай долго ее изучал, ища скрытую угрозу, но под пристальным взглядом Ноэля сдался и пожал подставленную ладонь.

— Вот и хорошо. Надеюсь, на этом конфликт исчерпан, — радостно заключил офицер.

— Нет! — встрепенулся Финист. — Вы не сказали, что будет с Гердой. Вы же видели, она самый добрый и светлый человек во всем Мидгарде. Ручаюсь, она не причинит никому

вреда. Если надо, я буду за ней приглядывать и охранять, пусть даже это не принесет больших чинов в компании.

Ноэль грустно рассмеялся. Николая послал оборотню уничижительный взгляд. Финист продолжал смотреть на них. Кажется, до него только-только начало доходить, что своим доносом он навредил больше всего Герде. Сдал ее, предал, хотя сам клялся, что любит и будет защищать. Птичьи глаза горели сухими слезами. На лице наливались синяки. Тонкие губы подрагивали. Дыхание выходило с натужными хрипами. Ладони бессильно сжимались и разжимались в кулаки, словно он готовился к очередной схватке.

— Сомневаюсь, что из этого выйдет что-то путное, — не моргнув, вынес приговор Ноэль. — Знаешь, отчего всеильные Стражи проиграли горстке религиозных фанатиков?

— Потому что орден был недостаточно сплочен и потерял поддержку народа? — сказал первое, что пришло в голову, Финист.

Николя фыркнул. Вот, даже болван понимает. Только Ноэля такой ответ вряд ли устроит. Он полностью развернулся к Николаю и заглянул в глаза, словно отвечал ему, а не Финисту:

— Нет. Стражей предали их братья по оружию. Телепаты. Рядовые и генералы, выходцы из старинных родов и народные любимцы — все до одного перешли на сторону единоверцев, когда запахло жареным. Они образовали свой собственный орден. Знаешь, как их теперь называют?

Естественно, оборотень знал. Не мог не знать, кто казнил его знаменитого папашку. Финист процедил сквозь зубы:

— Защитники Паствы.

— Они самые, — удовлетворенно кивнул Ноэль. — Они воткнули нам нож в спину, когда ничего не предвещало раскола. Зная это, как ты можешь с такой уверенностью утверждать, что девушка не переметнется к врагу в самый ответственный момент, как все телепаты до нее? Мы не можем позволить себе преподнести Голубым Капюшонам такой подарок.

Финист упрямо промычал:

— Я буду следить очень внимательно.

— Ты даже не заметил, как она читала тебя все это время, — осадил его Николая. — Как только ее дар раскроется в полную силу, ты и глазом моргнуть не успеешь, как она начнет тобой вертеть по своему желанию.

Финист продолжал упорствовать:

— Если все объяснить, она поймет, даст клятву Стражей и не станет этого делать.

Ноэль скептически хмыкнул.

Николя прикидывал в уме сцену объяснения с Гердой уже раз, наверное, сто. Дорогая, мы забыли тебе сказать, в компании ненавидят телепатов. А пуще всех твоего деда, который руководит всей этой шайкой единоверческих демонов. Кстати, он убил всю мою семью. И семью этого идиота-оборотня тоже. А из тебя теперь либо сделают заложника, либо запрут в подземном склепе навсегда. Да, Николая пытался ей это сказать, мягче, без злой иронии, что глодала сердце изнутри. Только каждый раз слова умирали прямо на губах.

Видно, лицо от этих мыслей сделалось совсем гадким. Финист гневно закричал:

— Неужели ты позволишь ее убить? Зачем тогда был нужно все это поганое обучение?! Не проще ли было покончить со всем сразу?

Николя дернулся, как от пощечины, и зло прищурился:

— Как же ты любишь переключать ответственность за собственные промахи на других. Если бы не ты, никто бы ни о чем не узнал. И у меня было бы время что-нибудь придумать. А теперь...

Он махнул рукой и принялся мерить шагами комнату.

— А я рад, что меня посвятили в ваши интриги, — ухмыльнулся Ноэль, внимательно наблюдая обоими. — Думаю, втроем мы быстрее найдем выход, чем каждый из вас по отдельности. Тем более ты сейчас не в состоянии даже самые простые задачи решать.

Николя остановился и одарил его тяжелым взглядом, не разделяя шутливый настрой.

— Давайте растопим лед, — Ноэль достал из-за пазухи два письма. — Для начала акт доброй воли.

Первое письмо он вручил Николя, второе — Финисту, а потом подпалил стоявшую на столе свечу.

— Сожгите их, и я сделаю вид, что никогда их не видел.

Финист с готовностью поднес свое письмо к огню. Бумагу объяло яркое пламя и обратило в пепел. Николя наоборот очень долго смотрел на Ноэля. Не врет ли? Со старым другом никогда не скажешь. Скрывается за улыбкой не хуже, чем Николя за отчужденностью. Он все же сдался и подпалил край бумаги. Хуже явно не станет.

Комната наполнилась запахом гари. Николя поспешил открыть окно.

— Замечательно, — удовлетворенно кивнул Ноэль, когда ветер унес с собой последнее напоминание о злосчастном доносе. — А теперь нужно покончить с недоверием. Думаю, тут подойдет один старинный способ.

Он вынул из кармана нож с коротким, но очень острым лезвием и полоснул им собственную ладонь. Ноэль несколько раз сжал и разжал пальцы, чтобы из раны обильно засочилась кровь.

— Клянусь, что буду верен людям, присутствующим в этой комнате: ни словом, ни делом не предаю их, не подниму оружия, не солгу и не оставлю в трудную минуту.

Ноэль протянул нож Финисту. Тот недоуменно глянул на него.

— Клятва верности. Сейчас мы все должны ее принести, чтобы доверять друг другу. Докажи, что тот донос был ошибкой, которую ты больше не повторишь.

Решительно надрезав свою ладонь, Финист возложил ее на руку Ноэля и слово в слово повторил клятву. Николя повернулся к ним спиной, задумчиво глядя в окно на бледно-лиловое ночное небо. Сейчас очень не хватало беспроглядной зимней мглы и стужи. Она нравилась Николя гораздо больше, чем жидкие летние сумерки, никогда не оборачивающиеся безмятежной тьмой.

— Твоя очередь, — позвал Ноэль.

Николя не поворачивался. Чего-то ждал. Чуда? Знака? Он и сам не знал. Просто чувствовал, что вместе с этой клятвой придется признать нечто такое, чего ему признавать очень не хотелось, к чему он не был еще готов. Из-за облаков выглянула белесая луна. Едва отличимой тенью на ней мелькнул силуэт огромной птицы. Одарила укоризненным взглядом, махнула крыльями и исчезла. Стало не по себе. Николя передернул плечами, отгоняя странное видение.

— Не хочешь сделать это для нас — сделай для нее, — веско сказал Ноэль. — Или крови боишься?

Шутка была неуместной. Николя с тяжелым сердцем обернулся, забрал у примолкшего оборотня нож и, надрезав ладонь, прижал ее по очереди к рукам остальных.

Они втроем возложили руки пирамидой: Ноэль, Финист, Николая.

— Клянусь, что буду верен людям, присутствующим в этой комнате: ни словом, ни делом не предаю их, не подниму на них оружия, не солгу и не оставлю в трудную минуту.

Слова ранили душу гораздо сильнее, чем лезвие кожу. Возникло чувство, что он приговаривает их к участи страшнее смерти. Изнутри скрутило так болезненно, что Николая не выдержал и добавил к предложенной Ноэлем клятве собственное условие:

— Если от этого не будут зависеть их жизни.

Финист удивленно уставился на него. Ноэль равнодушно хмыкнул:

— Пусть будет так.

Он первый убрал руку. Остальные тут же последовали его примеру.

— Теперь мы братья по крови. Беда для одного — беда для всех. Враг для одного — враг для всех.

— Надеюсь, девушек на всех мы делить не будем? — попытался отшутиться Финист.

Николя нахмурился. Еще один шутник нашелся.

— А я надеюсь, что сегодняшняя потасовка больше не повторится, — ответил Ноэль.

— Я согласен забыть все, если это поможет Герде. Но из ваших слов получается, что выхода нет. Я не смогу приглядывать за ней, потому что она может управлять мной, — напомнил о главной проблеме Финист.

Николя вернулся к окну, надеясь вновь увидеть белую птицу, но луна уже скрылась за облаками.

— Самое главное, я хочу, чтобы вы поняли: выход найдется всегда, если мы будем искать его вместе, — назидательным тоном продолжил Ноэль. — Есть один человек, кем управлять и даже читать она никогда не сможет.

Николя ссутулил плечи. Вечно пафосный тон друга раздражал, как никогда раньше.

— И где же он? Я привезу его хоть с края Мидгарда! — простодушно обрадовался Финист.

Николя закрыл лицо ладонью. Ну как этот болван может не чувствовать, что его водят за нос?!

— Зачем так далеко? — хитро прищурился Ноэль. — Он гораздо ближе, чем ты думаешь.

— Он в компании? В Дюарле? — глаза Финиста лихорадочно блестели. — Я сделаю что угодно, если он согласится помочь Герде. Когда мы едем?

— Что угодно, говоришь? — улыбка Ноэля стала шире. — Ехать никуда не надо. Он здесь.

— В Упсале? — глаза Финиста округлились. — Почему я никогда о нем не слышал? Это какой-то демон?

— Может, хватит? — Николая больше не мог выносить этот абсурд. — Разве ты не видишь, что он не понимает намеков? Он же туп, как бочка.

Финист с потерянным видом уставился на Охотника.

— Он говорит обо мне, болван. У истинных телекинетиков врожденный блок против воздействий на разум. Именно поэтому во время войны их уничтожали первыми. Герда не может читать мои мысли. Чтобы хоть как-то с ней взаимодействовать, мне приходилось ослаблять себя до предела. Из-за этого я не мог сражаться в полную силу и подставлял весь город под удар. Появись здесь демоны чуть сильнее, чем Ходоки с троллями, катастрофа была бы неизбежна. Но даже так я не смог заставить Герду раскрыться. Должно быть, она

всю жизнь неосознанно читала окружающих. Не мысли, скорее чувства, едва уловимые эмоции. Они подсказывали ей, кому можно доверять, а с кем стоит вести себя осмотрительно. Со мной так не получалось. Наши занятия сводились к разговору глухого с немым. Поэтому я поменялся с тобой. Думал, у вас все пойдет легче, но тебе куда важнее было подставить меня и выслужиться перед компанией. Что ж, тебе это удалось. Меня посадили на цепь. И не тешь себя, что твои жертвенные речи помогли Герде. Ты просто затянул мой ошейник так, чтобы я наверняка не смог сделать и вдоха.

— Николая! — оборвал его Ноэль, впервые за время разговора встал из-за стола и подошел к двери.

— Я не хотел этого! Если бы ты сказал все прямо, — принялся оправдываться Финист, но под испепеляющим взглядом Охотника осекся.

— Надеюсь, насчет девушки мы все вопросы решили, — пристально глядя на Николая, сказал Ноэль, потом перевел взгляд на оборотня и приоткрыл дверь в коридор. — Больше ей ничего не угрожает. Можешь идти. Нам с Николаем нужно перекинуться еще парой слов.

Финист понурился и нерешительно вышел из комнаты. Ноэль захлопнул за ним дверь.

— Почему ты злишься? — он непонимающе развел руками. — Я же сделал, как ты хотел. О Герде никто не узнает. Она останется с тобой. И оборотень больше не будет дышать в спину.

— Пока это будет выгодно тебе, — хмуро ответил Николай, разглядывая рану на руке. Лезвие глубоко порезало кожу. Шрам останется заметный. Ноэль прекрасно все рассчитал.

— Но я тоже произнес клятву, — с упреком напомнил он, точно также разглядывая собственную ладонь. — Помнишь, как я привел тебя в компанию?

— Имеешь в виду, когда ты притащил меня к своему деду полумертвого от усталости? Если бы мне до этого не пришлось бежать из Эскендерии и спасти ваших желторотиков от Дикой Охоты, ты бы со мной так легко не справился.

— Я догадался, — грустно улыбнулся Ноэль. — Но все же рад, что нам так и не выпало скрестить оружие в настоящем бою. Скажи, неужели тебе в компании было так плохо?

Николай фыркнул. Ноэль был последним человеком, с которым ему хотелось драться. Почти как погибший на Авалоре старший брат. Хотя нет, с братом он никогда близок не был. А вот Ноэль легким нравом, мудрой хитринкой и простецкими повадками внушал симпатию и уважение.

— Я не умею работать в команде, жить общими интересами. Одному мне всегда было проще. А то, что меня заставлял делать твой дед... Я не ты, я не умею прогибаться, могу лишь сломаться, если надавить слишком сильно. В Дюарле почти так и случилось. Я не жил, я искал смерти: в пьяных драках в кабаках, объезжая самых норовистых лошадей на ристалище, в будуарах замужних дам. Везде, где только мог. Я даже себе стал омерзителен.

— Да уж. Сколько ты моей крови тогда выпил! Это я тебя от всех неприятностей отмазывал да еще по шее от главнокомандующего получал. И жалко смотреть было, как ты сам себя пожираешь. Поэтому и выторговал для тебя это назначение. Знаешь, во что мне это обошлось? Я ведь тоже не прогнулся.

Николай сдавленно вздохнул. К лицу прилила краска. Стало стыдно. Какая же он эгоистичная зараза! И не переделаешь себя, как ни пытайся. Как в детстве ни о ком кроме себя не думал, так и сейчас. Нет, не тянет он на героя. Даже с жалкими грызунами и то справиться не смог. Единственный подлинный герой, способный на самопожертвование ради высоких идеалов, здесь Ноэль. Жаль только, в компании этого не понимают.

— Я сожалею...

— Не стоит. Пустое, — по обыкновению добродушно улыбнулся офицер. — Я надеялся, вдали от компании ты обретишь мир с собой, но ты продолжаешь лезть на рожон и искать смерть. Хотя, признаюсь, сегодня на миг мне показалось, что я увидел тебя настоящего.

Николя удивленно выгнул бровь.

— Когда ты танцевал с Гердой, — подмигнул Ноэль. — Если она именно то, что удерживает тебя от безумия... Будь с ней до конца. Даже дам совет: женись на ней как можно быстрее, по всем правилам. Тогда ни компания, ни Голубые Капюшоны, ни даже сами боги не смогут вас разлучить. Только какой это будет такой мезальянс!

Ноэль с вызовом глянул на Охотника. Совет был вполне очевидным. Николя деланно равнодушно пожал плечами:

— О каком мезальянсе речь? Я происхожу из древнейшего рода Стражей. И она. Я обладаю уникальным даром. И она. Моего деда проклинали. И ее. Да и вряд ли капитуляция Авалора считается меньшим предательством, чем убийство одной из Норн.

— Николя! — запротестовал Ноэль. — Когда я получу власть, все изменится. Я смогу переломить костные предрассудки и заставить всех забыть прошлое. Тогда у нас, у людей с даром, появится шанс на будущее.

— Уверен, из тебя выйдет замечательный главнокомандующий, — Николя примирительно улыбнулся и крепко обнял старого друга напоследок. — Ступай. Уже поздно. Я все понял. Когда придет время, я сделаю, что скажешь.

Ноэль кивнул и направился к выходу, но стоило ему приоткрыть дверь, как из-за нее вновь вывалился Финист. Ноэль хохотнул в голос. Николя измученно поднял глаза к потолку. Этот идиот не исправим.

— Я хотел объясниться, — замялся оборотень и, набрав полную грудь воздуха как перед прыжком в прорубь, выпалили: — Извини меня!

— Засунь свои извинения себе в задницу! — рыкнул Николя.

Теперь глаза к потолку поднял Ноэль, схватил оторопевшего Финиста за локоть и вытолкал в коридор.

\*\*\*

— Но я же просто хотел попросить прощения! — принялся возмущаться оборотень, как только отошел от шока.

— Оставь Николя в покое, — приказным тоном осадил его Ноэль. — Его сложно вывести из себя, но еще сложнее утихомирить. Думаю, через пару дней он остынет и сам пойдет на мировую.

Финист повел плечами и понурил голову.

— Зря ты нас разнял. Может, если бы я навалял ему хорошенько, то выбил бы из тупой башки всю дурь.

— Ох! — присвистнул Ноэль. — Восхищаюсь твоей отвагой. Сам-то я всего раз видел, как Николя в полную силу дерется. Мы тогда как раз заговор в одной из южных провинций Норикии раскрыли. А руководил им, как выяснилось, демон. Вот с ним Николя и сцепился. Они в два стальных вихря превратились. Мы даже близко подойти боялись — задеть могло так, что с руками-ногами распрощаться пришлось бы, а то и с головой. Долго они бились. Целую вечность. Аж сил смотреть ни у кого не осталось. Демон себя собственным коварством не погубил. А Николя очухался через пару дней без единой царапины. Как будто и не сражался вовсе. Не хотел бы я с ним так биться. И тебе не совету. Если бы я его не



остановил, он бы разорвал тебя на части. Не как человек он сражается, и даже не как Страж.

Финист сглотнул подступивший к горлу ком и вжал голову в плечи. Хотелось возразить, что не такой уж он и слабак. Да и видел сам, как Охотник с демонами дерется. Даже сражался с ним плечом к плечу. На равных. И потом еще раненого домой тащил. Тогда Николя казался обычным человеком с чересчур болезненной гордостью. Неужели он действительно ослаблял себя до предела для занятий с Гердой?

Финист проводил Ноэля в коридор и подал плащ. Неучтиво бросать гостя посреди чужого дома. Хотелось что-то сказать, но ничего путного в голову не шло.

Когда Ноэль уже открыл входную дверь, впуская в дом прохладный ночной воздух, Финист нерешительно протянул ему руку. Все-таки они обменялись кровью. Значит, признали друг друга равными. Братьями. Хотя какой из деревенщины брат для будущего главнокомандующего компании? Ноэль задумчиво покосился на его грубую мозолистую ладонь и обнял, почти как Охотника. Так крепко хлопнул по спине, что едва дух не выбил.

— Береги себя, — сказал на прощание. — После экзаменов сразу в Дюарль поезжай. Найдется для тебя работенка более подходящая, чем с желторотиками нянчиться. А про девушку забудь. Не потому, что я за Николя и не из-за ее дара. Не любит она тебя, не как мужчину. Если хочешь дружить с ней остаться, дай самой во всем разобраться. Бывай.

Финист кивнул. Слова застряли в горле. Он вышел на порог и смотрел, как удаляется широкоплечая фигура. Со скрипом затворилась калитка. Грянул гром. Землю ощутимо трянуло. Ноэль исчез в яркой вспышке. Телепортатор! Невероятно. Финист поспешил обратно в дом. Все же компания — не до конца пропащее место, раз в ней есть такие люди, как Ноэль... И Николя.

\*\*\*

«Мда, — хмыкнул в голове язвительный голос Безликого, как только Николя остался один. — Это был самый бездарный танец в истории Мидгарда. Но ты хотя бы попытался. Будем считать, что первое испытание пройдено».

Николя твердо решил его игнорировать. Может, отцепится? Он устроился за освободившимся столом и достал из ящика альбом в кожаном переплете. Что угодно, лишь бы унять клещами вцепившуюся в разум тревогу. Эскиз ложился на бумагу корявыми штрихами. Николя плюнул и принялся листать альбом. Портреты Герды попадались через каждые два-три листа. «Действительно, одержимый», — хмыкнул про себя Охотник, засовывая альбом обратно в ящик. Вместо него разложил на столе самую же сделанную карту Мидгарда. Взгляд пробежал от большого острова на западе, к выглядывающим из левого нижнего угла берегам Муспельсхейма, метнулся к крохотной точке с подписью Упсала на севере, заскользил на восток через Кундию к Дрисвятам на самой границе Веломовии и дальше к жирной кляксе, обозначавшей Священную долину Агартти. Николя ткнул в нее пальцем и задумчиво постучал по столу. Путь неблизкий. Но Герда ведь всегда хотела попутешествовать, верно? Один раз он уже ехал этой дорогой. Второй будет легче. А там ни компания, ни Голубые Капюшоны, ни даже демоны не достанут.

Николя измученно закрыл глаза и принялся раскачиваться на стуле, напевая колыбельную на непонятном даже самому языке. Странно. Он не помнил ни одной колыбельной, которые ему пела мать на Авалоре. Да и не любил их никогда. А эта, услышанная однажды от тысячелетней старухи Умай, запала в душу навсегда. И жгла неизбывной тоской, словно молила вернуться. Живым. Обещала, что укроет и сохранит, пока будут силы, пока последняя капля крови не покинет ее жилы.

«Что, задумал у матушки под крылом отсидеться, трус несчастный?! — прогремел, оглушая, голос разгневанного Безликого. — Не выйдет. Тьма повсюду достанет, нигде спасения не найдешь. А за малодушие ни пощады, ни передышки не получишь. Второе испытание пошло!»

«Нет! Нет! Не надо!» — Николая подскочил, как ошпаренный. Ноги сами понесли в конец коридора к двери в каморку.

— Герда, открой! — позвал он, молотя руками по дереву. Никто не отвечал. — Открой! Я понимаю, что вел себя как последняя скотина и очень тебя обидел, но я все исправлю. Обещаю. Только открой!

Снова молчание. И сквозь него едва слышный всхлип.

— Герда! Открой демонову дверь, иначе я ее выбью!

Николя сдвинул щеколду телекинезом. Дверь распахнулась сама. Неровный сумеречный свет из незанавешенного окна падал на кровать. Герда металась по скомканным простыням в мокрой от пота рубахе и тихо стонала. В два прыжка Николая оказался рядом и принялся колотить девушку по щекам.

\*\*\*

— Что происходит? — влетел в комнату привлеченный криками Финист.

Николя пытался привести Герду в чувства и не обращал на него внимания.

— Я позову Эглаборга, — Финист бросился обратно в коридор и привел заспанного целителя.

— Она промокла во время грозы. Замерзла. Простудилась. Еще расстроилась, что мы с Николая подрались... — сбивчиво объяснял оборотень.

— Подрались?! — Эглаборг ошалело распахнул глаза, переводя взгляд с одного помятого лица на другое, но потом все же вернулся к Герде.

Почему ей всегда достается сильнее всех, хотя она ни в чем не виновата?

— Давно она так? — спросил целитель, тронув Николая за плечо.

Он не ответил, даже не повернулся, словно оглох. Застыл, сжимая восковую руку девушки и вглядываясь в болезненные черты. Эглаборг печально вздохнул, не особо удивившись. Видно, ему уже доводилось наблюдать у Николая подобное состояние. Целитель принялся за работу.

Последующие три дня промелькнули в беспрестанных хлопотах. Эглаборг без конца готовил в своей «лаборатории» — так он называл свою спальню — снадобья и притирки, проверял состояние больной и отдавал распоряжения остальным. Майли с Вожыком по очереди то обкладывали Герду грелками и растирали, чтобы согреть, когда был озноб, то наоборот пытались сбить жар с помощью зелий.

Финист таскал воду и рыскал по округе в поисках трав, которые просил целитель. И только Николая неподвижной статуей сидел на коленях у постели Герды. Финист был уверен, что Охотник за это время даже глаз ни разу не сомкнул. Он молча держал Герду за руку и расходовал собственный дар непонятно на что. Хотелось наорать и огреть по голове чем-нибудь тяжелым, чтобы не вел себя как слабак. Того и гляди, расплачется и запричитает, как баба. Нет, тогда Финист точно не сдержится. Хотя драться в комнате Герды было бы верхом глупости. Она так и не просыпалась. Билась в бреду, шевелила губами в немом крике, затихала, а потом снова начинала беспокойно ворочаться. Жар переходил в озноб, озноб в жар. И до бесконечности.

К исходу третьего дня все выдохлись, а лучше Герде не стало. Эглаборг отправил

Вожыка и Майли отсыпаться, а сам в последний раз проверил состояние девушки. Финист стоял у него за спиной, нетерпеливо дожидаясь новых указаний. Целитель потерянно провел по своему вспотевшему лицу руками и деликатно коснулся плеча Охотника:

— Я уже все перепробовал. Ничего не помогает.словно это злой дух немочь наслал и тянет из нее жизненные соки. Только не чувствуется в ней, да и во всем доме, ничего чужеродного.

Николя не отзывался.словно ему и дела нет до назойливой мухи, жужжащей над ухом. Но Эглаборг не сдался:

— Она очень слаба. Лихорадка уже почти выжгла ее изнутри. Боюсь, к утру все будет кончено.

— Но ведь можно еще что-то сделать! — переполошился Финист. Он не мог позволить ей вот так уйти. Он ведь даже прощения не успел попросить. Сказать, что он все, наконец, понял, что... Нет! Финист развернул Эглаборга к себе и схватил за ворот рубахи: — Какой-нибудь диковинный цветок, птицу или рыбу. Что угодно! Я все достану — только скажи. Пока она жива, еще можно что-то сделать!

— Вы меня не слышали? — вырываясь от него, заговорил целитель. — Я не знаю, что с ней. Это не болезнь. Была бы болезнь, одно из моих средств подействовало. Она угасает. И так продержалась удивительно долго. Но продлить агонию дольше мы не сможем. Герда не доживет до утра.

Финист открыл рот, чтобы ответить, но тут сбоку донеслось едва слышное:

— Вон.

Финист удивленно обернулся.

— Вон, — голос Николая скрипел, словно ржавые дверные петли.

— Ма... — попытался возразить целитель, но Охотник поднялся и возвысился над ним чуть ли не на голову.

— Пошли вон, я сказал! — заорал он так, что весь дом дрогнул до основания.

Финиста тоже ощутимо трянуло. Аура Николая начала расти, темнеть и сгущаться, превращаясь в близнеца той страшной силы, что он ощутил в пещере Истины.

Глаза Николая налились чернотой. Финист припомнил предупреждение Ноэля. Точно разорвет. И глазом моргнуть не успеешь. Оборотень схватил оторопевшего целителя за руку и выволок из каморки. Дверь с грохотом захлопнулась. Что Николая собрался делать там один? Видно, последнего разума лишился. Ничего, к утру охолонет. К утру они все успокоятся. Жаль, что для Герды будет уже слишком поздно.

\*\*\*

Защелкнув щеколду на двери, Николая принялся остервенело стаскивать с себя штаны и рубаху. Оставленная одна, Герда заворочалась на кровати и тихо всхлипнула.

— Погоди. Я сейчас, — отозвался он, избавляясь от остатков одежды и вернулся к ней. Сел рядом на кровати и стащил с девушки через голову мешковатую ночную сорочку. Взял худенькое, легкое, как пушинка, тело на руки и прижал к себе. Снова начинался озноб. От бледной, покрытой пупырышками кожи веяло могильным холодом. Как же Николая ненавидел этот демонов холод! Он с трудом устроился на слишком тесной даже для него одного кровати, уложил Герду сверху и натянул пуховое одеяло почти до самого носа. Нужно ее согреть. У него тепла всегда было немного. Умудрялся мерзнуть даже в летний зной. Живой мертвец.

Николя обнял Герду за плечи. Она доверчиво вытянулась у него на груди и затихла. —

Вот так хорошо. А теперь бери. Бери все, что есть! Он медленно вливал в нее собственные силы, каждой порой кожи, которой они соприкасались. Боялся упустить хоть частичку. Быть может, именно она перетянет Герду на этот берег.

То, что так удивило Эглаборга, то, что удерживало Герду на краю был дар Николая. Она впитывала его силу словно губка. Немочь отступала, но через некоторое время принималась терзать ее тело с новой силой. Когда Эглаборг расписался в бессилии, в голову пришла сумасшедшая идея — выплеснуть в нее весь свой внутренний резерв без остатка. Не спасет — так хоть уйдет следом.

Губы Герды разомкнулись. Снова бред? Николай напряг слух, пытаясь разобрать, что она шептала эти три дня.

— Николас, — Может, показалось. И вот снова: — Николас.

— Я здесь, — глухо отозвался он и поцеловал ее в макушку. — Я буду с тобой до конца. Теперь уж точно.

Он закрыл глаза, сосредотачиваясь, чтобы увеличить идущий через руки поток, раз уж ее тело принимало его так легко. Интересно, сколько Николай протянет? Не стоит тратить силы на разговоры вслух, ведь сказать требовалось так много. Вместо этого заговорил про себя:

«Знаю, сейчас уже глупо просить прощения или искать оправдания. Я и не буду, потому что оправдываться мне нечем, а прощения я не заслужил. Во всем, что происходит, моя вина, и только моя. Ведь знал же, что не стоит злить строптивного бога. Нельзя победить врага, которого ни коснуться, ни увидеть не можешь. Я надеялся, что тебя из всех людей он пощадит. Ведь... Я сглупил. Думал о нем, как о человеке или демоне, на худой конец, а он ни то и ни другое. Он хуже — нечто страшное, непостижимое. Я противился его власти, как противился бы любому, кто посмел мне что-то навязывать. Я не понимал, что он не Эйтайни и не Ноэль. Думал, раз он существует бесплотным голосом в моей голове, то от него можно отмахнуться, закрыться, игнорировать, как раньше я игнорировал все, что мешало или не нравилось. Посмотри, куда нас это завело. Теперь я могу лишь молить его о пощаде, но он глух к моим просьбам, как я раньше был глух к его. Ты слышишь, Безликий?! Я все понял. Я буду твоей послушной марионеткой, исполню любой твой приказ. Только останови это! Не убивай ее. Она безвинна».

Николай приглушил собственные мысли, рыская по закоулкам сознания в поисках следа Безликого. Но тот появлялся, повинуюсь лишь своим желаниям. Николай так и не смог постичь существовавшую между ними связь. Впрочем, если Безликий не отзовется, то к утру она уже не будет ничего значить.

Бог молчал. Видимо, твердолобое упрямство — их общее качество. Ненавижу!

Николай закрыл глаза и отпустил мысли в свободный полет. Перед внутренним взором возникали картины из прошлого. Вот маленькая с толстыми косами цвета спелого льна протягивает ему букет синих полевых цветов и умоляет не забывать ее. Вот он мчится по заснеженному полю, следуя непонятному зову, и находит ее посреди тропы ненниров. Она называет его по имени, протягивает руки, а у него все внутри замирает от неверия и ужаса. Вот она обнажает перед ним спину, и он едва не разрывает ей сердце, поддавшись глупым страхам. Вот он кричит на нее, угрожает, чувствуя, что не справляется с ролью учителя, а она, перепуганная, бежит и проваливается в склеп Ходоков. Вот она танцует с Финистом на празднике, сияя от счастья, а Николай хочется все крушить и ломать от ревности. Вот она протягивает к нему руки в поисках поддержки после битвы с Ходоком, а Николай

отворачивается, не в силах больше бороться против нее и против себя одновременно. Вот она просит его потанцевать с ней на Остаре, а он отказывается, оправдываясь тем, что слишком занят интригами Эйтайни. Вот она дерется с ним на лесной поляне, а ему хочется повалить ее на землю, впиться в губы, разорвать рубашку на груди, стянуть несурзные штаны, которые она почему-то любит больше юбок, и удовлетворить демоново желание, что столько месяцев жгло пятки. Вот она умоляет его потанцевать с ней на Бельтайне, а он несет невнятную чушь, не в состоянии уже придумывать новые причины для отказа. Вот она кричит что-то, пытаясь остановить их драку с Финистом, но стук кровавой ярости в ушах лишает слуха. Глупец! Мерзавец! Полоумный! Ненавижу!

Вибрации во всем теле усиливались, высвобождая остатки энергии из потаенных мест. Николя и не думал, что у него такой большой резерв. Ну когда же?!

Он снова обратился к Герде, пока еще оставалось время:

«Знаешь, я не хотел, чтобы ты вернулась в мою жизнь. Не хотел, чтобы тьма, уничтожавшая все, что мне дорого, коснулась и тебя. Я надеялся, что в твоём мире не будет ни компании, ни Голубых Капюшонов, ни проклятого родового дара. Ты должна была рано выскочить замуж за бедного, но надежного бюргера, нарожать детишек и прожить тихую спокойную жизнь. Не со мной. Жаль, что не вышло. Наверное, нельзя вырвать человека из своей судьбы, постоянно думая о нем. А я не мог себе запретить. Думать. Вспоминать. Представлять себя на месте того бюргера. Какова была бы жизнь, не будь у меня этого ремесла? Может, тогда удалось бы урвать хоть краешек собственной мечты, хоть на миг насладиться тихим, безмятежным счастьем. Какая несусветная чушь, да? Нельзя стать тем, кем не являешься, как и перестать быть тем, кто ты есть.

Но я был счастлив, что ты снова рядом со мной. Что я могу слышать твой нежный голос, ласковый смех, видеть твои ясные глаза, добрую улыбку, ощущать робкие прикосновения трогательно тонких пальчиков, украдкой целовать волосы, щеки и даже губы. Я не заметил, как ты стала солнцем моей жизни, озарила мое существование, разогнала тьму по закоулкам и наполнила пустоту в душе собственным светом. И все же проиграла моей глупости и упрямству. Нежный цветок не может распуститься во время стужи. Мороз и ветер погубят его, как только он выглянет из сугроба, чтобы потянуться навстречу солнцу. Так и я погубил... и цветок, и само солнце.

Ненавижу Безликого. Ненавижу свое ремесло. Ненавижу компанию. Ненавижу Голубых Капюшонов. Ненавижу наших дедов. И все то, что нас разделяет. А больше всего ненавижу себя, потому что не смог сказать это, пока ты меня слушала. Я никогда и никого не любил так сильно, как тебя сейчас. До дрожи в коленях. До зубовного скрежета. До рвущегося из груди сердца. Не думал, что смогу чувствовать так глубоко. Как же больно!словно отмороженную руку в кипятке засунуть. Но это единственное, о чем я не сожалею теперь. Лучше умереть в яркой вспышке, чем всю жизнь прозябать во тьме. Люблю тебя, родная. Люблю до смерти. И даже после нее.

Так бери же все, что у меня есть. Тебе эта жизнь нужнее, чем мне. Ты еще сможешь найти свое место. А мое горе и боль пускай сотрутся в этой агонии. Пускай все, что я есть, растворится в тебе, станет песчинкой в твоей душе, живущей тобой, твоим дыханием, твоим счастьем. Вместе. Всегда».

По телу растекалась болезненная тяжесть, конечности сковывало параличом, голова гудела и наливалась жаром. Внутри глухо ухала пустота. Кажется, действительно конец. Даже сделать вдох сил не осталось. Не жаль. Отчаянно захотелось взглянуть в любимое

лицо, запечатлеть его на холсте памяти черточка за черточкой в самый последний раз. Но Николая не успел. Словно хлипкий деревянный мост под ногами сломался, и он с головой рухнул в непроглядный омут.

\*\*\*

В комнате царил полумрак. Солнечный свет с трудом пробивался сквозь тяжелые гардины. Дышать было тяжело от стоявшей столбом пыли. За притворенной дверью раздавались приглушенные голоса. Николая не мог разобрать слова, но был уверен, что говорят о нем. О том, что жизни в нем осталось всего на пару вдохов. Нужно попросить, чтобы на погребальном костре его сожгли рядом с Гердой, а руки их обвязали веревкой. Тогда на том берегу их, связанных, уже ничто не разлучит. Герда. Нужно заглянуть ей в лицо.

Николая с трудом заставил себя пошевелиться. Ее рядом не оказалось. Не удержал. Змейкой ускользнула сквозь пальцы. По щеке прокатилась одинокая слеза. Прочистила взор. То была не его комната. И этих голосов Николая тоже не знал. Он умирает в чужом доме. Под скорбный шепот чужих людей. Впрочем, какая разница?

Дернулась гардина. Дрогнуло стоявшее напротив окна тусклое зеркало. Николая повернул голову. Внутри шевельнулась тень. Демон? Ловец? Голубой Капюшон? Преодолевая боль, Николая поднялся и на негнущихся ногах поковылял к зеркалу. Стер пыль рукавом, пристально взгляделся в собственное отражение и обмер. Кожа на его лице плавилась будто от пылавшего в голове пламени, покрывалась струпьями, чернела и осыпалась пепельной крошкой. Из-под нее, как из-под облезшей маски, проглядывали чужеродные, нечеловеческие черты. Галлюцинация? Сумасшествие? Одержимость? Все не то. Он знает ответ. Всегда знал. Страх тошнотворным комком подступил к горлу и вырвался наружу иступленным воплем.

\*\*\*

«До чего жалкое зрелище! — насмехался Безликий, а потом, кривляясь, заговорил приторно-томно: — Ах, как я ненавижу весь этот жестокий мир! Ах, как я люблю твои тоненькие пальчики, моя ненаглядная Герда! И поэтому мы умрем с тобой в один день, а все остальное пускай летит демонам под хвост. Пакость! Ты же не безусый юнец, чтобы подобную чушь нести. Даже птичий болван бы до такого не додумался!»

Николая зашипел и широко распахнул глаза. От сочившегося из окна яркого утреннего солнца хлынули слезы. Он снова лежал на слишком тесной для него кровати. Грудь щекотало теплое дыхание. Герда спала. Живая! Николая ласково провел рукой по пушистым волосам.

«Жаль, что бедняжку понадобилось довести почти до смерти, чтобы ты сознался в своих чувствах. Ладно, с большой натяжкой и второе испытание пройдено. Живи... пока».

«Нет, погоди! — взмолился Николая. — Не надо больше испытаний. Я все понял. Ты не слышал? Я готов исполнить любую твою волю».

«Уволь меня от неискренних клятв и пафосных речей. На них только такой простофиля, как Ноэль, купиться может. Но я-то знаю твое трусливое нутро. Как только она проснется, ты забудешь обо всем, что здесь наговорил. И ничегошеньки не изменится. Нет, полумерами ты не отделаешься. Следующее испытание будет еще сложнее, а отказаться от нее — почти невозможно. Посмотрим, насколько хватит твоего упрямства».

Спорить — себе дороже. Николая уяснил это слишком хорошо. Он убрал волосы со щеки Герды и коснулся ее губами. Еще немного соленая от пота. Но бред прошел вместе с

лихорадкой, а сон стал глубоким и безмятежным. Все прошло, тут сомнений быть не может. Николя прижал ее к себе. От прикосновений кожу покалывало, словно Герда стремилась восполнить то, что он добровольно ей отдал. Наверное, это и удержало его на грани. Удивительно. Еще одна загадка.

«Ты ошибаешься. Я все ей расскажу», — мысленно пообещал он Безликому.

— Мастер Николя! — голос Эглаборга царапнул привыкший к тишине слух. Охотник переложил Герду на кровать, поднялся и бросился одеваться, пока из-за двери не прозвучало грозное требование целителя: — Открывайте, хватит уже безумств!

— Сейчас, — Николя с трудом узнал в надломленном каркающем голосе свой собственный. Быстро застегнул штаны и рубаху, а после натянул на Герду сорочку. Не хватало еще, чтобы домочадцы узнали, как он провел ночь. Они не поймут.

— Открывайте, не то Финист выбьет дверь! — принялся угрожать Эглаборг.

Николя вскинул руку, чтобы отодвинуть защелку с помощью телекинеза, и чуть не упал. Голова кружилась, к горлу подступила дурнота, ноги почти не держали. Видимо, того, что Герда успела ему передать, было недостаточно.

Дверь отлетела в сторону. В комнату ворвались не на шутку встревоженные Эглаборг с Финистом.

— Она жива? — пораженно выдохнул целитель, подойдя к кровати. — Это чудо! Как вам удалось?

— Я не... — начал Охотник, но тут его словно обухом по голове огрели.

В глазах потемнело. Лицо стремительно приближалось к полу. Подхватили и, сильно тряхнув, поставили на ноги. Николя с трудом поднял взгляд на Финиста, который придерживал его под руку.

— Да он же пуст! — ахнул оборотень.

Целитель обернулся необычайно быстро, особенно если учесть его степенные манеры.

— Мастер Николя, на что вы?.. — в глазах Эглаборга мелькнула догадка. Он перевел взгляд на Герду и неодобрительно щелкнул языком: — Это ненормально. Вам не следовало так надрываться. Если бы ваш фокус не сработал, вас бы утянуло вместе с ней.

— Но он сработал, — упрямо ответил Николя и, вырвав руку у Финиста, заковылял к двери. Через два шага споткнулся, но верткий оборотень вновь подхватил его и, не слушая возражений, дотащил до спальни. Не раздеваясь, Николя залез в кровать под одеяло и, с трудом удерживая себя в сознании, попросил:

— Когда она проснется, не говори, что я провел с ней ночь и не разрешай ходить в мою комнату. Не хочу, чтобы она видела меня таким.

— Ой, дурак! — безнадежно махнул рукой Финист и ушел.

## ===== Глава 36. Испытание третье: найди силу в слабости =====

Едва добравшись до каморки, Герда почувствовала озноб. Быстро сняв с себя мокрую одежду, она забралась в постель, укрылась одеялом и теплым пледом. Сон сморил, как только голова коснулась подушки. Через час стало жарко — камин что ли затопили? Герда скинула с себя одеяло и плед. Тело покрыла горячая испарина, голова закружилась, а разум провалился в раскаленное добела марево. Она стонала. Послышался стук двери и быстрые шаги. Прохладная ладонь коснулась лба. Кто-то что-то спрашивал. В ушах звенело. Она не могла разобрать слов. Смертельно хотелось спать. Но надоедливый гость не желал оставлять

ее в покое. Вскоре раздались еще шаги. Тихо переговаривавшиеся голоса. Открыли рот и влили что-то горькое и горячее, обмыли потное тело тряпкой. Стало немного легче. Снова пришел сон.

Иногда Герда просыпалась и чувствовала чье-то присутствие. Снова давали горячее питье, кормили жидкой кашей, потом она засыпала, и кто-то неустанно держал ее за руку. В бреду виделось странное, почти реальное, но все же подернутое болезненной пеленой. То она падала в полынью. Бурное течение подхватывало и несло под лед. Но черный всадник хватался за нее и упорно тащил обратно. Мышцы на натягивались, зубы скрежетали, что-то внутри хрустело и надрывалось. Но он продолжал бороться со стихией, тянул Герду к себе, словно она была его жизнью. Течение побеждало. Так и не разжав рук, всадника уносило под лед вместе с Гердой. Обжигающе холодная вода заполняла легкие. Все вокруг меркло в темной дымке.

То Герда сражалась с Ловцом, ловко фехтуя изящным легким мечом. То на ее месте оказывался Охотник, целая дюжина Ловцов окружала его, а следом шла непроглядная черная мгла и с шипением выпускала похожие на острые пики щупальца. То Герда видела бьющегося в агонии Финиста с гниющей раной на спине. И Защитника Паствы из иллюзии Дугавы, который, запрокинув голову в экстазе, вдыхал клубившуюся над ним тьму. А потом боль разрывала внутренности яростными толчками, боль заполняла все вокруг. От судорожного напряжения было не продохнуть. Но вскоре наступало облегчение. Ослабнув, Герда поворачивала голову и встречалась взглядом с Николая, сломленным и виноватым. Она протягивала к нему руку, но та проходила сквозь него, захватывая пустой воздух. Николай печально улыбался, по его щекам катились крупные слезы. Он не вернется, это — конец.

Придя в себя, Герда никак не могла понять, сколько времени пролежала в бреду. На стуле рядом раскачивался Финист. Он уткнулся в книгу, на обложке которой было написано «Тактика и стратегия скрытной войны», и ничего не замечал. На тумбочке сбоку в маленькой вазочке стоял пышный букет из первоцветов: фиолетовой печеночницы, желтой мать-и-мачехи, бледно-лилового прострела, голубых пролесок, розовых и синих медуниц, красных ветрениц и белых подснежников. За окном ярко светило солнце и щебетали соловьи. Лето разгоралось вовсю.

— Ты проснулась! — обрадовался Финист, оторвавшись от книги. — Заставила же ты нас поволноваться! Целых три дня жар сбить не могли.

— Я спала три дня? — удивилась Герда. Язык с трудом ворочался во рту. Голова все еще немного побаливала.

— Три? Нет, неделю. — Она испуганно выдохнула. — Ну да неважно это. Главное, ты выздоровела. Я боялся, что потеряю тебя, не успев даже прощения попросить.

— Опять? За что на это раз?

Финист смутился резкому тону.

— Я был никчемным учителем и еще худшим другом. Это из-за моей глупой выходки ты заболела. Я понимаю, что недостойн ни тебя, ни твоего прощения.

— Не надо так говорить. Я ведь тоже была неважным другом в последнее время, — ответила Герда. — Игнорировала твои чувства, лезла в голову...

— Да, насчет этого... Я сам виноват. Как твой учитель, я с самого начала должен был объяснить, что не следует читать людей без спроса. Это сравнимо с тем, как я вломился в комнату Николая и читал его письма. Подло и бесчестно.

Герда потупилась и кивнула. Она бы сама могла догадаться, просто чтение мыслей так



увлекло, что она предпочла не думать, насколько это честно. У всех есть право на секреты и слабости. Она не должна была подслушивать.

— Я понимаю. Прости меня.

— Я же сказал — в этом нет твоей вины. Ты не знала, а я не предупредил, потому что игнорировал свои обязанности. Но теперь я решил измениться. Вот. — Он указал на стоявшие в вазе цветы. — Собрал их для тебя. И вот. — Постучал пальцем по обложке книги. — Тоже решил почитать. Очень интересно. Теперь я понимаю, почему ты их так любишь.

Герда слабо улыбнулась, со страхом ожидая, что дальше последует дурацкий комплимент. Но этого не случилось. Финист молча смотрел и ждал, когда ответит она сама.

— Очень красивые цветы, спасибо. И книга... ты молодец. Я рада, что твоя одержимость мастером Николя прошла. Вы помирились?

— Да... Не без помощи мастера Ноэля, конечно. Николя мне все объяснил и даже пообещал, что проведет экзамен, как только ты поправишься.

— Экзамен? Как? — ахнула Герда. — Но я ведь совсем не готова.

— Ты прекрасно готова, не переживай. Я в тебя верю.

Она потупилась. Снова воцарилось гнетущее молчание.

— А он ко мне заходил, мастер Николя? — Спрашивать у Финиста было неучтиво, но... Николя волновал Герду больше всего, и она ничего не могла с собой поделать.

Финист покосился на дверь и заговорил уж очень неловко:

— Он занят. Крысы. Проповедник вернулся. Горожане волнуются и все такое.

Герда отвела взгляд и невидяще уставилась в окно.

— Не переживай так. Думаю, он к тебе еще заглянет, — подбодрил ее Финист.

Только тогда она поверила, что он изменился. Следующие дни оборотня было просто не узнать. Он стал такой чуткий, заботливый: слушал гораздо больше, чем говорил, следил за своими словами и изо всех сил старался поднять ей настроение. Они много занимались: призывали крыс, повелевали птицами — все, что можно было сделать, не выходя из комнаты. Финист даже согласился, чтобы Герда прочитала его мысли. С его разрешения делать это оказалось куда проще. В книгах говорилось, что пользоваться телепатией легче, если положить руки человеку на голову, закрыть глаза и представить черный тоннель, по которому путешествуют яркие всполохи. Догонишь один — услышишь, что человек думает. Но иногда их попадалось так много, что они мешались и перекрикивали друг друга, не позволяя ничего разобрать. Самое сложное было отделить бессмысленные волнения и впечатления от действительно важных вещей. Удавалось далеко не всегда, особенно если чтение становилось более глубоким, когда необходимо было пробираться в закоулки чужого сознания. Требовалось выудить из потока единственную нужную мысль, ответ на вопрос, который Герда с Финистом заранее обговаривали.

Порой она с собой не справлялась. Подспудно пыталась хоть краешком зацепить мысль о Николя. Что такого было в письме Финиста, если из-за него Герду могли забрать? И главное, кто и куда? Но оборотень слишком хорошо себя контролировал, зная, что она читает. Герда не выдержала и спросила напрямик. Он заметно смутился:

— Это не моя тайна. И я не уверен, что знаю всю правду. Думаю, Николя сам все расскажет, когда будет готов.

— Ты обещал молчать, да? — поняла Герда.

— Да. И это правильно. Я не смогу объяснить так, как это сделает он.

— Кажется, вы с мастером Николая очень сблизились за эти дни, — заметила она. — Никогда не думала, что такое возможно.

— Разговор с Ноэлем и твоя болезнь заставили меня взглянуть на все другими глазами. Не скажу, что одобряю все поступки Николая, но теперь я хотя бы отчасти понимаю его. И знаю, что он не причинит тебе вреда. А все остальное значения не имеет.

Герда угрюмо потупилась:

— Хотелось бы, чтобы и для меня остальное не имело значения.

— Ты всегда можешь уехать со мной. И тогда ни Николая, ни его секреты не будут иметь значения. Думаю, он с радостью тебя отпустит, если ты его об этом попросишь, — с вызовом глядя на нее, ответил Финист.

Герда с трудом выдохнула. Сказал он правду или все-таки слукавил, что вражда с Охотником в прошлом? Не верилось, что Николая так легко от нее откажется. Но за три дня, как она проснулась, он ни разу не заглядывал. Остальные ее часто проводывали: Эглаборг приносил еду и лечебные отвары, Вожык прибегал рассказать о шалостях своих друзей, даже Майли пару раз заходила — мялась на пороге и не знала, что сказать, но все равно было видно, что переживает. А Николая словно в другой город переехал. Герда даже не слышала, чтобы он к себе в комнату поднимался. Неужели, действительно так занят?

На предложение Финиста она никак не ответила. Глупо было отказываться, если Николая она безразлична. Но если она пройдет экзамен, ей могут предложить интересное место в компании. Вот бы что-нибудь связанное с путешествиями. Только шансов сдать хотя бы на второй уровень маловато, учитывая, что она почти ничему не научилась. Если бы было больше времени...

В тот день Герда проснулась так рано. Вечером накануне она внимательно прислушивалась к шорохам за дверью, надеясь не пропустить возвращение Николая, но ничего не вышло. Ее сморил сон, а Охотник так и не явился. Или явился, но она не услышала, ведь он всегда двигался почти бесшумно. Наутро она подскочила с кровати и стрелой вылетела за дверь. Николая выходил из собственной спальни. Удивленно покосился на нее:

— Что-то случилось? Эглаборг сказал, что тебе еще пару дней следует провести в постели.

Он интересовался? Или ждет не дождется экзамена, чтобы ото всех избавиться? Надо сказать, вид у Охотника был уставший и осунувшийся.

— Нет, я просто... — замялась Герда. — Хотела кое-что спросить. Не могли бы вы отложить экзамен на пару недель. Я из-за болезни не успела подготовиться.

Николя сдвинул брови. Кажется, она его удивила.

— Я и так слишком долго откладывал. Еще две недели ничего не решат, — холодно заметил Охотник. — Хватит трусить. Это единственное, чему тебе так и не удалось научиться.

— Кто бы говорил! — внутри вспыхнула ярость. Сколько можно попрекать ее трусостью?! — Разве вы не делаете сейчас то же самое? Или вы избегали меня от большой смелости? Скажите уже, что было в том демоновом письме!

— Это неважно, — Николая отвел взгляд, проглотив обвинения молча.

— Неправда. Вы же с Финистом из-за этого чуть друг друга не поубивали. Как после этого оно может быть неважным?

— Мы погорячились. С Финистом все улажено и забыто.

— Со мной зато не улажено! Почему вы себя так ведете? Целуете, а потом отказываетесь даже один единственный танец станцевать; говорите, что я красивая, а когда я болею, ни разу ко мне не заглядываете. Мне больно от всей этой неопределенности, разве вы не понимаете? Скажите прямо, умоляю, чтобы не было никаких недомолвок и недоразумений. Мне больше ничего не надо!

— Пожалуйста, сейчас не лучшее время... — измученно начал он, но его перебил настойчивый стук в дверь. — Кто это так рано?

Николя нахмурился и пошел открывать. Герда побежала следом. Почему кто-нибудь другой не может открыть эту демонову дверь?

Герда нагнала Охотника уже в прихожей. На пороге стоял мрачный как грозовая туча бургомистр.

— Проповедник нашел человека, который избавит нас от крыс, — безрадостно сообщил он еще до того, как Николя заговорил. — Нам дали месяц, чтобы убраться из города и не гневить их Единого-милостивого. Мои уже собирают вещи.

— Хорошо хоть с факелами не выгоняют. Все к тому шло, — грустно вздохнул Охотник. — Я провожу вас до Готланда, как только все тут улажу. Может, вы возьмете к себе Эглаборга? Он уже слишком стар для долгих путешествий.

Герда встрепелась. Николя собирается в дорогу? Поэтому он так торопится с экзаменом? Что ж, похоже, впереди снова ждет холодное прощание и долгая разлука. Встретит ли она его снова? Вряд ли. Не стоит ссориться напоследок. Пусть у них останутся друг о друге хорошие воспоминания. Хотя бы у нее, а Николя, скорее всего, забудет.

— Конечно, но я думал, нам удастся выехать пораньше, чтобы лишний раз проповедника не злить, — замялся Гарольд и потупил взгляд. Ему, конечно, было неприятно уступать власть и бросать дом из-за облезлого старика и кучки расплодившихся грызунов. Но держался он достойно и никого не винил. Жаль его. По всему заметно, что бургомистром он был отменным, не то что Заградский в Дрисвятах.

— Сейчас не могу, простите. Мне нужна хотя бы неделя, — покачал головой Николя.

— Компания зовет, да? Работа всегда на первом месте, понимаю. — Гарольд обиделся. — Какое вам дело до лапской глуши, а тем более до опального бургомистра?

Герда внутренне сжалась. Какая же она дуреха эгоистичная! Лезет к Николя со своими глупыми чувствами, когда вокруг такое творится. Он ведь так старался защитить город, найти крысиного пастуха, да и ее, неблагодарную, столько раз спасал. А она накинулась на него с упреками, как Гарольд, как поверившие проповеднику бюргеры. Если бы она хоть чем-то могла помочь! Бестолковое, никчемное, тупое создание!

— Извините, что не оправдываю ожиданий... — пробормотал Охотник.

Отклонился назад и начал оседать на пол. Герда подхватила его под руку, помогая удержать равновесие.

— Мастер Эглаборг! Помогите, мастеру Николя плохо, — позвала она.

От страха ни думать, ни дышать не получалось. Она просто держала его, боясь, что если отпустит, то потеряет навсегда. Как отца.

— Мальчик мой, с тобой все в порядке? — не на шутку перепугался Гарольд. — Мне казалось, ты не хочешь с нами возиться, но если тебе в самом деле плохо, я не стану настаивать. Мы подождем и месяц, если понадобится.

— Все нормально, — процедил Николя.

Оттолкнул руку Герды и встал, неестественно выпрямив спину.

— Ну да, нормально, держите карман шире! — проворчал выглянувший в прихожую Эглаборг.

— Я, пожалуй, пойду. Вы тут и без меня разберетесь, — ретировался Гарольд, испугавшись грозного вида целителя.

Эглаборг упер руки в бока и с такой укоризной глянул на Охотника, что тот ссутулил плечи.

— Сказано же было не подниматься с постели! Хватит того, что вы чуть не надорвались, когда Герду с того берега тащили. Сейчас-то чего носитесь? Сами же видите, резерв не восстанавливается. Вам надо лежать, иначе силы не вернутся никогда.

Герда удивленно вытаращилась. Так это был Николая! Он держал ее за руку, когда она бредила, он тянул ее из полыньи, он вместе с ней тонул в ледяной воде, он... надорвался из-за нее. И теперь, возможно, никогда не восстановится. Да как она посмела упрекать его в трусости!

— Не делай из мухи медведя, — легкомысленно отмахнулся Николая. — Все пройдет, как раньше.

— Медведя?! — взревел не хуже того самого зверя Эглаборг. — Вам требовался отдых еще до болезни Герды. Как вы не понимаете, ваше тело не выдерживает такой нагрузки. За что вы себя ненавидите?

— У меня все в порядке! — вспыхнул Охотник.

— Мастер Николая, пожалуйста, вернитесь в постель, — вкрадчиво попросила Герда.

Не стоило ему спасать ее такой ценой. Она ведь никто, а он самый важный человек во всем Мидгарде. Он же еще столько подвигов должен совершить.

Николая пристально смотрел ей в глаза. Лицо исказила ярость:

— Не смей меня жалеть, слышишь!

Будто плетью огрел. На глазах против воли выступили слезы. Но Герда не хотела плакать. Не хотела злить его или обижать. Никогда-никогда не хотела, чтобы он надорвался.

Николая ушел в свою комнату. И даже не оглянулся.

— Не переживайте. Он не на вас злится. Гордый просто слишком, — Эглаборг подбадривающе улыбнулся и протянул ей платок.

Герда вернулась к себе, чтобы больше никому не мешать. Вскоре Финист принес завтрак и, чем смог, попытался развеселить. Следом заглянул Вожык и предложил пожонглировать огненными шарами. Радовало, что приобретенные до болезни навыки никуда не делись. Герда все с такой же легкостью могла использовать огонь вместе с пирокинетиком. После маленького представления для Финиста они втроем посидели еще немножко, вспоминая общие приключения и рассуждая о разных пустяках.

— Интересно, куда меня отправят после экзаменов? Я бы хотел в Храм Огня. Жрецов все любят. Они так здорово выступали на празднике. Но, наверное, туда только лучших берут, — поделился переживаниями Вожык.

— Храм компании не подчиняется, так что вряд ли. Да и поверь, дар у тебя намного сильнее, чем нужен для ярмарочных фокусов. Думаю, тебя отправят в Дюарль либо оставят здесь, пока не подрастешь, а потом примут в армейский корпус, — ответил Финист.

— Но я не хочу никого убивать! — жарко возразил мальчик. — Разве для пирокинетика нет мирного ремесла?

Финист повел плечами. Герда молчала. Она бы согласилась и на армейский корпус, лишь бы одной не оставаться.

— А могу я стать таким, как мастер Николя, ну Охотником и убивать только демонов? — нашел неожиданное решение Вожык.

— Сомневаюсь, что ему ни разу не приходилось поднимать оружие против людей, — спустил мальчика с небес на землю Финист. — Когда придет время, компания и его вынудит воевать.

— А что тогда станет с упсальцами? Кто защитит их от демонов, если Охотник уйдет? — испугался Вожык.

— Переживут. Ведь жили как-то до его появления, так и после жить станут. Вон даже сейчас сыскался новый герой. Теплое местечко пусто не бывает, — легко объяснил Финист.

Стало жутко обидно. Упсальцы уже отказались от помощи Николя, забыв, сколько хорошего он сделал для города. Как люди могут быть настолько неблагодарными?!

— Странно, что нашелся тот, кто может справиться с тем, в чем мастер Николя потерпел неудачу. Он ведь самый лучший, — озвучила свои мысли Герда.

— Есть вещи, которые даже ему не под силу. Он ведь не бог, — грустно улыбнулся Финист.

— Не бог, — повторила Герда, глядя вдаль. Тревожное предчувствие не отступало. Словно они упустили что-то очень важное.

— Что это за звук? — встрепенулся Вожык.

Герда с Финистом прислушались, но в комнате было тихо. Оборотень нахмурился, ведь его звериный слух был куда тоньше, чем у пирокинетика.

— Может, у тебя в ушах звенит? — Герда положила ладонь Вожыку на лоб, чтобы проверить, нет ли жара. Он оказался холодным.

— Да нет же, — вырвался из ее рук мальчик. — Разве вы не слышите? Кто-то на дудочке играет. Так красиво. Пойду гляну.

Вожык выскочил из комнаты, оставив дверь нараспашку, и помчался вниз, перепрыгивая через несколько ступеней разом.

— Что это с ним? — нахмурился Финист, наблюдая из окна, как Вожык бежит за околицу, натягивая на ходу жилетку.

— Не знаю, но его нельзя отпускать одного. Происходит что-то странное.

Герда начала подниматься, но оборотень ее остановил:

— Лежи. Тебе пока не стоит выходить, я сам за ним прослежу.

Она смиренно кивнула и вернулась в кровать. Финист захлопнул за собой дверь. Терпения хватило всего на несколько минут. Герда оделась и спустилась в гостиную, намереваясь искать Вожыка вместе с Финистом. Но тут из кухни, подтолкнув дверь спиной, потому что руки были заняты, вышел Эглаборг.

— Может, вы поможете? — заискивающе улыбнулся целитель и вручил ей поднос с едой и отваром. — Отнесите мастеру Николя. Заодно помиритесь.

Герда потупилась, вспоминая, как Охотник на нее кричал. Сердился. Конечно, ведь из-за нее сплошные проблемы. Не надо было мокнуть под дождем, тогда бы не заболела. И ему не пришлось бы ее спасти и надрываться.

— Не думаю, что он будет мне рад.

— Поверьте, если он хочет кого сейчас видеть, то только вас, — Эглаборг нетерпеливо подтолкнул ее в спину. — И проследите, чтобы он все съел.

Герда тяжело вздохнула и, поднявшись наверх, постучала в дверь спальни Охотника. Никто не ответил. Несколько мгновений она помялась у порога, но все же зашла. Не нести

же еду обратно. Николая лежал на кровати с открытыми глазами и смотрел в потолок.

— Я... — робко позвала Герда. — Еду принесла.

Николя медленно повернул голову в ее сторону, но ничего не ответил. Герда поставила поднос на тумбу у кровати и хотела покормить его, как кормила Финиста, когда тот болел. Но стоило поднести к его рту ложку, как Николая послал ей такой несчастно-обиженный взгляд, что Герда, испуганно всхлипнув, отошла к окну. Ел Николая очень медленно, без аппетита. Потом также долго потягивал отвар. Герда все это время смотрела на улицу. Тревожное чувство не хотело униматься.

— Вожык сбежал, — тихо пробормотала она, ощутив спиной взгляд Охотника.

— Мальчишки все время сбегают, — скрипучим голосом ответил Николая. Звякнула поставленная на поднос пустая чашка.

Герда потупилась и медленно кивнула:

— Если вы закончили, то я все унесу.

— Не уходи, — с пугающим отчаянием попросил Николая. Герда испуганно заглянула в его глаза. Они были подернуты мутной пеленой, вокруг красовались черные круги. Насколько же ему плохо?

— Полежи со мной, — Николая взял ее за руку и притянул к себе.

Герда заупиралась, но его хватка оказалась неожиданно сильной.

— Разве это удобно? Мы же не... — Она не знала, что конкретно они «не», но все равно было в его предложении что-то неправильное.

— Не бойся. Сейчас я не смог бы причинить тебе вред, даже если хотел.

Николя потянул сильнее. Герда упала на кровать рядом с ним, едва успев сбросить башмаки, чтобы не запачкать простынь. Николая крепко прижал Герду к себе, как ребенок любимую игрушку, и, блаженно закрыл глаза. Его кожа казалась настолько холодной, что хотелось его согреть. Должно быть, это от истощения. Герда слишком хорошо помнила, как нестерпимо холодно было ей самой, когда она находилась на грани. Жаль, что ему переживает подобное из-за нее. Смольные кудри разметались по подушке. Николая всегда стягивал волосы в тугий пук на затылке и распускал только перед сном, поэтому у Герды не получалось разглядеть их поближе. Прямые и жесткие, они доставали чуть ниже плеч и манили прикоснуться к себе. Она украдкой запустила в них пальцы и принялась перебирать.

— Приятно, — едва слышно пробормотал Николая, не открывая глаз. Герда испуганно выдохнула. Думала, он спит. — Так можно и умереть.

Герда вздрогнула. Лучше бы он наорал или ударил.

— Пожалуйста, не говорите о смерти. Мне страшно, — громко всхлипнула она, борясь с выступившими на глазах слезами.

— Не буду, — легко согласился Охотник и замолчал.

Только спокойней не стало. Насколько же ему плохо, если он думает о смерти? Герда лихорадочно искала, что сказать, чтобы его подбодрить, отвлечь от мрачных мыслей. Что говорили ей, когда она думала о смерти?

— Когда мой отец умер, я долго горевала. Не знала, как жить дальше. И тогда один мудрый человек, дядька Михась, сказал, что смерти на самом деле нет. Душа иногда должна отделяться от тела, чтобы проплыть по темным водам реки времени и, добравшись до противоположного берега, дожидаться перерождения. В виде букашки, птицы, зверя или даже человека. Если вы кого-то очень любите, но не можете быть вместе, вы обязательно встретите его в следующей жизни. И уж тогда наверняка будете счастливы.

Николя широко распахнул глаза и угрюмо уставился на нее.

— Но я не хочу ждать целую жизнь! — горько возразил он.

— Не ждите, — поддержала его Герда.

Хотелось добавить, что не стоит все время тосковать по погибшей возлюбленной и поминать смерть, иначе он скоро сам за ней последует. Но Герда молчала. Понимала, что это неучтиво и что она просто ревнует. Николя снова закрыл глаза. Его руки стальным обручем сошлись у нее на талии. Лицо расслаблялось, щекочущее макушку дыхание становилось все более глубоким. Он засыпал.

Герда повернула голову, чтобы лучше его видеть. Еще утром казалось, что она ему безразлична, что он злится на нее, а теперь сам попросил остаться, да еще так двусмысленно. Будь она дома, ее бы сочли гулящей. Разве можно лежать с мужчиной, с которым ты даже не обручена, в одной постели? Если бы Вальдемар или даже Финист предложили подобное, она бы испугалась и убежала. Но от Николя убежать не хотелось. Предложи он что-то большее, она бы и тогда не отказала. Наверное, это и есть та самая любовь, от которой теряют голову. Убаюканная медленным течением собственных мыслей, Герда тоже уснула.

\*\*\*

Резерв не восстанавливался. Сколько бы Николя ни отлеживался в постели, сколько бы ни пытался услышать ветер и слиться со стихией, ничего не происходило. Тело стало невероятно тяжелым, словно каменным, а внутри болезненно ныла пустота, из которой волнами поднимался могильный холод. Неужели люди без дара всегда чувствуют такую слабость? Невыносимо.

Эглаборг отпаивал его зельями, проводил какие-то манипуляции с аурой. Не помогало. Целитель уверял, что просто потребуется больше времени, но в его взгляде ясно читалось иное: надорвался, безнадега. Оставалось только пялиться в потолок, все больше погружаясь в хандру и уныние. Аппетит пропал — еда сухим комом резала горло и ползла обратно. Даже поспать не удавалось. Стоило сомкнуть глаза, как Николя вновь оказывался в пыльной комнате перед разбитым зеркалом. Тело дергалось против воли, и сон как рукой снимало. Но хуже всего было тревожное ожидание, когда Безликий объявит третье испытание, сил на которое у Николя не осталось. Он постоянно прислушивался к себе и к тому, что происходило за стенкой, страхась выпасть из реальности в тот самый момент, когда Герде понадобится защита. И тогда... тогда все усилия и жертвы окажутся напрасными.

За неделю он отлежал себе все бока. Мышцы затекли, а в голове шумело как после сильного похмелья. Солнце в это утро светило в окно так призывно ярко, что Николя не выдержал. Встал и на негнущихся ногах поплелся на улицу. Надеялся, что свежий воздух хоть немного его оживит. Но стоило ступить за порог, как он нос к носу столкнулся с Гердой.

Николя тосковал, но не решался ее проведать, даже когда она спала. Слишком страшно было, что она увидит его в таком состоянии и поймет, насколько он немощен и жалок на самом деле. Совсем не герой без страха и упрека, каким она его представляла. Хилый низкорослый мальчишка, слабак, у которого даже сил замахнуться детским деревянным мечом не хватает. Разочарованный взгляд отца после очередного неудавшегося урока фехтования ярким пятном всплывал в памяти. Как же тогда хотелось умереть, чтобы не видеть, не понимать, что он не достоин ни своего отца, ни родового дара, ни даже права ходить по Мидгардской земле. Со временем он научился не думать об этом, но

предательская память иногда подкидывала эти образы. Герда была первым человеком, в чьих глазах он увидел неподдельное восхищение. Только благодаря ее вере Николая впервые почувствовал себя мужчиной, воином, способным на подвиг. И совершил его, до конца не поняв, как. А после, когда было непереносимо тяжело и казалось, что враг несокрушим, Николай представлял, что сражается ради нее. И побеждал. Всегда. Но если сейчас Герда увидит его слабость, в ее взгляде будет то же разочарование, что и у отца. Тогда сражаться будет уже незачем.

Однако сейчас Герда смотрела настороженно и решительно, потешно сжав крохотные кулачки. Как же он соскучился! Хотелось прижать ее к себе крепко-крепко и не выпускать никогда. Николай застыл, стараясь держать спину ровно и не показывать, что голова идет кругом, а ноги подкашиваются от усталости. Разговор с Гарольдом окончательно его доконал. Появился новый спаситель? Что ж, пусть. Лишь бы избавил Упсалу от крыс. Тогда можно со спокойной совестью убраться отсюда. Жаль только, что слабость взяла верх. Да еще при Герде! Хуже не придумаешь. И уж конечно, она не смогла сдержать жалость. От этого словно огнем обожгло, сильнее даже, чем от пощечины. Он сорвался. Закричал и как последний трус забился в угол у себя в спальне. Ждал, когда Герда вернется, чтобы окончательно развенчать его. И она пришла... принесла завтрак и попыталась кормить его с ложечки, как маленького. Какое унижение!

Ел сам. Молча. Давясь каждым куском. И все не находил слова, которые бы мог ей сказать, объяснить. Только когда Герда собралась уходить, удалось выдавить из себя просьбу, что вот уже неделю жгла изнутри. Единственное чувство, последняя сладко-горькая эмоция. Останься. Побудь рядом. И ни о чем не спрашивай. Стоило обнять Герду, как ломкая болезненная пустота внутри заполнилась теплой негой. Стало так хорошо, что хотелось раствориться в этом чувстве. Кажется, он говорил какие-то глупости. Она отвечала. Николай наблюдал за всем поверх собственной головы, прислушиваясь лишь к ощущениям в теле. Почему он не решился позвать ее раньше? Ведь знал, что только от ее присутствия становится легче. Все чего-то боялся. Осуждения домочадцев? Глупый. Ноэль прав, к демонам совесть. В конце концов, это дом Николая. Здесь все сделано его руками. Здесь он устанавливает правила. Какая разница, что подумают остальные? Важно только, что подумает Герда. А она поймет, она согласится. Уже согласилась. Самая родная. Самая нежная. Моя.

Он, наконец, уснул. Провалился в тихий безмятежный сон без сновидений. Герда была рядом, и ничто уже не могло потревожить его покой. Ничто, кроме ненавистного язвительного голоса:

«Какая идиллия! Но ты так и не признался ей, хотя обещал. Самое время для последнего испытания. Держись, на этот раз поблажек не будет. Либо ты побеждаешь по всем правилам, либо я заберу Герду навсегда».

Николай вздрогнул, сильнее прижимая девушку к себе. Она все еще здесь, все еще с ним. Никто, никто не посмеет ее отобрать!

В дверь настойчиво постучали. Входную. Да так, что затряслись стены. Внутри засвербело тревожное предчувствие. Он что-то упустил. Что-то жизненно важное. Николай соскочил с кровати и, накинув домашний халат, сбежал вниз по лестнице. Проснувшись, Герда поспешила следом. На пороге снова стоял Гарольд, взволнованный в два раза сильнее прежнего. Из-за его широкой спины затравленно выглядывал мертвецки бледный Эйс.

Предчувствие усилилось. Что там Гарольд говорил утром? Появился новый избавитель



от крыс? Должно быть, сунулся куда не следовало и нарушил шаткий мир с коренными обитателями Утгарда, который Николя с таким трудом установил.

— Дану похитили наших детей! — севшим голосом объявил Гарольд. — Только своего оставили, — бургомистр схватил Эйса за плечо и подтолкнул к Охотнику. — Говори!

Николя строго посмотрел на мальчика. Эйс сжался и горестно хлопнул носом:

— Это не наши, честно. Они бы не стали. Это против воинского кодекса Дану... Лейфу просто понравилось, как играет дудочка, и он побежал искать музыканта. Но я никакой музыки не слышал, хотя всегда раньше него замечал, как крадется мышь или летит птица. Но никакой дудочки я не слышал! А Лейф словно сам не свой стал. Все твердил про красивую мелодию. Я его не пускал, сколько мог. Неправильно это, когда кто-то слышит то, чего нет. Я только на миг отвернулся, а его уже и след простыл. Убежал за своим музыкантом непонятным.

Николя нахмурился. Должно быть, это оно и есть, третье испытание. Только причем здесь Лейф?

— Пропал не только мой сын, но и все дети в городе. Все дети, кто мог ходить и кому не было двенадцати, — добавил бургомистр.

— Вожык! — вскрикнула Герда и прижала руки ко рту. — Он тоже говорил что-то про дудочку, которую мы с Финистом не слышали, а потом убежал, ничего не объяснив. Финист пошел его искать и до сих пор не вернулся.

Охотник со свистом выдохнул. Он слышал о демонах, которые могли похитить одного ребенка или двух, но чтобы увести всех детей города — какой же силой он должен обладать?!

В вышине пронзительно закричал сокол. Все подняли глаза. С небес камнем упала хищная птица. Через мгновение на ее месте на коленях стоял нагой Финист. Запыхался. Глотал ртом воздух. Герда подхватила с вешалки плащ и обернула вокруг оборотня.

— Я видел их, детей, — начал он, борясь с тяжелым дыханием. — Нагнал возле моста Биворн. Какой-то странный пастух уводит их в горы.

— Пастух?! — одновременно переспросили Николя, Гарольд и Герда.

— Как он выглядел, этот пастух? — перехватил разговор бургомистр.

— Безбородый старик. Высокий. В ветхом плаще и широкополой фетровой шляпе. Опирается на деревянный посох. И, кажется, у него один глаз заплывший, — дал исчерпывающее описание Финист.

— Это тот старик, который избавил нас от крыс. Я сам видел, как он это сделал. Заворожил их игрой на флейте и утопил в океане, — догадался Гарольд.

— Да-да, он играл на флейте, похожей на ту недоделанную, которую ты мне показывал, только из нее не доносилось ни звука, а дети шли за ним, как привязанные. Я попытался их остановить, но ничего не вышло. Даже силой не смог Вожыка утащить, — подтвердил оборотень.

— Должно быть, это он. Крысиный пастух. Понятно, как ему удалось то, что не получалось у вас, — ахнула Герда, встревоженно глядя на Николя. — Но если он действительно бог, то не стал бы брать что-то без разрешения. Он должен был вас об этом спросить.

— Разве же мы позволили, если бы он такое спросил? — развел руками Гарольд. — Он вообще почти не говорил. Только про свою награду — рыбу, древесину и шкуры.

— Так и сказал? — задумчиво прищурился Николя.

— Нет, но и так было понятно. Он попросил залог будущего благоденствия города, — недоуменно ответил Гарольд. — Сказал, это поможет ему разбогатеть.

— Дети — это и есть единственное будущее, которое может быть у города. Он попросил в награду детей. Единственное богатство, которое ему нужно, это жертвы! — Герда снова прикрыла рот ладонью.

— Я собственноручно придушу этого демонова проповедника! — взревел Гарольд.

— Не надо никого душить. Я разберусь, — попытался увещевать его Николая и повернулся к оборотню: — Финист, поседлай моего коня, пока я оденусь.

— А если он начнет буйнить? — забеспокоился тот.

— Врежешь ему по пузу, не сможешь что ли? — раздраженно ответил Охотник.

Оборотень направился в конюшню, не потрудившись одеть ничего под плотно запахнутой плащ. Герда побежала следом.

— Главное, чтобы не случилось, как с крысами, — мрачно заметил Гарольд, когда они с Николая остались одни.

— Не случится. На этот раз будет либо он, либо я, — заверил его Охотник. — Возвращайтесь в город и успокойте бюргеров. Это единственное, чем вы сейчас можете помочь.

Гарольд тоскливо вздохнул и направился обратно в Упсалу. Николая побежал в дом, ругая себя за легкомыслие. Он должен был ощутить опасность еще утром, но был слишком занят личными проблемами. Расплачиваться придется всему городу. И цена будет непомерно велика.

Когда Николая, одетый и вооруженный, вернулся на улицу, поседланый Харысай же нетерпеливо рыл копытом землю перед конюшней. Видно, проникся тревожным настроением.

— Хорошо себя вел, — похвалил коня Финист, держа его под уздцы. — Куснуть пытался, только когда я подпругу затягивал, да и то не сильно.

Николя рассеяно пожал плечами и полез в седло.

— Я должна ехать с вами, — непререкаемым тоном заявила Герда, ухватив его за рукав. — Я загипнотизирую детей, они перестанут слушать пастуха и вернуться. Тогда вам не придется драться.

— Слишком рискованно, — осадил ее Николая.

В этом и будет третье испытание — защитить ее от пастуха. Николая не собирался давать Безликому такой шанс.

— Но еще утром вы падали от истощения. Нельзя сражаться в таком состоянии, — не унималась Герда. — Позвольте мне помочь! У меня получится, я читала.

Не верит. Пусть с ней. Лишь бы в полынью не лезла.

— Нет, — отрезал Николая и повернулся к оборотню: — Присмотри за ней. Что бы она ни говорила, что бы ни делала, не пускай ее за мной.

Он перевел взгляд к высившимся над городом суровым Утгардским горам.

— погоди, — окликнул Финист. — Он видел меня и не таился. Видел, как я пытался остановить детей, но ничего не сделал. Он хотел, чтобы я знал, куда и с кем они идут. Это ловушка.

— Знаю, — горько усмехнулся Николая. — И все же я должен попытаться.

— Будь осторожен, — Финист сжал его ладонь со шрамом.

Переживает что ли? Неважно.

— Не спускай с нее глаз, — Охотник кивнул на решительно сжимавшую в руках шаль

Герду.

Пятки до хруста вжались в лоснящиеся конские бока. Отбивая трехтактную дробь, Харысай помчала под дороге, поднимая столб пыли.

\*\*\*

— Идем, ты продрогла, — Финист подтолкнул Герду к дому.

В загоне весело резвились кобылы. Пospели бы за быстроногим жеребцом?

— Думаешь, с мастером Николая все будет в порядке? — спросила Герда, когда они вошли в дом.

— Ты же сама говорила, что надо в него верить, — улыбнулся Финист.

— Боюсь, моей веры сейчас будет недостаточно, — Герда еще раз посмотрела в сторону гор, куда ускакал Охотник.

Финист проводил ее до спальни и проследил, чтобы она легла в кровать и сел рядом. До сих пор не оделся. Герда так и не привыкла к его оборотническим повадкам. Говорить ни о чем не хотелось. Она изнывала от беспокойства. Что, если Николая не вернется? Ведь она столько не успела ему сказать. Зачем поругалась с ним, да еще из-за такой глупости, как экзамен? Не важно, сдаст она или не сдаст и куда попадет после, лишь бы знать, что Николая живет где-то в Мидгарде. И, возможно, даже иногда скучает по ней. Еще одного известия о его гибели она не вынесет. Тем более если погибнет он из-за нее. Нужно как-то выбраться из дома и помочь. Пусть даже против его воли. Пусть даже ценой собственной жизни. Лишь бы не чувствовать себя виноватой. Лишь бы не жить, зная, что его больше нет. Надо, чтобы Финист ее пустил.

— Я... — подала Герда голос, когда поняла, что ждать дольше нет смысла. — Я проголодалась.

— А у меня кусок в рот не лезет, — пожаловался Финист.

— Я всегда много ем, когда волнуюсь, — соврала Герда.

— Никогда не замечал, — скептически хмыкнул он.

— Принеси чего-нибудь. Это поможет отвлечься, — настаивала Герда. — Пожалуйста.

Она взяла его за руку и сосредоточилась, мысленно высказывая приказ одеться и принести еды. Нужно проверить, работает ли гипноз до того, как использовать его на детях.

— Пожалуйста, — пристально глядя в его желтые птичьи глаза, повторила Герда.

Его зрачок расширился, затопил всю радужку и сузился.

— Хорошо, я быстро, — сдался Финист и отправился вниз за едой.

Герда дождалась, пока он скрылся на кухне и, на бегу натягивая верхнюю одежду и сапоги, кинулась во двор. Свистом подозвала гуляющую вместе с Золотинкой в загоне Яшку, набросила на нее узду, запрыгнула на голую спину и с гиканьем помчалась галопом за Николая. Через мгновение на порог выскочил Финист в криво накинутом на плечи плаще.

— Куда?! Стой! — крикнул оборотень, но Герда только прибавила ходу. — Да что же я?.. Она же меня загипнотизировала! Зараза!!!

Он побежал к Золотинке, вскочил на нее и поскакал следом.

\*\*\*

Надо было провести с Гердой больше времени. За те несколько часов, что они пролежали обнявшись, резерв заполнился лишь на четверть, может, на треть. Достаточно, чтобы не валиться с ног от усталости, но для битвы все равно мало. Шансов победить силой нет, а в голове еще шумит как от похмелья. Но о неудаче думать нельзя. Иначе шансов вообще не будет.

Харысай летел по сыпучим камням в гору, как по твердой земле, ровно и быстро. Николя чувал огромную ауру пастуха. Он больше не таился. Выступал в открытую, словно ждал того, кто бросит ему вызов. Пастух вел детей по южному хребту к Коварному ущелью, куда нередко падал заплутавший скот и неосторожные люди. Должно быть, хотел залить камни внизу детской кровью и сделать их своим жертвенником. Нужно помешать ему во что бы то ни стало. Николя уже сталкивался с забытыми, покинутыми паствой богами, обозленными на весь мир, глухими к мольбе, состраданию и даже доводам рассудка. Ими движет одна жажда мести, и ни до чего больше им дела нет. А убить их может лишь собственная ненависть. Остается надеяться, что у пастуха за тысячу лет ее скопилось достаточно, иначе все потуги будут тщетны.

Впереди замаячила плоская вершина. На ней толпились дети и пустыми глазами взирали на раскинувшуюся у ног пропасть. Старик, именно такой, каким его описывал Финист, стоял позади них, сложив руки на груди. Смирненно ждал спешащего к нему всадника.

— Я уже не надеялся, — хитро улыбаясь из-под широкополой шляпы, сказал пастух, когда Николя спрыгнул на землю. — Все перепробовал, чтобы твоё внимание привлечь: и крыс на город натравил, и веру людей в тебя пошатнул, и могилу собственную показал, и даже ремесло твоё отнял, а все мало оказалось. Ну хоть паству свою не оставил, а то я боялся, что ошиблись тролли. Или я неправильно понял. Хотя после светопреставления на Бельтайн все сомнения отпали.

Николя удивленно моргнул. Пастух устроил все это только для того, чтобы вызвать его на поединок? Он действует сам или исполняет волю Безликого? Впрочем, неважно.

— Вот он я. Отпусти детей.

— Конечно. Как только ты сразишься со мной, — Пастух кивнул на притороченный к поясу меч Николя. — Убьешь меня, и твоя паства свободна.

— А если проиграю? — полностью ощутив его ауру, Охотник не тешил себя надеждой на победу. Но если его гибель спасет полсотни детей, то стоит попробовать.

Пастух указал глазами на пропасть.

— Такой исход мне понравится еще меньше, чем тебе. Так что постарайся победить. Ради нас обоих, — он откинул ветхий плащ, разломал пополам свой посох и достал оттуда тонкий клинок, отливавший белым светом.

Охотник вынул из ножен небесный клинок и полоснул им по запястью, обагрив лезвие собственной кровью. Меч отозвался легкой пульсацией и полыхнул бледно-фиолетовым.

«Наконец-то достойный противник! — возликовало оружие. — Бой будет жарким!»

Николя не разделял его радости. Знал, что ему не выстоять и все равно обязан был драться, обязан перед Вожыком и Лейфом, перед остальными детьми, перед жителями города и перед Гердой.

Первый взмах меча — Николя неловко отбивался от атаки. Ответный удар недостаточно быстрый. Клинки высекли снопы искр. Еще и еще. Единственный шанс — закончить в пару ударов. На большее сил не хватит. Но противник отбивал атаки играючи. После его выпадов с трудом удавалось устоять на ногах.

Николя пустил меч вертушкой, перекатом ушел вбок от контратаки, послал лезвием волну, не позволяя противнику пробиться сквозь защиту. Нужна передышка.

— Что с тобой? — недовольно осведомился пастух. — Разве ты не понимаешь, что это всерьез? Почему не сражаешься в полную силу? Может, пустить тебе кровь, тогда ты

оценишь меня по достоинству?

Пастух атаковал снизу, скользнул по выставленному для защиты клинку. Обманный маневр — белое лезвие пастуха взлетело молнией. Боль пронзила левое плечо в нескольких пальцах от сердца. Рубашка промокла. Николая зашипел и замахнулся, но противник ловко ушел в сторону и нанес сокрушительный удар снизу. Едва удалось отбить и перегруппироваться. Воздушные щиты противник обходил, словно никакой преграды не было. Николая перенаправил дар на удержание равновесия. Едва не опоздал. Следующий удар почти смел с ног. Это конец! Еще одна такая атака, и он не устоит.

\*\*\*

Герда никогда не ощущала такой решительности. Словно мистическая сила гнала ее вперед. Пропали страх и неуверенность. Герда должна это сделать, какой бы непомерной ни была цена. Один Николая не справится, а без него ничто не будет иметь смысла. Яшка неслась во весь опор, не обращая внимания на крутые подъемы и спуски, на зияющую с одной стороны пропасть, на летящие из-под ног камни. Быстрее, обгоняя ветер, только бы успеть, пока не стало слишком поздно. От ощущения громадной ауры сперло дух. Много сильнее, чем у всех демонов вместе взятых. Такого ни один человек победить не сможет, даже... Нет, Герда уведет детей, и Николая не понадобится сражаться. Показалась плоская вершина. Пугающе тихая толпа детей на ней. Здесь были все от едва научившихся ходить малышей до долговязых почти взрослых подростков, мальчишек в коротких штанишках и жилетках нараспашку, девочек в цветастых сарафанах.

Герда остановила лошадь чуть вдалеке, чтобы не привлечь внимание пастуха стуком копыт, и, продираясь через колючий можжевельник, подкралась поближе. Дети безучастно смотрели на острые камни на дне ущелья, словно ждали приказа прыгать. Последний рывок, и Герда оказалась посреди толпы. Она закрыла глаза и возложила руки на головы первых попавшихся малышей, мысленно произнося: «Уходите! Возвращайтесь к родителям». Гнала прочь сомнения. Раз с Финистом вышло, то и сейчас получится. Обязательно получится. И дети медленно, как сомнамбулы, разворачивались и шагали вниз по склону, переваливаясь с ноги на ногу и раскачиваясь. Герда касалась головы каждого, представляя, как разрывает невидимые нити, связывающие их с пастухом. Освобождает от наваждения. На мгновение открыла глаза и поймала на себе взгляд Николая, испуганный и уставший. По его белой рубашке растекалось багровое пятно. Герда заставила себя подбадривающе улыбнуться, желая сказать: «Продержитесь еще немного. Я уже скоро». Николая будто услышал и снова ринулся в бой. Герда бросилась к оставшимся детям. Еще с десятков. Подступала тошнота, суставы ныли, в голове стоял раздражающий гул. Предел близок. Надо держаться. Еще Вожык и Лейф. Из носа потекла кровь. Герда положила руки на головы мальчишек. Они пошли вслед за остальными.

Дышать стало тяжело, словно на грудь села жаба. Колени грозили подогнуться. Герда упрямо мотнула головой. Надо предупредить Николая, что дети спасены. Ему не нужно больше драться.

— Герда! — закричал Охотник.

Не успела?

\*\*\*

Это не был отточенный и выверенный до последнего движения бой. Николая выжимал из себя последние силы. Лупил и отмахивался. Нужно было отвлечь Пастуха от Герды. Толпа стремительно редела. В груди крохотным огоньком затеплилась надежда.

Лишь бы она спаслась, лишь бы они все спаслись. Тогда он передохнет... на том берегу.

Пот застилал глаза. Рана в плече больно пульсировала. Движения становились ленивей и слабее. Николя не выдерживал темпа и напора. Напрягшееся струной тело вот-вот грозило лопнуть. Оступился. Клинок поразил пустоту. Враг отбросил Николя назад. Несколько мгновений потребовалось, чтобы вновь обрести равновесие. Пастух скосил взгляд. На изрезанных морщинами губах мелькнула злая ухмылка.

— Герда! — закричал Николя.

Чужеродная сила оторвала ее от земли и понесла к Пастуху. Герда безвольной куклой обвисла у него на руках. Николя застыл в нескольких шагах от них, боясь пошевелиться.

— О, маленькая мышка, — каркнул скрипучий голос. Серые глаза расширились от ужаса. Пастух провел костлявым пальцем по ее щеке и принюхался к волосам. Ухмылка на его устах стала шире. — Похоже, с выбором заложников я ошибся. Мышка-то вся тобой пропахла.

Герда всхлипнула и прошептала:

— Мастер Николя, пожалуйста, бегите.

Сухой ком чиркнул внутри горла. Сердце больно затрепыхалось в груди. Зачем, ну зачем она пыталась его спасти?!

— Уф, какая глупая самоотверженная мышка! — расхохотался пастух. — Не побежит он никуда. Ты его слабость и его сила. Гляди, как его трясет!

Николя выдохнул. От макушки до кончиков пальцев на ногах прошла волна мелкой дрожи. Еще одна и еще. Крупнее. Неистовой.

— Интересно, что с ним станет, если я пушу тебе кровь, — Пастух поднял клинок и провел по горлу Герды. воротник и жилетка потемнели от крови, обильно сочившейся из широкой царапины.

Николя чувствовал ее боль и страх перед смертью. Они становились его собственными. Нет! Он ведь так старался! Мир подернулся красной пеленой. Сквозь нее звуки, движения и запахи ощущались особенно остро.

«Отступи, позволь мне ее забрать, и ты будешь свободен, — прошептал в голове вкрадчивый голос Безликого и зашелся жутким гортанным хохотом: — От нее, от меня и даже от себя самого!»

— Мастер Николя... — мольба резанула по ушам ножом, словно Герда вторила словам Безликого. — Беги...

По ее лицу текли мокрые дорожки слез, а в глазах не осталось и тени надежды.

«Убить! Убить! Убить!» — застучала в висках кровь. По телу прошли сильные вибрации. Все мышцы разом напряглись. На шее, руках и ногах вздулись темные жилы. Суставы выворачивались. Раскаленная ярость затапливала сознание, погребая его под сокрушительным валом ненависти, желания разорвать, уничтожить любой ценой.

\*\*\*

Финист не поспевал. Золотинка сильно спотыкалась на камнях. Привыкшая к плоским степным просторам, она боялась горных круч и узких обрывистых выступов. Не выдержав, Финист бросил ее у подножья, обратился соколом и полетел к укутанной облаками вершине.

Пастух прижимал Герду к себе и держал у ее горла клинок. Финист издал боевой клич и камнем рухнул ему на голову. Пастух выронил меч, отпустил Герду и закрыл лицо руками, спасая единственный целый глаз. Она упала и, не вставая, отползла подальше. Заметив, куда она двигалась, Финист полетел следом, в воздухе обернулся человеком и придавил Герду

собственным телом.

— Нет! Нет! Ему плохо! Я должна быть с ним, — забила она, пытаясь вырваться. Вопила, царапалась, кусалась, пинала ногами, но Финист не выпускал. Один раз уже подвел. Хватит. Сейчас к Охотнику приближаться нельзя. Резерв заполнялся, сила хлестала через край. Финист ощущал ее кожей. Аура разрасталась черными нитями, сверкала голубыми сполохами. Больше и яростней той, что Финист чувствовал в пещере Истины!

— Убью! — заревел Николя так, что содрогнулась земля.

В пропасть полетели камни. Застенал ветер, нагнал грозовых туч. Стало темно, как ночью.

— Ну, наконец-то! — возликовал Пастух и, подобрав с земли меч, ринулся в схватку. Охотник отбил играючи. Истощение забыто, он стал самой яростью. Вжух! Удары запредельной мощи, движения настолько стремительны, что их едва можно разглядеть. Свиш! Он беспощадно молотил противника, с шипением приговаривая:

— Ненавижу! Ненавижу все ваше небесное племя! Я сотру тебя с лица Мидгарда вымарая твоё имя из памяти смертных, развею саму память о тебе в безднах небытия! Этого ты хотел?!

— О да! — иступлено отвечал Пастух. — Я ждал этого тысячу лет!

Они продолжали биться. Охотник вихрем метался вокруг пастуха. Финист не мог предугадать ни единого выпада. Меч противника жалостно звенел, отбиваясь. На вершине горы сошлись два стальных шквала, сметающих все на своем пути. Должно быть, об этом говорил Ноэль. Охотник сражается не как люди и даже не как демоны, а как этот сумасшедший божок. Нет, лучше, словно божок всего лишь его бледная тень. Финисту бы никогда не удалось его победить. Пастуха сейчас разорвет! И каждого, кто посмеет к ним приблизиться.

Герда затихла и едва слышно всхлипывала. Финист закрыл ей лицо руками. Исход этой схватки ей видеть не стоит.

Каждый новый удар Николя становился все раскованней и яростней, словно он только разогревался и вспоминал позабытые и растроченные воинские навыки. Финист будто сплетался с ним разумом, чувствовал то же, смотрел на него и его глазами одновременно. Николя не замечал ни усталости, ни вымокшей в крови рубашки, ни исходившего от горевшего фиолетовым пламенем неистового жара, ни ледящего душу хохота проигрывающего противника. Завороженный схваткой, он полностью погрузился в пляску смерти, отрешившись от суетного мира. Имела значение лишь лязгающая песнь сталкивающихся клинков, в которой его партия должна была стать победной. Еще несколько взмахов меча, и Николя смял защиту противника. Клинок со смачным хрустом вонзился в плоть бессмертного, пробил насквозь и припечатал к земле. Охотник воздел руку в странном жесте. Тело Пастуха неестественно выгнулось. Божок заорал от нестерпимой боли.

Герда пнула Финиста коленом поддых. Потеряв связь с Николя, оборотень разжал руки. Герда вырвалась и побежала:

— Мастер Николя!

Не опуская руки, Охотник медленно обернулся. Он не был похож на себя. Словно в него кто-то вселился.

— Лхассей, — заморожено выдохнул он и сделал шаг навстречу, забыв о недобитом пастухе.

В его глазах было столько тоски, будто они расставались на долгие годы и только

сейчас снова встретились. И он никак не мог поверить, что это возможно, что все происходит наяву, а не в обманчивых грезах. Охотник протянул к ней руки. Герда вдруг замерла.

— Берегитесь! — завопила она.

Ярко полыхнула молния. Гром раскатился прямо над головой. Николая рухнул как подкошенный посреди выжженной проплешины лишайника. Герда упала рядом на колени и принялась колотить Охотника по щекам. Финист проверил пульс и покачал головой:

— Герда, он не дышит.

\*\*\*

Свет померк. Интуиция подсказала, что противник нацелил оружие в спину. Николая прыжком развернулся и вскинул собственный меч для защиты. Оружие пастуха отлетело в сторону. Охотник снова забылся в неистовой схватке. Сперва показалось, что он уступил место кому-то более сильному. Легче было поверить, что с таким противником справится только таинственная мистическая сила: Безликий, небесный меч или еще какой-нибудь древний покровитель Стражей. Но никакой мистической силы не было и в помине. Его собственная рука наносила сокрушительные удары, его собственное мастерство помогало предсказывать движения противника и находить брешь в защите, его собственный дар наполнял тело легкостью и невероятной скоростью, а удары силой.

Николая наслаждался боем. Как будто до этого он не жил. Задышал полной грудью, лишь когда кружил вокруг отчаянно отбивающегося Пастуха. Был глух и только сейчас научился слышать, был слеп и только сейчас увидел мир во всем его многообразии, соединился с ним и, наконец, нашел свое место. Здесь, с оружием в руках, отражая удары и изматывая врага, посягнувшего на его паству, его любовь и жизнь. Впрочем, то, за что они сражались, уже не имело значения. Важен был лишь сам танец с клинками, пляска, в которой жизнь и смерть сливаются в одно, поддерживая естественный порядок во всем мире. Это была славная игра. Азарт распалял все больше. Николая не замечал, как вымотался старик, как из последних сил увертывается от ударов, как вяло поднимается его меч. Выцветшие старческие глаза смотрят с трепетным ожиданием конца.

Еще один резкий выпад, и оружие выскочило из рук противника. Покатилось по земле. Жаркая, светящаяся фиолетовым сталь застыла у горла пастуха. Тот смиренно закрыл глаза в ожидании приговора. Охотник прищурился: заканчивать игру не хотелось. Он подтолкнул упавший меч противнику, словно кот выпустил на волю пойманную мышь, чтобы снова упиваться охотой. Старик открыл глаза и устало глянул исподлобья:

— Имей уважение к старости. У меня больше нет сил тебя развлекать. Положи конец моим мукам, молю!

Николая удивленно моргнул. Зрение снова стало обычным. Мутная алая пелена ярости спала. Яркий белый свет, отражаясь от воды, слепил глаза. Под ногами оказалась вовсе не занесенная облаками каменная вершина Утгарда с зияющим внизу глубоким ущельем, а песчаная почва острова, на котором он обнаружил могилу с именем пастуха. Зачем Вотанус перенес их сюда?

— Не понимаю, — растерянно ответил Охотник. — Ты натравил на город крыс, похитил детей и вызвал меня на бой только для того, чтобы я разорвал тебя в пылу схватки? Нельзя ли было найти более легкий способ свести счеты с жизнью?

— Я же бессмертный, — грустно улыбнулся старик. — Легкий способ не подействует. Ты вымотал меня до предела. Теперь нужно изрубить мое тело на ошметки, сжечь и развеять



прах над моей могилой. Тогда я перестану существовать как на этом, так и на другом берегу реки.

— Все равно не понимаю, зачем тебе умирать. Вечная жизнь опустылела?

— Не хотел тебе показывать свой позор, но вижу, что придется. Ведь без этого ты ничего не сделаешь, да?

Пастух снял перчатку и закатал рукав до локтя. Его рука была антрацитово-черной, словно обугленной. Внутри нее что-то шевелилось и пульсировало. Слышался шепот потусторонних голосов:

«Сдайся. Не подставляй голову под небесный меч. Стань одним из нас. Мы возродим тебя во всемогуществе!»

Николя пораженно выдохнул. Словно мучавший много лет кошмар вдруг стал явью. Какое ему дело до бессмертных? От них вечно одни неприятности.

— Легион теней? Я же загнал его обратно в Хельхейм несколько лет назад. Неужели он прокрался назад, а дозорные Дану ничего не заметили? Он пожирает даже бессмертных?

Пастух печально повел плечами:

— Тени. Пятая стихия. Та, что пришла в мир последней и так и не нашла своей паствы и воплощения. Теперь она хочет отобрать все это у остальных стихий. Легион — самый примитивный из его солдат. Питается любой встреченной им на пути жизнью: животных, растений, демонов, людей — ему без разницы. Разума хватает лишь на то, чтобы перерабатывать жизнь в нежизнь. Паству для Теней. Заполонять все собой.

Есть еще Осколки мрака. Те из нас, кто потерял свою паству, слабеют, предаются ненависти. Мечь становится единственной нашей целью. И тогда Осколки находят брешь в наших оболочках, пробираются под кожу и, подпитываясь от горечи и обиды, пожирают нас. И тогда мы превращаемся в Предвестников Хаоса, самых страшных и преданных союзников Теней, — пастух пристально посмотрел на Охотника.

— Осколки способны заражать и людей?

— Быть может, если в них есть божественные искры...

— Родовой дар? И они тоже становятся одержимыми Предвестниками? Ловцами желаний? Все Магистры Защитников Паствы зараженные Осколками Предвестники? Поэтому они предали Стражей? Они заставляют единоверцев молиться не своему богу, а Теням?

— Тебе лучше знать. Я давно отошел от людских дел, — Пастух продолжал печально улыбаться, словно чего-то ждал.

Николя искал внутри собственного сознания Безликого. Вот у кого должны быть ответы на все вопросы.

«Почему ты не сказал?»

«Я говорю лишь то, что ты позволяешь, — легко отозвался Безликий. — А ты молодец. Справился, хотя и заставил меня поволноваться. Надеюсь, свой урок ты вынес. Герда будет с тобой, пока ты сам этого хочешь. Как только она начнет тебя тяготить, я заберу ее. А теперь помоги старику. Мне его жаль».

«Ужас и скорбь, что я чувствую — они ведь не мои?»

«Мои. Моего отца, Высокого Тэнгри, тоже поразил Осколок. У него хватило воли передать мне свою силу и уйти за грань до того, как он превратился в Предвестника. Его всегда называли несгибаемым. Но у этого Пастуха такой воли нет. В нем еще сохранилась сила. Попроси его истратить эти крохи на твое желание, а дальше действуй, как с Ялинкой в

Дривсятах. Боги создали людей по своему подобию, поэтому Осколки влияют на них также».

«Но подарки богов всегда плохо оборачиваются для смертных».

«Это потому что смертные плохо понимают, что им нужно. Не бойся, тебе это не грозит. Сделай, и вернешься к Герде».

Пастух терпеливо ждал. Как покаявшийся преступник в ожидании сурового, но справедливого приговора.

— Ты исполнишь мое желание? — спросил Николая, доверившись Безликому.

В конце концов, если богу понадобится его уничтожить, он раздавит своей мощью, как бы Николая не сопротивлялся. Пришло время довериться и плыть по течению.

Пастух от удивления открыл рот. В блеклых глазах вспыхнула надежда.

— Неужели ты можешь... Я слышал о подобном от Жнецов, но думал, они как всегда преувеличивают. Никогда бы не поверил... — Николая сам не верил и понимал еще меньше. Старик осекся: — Так каково твоё желание?

И в самом деле, чего же такого пожелать?

— О, нет. Я не смогу воскресить твоего отца, — печально качнул головой Пастух. — Боюсь, это никому не под силу. Он ушел за грань навсегда. С этим надо смириться и жить дальше.

Николя сдвинул брови. Ведь он даже ни о чем подумать не успел. Океан вокруг острова исчез. Теперь он дрейфовал по воспоминаниям Николая о родительском доме на Авалоре, о заботливых маминых руках, о погибших сестрах и брате, об упреках, высказанных отцу на прощание. О них Николая сожалел каждый последующий день своей жизни.

Он зажмурился. Не стоит жалеть умерших, жалость нужнее живым.

— Э, нет. В сердечных делах разбираться тоже не проси. Я не сваха и над любовью не властен.

Николя широко распахнул глаза. Теперь остров плыл в небе над горой, на которой они сражались. Тело Николая, бесчувственное и неживое, покоилось посреди выжженной вершины. Прекрасная дева с короткими волосами цвета спелого льна склонилась над ним и целовала лицо, окропляя слезами. Дева из его несбыточных грез.

— Да и нужна ли тут помощь? — снисходительно улыбнулся старик.

— Это сложно, — пожал плечами Николая, отворачиваясь от пугавшей картины.

— Все сложности здесь, — пастух коснулся узловатым пальцем лба Охотника. — Сердечные сложности всегда от больной головы, а там никаких проблем нет.

Николя украдкой взглянул вниз. Герда коснулась губами уголка его рта. Нестерпимо захотелось вернуться в свое тело и перестать быть сторонним наблюдателем собственной жизни. Но он еще не выполнил свой долг перед Пастухом. Нужно поскорее придумать достойное желание.

— О, мне нравится ход твоих мыслей! — воскликнул пастух, потирая руки.

Горная вершина уступила место шумному городу с узкими улочками и высокими кирпичными зданиями. Он разительно отличался от скромной и сплошь деревянной Упсалы. Остров подплыл к изящному бело-голубому дворцу с высокими башнями-шпилями, уносившимися в ночное небо. «Авалорский магистерий», — догадался Николая. Крыша растворилась. Остров проплывал над шикарно меблированными внутренними покоями. Замер над роскошной спальней с громадной кроватью под тяжелым балдахином из золоченой парчи. Внутри угадывался силуэт спящего мужчины.

— Это я точно смогу. С превеликим удовольствием, — заговорщически подмигнув,

старик простер ладони руки.

В распахнутое окно спальни влетела шаровая молния, зависла над кроватью и поразила человека в самое сердце.

Неужели Николая этого желал? Он всего лишь хотел попасть домой. Хоть на пару мгновений ощутить запах родной земли.

Картинка исчезла. Остров снова плыл посреди безбрежного океана. Сверкали яркие блики на воде.

— Поторопись, иначе Осколок пожрет меня полностью, — напомнил старик.

Его тело стало полупрозрачным, мутным. Шепот из почерневшей руки усилился, сделался более зловещим. Пастух сдернул с себя плащ и расстегнул рубашку. Осколок крепился под его левым соском там, где билось сердце. Пальцы Николая сами потянулись к нему. Действуя по наитию, он, также как когда-то с Гердой, с помощью телекинеза проник под ребра. Перед мысленным взором предстал антрацитовый спрут, обвивший щупальцами ослабевающее с каждым ударом сердце. Николая схватил тварь за спину и, прикладывая всю свою силу, выдернул из груди пастуха.

— Да здравствует Небесный повелитель, — отсалютовал слабеющим голосом Пастух и растаял в соленом воздухе.

Осколок остался в руке Николая. Шипел и тянулся щупальцами к груди, но едва коснувшись его кожи, закричал и отдернул их в сторону. Охотник брезгливо поморщился и сжал спрута в кулаке. Осколок рассыпался прахом между пальцев. Свет померк. Ощущение собственного тела навалилось камнем. Губ коснулось что-то невероятно нежное, трепетное и сладкое. Амброзия, напиток богов. Не открывая глаз, Николая осторожно обнял нависшую над ним девушку.

— Мастер Николая! — почувствовав его движение, радостно вскричала Герда. — Вы живы! Я так испугалась.

Она разрыдалась пуще прежнего, крепко прижимаясь к нему.

— Оказывается, ты не только трусиха, но еще и плакса, — усмехаясь, он приподнял ее лицо за подбородок, вглядываясь в блестящие от слез глаза. — Смерти нет. Просто душа отделяется от тела, чтобы переродиться. И те, кого ты любишь, обязательно вернутся к тебе в новой жизни.

Герда громко всхлипнула. Растрогавшись, Николая принялся целовать ее, легко и просто. Ничего больше во всем мире его не волновало.

## ===== Глава 37. Прощание =====

Несколько дней Николая пришлось отлеживаться в постели. Но теперь он слушал указания целителя и даже позволил Герде ухаживать за собой. Постоянно просил ее остаться подольше и смотрел с такой надеждой, что отказаться было невозможно. Они разговаривали мало. Герда притащила к нему часть книг из библиотеки. Читала, а он смотрел. Иногда писал отчеты в компанию. Однажды попросил Герду попозировать для портрета. Она долго отнекивалась. Правда же, ее внешность слишком заурядная для рисунков. Николая посмеялся над ее сомнениями и заставил несколько часов сидеть смирно. Хмыкал, пристально ее разглядывая, сосредоточенно скрипел пером, пока не закончил. На портрете Герда получилась лучше, чем в жизни, с мягкими чертами и невероятно выразительными глазами. Лесть ей не понравилась, но ее критику Николая не воспринял. Обозвал глупышкой, потом

долго целовал волосы, лоб, глаза, щеки, нос и губы, рассказывая, какие они красивые. Герда сгорала от смущения. Никогда не думала, что такие строгие и чопорные люди, как Николая, могут всерьез рассуждать о подобных вещах! И сама уже сомневалась, что ей так уж не нравится его лесть.

Герда много занималась с Финистом. Он решил наверстать упущенное время за эти несколько дней: рассказывал и показывал невероятно много того, о чем до этого молчал или считал необязательным. О ее поцелуе с Николая он ни разу не обмолвился, но Герда чувствовала, что должна объяснить.

— Только не надо извиняться. Все равно меня тебе не переплюнуть, — усмехнулся Финист. — В глубине души я всегда знал, что ты предпочтешь его. Особенно после того, как побежала за ним на эту гору, наплевав на опасность. Будь счастлива, если таков твой выбор. Надеюсь, он тебя не разочарует.

— Он мне ничего не обещал, — Герда пожала плечами. Вечная двусмысленность в их отношениях раздражала как никогда. И все же серьезный разговор с Николая пугал гораздо больше, чем с Финистом. Вдруг она все неправильно понимает?

— Еще пообещает, — продолжал улыбаться оборотень с несвойственной безмятежной светлой грустью. Ему с трудом давались слова, но он считал нужным сказать: — В любом случае если тебе понадобится дружеское плечо, ты всегда знаешь, где меня искать.

Герда обняла его. Он поразительно переменялся за последние дни, стал спокойнее, увереннее, словно повзрослел и помудрел в одночасье. Научился слушать и снова стал лучшим другом, к которому можно обратиться с любой проблемой и не бояться, что он все усложнит. Даже с Майли, которая после битвы с Пастухом приняла его как героя, Финист сделался гораздо более ласков и внимателен. Она расцвела, а заодно растеряла всю свою заносчивость и сварливость. Лучилась от счастья, наслаждаясь его ухаживаниями.

Бюргеры, счастливые, что к ним вернулось их богатство — дети, быстро забыли, что еще пару дней назад кидали в Николая камни и хотели прогнать из города. Они то и дело заглядывали по пустяковым предлогам и приносили подарки: платки с ручной вышивкой, пироги, деревянную утварь — кто что мог. Николая не знал, как остановить бесконечный поток подношений. В конце недели бургомистр пригласил Охотника и всех его домочадцев на главную площадь. Перед ратушей собралась толпа. Все с восхищенным ожиданием взирали на обмотанный оленьими шкурами столб. Честь открыть его предоставлялась Николая. Охотник обескуражено пожал плечами, но обижать бюргеров не стал, спешно стянул шкуры и удивленно вытаращился. На месте столба оказалась статуя из гигантского ясеня. Опиравшийся на меч воин. В его чертах с легкостью можно было узнать Николая.

— Подарок от гильдии резчиков... и от всей Упсалы. Чтобы мы больше не забывали, кто наш истинный герой и покровитель, — усмехаясь, Гарольд похлопал его по плечу.

— Это уж слишком. Я ведь не бог, — мрачно зашептал на ухо бургомистру Николая. Вымученно улыбнулся и помахал собравшимся чествовать его бюргерам.

— Ты намного лучше, мой мальчик. Боги далекие, обидчивые и безразличные, а ты близкий, живой и никогда никого не бросаешь в беде, — рассмеялся бургомистр. — За нашего доблестного Охотника! Пусть его дни будут длинными, а жизнь сладкая, как мед!

Под одобрительный гомон горожан Гарольд окропил статую пенным элем и дал команду к началу празднества.

Пастыря прогнали. Бургомистру едва удалось удержать разбушевавшуюся толпу, которая хотела побить пособника злодея камнями. Впрочем, все обошлось. Дети вернулись живые и

здоровые, крысы ушли, а празднество удалось на славу. Поля засеяли вовремя и ждали богатого урожая осенью. Жизнь возвращалась в проторенную колею.

Через пару дней к Охотнику явился взволнованный Сайлус. Они заперлись в кабинете и несколько часов беседовали. Когда моряк ушел, Николая еще долго бродил из угла в угол в спальне, бормоча себе под нос. То и дело задумчиво поглядывал на Герду. Она погрузилась в чтение очередного фолианта о способностях Стражей. Заглянул Финист. Они с Николаем о чем-то зашептались. Когда спеться успели? Потом замолчали и глянули на Герду.

— Думаю, тебе лучше лечь сегодня пораньше, — сказал Финист, отбирая книгу.

— Но я не хочу спать! — возмутилась Герда. Дразня, оборотень помахал книгой над головой. Герда насупилась. — Мастер Николая!

Охотник ухмыльнулся и подошел к ним. Но вместо того, чтобы отнять у несносного Финиста книгу, подхватил стул, на котором сидела Герда. Оборотень сделал то же самое с другой стороны.

— Что вы творите?! — закричала Герда. Ей совсем не нравилось выражение их лиц.

— Идем в кроватку, — подмигнул Николая. Они с Финистом о подняли стул с Гердой, боком вынесли его через дверной проем в коридор. В коморке вытряхнули Герду прямо в кровать.

Она зло прошипела:

— Предатели!

— Ууу, тебе просто надо хорошенько отдохнуть, — отшутился Финист.

— Для чего? — она смутно что-то подозревала. Слишком заговорщически выглядели ухмылки на их лицах.

— Для э... — начал Финист, но Николая пихнул его в бок локтем.

В каморку заглянул Эглаборг и принес дурманно пахнущее зелье.

— Для нового дня, — широко улыбнулся Охотник и, забрав у целителя чашку, поднес ее ко рту Герды. — Общеукрепляющее. Чтобы больше не болела. Давай, не все же тебе кормить нас с ложечки. И не читай мысли Финиста.

— И не думала, — мрачно ответила Герда и разжала зубы. Все равно не отстанет. Горячий отвар приятно согревал. Голова стала тяжелой. Захотелось спать. Веки сомкнулись сами собой. Сквозь полудрему она почувствовала, как Николая коснулся губами виска и прошептал на ухо:

— Спи крепко. Все будет хорошо.

Проснулась Герда, когда солнце было уже высоко. Видно, заговорщики подсунули ей сонное зелье вчера. «Спи крепко», — сказал Охотник. Лгун и предатель! Заслышав шум в коридоре, Герда поднялась и выглянула за дверь. У кабинета Николая толпились Майли, Вожык и Финист.

— Я сдала, представляете? — счастливо вещала Майли. — И совсем не сложно. Правда мастер Николая сказал, что мне еще много формул и схем надо выучить. Но все равно дал третий класс и пообещал, что я смогу отправиться с Финистом в Дюарль.

Оборотень с Вожыком поспешили ее поздравить. Дверь распахнулась, и из-за нее выглянул Николая:

— Вожык, заходи. Герда, ты следующая.

Она передернула плечами. Как он ее через такую маленькую щелку заметил? Николая удалился вместе с Вожыком.

— Что значит, я следующая?! — взъярилась она на Финиста.

— Экзамен, ты не знала? Мастер Николя нас еще два дня назад предупредил, — недоуменно объяснила Майли. Без тени ехидства. Видно, любовь в самом деле способна на чудеса. Жаль, что не в случае Герды.

— Финист! Почему ты не сказал?! — она пылала от негодования.

— Мы решили, что так ты будешь меньше волноваться.

— Ах, вы решили! — Герда всплеснула руками.

— Тебе надо было набраться сил.

Герда махнула на него и убежала переодеваться. Не успела даже причесаться, как в дверь постучал Финист:

— Быстрой. Николя тебя уже ждет.

Обозвав оборотня нехорошим словом, Герда схватила лежавший на тумбочке подарок, прижала его к груди и выбежала в коридор. Финист подбадривающе улыбнулся:

— Иди. Все будет хорошо.

Сейчас как никогда хотелось ему врезать. И Николя заодно. Гады!

— Не бойся. Я уже сдал и даже получил второй класс, — похвастался стоявший рядом Вожык. — И я смогу задержаться здесь еще на пару лет. А потом, возможно, мастер Николя уговорит компанию не забирать меня в армейский корпус. Я буду помогать ему бороться с демонами. Правда, здорово?

— Правда, — Герда потрепала его по волосам и зашагала к кабинету, тщетно пытаясь унять сердцебиение. Финист последовал за ней. Охотник ожидал, удобно расположившись за письменным столом.

— Наконец-то! — улыбнулся он, увидев застывшую в нерешительности Герду. — Начнем?

— Да, я... — замялась она. Финист подтолкнул ее в спину. — Я хотела вам кое-что подарить. Вот.

Герда протянула Николя сверток, боясь, что снова поддастся гневу. Охотник удивленно вскинул бровь:

— Что-то меня завалили подарками. А по какому поводу?

— У меня недавно был день рождения и вот... — Герда снова замялась. Николя с Финистом недоуменно переглянулись.

— Когда? — спросил Охотник. — Почему я ничего не знал?

— На Бельтайн. Никто не знал. Столько всего случилось. У меня не было случая рассказать.

— Ну да, мы с Финистом затеяли драку, после которой ты слегла с лихорадкой, — горько заметил Николя и виновато потупился вместе с оборотнем. — Это мы должны были тебе подарок дарить. И не один.

— Это пустяк, — смутилась она. — Так просто, на память. Можете выбросить, если не понравится.

Николя неопределенно хмыкнул и раскрыл сверток. В нем оказалась рубашка с и вышитым с левой стороны бледно-фиолетовым цветком.

— Надо примерить, — с энтузиазмом заявил Охотник, скинул старую рубашку и надел новую. — Ну как?

— Лилия? — внимательно изучая вышивку, поинтересовался Финист. — К чему бы это?

— Это лотос, болван, — возразил Николя, приглядевшись к цветку. — Символ мудрости и незапятнанности. Как ты догадалась, что это мой любимый цветок? Он же у нас не растет.

— В книжке увидела, — пожалала плечами Герда. — Мне понравилось, и я решила... Он не слишком девичий?

— Нет-нет! — в один голос заверили ее Николая с Финистом. Оборотень бесцеремонно схватил край рубашки и потянул к себе. Николая отпихнул его в сторону и вырвал из его рук свою одежду. Финист заскрежетал зубами и снова потянулся за ним. После короткой потасовки под ошарашенным взглядом Герды они опомнились и разошлись. Охотник уселся за стол, а Финист встал позади Герды.

— Так о чем мы? — Николая с трудом собрался с мыслями. — Ах да, экзамен.

— Насчет этого, — Герда перевела обвиняющий взгляд на Финиста. — Меня не предупредили, поэтому я не готова. Не могли бы вы дать мне еще день?

— Что за глупости? Ты была готова еще две недели назад. Это я попросил Финиста не говорить. Уверен, у тебя все прекрасно получится.

Герда насупилась. Точно, сговорились! Стоило им забыть о своей глупой вражде, как они начали вести себя как... как братья.

— Давай не будем терять времени на то, чему я сам тебя обучал. Посмотрим, чего тебе удалось добиться с Финистом. Он расскажет, в чем суть задания, — не дожидаясь новых возражений, продолжил Николая и глянул на оборотня.

— Раз уж ты теперь умеешь читать мысли, — заговорил Финист. — Мы решили совместить задание по отражению с заданием по телепатии. Прочитай в моих мыслях, что мы хотим увидеть.

Герда сдавленно выдохнула и кивнула. Звучало не слишком сложно, но все же... Раскисать нельзя, а то Николая снова обзовет трусихой. Герда взяла Финиста за руку и, даже не успев толком сосредоточиться, услышала свое задание. Кивнула. Оборотень воспользовался своим даром. Легко перехватив его зов, Герда придала ему нужную форму и превратила в повеление. В распахнутое окно влетела дюжина синиц. Птицы выстроились в клин, описали вокруг стола три петли и упорхнули обратно на улицу. Финист отпустил руку Герды и удовлетворенно улыбнулся:

— Я и сам не смог бы лучше.

Она смущенно покраснелась.

— Ну вот, а ты боялась, — поддержал его Николая. — Экзамен почти сдан. Осталась малость.

Финист нахмурился. Видно, об этой малости они не договаривались. Герда занервничала.

— Покажи что-нибудь на свой вкус. Удиви меня.

Николая уже просил об этом Дугаву. Тогда ей пришлось очень туго.

— Я... — неуверенно начала Герда.

— Ну же! — нетерпеливо выкрикнули оба мужчины и недовольно покосились друг на друга.

— Я хочу попробовать прочесть ваши мысли, — собравшись с духом, выпалила она.

Финист с Николая нахмурились. А что такого? Мысли Финиста она читала легко. Почему с Николая должно быть иначе?

— Не стоит... — заговорил Финист, но Охотник остановил его властным жестом.

— Пускай попробует.

Повисло неловкое молчание. Герда подошла к Николаю и сжала его руку, как Финиста до этого. Ничего не произошло. Совсем. Полная тишина. Непроглядная темень. Но Герда не

сдалась и положила ладони Николая на голову, коснулась пальцами висков, сиюсь представить его мысленный поток. Ничего. Герда сосредоточилась сильнее, повторяя все техники концентрации, которые успела выучить. Ничего. Ну почему ей не дали еще день?! Возможно, в той самой последней книге был ответ, который она так и не успела постичь. Герда зажмурилась. Вопреки здравому смыслу не желала складывать руки. Перед мысленным взором вспыхнула крохотная искорка и умчалась прочь. Потом еще одна и еще. Да вот же они, мысли Николая! Какие юркие. Как же их догнать? Помчалась за одной и упустила, за второй — та тоже не далась. Третья оказалась побольше. Герда рванулась за ней изо всех сил. Вот-вот догонит. Выставила руку и попыталась схватить за хвост. Пальцы скользнули по мокрым чешуйкам. Словно в озерной глади отразилось ее собственное перепуганное худенькое личико. Все тело вспыхнуло болью. Вышибло дух.

— Остановись! — словно сквозь стену она услышала возглас Финиста.

— Ты что, совсем больной?!

Герда открыла глаза. Оборотень оттаскивал ее от мертвецки бледного Николая. Тот плотал ртом воздух. Из его ноздрей текли две тоненькие темные струйки. Герда с трудом заставила себя дышать. Должно быть, выглядит ничем не лучше его. Она вытерла рукой под носом. На пальцах остался кровавый след.

— Зачем ты это позволил?! — возмущался Финист.

— Тихо, — прохрипел Николай, справившись с дыханием.

— Я не... — попыталась оправдаться Герда. Она же все испортила! — Простите, я не знаю, как так вышло.

— Не извиняйся, это моя вина, — перебил ее оборотень. — Я должен был предупредить, что ты не сможешь прочесть его мысли. Только не его. Ни один телепат не может читать мысли телекинетика.

Финист с вызовом уставился на Николая. Герда тоже посмотрела на него.

— Не попробуешь, не узнаешь, — развел руками Охотник. — Герда, подожди за дверью. Твой учитель явно хочет кое-что со мной обсудить с глазу на глаз.

Герда слегка пошатывающейся походкой вышла из кабинета и съехала на пол по стенке. Из-за плотно затворенной двери доносились возбужденные голоса. Финист и Николай снова ругались. Жаль, что слов не разобрать. Герда сокрушенно закрыла лицо руками. Телекинез противоположен телепатии. Конечно! Она должна была догадаться. Ведь и мысли Ноэля тоже прочесть не получалось. Просто она так долго жила этой надеждой, что не пожелала избавиться от нее, даже когда стало понятно, что все попытки тщетны. Хоть бы у Николая было все в порядке. У него ведь и без того резерв не до конца восстановился, а теперь еще и кровь носом идет. Герда всхлипнула и утерла рукавом собственный нос. Дверь распахнулась. В коридор выглянул Финист.

— Все нормально? — спросил он, помогая Герде подняться. Та слабо кивнула и вошла в комнату следом за ним.

— Я сдала? — с робкой надеждой спросила она. Финист подбадривающе улыбнулся, а Николай наоборот отвел взгляд. — Я получу назначение и класс?

— Не совсем, — ответил последний.

— Что?! — глаза оборотня округлились.

— Не волнуйся, на твоих рекомендациях это не отразится, — попытался увещевать его Охотник, но Финист взъярился еще больше:

— Да причем здесь?!



— Дар Герды слишком редкий. Мы не можем быть уверены, что знаем, как он работает. Я считаю, что ей понадобится больше времени, чтобы освоиться под присмотром наставника.

— Но как же... — прошептала Герда одними губами. Она же больше узнала о даре из книг без помощи «наставников». Впрочем, с чтением мыслей Николая вышло скверно.

Охотник продолжал:

— К тому же, она наивна, как ребенок, и недостаточно рассудительна, чтобы жить одной и приносить пользу компании.

— Но как же... — прошептала Герда одними губами. Он прав. Такой она и ощущала себя все время.

— Только не загоняй себя, — Охотник успокаивающе коснулся ее щеки. — Ты ни в чем не виновата. Все произошло слишком быстро: смерть отца, потеря дома, дар. Твой мир перевернулся с ног на голову, и никто не ждет, что ты быстро сможешь все понять и принять. Надо научиться здраво оценивать собственные силы и не доводить себя до изнеможения чрезмерной нагрузкой. А это у тебя, прости, пока не получается.

Герда не нашла, что ответить, зато Финист молчать не собирался:

— На себя бы лучше посмотрел. Тоже мне, великий оценитель собственных сил.

— Сейчас речь не обо мне, — отмахнулся Николая. — Я всегда знаю, что делаю и чего мне это будет стоить.

Хотелось забиться в угол и не слушать. Неужели сегодняшний экзамен ничего не значил? Тогда зачем понадобилось шутовское представление? Она бы в любом случае не сдала!

— Хватит нести чушь! — вспылал оборотень. Хорошего расположения к Николаю хватило ненадолго. — Скажи ей правду!

— Финист, выйди, — устало попросил Охотник.

Оборотень опешил:

— Ну и прекрасно. Продолжай вести себя как идиот, а с меня хватит.

Финист вышел за дверь, яростно ею хлопнув. Николая покачал головой и подошел к замершей в испуге Герде.

— Я хотел сказать, что несмотря на блестящие способности и рвение к учебе, ты очень уязвима перед опасностями, которые ждут тебя за порогом этого дома. Твой дар — очень ценная находка, которой захотят воспользоваться непорядочные люди. Я не хочу ни отправлять тебя в Дюарль, ни тем более оставлять одну.

О чем он? Неужели он думает, что она настолько глупа и беспомощна, что не сможет отличить плохих людей от хороших? Неужели ее дар более ценен, чем дар Вожыка или Майли?

Николя взял ее за руки и заглянул в глаза:

— Финист в чем-то прав, — вздохнул он. — Есть еще одно обстоятельство.

Герда напряглась. Он скажет?

— Я не могу тебя отпустить. Поэтому я так затянул с экзаменом. Поэтому в глубине души хотел, чтобы ты дала мне повод держать тебя здесь подольше. Я как-то сам не заметил, что привязался к тебе и не могу больше помыслить своей жизни без тебя. Думаю, теперь, когда все разъедутся, у нас появится шанс узнать друг друга получше. Быть может, из этого что-то выйдет. Мне... мне бы очень хотелось.

Герда смутилась. Не ожидала. Он же почти признался в любви, а она даже одного слова

ответить не смогла. Нет, он ей нравился, нравился больше всего на свете, но признание все меняло. Их отношения уже никогда не будут такими простыми и непринужденными, как прежде.

— Я... — начала Герда, когда увидела, с каким томлением он смотрит на нее. — Я все же смогла... Смогла прочитать одну вашу мысль.

Николя удивленно вскинул бровь:

— О чем?

— Обо мне. Я видела себя в ваших мыслях.

— Что ж, в этом нет ничего странного. Я часто о тебе думаю, — улыбнулся Николя. — Это доказывает, что никто кроме тебя самой не знает предела твоих способностей. Если ты захочешь, сможешь стать сильнейшей среди тех, кто обладает даром.

— Не уверена, что мне это нужно, — пожала плечами Герда.

— А что тебе нужно?

— Вы же сами сказали, перестать быть ребенком.

— Со временем это обязательно случится. Послушай, через два дня я уезжаю на Авалор. Там недавно начались волнения, единоверческая власть ослабла. Этой мой единственный шанс побывать дома. Ты могла бы поехать со мной. Это бы стало нашим первым совместным приключением.

— Я не знаю. Это так неожиданно, — замаялась Герда. Если бы он предложил ей это до своего признания, она бы с радостью согласилась, но сейчас это выглядело как обязательство. Что если она его разочарует?

— У тебя еще есть время подумать, — сокрушенно ответил Николя. — В любом случае, ты всегда можешь дожидаться меня здесь с Эглаборгом и Вожьком. Не думаю, что задержусь на Авалоре дольше, чем на месяц.

— Или уехать в Дюарль с Финистом и Майли? — она не знала, почему задала этот вопрос. Просто хотелось проверить границы своей свободы.

— Не думаю, что тебе там понравится.

— Почему?

— Мне не понравилось. Дорогие наряды, жеманные манеры, двуличные улыбки — там невыносимо душно.

Герда потупилась. Она и здесь, в Упсале, часто чувствовала себя не в своей тарелке. Слишком привыкла к простой жизни в лесах, где никому не было дела до того, кто ты и как выглядишь. Да, наверное, глупая идея — стремиться в столицу Норикии. Здесь куда спокойнее.

— Я приму твое решение, каким бы оно ни было. Только не мешкай. Времени до моего отъезда не так много.

Герда кивнула и повернулась к двери, но Охотник неожиданно развернул ее к себе и поцеловал в губы.

— Мне бы очень хотелось, чтобы ты поехала со мной, — вкрадчиво произнес он.

— Мастер Николя... — начала Герда, но Охотник приложил палец к ее рту.

— Пожалуйста, зови меня Николас, как раньше, — попросил он, поглаживая ее ладони большими пальцами.

— Ма... — По телу пробежал озноб, резко бросило в жар. — Николас, — его имя далось с трудом. Язык еле шевелился, словно прилип к чему-то вязкому, преодолевая въевшийся в голову запрет. — Опустит... те. Мне надо побыть одной.

— Да, конечно. Я буду ждать твоего ответа, — с сожалением согласился Николая.

Герда выскочила за дверь и побежала к себе. В коридоре попытался остановить Финист, но она не стала слушать и захлопнула дверь у самого его носа. Не хотелось никого видеть, ни уж тем более разговаривать. Она упала на кровать и расплакалась. Почему не получилось просто ответить «да»? Ведь она всю жизнь мечтала об этом. Так почему сейчас так страшно, что руки леденеют и трясутся? И Николая, то есть Николас расстроился из-за ее неуверенности. Он так смотрел! Ни у кого прежде, даже у него самого, она не видела такого взгляда, полного тоски, робкой надежды и грусти. Сердце сжималось от жалости, и все же она не смогла этого сделать, потому... потому что он тысячу раз прав. Она ребенок. Просто невозможная трусиха!

Что же делать? Где искать ответ? Как стать хотя бы чуть-чуть его достойной, такой, какой он хочет ее видеть? Взрослой, сильной, рассудительной. Если бы можно было спросить совет у какой-нибудь мудрой женщины. Вот бы мама была жива. Или... Рука потянулась к спрятанному под большой стопкой книг дневнику Лайсве. Интересно, как бы поступила она?

Герда листала дневник, перечитывая отдельные моменты. Эти записи столько раз выручали в самых трудных ситуациях. Какой же смелой и сильной она была! Ей через столькое пришлось пройти, столько всего вытерпеть. И все, чтобы не идти на поводу у навязываемых обществом правил, а найти свой собственный путь. В ней были все те качества, которых Герде так не доставало. Так хотелось, чтобы Лайсве оказалась с ней в родстве. Но это лишь в сказках нищенки могут в одночасье превратиться в принцесс, а в жизни Герда навсегда останется глупенькой папиной дочкой, простушкой из глухомани, которая ни одного самостоятельного решения принять не может.

В задумчивости Герда перелистала ту часть дневника, которую уже успела изучить и забежала чуть вперед. Взгляд упал на пожелтевшие от времени страницы:

«Кажется, впервые в жизни я не знаю, что делать. Растеряна, сбита с толку и даже поделиться ни с кем не могу, потому что меня точно сочтут сумасшедшей. Да я и сама теперь не до конца уверена в своем здравом рассудке. И все же я его видела. Ничто не сможет стереть это воспоминание из моей памяти. В своих мыслях я постоянно возвращаюсь к тому времени, что мы провели в лабиринте Хельхейма. Неужели все, что произошло, лишь плод воспаленного лихорадкой воображения? Но я чувствовала его прикосновения, слышала запах, голос, его слова. Все было так ярко, словно наяву, нет, гораздо ярче, чем явь, будто до этого я спала и только сейчас проснулась. И он спас нас. Если не он, то кто же? Жаль, что он не захотел остаться. Можно бы было поискать какие-нибудь известия о нем в книгах, хотя если он ушел больше тысячи лет назад... Нет, на бумаге это выглядит еще большим бредом, чем у меня в голове. И все же я хочу верить. Вера — единственное, что у меня осталось после той встречи.

Микаш ходит такой жалкий. Он плохо помнит, что делал в пещерах, но догадался о том, что между нами было. Или не между нами, а между мной и тем другим? Но я ни о чем не жалею, хотя следовало бы.

Вейас со мной не разговаривает. Винит непонятно в чем. Может, я и виновата. Не знаю. Знаю лишь, что если бы не Безликий, мы бы не вернулись.

Я совсем запуталась. Моя семья от меня отвернулась. Не только отец, но и брат. Жениху я больше не нужна. Микаш готов принять меня с распростертыми объятиями и увезти хоть на край света. Правда, у него ни кола, ни двора нет. Вечный бродяга. Не уверена, что смогу

спокойно смотреть ему в глаза после всего, что он не потребует большего, и что каждый раз, когда я буду с ним близка, я не буду видеть глаза того другого, которого я, кажется, сама себе придумала.

Что он тогда сказал? Идти к жителям холмов. Они укажут путь».

Герда всхлипнула. Даже Лайсве запуталась. Интересно, кто такой Безликий? Может, Шквал? Он тоже долго не называл свое имя, а то, что назвал, походило на кличку. И на морде у него белое пятно очень походило на маску. Безликий. Безликий хозяин масок! Только вот судя по всему Лайсве совсем не про кота, а про человека пишет. Неужели все-таки рыцарь?

«Долго как дура бродила по холмам и звала туалатов. Вся Упсала теперь считает меня умалишенной. И что-то мне говорит, что бюргеры недалеко от истины. Эйтайни все-таки вышла. Жалко, что ли, меня стало? Я спросила ее про место для испытания. Она так хитро прищурилась, что меня до корней волос проняло. Видно, дорога предстоит не из легких. Сказала, что я должна подняться на гору, что находится в дне пути от города. На вершине откроется мое предназначение. Но совсем необязательно, что мне удастся. И все же я рискну, потому... Потому что Вейас уехал, а Микаш наоборот остался. Ходит следом и смотрит щенячьими глазами. Мне больше нравилось, когда он злословил и угрожал».

Предназначение. Герда крепко задумалась. Гора всего в дне пути. Знать бы, какая. Может, стоит спросить у королевы туалатов? Она же обещала помочь, тем более это связано с Николая... тьфу, Николасом. Как же сложно с этими его именами!

Герда оделась потеплей, собрала еды, чиркнула короткую записку, чтобы никто не беспокоился, и побежала в конюшню седлать Яшку. Через четверть часа они были уже на противоположном краю Упсалы, посреди гряды холмов.

— Королева Эйтайни! — громко прокричала Герда. Ветер эхом разнес голос по окрестностям.

— Что-то случилось? — раздался над ухом звонкий голос туалаты. — Ты выглядишь взволнованной. Николая признался в своих чувствах?

Герда горестно вздохнула.

— Да и... я не знаю, что с этим делать.

— Как что, глупенькая, брать мужчину в руки и вести к алтарю, — усмехнулась Эйтайни.

— Боюсь, что разочарую его и не смогу стать хорошей подругой или, тем более, женой. Я даже не уверена, что чувствую к нему. Детская влюбленность прошла, а то, что я ощущаю сейчас... Я не понимаю, что это и куда оно меня приведет.

Эйтайни покачала головой.

— На Остару ты показалась мне более уверенной. Что же произошло?

— Мы сблизились, и это меня испугало. Я...

— Говори, если я как-то смогу разрешить твои сомнения, — развела руками королева туалатов.

— Я слышала, в Утгарде есть гора, взобравшись на которую можно узнать свое предназначение. Не могли бы вы подсказать к ней путь, — выпалила Герда на одном дыхании.

Эйтайни подозрительно сузила глаза.

— Мельдау — тайное священное место, куда наши юноши отправляются, чтобы узнать свою судьбу и стать мужчинами. Чужие не должны о ней знать. Где ты про нее слышала?

Герда смутилась. Снова сунула нос туда, куда не следовало? Но ей нужно туда попасть во что бы то ни стало!

— Я прочитала о ней в дневнике одной девушки. У нее был такой же дар, как у меня. Она гостила у вас некоторое время, а потом ваши соплеменники подсказали ей путь к горе.

— Лайсве, — Эйтайни произнесла ее имя с теплой грустью, словно тосковала по давно потерянному другу. — Значит, ей все-таки удалось. Бедная девушка.

Герда нахмурилась:

— Что с ней произошло?

— Она была слишком упорной на свою беду, — с запада поднялся сильный ветер и всколыхнул плащ за спиной у Эйтайни. Пересыпал волосы. — Нет, ничего о ее судьбе я не знаю. Просто мои догадки.

Ветер не утихал, шумя в кронах вечнозеленых елей, окружавших холмы туатов с трех сторон.

— Кажется, снова будет буря, — вздохнула Эйтайни. — Хорошо, я помогу тебе, раз другому нельзя. Поешь здесь и оставь плащ. Ты не должна принимать пищу, пить или укрываться от непогоды, пока совершаешь восхождение.

Туата достала из рукава маленький свиток с картой.

— Красная точка — это Мельдау. Отсюда до ее подножья двенадцать часов пути верхом. Вход на тропу восхождения венчают каменные ворота в виде орлиных голов с рубиновыми глазами — ты их не пропустишь. Поднимешься до перекидного моста. Он слишком ветхий и лошадь не выдержит, поэтому тебе придется ее оставить и идти пешком. Да и тропа там становится слишком узкой для всадника. Развилка до самого верха не будет, дорога петляет вдоль склона. Будь осторожна на крутых участках и не поскользнься на сыпучих камнях. К рассвету ты обязательно должна оказаться на вершине. Тогда боги начнут тебя испытывать. Ты должна будешь очертить вокруг себя круг и не выходить за его пределы до заката. Как только последний луч солнца скроется за небосводом, предназначение откроется тебе.

— Я должна буду провести там целый день? — встревожилась Герда. — Но тогда я не успею к утру обратно, и Николас уплывет без меня.

— Если боишься, возвращайся домой, — пожала плечами туата.

— Я ничего не боюсь! — разозлилась Герда, схватила карту и вскочила в седло. — Спасибо за помощь! — обернувшись, она помахала Эйтайни на прощание.

Кобыла домчалась до отмеченной на карте горе всего за десять часов. От азарта долгой скачки Герда не замечала ни голода, ни пронизывающего до нитки ветра. Покрытая густым лесом у подножья и лысая на вершине Мельдау возвышалась над горной грядой непреодолимой громадиной. От орлиных ворот наверх вела крутая узенькая тропа, на которой кобылу пришлось перевести на шаг. Яшка поскользывалась на острых мелких камнях, разъезжающихся в стороны под ее копытами. Непривыкшая к такому грунту кобыла ступала нарочито осторожно и медленно. Хотелось оставить ее и побежать вперед самой, но нужно было сохранить силы для восхождения. Через полчаса утомительной однообразной дороги показался хлипкий навесной мостик, перекинутый через глубокое ущелье.

Герда спрыгнула на землю, расседлала лошадь, мгновение поколебалась брать ли с собой одеяло, которое она подкладывала под седло, чтобы то не терло Яшкину спину. Но королева туатов запретила. Спрятав упряжь в кустах, Герда бросила прощальный взгляд на кобылу и решительно зашагала к ветхому мосту. Яшка пронзительно заржала и побежала за

ней. Герда обернулась возле самого края пропасти и погладила пушистый нос.

— Подожди здесь. Я скоро вернусь, а ты за это время должна хорошо отдохнуть, чтобы мы успели обратно вовремя. Мне пора, иначе к полуночи на вершину точно не заберусь.

Герда проверила мост на прочность одной ногой. Он скрипел и шатался на ветру. Но другого пути не было. Она крепко схватилась за протянутые вместо перил канаты и медленно пошла вперед. Яшка протяжно смотрела ей вслед, всей своей звериной душой переживая за непутевую хозяйку, в очередной раз ввязавшуюся в опасную авантюру.

Осторожно ступая по подгнившим доскам, Герда почти преодолела ущелье, как доска под ногой громко хрустнула. Герда судорожно вцепилась в канатные перила, подтянулась и вытащила застрявшую в обломках ногу. Еще сажень, и Герда, наконец, ступила на твердую землю. Обернулась к оставшейся на той стороне кобыле и помахала ей, прежде чем продолжить подъем на гору.

Первое время казалось, что тропа идет вертикально вверх. Ноги проскальзывали на сыпучих камнях и прошлогодней опавшей листве. Несколько раз она чуть не съехала на коленях вниз, но все-таки удержалась. Упрямо шагала вперед, пока подъем не закончился. Дорога вильнула вправо и вывела на узкий карниз над самой пропастью. Пришлось идти, тесно прижимаясь спиной к горной стене. Высота. Уши стало закладывать. По лбу градом катился пот. Воздух обжигал высоко вздымавшуюся грудь. Кое-где выступ утончался настолько, что приходилось разгоняться и перепрыгивать на другой край. Щебень под ногами было все также много. Мелкие камни сыпались из-под ног прямо в зияющую сбоку хищную пропасть. Дорога опоясывала склон и совсем не поднималась, а уступ с каждым шагом становился все уже, пока совсем не истончился.

Герда замерла, растерянно глядя по сторонам. Куда же дальше? Тропа закончилась, а до вершины еще далеко. Она задрала голову. Был бы здесь Николас, она бы могла воспользоваться его силой и левитировать себя наверх. Или они могли бы телепортироваться на вершину вместе. Или он бы мог перенести ее туда на своих крыльях или что у него там такое секретное... Можно было бы попросить помощи у гримтурсов, и те бы мигом доставили ее на место на своих могучих плечах. Но их здесь нет. Что же делать? Жаль, Герда не взяла с собой дневник Лайсве. Может, нашла бы там какой-нибудь совет. Стоп! Весь смысл этого восхождения — сделать все самой, а не полагаться на других. Она должна хотя бы себе доказать, что умеет справляться с трудностями, что это не очередная непосильная задача, которую она непонятно зачем взвалила себе на плечи, а ее предназначение.

Герда пригляделась к склону. В одной книжке она читала про горные восхождения, но для этого нужно было хотя бы двое человек и веревки, но здесь никого нет. Ну вот снова! Она должна научиться действовать самостоятельно. И не бояться. Да! Доказать всем, что она не трусиха. И прежде всего самой себе. Что еще говорилось в той книге? Нужно искать выступы, хотя бы маленькие, переносить вес с одной ноги на другую и... Три точки опоры. Точно! Всегда должно быть три точки опоры, чтобы не упасть.

Герда сделала глубокий вдох и начала карабкаться вверх. Медленно, сбивая в кровь руки, она подтягивалась все выше и выше, смещаясь то в одну, то в другую сторону в поисках мест, за которые можно было зацепиться. В конце концов она не выдержала и обернулась. Голову повело от высоты. Один неверный шаг и... Герда прогнала от себя мрачные мысли и двинулась дальше. Еще самую малость, и она окажется на вершине. Там и передохнет. Правая рука уже дотянулась до горизонтального края. Герда глазами искала с левой стороны подходящий выступ, чтобы переставить ногу, но склон здесь был совсем гладкий. Нашла что-

то похожее на крохотный уступ, поставила на него ногу и перенесла вес. Из-под стопы выскочил маленький камушек. Нога сорвалась. Герда повисла на руках. Мокрые от пота и крови пальцы скользили по гладкому камню. Она пыталась подтянуться, но ничего не получалось. Палец за пальцем разбитые, затекшие от усилия ладони соскальзывали с уступа. Обессилевшая, Герда отпустила его сама и с ошеломляющей скоростью полетела вниз.

Она даже не успела подумать, как ударилась спиной и потеряла сознание. Очнувшись от того, что прямо над головой загрохотал гром. На лицо крупными каплями падала вода. Герда открыла глаза. Вокруг сгустились сумерки. Наверное, солнце зашло, а грозовые тучи скрыли луну и звезды. Герда попробовала пошевелить руками и ногами. Те нехотя повиновались. Голова раскалывалась. Но в остальном все было в порядке. Поднатужившись, она поднялась на ноги и огляделась. Ей повезло упасть на какой-то выступ, но в темноте не было видно, где он заканчивается. Герда встала на колени и, руками нащупывая землю, принялась искать склон. Под ним можно будет укрыться от дождя. Снова повезло. Обнаружилась небольшая пещерка, в которой можно было спрятаться. Не доставало только сухого хвороста, чтобы развести костер и согреться.

Через пару часов буря стихла, тучи расползлись. Выглянула большая, круглая как блюдце луна. Шум в голове и боль в суставах притупились. Герда выглянула из пещеры. Склон стал мокрым и скользким, но теперь его хотя бы было видно. Чтобы добраться до вершины до рассвета медлить нельзя. Если ей суждено утонуть подо льдом, то вряд ли она разобьется, упав с горы. Герда снова карабкалась вверх. Повезло. Трудный подъем закончился всего через несколько саженей. Герда выбралась на горизонтальную поверхность и упала, судорожно пытаясь отдышаться. Но времени совсем не оставалось. С этого места тропа легко проглядывалась даже в лунном свете. Придя в себя, Герда двинулась по ней торопливым шагом. Через полчаса она уже была на плоской, поросшей мелким кустарником вершине.

Герда подобрала с земли камень и очертила большой круг на тонком слое почвы. Едва успела закончить, как из-за гор на востоке забрезжили первые лучи. Лиловые сумерки медленно отползали вместе с туманом в низины. Мир попеременно окрашивался в серый, зеленый и желто-красный цвет, пока солнце огненным диском полностью не выплыло из-за небосвода.

Успела. Герда опустилась на землю. Дико хотелось спать. Именно это она и собиралась сделать, тем более нужно было сидеть здесь аж до заката. Она свернулась калачиком и подложила руки под голову. Сон походил на бред, привидевшийся во время болезни. Картинки быстро сменяли одна другую, не оставляя в памяти ничего, кроме тоски и смутного страха. Из всех образов удалось вычленить лишь один самый яркий. Они с Николасом стояли посреди огромного холла и ругались. Герда чувствовала, как по щекам текут слезы.

— Как я могу тебе верить, если ты постоянно меня обманываешь?! — кричала она.

— Но это же совершенно неважно. Я просто хотел тебя защитить, — истово убеждал он. — Я люблю тебя, а ты меня. Только это имеет значение.

Он протягивал к ней руки, чтобы обнять и поцеловать, но она отстранялась.

— Тогда скажи, что еще ты скрываешь!

— Ничего, клянусь!

— Ты снова лжешь. Я же чувствую. Если ты действительно меня любишь, скажи правду!

— Я не могу, — разводил он руками. На его лице отражалось столько боли, что она не

могла больше ничего требовать.

Что было дальше, она не помнила. Снова захватила круговерть образов, тревожных и непонятных. И сквозь них всех Герда видела его подернутые болью глаза, болью, за которую она чувствовала свою вину. Зачем она его отталкивала? Ведь достаточно было лишь протянуть руку. И вот оно счастье, блаженное и безмятежное, нарушаемое лишь идущими по зеркальной глади воды кругами. Знать бы, что их вызывает, круги.

Она перенеслась на изученное до мельчайших деталей ледяное плато. Всадник, спешенный, стоял рядом. Лед под ногами вот-вот треснет. Герда сама протянула руку, ведь знала, что это Николас. Может, так ей удастся убрать печаль с его лица? Как только их пальцы соприкоснулись, она начала падать. Но он держал. Крепко. Не желал отпускать. Круги. Нужно узнать, откуда круги. Все равно это лишь сон. Она не умрет здесь.

— Отпусти. Мне надо туда, — попросила она, но всадник крепче вцепился в ее руку. Герда взмолилась: — Николас, пожалуйста!

Он упорно не желал отпускать. Герда подалась вперед и сдернула с его головы капюшон, чтобы заглянуть в глаза и попросить еще раз. Но вместо Николаса она увидела свое собственное лицо. Ее держит страх!

— Пусти меня, я приказываю, — велела она тем же тоном, каким учил повелевать животными Финист. Разжимая палец за пальцем, страх отпускал. Герда набрала в грудь побольше воздуха. Сильное течение подхватило и понесло под лед. Когда грудь уже сдавило от боли, над головой показалось отверстие. Герда вынырнула на поверхность. Долгожданный вдох пьянил глоткомпряного вина. Она обнаружила себя посреди темной пещеры. Кто бы ни мутил воду, он должен быть здесь. Выбравшись из пещерного озера, Герда пошла по узкому тоннелю, в конце которого мерцал крохотный огонек. Он вывел в большой зал. В колодце над головой виднелось звездное небо. Впереди у дальней стены полыхало рыжее пламя. Герда несмело шагнула навстречу. Это был он!

— Шквал! — ахнула Герда и хотела побежать к нему, но тут из-за ее спины кто-то выскочил.

Она испуганно замерла. Полупрозрачная фигура девушки с картины в Будескайске поплыла к Шквалу, но стоило ей приблизиться на расстояние вытянутой руки, как кот понесся прочь.

— Безликий, остановись! Ты мне нужен. Ты всем нам нужен, — позвала незнакомка и начала преследовать его.

Вместе они долго кружили по пещере, пока девушка не растворилась в самом темном углу. Кот остановился и внимательно посмотрел на Герду. Она несмело двинулась ему навстречу.

— Шквал, — тихо звала Герда, украдкой утирая бегущие по щекам слезы. — Миленький мой, я так скучала. Я все время о тебе думала. Пожалуйста, вернись и не оставляй меня больше.

Кот выпучил глаза и также несмело потрусил к ней. Герда побежала, и Шквал тоже со всех ног бросился ей в объятия. Пещеру озарила яркая вспышка. Герда зажмурилась, чтобы не ослепнуть. Послышался стук барабанов, ритмичная музыка диковинных инструментов. Она удивленно распахнула глаза. Вместо Шквала перед ней стоял Николас. Он крепко держал ее за руки и вел в танце, мелодию и ритм которого она никак не могла уловить.

— Перестань трястись, — прошептал он надломленным голосом, странно серьезно, без тени обычного ехидства или язвительности. — Я не собираюсь тебя убивать. По крайней



мере, сейчас.

Герда сглотнула. Что она такого сделала, что он смотрит на нее с такой жгучей ненавистью? Хотелось сквозь землю провалиться. Он выпустил ее руку и закружил вокруг себя, подражая остальным танцующим. Мир вспыхнул. Герда очнулась на кровати нагая под тонким покрывалом. Она тревожно заворочалась, но чья-то рука обвила талию и заставила лежать смирно.

— Снова кошмар? — голос Николаса звучал неподдельно участливо.

Он лежал рядом и ласково перебирал пальцами ее заметно отросшие волосы. Щеки запылали от стыда. Она попыталась отстраниться, но Николай сильнее прижал к себе. Тело Герды соприкоснулось с его, тоже обнаженным. Из груди сам по себе вырвался сдавленный стон. Нос защекотал едва уловимый терпкий мужской запах. Он дурманил, заставлял расслабиться. Герда спокойно склонила голову Николасу на плечо.

— Тише. Все будет хорошо, — прошептал он, касаясь кончика ее уха губами. — Я люблю тебя.

Герда подтянулась к нему поближе и заглянула в глаза:

— Я тебя тоже.

Его лицо озарила улыбка, нежная и искренняя, самая красивая из всех, которые ей доводилось видеть.

— Поспи еще. У нас осталась пара часов, — заботливо посоветовал он.

Герда закрыла глаза и провалилась в черную безмятежность.

Проснулась посреди горной вершины в очерченном ей самой круге. Солнце было уже в зените. Герда сладко зевнула и потянулась. Чувствовала себя заметно посвежевшей, несмотря на то, что все тело затекло и жутко ныло, а она сама продрогла и мучилась от жажды. Мысли прояснились, голова работала на удивление быстро. Герда посмотрела по сторонам. Вершину горы покрывали лишь мхи, лишайники да редкий кустарник, кое-где из-под пестрого покрова вылезал мрачный серый камень. Солнце припекало, как летом. От этого пить хотелось еще больше.

Ни животных, ни птиц, ни даже насекомых видно не было. Герда оказалась совсем одна. Чтобы не думать о воде и еде, она села, скрестив лодыжки, и стала повторять дыхательные техники, прислушиваясь к шепоту ветра. Выходило очень сносно. Николай был прав. В горах сила ветра ощущалась совсем по-другому, мощнее, словно ты черпаешь ее не из тоненькой струйки ручья, а из исполинского грохочущего потока. Тишина и безмолвие помогали отрешиться от мира и погрузиться в созерцание. Очищенная от всех эмоций и ощущений собственного тела, она превращалась в пустой лист бумаги, на который можно было записать что угодно. Просветление.

Первозданную тишину как клинком разрезало шипение змеи. Герда вздрогнула. С другой стороны залаяла собака. Герда открыла глаза и осмотрелась. Вершина горы оставалась такой же пустынной. Но звуки были совсем близко! Может, почудилось? Она глубоко вдохнула, заставляя себя успокоиться, и снова закрыла глаза. Мир взорвался тысячью жутких звуков: скрежетания зубов, лязга оружия, криков и стонов неистовой схватки, их всех перекрыл звон бьющегося стекла. Герда открыла глаза и снова ничего не увидела. Все стихло. Она обняла себя за плечи, пытаясь унять дрожь. В закричал сокол. Финист? Отправился искать? Но она же просила этого не делать! Герда подняла глаза к небу, ища в облаках крупного сокола. Порыв ветра швырнул в лицо пригоршню сухих листьев. Герда взмахнула руками, чтобы их убрать, но листья уже исчезли. Да и откуда

взяться листьям, ведь здесь даже деревьев нет? Что происходит? Это чья-то иллюзия или морок демонов? Но почему тогда ничьей ауры не чувствуется? Может, это особая магия места, как в пещере Истины или в волотовках? В ответ на ее мысли раздался леденящий душу хохот. Варги! Этот звук нельзя было ни с чем спутать. По спине пробежался озноб. Как они забрели так далеко от кундских лесов? Хохот сменился пафосной речью Петраса и разгневанным гомоном толпы. Что происходит? Это эхо ее воспоминаний? Эхо не может нанести вред, оно нереально. Выходит, бояться нечего. В следующий миг ее оглушил топот сотен копыт. Ненниры! Нет-нет-нет!!!

Герда упала ничком и прикрыла руками голову. Снова стихло. Она приподнялась на локтях. Земля разверзлась прямо под ней. Герда летела в черную бездну, а падающие сверху камни и куски земли погребали ее под собой. От страха она едва не потеряла сознание, но вдруг обнаружила, что корчится на животе все там же, где и была до этого — на вершине горы внутри круга. Тяжело дыша, Герда перевернулась на спину. Галлюцинации... от недостатка воды. Она читала про это. Как же дотерпеть до заката и вернуться домой к утру, если уже так плохо? Ну зачем она это придумала?! А может королева туалатов нарочно заманила ее в ловушку, потому что Герда не согласилась на предложение Николаса? А может... Да что же она такие глупости творит все время! Ведь это испытание для настоящих Стражей, а она кто? Слабая трусливая девчонка, которая даже собственные силы рассчитать не в состоянии.

Небо заволокли тучи. Стало темно и страшно. Гремело совсем рядом, молнии слепили глаза. Герда замерла и ждала, пока одна из них не попадет в нее, чтобы разом покончить со всеми муками. Ветер выл, как раненный зверь, словно желал сдуть ее с горы. Гром перемежался громкой музыкой, в ярких сполохах плясали длинноволосые женщины в летящих одеждах. Все, как одна, похожи на королеву туалатов. Прыгали над головой Герды, словно она была бельтайнским костром, напевали сильными, способными перекричать бурю голосами. За ними неслись громадные, ростом с волка, а может даже с медведя, кошки с торчащими из-под верхних губ загнутыми на концах клыками. Они, рыча, обходили круг хороводом. Герда прижала колени к груди и обняла их руками, рыдая от ужаса.

Должно быть, женщины собирались принести ее в жертву, скормить демонам. Место кошек заняли долговязые фигуры в темных балахонах с длинными капюшонами. Протягивали скрюченные руки и шептали жуткими потусторонними голосами: «Иди к нам. Стань одной из нас. Мы твоя настоящая семья». Герда узнала их. Ловцы желаний. Так много! В прошлый раз одного бы хватило, чтобы уничтожить весь ее родной город, если бы не Николас...

«Николас! Помоги, ну где же ты?! Если ты меня спасешь, то, клянусь, я больше никогда тебя не слушаюсь, не сбегу и не стану лезть в опасные передрыги. Услышь меня, где бы ты ни был. Приди. Без тебя я ничто. Без тебя моя жизнь не стоит и медьки. Без тебя ничто не имеет смысла. Защити меня. Я знаю, только ты сможешь это сделать. Ты избавишь наш мир от этих жутких порождений червоточин. Я верю!»

Несколько молний одновременно поразили тянувшихся к Герде Ловцов. Испепелили. Ветер стих. Тучи растворились в небе, и из-за них выглянули багряные лучи заходящего солнца. Герда приподнялась. Неужели она дожила до заката? На фоне сумеречного неба появилась еще одна последняя фигура, но в ней уже не чувствовалось опасности. Герда шагнула навстречу. Перед ней стояла стройная молодая девушка с едва достигающими до плеч светлыми волосами и выразительными серыми глазами. Ее горделивая осанка и спокойный

уверенный взгляд были достойны герцогини. Нет, даже королевы.

— Лайсве? — тихо спросила Герда. Она была похожа на девушку с картины в Будескайске.

Та снисходительно улыбнулась и покачала головой.

— Тогда кто? — заволновалась Герда. Она же выдержала до заката. Какое еще испытание придумала дурацкая гора?

— Ты, — также спокойно улыбаясь, ответила девушка.

— Как такое может быть? — не поняла Герда.

— Легко. Это особое место. Здесь ты встретишься со своим будущим и прошлым. Я — твое настоящее. Вглядись в мое лицо. Неужели ты не узнаешь себя?

Герда присмотрелась внимательно. Действительно, похожа, только расслабленная, степенная и уверенная во всех своих движениях. Совсем взрослая. Такая, какой ее изображал Николас на портрете.

— Узнала? — ее улыбка стала шире. Герда кивнула, и девушка летящей походкой вступила в круг. — Вот и хорошо. У нас мало времени.

— Ты хочешь мне что-то сказать?

— Хочу попрощаться. С тобой. Со своим детством. Ты останешься здесь с детскими страхами и неуверенностью, а я вернусь в Упсалу к Николасу. Я люблю его. Любила с нашей первой встречи. Я искала его всю жизнь и теперь, когда, наконец, нашла, я не позволю ему плыть неведомо куда одному. Я отправлюсь с ним на Авалор. И надеюсь, это будет не последнее наше путешествие.

Герда-ребенок заплакала:

— Как же я? Я тоже люблю его. Я останусь тут совсем одна?

— Нет, — Герда-взрослая ласково потрепала ее по голове. — Ты отправишься в страну грез и воспоминаний. Будешь жить среди детских забав и сказочных героев. Иногда я буду навещать тебя там. А теперь прощай. Мне надо успеть на корабль. Времени почти не осталась.

Она кивнула на догорающий закат, чмокнула Герду-ребенка в щеку и побежала обратно. Дорога назад оказалась не в пример легче пути наверх. Должно быть, в прошлый раз Герда случайно свернула с тропы, поэтому пришлось карабкаться по отвесному склону. Теперь же натоптанная стезя быстро вывела к мостику, на противоположной стороне которого ждала верная Яшка. Без труда преодолев его, Герда бросилась седлать кобылу. К утру нужно было доскакать до порта, чтобы не пропустить корабль. Когда все было готово, Герда взобралась на спину лошади и направилась к подножью. В потемках на усыпанной мелким щебнем крутой тропе гнать не стоило, но как только копыта Яшки коснулись ровной земли, они помчались галопом. Наперегонки с рассветом.

Несмотря на то, что Герда выжимала из лошади все силы, нагнать упущенное время не удавалось. Рассвет застал их, когда до города оставалось не меньше двух часов пути. Кобыле требовалась передышка. Да и ей тоже. Герда спешила и повела лошадь в поводу. Так они добрались до самой Упсалы. Лишь когда показались крыши первых домов, Герда запрыгнула обратно. Она не знала, отбыл ли уже корабль Николаса или нет, но решила до последнего не терять надежды. На всем скаку они неслись в порт.

\*\*\*

Все домочадцы Охотника собрались на причале возле большого корабля с выведенной золотистыми буквами надписью «Мейдоголда» на боку. Николя нехотя прощался с

ставшими за это время родными друзьями. Он знал, что вернется не больше, чем через месяц, но все равно казалось, что он расстается с гостеприимной Упсалой навсегда.

— Переживаешь, что Герда не пришла? — поинтересовался Финист, заметив, что Николая никак не мог оторвать взгляд от выхода из порта.

— Немного. Надеюсь, что даже если она не согласится плыть со мной, то хотя бы попрощается, — пожал плечами он, заставив себя отвернуться. — Наверное, я слишком на нее давил.

— Не больше, чем я, — горько усмехнулся Финист. — И все-таки странно, что она не пришла. Может, что-то случилось?

— Эйтайни сказала, что с ней все в порядке. Я должен дать ей время, чтобы она нашла себя. Жаль, что как раз времени у меня не осталось, — признался Николай с сожалением.

— Если она к вечеру не вернется, я пойду ее искать, — упрямо сказал оборотень.

— Да, наверное, это будет правильно, — безучастно согласился Николай и в последний раз посмотрел на пустующий выход из порта.

— Эй, на суше! Прощайся быстрее, нам давно пора отчаливать! — прикрикнул показавшийся на корме Сайлус в треугольной капитанской шляпе.

— Прощайте! — помахала рукой Майли.

— Пусть дорога будет легкой! — присоединился к ней Вожык.

— И возвращайтесь побыстрее, — веско добавил Эглаборг, у которого с утра глаза были на мокром месте. — Нечего вам в этом крысятнике задерживаться!

— Постараюсь, — кивнул Николай и помахал им в ответ. — Хорошо оставаться!

— Ну что, пора и нам прощаться, — Охотник протянул руку Финисту, который стоял рядом с ним у трапа. Оборотень задумчиво глянул на раскрытую ладонь, на которой хорошо был заметен белый рубец. Финист крепко обнял Николая за плечи и похлопал по спине. Побратски. Сердце стиснуло дурное предчувствие, но Николай стряхнул его. Улыбнулся и кивнул.

— Ты давай там, не лезь на рожон, — бросил на прощание оборотень. — И за Герду не переживай. Она будет ждать здесь, когда ты вернешься.

— Спасибо и... — с трудом выдавил из себя Николай. — Прости...

— Да ну, все забыто, — легко отмахнулся Финист. — Ты это... заходи в гости, если будешь в Дюарле.

— Конечно, — кивнул Охотник, смутно ощущая, что если они и встретятся вновь, то очень нескоро.

— Да быстрее вы, что как бабы нюни развесили?! — возмутился с кормы Сайлус. — Сейчас пропустим прилив, сядем на мель и вообще никуда не поплывем.

Николя, тяжело вздохнув, поднялся по трапу на палубу. И смотрел уже в сторону родного острова. Корабль отдавал швартовы. Не случилось. Видно, и вправду не судьба. Может, к лучшему.

По брусчатке загромыхали кованые копыта. Николай обернулся. К отходящему кораблю быстрым галопом неслась знакомая гнедая кобыла.

— Стойте! — крикнул Охотник морякам. Те удивленно переглянулись и посмотрели на своего капитана. Между бровей Сайлуса залегла тревожная морщинка.

— Что она творит?! — испуганно выкрикнул он, когда кобыла оттолкнулась от края причала, разбив его в щепки, и взмыла в воздух.

— Не долетит, — ахнул кто-то из матросов.

— Если долетит, будет хуже, — прикрыл ладонью глаза капитан, явно опасаясь за свой корабль.

Охотник испуганно воздел руки в воздух, обволакивая лошадь телекинезом. Кобыла зависла в воздухе над самой палубой и плавно опустилась на борт. Моряки облегченно выдохнули.

— Мастер Николя, вы кое-что забыли, — лукаво улыбаясь, сказала Герда. Спрыгнула с лошади и подбежала к Охотнику.

— Что? — оторопело моргнул он.

— Меня! — она поднялась на носочки, обвила руками его шею и поцеловала в приоткрытые от удивления губы.

На берегу и на корме дружно захлопали, заулюлюкали и засвистели.

— Так ты все-таки решила ехать! — Николя подхватил ее на руки и закружил по палубе.

— Я уже еду, — смеясь, сообщила Герда.

— Как я мог это упустить? — Охотник устало улыбнулся. Хорошо, как же хорошо! А все остальное неважно. — Кажется, я просил называть меня Николас.

— Да, мастер Николя, — озорно подмигнула она, и, крепче прижимаясь к нему, снова поцеловала.

С трудом оторвавшись друг от друга, они помахали оставшимся на берегу друзьям, пока те не превратились в крошечные точки на горизонте.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**